

Відлуння Великого Терору

Збірник документів у трьох томах

Том 2 Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 – червень 1943 рр.)

Книга 2

Національна академія наук України
Інститут історії України
Торонтський університет
Вірджинський університет
Галузевий державний архів Служби безпеки України

Відлуння Великого терору

Збірник документів у трьох томах

Том другий

Документи з архівних кримінальних справ на
співробітників органів НКВС УРСР, засуджених
за порушення соціалістичної законності
(жовтень 1938 р.— червень 1943 р.)

Книга друга

УНКВС по Київській області,
УНКВС по Миколаївській області,
УНКВС по Вінницькій області,
УНКВС по Харківській області
та УНКВС по Ворошиловградській області

Київ
Видавець Захаренко В. О.
2019

УДК 323.282(477)"1938/1943"
В42

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола,
Ольга Довбня, Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Андрій Когут, Сергій Кокін,
Марія Панова, Роман Поджур, Джеффрі Россман, Андрій Савін,
Олексій Тепляков, Марк Юнге

Автори-упорядники:

Сергій Кокін, Джеффрі Россман

Спонсори проекту:

American Council of Learned Societies. Deutsche Forschungsgemeinschaft.
Harry Frank Guggenheim Foundation.
Social Science and Humanities Research Council of Canada. University of Toronto.
University of Virginia

Другий том збірника документів містить обвинувальні висновки, протоколи судових засідань військових трибуналів та їхні вироки, ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР та інші документи про кримінальне покарання співробітників органів НКВС УРСР, звинувачених у «порушеннях соціалістичної законності» у 1937–1938 рр. Документи розповідають про різноманітний склад злочинів, скоєних співробітниками НКВС у період Великої терору, характеризують участь органів НКВС, прокуратури і правосуддя у кримінальному покаранні «порушників соціалістичної законності» і конкретні результати цього покарання.

Відлуння Великого терору.

В42 Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах. — Т. 2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» (жовтень 1938 р. — червень 1943 р.). Кн. 2: УНКВС по Київській області, УНКВС по Миколаївській області, УНКВС по Вінницькій області, УНКВС по Харківській області та УНКВС по Ворошиловградській області / Автори-упорядники: Сергій Кокін, Джеффрі Россман. — К.: Видавець В. Захаренко, 2019. — 824 с.

ISBN 978-966-2258-15-8

УДК 323.282(477)"1938/1943"

ISBN 978-966-2258-15-8

© Автори-упорядники: Сергій Кокін,
Джеффрі Россман, 2019
© Видавець Захаренко В. О., 2019

ЗМІСТ

Кокін С., Россман Дж. Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» під час Великого терору (продовження)..... 6

Розділ 1. Справа начальника УНКВС по Київській області Олексія Долгушева

№ 39 Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева. 5 вересня 1939 р.....	107
№ 40 Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева. 6 червня 1940 р.	109
№ 41 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева. 10, 12, 13 серпня 1940 р.....	111
№ 42 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева. 10–13 серпня 1940 р.....	148
№ 43 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева. 22 листопада 1940 р.	149
№ 44 Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева. 18 січня 1941 р.	151
№ 45 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева. 24–27 лютого 1941 р.....	154
№ 46 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева. 24–27 лютого 1941 р.....	208
№ 47 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева. 25 квітня 1941 р.....	212
№ 48 Ухвала пленуму Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева. 12 серпня 1941 р.	213
№ 49 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Уральського округу у справі О. Р. Долгушева. 20–21 травня 1942 р.	214
№ 50 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Уральського округу у справі О. Р. Долгушева. 21 травня 1942 р.	222
№ 51 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева. 6 червня 1942 р.....	223

Розділ 2. Справа начальника УНКВС по Миколаївській області Петра Карамішева та інших співробітників УНКВС

№ 52 Обвинувальний висновок у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 11 травня 1940 р.	225
№ 53 Протокол підготовчого засідання Військової колегії Верховного суду СРСР у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 21 червня 1940 р.	233

№ 54 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 27 грудня 1940 р. – 4 січня 1941 р.	234
№ 55 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 4 січня 1941 р.	381
№ 56 Особлива думка головуючого Військового трибуналу військ НКВС Київського округу П. Ф. Гур'єва щодо вироку Я. Л. Трушкіну і К. О. Вороніну. [5 січня 1941 р.].....	387
№ 57 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 4 березня 1941 р.	388
№ 58 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 18–23 березня 1941 р.	390
№ 59 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 23 березня 1941 р.	486
№ 60 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі П. В. Карамишева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна. 30 квітня 1941 р.	492

Розділ 3. Справа начальника УНКВС по Вінницькій області Івана Корабльова та інших співробітників УНКВС

№ 61 Обвинувальний висновок у справі І. М. Корабльова і О. М. Запутряєва. 7 лютого 1941 р.	494
№ 62 Обвинувальний висновок у справі І. М. Корабльова, О. М. Запутряєва, Л. Н. Ширіна. 16 квітня 1941 р.	501
№ 63 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. М. Корабльова, О. М. Запутряєва, Л. Н. Ширіна. 26 квітня – 6 травня 1941 р.	509
№ 64 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. М. Корабльова, О. М. Запутряєва, Л. Н. Ширіна. 6 травня 1941 р.	630
№ 65 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР про заміну розстрілу І. М. Корабльова і О. М. Запутряєва 10 р.ками позбавлення волі у ВТТ. 24 червня 1941 р.	635

Розділ 4. Справи співробітників УНКВС по Харківській області

№ 66 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва. 25 червня 1940 р.	637
№ 67 Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва. 25 червня 1940 р.	640

№ 68 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва. 27–30 вересня 1940 р.	642
№ 69 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва. 27–30 вересня 1940 р.	681
№ 70 Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу стосовно Д. М. Барабанова – свідка у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва. 30 вересня 1940 р.	684
№ 71 Лист в.о. голови Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу П. Ф. Гур'єва військовому прокурору Головної військової прокуратури В. Ф. Молякову про справу Д. А. Перцова. 10 жовтня 1940 р. ...	685
№ 72 Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі І. І. Крюкова, Я. П. Середи, О. П. Копаєва і Д. А. Перцова. 15 листопада 1940 р.	686
№ 73 Лист заступника голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу П. Ф. Гур'єва члену Військової колегії Верховного суду СРСР А. Г. Сусліну про справу Д. А. Перцова. 20 грудня 1940 р.	687
№ 74 Лист члена Військової колегії Верховного суду СРСР А. Г. Сусліна голові Військового трибуналу військ НКВС Київського округу про справу Д. А. Перцова. 27 грудня 1940 р.	688

Розділ 5. Справа співробітників УНКВС по Ворошиловградській області і заступника начальника УНКВС по Київській області Леоніда Павличева

№ 75 Обвинувальний акт у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського. 1 липня 1941 р.	690
№ 76 Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського. 12–15 серпня 1941 г.	697
№ 77 Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського. 12–15 серпня 1941 р.	736
№ 78 Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Київського округу про зміну запобіжного заходу стосовно Л. М. Павличева. 17 серпня 1941 р.	739

Показчик упорядників 741

Подяки 742

Іменний і біографічний показчик 743

Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» під час Великого терору (продовження)

У рамках міжнародного науково-дослідного проекту «Відлуння Великого терору. Чекисти на лаві підсудних» публікуються три томи документів з державних архівів України і Республіки Молдова про кампанію з «відновлення соціалістичної законності» в діяльності органів НКВС, яка тривала з кінця 1938 року в СРСР, у тому числі Українській РСР, включно із Молдавською Автономною РСР, що входила до її складу¹.

2-й том містить документи про кримінальне переслідування співробітників органів НКВС УРСР за злочини, скоєні ними під час Великого терору. На відміну від 1-го і 3-го томів збірника, 2-й том складається з кількох книг, перші дві з яких поділені на дев'ять розділів за кількістю територіальних органів НКВС УРСР і транспортних органів Головного

¹ См.: Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост.: М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман.— М.: Пробел-2000, 2017.— 680 с.; *Viola L. Stalinist perpetrators on trial: scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine.*— N.Y.: Oxford University Press, 2017.— 268 p.; *Васильев В., Подкур Р.* Радянські карателі. Співробітники НКВС — виконавці «Великого терору» на Поділлі.— К.: Видавель Захаренко В. О., 2017.— 240 с.; *Юнге М.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины.— М.: АИРО-XXI, 2017.— 352 с.; Эхо Большого террора. Сборник документов в 3-х томах / Редкол.: В. Бирчак, Т. Блауфельд, В. Васильев, Л. Виола, О. Довбня, В. Золотарёв, И. Кашу, А. Когут, С. Кокин, М. Панова, Р. Подкур, Д. Россман, А. Савин, А. Тепляков, М. Юнге.— Т. 1: Партийные собрания и оперативные совещания сотрудников Управлений НКВД УССР (ноябрь 1938 — ноябрь 1939 гг.) / Сост.: В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур.— М.: Пробел-2000, 2017.— 736 с.; Т. 2: Документы из архивных уголовных дел на сотрудников органов НКВД УССР, осуждённых за нарушения социалистической законности (октябрь 1938 г.— июнь 1943 г.). Кн. 1: НКВД Молдавской АССР, Дорожно-транспортный отдел ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги, УНКВД по Житомирской области и УНКВД по Одесской области / Сост.: С. Кокин, Д. Россман.— М.: Пробел-2000, 2018.— 720 с.; Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. / Сост. А. Савин, А. Тепляков, М. Юнге.— М.: Пробел-2000, 2018.— 928 с.; Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 1: Партийні збори та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.) / Автори-укладачі: В. Васильєв, Л. Віола, Р. Подкур.— К.: Видавель В. Захаренко, 2017.— 744 с.; Т. 2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 — червень 1943 рр.). Кн. 1: НКВС Молдавської АРСР, Дорожно-транспортний відділ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області / Автори-упорядники С. Кокин, Д. Россман.— К.: Видавель В. Захаренко, 2018.— 728 с.; Т. 3: Чекисти Сталіна в лещатах «соціалістичної законності». Его-документи 1938–1941 рр. / Відп. ред. В. Васильєв, Р. Подкур, Л. Віола. Укладачі А. Савін, О. Тепляков, М. Юнге.— К.: Видавель В. Захаренко, 2019.— 936 с.

управління державної безпеки (ГУДБ) НКВС СРСР, що стали об'єктом вивчення членами нашого колективу істориків.

У 1-й книзі 2-го тому опубліковано 38 документів, які висвітлюють розслідування фактів «порушення соцзаконності» і кримінальне покарання за скоєні злочини співробітників чотирьох органів НКВС — НКВС Молдавської АРСР, Дорожньо-транспортного відділу ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, управлiнь НКВС по Житомирській та Одеській областях.

У 2-й книзі публікуються аналогічні 40 документів, в яких йдеться про співробітників управлiнь НКВС у Київській, Миколаївській, Вінницькій, Харківській і Ворошиловградській областях. За аналогією зі вступом до 1-ї книги, у цій статті ми відтворимо загальну картину «дисциплінування» співробітників зазначених органів НКВС, акцентуючи увагу на головних «героях» документів, які ми публікуємо.

УНКВС по Київській області: злет і падіння Олексія Долгушева

Головним посадовцем — «порушником соцзаконності» за результатами розслідувань злочинів, скоєних співробітниками УНКВС по Київській області у період Великого терору, став начальник УНКВС О. Долгушев, однак ми згадаємо і про долю його попередників. Це дозволить побачити загальну тенденцію і деякі особливості оцінки їхньої службової діяльності з боку керівництва і органів правосуддя.

Загалом у період Великого терору УНКВС очолювали п'ять керівників: 1) М. Шаров (Шавер), начальник УНКВС з 31 березня 1935 р. до 29 грудня 1937 р. (офіційно — до 10 січня 1938 р.); 2) І. Бабич, заступник начальника УНКВС з 22 жовтня 1937 р., виконував обов'язки начальника УНКВС з 10 січня до 26 лютого 1938 р.; 3) М. Федоров, начальник УНКВС з 26 лютого до 28 березня 1938 р.; 4) І. Шапіро, тимчасово виконував обов'язки заступника начальника УНКВС з 27 березня, а з 28 березня — і начальника УНКВС — до 20 травня 1938 р.; 5) О. Долгушев, начальник УНКВС з 28 травня 1938 р. до 15 січня 1939 р.

Доли цих людей і п'яти осіб, які по черзі обіймали посаду заступника начальника УНКВС (Л. Рейхман, Л. Якушев, М. Спектор, Л. Павличев, О. Троїцький), склалися по-різному. Серед них виокремлювався своїм багаторічним перебуванням на керівних посадах М. Шаров. Він з квітня 1919 р. очолював Ялтинську повітову надзвичайну комісію (ЧК), а з червня — Одеський губернський кримінальний розшук. У 1920–1923 рр. працював у кількох губЧК (з 1922 р. — губвідділах Державного політичного управління УСРР) — в Одесі, Миколаєві, Кременчуці, Житомирі, Катеринославі, обіймаючи посади начальника Секретно-оперативної частини і заступника голови губЧК, згодом — заступника начальника губвідділу ДПУ. У жовтні 1923 р. М. Шаров очолив 6-й відділ Економічного управління (ЕКУ) Об'єднаного державного політичного управління (ОДПУ), а з листопада упродовж дев'яти років служив в органах військової контррозвідки ОДПУ у Петроградському (Ленінградському) військово-вому окрузі. З квітня 1932 р. був заступником повноважного представника

ОДПУ по Білоруській СРР, з 31 липня 1934 р.— заступником наркома внутрішніх справ БСРР. Навесні 1935 р. він став начальником УНКВС по Київській області, а 29 листопада того ж року йому було присвоєно спеціальне звання «старший майор держбезпеки».

Він взяв активну участь в організації і проведенні Великого терору на Київщині і 19 грудня 1937 р. був нагороджений орденом Червоної зірки. Здавалося, перед ним відкривалися нові перспективи службової кар'єри у центральному апараті НКВС УРСР або у Москві, але 10 січня 1938 р. його призначили начальником УНКВС по Сталінградській області, а 27 вересня 1938 р. заарештували за обвинуваченням в участі в «антирадянській змовницькій терористичній організації, що діяла в ОДПУ—НКВС», та у «шпигунській діяльності на користь англійської розвідки». 22 лютого 1939 р. Військова колегія Верховного суду СРСР (ВКВС) засудила його за ст. ст. 58—1 п. «а», 58—8 і 58—11 КК РРФСР до вищої міри покарання (ВМП)². Він був розстріляний, доповнивши розстрільний список колишніх керівників органів НКВС УРСР (Г. Вяткін, Д. Гречухін, П. Кисельов, О. Яралянц), засуджених Військовою колегією в один день.

У 1956—1957 рр. здійснили перевірку матеріалів справи на М. Шарова і встановили, що висунуті проти нього обвинувачення були безпідставними. Водночас перевірка виявила, що «Шаров, працюючи в період 1935—1938 років на відповідальній оперативній роботі в УНКВС Київської і Сталінградської областей, порушував соціалістичну законність, брав участь у масових необґрунтованих арештах радянських громадян і у фальсифікації на них кримінальних справ. Від радянських громадян шляхом незаконних методів слідства одержували вигадані показання про скоєння тяжких державних злочинів, і на підставі сфальсифікованих таким чином слідчих матеріалів багатьох невинних громадян було засуджено до розстрілу чи тривалих строків позбавлення волі». Відбулася перекваліфікація обвинувачення М. Шарова на порушника соцзаконності. На підставі цього Головна військова прокуратура (ГВП) 28 жовтня 1957 р. залишила без задоволення клопотання дружини М. Шарова про його реабілітацію³.

З 13 лютого 1937 р. заступником М. Шарова був капітан держбезпеки Л. Рейхман. Вони разом «розкручували маховик» Великого терору в Київській області. Але на початку серпня 1937 р. нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський відправив Л. Рейхмана керувати УНКВС у Харкові, офіційно призначивши його 5 вересня 1937 р. заступником начальника УНКВС. Під жорстким тиском І. Леплевського Л. Рейхман забезпечив розгортання там масових репресивних операцій (куркульської, національних та ін.). 17 листопада 1937 р. йому було присвоєно звання майора держбезпеки, а 19 грудня 1937 р. він також був нагороджений орденом Червоної зірки.

Після інфільтрації нових кадрів (які переважно прибули з РРФСР) до керівництва територіальних органів НКВС, частина старих кадрів

² Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі — ГДА СБУ), ф. 6, оп. 1, спр. 17740-фп, т. 2, арк. 82—83.

³ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 17740-фп, т. 2, арк. 83—84.

спочатку увійшла до центрального апарату НКВС УРСР. Л. Рейхман 7 березня 1938 р. став т.в.о. начальника 3-го відділу (контррозвідувального, КРВ) УДБ НКВС УРСР та вже 28 березня отримав нове призначення у Москві — став начальником 7-го відділу 1-го управління, а 29 вересня 1938 р. очолив 1-й відділ Головного економічного управління (ГЕУ) НКВС СРСР. 24 жовтня 1938 р. його заарештували, а 25 січня 1940 р. (майже на рік пізніше, ніж М. Шарова) ВКВС СРСР засудила за ст. 58—1 п. «а» і 58—11 КК РРФСР до ВМП, і він також був розстріляний.

Замість Л. Рейхмана на посаду заступника начальника УНКВС по Київській області нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський перевів з Харкова начальника 4-го відділу УДБ УНКВС Л. Якушева. Після утворення Житомирської області останній з 1 жовтня 1937 р. став т.в.о. начальника щойно створеного там УНКВС. Його також 19 грудня 1937 р. нагородили орденом Червоної зірки. Про скоєні ним та його підлеглими тяжкі злочини у Житомирській області йшлося у 1-й книзі 2-го тому збірника документів. 18 грудня 1938 р. він був заарештований, а 20 червня 1939 р. ВКВС СРСР засуджений за ст. 58—7 КК РРФСР до 20 років позбавлення волі у виправно-трудоному таборі (ВТТ). У жовтні 1941 р. був достроково звільнений.

Зовсім іншою була доля І. Бабича — ще одного колишнього заступника М. Шарова, який упродовж майже двох місяців виконував обов'язки начальника УНКВС. І. Бабич прийшов на роботу до Миколаївської губЧК у 1920 р. і весь час служив в УСРР, а у 1927 р. вперше обійняв керівні посади — начальника Балтського відділення ДПУ Молдавської АСРР і начальника 25-го Молдавського прикордонного загону ОДПУ. У 1930 р. його перевели на посаду начальника Секретного (з квітня 1931 р. — Секретно-політичного, СПВ) відділу Харківського оперативного сектора ДПУ (з лютого 1932 р. — Харківського обласного відділу ДПУ) УСРР. У 1933 р. І. Бабич залишив столицю УСРР, очоливши спочатку СПВ Вінницького облвідділу ДПУ, а з 27 серпня 1934 р. — СПВ УДБ УНКВС по Одеській області.

22 липня 1935 р. його призначили начальником СПВ УДБ УНКВС по Київській області, і він опинився у підпорядкуванні М. Шарова. 4 серпня 1937 р. І. Бабич був переведений з підвищенням на посаду заступника начальника УНКВС по Одеській області, начальником якого щойно став М. Федоров. Через два з половиною місяці його повернули до УНКВС у Києві, але вже як заступника начальника УНКВС. Тут його внесок у Великий терор, як і вже згаданих колег, був оцінений нагородженням 19 грудня 1937 р. орденом Червоної зірки. А заслуги його шефа в Одесі М. Федорова були оцінені ще вище — нагородженням орденом Леніна. Невдовзі вони склали керівний тандем в УНКВС по Київській області.

Після від'їзду М. Шарова до Сталінграду І. Бабич спочатку виконував обов'язки начальника УНКВС по Київській області, а коли 26 лютого 1938 р. на цю посаду призначили М. Федорова, став заступником останнього. І обидва після появи біля керма НКВС УРСР О. Успенського 28 березня 1938 р. були зняті з посад і відправлені до Москви. І. Бабич був призначений начальником 2-го відділу, а М. Федоров — 4-го відділу

2-го управління НКВС СРСР. Вершиною кар'єри І. Бабича стала посада заступника начальника Головного управління контррозвідки СМЕРШ Наркомату оборони СРСР (з 1946 р.— 3-го Головного управління МДБ СРСР) у 1943–1948 рр. Був нагороджений ще сімома орденами і став генерал-лейтенантом.

На відміну від М. Шарова І. Бабич уникнув арешту. Правові підстави засудження першого були сумнівними, але за сукупністю реальних злочинів, скоєних ним як провідником політики державного терору, історичну справедливість щодо його кримінального покарання було встановлено. Численні архівні джерела свідчать, що І. Бабич, який спеціалізувався у 1930-ті рр. на боротьбі з політичною опозицією (згодом це стало називатися в органах держбезпеки «п'ятою лінією»), брав безпосередню участь в організації і здійсненні масових політичних репресій в УРСР, жертвами яких стали тисячі людей у Харківській, Вінницькій, Одеській та Київській областях. І все це зійшло йому з рук.

М. Федоров з 20 квітня 1938 р. був т.в.о. начальника, а з 28 травня — начальником 2-го управління НКВС СРСР. Після нової реорганізації НКВС 29 вересня 1938 р. очолив 4-й відділ ГУДБ НКВС СРСР. Коли почалась «беріївська чистка», 20 листопада 1938 р. його заарештували, понад рік він перебував під слідством, а 3 лютого 1940 р. НКВС СРСР засудила його до ВМП, і він був розстріляний.

Після переведення до Москви М. Федорова і І. Бабича два місяці виконував обов'язки начальника УНКВС І. Шапіро. Наслідки його діяльності залишились у багатьох регіонах України. З грудня 1936 р. він очолював Ворошиловградський міський відділ НКВС, а з 23 грудня 1937 р.— 3-й відділ УДБ УНКВС по Харківській області (почав виконувати обов'язки 14 січня 1938 р.). З 7 березня 1938 р. він був т.в.о. помічника начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, а з 27 березня — т.в.о. заступника начальника УНКВС по Київській області⁴. 20 травня 1938 р. нарком внутрішніх справ УРСР О. Успенський призначив І. Шапіро своїм заступником з неоперативних відділів. Того ж дня йому було присвоєно звання капітана держбезпеки. Коли у грудні 1938 р. на чолі НКВС УРСР з'явився А. Кобулов, І. Шапіро невдовзі став начальником Українського дорожньо-будівельного тресту і будівництва № 257 Управління шосейних доріг (УШОСДОР) НКВС УРСР. 5 березня 1939 р. його відправили на пенсію, а у жовтні 1939 р. він працював заступником керуючого трестом «Укрмеблі» (м. Київ).

Під час службових розслідувань в апараті особливоуповноваженого (ОСУ) НКВС УРСР в 1939–1941 рр. І. Шапіро згадували з різних причин, але він не був притягнутий до відповідальності. Після нападу Німеччини на СРСР, з 26 червня 1941 р. він став начальником Особливого відділу (ОВ) НКВС 30-го району авіаційного базування Південного

⁴ Про службу діяльність І. Шапіро під час Великого терору див.: *Бажан О., Золотарьов В.* «Несу моральну відповідальність за викривлення в органах МВС», або Історія покарання езекутора «масового терору» І.А. Шапіро у часи «хрущовської відлиги» // Краєзнавство: Науковий журнал.— 2013.— № 3.— С. 165–175.

і Південно-Західного фронтів Робітничо-селянської Червоної армії (РСЧА). Упродовж всієї війни обіймав керівні посади в органах військової контррозвідки. Мав звання підполковника, був нагороджений чотирма орденами. Після війни працював на керівних посадах у господарських органах. Однак під час «хрущовської відлиги» йому «нагадали» справи минулого. 23 серпня 1958 р. його виключено з КПРС «за огульний підхід до розгляду справ судовою трійкою», тобто за активну участь у проведенні позасудових масових репресій.

О. Долгушев розпочав службу в органах ДПУ УСРР у 1930 р. у Києві помічником оперуповноваженого ОВ 14-го стрілецького корпусу РСЧА⁵. У квітні 1934 р. був переведений до Запорізького міськвідділу ДПУ з призначенням на посаду оперуповноваженого ОВ 18-ї авіаційної бригади. З 20 вересня 1934 р. став т.в.о. начальника цього відділу. Після перевірки стану роботи відділу у січні 1935 р. наказом наркома внутрішніх справ УСРР В. Балицького О. Долгушеву було оголошено подяку із врученням грошової премії у розмірі двомісячного посадового окладу. 1 грудня 1935 р. його затвердили на посаді начальника відділу. 23 березня 1936 р. — присвоєно звання молодшого лейтенанта держбезпеки.

Згодом він був переведений до центрального апарату НКВС УСРР. 26 жовтня 1936 р. О. Долгушев став помічником начальника 5-го відділення ОВ (з 4 червня 1937 р. — 5-го відділу), а 23 жовтня 1937 р. його призначили т.в.о. начальника 6-го відділення 5-го відділу УДБ НКВС УРСР. 17 листопада 1937 р. було присвоєно звання лейтенанта держбезпеки. Судячи з результатів службової діяльності О. Долгушева, які він сам вважав зовсім не видатними, дивним виглядало нагородження його 19 грудня 1937 р. орденом Червоної зірки. На його думку, була врахована «партійно-громадська активність», адже він виконував обов'язки секретаря парторганізації НКВС УРСР⁶. Це нагородження визначило подальші рекордні темпи службової кар'єри О. Долгушева. Одним із суттєвих факторів цього були кадрові чистки, які проводили наркоми внутрішніх справ УРСР І. Леплевський і О. Успенський. Завдяки цьому «соціально-службовим ліфтом» на гору було піднято нові обличчя з числа співробітників НКВС.

Під час перебування у Києві наркома внутрішніх справ СРСР М. Єжова і після знайомства його зі співробітниками центрального апарату НКВС УРСР О. Долгушев як «рядовий оперативний працівник» — орденноносець потрапив на банкет 18 лютого 1938 р., влаштований на честь М. Єжова. Манера деяких керівників сучасних органів спеціального призначення з особливим почуттям і не без деякого лицемірства виголошувати тост «За оперів!» походить з тих часів. Ось і тоді після тостів за товаришів Сталіна, Хрущова (він також брав участь у банкеті), Єжова, Успенського

⁵ Про службу кар'єру О. Долгушева див.: *Бажан О., Золотарьов В.* Висуванець Миколи Єжова або Траекторія злету та падіння капітана державної безпеки Олексія Долгушева // *Кряззнавство: Науковий журнал.* — 2013. — № 4. — С. 233–246.

⁶ *Бажан О., Золотарьов В.* Висуванець Миколи Єжова або Траекторія злету та падіння капітана державної безпеки Олексія Долгушева. — С. 235–236.

та інших М. Єжов виголосив: «Вип'ємо за оперів!»⁷ і порадив присутнім керівникам сміливіше висувати молоді кадри: мовляв, опери і мають бути начальниками і заступниками начальників УНКВС⁸.

О. Успенський негайно зробив висновки і 24 лютого 1938 р. призначив О. Долгушева т.в.о. начальника 1-го відділу УДБ НКВС УРСР. 22 березня він був затверджений на цій посаді, а 11 квітня 1938 р. йому достроково було присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки. Перебуваючи на посаді, займався охороною керівництва ЦК КП(б)У, Верховної Ради і Ради народних комісарів (РНК) УРСР та «набирав бали» у свій рейтинг. Пізніше він відзначав особисту заслугу в «запобіганні теракту» проти першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова у квітні 1938 р. під час відвідування останнім м. Одеси.

Коли 28 травня 1938 р. О. Долгушев був призначений на посаду начальника УНКВС по Київській області, то побоювався, що не впорається з нею, однак миттєво скористався можливостями цієї посади для власного просування партійно-громадською лінією. З точки зору інтересів служби неприпустимим був той факт, що майже весь червень 1938 р. О. Долгушев був задіяний на міській і обласній партконференціях та XIV з'їзді КП(б) У, до того ж не на оперативному забезпеченні проведення цих заходів, а на участі в них як делегата. Мабуть, побачивши зблизка життя вищої партноменклатури, О. Долгушев був не проти потрапити до її лав. Він швидко здобув «червоні титули», що не обов'язково відразу мали належати йому відповідно до посади, яку він шойно обійняв: член Київського обкому КП(б)У, кандидат у члени ЦК КП(б)У і наприкінці червня 1938 р. — депутат Верховної Ради УРСР. За які ж службові заслуги йому достроково 13 червня 1938 р. було присвоєно звання капітана держбезпеки?

На допомогу О. Долгушеву нарком О. Успенський спочатку відрядив більш досвідчену людину — капітана держбезпеки М. Спектора. 3 8 травня 1937 р. М. Спектор був заступником начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області. Потім його перевели до Одеси, де з 4 серпня 1937 р. він очолив 4-й відділ УДБ УНКВС, а з 22 жовтня 1937 р. став заступником начальника УНКВС. Він також був нагороджений 19 грудня 1937 р. орденом Червоної зірки. Під час влаштування О. Успенським пертурбації керівного складу органів НКВС УРСР М. Спектор у березні 1938 р. став т.в.о. начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, а 26 травня — заступником начальника УНКВС по Київській області. Враховуючи бурхливу «партійно-громадську» діяльність О. Долгушева, М. Спектор фактично керував УНКВС у червні 1938 р., а з 28 липня був вже у розпорядженні НКВС СРСР. У нього склалась цілком успішна кар'єра у Москві — без особливих злетів і різких падінь. Але два місяці спільної роботи згодом дали підстави О. Долгушеву справедливо покласти частину відповідальності за «порушення соцзаконності» в УНКВС і на М. Спектора.

Продовжуючи оновлення керівних кадрів територіальних органів, О. Успенський 28 липня 1938 р. призначив т.в.о. заступника начальника

⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 74.

⁸ Там само, арк. 123.

УНКВС Л. Павличева. Закінчивши у 1931 р. Центральну школу ОДПУ в Москві, той п'ять років працював у СПВ Повноважного представництва ОДПУ по Нижньогородському краю (з 1934 р.— УНКВС по Горьківському краю, з 16 лютого 1937 р.— по Горьківській області). З 28 грудня 1936 р. і до кінця 1937 р. був помічником начальника 4-го відділу УДБ УНКВС. Отже, перший період діяльності Л. Павличева у роки Великого терору був пов'язаний з Поволжям.

Потім його перевели до Києва, де з 20 січня 1938 р. він став начальником відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР. 20 травня 1938 р. начальником цього відділу був призначений старший лейтенант держбезпеки О. Яралянц, якого перевели з УНКВС по Саратовській області. Новий начальник і Л. Павличев швидко зійшлися у роботі, і з 31 травня останній став т.в.о. помічника начальника, а влітку — помічником начальника 4-го відділу. 15 червня 1938 р. йому було присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки. У липні Л. Павличев разом з наркомом О. Успенським виїжджав до м. Ворошиловграда, де відбулися події, що згодом стали одним із пунктів обвинувачення на адресу Л. Павличева. Але то буде пізніше, а 14 серпня 1938 р., коли він був вже заступником О. Долгушева, його нагородили знаком почесного працівника ВНК—ДПУ.

Перебування в УНКВС по Київській області було недовгим — майже три місяці. Цього вистачило для скоєння ним злочину, який згодом став ще одним епізодом його обвинувачення. У жовтні 1938 р. Л. Павличев знову знадобився наркому О. Успенському та його заступнику О. Яралянцу в центральному апараті НКВС УРСР як фактичний керівник 4-го (згодом — 2-го) відділу УДБ. Зокрема, він керував слідством у справі заарештованого наркома внутрішніх справ Молдавської АРСР І. Широкого. Саме він затвердив постанову про початок попереднього слідства за обвинуваченням І. Широкого в тому, що той «займався вимаганням від заарештованих вигаданих показань»⁹. Чи розумів тоді Л. Павличев, за ким б'є дзвін? Навряд чи.

Мабуть, кадровий голод наприкінці 1938 р. обумовив той факт, що новий керівник НКВС УРСР А. Кобулов наказом від 31 грудня узаконив Л. Павличева як виконуючого обов'язки начальника 4-го (2-го) відділу з 13 жовтня 1938 р.¹⁰ За нового наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова (став наркомом 2 вересня 1939 р.) служба Л. Павличева спочатку проходила також успішно. Про це свідчило нагородження його 26 квітня 1940 р. медаллю «За відвагу». Однак у середині того ж року обставини склалися проти Л. Павличева. 19 липня він був звільнений з органів НКВС. Потім його призначили начальником мобілізаційного відділу УШОСДОР НКВС УРСР. Але розслідування «порушень соцзакономості» невідворотно привели до нього, і 13 лютого 1941 р. він був заарештований.

Останнім з когорти керівників УНКВС по Київській області періоду Великого терору був старший лейтенант держбезпеки О. Троїцький.

⁹ Эхо Большого террора.— Т. 2.— Кн. 1.— С. 143.

¹⁰ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / редколегія: Ю. Шаповал та ін.— К.: Либідь, 2009.— С. 148–149.

Після повернення Л. Павличева до центрального апарату НКВС УРСР О. Троїцький з жовтня 1938 р. виконував обов'язки заступника начальника УНКВС. У 1935–1937 рр. він служив в УНКВС по Оренбурзькій області, де заступником начальника, а потім начальником з 16 березня 1937 р. був О. Успенський. Завдяки останньому 3 травня 1937 р. О. Троїцький став начальником 3-го відділу УДБ УНКВС по Оренбурзькій області. Потім доля їх розлучила. У вересні 1937 — травні 1938 рр. О. Троїцький керував 3-м відділом УДБ УНКВС по Східно-Сибірській (з 1 жовтня 1937 р.— Іркутській) області. За свій вагомий внесок у Великий терор був нагороджений знаком почесного працівника ВНК—ДПУ (23 серпня 1937 р.), а потім, як й інші згадані «кращі люди НКВС»,— орденом Червоної зірки (19 грудня 1937 р.).

16 травня 1938 р. О. Троїцького відрядили до НКВС УРСР разом з О. Успенським «добивати все живе» в Україні. З 20 травня він став заступником начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, але роботу розпочав місяць потому — 22 червня. З 23 липня він вже фактично керував роботою цього відділу, а у жовтні 1938 р. його перевели до УНКВС по Київській області. 15 листопада 1938 р., після втечі О. Успенського з Києва, О. Троїцького заарештували одним із перших. Далася ознака особиста відданість наркомові, яку він не приховував¹¹. Йому було висунуті обвинувачення як «учаснику право-троцькістської організації в органах НКВС УРСР» (ст. ст. 54–1 п. «б», 54–8 і 54–11 КК УРСР). Слідство розпочалося у Києві, а потім було продовжено у Москві. О. Троїцький дав показання на О. Долгушева як на «учасника організації», але вони не стали поплічниками. З найближчими «прихвостнями» О. Успенського такими, як О. Троїцький, розправилися швидко. 7 березня 1939 р. ВКВС СРСР засудила його за ст. ст. 58–1 п. «а», 58–8 і 58–11 КК РРФСР до ВМП, і він був розстріляний.

На прохання вдови О. Троїцького у 1955–1956 і 1965 рр. здійснили перевірку справи на її колишнього чоловіка. Обидва рази було відмовлено у перегляді справи на предмет реабілітації. У 1990 р. ще одну безуспішну спробу здійснив його син. Ухвалою Верховного суду України від 2 червня 2000 р. вирок ВКВС СРСР стосовно О. Троїцького було змінено: «У частині засудження його за ст. ст. 58–8 і 58–11 КК РРФСР судові рішення відмінити, а справу припинити на підставі п. 2 ст. 6 КПК України через відсутність в його діях складу злочину. Перекваліфікувати його дії зі ст. 58–1-а КК РРФСР на ст. 193–17 п. “б” КК РРФСР і вважати його засудженим до обраної судом міри покарання»¹².

Отже, символічним є те, що діяння керівників УНКВС по Київській області у 1935–1938 рр. від номеру першого в списку (М. Шаров) до останнього, десятого (О. Троїцький) отримали юридичну кваліфікацію як злочинні саме з точки зору «порушення соцзаконності». Але це відбулося

¹¹ Див.: *Бажан О., Золотарьов В.* Безмежно відданий наркомові Успенському (Олександр Нілович Троїцький) // Краєзнавство: Науковий журнал.— 2014.— № 3/4.— С. 102–112.

¹² Там само,— С. 110.

у випадку з М. Шаровим у 1957 р., а у випадку з О. Троїцьким — у 2000 р. Швидше і не без проблем сталося це щодо О. Долгушева. 13 документів, які включено до 1-го розділу цієї книги, висвітлюють основні перипетії того, як це відбувалося.

О. Долгушев потрапив до другої хвилі арештів колишніх і діючих керівників центрального апарату і територіальних органів НКВС УРСР після втечі О. Успенського¹³. Довга історія його засудження і реальні факти, що стали предметом судового розгляду двох військових трибуналів, вже описані в історичній літературі, зокрема і з використанням матеріалів з його архівної кримінальної справи¹⁴. Однак загальний хід слідства у справі О. Долгушева і важливі особливості проведення попереднього і судового слідства залишились поза увагою дослідників.

Компрометуючі матеріали на О. Долгушева були швидко зібрані в апараті ОСУ НКВС УРСР. Частиною їх стали матеріали парткому УНКВС по Київській області, що викривали О. Долгушева у «ворожій діяльності». Однак на характер компромату і його правову кваліфікацію найсуттєвіше вплинули розслідування у справах співробітників інших територіальних органів НКВС УРСР, зокрема УНКВС по Житомирській області. Під впливом результатів розслідування «житомирської справи», про деталі якої дізналося кремлівське керівництво, заступник наркома (а фактично нарком) внутрішніх справ УРСР А. Кобулов наказав референту секретаріату НКВС УРСР І. Беспальку провести перевірку щодо розгляду особливою трійкою при УНКВС по Київській області справ на співробітників НКВС. Рапортом від 10 січня 1939 р. І. Беспалько доповів результати перевірки, зокрема про те, що восени 1938 р. трійкою були «засуджені» 11 співробітників НКВС¹⁵. Ознайомившись з рапортом, А. Кобулов написав на ньому резолюцію: «т. Долгушев. Негайно надайте пояснення. Строк — 13/І. А. Кобулов. 11/І—[19]39 р.»¹⁶.

Але А. Кобулов встановив цей строк лише для того, щоби узгодити з керівництвом НКВС СРСР і ЦК КП(б)У питання про зняття О. Долгушева з посади і притягнення його до відповідальності. Пояснення О. Долгушева особливого значення не мали, оскільки порушення у діяльності трійки, яку він очолював, були очевидними. 13 січня О. Долгушев був знятий з посади, а п'ять днів потому заарештований. На те, що питання про порушення у діяльності трійки стало головним, вказувало обвинувачення, висунуте О. Долгушеву у постановках про початок попереднього слідства і пред'явлення обвинувачення від 17 і 24 січня 1939 р.¹⁷

¹³ Перша хвиля арештів у середині листопада — на початку грудня 1938 р. захопила наближених до наркома Г. Вяткіна, Д. Гречухіна, І. Жабрева, П. Кисельова, О. Троїцького, О. Ярялнца.

¹⁴ Див.: *Бажан О., Золотарьов В.* Висуванець Миколи Єжова або Траєкторія злету та падіння капітана державної безпеки Олексія Долгушева. — С. 243–244.

¹⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 249–251.

¹⁶ Там само, арк. 249.

¹⁷ Там само, арк. 1, 26.

У першому документі було зазначено, що О. Долгушев (як і начальник УНКВС по Житомирській області Г. Вяткін) «порушив наказ наркома НКВС СРСР, що забороняв розгляд справ на співробітників НКВС особливими трійками, в результаті цього порушення було засуджено за 1-ю категорією 11 співробітників НКВС, проводив спільно з ворогом народу Успенським ворожу діяльність»¹⁸. Перша частина обвинувачення була цілком конкретно (порушення відомчої нормативної бази, що призвело до тяжких наслідків), а друга — абстрактною, адже зміст «ворожої діяльності» ніяк не пояснювався.

У розширеному варіанті постанови, затвердженому А. Кобуловим також 17 січня, другий пункт обвинувачення впливав з першого: «З метою приховування цих злочинних дій в ухвалах Трійки стосовно більшості засуджених навмисно не зазначалося, що останні були співробітниками НКВС. Дії Долгушева свідчать про його зв'язки з ворожою діяльністю, яку проводив Успенський»¹⁹. Останнє речення в оригіналі було не лише недолугою словесною конструкцією, але й суто декларативним. Воно спочатку було лише додатком, і тому у діях О. Долгушева вбачали ознаки злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР і ніякими іншими. Погодилась з цим і Військова прокуратура²⁰.

Упродовж чотирьох з половиною місяців слідства О. Долгушев не визнавав себе винним у другій частині обвинувачення. Втім 4 червня 1939 р. він написав заяву на ім'я наркома внутрішніх справ УРСР, що складалась з двох речень: «Я у 1938 р. був притягнутий до антирадянської роботи в органах НКВС колиш[нім] наркомом Успенським. Докладні показання дам сьогодні вдень»²¹. Зазвичай у 1937–1938 рр. такі заяви від заарештованих отримували після застосування до них засобів фізичного впливу (побиття і тортур) під час нічних допитів. Після того заарештованим надавався невеликий перепочинок, а потім вони давали «розгорнуті показання».

Так було і з О. Долгушевим. Того ж дня він написав показання на майже 24 аркушах²². Почав з нагородження його орденом Червоної зірки, описав обставини свого стрімкого сходження службовими шаблями. Тема «змовницької організації» з'явилась, коли О. Долгушев описував розмову з О. Успенським перед початком виконання ним обов'язків начальника УНКВС по Київській області: «Тоді ж він мені розповів, що в органах НКВС існує антирадянська змова, яку очолює Єжов, і що учасниками цієї змови є низка відповідальних працівників НКВС, як у Москві, так і на Україні, і що мені треба долучитися до цієї змови. Я йому не заперечував. Які завдання перед собою ставили змовники, Успенський мені не говорив, але сказав, щоб я беззаперечно виконував його вказівки»²³.

¹⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 1.

¹⁹ Там само, арк. 29.

²⁰ Там само, арк. 4, 28.

²¹ Там само, арк. 46.

²² Там само, арк. 122–145.

²³ Там само, арк. 125.

Подальша розповідь стосувалась реальних фактів зі службової діяльності О. Долгушева та УНКВС у період, коли він його очолював.

Згадка про «змову» знову з'явилась наприкінці показань. З неї зрозуміло, що вирішальним фактором для спонукання О. Долгушева до визнання «участі у змові» були показання, які дав проти нього у Москві заарештований нарком-втікач О. Успенський²⁴. «Після того, як мені зачитані показання на мене Успенського,— писав О. Долгушев,— я змушений визнати себе змовником. Єдине, що я прошу слідство, це дати мені можливість фактами, що я маю, викрити провокатора Успенського, який обмовляє чесних людей»²⁵. Якесь дивне виходило визнання: мовляв, я змушений визнати себе змовником, тому що Успенський дав проти мене показання, але я можу викрити його як провокатора, який обмовляє чесних людей.

Слідство знову повернулося до заяви О. Долгушева під час його допиту 9 червня 1939 р., і він тоді підтвердив свою «участь у змові»²⁶. Однак з протоколу допиту О. Долгушева від 15 червня видно, що зміст його «ворожого роботи» згідно з «ворожими установками» О. Успенського зводився до порушення нормативної бази у роботі особливої трійки при УНКВС, проведення безпідставних масових арештів людей і застосування фізичних засобів впливу до заарештованих, тобто до класичного набору «порушень соцзаконності»²⁷. Цей список був розширений у протоколі допиту від 16 червня: створення неіснуючих «контрреволюційних організацій», недоліки в агентурній роботі, фальсифікації в статистичній звітності про проведення масових репресій у другому півріччі 1938 р.²⁸. Як видно з кількох постанов про продовження строку ведення слідства, станом на 21 червня 1939 р. стаття обвинувачення О. Долгушева не змінилася²⁹.

Однак потім у справі стався новий поворот. Слідство почало вимагати від нього показань про залучення ним у «змовницьку організацію» колишніх підлеглих. На допиті О. Долгушева 4 липня 1939 р. порушили питання про Л. Павличева. Колишній начальник УНКВС категорично відкинув тезу про те, що нарком О. Успенський доручив йому залучити Л. Павличева до «змовницької діяльності»: «Мені Успенський не доручав підготувати Павличева до вербування, і якщо Успенський каже, що він доручав, то Успенський бреше, у мене складається тверде переконання, що Успенський завербував Павличева сам, а тепер намагається його зберегти як учасника змови...». О. Долгушев навів красномовні факти щодо особливого ставлення О. Успенського і його заступника О. Яралянца до Л. Павличева, закінчивши словами: «Вважаю, що Успенський не

²⁴ До справи О. Долгушева долучені копія протоколу допиту О. Успенського від 10 травня і витяг з протоколу його допиту від 20 травня 1939 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 207–208, 209–211).

²⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 144–145.

²⁶ Там само, арк. 82.

²⁷ Там само, арк. 101–106.

²⁸ Там само, арк. 111–114.

²⁹ Там само, арк. 30–32, 36–38, 39–41.

випадково завжди посилав Павличева для підготовки відкритих процесів у Донбас і в інші області»³⁰.

Аби розставити усі крапки над «і» було вирішено провести очну ставку між О. Успенським і О. Долгушевим. Останнього разом зі слідчими матеріалами етапували до Москви³¹. У ніч з 20 на 21 липня 1939 р. очна ставка відбулась. Вона тривала 3 години 20 хвилин³². О. Успенський розповів про «вербування» ним О. Долгушева у «змовницьку організацію». На запитання слідчих О. Долгушеву, чи підтверджує він це, той відповів: «Ні, не підтверджую». Потім він ще кілька разів надав такі відповіді, категорично заявивши: «Учасником змовницької організації я не був, і про змовницьку роботу я показань давати не можу»³³. Отже, О. Долгушев відмовився від раніше наданих показань.

Однак це не завадило слідчим НКВС СРСР і надалі вважати його «співучасником антирадянської змови в НКВС». При цьому вони спирались на показання й інших «учасників змови». До справи О. Долгушева були долучені витяги з протоколів допитів колишнього начальника 4-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР С. Колесова, згаданого О. Троїцького, колишніх заступника наркома внутрішніх справ МАРСР М. Малишева і помічника начальника УНКВС по Київській області К. Козьмініх³⁴.

Після етапування О. Долгушева назад до Києва перед НКВС УРСР постало завдання «видавити» з О. Долгушева зізнання в участі у «змові». У власноручних показаннях від 19 серпня 1939 р. він свою поведінку у Москві пояснив слабкістю духу і підтвердив попередні показання. При цьому обставини його «залучення до змови» були іншими: тепер у «змову» він начебто був завербований наприкінці 1937 р. наркомом внутрішніх справ УРСР І. Леплевським, який запропонував йому встановити зв'язок з начальником 5-го відділу УДБ НКВС УРСР В. Блюманом.

Про те, що було далі, О. Долгушев написав дуже обтічно: «Другого дня я зустрів Блюмана у нього в кабінеті і розповів зміст розмови з Леплевським. Блюман, як видно, був у курсі моєї розмови з Леплевським і більш докладно поінформував мене, що навколо Леплевського збита група співробітників Наркомату, на яких можна спиратися в роботі Леплевському, і що ці люди мають бути йому особисто віддані. Я розумів, що означає “особисто віддані”, і тоді зрозумів, що йшлося про антирадянську змову. Про завдання змовницької групи Блюман не сказав, говорячи, що пізніше поговоримо докладно, але розмова не відбулася, оскільки він незабаром поїхав з Києва»³⁵.

³⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 119–121.

³¹ Там само, арк. 43.

³² Там само, арк. 197–206.

³³ Там само, арк. 202.

³⁴ Там само, арк. 212–213, 216–220, 214, 215.

³⁵ Там само, арк. 149.

Зі слів О. Долгушева можна зрозуміти лише те, що в НКВС УРСР була група співробітників, особливо наближена до наркома І. Леплевського і особисто віддана йому. Втім це нічого не доводило, і на машинописній копії показань О. Долгушева на полях навпроти речень про змову і цю групу були проставлені знаки питання³⁶. Того ж дня (19 серпня) показання О. Долгушева були закріплені протоколом його допиту, де зазначено, що І. Леплевський, коли пропонував О. Долгушеву встановити зв'язок з В. Блюманом, «про існування змови в органах НКВС... нічого не сказав»³⁷. І це також викликало запитання: як можна було вербувати людину для участі у змові і не говорити про змову?

Матеріалами слідства і зізнанням О. Долгушева начебто була доведена його вина за ст. ст. 54–1 п. «б», 54–7 і 54–11 КК УРСР, і 26 серпня 1939 р. обвинувачення О. Долгушева було перекваліфіковано³⁸. Згідно з протоколом допиту О. Долгушева від тієї ж дати, що складався лише з двох питань і відповідей на них, він визнав себе винним за новими статтями обвинувачення³⁹. Через три дні в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР О. Твердохлебенко пред'явив О. Долгушеву матеріали слідства і вніс до протоколу прохання останнього про допит його військовим прокурором за фактами висунутого проти нього обвинувачення, адже слідчі матеріали з НКВС УРСР належало направити прокурору прикордонних і внутрішніх військ НКВС Київського округу для подальшого направлення до ВКВС СРСР⁴⁰. Останнє говорило багато про що. Вірогідно, з Москви надійшла вказівка швидко завершити слідство у справі О. Долгушева і пропустити його як чергового «змовника» через Військову колегію.

3 вересня 1939 р. О. Твердохлебенко підготував обвинувальний висновок у справі, який 5 вересня затвердив І. Серов (док. № 39), за три дні до того призначений наркомом внутрішніх справ УРСР. Це був один із перших подібних документів, підписаних в ті дні новим наркомом.

Отримавши справу, у Військовій прокуратурі військ НКВС Київського округу 13 жовтня 1939 р. допитали О. Долгушева, який відмовився від показань на попередньому слідстві, пояснивши це так: «...Я не є учасником змови і ворожої роботи я не проводив. Показання мої є вигаданими внаслідок фізичного впливу»⁴¹. У прокуратурі відразу зрозуміли, що від справи «тхне», і надали О. Долгушеву можливість написати розгорнуті власноручні показання. Упродовж двох днів 16–17 жовтня 1939 р. він їх написав⁴² і поставив у складне становище військових прокурорів. Стало очевидним, що потрібна додаткова доказова база обвинувачення щодо

³⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 147.

³⁷ Там само, арк. 153, 156.

³⁸ Там само, арк. 27.

³⁹ Там само, арк. 158, 159.

⁴⁰ Там само, арк. 252.

⁴¹ Там само, арк. 253.

⁴² Там само, арк. 256–272, 291–300.

його участі в «антирадянській змові», інакше статті обвинувачення не відповідали реальним злочинам, скоєним О. Долгушевим.

Військова прокуратура військ НКВС Київського округу не затвердила обвинувальний висновок і відправила справу до ГВП, а та — до Слідчої частини ГУДБ НКВС СРСР для доповнення її показаннями заарештованих колишніх наркома внутрішніх справ СРСР М. Єжова і заступника наркома внутрішніх справ УРСР О. Радзивіловського. Якби їх допитали швидко, і вони надали б показання, що «викривали» О. Долгушева, його доля була б вирішена. Але цього не сталося. Першим 11 січня 1940 р. допитали О. Радзивіловського, а 31 січня — М. Єжова. Обидва не дали показань про участь О. Долгушева у «змові»⁴³. Вірогідно, ця обставина стала вирішальною, і у січні — на початку лютого 1940 р. справа О. Долгушева не потрапила на конвеєр засідань ВКВС СРСР у справах колишніх керівників НКВС УРСР. Зокрема, тоді були засуджені до ВМП наступні згадані нами особи: 25 січня — Л. Рейхман, 27 січня — О. Успенський, 4 лютого — М. Федоров.

Справу О. Долгушева повернули до ГВП, яка продовжила строк слідства до 15 березня 1940 р. і направила справу до Києва із вказівкою провести додаткові слідчі дії з метою «уточнення фактів злочинної діяльності Долгушева, пов'язаної з безпідставним притягненням гр[омадя]н до кримінальної відповідальності»⁴⁴. Отже, йшлося про встановлення реальних злочинів О. Долгушева, а не продовження блукань у хащах «змови».

Коли справа надійшла до НКВС УРСР, її 29 лютого 1940 р. прийняв до свого провадження старший слідчий Слідчої частини УДБ НКВС УРСР М. Точилкін. Враховуючи зміну підрозділу, що провадив слідство, а також те, що на проведення додаткових слідчих дій залишалось всього два тижні, він не зміг своєчасно виконати завдання. Ця ситуація не кращим чином характеризувала наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова, який обмежився лише тим, що дав вказівку Слідчій частині «терміново закінчити справу»⁴⁵. Якщо на початку вересня 1939 р. він «підмахнув» обвинувальний висновок у справі О. Долгушева, не встигнувши досягнути його через об'єктивні обставини, то 28 лютого 1940 р. зобов'язаний був ретельніше поставитися до організації і строків завершення слідства у цій справі відповідно до вказівок ГВП.

Не вклавшись у встановлений строк, Слідча частина 10 березня 1940 р. звернулася до Військової прокуратури військ НКВС Київського округу з клопотанням про продовження строку ведення слідства й утримання О. Долгушева під вартою до 15 квітня 1940 р. Там, у свою чергу, порушили клопотання перед ГВП. Заступник Головного військового прокурора М. Афанас'єв 3 квітня надав відповідну санкцію. Згодом було нове клопотання і нова пролонгація строку ведення слідства до 15 травня 1940 р.⁴⁶

⁴³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 6–8, 5.

⁴⁴ Там само, арк. 4.

⁴⁵ Там само, арк. 2.

⁴⁶ Там само, арк. 15–18, 14, 19–19 зв.

В процесі додаткового розслідування старший слідчий М. Точилкін на допиті 14 березня 1940 р. поставив головне запитання обвинуваченому: «На попередніх допитах ви показали, що з 1938 року є учасником антирадянської змовницької організації, що існувала в органах НКВС, в яку були завербовані Успенським... Ці свої показання ви підтверджуєте?». І отримав прогнозовану відповідь О. Долгушева: «Ні, не підтверджую. Показання були дані неправдиві внаслідок неодноразового застосування до мене засобів фізичного впливу»⁴⁷.

У зв'язку з цим акцентуємо увагу на тому, що у 1939 р. під час слідства у справі О. Долгушева в апараті ОСУ НКВС УРСР до нього застосовували фізичне насильство з метою підтвердження ним участі в «антирадянській організації» і проведення «ворожої роботи» на виконання «ворожих установок» О. Успенського. Стосовно «порушень соцзаконності» з його боку у діяльності особливої трійки він широко надав показання, адже це питання було швидко з'ясоване на початку слідства. Стосовно інших обвинувачень (безпідставні масові арешти людей, фальсифікація слідчих матеріалів та ін.) він намагався виправдатися. У цих питаннях була певна свобода маневру і можливість перекласти відповідальність на інших осіб, а у слідства не було причин для фізичного тиску на О. Долгушева, оскільки важливо було з'ясувати провину й інших співробітників УНКВС.

Так, серед слідчих матеріалів у справі О. Долгушева була доповідна записка на ім'я заступника наркома внутрішніх справ СРСР «про результати розслідування про викривлення у слідчій роботі» Уманської міжрайонної оперативно-слідчої групи. Однак згідно з постановою Слідчастини УДБ НКВС УРСР від 3 червня 1940 р. «факти викривлень в Уманській опер-слідгрупі мали місце до появи Долгушева на роботі в УНКВС», тому ця доповідна була вилучена зі справи⁴⁸. «Уманська справа» докладно описана у статті учасниці нашого проекту — канадського історика Л. Віоли⁴⁹. Загалом відбулося три судові процеси, за якими пройшло шість колишніх працівників Уманського райвідділу НКВС за обвинуваченням у «порушеннях соцзаконності». На щастя О. Долгушева, було вирішено не пов'язувати його з тяжкими злочинами, скоєними співробітниками НКВС в Умані.

Під час дослідження не було отримано жодних даних щодо участі О. Долгушева у «змові», навпаки, з'явилися додаткові свідчення, які заперечували це. У протоколі оголошення слідства обвинуваченому від 4 червня 1940 р. старший слідчий М. Точилкін ґрунтовно виклав недоліки у зібраній доказовій базі «участі» О. Долгушева у «змові», зробивши це досить оригінально — шляхом викладу претензій самим обвинуваченим⁵⁰. Але перекваліфікації обвинувачення не відбулося. Мабуть, у Києві вважали це прерогативою Москви. Наступного дня Слідчастини УДБ НКВС

⁴⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 21.

⁴⁸ Там само, т. 1, арк. 243.

⁴⁹ *Виола Л.* Дело Уманского районного отдела УНКВД по Киевской области // Чекисты на скамье подсудимых. — С. 76–112.

⁵⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 347–355.

УРСР підготувала обвинувальний висновок, який 6 червня 1940 р. затвердив заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинський⁵¹ (док. № 40). Другий етап у попередньому слідстві у справі О. Долгушева був завершений.

Справу направили до Військової прокуратури військ НКВС Київського (Українського) округу, а звідти — до Москви, у ГВП. Там 28 червня 1940 р. обвинувальний висновок затвердили і передали справу О. Долгушева на розгляд ВКВС СРСР. 4 липня справа надійшла до Військової колегії. Коли справа знаходилась у прокуратурі, до Слідчастини УДБ НКВС УРСР надійшли з НКВС СРСР нові матеріали — витяги з протоколів допитів Г. Кобизєва і М. Дальського-Білоуса⁵², за якими О. Долгушев проходив як людина з близького оточення О. Успенського. Показання Г. Кобизєва цікаві тим, що в них висвітлено обставини, за яких О. Долгушев у лютому 1938 р. потрапив на очі М. Єжову. Іншої суттєвої інформації у показаннях не було. Після повернення справи до Києва вони були долучені до справи.

Варто звернути увагу на хронологію подій. Обвинувальний висновок затвердила ГВП 28 червня 1940 р., а помічник військового прокурора військ НКВС Українського округу М. Дворенко затвердив його і надав силу обвинувального акту 19 липня⁵³, тобто тоді, коли питання, як всім здавалося, остаточно було вирішено у Москві. У постанові М. Дворенка було зазначено, що «слідство проведено з необхідною повнотою і всі обставини справи достатньо з'ясовані». Якби це було підписано іншою людиною, це можна було пояснити її некомпетентністю. Однак М. Дворенко був досвідченим військовим прокурором і опікувався розслідування багатьох важливих справ. Вірогідно, у нього були вагомі причини для того, щоб затвердити обвинувальний висновок у недослідженій справі О. Долгушева.

У вступі до 1-ї книги 2-го тому збірника документів ми зауважили, що в НКВС УРСР «учасників змови» підводили під засудження по одному: одних пропускали через ВКВС СРСР, інших — через військові трибунали, а когось — через Особливу нараду при НКВС СРСР. Військова колегія без особливих проблем засуджувала «змовників», але іноді не допускала на свій судовий розгляд деякі справи. У нашому розпорядженні немає архівних документів, які б пояснювали мотиви такої селекції, зокрема, чому Військова колегія на підготовчому засіданні 22 липня 1940 р. прийняла рішення про направлення справи О. Долгушева на розгляд до Військового трибуналу військ НКВС Українського округу⁵⁴. У протоколі засідання колегії про це нічого не було зазначено.

Вірогідно, у справі О. Долгушева головним фактором стала занадто слабка доказова база за висунутим йому обвинуваченням в «участі у змові» і проведенні «ворожій роботи» відповідно до «ворожих установок» О. Успенського. Однак й у справах інших співробітників НКВС УРСР

⁵¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 356–358.

⁵² Там само, арк. 362–363, 364.

⁵³ Там само, арк. 360.

⁵⁴ Там само, т. 3, арк. 2.

доказова база мало відрізнялася від тієї, що була у справі О. Долгушева, а підсудні під час судових засідань Військової колегії відмовлялись від раніше даних ними показань. Так було, наприклад, з М. Дальським-Білоусом і Г. Кобизевим. Та це не завадило Військовій колегії 21 лютого 1939 р. засудити М. Дальського-Білоуса до ВМП, а Г. Кобизєва 15 серпня 1939 р.— до 15 років позбавлення волі у ВТТ⁵⁵.

Отже, справа О. Долгушева знову не потрапила на конвеєр Військової колегії на відміну від справ керівників УНКВС по Ворошиловградській області Г. Коркунова і УНКВС по Вінницькій області І. Морозова, розглянутих колегією 24 липня 1940 р., яка винесла їм смертні вироки. Зі справою О. Долгушева це трапилось вдруге.

Про те, що проблема полягала у слабкості доказової бази, свідчить протокол підготовчого засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу від 1 серпня 1940 р., у засіданні якого брали участь керівники трибуналу і згаданий військовий юрист 2-го рангу М. Дворенко. Останній доповів справу членам трибуналу, потім виступив зі співповіддю керівник трибуналу Я. Васютинський. Питання було непростим, і учасники засідання шукали оптимальний вихід із ситуації, що склалася. Мабуть, вони обговорили можливий сценарій проведення судового засідання і прийняли додаткові заходи щодо його організації.

Аби не загострювати питання, Військовий трибунал погодився з постановою М. Дворенка про віддання О. Долгушева під суд і затвердив обвинувальний висновок у справі за статтями обвинувачення 54–1 п. “б”, 54–7 і 54–11 КК УРСР. Водночас трибунал, не зважаючи на те, що погодився з постановою М. Дворенка від 19 липня 1940 р., фактично дезавував думку, викладену в ній про те, що «слідство проведено з достатньою повнотою», і вирішив: «Враховуючи, що попереднім слідством допущено неповноту слідства, що відобразилася у тому, що: не викликані і не допитані члени суд[ової] трійки з аспектів інкримінованого обв[инуваченому] Долгушеву шкідництва у роботі судтрійки при УНКВС по Київській області; не допитана також низка інших свідків [...], свідчення яких є суттєвими для справи, і маючи на увазі, що зазначену неповноту судового⁵⁶ слідства можливо доповнити у суд[овому] засіданні шляхом виклику цих свідків, викликати на суд[ове] засідання як свідків, крім зазначених у списку, що доданий до обвинувального висновку, також Калюжного, Колесникова Симона, Павличева Леоніда, Бережного, Славіна Андрія, Трещева Леоніда, Цирульницького М. і Ємельянова Миколу»⁵⁷.

Гадаємо, військовий прокурор М. Дворенко бачив неповноту попереднього слідства у справі О. Долгушева. Він знав, що, наприклад, до порушень у діяльності особливої трійки при УНКВС у Житомирі восени 1938 р. були причетні усі її члени — начальник УНКВС Г. Вяткін, перший

⁵⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 62. У 1-й книзі в іменному і біографічному покажчику (с. 671) помилково зазначено, що Г. Кобизєв засуджений 15 березня 1940 р.

⁵⁶ Помилка у документі. Йшлося про попереднє слідство.

⁵⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 3, арк. 3–3 зв.

секретар обкому КП(б)У М. Діденко і обласний прокурор В. Роспутько. Саме за наполяганням військових прокурорів останні двоє стали не просто свідками у справах співробітників НКВС, а були притягнуті до кримінальної відповідальності та врешті-решт також були засуджені.

Пізніше (18 липня 1940 р.) він брав участь у підготовчому засіданні Військового трибуналу у справі колишнього начальника УНКВС по Миколаївській області П. Карамішева і знав, що було прийнято рішення про необхідність допиту як свідків усіх колишніх членів місцевої трійки (про це докладніше ми скажемо далі). Але М. Дворенко чомусь не порушив перед НКВС УРСР питання про притягнення як свідків у справі О. Долгушева колишніх членів особливої трійки при УНКВС по Київській області — партійних представників і обласного прокурора.

Виклик до суду нових дев'яти свідків говорив про те, що військовий прокурор і члени трибуналу, які упродовж 1939 р.— липня 1940 р. вивчили велику кількість слідчих справ на співробітників органів і підрозділів НКВС УРСР, володіли значно більшим обсягом інформації, ніж містила справа О. Долгушева. Показовою є поява серед свідків Л. Павличева, якого 19 липня 1940 р. звільнили з органів НКВС, але потім дозволили працювати в УШОСДОР НКВС УРСР. Мабуть, на думку членів трибуналу, від свідчень додаткових свідків в процесі судового засідання і мав залежати його результат, тобто вирок трибуналу.

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у серпні 1940 р. (док. № 41) та його вирок (док. № 42), які ми публікуємо, дуже інформативні. Після оголошення вироку О. Долгушеву — «у висунутому обвинуваченні за ст. ст. 54–1 [п.] “б”, 54–7 і 54–11 КК УРСР вважати невинним»; «на підставі ст. 206–17 п. “а” КК УРСР позбавити його, Долгушева, волі у ВТТ строком на сім років...»⁵⁸ — дійшла черга й до Л. Павличева. Трибунал ухвалив порушити проти нього кримінальне переслідування за ст. 206–17 п. “а” КК УРСР. При цьому запобіжним заходом для Л. Павличева було обрано підписку про невиїзд з м. Києва⁵⁹.

Далі виникли розбіжності між Військовим трибуналом і Військовою прокуратурою у Києві. В.о. військового прокурора прикордонних військ НКВС УРСР М. Грезов 22 серпня 1940 р. направив через Прокуратуру СРСР до ВКВС СРСР касаційний протест на вирок. Він пропонував скасувати вирок через неправильну кваліфікацію дій О. Долгушева і «м'якість міри покарання, як таку, що не відповідає соціальній небезпеці засудженого і скоєного ним злочину». М. Грезов запропонував повернути справу на дослідження зі стадії судового слідства в іншому складі суддів⁶⁰. Враховуючи це та протест прокурора СРСР, Військова колегія 22 листопада 1940 р. прийняла рішення, яке виявилось ще більш категоричним (док. № 43).

⁵⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 3, арк. 51.

⁵⁹ Там само, арк. 47 зв., 56.

⁶⁰ Там само, спр. 38810, т. 4, арк. 143.

Військова колегія не без підстав повністю скасувала вирок і відправила справу на новий розгляд зі стадії попереднього слідства. Однак, не зважаючи на менторський тон рішення, колегія сама була не без гріха, адже виникає елементарне запитання: чому чотири місяці тому (22 липня 1940 р.), коли на підготовчому засіданні колегії справа О. Долгушева була «відфутболена» на розгляд Військового трибуналу військ НКВС, не можна було відразу зазначити про необхідність її досліджування в НКВС УРСР?

Зі Слідчої частини УДБ НКВС УРСР справу О. Долгушева відправили на початку червня 1940 р., а півроку потому — 6 грудня 1940 р. — одержали її знову. Однак, на відміну від повернення справи першого разу, її прийняв до свого провадження той самий слідчий — молодший лейтенант держбезпеки М. Точилкін⁶¹. Останній упродовж місяця здійснив додаткові слідчі дії. 9 січня 1941 р. зі слідчими матеріалами ознайомився «прушник спокою» бригаєнюрисст М. Грезов, якого задовольнило те, що він побачив, і він вважав слідство завершеним⁶². Невдовзі М. Точилкін підготував обвинувальний висновок у справі, а 18 січня 1941 р. заступник наркома внутрішніх справ УРСР І. Ткаченко його затвердив (док. № 44). Завершився третій етап у попередньому слідстві у справі О. Долгушева.

27 січня 1941 р. т. в. о. Військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Баринів надав обвинувальному висновку силу обвинувального акта, і справу передали до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу⁶³. 6 лютого 1941 р. відбулося підготовче засідання трибуналу, на якому справу знову доповідав помічник Військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Дворенко, а співдоповідачем був досвідчений член трибуналу Фельдман. Судячи з протоколу засідання, цього разу воно пройшло буденно, обвинувальний висновок затвердили, і ніяких додаткових заходів з організації судового засідання у протоколі не було відображено⁶⁴.

Менш поблажливим виявився О. Долгушев при ознайомленні його 10 лютого з обвинувальним висновком та іншими документами. Він висловив свою категоричну думку: *«Обвинувальний висновок не відповідає матеріалам слідства, оскільки результати розслідування у справі абсолютно суперечать змісту обвинувального висновку»*⁶⁵. Що тут можна сказати? О. Долгушев розумів, що хтось вперто домагається його засудження за політичними статтями, скоріше за все, до розстрілу. Про це він відверто казав своїм співкамерникам у тюрмі, і це відображено у справі. Але військові юристи — прокурори і члени трибуналу? Що спонукало їх грати в цю сумнівну гру? На жаль, у нашому розпорядженні немає необхідних архівних документів, щоб відповісти на це запитання.

⁶¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 1–2.

⁶² Там само, арк. 3.

⁶³ Там само, арк. 89, 90.

⁶⁴ Там само, арк. 96.

⁶⁵ Там само, арк. 101.

Втім історія засудження О. Долгушева повторилася. Про це свідчать: протокол другого судового засідання у справі О. Долгушева від 24–27 лютого 1941 р. (док. № 45), вирок Військового трибуналу (док. № 46), ухвала НКВС СРСР від 25 квітня 1941 р. (док. № 47) і ухвала пленуму Верховного суду СРСР у справі О. Долгушева від 12 серпня 1941 р. (док. № 48). Дві головні відмінності між двома спробами засудження О. Долгушева полягали у збільшенні строку позбавлення його волі з 7 до 10 років і появі іншого судового органу замість Військової колегії, якого вирок не влаштував.

Спільного було набагато більше. Так, «порушником спокою» знову став в.о. Військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезов. 3 березня 1941 р. він звернувся до в.о. Голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу Я. Васютинського з проханням надіслати йому справу на засудженого О. Долгушева⁶⁶. 12 березня його прохання було виконане. Повернув справу прокурор разом з касаційним протестом на м'якість вироку трибуналу. Голова трибуналу підготував своє пояснення з цього приводу, і 28 березня 1941 р. справу відправили до Москви⁶⁷.

Однак після затвердження вироку Військовою колегією Верховного суду СРСР органи прокуратури здійснили нову спробу вплинути на результат справи, і пленум Верховного суду СРСР задовольнив протест прокурора СРСР на вирок трибуналу й ухвалу Військової колегії. Справу О. Долгушева відправили на третій судовий розгляд. При цьому у Москві були занадто оптимістично налаштовані, коли 12 серпня 1941 р. прийняли рішення передати справу «на новий розгляд зі стадії судового слідства у той самий суд в іншому складі»⁶⁸. Тому що 19 вересня 1941 р. частини Вермахту зайняли Київ. На той момент співробітники органів НКВС УРСР, військової прокуратури і військових трибуналів, які не були включені у відповідні структури при фронтових частинах і з'єднаннях РСЧА або не потрапили в оточення, а також в'язні, які були закріплені за цими органами, вже були евакуйовані на Схід. Зокрема О. Долгушев невдовзі опинився у 12-му табірному відділенні Північно-Уральського ВТТ НКВС (м. Ірбіт Свердловської області РРФСР)⁶⁹.

Підбиваючи підсумки розповіді про три етапи попереднього слідства у справі О. Долгушева і два суди над ним, відзначимо вперте небажання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у серпні 1940 р. і лютому 1941 р. засудити його за «участь в антирадянській змовницькій організації в органах НКВС УРСР» за ст. ст. 54–1 п. «б», 54–7 і 54–11 КК УРСР, і засудження його за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР спочатку до 7 років, а потім — до 10 років позбавлення волі у ВТТ. Складається враження, що в НКВС УРСР і Військовій прокуратурі військ НКВС Київського округу домагалися засудження О. Долгушева за політичними статтями, а Військовий трибунал опирався цьому і виносив вироки відповідно до

⁶⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 170.

⁶⁷ Там само, арк. 173.

⁶⁸ Там само, арк. 182 зв.

⁶⁹ Там само, арк. 181.

реально встановлених фактів, але чомусь без урахування тяжких наслідків злочинних дій підсудного.

Мотиви НКВС могли бути пов'язані із фактичною перекваліфікацією обвинувачення О. Долгушева зі ст. 206–17 на ст. 54 КК УРСР в НКВС СРСР у зв'язку із проведенням очної ставки між ним і О. Успенським. І в НКВС УРСР продовжували триматися цієї лінії навіть після першого судового засідання трибуналу, коли військові юристи — члени трибуналу внесли необхідні зміни у кваліфікацію злочинів підсудного.

Суперечлива поведінка військових прокурорів М. Дворенка і М. Грезова, зокрема непритягнення як свідків у справі О. Долгушева партійних працівників і прокурора Київської області, на чому наполягав обвинувачений, може свідчити про одержання не лише керівництвом НКВС УРСР, але й органами прокуратури вказівки у жодному разі не чіпати партійних працівників і обласного прокурора, а розібратися з О. Долгушевим персонально.

У Києві така вказівка могла виходити лише від першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова. Він чудово знав: дай НКВС «пальця», у цьому випадку — члена особливої трійки при УНКВС — другого секретаря Київського обкому КП(б)У Т. Черепіна (у 1939–1941 рр. — перший секретар Сумського обкому КП(б)У), так там і всю «руку відхоплять». У тому сенсі, що невідомо, про що співробітники НКВС УРСР захочуть допитати підлеглого М. Хрушова і що зі всього цього вийде. А військові прокурори в цьому розумінні, як свідчив житомирський досвід, могли дати фору будь-кому. З метою не допустити можливості виходу слідства у справі О. Долгушева на партійні органи, і могла бути дана вказівка НКВС УРСР і Військовій прокуратурі військ НКВС Київського округу дотримуватися дистанції.

Оскільки О. Долгушев перебував на Північному Уралі, зусилля Військового трибуналу військ НКВС Київського округу продовжив Військовий трибунал військ НКВС Уральського округу, який за результатами судового засідання у травні 1942 р. засудив О. Долгушева за ст. 206–17, але пунктом «б», до розстрілу (док. № 49, 50). Та в ситуації війни це виявилось вже нікому непотрібним. «Враховуючи особу засудженого», і «не знаходячи нині необхідності у застосуванні до Долгушева вищої міри покарання», ВКВС СРСР 6 червня 1942 р. замінила ВМП на 10 років позбавлення волі у ВТТ (док. № 51). Повторилася ситуація, як і з деякими співробітниками УНКВС по Одеській області, про яких ми писали у 1-й книзі 2-го тому збірника документів (В. Калюжний, І. Рибаків та ін.).

Другим засудженим саме за «порушення соцзаконності» з низки керівників УНКВС по Київській області періоду Великого терору став колишній заступник О. Долгушева Л. Павличев. Оскільки попереднє слідство у справі О. Долгушева «товклося» навколо теми «змовницької організації в органах НКВС», логічним було б створення групової справи з притягненням як співучасників керівників республіканського Наркомату і співробітників УНКВС по Київській області, які у 1938 р. встигли попрацювати й у центральному апараті НКВС УРСР.

Склад фігурантів такої справи, з урахуванням патронально-клієнтських відносин між ними, був очевидним: О. Успенський (нарком) — О. Долгушев (начальник УНКВС) — О. Яралянц (заступник наркома) — Л. Павличев (заступник начальника УНКВС, потім — начальник 4-го відділу УДБ НКВС УРСР) — О. Троїцький (керівник 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, а потім — заступник начальника УНКВС). Однак, два «змовники» — О. Яралянц і О. Троїцький — швидко були усунені розстрілом у Москві з можливої групової справи. Затриманий 15 квітня 1939 р. втікач О. Успенський також був засуджений 27 січня 1940 р. до ВМП окремо від усіх. Якби О. Долгушев не спростував його показання на очній ставці у липні 1939 р., цілком можливо, що він би склав компанію своєму колишньому шефу.

Залишались О. Долгушев і Л. Павличев. Однак останній, не зважаючи на те, що був улюбленцем і висуванцем О. Успенського і О. Яралянца, про що знав увесь апарат НКВС УРСР, не був заарештований ані у першій, ані у другій хвилі арештів «успенців». Коли слідство під час допиту О. Долгушева 4 липня 1939 р. порушило питання про «вербування» Л. Павличева до «організації», О. Долгушев категорично заперечив це. Мабуть, ще і тому цілий рік Л. Павличева не чіпали. І лише тоді, коли, за версією Л. Павличева, у нього стався конфлікт з наркомом внутрішніх справ УРСР І. Серовим, його почали переслідувати: спочатку вигнали з органів НКВС (19 липня 1940 р.), щоправда, дозволивши працювати на неоперативній роботі, а потім Військовий трибунал військ НКВС Київського округу почав кримінальне переслідування проти нього за ст. 206—17 п. «а» КК УРСР (13 серпня 1940 р.).

І хоча це було пов'язано з діяльністю Л. Павличева в УНКВС по Київській області, «заслуги», які він мав по Донбасу, звели його у рамках однієї кримінальної справи не з О. Долгушевим, а зі співробітниками іншого УНКВС. Ще до арешту Л. Павличева (13 лютого 1941 р.) О. Долгушев пройшов перший суд, а 24 лютого 1941 р. розпочався другий. Отже, потяг під назвою «Справа Долгушева» пішов. Втім пленум Верховного суду СРСР 12 серпня 1941 р. його зупинив і відправив у зворотному напрямку. Однак цього ж дня у Ворошиловграді почався судовий процес над Л. Павличевим та іншими особами. Завдяки цим обставинам матеріали про засудження Л. Павличева опинилися у п'ятому розділі нашої книги.

«Порушники соціалістичної законності» в УНКВС по Миколаївській області: гойдалка правосуддя

22 вересня 1937 р. з частин Одеської (29 районів) і Дніпропетровської (9 районів) областей була утворена Миколаївська область. Тиждень потому було створено УНКВС по Миколаївській області. 1 жовтня 1937 р.т.в.о. начальника УНКВС був призначений старший лейтенант держбезпеки Й. Фішер. До того він був начальником 3-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області. Обов'язки його заступника незабаром почав виконувати старший лейтенант держбезпеки Л. Мейтус, який раніше був

начальником 5-го відділу УДБ НКВС по Молдавській АРСР, а з 2 вересня 1937 р.— помічником начальника Миколаївського міського відділу НКВС.

Обидва працювали у Миколаєві до початку березня 1938 р. Й. Фішер за цей час одержав чергове звання капітана держбезпеки (17 листопада 1937 р.), але не був відзначений жодними нагородами. Відсутні у нас відомості про це і стосовно Л. Мейтуса. Після появи у Києві нового наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського їх відправили у розпорядження НКВС СРСР. Л. Мейтус 17 березня 1938 р. був призначений начальником 3-го (оперативно-чекістського) відділу ВТТ шосейно-дорожнього будівництва (Шосдорлага) НКВС (м. Хабаровськ, РРФСР), а Й. Фішер у червні 1938 р.— заступником начальника будівництва № 203 НКВС (м. Молотовськ, нині — Северодвінськ, Архангельська обл., РРФСР).

На зміну їм з'явилися нові обличчя. З березня 1938 р. начальником УНКВС став капітан держбезпеки П. Карамішев, якого перевели з посади заступника начальника УНКВС по Рязанській області (РРФСР). Пошуки О. Успенським кандидатури його заступника затягнулися. Лише 25 травня 1938 р. був призначений т.в.о. (з 1 червня — в.о.) заступника начальника УНКВС старший лейтенант держбезпеки Я. Поясов, який перед цим обіймав посаду начальника 11-го відділу УДБ УНКВС по Київській області. Отже, загальна кількість керівників УНКВС по Миколаївській області у період з жовтня 1937 р. до кінця 1938 р. склала всього чотири особи. Приблизно така ж картина була й в інших областях, створених у 1937 р. (Житомирська, Кам'янець-Подільська). Як же склалась подальша доля цих керівників?

Й. Фішер у Молотовську працював до вересня 1938 р., а 23 жовтня того ж року був призначений заступником начальника Управління В'ятського ВТТ НКВС (Кіровська обл., РРФСР). У липні 1939 р. його зняли з посади, а 14 вересня того ж року звільнили з органів НКВС. Він переїхав до Одеси, де 20 років тому відбувся його чекістський дебют як співробітника розвідки ОВ ВУНК. У жовтні 1939 р. очолив житлово-комунальний відділ Управління Чорноморського морського пароплавства, з січня 1940 р. працював ревізором Управління Наркомату юстиції УРСР по Одеській області, а з квітня 1941 р.— завідуючим юридичною консультацією.

У липні 1941 р. багатьох колишніх керівників направляли до особливих відділів армійських частин і з'єднань. Не став винятком і Й. Фішер, адже у 1931–1936 рр. він був саме «особістом». Минуло два роки, і у липні 1943 р. він обійняв посаду начальника спецчастини Наркомату кольорових металів СРСР, у жовтні 1944 р.— аналогічну посаду у Наркоматі будівельних матеріалів СРСР, а у липні 1945 р.— начальника секретно-мобілізаційного відділу Укрконсервтресту (м. Одеса). Його колишній заступник Л. Мейтус до 15 червня 1940 р. був начальником 3-го відділу Управління виправно-трудових таборів і колоній УНКВС по Хабаровському краю. Потім був знятий з посади і звільнений з органів НКВС. Інформацією про його подальшу долю, а також про те, чи були спроби притягнути його

і Й. Фішера до відповідальності за «порушення соцзаконності», ми поки що не володіємо.

Їхні наступники були людьми різними. П. Карамішев, закінчивши Центральну школу ОДПУ, у важкі дні України 1933–1934 рр. був заступником начальника політвідділу Бандурської машинно-тракторної станції (Арбузинський р-н Одеської обл.). Від 1935 р. служив у СПВ (згодом — 4-й відділ) УДБ УНКВС по Ленінградській області. 23 березня 1936 р. йому було присвоєно звання лейтенанта держбезпеки. 1 листопада 1936 р. він став помічником начальника 1-го відділення, а 1 травня 1937 р. — начальник 5-го відділення 4-го відділу. 25 червня 1937 р. був нагороджений орденом Леніна. Це перевершує всі інші згадані нами нагородження співробітників НКВС. Так рано і такою високою нагородою у період Великого терору не був відзначений жоден з них. А далі темпи його службового зростання значно прискорились: з 1 серпня 1937 р. — помічник начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Ленінградській області, з 7 жовтня 1937 р. — заступник начальника УНКВС по Рязанській області. У день призначення на посаду у Рязані П. Карамішеву було достроково присвоєно позачергове звання капітана держбезпеки. Менше ніж за п'ять місяців він пішов на нове підвищення — призначений начальником УНКВС по Миколаївській області.

Я. Поясов був набагато старшим за П. Карамішева і раніше за того обіймав керівні посади в органах ДПУ–НКВС. Зокрема, з 1 квітня 1934 р. очолював Білоцерківський райвідділ ДПУ і за сумісництвом — ОВ 2-ї Туркестанської стрілецької дивізії РСЧА (м. Біла Церква Київської обл.). 27 вересня 1937 р. його призначили начальником 11-го відділу УДБ УНКВС по Київській області. У 1937–1938 рр. Я. Поясов очолював Білоцерківську міжрайонну оперативно-слідчу групу, яка під час куркульської і національних операцій НКВС «спустишила» чимало частину Київщини. У начальника УНКВС по Київській області М. Шарова і наркома внутрішніх справ УРСР І. Леплевського були усі підстави висунути Я. Поясова на нагородження і 19 грудня 1937 р. серед інших активістів Великого терору його нагородили орденом Червоної зірки. Чергове звання капітана держбезпеки він одержав через два тижні після призначення до Миколаєва.

Про те, що відбувалося у Миколаївській області, коли біля штурвала місцевого УНКВС стояли два капітани-орденоносці, чимало написано в історичній літературі⁷⁰, зокрема й учасником нашого міжнародного проекту⁷¹. Це спрощує наше завдання у викладі історичного контексту виникнення і ходу розслідування «миколаївської справи».

⁷⁰ Серед праць останнього часу відзначимо статтю О. Бажана і В. Золотарьова: *Бажан О. Г., Золотарьов В. А.* «Обличчя Великого терору»: сторінки біографії капітана державної безпеки П. В. Карамішева // Реабілітовані історією. У 27 т. / Гол. редколегія В. А. Смолій та ін. — Миколаївська область. — Кн. 7. — Миколаїв: Ілюн, 2017. — С. 67–83.

⁷¹ *Юнге М.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. — М.: АИРО-XXI, 2017. — 352 с.

П. Карамішев, як і О. Долгушев, офіційно був знятий з посади 15 січня 1939 р., але заарештований значно пізніше — 4 серпня 1939 р. Згідно з ухвалою на арешт від 2 серпня, за результатами розслідування, проведеного апаратом ОСУ НКВС УРСР, було встановлено, що П. Карамішев «попускав здійсненню арештів за сфальсифікованими довідками, приховував факти вбивств на слідстві заарештованих і сам був безпосереднім учасником цих злочинів». Крім цього, «підтримував зв'язок із підозрілими особами»⁷². Останнє стосувалося і особистого життя колишнього начальника УНКВС. В його діях Слідчастина УДБ НКВС УРСР вбачала ознаки злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР⁷³.

На день раніше за П. Карамішева був заарештований колишній начальник 2-го відділу (СПВ) УДБ УНКВС Я. Трушкін. В ухвалі на його арешт від 2 серпня 1939 р. було зазначено, що він «здійснював безпідставні арешти, затверджував довідки [на арешт], що не відповідали дійсності, на партійних працівників і спеціалістів заводів, припускався найбрудніших викривлень у слідстві, ... заохочував і культивував провокаційні методи слідства». На відміну від П. Карамішева, його підлеглого обвинувачували також у тому, що «у 1939 році, після рішення ЦК і РНК, Трушкін свідомо затримував звільнення низки заарештованих, яких обмовили...»⁷⁴, тобто його звинуватили у невиконанні постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. Ці його дії кваліфікували як злочинні спочатку відповідно до ст. 206–17 п. «б» КК УРСР, але незабаром Слідчастина УДБ НКВС УРСР п. «б» змінила на п. «а»⁷⁵.

Після арешту й етапування до Києва П. Карамішев майже на півтора роки «прописався» у внутрішній тюрмі УДБ НКВС УРСР, а Я. Трушкін — у Лук'янівській тюрмі НКВС УРСР. П. Карамішев був шокований арештом. У заяві на ім'я наркома внутрішніх справ СРСР Л. Берії від 18 серпня 1939 р. колишній начальник УНКВС, який зверхньо ставився до місцевих партійних органів, тим не менш, не забув згадати і про своє членство в них: «від ув'язненого члена ВКП(б), члена Миколаївського міськкому і обкому КП(б)У, депутата Верховної Ради УРСР, орденоносця...»⁷⁶.

Заявивши, що в його випадку йдеться «про помилки, які докладно розбиралися у відомій постанові ЦК від 17 листопада 1938 року», він був щиро спантелечений: «Але ж помилки, якими б серйозними вони не були, це все ж не злочин, тим більше, що мені доводилось виправляти більше помилки своїх попередників, ніж власні (хоча і в моїй роботі було багато помилок)»⁷⁷. Висловивши свої сумніви наркому Л. Берії, П. Карамішев на слідстві спочатку категорично відкидав всі обвинувачення.

⁷² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 1, арк. 2.

⁷³ Там само, арк. 4.

⁷⁴ Там само, арк. 29.

⁷⁵ Там само, арк. 31, 50.

⁷⁶ Там само, арк. 98. В аналогічній заяві від 24 листопада 1939 р. П. Карамішев у своїй «візитівці» вже не згадував про своє «багаточленство» у виборних партійних органах. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 1, арк. 186).

⁷⁷ Там само, арк. 99.

Я. Трушкін також визнавав свої помилки, але дуже оригінально: «У практиці моєї особистої роботи і роботи відділу, яким я керував..., мали місце помилки, які полягали у тому, що не давав належної відсічі керівництву УНКВС в особі Карамішева [...] і його заступника Поясова...»⁷⁸. Але коли слідство почало вимагати конкретних відповідей на серйозні запитання, Я. Трушкіну стало не до жартів. На допиті 1 жовтня 1939 р. його запитали щодо складання ним сфальсифікованої довідки на арешт голови Миколаївської міськради і депутата Верховної Ради СРСР І. Карасьова. Виклавши свою версію складання довідки, Я. Трушкін фактично змушений був визнати і свою провину за це⁷⁹. Подібні запитання, але вже з іншого приводу, слідчі ставили знову і знову.

У жовтні 1939 р., коли слідство почало з'ясовувати обставини роботи секретних агентів УНКВС з «висвітлення антирадянської діяльності» групи осіб, звільнених з-під варті як незаконно заарештованих, Я. Трушкін втратив самоконтроль і вступив у конфлікт зі слідчим Г. Груніним. Останній навіть склав акт про обурливу поведінку Я. Трушкіна на допитах 26–28 жовтня і відмову 17 листопада 1939 р. надавати показання на підставі відводу слідчого⁸⁰. Звичайно, це затягувало строки слідства, але воно тривало, і 8–9 грудня 1939 р. Я. Трушкіну довелося надавати показання з цих питань іншому слідчому — М. Точилкіну⁸¹.

Тим часом П. Карамішев продовжував займатися самоаналізом і його результати виклав 21 листопада 1939 р. у заяві на ім'я заступника наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинського. Повторивши свою головну тезу про те, що «помилки» — це не злочин, він порушив тему «ворожого керівництва» у роботі з боку колишнього наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського і свого протистояння цьому «керівництву». Підкресливши, що «ворог Успенський усіяло третирував» його, а тепер, коли «на зміну ворожому керівництву прийшли нові люди — керівники, від яких я... маю право очікувати іншого ставлення до себе», П. Карамішев вже вдруге просив викликати його «для надання особистих пояснень у справі»⁸². Станом на 18 січня 1940 р. на жодну свою заяву він не одержав відповіді.

Спочатку слідчі справи вели окремо і за різними номерами: № 147067 — на Я. Трушкіна і № 147070 — на П. Карамішева. Але після того, як справи прийняв до свого провадження молодший лейтенант держбезпеки Н. Бурдан (15 грудня 1939 р. — справу П. Карамішева і 2 лютого 1940 р. — справу Я. Трушкіна), обидві справи 25 лютого 1940 р. об'єднали в одну за номером справи П. Карамішева (№ 147070)⁸³. Чималий проміжок часу між прийняттям Н. Бурданом у провадження обох справ пояснювався виїздом його разом зі слідчим М. Точилкіним у січні 1940 р. до Миколаєва

⁷⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 2, арк. 1, 11.

⁷⁹ Там само, арк. 178–184.

⁸⁰ Там само, т. 1, арк. 57.

⁸¹ Там само, т. 3, арк. 57–79.

⁸² Там само, т. 1, арк. 181–185.

⁸³ Там само, арк. 24, 62–64.

для ознайомлення на місці із документами і зняття з них завірених копій для формування документальної частини доказової бази слідства.

Вивчивши у Миколаєві багато різних документів, старший слідчий Н. Бурдан активізував допити П. Карамишева, щоденно допитуючи його з 2 по 5 лютого, а 6 лютого П. Карамишев написав заяву з додатковими відомостями за одним із епізодів справи⁸⁴. Такий же ударний відрізок часу був й у слідстві стосовно Я. Трушкіна. Його Н. Бурдан щоденно допитував з 14 до 17 лютого. Мабуть, інтенсифікація слідства стала одним із факторів об'єднання розрізнених справ в одну.

Тоді ж помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Дворенко запропонував Слідчастині УДБ НКВС УРСР розширити коло обвинувачених. У листі від 29 лютого 1940 р. М. Дворенко зазначив, що з матеріалів слідства випливає, що колишні заступник начальника 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС М. Гарбузов і начальник 1-го відділення того ж відділу К. Воронін, які вже були звільнені з органів, спільно з Я. Трушкіним «сфальсифікували агентурну розробку “Ретиви”, застосовували до цілої низки заарештованих незаконні методи слідства, домагаючись від заарештованих вимушених показань на керівних партійних, радянських працівників, за якими здійснювали безпідставні арешти»⁸⁵. Прокурор кваліфікував їхні дії за ознаками ст. 206–17 п. «а» КК УРСР і пропонував обрати як запобіжний захід для обох підписку про невиїзд з місця проживання.

Як і колишні співробітники УНКВС по Одеській області В. Калюжний, С. Гапонов, Ю. Абрамович та інші «винищувачі більшовиків» в Одесі, їхні миколаївські колеги з 4-го (2-го) відділу також були обвинувачені у гоніннях, передусім на керівних партійних і радянських працівників. Однак, такі обвинувачення не були універсальними для усіх регіонів УРСР. Наприклад, вони залишились за лаштунками «молдавської справи», їх не було у справі Г. Кочергинського і у «житомирській справі», про які йшлося у 1-й книзі 2-го тому збірника документів. Практично не згадувались ці сюжети у «київській справі» (О. Долгушева). І лише у «миколаївській справі» вони вийшли на перший план, а потім з'явилися у «вошиловоградсько-київській справі».

Прийняття рішення з питання, що порушив військовий прокурор М. Дворенко, було швидким. Вже 4 березня 1940 р. Слідчастина УДБ НКВС УРСР висунула обвинувачення М. Гарбузову, а наступного дня — К. Вороніну⁸⁶. Водночас у них було відібрано підписки про невиїзд з м. Миколаєва⁸⁷. Тоді ж на них заповнили анкети заарештованих⁸⁸.

⁸⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 1, арк. 276–276 зв.

⁸⁵ Там само, арк. 78.

⁸⁶ Там само, арк. 79–81, 83; 85–87, 89.

⁸⁷ Там само, арк. 84, 90.

⁸⁸ Там само, арк. 82–82 зв., 88–88 зв.

М. Гарбузова опитували у справах П. Карамишева і Я. Трушкіна 10 і 12 вересня 1939 р., і відповідні його свідчення були долучені до справи⁸⁹. Потім були нові допити його як свідка 21 січня, 3 і 4 березня 1940 р.⁹⁰ Після останнього допиту йому було висунуто обвинувачення і оформлений протокол його першого допиту як обвинуваченого (також від 4 березня). У протоколі зафіксовано лише одне запитання і відповідь на нього. На запитання слідчого Н. Бурдана, чи визнає М. Гарбузов себе винним у висунутому обвинуваченні, той відповів, що не визнає⁹¹.

К. Вороніна допитали як свідка 20 січня 1940 р.⁹², а з 5 березня у справі накопичували протоколи його допитів як обвинуваченого, причому без риторичних запитань і відповідей, а ґрунтовні, з конкретним фактичним матеріалом⁹³. Паралельно у серпні 1939 — на початку 1940 рр. було допитано чимало колишніх і діючих співробітників УНКВС по Миколаївській області, а також звільнених з-під варті людей — жертв беззаконня.

9 лютого 1940 р. був допитаний як свідок колишній заступник П. Карамишева Я. Поясов⁹⁴. Останній 15 травня 1939 р. був звільнений з органів НКВС і вчинив обачливо, виїхавши з України, де залишив по собі недобру пам'ять. Він влаштувався директором механічного бондарного заводу, що знаходився у сел. Константи́вка за 30 км від м. Ярославля. Географічно це була Центральна Росія, але місце було тоді «ведмежим кутом»: за словами Я. Поясова, зв'язок із зовнішнім світом здійснювався один раз на добу робітничим потягом, найближча залізнична станція знаходилася за 8 км, де також раз на добу проходив пасажирський потяг Рибінськ—Москва⁹⁵. Звичайно, у разі потреби це не завадило б колишнім колегам знайти Я. Поясова, але було очевидним його бажання «сховатися у тіні». Для цього у нього були вагомі причини, зокрема й одна, напругу начебто не пов'язана з роботою в органах НКВС. Але це інша історія.

Я. Поясов надав слідству чимало важливої інформації про те, що відбувалося в УНКВС, й не приховував, що різних порушень припускався і він. 10 лютого 1940 р. між ним і П. Карамишевим було проведено очну ставку, під час якої останній спростовував свідчення Я. Поясова про те, що наказував здійснювати арешти людей без санкції прокурора, але змушений був частково або повністю визнати інші факти (про «засудження» особливою трійкою при УНКВС людей, заарештованих після 1 серпня 1938 р., та ін.)⁹⁶.

⁸⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 3, арк. 138–146, 150–154.

⁹⁰ Там само, арк. 165–180, 187–193, 202–211, 224–240.

⁹¹ Там само, арк. 242–243.

⁹² Там само, арк. 254–269.

⁹³ Там само, арк. 279–288, 299–310; т. 4, арк. 5–9.

⁹⁴ Там само, т. 6, арк. 143–162.

⁹⁵ Там само, т. 13, арк. 60.

⁹⁶ Там само, т. 6, арк. 190–199.

Тоді ж, 10 лютого, було проведено очну ставку між Я. Поясовим і Я. Трушкіним⁹⁷. І хоча свідок і обвинувачений надали суперечливі показання, деякі важливі епізоди обвинувачення були з'ясовані, зокрема про складання в УНКВС обвинувального висновку у справі на групу осіб вже після їх «засудження» особливою трійкою до ВМП.

Одним із результатів інтенсифікації слідства у лютому 1940 р. були зміни у кваліфікації дій, скоєних Я. Трушкіним. Згідно з постановою про пред'явлення йому обвинувачення від 25 лютого було встановлено факти порушення ним законності, які мали тяжкі наслідки. Відповідно було змінено пункт ст. 206–17 (з «а» на «б») КК УРСР, за яким він притягувався до кримінальної відповідальності⁹⁸.

Іншим результатом стало виділення 7 березня 1940 р. зі слідчої справи матеріалів на 12 співробітників УНКВС, які були «причетні до викривлень у слідчій роботі, застосовували незаконні методи ведення слідства». Ці матеріали направляли особливоуповноваженому НКВС УРСР⁹⁹. Серед цих співробітників не було Я. Поясова. Однак і стосовно нього в апараті ОСУ НКВС УРСР невдовзі розпочали розслідування, про що йтиметься далі.

Ще одним результатом поглиблення слідства було рішення Слідчої частини УДБ НКВС УРСР від 9 березня 1940 р. про виділення зі справи матеріалів на осіб, причетних до незаконних дій особливої трійки при УНКВС восени 1938 р. Йшлося про членів трійки і осіб, які їх заміщали — першого і другого секретарів Миколаївського обкому КП(б)У П. Старигіна і О. Максимова, прокурора Миколаївської області І. Ланчуковського та його заступника у спецсправах Карпенка. Матеріали на них виділили в окреме провадження для направлення прокурору¹⁰⁰.

Все це свідчило про те, що попереднє слідство у «миколаївській справі» у березні 1940 р. мало перспективу вийти на новий рівень за зразком «житомирської справи». Адже воно мало охопити ключових провідників, організаторів і виконавців масового терору в області у 1938 р.— керівництво обкому партії, органів НКВС і прокуратури. До П. Карамішева та інших заарештованих могли приєднатися ще 12 співробітників УНКВС плюс Я. Поясов. Загалом 17 колишніх співробітників УНКВС були б обвинувачені як «порушники соцзаконності». У такому разі можна було б говорити про більш-менш масштабну чистку УНКВС від «порушників». А поява серед обвинувачених керівників обкому КП(б)У і обласної прокуратури у такому форматі, як це було зазначено у постанові про виділення матеріалів зі справи від 9 березня 1940 р., зробила б слідство найбільш комплексним з усіх, що тоді проводили в УРСР.

У такій комплексності був великий практичний сенс, оскільки з'ясувалась реальна роль кожного обвинуваченого як у проведенні масових репресій «відповідно до соцзаконності», так і у здійснених при цьому

⁹⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 7, арк. 95–107.

⁹⁸ Там само, арк. 235–236.

⁹⁹ Там само, арк. 242.

¹⁰⁰ Там само, т. 11, арк. 306.

«порушеннях соцзаконності». Адже самі обвинувачені іноді не розуміли, де була межа між першим і другим при виконанні ними завдань, що ставили перед ними партія і керівництво НКВС. Краще у них це виходило, коли вони розповідали про дії інших, а не про власну службу діяльність.

У зв'язку з цим зазначимо, що обвинувачені у «миколаївській справі» під час слідства були зосереджені на собі і у цілому не дотримувалися солідарної позиції. Особливо яскраво це виявилось на другому етапі слідства. Характерним прикладом є очна ставка між П. Карамішевим і Я. Трушкіним 8 березня 1940 р. Під час неї П. Карамішев, відповідаючи на одне із запитань, заявив: «Показання Трушкіна я спростовую, оскільки вони є вигаданими від початку і до кінця»¹⁰¹. Це була стандартна відповідь співробітників НКВС, коли їм зачитували, наприклад, свідчення людей, звільнених з-під варти. Але стосовно показань колег до таких різкостей доходило значно рідше.

Другий етап у слідстві у справі П. Карамішева та його підлеглих був значно коротшим від попереднього — від середини січня до березня 1940 р., але інтенсивнішим. Його результатом стало пред'явлення обвинуваченим матеріалів слідства (11 томів): 10 березня — П. Карамішеву (він заявив, що доповнити слідство нічим не може¹⁰²); 11 березня — К. Вороніну (попросив долучити до справи кілька додаткових документів, що виправдовували його¹⁰³, прохання було виконано); 13 березня — М. Гарбузову (клопотав про проведення додаткових слідчих дій¹⁰⁴, з 10 пунктів слідство задовольнило один — про долучення додаткового документа); 16 березня — Я. Трушкіну (висловив прохання про долучення до справи додаткових документів¹⁰⁵, з 18 пунктів повністю чи частково задовольнили 7, що викликало невдоволення у Трушкіна, і 22 березня він відмовився від підпису про ознайомлення з відповідною постановою¹⁰⁶).

Старший слідчий Н. Бурдан склав обвинувальний висновок у справі, який 27 березня 1940 р. затвердив заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинський. Військова прокуратура військ НКВС Київського (Українського) округу 5 квітня також затвердила висновок і вирішила направити обвинувачених на суд Військового трибуналу. Але потім на висновку з'явилась резолюція начальника 4-го відділу ГВП Г. Лемешка, згідно з якою справу належало направити на розгляд ВКВС СРСР¹⁰⁷. Як ми знаємо з історії зі справою О. Долгушева, нічого доброго з цих перенаправлень не виходило. Та цього разу справа не потрапила до Військової

¹⁰¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 7, арк. 228.

¹⁰² Там само, т. 11, арк. 171.

¹⁰³ Там само, арк. 213–214, 215–217.

¹⁰⁴ Там само, арк. 240–243, 244–247.

¹⁰⁵ Там само, арк. 267–277.

¹⁰⁶ Там само, арк. 278–283.

¹⁰⁷ Там само, арк. 307–318.

колегії, а була повернута до НКВС УРСР, а ГВП дала чіткі вказівки щодо внесення до справи деяких суттєвих змін.

У супровідному листі начальнику Слідчої частини НКВС УРСР М. Казіну від 29 квітня 1940 р. помічник військового прокурора військ НКВС Українського округу М. Дворенко повідомив, що справу повернено для притягнення М. Гарбузова і К. Вороніна за ст. 206–17 п. «б» (а не п. «а»), оскільки «крім здійснення безпідставних арештів і застосування незаконних методів слідства, вони займалися також і фальсифікацією слідчих справ, за якими заарештовані засуджені до ВМП». Тому пропонувалося «пред'явити Гарбузову і Вороніну обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР. Запобіжний захід відповідно до ст. 158 КПК змінити і ув'язнити Гарбузова і Вороніна. Передопитати Гарбузова і Вороніна, оголосити [їм] про закінчення слідства і знову скласти обвинувальний висновок, після чого справу направити для судового розгляду»¹⁰⁸.

Якщо не враховувати недооцінку тяжких наслідків злочинів, скоєних двома обвинуваченими, можна вважати, що завдання слідчих полягало у вирішенні нескладних процедурних питань. Відразу після першотравневих свят були підготовлені, погоджені з обкомом КП(б)У і Військовою прокуратурою та затверджені наркомом внутрішніх справ УРСР І. Серовим постанови про зміну запобіжного заходу стосовно М. Гарбузова і К. Вороніна¹⁰⁹. Вони були заарештовані у Миколаєві 7 травня і етаповані до Києва, у внутрішню тюрму УДБ НКВС УРСР. 9 і 10 травня їм було пред'явлено обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР і їх знову ознайомили з матеріалами слідства. Потім відповідно до вказівок ГВП було складено і затверджено 11 травня 1940 р. заступником наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинським новий обвинувальний висновок (док. № 52). Третій етап попереднього слідства зайняв менше ніж півтора місяця. Слідчу справу через органи військової прокуратури відправили до Москви.

Отримавши справу 10 червня 1940 р., ВКВС СРСР 11 днів потому на своєму підготовчому засіданні вирішила передати її для розгляду до Військового трибуналу військ НКВС Українського (Київського) округу (док. № 53)¹¹⁰. І тут стався новий поворот. Трибунал на підготовчому засіданні 18 липня 1940 р. визначив, що «попереднім слідством за цією справою допущено неповноту слідства за низкою моментів, що мають суттєве значення для справи, які доповнити у суд[овому] засіданні не виявляється можливим. Через це цю справу повернути на досліджування для здійснення наступних слідчих дій...»¹¹¹.

Першим каменем спотикання стало питання, про яке ми говорили у зв'язку зі справою О. Долгушева — про причетність інших членів особливої трійки при УНКВС до «порушень соцзаконності» восени 1938 р. У випадку з П. Карамішевим Військовий трибунал вважав за необхідне:

¹⁰⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 11, арк. 324.

¹⁰⁹ Там само, арк. 325–326, 335–336.

¹¹⁰ Там само, т. 13, арк. 2.

¹¹¹ Там само, арк. 25.

«1. Допитати як свідків кол[ишніх] членів суд[ової] трійки при УНКВС по Миколаївській обл[асті] Старигіна і Ланчуковського, а також Максимова і Карпенка, і шляхом їх допиту встановити наступні обставини...», а далі п'ятьма пунктами йшли конкретні питання, пов'язані з діяльністю трійки¹¹².

Другим питанням стала співучасть у здійсненні злочинів інших співробітників УНКВС. Трибуналом були названі три таких співробітники: Г. Зельцман, О. Федотов і А. Федоровський. Констатувавши, що матеріали про них виділені в особливе провадження і направлені особливоуповноваженому НКВС УРСР, трибунал вважав це недостатнім. Він назвав злочинними дії цих осіб щодо «фальсифікації тих слідчих справ, обвинувачення за якими інкримінується Карамішеву і Трушкіну», і тому вважав неможливим окремих розгляд справи П. Карамішева та інших від справи Г. Зельцмана, О. Федотова і А. Федоровського, яких пропонував також притягнути до кримінальної відповідальності за ст. 206–17 п. “б” КК УРСР з подальшим об'єднанням їх справи із справою колег¹¹³.

Трибунал поставив нелегке завдання перед Слідчастиною УДБ НКВС УРСР. Слідчим практично з нуля треба було починати попереднє слідство стосовно трьох нових обвинувачених, тому що за той час, що минув від виділення зі справи П. Карамішева і Я. Трушкіна матеріалів на інших осіб (7 березня 1940 р.), в апараті ОСУ НКВС УРСР «кінь не валявся». Вся увага там була зосереджена на розслідуванні стосовно колишнього заступника начальника УНКВС Я. Поясова. Ще більше проблем обіцяло притягнення як свідків партійних і прокурорських працівників. У Військовій прокуратурі добре розуміли це і підготували касаційний протест на рішення трибуналу. Протест разом зі справою і копією протоколу підготовчого засідання трибуналу голова трибуналу Я. Васютинський 22 липня 1940 р. направив на розгляд голові ВКВС СРСР В. Ульріху¹¹⁴.

Далі все сталося як у відомій приказці «Хотіли як краще, а вийшло як завжди». Розгляд матеріалів у Москві затягнувся до глибокої осені. За цей час завершили розслідування стосовно Я. Поясова. Висновок за його результатами 31 жовтня 1940 р. затвердив нарком внутрішніх справ УРСР І. Серов. Було встановлено, що Я. Поясов, П. Карамішев, Я. Трушкін, М. Гарбузов і К. Воронін «у 1938 р. здійснювали безпідставні арешти і застосовували викривлені методи слідства, змушуючи [заарештованих] давати вигадані показання, чим створювали неіснуючі к-р організації». Я. Поясов також мав бути засудженим: «...За порушення соц[іалістичної] законності у практиці слідчої роботи у 1938 р., внаслідок чого безпідставно було заарештовано низку спеціалістів оборонних заводів, на яких штучно було створено групову слід[чу] справу за обвинуваченням їх у к-р діяльності, у зв'язку з чим 6-ть осіб були засуджені до ВМП, — заарештувати і віддати під суд Військового трибуналу»¹¹⁵.

¹¹² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 25–26.

¹¹³ Там само, арк. 26.

¹¹⁴ Там само, арк. 30.

¹¹⁵ Там само, ф. 12, оп. 7, спр. 150, арк. 8–9.

На початку листопада 1940 р. матеріали розслідування (в одному томі) відправили до Москви на ім'я заступника особливоуповноваженого НКВС СРСР Г. Балябіна. У супровідному листі було зазначено, що Я. Поясов з органів НКВС звільнений зовсім, а слідча справа стосовно П. Карамишева, Я. Трушкіна, М. Гарбузова і К. Вороніна «закінчена і направлена на розгляд Військової колегії Верховного Суду СРСР»¹¹⁶. Виникла ситуація, аналогічна тій, про яку ми писали у 1-й книзі у зв'язку з надходженням пов'язаних між собою справ на співробітників УНКВС по Одеській області до різних московських інстанцій. Це свідчило про відсутність координації не лише між відомствами (НКВС, органами військової прокуратури і судовими органами), але й всередині НКВС. Тому казати про якусь цілеспрямовану державну політику у цьому питанні не доводиться.

У нашому розпорядженні немає документів про те, яким було рішення за справою Я. Поясова. У вивчених нами архівних фондах немає справи з матеріалами розслідування, яка була відправлена до Москви. Вірогідно, ця справа не повернулася до Києва. Гадаємо, що хтось у Москві «прикрив» Я. Поясова, у всякому разі він брав участь як свідок у судових засіданнях у справі свого колишнього шефа і підлеглих без будь-яких наслідків для себе.

Повертаючись до справи П. Карамишева та його підлеглих, зазначимо, що 15 листопада 1940 р. ВКВС СРСР заслухала висновок помічника Головного військового прокурора РСЧА М. Малярова про відміну ухвали Військового трибуналу і вирішила, що матеріалами, здобутими попереднім слідством, обвинувачені були достатньо викриті у скоєнні злочинів, що передбачала ст. 206–17 п. «б» КК УРСР, а аргументи, що були наведені у рішенні трибуналу від 18 липня 1940 р. про направлення справи на дослідження, не могли стати на заваді розгляду справи у судовому засіданні, оскільки Військовий трибунал «на свій розсуд може викликати до суду додаткових свідків для з'ясування або уточнення окремих обставин, а також у випадках виявлення злочину з боку інших осіб, не притягнутих до відповідальності, суд може винести додаткову ухвалу про порушення кримінальної справи стосовно цих осіб, виділивши матеріал в окреме провадження».

Військова колегія відмінила рішення трибуналу про направлення справи на дослідження. Справа підлягала направленню до того ж трибуналу «для розгляду по суті у судовому засіданні з викликом свідків на розсуд суду за висновками обвинувального висновку»¹¹⁷. Отже, у листопаді 1940 р. ситуація повернулася до того ж стану, в якому вона перебувала чотири місяці тому. Пройшов ще деякий час, і Військовий трибунал військ НКВС Київського округу 11 грудня 1940 р. прийняв справу до свого провадження і затвердив обвинувальний висновок¹¹⁸. Таким чином, затримка із судовим розглядом справи становила вже майже п'ять місяців.

¹¹⁶ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 7, спр. 150, арк. 1.

¹¹⁷ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 32–32 зв.

¹¹⁸ Там само, арк. 40.

Судове засідання Військового трибуналу призначили у м. Миколаєві на 24 грудня. Трибунал повідомив про це начальника УНКВС і попросив його забезпечити виклик свідків за списком з 38 осіб¹¹⁹, серед яких, однак, не було партійних і прокурорських працівників, свідчення яких так хотіли бачити у слідчій справі у липні. Можна лише здогадуватись, чому це питання раптом втратило актуальність.

Із запізненням на один день судове засідання розпочалося у приміщенні УНКВС по Миколаївській області, але вже 15 хвилин потому закінчилось, оскільки підсудні у судове засідання не були доставлені «через відсутність їх у м. Миколаєві». З Києва 16 грудня їх відправили етапом спочатку до Харкова, потім — до Одеси, а звідти 21 грудня — чомусь назад до Харкова, але місцеві УНКВС і тюрма НКВС відрепортували, що підсудні до Харкова не прибули. Станом на 15 год. 25 грудня 1940 р. у країні, в якій «за Сталіна був порядок», члени Військового трибуналу не знали, де перебувають підсудні, яких вони збиралися судити¹²⁰. Внаслідок переполоху, що здійнявся, та доручення Військовій прокуратурі військ НКВС Харківської області провести розслідування за цим фактом і притягнути до відповідальності винних, до кінця дня було з'ясовано, що «підсудні затримались у Харкові і будуть звідти відправлені 26.XII.[19]40»¹²¹.

Після того, як це було зроблено, з 27 грудня 1940 р. до 4 січня 1941 р. відбулося судове засідання, протокол якого ми публікуємо (док. № 54). Передусім, слід звернути увагу на збільшення кількості свідків, яких хотів заслухати трибунал. До тих 38, про яких ми сказали вище, додалось ще 6, у тому числі обласний прокурор І. Ланчуковський, але інших осіб, які були причетні до діяльності особливої трійки, не було. Серед чотирьох свідків, що не з'явилися, був і А. Федоровський, якого Військовий трибунал у липні 1940 р. хотів бачити серед обвинувачених у справі. Згідно з протоколом він «вибув з м. Миколаєва і невідомо, де проживає»¹²². Г. Зельцман і О. Федотов, якими також цікавився трибунал, взяли участь у засіданні.

На відміну від інших аналогічних судових засідань, засідання розпочалося з допиту свідків, а не підсудних. Це було пов'язано з тим, що підсудні не визнали себе винними. Це було помилкою членів трибуналу. Той же О. Долгушев на початку судових засідань Військового трибуналу 10 серпня 1940 р. і 24 лютого 1941 р. також не визнавав себе винним, однак члени трибуналу (а це були різні люди) обидва рази вирішили розпочати судове слідство звичайним порядком — з допиту підсудного. А члени трибуналу, що засідав у Миколаєві, своїм рішенням дали можливість підсудним, не надавши своїх показань, ставити запитання свідкам так, як вони це вміли робити, і перетворитися з обвинувачених на обвинувачів свідків.

¹¹⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 53, 54.

¹²⁰ Там само, арк. 107—107 зв.

¹²¹ Там само, арк. 107 зв.—108, 109.

¹²² Там само, арк. 111 зв.

Особливо у цьому відзначився П. Карамішев. Захищаючи себе і своїх підлеглих за одним із епізодів справи, він на четвертий день засідання клопотав про виклик до суду і допит як свідка колишнього начальника НКВС І. Юрченка, який у 1939 р. «по вуха» вплутався в історію, про яку йшлося на засіданні. Військовий трибунал відмовив у цьому клопотанні, і виступ «дуєтом» двох колишніх начальників НКВС не відбувся.

Чотири дні засідання дозволили підсудним добре підготуватися до надання своїх показань суду. Всі карти вже були кинуті на стіл, і можна було обирати свої варіанти подальшої гри. Першим у наступ на всіх і вся пішов П. Карамішев. Від нього дісталася багатьом — від «неправильно звільнених з-під варті» свідків до колишнього наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського, який на нього «справив враження самодура»¹²³.

Не краще враження на П. Карамішева справили і співробітники центрального апарату НКВС УРСР, які проводили у першій половині 1939 р. за дорученням М. Хрущова службове розслідування за фактами діяльності колишнього начальника НКВС — в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР О. Твердохлебенко і начальник 1-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР С. Калужський. Зневага П. Карамішева виявилась у принизливому згадуванні прізвищ цих людей у множині: «Усі ці Твердохлебови»¹²⁴, Калужські — це ставленики Успенського, які перебили добру половину чекістських кадрів, те ж вони зробили і зі мною, неправильно інформуючи керівництво»¹²⁵. Крім зневаги з боку орденоносця і депутата (про свій високий статус він нагадував в усіх заявах), це була ще і відверта демагогія. Згадка про «ставлеників Успенського» була недоречною, йшлося про конкретне побажання партійного лідера покарати винуватця злочинів.

Не будемо переповідати зміст протоколу судового засідання, адже воно було не останнім у «миколаївській справі». Зазначимо лише, що слова П. Карамішева подіяли на членів Військового трибуналу, які виправдали його. Стосовно інших підсудних були визначені різні міри покарання у вигляді позбавлення волі у ВТТ (Я. Трушкіну і К. Вороніну) і загальних місцях ув'язнення (М. Гарбузову, умовно). П. Карамішев підлягав негайному звільненню (док. № 55), що у залі суду і було зроблено. Те ж саме було здійснено і стосовно М. Гарбузова.

Вірогідно, головуючий на засіданні — заступник голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу П. Гур'єв відчув щось не добре після винесення такого вироку і виклав свою особливу думку щодо м'якості вироку Я. Трушкіну і К. Вороніну (док. № 56). Вирок стосовно П. Карамішева і М. Гарбузова у нього не викликав сумнівів. Скоріш за все, він про це пожалкував. Виправдальний вирок і звільнення П. Карамішева викликали ще більший резонанс, ніж зникнення обвинувачених під час їх етапування з Києва до Миколаєва. Керівництво

¹²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 231.

¹²⁴ Помилка в документі. Йдеться про О. Твердохлебенка.

¹²⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

ЦК КП(б)У, за ініціативи якого П. Карамішев був звільнений з посади, і НКВС УРСР очікували на зовсім інший результат розгляду справи.

За п'ять днів після оголошення вироку, 9 січня 1941 р., за вказівкою НКВС УРСР П. Карамішев і М. Гарбузов були знову заарештовані. Наступного дня П. Карамішев написав дві заяви: одну — на ім'я другого секретаря ЦК КП(б)У і голови Верховної Ради УРСР М. Бурмистенка, а другу — особисто своєму «визволителю» П. Гур'єву. У першій він просив адресата *«втрутитися в цю справу, покласти край всім цим жорстоким і безглуздим переслідуванням...»*¹²⁶. П. Гур'єву це ж прохання П. Карамішев виклав дещо делікатніше: *«Прошу Вас втрутитися (якщо, звісно, Ви вважаєте за потрібне втручатися) в цю справу і покласти край всім цим нечуваним переслідуванням, яким мене піддають упродовж двох років цілком незаслужено»*¹²⁷.

П. Гур'єву, який завдав нищівного удару по репутації Військового трибуналу, мабуть, довелося відповідати за свої дії перед багатьма. Але особливо принизливим для нього було те, що він мав каятися у власних помилках і перед П. Карамішевим: *«На Вашу заяву про незаконне затримання Вас повідомляю Вам: 1. Незважаючи на виправдальний вирок, хоча і за посадовим злочиноом, але Ви маєте бути звільнений органом, що проводить розслідування у Вашій справі. У цьому головному [...] припустився помилки, яку органи НКВС вирішили виправити»*¹²⁸.

П. Карамішев відчув слабкість у поведінці П. Гур'єва і продовжив тиснути на нього, написавши у доволі агресивній формі нову заяву, яку розпочав такими словами: *«...Я не зовсім розумію практичний сенс Вашого повідомлення...»*¹²⁹. Відповіді П. Гур'єва, який тоді тимчасово виконував обов'язки голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу, в архівній кримінальній справі нема, але є його лаконічна резолюція на супровідному листі начальника тюрми № 1 УНКВС по Миколаївській області: *«До справи Карамішева для ВК. Гур'єв. 4/II.[1941]»*¹³⁰. «Поштовий роман» на цьому закінчився. Справу готували до відправки до ВКВС СРСР, і П. Гур'єву треба було більше думати про результат її розгляду, ніж про докучливого П. Карамішева.

Перед відправкою справи до Москви її запитувала Військова прокуратура військ НКВС Київського округу і 28 січня 1941 р. одержала її. Точніше, до прокуратури направили останні два томи справи, оскільки хід і результат попереднього слідства прокуратурі були добре відомі і там не стали зволікати з підготовкою касаційного протесту на вирок

¹²⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 510. Повний текст заяви див.: Эхо Большого террора.— Т. 3.— С. 147–148. Нижній край документа пошкоджений (надірваний), що утруднює читання дати документа. На думку авторів-упорядників 3-го тому, написано дату 15 січня. Ми схильні до дати 10 січня 1941 р., якою датовано і заяву П. Карамішева на ім'я П. Гур'єва.

¹²⁷ Там само, арк. 338 зв.

¹²⁸ Там само, арк. 339.

¹²⁹ Там само, арк. 345.

¹³⁰ Там само, арк. 344.

трибуналу. 4 лютого 1941 р. два томи справи і касаційний протест відправили назад до трибуналу. Тепер П. Гур'єв мав офіційно виправдовуватися перед колегами. Він підготував своє пояснення, і справу 8 лютого відправили до Москви¹³¹.

Ухвала Військової колегії від 28 лютого 1941 р. була суворою (док. № 57). Колегія заслухала висновок помічника Головного військового прокурора РСЧА М. Малярова про відміну вироку Військового трибуналу, погодилась із касаційним протестом прокурора військ НКВС Київського округу і повністю відмінила вирок трибуналу. Нагадаємо, що Військовій колегії вже вдруге довелося приймати рішення, які зводили нанівець ініціативи і судові рішення Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. Карамішева. Вперше це було 15 листопада 1940 р. у зв'язку з бажанням трибуналу розширити коло обвинувачених, а вдруге — 28 лютого 1941 р. Внаслідок дій Військового трибуналу винесення вироку у справі П. Карамішева та його компаньйонів, який відповідав би реальним злочинам підсудних, затягнулося на вісім місяців.

Військова колегія не залишила без наслідків дії членів трибуналу при винесенні вироку підсудним. В ухвалі колегії було сказано про доведення до відома Наркомату юстиції СРСР «про винесення явно неправосудного вироку у цій справі і порушення порядку звільнення заарештованих, що мало місце із Карамішевим»¹³². Стосовно членів трибуналу П. Лискова і В. Чепікова (їхні прізвища не зустрічаються у вивчених нами інших архівних кримінальних справах на «порушників соцзаконності») це було логічним визнанням їхньої юридичної некомпетентності.

Складніше все було з військовим юристом 1-го рангу П. Гур'євим. На його рахунку вже були судові процеси у справі начальника ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці Г. Кочергинського (засуджений до розстрілу) та його підлеглих (червень 1939 р.), у справі колишніх співробітників УНКВС по Одеській області Я. Шаміса і Ю. Залкінда (перший був засуджений до ВМП, другий — до 10 років позбавлення волі у ВТТ) у листопаді 1940 р.¹³³ Але був, як ми скажемо далі, у вересні 1940 р. й неправомірний вирок Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу під головуванням П. Гур'єва стосовно колишнього заступника начальника УНКВС по Харківській області Д. Перцова. Головним винуватцем того, що трапилося, тоді була ВКВС СРСР, але і П. Гур'єв припустився юридичної помилки, на яку йому згодом було вказано. До початку суду над П. Карамішевим П. Гур'єв вже знав про це, але, доводячи свою правоту, «закинув м'яча на половину поля» Військової колегії і очікував на додаткові пояснення з Москви. Мабуть, його внутрішнім дискомфортом можна пояснити грубі помилки, яких він припустився при розгляді «миколаївської справи».

Одержавши 7 березня 1941 р. справу П. Карамішева з ухвалою Військової колегії, голова Військового трибуналу військ НКВС

¹³¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 356.

¹³² Там само, арк. 369 зв.

¹³³ Див. про це у 1-й книзі 2-го тому цього збірника документів.

Київського округу Я. Васютинський розпорядився передати справу йому для вивчення. У ситуації, що виникла, була і його провина. Він знав цю справу, саме він був головою на підготовчому засіданні трибуналу 18 липня 1940 р., внаслідок якого справа перший раз опинилася у Москві. Виходило, що його заступник П. Гур'єв начебто забув про ухвалу Військової колегії від 15 листопада 1940 р., де чорним по білому написано: «...Здобутими попереднім слідством матеріалами Карамішев, Трушкін, Гарбузов і Воронін достатньо викриті у скоєнні злочинів, передбачених ст. 206–17 п. “б” КК УРСР».

Коли у Військовій колегії вдруге одержали справу і побачили вирок трибуналу, там не могли не замислитися: як можна було проігнорувати результати попереднього слідства і думку Військової колегії з цього питання, адже судове засідання, судячи з його протоколу, не давало до того підстав?! Хай би йшлося про зміну вироку стосовно міри покарання для «порушників соцзаконності», це було звичайною практикою взаємовідносин Військової колегії з Військовим трибуналом військ НКВС Київського округу. Але щоби повністю проігнорувати думку вищої інстанції,— таке у вивчених нами справах трапилося вперше.

Я. Васютинський невідкладно призначив на 18 березня 1941 р. повторне засідання Військового трибуналу у м. Миколаєві. Список свідків, яких викликали до суду, спочатку скоротили до 34, але потім збільшили до 48 осіб¹³⁴. У призначений день почалося судове засідання (док. № 58). І знову члени трибуналу (цього разу під головуванням Фельдмана) врахували, що «підсудні винними себе не визнають», і тому вирішили «вивчення справи розпочати з допиту свідків»¹³⁵. Після того, що трапилося, це вже, мабуть, не грало суттєвої ролі.

Серед свідків, які виступили, були Я. Поясов, А. Федоровський, О. Федотов, обласний прокурор І. Ланчуковський. З об'єктів підвищеної уваги трибуналу у липні 1940 р., яких викликали до суду, не з'явився Г. Зельцман. Вірогідно, у цьому вже не було необхідності. Під час засідання один із підсудних (Я. Трушкін) 22 березня зрозумів, до якого фіналу особисто для нього йде суд, і спробував здійснити втечу (кинувся бігти коридором добре знайомої йому будівлі УНКВС), але був затриманий конвоєм у вестибюлі. Наприкінці засідання, коли йому надали останнє слово, він нічого не сказав. Для нього все вже було зрозумілим. Інші підсудні (найдокладніше — Карамішев) висловили прохання їх виправдати.

Та цього разу вирок був діаметрально протилежним попередньому: П. Карамішева і Я. Трушкіна — розстріляти, К. Вороніна позбавити волі у ВТТ на 10 років, М. Гарбузова — на 8 років (док. № 59). Трибунал також вбачав у свідченнях свідків Л. Готовцева і С. Зайденберга «свідоме сприяння приховуванню слідів злочину». Члени трибуналу вважали, що «цей вчинок потребує детального розслідування», і вирішили направити копії своєї ухвали з цього приводу особливоуповноваженому НКВС УРСР

¹³⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 374–376, 405.

¹³⁵ Там само, арк. 406 зв.

«на предмет здійснення розслідування» та військовому прокурору військ НКВС Київського округу¹³⁶. П'ять днів потому це було виконано.

Крім цього, 4 квітня 1941 р. Фельдман доповів Я. Васютинському про те, що при розгляді справи П. Карамішева було «виявлено, що обласний прокурор тов. Ланчуковський, коли був членом трійки при Миколаївському УНКВС, безвідповідально ставився до виконання своїх обов'язків як член трійки...». Фельдман навів конкретні приклади цього і вніс пропозицію: «...Вбачаючи у діях обласного прокурора Ланчуковського антипартійний і антидержавний підхід до виконання такого важливого політичного завдання, покладеного на нього Партією і Урядом у 1938 р., вважаю за необхідне довести про це до відома ЦК КП(б)У і прокуратури Республіки»¹³⁷. Таким чином, новий склад суду продемонстрував зовсім відмінний підхід до справи П. Карамішева та інших осіб.

Я. Васютинський погодився із пропозицією. 7 квітня 1941 р. копії доповідної записки Фельдмана були відправлені першому секретарю ЦК КП(б)У М. Хрушову, прокурору УРСР Л. Яченіну і в.о. Військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезову¹³⁸. Робота Фельдмана та інших членів трибуналу була схвалена і Військовою колегією, яка ухвалою від 30 квітня 1941 р. залишила вирок у силі і без змін, відхиливши касаційні скарги засуджених (док. № 60). Відхилила клопотання П. Карамішева і Я. Трушкіна про помилування і Президія Верховної Ради СРСР.

Документів про виконання вироку у справі немає. В історичній літературі зазначається, що П. Карамішев був розстріляний у березні 1941 р.¹³⁹ Мабуть, це не так. Його не могли розстріляти до рішення Президії Верховної Ради СРСР про відхилення клопотання про помилування. Скоріше за все, вирок стосовно П. Карамішева і Я. Трушкіна було виконано наприкінці травня 1941 р.

«Миколаївська справа» містила не лише справу колишнього начальника УНКВС та його компаньйонів. Були й інші справи, але їх проблематика дещо виходила за межі самого УНКВС, стосувалася місцевих органів НКВС рангом нижче, і ми сподіваємося у своїх наступних документальних публікаціях висвітлити і цей аспект «миколаївської справи».

УНКВС по Вінницькій області: розпочата, але так і не завершена боротьба з «порушниками соцзаконності»

У 1937–1938 рр. УНКВС по Вінницькій області послідовно очолювали чотири особи: 1) М. Тимофеев, начальник УНКВС з 16 грудня

¹³⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 489 зв.— 490.

¹³⁷ Там само, арк. 523.

¹³⁸ Там само, арк. 524, 525.

¹³⁹ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник.— С. 222; *Юнге М.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины.— С. 291.

1936 р. до 20 липня 1937 р.; 2) Г. Гришин-Клювгант, начальник УНКВС з 20 липня (приступив до виконання обов'язків 1 серпня) до 20 серпня 1937 р.; 3) І. Морозов, помічник начальника УНКВС з 1935 р. до 13 червня 1937 р., заступник начальника УНКВС з 16 серпня 1937 р., виконував обов'язки начальника УНКВС з 20 серпня 1937 р. до 3 березня 1938 р.; 4) І. Корабльов, начальник УНКВС з 3 березня 1938 р. до 14 січня 1939 р.

Ще чотири особи обіймали у цей період посади заступника і помічника начальника УНКВС: 1) В. Окруй, заступник начальника УНКВС з 15 січня до 17 липня 1937 р.; 2) Г. Донець, помічник начальника УНКВС з 8 серпня 1937 р. до 15 березня 1938 р.; 3) М. Бутенко, т.в.о. помічника з 8 квітня, помічник начальника УНКВС з 28 травня 1938 р. до 5 жовтня 1939 р.; 4) А. Пришивцин, в.о. заступника начальника УНКВС з 7 вересня 1938 р. до 9 липня 1939 р.

Ці вісім осіб у різний час склали керівну трійку УНКВС: до складу першої до початку третьої декади липня 1937 р. входили М. Тимофеев, В. Окруй та І. Морозов; до складу другої до березня 1938 р. — Г. Гришин-Клювгант, І. Морозов і Г. Донець (після арешту першого трійка стала двійкою); до складу третьої — І. Корабльов, М. Бутенко і А. Пришивцин. Перша трійка була сформована ще за наркома внутрішніх справ УРСР В. Балицького, друга — наркома І. Леплевського, а третя — О. Успенського.

Початковий період Великого терору в області забезпечували члени першої трійки, початок і розгортання масових операцій (куркульської, національних та ін.) — члени другої, основні репресивні акції 1938 р. (завершення національних операцій та ін.) — члени третьої. «Ветераном» цих трійок був І. Морозов, який у 1936 р. — лютому 1938 р. з перервою у червні—серпні 1937 р. був одним з організаторів, а з серпня 1937 р. — головним організатором Великого терору в області, поки його у березні 1938 р. не змінив І. Корабльов.

Перший з цього списку (М. Тимофеев) був головним улюбленцем долі. Його прихід до органів ЧК був типовим для деякої категорії осіб. У 1919–1920 рр. у складі військових частин РСЧА вони потрапляли в Україну і швидко ставали чекістами. Так було і з М. Тимофеевим. У травні 1920 р. він став співробітником ОВ 55-ї стрілецької дивізії РСЧА. З 1923 р. обіймав керівні посади у різних територіальних органах ДПУ УСРР. У березні 1933 р. його призначили начальником ДТВ Південно-Західної залізниці, у вересні 1933 р. — заступником начальника ЕКУ ДПУ УСРР, а у січні 1934 р. — начальником Чернігівського об'єднання ДПУ (згодом — УНКВС по Чернігівській області). 29 листопада 1935 р. йому було присвоєно звання старшого майора держбезпеки. У грудні 1936 р. був переведений до Вінниці. Це свідчило про довіру В. Балицького до М. Тимофеева. Але новому наркому І. Леплевському він заважав і був відправлений з УРСР.

28 серпня 1937 р. М. Тимофеев очолив Біломорсько-Балтійський комбінат і Біломоро-Балтійський ВТТ НКВС (Карельська АРСР). 26 квітня 1940 р. був нагороджений орденом Червоного прапора. 26 лютого 1941 р. він надовго став начальником Управління (з 4 березня 1947 р. — Головного управління) таборів лісової промисловості НКВС—МВС СРСР. У 1945 р. він доріс до звання генерал-майора.

З його наступником на посаді начальника УНКВС по Вінницькій області Г. Гришиним-Клювгантом і колишнім заступником В. Окруєм все відбувалося зовсім інакше. Їх заарештували у серпні 1937 р. за обвинуваченням в участі в «антирадянській контрреволюційній організації» в органах НКВС УРСР. З В. Окруєм «розібралися» швидко: він був засуджений особливим порядком і 31 жовтня 1937 р. розстріляний. Слідство у справі Г. Гришина-Клювганта тривало набагато довше. 1 червня 1939 р. Військовим трибуналом військ НКВС Московського округу він був засуджений до ВМП і 2 вересня 1939 р. розстріляний. З урахуванням безпідставності його засудження 8 лютого 1958 р. він був реабілітований.

«Ветерана» керівних трійок УНКВС І. Морозова спіткала така ж доля. У 1919 р. він почав як слідчий Миколаївської губЧК. Потім переїжджав з місця на місце в межах УСРР і поступово зростав по службі. У 1932 р. став начальником 22-го Волочиського прикордонзагону ОДПУ (Вінницька обл.). 20 грудня 1932 р. був нагороджений знаком почесного працівника ВНК-ДПУ. У серпні 1935 р. його призначили помічником начальника УНКВС по Вінницькій області, а 8 січня 1936 р. йому було присвоєно звання капітана держбезпеки. З 29 травня до 16 серпня 1937 р. він був начальником 2-го (оперативного) відділу УДБ НКВС УРСР, а потім поїхав до Вінниці. 17 листопада 1937 р. І. Морозову було присвоєно звання майора держбезпеки, а 19 грудня 1937 р. нагороджено орденом Червоної зірки.

До його подальшої службової кар'єри корективи внесла поява нового наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського. З Вінниці І. Морозов поїхав до Москви, де 28 березня 1938 р. став начальником 6-го відділу 1-го управління (з 29 вересня 1938 р. — ГУДБ) НКВС СРСР. 1 січня 1939 р. він обійняв свою останню посаду — помічника начальника Слідчої частини НКВС СРСР. Потім були арешт, тривале слідство і суд ВКВС СРСР, яка 24 липня 1940 р. засудила його до ВМП. 26 липня він був розстріляний.

Його соратником у Вінниці був капітан держбезпеки Г. Донець. На відміну від більшості співробітників органів ВУНК-НКВС УРСР, Г. Донець з юності був справжнім робітником — токарем Харківського паровозобудівного заводу. У 1919 р. він потрапив до лав співробітників Волинської губЧК (м. Житомир). У травні-вересні 1920 р. був начальником ОВ 11-ї дивізії 1-ї Кінної армії РСЧА. Згодом служив у різних територіальних і транспортних органах ДПУ-НКВС УСРР. 16 червня 1935 р. очолив транспортний відділ УНКВС по Чернігівській області. 8 січня 1936 р. йому було присвоєно звання капітана держбезпеки. 8 серпня 1937 р. призначений помічником начальника УНКВС по Вінницькій області. 15 березня 1938 р. Г. Донець став в.о. начальника, а через 11 днів — начальником УШОСДОР НКВС УРСР. Він не потрапив під репресії як «змовник» або «порушник созаконності». З липня 1941 р. був уповноваженим ГУШОСДОР НКВС СРСР при штабі Південно-Західного фронту. Всю війну прослужив на подібних посадах, отримав звання генерал-майора транспортних військ та 8 орденів.

Третя вінницька керівна трійка УНКВС була сформована не відразу. П'ять місяців — з квітня до серпня 1938 р. — вона формально була двійкою

у складі начальника УНКВС І. Корабльова та його помічника М. Бутенка. Лише у вересні 1938 р. до них приєднався як заступник начальника УНКВС А. Пришивцин. Однак останній з 5 червня 1938 р. був т.в.о. начальника (з 2 серпня 1938 р.— начальник) 4-го відділу УДБ УНКВС і відіграв важливу роль в Управлінні, що й було узаконено призначенням його на посаду заступника начальника УНКВС. Про біографії цих людей та їхню службову діяльність у Вінниці у 1938 р. вже багато написано в історичній літературі, у тому числі й учасниками нашого міжнародного проекту¹⁴⁰.

Дослідники виклали широкий історичний контекст подій, що відбувалися, використавши при цьому архівні особові й кримінальні справи співробітників УНКВС по Вінницькій області, а також інші важливі джерела. Це дозволяє нам не зупинятися на деяких обставинах покарання «порушників соцзаконності», які «відзначилися» при проведенні Великого терору. Але для збереження загальної канви у нашому вступі ми частково повторимо у власній інтерпретації та з деякими уточненнями і доповненнями основні моменти. І почнемо з особи начальника УНКВС.

І. Корабльов почав свій шлях в органах ВНК—ОДПУ—НКВС у Сибірі. Але основна частина його служби пройшла у м. Самара, зокрема з квітня 1928 р.— в Економічному відділі (ЕКВ) Самарського губвідділу ДПУ (з липня 1928 р.— Повноважного представництва ОДПУ по Середньо-Волзькій області, з жовтня 1929 р.— краю). У вересні 1933 р. був нагороджений знаком почесного працівника ВНК—ДПУ. З липня 1934 р. він був помічником начальника ЕКВ УДБ УНКВС по Середньо-Волзькому краю.

Потім він переїхав до Ленінграду: з 27 березня 1935 р.— начальник 6-го відділення, з 1 грудня 1935 р.— 5-го відділення ЕКВ УДБ УНКВС по Ленінградській області. 23 березня 1936 р. йому присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки. З листопада 1936 р. служив начальником відділення у КРВ (3-му відділі) і водночас з 1 вересня 1937 р.— помічником начальника 3-го відділу УДБ. 17 жовтня 1937 р. йому було присвоєно звання капітана держбезпеки, а 19 грудня 1937 р. нагороджено орденом «Знак Пошани».

Обидва рази, коли він обіймав посади помічника начальника відділу, його переводили на нове місце служби. До Вінниці за ініціативи наркома внутрішніх справ СРСР М. Єжова його перевели із суттєвим підвищенням. Після чотирьох місяців роботи на посаді начальника УНКВС та дев'яти місяців від присвоєння попереднього звання 15 липня 1938 р. І. Корабльов став майором держбезпеки. Але служба під керівництвом О. Успенського була зовсім не безхмарною. А після втечі останнього настали ще важчі часи.

Під час другого удару по начальниках обласних управлінь НКВС УРСР І. Корабльов разом з О. Долгушевим, П. Карамішевим і Г. Коркуновим 14 січня 1939 р. був знятий з посади. Понад тиждень він здавав справи новому начальнику УНКВС Б. Шаблинському, а потім проти ночі 30 січня

¹⁴⁰ *Васильєв В., Поджур Р.* Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД // Чекисты на скамье подсудимых.— С. 478—542.

здійснив спробу самогубства: двома пострілами з револьверу тяжко поранив себе, але залишився живим. Перед здійсненням свого наміру він написав записку, в якій зазначив, що зняття з посади розцінює як недовіру до себе, а наприкінці додав, що направив листа на ім'я Й. Сталіна¹⁴¹. Керівник НКВС УРСР А. Кобулов негайно телеграмою доповів про все наркомов внутрішніх справ СРСР Л. Берії, повідомивши, що «Корабльов зараз знаходиться у лікарні, де йому була зроблена операція. Лікарі вважають, що він залишиться живим»¹⁴². Л. Берія 31 січня направив донесення Й. Сталіну, в якому чотирма реченнями повідомив про надзвичайну подію¹⁴³.

Якщо листа І. Корабльова Й. Сталіну не було перлюстровано у період з 29 до 31 січня чи не була «здобута» в ЦК ВКП(б) його копія, то керівники НКВС могли і не знати про зміст листа, поки офіційно не отримали з ЦК ВКП(б) його машинописну копію. Але вони знали про деякі можливі сюжети у листі з «передсмертної записки» І. Корабльова, адресованої колегам¹⁴⁴. Керівник НКВС УРСР А. Кобулов направив 3 лютого нове повідомлення Л. Берії з копіями різних документів, у тому числі «листа Корабльова про причини, які начебто послугували приводом до самогубства»¹⁴⁵. Не лише в цих словах, але і в тональності всього другого повідомлення відчувалось негативне ставлення А. Кобулова до І. Корабльова.

Друге повідомлення А. Кобулова з додатками надійшло до НКВС СРСР 5 лютого. Але, мабуть, ще до цього Л. Берія мав розмову з Й. Сталіним і, можливо, ознайомився з листом І. Корабльова. Пікантність ситуації полягала в тому, що І. Корабльов дозволив собі негативно оцінити дії нового наркома внутрішніх справ СРСР: «...Я вважаю найбільшою помилкою ту політику, яку проводить т. Берія стосовно старих чекістських кадрів, і вважаю, що ЦК має припинити її»¹⁴⁶. Навряд ця заява сподобалась Л. Берії.

Невдала спроба самогубства І. Корабльова і його «передсмертні листи» стали своєрідним шантажем керівництва: що ж ви нехтуєте такими відданими людьми як я? Й. Сталін і Л. Берія краще І. Корабльова розуміли, хто і яку політику проводить в органах НКВС, і мали якось відреагувати на це. Мабуть, вони домовились про м'який варіант «приборкання норавливого» — про проведення Л. Берією «задушевної розмови» з І. Корабльовим. 7 лютого 1939 р. Л. Берія отримав копію листа І. Корабльова Й. Сталіну і наклав на неї резолюцію, адресовану А. Кобулову, із вказівкою викликати до нього І. Корабльова відразу після його одужання¹⁴⁷.

¹⁴¹ Рукописний лист Й. Сталіну на 12 сторінках, датований 28 січня 1939 р., був відправлений з Вінниці до Москви 29 січня, а 31 січня зареєстрований у ЦК ВКП(б). (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 25, арк. 15–21).

¹⁴² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 25, арк. 5.

¹⁴³ Там само, арк. 4.

¹⁴⁴ Повний текст записки І. Корабльова див.: Эхо Большого террора. — Т. 3. — С. 69–70.

¹⁴⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 25, арк. 22.

¹⁴⁶ Там само, арк. 18.

¹⁴⁷ Там само, арк. 7.

Трохи більше ніж через три тижні потому все так і сталося. 4 березня 1939 р. нарком внутрішніх справ СРСР надав вказівку своєму заступнику по кадрах С. Круглову відкликати І. Корабльова у розпорядження відділу кадрів НКВС СРСР і надати йому відпустку¹⁴⁸. І. Корабльову виплатили зарплату за лютий, надали путівку для санаторно-курортного лікування у м. Сочі на один місяць і проїзні документи на проїзд залізницею з Москви у Сочі і назад. Після повернення з курорту І. Корабльов деякий час перебував у Москві в очікуванні подальших рішень керівництва. Аби він не бідував, 25 квітня 1939 р. фінансовому відділу ГУДБ НКВС СРСР було наказано видати йому зарплату за квітень¹⁴⁹.

У середині травня 1939 р. було прийняте рішення про використання І. Корабльова на роботі у системі ГУТАБ НКВС СРСР. Заступник наркома внутрішніх справ СРСР В. Чернишов розпорядився направити його на посаду заступника начальника ВТТ і будівництва Архангельського целюлозно-паперового комбінату НКВС (Архбумстрой). Повідомивши про це 16 травня відділ кадрів НКВС СРСР, відділ кадрів ГУТАБ просив оформити наказом призначення І. Корабльова на зазначену посаду із зарахуванням його до діючого резерву ГУДБ НКВС СРСР¹⁵⁰. Відповідний наказ відбувся 25 травня 1939 р. Таким чином, І. Корабльова знову працевлаштували, продовжуючи грати з ним у ката й мишки доки не з'ясується, чи слід його притягувати до відповідальності. З'ясування розтягнулося на рік.

Другим за тривалістю перебування у третьому складі керівної трійки УНКВС по Вінницькій області був М. Бутенко. На відміну від згаданих осіб, він усі 1930-ті рр. служив в органах ДПУ–НКВС у Вінницькій області, отримавши чергові звання: 23 березня 1936 р. — лейтенанта держбезпеки і 20 травня 1938 р. — старшого лейтенанта держбезпеки. Обіймав тоді посаду начальника Теплицького райвідділу НКВС. Його внесок у здійснення терору районного масштабу був оцінений нагородженням 19 грудня 1937 р. цінним подарунком і грамотою ЦВК УРСР та переведенням за ініціативи І. Корабльова до обласного УНКВС. Подальші його зусилля вже як помічника начальника УНКВС були відзначені нагородженням 14 серпня 1938 р. знаком почесного працівника ВНК–ДПУ.

5 жовтня 1939 р. М. Бутенко був знятий з посади і звільнений з органів НКВС. Він влаштувався працювати директором лісового промислового господарства (ліспромгоспу) у Вінниці. Під час слідства у справі І. Корабльова слідчий Слідчастини УДБ НКВС УРСР І. Гапонов 26 липня 1940 р. допитав М. Бутенка як свідка. Допит розпочався із запитання: «...Що Вам відомо про викривлення соціалістичної законності у період роботи нач[альником] УНКВС по Вінницькій області Корабльова у 1938 році?». У відповідь було сказано: «Мені відомо, що у період роботи Корабльова здійснювалися арешти у масовому порядку», і було наведено приклад арешту групи радянських і партійних працівників¹⁵¹. Закінчився

¹⁴⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 25, арк. 3.

¹⁴⁹ Там само, арк. 45–47.

¹⁵⁰ Там само, арк. 40.

¹⁵¹ Там само, т. 4, арк. 164.

допит красномовною оцінкою свідком діяльності свого шефа: «Вважаю, що робота колишнього начальника УНКВС Корабльова — незаконна і шкідницька»¹⁵². Залишалось лише дочекатися, як оцінять роботу самого колишнього помічника начальника УНКВС.

Службова кар'єра останнього зі списку керівників УНКВС — А. Пришивчина — розпочалася у 1927 р. у Луганському окружному відділі ДПУ УСРР. Наприкінці 1935 р. він зайняв посаду помічника начальника 5-го відділення СПВ УДБ УНКВС по Донецькій області, а у березні 1936 р. отримав звання лейтенанта держбезпеки. У 1937 р. став т.в.о. начальника 5-го відділення. Його внесок у здійснення Великого терору у Донецькій області був оцінений нагородженням 19 грудня 1937 р. орденном Червоної зірки. На початку червня 1938 р. він переїхав до Вінниці, де вже як старший лейтенант держбезпеки продовжив боротьбу з «ворогами народу». Боротьба закінчилась зняттям 9 липня 1939 р. з посади і звільненням з органів НКВС. А. Пришивчин повернувся туди, звідки починав свій шлях. З вересня 1939 р. він працював начальником інкасації і перевезення коштовностей Ворошиловградської обласної контори Держбанку.

Але формування складу фігурантів головної «вінницької справи» почалося не з перших осіб УНКВС, а з одного із керівників середньої ланки — колишнього т.в.о. начальника 3-го відділу УДБ УНКВС, а потім заступника начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР О. Запутряєва. Компрометуючі матеріали на нього з'явилися під час слідства у справі І. Водкіна — колишнього в.о. помічника начальника відділення 3-го відділу УДБ УНКВС, а згодом — старшого оперуповноваженого¹⁵³ УДБ Могильов-Подільського міськвідділу НКВС Вінницької області.

І. Водкін був заарештований 9 серпня 1939 р. за обвинуваченням у тому, що він, коли був оперуповноваженим 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, «застосовував незаконні методи слідства до заарештованого Ясинського»¹⁵⁴, внаслідок чого останній помер; а у період роботи в УНКВС по Вінницькій області «займався фальсифікацією слідчих документів у груповій слідчій

¹⁵² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 4, арк. 166.

¹⁵³ В архівній кримінальній справі І. Водкіна його посада перед арештом зазначена по-різному: у протоколі допиту І. Водкіна від 29 травня 1939 р., у постановах Слідчої частини УДБ НКВС УРСР про притягнення його до кримінальної відповідальності від 8 серпня та обрання запобіжного заходу від 9 серпня — начальник відділення, в анкеті заарештованого від 10 серпня 1939 р. і наступних документах — старший оперуповноважений. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38126, т. 1, арк. 1–3, 17, 19, 265, 267, 274 та ін.). Можливо, розбіжності пояснюються тим, що І. Водкін як старший оперуповноважений фактично виконував обов'язки начальника відділення.

¹⁵⁴ О. Ясинський — співробітник 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, заарештований за підозрою в участі у «контрреволюційній організації». До того, як слідство у його справі у серпні 1938 р. доручили вести І. Водкіну, його понад 4 місяці допитували із застосуванням «незаконних методів». І. Водкін 22 серпня також побив О. Ясинського, що «погіршило хворобливий стан» останнього, і 23 серпня він помер. (З вироків Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. Водкіна від 19 квітня 1940 р. // ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38126, т. 3, арк. 167).

справі на групу колгоспників...»¹⁵⁵. Слідство у Слідчастині УДБ НКВС УРСР пройшло швидко і 19 вересня 1939 р. було закінчено, а справу направлено за підсудністю. Перед цим (10 вересня) матеріали стосовно О. Запутряєва і колишнього оперуповноваженого, а потім — помічника начальника 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінницькій області З. Островського були виділені зі справи і направлені для подальшого розслідування особливоуповноваженому НКВС УРСР¹⁵⁶.

У результаті судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. Водкіна 10–11 листопада 1939 р. у Києві трибунал дійшов висновку, що попереднє слідство за вінницьким епізодом обвинувачення, висунутого І. Водкіну, було проведене «з недостатньою повнотою». Основним винуватцем інкримінованого І. Водкіну злочину був названий О. Запутряєв, який також підлягав притягненню до кримінальної відповідальності разом з І. Водкіним¹⁵⁷. Виходячи з цього, 29 листопада 1939 р. Військовий трибунал повернув справу І. Водкіна на досліджування до Слідчастини УДБ НКВС УРСР.

Під час досліджування справи було швидко встановлено, що О. Запутряєв разом з І. Корабльовим у 1938 р. «систематично викривляв революційну законність, здійснював безпідставні арешти службовців і колгоспників, фальсифікував слідчі документи, доповідав на судтрійці сфальсифіковані справи, за якими низка осіб засуджена до ВМП»¹⁵⁸. Таким чином, слідство практично відразу вийшло на колишнього начальника УНКВС, без участі якого не обійшлося жодне з наведених «викривлень ревзаконності».

Матеріали на О. Запутряєва, І. Корабльова та інших осіб, на яких було отримано компромат, НКВС УРСР 21 грудня 1939 р. направив до НКВС СРСР для отримання санкції на арешт і притягнення винних до судової відповідальності¹⁵⁹. Керівництво у Москві дало санкцію на арешт спочатку лише О. Запутряєва. Слідчастина УДБ НКВС УРСР 1 лютого 1940 р. підготувала постанову про притягнення його до відповідальності за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР з обранням йому запобіжного заходу від ухилення від суду і слідства — утримання під вартою у внутрішній тюрмі УДБ НКВС УРСР¹⁶⁰. 2 лютого він був заарештований у Києві.

Незабаром слідство у справі І. Водкіна і О. Запутряєва вийшло на фініш, але у Слідчастині УДБ НКВС УРСР 19 березня 1940 р. дійшли висновку, що «справу Запутряєва доцільно розглядати після вирішення питання в НКВС СРСР про Корабльова та ін[ших]», і виділили матеріали стосовно О. Запутряєва в окреме провадження¹⁶¹. І. Корабльов і О. Запутряєв до Вінниці разом працювали в УНКВС по Ленінградській області, а після

¹⁵⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 51.

¹⁵⁶ Там само, т. 6, арк. 1.

¹⁵⁷ Там само, спр. 38126, т. 1, арк. 302.

¹⁵⁸ Там само, арк. 51 зв.

¹⁵⁹ Там само, арк. 51 зв., 55.

¹⁶⁰ Там само, арк. 35–37.

¹⁶¹ Там само, спр. 38126, т. 3, арк. 1–1 зв.; спр. 66927, т. 1, арк. 51 зв.

свого призначення начальником УНКВС перший запропонував другому поїхати з ним, і той погодився. О. Запутряєв на слідстві заперечував, що все було саме так¹⁶², але це не мало значення. Спочатку І. Корабльов 19 квітня 1938 р. призначив О. Запутряєва т.в.о. заступника начальника, а потім — т.в.о. начальника 3-го відділу УДБ УНКВС.

І. Водкін також з'явився в УНКВС по Вінницькій області за протекції І. Корабльова (який знав його раніше), але належав до іншої «вагової» категорії співробітників УНКВС. Пара обвинувачених І. Водкін—О. Запутряєв в очах слідства програвала вагомійшій парі О. Запутряєв—І. Корабльов. Внаслідок таких обставин І. Водкін першим потрапив під суд Військового трибуналу і 19 квітня 1940 р. у Києві був засуджений за ст. 206—17 п. «а» КК УРСР до 5 років позбавлення волі у ВТТ¹⁶³. Його колишній начальник О. Запутряєв взяв участь у судовому засіданні як свідок, який перебував під вартою¹⁶⁴.

Специфіка вироку у справі І. Водкіна полягала у деякій його умовності, що було пов'язано з недосліджуваністю одного з епізодів обвинувачення, а саме у тому, що І. Водкін брав участь у фальсифікації групової справи у 3-му відділі УДБ УНКВС. Згідно з вироком достатніх доказів цього судовим слідством не було здобуто, і це питання підлягало ретельному розслідуванню спільно зі справою О. Запутряєва, якому також було висунуто це обвинувачення¹⁶⁵. Згодом до головної «вінницької справи» було долучено завірену копію вироку у справі І. Водкіна¹⁶⁶, адже НКВС СРСР 19 липня 1940 р. залишила вирок у силі і без змін¹⁶⁷.

Отже, І. Водкін став представником керівної нижчої ланки в УНКВС у технологічному ланцюжку провідників і виконавців масових репресій у Вінницькій області, засуджених за «порушення соцзаконності». У «вінницькій справі» цей ланцюжок потягнувся по лінії насамперед 3-го відділу УДБ УНКВС — від І. Водкіна і начальника відділу О. Запутряєва — до начальника УНКВС І. Корабльова.

Питання про арешт І. Корабльова було вирішене в НКВС СРСР 16 травня 1940 р.¹⁶⁸. На той час у Слідчастині УДБ НКВС УРСР завершили розслідування і за його результатами 22 травня підготували постанову, згідно з якою «за викривлення соціалістичної законності — безпідставні арешти, фальсифікацію слідчих документів, незаконні методи ведення слідства» І. Корабльова належало «заарештувати і притягнути як обвинуваченого за ст. 206—17 п. “б” КК УРСР»¹⁶⁹. Наступного дня постанову затвердив нарком внутрішніх справ УРСР І. Серов, і вона

¹⁶² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 241, 244—245.

¹⁶³ Там само, спр. 38126, т. 3, арк. 167—168.

¹⁶⁴ Там само, арк. 162—165.

¹⁶⁵ Там само, арк. 167 зв.

¹⁶⁶ Там само, спр. 66927, т. 8, арк. 240—241.

¹⁶⁷ Там само, спр. 38126, т. 3, арк. 183—183 зв.

¹⁶⁸ Там само, спр. 66927, т. 1, арк. 55.

¹⁶⁹ Там само, арк. 2—4.

була погоджена з головою Президії Верховної Ради УРСР М. Гречухою. 25 травня арешт санкціонувала Військова прокуратура військ НКВС Київського округу, а сам арешт І. Корабльова відбувся за місцем його перебування — у Москві¹⁷⁰.

В історичній літературі сказано, що І. Корабльов був заарештований 27 червня 1940 р.¹⁷¹ У зв'язку з цим зазначимо, що ордер на його арешт був виписаний в НКВС СРСР 28 травня 1940 р., і того ж дня у внутрішній тюрмі ГУДБ НКВС СРСР була заповнена анкета заарештованого¹⁷². Цим же днем датовані акт і протокол про вилучення речей І. Корабльова за місцем його проживання у Москві¹⁷³. Наступного дня у 7-му відділенні 1-го спецвідділу НКВС СРСР зняли відбитки пальців і сфотографували його¹⁷⁴, а співробітник УНКВС по Архангельській області здійснив обшуки за місцем проживання І. Корабльова у сел. Мечка та в його службовому кабінеті¹⁷⁵. Вилучені документи відправили до Слідчастини УДБ НКВС УРСР, куди вони надійшли 7 червня 1940 р.¹⁷⁶. Отже, арешт І. Корабльова документально був оформлений у Москві 28 травня 1940 р. У наступних документах зустрічалась також дата арешту 1 червня 1940 р.¹⁷⁷, але у подальшому незмінно було зазначене 28 травня 1940 р.¹⁷⁸

Невдовзі після арешту І. Корабльова етапували до Києва, куди він був доставлений 5 червня. А вже 20 червня 1940 р. слідство висунуло йому обвинувачення у скоєнні злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР¹⁷⁹. Однак після жвавого початку перший етап попереднього слідства розтягнувся на більше ніж сім місяців, при цьому І. Корабльов визнав себе винним, а О. Запутьєв — ні.

Серед свідків, яких тоді допитали, був колишній заступник начальника 4-го відділу (СПВ) УДБ УНКВС Л. Ширін. Він працював у Вінниці недовго — з квітня до липня (офіційно — з 26 березня до 1 вересня¹⁸⁰) 1938 р., але його свідчення про те, що тоді відбувалося в УНКВС, мали велике значення для слідства і самого Л. Ширіна. В архівній кримінальній справі І. Корабльова і О. Запутьєва є копії (оригінали долучені до справи Л. Ширіна) першого протоколу його допиту як свідка від 12 вересня 1940 р., протоколів трьох наступних його допитів 13, 18 і 19 вересня¹⁸¹

¹⁷⁰ *Васильєв В., Поджур Р.* Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД.— С. 518.

¹⁷¹ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник.— С. 243.

¹⁷² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 6–8 зв.

¹⁷³ Там само, арк. 12–12 зв., 15–15 зв.

¹⁷⁴ Там само, арк. 10, 11 (конверт).

¹⁷⁵ Там само, арк. 21–21 зв., 23–23 зв.

¹⁷⁶ Там само, арк. 24.

¹⁷⁷ Там само, арк. 55, 57.

¹⁷⁸ Там само, арк. 59.

¹⁷⁹ Там само, т. 4, арк. 327.

¹⁸⁰ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 111.

¹⁸¹ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 4, арк. 1–4, 5–8, 9–15, 16–19.

і протокол очної ставки між ним і І. Корабльовим від 20 вересня 1940 р.¹⁸² Насправді Л. Ширіна допитували інтенсивніше. Щонайменше було ще три допити 16 і 17 вересня¹⁸³. А наприкінці жовтня 1940 р. слідство дійшло висновку про необхідність розширення кола обвинувачених у справі за рахунок Л. Ширіна. У постанові про порушення клопотання щодо продовження строку ведення слідства і утримання обвинувачених під вартою від 30 жовтня 1940 р. одним із мотивів цього було зазначено таке:

«Допитом низки свідків, а також документацією, здійсненою за справою, встановлено, що колиш[ній] зас[тупник] нач[альника] 4[-го] відділу УНКВС Ширін разом з Корабльовим та іншими також систематично викривляв соціалістичну законність, здійснював масові безпідставні арешти, при допитах заарештованих особисто і за його вказівкою інші застосовували методи фізичного тиску, під впливом яких підслідні підписували сфальсифіковані протоколи допитів про начебто відомі їм антирадянські формування і свою причетність до них.

У зв'язку з цим Ширін Л. Н. підлягає арешту і притягненню як обвинувачений у цій справі.

Наказом НКВС УРСР № 261 від 24.XI-1940 року Ширін з органів НКВС звільнений зовсім, однак у зв'язку з тим, що він має звання, питання про нього, про звільнення з органів НКВС, остаточно має бути вирішене в НКВС СРСР, після чого він буде заарештований і притягнутий до кримінальної відповідальності у цій справі»¹⁸⁴.

Таким чином, у технологічний ланцюжок, про який ми сказали вище, додався один із керівників 4-го відділу УДБ УНКВС. У цьому не було нічого дивного. Представники цього підрозділу у територіальних органах НКВС УРСР часто складали головні кадри «порушників соцзаконності». За великим рахунком, «вінницька справа» також розпочалася з кримінального переслідування одного з керівних працівників 4-го відділу УДБ УНКВС. Йдеться про колишнього начальника відділення 4-го відділу А. Редера, який у 1938 р. керував слідством у найважливіших справах і зарекомендував себе як головний «спеціаліст» з катування в УНКВС. У квітні 1939 р. він був звільнений з органів НКВС «за неможливістю використання» і ухвалою Вінницького обкому КП(б)У виключений з партії.

Потім за нього взялися військові прокурори: за постановою Військової прокуратури військ НКВС по Вінницькій області від 22 червня 1939 р. він був заарештований. Розслідування розпочалося у Вінниці, а потім було продовжено у Військовій прокуратурі військ НКВС Київського округу. А. Редер швидко зрозумів, чим завершиться слідство. У постанові помічника військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Дворенка від 21 січня 1940 р. про припинення подальшим провадженням справи стосовно А. Редера було зазначено: «28 липня 1939 р. надійшло

¹⁸² Там само, арк. 308–326.

¹⁸³ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 11–17, 18–22, 23–30.

¹⁸⁴ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 63.

повідомлення від начальника Київської тюрми про те, що заарештований Редер у камері покінчив життя самогубством шляхом повішення»¹⁸⁵.

«Самоліквідація» А. Редера обірвала технологічний ланцюжок провідників і виконавців репресій, який за лінією 4-го відділу УДБ також неминуче вів до начальника УНКВС. Щоправда, наприкінці червня — серпні 1939 р. допитували й інших колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС — Г. Данилейка, В. Майструка¹⁸⁶, але ніяких наслідків тоді з цього не було. Як не було їх і після допитів зазначених осіб, а також М. Бутенка наприкінці липня 1940 р. у Слідчастині УДБ НКВС УРСР¹⁸⁷. Слідство підбралося до них та інших представників 4-го відділу — «по-рушників соцзаконності», зокрема Л. Ширіна, лише з третьої спроби.

У жовтні 1940 р. у справі І. Корабльова і О. Запутряєва з'явився новий сюжет, який погрожував затягнути слідство і завести його у глухий кут. У згаданій постанові від 30 жовтня 1940 р. було зазначено: «...Слідством здобуті матеріали про те, що Корабльов був учасником антирадянської змовницької організації, що існувала в органах НКВС, за завданням якої проводив ворожу роботу проти партії і Радянського уряду. Про це свідчать показання ворогів народу Успенського, Яралянца і Жабрева»¹⁸⁸. Заради справедливості зазначимо, що ці матеріали були «здобуті» слідством не у Києві, а у Москві, і співробітникам Слідчастини УДБ НКВС УРСР тепер треба було працювати і за цими матеріалами.

На додаток до «змовника» І. Корабльова кандидатом на це звання став і О. Запутряєв, про якого у постанові було сказано: «...Слідство має показання ворога народу Яралянца, який показав, що Запутряєв ним готувався до втягування до антирадянської змовницької організації, однак завербувати його він — Яралянц — не встиг через арешт»¹⁸⁹. Звичайно, перевірка цих показань була зайвим клопотом, що лише відволікав слідчих від роботи зі встановлення і документування реальних злочинів обвинувачених.

Тому у постанові про порушення клопотання щодо продовження строку ведення слідства і утримання обвинувачених під вартою від 10 грудня 1940 р. новий епізод обвинувачення взагалі не згадувався, а головною причиною затримки у слідстві названо питання про арешт Л. Ширіна, яке до кінця ще не було вирішене:

«Наказом НКВС УРСР № 261 від 24.XI-1940 року Ширін з органів НКВС звільнений зовсім, що також підтверджено НКВС СРСР своїм наказом № 1545 від 1.XI-1940 р., про що є повідомлення відділу кадрів НКВС УРСР від 26.XI-1940 р.

2.XII-1940 р. Слідчастиною УДБ НКВС УРСР винесено постанову про арешт Ширіна Л. Н. і притягнення його до кримінальної відповідальності

¹⁸⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 5, арк. 205.

¹⁸⁶ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 2, арк. 1–8, 9–21, 22–23; 32–54, 55–59.

¹⁸⁷ Там само, арк. 24–31, 60–79, 80–85.

¹⁸⁸ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 63.

¹⁸⁹ Там само, арк. 63.

і у зв'язку з цим ця постанова направлена для погодження арешту Ширіна Л. Н. з Харківським обкомом КП(б)У»¹⁹⁰.

Остання обставина була пов'язана з тим, що після звільнення з органів НКВС Л. Ширін працював керівником Харківського відділення Всесоюзного державного акціонерного товариства з іноземного туризму («Інтурист»). Таким чином, залишалось отримати згоду місцевого партійного органу і Військової прокуратури військ НКВС Київського округу на арешт третього обвинуваченого у справі і провести необхідні слідчі дії стосовно нього.

Санкція Харківського обкому КП(б)У була отримана за чотири дні, а друга — ще за три¹⁹¹. Наступного дня після того, як питання про арешт було погоджено з Військовою прокуратурою, 18 грудня 1940 р. Л. Ширін був заарештований у Харкові і етапований до Києва, а 20 грудня у Слідчій частині відбувся його перший допит як обвинуваченого¹⁹². Потім був інтенсивний допит 26 грудня, проведений у два етапи — з 10:30 до 17 год. і з 20:40 до 23 год.¹⁹³, допити 30 грудня 1940 р. і також двоетапний — 3 січня 1941 р.¹⁹⁴ А далі виникла пауза.

Річ у тім, що на початку січня 1941 р. слідство стосовно І. Корабльова і О. Запутряєва підійшло до завершення. 6 січня Слідча частина УДБ НКВС УРСР висунула О. Запутряєву обвинувачення у скоєнні злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР. З відповідною постановою його ознайомили наступного дня¹⁹⁵. Дещо складнішою була ситуація з І. Корабльовим, адже обвинувачення на його адресу могли бути доповнені під час слідства у справі Л. Ширіна. І тут виявився різний підхід слідства до справ І. Корабльова і О. Запутряєва та Л. Ширіна. Хоча проблема була не лише в останньому. Військові прокурори знайшли вагомі підстави для притягнення до відповідальності інших керівних працівників УНКВС (В. Майструка, Г. Данилейка, М. Бутенка), що загрожувало перетворити «вінницьку справу» на масштабнішу і дуже копітку для слідчих.

Слідча частина УДБ НКВС УРСР намагалась «розрулити» цю ситуацію і 10 січня 1941 р. прийняла рішення про поділ головної «вінницької справи» на окремі справи з поетапним виводом обвинувачених на суд, мотивуючи це так: «Проведенням слідством злочинна діяльність обвинувачених Корабльова І. М. і Запутряєва О. М. повністю доведена. Долучені до слідчої справи документальні дані, показання обвинувачених і свідків свідчать про те, що разом з обвинуваченими Корабльовим і Запутряєвим злочинну практику в оперативно-слідчій роботі проводили Ширін (заарештований,

¹⁹⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 1, арк. 67.

¹⁹¹ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 1, арк. 1.

¹⁹² Там само, т. 5, арк. 43–43а зв.

¹⁹³ Там само, арк. 44–55, 56–63.

¹⁹⁴ Там само, арк. 64–69, 70–83, 84–87.

¹⁹⁵ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 4, арк. 328–328 зв.

справа стосовно якого виділена в окреме провадження¹⁹⁶), Майструк¹⁹⁷, Данилейко і Бутенко, які згідно із вказівками Прокуратури військ НКВС УРСР від 5 листопада 1940 року також підлягають притягненню до кримінальної відповідальності.

Обв[инувачений] Запутряєв О. М. заарештований 2 лютого 1940 року. Стосовно обв[инуваченого] Корабльова питання про його арешт в НКВС СРСР було вирішене лише наприкінці травня 1940 року, тому слідство у цій справі затягнулося, і у зв'язку з цим додаткове притягнення до кримінальної відповідальності низки осіб у цій справі призведе до подальшої затримки слідства у справі, тому вважати за доцільне представити на розгляд судових інстанцій справу з обвинувачення Корабльова І. М. і Запутряєва О. М., а стосовно інших осіб матеріали виділити в окреме провадження для подальшого ведення слідства¹⁹⁸.

Слідча частина вирішила направити справу на І. Корабльова і О. Запутряєва прокурору військ НКВС Київського округу для віддання їх під суд, та оскільки «документальні дані, які долучені до справи як речові докази, необхідні для викриття обвинуваченого Ширіна та інших, що підлягають притягненню до кримінальної відповідальності», повернути ці матеріали до Слідчастини «для подальшого їх використання у слідстві»¹⁹⁹.

13 січня 1941 р. з матеріалами слідства ознайомили І. Корабльова. Він висловив прохання долучити до справи його власноручні показання на 25 аркушах від тієї ж дати, і це було зроблено²⁰⁰. Все те ж саме відбулося і при пред'явленні матеріалів слідства О. Запутряєву (його власноручні показання на 21 аркуші від 17–18 січня також були долучені до справи)²⁰¹.

Цілком відповідала рішенню про поділ справи і нова постанова Слідчастини від 23 січня 1941 р. У ній було зазначено, що згідно з висновком лікаря-психіатра від 17 січня 1941 р.²⁰² Л. Ширін потребував «стаціонарного обстеження у психіатричній лікарні»²⁰³. Тому він підлягав направленню до Київської психіатричної лікарні ім. академіка І. П. Павлова. Слідство в його справі призупинили, а матеріали щодо нього виділили в окреме провадження.

Це не може не викликати підозри у штучному створенні проблем у слідстві у справі Л. Ширіна. Як писав пізніше у своїх показаннях

¹⁹⁶ Станом на 10 січня 1941 р. матеріали на Л. Ширіна ще не були виділені зі справи. Це було зроблено згідно з постановою Слідчастини УДБ НКВС УРСР від 23 січня 1941 р. (ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 5, арк. 103). Така маніпуляція фактами, мабуть, була необхідна для того, щоб переконати Військову прокуратуру погодитися з пропозицією Слідчастини про поділ справи.

¹⁹⁷ У документі помилково — Майструк.

¹⁹⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 7, арк. 34.

¹⁹⁹ Там само, арк. 35.

²⁰⁰ Там само, арк. 36, 37–61.

²⁰¹ Там само, арк. 62, 63–83.

²⁰² Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 106.

²⁰³ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 7, арк. 31.

Л. Ширін, «у зв'язку з гострим нервовим захворюванням» він був відправлений до лікарні тюрми НКВС УРСР 10 січня 1941 р., тобто того ж дня, коли Слідча частина прийняла рішення про поділ «винницької справи». Підставою для цього був акт лікаря внутрішньої тюрми УДБ НКВС УРСР від 9 січня 1941 р., в якому зазначено, що «у заарештованого Ширіна, вочевидь, є порушення з боку психічної сфери: загворюється, погано орієнтується, не спить, мало їсть і т.д.»²⁰⁴. Однак подібні порушення лікар міг знайти практично у кожного другого в'язня тюрми НКВС.

Але навіть без урахування цього фактора затримка у слідстві всеодно була, оскільки допитали ще кількох свідків. Тому 4 лютого були складені нові протоколи пред'явлення слідства І. Корабльову і О. Запутряєву. Цього разу лише І. Корабльов висловив прохання долучити до справи його власноручні показання на двох аркушах, що і було зроблено²⁰⁵. Того ж дня старший слідчий Слідчої частини УДБ НКВС УРСР Б. Кобяков склав обвинувальний висновок, який 7 лютого затвердив заступник наркома внутрішніх справ УРСР І. Ткаченко (док. № 61). 12 лютого О. Запутряєв знову був ознайомлений з постановою про висунення йому обвинувачення у скоєнні злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР²⁰⁶. Слідчу справу (у 7 томах) направили до Військової прокуратури. Згідно з постановою в.п. військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезова від 22 лютого 1941 р. обвинувальному висновку була надана сила обвинувального акта, а обвинувачені підлягали суду Військового трибуналу військ НКВС Київського округу²⁰⁷.

Однак Військовий трибунал повернув справу до прокуратури, а та 19 березня 1941 р.— до Слідчої частини НКДБ УРСР для об'єднання зі справою Л. Ширіна²⁰⁸. Наступного дня справу І. Корабльова і О. Запутряєва прийняв до свого провадження старший слідчий Слідчої частини А. Пузанов, а 21 березня з цією справою знову об'єднали справу Л. Ширіна²⁰⁹.

Л. Ширін повернувся з лікарні 17 лютого (відразу після відправки справи І. Корабльова і О. Запутряєва до Військової прокуратури) і знову перебував під слідством. Втім до 21 березня його взагалі не допитували, хоча А. Пузанов прийняв до свого провадження його справу ще 28 лютого²¹⁰. Як констатував акт медичного огляду Л. Ширіна від 6 березня 1941 р., останній «душевного захворювання не виявляє. Помітна схильність до істеричних реакцій, які спостерігаються [...] давно і посилені нині»²¹¹. Тобто допитувати його і проводити інші слідчі дії з ним можна було. А. Пузанов, прийнявши об'єднану справу, відразу ж викликав

²⁰⁴ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 104.

²⁰⁵ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 7, арк. 99, 100–101, 102.

²⁰⁶ Там само, т. 4, арк. 329.

²⁰⁷ Там само, т. 7, арк. 112.

²⁰⁸ Там само, арк. 113.

²⁰⁹ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 109.

²¹⁰ Там само, арк. 108.

²¹¹ Там само, арк. 107–107 зв.

Л. Ширіна, допитав його зовсім з іншого приводу²¹² і оголосив йому, що слідство в його справі завершено. Виглядає це так, що А. Пузанов зробив те, що старший слідчий Б. Кобяков міг зробити ще два місяці тому, а сам А. Пузанов — три тижні тому.

Суто формальним був і допит Л. Ширіна наступного дня помічником військового прокурора військ НКВС Київського округу Хачатуряном²¹³. З протоколу цього допиту видно, що А. Пузанов надав можливість обвинуваченому ознайомитися з усіма матеріалами справи і додатками до неї. Ознайомившись з ними, Л. Ширін з 26 березня до 2 квітня написав власноручні показання на 95 сторінках²¹⁴ (їх машинописна копія зайняла трохи більше 45 сторінок²¹⁵), в яких висловив прохання допитати як свідків ще кількох осіб, а «при направленні справи до суду знайти можливим перекваліфікувати мені обвинувачення»²¹⁶.

Ця важлива обставина — відсутність упродовж двох з половиною місяців допитів (навіть з урахуванням перебування Л. Ширіна у лікарнях з 10 січня до 17 лютого), а потім неквапливе написання ним власноручних показань з акцентом на перекваліфікацію обвинувачення — виглядає чимось надзвичайним. Таке не зустрічається в жодній з вивчених нами архівних кримінальних справ «порушників соцзаконності». Це вказує на заангажованість слідства у справі Л. Ширіна. Хтось консультував його, як вести себе на слідстві (вірогідно, аж до виявлення ознак «гострого нервового захворювання») і на чому акцентувати увагу для свого виправдання.

Прохання про перекваліфікацію обвинувачення Л. Ширін аргументував так: «Я обвинувачений у злочині, що карається за ст. 206–17 п. “б” тільки розстрілом. Я не такий винний, щоб до мене застосували п. “б” цієї статті. Я не був самостійним працівником, а працював при 2-х на-ч[альниках] відділу²¹⁷. У моєму злочині немає особливо тяжких наслідків. Я не вбивав людей і не робив їм того, що могло викликати такі наслідки»²¹⁸. Далі він наводив й інші аргументи.

Закінчення слідства оформили протоколами пред'явлення слідства Л. Ширіну (2 квітня), додаткових матеріалів слідства О. Запутряєву (4 квітня) і І. Корабльову (7 квітня 1941 р.)²¹⁹. Потім задовольнили клопотання Л. Ширіна про допит свідків — колишніх співробітників УНКВС по Вінницькій області А. Пришивцина і Д. Соїфера. Після цього 11 квітня був оформлений протокол пред'явлення додаткових матеріалів слідства

²¹² ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 88–99.

²¹³ Там само, арк. 100–101.

²¹⁴ Там само, т. 1, арк. 15–62.

²¹⁵ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 8, арк. 211а–233 зв.

²¹⁶ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 1, арк. 62.

²¹⁷ У документі, який цитуємо, помилково у множині — відділів. Йшлося про керівників 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінницькій області О. Надеждіна і О. Пришивцина.

²¹⁸ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 1, арк. 61 зв.

²¹⁹ Там само, т. 5, арк. 112; спр. 66927, т. 8, арк. 209, 206.

Л. Ширіну²²⁰. Дослідження старшим слідчим А. Пузановим справи зайняло три тижні. Завершилось воно складанням 12 квітня 1941 р. обвинувального висновку, який 16 квітня затвердив заступник наркома державної безпеки УРСР С. Савченко (док. № 62). Після цього справу направили до Військової прокуратури військ НКВС Київського округу, де обвинувальний висновок 19 квітня також був затверджений, а звітти справу відправили до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу.

Далі відбулися два підготовчих засідання Військового трибуналу. В обох брали участь два головних військових юристи за кураторською лінією органів НКВС/НКДБ УРСР — в.п. військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезов і голова Військового трибуналу військ НКВС Київського округу Я. Васютинський. На першому засіданні (21 квітня) було затверджено обвинувальний висновок і справу призначено до слухання у закритому судовому засіданні²²¹. На другому (25 квітня) прийняли рішення про участь у судовому засіданні як свідків колишнього прокурора Вінницької області Я. Тернівського та його заступника у спецсправах Б. Другобицького. Це був принципово важливий момент, який у протоколі другого підготовчого засідання обґрунтовувався так:

«Обвинувачені Корабльов, Запутряев і Ширін у своїх показаннях на попередньому слідстві та при пред'явленні їм матеріалів справи у порядку ст. 200 КПК УРСР посилаються на колишнього прокурора Вінницької обл[асті] Тернівського та його заступника Другобицького як на осіб, обізнаних в скоєних ними злочинах по Вінницькому УНКВС, а також у зв'язку зі свідченнями кол[ишніх] підслідних Вінницького УНКВС — про те, що при допитах їх вони звертались до прокурора Тернівського і Другобицького зі скаргами на незаконні методи слідства, які застосували до них в УНКВС.

Крім цього, Тернівський і Другобицький надавали санкції на масові арешти за оперативними списками без достатніх компрометуючих матеріалів, що інкримінується Корабльову, Запутряеву і Ширіну в числі інш[их] обвинувачень за ст. 206–17 п. “б” КК УРСР.

Враховуючи суттєвість свідчень Тернівського і Другобицького для судового слідства у справі Корабльова, Запутряєва і Ширіна, Військовий трибунал, заслухавши доповідь військового прокурора т. Грезова і співдоповідь т. Васютинського,

визначив:

Викликати Тернівського і Другобицького в суд[ове] засідання у справі Корабльова, Запутряєва і Ширіна в якості свідків»²²².

Отже, вирішили заслухати колишніх керівників обласної прокуратури, які у 1938 р. були співвиконавцями кривавого терору. Тональність документа свідчила, що у випадку підтвердження на судовому засіданні правомірності заяв обвинувачених і свідків — жертв незаконних

²²⁰ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 5, арк. 113.

²²¹ Там само, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 9, арк. 3.

²²² Там само, арк. 20.

репресій — колишньому обласному прокурору та його заступнику було б непереливки. Щоправда, вони обіймали високі посади в органах прокуратури (Я. Тернівський працював прокурором Одеської області, а Б. Другобицький — заступником прокурора УРСР), що не могло не викликати певні труднощі.

Засідання Військового трибуналу відбулось з 26 квітня до 6 травня 1941 р. у м. Вінниці, у приміщенні обласного УНКДБ. Про те, як воно проходило, можна дізнатися з протоколу засідання (док. № 63). Через кілька днів після початку засідання один із підсудних (О. Запутряєв) здійснив спробу покінчити життя самогубством шляхом повішення, але не здійснив свій намір. Відповідний рукописний акт від 1 травня 1941 р., підписаний черговим і двома наглядачами внутрішньої тюрми УНКДБ по Вінницькій області, долучений до архівної кримінальної справи²²³. Члени суду потім запитали у О. Запутряєва про причини його «негарної поведінки», і він у конфіденційній обстановці надав їм свої пояснення.

Ще до оголошення трибуналом вироку важливим результатом засідання стало рішення від 5 травня про порушення кримінального переслідування проти шести колишніх працівників УНКВС (В. Майструка, Г. Данилейка, А. Пришивцина, М. Бутенка та ін.)²²⁴. Перші двоє були заарештовані відразу, а 6 травня — А. Пришивцин. Як розвиток цього трибунал виділив зі справи матеріали щодо Л. Ширіна «для направлення їх на дослідження і об'єднання зі справою Пришивцина, Майструка та ін.»²²⁵.

Отже, члени Військового трибуналу наприкінці судового засідання вирішили, що можна винести належний вирок І. Корабльову і О. Запутряєву окремо від підсудного Л. Ширіна і нових обвинувачених. Вони, вочевидь, помітили дивне проведення попереднього слідства стосовно Л. Ширіна. До того ж, крім виявленої під час судового засідання недослідваності його справи, було встановлено широке коло співчасників скоєних ним злочинів, передусім у 4-му відділі УДБ УНКВС. А це потребувало додаткового розслідування та визначення ступеня провини кожного з обвинувачених.

Певна інтрига під час засідання зберігалася навколо колишніх керівників обласної прокуратури. Я. Тернівський взяв участь у судовому засіданні, а стосовно Б. Другобицького Військовий трибунал 28 квітня отримав телеграму прокурора УРСР Л. Яченіна про те, що його заступник «перебуває [у] тривалому відрядженні [за] спецзавданням [у] західних областях [і] з'явиться 28[—го квітня до] судзасідання не зможе»²²⁶. Не зміг він з'явитися і пізніше. Це негативно вплинуло на якість судового слідства, адже прізвище колишнього заступника обласного прокурора часто згадували підсудні і свідки, а його пояснень суд так і не почув. Наприкінці засідання трибунал вирішив довести до відома прокурора

²²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 9, арк. 136.

²²⁴ Там само, арк. 82, 175–177.

²²⁵ Там само, арк. 88 зв.

²²⁶ Там само, арк. 110.

СРСР і прокурора УРСР про виявлені при розгляді справи факти порушення колишнім прокурором Вінницької області та його заступником положення про прокурорський нагляд і норм КПК при здійсненні нагляду за слідством в УНКВС у 1938 р.²²⁷

За результатом судового засідання І. Корабльов і О. Запутряєв були засуджені до розстрілу (док. № 64), але відповідно до рішення ВКВС СРСР від 24 червня 1941 р. розстріл кожному замінили на 10 років позбавлення волі у ВТТ (док. № 65). І. Корабльов після цього пережив справжню Одиссею, в якій було стільки драматичних подій, що він, мабуть, не один раз переосмислив своє життя²²⁸. Про подальшу долю О. Запутряєва у нас поки що немає достовірних даних.

Під час проведення судового засідання нарком державної безпеки УРСР П. Мешик був відсутній у Києві, і голова Військового трибуналу Я. Васютинський інформував про хід судового процесу заступника наркома С. Савченка. Після повернення П. Мешика до Києва Я. Васютинський направив йому листа з викладом результатів судового засідання і додав копії вироку у справі І. Корабльова і О. Запутряєва і двох ухвал Військового трибуналу про притягнення до кримінальної відповідальності колишніх співробітників УНКВС по Вінницькій області В. Майструка, Г. Данилейка, А. Пришивцина, М. Бутенка та ін.²²⁹. І тут наскочила коса на камінь.

Нарком держбезпеки УРСР П. Мешик скористався тим, що арешт В. Майструка, який обіймав тоді посаду заступника начальника УНКДБ по Ворошиловградській області, не був погоджений заступником наркома С. Савченком з керівництвом ЦК КП(б)У. П. Мешик поскаржився секретарю ЦК КП(б)У М. Бурмистенку на порушення Військовим трибуналом порядку арешту відповідальних співробітників органів держбезпеки. І хоча голова Військового трибуналу Я. Васютинський послався на погодження питання про арешт В. Майструка із С. Савченком, цього виявилось замало. Намір Військового трибуналу притягнути до відповідальності В. Майструка врешті-решт було нейтралізовано.

Зробивши свою роботу у Вінниці, Військовий трибунал направив справу з обвинувачення Л. Ширіна, В. Майструка, А. Пришивцина, Г. Данилейка і М. Бутенка до Військової прокуратури військ НКВС Київського округу, а звітці 20 травня 1941 р. вона була передана для ведення слідства до Слідчої частини НКДБ УРСР. У Слідчастині того ж дня пізно ввечері допитали В. Майструка²³⁰, а наступного дня підготували постанову про звільнення його з-під варті. Постанову 22 травня 1941 р. затвердив заступник наркома держбезпеки УРСР С. Савченко²³¹.

²²⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 9, арк. 91 зв.—92.

²²⁸ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²²⁹ Там само, арк. 197.

²³⁰ Там само, ф. 6, оп. 1, спр. 47806-фп, т. 1, арк. 272–276.

²³¹ Там само, арк. 221–222.

Цим же днем датована складена у Слідчастині анкета заарештованого В. Майструка²³².

Звільнили В. Майструка під підписку про невиїзд з місця його служби до арешту — м. Ворошиловграда²³³. Однак, він ще деякий час перебував у Києві, і його декілька разів викликали до Слідчастини для надання пояснень. 24 травня він написав розлогу пояснювальну записку на ім'я С. Савченка, в якій заперечував свою вину у «порушеннях соцзаконності», і виклав рекомендації, що треба зробити слідству, щоб переконатися в його правоті²³⁴. 6 червня В. Майструк написав показання, з яких випливає, що він ретельно вивчив надану йому для ознайомлення архівно-слідчу групову справу, у причетності до фабрикації якої у липні—серпні 1938 р. його звинуватили²³⁵.

Заарештованих Г. Данилейка, Л. Ширіна і А. Пришивцина етапували з Вінниці до Києва, і старший слідчий Слідчастини НКДБ УРСР І. Кокостиков, який прийняв справу до свого провадження, розпочав слідство. 14 червня він заповнив анкети заарештованих А. Пришивцина і Г. Данилейка, а з 17 до 21 червня тричі допитав кожного з них²³⁶.

Тепер зробимо одне уточнення. У деяких джерелах зазначається, що М. Бутенко теж «піддавався репресіям»: у грудні 1940 р. був заарештований, а 17 вересня 1941 р. засуджений²³⁷. Матеріали архівної кримінальної справи спростовують це. М. Бутенко не був ані заарештований, ані засуджений. Його навіть жодного разу не допитали щодо висунутих проти нього обвинувачень²³⁸. З третьої хвилі колишніх керівних кадрів УНКВС, обвинувачених у «порушеннях соцзаконності», були заарештовані і перебували під слідством лише Л. Ширін, А. Пришивцин і Г. Данилейко. Над В. Майструком і М. Бутенком «висіли» тільки їхні підписки про невиїзд, які після початку німецько-радянської війни швидко втратили сенс.

19 липня 1941 р. Вінницю зайняли війська Вермахту, і М. Бутенко перебував вже зовсім в інших місцях. У 1942 р. він служив начальником артилерійського постачання 142-го окремого саперного батальйону на Південному і Сталінградському фронтах, а з квітня 1943 р. продовжив службу в органах НКВС²³⁹. У 1945 р. був співробітником УНКВС по Челябінській області. Нагороджений 12 травня 1945 р. орденом Червоної

²³² ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 1, арк. 210–211 зв.

²³³ Там само, арк. 225.

²³⁴ Там само, арк. 230–249, 250.

²³⁵ Там само, арк. 252–263.

²³⁶ Там само, арк. 161–162 зв., 189–190 зв., 171–174, 175–181, 163–170, 195–197, 198–203, 204–209.

²³⁷ Інформація з інтернет-сайту NKVD.MEMO.RU.

²³⁸ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 1, арк. 360.

²³⁹ Васильев В., Поджур Р. Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД.— С. 524.

зірки, а 10 грудня 1945 р. — орденом Червоного прапора²⁴⁰. Мав звання підполковника держбезпеки. У 1950 р. звільнений в запас за інвалідністю²⁴¹.

В. Майструк повернувся на посаду заступника начальника УНКВС по Ворошиловградській області. З просуванням фронту на Схід він опинився спочатку у складі оперативної групи НКВС УРСР у м. Сталінград (нині — Волгоград), а наприкінці 1942 р. був переведений до резерву НКВС СРСР і відряджений до м. Свердловськ (нині — Єкатеринбург), до місцевого УНКВС. Коли фронт рушив у зворотному напрямку, він з січня 1943 р. знову став заступником начальника УНКВС—УНКДБ по Ворошиловградській області, а з квітня 1944 р. — заступником начальника УНКДБ по Тарнопольській (з серпня 1944 р. — Тернопільській) області. З жовтня 1944 р. очолював управління НКДБ—МДБ по Дрогобицькій, Львівській та Житомирській областях, а у червні 1953 р. став заступником начальника 4-го управління МВС УРСР. Мав звання полковника держбезпеки. У 1942—1950 рр. був нагороджений шістьма орденами. У 1954 р. вийшов на пенсію²⁴².

Війна внесла свої корективи у завершення «вінницької справи» не лише стосовно М. Бутенка і В. Майструка, але і заарештованих Л. Ширіна, А. Пришивцина і Г. Данилейка. Незабаром вони опинилися у глибокому радянському тилу — у м. Новосибірськ, де закінчення попереднього слідства перетворилося на профанацію. До справи були долучені протокол допиту Л. Ширіна від 4 вересня та його власноручні показання від 10 вересня 1941 р., протоколи допитів А. Пришивцина від 5 вересня і Г. Данилейка від 8 вересня 1941 р.²⁴³. Ніяких інших нових документів у справі не з'явилось.

Працівники Слідчої групи НКВС УРСР, які раніше не мали жодного стосунку до слідства у справі, але тепер перебували у Новосибірську, підготували 17 вересня 1941 р. постанову про припинення провадження у справі, звільнення Л. Ширіна, А. Пришивцина і Г. Данилейка з-під варту та відміну підписки про невиїзд В. Майструка і М. Бутенка²⁴⁴. Наступного дня постанову затвердив заступник начальника УНКВС по Новосибірській області С. Плесцов. 20 вересня 1941 р. заарештовані були звільнені²⁴⁵. Л. Ширін у 1942 р. продовжив свою службу в органах НКВС. У травні 1943 р. отримав звання підполковника держбезпеки. 3 серпня 1943 р. був начальником відділення оперативно-чекістського

²⁴⁰ Інформація з сайту NKVD.MEMO.RU.

²⁴¹ *Васильев В., Поджур Р.* Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД. — С. 524.

²⁴² *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941—1954: Справочник / Междунар. об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ России. — М.: Об-во «Мемориал»; Звенья, 2010. — С. 566—567. У книзі зазначено, що з жовтня 1943 р. до січня 1944 р. В. Майструк був заступником начальника УНКВС у Харкові і Києві. Проте документи ГДА СБУ не підтверджують цього.

²⁴³ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 47806, т. 1, арк. 327—338, 339—340 зв., 341—349, 350—353.

²⁴⁴ Там само, арк. 354—361.

²⁴⁵ Там само, арк. 368—368 зв., 370—370 зв., 371—371 зв.

відділу Управління у справах військовополонених та інтернованих НКВС СРСР²⁴⁶. Про двох його колишніх колег жодними відомостями ми не володіємо.

У 1954–1957 рр. військові прокурори, які займалися питаннями реабілітації жертв політичних репресій, знову вийшли на «порушників соцзаконності» в УНКВС по Вінницькій області. Після розгляду архівно-слідчої справи на Л. Ширіна, В. Майструка, А. Пришивцина, Г. Данилейка і М. Бутенка помічник військового прокурора Прикарпатського військового округу Мінкін 14 березня 1957 р. визнав безпідставним припинення провадженням цієї справи. Він відмінив припинення справи і направив її до КДБ при Раді міністрів УРСР на дослідження за ознаками статті 54–7 (шкідництво) КК УРСР²⁴⁷. Але всі спроби притягнути до відповідальності згаданих та інших винуватців злочинів, скоєних у роки Великого терору у Вінницькій області, були марними. Це різко відрізнялося від ситуації з багатьма іншими територіальними органами НКВС УРСР. Тому наші колеги справедливо назвали те, що трапилося у Вінниці, «злочином без покарання»²⁴⁸.

Покарання «порушників соцзаконності»: харківська специфіка

В УНКВС по Харківській області у 1937–1938 рр. проблема з керівництвом була однією з найскладніших. За два роки змінилося сім керівників УНКВС, четверо з яких лише виконували обов'язки начальника: 1) С. Мазо, начальник УНКВС з 17 жовтня 1936 р., покінчив життя самогубством 4 липня 1937 р.; 2) І. Шумський (Г. Лещинський), заступник начальника УНКВС і начальник особливих відділів ГУДБ НКВС Харківського військового округу (ХВО) і УДБ УНКВС з 2 червня 1936 р., т.в.о. начальника УНКВС з 5 липня до 5 серпня 1937 р. (з перервою з 15 до 22 липня); 3) Л. Рейхман, з 5 серпня 1937 р. — в.о. заступника (затверджений на посаді 5 вересня 1937 р.) і начальника УНКВС до 6 березня 1938 р.; 4) А. Симхович, начальник 4-го відділу УДБ УНКВС з 8 серпня 1937 р., т.в.о. начальника УНКВС з 6 до 16 березня 1938 р.; 5) Г. Телешев, начальник УНКВС з 3 березня (приступив до виконання обов'язків 16 березня) до 30 квітня 1938 р.; 6) Д. Перцов, т.в.о. заступника начальника УНКВС з 4 квітня 1938 р., т.в.о. начальника УНКВС з 30 квітня до 20 травня 1938 р., потім знову — т.в.о. заступника начальника УНКВС (до липня 1938 р.); 7) Г. Кобизев, начальник УНКВС з 20 травня 1938 р. до 13 січня 1939 р.

Ще чотири особи побували у 1937–1938 рр. на посадах заступника і помічника начальника УНКВС: 1) Я. Камінський, заступник начальника

²⁴⁶ Золотар'єв В. А., Ст'єпкин В. П. ЧК–ГПУ–НКВД в Донбасі: люди, и документи. 1919–1941.— Донецк: Алекс, 2010.— С. 344–345; Васильев В., Подкур Р. Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД.— С. 523.

²⁴⁷ Васильев В., Подкур Р. Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД.— С. 525.

²⁴⁸ Там само, С. 478–480.

УНКВС з 1934 р. до 17 березня 1937 р.; 2) Я. Пан, помічник начальника УНКВС з 1936 р. до 10 грудня 1937 р.; 3) Г. Гришин-Клювгант, заступник начальника УНКВС з 27 березня до 30 червня 1937 р.; 4) В. Дьомін, т.в.о. помічника з 26 травня 1938 р., помічник начальника УНКВС з 25 червня 1938 р. до 29 травня 1940 р.

Про біографії і діяльність цих людей багато написано в історичній літературі, зокрема В. Золотарьовим²⁴⁹. Якщо залишити за дужками саможубство С. Мазо, який швидко зрозумів згубність масових репресій (напередодні він дізнався про виключення його з кандидатів у члени ЦК КП(б)У), то доля більшості з названих людей ніяк не була пов'язана з їхньою діяльністю під час Великого терору, а відображала загальні тенденції у кадровій політиці в НКВС у 1937–1941 рр.

І. Шумський брав участь в організації і початку Великого терору в області. Після заміни В. Балицького на посаді наркома внутрішніх справ УРСР на І. Леплевського його у серпні 1937 р. перевели з Харкова до Запоріжжя, призначивши начальником міськвідділу НКВС. Там він працював півроку, а після наступної зміни наркома (замість І. Леплевського у Києві з'явився О. Успенський) І. Шумський 4 березня 1938 р. був відраджений до НКВС СРСР. Його подальша служба проходила на керівних посадах у системі Волгобуду і Волзького ВТТ НКВС СРСР, а пізніше — в інших місцях. У червні 1944 р. він повернувся до УРСР як начальник Управління табору військовополонених № 62 у м. Києві. У січні 1945 р. очолив Управління у справах військовополонених та інтернованих НКВС УРСР і перебував на цій посаді майже шість років. Потім п'ять з половиною років був заступником начальника Управління виправно-трудових таборів і колоній МВС УРСР. Від вересня 1943 р. одержав п'ять орденів. У 1956 р. вийшов на пенсію.

Л. Рейхман у 1921–1936 рр. служив у різних місцях України. Проїшов шлях від оперуповноваженого Чернігівської губЧК до начальника Запорізького міськвідділу НКВС. У 1937 р. побував на кількох посадах. Почав із заступника начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР (з 3 січня), продовжив заступником начальника УНКВС по Київській області (з 13 лютого), а 5 серпня 1937 р. нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський кинув його на УНКВС по Харківській області, де Л. Рейхман став головним провідником політики державного терору в регіоні. Про його подальшу долю ми згадали вище. Зазначимо лише, що його заарештували 24 жовтня 1938 р. і він потрапив до справжнього «чистилища», яким для нього стали 15-місячне перебування під слідством у Москві і засудження 25 січня 1940 р. ВКВС СРСР за обвинуваченням у зраді батьківщині та організаційній діяльності, спрямованій на підготовку і здійснення контрреволюційних злочинів (ст. 58–1 п. «а» і 58–11 КК РРФСР), до розстрілу. Розстріляний 26 січня 1940 р.

²⁴⁹ Серед численних праць В. Золотарьова особливо відзначимо його монографію «ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941)». (Харків: Фоліо, 2003.— 477 с.).

Аналогічною була доля і наступного тимчасового керівника УНКВС А. Симховича. Він з 1919 р. також служив на різних посадах у різних місцях України. У 1932 р. доріс до начальника відділення СПВ ДПУ УСРР. 20 грудня 1932 р. був нагороджений знаком почесного працівника ВНК–ДПУ. 3 квітня 1933 р. служив в Одесі, а з 27 серпня 1934 р. став начальником СПВ УДБ УНКВС по Вінницькій області. 8 січня 1936 р. йому було присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки. 8 серпня 1937 р. він був переведений на посаду начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області. 17 листопада 1937 р. йому було присвоєно чергове звання капітана держбезпеки, а 19 грудня 1937 р. нагороджено золотим годинником від ЦВК УРСР. Після нетривалого виконання обов'язків начальника УНКВС у березні 1938 р. він був відраджений з Харкова до НКВС СРСР, а з травня 1938 р. став заступником начальника і т.в.о. начальника 3-го (оперативно-чекістського) відділу ГУТАБ НКВС СРСР.

А. Симховича заарештували на чотири місяці пізніше ніж Л. Рейхмана — 6 березня 1939 р., а засудила його ВКВС СРСР лише на місяць пізніше — 26 лютого 1940 р. На додаток до спільних для них статей обвинувачення 58–1 п. «а» і 58–11 КК РРФСР він був обвинувачений ще і за статтею 58–7 (підрив державної промисловості, транспорту, торгівлі, грошового обігу і т.д.). Розстріляний 27 лютого 1940 р.

Наступний керівник УНКВС Г. Телешев виявився майстром на всі руки. Від 1921 р. він був прикордонником. У 1928 р. закінчив Вищу прикордонну школу ОДПУ. У 1929 р. змінив амплу, очоливши ЕКВ Чорноморського окружного відділу ДПУ (м. Новоросійськ). У грудні 1932 р. був нагороджений знаком почесного працівника ВНК–ДПУ. Коли він обіймав посаду заступника начальника ЕКВ УДБ УНКВС по Північно-Кавказькому краю (м. П'ятигорськ, з 10 січня 1936 р.— Орджонікідзе), 31 січня 1936 р. отримав звання старшого лейтенанта держбезпеки. У листопаді 1936 р., після розформування економічних підрозділів органів НКВС, Г. Телешев став контррозвідником — очолив 3-й відділ УДБ УНКВС по Північно-Кавказькому (з 29 березня 1937 р.— Орджонікідзевському) краю. 20 грудня 1936 р. йому було присвоєно звання капітана держбезпеки. Його шлях контррозвідника був продовжений призначенням 15 квітня 1937 р. начальником 3-го відділу УДБ УНКВС по Сталінградській області. Заслуги Г. Телешева на цій ділянці були відзначені нагородженням його 11 липня 1937 р. орденом Червоної зірки.

Коли почалась єжовська чистка кадрів в НКВС, почалось і службове зростання Г. Телешева. У вересні 1937 р. він став заступником начальника УНКВС по Архангельській області, а з 1 жовтня 1937 р. очолив УНКВС по Тамбовській області. Незважаючи на відсутність у нього нагород за цей період діяльності, гадаємо, що якби він не забезпечив розгортання Великого терору в області у значному масштабі, то не було б перекидання Г. Телешева на роботу в УРСР під час «єжовського великого переселення чекістів». У березні 1938 р. він став начальником УНКВС по Харківській області. Малий термін його керівництва УНКВС (півтора місяці) був обумовлений, можливо, обережним ставленням до нього наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського, та це не завадило Г. Телешеву активно

«підхльостувати» репресії і залишити по собі у Харкові недобру пам'ять, у тому числі й у співробітників УНКВС.

Потім було перевтілення чекіста Г. Телешева у партійного працівника. З 4 травня 1938 р. він став першим секретарем Одеського обкому і міськкому КП(б)У. У новій якості Г. Телешев проявив себе відповідно до приказки, що колишніх чекістів не буває. Своїми діями він сприяв розгортанню подальших масових репресій у місті і області, результатом яких став і черговий погром місцевих партійно-радянських кадрів. Деяким колишнім керівникам УНКВС і 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області довелося відповідати за це як «порушникам соцзаконності», але Г. Телешеву — ні. Керівництво ЦК КП(б)У на чолі з М. Хрущовим у січні 1939 р. просто позбулося його, відправивши до Москви. З того часу кар'єра Г. Телешева проходила поза партійними органами і органами НКВС.

У лютому 1939 р. відбулось третє перевтілення Г. Телешева — у «великого» господарника. Понад 30 років працював він на керівних посадах у системі Наркомату (з 1946 р. — Міністерства) харчової промисловості СРСР. У нас відсутні будь-які документальні дані про те, щоб коли-небудь допитали Г. Телешева про «темні справи» минулих днів, до яких він мав безпосереднє відношення у Харкові і Одесі.

І, навпаки, надісланий О. Успенським до Харкова на допомогу Г. Телешеву перевіреній «кадр» Д. Перцов, який також встиг три тижні покерувати УНКВС, потрапив під слідство і суд не один раз. Власне Д. Перцову і другій кримінальній справі, за якою він проходив разом з іншими співробітниками УНКВС, присвячені стаття учасника нашого проекту В. Золотарьова²⁵⁰ і документи, які ми публікуємо у четвертому розділі книги. До цього сюжету ми повернемося далі.

Якщо А. Симхович, Г. Телешев і Д. Перцов керували УНКВС загалом два з половиною місяці, то Г. Кобизев всидів на посаді майже вісім місяців. Він був прикладом єжовської трансформації партійного працівника у співробітника НКВС. З кінця 1936 р. він набирался досвіду на адміністративній роботі у центральному апараті НКВС СРСР, отримав звання лейтенанта держбезпеки і старшого лейтенанта держбезпеки (23 квітня і 5 листопада 1937 р.). Якесь особливе ставлення до нього М. Єжова виявилось і у нагородженні його 19 грудня 1937 р. орденом Червоної зірки.

У лютому 1938 р. Г. Кобизев приїхав разом з М. Єжовим до Києва і з 17 лютого очолив відділ кадрів НКВС УРСР. 11 квітня 1938 р. йому було присвоєно чергове звання капітана держбезпеки. Потім він був призначений на посаду начальника УНКВС по Харківській області, де став головним виконавцем Великого терору на його завершальному етапі. Однак ніяких нагород за це він не одержав. Навпаки, після заміни 25 листопада 1938 р. М. Єжова на Л. Берію на посаді наркома внутрішніх справ СРСР, під час берієвської чистки кадрів, 13 (офіційно — 16) січня 1939 р. був знятий з посади і заарештований у Москві. Він раніше

²⁵⁰ Золотарёв В. Страницы биографии «нарушителя социалистической законности» Давида Ароновича Перцова // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей. — С. 209–268.

за своїх попередників Л. Рейхмана і А. Симховича пішов під суд ВКВС СРСР і 15 серпня 1939 р. був засуджений за аналогічними статтями КК УРСР (54–1 п. «а», 54–11 плюс 16–54–8) до 15 років позбавлення волі у ВТТ. Під час відбування покарання у Північно-Східному ВТТ НКВС (м. Магадан), 7 грудня 1941 р. помер.

Я. Камінський з Харкова переїхав до Києва і став заступником начальника (з липня до листопада 1937 р.— т.в.о. начальника) Управління робітничо-селянської міліції (УРСМ) НКВС УРСР. Його сумарний внесок у діяльність НКВС був оцінений нагородженням 19 грудня 1937 р. золотим годинником від ЦВК УРСР. З появою О. Успенського на чолі НКВС УРСР Я. Камінський 9 березня 1938 р. був заарештований, обвинувачений в участі у «контрреволюційній змові» в НКВС і 23 листопада 1939 р. Особливою нарадою при НКВС СРСР «засуджений» до 8 років позбавлення волі у ВТТ. Покарання відбував у Східно-Уральському ВТТ. 24 березня 1947 р. був звільнений, але 26 січня 1949 р. його знову заарештували і за рішенням Особливої наради при МДБ СРСР вислали на поселення до Красноярського краю. У 1957 р. реабілітований.

Я. Пан працював помічником начальника УНКВС при трьох керівниках — С. Мазо, І. Шумському і Л. Рейхмані. Під час відсутності І. Шумського, з 15 до 22 липня 1937 р., він був т.в.о. начальника УНКВС. Загалом його роль у діяльності УНКВС була десь за лаштунками, але не менш вагомою, особливо при Л. Рейхмані. 3 грудня 1937 р. Я. Пан продовжив службу у Курську і Воронежі (РРФСР). 21 березня 1939 р. він був виключений зі списків особового складу органів НКВС через смерть.

Про долю Г. Гришина-Клювганта ми вже згадували. 20 серпня 1937 р. його заарештували за обвинуваченням в участі в «антирадянській контрреволюційній організації» в органах НКВС УРСР. Військовим трибуналом військ НКВС Московського округу 1 червня 1939 р. він був засуджений до ВМП і 2 вересня 1939 р. розстріляний.

В. Дьомін з 1932 р. очолював Валківський райвідділ ДПУ–НКВС Харківської області. Після переведення з Харкова на нове місце служби Д. Перцова, який не спрацював з Г. Кобизевим, останній, мабуть, сам підібрав собі у помічники В. Дьоміна, який міг його консультувати з усіх оперативних питань і місцевої специфіки їх вирішення, про які новий начальник УНКВС мав лише примарне уявлення. В. Дьомін номінально був помічником начальника УНКВС по відділах, що не входили до складу УДБ УНКВС, але йому доводилось виходити за межі своєї компетенції, адже заступник начальника УНКВС у 1938 р. так і не був призначений.

Попереднє керівництво УНКВС не балоувало В. Дьоміна. Перше звання лейтенанта держбезпеки було присвоєно йому ще 23 лютого 1936 р. З того часу його службова діяльність не була відзначена ані підвищенням по службі, ані присвоєнням чергового звання, ані будь-якими вагомими нагородами. Все змінилось після його переведення до УНКВС. 15 червня 1938 р. йому було присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки, а 14 серпня того ж року він був нагороджений знаком почесного працівника ВНК–ДПУ.

Після арешту у січні 1939 р. його благодійника Г. Кобизева над ним також нависла загроза арешту у випадку, якби колишній начальник УНКВС надав відповідні показання. Але цього не сталося, і В. Дьомін продовжив службу, адже беріївська чистка органів НКВС і початок Другої світової війни відкрили нові можливості. 29 травня 1940 р. його призначили заступником начальника, а 28 березня 1941 р.— начальником УНКВС по Чернігівській області. Після початку німецько-радянської війни В. Дьомін і апарат УНКВС потрапили у дуже складне становище. Намагаючись вирватися з оточення військ Вермахту, частина співробітників УНКВС загинула, частина пропала без вісти, і лише деякі вийшли з оточення. Ймовірно, В. Дьомін також загинув і був виключений зі списків особового складу НКВС з 31 липня 1941 р.

А тепер повернемося до Д. Перцова. З Харкова він був переведений до Одеси на посаду начальника Чорноморського морського відділу НКВС. Це мало фатальні наслідки для нього. Після зникнення у Києві наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського у Москві відразу припустили варіант його втечі за кордон морем через Одеський порт. Ставники наркома Д. Перцова 16 листопада 1938 г. був заарештований і етапований до НКВС СРСР. Заарештували його як «учасника контрреволюційної право-троцькістської організації та антирадянської змови в НКВС УРСР», але слідство з'ясувало, насамперед, як саме і куди саме за кордон він нелегально відправив О. Успенського.

Після арешту 15 квітня 1939 р. наркома-втікача слідство цікавила «змовницька діяльність» Д. Перцова. Показання про це серед інших надав Г. Кобизев, який, однак, відмовився від очної ставки з Д. Перцовим з цього приводу на суді ВКВС СРСР. Тому обвинувачення Д. Перцову за ст. ст. 54–1 п. «а» і 54–11 КК УРСР (яке також висунули Л. Рейхману, А. Симховичу і Г. Кобизеву) було змінене на обвинувачення у скоєнні посадових злочинів, передбачених ст. 206–17 п. «а» КК УРСР. Це обумовило і м'який вирок Військової колегії від 15 серпня 1939 р.— 4 роки позбавлення волі у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ НКВС.

Враховуючи ранг колишніх співробітників УНКВС по Харківській області, яких притягнули до кримінальної відповідальності за «порушення соцзаконності», головною «харківською справою» стала друга кримінальна справа з обвинувачення Д. Перцова та інших осіб. Формування складу фігурантів цієї справи почалося з арешту начальника 1-го відділення ОБ НКВС ХВО Я. Середи. Він з червня 1930 р. служив в органах ДПУ—НКВС на Харківщині і Полтавщині. З 1933 р. очолював Миропільський райвідділ ДПУ Харківської області. 23 лютого 1936 р. йому було присвоєно звання молодшого лейтенанта держбезпеки. Влітку 1937 р. Я. Середи був прикріплений для ведення слідства до обласного УНКВС. 22 квітня 1938 р. його призначили начальником відділення, 13 липня — т.в.о. помічника начальника 5-го відділу УДБ УНКВС, а 3 вересня 1938 р.— начальником 1-го відділення ОБ НКВС ХВО.

Закріпленню Я. Середи на роботі в УНКВС сприяла його участь у діяльності особливої слідчої групи у справах заарештованих колишніх співробітників УНКВС. Ця ж діяльність привернула до себе увагу пізніше. За

результатами розслідування у 2-му відділі УДБ УНКВС фактів порушення ним «соцзаконності» 9 березня 1939 р. склали постанову на його арешт. Згідно з нею Я. Серeda, «працюючи слідчим Особливої слідчої групи у справах колиш[ніх] співробітників УНКВС з березня по липень місяця 1938 року під керівництвом колиш[ніх] начальника УНКВС Телешева і Кобизева і колиш[нього] зас[тупника] начальника УНКВС Перцова (нині заарештовані як вороги народу²⁵¹), застосовував явно провокаційні методи у слідстві, штовхаючи обвинувачених до обмови цілком невинних людей, виявляв антисемітизм, нелюдськи жорстоко бив обвинувачених, на яких не було достатніх компрометуючих матеріалів...»²⁵². Ці дії кваліфікували як злочинні відповідно до ст. 206–17 п. «а» КК УРСР.

Ця постанова та інші матеріали на Я. Середу були відправлені на розгляд до Москви. 17 березня 1939 р. у Слідчий частині ОВ ГУДБ НКВС СРСР склали нову постанову про притягнення його до відповідальності і арешт за обвинуваченням тепер вже за ст. 58–1 п. «б» КК РРФСР²⁵³. 20 березня 1939 р. цю постанову затвердив заступник наркома внутрішніх справ СРСР В. Меркулов, а наступного дня санкцію на арешт дав заступник прокурора СРСР Г. Рогинський.

Я. Серeda був заарештований у Харкові 22 березня і етапований до Москви, де утримувався у Бутирській тюрмі. 24 березня 1939 р. у НКВС СРСР заповнили анкету заарештованого²⁵⁴. З того часу упродовж кількох місяців його допитували в основному про роботу особливої слідчої групи в УНКВС. Паралельно в ОВ ХВО допитали як свідків кількох осіб про різні аспекти діяльності і поведінки Я. Середи. Матеріали розслідування в УНКВС, протоколи допитів Я. Середи у Москві і свідків у Харкові склали основну частину 1-го тому архівної кримінальної справи.

За результатами першого етапу слідства обвинувачення йому 2 липня 1939 р. було перекваліфіковано зі ст. 58–1 п. «б» на ст. 193–17 п. «б» КК РРФСР (остання відповідала ст. 206–17 КК УРСР). Наступного дня склали протокол про закінчення слідства і обвинувальний висновок у справі, який 27 липня 1939 р. був затверджений керівництвом ОВ ГУДБ НКВС СРСР²⁵⁵. Далі справу направили до ГВП РСЧА, але та повернула справу до Харкова для додаткового розслідування.

Наступним за хронологією притягнення до складу обвинувачених у справі був І. Крюков. У перший рік Великого терору він був начальником 6-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Сталінградській області, а з червня 1937 р.— начальником Хопьорського райвідділу НКВС тієї ж області. Потім його перевели до УРСР. З 14 грудня 1937 р. він став

²⁵¹ Йшлося про Г. Кобизева і Д. Перцова.

²⁵² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 1, арк. 5. Звертаємо увагу на те, що архівні пошукові дані, які ми наводимо у тексті і документах, відрізняються від тих, які є в історичній літературі, оскільки у 2018 р. у ГДА СБУ було здійснено упорядкування нумерації томів цієї справи.

²⁵³ Там само, арк. 1–3.

²⁵⁴ Там само, арк. 12–13 зв.

²⁵⁵ Там само, арк. 296, 297, 298–304.

начальником відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області. Його «таланти» і «вміння» знадобилися і у Києві, коли О. Успенський створив у НКВС УРСР слідчу групу у справах заарештованих співробітників НКВС. У лютому—березні 1938 р. І. Крюков був відряджений до цієї групи і разом з Д. Перцовим брав участь у слідстві, яке характеризувалося вкрай жорстоким поведженням із заарештованими аж до їх вбивств внаслідок побиття. Здобувши «цінний» досвід у цій групі, після повернення до Харкова І. Крюков з подачі Д. Перцова очолив аналогічну слідчу групу в УНКВС.

Роботу І. Крюкова керівники УНКВС Г. Кобизев і Д. Перцов оцінили підвищенням його у посаді. З 28 травня 1938 р. І. Крюков став заступником начальника 3-го відділу УДБ УНКВС²⁵⁶. 15 червня йому було присвоєно звання старшого лейтенанта держбезпеки. 14 серпня (вже без Д. Перцова) його нагородили знаком почесного працівника ВНК—ДПУ і тоді ж, у серпні 1938 р., призначили т.в.о. начальника 8-го відділу УДБ УНКВС.

Серед основної маси співробітників НКВС І. Крюков виділявся тим, що мав вищу освіту у галузі радянського права. Після переведення його 23 жовтня 1938 р. до Одеси це дало підстави для того, щоб незабаром за допомогою Г. Телешева він став в.о. прокурора Одеської області. Нагадаємо, що в Одесі тоді перебував і Д. Перцов. Невідомо, що могла накоїти ця трійця разом зі співробітниками місцевого УНКВС на чолі з П. Кисельовим, якби не вийшла постанова РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р., яка поклала край масовим репресивним операціям.

Після притягнення до кримінальної відповідальності Я. Середи слідство в УНКВС по Харківській області вийшло на інших «порушників соцзаконності». І другим номером у списку став І. Крюков. За постановою військового прокурора військ НКВС Харківського округу О. Палкіна від 21 вересня 1939 р. та з санкції першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрущова І. Крюков 17 листопада 1939 р. був заарештований у Сталінграді і етапований до Харкова. Туди його доставили 26 листопада і помістили до внутрішньої тюрми УДБ УНКВС. Наступного дня до Слідчастини УНКВС з Військової прокуратури військ НКВС по Харківському округу надійшла слідча справа у двох томах за обвинуваченням Я. Середи та І. Крюкова за ст. 206—17 п. «б» КК УРСР, тобто матеріали на І. Крюкова об'єднали зі справою Я. Середи²⁵⁷. На завершення процедурних формальностей у Слідчастині УНКВС 28 листопада була заповнена анкета заарештованого І. Крюкова²⁵⁸.

Двоє обвинувачених і свідки під час допитів і очних ставок надали чимало додаткової інформації, що викликало необхідність притягнути під слідство засудженого Д. Перцова. Слідчастина УНКВС 22 грудня

²⁵⁶ Згідно з довідкою відділу кадрів УНКВС по Харківській області від 23 березня 1940 р. І. Крюков працював на цій посаді з 1 липня 1938 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 8, арк. 72).

²⁵⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 3, арк. 1, 21.

²⁵⁸ Там само, арк. 4—4 зв.

1939 р. підготувала постанову, яку того ж дня затвердило керівництво УНКВС і санкціонував військовий прокурор військ НКВС Харківського округу О. Палкін, з клопотанням перед НКВС СРСР про притягнення Д. Перцова до кримінальної відповідальності у цій справі, висунувши йому обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР, та етапування Д. Перцова до Харкова²⁵⁹.

У Москві відповідне розпорядження зробив начальник ГЕУ НКВС СРСР Б. Кобулов, про що 1-й спецвідділ НКВС СРСР 10 січня 1940 р. повідомив начальника 2-го відділу ГУТАБ НКВС СРСР Г. Грановського і у копії — УНКВС по Харківській області. 1-й спецвідділ також висловив прохання надіслати з ВКВС СРСР кримінальну справу на Д. Перцова. Станом на 22 березня 1940 р. справа ще не надійшла до 1-го спецвідділу, проте Д. Перцова вже відправили з Владивостока до Харкова²⁶⁰, і з 28 березня 1940 р. він утримувався у внутрішній тюрмі УДБ УНКВС.

Тим часом до заарештованих у справі 26 грудня 1939 р. приєднався О. Копаєв²⁶¹. Він лише 31 березня 1938 р. прийшов на службу до органів НКВС і практично відразу був кинутий на слідство у справах заарештованих співробітників УНКВС. У свої 30 років він достатньо пропрацював на виробництві, але в УНКВС став певним заручником ситуації, що там існувала. Жахаючись реалій Великого терору, він за «роз'ясненнями» старших товаришів трактував його як якусь вищу необхідність²⁶². «Правильне» розуміння ситуації дозволяло просуватися на гору службовими шаблями: помічник начальника 3-го відділення, з 31 липня 1938 р.— т.в.о. начальника 2-го відділення 4-го відділу, з серпня 1938 р.— т.в.о. начальника відділення 9-го відділу УНКВС. У грудні 1938 р. О. Копаєва висунули на самостійну керівну роботу начальником Груньківського райвідділення НКВС Харківської (незабаром — Сумської) області. Рік потому відбувся арешт.

9 січня 1940 р. О. Копаєву висунули обвинувачення за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР²⁶³. Але у ході слідства виник додатковий сюжет, пов'язаний з тим, що О. Копаєв проводив серед співкамерників — колишніх співробітників УНКВС «антирадянську агітацію»: «опошляв керівників партії і Радянської держави», «висміював колгоспний лад». Співкамерники, вірогідно, угледіли у розмовах О. Копаєва провокацію і донесли про них колишнім колегам. У діях О. Копаєва слідство вбачало ознаки злочинів, передбачених ст. 54–10 ч. I КК УРСР. 13 травня 1940 р. він був обвинувачений ще і за цією статтею. Ознайомивши його з постановою про це

²⁵⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 7, арк. 1–3.

²⁶⁰ Там само, арк. 4, 5.

²⁶¹ Там само, спр. 67398, т. 3, арк. 2, 3.

²⁶² У 3-му томі збірника документів опублікована заява О. Копаєва на ім'я першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова від 1 квітня 1939 р., в якій автор описав обстановку в УНКВС у 1938 р. (См.: Эхо Большого террора.— Т. 3.— С. 73–76).

²⁶³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 7, арк. 77.

14 травня, відразу ж оформили протокол про закінчення слідства в його справі²⁶⁴.

Під час слідства перекваліфікували обвинувачення, висунуті Я. Середі та І. Крюкову. Слідство дійшло висновку, що Я. Середя «діяв винятково за вказівками Перцова і Крюкова», і тому склад злочину, скоєного ним, передбачав п. «а», а не «б» ст. 206–17 КК УРСР. Згідно з постановою Слідчої частини УНКВС від 10 березня 1940 р. обвинувачення йому змінили²⁶⁵. Пізніше (9 квітня 1940 р.) аналогічну постанову було прийнято і стосовно І. Крюкова, оскільки «він не *завжди*²⁶⁶ проводив роботу ініціативно, а всі вказівки з питання неправильного ведення слідства отримував від к[олишнього] керівництва УНКВС і, зокрема, від к[олишнього] зас[тупника] нач[альника] УНКВС Перцова, що є обставиною, яка пом'якшує вину...»²⁶⁷.

Я. Середя другим після О. Копаєва був ознайомлений 12–14 квітня 1940 р. з матеріалами справи у зв'язку із закінченням слідства стосовно нього²⁶⁸. Він заявив, що може доповнити матеріали слідства власноручними показаннями, і таку можливість йому надали²⁶⁹.

Коли першу кримінальну справу на Д. Перцова отримали у Харкові, її вивчили у Військовій прокуратурі військ НКВС Харківського округу і 14 квітня 1940 р. надали вказівку Слідчій частині УНКВС по Харківській області притягнути Д. Перцова «до кримінальної відповідальності в одній справі з Крюковим, Середою і Копаєвим, роботу яких Перцов очолював». Військова прокуратура акцентувала увагу також на тому, щоб до справи обов'язково були долучені документи, «які не були предметом дослідження В[ійськової]/колег[ії] Верховного суду 15/VIII–[19]39 р.»²⁷⁰.

Судячи з документів в архівній кримінальній справі, 15 квітня відбувся перший допит Д. Перцова у рамках нового слідства, а 25 квітня — перша очна ставка його з одним із фігурантів Я. Середою²⁷¹. Матеріалів, що мало слідство, вистачило для того, аби вже 26 квітня 1940 р. скласти розлогу постанову про висунення обвинувачення Д. Перцову за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР²⁷². Після ознайомлення Д. Перцова з матеріалами справи

²⁶⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 5, арк. 23, 24.

²⁶⁵ Там само т. 7, арк. 81–82.

²⁶⁶ У документі слово вписано від руки фіолетовими чорнилами.

²⁶⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 7, арк. 83.

²⁶⁸ Там само, арк. 98. О. Копаєв був ознайомлений з матеріалами справи 10–13 квітня 1940 р., і це було зафіксовано у протоколі про закінчення слідства (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 7, арк. 95). Але потім було проведено слідство щодо його «антирадянської агітації», і 14 травня склали другий протокол про закінчення слідства в його справі.

²⁶⁹ Там само, арк. 99–102.

²⁷⁰ Там само, арк. 6.

²⁷¹ Там само, арк. 7–14, 19–27, 69–73.

²⁷² Там само, арк. 79–80.

9–10 травня 1940 р. склали протокол про закінчення слідства, до якого згодом долучили його власноручні показання від 13 травня 1940 р.²⁷³.

Завершився цей етап слідства складанням 15 травня 1940 р. Слідчою частиною УНКВС обвинувального висновку, після чого справу направили до Військової прокуратури військ НКВС Харківського округу²⁷⁴. Заступник військового прокурора військ НКВС Харківського округу Парміт 26 травня 1940 р. підписав постанову, згідно з якою обвинувальному висновку було надано сили обвинувального акта. Обвинувачені підлягали суду Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу за участі обвинувачення і захисту²⁷⁵. Того ж дня справу передали до зазначеного трибуналу.

Д. Перцов тойді написав кілька скарг, у тому числі прокурору СРСР М. Панкратєву від 4 червня 1940 р., в яких акцентував увагу на тому, що його вдруге обвинувачують в одній і тій самій справі, а військовий прокурор військ НКВС Харківського округу О. Палкін, на його думку, необ'єктивно поставився до цього, ігноруючи той факт, що клопотання Слідчастини УНКВС по Харківській області через НКВС СРСР перед пленумом Верховного суду СРСР про відміну вироку у першій кримінальній справі Д. Перцова залишалось ще без наслідків²⁷⁶.

Військовий трибунал на підготовчому засіданні 14 червня 1940 р. справу прийняв до свого провадження, затвердив обвинувальний висновок і призначив справу до слухання у закритому судовому засіданні за участі обвинувачення і захисту і викликом додаткових свідків²⁷⁷. Засідання відбулося 25 червня у приміщенні Військового трибуналу (док. № 66). З чим було пов'язано проведення судового засідання саме там, а не в будівлі УНКВС, як це було в інших областях, залишається лише здогадуватися. Як і про те, чому представник Військової прокуратури, за пропозицією якої засідання мало відбутися за участі обвинувачення і захисту, не з'явився на судове засідання. Через це і деякі інші причини трибунал відклав слухання справи до 7 липня 1940 р. (док. № 67). Проте 4 липня Військовий трибунал відправив справу до ВКВС СРСР зі скаргою Д. Перцова на ухвалу трибуналу від 25 червня, потім навздогін відправив 16 липня додаткову заяву Д. Перцова від 13 липня, а 27 липня — заяву І. Крюкова від тієї ж дати²⁷⁸.

Поки справа знаходилась у Москві, І. Крюков почав втрачати самоконтроль через двомісячне утримання в одиночній камері і звернувся до голови Військового трибуналу з проханням позбавити його самотності. У заяві від 12 серпня 1940 р. він написав, що хотів би «предстати перед

²⁷³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 7, арк. 105, 106–131.

²⁷⁴ Там само, арк. 132–143.

²⁷⁵ Там само, т. 11, арк. 1.

²⁷⁶ Там само, арк. 23–23 зв.

²⁷⁷ Там само, арк. 6.

²⁷⁸ Там само, арк. 87, 97, 98.

судом у пристойному стані»²⁷⁹. Чи задовольнили його прохання, у справі не сказано.

Повернулася справа з Москви 7 вересня 1940 р. з лаконічною вказівкою керівництву Військового трибуналу: «...Для вирішення її по суті, оскільки суд почав судове у справі слідство»²⁸⁰. Судячи з резолюції на супровідному листі Військової колегії, голова Військового трибуналу П. Гур'єв вирішив сам ознайомитися зі справою і відразу призначив судові засідання на 25 вересня. Потім дату посунули на 27 вересня.

Двічі поінформувавши про це Військову прокуратуру військ НКВС Харківської області, трибунал 18 вересня отримав відповідь від т. в. о. військового прокурора округу Парміта про те, що підтримувати державне обвинувачення у справі Д. Перцова та інших обвинувачених за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР «Військова прокуратура не має можливості». Було висловлено прохання заслухати справу без участі обвинувачення. Також повідомлялося, що «найближчими днями ВП округу буде розформована, і працівники ВП округу виїдуть з Харкова до місць нового призначення»²⁸¹.

Отже, керівництво Військової прокуратури військ НКВС Харківського округу відмовлялося брати участь у судовому засіданні у справі Д. Перцова та інших осіб. Тоді керівництво трибуналу звернулось до ГВП з проханням примусити військових прокурорів до участі у процесі. Вірогідно, це було зроблено, і у засіданні, яке відбулося з 27 до 30 вересня 1940 р., взяв участь військовий прокурор Шулепін (док. № 68). Згідно з вироком трибуналу І. Крюков і Я. Середа були засуджені до 10 років позбавлення волі у ВТТ кожен, О. Копаєв за ст. 206–17 п. «а» — до 4 років позбавлення волі у ВТТ, а за ст. 54–10 ч. 1 КК УРСР був виправданий; нова справа з обвинувачення Д. Перцова за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР була припинена (док. № 69).

Цікавий нюанс був у виправданні О. Копаєва за ст. 54 КК УРСР. Один з донощиків на нього Д. Барабанов, який виступив на засіданні як свідок, за рішенням трибуналу притягувався до кримінальної відповідальності за наявність в його діях «контрреволюційного злочину і брехні» (док. № 70). Навряд ця кваліфікація відповідала дійсності, оскільки розмови О. Копаєва мали ширший характер і свідчили про його глибокий психологічний надлом²⁸². До того ж про висловлювання у камері О. Копаєва заявив інший колишній співробітник УНКВС — К. Курпас, у якого не було ніяких особистих рахунків з О. Копаєвим. А через кілька днів після того, як К. Курпас подав заяву про висловлювання О. Копаєва, їх розмістили у різних камерах²⁸³. Ймовірно, співкамерників лякали ці розмови, і вони не знали, як на них реагувати, поки чекістське чуття не підказало їм, що треба підстрахуватися і написати заяви на О. Копаєва.

²⁷⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 115.

²⁸⁰ Там само, арк. 105.

²⁸¹ Там само, арк. 145.

²⁸² Там само, т. 5, арк. 2–3 зв., 4–9.

²⁸³ Там само, арк. 12, 23.

Вирок стосовно Д. Перцова викликав у членів трибуналу невдоволення. Власне вони пішли на угоду підсудному, зосередивши свою увагу на факті повторного суду над ним за тим самим обвинуваченням, за яким він був засуджений першого разу. І не помітили деякі юридичні деталі, які робили неправомірним вирок. Але то була не вина, а біда членів трибуналу. У ситуації, що виникла, були винні московські інстанції. Спочатку в НКВС СРСР Д. Перцову висунули неправдиві звинувачення, потім ВКВС СРСР засудила його, змінивши кваліфікацію скоєних ним злочинів, замість того, щоб відправити справу на дослідження. Далі НКВС СРСР не проконтролював питання про відміну вироку Військової колегії пленумом Верховного суду СРСР, а сама Військова колегія вела якусь подвійну гру.

Керівництво Військової прокуратури військ НКВС Харківського округу, мабуть, бачило ці юридичні негаразди і намагалося уникнути участі у судовому розгляді справи. Тому і в.о. голови Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу П. Гур'єв, відправляючи 10 жовтня 1940 р. до ГВП копію вироку у справі, висловив доволі різке судження щодо вироку Д. Перцову (док. № 71).

14 жовтня 1940 р. справу і касаційні скарги засуджених направили до Москви, і три дні потому вони надійшли до ВКВС СРСР²⁸⁴. До справи було додано пояснення П. Гур'єва на ім'я голови Військової колегії В. Ульріха з аргументами щодо відміни вироку Військової колегії у справі Д. Перцова від 15 серпня 1939 р.²⁸⁵ Але якою була реакція на це голови і членів Військової колегії, ми не знаємо. Та вони мали розуміти, що «підставили» трибунал, своєчасно не поінформувавши Харків про відміну вироку Військової колегії стосовно Д. Перцова, але чесно визнати це не хотіли.

З урахуванням цього, а також того, що в ГВП знали про думку голови і членів Військового трибуналу щодо вироку у справі Д. Перцова, на засіданні Військової колегії 15 листопада 1940 р. і було прийняте рішення у справі (док. № 72). Вирок стосовно І. Крюкова, Я. Середи і О. Копаєва був затверджений без змін, а рішення Військового трибуналу про припинення справи стосовно Д. Перцова було визнано неправомірним.

Негаразди на цьому не скінчилися. Справу потім помилково надіслали до Військової прокуратури військ НКВС Харківського округу, а не до Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу, як це було зазначено в ухвалі Військової колегії. Військова прокуратура, у свою чергу, направила справу голові Військового трибуналу військ НКВС Київського округу Я. Васютинському²⁸⁶. І на ухвалі колегії з'явилась резолюція останнього від 27 листопада 1940 р., яку він адресував П. Гур'єву. Так велике коло військових юристів стало обізнаним у справі Д. Перцова. Однак для них залишалось незрозумілим, що ж робити зі справою. Крайній в цій історії П. Гур'єв 20 грудня 1940 р. поставив члену Військової ко-

²⁸⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 244.

²⁸⁵ Там само, арк. 255.

²⁸⁶ Там само, арк. 245.

легії А. Сусліну запитання руба: «Прошу Вас повідомити, чи порушено питання про відміну вироку стосовно Перцова, або це питання не стоїть, і Перцова можна направити до таборів для відбування покарання за вироком ВК» (док. № 73).

Виявилось, що це питання вже давно було вирішене. У листі А. Сусліна від 27 грудня повідомлялося, що пленум Верховного суду СРСР вирок стосовно Д. Перцова відмінив і справу направив на новий розгляд зі стадії попереднього слідства (док. № 74). У листі не була названа дата відміни вироку. Згідно з довідковою інформацією в архівній кримінальній справі, справу було направлено на новий розгляд відповідно до ухвали пленуму Верховного суду СРСР ще від 12 липня 1940 г. Військова колегія своєчасно не виконала цю ухвалу. А потім, не доводячи до відома про це колег у Харкові, намагалась тишком-нишком виправити свою «помилку».

Наступний етап слідства у справі Д. Перцова пройшов у Києві. Було заведено нову, третю, слідчу справу. Нам не вдалося ознайомитися з нею. Судячи з «Огляду за архівно-слідчою справою № 976016 на Перцова Давида Ароновича», що був складений 6 травня 1955 р. у Слідчому управлінні КДБ при Раді міністрів УРСР, справа зберігалась у КДБ при РМ СРСР²⁸⁷, тобто у відомчому архіві, який у подальшому успадкувала Федеральна служба безпеки Російської Федерації. Ми маємо лише завірену машинописну копію вироку Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Д. Перцова від 5–6 червня 1941 р. Ця копія долучена до архівної кримінальної справи української письменниці З. Тулуб (реабілітована у 1956 р.)²⁸⁸. До слідства в її справі у серпні 1937 р. мав відношення Д. Перцов як помічник начальника 4-го відділу УДБ НКВС УРСР. Ми не публікуємо цей документ, оскільки він майже повністю наведений у статті учасника нашого проекту В. Золотарьова разом з його розлогими коментарями і зазначенням великої кількості фактичних помилок у тексті вироку²⁸⁹.

Згідно з вироком на підставі ст. ст. 54–7 і 27–1 КК УРСР Д. Перцов був засуджений до 15 років позбавлення волі у ВТТ. У справі зазначено, що постановою Особливої наради при НКВС СРСР від 21 липня 1945 р. за високі виробничі показники і відмінну поведінку у побуті строк покарання йому був зменшений на 6 місяців. Однак у підсумку це не мало значення. Перебуваючи в ув'язненні у Східно-Уральському ВТТ, 28 серпня 1948 р. він помер²⁹⁰. Як і його колишні колеги, Д. Перцов не реабілітований.

Я. Середа відбував покарання у Північно-Східному ВТТ. Станом на 6 вересня 1944 р. працював завідуючим їдальнею у міському відділенні Магаданського табору. «За виключно чесне ставлення до роботи, за

²⁸⁷ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 36991-фп, арк. 123–124.

²⁸⁸ Там само, арк. 125–127.

²⁸⁹ Золотарёв В. Страницы биографии «нарушителя социалистической законности» Давида Ароновича Перцова // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей. — С. 251–259.

²⁹⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 1, арк. 308 зв.

відмінне дотримання табірному режиму» Управління Північно-Східних таборів клопотало тоді перед Особливою нарадою при НКВС СРСР про скорочення строку покарання йому на 6 місяців. 14 жовтня 1944 р. клопотання задовольнили²⁹¹. 15 лютого 1947 р. він був звільнений²⁹². Про подальшу долю І. Крюкова і О. Копаєва інформації в архівній кримінальній справі нема.

Після судового засідання у справі Д. Перцова та його колег Військовий трибунал направив 12 жовтня 1940 р. до Військової прокуратури військ НКВС Харківського округу витяги з протоколу засідання для притягнення до кримінальної відповідальності ще двох колишніх співробітників УНКВС — М. Крюкова і Г. Мордуховича²⁹³. М. Крюков тоді був заступником начальника і т.в.о. начальника 2-го відділу УДБ УНКВС—УНКДБ по Дрогобицькій області, а Г. Мордухович працював у 2-му відділі УДБ УНКВС по Житомирській області. Судячи з усього, їх не вдалося притягнути до відповідальності. Після початку німецько-радянської війни М. Крюков служив в особливих органах. 5 листопада 1941 р. був нагороджений орденом Червоної зірки. У 1942 р. очолював відділення ОВ 6-ї армії Південно-Західного фронту. 25 липня 1942 р. зник без вісти.

Крім згаданих осіб були виявлені й інші «порушники соцзаконності» в УНКВС, але це окрема історія, що потребує додаткового вивчення, тому ми поки що залишили її за рамками нашого дослідження.

Підбиваючи підсумки боротьби з «порушниками» в УНКВС у Харкові, бачимо дуже своєрідну картину. Органи юстиції не визначили як «порушників» керівників УНКВС Л. Рейхмана, А. Симховича, Д. Перцова, Г. Кобизева та інших, однак завдали головного удару саме по них — головних провідниках і виконавцях Великого терору в області. Цей удар мав фатальні наслідки для п'яти із шести засуджених. Лише два колишніх керівники УНКВС (І. Шумський і Г. Телешев) безболісно пережили ті часи. Водночас незначною була чисельність «порушників» — керівників середньої і нижньої ланок та інших співробітників УНКВС. Разом з Д. Перцовим засудили лише трьох, причому за обвинуваченням, що було звужено до протиправних дій стосовно заарештованих колишніх колег. Та й відбуваючи покарання, той самий Я. Середа непогано влаштувався в умовах, коли смертність у колимських таборах була максимальною за всю історію їх існування.

Військові прокурори проти НКВС: «ворошиловградсько-київська справа»

Після утворення 3 червня 1938 р. з північно-східної частини Донецької області (28 районів) Ворошиловградської (нині — Луганська) області через вісім днів було створене і нове обласне УНКВС. Великий терор був у розпалі, і організаційні питання щодо розгортання нового Управління

²⁹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 264—264 зв., 272, 273.

²⁹² Там само, арк. 208а — 208а зв.

²⁹³ Там само, арк. 231—239.

вирішували на ходу. За короткий час існування УНКВС на завершальному етапі Великого терору керували ним лише дві особи. Ними були О. Баличев, призначений 4 червня т.в.о заступника начальника УНКВС, та Г. Коркунов, який 25 червня став в.о. начальника УНКВС.

Судячи з матеріалів архівної кримінальної справи на основну групу притягнутих до відповідальності колишніх співробітників УНКВС на чолі з О. Баличевим, вже менше ніж через рік «порушення соцзаконності» в їхній службовій діяльності стали предметом пильної уваги військових прокурорів. Але почалось все традиційно з керівника УНКВС.

Г. Коркунов з 1932 р. працював у СПВ Київського облвідділу ДПУ (з 1934 р.— УНКВС по Київській області) і зарекомендував себе як один із затятих активістів у проведенні репресій проти різних категорій населення. До початку Великого терору він доріс до посади начальника відділення 4-го відділу (СПВ) УДБ УНКВС. Дещо із запізненням (2 грудня 1936 р.) йому було присвоєно перше звання — лейтенант держбезпеки.

1937-й рік все змінив. Новий нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський почав чистку НКВС УРСР від співробітників, яких він вважав людьми свого попередника В. Балицького. Чистка відкрила дорогу на гору таким, як Г. Коркунов. 8 серпня 1937 р. його призначили начальником 6-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР. Він брав активну участь у Великому терорі і 17 листопада 1937 р. став старшим лейтенантом держбезпеки, а 19 грудня 1937 р. був нагороджений орденом Червоної зірки.

Заміна І. Леплевського на О. Успенського на чолі НКВС УРСР також сприяла подальшому службовому зростанню Г. Коркунова²⁹⁴. Він справив гарне враження на М. Єжова під час знайомства останнього з працівниками НКВС УРСР і 18 лютого 1938 р. потрапив разом з О. Долгушевим на згаданий банкет, влаштований на честь М. Єжова. Завдяки протекції О. Успенського з 4 березня 1938 р. Г. Коркунов став т.в.о. начальника, а з 22 березня — начальником 4-го відділу УДБ УНКВС по Київській області. Він повернувся до органу НКВС, в якому пройшла основна частина його служби у 1930-ті роки. Але цікавий нюанс полягав у тому, що коли О. Успенський у травні 1938 р. приймав рішення про те, кого поставити на чолі УНКВС, він не призначив на цю посаду Г. Коркунова, який набагато краще О. Долгушева знав місцеві кадри і особливості «оперативної обстановки» в області. Але нарком розраховував на Г. Коркунова у подальшому, про що свідчило одночасне дострокове присвоєння звання капітана держбезпеки О. Долгушеву (13 червня) і Г. Коркунову (15 червня). З урахуванням амбіцій останнього могла виникнути ситуація, коли «Болівар не винесе двох».

Така ситуація не встигла виникнути. Висуванці О. Успенського формально працювали разом в УНКВС по Київській області майже місяць

²⁹⁴ Про стрімку службову кар'єру Г. Коркунова у період Великого терору див.: *Бажан О., Золотарьов В.* Луганський прокуратор (штрихи біографії капітана державної безпеки НКВС Григорія Коркунова) // Краєзнавство: Науковий журнал.— 2015.— № 3/4.— С. 257–267.

(з 28 травня до 25 червня 1938 р.). Однак через те, що О. Долгушев тоді мало уваги приділяв питанням служби, їхнє спілкування було мінімальним, що згодом не дозволило пов'язати їх між собою в «організаційній мережі», яку начебто розкинув О. Успенський в органах НКВС УРСР. А з 25 червня 1938 р. Г. Коркунов очолив УНКВС по Ворошиловградській області.

Вступ його на посаду «освятив» сам О. Успенський, який приїхав 13 липня 1938 р. до Ворошиловграда з групою керівних працівників НКВС, серед яких був і тодішній начальник 4-го відділу УДБ УНКВС по Київській області Л. Павличев. Обставини, пов'язані з перебуванням наркома та його свити у Ворошиловграді, стали згодом одним із пунктів обвинувачення, висунутого проти Л. Павличева, завдяки чому той і потрапив до однієї компанії з місцевими колегами.

Здійснюючи безпідставні масові арешти у Ворошиловградській області, УНКВС «зацепило» чимало партійних і господарських працівників, зокрема депутатів Верховної Ради УРСР. Згідно з показаннями заарештованого О. Успенського, «Коркунов під час приїзду другого секретаря ЦК КП(б)У Бурмистенка не показав йому всі справи на заарештованих членів партії, ігнорував обком і настільки зарвався, що викликав невдоволення Хрушова, який мені прямо сказав, що Коркунова слід перевірити за його справами»²⁹⁵.

Втеча О. Успенського з Києва 14 листопада 1938 р. і негайні арешти керівників центрального апарату і територіальних органів НКВС УРСР, а також розслідування у листопаді–грудні молдавської, житомирської та інших справ про «порушення соцзаконності» у діяльності органів НКВС розв'язало руки М. Хрушову. ЦК КП(б)У прийняв рішення про зняття з посад ще трьох начальників УНКВС, у тому числі Г. Коркунова. 8 січня 1939 р. на підставі телеграми М. Хрушова це рішення затвердило Політбюро ЦК ВКП(б).

14 січня 1939 р. Г. Коркунов був знятий з посади і виведений у розпорядження НКВС СРСР. Його арешт тоді не був підготовлений, і він ще майже п'ять місяців перебував на волі. Його не відправили на керівну роботу в системі ГУТАБ НКВС СРСР чи ще куди-небудь. Мабуть, свою роль відіграла історія його злету завдяки протекції О. Успенського і невдоволення М. Хрушова діями Г. Коркунова, про що тепер добре знали у Москві.

Слід врахувати і такий фактор, як малоуспішні спроби втілити у практику діяльності УНКВС вимоги постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. За наявності конфліктної ситуації між Г. Коркуновим і першим секретарем обкому КП(б)У М. Квасовим, на якого начальник УНКВС збирав компромат, це аж ніяк не влаштовувало керівництво обкому партії. Партійний секретар відразу зрозумів, що постанова РНК і ЦК дає можливість закликати до порядку начальника УНКВС.

²⁹⁵ *Бажан О., Золотарьов В.* Луганський прокуратор (штрихи біографії капітана державної безпеки НКВС Григорія Коркунова).— С. 263.

Перша нарада оперативного складу УНКВС з обговорення постанови РНК і ЦК відбулася під головуванням Г. Коркунова 23 листопада. Присутній на ній М. Квасов наприкінці наради заявив: «Я уважно слухав товаришів, які виступали тут, і не очікував, що такі недоліки, про які вони говорили, можуть бути у працівників органів НКВС»²⁹⁶. І це не було виявом якоїсь наївності з його боку. М. Квасов чудово розбирався у предметі і відразу взяв бика за роги, політично загострюючи і персоніфікуючи вину за недоліки у діяльності органів НКВС: «Деяким працівникам це рішення не подобається. Багато хто проводив ворожу роботу, спекулюючи на спрощених методах роботи. Вороги народу, які орудували в органах НКВС, використали спрощений метод, рятуючи власну шкуру, і це зіграло свою роль у практичній діяльності органів НКВС. Потрібна тепер копітка праця для того, щоби ліквідувати наслідки шкідництва, заподіяні ворогами»²⁹⁷.

М. Квасов забив цвях, на який у подальшому можна було підвісити будь-якого недобросовісного «ліквідатора наслідків шкідництва». У цьому сенсі слова про те, що «деяким працівникам це рішення не подобається» і «багато хто проводив ворожу роботу», закликали співробітників УНКВС до дій, щоби замість слів «деяким» і «багато хто» з'явилися конкретні прізвища. І першим мало стати прізвище начальника УНКВС — ставленика «ворога Успенського». Втім очікування партійного секретаря тоді не виправдались. М. Квасов не лише намагався звести особисті рахунки з Г. Коркуновим, а дивився на проблему ширше — з точки зору посилення партійного контролю за органами НКВС і прокуратури. Сказавши про необхідність перебудови роботи органів НКВС, він підкреслив, що «...не менше значення має рішення партії стосовно перевірки працівників органів НКВС. Це забезпечить усунення усіляких непорозумінь і зміцнення органів НКВС»²⁹⁸.

Сформулювавши 23 листопада 1938 р. завдання, які були поставлені постановою РНК СРСР і ЦК ВКП(б) перед партійними органами, органами НКВС і прокуратури, М. Квасов потім взяв участь у другій нараді в УНКВС 6 січня 1939 р. На ній обговорювали питання вже про те, як практично перебудована робота УДБ УНКВС відповідно до зазначеної постанови. Послухавши співробітників УНКВС, перший секретар обкому заявив: «Понад місяць минуло з моменту нашої наради, на якій були викриті і засуджені недоліки, що мали місце у роботі. Зараз можна зробити висновок, що ми ще не врахували помилки і не перебудувалися відповідно до рішення ЦК ВКП(б) і Раднаркому СРСР, припускаємо старі методи роботи...»²⁹⁹.

Оцінивши результати роботи УНКВС щодо реалізації постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) як нікчемні, М. Квасов пов'язав це з тим, що «апарат НКВС був міцно засмічений, не застосовувались критика і самокритика,

²⁹⁶ Эхо Большого террора. — Т. 1. — С. 80.

²⁹⁷ Там же, С. 81.

²⁹⁸ Там же, С. 81.

²⁹⁹ Там же, С. 101.

що погіршило обстановку роботи в органах НКВС. Таке становище надалі не може бути»³⁰⁰. Під об'єктом критики і суб'єктом самокритики він мав на увазі передусім начальника УНКВС. І це не були звичні фрази партійного функціонера на злобу дня. Саме в ці дні у Києві приймали рішення про зняття Г. Коркунова з посади.

Відвідавши дві наради співробітників УНКВС і послухавши їх, М. Квасов зрозумів, що проблема полягала не лише у Г. Коркунові. За результатами своїх спостережень він дійшов висновку: «Дуже погано, що серед працівників УНКВС не опрацювали належно процес над колишніми працівниками НКВС Молдавії»³⁰¹. У 1-й книзі 2-го тому збірника документів ми достатньо уваги приділили «молдавській справі». Можемо констатувати, що станом на 6 січня 1939 р. судовий процес і засудження Військовим трибуналом військ НКВС Київського округу колишніх співробітників НКВС МАРСР до розстрілу не вплинули на керівництво і особовий склад УНКВС по Ворошиловградській області. Принаймні перший секретар обкому побачив, що люди, які сиділи поруч з ним в одному залі, не розуміли значення того, що сталося у Києві. І він вирішив діяти.

Наступного дня М. Квасов викликав до себе начальника 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС Ю. Суда, який активно критикував Г. Коркунова, і запропонував йому написати заяву і викласти все те, про що він говорив на нараді. Ю. Суд відмовився, але 13 січня написав рапорт на ім'я заступника наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинського, в якому виклав факти «ворожої роботи» в УНКВС, назвавши при цьому конкретні прізвища. Зокрема він написав, що лише у 4-му відділі УДБ УНКВС «загалом було вбито близько 9-ти осіб [заарештованих], від яких були взяті так звані “розгорнуті” показання на усіх старих більшовиків»³⁰². Заступник начальника 3-го відділу УДБ УНКВС М. Гнутов 14 січня також подав рапорт на ім'я М. Горлинського з викладом фактів, що викривали Г. Коркунова та інших керівників УНКВС як ставлеників О. Успенського³⁰³.

17 січня 1939 р. на зборах парторганізації УНКВС Ю. Суд порушив питання «про ставлеників ворога народу Успенського» і виступив з обвинуваченнями на адресу Г. Коркунова та інших колег. Цього питання не було у порядку денному зборів, і це застало зненацька присутніх. Не розуміючи, що відбувається, вони запросили на збори шойно знятого з посади Г. Коркунова і першого секретаря обкому. Колишній начальник УНКВС з'явився, а М. Квасов відповів відмовою. Він залишився за лаштунками п'єси, до підготовки якої докладав чимало зусиль. Г. Коркунов змушений був виправдовуватися за свої дії перед колишніми підлеглими, а ті влаштували розбірки між собою. Про все це написано у статті учасниці

³⁰⁰ Эхо Большого террора.— Т. 1.— С. 101.

³⁰¹ Там же.

³⁰² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 1, арк. 91.

³⁰³ Там само, арк. 80–88.

нашого проекту³⁰⁴, а у 1-му томі збірника документів опубліковано показовий фрагмент протоколу зборів парторганізації УНКВС³⁰⁵.

Г. Коркунов зрозумів, що його становище стає хитким, і 19 січня підготував дві аналогічні за змістом заяви: одну — на ім'я першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова, а другу — на ім'я в.о. наркома внутрішніх справ УРСР А. Кобулова. Вірогідно, була і третя, яку того ж дня у присутності Г. Коркунова було розглянуто на засіданні бюро обкому КП(б)У. Оскільки від Ю. Суда письмової заяви не надійшло, у М. Квасова на руках була лише заява на його ім'я від начальника адміністративно-господарського відділу УНКВС Я. Нерозіна, що стосувалася, переважно, фінансових зловживань з боку Г. Коркунова³⁰⁶. Бюро обкому вирішило направити матеріали на Г. Коркунова і Ю. Суда до ЦК КП(б)У і НКВС УРСР з проханням терміново розслідувати їх, після чого прийняти рішення³⁰⁷.

На протоколі засідання бюро, підписаному М. Квасовим, є резолюція А. Кобулова від 24 січня 1939 р. М. Горлинському. Згідно з нею А. Кобулов переговорив з цього питання з М. Хрушовим, але яке рішення було прийняте, у резолюції не зазначено. У керівництва НКВС УРСР були рапорти Ю. Суда і М. Гнутова, заява Я. Нерозіна, а також прохання обкому КП(б)У про проведення термінового розслідування, тому у А. Кобулова були усі підстави призначити службове розслідування за фактами порушення законності у діяльності колишнього начальника та інших співробітників УНКВС. Однак він цього не зробив.

Ми не знаємо, які вказівки ЦК КП(б)У надав обкому партії. Можливо, М. Квасову доручили розібратися з Г. Коркуновим по партійній лінії на свій розсуд (перший секретар обкому тоді був у фаворі — 7 лютого 1939 р. його нагородили орденом Леніна). Була створена комісія обкому КП(б)У, яка вивчила заяви Ю. Суда і Я. Нерозіна стосовно Г. Коркунова. Висновки комісії 4 лютого розглянуло бюро обкому. Замість Г. Коркунова в засіданні бюро брав участь новий начальник УНКВС М. Череватенко. Оговоривши висновки комісії, бюро ухвалило постанову з відповідним рішенням³⁰⁸.

М. Квасов утримував ініціативу у своїх руках і 8 лютого 1939 р. взяв участь у зборах парторганізації УНКВС, де виступив у ролі третейського судді. Він довів до відома зборів рішення бюро обкому, яке перевертало все з ніг на голову. Головний обвинувач Г. Коркунова та інших співробітників УНКВС Ю. Суд, який відмовився, за словами М. Квасова, письмово викласти свої звинувачення у заяві на ім'я першого секретаря обкому (але зробив це у рапорті на ім'я М. Горлинського), був виключений

³⁰⁴ Довбня О. Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности» // Чекисты на скамье подсудимых.— С. 544–575.

³⁰⁵ Эхо Большого террора.— Т. 1.— С. 102–109.

³⁰⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 1, арк. 94.

³⁰⁷ Там само, арк. 93.

³⁰⁸ Там само, т. 7, арк. 175–178.

з партії як наклепник³⁰⁹. Водночас Г. Коркунову за «помилки» і «відсутність належного контролю за витрачанням коштів з особливого фонду» було оголошено догану. Такого ж покарання зазнав і Я. Нерозін, який висвітлив фінансові зловживання начальника УНКВС, але, мовляв, все знав і не вживав «своєчасно заходів із упорядкування звітності».

Абсурдність ситуації підкреслювала заява М. Квасова про відсутність даних, які б свідчили, що Г. Коркунов — ставленик «ворога народу» О. Успенського, хоча всі в УНКВС чудово знали протилежне. Але перший секретар обкому грав в об'єктивність і неупередженість: «У Коркунова помилок багато, і за це він несе відповідне покарання»³¹⁰. Отже, у співробітників УНКВС не без підстав могло скластися враження, що претензії до них пов'язані з «помилками» Г. Коркунова, а тепер, коли все викрито, засуджено і буде виправлено новим керівником УНКВС, їх залишать у спокої.

Новий начальник УНКВС М. Череватенко у 1937–1938 рр. був завідувачим відділом, третім і другим секретарем Велико-Лепетихського райкому КП(б)У Дніпропетровської області (нині район входить до складу Херсонської обл.), а з жовтня 1938 р. — працівником Миколаївського обкому КП(б)У. У грудні 1938 р. він закінчив курси при ЦК КП(б)У та не мав навіть достатнього досвіду керівної партійної роботи районного рівня. Однак у грудні 1938 р. його направили на «зміцнення» органів НКВС, а 8 січня 1939 р. призначили начальником УНКВС по Ворошиловградській області.

М. Череватенко, спілкуючись з Г. Коркуновим і підлеглими, а також під час партзборів і засідання бюро обкому партії намагався розібратися у ситуації. Він, мабуть, вирішив, що перший секретар обкому М. Квасов (який в його очах був значною величиною) не зводив рахунки з Г. Коркуновим (на чому наполягав той), а намагався об'єктивно в усьому розібратися і не допустити «дезорганізації» роботи УНКВС. Завдяки цим обставинам перший етап «боротьби» з «порушеннями соцзаконності» в УНКВС був формальним, що не мав реальних наслідків у сенсі виправлення методів оперативно-слідчої роботи, що там застосовувалися і про які йтиметься далі.

Про боротьбу М. Квасова з Г. Коркуновим відомо з наукової літератури, в якій дослідники посилаються на недоступність архівної кримінальної справи на Г. Коркунова, що заважало встановленню деяких епізодів

³⁰⁹ М. Квасов вів якусь гру навколо Ю. Суда. У постанові бюро обкому КП(б)У від 4 лютого 1939 р. йшлося не лише про заяву, зроблену Ю. Судом на партзборах УНКВС 17 січня, але і про наступну його письмову заяву «на ім'я обкому КП(б)У». (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 7, арк. 175). Згідно з довідкою особливого сектора Ворошиловградського обкому КП(б)У від 27 травня 1941 р. обком виключив Ю. Суда з партії 13 жовтня (а не 4 лютого) 1939 р., а 29 грудня 1939 р. партколегія при ЦК КП(б)У відновила його у правах члена ВКП(б). (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 7, арк. 173).

³¹⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 1, арк. 31.

його біографії, а також перебігу слідства в його справі³¹¹. Уточнюємо, що у ГДА СБУ зберігаються матеріали, які свого часу були сформовані як архівна кримінальна справа Г. Коркунова (№ 67462), і дослідники її використовували. Але йдеться не про класичну кримінальну справу з набором процесуальних документів (постановою і ордером на арешт, протоколом обшуку, анкетою заарештованого, протоколами допитів і очних ставок, обвинувальним висновком, протоколом судового засідання і т.д.). Нічого такого у справі нема. Є лише завірена копія вироку Військової колегії Верховного суду СРСР стосовно Г. Коркунова від 24 липня 1940 р.

Сурогатна архівна кримінальна справа майже цілком складається з копій протоколів оперативної наради і партзборів в УНКВС, постанови бюро Ворошиловградського обкому КП(б)У від 19 січня 1939 р. і деяких інших згаданих нами документів. Вже після арешту Г. Коркунова ці копії 29 червня 1939 р. були направлені до Слідчої частини НКВС СРСР, а потім були повернені до Києва, вірогідно, як зайві у слідчій справі.

Після звільнення з посади Г. Коркунов перебував у розпорядженні НКВС СРСР. Його арешт не був підготовлений, а службове розслідування керівництво НКВС УРСР не призначило. Деякий час він був у підвищеному стані, образно кажучи, на тому цвяху, який забив М. Квасов на нараді в УНКВС 23 листопада 1938 р.— як поганий «ліквідатор наслідків шкідництва» в органах НКВС, як «такий, що припустився помилок», і нечистий на руку экс-керівник з партійною доганою за це (про що також потурбувався М. Квасов).

Після розшуку і арешту О. Успенського у квітні 1939 р. останній надав змістовні показання на Г. Коркунова, що дозволило слідству у Москві досить легко пов'язати їх як «учасників змови в органах НКВС», і 5 червня 1939 р. Г. Коркунов також був заарештований. На очній ставці з О. Успенським 11 червня Г. Коркунов, як згодом і О. Долгушев у липні 1939 р., спростував показання колишнього наркома про свою «участь» у «змові». Однак Г. Коркунова продовжували обвинувачувати за ст. 58–1 п. «а», 58–7 і 58–11 КК РРФСР і надалі аж до суду ВКВС СРСР.

Нагадаємо, Військова колегія на підготовчому засіданні 22 липня 1940 р. відмовилась від судового розгляду справи О. Долгушева і повернула її до Києва. Водночас справу Г. Коркунова, яку від початку і до кінця вели у Слідчій частині НКВС СРСР, колегія відразу прийняла до свого розгляду. Однак судове засідання 24 липня пройшло з критичним підходом до матеріалів попереднього слідства. Підсудний спростував обвинувачення в «участі у змові» і проведенні «шкідницької роботи», однак визнав, що припускався у роботі помилок і викривлень внаслідок виконання вказівок наркома О. Успенського і НКВС СРСР.

Згідно з вироком Військової колегії було встановлено, що Г. Коркунов, будучи начальником УНКВС по Ворошиловградській області, «з липня

³¹¹ *Бажан О., Золотарьов В.* Луганський прокуратор (штрихи біографії капітана державної безпеки НКВС Григорія Коркунова). — С. 257; *Довбня О.* Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности». — С. 556.

1938 р. до січня 1939 р. здійснював масові безпідставні арешти невинних громадян і шляхом фальсифікації слідчих матеріалів створював на них слідчі справи зі звинуваченням у тяжких державних злочинах. Коркунов культивував серед підлеглих проведення слідства із застосуванням викривлених методів, наслідком чого були кілька смертельних випадків [...]. Злочинна діяльність Коркунова спричинила тяжкі наслідки, оскільки значна частина невинних громадян була репресована». Тому Військова колегія визнала Г. Коркунова винним у скоєнні злочину, передбаченого ст. 58–7 КК РРФСР³¹². Водночас колегія вирішила, що обвинувачення його за ст. 58–1 п. «а» і 58–11 КК РРФСР не знайшло підтвердження на судовому слідстві, і виключила його. Але тієї частини обвинувачення, що залишилась (ст. 58–7), вистачило для засудження його до розстрілу. 3 вересня 1940 р. Президія Верховної Ради СРСР відхилила клопотання Г. Коркунова про помилування, і наступного дня він був розстріляний.

Отже, 24 липня 1940 р. діяльність начальника УНКВС по Ворошиловградській області від липня 1938 р. до січня 1939 р. отримала юридичну кваліфікацію як злочинна. І хоча обвинувачення мало персоналізований характер, було зрозумілим, що сам начальник УНКВС був не у змозі скоїти ті злочини, про які йшлося у вирокі. Оскільки «Коркунов культивував серед підлеглих проведення слідства із застосуванням викривлених методів», то і серед його підлеглих було чимало таких, хто заслуговував на покарання. Деяких він назвав під час судового засідання, зокрема надав показання про протиправні дії свого заступника О. Баличева і слідчого УНКВС Л. Воскобойникова³¹³.

Але притягнення до відповідальності інших співробітників УНКВС сталося не відразу. О. Баличев був заарештований лише 13 лютого 1941 р. Він розпочав свою службу в органах ЧК у Воронежі (Росія) і продовжив її у Чернігівському губвідділі, Конотопському, Ніжинському і Сумському окружних відділах ДПУ. З 1931 р. служив на Донбасі, зокрема з березня 1937 р. був начальником Макіївського міськвідділу НКВС Донецької області. Перебування на керівних посадах упродовж п'яти попередніх років обумовило присвоєння О. Баличеву 22 березня 1936 р. доволі високого першого звання старшого лейтенанта держбезпеки (Г. Коркунов отримав його пізніше — 17 листопада 1937 р.), а 19 грудня 1937 р. вони були нагороджені орденами Червоної зірки. Отже, їхня діяльність у період Великого терору відповідала тодішнім вимогам до виконавців масових репресій з боку М. Єжова, І. Леплевського і О. Успенського.

На відміну від Г. Коркунова О. Баличев добре знав регіональну специфіку. Це було враховано при призначенні його з 4 червня 1938 р. т.в.о. заступника начальника новоствореного УНКВС у Ворошиловграді. Він фактично три тижні виконував обов'язки начальника УНКВС до прибуття Г. Коркунова. Пізніше О. Баличев намагався применшити свою роль

³¹² *Бажан О., Золотарьов В.* Луганський прокуратор (штрихи біографії капітана державної безпеки НКВС Григорія Коркунова).— С. 264; ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67462, т. 2, арк. 1.

³¹³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 6, арк. 125–126.

в УНКВС, заявляв, що був призначений на посаду заступника начальника УНКВС наказом НКВС УРСР від 11 червня 1938 р. (що відповідало дійсності), а фактично приступив до роботи лише наприкінці червня або на початку липня³¹⁴ (а це було неправдою).

На завершальному етапі Великого терору О. Баличева 9 вересня 1938 р. призначили в.о. начальника ОБ НКВС Житомирської армійської групи КОВО. Але він відмовився від призначення і взагалі від служби в особливих органах, чим викликав невдоволення у керівництва. Згідно з наказом НКВС УРСР від 27 жовтня 1938 р. (№ 207) його відправили у розпорядження відділу кадрів НКВС, а потім без пояснень перевели з оперативної роботи на неоперативну, призначивши начальником Управління пожежної охорони НКВС УРСР. На цій посаді він перебував до свого арешту.

Під час слідства в НКВС СРСР у справі Г. Коркунова там не вважали, що О. Баличев чимось скомпрометований. Цим можна пояснити присвоєння йому 11 січня 1940 р. звання капітана держбезпеки і перебування його на волі ще майже рік. Це також свідчило про те, що «порушення соцзаконності» у діяльності УНКВС по Ворошиловградській області довго були на периферії уваги керівництва НКВС УРСР. Ситуація почала змінюватися після того, як 17 серпня 1939 р. ВКВС СРСР відмінила вирок Військового трибуналу Харківського військового округу (ХВО) від 7 квітня 1939 р. у справі «учасників правотроцькістської контрреволюційної організації», що начебто діяла у Ворошиловграді (Т. Терехов, Д. Богданов, І. Литвинов, В. Цветков, П. Лопатин, перші троє були засуджені до ВМП). Військова колегія повернула справу на дослідження зі стадії попереднього слідства для ретельної перевірки обставин, викладених у 13 пунктах її ухвали³¹⁵.

Під час дослідження всі вказівки Військової колегії були виконані, але через те, що «слідству не вдалося встановити практичну контрреволюційну діяльність Терехова, Богданова, Лопатина і Литвинова», слідчу справу було направлено на розгляд до Слідчої частини НКВС УРСР³¹⁶. В УНКВС, мабуть, хотіли перекласти відповідальність за прийняття рішення у справі на вищу інстанцію. Така передбачливість була пов'язана і з тим, що 26 жовтня 1939 р. ВКВС СРСР не прийняла до свого розгляду слідчу справу на директора Ворошиловградської швейної фабрики, «право-троцькіста» С. Колесникова і повернула її на дослідження. Справа знову потрапила до співробітника, який її сфабрикував. Ним був Л. Воскобойников, колишній начальник 3-го відділення 4-го відділу УДБ, з 1 травня 1939 р.— помічник начальника, а з 1 серпня 1939 р.— т.в.о. начальника Слідчої частини УНКВС.

Про те, що сталося далі, розповів військовий прокурор військ НКВС по Сталінській області Шулепін у листі начальнику УНКВС М. Череватенку: «Прийнявши справу до дослідження в апарат слідчої частини, лейтенант

³¹⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 2, арк. 221.

³¹⁵ Там само, т. 1, арк. 125–127.

³¹⁶ Там само, арк. 136.

державної безпеки Воскобойников, замість того, щоби, пам'ятаючи постанову ЦК ВКП(б) і РНК СРСР від 17 листопада 1938 р., виявити ініціативу, об'єктивно дослідити справу і тим самим визнати неправильність своїх дій, ухвалу Військової колегії не виконав, знову став на шлях не-об'єктивності, постановки перед обвинуваченим «дutih» питань, не допитав цілу низку свідків всупереч прямій вказівці в ухвалі ВК і знову спробував подати справу про Колесникова на предмет його засудження, звинувачуючи у к/р злочинах»³¹⁷.

Військові прокурори таку поведінку наприкінці 1939 р. розглядали як нахабну. Військова прокуратура ХВО знову повернула справу до УНКВС, але вже як припинену, для звільнення з-під варті С. Колесникова (звільнений 15 грудня 1939 р.). Із постанови помічника військового прокурора ХВО І. Ніколаєва від 3 грудня, на думку його колег з Військової прокуратури військ НКВС по Сталінській області, було видно, що «матеріали слідства про Колесникова були явно сфальсифіковані слідчим Воскобойниковим»³¹⁸.

У листі військового прокурора ХВО М. Грезова начальнику УНКВС М. Череватенку і начальнику 2-го відділу ГВП А. Панфиленку (у копії) щодо «дослідження» Л. Воскобойниковим справи С. Колесникова було прямо зазначено, що «такий метод слідства, як Вам відомо, засуджений постановою Раднаркому СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 року». В кінці листа прокурор ще раз згадав про цю постанову: «Все це сталося, на мій погляд, тому, що тов. Воскобойников, який проводив розслідування і дослідження у справі Колесникова, мабуть, підійшов до справи недобросовісно і не перебудував свою роботу відповідно до директив НКВС СРСР і Прокуратури Союзу РСР у розвиток постанови Раднаркому СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 року, у зв'язку з чим я порушив питання перед прокурором прикордонних і внутрішніх військ НКВС Вашої області про проведення розслідування стосовно тов. Воскобойникова та ін.»³¹⁹.

Отже, в.о. начальника Слідчої частини УНКВС по Ворошиловградській області Л. Воскобойников у 1939 р. здійснював свою службу діяльність тими ж методами, що і у роки Великого терору. З цього можна зробити висновок, що «дисциплінування» співробітників УНКВС під час виходу з Великого терору, про яке йшлося вище, не мало жодного ефекту. Враховуючи такі обставини, військовий прокурор військ НКВС по Сталінській області Шулєпін звернувся до начальника УНКВС М. Череватенка з проханням «негайно призначити слідство апаратом особливоуповноваженого УНКВС», передавши справу про С. Колесникова особливоуповноваженому УНКВС В. Головинському³²⁰.

Сумний досвід «дослідження» справи С. Колесникова став одним із мотивів направлення справи Т. Терехова та інших осіб на розгляд до

³¹⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 1, арк. 61.

³¹⁸ Там само, арк. 61.

³¹⁹ Там само, арк. 100–100 зв.

³²⁰ Там само, арк. 61.

Києва. Після вивчення справи у Слідчастині НКВС УРСР її повернули до УНКВС із вказівкою заступника наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинського про проведення додаткових слідчих дій. Коли в УНКВС їх здійснили, то дійшли висновку, що «основний обвинувачений Терехов заарештований без будь-яких підстав», що «показання Терехова та інших були неправдивими і частина осіб обмовлена...». Тому за постановою УНКВС від 2 лютого 1940 р. четверо з п'яти обвинувачених (Т. Терехов, Д. Богданов, І. Литвинов і П. Лопатин) підлягали звільненню з-під варти³²¹.

Водночас з проведенням додаткового розслідування у цій справі були вивчені слідчі справи і показання багатьох інших людей, заарештованих УНКВС у 1938 р. На деякі з них військові прокурори звернули особливу увагу. Так, 30 грудня 1939 р. заступник військового прокурора ХВО І. Ніколаєв припинив слідчу справу УНКВС стосовно колишнього командира загону охорони Ворошиловградського паровозобудівного заводу ім. Жовтневої революції С. Капустіна. 8 квітня 1939 р. цю справу розглянув Військовий трибунал ХВО і повернув її на досліджування до УНКВС. Після досліджування за рішенням Слідчастини НКВС УРСР від 3 вересня 1939 р. справу знову повернули до УНКВС на досліджування. Незважаючи на те, що ніяких компрометуючих матеріалів на обвинуваченого слідство не здобуло, 17 листопада 1939 р. був складений обвинувальний висновок у справі, і без висновку обласного прокурора її направили до Військового трибуналу ХВО для направлення на розгляд Особливої наради при НКВС СРСР³²².

9 січня 1940 р. заступник військового прокурора ХВО І. Ніколаєв надіслав заступнику військового прокурора військ НКВС Харківського округу Парміту і у копії — начальнику 4-го відділу ГВП листа, в якому викрив причини таких дій співробітників УНКВС. Він приділив головну увагу обставинам очної ставки 25–26 серпня 1938 р., яку начальник 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС К. Сіренко і його помічник Л. Воскобойников провели між С. Капустіним і ще одним заарештованим — В. Максименком:

«Ця так звана очна ставка відбувалася у тюремній лікарні... Коли привели Капустіна на очну ставку, то у лікарні на підлозі лежав накритий простирадлом Максименко... Капустін не визнавав себе винним і заготовлений заздалегідь протокол підписувати відмовився. Тоді Сіренко і Воскобойников відкрили простирадло, під яким лежав весь побитий, у крові, що не міг встати, у непритомному стані Максименко. При цьому Сіренко сказав Капустіну: “Дивись, якщо не будеш підписувати протокол, то з тобою те саме буде, що і з Максименком”... Капустін змушений був підписати надрукований протокол очної ставки».

Військовий прокурор відкинув дипломатію і надав не лише правову, але і морально-етичну оцінку поведінці Л. Воскобойникова: «Гіршим і підлішим у цій справі з боку Воскобойникова є те, що він, добре знаючи

³²¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 1, арк. 140, 141.

³²² Там само, т. 2, арк. 64–68.

про вимушені показання Капустіна, не припинив підготовану таким чином справу на Капустіна, а спробував “проштовхнути” її на Особливу нараду з тим, щоби як-небудь приховати сліди допущених ним неподобств і злочинів». І. Ніколаєв теж апелював до постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.: «І ось, Воскобойников вже у грудні 1939 року, через понад рік після постанови ЦК ВКП(б) від 17/XI-38 року, вочевидь не зрозумів чи не хотів зрозуміти цієї постанови, не набрав у собі мужності припинити справу Капустіна. Повторюю, спробував “пустити” його на Особливу нараду».

У листі йшлося і про тяжкі наслідки побиття заарештованого: «Після цих фактів не підлягає абсолютно сумніву, що Максименко незабаром після цього [24 вересня 1938 р.] помер від нанесених йому тяжких побоїв Сіренком і Воскобойниковим». Тому І. Ніколаєв вважав за необхідне справу про смерть В. Максименка «розслідувати найретельнішим чином, і винних, у першу чергу Сіренка і Воскобойникова, притягнути до відповідальності, тим більше, що Воскобойников у даний час обіймає посаду нач[альника] Слідчої частини і не хоче виправляти допущені ним неподобства і помилки»³²³.

Матеріали про смерть В. Максименка Військова прокуратура ХВО надіслала для вжиття відповідних заходів до зацікавлених інстанцій: 15 січня 1940 р.— до Військової прокуратури військ НКВС по Сталінській області, а 27 січня — заступнику особливоуповноваженого НКВС УРСР М. Проніну³²⁴. Після направлення цих матеріалів до УНКВС там 4 лютого 1940 р. почалось службове розслідування, яке розтяглося на понад чотири місяці.

Військові прокурори працювали значно швидше і ефективніше, і 4 березня 1940 р. військовий прокурор військ НКВС Харківського округу О. Палкін поцікавився у М. Проніна щодо результатів розслідування. М. Пронін розпорядився терміново запросити результати з УНКВС і у копії надіслати їх прокурору³²⁵, але станом на середину березня 1940 р. ніяких результатів ще не було. Ситуацію ускладнювало те, що обсяг роботи для особливоуповноваженого УНКВС В. Головинського продовжував стрімко зростати, і він не встигав за цим валом.

Головною причиною затягування розслідування було те, що начальник УНКВС М. Череватенко виявився слабким керівником і став маріонеткою в руках досвідчених і цинічних підлеглих, дозволивши їм втягнути себе у боротьбу з військовими прокурорами. На засіданні партбюро парторганізації УДБ УНКВС 29 березня 1940 р. М. Череватенко захищав підлеглих, виявивши при цьому повну професійну некомпетентність. Він вважав обвинувачення, висунуті проти його підлеглих, такими, що не відповідають дійсності, мовляв, він не знає «тов. Воскобойникова таким,

³²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 2, арк. 76–77.

³²⁴ Там само, т. 1, арк. 6; т. 2, арк. 86–87.

³²⁵ Там само, т. 2, арк. 215.

як його характеризує Ніколаєв», що «тов. Воскобойников з рук не випускає постанову РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 року»³²⁶.

У начальника УНКВС навіть вистачило «розуму» прийняти доручення партбюро негайно доповісти обкому КП(б)У про «неправильну поведінку» прокурора І. Ніколаєва і висунутих ним обвинуваченнях «з наступною інформацією ЦК КП(б)У і НКВС УРСР для вжиття відповідних заходів»³²⁷. Люди, які читали протокол засідання партбюро, ці пасажі «розмалювали» різнокольоровими підкресленнями, знаками запитання і оклику, які свідчили про невігластво начальника УНКВС. Зі зміною балансу сил на користь органів прокуратури, про що ми казали у 1-й книзі, боротьба з військовим прокурором І. Ніколаєвим, яку розпочали в УНКВС по Ворошиловградській області, була безперспективною. М. Череватенко або не знав про це, або усвідомив, що в особах Л. Воскобойникова і М. Соколова має справу зі справжніми вбивцями, і до остаточного з'ясування ситуації вважав за краще потурати підлеглим, ніж прислухатися до думки прокурорів.

17 квітня 1940 р. військовий прокурор військ НКВС по Сталінській області Шулепін надіслав особливоуповноваженому УНКВС В. Головинському нові матеріали про побиття і вбивства заарештованих в УНКВС у 1938 р.³²⁸. Це були копії постанов заступника військового прокурора ХВО І. Ніколаєва про припинення справ на колишніх підслідних УНКВС. У документах фігурували як винуватці беззаконня колишній начальник УНКВС Г. Коркунов (з позначкою «заарештований»), діючі керівники М. Соколов і Л. Воскобойников та інші співробітники УНКВС. Шулепін рекомендував розслідувати нові матеріали разом зі справою про смерть В. Максименка.

В. Головинський отримав ці матеріали 20 квітня, а 10 травня надіслав їх в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР П. Веретенникову³²⁹. У Києві досить швидко розглянули надіслані матеріали і на прохання УНКВС 14 травня відібрали пояснення за фактом смерті заарештованого В. Максименка у О. Баличева³³⁰. 21 травня 1940 р. усі матеріали повернули до УНКВС із вказівкою «приступити до ретельного розслідування і перевірки фактів, викладених у доданих при цьому матеріалах»³³¹.

А військові прокурори продовжували свою роботу і надсилали нові матеріали для розслідування. 22 квітня 1940 р. помічник військового прокурора військ НКВС по Сталінській області Вайнштейн надіслав особливоуповноваженому УНКВС В. Головинському листа з протоколом огляду архівної слідчої справи Й. Епштейна — ще одного заарештованого, який

³²⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 7, арк. 185.

³²⁷ Там само, арк. 207.

³²⁸ Там само, т. 1, арк. 5.

³²⁹ Там само, арк. 1.

³³⁰ Там само, т. 2, арк. 130–132 зв.

³³¹ Там само, т. 1, арк. 67–67 зв.

помер 11 липня 1938 р. через побої під час слідства³³². Як видно з листа, у Військовій прокуратурі добре орієнтувалися у матеріалах, звертаючись до В. Головинського з проханням перевірити вже відомі факти зі справи про смерть В. Максименка і встановити нові, тобто там комплексно підходили до розслідування, наче складали «пазл» з картиною злочинів, скоєних в УНКВС у 1938 р.

З'явились і нові викривачі злочинів співробітників УНКВС — звільнені з-під варти їхні жертви. Одним з них був депутат Верховної Ради УРСР М. Чумічев. 22 травня 1940 р. він написав на ім'я першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова ґрунтовну заяву про свій незаконний арешт 22 вересня 1938 р. і 18-місячне перебування під вартою. Згідно з постановою заступника військового прокурора ХВО І. Ніколаєва від 18 березня 1940 р. слідчу справу стосовно нього було припинено, а його звільнено³³³. Заяву надіслали до НКВС УРСР. 2 червня 1940 р. нарком внутрішніх справ УРСР І. Серов наклав на копію заяви резолюцію із вказівкою в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР П. Веретеннікову виїхати на місце, розслідувати факти, про які йшлося у заяві, і доповісти результати. Виконання вказівки наркома було взято на контроль секретаріатом НКВС УРСР із встановленням граничного терміну — 19 червня 1940 р.³³⁴

З документів архівної кримінальної справи неможливо зрозуміти, як саме було виконано вказівку наркома. З інших документів відомо, що пізніше до Ворошиловграда їздив старший оперуповноважений апарату ОСУ НКВС УРСР Петров. Сталося це за таких обставин. У червні 1940 р. особливоуповноважений УНКВС В. Головинський завершив розслідування справи про смерть В. Максименка. Згідно з його постановою від 19 червня були одержані свідчення про те, що «незаконні методи ведення слідства», зокрема «фізичні заходи впливу» до заарештованих, застосовували Г. Коркунов, його заступник О. Баличев, Л. Воскобойников, М. Соколов та інші співробітники. Тому відповідні матеріали підлягали виділенню зі справи і долученню до інших матеріалів, що були в УНКВС³³⁵.

У висновку В. Головинського за матеріалами розслідування, який 20 червня затвердив начальник УНКВС М. Череватенко, було зазначено, що В. Максименко «помер від завданих йому під час допиту побоїв»; що «під час допиту застосовували до нього фізичні заходи впливу» колишній заступник начальника УНКВС О. Баличев, помічник начальника відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР Л. Тарасовський і помічник начальника 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС Л. Воскобойников³³⁶.

³³² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 1, арк. 62–66.

³³³ Там само, арк. 142–146.

³³⁴ Там само, арк. 70.

³³⁵ Там само, арк. 2–4.

³³⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 2, арк. 205–213. Ще до завершення розслідування Л. Воскобойникова 14 червня відсторонили від виконання обов'язків начальника Слідчастини УНКВС і з 16 червня по 1 липня 1940 р. він перебував у розпорядженні відділу кадрів НКВС УРСР, а потім знову був помічником начальника Слідчастини УНКВС.

Про абсолютне нерозуміння керівництвом УНКВС серйозності ситуації свідчила теза про те, що зазначені три співучасники злочину «підлягають притягненню до суворой адміністративной відповідальності».

Ця теза у тодішніх читачів висновку викликала неабиякі емоції. Вона була підкреслена, навпроти неї на лівому полі проставили простим олівцем дві вертикальні лінії і два знаки запитання, а наприкінці речення додано напис синім олівцем «*Дешево*». Мабуть, в НКВС УРСР тоді почали готувати звільнення О. Баличева з органів НКВС. 2 липня 1940 р. йому було оголошено сувору догану «за відсутність дієвого контролю» за фінансово-господарською діяльністю УПО НКВС УРСР³³⁷.

Коли в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР П. Веретенніков отримав матеріали розслідування із зазначеним висновком, він 25 червня 1940 р. на супровідному листі УНКВС написав резолюцію: «*т. Петров. Ретельно ознайомтеся з матеріалами розслідування. Подивіться, чи все зроблено. Складіть собі план, що ще необхідно доробити при поїзді до Ворошиловграда*»³³⁸. У Ворошиловграді Петрову довелося займатися не лише цією справою, але й іншими. 22 червня 1940 р. із ЦК КП(б)У до НКВС УРСР переслали для перевірки заяву колишнього секретаря парткому Ворошиловградського паровозобудівного заводу ім. Жовтневої революції С. Стеценка, який 2 липня 1938 р. був незаконно заарештований і 21 місяць перебував під вартою³³⁹. На початку липня 1940 р. цю заяву з позначкою «Вельми терміново» переслали Петрову до Ворошиловграда³⁴⁰.

Однак головна увага тоді була зосереджена на справі про смерть В. Максименка. Військові прокурори чинили сильний тиск на НКВС УРСР з метою притягнути до відповідальності винуватців цієї смерті. У листі військового прокурора ХВО О. Палкіна особливоуповноваженому НКВС УРСР П. Веретеннікову від 8 липня 1940 р. повідомлялося, що військовий прокурор військ НКВС по Сталінській області (т.в.о. прокурора Вайнштейн) і Військова прокуратура військ НКВС Харківського округу вважають, «що єдино правильним рішенням у справі буде рішення про віддання винних під суд Військового трибуналу, тим більше, якщо взяти до уваги, що Максименко був заарештований за відсутності будь-яких на те підстав»³⁴¹.

У відповіді військовому прокурору від 17 липня П. Веретенніков пояснив ситуацію так: рішення за матеріалами про смерть В. Максименка «поки ще не прийняте через те, що до нас надійшли нові матеріали за іншими справами, де проходять також співробітники Баличев, Воскобойников, Соколов та інші, за якими ведеться розслідування старшим слідчим Петровим, який виїхав до Ворошиловграда. По закінченні розслідування всі матеріали доповідатимуться народному комісару

³³⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 2, арк. 235 зв.

³³⁸ Там само, арк. 214.

³³⁹ Там само, т. 1, арк. 104–107.

³⁴⁰ Там само, арк. 103.

³⁴¹ Там само, т. 2, арк. 216.

внутрішніх справ УРСР тов. Серову. Про прийняте рішення за справами ми Вас поінформуємо»³⁴².

Про те, що виїзд співробітника НКВС УРСР до Ворошиловграда був необхідним, свідчила тяганина, яку влаштували в УНКВС навколо звільнення з-під варті ще одного незаконно заарештованого. Вище було сказано, що 17 серпня 1939 г. ВКВС СРСР відмінила вирок Військового трибуналу ХВО від 7 квітня 1939 р. у справі «членів право-троцькістської контрреволюційної організації» (Т. Терехов та ін.). Півроку потому — 17 березня 1940 р. — Військова колегія відмінила ще один вирок того ж трибуналу від тієї ж дати — стосовно Я. Ольшанського. Різниця у рішеннях колегії полягала у тому, що у першому випадку справу повернули на дослідження зі стадії попереднього слідства, а у другому — справа була припинена, і Я. Ольшанський підлягав негайному звільненню з-під варті³⁴³. Однак негайне звільнення розтяглося майже на п'ять місяців. Відповідний висновок Слідчої частини УНКВС, затверджений начальником УНКВС М. Череватенком, з'явився лише 10 серпня 1940 р.³⁴⁴.

Згодом Військова колегія відмінила ще кілька вироків Військового трибуналу ХВО від квітня 1939 р. у слідчих справах УНКВС. Двозначність ситуації полягала у тому, що співробітники Слідчої частини УНКВС мали переглядати справи і звільняти з-під варті людей на очах у винуватців беззаконня — Л. Воскобойникова і начальника 2-го відділу УДБ УНКВС М. Соколова. Перебування у липні—серпні 1940 р. у Ворошиловграді старшого слідчого апарату ОСУ НКВС УРСР Петрова і проведення ним спільно з особливоуповноваженим УНКВС В. Головинським розслідування, з одного боку, додавало впевненості співробітникам Слідчої частини і начальнику УНКВС щодо припинення слідчих справ і звільнення заарештованих, але й стимулювало до активних захисних дій фігурантів розслідування.

Так, у своєму поясненні на ім'я Петрова від 29 липня 1940 р. Л. Воскобойников (підписався як помічник начальника Слідчої частини УНКВС) заявив про свій обов'язок «більшовика-чекіста» «надати рішучий опір інтригам, брехні, наклепам і провокації, якими зараз користуються не лише колишні заарештовані, а окремі особи, стосовно яких я вимагав виключення їх з лав партії, коли вони посміли заїкнутися про те, що, мовляв, рішення Раднаркому СРСР і ЦК ВКП(б) від 17/ХІ.1938 р. стосується не старих справ, а нових, які будуть виникати після 17-го листопада 1938 р.»³⁴⁵. Це була відверта демагогія з боку Л. Воскобойникова. Пригадаємо «дослідження» ним справи С. Колесникова.

Не зважаючи на засудження 24 липня 1940 р. ВКВС СРСР колишнього начальника УНКВС Г. Коркунова до розстрілу і значний обсяг зібраних матеріалів, що компрометували його заступника О. Баличева,

³⁴² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 2, арк. 217.

³⁴³ Там само, т. 1, арк. 168.

³⁴⁴ Там само, арк. 169—171.

³⁴⁵ Там само, т. 3, арк. 64.

керівників середньої ланки і співробітників УНКВС у «порушеннях соцзаконності» (всі ці матеріали склали три солідні томи майбутньої кримінальної справи), до осені 1940 р. вони продовжували перебувати у статусі «недоторканих». Петров і Головинський допитували Л. Воскобойникова 2 серпня і М. Соколова 17 серпня лише як свідків³⁴⁶, а у довідках відділу кадрів УНКВС на М. Соколова від 20 серпня і Л. Воскобойникова від 21 серпня обидва характеризувалися виключно з позитивної сторони³⁴⁷. М. Соколов продовжував керувати 2-м відділом УДБ УНКВС, а Л. Воскобойников з 26 серпня був призначений на посаду помічника начальника Ворошиловградського міськвідділу НКВС³⁴⁸.

Втім ситуація для них погіршувалася, зокрема через збільшення кола осіб, які давали проти них свідчення. Так, до УНКВС по Сталінській області надійшла з обкому КП(б)У заява старшого слідчого УНКВС М. Яковлева, який раніше працював у Макіївському міськвідділі НКВС під керівництвом О. Баличева. У заяві, а також під час допиту в УНКВС 14 серпня 1940 р. автор виклав факти «порушення ревзаконності» у діяльності О. Баличева у Макіївці³⁴⁹. Особливоуповноважений УНКВС по Сталінській області В. Колганов³⁵⁰ надіслав 5 вересня витяг з протокола допиту М. Яковлева заступнику особливоуповноваженого НКВС УРСР М. Проніну з проханням допитати О. Баличева і надіслати протокол його допиту до УНКВС³⁵¹.

Прохання «допитати» М. Пронін у своїй резолюції на супровідному листі В. Колганова «викрутив» так: «*т. Петров. Викликати тов. Баличева і взяти пояснення. 9/IX-40. Пронін*»³⁵², хоча стадія відбору пояснень щодо «порушень соцзаконності» в інших органах НКВС УРСР минула ще рік тому. УНКВС по Ворошиловградській області у цьому відношенні стояло окремо. Але недовго. Згідно з висновком особливоуповноваженого НКВС УРСР від 14 вересня 1940 р. «за порушення революційної законності в слідчій роботі» у 1938 р. О. Баличев підлягав звільненню з органів НКВС і притягненню до кримінальної відповідальності³⁵³.

Тим часом військові прокурори продовжували перегляд слідчих справ, сфабрикованих в УНКВС. Їх список недовзі поповнила справа на депутата Верховної Ради УРСР П. Богиню, заарештованого 29 липня 1938 р. Згідно з постановою Військової прокуратури ХВО від 11–12 вересня 1940 р. справу належало припинити, а П. Богиню звільнити з-під

³⁴⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 3, арк. 83–101, 203–214 зв.

³⁴⁷ Там само, арк. 376–376 зв., 377–377 зв.

³⁴⁸ Там само, т. 7, арк. 122 зв.

³⁴⁹ Там само, т. 1, арк. 159.

³⁵⁰ Не плутати з В. Колгановим, який у 1938 р. очолював 3-й відділ УДБ УНКВС по Ворошиловградській області (див. про нього іменний і біографічний покажчик).

³⁵¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 1, арк. 158.

³⁵² Там само, арк. 158.

³⁵³ Там само, т. 2, арк. 235 зв.

варті. 3 жовтня аналогічну постанову начальника Слідчої частини УНКВС П. Солоїда затвердив начальник УНКВС М. Череватенко³⁵⁴. Розв'язка наближалась.

Наказом НКВС СРСР від 22 жовтня 1940 р. (№ 1489) М. Соколов і Л. Воскобойников були звільнені з органів НКВС (перший — з 1 грудня, другий — з 28 листопада). М. Соколов 23 грудня 1940 р. звернувся із заявою до особливоуповноваженого НКВС СРСР О. Стефанова: «Я не заперечував і не заперечую в даний час, що порушення революційної законності з мого боку було, і я в ньому зізнався відразу ж після рішення РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17/ХІ 1938 року». «Порушення» він представив чимось незвичайним і поділив свою службову діяльність на три періоди: «Як до червня 1938 року [до початку служби у Ворошиловграді], так і в 1939—[19]40 рр. у мене подібних випадків не було. Всі ці роки я працював без найменших викривлень в оперативній роботі, маючи завжди хороші показники у боротьбі з контрреволюцією...»³⁵⁵.

Тоді вже була відома ціна «успіхам» у «боротьбі з контрреволюцією» під керівництвом наркомів внутрішніх справ УРСР І. Леплевського і О. Успенського. Також було відомо, що саме О. Успенський висунув М. Соколова на керівну роботу у новоствореному УНКВС. Заява викликала інтерес у читачів лише тим, що у ній було зізнання у «порушенні рев. законності» (цей фрагмент у тексті було підкреслено зеленим олівцем). Заяву надіслали до Києва і долучили до матеріалів на М. Соколова.

Наприкінці жовтня 1940 р. розслідування Петрова досягло фази, коли він почав допитувати О. Баличева як свідка. І у «ворошиловградській справі» міцно закріпилися нові фігуранти, внаслідок чого вона незабаром стала «ворошиловградсько-київською». Під час допиту О. Баличева 31 жовтня слідчий запитав його про те, хто брав участь у розгортанні слідства у справі «право-троцькістської контрреволюційної організації» (справа Т. Терехова та ін.). О. Баличев відповів, що, крім співробітників УНКВС, у цьому брали участь співробітники центрального апарату НКВС УРСР С. Гольдман, Л. Павличев, Л. Тарасовський та ін.³⁵⁶.

Ще раніше почали розслідувати факти «порушення ревзаконності» Л. Павличевим, коли він був заступником начальника УНКВС по Київській області. У висновку за результатами розслідування, що затвердив 19 липня 1940 р. нарком внутрішніх справ СРСР Л. Берія, було зазначено, що Л. Павличев «заслуговує на притягнення до відповідальності, однак, враховуючи його позитивну роботу у подальшому, можна обмежитися його переведенням на неоперативну роботу з використанням по лінії ГУШОСДОР»³⁵⁷. Копії висновку надіслали для виконання до НКВС УРСР і відділу кадрів НКВС СРСР.

³⁵⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 1, арк. 160—166, 167.

³⁵⁵ Там само, т. 6, арк. 65—66.

³⁵⁶ Там само, т. 2, арк. 223.

³⁵⁷ Там само, т. 4, арк. 162.

Вже після цього, 28 серпня 1940 р., до НКВС УРСР надійшов матеріал, виділений зі слідчої справи начальника УНКВС по Київській області О. Долгушева, про причетність Л. Павличева «до застосування незаконних методів слідства стосовно заарештованого без достатніх підстав гр[омадянина] Можейка, в результаті чого останній на допиті помер»³⁵⁸. У зв'язку з цим Військовий трибунал військ НКВС Київського округу, як було зазначено вище, 13 серпня 1940 р. порушив проти Л. Павличева кримінальне переслідування за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР, з обранням запобіжного заходу — підписки про невиїзд з м. Києва.

Водночас в апараті ОСУ НКВС УРСР вивчали матеріали про службову діяльність Л. Павличева і Л. Тарасовського у 4-му відділі УДБ НКВС УРСР. З'ясували, зокрема, обставини смерті 13 липня 1938 р. заарештованого колишнього члена Партії соціалістів-революціонерів (есерів), директора дитячого будинку № 10 м. Києва О. Болотцева. Свої пояснення щодо цього Л. Павличев надав особливоуповноваженому НКВС УРСР Іб вересня, а Л. Тарасовський — у власноручних свідченнях від 1 жовтня і у рапорті на ім'я наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова від 3 жовтня 1940 р.³⁵⁹

Старший слідчий Петров вивчав одночасно матеріали і за ворошиловградськими і київськими епізодами «викривлень у слідстві» з боку О. Баличева, М. Соколова, Л. Воскобойникова, Л. Павличева і Л. Тарасовського. 31 жовтня, як було сказано, він допитав О. Баличева, який згадав про Л. Павличева і Л. Тарасовського у контексті подій у Ворошиловграді. Щодо київських епізодів, то 10 листопада Петров допитав Л. Тарасовського, а наступного дня — Л. Павличева, а потім провів очну ставку між ними³⁶⁰. Коли вони давали свідчення про причини смерті заарештованого О. Болотцева, то перекладали вину один на одного, і у слідчого з'явилась потрібна інформація з перших рук.

Зібравши таку додаткову інформацію, НКВС УРСР надіслав матеріали розслідування до Москви. У висновку наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова від 18 листопада 1940 р. перед НКВС СРСР було порушено питання про притягнення Л. Павличева до кримінальної відповідальності «за нововиявленими обставинами у його справі». З НКВС СРСР матеріали повернули до Києва 10 грудня, запропонувавши «вирішити це питання на місці, оскільки на звільнених співробітників НКВС санкція НКВС СРСР не потрібна»³⁶¹. Отже, усіх фігурантів розслідування тепер можна було притягнути до кримінальної відповідальності.

Після погодження з керівництвом ЦК КП(б)У і отримання санкцій від органів військової прокуратури 13 лютого 1941 р. у Києві були

³⁵⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 4, арк. 137.

³⁵⁹ Там само, арк. 163–164, 165–171 зв., 172–177.

³⁶⁰ Там само, арк. 191–200 зв., 201–202, 203–206 зв.

³⁶¹ Там само, т. 6, арк. 411, 414.

заарештовані О. Баличев, Л. Павличев і Л. Воскобойников, 17 лютого у м. Станіславі (нині — Івано-Франківськ) — Л. Тарасовський, а 26 лютого у Москві — М. Соколов. Потім усі п'ятеро були етаповані до м. Сталіно (нині — Донецьк). 19 лютого 1941 р. військовий прокурор військ НКВС по Сталінській області Шулепін розглянув матеріали «Про порушення ревзаконності окремими працівниками в УНКВС Ворошиловградської області і в апараті НКВС УРСР» і прийняв їх до свого провадження, висунувши фігурантам обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР³⁶².

Певним підсумком розслідування (серед інших факторів) стало зняття з посади 28 березня 1941 р. керівника УНКВС М. Череватенка, який виявив себе в цій історії з найгіршого боку. Після всього того, що було викрито військовими прокурорами і слідством, він нікому вже не був цікавий, і його сліди загубилися у пісках часу. На його місце, але вже як начальник УНКДБ по Ворошиловградській області, 15 квітня 1941 р. був призначений кадровий співробітник органів ДПУ–НКВС К. Марковський.

Тим часом, вивчаючи матеріали справи, військовий прокурор Шулепін звернув увагу на висновок у справі Л. Павличева, затверджений 19 липня 1940 р. Л. Берією, і попросив апарат ОСУ НКВС СРСР терміново надіслати йому всі матеріали. 10 березня 1941 р. він їх отримав³⁶³. Крім цього, колеги Шулепіна, виконуючи слідчі дії за іншими справами, отримували додаткові свідчення, які викривали фігурантів «ворошиловградсько-київської справи», і надсилали їх Шулепіну для долучення до матеріалів справи.

Так, помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Дворенко допитав 11 березня 1941 р. свідка О. Бородіна. Останній у 1938 р. працював завідуючим сектором культури Управління справами РНК УРСР і був секретарем парторганізації УС РНК. 10 червня 1938 р. його заарештували, звинувативши в участі в «антирадянській організації». Слідство в НКВС УРСР супроводжувалось жорстоким побиттям, і він змушений був підписати неправдиві показання, як того вимагали від нього слідчі. Однак, перебуваючи у Лук'янівській тюрмі НКВС УРСР і одужавши від побоїв, він у вересні–листопаді 1938 р. написав декілька заяв, зокрема на ім'я наркома внутрішніх справ УРСР і прокурора СРСР, в яких розповів, якими методами його змусили дати показання.

Далі процитуємо самого О. Бородіна: «20 лютого 1939 року мене викликав Прохоренко³⁶⁴ і пред'явив мені для підпису вже заздалегідь заготовлений протокол допиту, в якому було записано, що я підтверджую всі показання, які раніше дав. Я відмовився підписати. Мене Прохоренко повів до кабінету до Павличева — кімната № 7. Я почав Павличеву розповідати, яким чином від мене добилися показань і що вони неправдиві.

³⁶² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 6, арк. 288.

³⁶³ Там само, арк. 305, 417.

³⁶⁴ Тоді — заступник начальника 1-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР.

Прохоренко у присутності Павличева почав мене бити. У цей час зайшов до кабінету Калужський³⁶⁵, який без всякого почав також бити. До останніх приєднався і сам Павличев, і вони втрьох довго мене сильно били, вимагаючи, щоби я підтвердив свої показання. Під час побиття зайшов до кабінету Казін³⁶⁶, який сказав: «А, Бородін, це стара проститутка, я вже з ним бачився» і теж почав мене сильно бити»³⁶⁷.

Чим примітний цей факт, крім того, що у ньому фігурує Л. Павличев? Передусім часом і складом учасників побиття заарештованого. Це відбувалося вже після виходу постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р., коли НКВС УРСР очолював ставленик Л. Берії, «борець за наведення порядку» А. Кобулов, коли були засуджені Військовим трибуналом і розстріляні «порушники соцзаконності» з НКВС Молдавської АРСР і проводили розслідування у справах багатьох інших «порушників». Практично усі, хто бив О. Бородіна, або мали відношення до слідства у «молдавській справі» (як Л. Павличев), або до інших розслідувань.

Особливо це стосувалося М. Казіна і С. Калужського, які незабаром стали керівниками Слідчої частини УДБ НКВС УРСР. С. Калужський 25 квітня 1939 р. був призначений т.в.о. заступника начальника, а М. Казін у травні того ж року — заступником начальника Слідчої частини. У грудні 1939 р. С. Калужський був узаконений як заступник начальника, а М. Казін у січні 1940 р. — як начальник Слідчої частини. Цей тандем розпався наприкінці квітня 1940 р., коли С. Калужського перевели з Києва до Дніпропетровська, визнавши помилковим доручення йому слідчої роботи. У жовтні 1940 р. М. Казін також був знятий з посади як такий, що не виправдав себе у роботі. Втім все це було згодом.

Те, що відбувалося 20 лютого 1939 р., як і раніше, було нормою, ніхто нікого не соромився і не побоювався «дружнього доносу» за ігнорування «рішень партії». На допиті 31 березня 1941 р. Л. Павличев у зв'язку з цим випадком заявив: «Без санкції зас[тупника] наркома внутрішніх справ УРСР т. Кобулова у 1939 році працівниками II відділу, у тому числі і мною, засоби фізичного впливу до жодного із заарештованих не застосовувались»³⁶⁸.

Під час судового засідання Військового трибуналу КОВО О. Бородін розповів, якими методами від нього добилися показань, однак все одно був засуджений. Однак ВКВС СРСР відмінила вирок, і справу повернули до Слідчої частини НКВС УРСР. Там М. Казін і С. Калужський повели себе так, як Л. Воскобойников при поверненні до Слідчої частини УНКВС по

³⁶⁵ Тоді — начальник 1-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР.

³⁶⁶ Тоді — начальник 3-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР.

³⁶⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 6, арк. 440.

³⁶⁸ Там само, арк. 548.

Ворошиловградській області справи С. Колесникова. Втім врешті-решт О. Бородин був звільнений і дав згодом наведені свідчення³⁶⁹.

У матеріалах слідства незабаром з'явилась копія протоколу судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Долгушева 24–27 лютого 1941 р.³⁷⁰ Цей документ дозволив побачити загальну картину «порушень соцзаконності» в УНКВС по Київській області у 1938 р. і причетність до них Л. Павличева. Мабуть, і тому попереднє слідство у «ворошиловградсько-київській справі» почав вести військовий слідчий Військової прокуратури військ НКВС Київського округу Рязанцев. Усі документи, пов'язані зі справою, розписувались керівництвом на нього або виходили від нього, а сам він для ведення слідства виїхав до м. Сталіно. З ним також контактувала Слідча частина НКДБ УРСР, координуючи зусилля з викриття Л. Воскобойникова у застосуванні незаконних методів слідства під час його роботи у центральному апараті НКВС УРСР³⁷¹.

Це було необхідно, оскільки Л. Воскобойников і Л. Павличев під час слідства усіляко намагалися уникнути відповідальності. 24 травня 1941 р. вони відмовилися від ознайомлення з матеріалами слідства³⁷², але потім збагнули, що краще точно знати, у чому ж їх будуть звинувачувати на суді. Особливо ніяк не міг змиритися з думкою, що йому доведеться відповідати за свої злочини Л. Воскобойников³⁷³. Однак це залежало не від нього. 1 липня 1941 р.в.о. військового прокурора військ НКВС

³⁶⁹ У одного з авторів-упорядників книги (С. Кокін) цей випадок викликав особливі почуття. У повоєнний період О. Бородин викладав історію КПРС на історичному факультеті Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, був людиною вимогливою і з доволі крутим норовом. Серед студентів 1970-х рр. вважалося неабиякою вдачею успішно скласти йому іспит, особливо якщо у білеті було питання про боротьбу з внутрішньопартійними опозиціями. На щастя автора-упорядника, він одержав свою «четвірку», і негативного досвіду від спілкування з грозним викладачем у нього нема. Особливості поведінки літнього професора викликали тоді у багатьох нерозуміння і іронію. Якби тоді ці люди знали, що йому довелося пережити. Адже він і у 1950–1970-ті рр. жив і працював поруч з деякими колишніми його мучителями, які пересиділи все, влаштувалися на теплих місцях, зазвичай багатозначно мовчали, а у вузькому колі зацікавлених осіб розповідали байки про «героїчне» минуле органів. І, мабуть, для жертв беззаконня це було найтяжчим — бачити цих самовпевнених людей і усвідомлювати, що жаліве минуле нікуди не поділося, ось воно, поруч, причаїлося і лише чекає свого часу.

³⁷⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 6, арк. 516–542.

³⁷¹ Там само, арк. 545.

³⁷² Там само, т. 7, арк. 111, 112.

³⁷³ 1 червня 1941 р. Л. Воскобойников виклав на 42 сторінках клопотання про долучення до справи додаткових документів і здійснення інших слідчих дій «для деталізації низки фактів». Коли 5 червня 1941 р. обвинувачених ознайомили з постановою військового слідчого Рязанцева стосовно їхніх клопотань, Л. Воскобойников, на відміну від своїх колег, знову відмовився від підпису про ознайомлення з цією постановою. Так само він зробив і після ознайомлення 4 серпня 1941 р. з обвинувальним актом у справі. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 7, арк. 244–264 зв., 331–334; т. 8, арк. 5, 6).

Київського округу М. Грезов затвердив обвинувальний акт у справі, складений Рязанцевим. Підслідні підлягали суду Військового трибуналу військ НКВС Київського округу за обвинуваченням у злочинах, передбачених ст. 206–17 п. «б» КК УРСР (док. № 75). Того ж дня справу відправили до трибуналу, який на підготовчому засіданні 5 липня прийняв її до свого провадження і затвердив обвинувальний акт³⁷⁴.

Призначивши слухання справи у закритому судовому засіданні, трибунал не визначив, де саме воно відбудеться. З обвинувальним актом обвинувачені були ознайомлені 4 серпня 1941 р. за місцем їх утримання під вартою — у м. Сталіно. Потім їх відразу етапували до Ворошиловграда, де з 12 до 15 серпня у будівлі обласного управління міліції відбулося судове засідання трибуналу. Його хід і результат висвітлюють протокол судового засідання (док. № 76), вирок трибуналу (док. № 77) і ухвала трибуналу про зміну запобіжного заходу стосовно Л. Павличева (док. № 78).

У вирокі звертає на себе увагу юридична конструкція, яку створив трибунал при визначенні міри покарання для підсудних. Визнавши, що скоєні підсудними злочини «за своєю тяжкістю і наслідкам потребують застосування повної санкції ст. 206–17 п. «б» КК УРСР» (розстрілу), трибунал вважав за необхідне врахувати, що «до скоєння цих злочинів підсудних наштотували вороги народу Успенський і Коркунов», а тому можна «застосувати ст. 46 КК УРСР і обрати до підсудних міру покарання замість ВМП позбавлення волі»³⁷⁵.

Дивна логіка була у членів Військового трибуналу. Колишній нарком внутрішніх справ УРСР О. Успенський і начальник УНКВС Г. Коркунов «наштотували» на протиправні дії практично усіх своїх підлеглих, але не всі з цих підлеглих стали винуватцями смертей конкретних заарештованих — О. Болотцева, В. Максименка, К. Можейка, Й. Епштейна та інших, як встановило слідство, ні в чому не винних людей. Мабуть, свої корективи у соціально-психологічну обстановку внесла німецько-радянська війна, що почалася. Частина свідків, що не з'явилися у судове засідання, була призвана до РСЧА, а головний обвинувач «порушників соцзаконності» Ю. Суд був відряджений НКДБ УРСР до одного з особливих відділів діючої армії і станом на 9 серпня 1941 р. перебував у м. Прилуки (Чернігівська обл.)³⁷⁶.

За умов мобілізації усіх сил на боротьбу з противником покарання співробітників НКВС за злочини минулих років для Військового трибуналу тепер не було першочерговим завданням. На таку думку наводить рішення трибуналу про те, щоби «виконання вироку стосовно усіх засуджених відкласти до завершення воєнних дій, направивши їх усіх на фронт» з перспективою повного звільнення їх від покарання, а також рішення трибуналу про зміну запобіжного заходу для Л. Павличева: «З-під варти звільнити і направити у розпорядження начальника УНКВС по

³⁷⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 7, арк. 394.

³⁷⁵ Там само, т. 8, арк. 86 зв.—87.

³⁷⁶ Там само, арк. 13 зв.

Ворошиловградській області»³⁷⁷. Це було зроблено і станом на 17 вересня 1941 р. Л. Павличев був «зайнятий оперативною роботою в умовах бойової обстановки»³⁷⁸. Згідно з опублікованими даними, 12 січня 1942 р. з Л. Павличева «була знята судимість, він був відправлений на фронт, де і загинув»³⁷⁹. Однак в архівних особовій справі Л. Павличева та груповій кримінальній документальних підтвердженні цього нема.

Відомо також, що відповідно до постанови Президії Верховної Ради СРСР від 31 січня 1942 р. О. Баличева «звільнили зі зняттям судимості і направили на фронт»³⁸⁰. Але і у цьому випадку документально підтвердити цей факт ми не можемо. Можемо лише уточнити, що під фронтом слід розуміти не діючу армію, а використання його у роботі органів НКДБ–НКВС.

Хаос воєнного часу призвів до того, що довгий час 1-й спецвідділ НКВС УРСР, який евакуювали до м. Актюбінськ (нині — Актобе, Казахстан), не знав навіть про результат розгляду справи Військовим трибуналом. І лише коли здійснили у зв'язку з повторним запитом ГВП³⁸¹ терміновий розшук справи, 24 вересня 1942 р. зміг повідомити адресату про його результати³⁸².

Деяка інформація про подальшу долю засуджених міститься у томі з довідковими матеріалами у згаданій архівній сурогатній справі Г. Коркунова. О. Баличева, Л. Воскобойникова і М. Соколова вирішили використати у зафронтовій роботі. За словами О. Баличева, у 1942 р. їх направили до окупованого нацистами Києва «для виконання спеціального завдання». Перебуваючи у Києві, О. Баличев втратив зв'язок з Л. Воскобойниковим. Останній «не з'явився в домовлене місце і час перед відходом з Києва». М. Соколов, зі слів О. Баличева, був «вбитий під час облоги в одному із сіл навколо Києва».

Додаткова інформація про Л. Воскобойникова була отримана 19 грудня 1943 р. від мешканки Києва Л. Кривцової. Вона заявила, що 23 листопада 1942 р. була заарештована «німецьким гестапо за підпільну роботу» і «сиділа в одиночній камері № 81, а у камері № 79 сидів Леонід Романович Плоскобойников, який через отвір у стіні (біля труби) про себе розповів, що він працював слідчим держбезпеки у Москві, що займався підпільною роботою у Києві і був зраджений своїми друзями. Він просив передати, що [...] був заарештований 23/X-1942 року, піддається тортурам. Останній раз Плоскобойников був викликаний з камери 4 грудня 1942 р. і більше до камери не повернувся»³⁸³. Л. Плоскобойников був ідентифікований

³⁷⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 8, арк. 87 зв.— 88, 93.

³⁷⁸ Там само, т. 11, арк. 28.

³⁷⁹ Довбня О. Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности». — С. 567.

³⁸⁰ Там само,

³⁸¹ Перший запит у зв'язку з підготовкою відповіді ЦК ВКП(б) був зроблений ГВП у липні 1942 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 11, арк. 31).

³⁸² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 8, арк. 95.

³⁸³ Там само, спр. 67462, т. 2, арк. 24.

співробітниками НКДБ УРСР як Л. Воскобойников. Вірогідно, він був розстріляний нацистами, хоча точно це не було встановлено.

Про подальшу долю Л. Тарасовського дещо відомо з відомчого листування за 1953 р. та інших документів, що долучені до окремого тому групової кримінальної справи. З них видно, що 12 лютого 1953 р. 1-й відділ Управління охорони МДБ на Рязано-Уральській залізниці (м. Саратов) звернувся до відділу «А» МДБ УРСР і УМДБ по Ворошиловградській області з проханням надіслати архівну кримінальну справу на Л. Тарасовського. Мотивували це підготовкою його до вербування³⁸⁴.

У Києві на прохання відреагували складанням довідки за справою від 16 березня 1953 р., яку надіслали до Саратова. У довідці було зазначено, що Л. Тарасовський засуджений Військовим трибуналом до 8 років ВТТ і ніяких інших даних в архівній кримінальній справі немає, а тому висилку її до Саратова вважали недоцільною³⁸⁵.

В Управлінні охорони МДБ на Рязано-Уральській залізниці (після реформування воно стало Дорожньо-транспортним управлінням МВС Приволзької залізниці) вирішили здійснити вербування Л. Тарасовського. Але рік потому знову повернулись до питання про його судимість. У листі начальнику 1-го спецвідділу МВС УРСР від 22 лютого 1954 р. із Саратова повідомили, що «при подальшій перевірці *Тарасовського* встановлено, що ним... надана копія ухвали Військового трибуналу 19 ЗСБ, з якої видно, що 18.III.1943 року цим Трибуналом... розглядалось клопотання УНКВС по Сталінській області про звільнення від покарання і зняття судимості з *Тарасовського*. Клопотання було задоволене, *Тарасовський* був повністю звільнений від покарання зі зняттям судимості»³⁸⁶.

З листа зрозуміло, що в УНКВС по Сталінській області завели справу на Л. Тарасовського, заповнили її новими документами і його позитивними характеристиками. Потім ці документи надали Військовому трибуналу, який на їх підставі прийняв рішення. Виявилось, що з лютого до грудня 1942 р. Л. Тарасовського використовували «на передовій лінії фронту з виконання спеціальних оперативних завдань по роботі у тилу противника»³⁸⁷. Отже, він мав відношення до зафронткової роботи, скоріш за все, як переправник агентів за лінію фронту. Добре зарекомендував себе на цій роботі і заслужив довіру колег, які потім порушили питання про звільнення його від покарання і зняття з нього судимості.

Вдруге прохання про пересилання архівної справи у листі з Саратова пояснювали так: «Ознайомлення з усіма цими документами необхідно нам для вивчення *Тарасовського* як нашого агента і оцінки об'єктивності матеріалів, які надає він нині»³⁸⁸. Це були серйозні аргументи, адже численний агентурний апарат органів держбезпеки, як незабаром було

³⁸⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 11, арк. 40, 41.

³⁸⁵ Там само, арк. 46.

³⁸⁶ Там само, арк. 44.

³⁸⁷ Процитовано фрагмент з ухвали Військового трибуналу від 18 березня 1943 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 11, арк. 63).

³⁸⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 11, арк. 45.

встановлено, широко використовувався у проведенні масових репресій і був малоєфективним з точки зору «нормальної» агентурно-оперативної роботи. Тому у 1954–1955 рр. було здійснено найбільше в радянській історії скорочення цього апарату. Скороченню передували перевірки, подібні до тієї, яку проводили у транспортному органі стосовно Л. Тарасовського.

Але у Києві знову відповіли відмовою у пересиланні справи, посилаючись на те, що інших матеріалів, крім тих, про які було повідомлено першого разу, у справі нема; а також на те, що справа багатотомна, в ній проходить багато осіб і цією справою цікавляться інші органи МВС³⁸⁹. Який висновок з цього могли зробити у Саратові? Мабуть, про те, що з якихось причин колеги не хотіли ділитися з ними інформацією, що містилися в архівних документах, у повному обсязі, і питання з Л. Тарасовським треба вирішувати самостійно.

Стосовно практично усіх засуджених у «ворошиловградсько-київській справі» були прийняті рішення про зняття з них судимості. Однак це не було кінцем історії. Згідно з довідкою відділу Військової прокуратури Центрального регіону України від 16 травня 1997 р. усі п'ятеро були засуджені Військовим трибуналом військ НКВС Київського округу обґрунтовано³⁹⁰. І тоді, і у подальшому у перегляді справи на предмет реабілітації будь-кого з них було відмовлено. Отже, усі вони не реабілітовані.

***

На першій сторінці обкладинки книги представлена фотографія будівлі у м. Києві на вул. Липській 16 (сучасний вигляд, фото С. Кокіна). У ній з 1919 р. розміщувались Київська губЧК, потім — губернський і обласний відділи ДПУ, з 1934 р. — УНКВС по Київській області, а у подальшому — Управління КДБ по м. Києву і Київській області (до 1985 р.). З 2006 р. основну частину будівлі займає Український інститут національної пам'яті.

На четвертій сторінці обкладинки поміщені фотографії заарештованих співробітників НКВС, документи з архівних кримінальних справ яких публікуються у 2-й книзі 2-го тому. На верхньому знімку — начальник УНКВС по Київській області О. Долгушев (фото 1939 р.). (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 309, конверт). На нижньому знімку — колишній начальник УНКВС по Миколаївській області П. Карамішев (фото 1939 р.). (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 1, арк. 9, конверт).

Сергій Кокін

Інститут історії України НАН України,

Джеффри Россман

Університет Вірджинії, США

Київ — Шарлотсвілл, березень–червень 2019 р.

³⁸⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 11, арк. 43.

³⁹⁰ Там само, т. 8, арк. 102–108.

РОЗДІЛ 1. СПРАВА НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО КИЇВСЬКІЙ ОБЛАСТІ ОЛЕКСІЯ ДОЛГУШЕВА

№ 39

Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева

5 вересня 1939 р.

«УТВЕРЖДАЮ»

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
СТАРШИЙ МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Серов

«5» сентября 1939 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 п. «б»,
54-7, 54-11 УК УССР.

В аппарат Особоуполномоченного НКВД УССР поступили материалы о том, что ДОЛГУШЕВ, работая начальником Киевского Облуправления НКВД, проводит вражескую работу.

Произведённым следствием по делу арестованного 18 января 1939 года ДОЛГУШЕВА установлено:

В 1937 году ДОЛГУШЕВ был привлечен в антисоветскую заговорщическую организацию бывшим наркомом внутренних дел УССР ЛЕПЛЕВСКИМ (осуждён) и передан был на связь БЛЮМАНУ (осуждён), с которым поддерживал связь по вредительской работе по день ареста последнего (л. д. 148, 149, 155–157, 197, 198, 209).

С приездом на Украину УСПЕНСКОГО – наркома внутренних дел, последний узнаёт о том, что ДОЛГУШЕВ был связан по вредительской работе с участником заговора БЛЮМАНОМ, в феврале [1938 г.] вызвал к себе ДОЛГУШЕВА, предупредив последнего о том, что ему известно о причастности его – ДОЛГУШЕВА к заговорщической организации, предложив последнему быть участником антисоветского заговора и под его непосредственным руководством продолжать вражескую деятельность, на что ДОЛГУШЕВ дал свое согласие (л.д. 210, 211, 75, 76, 124–126).

После того, как ДОЛГУШЕВ дал своё согласие УСПЕНСКОМУ быть участником заговора и продолжать вражескую работу в органах НКВД, УСПЕНСКИЙ продвигает ДОЛГУШЕВА по должности, назначив его начальником 1[-го] отдела НКВД УССР, а потом начальником Киевского Облуправления НКВД, где под руководством УСПЕНСКОГО проводит

необоснованные аресты населения, т. е. без наличия каких-либо компрометирующих материалов, путём применения мер физического воздействия к арестованным добивается ложных показаний (оговоров) и по этим показаниям производит аресты, создает мнимые контр-революционные организации в большом масштабе, объединяя одиночек в групповые дела (л. д. 80–82, 99, 100, 185–187, 243–248).

УСПЕНСКИЙ совместно с ДОЛГУШЕВЫМ, проводя необоснованно аресты сотрудников НКВД и специалистов высокой квалификации, видел, что эти дела не могут пройти в судебных органах, и, чтобы скрыть следы своей вражеской работы, УСПЕНСКИЙ дает задание ДОЛГУШЕВУ дела на бывших сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации пропускать через тройку при Киевском Облуправлении НКВД.

ДОЛГУШЕВ, будучи председателем этой тройки, при рассмотрении дел, где было указано в повестке тройки «работник органов НКВД», вычеркивал для того, чтобы в протоколах не было отражено, что дело бывшего сотрудника органов НКВД рассматривалось на тройке.

Таким образом, под председательством ДОЛГУШЕВА было рассмотрено следдел на 24 человека – бывших сотрудников, которые решением тройки приговорены к ВМН.

Также было рассмотрено тройкой под председательством ДОЛГУШЕВА на специалистов высокой квалификации свыше 40 дел.

В то время, как ДОЛГУШЕВ знал, чего и сам не отрицает, что циркуляром НКВД СССР категорически запрещается тройкам при УНКВД рассматривать дела на сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации, а также, что дела должны направляться в судебные органы (л. д. 68, 97–99, 235–242).

ДОЛГУШЕВ изобличается как участник антисоветского заговора показаниями осуждённых МИЛАЕВА¹, КОЗЬМИНЫХ, ТРОИЦКОГО, а также показаниями УСПЕНСКОГО и очной ставкой с последним (л.д. 197–220).

В предъявленном обвинении ДОЛГУШЕВ себя виновным признал, а также изобличается материалами следствия.

На основании изложенного, ОБВИНЯЕТСЯ:

ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 г.р., урож[енец] ст. Почелма Ленинской ж[елезной] д[ороги] Тамбовской области, русский, женат, бывш. член партии с 1929 г., до ареста начальник Киевского Облуправления НКВД,

в том, что:

состоял участником антисоветского заговора в органах НКВД с 1937 года по день ареста и проводил вражескую работу, необоснованные аресты населения, ввёл, как систему, применение мер физического воздействия, чем принуждал арестованных оговаривать себя и других, по указанию врага народа УСПЕНСКОГО пропускал через тройку при УНКВД

¹ Помилка у документі. Переплутано прізвище людини. Йдеться про М. Малишева, показання якого долучено у зазначеному місці 1-го тому справи (арк. 214).

дела на бывших сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации, посредством чего скрывал следы своей вражеской работы.

Развалил агентурно-оперативную работу в Киевском Облуправлении НКВД,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-1 [п.] «б», 54-7, 54-11 УК УССР.

Исходя из вышеизложенного, следственное дело № 147528 на ДОЛГУШЕВА А.Р. направить Воен-прокурору ПиВВ Киевского округа для направления по подсудности².

СПРАВКА:

ДОЛГУШЕВ содержится во внутренней тюрьме НКВД УССР.

Личные документы находятся при деле.

Вещдоков нет.

Составлено «3» сентября 1939 года, гор. Киев

ОСОБОУПНОМОЧЕННЫЙ НКВД УССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Твердохлебенко

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 301–306.

Оригінал. Машинопис.

№ 40

Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева

6 червня 1940 р.

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ[ЕСТИТЕЛЬ] НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР

МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Горлинский

«6» июня 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следделу № 147528 по обвинению ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

В аппарат Особуупномоченного НКВД УССР поступили данные о том, что ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, будучи начальником УНКВД по Киевской области, по заданиям быв. наркома внутренних дел УССР УСПЕНСКОГО проводил вражескую деятельность в оперативно-чекистской работе.

² 28 лютого 1940 р. слідчу справу на О. Долгушева повернули до Слідчої частини УДБ НКВС УРСР із вказівкою Головної військової прокуратури РСЧА про виконання додаткових слідчих дій. (Див.: ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 1).

На основании этих данных ДОЛГУШЕВ А.Р. был арестован 18 января 1939 года и привлечен в качестве обвиняемого по настоящему делу.

Произведенным по делу следствием установлено, что обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ с июня 1938 года являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, в которую был завербован УСПЕНСКИМ Александром Ивановичем – бывшим наркомом внутренних дел УССР (т. 1, л. д. 75–76, 207–211, 212–213, 214, 215, 216–220).

Вскоре после вербовки в организацию обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ был назначен УСПЕНСКИМ на должность начальника УНКВД по Киевской области и принял от УСПЕНСКОГО задание проводить вражескую деятельность в оперативно-чекистской работе (т. 1, л. д. 97–100, 200–203, 210–211).

Являясь председателем Особой тройки при УНКВД, обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ по заданию УСПЕНСКОГО, в нарушение приказов и циркуляров НКВД СССР, рассмотрел около 40 дел на сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации, в результате все они незаконно осуждены к ВМУН (т. 1, л. д. 48–49, 57–60, 66–67, 97–100, 203, 235–242, 249–251; т. 3, л. д. 102–218).

В целях сокрытия своих преступных действий обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ лично вычеркивал в повестках, составленных к заседанию Особой тройки, данные о том, что обвиняемые по этим делам до ареста являлись сотрудниками НКВД. В постановлениях Особой тройки исключённые ДОЛГУШЕВЫМ данные о сотрудниках НКВД также не отражались (т. 1, л. д. 68, 111, 120, 126, 129, 131, 134, 139).

Обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ виновным себя признал (т. 1, л. д. 75–76, 158), но впоследствии от своих показаний отказался (т. 1, л. д. 254–256; т. 3, л. д. 21). Изобличается показаниями обвиняемых УСПЕНСКОГО (т. 1, л. д. 207–211), КОЛЕСОВА (т. 1, л. д. 212–213), МАЛЫШЕВА (т. 1, л. д. 214), КОЗЬМИНЫХ (т. 1, л. д. 215), ТРОИЦКОГО (т. 1, л. д. 216–220), свидетелей КУПЫРИНА (т. 1, л. д. 160–162; т. 3, л. д. 290–293), АЛЬТЗИЦЕРА (т. 1, л. д. 172–177; т. 3, л. д. 270–275), ВАРАКОВА (т. 1, л. д. 178–182), СЛАВИНА (т. 1, л. д. 231–234), очными ставками с обвиняемым УСПЕНСКИМ (т. 1, л. д. 197–206) и свидетелем СЛАВИНЫМ (т. 1, л. д. 191–193) и материалами, приобщёнными к делу (т. 1, л. д. 235–242, 249–251; т. 3, л. д. 102–218, 316–336).

На основании данных дела **ОБВИНЯЕТСЯ:**

ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 г. рождения, уроженец ст. Пачелма Ленинской жел. дороги Тамбовской области, по соц[иальному] происхождению из рабочих, русский, гражданства СССР, быв. член ВКП(б) с 1929 по 1939 год, исключён в связи с арестом, кандидат в члены ЦК КП(б)У и депутат Верховного Совета УССР.

До ареста – начальник УНКВД по Киевской области, спецзвание – «капитан госбезопасности»,

в том, что:

а) с 1938 г. являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД;

б) проводил ворожеску діяльність в оперативно-чекістській роботі органів НКВД,
т. е. в проступленнях, передбачених ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 і 54-11 УК УССР.

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело № 147528 по обвинению ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР направить Военному прокурору войск НКВД Киевского округа для передачи по подсудности³.

СПРАВКА: Обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ А.Р. содержится под стражей в тюрьме гор. Киева.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *Точилкин*

«СОГЛАСЕН»: НАЧАЛЬНИК СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *Казин*

Составлено в г. Киеве 5 июня 1940 г.

На першому аркуші документа резолюція синіми чорнилами:
«Обвинит[ельное] заключение утвердить. Долгушева А.Р. предать суду ВК Верхсуда СССР по ст.ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР. За Главн[ого] воен[ного] прокурора нач[альник] IV отд[ела] бригвоенюрист Подпись неразборчивая. 28/VI-[19]40 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 356–358.
Оригінал. Машинопис.

№ 41

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева

10, 12, 13 серпня 1940 р.

СОВ. СЕКРЕТНО
Дело № 0017 1940 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1940 г., августа 10, 12 и 13 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в закрытом судебном заседании в составе:

³ Згідно з постановою помічника військового прокурора військ НКВС Українського округу військового юриста 2-го рангу М. Дворенка від 19 липня 1940 р. обвинувальному висновку було надано силу обвинувального акту, а обвинуваченого належало віддати під суд Військової колегії Верховного суду СРСР. (Див.: ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 2, арк. 360). Військова колегія на підготовчому засіданні 22 липня 1940 р. вирішила передати справу на розгляд до Військового трибуналу військ НКВС Українського округу. (Див.: Там само, т. 3, арк. 2).

Председательствующего военного юриста 1 ранга КОРОТКИНА
членов: 1. лейтенанта госбезопасности НАПАЛКОВА и
2. мл. лейтенанта госбезопасности БОРИСЕНКО
при секретаре – военном юристе ПИСАРЕВЕ,
без участия обвинения и защиты.

Судебное заседание открыто в 11.25.

Председательствующий объявил, что будет рассматриваться дело по обвинению быв. начальника УНКВД по Киевской области – капитана госбезопасности ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 [п.] «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлен содержащийся под стражей подсудимый ДОЛГУШЕВ и прибыли свидетели КУПЫРИН, ЗАЛЕССКИЙ, АЛЬТЗИЦЕР, ВАРАКОВ, БРИЛЬ, НАЗАРЕНКО, ШАПИРО, НАГОРНЫЙ, ЕГОРОВ, КАЛЮЖНЫЙ, ПАВЛЫЧЕВ, ЦИРУЛЬНИЦКИЙ и ЕМЕЛЬЯНОВ.

Свидетели ТРЕЩОВ и КОЛЕСНИКОВ, по полученным сведениям, придут позднее: первый – 12-го, а второй – 13 августа.

От свидетеля БЕРЕЖНОГО поступила телеграмма, что он находится в санатории и в связи с этим прибыть в судзаседание не может.

Свидетель СЛАВИН, проживающий в г. Новороссийске, в судзаседание не прибыл, и причины неявки его неизвестны.

Председательствующий в удостоверение самоличности опросил подсудимого, который дал о себе такие сведения:

ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 г. рождения, уроженец ст. Пачелма того же района Тамбовской области.

В органах НКВД работал с 1929 года, последняя должность – начальник УНКВД по Киевской области, звание – капитан госбезопасности.

До поступления в органы НКВД с 1924 г. служил в РККА, занимал должность секретаря политотдела корпуса, а до 1924 г. работал на ж.д. транспорте весовщиком и на др. работах по службе эксплуатации.

По социальному происхождению я из рабочих, отец и сейчас работает сцепщиком вагонов.

С 1929 г. состоял членом ВКП(б), к другим партиям не примыкал. По национальности русский, образование в объеме 5-ти классов, специального образования не имею, женат, детей нет, жена до моего ареста не работала.

Под стражей по данному делу нахожусь с 17 января 1939 г. Обвинительное заключение по делу читал 2 августа с.г.

Председательствующий объявил состав суда и разъяснил порядок его отвода. Отвода составу суда и секретарю судзаседания подсудимый не заявил.

Председательствующий удостоверился в самоличности свидетелей и предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в отдельную комнату.

На вопрос председательствующего о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей подсудимый ответил: «Эти свидетели

могут осветить действительное положение вещей и потому присутствие их желательно».

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Вопрос о неявившихся свидетелях оставить открытым и разрешить в ходе судебного следствия, после выяснения обстоятельств дела. Дело слушанием продолжать в их отсутствие.

Подсудимому разъяснено его право ходатайствовать перед Трибуналом о вызове новых свидетелей, помимо вызванных, о приобщении к делу или истребовании Трибуналом документов и иных доказательств по делу, а также право задавать свидетелям через Трибунал вопросы и давать пояснения по их показаниям.

Подсудимый до начала судебного следствия ходатайств не имеет.

Председательствующий огласил обвинительное заключение, постановление ВП и определение ПЗ ВТ, после чего спросил подсудимого, понятна ли ему сущность предъявленного обвинения и желает ли он давать суду показания.

Подсудимый: В чем обвиняюсь, мне понятно. Виновным себя не признаю. Показания суду давать желаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Исследование дела начать в обычном порядке: сначала заслушать объяснения подсудимого, и после его допроса допросить свидетелей.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ показал:

Вначале меня обвиняли только в нарушениях по работе тройки и обвинения в участии в антисоветском заговоре не предъявляли. Затем УСПЕНСКИЙ дал показания, что в феврале 1938 г. он меня перевербовал в а/с заговорщическую организацию, куда я якобы был завербован ещё ЛЕПЛЕВСКИМ.

По показаниям УСПЕНСКОГО, перевербован я был при таких обстоятельствах: по приезду в Киев УСПЕНСКИЙ вызвал меня, сказал, что ему известно о моем участии в заговоре, здесь же сообщил, что и сам является заговорщиком и предложил поддерживать с ним связь. После этого направил на работу в ОО с заданием громить кадры, а затем назначил начальником I отдела.

Все это – ложь. До первого вызова меня УСПЕНСКИМ 17–18 февраля 1938 г. я его не знал и не видел, и сама логика отвергает возможность связи с ним, так как в то время я был начальником отделения, а этой категории работников даже в секретариат был запрещен вход.

УСПЕНСКИЙ говорит, что о моем участии в заговоре ему стало известно из материалов следствия по делу ЛЕПЛЕВСКОГО. Это также ложь, так как в то время следствие по этому делу ещё не проводилось, и все, связанные с ЛЕПЛЕВСКИМ, продолжали работать.

Очная ставка у меня с УСПЕНСКИМ была жуткой, так как до неё и на ней со мной «громко поговорили». На очной ставке я бросил реплику, что впервые с УСПЕНСКИМ встретился не наедине, а в присутствии РАДЗИВИЛОВСКОГО. УСПЕНСКИЙ на это заявил, что вербовал меня при РАДЗИВИЛОВСКОМ, но последний, будучи допрошен в связи с этим, это отрицает.

С ЛИСТЕНГУРТОМ в Особом отделе я не работал и потому не мог громить с ним кадры, как об этом указывает УСПЕНСКИЙ. Вообще, в Особом отделе я при УСПЕНСКОМ проработал несколько дней, так как 23 февраля уже исполнял обязанности начальника 1-го отдела.

С БЛЮМАНОМ у меня ничего не было.

ЛЕПЛЕВСКОГО я видел всего два раза: когда он обходил кабинеты и при награждении меня орденом.

Далее УСПЕНСКИЙ показал, что, направляя меня на работу в УНКВД по Киевской области, он связал меня по заговорщической линии с ЯРАЛЯНЦЕМ, ЛИСТЕНГУРТОМ и РАТЫНСКИМ. Неправдоподобность этого утверждения видна хотя бы из того, что в УНКВД я был назначен в первых числах июня 1938 года, т. е. тогда, когда ни ЯРАЛЯНЦА, ни ЛИСТЕНГУРТА в Киеве не было: ЯРАЛЯНЦ прибыл позже, а ЛИСТЕНГУРТ убыл из Киева ещё в мае м-це. Не мог УСПЕНСКИЙ связать меня и с РАТЫНСКИМ, так как на первом же совещании ставил вопрос об аресте его.

Каковы были личные взаимоотношения с УСПЕНСКИМ. У него на дому я был всего лишь два раза: 1 мая, после демонстрации, и 7 ноября, после парада, причём был не сам, а в числе других работников НКВД, обслуживавших демонстрацию и парад.

Его отношение ко мне могут характеризовать следующие факты. В августе м-це я докладывал ему результаты расследования по поводу прибытия на пожар начальника Розыска в нетрезвом состоянии и высказал свое мнение о возможности ограничиться в отношении начальника Розыска дисциплинарным взысканием. УСПЕНСКИЙ в присутствии ЕГОРОВА набросился на меня, и его крупный разговор тогда отнюдь не свидетельствовал о близких отношениях между нами.

Мой доклад ему о ходе заготовок овощей также вызвал с его стороны бурю негодования. УСПЕНСКИЙ обвинял меня, что я не начальник УНКВД, а работник обкома, пешка в руках секретарей ЧЕРЕПИНА и СЕРДЮКА, и что они командуют мною.

По установившейся практике, обеспечение октябрьских праздников всегда возлагалось на УНКВД. Поэтому нами был составлен план и по октябрьским праздникам 1938 г., но, когда все было подготовлено и распределены обязанности, из наркомата позвонил КАЛЮЖНЫЙ и сообщил, что этим делом будет заниматься наркомат, и нам, т. е. УНКВД, делать здесь нечего. Я ответил: «Ещё посмотрим, как нам нечего делать». Об этом моем ответе КАЛЮЖНЫЙ, по-видимому, передал УСПЕНСКОМУ, и тот на совещании даже не стал слушать мой доклад о подготовке и обеспечении праздников, а в форме угрозы заявил: «Мы ещё будем иметь разговор».

Незадолго до своего бегства УСПЕНСКИЙ вызвал меня и заявил, что мне придется уйти с оперативной работы в органах НКВД и перейти на работу в Милицию. Об этом разговоре я с возмущением рассказал ПАВЛЫЧЕВУ, и он это может подтвердить.

Пересоставление статотчётности по УНКВД произведено при моём сопротивлении. Когда мы представили в наркомат первый отчёт,

УСПЕНСКИЙ вызвал меня, сказал, что этот отчёт никуда не годится и что из всех УНКВД только Донбасс дал правильные сведения. Я пытался доказать правильность нашего отчёта, но УСПЕНСКИЙ заявил: «Вы ничего не понимаете», обозвал меня бараном и приказал отчёт пересоставить. Присутствовавшие при этом ЯРАЛЯНЦ и НАЗАРЕНКО поддержали УСПЕНСКОГО, заявив мне, что по вопросу составления отчётов имеется соответствующий приказ.

На протяжении 4½ месяцев⁴ после ареста, несмотря на жестокое избивание и прodelывание со мной разных экспериментов вплоть до спуска в подвал в одном белье, я крепился и не давал ложного признания в принадлежности к заговору. Однако избивания продолжались, и, не будучи в силах выдержать всего, я решил дачей ложного признания пойти на самоубийство. Зачитанные мне показания УСПЕНСКОГО я подтвердил. После этого от меня стали требовать дать людей, в частности, ПАВЛЫЧЕВА и МАРЧЕНКО. Били смертным боем, однако я сумел удержаться от оговора их. Моё признание на предварительном следствии в инкриминированном мне обвинении является вынужденным самооговором.

Когда я прибыл в УНКВД, первым поставленным мною вопросом был вопрос о недопустимости извращений в следственной работе. Я резко, вплоть до предания суду виновных, поставил вопрос о недопустимости применения к арестованным физического воздействия.

Боролся и за качество следствия. Потребовал соответствующей документации и оформления дел, в связи с чем аппарат УНКВД высказывал недовольство.

Арестов при мне было мало. До того они производились по спискам, я же запретил такой порядок и требовал представления справок с приложением соответствующих, подтверждающих эти справки, документов. Об этом известно не только аппарату УНКВД, но и работникам прокуратуры.

Показания ТРОИЦКОГО о том, что я ему известен как заговорщик – явная клевета. Я ТРОИЦКОГО до прибытия его из наркомата на работу в УНКВД не знал, а в УНКВД он пробыл дней 10–12 и был арестован. Отзывы о нем были, что он – дурак, поэтому я с ним держался настороже, запретил ему подписывать официальные документы, и наши отношения были чисто официальные. Потом мне стало известно, что ТРОИЦКИЙ собирается меблировать свою квартиру за счет УНКВД. Я запретил нач[альнику] АХО ЕМЕЛЬЯНОВУ делать это, а Финотделу дал распоряжение не выдавать денег без моего разрешения, и это ещё более обострило взаимоотношения между мной и ТРОИЦКИМ. Как же при таком положении можно говорить о заговорщической связи между мной и ТРОИЦКИМ? Его роль как клеветника установлена следствием, которое отбросило возведённые им обвинения на РИВЛИНА.

МАЛЫШЕВ также показывает обо мне как о заговорщике. При мне он в Киеве был не более 2-х недель, и никакого разговора с ним по вопросу кадров, т. е. откомандирования работников, могущих разоблачить

⁴ Чотирьох з половиною місяців.

заговорщиков, я не вёл. Каждому следователю должно быть ясно, что его показания не только в отношении меня, но и других – ложь.

КОЗЬМИНЫХ⁵ при мне проработал незначительное время, не более месяца. Он также говорит, что знает меня как заговорщика, но откуда у него такие данные, неизвестно.

УСПЕНСКИЙ сначала показал, что завербовал меня в июне месяце, на очной же ставке заявил, что это было в феврале, и что тогда же дал задание связаться с КОРКУНОВЫМ – нач[альником] СПО. Говорит, что это было мною сделано, и что совместно с КОРКУНОВЫМ я составил план деятельности. Как же могло это произойти, если при мне в УНКВД КОРКУНОВ был всего лишь 1–2 дня, так как к моему приходу сдавал дела?

На предварительном следствии я как участников заговора дал всех работников НКВД, награждённых орденами, но всем следователям, а также и КОБУЛОВУ, заявлял, что это – ложь, однако опровержение смог изложить лишь при вызове меня военным прокурором ХАЧАТУРЯН[ОМ].

С назначением меня на должность начальника I отдела, а затем – на должность начальника УНКВД, я не соглашался, всячески этому противился, но ничего не помогло. При первом случае присутствовал РАДЗИВИЛОВСКИЙ, а при назначении в УНКВД – ХАТАНЕВЕР. Я категорически отказывался, но УСПЕНСКИЙ в присутствии ХАТАНЕВЕРА заявил: «Есть постановление ЦК ВКП(б) и вы должны идти, иначе сделаем оргвыводы». В конечном итоге мне приказали, и я должен был подчиниться. Об этом своем назначении и сопровождавшем его разговоре я по выходу от УСПЕНСКОГО рассказал БРИЛЮ и после того трое суток сидел у него в кабинете, знакомясь с приказами и директивами. В один из этих дней БРИЛЬ даже мне сказал: «Нарком приказал тянуть вас за уши, чтобы вы не бегали, а знакомились с директивами». О том, что начальником УНКВД меня назначили против моего желания, я говорил НАГОРНОМУ, и он это может подтвердить.

УСПЕНСКИЙ в своих показаниях говорит, что на банкет в приезд ЕЖОВА в Киев я и КОРКУНОВ были приглашены по предложению ЕЖОВА, якобы в связи с тем, что мы понравились ему. Это – неправда, и сам ЕЖОВ в своих показаниях отрицает разговор обо мне и заявляет, что меня не знает. В действительности же на банкет я попал как орденосец, а они были приглашены все.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

На банкете ЕЖОВ выступил и говорил о том, что основным работником в органах НКВД является оперуполномоченный, потом, когда все подпили, стали провозглашаться тосты. Я, ПРЫГОВ, СКАЗОЧКИН сидели, сжавшись за столом, и ЕЖОВ провозгласил тост: «Ну, выпьем за оперов, которых нужно выдвигать начальниками!».

С 1934 года я работал начальником отделения в авиабригаде. В 1937 году – пом[ощником] нач[альника] отделения Особого отдела, а в декабре

⁵ Тут і далі у документі помилково через літеру «у» у першому складі – Кузьминых.

1937 года, после награждения, меня назначили начальником отделения Особого отдела.

Орден я получил с такой мотивировкой: «За выполнение правительственных заданий». К награде был представлен ЛЕПЛЕВСКИМ. Особых подвигов за собой я не чувствую, но работал не хуже других награждённых.

Придя на работу в УНКВД, я боролся там против извращений и виновных в этом сажал. Примером этому могут служить ШЕХМАН и КАМРАЗ. ШЕХМАН, желая получить показания, избил арестованного, и за это я ему дал 5 или 10 суток ареста. Кто был этот арестованный, не помню, но материалы на него, кажется, были жиденькие, и показаний он не дал. Дальнейшего не знаю, так как вскоре был арестован.

Начальником УНКВД я был назначен в июне месяце. ЯРАЛЯНЦА тогда в Киеве ещё не было, он прибыл месяц спустя, это помню точно и утверждаю.

Как участников заговора я показал всех награждённых орденами по той причине, что следствие ставило вопрос так, что ордена получены за проведение вражеской работы. Эти мои показания действительности не соответствуют, и я их дал под влиянием избиения, так как не мог больше выносить применявшихся ко мне издевательств. Решив подписывать все, что от меня потребуют, я в июне месяце написал заявление о том, что состою участником заговора. Следствию же заявлял, что это – неправда, и в своих же собственноручных показаниях в конце просил разобраться в деле и дать очные ставки, чтобы разоблачить провокацию.

Очные ставки мне дали с УСПЕНСКИМ и СЛАВИНЫМ, и УСПЕНСКИЙ подтвердил мою причастность к заговору. Со СЛАВИНЫМ очная ставка была по вопросу, был ли с ним разговор о работе тройки. СЛАВИН этот разговор отрицал, так как признание было бы не в его пользу, но фактически такой разговор имел место.

Дело против меня – сплошная провокация, вызванная палкой. С показаниями НЕЙМАНА я знаком. Факт применения при мне к арестованному физического воздействия имел место. На Уманьщине был совершен теракт, и в связи с этим я выехал туда лично. Там к этому времени посадили проходивших по учётам 3–4 быв. политбандитов, и к тем из них, на кого имелось больше подозрений, я дал санкцию «всыпать» по мягкому месту⁶. Они признания не дали.

Продолжение показаний подс[удимого] ДОЛГУШЕВА:

⁶ Згідно зі свідченнями Б. Неймана від 23 червня 1939 р. «приблизно у червні 1938 р. в одному з сіл Уманського району було вбито 3 особи з активу села». У зв'язку з цим начальник Уманської оперативно-слідчої групи В. Козаченко наказав здійснити арешти за списком місцевої міліції «усіх облікованих як кримінальний елемент, [як] особи без визначених професій, підозрюваних у проживанні начебто без паспортів», незалежно від наявності на цих осіб компрометуючих матеріалів. Було заарештовано без будь-яких підстав понад 100 осіб. Деяких з них В. Козаченко бив «до напівсвідомості». Про це добре було відомо О. Долгушеву, «у присутності якого Козаченко наносив зв'язці побої заарештованим». (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 1, арк. 185).

Примерно 17-го сентября 1938 года я был вызван к УСПЕНСКОМУ и тот предупредил меня, что сейчас я получу телеграмму, и все альбомные дела нужно будет рассматривать на тройке. Действительно, по возвращении от УСПЕНСКОГО мне привезли шифровку, которой предлагалось все подготовленные для Москвы дела по альбомам рассмотреть на тройке. Это были дела ДТО, наркомата, УНКВД, речного отдела – всего человек на 2000. С работой тройки я столкнулся впервые и потому сразу же засел знакомиться с приказами по этому вопросу и изучать, какие меры наказания выносили НКВД СССР и Военная коллегия, рассматривавшие такие дела. После этого я создал две группы: первой, под руководством нач[альника] 3 отдела БОЙКО, я поручил переоформить дела, так как вначале они готовились для Москвы, а вторая группа должна была ознакомиться с ними и доложить на тройке. Созданием двух групп, а не одной, я преследовал цель ввести известный контроль, перепроверку.

Тройка начала свою работу 19 сентября, а после двадцатого числа пришло дополнительное разъяснение, что дела на сотрудников НКВД, военнослужащих, имеющих звание, и иностранных подданных рассмотрению тройкой не подлежат. Спустя день-два я разговаривал со СЛАВИНЫМ и спросил у него, сколько дел на военнослужащих предвидится к передаче на тройку. СЛАВИН ответил, что в отношении военнослужащих он сейчас сказать ничего не может, а дела на сотрудников НКВД, имеющих звание, будут. Имея в виду, что по указаниям Москвы дела на сотрудников НКВД рассмотрению тройки не подлежали, я после этого сообщения СЛАВИНА позвонил УСПЕНСКОМУ, прося разъяснений, и УСПЕНСКИЙ мне заявил, что имеются указания рассматривать такие дела. Дела на сотрудников к нам поступали тогда только из наркомата. Присылались они при списках с грифом УСПЕНСКОГО «Утверждаю», причём списки составлялись начальниками отделов и проходили через 1-й спецотдел наркомата. Поэтому указание УСПЕНСКОГО, что дела на сотрудников, не имеющих звание, подлежат рассмотрению на тройке, не вызвало у меня в то время никаких подозрений. Я принял его на слово и поставил о нем в известность остальных членов тройки.

Согласно указаниям Москвы, дела на специалистов также не были подсудны тройке. Эти указания я выполнял и, с целью предотвращения ошибок, каждому докладчику задавался вопрос, нет ли среди докладываемых им дел дел на специалистов, а также на арестованных до 1 августа. Из инкриминируемого мне числа специалистов к собственно специалистам можно отнести лишь 3–4 человека, но вина в их пропуске по тройке лежит не на мне, а на тех работниках, которые оформили дела на тройку, скрыв, что обвиняемые – специалисты. Остальных же нельзя рассматривать как специалистов, так как это были техники, хотя и работавшие инженерами, но не окончившие высшее учебное заведение и пр. Взяв за критерий наличие высшего образования, тройка и не считала таких лиц специалистами.

Дел на сотрудников НКВД тройкой было рассмотрено 5–6. В повестках к этим делам на каждой строчке пестрело слово «НКВД», и с тем, чтобы эти арестованные не прикрывались НКВД, я вычеркнул это слово.

Не утверждаю, но мне кажется, что в одной части повесток это вычеркивание произвел я, а в другой – ЧЕРЕПИН.

Подсуд[имый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Дела на сотрудников НКВД были рассмотрены тройкой по указанию наркомата в лице быв. наркома УСПЕНСКОГО.

Из числа специалистов по тройке прошли 3–4 человека. Ответственность за них должны нести работники, проташившие эти дела на тройку, так как по материалам дел обвиняемые значились техниками, а все проверить тройка возможности не имела. К тому же нельзя было не верить своим работникам.

К рассмотрению дел тройка не подходила формально. Об этом говорят сотни дел, снятых с рассмотрения за недоработанностью и как вызвавшие сомнения.

Подготовкой дел на тройку занимался 3-й отдел. Начальник отдела БОЙКО с группой работников проверял наличие в деле всех необходимых документов, затем, если соглашался с обвинительным заключением, расписывался в этом, после чего выписывались повестки. Арестованные на передопрос не вызывались.

В повестках указывалось место службы обвиняемых, а в отношении инкриминируемых мне специалистов было записано, что они – техники без высшего образования.

Место службы мною было вычеркнуто только в отношении 3–5 быв. сотрудников НКВД. В повестках значилось «Ушосдор НКВД», я слово «НКВД» вычеркнул, и осталось только «Ушосдор».

Пропуская дела по тройке, я не задавал себе вопроса, действительно ли этих лиц нужно судить. Не говорил по этому поводу с ПАВЛЫЧЕВЫМ и БОЙКО. Я верил, что обвиняемые – враги, так как это подтверждалось документами дела. К тому же, если брать все под сомнение, то вообще невозможно было бы рассматривать дела. Сейчас, будучи сам арестованным, я уже смотрю на это иначе.

Установки от УСПЕНСКОГО – пропускать по тройке как можно больше людей – я не получал.

В 13.20 объявлен перерыв судзаседания.

В 13.35 судзаседание продолжается.

Свидетель БРИЛЬ Михаил Ильич, быв. нач[альник] отделения НКВД УССР, затем – зам[еститель] нач[альника] Горотдела НКВД – Ленинград, сейчас не работает, личных счетов с подсудимым не имеет, в близких взаимоотношениях с ним не состоял, показал:

На предварительном следствии мне задали вопрос, был ли у меня с ДОЛГУШЕВЫМ разговор перед назначением его в УНКВД. О каком разговоре идет речь, мне не сказали, и потому я не мог восстановить его в памяти.

Свид[етель] БРИЛЬ на вопросы суда:

В то время я в НКВД занимал должность начальника секретариата и о работе ДОЛГУШЕВА сказать ничего не могу.

Был ли у меня с ДОЛГУШЕВЫМ разговор об истории его назначения начальником УНКВД по Киевской области, не помню.

Не могу также припомнить, знакомился ли он у меня в кабинете на протяжении трех дней с приказами.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

БРИЛЬ мне позвонил и сказал: «Быстро к наркому». Когда я пришел к УСПЕНСКОМУ, там был ХАТАНЕВЕР, и УСПЕНСКИЙ предложил мне пойти на должность нач. УНКВД. Я отказывался, но УСПЕНСКИЙ сказал, что не святые горшки лепят, и приказал пойти. При этом сказал, что вместо меня в 1 отдел пошлет НАГОРНОГО. Из кабинета УСПЕНСКОГО я вошел к БРИЛЮ. Он, по-видимому, знал о моем назначении, так как при виде меня стал улыбаться, а когда я рассказал ему всю историю с назначением, сказал мне: «У меня, когда назначали сюда, не такая баня была». После этого я трое суток сидел в кабинете БРИЛЯ, знакомясь с приказами и директивами.

Свид[етель] БРИЛЬ на вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА:

В такой форме разговора между мной и ДОЛГУШЕВЫМ не было. Допускаю, что он мог войти ко мне и сказать только, что получил новое назначение.

Свид[етель] БРИЛЬ на вопросы суда:

В секретариате я работал 2 мес. и 3 недели, но сказать, как часто входил ДОЛГУШЕВ к УСПЕНСКОМУ в кабинет, не могу, так как туда проходили не через мою комнату.

У меня такое впечатление, что УСПЕНСКИЙ к нему относился плохо, симпатизировал ему, но конкретных фактов в подтверждение этого привести не могу.

По сравнению с другими начальниками УНКВД, отношение УСПЕНСКОГО к ДОЛГУШЕВУ не выделялось ничем.

Больше вопросов к свидетелю БРИЛЬ у суда и подсудимого не имеется, и с согласия подсудимого свидетель освобождается от дальнейшего присутствия в зале судзаседания.

Свидетель НАГОРНЫЙ Иван Григорьевич, нач. внутренней тюрьмы НКВД УССР, подсудимого знает, отношения с ним были нормальные, показал:

Когда в феврале 1938 года в Киев приезжал ЕЖОВ, на квартире УСПЕНСКОГО был устроен ужин. Там присутствовали начальники УНКВД, я, ДОЛГУШЕВ и ещё человек 10 из наркомата. ЕЖОВ выступил, сказал, что старое руководство затирало молодые кадры, не выдвигало их. При этом назвал ДОЛГУШЕВА, ПЕРЦОВА, КОРКУНОВА и др.

Свид[етель] НАГОРНЫЙ на вопросы суда:

ДОЛГУШЕВ был тогда начальником отделения и на ужин попал как орденоносец.

До ЕЖОВА на ужине выступил УСПЕНСКИЙ, но фамилии ДОЛГУШЕВА не упоминал, а говорил о начальниках УНКВД. На должность нач. УНКВД ДОЛГУШЕВ был назначен спустя 5–10 дней после этого ужина.

ДОЛГУШЕВА я знаю с 1938 года. Он всегда активно выступал на партийных собраниях, был передовым, общительным с работниками, не зазнавался.

Был ли он более других вхож к УСПЕНСКОМУ, не могу сказать, но, по-моему, успехом у него не пользовался, однажды лично слышал, как УСПЕНСКИЙ здорово разделявал его у себя в кабинете.

При встрече с ДОЛГУШЕВЫМ перед уходом его на работу в УНКВД он мне сказал, что сдает 1-й отдел и будет принимать областное управление. На мой вопрос, кто же идет на 1-й отдел, он ответил: «Может быть, и ты». При этом он сказал, что ему очень не хотелось идти на новую должность в УНКВД, так как там «сломаешь голову», и по всему было видно, что своим назначением он не доволен.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

НАГОРНОГО я встретил на выходе из наркомата, рассказал, что назначен на должность нач[альника] УНКВД, несмотря на свой отказ.

ЕЖОВ за ужином говорил не персонально обо мне и др., а вообще об операх.

Свид[етель] НАГОРНЫЙ на вопросы суда:

Разговор относительно назначения был примерно такой, как показывает ДОЛГУШЕВ, а что касается выступления ЕЖОВА, то, насколько мне помнится, ЕЖОВ называл фамилию ДОЛГУШЕВА.

Больше вопросов к свидетелю НАГОРНОМУ суд и подсудимый не имеют, и свидетель с согласия подсудимого освобождён от дальнейшего присутствия в зале судзаседания.

Свидетель КУПЫРИН Константин Дмитриевич, зам[еститель] нач[альника] следчасти УНКВД, подсудимого знает с момента прихода того на работу в УНКВД, при нем работал нач-ком 1 спецотдела, личных счетов с ним не имеет, показал:

В 1938 году 1-й спецотдел УНКВД составил месячную статотчётность и направил ее в наркомат. Спустя 1-2 дня с этой отчётностью из наркомата пришел БЕРЕЖНОЙ и в моем присутствии стал говорить ДОЛГУШЕВУ, что отчётность составлена неправильно, так как мало показано участников организаций и в части соцположения также допущены ошибки. По указаниям БЕРЕЖНОГО, бывшего жандарма следовало относить к быв. людям, а не по последней его работе, как это было нами сделано. ДОЛГУШЕВ оспаривал указания БЕРЕЖНОГО, но, в конечном итоге, почти вся отчётность была переделана в духе указаний БЕРЕЖНОГО.

Свид[етель] КУПЫРИН на вопросы суда:

Я считаю, что первая отчётность нами была составлена правильно, однако наркомат ее забраковал и предложил пересоставить.

ДОЛГУШЕВ сначала стоял за первую отчётность, но потом почти во всем согласился с БЕРЕЖНЫМ, и была составлена новая отчётность, освещавшая положение тенденциозно.

Наша полуторогодичная статотчётность также была возвращена из наркомата. ДОЛГУШЕВ сказал, что она перепутана, и, предложив поднять все учёты, поручил мне в соответствии с данными учёта составить новую отчётность. Проделав эту работу, получили несколько иные

данные, так как к моменту составления первой статотчётности отделы не сообщили нам об изменениях, внесённых ими в процессе следствия.

Лично ДОЛГУШЕВ указаний о подтасовке отчётности не давал, и преступных указаний по работе с его стороны я не замечал.

За все время я только раз имел отношение к заседанию тройки в качестве секретаря ее. Вычеркивания в повестках или др. материалах я не замечал, так как следить за этим в мои обязанности не входило. Впоследствии же, после проверки, установили, что был осуждён зубной врач, а по тройке он прошёл и числился лицом без определённых занятий только потому, что три месяца находился без работы.

В то время ни один арестованный не сидел с соблюдением установленных процессуальных норм, и в отношении всех были сплошные нарушения. Об этом я никому не докладывал, так как это было очевидно для всех, в том числе для Прокуратуры и для Москвы.

В спецотдел я был назначен ДОЛГУШЕВЫМ для упорядочения там работы в связи с несвоевременным исполнением решений.

Показаний, что ДОЛГУШЕВ якобы противился освобождению из-под стражи невиновных, я на предварительном следствии не давал.

(Оглашены показания КУПЫРИНА – л. д. 161 об., том 1).

Я говорил, что в то время вообще не освобождали арестованных и даже вопроса об этом не ставили.

Знаю только один случай, когда ДОЛГУШЕВ обругал следователя ПРОСТОТУ, поставившего вопрос об освобождении арестованного, и сказал, что нужно ещё подождать. Однако ДОЛГУШЕВ не говорил, что вообще не нужно освобождать арестованных. Кто этот арестованный, и был ли он потом освобождён, не знаю. В протоколе эти мои показания записаны, по-видимому, неправильно.

(Свидетелю предъявлен протокол его показаний).

Эти показания писал собственноручно. Имел в виду только случай с ПРОСТОТОЙ, о котором он мне рассказывал лично.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

К моему приходу за УНКВД числилось около 5000 арестованных, и все они сидели с нарушением норм УПК. Многие были арестованы ошибочно, а, с другой стороны, между ними затерялось много приговоренных к ВМН. В связи с этим я вызвал КУПЫРИНА и направил его в 1 спецотдел для выправления работы.

В первый раз по месячному статотчёту УСПЕНСКИЙ вызвал меня к себе, разругал за то, что мало показано групповых арестованных и много одиночек, и наш отчёт назвал «липой». Тогда же предложил БЕРЕЖНОМУ проверить отчёт, а мне заявил, что распишет меня на всю Украину.

БЕРЕЖНОЙ, проверяя наш отчёт, вносил изменения и учтённых нами как одиночек двух арестованных монашек относил к групповым арестованным на том только основании, что как одна, так и другая продавали иконы.

Второй общий отчёт нами также был составлен правильно, но УСПЕНСКИЙ забраковал и его. По вопросу составления этого отчёта НАЗАРЕНКО дал потом директивные указания, коими предлагалось в

графу «быв. люди» вносить лиц с политпрошлым, независимо от их последующей трудовой деятельности. В связи с этими указаниями я для перестраховки предложил в отчётности приложить расшифровку, но было ли это сделано, не знаю.

Противиться освобождению неправильно арестованных я не мог, так как сам же на первом совещании дал установку разобраться в делах и освободить невиновных.

Свид[етель] КУПЫРИН на вопросы суда:

Я не помню такой установки. Возможно, объясняется это тем, что первое время в 1-м спецотделе не работал.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Я утверждаю, что ещё до постановления ЦК и СНК у нас было освобождено около 300 чел.

ПРОСТОТА передо мной поставил вопрос о реализации одной разработки. Я предупредил его, чтобы он не влип с нею, но после произведенного ареста оказалось, что разработка – «липа», и пришлось арестованного освобождать. Вот поэтому-то я и дал ПРОСТОТЕ «баню».

Свид[етель] КУПЫРИН на вопросы суда:

Нет, я говорил не об этом случае.

Я был не на всех оперативных совещаниях. На тех же, где присутствовал, установок ДОЛГУШЕВА о недопустимости применения физического воздействия к арестованным не слышал.

Свид[етель] КУПЫРИН на вопросы подсуд[имого] ДОЛГУШЕВА:

1-му спецотделу ДОЛГУШЕВ действительно дал указания не принимать от отделов неоформленные дела.

Свидетель ЗАЛЕССКИЙ Борис Маркович, нач[альник] отделения 2 отдела УНКВД, подсудимого знает с 1937 года, в близких отношениях с ним не состоял, личных счетов также не имеет, показал:

В конце апреля или начале мая 1938 года от сотрудника НКВД ЯМПОЛЬСКОГО я узнал, что нач[альник] отдела УНКВД КОРКУНОВ обвинялся в сокрытии своего социального происхождения. Вскоре мне стало известно, что предполагается назначение КОРКУНОВА на должность нач[альника] УНКВД по Ворошиловградской обл., и в связи с этим решил доложить ДОЛГУШЕВУ об известных мне о КОРКУНОВЕ сведениях, так как предполагал, что материалы об этом могли не попасть в личное дело или уничтожены. Моё сообщение ДОЛГУШЕВ воспринял не так, как я ожидал, и, вместо вопросов по существу сообщенного мною, стал спрашивать, от кого эти сведения мне известны.

Свид[етель] ЗАЛЕССКИЙ на вопросы суда:

В бытность ДОЛГУШЕВА начальником УНКВД я в Киеве работал месяца 1½–2, так как большую часть времени находился в Москве по докладу дел на Особое совещание.

Присутствовал ли я на оперативных совещаниях в УНКВД, не помню, но от сотрудников слышал, что ДОЛГУШЕВ запретил применение без его санкции мер физического воздействия к арестованным.

В работе УНКВД в то время были большие искривления, и, по-моему, ДОЛГУШЕВ должен нести за них ответственность, так как считаю, что

они не могли иметь место без его ведома и установок. Лично мне незаконных установок ДОЛГУШЕВ ни разу не давал.

В УНКВД был арестованный ЦАПЕНКО – быв. председатель партколлегии. На него имелись материалы, но он не давал показаний, и я лично видел, как ДОЛГУШЕВ применял к нему физические меры воздействия. В настоящее время ЦАПЕНКО на свободе.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Действительно, ЗАЛЕССКИЙ пришел ко мне и рассказал, что у него, как б[ывшего] особоуполномоченного, имеются слухи о том, что КОРКУНОВ происходит из кулацкой семьи. Мне ещё до того было известно, что этот вопрос являлся предметом расследования, и данные о сокрытии КОРКУНОВЫМ социального происхождения не подтвердились. Об этом лично видел в отделе кадров официальную справку и потому так спокойно реагировал на сообщение ЗАЛЕССКОГО.

ЦАПЕНКО проходил по показаниям арестованных работников Обкома, но сам показаний не давал. В связи с этим следователь ЛАПСКЕР попросил у меня санкцию на применение физических мер, но я не дал, а сказал, что сам поговорю с ЦАПЕНКО. ЦАПЕНКО и мне отказался дать показания. Тогда я заявил, что его будут бить, и предложил ему лечь. Он стал говорить, что у него грыжа, и в связи с этим я предложил ЛАПСКЕРУ не трогать его. Физические меры воздействия к ЦАПЕНКО применены не были.

Свид[етель] ЗАЛЕССКИЙ на вопросы суда:

Я лично видел, как ДОЛГУШЕВ применял к ЦАПЕНКО физические меры воздействия. При этом также присутствовал КАРАФЕЛОВ.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Всего с моей стороны было два или три случая применения мер физического воздействия, так как я считал, что следователь даже пальцем не должен был тронуть подследственного, и если требовалось физическое воздействие, то применять его должен был лично нач. УНКВД или его заместитель.

Свид[етель] ЗАЛЕССКИЙ пояснил:

ДОЛГУШЕВ неправильно освещает эпизод с моим докладом ему о КОРКУНОВЕ. О сокрытии последним соц[иального] происхождения я говорил не как о слухах, а как о сведениях, полученных от работника отдела кадров. Кроме того, вовсе не заявлял, что эти данные получены мною в бытность особоуполномоченным.

Свидетель АЛЬТЗИЦЕР Соломон Абрамович, член ВКП(б), быв. нач[альник] 1 спецотдела, личных счетов с подсудимым не имеет, в близких отношениях также не состоял, показал:

В 1938 году в числе дел, присланных из наркомата для рассмотрения тройкой при УНКВД по Киевской области, оказалось несколько дел на сотрудников НКВД. Согласно приказу такие дела тройке подсудны не были, и потому ДОЛГУШЕВ сказал, что слушать их не будет. Принесший эти дела сотрудник стал звонить в наркомат, но ДОЛГУШЕВ снова заявил, что до выяснения на тройку их не пустит. Не рассмотрел он и вторую партию таких дел, которая поступила позже. Потом часть этих дел все

же была рассмотрена, и ДОЛГУШЕВ сказал, что согласно полученному разъяснению тройка может рассматривать дела на не имеющих звания сотрудников неоперативных отделов. Таких сотрудников прошло по тройке человек 10, а когда впоследствии комиссия проводила проверку, выяснилось, что в повестках к делам были вычеркивания и дописки.

Свид[етель] АЛЪТЗИЦЕР на вопросы суда:

Дела на специалистов также не были подсудны тройке, однако они ею рассматривались по тем мотивам, что на день ареста обвиняемые не работали по специальности.

ДОЛГУШЕВ не разрешал РО НКВД самостоятельно производить аресты и требовал предварительной присылки материалов, но что это были за материалы, соответствовали ли они действительности, не знаю.

На совещаниях, где бы ДОЛГУШЕВ давал указания, запрещающие избивание арестованных, я не присутствовал, и было ли такое совещание, не знаю.

Дела на сотрудников НКВД поступали на тройку из наркомата при списках, подписанных начальником отдела и утвержденных наркомом.

Лично не слышал, что ВАРАКОВ говорил, что, когда он ставил вопрос об освобождении арестованных, ДОЛГУШЕВ ругал его и предлагал закончить следствие для передачи дела в суд.

Установку по пересоставлению стат. отчётности дал наркомат, и согласно этой установке арестованные, имевшие политпрошлое, должны были учитываться как быв. люди, а не по соц. положению.

Свидетель ШАПИРО Моисей Григорьевич, нач[альник] отделения, в УНКВД по Киевской области работает с 1936 г., личных счетов с подсудимым не имеет, в близких отношениях также не состоял, показал:

ДОЛГУШЕВ давал мне приказания обходить ночью кабинеты для проверки, не применяют ли следователи физических мер воздействия к арестованным при допросе. В применении таких методов следствия мною был уличён ШЕХМАН, и за это на него было наложено взыскание. По этому поводу был издан приказ, и все остальные работники предупредились приказом против применения таких методов следствия.

Однажды ДОЛГУШЕВУ позвонили по телефону, что с улицы слышны крики арестованных. ДОЛГУШЕВ послал меня проверить это сообщение, но, я, находясь на улице, криков не слышал, о чем и доложил ему. ДОЛГУШЕВ не поверил мне и стал обвинять меня, что я панибратствую и не докладываю всего.

До ДОЛГУШЕВА аресты на районах производились по спискам. ДОЛГУШЕВ такой порядок отменил и предложил на лиц, намечаемых к аресту, представлять справки.

Когда я с ним и КАМРАЗОМ ездил в Черкасы, то ДОЛГУШЕВ дал задание передопросить содержащихся там арестованных.

Свидетель ШАПИРО на вопросы суда:

На совещаниях ДОЛГУШЕВ предупреждал против избиваний арестованных и давал указания, чтобы без его или наркома санкции рук к арестованным не прикладывались.

При мне ДОЛГУШЕВ никого ни разу не избивал.

В 16.00 объявлен перерыв судзаседания.

В 19.15 судебное заседание продолжается.

Свидетель ЕМЕЛЬЯНОВ Николай Иванович, в бытность подсудимого начальником УНКВД работал нач[альником] АХО, сейчас числится в резерве, личных счетов не имеет, в близких отношениях с ним также не состоял, показал:

ДОЛГУШЕВ был строг и требователен в работе. Незаконных указаний от него я не получал, наоборот, он даже запрещал выполнять указания наркомата по выселению семей репрессированных, если не было на то санкции прокурора.

Свид[етель] ЕМЕЛЬЯНОВ на вопросы суда:

ТРОИЦКИЙ в УНКВД работал очень непродолжительное время. Мне помнится, что был случай, когда ДОЛГУШЕВ отменил распоряжение ТРОИЦКОГО по выдаче сумм из спецфонда и дал указание, что распоряжается им сам.

Относительно меблирования квартиры для ТРОИЦКОГО я ничего не помню.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Спецфонд предназначался на выдачу пособия сотрудникам. ТРОИЦКИЙ эти средства легко транжирил на неоперативный состав и машинисток. Я запретил это делать и дал указание пособие выдавать только опер. работникам и лишь при наличии моей подписи.

Свид[етель] ЕМЕЛЬЯНОВ на вопросы суда:

Я вспомнил: ТРОИЦКИЙ дал распоряжение обмеблировать ему квартиру за счет мебели арестованных и спецфонда, однако ДОЛГУШЕВ это распоряжение отменил.

Во взаимоотношениях между ДОЛГУШЕВЫМ и ТРОИЦКИМ чувствовалась натянутость, один к другому не заходил.

Преступных и незаконных распоряжений ДОЛГУШЕВ мне не давал, наоборот, удерживал от них, как это было, например, в вопросе выселения семей репрессированных.

Свидетель НАЗАРЕНКО Андрей Григорьевич, осужденный, быв. нач[альник] 1-го спецотдела НКВД УССР, взаимоотношения с подсудимым были только служебные, показал:

ДОЛГУШЕВ пользовался авторитетом среди сотрудников, и ни о каких преступных действиях с его стороны я не знаю.

Отчётность Киевского УНКВД была составлена по преподанной наркоматом форме, и я не знаю случаев, чтобы ДОЛГУШЕВ произвольно изменял в отчёте цифры.

Когда по вопросу статотчётности меня вызвал УСПЕНСКИЙ, у него уже находился ДОЛГУШЕВ. УСПЕНСКИЙ был недоволен ДОЛГУШЕВЫМ за отчёт, но ДОЛГУШЕВА в моем присутствии не ругал. Статотчёт Киевского УНКВД УСПЕНСКИЙ забраковал и предложил ДОЛГУШЕВУ пересоставить его, а мне приказал помочь УНКВД в пересоставлении этого статотчёта. Когда по этому вопросу я потом пришел в УНКВД, там уже занимались пересоставлением отчёта, очевидно,

согласно указаниям ДОЛГУШЕВА, но, в чем эти указания заключались, мне неизвестно.

Свид[етель] НАЗАРЕНКО на вопросы суда:

Какие указания ДОЛГУШЕВ получил от УСПЕНСКОГО по части пересоставления отчёта, не знаю, мои же указания Киевскому УНКВД были такими же, как и другим областям.

Какие взаимоотношения существовали между ДОЛГУШЕВЫМ и УСПЕНСКИМ, не знаю, однако, мне известны случаи, когда УСПЕНСКИЙ в бытность ДОЛГУШЕВА начальником 1 отдела ругал его «матом» по телефону.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Показания НАЗАРЕНКО не совсем точны. Когда я по вопросу представленной нами стат. отчётности пришел к УСПЕНСКОМУ, НАЗАРЕНКО уже был там, и УСПЕНСКИЙ в его присутствии стал ругать меня, что не могу в двух соснах разобраться. Здесь же он заявил, что в графу «быв. люди» нужно относить быв. меньшевиков и др. Я возражал против этого, но НАЗАРЕНКО подтвердил слова УСПЕНСКОГО и сказал, что по этому вопросу имеется приказ.

Свид[етель] НАЗАРЕНКО на вопросы суда:

Да, я подтверждаю, что говорил о наличии приказа, но, насколько помню, УСПЕНСКИЙ в моем присутствии ДОЛГУШЕВА не ругал, однако был недоволен им.

Больше вопросов к свидетелю НАЗАРЕНКО подсудимый и суд не имеют, и свидетель с согласия подсудимого освобождён от дальнейшего присутствия в зале судзаседания.

Свидетель КАЛЮЖНЫЙ Владимир Филиппович, подследственный по ст. 206–17 п. «б», до ареста – нач. 9 отдела НКВД УССР, подсудимого знает по работе, личных счетов с ним не имеет, в близких взаимоотношениях также не состоял, показал:

ДОЛГУШЕВ – выдвиженец, был на хорошем счету, и работники его уважали.

С ним я сталкивался только по работе. Деловые вопросы он решал правильно.

Свид[етель] КАЛЮЖНЫЙ на вопросы суда:

Является ли он участником заговора, мне не известно.

Свид[етель] КАЛЮЖНЫЙ на вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА:

На совещании по обеспечению октябрьских праздников был доклад ДОЛГУШЕВА, и я помню, что УСПЕНСКИЙ ругал ДОЛГУШЕВА за плохую подготовку, тогда как в этом нужно было винить начальников отделов.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

УСПЕНСКИЙ вообще не стал слушать мой доклад и заявил: «Можете не докладывать свой план, он меня не интересует. А если вы претендуете на наркома, мы будем иметь особый разговор».

Свид[етель] КАЛЮЖНЫЙ на вопросы суда:

Я знаю, что планом ДОЛГУШЕВА УСПЕНСКИЙ был недоволен, но дал ли ему возможность доложить план и говорил ли, что он, ДОЛГУШЕВ,

претендует на место наркома, не помню. Вообще же УСПЕНСКИЙ был груб, деспотичен.

Мое впечатление, что УСПЕНСКИЙ недолюбливал ДОЛГУШЕВА, недружелюбно относился к нему, так что говорить о близких между ними взаимоотношениях никак не могу.

Больше вопросов к свидетелю КАЛЮЖНОМУ ни суд, ни подсудимый, не имеют, и с согласия подсудимого свидетель освобождён от присутствия в зале судзаседания.

Свидетель ЕГОРОВ Андрей Иванович, подследственный по ст. ст. 54-1, 54-9, до ареста – нач[альник] УНКВД по Черниговской обл., личных счетов с подсудимым не имеет, в близких отношениях также не состоял, показал:

Мой сокамерник БЕЛЕНЬКИЙ, до того содержащийся под стражей в одной камере с ДОЛГУШЕВЫМ, рассказывал мне, что ДОЛГУШЕВА на допросах избивали и что в результате избияния он дал вымышленные показания о своей причастности к заговору.

Свид[етель] ЕГОРОВ на вопросы суда:

На совещаниях УСПЕНСКИЙ нередко высказывал недовольство ДОЛГУШЕВЫМ, обвинял последнего в том, что у него только «штучная» работа, т. е. нет крупных дел.

В октябре 1938 г. УСПЕНСКИЙ позвонил мне и сказал, что для обследования работы Киевского УНКВД создается комиссия под председательством ЯРАЛЯНЦА, куда выделяюсь также я, и что в отношении ДОЛГУШЕВА придется сделать оргвыводы.

Показания УСПЕНСКОГО о вербовке ДОЛГУШЕВА в заговор считаю ложными и участником заговора ДОЛГУШЕВА я себе не представляю. Все мы ДОЛГУШЕВА считали исключительно честным работником.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

ЕГОРОВ был свидетелем, как УСПЕНСКИЙ набросился на меня, когда я, докладывая ему результаты расследования факта прибытия на пожар нач[альника] Розыска в нетрезвом состоянии, сказал, что нач[альник] Розыска обижен тем, что УСПЕНСКИЙ его обругал.

Свид[етель] ЕГОРОВ на вопросы суда:

Было это, но отдельных деталей припомнить не могу. Вообще же, на совещаниях, особенно в последнее время, УСПЕНСКИЙ постоянно был недоволен Киевским УНКВД и склонял его. Отсюда я делаю вывод, что УСПЕНСКИЙ относился к ДОЛГУШЕВУ отрицательно.

Выдвижение ДОЛГУШЕВА на должность нач[альника] УНКВД, по-моему, объясняется только тем, что он – орденосец. Я тоже был только зам[естителем] нач[альника] отделения, а после награждения орденом Москва назначила меня начальником УНКВД.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

На одном совещании начальников УНКВД я задал вопрос, что делать, если арестованные отказываются от своих показаний, ссылаясь на дачу их под влиянием избияния. УСПЕНСКИЙ в присутствии всех заявил тогда: «Вы ничего не понимаете. Как могли вы сделаться нач[альником] УНКВД?».

Свид[етель] ЕГОРОВ на вопросы суда:

Случая, о котором говорит ДОЛГУШЕВ, не помню, но совещание было, и ДОЛГУШЕВУ, а также и другим тогда досталось.

Больше вопросов к свидетелю подсудимый и суд не имеют, и свидетель с согласия подсудимого освобождён от дальнейшего присутствия в зале судзаседания.

Свидетель ВАРАКОВ Василий Иванович, нач[альник] отделения ЭКО, в УНКВД работает с 1938 г. и с того же времени знает подсудимого, личных счетов с ним не имеет, показал:

Я был вызван из района на работу в УНКВД и здесь меня назначили в следственную группу по сотрудникам. Ознакомившись с находившимися в то время в следгруппе делами на сотрудников, я установил, что ряд сотрудников был арестован совершенно безосновательно. Как пример можно привести дело быв. нач[альника] Гребенковского РО НКВД МИХАЙЛОВА. На него имелись справки, что он, вопреки данным о себе сведениям, не значился проживавшим в Одессе и якобы не служил в РККА. Попутно с этим по картотеке числился однофамилец МИХАЙЛОВА – солдат польской армии, который переходил в СССР и был переброшен обратно. Несмотря на то, что обнаруженные при обыске у МИХАЙЛОВА старые красноармейская книжка и профбилет, выданный Одесским комитетом, устанавливали его алиби, он продолжал содержаться под стражей. Также безосновательно было содержание под стражей ГОЛЬДЕНЦВАЙГА и ряда др. сотрудников.

Приняв решение об освобождении названных арестованных, я доложил об этом нач[альнику] опер. след. группы СТРОИЛОВУ, но он ответил: «Иди и докладывай сам, так как сейчас об освобождении и речи не может быть». Я пошел к ДОЛГУШЕВУ и доложил ему эти дела и свое решение. ДОЛГУШЕВ спросил, хорошо ли я просмотрел дела, и, получив утвердительный ответ, предложил зайти к нему завтра, так как сейчас он занят. Однако на завтра эти дела у меня забрали. В итоге арестованные, об освобождении которых я ставил вопрос, были освобождены лишь после постановления ЦК и СНК от 17.XI-1938 г.

Теперь о деле инспектора Отдела кадров КОЛБАСЕНКО. КОЛБАСЕНКО я знал ещё до ареста, и мне было известно, что начальство его недолюбливало. В его деле, кроме ссылки на показания из Одессы, ничего не было. Я стал искать его личное дело, но оказалось, что оно отправлено в Москву со справкой на перевод КОЛБАСЕНКО с Украины, и в то же время была выписана вторая справка на арест его. На допросе КОЛБАСЕНКО отрицал предъявленное ему обвинение, заявил, что ещё в 1935 году на основании обнаруженных документов писал заявление о том, что КАРЛСОН – член партии не с 1905 года, что ЛЮШКОВ дезертировал из РККА, а также подавал заявления на ЛЮБЧЕНКО и ХВЫЛЮ. В подтверждение этого он сослался на машинисток, и те подтвердили, что такие заявления они действительно писали для него, а потом я нашел и копии этих заявлений. Кроме того, нашлись документы, подтверждавшие участие КОЛБАСЕНКО в большевистском подполье.

Собрав все эти материалы, я пришел к выводу, что КОЛБАСЕНКО нужно освободить, и доложил свое мнение СТРОИЛОВУ, а затем и ПАВЛЫЧЕВУ. ПАВЛЫЧЕВ предложил мне оставить у него дело КОЛБАСЕНКО, а реабилитирующие последнего документы возвратил мне, даже не просмотрев их. В тот же или на следующий день он возвратил мне и дело, сказав, что сам поговорит с КОЛБАСЕНКО. Действительно, с КОЛБАСЕНКО он потом говорил, но весь его разговор сводился к вопросам: «Будете ли давать показания?». После этого ПАВЛЫЧЕВ вызвал меня к ДОЛГУШЕВУ, и тот сразу задал мне вопрос: «Что вы там собираете оправдывающие КОЛБАСЕНКО документы и ищите справки?», затем стал ругать меня и заявил: «Тебе я не верю. У тебя что-то есть, и ты дождешься, что сам сядешь с КОЛБАСЕНКО». Затем обратился к ПАВЛЫЧЕВУ и сказал: «КОЛБАСЕНКО я знаю. Он – такая шляпа. Его жена, как показывает ИГНАТОВ, имела с ним половую связь». Потом ДОЛГУШЕВ предложил мне: «Вы сегодня сдадите дела и пойдёте в тюрьму, в группу КЛЕЙМАНА, а вместо вас возьмем нового работника (при этом назвал фамилию, но я не запомнил), который умеет «колоть», и он утрет вам нос». Все же в группу КЛЕЙМАНА ДОЛГУШЕВ меня не направил, однако дело КОЛБАСЕНКО от меня забрали. В конечном итоге КОЛБАСЕНКО был освобождён.

Должен отметить и обратное. Когда я докладывал ДОЛГУШЕВУ о провокационных показаниях арестованного ТАУБЕ, то ДОЛГУШЕВ вызвал его к себе и, убедившись, что показания ТАУБЕ провокационные, предложил освободить оклеветанных им лиц.

Свид[етель] ВАРАКОВ на вопросы суда:

Я присутствовал всего лишь на паре опер. совещаний. Основной установкой на них тогда было – «Скорее закончить дела».

Указаний, запрещающих применение к арестованным физических мер воздействия, я от ДОЛГУШЕВА не слышал.

Случаи избивания на допросе арестованных у нас в УНКВД имели место. По этому поводу была пара приказов в отношении отдельных работников, но, по-моему, это делалось для отвода глаз, так как одновременно были и прямые указания бить. Последних указаний лично я от ДОЛГУШЕВА не получал.

Как-то, будучи у ДОЛГУШЕВА на докладе, я явился свидетелем того, как ДОЛГУШЕВ площадной бранью ругал по телефону КЛЕЙМАНА за то, что тот дает мало дел. Нажим дать больше дел, естественно, отражался на качестве следствия, и, так как закончить дело нелегко, способствовал применению извращённых методов в следствии.

О взаимоотношениях между ДОЛГУШЕВЫМ и УСПЕНСКИМ ничего сказать не могу, так как это мне неизвестно.

В УНКВД на допросе умер быв. сотрудник МОЖЕЙКО, и впоследствии выяснилось, что смерть последовала в результате применения к нему физического воздействия в присутствии ПАВЛЫЧЕВА. По делу смерти МОЖЕЙКО никакого расследования не производилось, был только акт врача, что МОЖЕЙКО умер от туберкулёза горла. Лично я не видел, но со слов СТРОИЛОВА и ПОЛИЩУКА мне известно, что и в других случаях ПАВЛЫЧЕВ применял такие же меры воздействия.

О работе тройки при УНКВД мне ничего не известно.

У начальника Октябрьского РО НКВД ТКАЧЕНКО я видел заявление жены одного из арестованных, которое было послано ею в ЦК с сообщением о том, что к арестованным применяются физические меры воздействия. Вместо того, чтобы дать распоряжение провести расследование по фактам, изложенным в заявлении, на нем имелась лишь резолюция взять в разработку автора. Чья это была резолюция, сказать затрудняюсь.

Случаев, чтобы на оперативных совещаниях ДОЛГУШЕВ предупреждал работников против применения к арестованным извращённых методов следствия, при мне не было. Не слышал от него и противоположных указаний.

Арест МИХАЙЛОВА и др. сотрудников, дела на которых находились в производстве УНКВД, был произведён по резолюции УСПЕНСКОГО на справках: «Арестовать и размотать».

В тот момент, когда я ставил вопрос об освобождении арестованных сотрудников, все их дела состояли из справки, личного дела и протоколов допроса, в которых арестованные отрицали предъявленное им обвинение.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Почти по всем вопросам, о которых здесь говорил ВАРАКОВ, он выступал на оперативном и партийном собраниях ещё при мне. По поводу этих его показаний могу сказать следующее. ВАРАКОВ был взят в УНКВД с периферии, так как производил впечатление хорошего работника. Однако с приходом в УНКВД не было дня, чтобы ко мне не приходили с жалобами на него, что он манкирует работой, не исполняет приказаний и пр. Вот именно в этот период и имели место разговоры с ним о делах арестованных сотрудников.

МИХАЙЛОВ был арестован в первые дни моей работы в УНКВД по резолюции УСПЕНСКОГО, наложенной им на справке Отдела кадров, но, был ли у меня с ВАРАКОВЫМ разговор о МИХАЙЛОВЕ, не помню.

О КОЛБАСЕНКО с ВАРАКОВЫМ я говорил, будучи под впечатлением заявленных мне жалоб, что у него тенденция к освобождению арестованных. Тогда же я сказал, что жена КОЛБАСЕНКО крепко проходит по показаниям ИГНАТОВА, и предложил поинтересоваться делом в этом направлении. У меня просили санкцию на применение к КОЛБАСЕНКО физического воздействия, но я такой санкции не дал, однако перед самым арестом мне стало известно, что КОЛБАСЕНКО все же били. О наличии документов и справок, реабилитировавших КОЛБАСЕНКО, мне ничего известно не было.

Дела на сотрудников у ВАРАКОВА забрали не потому, что ему не доверяли, а по той причине, что была организована специальная следственная группа по этой категории дел. В эту группу, в целях полной объективности следствия, были назначены сотрудники из райотделов.

Я отвергаю утверждение ВАРАКОВА об угрозе ему арестом за постановку вопроса об освобождении арестованных. Был случай, что ко мне пришел АКИМОВ с жалобой, что ВАРАКОВ не выполняет его распоряжений. Я вызвал ВАРАКОВА, предупредил его и в связи с этим, возможно, здесь угрожал арестом.

МОЖЕЙКО я знал с 1933 года. У него был туберкулёз горла, и он еле ходил. После ареста МОЖЕЙКО на него у меня просили «санкцию», но, я, учитывая его состояние здоровья, в применении к нему физического воздействия отказал, все же то ли ПАВЛЫЧЕВ, то ли кто-то другой, пару раз его ударил. На следующий день мне сообщили, что он умер и принесли кучу документов врачей, что смерть последовала не от применения физического воздействия, а в результате болезни, которой МОЖЕЙКО страдал. Расследования по этому поводу я не проводил, так как вскоре был сам арестован.

ТАУБЕ – быв. начальник РО НКВД. После ареста он дал показания о том, что им завербовано в организацию 11 сотрудников. Для проверки мы арестовали 2-х человек, и после их допроса я увидел, что здесь что-то не то. Вызвал к себе ТАУБЕ, и он вынужден был признать свою клевету. Арестованные были освобождены, и я ещё предупреждал на этом факте, что к показаниям нужно подходить критически. При этом приводил примеры по наркомату, когда там ЯКОВЕНКО дал показания на 60 чел., а ТЕЛИШЕВСКИЙ⁷ оклеветал более ста, и предупреждал, чтобы у нас таких казусов не было.

В 21.20 объявлен перерыв судзаседания.

В 21.40 судебное заседание продолжается.

Свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ Михаил Михайлович, зам[еститель] нач[альника] ЭКО УНКВД, подсудимого знает, столкновений личного порядка с ним не было, близости также, в бытность его нач[альником] УНКВД работал зам[естителем] нач[альника] 3 отдела, показал:

В производстве 3-го отдела УНКВД находилось дело по обвинению нач[альника] городской пожарной команды БРЯНЦЕВА в шпионаже и в принадлежности к украинской националистической к-р организации. В предъявленном обвинении БРЯНЦЕВ сознался и как участник организации дал быв. нач[альника] ОПО УНКВД КАПУСТИНА и нач[альника] УПО ДАБКО. Протокол показаний БРЯНЦЕВА был доложен ДОЛГУШЕВУ, но потом, когда потребовался арест КАПУСТИНА, ДОЛГУШЕВ в санкции на это отказал, ссылаясь на то, что УСПЕНСКИЙ против ареста, и КАПУСТИН был переведён в другое УНКВД. Дело БРЯНЦЕВА было доложено на тройке, и последняя осудила его по 1-й категории. В повестках к тройке указывалось, что по показаниям БРЯНЦЕВА проходят КАПУСТИН и ДАБКО, но ДОЛГУШЕВ вернул эти повестки и предложил фамилии ДАБКО и КАПУСТИНА исключить.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ на вопросы суда:

Относительно МОЖЕЙКО мне известно, что он умер за столом во время его допроса. Этот вопрос разбирался на парт. собрании и совсем недавно расследовался. На собрании было установлено, что к МОЖЕЙКО в кабинете СТРОИЛОВА применялись меры физического воздействия при допросе его СТРОИЛОВЫМ и ПАВЛЫЧЕВЫМ. В какой мере причастен к этому ДОЛГУШЕВ, не знаю.

⁷ У документі помилково через літеру «е» у другому складі – Телешевский.

На оперативных совещаниях ДОЛГУШЕВ предупреждал против применения к арестованным мер физического воздействия и требовал, чтобы в необходимых случаях испрашивали санкцию на это у него или у наркома. Применял ли он какие-либо меры к тем, кто нарушал эти его указания, не знаю.

Работника УНКВД ШЕХМАНА я знаю. Помню, что он был арестован, но за что, не знаю.

Указания как можно скорее закончить дела ДОЛГУШЕВЫМ давались. В тот период было большое упрощенство в работе, чуть ли не доводились нормы по ведению следствия, и от этого страдало качество.

Мне лично неправильных и незаконных указаний ДОЛГУШЕВ не давал.

На собрании по вопросу деятельности ДОЛГУШЕВА в УНКВД говорилось о неправильном руководстве со стороны ДОЛГУШЕВА аппаратом, об искривлениях, и было вынесено решение о снятии его с работы. Речь там, в основном, шла о работе тройки, о том, что вопреки приказу по тройке пропускались дела на сотрудников НКВД и специалистов, но, насколько помнится, в последнее время ДОЛГУШЕВ эти категории обвиняемых уже на тройку не пускал. Осуждённые тройкой специалисты являлись техниками, инженерами.

Я лично физических методов при допросе арестованных не применял, этого в моей практике не было.

Подсудимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Я не помню, чтобы в своих показаниях на предварительном следствии указывал на ЦИРУЛЬНИЦКОГО как на применявшего извращённые методы следствия. Возможно, говорил об отделе, где это практиковалось, и фамилию ЦИРУЛЬНИЦКОГО привел для того, чтобы указать, какой это отдел.

Подсудимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

БРЯНЦЕВ дал показания, что является агентом иностранной разведки и в то же время состоит членом украинской националистической организации, куда якобы завербован КАПУСТИНЫМ, и что ДАБКО – также член этой организации. Вторая часть его показаний вызвала у меня сомнение, я лично подробно беседовал с БРЯНЦЕВЫМ, но ничего путного, членораздельного он сказать не мог, и у меня сложилось твёрдое убеждение, что показания в части КАПУСТИНА и ДАБКО – «липа». Такое же мнение высказывали следователь и сам ЦИРУЛЬНИЦКИЙ. К тому же нужно учесть, что БРЯНЦЕВ был уволен с работы по настоянию КАПУСТИНА. Убеждение в ложности показаний БРЯНЦЕВА относительно КАПУСТИНА и ДАБКО ещё больше укрепилось у меня, когда, говоря о вредительской деятельности организации, он, как вредительство, приволил факты неосвоения стройки. Эта же отрасль мне хорошо была известна.

ЦИРУЛЬНИЦКИЙ говорит о связи КАПУСТИНА с УСПЕНСКИМ, о том, что последний покровительствовал ему. Между тем, за неудачный выезд на пожар УСПЕНСКИЙ «разделал» КАПУСТИНА и направил его

в Ворошиловградскую область, куда тому было опасно ехать по состоянию здоровья.

Исходя из всего, я говорил, что с делом БРЯНЦЕВА нужно хорошенько разобраться. И потому в конечном итоге на тройку он был представлен только как иностранный агент.

В 22.15 объявлен перерыв судзаседания до 10 час. 12-го августа.

12 августа, в 10.55, судебное заседание продолжается.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ Леонид Михайлович, нач[альник] моботдела Ушосдора, в бытность подсудимого начальником УНКВД работал его заместителем в течение 2½ месяцев, член ВКП(б), показал:

В УНКВД по Киевской области я работал в должности заместителя начальника УНКВД с конца июля по октябрь м-ц 1938 года. Направляя меня в УНКВД, УСПЕНСКИЙ сказал, что там тяжёлое положение, много арестованных, и нужно помочь разгрузить УНКВД от следствия, а тюрьмы – от арестованных. При мне на территории области и в самом УНКВД работало несколько оперативно-следственных групп, в том числе и одна по арестованным сотрудникам. Мы прилагали все усилия, чтобы разгрузиться, но к моему уходу полной разгрузки достигнуто не было.

Мне известно, что по письменному распоряжению УСПЕНСКОГО, т.е. по списку, им утверждённому, было пропущено по тройке несколько человек – сотрудников НКВД.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

В самом УНКВД я в то время особых неправильностей не наблюдал, но, нужно сказать, что тогда было очень много арестованных, дела полностью не доследовались, и в следственной работе практиковалось упрощенство.

Руководство следствием возлагалось на меня. Большую часть утверждённых мною дел на тройку я не просматривал, так как в то время такая была обстановка и столько дел, что с этим физически нельзя было справиться. Нужно прямо сказать, что утверждённых мною на тройку дел я, как полагается, не знал. Однако считаю, что обвиняемые по этим делам осуждены, в основном, правильно, и оснований считать, что по тройке прошли невиновные, у меня нет.

На заседаниях тройки я иногда присутствовал. Дела там докладывались сотрудниками, непосредственно их ведшими, и, если возникали у членов тройки сомнения, оглашались выдержки из показаний свидетелей и самих обвиняемых.

Случаи неправильного ведения следствия имели место, но их исправляли на ходу, однако привести конкретные факты сейчас не могу, так как работал всего 2½ месяца.

Дела о сотрудниках на тройку прошли мимо меня. Я их не утверждал и о них узнал постфактум. Поступили они из наркомата при списке, который был утверждён УСПЕНСКИМ. Согласно приказу, такие дела тройке подсудны не были, и мне известно, что ДОЛГУШЕВ несколько раз откладывал их рассмотрение, пока не пришло письменное распоряжение заслушать их.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Письменное распоряжение – это утверждённый наркомом список подлежащих рассмотрению дел.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

МОЖЕЙКО по национальности – эстонец или латыш и до 1935 г. числился иноподданным, работая в органах НКВД. Брат его расстрелян. Арестован он был до моего прихода в УНКВД, и СТРОИЛОВ докладывал мне, что он дерзок и отказывается отвечать на вопросы. Просил дать санкцию на применение к нему физического воздействия. Я был согласен, но всё же посоветовался с ДОЛГУШЕВЫМ. Тот также не возражал, но предупредил, что МОЖЕЙКО болен и чтобы не перегнули. На допросе МОЖЕЙКО не говорил, и чтобы проверить, не симулирует ли он, я, после этого разговора с ДОЛГУШЕВЫМ, 2–3 раза ударил МОЖЕЙКО ладонью по лицу. Он действительно не мог говорить, а только хрипел. На следующее утро СТРОИЛОВ позвонил мне о том, что МОЖЕЙКО умер, и я дал распоряжение оформить смерть соответствующим актом врача. Акт был составлен, и на основании его дело о МОЖЕЙКО прекратили. По-моему, вскрытия трупа МОЖЕЙКО произведено не было, и акт составился на основании только наружного осмотра. Мои 2–3 пощечины причиной смерти МОЖЕЙКО послужить не могли, однако, били ли его после меня, сказать не могу. В акте смерть МОЖЕЙКО врач констатировал как наступившую от туберкулёза горла и ещё каких-то болезней.

ДОЛГУШЕВУ о смерти МОЖЕЙКО было доложено, и сделал это, по-моему, СТРОИЛОВ. Расследование и вскрытие трупа не производилось потому, что заключение о причинах смерти врачом уже было дано, а СТРОИЛОВ в беседе со мной говорил, что после моего ухода МОЖЕЙКО больше никто не бил.

Случаи применения к арестованным физического воздействия в УНКВД имели место, и сигналы об этом доходили как ко мне, так и к ДОЛГУШЕВУ. В связи с этим на оперсовещании ДОЛГУШЕВ запретил без его участия применять такие меры и на применение их требовал в каждом отдельном случае спрашивать санкцию у него или его заместителя. Контролировать, как выполняется это указание, было трудно, но после того сигналов об избиении арестованных к нам больше не поступало.

Санкции на применение к арестованным физического воздействия приходилось давать не особенно часто, и давались они лишь после доклада всех материалов дела.

Случая, чтобы ко мне попало заявление жены арестованного о применении к арестованным физических мер воздействия на допросе, а я якобы дал распоряжение вместо проверки изложенных в нём фактов установить, как такие сведения просачиваются из тюрьмы, не помню.

Применение с санкции командования мер физического воздействия к отдельным арестованным я не считал незаконным явлением, так как на этот счет имелось соответствующее указание, и, кроме того, необоснованно они не применялись. Обоснованно ли была дана санкция на применение таких мер к МОЖЕЙКО, затрудняюсь сказать, так как сейчас не помню уже всех обстоятельств его дела.

Свид[етель] ВАРАКОВ на вопросы суда:

Дело по обвинению МОЖЕЙКО после его смерти прекращал я. Кроме выписки из личного дела, а также справки о том, что брат его осуждён, там ничего не было. Об аресте брата МОЖЕЙКО не скрывал и сам же сообщил об этом рапортом командованию. Дело МОЖЕЙКО мною было прекращено на основании акта врача о смерти.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

В деле МОЖЕЙКО подозрительным являлся факт пребывания МОЖЕЙКО в иностранном подданстве, несмотря на работу в органах, и это обстоятельство давало повод подозревать его в шпионаже. Кроме того, он был дерзок, отказывался разговаривать со следователем. Считаю, что оснований на применение к нему мер физического воздействия всё же было недостаточно, но, применяя эти меры, я руководствовался стремлением заставить его говорить.

КОЛБАСЕНКО был арестован также до моего прихода на работу в УНКВД. Дело его мне доложил ВАРАКОВ, и оказалось, что КОЛБАСЕНКО вёл разоблачительную линию в отношении⁸ врагов. Однако на жену КОЛБАСЕНКО, умершую незадолго до его ареста, у нас имелись агентурные материалы о том, что она была связана с польскими и японскими консулами, и поэтому я посоветовался с ДОЛГУШЕВЫМ. Мы решили, что КОЛБАСЕНКО нужно освободить, но предварительно проверить, нет ли и у него связи с консульствами через жену. Такое указание дали ВАРАКОВУ, но он его не выполнил. Освобождён был КОЛБАСЕНКО при ДОЛГУШЕВЕ, вскоре после моего ухода из УНКВД. Считаю, что задержка в его освобождении была вполне законна.

Свид[етель] ВАРАКОВ на вопросы суда:

Никаких данных о связи жены КОЛБАСЕНКО с консулами не было, за исключением одной выписки из донесения неизвестного источника, однако проверить этот факт не представлялось возможным. Поэтому я и не мог выполнить указания в этой части.

ПАВЛЫЧЕВУ дело КОЛБАСЕНКО я докладывал дважды, представил и реабилитирующие его документы, но ПАВЛЫЧЕВ, оставив у себя дело, документы предложил забрать.

В кабинете у ДОЛГУШЕВА разговор о деле КОЛБАСЕНКО шёл в присутствии ПАВЛЫЧЕВА, и ДОЛГУШЕВ и накричал тогда на меня за то, что я собрал реабилитирующие КОЛБАСЕНКО документы.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

ВАРАКОВ вёл следствие односторонне, только в сторону реабилитации и не проверил данных аг[ентурного] источника.

Допускаю, что я мог не взять у ВАРАКОВА реабилитирующие КОЛБАСЕНКО документы. Такой жест сделал по той причине, что у нас уже было мнение об освобождении КОЛБАСЕНКО.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ на вопросы суда:

Мне, как и другим сотрудникам, известно, что МОЖЕЙКО скончался на допросе в результате применения к нему физических мер. Говорили, что допрашивали его тогда СТРОИЛОВ и ПАВЛЫЧЕВ.

⁸ У документі – по отношению.

Один из арестованных ухитрился передать на волю заявление об извращённых методах следствия. На этом заявлении ПАВЛЫЧЕВ наложил резолюцию расследовать, каким путем заявление проникло из тюрьмы, а конкретные факты извращения следствия оставил без реагирования.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Такого случая не помню, но не хочу и отрицать его: я бы и сейчас потребовал расследовать нелегальный путь пересылки на волю писем.

Функции между мною и ДОЛГУШЕВЫМ строго разграничены не были, и полностью ответственность за следствие на меня переложена не была.

По всем вопросам, затронутым здесь в отношении меня, уже проводилось расследование, и сделаны выводы — перевод меня на неоперативную работу.

Утверждённый УСПЕНСКИМ список дел сотрудников для рассмотрения тройкой я расцениваю как прямой приказ наркома. До того, как мне известно, ДОЛГУШЕВ стремился отказаться от рассмотрения этих дел и высказывал возмущение таким распоряжением.

Помимо дел, присланных из наркомата, через тройку прошли также 3 сотрудника и 4 специалиста по делам, сфальсифицированным без ведома ДОЛГУШЕВА работниками УНКВД.

Данных о том, что на тройке вычёркивались сведения о социальном положении обвиняемых, не имею и таких фактов не допускаю.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Были такие факты, и о них я уже здесь говорил.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Никаких оснований подозревать ДОЛГУШЕВА в участии в заговоре у меня не было. Его я до совместной работы хорошо не знал, но мне были известны отзывы о нём как о хорошем коммунисте и работнике.

К моменту моего прихода в УНКВД там было около 3¼⁹ тысяч арестованных. Сколько из них [было] несознавшихся, не знаю.

«Санкции» применялись к несознавшимся при наличии достаточных материалов. Возможно, в отдельных случаях «санкции» были и не обоснованы.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА:

Были случаи, когда ДОЛГУШЕВ, заподозрив «липу» в делах по Б[елой]-Церкви, несколько раз высылал туда для перепроверки опер. работников, в том числе и меня. В результате несколько арестованных были освобождены.

Случая, чтобы в моем присутствии ДОЛГУШЕВ ругал и угрожал КЛЕЙМАНУ за то, что тот дает мало дел, не было.

Свид[етель] ВАРАКОВ на вопросы суда:

В моем присутствии ДОЛГУШЕВ ругал по телефону КЛЕЙМАНА за то, что он дает мало дел, и потом сказал ПАВЛЫЧЕВУ: «Езжайте и предупредите, что если к такому-то числу не будет столько-то дел, то

⁹ Так у документі. Йдеться про три з чвертю тисячох, тобто про число 3250.

КЛЕЙМАН поедет в лагерь». Это может подтвердить и присутствовавший тогда в кабинете ДОЛГУШЕВА КАРАФЕЛОВ.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Я отрицаю это. КЛЕЙМАН со своей работой справлялся, и на него нажимали меньше, [чем на] других.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

КЛЕЙМАН и сам отрицает это.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

ДОЛГУШЕВ говорил мне о намерениях УСПЕНСКОГО перевести его на работу в Милицию и расценивал это как недоброжелательное отношение к нему УСПЕНСКОГО.

На оперативном совещании по вопросу обеспечения октябрьских праздников 1938 года ДОЛГУШЕВ докладывал свой план и высказал предложение о создании при УНКВД штаба. УСПЕНСКИЙ в присутствии всех осадил и оконфузил ДОЛГУШЕВА. При этом заявил ему: «Что, вы на мое место хотите».

В 12.05 объявлен перерыв судзаседания.

В 12.20 судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии свидетеля ТРЕЩОВА из Кагарлыкского р-на.

Вызванный свидетель ТРЕЩОВ Леонид Никанорович, нач[альник] Кагарлыкского РО НКВД, подсудимого знает с 1938 г., при нём работал в УНКВД нач-ком отделения, личных счетов с ним не имеет, в близких отношениях также не состоял, будучи предупрежден Председательствующим об ответственности за дачу суду ложных показаний, показал:

Я был вызван ДОЛГУШЕВЫМ для доклада на тройке дел, возвращённых из Москвы. В числе других дел мною было доложено дело на 2-х работников строительства НКВД УССР, а когда тройка закончила свою работу, мне стало известно, что эти дела ей не были подсудны. До того же я и другие работники об этом не знали, так как ДОЛГУШЕВ нас не информировал, какие дела нельзя пропускать по тройке.

Были случаи, что на тройке ДОЛГУШЕВ сам вычёркивал и изменял данные о должности обвиняемых и вместо «инженер» или «бухгалтер строительства НКВД» писал «без определённых занятий». В двух случаях я лично был свидетелем этого, но конкретно этих дел я уже не помню.

Мне было поручено следствие по делу арестованного ДОЛИНЫ. ДОЛГУШЕВ все время нажимал, чтобы это дело скорее закончить на Военный трибунал, однако, я поставил вопрос об освобождении ДОЛИНЫ ввиду отсутствия на него достаточных материалов. В ответ ДОЛГУШЕВ мне заявил: «Что, врагам потакаете? Нужно посмотреть, что вы собой представляете». Впоследствии ДОЛИНА всё же был освобождён.

Свид[етель] ТРЕЩОВ на вопросы суда:

Я помню, что на одном оперативном совещании ДОЛГУШЕВ говорил, что без него или его заместителя санкции и их непосредственного участия применять физические меры воздействия к арестованным запрещается. Но, наряду с этим, был такой случай. Арестованный ПОРТАНЕ, над

которым я работал, не давал мне показаний. ДОЛГУШЕВ, войдя ко мне во время допроса ПОРТАНЕ и узнав, что последний не даёт показаний, в моём присутствии ударил его. ПОРТАНЕ по этому поводу даже сказал: «Ещё орденоносец, а дерётся».

Перед тем, как ударить ПОРТАНЕ, ДОЛГУШЕВ прочитал в деле имевшуюся на этого арестованного справку, в которой значилось, что ПОРТАНЕ – немец и подозревается в шпионаже. Я считаю, что необходимости применять к ПОРТАНЕ физическое воздействие не было.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Был ли такой случай с ПОРТАНЕ, не помню, но и отрицать его не могу.

Не помню также случая и относительно ДОЛИНЫ.

Показания ТРЕЩОВА о вычёркиваниях, очевидно, относятся к тем фактам, о которых я уже говорил здесь. Что касается изменения мною данных о социальном положении арестованного быв. бухгалтера, то я это сделал на том основании, что этот арестованный уже за год до ареста не работал нигде, и потому считаю, что поступил правильно.

Свид[етель] ТРЕЩОВ на вопросы суда:

Перед тем, как доложить дела на тройке, я знакомился с ними. В делах были признания арестованных и показания свидетелей.

В 12.45 объявлен перерыв судзаседания до 11 час. 13/VIII–40 г.

13/VIII–40 г., в 11.35, судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил, что свидетель КОЛЕСНИКОВ, возвращение которого из командировки ожидалось утром 13 августа, в судебное заседание не прибыл. По наведённой в облпрокуратуре справке, он продолжает находиться в командировке и когда возвратится, неизвестно.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ возбудил ходатайство:

«Моя деятельность по УНКВД проходила в общении с начальниками следственных групп. Им известно о моем запрещении применять к арестованным физическое воздействие, о требовании надлежащего оформления дел и о том, что я сам ездил по этим группам и допрашивал арестованных. Прошу поэтому вызвать и допросить в качестве свидетелей: ЛИВШИЦА – быв. нач[альника] Черкасской следгруппы, ЛОСЕВА – быв. нач[альника] Броварской следгруппы и КЛЕЙМАНА – быв. нач[альника] Киевской следгруппы.

Кроме того, прошу вызвать:

ВОРОБЬЁВА – быв. коменданта УНКВД – в подтверждение того, что я давал ему задание проверять, как выполняется следователями моя установка о запрещении физических методов при допросе.

СМИРНОВА – быв. нач[альника] ДТО – в подтверждение того, что тройкой было снято с рассмотрения более ста дел только по одному его отделу.

Вахтёра внутренней тюрьмы НКВД УССР, фамилии не знаю, который подтвердит, что арестованный КОЗЛОВ, писавший в заявлении о моих

якобы антисоветских высказываниях¹⁰, – провокатор и в день подачи заявления лишился рассудка».

ВТ, совещаясь на месте, вынес определение:

Обсудив ходатайство подсудимого о вызове дополнительных свидетелей и принимая во внимание, что все они, по заявлению подсудимого, могут подтвердить одни и те же обстоятельства, ВТ

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Удовлетворить ходатайство подсудимого в части вызова и допроса в качестве свидетелей ЛИВШИЦА и КЛЕЙМАНА.

2. В вызове свидетелей ЛОСЕВА, ВОРОБЬЁВА и СМИРНОВА отказать по мотивам, изложенным выше.

3. Также отклонить ходатайство подсудимого о вызове вахтера внутренней тюрьмы, так как эпизод, по которому он может дать объяснения, подсудимому не инкриминируется.

4. В связи с поступившим заявлением сотрудника УНКВД РОЗЕНФЕЛЬДА об известных ему фактах, имеющих прямое отношение к настоящему делу, вызвать РОЗЕНФЕЛЬДА и допросить в качестве свидетеля.

5. Кроме того, для выяснения обстоятельств и причин смерти на допросе арестованного сотрудника МОЖЕЙКО, истребовать для обозрения следдело на него.

Вызванный свидетель ЛИВШИЦ Семён Николаевич, нач[альник] Черкасского РО НКВД, подсудимого знает, личных счетов с ним не имеет, в близких отношениях также не состоял, после предупреждения его Председательствующим об ответственности за дачу суду ложных показаний, на вопросы подсудимого ответил:

На работу в Черкасское РО НКВД я прибыл в 1938 году. За РО НКВД в то время числилось до 300 арестованных, и на меня были возложены обязанности нач[альника] следственной группы. В работе следственной группы я руководствовался указаниями ДОЛГУШЕВА. Вражеских установок он мне не давал.

До назначения ДОЛГУШЕВА начальником УНКВД аресты у нас производились по спискам. ДОЛГУШЕВ такой порядок отменил, и по его распоряжению для ареста впредь требовалось представлять отдельные справки с приложением оперативных материалов, причём были случаи, что ДОЛГУШЕВ для проверки правильности изложенного в справке требовал представить все дело.

Были также случаи, что ДОЛГУШЕВ приезжал с работниками в след-группу и передопрашивал арестованных. После этого созывал совещание, указывал на недочёты следствия и настаивал на качестве его.

Свид[етель] ЛИВШИЦ на вопросы суда:

Лично ДОЛГУШЕВ у нас в группе передопрашивал двух арестованных. Случаев, чтобы он применял к арестованным физическое воздействие, не было.

¹⁰ У документі помилково – взысканиях.

В моей группе отдельные случаи применения следователями к арестованным физических методов воздействия имели место. Я об этом докладывал ДОЛГУШЕВУ, и он всегда на совещаниях говорил, что бить арестованных без его разрешения нельзя.

Разговоров о том, что ДОЛГУШЕВ на районы выезжает с грузовой автомашиной, чтобы везти на ней оттуда арестованных сотрудников, я не слышал.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ пояснил:

Это было заявление КАПУСТИНА, будто бы я в разговоре с ним говорил, что аппарат НКВД так запущен, что при выезде на район хоть бери с собой грузовую машину.

Свидетель КЛЕЙМАН Илья Наумович, зам[еститель] нач[альника] 3 отдела УНКВД, личных счетов с подсудимым не имеет, после предупреждения его Председательствующим об ответственности за дачу суду ложных показаний, показал:

При ДОЛГУШЕВЕ я работал начальником следственной группы, которую принял в июне 1938 г. и за которой в то время числилось более 200 человек. Все они были арестованы без санкции прокурора и так сидели уже месяц и при ДОЛГУШЕВЕ. Дел на них не было, в лучшем случае имелись папки с анкетами.

Физические меры к арестованным в УНКВД начали применяться ещё до прихода туда ДОЛГУШЕВА. В его бытность в УНКВД слышал, что они имели применение в 3-м отделе, но лично меня ДОЛГУШЕВ предупреждал не допускать избиения, а в случае необходимости в применении физического воздействия докладывать ему, и он сам придет.

В следгруппу чаще приезжал ПАВЛЫЧЕВ, а ДОЛГУШЕВ бывал там реже, но неоднократно были случаи, что, зайдя к следователю во время допроса, ДОЛГУШЕВ в его присутствии бил арестованного.

ПАВЛЫЧЕВ также применял физическое воздействие к арестованным, но большей частью делал это только в присутствии старых следователей.

В процессе партрасследования о ДОЛГУШЕВЕ было выявлено несколько случаев изменения им данных о социальном положении обвиняемых по рассмотренным на тройке делам: обвиняемый числился инженером, а ДОЛГУШЕВ перечёркивал и своей рукой дописывал «служащий». Смысл этого изменения, по-моему, в том, чтобы больше пропустить по тройке людей, и так как инженер подсуден тройке не был, то и изменяли на служащего.

Нажим дать побольше дел, обвинение в плохой работе — всё это было обычным явлением, причём зачастую делалось это в грубой форме. ВАРАКОВ рассказывал мне, что однажды присутствовал в кабинете ДОЛГУШЕВА, когда тот ругал меня по телефону за малое количество дел и после этого якобы предложил ПАВЛЫЧЕВУ: «Езжайте и скажите, что, если не будет перемены, то КЛЕЙМАН пойдет в лагерь». Ругал меня ДОЛГУШЕВ часто, но действительно ли в отношении меня давал такое распоряжение ПАВЛЫЧЕВУ, не знаю, и ПАВЛЫЧЕВ мне об этом ничего не говорил.

Свид[етель] КЛЕЙМАН на вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА:

При ДОЛГУШЕВЕ из числа арестованных, числившихся за следгруппой, было освобождено человек 30.

Часть дел документировалась более или менее прилично, но большая часть заканчивалась упрощённым путем.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

В числе специалистов, пропуск которых по тройке инкриминируется мне, имеются 2 специалиста, дела на которых докладывал на тройке КЛЕЙМАН, и во всех документах, составленных им, эти лица специалистами не значились, а проходили как техники-строители.

Свидетель КЛЕЙМАН на вопросы суда:

У меня был один арестованный, фамилии его не помню, который в своё время окончил институт, но диплома не имел и нигде не работал. Об этом доложил ПАВЛЫЧЕВУ или СПЕКТОРУ, сейчас уже точно не помню, и мне было разъяснено, что раз у него не имеется соответствующих документов, то инженером его считать нельзя. На тройке, когда я докладывал это дело, мне был задан вопрос, является ли обвиняемый инженером или нет. Я объяснил, что обвиняемый за всё время своей работы не занимал должности выше десятника, и мне тогда сказали, что так должно быть указано и в документах на него. В связи с этим, там же на заседании тройки я внёс это изменение в свой экземпляр повестки, а в остальных повестках сделали изменения сами члены тройки. Изменение касалось только должности обвиняемого, о том же, что он окончил институт, сведения так и остались.

Свидетель ВАРАКОВ на вопросы суда:

Я присутствовал в кабинете ДОЛГУШЕВА, когда он ругал по телефону КЛЕЙМАНА за то, что у того мало дел. В это время в кабинет вошел ПАВЛЫЧЕВ, и ДОЛГУШЕВ сказал ему, чтобы он поехал к КЛЕЙМАНУ и предупредил, что, «если не будет дел, то он, КЛЕЙМАН, сам пойдет в лагерь».

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Такого случая не было.

Свидетель КЛЕЙМАН на вопросы суда:

По телефону ДОЛГУШЕВ «крыл» меня неоднократно, но был ли случай, о котором говорит ВАРАКОВ, я не могу знать, и о нём мне стало известно только со слов самого ВАРАКОВА.

Я подтверждаю, что у нас в след. группе ДОЛГУШЕВ применял физические меры к арестованным. Перед тем, как сделать это, он просматривал имевшиеся на этих арестованных материалы. Последние в большинстве случаев были жиденькие.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Следователям я, как правило, не разрешал применять к арестованным меры физического воздействия и в отдельных случаях, когда это требовалось, физическое воздействие применял сам. Считал, что этим я сдерживаю аппарат от избияния арестованных.

Свидетель РОЗЕНФЕЛЬД, начальник отделения 2-го отдела УНКВД по Киевск[ой] обл., личных счетов с подсудимым не имеет, будучи предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, показал:

В конце 1937 года в Киеве был арестован инженер судоремонтного завода ЗАЙД. Точно не помню, в бытность ли начальником УНКВД ДОЛГУШЕВА или ещё до него, ЗАЙД дал признание, что является английским шпионом и занимался вредительством. Кроме того, показал, что им завербовано по заводу 12 человек. Из названных им лиц было арестовано три комсомольца, работавшие на заводе техниками, и тройка осудила их по 1-й категории. Сам же ЗАЙД от своих показаний потом отказался и был освобожден. Дела арестованных по его показаниям трех комсомольцев на тройке докладывал БЕРМАН, работающий начальником Сквирского РО НКВД. В бытность мою в Сквире БЕРМАН по этому поводу мне рассказал следующее. Двое из названных арестованных были объединены в одно дело, а на третьего заведено отдельно. Докладывая эти дела на тройке, БЕРМАН посчитал, что по ним проходят только двое обвиняемых, и потому в отношении двоих и доложил материал. На следующий день, обнаружив ошибку, пошел к ДОЛГУШЕВУ и доложил об этом. По словам БЕРМАНА, ДОЛГУШЕВ взял повестки и от имени тройки единолично вынес решение о расстреле и этого обвиняемого. Материалы об этом были переданы особоуполномоченному.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Этого дела я не помню. Не помню и случая, о котором говорит РОЗЕНФЕЛЬД, и он вообще невозможен.

Случай, что ЗАЙД был освобожден, а проходившие по его показаниям лица осуждены, мог иметь место в результате искривлений со стороны следователей.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Дела ЗАЙДА я совершенно не помню.

Суду представлено истребованное им дело на МОЖЕЙКО. После обозрения дела суд удостоверяет, что оно состоит из справки отдела кадров, постановления о привлечении МОЖЕЙКО к ответственности по подозрению в шпионаже, трех протоколов допроса, в которых МОЖЕЙКО категорически отрицает обвинение его в шпионаже, рапорта о смерти МОЖЕЙКО с резолюцией ДОЛГУШЕВА «В архив» и акта вскрытия трупа МОЖЕЙКО без указания в нем причин смерти.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Как я уже говорил, МОЖЕЙКО был арестован до моего прихода в УНКВД. Основанием к его аресту послужили данные, что он – то ли быв. офицер, то ли иностранно-подданный.

Председательствующий удостоверил, что в справке на арест МОЖЕЙКО таких данных о нем нет.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ на вопросы суда:

Расследования по поводу смерти МОЖЕЙКО я не проводил по той причине, что лично дал указание, в том числе и ПАВЛЫЧЕВУ, не трогать МОЖЕЙКО, так как знал состояние его здоровья, а СТРОИЛОВ мне доложил, что, кроме двух пощечин, нанесенных МОЖЕЙКО ПАВЛЫЧЕВЫМ, никто его не избивал. На основании этого доклада и

справки врача я был убежден, что смерть МОЖЕЙКО естественна и не является результатом избиения.

Свид[етель] ВАРАКОВ на вопросы суда:

Постановление о прекращении дела МОЖЕЙКО за смертью его написал я. СТРОИЛОВ это дело дал мне вместе с моими и сказал, что следователь, который вел его, находится в командировке, и чтобы поэтому я, когда буду оформлять свои дела, оформил и его. Я так и сделал, и на этом мое отношение к делу МОЖЕЙКО окончилось.

Врач в составленном акте вскрытия трупа МОЖЕЙКО не указал причин смерти, но я должен сказать, что мне известен случай, когда арестовали врача тюремной больницы за то, что он оказал медпомощь арестованному ЗАГОРСКОМУ.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ на вопросы суда:

Я считал, что представленный акт врача о вскрытии трупа МОЖЕЙКО вполне достаточен для прекращения дела без дальнейшего расследования, и потому утвердил постановление об этом.

Я только пару раз ударил МОЖЕЙКО по лицу ладонью и пришел к выводу, что применять к нему физическое воздействие ввиду болезненного его состояния нельзя. Такое мнение было и у СТРОИЛОВА, и потому я был уверен, что больше МОЖЕЙКО не били, а нанесенные мною пощечины не могли повлечь за собой смерть.

На МОЖЕЙКО имелись материалы о том, что, работая в органах, он продолжал состоять в иноподданстве. Почему этих материалов нет в деле, не знаю. Имел ли он иностранный паспорт и чем доказывалось его иноподданство, не помню.

Председательствующий удостоверил, что в деле МОЖЕЙКО никаких данных о его иноподданстве нет. В справке отдела кадров имеется лишь указание о том, что у матери МОЖЕЙКО были похищены документы на въезд в Латвию, выданные ей Наркоминделом и Латвийской миссией в Москве.

Свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ пояснил:

Нет, были и другие материалы о его иноподданстве, но где они, не знаю.

В 12.15 объявлен перерыв судзаседания.

В 12.30 судебное заседание продолжается.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ на вопросы суда:

Со слов КАРАФЕЛОВА мне известно, что в момент смерти МОЖЕЙКО или во время избиения его присутствовал б[ывший] сотрудник УНКВД МАРЬЯНЧИК.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Для выяснения вопроса об обстоятельствах смерти арестованного МОЖЕЙКО вызвать и допросить КАРАФЕЛОВА.

Вызванный свидетель КАРАФЕЛОВ Семён Борисович, управляющий треста подсобных предприятий, ранее работал в УНКВД, откуда уволился по собственному желанию, будучи предупрежден об ответственности за дачу суду ложных показаний, на вопросы суда ответил:

У нас в УНКВД был заведен порядок представлять командованию каждое утро рапорта о проведенной за ночь работе. Однажды, написав такой рапорт, я пошел вручить его СТРОИЛОВУ, который в то время являлся начальником 9 отдела, но СТРОИЛОВА в его кабинете не застал. Он в тот момент находился вместе с ПАВЛЫЧЕВЫМ в соседней комнате, дверь в которую была открыта, и откуда слышались стоны МОЖЕЙКО. Подождав немного и видя, что СТРОИЛОВ не выходит, я пошел к себе и поручил МАРЬЯНЧИКУ отнести потом рапорт СТРОИЛОВУ. МАРЬЯНЧИК пошел и по возвращении сказал мне, что СТРОИЛОВ допрашивал МОЖЕЙКО, и последнему «так дали, что сидит весь мокрый и теперь будет давать показания». Это было перед выходным днем, а после выходного дня, утром, мне и всем работникам стало известно, что МОЖЕЙКО умер.

О ЦАПЕНКО мне ничего неизвестно, при избииении его ДОЛГУШЕВЫМ я не присутствовал, и был ли вообще такой случай, не знаю.

Вообще мне неизвестно, чтобы ДОЛГУШЕВ кого-либо избивал, не давал и мне установок применять физические меры воздействия, а к концу его пребывания в УНКВД я лично слышал, как он запрещал бить арестованных без его санкции на это.

Помню, я был свидетелем разговора ДОЛГУШЕВА по телефону с КЛЕЙМАНОМ. ДОЛГУШЕВ в строгой форме делал выговор КЛЕЙМАНУ, что у него не сознаются арестованные, и при этом расхваливал молодого работника ГОТКИСА. В это время зашел ПАВЛЫЧЕВ, и ДОЛГУШЕВ сказал ему: «Наведи там порядок и скажи КЛЕЙМАНУ, что, если он не хочет быть отправленным с Украины, пусть дает дела».

На вопрос Председательствующего подсудимому, имеет ли он чем дополнить судебное следствие, подсудимый ответил, что у него в дополнение к следствию больше ничего нет.

ВТ, посоветовавшись на месте, вынес определение:

Учитывая, что вызванный по делу свидетель КОЛЕСНИКОВ убыл в командировку и время возвращения его неизвестно, и принимая во внимание, что обстоятельства дела по инкриминируемому подсудимому ДОЛГУШЕВУ обвинению в достаточной степени выяснены, и что в связи с этим нет необходимости откладывать слушание дела до возвращения свид[етеля] КОЛЕСНИКОВА из командировки, а потому ВТ

ОПРЕДЕЛИЛ:

Ввиду ясности обстоятельств дела отказаться от заслушания показаний неявившихся свидетелей КОЛЕСНИКОВА, БЕРЕЖНОГО и СЛАВИНА и дело закончить слушанием в настоящем судзаседании.

Председательствующий объявил судебное следствие по делу законченным, после чего подсудимому было предоставлено последнее слово.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

«Своим выдвижением я обязан не УСПЕНСКОМУ, как это представлено в деле, а, скорее, секретарю обкома партии ХРУЩЁВУ¹¹, так как, будучи начальником I отдела, я довольно продолжительное время находился при нём и послужил достаточным объектом для изучения. Знал он меня и через моего брата, которого ещё в бытность в Москве он забрал к себе начальником политотдела метро. Кроме того, в апреле 1938 г. я лично предостернул против него теракт, а по показаниям в то время я уже являлся заговорщиком. Вот это внимание ко мне секретаря обкома и объясняет придирчивое отношение ко мне УСПЕНСКОГО, особенно за последнее время.

Когда я прибыл в УНКВД, там в то время было до 5000 арестованных. В большинстве люди сидели без допроса по несколько месяцев и без санкции прокурора. О Киевском УНКВД гремела слава как об УНКВД, где широко применяются физические методы к арестованным, и потому с первых же шагов я задался целью пресечь такое положение и не один раз говорил об этом на оперативных совещаниях. Здесь свидетели говорили об отдельных делах МОЖЕЙКО, КОЛБАСЕНКО и др., но совершенно не выявили моей линии принципиальной борьбы, которую я проводил против извращений. А ведь был не один десяток случаев, когда при докладе мне дел следователями я, чувствуя, что в деле не совсем все гладко, сам проявлял инициативу и давал указания по части ведения следствия для освобождения. Эти факты, а также вообще мое отношение к работе, могли в достаточной степени осветить начальники отделов, лучше других об этом знающие, но, несмотря на мои просьбы, их все же не допросили.

По вопросу работы тройки я все время просил допросить членов ее, но в этом также отказали. А они могли бы подтвердить, что я придирчиво относился к делам, которые проходили по тройке, и неоднократно снимал их и с рассмотрения. Ведь об этом с возмущением кричали как в наркомате, так и в УНКВД. С этой же целью, т. е. чтобы избежать ошибок, предотвратить возможность какой-либо заинтересованности и обеспечить контроль, я для оформления дел на тройку организовал не одну, а две группы.

ТРЕЩОВ здесь говорил, что он не знал, какие категории дел были неподсудны тройке. Это неправда. Ведь почти у каждого докладчика на заседаниях тройки спрашивали, нет ли у него дел на арестованных до 1 августа [1938 г.] и на специалистов. И ведь неоднократно были случаи, когда, при наличии сомнений в этой части, дела возвращались обратно для допроса обвиняемого.

Сначала меня обвинили в незаконном пропуске по тройке 64 сотрудников и специалистов, потом это число снизили, но и из оставшихся только 3–4 человека могут быть отнесены к категории специалистов. Остальные специалистами не являлись и работали техниками. За этих же 3–4 специалистов ответственность должен нести не я, а работники, обманным путем проташившие на тройку их дела.

¹¹ Тут і далі у документі помилково через літеру «о» у другому складі – ХРУЩОВУ. З 1934 р. М. С. Хрушов був першим секретарем Московського міського і обласного комітетів ВКП(б), а з січня 1938 р. – першим секретарем ЦК КП(б)У, а також Київського обкому і міськкому КП(б)У.

Из числа сотрудников на тройке рассматривались дела только на не имевших звания и работавших в неоперативных отделах. Делалось это по прямому указанию наркомата в лице УСПЕНСКОГО. СЛАВИН отрицает разговор по этому вопросу, но это понятно, так как он боится сам попасть в положение обвиняемого, однако можно, по-моему, разыскать записки, в которых он собственноручно писал, что дело такого-то сотрудника пока не рассматривать, так как его ещё следует передопросить, и т.п.

В деле имеется заявление арестованного КОЗЛОВА о моих якобы а[н-ти]/с[оветских] настроениях. Я заявляю, что это — провокация. В этом можно убедиться хотя бы из того, что он заявляет, что разговор я вёл с ним мимикой, а также на прогулках. Каким образом подобный разговор можно вести посредством мимики, я не представляю, на прогулки же я никогда не ходил, что может подтвердить весь надзорсостав тюрьмы. Кроме того, обращаю внимание на то, что письмо КОЗЛОВА датировано днём, когда он лишился рассудка, и его после этого из тюрьмы забрали. Я просил дать мне очную ставку с КОЗЛОВЫМ, однако в этом отказали, а заявление его всё же приобщили к делу.

Обвинение меня в участии в заговоре — явная ложь и сплошная провокация. В показаниях свидетелей по этому вопросу — цепь противоречий, и самим следствием эти свидетели разоблачены как клеветники. Разбор дела в отношении меня должен снять обвинение и с других честных работников, оклеветанных этими лицами.

Блиzkих отношений у меня с УСПЕНСКИМ не было. У него на дому я был всего два раза, хотя по роду своей работы в 1-м отделе обязан был бывать чаще. Такое же выдвижение, как я, получили все орденосцы, и мое назначение на должность нач[альника] УНКВД вовсе не объясняется моими отношениями с УСПЕНСКИМ. Наоборот, он недоброжелательно отнесся ко мне, был придиричив.

Прошу суд все это учесть.

В 14.00 суд удалился в совещательную комнату.

В 16.15 суд вышел из совещательной комнаты, и Председательствующий объявил приговор и разъяснил порядок его обжалования.

После объявления приговора Председательствующим было оглашено отдельное определение о возбуждении уголовного преследования против быв[шего] зам[естителя] нач[альника] УНКВД ПАВЛЫЧЕВА.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

До вступления приговора в законную силу мерой пресечения осужденному ДОЛГУШЕВУ оставить содержание под стражей.

В 16.20 судебное заседание было объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист 1 ранга

Короткин

Секретарь
военюрист

Писарев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 3, арк. 31–47 зв.
Оригінал. Машинопис.

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева

10, 12, 13 серпня 1940 р.

Сов. секретно

Дело № 0017 1940 г.

Форма № 1

**ПРИГОВОР № 35
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

1940 г., августа 10–13 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в г. Киеве

в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего *военного юриста 1 ранга т. Короткина*

и членов: 1. *лейтенанта госбезопасности т. Напалкова*

2. *мл. лейтенанта госбезопасности т. Борисенко*

при секретаре – *военном юристе т. Писареве,*

рассмотрев дело по обвинению быв. начальника Киевского обл.

Управления НКВД – капитана госбезопасности – ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича, 1902 г. рождения, происходящего из семьи рабочего ст. Пачелма того же р-на Тамбовской обл., по соц. положению служащего, образования низшего, женатого, не судимого, быв. члена ВКП(б) с 1929 г., ныне исключенного в связи с настоящим делом, русского, служившего в органах НКВД с 1929 г., – в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-1 [п.] «б», 54-7 и 54-11 Уг[оловного] Код[екса] УССР, – судебным следствием установил:

За время своей деятельности н[ачальни]ком Киевского обл. Управления НКВД – с июля 1938 по январь 1939 г. – обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ допустил преступно-небрежное отношение к выполнению своего служебного долга, а именно:

а) зная о том, что некоторыми работниками обл. управления допускаются извращённые методы при расследовании дел, ДОЛГУШЕВ не только не принимал необходимых мер искоренения этих беззаконий, но своим бездействием фактически поощрял и покрывал эти беззакония. Так, например, получив данные о том, что арестованный без достаточных оснований гр[аждани]н Можейко умер на допросе, ДОЛГУШЕВ вместо тщательного расследования этого факта и привлечения виновных к ответственности, распорядился сдать дело в архив;

б) являясь председателем судебной тройки, ДОЛГУШЕВ, вопреки директивам НКВД СССР, запрещающим рассмотрение на тройке дел о специалистах и сотрудниках НКВД, допустил рассмотрение тройкой около 40 дел этой категории, и все обвиняемые по этим делам осуждены к ВМН, между тем, как эти дела должны были быть направлены для рассмотрения в соответствующие судебные инстанции.

При этом устанавливается, что ДОЛГУШЕВ по некоторым из этих дел вычеркивал данные о принадлежности обвиняемых к категории специалистов или сотрудников НКВД.

Что же касается предъявленного ДОЛГУШЕВУ обвинения в том, что являлся участником к-р заговора, куда был завербован врагом народа Успенским, то все это обвинение основано на противоречивых показаниях об этом на предварительном следствии самого же Успенского. Других каких-либо доказательств ни предварительным, ни судебным следствием по этому поводу не добыто, и обвинение ДОЛГУШЕВА в этой части ВТ считает не доказанным.

На основании изложенного и признавая виновным ДОЛГУШЕВА в преступно-небрежном отношении к исполнению своих служебных обязанностей, т. е. в преступлении, предусмотренным ст. 206-17 п. «а» Уг[оловного] Код[екса] УССР, ВТ

ПРИГОВОРИЛ:

ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича в предъявленном обвинении по ст. ст. 54-1 [п.] «б», 54-7 и 54-11 УК УССР считать невиновным.

На основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР лишить его – ДОЛГУШЕВА – свободы ни ИТЛ сроком на СЕМЬ (7) лет, без поражения прав.

Кроме того, лишить осуждённого ДОЛГУШЕВА присвоенного ему специального звания «капитан госбезопасности».

Начальным сроком отбывания наказания для осужденного ДОЛГУШЕВА считать день его ареста, т. е. 17 января 1939 г.

Приговор может быть обжалован осуждённым в 5-суточный срок с момента вручения ему копии в Военную коллегию Верховсуда СССР через суд, вынесший приговор.

Пред[седательствую]щий

Короткин

Члены:

Напалков

Борисенко

На документі – резолюція простим олівцем: «Для ВП Окр[уга]. 14/ VIII–[19]40 г. Подпись неразборчивая».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 3, арк. 50–51. Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 43

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева

22 листопада 1940 р.

Короткин. 26/VIII–[19]40 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2-876

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего – диввоенюриста т. СУСЛИНА

и членов: бригавоенюриста т. КЛИМИНА и военного юриста 1 ранга
т. ЧЕПЦОВА

Рассмотрев в заседании от 22 ноября 1940 г. кассационную жалобу ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича — б[ывшего] нач[альни]ка Киевского Облуправления НКВД капитана госбезопасности

и КАС[САЦИОННЫЙ] ПРОТЕСТ и.д. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ПОГРАНВОЙСК НКВД УССР — БРИГВОЕНЮРИСТА т. ГРЕЗОВА и ПРОТЕСТ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

на приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 10—13 августа 1940 г. по делу осуждённого за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206-17 п. «а» УК УССР, к л[ишению]/св[ободы] в ИТЛ сроком на СЕМЬ лет, без поражения прав, с лишением звания «капитан госбезопасности».

Он же по ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР по суду ОПРАВДАН.

И заслушав доклад тов. СУСЛИНА,

заключение пом. Главного военного прокурора тов. МАЛЯРОВА — об отмене приговора и направлении дела на доследование,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Трибунала, которым ДОЛГУШЕВ по к-р обвинениям оправдан, является неправильным, так как вынесен по явно нерасследованному делу.

ДОЛГУШЕВ в к-р деятельности обвинялся на основании показаний УСПЕНСКОГО, МАЛЫШЕВА, ТРОИЦКОГО, КОЗЛОВА. Кроме того, лично сам признавал себя виновным в к-р деятельности и давал об этом подробные показания. Таким образом, приведённый Трибуналом мотив, что обвинение основано на противоречивых показаниях об этом на предварительном следствии самого же УСПЕНСКОГО, послуживший основанием для оправдательного приговора в части к-р обвинений, противоречит материалам дела.

ДОЛГУШЕВ по существу показаний КОЗЛОВА не допрошен, очной ставки с последним не проведено, и Трибунал оценки показаний КОЗЛОВА не дал. К делу не приобщены выписки из показаний на суде УСПЕНСКОГО, ТРОИЦКОГО и КОБЫЗЕВА, и нет справок о том, как были разрешены дела об этих лицах.

Равным образом Трибуналом при рассмотрении дела не было учтено, что преступная деятельность ДОЛГУШЕВА повлекла за собой тяжёлые последствия.

В силу изложенного, соглашаясь с кассационным протестом Прокурора Округа и протестом Прокурора Союза ССР, приговор Трибунала в отношении ДОЛГУШЕВА полностью отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по указанным выше обстоятельствам.

Кассационную жалобу ДОЛГУШЕВА отклонить.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР
ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ 2 РАНГА

Назаревская

Препровождается вместе с делом в 4-х томах в ВТ войск НКВД Киевского округа для исполнения, копия — ГВП для сведения.
26/ХІ.1940 г. № 2-876

Секретарь ВК

Назаревская

На документі є:

- 1) завірча круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;
- 2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 3/ХІІ 1940 г. № 4274»;
- 3) резолюція керівництва Військового трибуналу військ НКВС Київського округу: «Все материалы по делу передать в ВП ВНКВД Киев[ского] округа для выполнения *определения ВК. Гурьев. 3/ХІІ [19]40*».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 3, арк. 73–73 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

№ 44

Обвинувальний висновок у справі О. Р. Долгушева

18 січня 1941 р.

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Ткаченко

«18» января 1941 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следделу № 147528 по обвинению ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

В аппарат Особоуполномоченного НКВД УССР поступили данные о том, что ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, будучи начальником УНКВД по Киевской области, по заданиям бывш. наркома внутренних дел УССР УСПЕНСКОГО проводил вражескую деятельность в оперативно-чекистской работе.

На основании этих данных ДОЛГУШЕВ А.Р. был арестован 18 января 1939 года и привлечен в качестве обвиняемого по настоящему делу.

Произведённым по делу следствием установлено, что обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ с июня 1938 года являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, в которую был завербован УСПЕНСКИМ Александром Ивановичем — бывш. наркомом внутренних дел УССР (т. 1, л. д. 75–76, 206–211, 212–213, 214, 215, 216–220).

Вскоре после вербовки в организацию обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ был назначен УСПЕНСКИМ на должность начальника УНКВД по Киевской области и принял от УСПЕНСКОГО задание проводить вражескую деятельность в оперативно-чекистской работе (т. 1, л. д. 97–100, 200–203, 210–211).

Являясь председателем особой тройки при УНКВД, обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ по заданию УСПЕНСКОГО, в нарушение приказов и циркуляров НКВД СССР, рассмотрел около 40 дел на сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации, в результате все они незаконно осуждены к ВМН (т. 1, л. д. 48–49, 57–60, 66–67, 97–100, 203, 235–242, 249–251; т. 3, л. д. 102–218).

Составленными обзорами по делам сотрудников органов НКВД и специалистов высокой квалификации, осуждённых тройкой, также установлено, что, кроме того, эти лица незаконно осуждены тройкой, в большинстве этих дел материалов было явно недостаточно для осуждения их к ВМН.

Так, например, решением Особой тройки УНКВД от 7 октября 1938 года осуждена к ВМН ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ Полина Самойловна – стенографистка Секретариата НКВД УССР. В деле ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ нет никаких материалов, послуживших основанием к ее аресту. Имеющиеся в деле показания самой ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ и ВИТКОВСКОГО – бывш[его] пом[ощника] нач[альника] Секретариата НКВД УССР явно противоречивы и не соответствуют действительности в части их практической деятельности. ВИТКОВСКИЙ, единственный человек, изблещивший на следствии ПРИМАК-МОЛДАВСКУЮ, 21.VI–1939 года судом оправдан (т. 2, л. д. 107–110).

Таким образом, следствием установлено, что ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ тройкой осуждена незаконно и невинно.

Решением Особой тройки от 9 октября 1938 г. осужден к ВМН ДИТКОВ Алексей Филиппович – командир взвода 3-го кавдивизиона Киевской областной милиции. На следствии ДИТКОВ показал, что он являлся агентом японской разведки, куда был завербован ГРИНБЕРГОМ-ОЛЕГО Николаем Владимировичем – бывш. командиром 3-го кавдивизиона Облмилиции.

Допрошенный ГРИНБЕРГ-ОЛЕГО отрицал свою принадлежность к японской разведке, также отрицал факт вербовки им ДИТКОВА.

Допрошенные свидетели по делу показали, что о к-р деятельности ДИТКОВА им ничего известно не было. Несмотря на это, ДИТКОВ все же тройкой был приговорён к ВМН (т. 2, л. д. 137–138).

В целях сокрытия своих преступных действий обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ лично вычеркивал в повестках, составленных к заседанию Особой тройки, данные о том, что обвиняемые по этим делам до ареста являлись сотрудниками НКВД. В постановлениях Особой тройки вычеркнутые ДОЛГУШЕВЫМ данные о сотрудниках НКВД также не отражались (т. 1, л. д. 68; т. 2, л. д. 111, 120, 126, 129, 131, 134, 139).

Обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ виновным себя признал (т. 1, л. д. 75–76, 158), но впоследствии от своих показаний отказался (т. 1, л. д. 254–256; т. 2, л. д. 21).

Изобличается показаниями обвиняемых УСПЕНСКОГО (т. 1, л. д. 207–211), КОЛЕСОВА (т. 1, л. д. 212–213), МАЛЫШЕВА (т. 1, л. д. 214), КОЗЬМИНЫХ (т. 1, л. д. 215), ТРОИЦКОГО (т. 1, л. д. 216–220), свидетелей КУПЫРИНА (т. 1, л. д. 160–162; т. 2, л. д. 290–293), АЛЫТЗИЦЕРА (т. 1, л. д. 172–177; т. 2, л. д. 270–275), ВАРАКОВА (т. 1, л. д. 178–182), СЛАВИНА ([т. 1], л. д. 231–234), очными ставками с обвиняемым УСПЕНСКИМ (т. 1, л. д. 197–206) и свидетелем СЛАВИНЫМ (т. 1, л. д. 191–193) и материалами, приобщёнными к делу (т. 1, л. д. 235–242, 249–251; т. 2, л. д. 102–218, 316–336).

На основании данных дела обвиняется:

ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 года рождения, уроженец ст. Пачелма Ленинской железной дороги Тамбовской области, по соц. происхождению из рабочих, русский, гр[аждан]ства СССР, бывш. член ВКП(б) с 1929 по 1939 год, исключён в связи с арестом, кандидат в члены ЦК КП(б)У и депутат Верховного Совета УССР, награждён орденом Красной звезды, до ареста – начальник УНКВД по Киевской области, спецзвание – «капитан гос. безопасности»,

в том, что:

а) с 1938 г. являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД;

б) проводил вражескую деятельность в оперативно-чекистской работе органов НКВД,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

Руководствуясь ст. 204 УПК УССР, следдело № 147528 по обвинению ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР направить Военному прокурору войск НКВД Киевского округа для передачи по подследности.

СПРАВКА: Обв[иняемый] ДОЛГУШЕВ А.Р. содержится под стражей во внутренней тюрьме НКВД УССР.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *Точилкин*

«СОГЛАСЕН»: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ *Носков*

16 января 1941 г.

г. Киев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 83–85. Оригінал. Машинопис.

№ 45

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева

24–27 лютого 1941 р.

Дело № 0011 1941 г.

Сов. секретно

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1941 г., февраля 24–27 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в г. Киеве, в помещении ВТ, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военного юриста 1 ранга ВАСЮТИНСКОГО членов: мл. лейтенантов госбезопасности ЕНАКИЕВА и АДЫЛИНА при секретаре – военном юристе ПИСАРЕВЕ, без участия обвинения и защиты, рассмотрел дело № 0011 1941 г.

Судебное заседание начато 24.П–[19]41 г. в 10.25.

Председательствующий объявил, что будет рассматриваться дело по обвинению быв. начальника УНКВД по Киевской области – капитана госбезопасности ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича по ст. ст. 54-1 [п.] «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлен под кофтем подсудимый ДОЛГУШЕВ и прибыли свидетели ЗАЛЕССКИЙ, АЛЪТЗИЦЕР, ВАРАКОВ¹², НАГОРНЫЙ, ЦИРУЛЬНИЦКИЙ, ТРЕЩОВ, ЛИВШИЦ, КЛЕЙМАН, РОЗЕНФЕЛЬД и КАРАФЕЛОВ.

Свидетели НАЗАРЕНКО, ШАПИРО, СЛАВИН и ПАВЛЫЧЕВ вызваны и придут 25 февраля.

Свидетели КУПЫРИН и ЕМЕЛЬЯНОВ находятся в командировке, о чем имеются справки, и потому прибыть в судзаседание не могут.

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого, который дал о себе такие сведения:

ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 г. рождения, уроженец ст. Пачелма быв. Пензенской губернии, происхожу из рабочих, сам служащий, русский, гражданство СССР, женат, детей нет, с 1929 г. состоял членом ВКП(б), партбилет отобран при аресте, быв. кандидат в члены ЦК КП(б)У и быв. депутат Верховного Совета УССР, награжден орденом «Красная звезда».

В органах НКВД работал с декабря м-ца 1929 года, последняя должность – начальник УНКВД по Киевской области, имею спецзвание «капитан госбезопасности».

¹² Тут і далі у документі помилково через літеру «о» у першому складі – ВОРАКОВ.

До органов НКВД служил в РККА с 1924 г. по декабрь 1929 года, занимая в последнее время должность секретаря политотдела корпуса, а до службы в РККА — рабочий ж.д. транспорта.

С обвинительным заключением, постановлением ВП и определением ПЗ ВТ ознакомился 10 февраля с.г.

Председательствующий объявил состав суда и разъяснил порядок его отвода. Отвода составу суда не заявлено.

На вопрос председательствующего, нет ли возражений против слушания дела в отсутствие свидетелей КУПЫРИНА и ЕМЕЛЬЯНОВА, подсудимый ДОЛГУШЕВ ответил:

«Допрос КУПЫРИНА и ЕМЕЛЬЯНОВА имеет существенное значение для дела, но если трибунал учтет их показания в первом судзаседании, я не возражаю против слушания дела в отсутствие этих свидетелей».

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая согласие подсудимого, дело продолжать слушанием в отсутствие неприбывших свидетелей КУПЫРИНА и ЕМЕЛЬЯНОВА, огласив в случае надобности их показания.

Председательствующий удостоверился в самоличности прибывших свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были освобождены и предупреждены, что они будут вызываться с места работы по мере надобности.

Председательствующий разъяснил подсудимому его право ходатайствовать перед трибуналом о вызове дополнительных свидетелей или истребования и приобщения к делу иных доказательств, а также о том, что может через трибунал задавать вопросы свидетелям и давать пояснения по их показаниям.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Я прошу вызвать в качестве свидетелей быв. членов тройки ЧЕРЕПИНА и КОЛЕСНИКОВА. Допросом этих лиц можно будет выяснить, как рассматривались на тройке инкриминируемые мне, как незаконно рассмотренные, дела на быв. сотрудников НКВД, не имевших звания, и специалистов.

БАБИЧА, который может показать о моих указаниях по работе следствия и о запрещении применения к арестованным физического воздействия.

БЕЛЕНЬКОГО, который подтвердит ненормальность КОЗЛОВА и расскажет о моем состоянии во время и после допросов.

ВТ, выслушав заявленные подсудимым ходатайства о вызове в качестве свидетелей ЧЕРЕПИНА, КОЛЕСНИКОВА, БАБИЧА, БЕЛЕНЬКОГО и мотивы их вызова,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Вопрос о вызове в качестве свидетелей названных лиц оставить открытым и разрешить в ходе судебного следствия.

Председательствующий огласил обвинительное заключение, постановление ВП и определение ПЗ ВТ, после чего спросил подсудимого, понятно ли ему в чем обвиняется, и желает ли он давать суду пояснения.

Подсуд[имый] ДОЛГУШЕВ: В чем я обвиняюсь, мне понятно. Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю. Показания суду давать буду.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Исследование дела начать с заслушивания объяснений подсудимого, и после его допроса допросить свидетелей.

В 10.50 объявлен перерыв судзаседания.

В 11.05 судебное заседание продолжается.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ по делу показал:

Приговор Военного трибунала по моему делу Военная коллегия отменила по мотивам недоследованности дела, однако никакого доследования проведено не было, и дело в прежнем виде передано в трибунал.

Меня обвиняют в принадлежности к заговору, но заговорщиком я никогда не был, и чтобы убедиться в лживости этого обвинения, прошу проверить факты, о которых буду говорить.

1. Показания УСПЕНСКОГО от 20 мая 1939 г. находятся в явном противоречии с его же показаниями, данными на очной ставке со мной. Сначала он показал, что я был завербован им в феврале 1938 г., а затем заявил, что это произошло в июне м-це. Будучи на очной ставке изблещенным в этих противоречиях, он объяснил их мотивами «практического и теоретического характера».

2. УСПЕНСКИЙ показал, что по приезде его в феврале 1938 г. на Украину ему стало известно о моих заговорщических связях с ЛЕПЛЕВСКИМ и БЛЮМАНОМ. Но ведь в тот период никакого следствия по делу ЛЕПЛЕВСКОГО ещё не проводилось, и ЛЕПЛЕВСКИЙ, как и участники его заговора, работали на руководящих должностях. Я лично ЛЕПЛЕВСКОГО в своей жизни видел всего два раза: при обходе им кабинетов следователей и при вызове им к себе всех награждённых орденами. БЛЮМАНА же узнал только в конце 1937 г., когда он был назначен начальником Особого отдела. Показывая о моем участии в заговоре ЛЕПЛЕВСКОГО, УСПЕНСКИЙ, по-видимому, забыл одно важное обстоятельство, а именно, что этот заговор носил семитский характер, и в нем участвовали исключительно евреи.

3. УСПЕНСКИЙ показал, что в свой приезд в Киев ЕЖОВ разговаривал со мной, «облюбовал» меня и предложил пригласить на ужин. В действительности же с ЕЖОВЫМ я ни разу не разговаривал и, когда присутствовал на оперсовещании, которое он проводил, то там было столько народу, что не только разговаривать со мной, но даже видеть меня ЕЖОВ не мог. На ужин я попал не по специальному приглашению ЕЖОВА, а как и остальные награждённые орденами сотрудники, и сам ЕЖОВ на допросе показал, что меня не знает и со мной и обо мне не говорил.

4. УСПЕНСКИЙ показал, что завербовал меня в присутствии РАДЗИВИЛОВСКОГО. Действительно, по поводу назначения меня на должность нач[альника] 1 отдела УСПЕНСКИЙ разговаривал со мной в присутствии РАДЗИВИЛОВСКОГО. Этот разговор происходил 17 или 18 февраля в течение 5 минут, и как же за такой срок можно завербовать человека, которого к тому же до того не видел. На допросе по этому

поводу РАДЗИВИЛОВСКИЙ также подтвердил, что никакого разговора о заговоре тогда не было, что речь шла только о назначении, и что я от этого назначения отказывался, но вынужден был подчиниться приказу.

5. УСПЕНСКИЙ показал, что после вербовки им в феврале 1938 года я продолжал работать в Особом отделе и вместе с ЛИСТЕНГУРТОМ гримил там кадры. Это тоже неправда. Дела по Особому отделу я сдал 17 или 18 февраля, а 22-го февраля работал уже в 1 отделе по обеспечению празднования годовщины РККА. С ЛИСТЕНГУРТОМ не работал, связи с ним не имел, и сам ЛИСТЕНГУРТ показания УСПЕНСКОГО в этой части опровергает.

В 11.20 объявлен перерыв заседания.

В 12.10 судебное заседание продолжается.

Подс. ДОЛГУШЕВ продолжает свои объяснения:

В другом месте своих показаний УСПЕНСКИЙ заявил, что завербовал меня в июне м-це 1938 г. при назначении меня на должность нач[альника] УНКВД. Разговор о назначении происходил в присутствии начальника СПО Наркомата ХАТАНЕВЕРА, и я тогда говорил УСПЕНСКОМУ о своем нежелании идти на работу в УНКВД, что с этой работой не справлюсь, но УСПЕНСКИЙ заявил, что отказ будет рассматриваться как нежелание бороться с контр-революцией, и потому мне пришлось подчиниться. ХАТАНЕВЕР, по моей просьбе, был допрошен и показания УСПЕНСКОГО опроверг.

Выйдя от УСПЕНСКОГО после этого с ним разговора, я встретил НАГОРНОГО и сказал ему, что есть предположение, что он пойдет на должность нач[альника] 1 отдела. НАГОРНЫЙ ответил, что он не справится с этой работой. Я тогда сказал ему: «Я тоже не хотел, но заставляю», и рассказал о разговоре с УСПЕНСКИМ по поводу своего назначения и о том, что УСПЕНСКИЙ ругал меня за отказ.

В своих показаниях УСПЕНСКИЙ говорит, что при назначении меня в УНКВД я был связан им по заговорщической линии с ЯРАЛЯНЦЕМ, РАТЫНСКИМ и ЛИСТЕНГУРТОМ. Неправдоподобность этого видна хотя бы из того, что назначение мое было в июне м-це, а ЛИСТЕНГУРТ уехал из Киева 1 мая. Не было тогда и ЯРАЛЯНЦА, так как он в Киев прибыл спустя месяц после назначения меня в УНКВД. Не мог УСПЕНСКИЙ связать меня и с РАТЫНСКИМ, так как уже в то время на узком совещании говорил, что ставит вопрос об его аресте. Все эти лица были допрошены, и никто из них меня не изобличает.

Ложью являются показания УСПЕНСКОГО и о том, что при назначении в УНКВД он якобы связал меня с КОРКУНОВЫМ, и совместно с последним я потом составил вражеский план работы. КОРКУНОВ это отрицает, да и как это возможно, если он уехал к месту своего нового назначения на следующий день после приёма мною дел УНКВД.

До очной ставки со мной УСПЕНСКИЙ о моей якобы связи с ТРОИЦКИМ не говорил, но, когда на очной ставке ему зачитали показания ТРОИЦКОГО, он их охотно подтвердил, как подтверждал охотно все, что ему предлагали.

УСПЕНСКИЙ показал, что дал мне задание фальсифицировать следствие в УНКВД. Это опровергается действительностью, так как по приходу в УНКВД, узнав, что там бесшабашно применяют к арестованным физическое воздействие, я на 2–3 день на областном оперативном совещании запретил дотрагиваться к арестованному без моей или наркомасанкции. При этом предупредил, что санкцию буду применять сам или мой заместитель. Не удовлетворившись только запрещением, я выделил специальных людей – секретаря и коменданта, которым поручил обходить ночью кабинеты следователей и проверять, точно ли выполняется мое распоряжение.

К тому времени оперативный состав привык к упрощенству следствия. Я же поставил вопрос о надлежащей документации, обязательных очных ставках и допросах свидетелей. Приказал начальнику 1 спецотдела возвращать обратно дела, не отвечающие этим требованиям, и это вызвало недовольство аппарата.

До меня в порядке вещей были массовые аресты по спискам и подчас без согласования с прокурором. Я потребовал обязательное получение санкции прокурора и предложил на каждого намечаемого к аресту составлять справку.

К моменту моего прихода в УНКВД там было до 5000 арестованных, причём добрая половина продолжительное время содержалась под стражей без допроса. В связи с этим я переключил весь аппарат на работу по следствию и, так как работникам была привита линия, что освобождение арестованного является позором для органов, на первом же совещании поставил вопрос о необходимости объективно разобраться в делах, и с моим приходом свыше 300 арестованных были освобождены.

Можно привести десятки фактов, когда при возникновении сомнений в правильности дела, я высылал на места для проверки отдельных работников и группы их и сам проверял такие дела. Я не только не поощрял фальсификацию следствия, а, наоборот, жестоко боролся с этим извращением.

Агентура УНКВД к моменту моего прихода туда была совершенно развалена, однако уже за 3–4 месяца моей работы агентурная сеть была увеличена на 500 человек.

Так же обстояло и с кадрами. В УНКВД был большой некомплект, но с моим приходом туда было мобилизовано до 100 партийцев.

Что послужило выдвижению меня на должность нач[альника] УНКВД. Я, орденосец, руководил обеспечением первомайской демонстрации, которая прошла очень удачно, и моя работа получила одобрение. 3–4 месяца работал начальником охраны при секретаре ЦК КП(б)У ХРУЩЁВЕ и при посещении им Одессы лично предотвратил теракт против него. Вот это, а также моя общественная работа и работа в партжизни и явились основанием моего выдвижения.

О том, каковы были мои взаимоотношения с УСПЕНСКИМ, можно судить по таким фактам. У него на квартире я был только два раза – 1 мая и 7 ноября [1938 г.], когда там присутствовал весь начальствующий состав, и больше квартиру УСПЕНСКОГО не посещал ни разу.

Однажды докладывал ему результаты расследования о нарушениях группы работников РКМ при выезде на пожар. Доложил свое мнение о возможности ограничиться дисциплинарным взысканием. УСПЕНСКИЙ согласился, но, когда я затем сказал ему, что нач[альник] розыска недоволен арестом работников, УСПЕНСКИЙ разразился: «Вы сами такой. Должны защищать действия наркома, а вместо этого хнычете». Тут же вызвал особоуполномоченного и приказал всю группу работников арестовать. Это может подтвердить ЕГОРОВ.

Обеспечением первомайских и октябрьских праздников всегда занималось УНКВД. Поэтому и в 1938 году я также составил план обслуживания октябрьских праздников, но на оперсовещании УСПЕНСКИЙ в присутствии всех обрушился на меня: «Садитесь, вам нечего там делать, и слушать ваших докладов я не хочу. Если же вы претендуете на мое место, то об этом будет особый разговор».

Когда докладывал УСПЕНСКОМУ о ходе заготовки овощей, УСПЕНСКИЙ обрушился на меня с обвинением, что не я — начальник УНКВД, а им являются секретарь обкома и секретарь горкома, и что руковожу работой УНКВД не я, а они. Происходило это в присутствии ДЬЯКОНОВА.

Статотчётность по УНКВД была составлена по преподанной форме, но, после отсылки ее в НКВД УССР, меня вызвал УСПЕНСКИЙ и в присутствии НАЗАРЕНКО и ЯРАЛЯНЦА заявил, что составлена она неправильно в части данных о репрессировании социально близких нам людей, и предложил пересоставить ее. Я не соглашался с трактовкой УСПЕНСКОГО, но он накричал на меня, стал угрожать оргвыводами, приказал составить бригаду для перепроверки отчёта, и потом НАЗАРЕНКО приходил давать указания. За этот статотчёт я был «пророботан» в приказе по всей Украине.

Примерно в октябре 1938 года УСПЕНСКИЙ заявил мне, что я буду переведён из УГБ в РКМ. Я ответил, что на этот перевод не согласен и попросил направить меня в Особый отдел. На это УСПЕНСКИЙ сказал, что будет говорить с секретарём ЦК ХРУЩЁВЫМ. Об этом разговоре я поделился тогда же с ПАВЛЫЧЕВЫМ.

Перед своим бегством УСПЕНСКИЙ в присутствии ЯРАЛЯНЦА упрекал меня в том, что по УНКВД нет крупных дел по подполью, и в конце разговора предупредил: «Приедет бригада, обследует, и тогда берегитесь». Обследование проведено не было, но ЕГОРОВ мне рассказывал, что такая бригада была создана, и ей УСПЕНСКИЙ дал указание «угробить ДОЛГУШЕВА».

Вообще мои взаимоотношения с УСПЕНСКИМ резко отличались от взаимоотношений с ним других начальников: они постоянно бывали у него, а меня и жену там никогда не было видно.

После ареста я в течение 4-х месяцев подвергался избиению и др. издевательствам и был доведен до того, что дальше переносить их не мог. Ведь все мои сокамерники знают и смогут подтвердить, что в тот период я находился в таком состоянии, что без посторонней помощи не мог повернуться на койке. На допросе мне были зачитаны добытые на меня

показания, следователю в моем присутствии заявили: «Что угодно делайте, но чтобы показания были», и их от меня получили. Я со всей искренностью заявляю, что правдивости в моих показаниях о признании нет, они вынужденные. Об этом я заявлял всем и даже в собственноручных показаниях о признании от 4 июня [1939 г.] написал в конце: «Проверьте и вы убедитесь, что это – ложь». На очной ставке с УСПЕНСКИМ 20 июля 1939 г. я также заявил, что мое признание является ложью, но на мои заявления не обращали внимания, и только при предъявлении ст. 200 мне удалось попасть к прокурору.

В моём деле имеются выписки из показаний МАЛЫШЕВА, ТРОИЦКОГО и КОЛЕСОВА. ТРОИЦКИЙ показал, что со слов УСПЕНСКОГО ему при переходе на работу в УНКВД стало известно, что я – заговорщик, и он связался со мной. Ложь. В УНКВД он проработал дней 10–15, до того же его я не знал, но слышал, что о нем отзывались плохо. Поэтому я насторожился, и отношения между нами были только официальные. Не разрешил ему подписывать принципиальные документы, а когда он стал посягать на финансы, запретил это, а также мебелировку квартиры за счет средств УНКВД. Все это послужило к тому, что мы были на ножах, и никак не вяжется, чтобы между нами могла быть заговорщическая связь.

МАЛЫШЕВ говорит, что о моем участии в заговоре ему стало известно со слов КОБЫЗЕВА, однако последний этих показаний не подтверждает. Никакой связи с МАЛЫШЕВЫМ у меня не было, по линии кадров я с ним ни разу не говорил, и по инициативе УНКВД из областного аппарата за время моей работы было откомандировано не более 2–3 человек. Ведь легко можно проверить, что я не только не откомандировывал, а, наоборот, стягивал работников в УНКВД, так как там имелся большой некомплект. Как заговорщиков МАЛЫШЕВ назвал ряд работников, относительно которых никто никогда этому не поверит, да и само следствие разоблачило МАЛЫШЕВА и ТРОИЦКОГО по делу РИВЛИНА как провокаторов.

КОЗЬМИНЫХ пробыл в УНКВД несколько считанных дней. Ни к следствию, ни к агентуре он отношения не имел, и никакой связи у меня с ним не было. Откуда он взял, что я – заговорщик, не знаю.

КОБЫЗЕВ показал, что за мной специально посылали с приглашением на банкет в приезд в Киев ЕЖОВА. Это – ложь, и она станет очевидной из допроса даже одного НАГОРНОГО.

Я ещё раз заявляю, что показания УСПЕНСКОГО не имеют под собой никакой почвы, являются ложью, провокацией.

В 13.00 объявлен перерыв судзаседания.

В 13.55 судебное заседание продолжается.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ продолжает объяснения:

В сентябре 1938 г. из Москвы было возвращено до 1000 дел, направленных туда по альбомам, и согласно приказу № 606 их предлагалось рассмотреть на тройке при УНКВД, за исключением дел на иностранных подданных, сотрудников НКВД, военнослужащих со званиями и

специалистов высокой квалификации. Потом поступил циркуляр № 189. В нём был неясен вопрос рассмотрения дел по национальностям, и потому я обратился за разъяснениями к УСПЕНСКОМУ. Тот ответил: «У вас имеются председатель тройки, секретарь обкома и прокурор. Решайте сами». Такой ответ меня не удовлетворил, и я сказал, что в таком случае сам обращусь за разъяснениями в НКВД СССР. УСПЕНСКИЙ тогда вызвал СЛАВИНА и приказал ему созвониться с Москвой и получить оттуда разъяснения. СЛАВИН созвонился и потом сообщил, что 1 спецотдел НКВД СССР разъяснил, что рассмотрению на тройке подлежат дела всех национальностей.

Через день в разговоре со СЛАВИНЫМ по телефону я поинтересовался, много ли будет дел на тройку из Особого отдела. СЛАВИН ответил, что точно ещё не знает, но что будут дела на быв. сотрудников, и их нужно рассматривать. Усомнившись в этом, я позвонил УСПЕНСКОМУ, и тот подтвердил, что дела на сотрудников, не имеющих звания, подсудны тройке и подлежат рассмотрению ею. Так как это разъяснение исходило от наркома, оно не вызвало у меня сомнения, к тому же такие дела поступали через 1 спецотдел наркомата при официальных документах — списках, утвержденных наркомом, и я поверил, что действительно имеется такое указание. Об этом разъяснении УСПЕНСКОГО я сообщил членам тройки, и только впоследствии оказалось, что оно — незаконное, провокационное. До этого же разъяснения УСПЕНСКОГО дела на быв. сотрудников тройкой не рассматривались и в случае поступления возвращались обратно.

Вначале мне инкриминировали как незаконно рассмотренные 64 дела, но потом число их уменьшили до 38-ми: 15 — на сотрудников и 23 — на специалистов. В действительности же к специалистам высокой квалификации, как это предусмотрено приказом, можно отнести только 3-4 человека, и для установления, кто протащил их на тройку, необходимо специальное расследование. Остальные под эту категорию не подходят, так как высшего или специального образования не имели. Так, к числу специалистов высокой квалификации почему-то относят полковника царской армии с образованием в объёме кадетского корпуса или техника воздушного флота, получавшего зарплату по вакантной должности инженера. Последнее дело с рассмотрения тройки сначала было снято, и для выяснения, какое образование имеет этот техник, были произведены передопросы. Высшего образования у него не оказалось, о чем наркому был представлен рапорт, и на нем УСПЕНСКИЙ наложил резолюцию: «Рассмотреть на тройке». Инкриминируется мне и дело на корреспондента при Академии наук, но мой следователь ТОЧИЛКИН, докладывавший это дело на тройке, сам говорил мне, что затрудняется отнести осуждённого к специалистам ввиду отсутствия у него специального образования. Имеющиеся в деле обзоры таких дел составлены пристрастно и действительного положения относительно образования осуждённых не отражают. Должен сказать, что каждое такое дело на тройке рассматривалось очень тщательно, и свыше 300 дел было снято с рассмотрения. О том, что

осуждённые по инкриминируемым мне делам не являлись специалистами, — это было не мое только мнение, а и мнение членов тройки.

При организации работы тройки я предвидел возможность попытки отдельных работников проташить на тройку слабые дела и в целях исключения такой возможности организовал при 3-м отделе две группы: одна из них занималась просмотром дел и их оформлением, а вторая — докладом дел на тройке. Этот порядок был одобрен секретарём ЦК КП(б)У ХРУЩЁВЫМ, и сам облпрокурор КОЛЕСНИКОВ впоследствии говорил мне, что у нас тройка работала лучше, чем в других областях.

Следствие по делу ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ проводилось в НКВД УССР, и о том, что дело сфальсифицировано, выяснилось лишь при судебном рассмотрении дела по обвинению ВИТКОВСКОГО. На заседании же тройки разоблачить это было невозможно, так как дело было оформлено должным образом и имелось признание самой ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ.

На вопросы суда подсуд[имый] ДОЛГУШЕВ:

Рассмотрение дел на тройке производилось таким образом: состав тройки читал повестки, а докладчик зачитывал показания. В тех случаях, когда возникали какие-либо сомнения, сами брали и просматривали дело. Вызов обвиняемых на тройку никогда не практиковался.

Всего дел на сотрудников тройкой было пропущено 15. Случаев, чтобы дела на сотрудников вызывали сомнение и были сняты с рассмотрения, не помню.

По телефону с УСПЕНСКИМ о деле ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ я никогда не разговаривал.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ продолжает объяснения:

ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ сама дала показания о своем участии в заговоре. Кроме того, в деле имелись показания ВИТКОВСКОГО и очная ставка между ним и ею.

На вопросы суда подсуд. ДОЛГУШЕВ:

Тот факт, что об очной ставке ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ дала показания за день до этой очной ставки, на тройке остался незамеченным, да и вообще установить подобные противоречия на заседаниях тройки невозможно. Повторяю, что дело ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ ни у одного члена тройки сомнения не вызвало, и о том, что оно сфальсифицировано, я при рассмотрении его не знал.

По материалам дела ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ значилась завербованной ВИТКОВСКИМ — нач[альником] или пом[ощником] нач[альника] секретариата, у которого работала стенографисткой. В практике были неоднократные случаи, когда начальник вербовал своих подчинённых, потому я допускал это и в отношении ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ, так как она могла знать больше ВИТКОВСКОГО и передавать ему сведения, которые печатала лично наркому. Докладчиком по её делу на тройке был сотрудник наркомата, но кто именно, не помню.

О том, что дела на тройке рассматривались не формально, можно судить по количеству дел, возвращённых для доследования. Так, только по одному ДТО из 500—600 дел, представленных на тройку, было возвращено до 100 дел.

Вычеркивание в повестках сведений о том, что обвиняемые являются сотрудниками НКВД, я производил без всякого умысла и не во всех повестках. Так, в повестке по делу командира взвода Обл. милиции мною вычеркнуто лишь слово «Обл.», а слово «милиция» осталось. По делу сотрудника Ушосдора НКВД я действительно вычеркнул слово «НКВД» и помню, что при этом даже сказал: «Тоже мне сотрудник НКВД». Делалось это, повторяю, открыто и не с целью убеждения членов тройки или сокрытия принадлежности обвиняемого к органам НКВД, так как всем известно, что Ушосдор находится в системе НКВД. Часто ведь делались в повестках и другие изменения. И, если суд возьмет не отдельные повестки, а весь комплекс их, то убедится, что эти изменения сущности не меняли.

(Подсудимому предъявлена повестка – л. д. 111, т. 2).

Вычеркивания производил я, но не уверен, что 50 % их не сделаны секретарём тройки, так как в этой части он также мог корректировать повестки.

Кто вычеркнул принадлежность ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ к сотрудникам НКВД, сказать не могу. Обычно я вычеркивания производил тем же карандашом, каким и подписывал, т.е. красным, в данном же случае слово «НКВД» зачеркнуто черным карандашом.

УСПЕНСКИЙ часто ругал меня и угрожал оргвыводами. Более действенных мер не применял, так как формальных данных к тому, чтобы арестовать меня, не имел.

В деле имеется заявление арестованного КОЗЛОВА о том, что во время совместного пребывания с ним в камере я якобы высказывал антисоветские настроения, причём такие разговоры велись при помощи мимики, а также на прогулках. Как можно вести антисоветский разговор мимикой, я себе никак не представляю, на прогулках же с КОЗЛОВЫМ мне пришлось быть не более двух раз. Его показания – клевета. Он – больной человек, с ним часто случались припадки, а в средних числах июня м-ца совсем потерял рассудок и был изъят из камеры. На предварительном следствии я просил дать мне с ним очную ставку, но в этом мне отказали.

В 14.50 объявлен перерыв судзаседания.

В 15.10 судебное заседание продолжается.

Свидетель ЗАЛЕССКИЙ Борис Маркович, 1908 г. рожден., член ВКП(б) с 1929 г., в органах НКВД работает с 1932 г., нач[альник] отделения УНКВД по Черновицкой обл., лейтенант госбезопасности, не судим, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

В 1938 году сотрудникам УНКВД по Киевской области стало известно, что нач[альник] 2 отдела КОРКУНОВ назначается начальником УНКВД по Ворошиловградской области. В связи с этим нач[альник] отделения ЯМПОЛЬСКИЙ рассказал мне, что на КОРКУНОВА имелись материалы о том, что он – выходец из кулаков, и что с братьями его также не все чисто, что для проверки этих материалов на родину КОРКУНОВА посылался человек, который по возвращении заявил, что данные не подтвердились, но потом из РО НКВД поступило сообщение, подтверждавшее ранее

имевшиеся данные. Я посоветовал ЯМПОЛЬСКОМУ доложить об этом ДОЛГУШЕВУ, но ЯМПОЛЬСКИЙ, ссылаясь на личные взаимоотношения с КОРКУНОВЫМ, считал, что ему сделать это неудобно. Тогда я сам пошел к ДОЛГУШЕВУ и рассказал о сообщённом мне ЯМПОЛЬСКИМ. Вместо того, чтобы заинтересоваться этим делом, ДОЛГУШЕВ моим сообщением остался недоволен и сразу же задал вопрос: «Кто это говорит?», причём тон этого вопроса был такой, что отпадало желание говорить, но я всё же сказал, что для проверки можно обратиться к работнику отдела кадров. О всей этой истории я рассказывал на партийном собрании ещё до ареста ДОЛГУШЕВА. Он тогда признал, что такой факт имел место, но какие дал объяснения, не помню.

На вопросы суда свидетель ЗАЛЕССКИЙ:

Несмотря на моё сообщение, КОРКУНОВ всё же был назначен начальником УНКВД.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

О материалах на КОРКУНОВА ЗАЛЕССКИЙ действительно мне докладывал, но было это уже после того, как КОРКУНОВ убыл в распоряжение наркомата. ЗАЛЕССКИЙ тогда сказал, что имеются такие-то данные, но о том, что они подтверждаются, не говорил. О том же, что такие материалы на КОРКУНОВА имелись, я знал и до того, так как, получив назначение в УНКВД, я просматривал дела руководящих работников, в том числе и дело КОРКУНОВА, и видел там заключение, что данные не подтвердились. Кроме того, говорил об этом и с секретарём парткомитета ЛОСЕВЫМ, и он также мне сказал, что вопрос о КОРКУНОВЕ специально расследовался и не подтвердился. Вот почему я так спокойно встретил сообщение ЗАЛЕССКОГО и тогда же ответил ему, что эти материалы уже рассматривались.

На вопросы суда свидетель ЗАЛЕССКИЙ:

В тот момент, когда я докладывал ДОЛГУШЕВУ о материалах на КОРКУНОВА, последний ещё работал начальником 2 отдела.

О том, что материалы в отношении КОРКУНОВА проверены, ДОЛГУШЕВ мне тогда не говорил.

ЛОСЕВ же до моего разговора с ДОЛГУШЕВЫМ говорил мне, что вопрос о КОРКУНОВЕ стоял на партсобрании, и КОРКУНОВ кое-что из имевшихся на него материалов подтвердил.

Кому принадлежала инициатива выдвижения КОРКУНОВА на должность нач[альника] УНКВД по Ворошиловградской области, не знаю.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Когда ЗАЛЕССКИЙ по вопросу КОРКУНОВА выступал на партсобрании, ЛОСЕВ даже бросил реплику: «Да, это дело – старое и уже проверенное».

На вопросы суда свидетель ЗАЛЕССКИЙ:

Был у нас арестованный быв. председатель партколлегии Киевской области ЦАПЕНКО. Он ни в чем не признавался, и ДОЛГУШЕВ лично применил к нему физическое воздействие в моем присутствии. Несмотря на это, ЦАПЕНКО показаний всё же не дал, и тогда дело его от меня забрали. Впоследствии он был освобожден.

В то время, когда дело ЦАПЕНКО находилось у меня, в нем имелись только показания одного быв. секретаря Петровского¹³, но я в них не очень верил.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Не помню, чтобы я применял физические методы воздействия к ЦАПЕНКО, и, по-моему, такого случая не могло быть, так как мне было известно, что ЦАПЕНКО болен грыжей, и я даже предупреждал в связи с этим ЛАПСЕКРА не трогать ЦАПЕНКО.

На вопросы суда свидетель ЗАЛЕССКИЙ:

Утверждаю, что ДОЛГУШЕВ применил физическое воздействие к ЦАПЕНКО в моем присутствии. Знает об этом и быв. работник 2 отдела ПОКОТИЛОВ, которого приглашали в качестве помощника. Не могу утверждать, что при применении к ЦАПЕНКО физического воздействия присутствовал КАРАФЕЛОВ, но ему известно, что ЦАПЕНКО били.

Свидетель ТРЕЩОВ Леонид Никанорович, 1905 г. рожд., член ВКП(б), нач[альник] Кагарлыкского РО НКВД, мл[адший] лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работает с 1930 г., личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

В сентябре 1938 года, по возвращении из Москвы альбомных дел, я в числе других был выделен ДОЛГУШЕВЫМ докладчиком этих дел на тройке. Всего мною было доложено 100–120 дел. Председательствовал на заседаниях тройки ДОЛГУШЕВ, и были случаи, что в повестках он изменял данные о должностном положении обвиняемых. Так, в повестках на бухгалтера и счетовода строительства НКВД ДОЛГУШЕВ зачеркнул должность и написал: «без определённых занятий».

В моем производстве находилось дело арестованного инженера ПОРТАНЕ. Во время допроса вошел ДОЛГУШЕВ и спросил, дает ли арестованный показания. ПОРТАНЕ ответил, что ему нечего давать, и после этого ДОЛГУШЕВ размахнулся и ударил его. ПОРТАНЕ даже сказал тогда: «Орденосец, а дерётся». Материалов в то время на ПОРТАНЕ не имелось, и арестован он был только потому, что являлся немцем по национальности.

В тот период применение физических методов воздействия без санкции начальника УНКВД не разрешалось.

На вопросы суда свидетель ТРЕЩОВ:

ДОЛИНА – быв. начальник Киев-энерго, член ВКП(б) с 1929 года, обвинялся как участник диверсионной организации. Вначале он дал признания, но потом от них отказался. Я доложил это дело ДОЛГУШЕВУ и высказал свое мнение, что оснований для содержания ДОЛИНА под стражей нет. На это ДОЛГУШЕВ возразил: «Врагов освобождать?». Я отложил дело и потом доложил его военному прокурору. Тот предложил назначить экспертизу, и последняя установила, что ДОЛИНА оговорил себя.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

¹³ Див. іменний і біографічний покажчик.

На ДОЛИНУ было 5–8 показаний, и при докладе мне дела ТРЕЩОВЫМ я дал ему указание закончить его на Военный трибунал.

Случай нанесения удара ПОРТАНЕ, возможно, и был, но сейчас я об этом не помню.

Быв. бухгалтер строительства НКВД до ареста свыше года нигде не работал, почему я и сделал исправление, что он – без определенных занятий.

На вопросы суда свидетель ТРЕЩОВ:

О том, что дела на работников НКВД тройке неподсудны, нам, докладчикам, никто не говорил, и о существовании приказа об этом мы не знали.

У меня ДОЛГУШЕВ внёс изменение о должностном положении только в отношении 2-х обвиняемых.

В 16.00 объявлен перерыв судзаседания.

В 20.45 судебное заседание продолжается.

Свидетель ВАРАКОВ Василий Иванович, 1900 г. рожден., член ВКП(б) с 1924 г., нач[альник] отделения УНКВД по Киевской области, лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работает с 1921 г., личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

На работу в УНКВД по Киевской области я перешёл в июле 1938 г. и здесь был прикреплен к след. группе по делам на быв[ших] сотрудников. Ознакомившись с переданными мне делами, установил, что в отношении быв[шего] нач[альника] Гребёнковского РО НКВД МИХАЙЛОВА и ещё 2-3 человек нет достаточных материалов для содержания под стражей. Я вызвал МИХАЙЛОВА, поговорил с ним и установил, что его принимают за другого человека – однофамильца, быв. солдата польской армии, перешедшего в СССР. Как уличающим фактом служило то обстоятельство, что по полученной справке МИХАЙЛОВ не значился проживавшим в Одессе и служившим в РККА, как он указывал о себе в анкетах. Между тем, при обыске у МИХАЙЛОВА были изъяты документы, подтверждавшие как службу его в РККА, так и проживание в Одессе, однако, несмотря на это, он продолжал содержаться под стражей. Я отложил его дело и выписал справку на освобождение для доклада нач[альнику] УНКВД.

Второе дело – это дело на ГОЛЬДЕНЦВАЙГА¹⁴. Последний был арестован по справке, в которой указывалось, что по материалам личного дела он находился в плену у поляков и был освобождён ими с обязательством посещать польскую комендатуру в Бердичеве. Просмотр его дела убедил меня, что ГОЛЬДЕНЦВАЙГ указывал эти данные в своей автобиографии исключительно хвастовства ради, чтобы считаться участником гражданской войны, а было ему тогда лет 15–16.

С этими делами я пришел к нач[альнику] следственной группы СТРОИЛОВУ, но он предложил, чтобы я сам доложил ДОЛГУШЕВУ своё мнение об освобождении обвиняемых. ДОЛГУШЕВ меня не принял и сказал, чтобы зашёл на следующий день, однако вечером дела эти от меня забрали и передали другому работнику. Отобрание у меня дел я объясняю

¹⁴ Тут і далі у документі помилково через літеру «е» у третьому складі – Гольденцвейга.

тем, что высказал мнение об освобождении. В итоге этих арестованных освободили, в том числе двух при ДОЛГУШЕВЕ, но это было сделано лишь спустя два месяца.

КОЛБАСЕНКО – быв[ший] партизан и старый чекист. В его следделе имелись лишь маленькая сводочка неизвестного источника о том, что жена его состояла в интимной связи с некоторыми военными работниками, в том числе и с аттестованным ИГНАТОВЫМ, а также показания из Одессы, касавшиеся собственно не самого КОЛБАСЕНКО, а его родственника ТУГАЯ. Получив это дело, я вызвал КОЛБАСЕНКО, и на допросе он показал, что, работая в органах НКВД, писал разоблачительные заявления на ХВЫЛЮ, на быв[шего] зам[естителя] наркома внутренних дел УССР КАРЛСОНА о том, что он – не член партии с 1905 г., что ЛЮШКОВ дезертировал из РККА, а быв. нач[альник] отдела кадров наркомата СЕВЕРИН в 1936 г. выступал в защиту троцкистской платформы. КОЛБАСЕНКО заявил мне, что должны иметься копии этих документов, и действительно, я их обнаружил, причём среди них оказалась характеристика об активном участии КОЛБАСЕНКО в задержании КОЛЧАКА и генерала ЖАНЕНА. Последнее также подтвердил допрошенный мною один быв. партизан, лично знавший КОЛБАСЕНКО. После этого я решил просмотреть личное дело КОЛБАСЕНКО, но в НКВД УССР мне сказали, что оно отослано в Москву, и осталась лишь справка, датированная первыми числами мая месяца, о том, что КОЛБАСЕНКО подлежит переводу в центральные области РСФСР. В следственном же деле находилась другая справка, датированная двадцатыми числами того же мая месяца, с резолюцией УСПЕНСКОГО «Арестовать». На основе всех материалов дела я пришел к выводу, что арест КОЛБАСЕНКО безосновательный, и свое мнение доложил СТРОИЛОВУ. Тот отказался доложить об этом руководству УНКВД и сделать это послал меня. Так как ДОЛГУШЕВ тогда отсутствовал, я пошел к ПАВЛЫЧЕВУ и доложил ему дело КОЛБАСЕНКО так, как рассказывал о нём здесь. ПАВЛЫЧЕВ дело оставил у себя, сказав, что разберется в нём сам, однако реабилитировавшие КОЛБАСЕНКО материалы предложил забрать, заявив при этом: «Они мне не нужны». Спустя пару дней ПАВЛЫЧЕВ в моем присутствии говорил с КОЛБАСЕНКО, но весь разговор свёлся к тому, что задал ему несколько общих вопросов, а потом позвал меня к ДОЛГУШЕВУ, и тот в резкой форме спросил: «Что вы там собираете. Кому это нужно? Я на вас надеялся, а теперь мы вам не верим и пошлём вас в тюрьму. Сдайте дела СТРОИЛОВУ». При этом он добавил: «Я КОЛБАСЕНКО знаю, это такая шляпа. Жена его путалась с такими-то и подозрительна по шпионажу». Я ответил, что проверить это нам не удастся, так как жена КОЛБАСЕНКО умерла, а сам он сидит под стражей, и потому использовать в этой части агентуру невозможно. ДОЛГУШЕВ заявил: «Вы сядете вместе с КОЛБАСЕНКО. Я вам не верю. Пойдете работать в тюрьму, а вместо вас возьмем другого работника (названную им фамилию не запомнил), и он покажет, как нужно брать показания». В итоге дело КОЛБАСЕНКО от меня забрали, но на работу в тюрьму я послан не был. Эти случаи я расцениваю как непартийное, пристрастное отношение ДОЛГУШЕВА к

делам на быв[ших] сотрудников. Так об этом говорил на оперативном совещании и на партсобрании. После этого ДОЛГУШЕВ несколько раз вызывал меня и заявлял: «Почему не выполняете указаний начальников отдела? Вы оплатитесь, и я в последний раз предупреждаю, что с вами будет то же, что и с КАНЦЛЕРОМ». А КАНЦЛЕР за два дня до того был арестован. Об этих угрозах ДОЛГУШЕВА говорилось и на партсобрании, и ДОЛГУШЕВ объяснял их тем, что СТРОИЛОВ и МАРЧЕНКО жаловались ему на меня, что я не получаю показаний от арестованных.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

ТАУБЕ – быв. нач[альник] Ольшанского РО НКВД, недалёкий человек. Он был арестован, и потом мой помощник принес его следственное дело и высказал мнение, что проходящие по показаниям ТАУБЕ 12 человек, из коих один уже был арестован, оклеветаны ТАУБЕ. Об этом я доложил ДОЛГУШЕВУ. Тот вызвал ТАУБЕ, сам поговорил с ним и тоже убедился, что ТАУБЕ дал клеветнические показания, после чего арестованный по его показаниям был освобождён, а в отношении остальных 11-ти человек ничего не предпринимали. Впоследствии был освобождён и сам ТАУБЕ, так как выяснилось, что его приняли за другого человека.

Дело МОЖЕЙКО я не вел, а только по поручению СТРОИЛОВА технически оформил его прекращение за смертью обвиняемого, так как следователь, вёдший это дело, в то время находился в отъезде. При деле тогда имелся акт тюремного врача, констатировавшего смерть МОЖЕЙКО от туберкулёза горла, и были приложены снимки гортани. Впоследствии же мне стало известно, что МОЖЕЙКО якобы умер на допросе в результате применения к нему СТРОИЛОВЫМ и ПАВЛЫЧЕВЫМ физического воздействия.

Физические методы в УНКВД применялись с санкции нач[альника] УНКВД и его заместителя в присутствии ПАВЛЫЧЕВА. Лично я свидетелем применения этих методов не был, но слышал в соседней комнате возню, крики и стоны и видел, как оттуда выходил ПАВЛЫЧЕВ.

На совещаниях ДОЛГУШЕВ вскользь говорил против применения к арестованным физических методов воздействия, и по этому поводу были два приказа.

(Оглашены показания свид[етеля] ВАРАКОВА – л. д. 38 об., т. 3).

Возможно, о совещаниях, на которых ДОЛГУШЕВ предупреждал против применения физического воздействия к арестованным, я слышал от работников УНКВД, и утверждать, что такие указания ДОЛГУШЕВ давал, не могу. Приказы же по этому поводу видел лично, но и сейчас считаю, что они были для отвода глаз, ибо физические методы, как говорили, являлись не исключением, а системой, и среди сотрудников шли разговоры, что санкция на это идет свыше. Лично я санкции на применение физических методов воздействия не просил и с ДОЛГУШЕВЫМ по этому поводу не говорил.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

К моему приходу в УНКВД дела на быв. сотрудников были разбросаны по всем отделам. С целью упорядочения следствия по этим делам я специально организовал отдельную следственную группу и с тем, чтобы

в ней не было знакомых подследственным, укомплектовал ее периферийными работниками.

ВАРАКОВ, как работник, сначала производил хорошее впечатление, но потом не было дня, чтобы АКИМОВ, МАРЧЕНКО или СТРОИЛОВ не приходили и не жаловались, что за все время следствия он не закончил ни одного следственного дела, что упор берёт только на реабилитацию и освобождение арестованных, и что, вместо выполнения даваемых ему поручений, уходит в театр. Об этом доложил мне и ПАВЛЫЧЕВ, и вот тогда у меня и был разговор с ВАРАКОВЫМ по поводу дела КОЛБАСЕНКО, примерно в такой форме, как он показал. Правда, его показания несколько сгущены: я ему заявил тогда, что его линия только на реабилитацию без проверки хотя бы только изложенного в справке – неправильна. Допускаю, что мог сказать и о возможности ареста его. Имел с ним и второй разговор после того, как он, получив приказание, вместо выполнения его ушёл в театр. В результате всех этих жалоб у меня о ВАРАКОВЕ стало складываться уже другое мнение, к тому же в тот период я был ознакомлен в обкоме с поступившими на ВАРАКОВА компрометирующими материалами.

Дело ГОЛЬДЕНЦВАЙГА я хорошо не помню. МИХАЙЛОВ действительно был арестован, но после проверки имевшихся на него материалов я убедился, что они относятся не к нему, и дал распоряжение освободить его.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] ВАРАКОВ:

Да, был случай, когда при докладе ДОЛГУШЕВУ дела КОРНЕЛЮШИНА, в котором было зафиксировано заявление о клеветнических показаниях, ДОЛГУШЕВ одобрил фиксацию этого заявления в протоколе допроса и привёл пример из практики наркомата, где один арестованный оговорил много людей.

В 21.50 объявлен перерыв судзаседания.

В 22.30 судебное заседание продолжается.

Свидетель АЛЪТЗИЦЕР Соломон Абрамович, 1898 г. рождения, служащий, член ВКП(б), в органах НКВД работал с 1928 по 1939 г., последняя должность – нач[альник] 8[-го] отделения УНКВД, уволен за невозможностью дальнейшего использования, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

Дела, заслушанные на последней тройке при УНКВД, были получены из Москвы, куда до того они направлялись по альбомам. С получением этих дел был зачитан приказ, согласно которому не подлежали рассмотрению тройкой дела на иностранцев, сотрудников НКВД и специалистов. В связи с этим дела на иностранцев сразу же были отобраны и возвращены в Москву.

Как-то один из докладчиков на тройке принёс среди других дел также дела на сотрудников, поступившие из наркомата при списках, утверждённых наркомом. ДОЛГУШЕВ сказал, что эти дела слушать не полагается и оставил их у себя. Не допустил он рассмотрение таких дел и на следующем заседании, заявив, что по этому вопросу будет разговаривать с

наркомом, а затем сообщил, что по разъяснению наркома дела на сотрудников, не имеющих звания, подсудны тройке.

На вопросы суда свидетель АЛЬТЗИЦЕР:

Я являлся секретарем тройки. Отпечатанные протоколы заседаний тройки я сверял с повестками, на которых имелись резолюции председателя, т. е. нач[альника] УНКВД. После этого протоколы сверялись прокурором и представителем обкома партии со своими отметками на повестках, для чего повестки и протоколы мы отвозили им. Представитель обкома обычно проверку производил редко, а, видя на протоколе подписи нач[альника] УНКВД и прокурора, подписывал и сам.

Предписания коменданту на исполнение приговоров тройки писались после подписания протоколов членами тройки.

Протоколы я подписывал как секретарь тройки, но на заседаниях присутствовал очень редко, и фактически протоколы там не вели, а печатали потом с повесток.

В среднем на каждом заседании тройки рассматривалось по 40–50 дел.

При печатании протоколов мне лично с сомнительными случаями в части меры наказания встречаться не приходилось.

Вычёркивание в повестках указаний о принадлежности обвиняемых к органам НКВД производил ДОЛГУШЕВ, но, возможно, что в других случаях это делалось нач[альниками] отделов при подписании ими повесток. С какой целью вычёркивались эти данные, не знаю. Возможно, объясняется это тем, что не было твёрдого решения о подсудности тройке дел на сотрудников, но тогда встает вопрос, почему на других повестках по таким же делам никаких исправлений не вносилось, и указание о принадлежности обвиняемого к сотрудникам оставалось.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

ТОЛКАЧ Фаина – машинистка. Расстреляна она по решению тройки как шпионка. Точно об имевшихся на нее материалах сейчас не помню, но её собственное признание в деле имелось.

Свидетелю АЛЬТЗИЦЕР предъявлена повестка по делу ТОЛКАЧ Фаины.

На вопросы суда свидетель АЛЬТЗИЦЕР:

Исправления на этой повестке сделаны ДОЛГУШЕВЫМ, это его почерк.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Да, исправления на этой повестке сделал я. ТОЛКАЧ являлась машинисткой ОИТК, поэтому я и вписал это название, а слова «Особого отдела» зачеркнул. Никакой фальсификации здесь нет.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] АЛЬТЗИЦЕР:

На совещаниях, где бы ДОЛГУШЕВ давал указания не применять к арестованным методов физического воздействия, я не присутствовал.

С приходом ДОЛГУШЕВА в УНКВД районам были даны указания не производить самостоятельно арестов, а все материалы направлять в областной аппарат и обязательно испрашивать санкцию прокурора.

ДОЛГУШЕВ требовал также, чтобы перед направлением дела в суд были произведены очные ставки и передопрос свидетелей по делу.

Свидетель НАГОРНЫЙ Иван Григорьевич, 1902 г. рожд., рабочий, член ВКП(б), в органах НКВД работает с 1925 г., нач. внутренней тюрьмы НКВД УССР, ст. лейтенант госбезопасности, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

Я присутствовал на банкете в приезд ЕЖОВА в Киев. ЕЖОВ тогда выступил с речью о вражеском руководстве в органах, говорил, что оно затирало оперуполномоченных, держало их в чёрном теле, и при этом назвал КОРКУНОВА, ПЕРЦОВА и ДОЛГУШЕВА, заявив, что они – люди молодые, способные, и их нужно выдвигать.

На вопросы суда свидетель НАГОРНЫЙ:

Как-то по выходе из наркомата я встретил ДОЛГУШЕВА, и он рассказал мне, что получил назначение на должность нач[альника] УНКВД по Киевской области. Я высказал своё удивление, так как совсем недавно он был назначен начальником 1-го отдела. ДОЛГУШЕВ ответил: «Сие от меня не зависит. Сегодня ты – начальник тюрьмы, а завтра, может быть, пойдешь на моё место».

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

На банкете ЕЖОВ не называл ни одной фамилии, а говорил вообще об «операх», т. е. оперативных работников.

Встретив у наркомата НАГОРНОГО, я сказал ему, что идут слухи о назначении его начальником 1 отдела. НАГОРНЫЙ заявил, что на эту должность не пойдет, так как не справится с ней. Я ответил, что и сам не хотел идти на область, но меня заставили, и рассказал об угрозах УСПЕНСКОГО оргвыводами.

На вопросы суда свидетель НАГОРНЫЙ:

Настроение у ДОЛГУШЕВА при встрече с ним было возбуждённое, чувствовалось, что он внутренне переживает, не хочет идти на должность нач[альника] УНКВД, но прямо об этом мне не говорил.

Банкет был давно, но, насколько помню, говоря об «операх», ЕЖОВ назвал фамилии, в том числе и фамилию ДОЛГУШЕВА.

Однажды мне пришлось в кабинете секретаря ожидать приёма к УСПЕНСКОМУ. У того в тот момент присутствовал ДОЛГУШЕВ, и через полуоткрытую дверь мне было слышно, как УСПЕНСКИЙ «крыл его матом».

ДОЛГУШЕВ принимал активное участие в партийной жизни коллектива, и ничего компрометирующего я за ним не замечал.

Начальником 1 отдела до ДОЛГУШЕВА был ДАЛЬСКИЙ, и его всегда можно было видеть в Валках с УСПЕНСКИМ. ДОЛГУШЕВ же, выполняя обязанности нач[альника] этого отдела, никогда вместе с УСПЕНСКИМ там не бывал и всегда находился в стороне от его приближённых.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] НАГОРНЫЙ:

Арестованного КОЗЛОВА я помню, он одно время сидел в камере вместе с ДОЛГУШЕВЫМ. Поведение КОЗЛОВА было ненормальным, и, если мне память не изменяет, то его даже направляли в психиатрическую больницу на экспертизу.

На вопросы суда свидетель НАГОРНЫЙ:

Какое заключение о состоянии здоровья КОЗЛОВА дала экспертиза, не знаю, но потом его судили, и он был осуждён к лишению свободы. Так как ненормальные люди судебной ответственности не подлежат, то из факта осуждения КОЗЛОВА выходит, что он просто «придурился».

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] НАГОРНЫЙ:

Случались ли с КОЗЛОВЫМ припадки эпилепсии, не знаю, но помню, что у нему ходил наш тюремный врач.

Совместно с ДОЛГУШЕВЫМ в одной камере сидел и БЕЛЕНЬКИЙ.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая, что по показаниям и ходатайству подсудимого ДОЛГУШЕВА и показаниям свидетеля НАГОРНОГО представляется необходимым допросить по эпизоду с КОЗЛОВЫМ содержавшегося под стражей в одной камере с ДОЛГУШЕВЫМ быв. сотрудника НКВД БЕЛЕНЬКОГО, вызвать последнего в судебное заседание и допросить в качестве свидетеля.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] НАГОРНЫЙ:

На прогулку арестованные во внутренней тюрьме выводились покамерно. Прогулка длилась 15–20 минут обязательно в присутствии надзирателя. Арестованные на прогулке ходили по дворику один в затылок другому, и разговоры между ними не разрешались.

Сколько раз ДОЛГУШЕВ в 1939 г. был на прогулке, сказать не могу, но, вообще, он выходил редко, и я даже вынужден был дать распоряжение дежурному, чтобы в случае отказа идти на прогулку выводить ДОЛГУШЕВА насильно.

В 23.30 объявлен перерыв судзаседания.

В 23.40 судебное заседание продолжается.

Свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ Михаил Михайлович, 1904 г. рожд., служащий, член ВКП(б), зам. нач. отдела УНКВД по Киевской области, лейтенант госбезопасности, по делу показал:

В период работы ДОЛГУШЕВА начальником УНКВД я работал в 3-м отделе и нач[альником] оперследгруппы в Б[елой]-Церкви.

После бегства УСПЕНСКОГО я с КАРАФЕЛОВЫМ были у врио наркома ОСОКИНА и доложили ему об имевшем место убийстве в УКНВД на допросе б[ывшего] работника отдела кадров МОЖЕЙКО. Об этом случае мы решили доложить по той причине, что он был скрыт, а, насколько нам было известно, в убийстве МОЖЕЙКО были замешаны ПАВЛЫЧЕВ и СТРОИЛОВ. Не мог не знать об этом факте и ДОЛГУШЕВ.

Доложил т. ОСОКИНУ и о случае с осуждённым тройкой нач[альником] пожарной команды гор. Киева БРЯНЦЕВЫМ. На следствии он дал показания о том, что ему как участнику к-р организации известны КАПУСТИН и ДАБКО. Однако последние арестованы не были, наоборот, ДОЛГУШЕВ дал указание исключить их из справки на БРЯНЦЕВА. В итоге БРЯНЦЕВ был тройкой осуждён, а КАПУСТИНА и ДАБКО вскоре перевели на работу в другие города.

Отношение ко мне со стороны ДОЛГУШЕВА было неприязненное по той причине, что я имел неосторожность выступить на партсобрании с

критикой работы СТРОИЛОВА и БАБИЧА и рассказать, как последний, будучи нач[альником] Звенигородской опергруппы, создал там массу «липовых» дел. Тогда же я выступал и по адресу ДОЛГУШЕВА, и был поставлен вопрос, что он не может оставаться руководителем УНКВД. В результате моих выступлений я был послан на район и, когда арестовали нач[альника] отдела, то на его место назначили нач[альника] отделения, а меня, зам[естителя] нач[альника] отдела, оставили на районе и даже не вызвали.

В УНКВД имелось очень много арестованных. Часть их содержалась под стражей явно неосновательно, но в результате неправильного руководства со стороны ДОЛГУШЕВА в УНКВД была создана такая обстановка, что следователь опасался поставить вопрос об освобождении. Назвать конкретные фамилии таких арестованных сейчас затрудняюсь.

ДОЛГУШЕВ постоянно ставил в пример БАБИЧА, указывал, что его дела всегда хорошо оформлены и могут быть пропущены по тройке. Сам же БАБИЧ проговаривался, что на тройке зачитывает показания с «франко-потолка», но это, как и создание «групповых» дел на 40 чел., ему сходило, так как он был специалистом на «арапские» номера.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ:

Деятельность БАБИЧА по Звенигородке проверялась ПОЛИЩУКОМ, но тот фактов фальсификации со стороны БАБИЧА не установил. Моё личное мнение, что этот вопрос он просто замазал, так как находился с БАБИЧЕМ в близких приятельских взаимоотношениях.

О деле МОЖЕЙКО мне известно лишь из разговоров сотрудников после бегства УСПЕНСКОГО. КАРАФЕЛОВ об этом факте знает лучше.

Имел место такой случай. Кажется, из наркомата прислали заявление о применении в УНКВД извращённых методов следствия. На этом заявлении, вместо расследования изложенного в нём, ПАВЛЫЧЕВ наложил резолюцию: «Особоуполномоченному. Расследовать, почему заявление попало на волю».

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Насколько помню, БАБИЧ ни разу не докладывал на тройке дел.

На вопросы суда свидетель АЛЬТЗИЦЕР:

Групповых дел на 40 чел., которые бы докладывались в тот период на тройке, не было.

Докладывал ли БАБИЧ дела на тройке, я затрудняюсь сказать.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

За все время моего пребывания в УНКВД в Звенигородке опергруппы не было, и БАБИЧ при мне начальником её не работал.

На применение физического воздействия к МОЖЕЙКО я санкции не давал, так как он был известен мне как больной человек, и об этом я даже сказал ПАВЛЫЧЕВУ.

После смерти МОЖЕЙКО мне был представлен акт о причинах смерти, ПАВЛЫЧЕВ и СТРОИЛОВ доложили, что физических методов воздействия к МОЖЕЙКО не применяли, потому я и распорядился сдать дело в архив.

Настроение не освобождать арестованных у работников действительно имелось, но с моим приходом до постановления ЦК было освобождено свыше 300 человек.

На партсобрании ЦИРУЛЬНИЦКИЙ действительно меня критиковал, но я лично против него ничего не имел. На должность нач[альника] отдела не вызвал его по той причине, что в опергруппе на районе в то время были нужны сильные работники.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ:

До партсобрания взаимоотношения с ДОЛГУШЕВЫМ у меня были нормальные, но после партсобрания изменились.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

На партсобрании по вопросу БАБИЧА я поддерживал ЦИРУЛЬНИЦКОГО. БАБИЧ же сблокировался со СТРОИЛОВЫМ, и они вместе повели против него борьбу, доказывая, что ему не место в органах. На партбюро я заявил, что они не правы, и что в условиях Звенигородки, известной мне по прежней работе, никак не могут быть такие дела, которые БАБИЧЕМ выдавались за истинные. В связи с этим для проверки деятельности БАБИЧА послали ПОЛИЩУКА. Тот привёз материалы о том, что там всё в порядке, однако, будучи потом в командировке в Звенигородке, я обнаружил, что в протоколах допроса обвиняемых имеются существенные противоречия, но очных ставок между этими обвиняемыми не проводили, и дела буквально в несколько дней были закончены и доложены на тройке.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ:

Письменных установок о применении физических методов воздействия не было, и на оперативных совещаниях ДОЛГУШЕВ предупреждал против избиения арестованных, требуя в случае необходимости обращаться за санкцией к нему.

МОЖЕЙКО был убит, и о том, что к нему применяли физическое воздействие, ДОЛГУШЕВ не знает не мог.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

ПАВЛЫЧЕВ мне доложил, что МОЖЕЙКО он не бил, а только один раз ударил по шее.

Расследования по поводу смерти МОЖЕЙКО я не назначил по той причине, что, зная его, был убежден, что достаточно только накричать на него, и от волнения он задохнется. По этой причине его даже освободили от проверки во время чистки партии.

Секретарь доложил, что вызванный согласно определению судзаседания свидетель БЕЛЕНЬКИЙ прибыл.

Свидетель БЕЛЕНЬКИЙ Елизар Борисович, 1907 г. рожд., член ВКП(б), нач[альник] спецчасти завода, в органах НКВД работал с 1930 по 1938 г., содержался под стражей с декабря 1938 г. по май 1939 г., был предан суду по ст. 206-17 п. «а» и судом оправдан, личных счетов с подсудимым не имеет, после предупреждения его председательствующим об ответственности за дачу ложных показаний на вопросы суда ответил:

С 17 января 1939 г. я 42 дня сидел в одной камере с ДОЛГУШЕВЫМ, а до того сидел и с КОЗЛОВЫМ. КОЗЛОВ производил впечатление ненормального человека: бывало, сидит, потом встанет и заявляет, что хочет идти домой. Находясь в Лукьяновской тюрьме, ставил табурет на стол и выкручивал лампочку. Как-то там же заявил, что закончит [жизнь] самоубийством, но намерения в исполнение не привёл.

С ДОЛГУШЕВЫМ я о КОЗЛОВЕ беседовал, так как КОЗЛОВ одно время работал у него.

Сидел ли ДОЛГУШЕВ в одной камере с КОЗЛОВЫМ, не знаю, но до меня этого не могло быть, так как КОЗЛОВ сразу же после ареста попал ко мне в камеру.

О КОЗЛОВЕ ДОЛГУШЕВ отзывался отрицательно.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] БЕЛЕНЬКИЙ:

С допроса ДОЛГУШЕВ всегда возвращался в нервном, возбуждённом состоянии, ходил по камере, а, успокоившись, говорил, что к нему применяли физическое воздействие. Следов этого воздействия я на нём не видел.

На вопросы суда свидетель БЕЛЕНЬКИЙ:

ДОЛГУШЕВ говорил мне, что его избивал ТВЕРДОХЛЕБЕНКО. По возвращении с допроса ДОЛГУШЕВ ходил по камере по той причине, что днём лежать запрещалось.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Состояние, когда я не мог без посторонней помощи повернуться на койке, относится не к этому, а к другому периоду. Но и во время совместного пребывания с БЕЛЕНЬКИМ в одной камере он сам же в уборной смотрел следы побоев на моем теле.

На вопросы суда свидетель БЕЛЕНЬКИЙ:

Следов побоев на теле ДОЛГУШЕВА я не видел.

Больше вопросов к свидетелям ТРЕЦОВУ и БЕЛЕНЬКОМУ подсудимый не имеет, и с его согласия указанные свидетели от дальнейшего присутствия в зале судзаседания освобождены.

В 0.30 объявлен перерыв судебного заседания до 25.II-[19]41.

25.II-[19]41, в 10.30, судебное заседание продолжается.

Свидетель ЛИВШИЦ Семён Николаевич, 1910 г. рожд., член ВКП(б), нач[альник] Кагарлыкского РО НКВД, лейтенант госбезопасности, в органах работает с 1934 года, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

Я работал в Черкассах. Туда приезжал ДОЛГУШЕВ, проводил совещания, на которых давал установки о форсировании следствия и документации дел. Последние нами сначала готовились на спецколлегию, а затем – на Особое совещание.

Особых извращений у нас не было, за исключением отдельных нарушений. О них я докладывал ДОЛГУШЕВУ. Так, был арестован рабочий с 45-летним стажем и я его освободил. Другого сделали атаманом банды, хотя в тот период ему было только 15 лет. Об этих делах ДОЛГУШЕВ

говорил на совещании, и виновные в аресте названных лиц получили взыскание.

На вопросы суда свидетель ЛИВШИЦ:

Вражеских указаний от ДОЛГУШЕВА я не получал. На совещаниях ДОЛГУШЕВ предупреждал против применения физического воздействия к арестованным и говорил: «Если нужно “всыпать”, получите у меня санкцию».

Больше вопросов к свидетелю ЛИВШИЦ не имеется, и с согласия подсудимого он освобождён от дальнейшего присутствия в зале судзаседания.

Свидетель КЛЕЙМАН Илья Наумович, 1907 г. рожд., член ВКП(б), зам[еститель] нач[альника] 3 отдела УНКВД по Киевской области, в органах НКВД работает с 1931 г., личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

В бытность ДОЛГУШЕВА нач[альником] УНКВД я работал начальником отделения, а затем – нач[альником] следгруппы. Являлся также секретарём парторганизации.

После бегства УСПЕНСКОГО по партлинии была создана комиссия по разоблачению вражеской работы по УНКВД. Комиссия обнаружила несколько десятков повесток, на которых рукою ДОЛГУШЕВА были сделаны исправления, касавшиеся специальности обвиняемых, их должностного положения, как например, обвиняемый являлся специалистом, а вместо этого ДОЛГУШЕВ написал «техник». Также было установлено осуждение тройкой 14–16 сотрудников НКВД. Подтвердились и некоторые факты антисемитских проявлений со стороны ДОЛГУШЕВА, хотя ряд и отпал.

Применение физических методов воздействия к арестованным в УНКВД являлось системой, хотя ДОЛГУШЕВ неоднократно предупреждал против этого и даже были случаи, что по моим рапортам о применении таких мер привлекал виновных к ответственности. Наряду с этим, приезжая в следгруппы, он сам лично применял физическое воздействие к арестованным независимо от того, нужно ли это было или нет.

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

На партсобрании в прениях выступил ВАРАКОВ и заявил, что ДОЛГУШЕВ в его присутствии вызвал ПАВЛЫЧЕВА и якобы сказал ему: «Поезжай в тюрьму и предупреди его (т. е. меня, КЛЕЙМАНА), что если он не будет давать больше дел, то поедет в лагерь». Как понимать это «поедет в лагерь», не знаю, так как ряд работников ехали туда по переводу на новую работу, а другие – как арестованные. ДОЛГУШЕВ ругал меня нередко, но об этом его предупреждении я от ПАВЛЫЧЕВА не слышал.

В качестве примера применения лично ДОЛГУШЕВЫМ мер физического воздействия к арестованным могу привести следующий факт. Имелся у нас арестованный армянин, являвшийся иранским подданным. Он подозревался в шпионаже, и в моем присутствии ДОЛГУШЕВ несколько раз ударил его. Впоследствии этот арестованный был освобождён. Несколько случаев такого же порядка было и со стороны ПАВЛЫЧЕВА.

Об убийстве МОЖЕЙКО. Оснований к его аресту не было. Он – старый чекист, авторитетный товарищ, пользовался уважением. Допрашивали его в следгруппе, которой руководил СТРОИЛОВ, и на одном из допросов МОЖЕЙКО умер. Расследуя этот случай, мы вызвали врача внутренней тюрьмы (фамилии его не помню). Он дал заключение, что по состоянию здоровья МОЖЕЙКО мог скончаться от напряжения в результате применения к нему физического воздействия. В акте же, приложенном к делу, его заключение было «резиновым». К смерти МОЖЕЙКО был причастен и ПАВЛЫЧЕВ, поэтому все материалы о нём мы передали в наркомат, в парторганизации которого он состоял. Говорил о нём и с зам[естителем] наркома КОБУЛОВЫМ, но чем закончилось дело в отношении ПАВЛЫЧЕВА, не знаю.

Был такой случай: я докладывал на тройке дело одного арестованного, который до ареста занимался в строительном институте. В связи с этим возник вопрос, кто он – техник или инженер, и потому дело с рассмотрения тройки было снято. Передопросом арестованного установили, что высшего образования он не имел, и тройка его осудила.

Антисемитские проявления со стороны ДОЛГУШЕВА подтвердились в двух случаях. 1-й случай – это когда ДОЛГУШЕВ по вопросу приема в органы на работу одного товарища заявил: «Нам в органы с Подола не нужны»¹⁵. Сам ДОЛГУШЕВ отрицал антисемитский характер высказывания по данному вопросу. Второго случая проявления им антисемитизма уже не помню.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Начальник Горотделения ТКАЧЕНКО¹⁶ как-то докладывал мне одну кандидатуру на секретного пом[ощника] уполномоченного, и по ходу доклада было видно, что рекомендуемый – с торгашескими наклонностями. Поэтому я и сказал: «Не берите торгашей с Подола, а рабочих».

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

Какой же это торгаш, если он – член партии, сейчас работает у ТКАЧЕНКО и работает хорошо.

О работе Уманской опергруппы мне известно только из общих разговоров. Говорили, что там существовала специальная комната для применения физического воздействия. Такая комната имела и в УНКВД. Лично я в ней не был, но о ней знали все. Она была специально оборудована для того, чтобы в ней можно было хорошо «поговорить», и называли её «комнатой смеха». Оборудование (обита войлоком) её было произведено ещё до ДОЛГУШЕВА, но в пользовании она находилась и при нём. В этой же комнате перед смертью побывал и МОЖЕЙКО, но по указанию

¹⁵ Подол – історичний район м. Києва на правому березі р. Дніпро, де традиційно мешкала велика кількість євреїв, які займалися торгівлею і кустарним промислом; один із символів київського єврейства в історичній пам'яті українського і єврейського народів.

¹⁶ Помилка у документі. Йшлося про начальника Жовтневого райвідділення НКВС м. Києва М. Ткаченка. Не плутати із заступником наркома внутрішніх справ УРСР І. Ткаченком.

ли ДОЛГУШЕВА или нет, не знаю. Сам же ДОЛГУШЕВ категорически утверждал, что предупреждал ПАВЛЫЧЕВА против применения к МОЖЕЙКО физического воздействия.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Комната, о которой говорил КЛЕЙМАН, действительно существовала, и во всех УНКВД это являлось узаконенным. Представляла она собой маленькую комнату с обитой войлоком дверью, стены её ничем оббиты не были, и в ней стоял диван.

Имелась ли специальная установка об организации таких комнат, я не знаю, и был ли МОЖЕЙКО в этой комнате, мне не известно.

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

Сотрудник УНКВД МАРЬЯНЧИК, относя к СТРОИЛОВУ рапорт о проделанной за день работе, случайно видел, что МОЖЕЙКО находился в той комнате.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Если МОЖЕЙКО заводили в эту комнату, то, естественно, не для того только, чтобы дать ему две пощечины. Правда, могли это проделать с целью психологического воздействия, устрашения ради, но надобности в этом не было, и я категорически заявляю, что подобных указаний не давал.

Извращения в работе Уманской опергруппы, о чем в деле имеются показания НЕЙМАНА, имели место до меня. Я же лично по Уманской группе дал санкцию на применение физического воздействия только к двум политбандитам, подозревавшимся в совершении террористического акта. «Дали» им тогда немного.

(Оглашены показания НЕЙМАНА – л. д. 187, т. 1).

КОЗАЧЕНКО вообще был лёгок на это дело, и от него всего можно было ожидать. С работы его снял я после того, как ко мне поступили сведения о его грубости и о том, что родственники его – евангелисты. С целью проверки последних данных я даже посылал специально человека на его родину, и потом вопрос о КОЗАЧЕНКО передал на разрешение парторганизации.

Свидетель РОЗЕНФЕЛЬД Степан Матвеевич, 1914 г. рожд., член ВКП(б), нач[альник] отделения УНКВД по Киевской области, в органах НКВД работает с июня 1939 г., по делу показал:

В УНКВД я работал уже после ДОЛГУШЕВА, с сентября 1939 г., в должности особоуполномоченного, и в этот период мне пришлось вести расследование по делу ЗАЙДА. ЗАЙД – инженер судоремонтного завода – был арестован и под влиянием физических методов воздействия дал показания, что является шпионом и указал ещё 12 человек. Трое из названных им лиц были арестованы и тройкой осуждены, а самого ЗАЙДА впоследствии освободили. Будучи после того в Сквире, я беседовал с нач[альником] РО БЕРМАНОМ, и он мне сказал, что являлся докладчиком на тройке по делам этих трёх человек. На двух из них имелось одно общее дело, но БЕРМАН по ошибке доложил его на тройке только в отношении одного обвиняемого. Эту ошибку обнаружил лишь на следующий день уже после заседания тройки и пошел к ДОЛГУШЕВУ. Тот якобы

взял дело и самолично от имени тройки проставил решение о расстреле второго обвиняемого. Так мне рассказал БЕРМАН.

На вопросы суда свидетель РОЗЕНФЕЛЬД:

ЗАЙД не прошел по тройке только потому, что был ей не подсуден, так как являлся инженером. Будучи освобождён, он написал заявление, что под влиянием избиений оговорил ряд лиц и просил их реабилитировать. Расследование по этому заявлению проводил я. С БЕРМАНОМ разговаривал уже после того частным порядком.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Такого случая не было и быть не могло хотя бы потому, что после заседания тройки повестки должны были сдаваться секретарю по счёту. Это может подтвердить секретарь тройки.

На вопросы суда свидетель РОЗЕНФЕЛЬД:

Расследование я проводил не по части ДОЛГУШЕВА, а в отношении работников, которые вели следствие. Из них ВАЙНТРАУБ вчера в связи с этим арестован, а ШАТОХИН уволен из органов. Следствие по делу ведёт особоуполномоченный УНКВД.

В 12.30 объявлен перерыв судзаседания.

В 13.45 судебное заседание продолжается.

Совещаясь на месте, ВТ вынес определение:

ВТ, учитывая, что обстоятельства, касающиеся дел быв. арестованного ЗАЙДА и репрессированных по его показаниям лиц, имеют существенное значение для данного дела,

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Затребовать для обозрения архивное след[ственное] дело по обвинению ЗАЙДА, а также материалы следствия в отношении сотрудников, оформивших на тройку дела арестованных по показаниям ЗАЙДА лиц.

2. Вызвать по этому же вопросу в качестве свидетеля БЕРМАНА.

Свидетель ШАПИРО Моисей Григорьевич, 1907 г. рождения, член ВКП(б), мл. лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работает с 1931 г., ныне слушатель высшей школы НКВД в Ленинграде, личных счетов с подсудимым не имеет, будучи предупреждён председательствующим об ответственности за дачу ложных показаний, по делу показал:

Мне ДОЛГУШЕВ давал распоряжение обходить ночью кабинеты следователей с целью проверки, не применяются ли ими физические методы воздействия к арестованным, и о результатах докладывать ему. В применении таких методов мною был уличён ШЕХТМАН, и за это он от ДОЛГУШЕВА получил взыскание.

На вопросы суда свидетель ШАПИРО:

К какому месяцу относится это распоряжение ДОЛГУШЕВА, не помню. Работал я в то время секретарем УНКВД.

О специальной комнате для избиения в ней арестованных я не знал, и ДОЛГУШЕВ о ней мне ничего не говорил.

По распоряжению ДОЛГУШЕВА я должен был пройти по коридорам, а также по улице вокруг здания УНКВД. И проследить, чтобы в окнах не

было света, так как с расположенного напротив дома можно было в этом случае всё видеть.

Однажды ДОЛГУШЕВУ кто-то позвонил, что на улице слышны крики, раздающиеся из УНКВД. ДОЛГУШЕВ послал меня проверить и доложить, из какого кабинета эти крики раздаются. Обойдя вокруг здания УНКВД, никаких криков я не услышал и доложил об этом ДОЛГУШЕВУ. Он мне не поверил и стал ругать, заявляя, что я панибратствую с работниками.

ДОЛГУШЕВ давал мне распоряжение проверять, кто избивает арестованных, и о результатах проверки докладывать ему. Что он предусматривал этим распоряжением, не знаю, так как можно предполагать и второй вариант, а именно, что делалось это из опасения, чтобы крики не были слышны на улице. На оперативных совещаниях он предупреждал следователей не заниматься рукоприкладством и говорил, что в случае такой необходимости нужно получить санкцию у него.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

С моим приходом в УНКВД я запретил бесшабашно избивать арестованных, как это практиковалось до меня, и с этой целью дал распоряжение ШАПИРО и коменданту ВОРОБЬЁВУ обходить кабинеты и проверять, как выполняется мое указание. Так как следовательский состав о моём распоряжении коменданту и ШАПИРО знал, то при их появлении они могли маскироваться. Поэтому я и предложил потом проверку проводить путём обхода двора, откуда и наблюдать сквозь окна за поведением следователей.

Больше вопросов к свидетелю ШАПИРО не имеется, и последний с согласия подсудимого от дальнейшего присутствия в зале судзаседания освобождён.

Свидетель КАРАФЕЛОВ Семён Борисович, 1904 г. рождения, член ВКП(б), в органах НКВД работал с 1927 по 1940 г., уволился по собственному желанию, ныне работает управляющим треста, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

Однажды, будучи вместе с ВАРАКОВЫМ в кабинете ДОЛГУШЕВА, я слышал, как последний, разговаривая по телефону с КЛЕЙМАНОМ, обвинял его в малом количестве дел и в пример приводил другого работника. После этого вошел ПАВЛЫЧЕВ и доложил, что едет в тюрьму. ДОЛГУШЕВ сказал ПАВЛЫЧЕВУ: «Скажи КЛЕЙМАНУ, что он или будет работать, [а не] то отправлю его с Украины».

У нас был установлен порядок, согласно которому нужно было представлять нач[альнику] отдела рапорт о проделанной за день работе. Однажды с таким рапортом я направился к СТРОИЛОВУ, но, не дойдя, в приоткрытую дверь увидел, что там, кроме него, находится ПАВЛЫЧЕВ, и услышал голос МОЖЕЙКО. Так как перед тем сотрудник РЕЙДЕР сообщил мне, что он получил приказание закончить за ночь дела на МОЖЕЙКО и МИРЕНШТЕЙНА для включения в последний альбом и что допрашивать их будут СТРОИЛОВ и ПАВЛЫЧЕВ, я решил к СТРОИЛОВУ не заходить и вернулся к себе. Спустя минут 40 поручил

МАРЬЯНЧИКУ отнести рапорт. Тот понёс и по возвращении сказал: «Вот, дали так дали МОЖЕЙКО. Теперь он будет говорить. Сидит весь мокрый». Это было под выходной день, а после него стало известно, что МОЖЕЙКО скончался.

Моя работа со следствием связана не была и потому о вражеских установках ДОЛГУШЕВА в след[ственной] работе мне ничего не известно.

На вопросы суда свидетель КАРАФЕЛОВ:

МАРЬЯНЧИК видел избитого МОЖЕЙКО в кабинете СТРОИЛОВА. Кроме СТРОИЛОВА, там присутствовал тогда и ПАВЛЫЧЕВ.

Специально предназначенной для применения физического воздействия комнатой являлась комната, соседняя с 32-й.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ:

Это была темная, без окон комната, обитая грубошерстной материей. Дивана там не было, стоял только стол, на котором и избивали арестованных.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

Следователем МОЖЕЙКО одно время был БЕЛОВ. Он мне рассказывал, что ему предложили применить к МОЖЕЙКО физическое воздействие, но он отказался, и после того дело от него забрал СТРОИЛОВ. БЕЛОВ также говорил, что, зайдя к СТРОИЛОВУ, увидел у него сидящего на стуле МОЖЕЙКО. СТРОИЛОВ сказал, что МОЖЕЙКО сейчас будет давать показания, но тот молчал, и БЕЛОВ убедился, что он мертв.

На вопросы суда свидетель КАРАФЕЛОВ:

На партсобрании СТРОИЛОВ говорил, что только раз ударил МОЖЕЙКО, потом повернул его голову и, называя шпионом, требовал показания. МОЖЕЙКО якобы в этот момент и умер.

ВТ, совещаясь на месте, вынес определение:

Учитывая, что по показаниям свидетеля КАРАФЕЛОВА представляется необходимым допросить МАРЬЯНЧИКА по вопросу смерти МОЖЕЙКО,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Вызвать МАРЬЯНЧИКА в судзаседание и допросить в качестве свидетеля.

В 14.15 объявлен перерыв судзаседания.

В 14.25 судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил, что представлены затребованные трибуналом: дело по обвинению ЗАЙДА и материалы расследования по вопросу оформления на тройку дел ЛЕВИНА, ЛЕВЧЕНКО и МИХЕЛЬСОНА, арестованных по показаниям ЗАЙДА.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: огласить материалы расследования об оформлении по тройке арестованных по показаниям ЗАЙДА гр.гр. ЛЕВИНА, ЛЕВЧЕНКО и МИХЕЛЬСОНА.

Оглашены: 1. Заключение по материалам расследования; 2. Протокол допроса ЗАЙДА, где он признаёт себя агентом английской разведки и 3. Повестка заседания тройки о ЛЕВИНЕ без даты с резолюцией «Р».

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Это моя резолюция. Отсутствие на повестке даты – просто упущение.

Оглашена повестка заседания тройки о ЛЕВЧЕНКО, на которой также имеется резолюция ДОЛГУШЕВА «Р».

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Термином «репрессирован» мы обозначали не только осуждённых, но и арестованных. По этой причине в повестке и указано, что ЗАЙД репрессирован, так как к тому времени он уже был арестован.

Оглашена повестка заседания тройки о МИХЕЛЬСОНЕ с резолюцией на ней ДОЛГУШЕВА «Р».

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Дела о ЛЕВИНЕ, ЛЕВЧЕНКО и МИХЕЛЬСОНЕ были закончены раньше, потому их и рассмотрели на тройке как законченные. Ожидать для этого окончания дела на ЗАЙДА не требовалось, и так делалось в НКВД СССР и в Военной коллегии.

ВТ, совещаясь на месте, вынес определение:

Учитывая существенное значение для дела оглашённых материалов – заключения по материалам расследования и повесток заседания тройки, ВТ

ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребовать копии этих материалов для приобщения к настоящему делу.

Кроме того, истребовать из 1 спецотдела УНКВД для обозрения вторые экземпляры повесток о ЛЕВИНЕ, ЛЕВЧЕНКО и МИХЕЛЬСОНЕ для проверки, имеются ли на них отметки о решении остальных членов тройки.

Секретарь доложил о прибытии вызванного по определению ВТ свидетеля МАРЬЯНЧИК.

Свидетель МАРЬЯНЧИК Исаак Моисеевич, 1912 г. рожден., член ВКП(б), оперуполномоченный УНКВД, сержант госбезопасности, в органах НКВД работает с 1938 г., будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, на вопросы суда ответил:

В конце 1938 г., когда я работал в 9 отделе, мне нужно [было] дать на подпись один документ. Войдя в кабинет СТРОИЛОВА, увидел там его, ПАВЛЫЧЕВА и МОЖЕЙКО. Рубаха на последнем была вся мокрая от пота, а вокруг него на полу разлита вода. СТРОИЛОВ и ПАВЛЫЧЕВ обратились к нему: «Ну, теперь ты будешь давать показания». МОЖЕЙКО в ответ сделал отрицательное движение головой. О виденном я рассказал КАРАФЕЛОВУ.

На вопросы суда свидетель КАРАФЕЛОВ:

Это было под выходной день. МАРЬЯНЧИК мне сказал, что у СТРОИЛОВА сидит весь мокрый МОЖЕЙКО, и добавил: «Вот дали, так дали. Теперь, кажется, начнет давать показания».

На вопросы суда свидетель МАРЬЯНЧИК:

Да, было так.

Свидетель СЛАВИН Андрей Дмитриевич, 1904 г. рожд., б/п, с 1926 по 1939 г. состоял членом ВКП(б), исключён с мотивировкой «за утерю бдительности к врагам народа», в органах НКВД работал с 1929 по 1939 г., последняя должность – зам[еститель] нач[альника] 2 отдела НКВД УССР, ныне – преподаватель истории в средней школе, несудимый, состоит под следствием по ст. 206-17 п. «а» УК УССР, будучи предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний, по делу показал:

Прямых, непосредственных отношений по работе у меня с ДОЛГУШЕВЫМ не было, и что суд интересуется, не знаю.

На вопросы суда свидетель СЛАВИН:

До работы тройки мною совместно с НАЗАРЕНКО по линии 1-го спецотдела была дана директива на места о том, что дела на сотрудников НКВД должны готовиться на рассмотрение Военной коллегии или Военного трибунала.

С организацией троек был получен приказ о том, что лица с техническим образованием и военнотружущие со званиями тройке не подсудны, но о сотрудниках ничего не было указано. В связи с этим нач[альник] УНКВД по Черниговской области позвонил мне по телефону и спросил, как быть с уволенными сотрудниками, не имеющими званий. Я об этом запросе доложил УСПЕНСКОМУ, и тот мне заявил: «Никаких указаний по приказу не давайте, а отвечайте всем: “Читайте приказ”». Я так и отвечал. УСПЕНСКИЙ же после получения приказа вызывал на совещание начальников УНКВД ряда областей, в том числе и ДОЛГУШЕВА, но ни я, ни НАЗАРЕНКО там не были.

О том, что тройка УНКВД по Киевской области осудила ряд сотрудников НКВД, мне стало известно уже постфактум, в декабре 1938 г., от коменданта УНКВД ВОРОБЬЁВА.

Дела из наркомата в УНКВД при мне были переданы для рассмотрения на тройку 2–3 раза. Поступали они в 1 спецотдел из др. отделов при списках, и 1 спецотдел должен был получать от наркома санкцию на направление их на тройку. При мне дела на лиц, не подсудных тройке, на рассмотрение ее не направлялись. Правда, была попытка 2 отдела передать одно дело на технику, но, обнаружив это, я заставил переписать список, и дело в УНКВД не направил. Точно не могу утверждать, но, насколько помню, техники также были неподсудны тройке.

(Оглашён протокол очной ставки между свид[етелем] СЛАВИНЫМ и подсудимым ДОЛГУШЕВЫМ – л.д. 191, т. 1).

Директива по линии 1 спецотдела о подсудности сотрудников НКВД была спущена на места до получения циркуляра № 189, и в ней никакого разделения сотрудников на оперативных и неоперативных не делалось.

За разъяснениями по вопросу подсудности сотрудников ДОЛГУШЕВ ко мне не обращался, и по этому вопросу указаний после получения циркуляра № 189 я ему не давал.

По части фальсификации сведений в отчётности об осужденных я лично виновен в том, что не сумел своевременно узнать об этом. Первые сведения, представленные из УНКВД областей, УСПЕНСКИЙ забраковал, по словам НАЗАРЕНКО, по той причине, что в них был показан

большой процент социально близких нам людей. УСПЕНСКИЙ тогда якобы заявил: «Это дело рук людей, старающихся опорочить новое руководство». Представленные сведения были возвращены для перепроверки, но и второй вариант их не удовлетворил УСПЕНСКОГО, и по его указанию они нарочными были возвращены областям для исправления. Мне помнится, что ещё при получении первых сведений из Сталино я обратил внимание на то, что в них отсутствуют рабочие и крестьяне. Позвонил в УНКВД, чтобы их перепроверили, но нач[альник] УНКВД сообщил, что они соответствуют действительности.

В первых сведениях Днепропетровского УНКВД рабочие, колхозники и служащие составляли 70 %. УСПЕНСКИЙ и НАЗАРЕНКО по поводу этих сведений дали указания нач[альнику] УНКВД, и в присланном затем пересоставленном отчёте данные об этой категории лиц были уменьшены минимум на 50 %.

По-моему, сведения по Киевской области были с самого начала более или менее благополучны, и процент социально близких людей по ним был небольшой.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] СЛАВИН:

Телефонных указаний в дополнение к циркуляру № 189 я областям, в том числе и Киевской, не давал.

В Москву по поручению УСПЕНСКОГО я звонил по вопросу рассмотрения дел по национальностям, а о том, что дела на сотрудников, не имеющих звания, могут рассматриваться тройкой, я ДОЛГУШЕВУ не говорил, да и не мог говорить, так как спустя 2–3 дня после получения циркуляра № 189 я уехал в длительную командировку.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

О том, что дела на сотрудников, не имеющих звания, подлежат рассмотрению тройкой, мне сначала сказал СЛАВИН, и когда я по этому вопросу позвонил потом УСПЕНСКОМУ, тот тоже подтвердил. Ведь к одному списку даже была приложена записка СЛАВИНА следующего содержания: «Тов. ДОЛГУШЕВ. Такое-то дело, помеченное в списке, пока не рассматривайте, я о нем ещё раз доложу наркому».

Свидетель НАЗАРЕНКО Андрей Григорьевич, 1903 г. рожд., быв. член ВКП(б), исключён в связи с арестом, в органах НКВД работал с 1932 по 1939 г. нач[альником] 7 отдела НКВД УССР, ст. лейтенант госбезопасности, состоит под следствием по ст. 206-17 п. «а» УК, личных счетов с подсудимым не имеет, будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по делу показал:

Мне странно, почему ДОЛГУШЕВА обвиняют по вопросу статотчётности. Ведь составлял её КУПЫРИН — нач. 1 спецотдела со своим аппаратом, а ДОЛГУШЕВ только получил указание и передал его для исполнения.

Статотчётность из областей была прислана в наркомат без данных о соц[иальном] [и] полит. прошлом осуждённых, представление которых требовалось ежемесячно. Поэтому её возвратили областям для пересоставления, и по получении новых стат. сведений их переотправили в Москву.

Возвращение статотчётности областям было произведено по распоряжению УСПЕНСКОГО. Когда я по его вызову зашел к нему, там находились УСПЕНСКИЙ, ЯРАЛЯНЦ, ТРОИЦКИЙ, ДОЛГУШЕВ, и какой разговор был между ними до моего прихода, не знаю. Я только слышал, как УСПЕНСКИЙ ругал ДОЛГУШЕВА за отсутствие в его статотчётности данных о полит. прошлом осуждённых, после чего приказал мне отчёты вернуть областям для перепроверки и указания этих данных. Я это выполнил. На следующий день или несколько позже зашёл в УНКВД по Киевской области и видел, что к перепроверке отчётности там уже приступили, но я в их работу не вмешивался и никаких указаний на месте не давал.

Считаю, что за отчётность ответственность должен нести нач[альник] УСО КУПЫРИН, а не ДОЛГУШЕВ. Последнего я знал за хорошего работника и большевика. Ничего компрометирующего за ним не замечал.

На вопросы суда свидетель НАЗАРЕНКО:

Указания о составлении отчётности от меня получал не ДОЛГУШЕВ, а КУПЫРИН. Получал ли ДОЛГУШЕВ по этой части какие-либо указания от УСПЕНСКОГО, не знаю.

Согласно приказу Москвы, рабочие, колхозники, служащие, имевшие полит. прошлое, должны были учитываться не в графе, соответствующей их последнему положению, а в графе «прочие». Поэтому в спущенном мною областям указании я и предлагал при перепроверке статотчётности эту категорию осуждённых учитывать в соответствии с московским приказом.

Специально УНКВД по Киевской области указаний о порядке пересоставления статотчётности я не давал, проверку, как там идёт эта работа, не производил.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Мы должны были представить тогда сведения за полтора года без подразделения на периоды.

На вопросы суда свидетель СЛАВИН:

Нет, статотчёт тогда требовался с подразделением его на три периода.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Возможно, что и так, точно не помню.

В статотчётности были графы: «б[ывшие] люди», «жандармы», «служащие», «рабочие», «колхозники», «кулаки».

После представления в наркомат первого отчёта меня вызвали к УСПЕНСКОМУ. Там уже находился НАЗАРЕНКО, и в его присутствии УСПЕНСКИЙ заявил: «Единственно ЧИСТОВ правильно понял и составил отчётность. А смотрите, что вы накуралесили. Вы дискредитируете работу органов».

Наши сведения вызвали недовольство УСПЕНСКОГО тем, что в них было мало показано «быв[ших] людей», у ЧИСТОВА же, наоборот, их был большой процент, а рабочих – всего 4 человека. УСПЕНСКИЙ стал доказывать, что в графу «рабочие» или «колхозники» нельзя помещать колхозников и рабочих, имеющих полит. прошлое, как, например, быв. петлюровцы и др. С такой трактовкой я не согласился, но УСПЕНСКИЙ

заявил: «Вы ничего не понимаете», и, обратившись затем к ЯРАЛЯНЦУ, сказал ему: «Возглавьте бригаду, проверьте у него, а потом поговорим». Когда я вышел от УСПЕНСКОГО, НАЗАРЕНКО мне заявил: «Ну, вы хоть сведения перепутали, а при чём здесь я, за что меня ругать», и при этом сказал, что есть приказ — всех, у кого имелось политпрошлое, относить в графу «б[ывшие] люди». Такие же указания получил от него и нач[альник] 1 спецотдела, а когда в УНКВД приступили к перепроверке статотчёта, НАЗАРЕНКО лично произвёл проверку по одному протоколу и убедился, что больших расхождений с первыми сведениями нет.

На вопросы суда свидетель НАЗАРЕНКО:

В приказе НКВД СССР прямо указывалось, что б[ывшие] петлюровцы, политбандиты и т. п. должны учитываться в графе «б[ывшие] люди» независимо от того, являлись ли они рабочими, колхозниками или служащими.

Стат. отчётность областей УСПЕНСКОМУ докладывал не я, а ЯРАЛЯНЦ. Какой разговор по вопросу составления отчётности имел с ДОЛГУШЕВЫМ УСПЕНСКИЙ, не знаю.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Несколько позже мы представили в наркомат сведения об арестованных за месяц. По к-р в них были показаны одиночки. Спустя несколько дней УСПЕНСКИЙ вызвал меня и в присутствии БЕРЕЖНОГО заявил: «Что вы морочите голову этими сведениями? Я не верю, чтобы были только одиночки». БЕРЕЖНОЙ подхалимски подтвердил: «Этого не может быть. Я тоже не верю», и УСПЕНСКИЙ дал ему задание проверить наши сведения. Работал ли в тот момент в 1 спецотделе НАЗАРЕНКО, не помню.

На вопросы суда свидетель НАЗАРЕНКО:

В тот период в 1 спецотделе я уже не работал.

На вопросы суда свидетель СЛАВИН:

В 1 спецотделе БЕРЕЖНОЙ работал с сентября м-ца 1938 г.

Больше вопросов к свидетелям ШАПИРО, СЛАВИНУ и НАЗАРЕНКО не имеется, и с согласия подсудимого они освобождены от дальнейшего присутствия в судзаседании.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ Леонид Михайлович, 1908 г. рожд., арестованный, состоит под следствием по обвин[ению] в нарушении соц. законности, до ареста с 1929 г. состоял членом ВКП(б), в органах НКВД работал с 1931 г., последняя должность — нач[альник] 2 отдела НКВД УССР, капитан госбезопасности, личных счетов с подсудимым не имеет, будучи предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний, по делу показал:

В УКНВД по Киевской области я проработал всего лишь 2½ месяца с середины сентября 1938 г. К моему приходу там числилось около 4000 арестованных, но к их аресту ДОЛГУШЕВ, по-моему, отношения не имел, так как они содержались под стражей ещё с весны 1938 года, когда нач[альником] УНКВД был БАБИЧ. Дел на этих арестованных, по сути, не было, имелись лишь обложки с компрометирующим материалом,

который в большинстве случаев сводился к тому, что арестованный – «б[ывший] белый». Агентурная работа была в загоне и оживилась лишь впоследствии. В основном вопросе – применении физического воздействия – чувствовалась лёгкость. В связи с этим на оперативном совещании ДОЛГУШЕВ и я категорически предупредили аппарат против применения к арестованному физического воздействия без санкции нач[альника] УНКВД или его заместителя. Требовали также, чтобы это воздействие применялось в присутствии давших санкцию.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Я являлся заместителем нач[альника] УНКВД и пользовался правом дачи санкции на применение физического воздействия.

Такая санкция в отношении МОЖЕЙКО была дана не мной, а ДОЛГУШЕВЫМ после того, как я доложил ему, что о ней просит СТРОИЛОВ. СТРОИЛОВ же, обращаясь ко мне за санкцией на физическое воздействие к МОЖЕЙКО, доложил, что, работая много лет в органах НКВД, МОЖЕЙКО до 1930 г. продолжал оставаться в иностранном подданстве, что брат его расстрелян, а сам он возмутительно ведет себя на следствии. Я рассказал об этом ДОЛГУШЕВУ, и тот разрешил применить к МОЖЕЙКО физическое воздействие, но предупредил, что МОЖЕЙКО болен. Ночью я пришел на допрос, но МОЖЕЙКО отказался отвечать, и тогда я нанес ему пару пощёчин. Они убедили меня, что МОЖЕЙКО действительно болен, в связи с этим я прекратил его допрашивать и ушёл, а на утро мне стало известно, что он умер.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

ПАВЛЫЧЕВ, говоря со мной о деле МОЖЕЙКО и его поведении на допросах, сказал: «Может, всыпать ему?». Я ответил: «Его же нельзя бить, он больной и задохнётся на допросе».

За санкцией на применение физического воздействия к арестованным сотрудникам ко мне обращались многие работники, однако ни на одного сотрудника санкции я не дал.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

На тройке рассматривались дела только с уклоном по шпионажу. Дела на сотрудников рассмотрению не подлежали, и только впоследствии мне стало известно, что несколько таких дел по распоряжению УСПЕНСКОГО всё же были рассмотрены тройкой. Как потом оказалось, три из них утверждены мною, но это произошло по той причине, что ни в деле, ни в справках не указывалось, что обвиняемые – сотрудники НКВД.

О деле КОЛБАСЕНКО. Когда это дело мне доложил ВАРАКОВ, в нём имелись реабилитирующие КОЛБАСЕНКО копии документов, и я увидел, что КОЛБАСЕНКО арестован напрасно. Докладывая дело, ВАРАКОВ настаивал на освобождении КОЛБАСЕНКО, но я решил освобождение задержать, так как в отношении его жены имелись материалы, что она была связана с иностранным консульством, и потому, по совету с ДОЛГУШЕВЫМ, дал указание ВАРАКОВУ проверить это обстоятельство агентурными возможностями, решив освободить КОЛБАСЕНКО совершенно чистым. После этого лично разговаривал с КОЛБАСЕНКО и недвусмысленно дал ему понять, что он будет скоро освобождён.

Оставляя у себя дело, я действительно предложил ВАРАКОВУ забрать реабилитирующие КОЛБАСЕНКО материалы, так как о них мне было известно, и потому они мне не были нужны.

Дело КОЛБАСЕНКО я от ВАРАКОВА не отбирал и таких указаний никому не давал.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

До меня в деле КОЛБАСЕНКО реабилитирующих его материалов не было. Собрал их я, и ПАВЛЫЧЕВ до доклада мною ему дела знать о них не мог. При докладе ему дела он спросил у меня, что за пакет в деле. Я ответил, что это – реабилитирующие КОЛБАСЕНКО материалы, и ПАВЛЫЧЕВ, даже не просмотрев их, предложил материалы забрать, сказав: «Они мне не нужны».

В отношении жены КОЛБАСЕНКО имелись сведения не о связях с консульством, а с военными работниками, но проверить это обстоятельство агентурными возможностями я никак не мог, так как жена КОЛБАСЕНКО умерла, а источник, давший сводку, остался неизвестен. Все же другие возможности мною были использованы.

Дело КОЛБАСЕНКО лично я ДОЛГУШЕВУ не докладывал, по-видимому, сделал это ПАВЛЫЧЕВ.

Насколько мне известно, после изъятия у меня дела КОЛБАСЕНКО он в кабинете МАРЧЕНКО был подвергнут физическому воздействию. Было это в бытность ДОЛГУШЕВА, но работал ли ещё тогда ПАВЛЫЧЕВ, не знаю.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Материалы в отношении КОЛБАСЕНКО ДОЛГУШЕВУ докладывал я, и мы пришли к заключению, что его нужно освободить, но предварительно проверить имевшиеся на него материалы.

Лично я санкцию на применение к КОЛБАСЕНКО физического воздействия не просил и такого воздействия к нему не применял.

ДОЛГУШЕВ в моём присутствии ВАРАКОВУ в связи с делом КОЛБАСЕНКО не угрожал.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Кто мне докладывал дело КОЛБАСЕНКО, не помню. Сделать это могли ПАВЛЫЧЕВ или СТРОИЛОВ, но о наличии реабилитирующих КОЛБАСЕНКО материалов я ничего не знал.

В присутствии кого происходил мой разговор с ВАРАКОВЫМ по вопросу дела КОЛБАСЕНКО, не помню. Возможно, что тогда присутствовал ПАВЛЫЧЕВ.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

В разговоре с ДОЛГУШЕВЫМ о деле КОЛБАСЕНКО я сказал, что имеется ряд реабилитирующих КОЛБАСЕНКО документов.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Ни об одном таком документе я ничего не знал, и мне никто об этом не говорил.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

Уже после освобождения КОЛБАСЕНКО мне стало известно, что в апреле 1938 г. он писал в Москву рапорт относительно УСПЕНСКОГО и

копию этого рапорта, изорванную на клочки, хранил во время пребывания под стражей в подкладке полученной в тюрьме шапки.

На вопросы суда свидетель КАРАФЕЛОВ:

После освобождения КОЛБАСЕНКО рассказывал мне, что им через фельдсвязь НКВД был послан в Москву рапорт на УСПЕНСКОГО. Спустя пару дней его вызвал ДОЛГУШЕВ и стал ругать: «Чем вы стали заниматься». КОЛБАСЕНКО якобы заявил, что пойдет жаловаться в парткомитет, а спустя два часа был арестован. В момент ареста копия рапорта об УСПЕНСКОМ находилась при КОЛБАСЕНКО, и он, попросившись в уборную, разорвал её там на клочки и спрятал в подкладку фуражки.

Дело КОЛБАСЕНКО мною было передано МАРЧЕНКО по распоряжению ПАВЛЫЧЕВА.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: В связи с показаниями свидетелей ПАВЛЫЧЕВА, КАРАФЕЛОВА и ВАРАКОВА по вопросу ареста КОЛБАСЕНКО представляется необходимым допросить самого КОЛБАСЕНКО, а потому вызвать последнего в судебное заседание в качестве свидетеля.

В 17.20 объявлен перерыв судзаседания.

В 20.25 судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии вызванного по определению ВТ свидетеля КОЛБАСЕНКО.

Свидетель КОЛБАСЕНКО Леонид Логвинович, 1899 г. рожден., член ВКП(б) с 1918 г., в органах НКВД работал с 1921 г. по день ареста в 1938 г., лейтенант госбезопасности, до ареста работал в отделе кадров УНКВД по Киевской обл., будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, на вопросы суда ответил:

Сразу же после ареста мне было предъявлено обвинение в измене родине, и первым вопросом следователя ОВЧАРОВА было: «Ты — не КОЛБАСЕНКО. Скажи, кто ты такой?». Дней через 5 он вызвал снова и продолжал задавать те же вопросы. В удостоверение того, что я — действительно КОЛБАСЕНКО, я просил допросить члена партии с 1912 г., очень хорошо меня знающего, но этого сделано не было. Потом меня передали другому следователю, фамилии которого не знаю, и тот стал говорить, что я — польский поручик. Между прочим, в постановлении и ордере на арест были записаны не мои имя и отчество.

После того я попал к следователю ПЕТИЛКО. Во время одного допроса вошёл ДОЛГУШЕВ и сказал: «Что думаешь? Будешь давать показания?». Я ответил, что ни в чём не виноват, но ДОЛГУШЕВ заявил: «Если не подпишешь материалы, я тебе рёбра поломаю. Так что учти».

Затем я был передан КАРАФЕЛОВУ и от него узнал, что моё дело будет передано МАРЧЕНКО. Тот вызвал меня дней через 5 и сразу предложил: «Пиши, что ты — польский шпион». Я ответил, что оговаривать себя не буду, после чего МАРЧЕНКО достал из стола резину и в продолжение 2 часов бил ею по голове, а затем стал вырывать волосы. При этом присутствовал ЛАМЕКИН¹⁷, который даже сказал мне: «Пиши, а то всё равно убьют». Я и на этот раз сказал, что мне не в чем признаваться и

¹⁷ У документі помилково — Ломеко.

оговаривать себя не буду. На это МАРЧЕНКО заявил: «Ну, ладно. Отведу в комнату смеха» и вышел. Спустя 5 минут вернулся в раздражённом состоянии, вызвал вахтёра и приказал отвести меня в камеру.

Следствие по моему делу проводил и ВАРАКОВ. У него я был до МАРЧЕНКО, и ВАРАКОВ мне сказал, что со мной будет разговаривать зам[еститель] нач[альника] УНКВД ПАВЛЫЧЕВ. Тот действительно пришёл и сказал мне, чтобы я подумал хорошенько. После этого разговора с ПАВЛЫЧЕВЫМ я и попал к МАРЧЕНКО.

Я – быв[ший] партизан, дважды награждён орденом «Красное знамя». Моё военное дело при поступлении в органы НКВД было сдано в отдел кадров, но в период содержания под стражей его там не оказалось.

Помимо всего, меня обвиняли также в связи с двоюродными братьями, которые якобы оказались польскими шпионами. Этих двоюродных братьев я не знал и видел лишь один раз, когда они сами приехали ко мне и назвались моими родственниками. Об этом я тогда же сообщил в Особый отдел.

В 1930 г. я являлся секретарём Особого совещания и однажды, проверяя по распоряжению КАРЛСОНА бумаги в его кассе, обнаружил материалы о том, что ЛЮШКОВ в 1920 г. дезертировал из Красной армии. Тогда же поставил этот вопрос на партбюро, но его там замаяли, и я по этому поводу написал в Москву.

Кроме того, наркомку ИВАНОВУ подал рапорт о том, что, по словам быв[шего] сотрудника ГИПСИЛИСА, зам[еститель] наркома КАРЛСОН – не член партии с 1905 года, как числился по документам. ИВАНОВ, по-видимому, рассказал об этом КАРЛСОНУ, и тот как-то подозвал меня и сказал: «Что ты там на меня пишешь, а не пришёл и не рассказал».

На имя ЕЖОВА мною были направлены также рапорта о том, что к нач[альнику] отдела кадров [НКВД УССР] ГРИГОРЬЕВУ приезжал из-за границы его брат, а СЕВЕРИН в прошлом являлся троцкистом. СЕВЕРИНУ, по-видимому, стало известно о моём рапорте, так как при встрече со мной он сказал: «Пишете в Москву? Ну, что ж, пожалеете».

В бытность на Украине УСПЕНСКОГО нач[альник] отдела кадров КУЗЬМИН¹⁸ предложил мне выписать справки на сотрудников по материалам личных дел. Я заявил, что никаких оснований для этого нет, но он настаивал. Поэтому тогда же, в 1938 г., я написал ЕЖОВУ о положении с арестами с приездом УСПЕНСКОГО на Украину.

В 1934 г., получив от жены сведения о шовинизме ХВЫЛИ и ЯНОВСКОГО, я написал заявление об этом в контрольную комиссию ЕЖОВУ и копию передал нач[альнику] СПО КОЗЕЛЬСКОМУ. О моих заявлениях было известно печатавшей их машинистке БОРОДЯНСКОЙ. Копии их изъяли при аресте, за исключением копии письма об УСПЕНСКОМ. Копия этого письма в момент моего ареста находилась при мне, и, воспользовавшись тем, что до водворения в камеру обыска не делали, я разорвал её на мелкие клочки и спрятал под подкладку фуражки. После освобождения эту фуражку сдал на хранение своему знакомому

¹⁸ Вірогідно, йдеться про помічника начальника УНКВС по Київській області К. Козьмініх, який тоді курував кадрову роботу в УНКВС.

– быв[шему] чекисту, о чём поставил в известность сотрудников УНКВД и потом в их присутствии эти клочки копии заявления изъят оттуда.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

К своим показаниям хочу внести такую поправку. При докладе мне ВАРАКОВЫМ дела КОЛБАСЕНКО я не знал о наличии на жену последнего материалов. Об этих материалах мне стало известно спустя несколько дней, когда я, забрав это дело у ВАРАКОВА, пошёл с ним к ДОЛГУШЕВУ. ДОЛГУШЕВ тогда высказал недовольство: «Что это он к тебе пошёл, а не ко мне», вызвал ВАРАКОВА и крупно с ним поговорил. Здесь мне и стало известно о материалах на жену КОЛБАСЕНКО.

На вопросы суда свидетель КОЛБАСЕНКО:

В разговоре со мной ПАВЛЫЧЕВ об освобождении меня ничего не говорил, а только сказал, что нужно подумать. Грубым в обращении со мной он тогда не был, и виновным в своём аресте и применении ко мне физического воздействия я его не считал.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Детали передачи дела КОЛБАСЕНКО от одного следователя к другому я не знаю.

На вопросы суда свидетель КАРАФЕЛОВ:

После того, как особая группа по сотрудникам была ликвидирована, дело КОЛБАСЕНКО попало к нам в 9 отдел в числе других 4-х дел. Я доложил об этом ПАВЛЫЧЕВУ, и тот дал распоряжение передать дело КОЛБАСЕНКО МАРЧЕНКО.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Вполне возможно, что было так. МАРЧЕНКО в то время являлся зам[естителем] нач[альника] ЭКО.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Допускаю, что мог дать распоряжение передать дело КОЛБАСЕНКО МАРЧЕНКО как менее заурядному.

Санкции на применение к КОЛБАСЕНКО физического воздействия я не давал и к 10 октября [1938 г.] из УНКВД перешёл уже на работу в наркомат.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Если память мне не изменяет, то по вопросу КОЛБАСЕНКО МАРЧЕНКО давал объяснения на партсобрании и заявил, что я санкции на физическое воздействие к КОЛБАСЕНКО не давал.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

МОЖЕЙКО был арестован задолго до моего прихода на работу в УНКВД. СТРОИЛОВ несколько раз докладывал, что МОЖЕЙКО возмутительно ведёт себя на следствии и вообще не хочет разговаривать. В последний свой доклад об этом попросил у меня санкцию на применение к МОЖЕЙКО физического воздействия, но, поскольку последний являлся сотрудником, я решил посоветоваться с ДОЛГУШЕВЫМ. К ДОЛГУШЕВУ, насколько помнится, я пришёл вместе со СТРОИЛОВЫМ, и ДОЛГУШЕВ санкцию дал, но предупредил, чтобы применяли её осторожно, так как МОЖЕЙКО болен. В 12 час. ночи я пришёл к СТРОИЛОВУ на допрос МОЖЕЙКО. Тот не захотел разговаривать. При имевшихся на него материалах его упорство и

нежелание разговаривать заставило меня дать ему пару пощёчин. После этого он стал тяжело дышать, пытался говорить, но слышалась только хрипота. Подумав, что он может «сдохнуть», я сказал об этом СТРОИЛОВУ и ушёл. Часов в 5 утра СТРОИЛОВ сообщил мне по телефону, что МОЖЕЙКО умер у него в кабинете. Я дал распоряжение вызвать коменданта и врача и соответствующим актом оформить смерть. Такой акт был составлен, и на основании его я прекратил дело. У СТРОИЛОВА я спрашивал, бил ли он МОЖЕЙКО после моего ухода, но тот категорически отрицал это.

На вопросы суда свидетель МАРЬЯНЧИК:

В кабинет СТРОИЛОВА я вошёл ночью. Там тогда находились СТРОИЛОВ, ПАВЛЫЧЕВ и МОЖЕЙКО. Последний был весь мокрый от пота, а на полу вода, которой его, по-видимому, обливали. ПАВЛЫЧЕВ спросил МОЖЕЙКО: «Ну, теперь будешь давать показания?». МОЖЕЙКО сделал отрицательное движение головой.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ пояснил:

МОЖЕЙКО был мокрый ещё до моего прихода, так как сам он – человек грузный, а дело ведь происходило летом. О разлитой по полу воде не помню.

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

Из личного дела МОЖЕЙКО было видно, что он – уроженец Латвии, член партии, участвовал в партизанском отряде. Таким образом, официально принимать советское подданство ему не нужно было.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

МОЖЕЙКО нельзя было считать иностранно-подданным, и до 1935 г. никаких указаний, чтобы уроженцы местностей, отошедших к др. государствам, официально принимали советское гражданство, не было.

На вопросы суда свидетель КОЛБАСЕНКО:

МОЖЕЙКО я знал по работе на протяжении 7 лет. У него был катар горла, и потому он вообще мало говорил. КУЗЬМИН предложил мне выписать на него справку на том основании, что он не принимает советское подданство. Ознакомившись с личным делом МОЖЕЙКО, я установил, что МОЖЕЙКО – быв[ший] поручик царской армии из рядовых, в органах НКВД работает с 1918 г., и потому высказал свое мнение, что иностранно-подданным считать его нельзя. В 1938 г. из Москвы пришло сообщение, что брат его арестован, но за что именно, указано не было. КУЗЬМИН тогда поднял шум, но в связи с тем, что МОЖЕЙКО находился в отпуске, решили подождать его возвращения. Чем кончилось дело, не знаю, так как вскоре я был арестован.

Совещаясь на месте, ВТ вынес определение:

Учитывая, что по показаниям свидетеля КОЛБАСЕНКО и объяснениям свидетеля ПАВЛЫЧЕВА представляется необходимым допросить находящегося под стражей быв[шего] сотрудника УНКВД МАРЧЕНКО, ВТ

ОПРЕДЕЛИЛ:

Вызвать МАРЧЕНКО в судебное заседание в качестве свидетеля на 26 февраля 1941 г.

В 20.00¹⁹ объявлен перерыв судебного заседания до 12.00 26 февраля 1941 г.

В 12.45 м. 26 февраля судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлен свидетель МАРЧЕНКО, вызванный согласно определению ВТ от 25.II-[19]41 г.

Свидетель МАРЧЕНКО Сергей Павлович, 1898 г. рожд., член ВКП(б) с 1928 г., партбилет отобран при аресте, до ареста – зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Киевской области, ст. лейтенант госбезопасности, состоит под следствием по ст. 206-17, будучи предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний, на вопросы ВТ ответил:

Дело КОЛБАСЕНКО было передано мне по распоряжению ДОЛГУШЕВА спустя месяц-два после моего прибытия в УНКВД. Ознакомившись с ним, установил, что там ничего нет, кроме того, что родственники КОЛБАСЕНКО репрессированы. Доложил своё мнение ДОЛГУШЕВУ, но тот сказал, что имеются показания ОРЛОВА или ОРЛОВСКОГО²⁰ из Особого отдела о шпионской деятельности КОЛБАСЕНКО. Так как это заявил мне нач[альник] УНКВД, я поверил и, вызвав КОЛБАСЕНКО, заявил ему, что он обвиняется в шпионской деятельности. КОЛБАСЕНКО это обвинение отрицал, в связи с чем я пошёл к ПАВЛЫЧЕВУ и спросил, как быть с делом, так как там ничего нет. ПАВЛЫЧЕВ дал указание поработать ещё, но я попросил дело забрать, и его передали в группу СТРОИЛОВА.

Кто персонально вручал мне дело КОЛБАСЕНКО, не помню, возможно, что КАРАФЕЛОВ.

Лично я вызывал КОЛБАСЕНКО раза 2–3, но «санкцию» к нему ни разу не применял и, почему он утверждает обратное, объяснить не могу. Вообще в УНКВД по Киевской области я ни к кому физического воздействия не применял, хотя в тот период крики и «мат» в коридорах стояли невероятные. У руководства УНКВД тогда стояли ДОЛГУШЕВ и ПАВЛЫЧЕВ.

В деле КОЛБАСЕНКО никаких документов, реабилитирующих его, не было, и о них ни ДОЛГУШЕВ, ни ПАВЛЫЧЕВ мне не говорили.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

МАРЧЕНКО просил меня, чтобы от него забрали дело КОЛБАСЕНКО. Я сказал, что по этому делу нечего уже делать, так как КОЛБАСЕНКО нужно освобождать, но, так как СТРОИЛОВ отсутствует, то пусть пока останется у него.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

¹⁹ Так у документі. Згідно з попередньою частиною протоколу, судові засідання поновилося у 20.25, отже мало закінчитися пізніше зазначеного часу.

²⁰ У 1937–1938 рр. було заарештовано декілька співробітників органів НКВС УРСР з такими прізвищами, але жоден з них тоді не служив в Особливому відділі і не числився як заарештований за особливими органами. Про це далі скаже О. Долгушев. Про кого конкретно йшлося, авторам-упорядникам встановити не вдалося. В архівній справі зазначених показань нема.

Точно не помню, но, возможно, ПАВЛЫЧЕВ говорил, что КОЛБАСЕНКО будет освобождён.

На вопросы суда свидетель КОЛБАСЕНКО:

Впервые к МАРЧЕНКО на допрос я был вызван 10 или 12 октября 1938 г., вечером, и до того его не знал. Побеседовав со мной минут 15, он отпустил меня. Через 2 дня вызвал вторично и предложил: «Расскажи о своей антисоветской деятельности». Я заявил, что ни в чём не виновен и писать ничего не буду. Тогда МАРЧЕНКО достал из стола резину толщиной с дюйм и стал избивать ею, вырывать волосы на голове. При этом говорил: «Жена твоя шпионка и ты шпион». Прodelывал он всё это в присутствии ЛАМЕКИНА, который в то время сидел на столе. Не добившись от меня признания, сказал, что поговорит со мной в комнате «смеха» и вышел. Вернулся через несколько минут, но ко мне уже не дотронулся, а стал бегать по кабинету, как задрaвленный зверь, потом вызвал вахтёра и приказал ему отправить меня в камеру.

О том, кто я такой, МАРЧЕНКО меня не спрашивал, но в деле имелись мои показания ВАРАКОВУ, в которых я говорил обо всём, в том числе и о копиях своих рапортов в Москву.

ДОЛГУШЕВ также знал меня, так как встречался со мной на квартире у НОСКОВА, с которым он играл в шахматы.

На вопросы суда свидетель ВАРАКОВ:

КОЛБАСЕНКО говорит правду, его показания мною были зафиксированы протоколом, и в нём было указано также, где могут находиться копии рапортов, о которых он показывал. Кроме того, по возвращении мне ПАВЛЫЧЕВЫМ дела после доклада ДОЛГУШЕВУ я вновь вложил туда пакет с копиями рапортов КОЛБАСЕНКО.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

Категорически утверждаю, что никаких документов, реабилитирующих КОЛБАСЕНКО, в деле не имелось.

На вопросы суда свидетель КОЛБАСЕНКО:

Показываю правду: МАРЧЕНКО применял ко мне физическое воздействие и, по словам КЛЕЙМАНА, признался ему в этом.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

Такого признания КЛЕЙМАНУ я не делал, и сам же КЛЕЙМАН в Москве от этих показаний отказался, заявив, что ПРОНИН неправильно записал.

В 13.30 объявлен перерыв судзаседания.

В 13.40 судебное заседание продолжается.

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

По делу КОЛБАСЕНКО мне в порядке парт. проверки пришлось беседовать с МАРЧЕНКО. Последний отрицал применение физического воздействия к КОЛБАСЕНКО, но сказал, что крепко разговаривал с ним и пару раз погладил по шее.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

Никогда я этого КЛЕЙМАНУ не говорил.

На вопросы суда свидетель КЛЕЙМАН:

К МАРЧЕНКО я злобы не питал и не питаю и потому оснований говорить неправду нет. Письменных объяснений по поводу КОЛБАСЕНКО я от него не брал и о беседе с ним говорю по памяти.

На указания ДОЛГУШЕВА или ПАВЛЫЧЕВА по части КОЛБАСЕНКО МАРЧЕНКО тогда не ссылался. КОЛБАСЕНКО же и тогда говорил, что физическое воздействие к нему применял только МАРЧЕНКО. Правда, сейчас в показаниях КОЛБАСЕНКО имеется некоторое расхождение, а именно: он заявил здесь, что при избииении его МАРЧЕНКО присутствовал ЛАМЕКИН, мне же он говорил, что ЛАМЕКИН вошёл после.

На вопросы суда свидетель КОЛБАСЕНКО:

ЛАМЕКИН присутствовал при избииении меня МАРЧЕНКО, так я говорил и КЛЕЙМАНУ.

В 14.00 объявлен перерыв судебного заседания до 10.00 27 февраля 1941 г.

27.II–[19]41 г., в 10.25, судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил, что прибыл вызванный согласно определению ВТ свидетель БЕРМАН.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свидетель МАРЧЕНКО:

За время совместной работы с ДОЛГУШЕВЫМ вражеских установок от него я не получал. Не получал и указаний о применении физического воздействия к арестованным.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

В шуме и криках, которые были слышны в коридорах УНКВД, о чём я вчера показал, были виноваты как руководство УНКВД, так и сами работники.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] МАРЧЕНКО:

Шум — это чрезвычайно громкий допрос, «мат» и крики во время допроса.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

Комната «смеха» существовала в УНКВД, но её я увидел только в последнее время, когда там хранились дела. Предназначалась она для применения в ней физического воздействия к арестованным, но стены её ничем обиты не были. Кто пользовался ею, не знаю, и из начальников отделов мне никто об этом не говорил.

По поручению зам[естителя] наркома КОБУЛОВА я проводил в Умани расследование по части обвинения САГАЛАЕВА в избииениях и установил, что такие факты имели место в 1937–[19]38 гг.

О КОЗАЧЕНКО рассказывали просто анекдоты, так как он отличался в применении физических методов.

НЕЙМАНА я знаю.

(Оглашены показания НЕЙМАНА — л. д. 187, т. 1).

КОЗАЧЕНКО действительно славился как пьяница, разложившийся человек. В обращении с арестованными он был зверем. Я его не допрашивал, так как проводил расследование лишь по части САГАЛАЕВА и ШИМАНСКОГО. САГАЛАЕВ отрицал применение им физического воздействия, но показал, что в этом изощрялся КОЗАЧЕНКО.

(Оглашены показания НЕЙМАНА – л. д. 185, т. 1).

Этот факт мне известен из следственного дела КОЗАЧЕНКО, но я не помню, чтобы говорили о присутствии ДОЛГУШЕВА при применении КОЗАЧЕНКО физического воздействия к арестованным.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Было арестовано 3 или 4 активных политбандита по подозрению в совершении террористического акта, и в отношении двух я дал санкцию на применение физического воздействия, однако сам при применении этого воздействия не присутствовал.

О 100 арестованных. Эти аресты к оперследгруппе не относятся и проводились милицией по линии изъятия активного уголовного элемента.

Санкции на применение в Умани физического воздействия, помимо случая с двумя политбандитами, я не давал и о том, что физическое воздействие там применяется, не знал. И ведь можно установить, что многие нач[альники] РО обращались ко мне по телефону за разрешением применить физическое воздействие, однако я им в этом отказывал.

Когда ко мне поступили сведения, что КОЗАЧЕНКО груб в обращении и скрывает сведения о семье, я послал для проверки особоуполномоченного ПОЛИЩУКА и потом снял КОЗАЧЕНКО с должности нач[альника] опергруппы.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] МАРЧЕНКО:

Я приходил к ДОЛГУШЕВУ по поводу плохого отношения ВАРАКОВА к поручаемой ему работе, говорил об этом и на собрании в присутствии ШАМРЫЛО²¹ ещё до бегства УСПЕНСКОГО. Такое же заявление на партсобрании сделал и АКИМОВ. ВАРАКОВ плохо работал с агентурой и вообще исправился только в 1941 году.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

На плохую работу ВАРАКОВА мне жаловались СТРОИЛОВ, АКИМОВ, МЕДВЕДЕВ, и по этому вопросу я разговаривал с ДОЛГУШЕВЫМ. Дело КОЛБАСЕНКО к этому отношения не имело.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

МАРЧЕНКО здесь заявил, что я якобы говорил ему о наличии показаний ОРЛОВА из Особого отдела о шпионской деятельности КОЛБАСЕНКО. Я работал в Особом отделе, знал, что ни среди работников, ни среди арестованных там ОРЛОВА не было, и потому этой фамилии назвать не мог. Я мог назвать ИГНАТОВА и одну артистку, которые после ареста много говорили по части разврата жены КОЛБАСЕНКО и о связи с работниками консульства. Об этом мог сказать с тем, чтобы проверить эти данные.

Специального указания о передаче МАРЧЕНКО дела КОЛБАСЕНКО я дать не мог и не давал. Мог распорядиться о передаче группы дел, а не отдельного дела.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

Я получил пачку дел, и среди них находилось дело КОЛБАСЕНКО. Ознакомившись с ним, доложил ДОЛГУШЕВУ, что, кроме агентурных

²¹ Тут і далі у документі помилково через літеру «и» у другому складі – Шамрило.

данных, там ничего нет, и совершенно точно помню, что ДОЛГУШЕВ тогда назвал ОРЛОВА или ОРЛОВСКОГО, который якобы знает о шпионской деятельности или связях КОЛБАСЕНКО. Установкой этого ОРЛОВА в Особом отделе я не занимался.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Я не мог говорить об этом и не помню случая, чтобы МАРЧЕНКО мне докладывал, что в деле КОЛБАСЕНКО ничего нет. К моменту передачи МАРЧЕНКО этого дела вопрос об освобождении КОЛБАСЕНКО был уже решён.

Свидетель МАРЧЕНКО:

Когда я докладывал ДОЛГУШЕВУ дело КОЛБАСЕНКО, вопрос об освобождении КОЛБАСЕНКО не стоял. Это дело я передал потом СТРОИЛОВУ по распоряжению ПАВЛЫЧЕВА.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

МАРЧЕНКО несколько путает. ВАРАКОВ спросил у меня, как быть с делом КОЛБАСЕНКО? Так как оно значилось в числе передаваемых МАРЧЕНКО дел, я и сказал передать. МАРЧЕНКО на следующий день по поводу этого дела пришёл ко мне. Я сказал ему, что оно его не обременит, так как КОЛБАСЕНКО подлежит освобождению, и ВАРАКОВ проверяет материалы о нём. Потом я перешёл на работу в наркомат и давать МАРЧЕНКО распоряжение о передаче СТРОИЛОВУ дела КОЛБАСЕНКО не мог.

Свидетель МАРЧЕНКО:

По поводу дела КОЛБАСЕНКО я сначала был на докладе у ДОЛГУШЕВА, а потом у ПАВЛЫЧЕВА, и по его распоряжению дело передал СТРОИЛОВУ.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Не могло этого быть, и СТРОИЛОВА тогда в УНКВД уже не было.

На вопросы суда подсуд[удимый] ДОЛГУШЕВ:

По части КОЛБАСЕНКО моя совесть чиста. О реабилитирующих его документах я не знал, и всё же вопрос о его освобождении был решён совместно с ПАВЛЫЧЕВЫМ, но нужно было проверить имевшиеся на него материалы.

На вопросы суда свидетель МАРЧЕНКО:

После доклада дела ДОЛГУШЕВУ я на основе его заявления о показаниях ОРЛОВА поставил перед КОЛБАСЕНКО вопрос, что он обвиняется в шпионаже.

На вопросы суда подсуд[удимый] ДОЛГУШЕВ:

Дело КОЛБАСЕНКО было передано МАРЧЕНКО не специально, а в связи с расформированием след. группы.

Свидетель БЕРМАН Владимир Моисеевич, 1908 г. рожден., член ВКП(б), в органах НКВД работает с 1935 г., нач[альник] Звенигородского РО, мл[адший] лейтенант госбезопасн[ости], личных счетов с подсудимым не имеет, будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, на вопросы суда ответил:

По части дела ЗАЙДА я ничего сказать не могу, и с РОЗЕНФЕЛЬДОМ разговора об этом деле у меня не было.

На вопросы суда свидетель РОЗЕНФЕЛЬД:

В один из своих приездов в г. Сквиру я разговаривал с БЕРМАНОМ о деле ЗАЙДА, рассказал о прошедших по тройке по его показаниям МИХЕЛЬСОНЕ, ЛЕВИНЕ и ЛЕВЧЕНКО. БЕРМАН сказал, что их дела на тройке докладывал он, но по одному делу, где проходило двое обвиняемых, доложил только в отношении одного. Обнаружив эту ошибку, пришёл на следующий день к ДОЛГУШЕВУ, и тот единолично вынес решение «Р» в отношении второго.

На вопросы суда свидетель БЕРМАН:

Вообще дела на тройке я докладывал, но категорически утверждаю, что такого разговора с РОЗЕНФЕЛЬДОМ у меня не было. Возможно, он путает меня с кем-то другим. Дела ЗАЙДА я не вёл и названных по этому делу лиц на тройке не докладывал.

На вопросы суда свидетель РОЗЕНФЕЛЬД:

ДОЛГУШЕВА я не знаю и преднамеренного к нему ничего не имею. С БЕРМАНОМ я говорил о деле ЗАЙДА как о возмутительном факте, так как он освобождён, а проходившие по его показаниям лица расстреляны.

На вопросы суда свидетель БЕРМАН:

Категорически утверждаю, что факта и разговора о нём не было.

На вопросы суда свидетель АЛЬТЦИЦЕР:

Позавчера я был в УНКВД и видел там повестки на ЛЕВИНА, МИХЕЛЬСОНА и ЛЕВЧЕНКО. Судя по этим повесткам, дела на названных лиц были доложены на тройке не БЕРМАНОМ, а КНЯЗЕВЫМ и ВАЙНТРАУБОМ.

Мне известен случай, аналогичный рассказанному РОЗЕНФЕЛЬДОМ, но это было не с БЕРМАНОМ, а с НЕМИРОВСКИМ и не по делу МИХЕЛЬСОНА, [ЛЕВИНА] и ЛЕВЧЕНКО. Работник, диктовавший протокол с повесток, сказал мне, что имеется одна повестка, тогда как дело на 2-х человек. Я обратился к НЕМИРОВСКОМУ, который был докладчиком по делу. Он пошёл к ДОЛГУШЕВУ, доложил ему об этом и потом принёс вторую повестку с решением на ней ДОЛГУШЕВА. Дело осталось у ДОЛГУШЕВА, и когда я зашёл к нему, он сказал, чтобы второго осуждённого в протокол не включать до согласования решения с остальными членами тройки.

На вопросы суда свидетель РОЗЕНФЕЛЬД:

Фамилии КНЯЗЕВА и ВАЙНТРАУБА на повестках не означают, что именно они, а не БЕРМАН, докладывали дело, так как докладчик намечался один, а фактически докладывал дело другой.

БЕРМАН рассказывал мне не о НЕМИРОВСКОМ, а о себе.

Секретарь доложил, что из УНКВД по Киевской области поступили: 1) справка об отсутствии в УНКВД вторых экземпляров подлинных повесток членов тройки на осуждённых ЛЕВЧЕНКО, ЛЕВИНА и МИХЕЛЬСОНА; 2) копии повесток тройки на этих лиц и 3) копия заключения по материалам расследования о нарушениях рев. законности сотрудников УНКВД.

Председательствующий огласил справку об отсутствии в УНКВД вторых экземпляров подлинных повесток на ЛЕВЧЕНКО, ЛЕВИНА и МИХЕЛЬСОНА; удостоверил, что докладчиком по этим делам БЕРМАН не был, после чего, совещаясь на месте, ВТ вынес определение:

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Представленные из УНКВД справку, копии повесток и копию заключения приобщить к делу.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ:

Допрос МОЖЕЙКО происходил в комнате СТРОИЛОВА. ДОЛГУШЕВУ о смерти МОЖЕЙКО я доложил так, как было в действительности.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Утром, часов в 5, СТРОИЛОВ мне доложил, что во время допроса у него умер МОЖЕЙКО, которого допрашивал он и ПАВЛЫЧЕВ. Смерть МОЖЕЙКО он объяснил болезнью и на мой вопрос, не было ли применено к МОЖЕЙКО физическое воздействие, ответил, что ПАВЛЫЧЕВ только два раза ударил ладонью по щеке. В таком же духе о смерти МОЖЕЙКО доложил и ПАВЛЫЧЕВ.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ:

Мне ДОЛГУШЕВ не поручал передать КЛЕЙМАНУ, что, если он не даст увеличения дел, то поедет в лагерь.

Однажды ДОЛГУШЕВ по возвращении от УСПЕНСКОГО в взволнованном состоянии сказал мне, что его переводят на работу по линии милиции.

Мне известно, что согласно приказу № 606 сотрудники НКВД, специалисты и аттестованные военнослужащие подсудны тройке не были. Было несколько попыток проташить такие дела, но их с рассмотрения тройки снимали, и лишь впоследствии мне стало известно, что несколько дел на сотрудников прошли по тройке по списку, утверждённому УСПЕНСКИМ. В отношении 3-х человек с периферии это объясняется тем, что дела были сфальсифицированы – не указывалось, что обвиняемые являются сотрудниками НКВД.

Перед октябрьскими праздниками 1938 г. в наркомате проводилось оперсовещание. На нём выступил ДОЛГУШЕВ, и оказалось, что УНКВД, в свою очередь, предусмотрело проведение ряда мероприятий, которые наметил для себя наркомат. УСПЕНСКИЙ по этому поводу стал ругать ДОЛГУШЕВА, сорвал его доклад и заявил: «Когда будете на моём месте, тогда и распоряжайтесь» и пр.

С согласия подсудимого свидетели, исключая ПАВЛЫЧЕВА и АЛЬТЦИЦЕРА, от дальнейшего присутствия в судзаседании освобождены.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Тройка работала в мою бытность в УНКВД, и тогда же через неё прошли дела на сотрудников, однако об этом мне стало известно лишь постфактум.

ДОЛГУШЕВ со мной не делился, что вопреки приказу должен пропускать такие дела по тройке.

В наркомат я был переведён в октябре 1938 г. при УСПЕНСКОМ, при нём же до того получил назначение в УНКВД. Показания УСПЕНСКОГО

обо мне в связи с ДОЛГУШЕВЫМ я знаю. Знаю и показания ДОЛГУШЕВА по этому вопросу. Должен сказать, что нет никакой логики в показаниях УСПЕНСКОГО о том, что он поручил ДОЛГУШЕВУ вербовать меня, назначенного им же в УНКВД заместителем к ДОЛГУШЕВУ. Так же не логичны и показания УСПЕНСКОГО в части характеристики меня «размазней», поскольку сам УСПЕНСКИЙ выдвинул меня потом нач[альником] 2 отдела наркомата. Все эти показания УСПЕНСКОГО – ложь.

До 1938 г. я работал нач[альником] отделения [4-го отдела УГБ НКВД УССР] и с УСПЕНСКИМ виделся и разговаривал только раз на совещании в его кабинете. Второй раз у него в кабинете был после назначения меня пом[ощником] нач[альника] 4 отдела. Затем докладывал ему протокол допроса одного арестованного, и УСПЕНСКИЙ крепко изругал меня за стиль протокола. Следующий разговор происходил в г. Ворошиловграде, где я находился в командировке в связи с ростом аварий на шахтах. УСПЕНСКИЙ тогда сказал мне, что я назначаюсь заместителем к ДОЛГУШЕВУ, и торопил скорее закончить работу и ехать в Киев. И последний разговор имел место при назначении меня нач[альником] ком 2 отдела наркомата. Наедине с УСПЕНСКИМ я никогда не оставался.

О деле ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ мне известно лишь со слов зам[естителя] наркома КОБУЛОВА. ВИТКОВСКИЙ – б[ывший] работник секретариата наркомата, при аресте выбросился с 4 этажа, но остался жив. На него имелись прямые показания ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ о шпионской связи. После бегства УСПЕНСКОГО ВИТКОВСКИЙ в общей камере устроил митинг, агитируя арестованных, что условия переменились, и что «теперь мы (т. е. арестованные) будем предлагать, а не нам». Об этом стало известно КОБУЛОВУ, и он предложил доложить ему дело. Так как ВИТКОВСКИЙ от своих показаний отказался, то в связи с этим и за проведение митинга в камере КОБУЛОВ предложил применить к нему «санкцию». Применил её я лично, но она носила лёгкий характер, что может подтвердить ВОЛОШИН. Дела ВИТКОВСКОГО я не вёл. Впоследствии КОБУЛОВ мне рассказал, что ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ, сотрудница наркомата, была арестована по личному распоряжению УСПЕНСКОГО и, как установлено, осуждена невинно. Я дела ПРИМАК-МОЛДАВСКОЙ не видел и о том, что на повестке о ней вычеркнута её принадлежность к сотрудникам НКВД, не знал.

МОЖЕЙКО при наличии имевшихся на него материалов я бы не арестовал, а его следовало разрабатывать.

В 12.20 объявлен перерыв судзаседания.

В 13.10 судебное заседание продолжается.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ заявил ходатайства:

Я вторично прошу вызвать в качестве свидетелей б[ывших] членов тройки КОЛЕСНИКОВА и ЧЕРЕПИНА или одного из них, а также:

коменданта ВОРОБЬЁВА – для перепроверки показаний ШАПИРО;

быв[шего] нач[альника] следгруппы ЛОСЕВА – по вопросу моей практической работы, требований по части оформления дел и предупреждения против извращений;

БЕРЕЖНОГО – по вопросу стат. отчётности;
СТРОИЛОВА – по части работы след. группы по сотрудникам и
КОЗЛОВА – по поводу его заявления и для установления, в каком состоянии я возвращался с допроса.

В 13.15 объявлен перерыв заседания для обсуждения ходатайств подсудимого.

В 13.50 судебное заседание продолжается, и председательствующий объявил определение:

Учитывая, что показания быв[шего] члена тройки – обл. прокурора КОЛЕСНИКОВА представляют существенное значение для дела как могущие осветить порядок рассмотрения дел тройкой, ВТ

ОПРЕДЕЛИЛ:

Вызвать КОЛЕСНИКОВА в качестве свидетеля. В вызове же ЧЕРЕПИНА отказать по мотивам достаточности показаний КОЛЕСНИКОВА по этому вопросу.

Также отклонить ходатайство подсудимого в части вызова в качестве свидетелей:

БАБИЧА²², СТРОИЛОВА, ЛОСЕВА, ВОРОБЬЁВА и БЕРЕЖНОГО – ввиду наличия достаточных материалов и показаний свидетелей по вопросам, которые эти лица могут осветить, и

КОЗЛОВА – ввиду нецелесообразности отложения слушания дела для вызова этого свидетеля из отдалённых местностей, где он отбывает наказание, при наличии показаний свидетеля БЕЛЕНЬКОГО, вызванного по ходатайству подсудимого.

Секретарь доложил, что вызванный свидетель КОЛЕСНИКОВ прибыл.

Свидетель КОЛЕСНИКОВ Симон Львович, 1906 г. рожден., член ВКП(б), обл. прокурор, личных счётов с подсудимым не имеет, будучи предупреждён председательствующим об ответственности за дачу ложных показаний, на вопросы суда ответил:

С ДОЛГУШЕВЫМ в заседаниях тройки я принимал участие с октября 1938 г. месяц–полтора, а до того участвовал мой заместитель.

Каких-либо нарушений ДОЛГУШЕВЫМ соцзаконности, установленных правил, не замечал. Наоборот, мне помнится, что когда при возникновении сомнений я предлагал дело доследовать, ДОЛГУШЕВ со мной соглашался. Также всегда соглашался он и на моё предложение понизить предлагаемую им меру наказания.

Дела на тройке докладывали сотрудники, состав тройки задавал им вопросы, и очень часто при возникновении сомнений мы брали дела в руки и сами просматривали их.

С директивами центра ДОЛГУШЕВ нас знакомил. Ознакомил ли он меня с приказом о том, кто не подсуден тройке, не помню. Возможно, он считал, что в этом нет необходимости, так как знал, что я в Молдавии являлся зам. прокурора по спецделам и с распоряжениями был знаком.

²² Тут і далі у документі йдеться про Івана Бабича. Не плутати з колишнім заступником начальника УНКВС Ісаєм Бабичем.

Помню, что при рассмотрении дела одного инженера ДОЛГУШЕВ сказал, что он неподсуден тройке, и это дело с рассмотрения сняли. Таких случаев было несколько.

Приказа об исключении из подсудности тройки ряда категорий лиц не помню.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Первый приказ о создании тройки был получен 17-го сентября 1938 г., а первое заседание было назначено на 19 сентября. Сначала мы, состав тройки, прочитали вместе приказ № 606 и все другие, на которые в нём была ссылка, и после этого начали заседание. 22 сентября был получен циркуляр № 189, в котором указывалось, дела каких национальностей подлежат рассмотрению, и КОЛЕСНИКОВ этот циркуляр также читал.

На вопросы суда свидетель КОЛЕСНИКОВ:

Я читал приказ о подсудности тройке дел по обвинению иранцев, харбинцев и др. национальностей, но № приказа не помню.

О том, что сотрудники НКВД не подсудны тройке, я тогда не знал и считал, что все дела можно рассматривать.

(Свидетелю предъявлены повестки тройки).

Такие повестки получали все члены тройки, и каждый на своём экземпляре проставлял решение.

Никаких разговоров на заседаниях тройки об исправлениях или вычёркиваниях в повестках не было, и о том, что такие исправления проводились, я не знал.

На вопросы суда свидетель АЛЬТЦИЦЕР:

Я на первом заседании тройки не секретарствовал и потому сказать, прорабатывались ли приказы о тройке составом её, не могу. Все приказы по тройке хранились у ДОЛГУШЕВА в шкафу, и я сам их не читал.

На вопросы суда подсудимый ДОЛГУШЕВ:

О неподсудности тройке дел на сотрудников НКВД, военнослужащих и специалистов было известно всем членам тройки, и ведь редкому докладчику сразу, как только он заходил, не задавался вопрос: нет ли у него таких дел.

На вопросы суда свидетель КОЛЕСНИКОВ:

Спрашивалось не это, а «Все ли дела на арестованных после 1 августа и в порядке ли они?». ДОЛГУШЕВ не любил подвоха и, если чувствовал, что докладчик мнётся или у него не всё в порядке, отсылал его обратно. Так что докладчики у ДОЛГУШЕВА знали даже на какой странице чьи показания записаны.

Вскрыть на заседании тройки, что ПРИМАК в своих показаниях от 29 числа говорит об очной ставке, которая состоялась лишь на следующий день, т.е. 30-го, мы не могли, так как на одном заседании рассматривалось по 80–150 дел. Нормы УПК соблюдаться тогда не могли.

Сигналов об извращении в работе УНКВД я не получал.

Сейчас я вспомнил, что о подсудности тройке дел на иранцев и др. национальностей я читал приказ не у ДОЛГУШЕВА, а обнаруженный в столе у моего заместителя, причём этот приказ относился к 1937 г.

УСПЕНСКИЙ звонил ДОЛГУШЕВУ почти каждое заседание, но разговора между ними по вопросу подсудности дел на сотрудников НКВД я не слышал.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

О подсудности дел на сотрудников, не имеющих звания, я звонил УСПЕНСКОМУ не в присутствии членов тройки, но о разъяснении УСПЕНСКОГО, что такие дела должны рассматриваться тройкой, я объявил всему составу тройки, в том числе и КОЛЕСНИКОВУ. Да, иначе мы и не могли бы их рассматривать, так как до того в приказе было сказано, что дела на сотрудников рассмотрению тройкой не подлежат.

Свидетель ПАВЛЫЧЕВ пояснил:

Припоминаю, что когда я увидел список дел на сотрудников, присланный из наркомата, то ДОЛГУШЕВ сказал, что о рассмотрении на тройке этих дел дал указание УСПЕНСКИЙ.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

КОЛЕСНИКОВ не менее двух раз читал циркуляр № 189.

Вычеркивания в повестках производились на заседаниях тройки открыто, в присутствии всего состава тройки.

На вопросы суда свид[етель] КОЛЕСНИКОВ:

О том, что в повестках делаются исправления, я не знал и не видел этого.

Случая, чтобы со мной согласовывали решение тройки, вынесенное в моё отсутствие, не было.

Подписывая протокол, я его со своими отметками на повестках не сверял, так как протокол на подпись давался обычно на 2–3 день, и потому рассмотренные дела оставались у меня ещё в памяти. К тому же я верил, что злоупотреблять там некому.

На вопросы суда свид[етель] АЛЬТЦИЦЕР:

Обычно на заседании тройки рассматривались дела на 40–60 человек и только в исключительных случаях больше.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] КОЛЕСНИКОВ:

ДОЛГУШЕВ неоднократно снимал с заседания и возвращал для оформления и доследования поступающие на тройку дела. Помню случай, когда ДТО были возвращены как недоследованные все присланные оттуда дела. Возвращались дела и наркомату. Однажды по поводу возвращения дел из наркомата приезжал работник и требовал, чтобы дела рассмотрели на тройке, но ДОЛГУШЕВ отказал в этом.

На вопросы суда свидетель КОЛЕСНИКОВ:

В представлявшихся на тройку делах имелись собственноручные показания обвиняемых о признании и свидетельские показания. Поэтому делам мы верили.

На вопросы подс[удимого] ДОЛГУШЕВА свид[етель] КОЛЕСНИКОВ:

ДОЛГУШЕВУ я не говорил, что работа нашей тройки была свободна от недочётов. Наоборот, это он мне заявил, когда я после вскрытия безобразий в работе Житомирской тройки спросил, всё ли было в порядке у нас.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ пояснил:

Я предвидел, что отдельные работники могут попытаться протащить на тройку жиденские дела и на заседаниях тройки говорил об этом.

На вопросы суда свидетель КОЛЕСНИКОВ:

Такого предупреждения ДОЛГУШЕВА я не помню.

Больше вопросов к свидетелю КОЛЕСНИКОВУ подсудимый не имеет, и с его согласия свидетель от дальнейшего присутствия в судзаседании освобождён.

Оглашены показания свидетеля ЦИРУЛЬНИЦКОГО в судзаседании от 24.II-[19]41 г. о резолюции ПАВЛЫЧЕВА на заявлении о применении в УНКВД извращённых методов следствия – протокол судзаседания л. д. 10.

На вопросы суда свидетель ПАВЛЫЧЕВ:

Такого заявления не было и это установлено на первом судебном заседании по делу ДОЛГУШЕВА.

В 14.50 объявлен перерыв судзаседания.

В 15.40 судебное заседание продолжается.

Председательствующий задал подсудимому вопрос, имеет ли он чем дополнить судебное следствие.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ:

К делу приложена справка о приказной дате назначения ЯРАЛЯНЦА в Киев. Она не соответствует действительности, т. е. фактической дате прибытия сюда ЯРАЛЯНЦА, и потому по этому поводу прошу разрешить вопрос свидетелю ПАВЛЫЧЕВУ.

На вопрос подс[удимый] ДОЛГУШЕВА свид[етель] ПАВЛЫЧЕВ:

ЯРАЛЯНЦ, по-моему, прибыл в Киев в конце июня или начале июля 1938 г.

Больше дополнить судебное следствие подсудимый ничем не имеет, и таковое объявлено законченным. Свидетель ПАВЛЫЧЕВ от дальнейшего присутствия в судзаседании освобождён.

Подсудимому ДОЛГУШЕВУ предоставляется последнее слово.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ:

Ряд фактов, которые я выдвигал, остались непроверенными, и потому прошу суд учесть показания на предварительном следствии по этим моментам.

Я уже говорил о противоречиях в показаниях УСПЕНСКОГО, об их несоответствии действительности, и, несомненно, УСПЕНСКИЙ в моём деле выступил в роли провокатора. Показаниям же ТРОИЦКОГО и МАЛЫШЕВА не поверило и предварительное следствие.

Я утверждаю, что ни в каких к-р формированиях не состоял и о них не знал. Признание в принадлежности к заговору дано мною под влиянием избияния, что известно и пом[ощнику] прокурора ХАЧАТУРЯНУ.

На руководящую работу я был выдвинут из рядовых работников и с работой территориальных органов столкнулся впервые. В УНКВД к моему приходу было 5000 арестованных, и большая половина их сидела без допроса. В аппарате был некомплект, привито упрощенчество в работе, вкоренилась боязнь освобождения арестованных. Я с первого же момента

стал проводить ряд мероприятий по оформлению дел, недопущению избиения арестованных, и это вызвало бурю со стороны аппарата.

Моя линия была линией практической борьбы с извращениями, и я считаю, что проводил её достаточно напористо. Ведь можно привести уйму фактов, когда я не только поощрял, но и популяризировал объективных работников, как, например, МАЛЬЦЕВА и др. И в отдельных разговорах, и на оперативных совещаниях я категорически запрещал и предупреждал против избиений, извращения следствия, необоснованных арестов, и в этом вопросе сделал всё, что мог сделать честный человек. Разве не доказательством этому служит факт ареста следователя КАМРАЗА, на применение которым избиения мне пожаловался арестованный? Разве не возвращались с тройки недоработанные и недоследованные дела? По этому вопросу многие факты в свидетельских показаниях извращены и не отвечают действительности.

Давал ли я сам «санкции»? Давал, так как это было узаконено, но за всё время таких санкций дал не более 15-ти и в конце даже предложил на истребование их писать мотивированные рапорта. С этой же целью, т.е. с тем, чтобы отучить следователей заниматься рукоприкладством, я дал распоряжение, что лично им применять санкции не разрешается, а это будем делать я и мой заместитель.

О спец. комнате для физического воздействия. Такие комнаты существовали в наркомате, оказалась она и в УНКВД. В мою бытность она использовалась не более 3-х раз и была потом отведена под кладовую.

Санкции на применение физического воздействия к МОЖЕЙКО я не давал и о том, что физическое воздействие к нему было применено, не знал. Моя вина, возможно, в том, что я не расследовал причин его смерти, но, зная состояние его здоровья и веря ПАВЛЫЧЕВУ, посчитал, что смерть его — результат болезни. Никакого умысла здесь у меня не было.

У НОСКОВА на квартире я никогда не был и в шахматы там не играл. Поэтому близости к КОЛБАСЕНКО, как он пытался показать, не было. Вообще до ареста КОЛБАСЕНКО я с ним ни разу не разговаривал. КОЛБАСЕНКО хочет показать себя в роли разоблачителя, однако никак не вяжется, чтобы могло остаться незамеченным хранение им в фуражке изорванной копии рапорта об УСПЕНСКОМ. Ведь всем известно, что обыски при водворении в камеру очень тщательны и, кроме того, почему, будучи сразу после освобождения у зам[естителя] наркома КОБУЛОВА, КОЛБАСЕНКО ни словом не обмолвился ему об этом рапорте? Санкции на применение к КОЛБАСЕНКО физического воздействия я не давал и о наличии реабилитирующих его документов не знал.

ВАРАКОВ был взят в аппарат УНКВД как человек, который может хорошо работать, но спустя непродолжительное время его стали избличать в лодырстве, неисполнении приказаний. Эти вопросы на протяжении всего времени ставились на партсобраниях, и даже секретари обкома и горкома ЧЕРЕПИН и ШАМРЫЛО, присутствовавшие на одном собрании, охарактеризовали его как демагога. Вот именно эти обстоятельства вызывали моё недовольство ВАРАКОВЫМ, и дело КОЛБАСЕНКО отношения к этому не имело. Ведь сам КОЛБАСЕНКО положительно

отзывался о моём отношении к делам ТАУБЕ и КОРНЮШЕНКО, почему же к делу КОЛБАСЕНКО мне нужно было относиться иначе?

БАБИЧ при мне ни разу дел на тройке не докладывал, я его не восхвалял и в пример не ставил, как говорит ЦИРУЛЬНИЦКИЙ, хотя о нём как о работнике был хорошего мнения.

ЦИРУЛЬНИЦКИЙ всё время претендовал на должность нач[альника] отдела, но одно время стоял даже вопрос о снятии его вовсе с работы в органах, так как имелись компрометирующие материалы на него. Он остался недоволен, считает себя обиженным и группирует вокруг себя других обиженных.

Таким же считает себя и КЛЕЙМАН, так как и он по той же причине не был назначен нач[альником] отдела.

БРЯНЦЕВ был арестован до меня и дал показания, что является агентом иностранной разведки и одновременно состоит членом украинской националистической организации. Показал также, что членами этой организации являются КАПУСТИН и ДАБКО, и ЦИРУЛЬНИЦКИЙ поставил вопрос об их аресте. Прочитав показания БРЯНЦЕВА, я усомнился в них и вызвал его к себе. Ничего членораздельного БРЯНЦЕВ сказать не смог, кроме того, что квалифицировал как вредительство со стороны КАПУСТИНА неполадки в пожарной охране, причины которых мне были хорошо известны. Я убедился, что он оговаривает КАПУСТИНА из чувства мести, так как КАПУСТИН явился инициатором его увольнения. И сам ЦИРУЛЬНИЦКИЙ на мой вопрос после этого разговора сказал, что в показания БРЯНЦЕВА по части украинской националистической организации не верит. Поэтому я и дал указание оформить БРЯНЦЕВА только как шпиона. Никакого отношения к переводу КАПУСТИНА в Ворошиловград я не имел. С работы в Киеве он был снят приказом за необеспечение порученного ему участка работы и направлен в Донбасс, куда ему по состоянию его здоровья было вредно ехать. Я и сейчас считаю, что он был оговорен и что арестовывать его не следовало.

ЦАПЕНКО я не только сам не бил, но, зная, что у него грыжа, предупредил против этого и других.

Заявляю, что СЛАВИН первый сказал мне о том, что дела на сотрудников НКВД, не имеющих звания, подсудны тройке. Его разъяснение законом не считал и потому за подтверждением обратился к УСПЕНСКОМУ. Тот подтвердил, и, так как такие дела поступали на тройку официально при утверждённых им списках, это его разъяснение считал законным. СЛАВИН здесь говорил об указании по линии 1 спецотдела, которым якобы разъяснялось, что дела на сотрудников тройке не подсудны. Это неверно, указание касалось не троек, а альбомов для Москвы.

ТРЕЩОВ заявил, что докладчики не знали, какие дела тройке не подсудны. Это также неправда, и в стенограмме партсобрании указано обратное.

Такое же заявление на прошлом судебном заседании сделал и КЛЕЙМАН, а, вместе с тем, сам же производил передопрос по одному делу для установления, является ли обвиняемый инженером или техником.

КОЛЕСНИКОВ заявил, что не знакомился с приказами по тройке. Его заявление не соответствует действительности, и на первом судебном заседании КУПЫРИН прямо заявил, что все члены тройки со всеми материалами о ней знакомились. Почему сейчас КОЛЕСНИКОВ отделяется здесь словами «не знаю», «не помню», мне не понятно.

В исправлениях в повестках никакого умысла не было, и такие исправления производились открыто.

В фальсификации материалов следствия участия не принимал, таких указаний не давал, наоборот, когда мне становилось известно о фактах фальсификации, виновных предавал суду. Установить на заседаниях тройки факты фальсификации по рассматриваемым делам было невозможно физически, но я ещё раз заявляю, что в работе тройки у меня не было ни одного умышленного шага в этом направлении.

В моём деле разбросан ряд фактов, которые имеют существенное значение, но которых сейчас вспомнить не могу. Прошу их учесть.

По части заявления КОЗЛОВА прошу учесть, что мимикой вести антисоветские разговоры никак нельзя, невозможно было этим заниматься и на прогулках, о чём говорил сам нач[альник] внутренней тюрьмы НАГОРНЫЙ.

Меня оклеветали враги. Врагом я никогда не был и вражеской работы не проводил. Сам я из социально-близкой семьи, все братья мои – коммунисты, я воспитан партией и Соввластью, и социальной базы или поводов к тому, чтобы примкнуть к врагам, у меня не было. Меня спровоцировали враги, и в этом моё несчастье, а не преступление. Прошу это учесть.

В 20.30 суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

В 23.45 суд вышел из совещательной комнаты, и Председательствующий объявил приговор и разъяснил порядок его обжалования и право на подачу ходатайства о помиловании.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: До вступления приговора в законную силу меру пресечения осужденному ДОЛГУШЕВУ оставить прежнюю – содержание под стражей.

В 23.48 судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист 1 ранга

Васютинский

Секретарь

Писарев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 118–144.

Оригінал. Машинопис.

№ 46
Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського
округу у справі О. Р. Долгушева

24–27 лютого 1941 р.

Дело № 0011 1941 г.

Форма № 1

Сов. секретно

ПРИГОВОР № 19
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

1941 г., февраля 24–27 дня, Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа, в г. Киеве, в помещении ВТ округа, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего *военюриста 1-го ранга Васютиского*
и членов: *мл. лейтенанта госбезопасности Енакиева*
мл. лейтенанта госбезопасности Адылина
При секретаре *военюристе Писареве,*

без участия обвинения и защиты, рассмотрев дело по обвинению быв. начальника Киевского областного управления НКВД капитана госбезопасности ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича, 1902 года рождения, уроженца ст. Пачелма Ленинской железной дороги Тамбовской области, по соцпроисхождению из рабочих, русского, гражданства СССР, быв. члена ВКП(б) с 1929 года и исключенного в связи с арестом в 1939 году, кандидата в члены ЦК КП(б)У и депутата Верховного Совета УССР, награжденного орденом Красной Звезды, женатого, ранее не судившегося, — по ст. ст. 54-1 [п.] «б», 54-7 и 54-11 УК УССР,

Установил:

Будучи выдвинут в 1938 году, при вражеском руководстве НКВД УССР Успенского, на должность начальника Киевского УНКВД, ДОЛГУШЕВ допустил в практической своей деятельности по указанной должности систематические искривления социалистической законности, что выразилось в извращённых методах ведения следствия по делам об арестованных гражданах, длительном содержании под стражей граждан по подозрению в к-р деятельности, без достаточных к тому оснований или вовсе без компрометирующих материалов.

Кроме того, ДОЛГУШЕВ, слепо выполняя вражеские указания Успенского, рассмотрел в сентябре–октябре 1938 года по судебной тройке Киевского УНКВД около сорока дел об арестованных сотрудниках органов НКВД и специалистах высокой квалификации, вопреки изъятию указанных категорий граждан из подсудности тройкам по приказам НКВД СССР.

В результате указанного нарушения приказов НКВД СССР, а также допущенной ДОЛГУШЕВЫМ практики некритического и небрежного рассмотрения дел на судтройке, указанные лица осуждены были незаконно и без достаточных к тому оснований к ВМН. Среди арестованных сотрудников НКВД, представленных к репрессированию по сфальсифицированным материалам следствия из НКВД УССР, оказались пропущенными через судтройку ряд лиц, арестованных по личному приказанию Успенского, при полном отсутствии компрометирующих материалов.

Так, например, по решению тройки УНКВД по Киевской области от 7 октября 1938 года под председательством ДОЛГУШЕВА осуждена к расстрелу стенографистка секретариата НКВД УССР Примак-Молдавская, в отношении коей вовсе отсутствовали компрометирующие материалы на момент ареста её.

Из обозрения дела Примак-Молдавской усматривается, что последняя призналась 29 августа 1938 года в шпионаже якобы в результате очной ставки с быв[шим] пом[ощником] нач[альника] секретариата Витковским, как лицом, привлёкшим её к шпионской деятельности, тогда как протокол очной ставка с указанным Витковским датирован 30 августа 1938 года, т. е. позже протокола допроса Примак-Молдавской.

Кроме того, сам Витковский, будучи в 1939 г. оправдан судом ВТ КОВО, из-под стражи освобождён. Таким образом, Примак-Молдавская осуждена тройкой к ВМН без всяких к тому оснований, по сфальсифицированным материалам следствия.

Аналогичным путём под нажимом Успенского пропущены были через тройку Киевского УНКВД и ряд других дел на арестованных сотрудников НКВД и милиции, по которым также осуждены были к ВМН: машинистка Особого отдела НКВД УССР Толкач Фаина Николаевна, быв[ший] командир взвода 3-го кавдивизиона Киевской облмилиции Дитков и др.

Привлечённому к уголовной ответственности за указанные преступления ДОЛГУШЕВУ на предварительном следствии предъявлено было обвинение в принадлежности его к антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, в которую он был якобы завербован Успенским.

Указанное обвинение ДОЛГУШЕВУ базировалось на показаниях Успенского, Малышева, Троицкого и Козлова. Однако показания последних не нашли себе подтверждения на судебном следствии при анализе материалов дела.

Показания Успенского на предварительном следствии об обстановке вербовки им ДОЛГУШЕВА в к-р организацию опровергаются показаниями Ежова и Радзивиловского, а также данными судебного следствия о взаимоотношениях ДОЛГУШЕВА с Успенским на почве личных придинок и ругани Успенского по адресу ДОЛГУШЕВА при столкновениях по службе и угрозах смещения ДОЛГУШЕВА.

Показания на предварительном следствии Малышева, Троицкого, Колесова и Козьминых об известной якобы им принадлежности ДОЛГУШЕВА к а/с заговору, также не нашли себе подтверждения на судебном следствии, и все они при судебном рассмотрении их дел в ВК от своих показаний отказались.

Показания на предварительном следствии свидетеля Козлова об а[н-ти]/с[оветских] якобы разговорах с ним ДОЛГУШЕВА при совместном пребывании их под стражей в одной камере Киевской тюрьмы опровергаются данными из показаний свидетелей — начальника тюрьмы Нагорного и быв[шего] арестованного сотрудника НКВД Беленького о личности указанного Козлова и обстановке нахождения его в заключении с ДОЛГУШЕВЫМ, а также абсурдности показания самого Козлова о способе ведения якобы ДОЛГУШЕВЫМ а/с разговоров с ним «мимикой».

В силу этого ВТ счёл нецелесообразным и вызов Козлова в качестве свидетеля на суд из отдалённой местности Союза, где он отбывает наказание — 10 лет ИТЛ с поражением в правах — по приговору ВТ.

На судебном следствии по делу ДОЛГУШЕВА нашли себе подтверждение лишь факты его преступной деятельности на почве злоупотребления своим служебным положением и грубого нарушения социалистической законности, что привело к таким последствиям, как широкое применение сотрудниками с ведома и без ведома ДОЛГУШЕВА физических методов воздействия к арестованным и принуждению их таким образом к даче вымышленных показаний.

В результате указанной преступной практики в Киевском УНКВД со стороны ныне арестованных быв. сотрудников НКВД Павлычева, Марченко имели место избиения безосновательно арестованных сотрудников НКВД Колбасенко и Можейко. Колбасенко после применения к нему Марченко физических методов воздействия был освобождён из-под стражи за полным отсутствием на него компрометирующих материалов, а Можейко, при применении к нему физических мер воздействия Павлычевым, умер на следствии — при допросе.

Вследствие преступной небрежности, допущенной ДОЛГУШЕВЫМ в практике рассмотрения дел на тройке, помимо безосновательного осуждения к ВМН на судтройке ряда сотрудников НКВД и специалистов высокой квалификации, для чего ДОЛГУШЕВ вычеркивал в некоторых повестках по делам, представленным на тройку, наименование сотрудников НКВД и специалистов, а также вскрыт факт осуждения тройкой под председательством ДОЛГУШЕВА трёх лиц техперсонала судоремонтного завода им. Сталина — Левина, Михельсона и Левченко, которые якобы уличены были на следствии инженером Зайдом, ныне освобождённым из-под стражи. По заявлению последнего о вынужденных у него путем применения незаконных методов следствия показаниях о к-р деятельности названной группы лиц, в настоящее время привлечены к уголовной ответственности быв[шие] сотрудники НКВД Шатохин, Складенко и Вайнтрауб.

На основании изложенного Военный Трибунал признал виновным ДОЛГУШЕВА в том, что, состоя в должности начальника Киевского УНКВД и слепо следуя вражеским указаниям Успенского, он грубо нарушил соц. законность при осуществлении задания органов НКВД в 1938 году.

Вопреки приказам НКВД СССР рассмотрел по настоянию Успенского на судтройке около сорока дел на сотрудников НКВД и специалистов высокой квалификации, в результате чего все они незаконно осуждены к ВМН.

Кроме того, в том, что вследствие допущенной им практики применения физических мер воздействия и других незаконных методов следствия в Киевском УНКВД имело место длительное содержание под стражей граждан без наличия компрометирующих материалов, вынужденные показания арестованных о их якобы к-р деятельности, что повлекло за собой ряд тяжёлых последствий: осуждение на судтройке ряда ни в чём не повинных лиц, а также смерть при допросе у Павлычева (быв[шего] зам[естителя] нач[альника] УНКВД) в 1938 году быв[шего] сотрудника НКВД Можейко, арестованного без достаточных к тому оснований.

Перечисленные преступления ДОЛГУШЕВА, учитывая их отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206-17 п. «б» УК УССР, а не ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР, первоначально предъявленными ДОЛГУШЕВУ, так как принадлежность его к к-р организации, как и совершение указанных преступлений с к-р целью, не нашло себе подтверждения на следствии.

Принимая во внимание обстановку совершения ДОЛГУШЕВЫМ инкриминируемых ему преступлений под нажимом врага народа Успенского, использовавшего для давления на ДОЛГУШЕВА свое влияние как наркома, а также учитывая личность ДОЛГУШЕВА в прошлом, и по отзывам о нём ряда свидетелей, считать нецелесообразным применение к нему карательной санкции, предусмотренной ст. 206-17 п. «б» УК УССР, в силу чего и руководствуясь ст. 46 УК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича на основании ст. ст. 206-17 п. «б» и 46 УК УССР к лишению свободы на ДЕСЯТЬ (10) лет ИТЛ без поражения в политических правах, с зачётом предварительного заключения с 17-го января 1939 года.

Кроме того, лишить осужденного ДОЛГУШЕВА звания «капитан госбезопасности».

Одновременно войти с представлением в Верховный Совет Союза ССР о лишении ДОЛГУШЕВА ордена «Красная Звезда», а также в Верховный Совет УССР об исключении ДОЛГУШЕВА из состава депутатов Верховного Совета УССР.

По ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР ДОЛГУШЕВА в силу ст. 197 ч. 2 УПК считать по суду оправданным.

Приговор может быть обжалован в пятидневный срок со дня вручения выписки из приговора в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР через Военный трибунал, вынесший приговор.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Енакиев
Адылин*

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 156–159 зв.
Оригінал. Рукопис на бланку.**

№ 47

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
О. Р. Долгушева

25 квітня 1941 р.

Васютинский
1/IV-[19]41 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2-876/40
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего – дивоенюриста т. СУСЛИНА
и членов: бригаенюриста т. ДЕТИСТОВА и
военного юриста 1 ранга т. ЧЕПЦОВА

Рассмотрев в заседании от 25 апреля 1941 г.

КАССАЦИОННЫЙ ПРОТЕСТ И.Д. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЙСК НКВД КИЕВСКОГО ОКРУГА – Бригаенюриста
т. ГРЕЗОВА [и] кас[сационную] жалобу ДОЛГУШЕВА

на приговор ВТ в[ойск] НКВД Киевского округа от 24–27 февраля
1941 г. по делу ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича – б[ывшего] нач[альни]ка
Киевского областного управления НКВД – капитана госбезопасности,
осуждённого за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206-17
п. «б» УК УССР, к л[ишению]/св[ободы] в ИТЛ сроком на ДЕСЯТЬ лет,
без поражения в политических правах, с лишением звания капитана
госбезопасности.

Он же по ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР по суду оправдан.

Заслушав доклад тов. СУСЛИНА,
заключение пом[ощника] Главного военного прокурора тов.
МАТВЕЕВА – об отмене приговора и направлении дела на новое рассмо-
трение со стадии судебного следствия,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Трибунала в отношении ДОЛГУШЕВА, как вынесенный
в соответствии с материалами предварительного и судебного следствия,
оставить в силе без изменений, а кассационный протест прокурора окру-
га отклонить за необоснованностью, т. к. соображения прокурора, из-
ложенные в протесте, с ссылкой на ряд обстоятельств по делу, являлись
предметом рассмотрения их на судебном заседании и получили оценку со
стороны суда.

Кассационную жалобу ДОЛГУШЕВА отклонить.

Подлинно за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ВК

Башилова

Препровождается вместе с делом в ВТ в[ойск] НКВД Киевского округа для исполнения, копия – ГВП для сведения.

29 апреля 1941 г. № 2-876

/Секретарь ВК

Башилова

На документі є:

1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 4 мая 1941 г. № 2562»;

3) резолюція керівництва Військового трибуналу військ НКВС Київського округу: «Исполнить [слово неразборчиво] ВК опр[еделение]. Васютинский. 4/V [1941]»;

4) резолюція: «К исполн[ению] опр[еделения] ВК. Подпись неразборчивая. 4/V [19]41» і два нерозбірливі підписи співробітників трибуналу про ознайомлення;

5) позначка: «Копию для Воен[ной] прокуратуры получил 6/V-[19]41 г. Подпись неразборчивая».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 175–175 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

№ 48

Ухвала Пленуму Верховного суду СРСР про відміну вироку Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Р. Долгушева

12 серпня 1941 р.

еш. 7 экз.
13.VIII.[19]41 г.

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 35/8/с ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

12 августа 1941 года

Под председательством

Председателя Верховного Суда Союза ССР тов. Голякова

С участием

и.о. Прокурора Союза ССР тов. Сафонова

при секретаре тов. Смолицком

Протест Прокурора Союза ССР на приговор Военного Трибунала войск НКВД Киевского округа от 27.II–1941 года и определение Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР от 25.IV–1941 года по делу

ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича, оправданного по ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР и осуждённого по ст. 206-17 п. «б» УК УССР с применением ст. 46 того же УК к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах, с лишением специального звания.

Протест внесён на предмет передачи дела на новое рассмотрение.
(Докл[адчик] тов. Матвеев).

Приговором и материалами по настоящему делу установлено, что ДОЛГУШЕВ, работая начальником УНКВД Киевской области, допускал в оперативно-следственной работе грубейшие нарушения социалистической законности, повлёкшие за собой неосновательные приговоры в отношении ряда лиц к тяжёлым наказаниям. При этих условиях следует признать, что наказание, назначенное ДОЛГУШЕВУ, является слишком мягким. К тому же суд недостаточно исследовал обвинение ДОЛГУШЕВА по ст. ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР и оправдал его по этим статьям без достаточного глубокого и тщательно исследования обстоятельств по делу.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Приговор Военного Трибунала войск НКВД Киевского округа от 27.11-1941 года по делу ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича отменить и дело о нём передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в тот же суд в ином составе.

Председатель (И. Голяков)

Секретарь (Смолицкий)

Верно: Зав[едующая] Секретариатом Пленума
Верховного суда СССР

Безденежная

Документ завірений фіолетовою печаткою з гербом СРСР і написом у середині: «Верховный Суд Союза ССР».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 182–182 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

№ 49

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Уральського округу у справі О. Р. Долгушева

20–21 травня 1942 р.

ПРОТОКОЛ

1942 г. мая 20–21 дня

Военный трибунал войск НКВД Уральского округа в закрытом судебном заседании в гор. Свердловске

В составе:

Председательствующего военного юриста 1 ранга КОПИЛЕВИЧА

Членов: ст. лейтенанта госбезопасности РУМЯНЦЕВА

и мл. лейтенанта госбезопасности ГРЕБЕНКИНА
При секретаре младшем политруке СВИНЦОВЕ
Без участия обвинения и защиты

РАССМАТРИВАЕТ ДЕЛО № 25 ПО ОБВИНЕНИЮ бывшего начальника УНКВД по Киевской области УССР – капитана госбезопасности Долгушева Алексея Романовича по ст. 54-1 «б», 54-7 и 54-11 УК УССР.

В 13 часов 10 минут 20.V.[19]42 г. Председательствующий открыл судебное заседание. Секретарь доложил, что в судебном заседании присутствуют:

Обвиняемый Долгушев А.Р. – доставлен под конвоем.

Свидетели: не вызывались.

Председательствующий устанавливает личность подсудимого, который сообщил о себе:

Я, ДОЛГУШЕВ Алексей Романович, 1902 года рождения, уроженец ст. Пачелма Пензенской железной дороги, Пензенской области, по происхождению из семьи рабочего-железнодорожника, сам я до 1924 года тоже рабочий-бетонщик, с 1924 по 1930 год состоял на службе в РККА, последняя должность – пом[ощник] командира батальона по материально-техническому обеспечению, и с 1930 года по день ареста состоял на службе в органах ОГПУ–НКВД, последняя должность – начальник УНКВД по Киевской области, имею спецзвание – капитан госбезопасности, член ВКП(б) с 1929 года, исключён в связи с настоящим делом, женат, детей не имею, по национальности русский, не судим, награждён орденом «Красная Звезда» и юбилейной медалью «20 лет РККА», с обвинительным заключением ознакомлен в феврале месяце 1941 года, также ознакомлен и с Постановлением Верховного Суда СССР по моему делу.

Под стражей по настоящему делу нахожусь с 17 января 1939 года.

Председательствующий разъяснил права подсудимому и объявил состав суда.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ отвода составу суда не заявил и заявил ходатайство –

Поскольку все эти события были 4 года назад, и последнее судебное разбирательство было 15 месяцев назад, прошу Военный трибунал дать мне возможность восстановить в памяти все обстоятельства дела путем ознакомления.

Заслушав ходатайство подс[удимого] ДОЛГУШЕВА, ВТ, совещаясь на месте,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Объявить перерыв судебного заседания до 17.00 и дать возможность подс[удимому] ДОЛГУШЕВУ ознакомиться с материалами дела.

В 13.25 объявлен перерыв.

В 17.50 судебное заседание продолжено.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ других ходатайств не имеет.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Пред[седательствующий] огласил обвинительное заключение по делу и сообщил, что настоящее дело уже рассматривалось ВТ войск НКВД Киевского округа, приговор коего Военной коллегией Верховного Суда утверждён, но Постановлением Пленума Верховного Суда СССР по протесту Прокурора СССР приговор ВТ и Определение Военной коллегии отменены и дело обращено на новое рассмотрение со стадии судебного следствия. Разъяснил подсудимому сущность обвинения, спросил его, понята ли сущность обвинения и признаёт ли себя виновным в предъявленном обвинении.

Подсудимый ДОЛГУШЕВ ответил:

Сущность обвинения мне понятна, виновным в предъявленном обвинении себя не признаю. По существу дела желаю дать объяснение.

ПОКАЗАЛ:

Я предстаю перед судом по настоящему делу уже третий раз.

Первый раз был осуждён в августе 1940 года к семи годам, в феврале 1941 года – к десяти годам ИТЛ и сейчас уже третий раз рассматривается дело.

Я врагом народа не был и не буду, факты нарушения революционной законности, которые мне инкриминируются, в большинстве ко мне не относятся.

В части моего якобы участия в антисоветском контрреволюционном заговоре. В деле имеются показания УСПЕНСКОГО от 20 мая и протокол очной ставки со мной в июле месяце 1939 г., и я прошу Военный Трибунал обратить внимание на наличие противоречий в обоих этих показаниях УСПЕНСКОГО. В первом Успенский показывает, что он меня завербовал как участника к-р заговора в феврале м-це при назначении меня начальником 1 отдела НКВД УССР, и во втором он показывает, что завербовал меня в июле м-це при назначении меня начальником Киевского облуправления НКВД. Он показывает, что, как только он прибыл на Украину, ему стало известно о моих связях с бывшим наркомом Леплевским, но последний в то время работал в НКВД СССР, и ещё никто не был арестован из участников его к-р группы. Леплевского я видел всего два раза, и ни в каких связях с ним не состоял. Заговорщицкая группа Леплевского была семитская (еврейская), в ней не было ни одного русского и, пожалуй, я – единственный русский, которого Успенский зачислил в эту к-р группу. При ликвидации группы Леплевского ни одного показания о моем причастии к этой группе не было, кроме показания Блюмана, на которое и ссылается Успенский.

Далее, Успенский показывает, что в феврале м-це, когда приезжал в Киев Ежов, то последний имел со мной беседу и облюбовал меня на работу начальника Управления НКВД области.

Никогда я с Ежовым не разговаривал и на приемах у него не был, о чём он сам подтверждает в своих показаниях. Успенский показывает, что он вербовал меня при назначении на должность начальника 1 отдела в присутствии Радзивиловского, который тогда был в кабинете Успенского. Действительно Радзивиловский при разговоре со мной Успенского тогда был в кабинете, о чем он подтвердил в показаниях, но отрицает разговор о моей вербовке.

Числа 17–18 февраля я уже сдал дела в Особом отделе, где до того я работал, и к 23 февраля уже обеспечил проведение торжественного заседания по случаю годовщины РККА. Успенский показывает, что он направил меня на работу в Особый отдел к Листенгурту²³ громить кадры Особого отдела, но это также ложь Успенского, потому что Листенгурт прибыл в Особый отдел, уже когда меня там не было.

В других показаниях Успенский показывает, что он завербовал меня в к-р заговорщическую организацию в июле м-це при назначении меня начальником УНКВД. Разговор о моём назначении начальником УНКВД был у меня с Успенским в присутствии Хатаневе[р]а²⁴. Я не хотел идти на эту работу, потому что считал, что мне не в силах будет справиться с такой ответственной работой, но тогда Успенский мне пригрозил, что если я не пойду на работу начальником УНКВД, то это будет расцениваться как нежелание бороться с контрреволюцией. Об этом разговоре я рассказал Нагорному, и он подтверждает это в своих показаниях.

Далее, Успенский показывает, что он, завербовав меня, связал по вражеской работе с Ратынским²⁵, Яралянцем²⁶ и Листенгуртом – это также ложь очевидная. При назначении меня начальником УНКВД Яралянца в Киеве совершенно не было, он прибыл только в июле м-це, когда проходила партконференция или 14 партсъезд КП(б)У.

Оглашается справка о назначении Долгушева и Яралянца (л. д. 337 т. 2).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

Приказом НКВД Яралянц был назначен раньше, но прибыл в Киев в июле м-це. Листенгурт 1 мая выехал совсем из Киева. С Ратынским я не мог быть связан потому, что на одном узком оперативном совещании Успенский заявил, что он скоро арестует Ратынского, и действительно он вскоре был арестован. Успенский показывает, что он также связал меня с Коркуновым – быв[шим] начальником Ворошиловградского УНКВД, который в день назначения меня начальником УНКВД выехал в Ворошиловград к месту работы, получив назначение со мной вместе. Коркунова я хорошо знал, на него были компрометирующие материалы о том, что он происходит из кулацкой семьи, эти данные проверялись, но они не подтвердились. Его показания на меня я объясняю тем же, как и я когда-то дал на него показания, от которых и он и я отказались.

На очной ставке со мной Успенский подтвердил о моей связи с Троицким, с которым мне пришлось работать дней 10–15, не больше, работая моим заместителем.

О моем выдвижении на должность начальника УНКВД. С приездом в Киев Успенского и Ежова началось массовое выдвижение на руководящую работу награждённых орденами, и в волну выдвижения попал и я. Я

²³ Тут і далі у документі помилково – Листенбург, Ястенбург.

²⁴ У документі помилково – Хатанейер.

²⁵ У документі помилково – Родлинский.

²⁶ Тут і далі у документі помилково – Яролянц.

был награждён орденом «Красная Звезда» в 1937 году, в день двадцатилетия НКВД, наркомом тогда был Леплевский. Возможно, он и представил меня к награде. В апреле м-це 1938 года Хрущёв объезжал ряд областей УССР, с ним был и я в Одессе как начальник охраны. Мною тогда был предотвращен теракт, готовившийся секретарем Одесского обкома против Хрущёва. И вообще Хрущёв меня как хорошего работника знал хорошо, и моё выдвижение больше относится к Хрущёву, нежели к Успенскому.

Далее Успенский показывает, что он дал мне задание на фальсифицирование следственных дел. На суде при разбирательстве моего дела это показание Успенского было опровергнуто как противоречивое. С приходом меня в УНКВД я очень резко поставил вопрос перед оперативным составом о прекращении незаконных методов ведения следствия, так как мне были известны факты извращённого метода следствия в Киевском УНКВД. На первом же оперативном совещании я поставил вопрос таким образом, что если к кому будет необходимость применения методов физического воздействия, то это буду делать или я или мой заместитель и больше никто. Кроме того, были выделены работники УНКВД, в частности секретарь УНКВД Шапиро и др., для того, чтобы смотреть за следователями, не применяет ли кто во время допроса физические меры воздействия.

В отношении арестов. До моего прибытия на должность начальника УНКВД по Киевской области было арестовано до 5000 человек по так называемым массовым арестам. Люди месяцами сидели в тюрьмах без допроса и оформления дел. Я сразу же принял меры к устранению этих ненормальностей. В первые дни моей работы было освобождено около 300 человек незаконно арестованных. Массовые аресты запретил совершенно, и аресты проводились только при наличии компрометирующего материала. Я категорически запретил оформление дел без проведения очных ставок и допроса свидетелей. На первых порах эти мои жёсткие требования были встречены в штыки оперработниками, привыкшими уже «просто» оформлять следственные дела. Оперработники говорили, что пришла новая метла и по-своему метёт. Об устранении незаконных методов следствия я неоднократно беседовал с Хрущёвым и всегда выполнял его указания.

Показания Успенского об отсутствии работы с агентурой также неверны. До моего прибытия в УНКВД действительно эта работа была запущена. Я сразу же принял меры к вербовке новой агентуры и установления связей со старыми агентами, было завербовано за короткое время свыше 500 человек.

Я Успенского первый раз увидел на банкете, и второй раз встретился с ним при моем назначении на должность начальника 1 отдела, был я два раза на квартире Успенского. 1[-й] раз – 7 ноября и 2[-й] раз – 1 мая, больше я никогда не был у него на квартире. Хотя я как начальник 2 отдела обязан был ходить и на квартиру к нему. Дальше никакого общения у нас с Успенским не было. Кроме того, у меня с Успенским были ненормальные взаимоотношения. Только поэтому он и не давал мне наград, как, например, значок почетного чекиста, которые он так щедро раздавал всем. Мало того, перед бегством Успенского он грозил мне снятием с

работы начальника УНКВД и увольнением из органов УГБ, обещал перевести на работу в органы милиции.

В 1939 году я дал показание о своем участии в к-р заговоре после того, как были мне зачитаны показания Успенского на меня, и применения ко мне физических мер воздействия, которых я уже не в силах был перенести. 4-го июня я написал собственноручные показания.

Оглашаются показания Долгушева (т. 1, л. д. 145).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

На очной ставке с Успенским я уже имел возможность заявить о ложности его показаний. Это было уже в июле м-це в Москве, а когда нас этапировали в Киев, меня уже заставили вторично признаться и дать показания на Коркунова.

13/Х, во время предъявления мне материалов следствия, я добился допроса меня прокурором и отказался от клеветнических своих показаний.

До момента ареста я не представлял себе, что человек ни в чем невинный в результате физического воздействия может оговорить себя, но, будучи арестованным, меня довели до такого состояния, что я готов был признаться в каком угодно преступлении, лишь бы избавиться от мучений.

На вопрос председателю:

Показание Рейхмана я помню, он действительно показывал на меня и говорил, что Ежов, будучи в Киеве, на банкете в нетрезвом состоянии раздавал должности начальников УНКВД и, в частности, назвал меня начальником Киевского УНКВД. Но эти показания Рейхмана неверны, Ежов на банкете вовсе не называл меня, а только говорил, что нам надо смелее выдвигать наших «оперов», «лошадок», т. е. низовых оперативных работников. Аналогичны показания и Нагорного.

Оглашаются показания свидетеля Нагорного (т. 2, л. д. 286).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

На предыдущем судебном разбирательстве этот вопрос был уточнён.

Малышев, Козьминых²⁷ и Троицкий тоже меня называли как участника к-р заговора, хотя впоследствии от своих показаний и отказались.

С Козьминых я не мог разговаривать. Был он во время моей работы не более полмесяца и к оперативной работе не прикасался.

Откомандирование работников при Малышеве совершенно не проводилось, он вскоре уехал из Киева.

Оглаш[аются] показания Малышева (т. 1, л. д. 214).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

Малышеву это было известно со слов Копылова.

Троицкого я совершенно не знал. В октябре м-це Успенский позвонил мне и предупредил, что моим заместителем назначается Троицкий. По прибытию Троицкого в УНКВД я ему поручил очень незначительный круг обязанностей. Моё отношение к Троицкому было самое недоверчивое, я ему запретил подписать принципиальные бумаги, и всё это создало между нами рогатки.

²⁷ Тут і далі у документі помилково через літеру «у» у першому складі – Кузьминых.

На вопрос суда:

Возможно, Троицкий и подписывал повестки на Особую тройку, но я сейчас точно этого не могу сказать.

Далее, в отношении извращённого метода ведения следствия. Действительно был такой случай, когда во время допроса моим помощником Павлычевым арестованного Можейко последний умер. Как только мне стало известно об этом, то я сразу же спросил, не применялось ли во время допроса к Можейко физическое воздействие. Меня заверили, что нет, а только Павлычев ударил Можейко ладонью по щеке. Наутро было представлено мне врачебное заключение о естественной смерти Можейко, и [я] поверил этому, потому что я знал о состоянии здоровья его. Но о том, что Можейко умер в комнате «смеха» от избиения его во время допроса, мне стало известно только на предыдущем судебном разбирательстве моего дела.

Циркуляр НКВД СССР за № 189, запрещающий рассматривать во внесудебном порядке дела на сотрудников органов и войск НКВД, а также специалистов высокой квалификации, я знал хорошо. Однако на Особой тройке УНКВД Киевской области под моим председательством было осуждено несколько человек этой категории. Получилось это потому, что в отношении рассмотрения дел на сотрудников НКВД я обратился за разъяснением в НКВД УССР, и мне начальник спецотдела Славин дал такую установку, что не имеющих званий можно рассматривать на тройке, а в отношении специалистов было рассмотрено с нарушением Циркуляра НКВД № 189 только человека на два, не более, и то эти люди к моменту ареста не занимались по своей специальности. Кроме того, было осуждено на тройке несколько человек лиц, не имеющих высшего образования, но занимавших к моменту ареста должности высших специалистов за неимением работников.

Оглаш[ается] список осужд[ённых] с нарушением циркуляра НКВД 189 (т. 1, л. д. 238).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

В этот список вошёл ряд лиц, осуждённых на тройке до получения Циркуляра НКВД № 189.

На вопрос пред[седательствую]щего:

В повестках на тройку я лично вычёркивал, где было указано, что арестованный состоял на службе в НКВД, для сокращения повестки.

Оглаш[аются] показания Долгушева (т. 1, л. д. 67–68, т. 2, л. д. 55–56).

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

Дитков, осуждённый тройкой к ВМН, был командиром взвода милиции, я сейчас не помню, какие были на него компрометирующие материалы. По делу Примаков-Молдавской – стенографистки НКВД УССР на тройке невозможно было установить наличие противоречий в материалах дела, так как докладчик доложил о доказанности в шпионской деятельности её, а мы на тройке считали дела, оформленные в НКВД УССР, идеальными и, тем более, утверждал направление таких дел на тройку сам Успенский.

В 20.15 20.5.[19]42 г. объявлен перерыв до 10.00 21.5.[19]42 г.

В 10.30 21.5.[19]42 г. судебное заседание продолжено.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ:

Избиение следователями арестованных во время допроса в УНКВД и на периферии Киевской области были, о чем я узнал уже после. В УНКВД существовала так называемая комната «смеха», где производилось избиение арестованных, но вскоре после моего прибытия в УНКВД эту комнату упразднили и в ней сделали архивное помещение.

На вопрос суда:

Показания на меня ряда свидетелей в участии в контрреволюционном заговоре я лично объясняю только тем, что тогда прошла волна оклеветания ряда честных людей. Эти люди, кроме меня, ещё оклеветали целый ряд честных людей.

Подс[удимый] ДОЛГУШЕВ судебное следствие дополнить ничем не имеет.

В 10.50 судебное следствие закончено.

Предоставлено последнее слово подс[удимому] ДОЛГУШЕВУ, в котором он сказал:

Я прошу суд тщательно исследовать наличие данных против меня и убедиться в несомненной клевете и провокации о моем участии в к-р заговоре. В части нарушения революционной законности я прошу суд учесть то, что я – молодой выдвиженец на руководящую работу и в обстановке того времени не мог круто повернуть и искоренить установившиеся незаконные методы следствия.

Я не был ни врагом, ни предателем, у меня и социального чуждого ничего нет, сам я – рабочий, отец мой – рабочий, член партии, братья все – коммунисты, а один из них уже погиб на фронте отечественной войны.

Я, находясь в заключении, неоднократно писал заявления о направлении меня на фронт и сейчас убедительно прошу суд дать мне возможность доказать преданность Родине. Будучи в лагерях, я честно относился к труду, никогда не падал духом в какой бы трудной обстановке не находился.

В 10.55 ВТ удалился на совещание.

В 13.00 ВТ возвратился из совещательной комнаты.

Председательствующий огласил приговор, разъяснил осуждённому ДОЛГУШЕВУ его сущность и порядок обжалования.

Мерой пресечения осуждённому ДОЛГУШЕВУ избрано содержание под стражей в тюрьме № 1 гор. Свердловска.

В 13.10. судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист 1 ранга

Копилевич

Секретарь
младший политрук

Свинцов

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 188–199.
Оригінал. Машинопис на бланку.**

№ 50

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Уральського округу у справі О. Р. Долгушева

20–21 травня 1942 р.

Секретно

Дело № 25

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

1942 г., мая 20–21 дня, ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ВОЙСК НКВД УРАЛЬСКОГО ОКРУГА в закрытом судебном заседании в гор. Свердловске, в помещении *Военного трибунала*,

в составе:

Председательствующего *военного юриста 1-го ранга Копилевича*
членов: *старшего лейтенанта госбезопасности Румянцева и*
младшего лейтенанта госбезопасности Гребенкина
при секретаре *младшем политруке Свинцове*,
без участия *сторон*,

рассмотрев дело по обвинению бывш. начальника Киевского облуправления НКВД — капитана гос. безопасности Долгушева Алексея Романовича, 1902 года рождения, происходящего из семьи рабочего, уроженца ст. Пачелма того же р-на Пензенской области, служащего, с низшим образованием, женатого, бывш. члена ВКП(б), исключённого в связи с настоящим делом, русского, ранее не судимого, служившего в органах НКВД с 1929 года, в преступлениях по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК СССР,

УСТАНОВИЛ:

Подсуд[имый] ДОЛГУШЕВ в период с июня 1938 года по январь 1939 года, будучи начальником Киевского обл. управления НКВД, допускал явные искривления революционной законности, приведшие к тяжёлым последствиям, как-то:

Вопреки директивам НКВД СССР, запрещающим рассмотрение во внесудебном порядке дел о специалистах и сотрудниках органов и войск НКВД, ДОЛГУШЕВ, являясь председателем особой тройки, рассмотрел около 40 дел этой категории, все обвиняемые по указанным делам были приговорены к ВМУН, и приговоры приведены в исполнение; причём в повестках по некоторым делам ДОЛГУШЕВ вычёркивал данные о принадлежности обвиняемых к категории специалистов или сотрудников НКВД.

Наряду с этим, ДОЛГУШЕВ не принимал необходимых мер к некоторым подчинённым, практиковавшим избивание арестованных, так, например:

Получив данные о том, что арестованный МОЖЕЙКО в связи с избиванием его умер во время допроса, ДОЛГУШЕВ распорядился, чтобы дело о МОЖЕЙКО сдали в архив, и мер к привлечению к уголовной ответственности виновного в убийстве МОЖЕЙКО не принял.

Что же касается предъявленного ДОЛГУШЕВУ обвинения в том, что он якобы являлся участником к/р заговора и был завербован врагом народа Успенским, то таковое на судебном следствии – за отсутствием должных улик – не подтвердилось.

На основании изложенного, ВТ, признав виновным ДОЛГУШЕВА по ст. 206-17 п. «б» УК УССР, вместо предъявленного ему обвинения по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича, лишив его спецзвания капитана государственной безопасности, на основании ст. 206-17 п. «б» УК УССР подвергнуть к высшей мере уголовного наказания – РАССТРЕЛУ.

Одновременно возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении ДОЛГУШЕВА ордена Красной Звезды и юбилейной медали «XX лет Красной Армии».

Приговор может быть обжалован в течение ПЯТИ СУТОК со дня вручения выписки из приговора осуждённому, подачей кассационной жалобы в Военную коллегия Верховного суда СССР, через Военный трибунал войск НКВД Уральского округа.

Председательствующий
военный юрист 1 ранга

Копилевич

Члены: старший лейтенант госбезопасности

Румянцев

младший лейтенант госбезопасности

Гребенкин

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 200–201.

Оригинал. Рукопис на бланку.

№ 51

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі О. Р. Долгушева

6 червня 1942 р.

Копилевич. 30.5.[19]42 г. ЕН

Сов. секретно
отп[ечатано] 3 копии

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 5-11108
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего – корвоенюриста Орлова
и членов: диввоенюриста Кандыбина
диввоенюриста Детистова

Рассмотрев в заседании от 6 июня 1942 г. кассационную жалобу
ДОЛГУШЕВА Алексея Романовича

на приговор ВТ в[ойск]/НКВД Урал[ьског]о округа от 20–21 мая
1942 г. по делу осуждённого за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206-
17 п. «б» УК УССР, к ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ – РАССТРЕЛУ

Заслушав доклад тов. КАНДЫБИНА,
заключение пом[ощника] Главного военного прокурора тов. КОЧАН,
ОПРЕДЕЛИЛА:

Дело в отношении ДОЛГУШЕВА в Суде рассматривалось 20–21 мая
1942 г. в третий раз, и во всех случаях, исходя из материалов дела и дан-
ных судебного следствия, Суд его по ст. ст. 54-1 п. «б», 54-7 и 54-11 УК
УССР оправдывал, в этой части приговор Суда о нём оставить в силе.

Исходя из личности осуждённого, не находя в настоящее время необ-
ходимости в применении к ДОЛГУШЕВУ высшей меры наказания, это
наказание ему заменить лишением свободы сроком на ДЕСЯТЬ (10) лет в
ИТЛ, без поражения в правах.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Секретарь ВК Верховсуда СССР
военный юрист

Белуосов

Препровождается вместе с делом в ВТ в[ойск]/НКВД Урал[ьског]о
округа для испол[нения], копия – ГВП для сведения.

11 июня 1942 г.   № 5-11108

/Секретарь ВК

Белуосов

На документі є:

1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу:
«Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) резолюція керівництва Військового трибуналу військ НКВС
Уральського округу: «К исполнению. Копилевич. 17/VI [19]42 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38327, т. 4, арк. 207–207 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

РОЗДІЛ 2. СПРАВА НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО МИКОЛАЇВСЬКІЙ ОБЛАСТІ ПЕТРА КАРАМИШЕВА ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС

№ 52

Обвинувальний висновок у справі П. В. Карамішева,
Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна

11 травня 1940 р.

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам[еститель] наркома внутренних дел УССР
старший майор государственной безопасности
Н. Горлинский

«11» мая 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следделу № 147070 по обвинению КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича, ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и ВОРОНИНА Константина Афанасьевича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

В Управление государственной безопасности и аппарат Особуполномоченного НКВД УССР поступил ряд заявлений от ранее находившихся под следствием партийных, советских работников и специалистов Николаевских заводов, в которых сообщалось, что под руководством и личном участии бывшего начальника 4-го отдела УНКВД по Николаевской области ТРУШКИНА Якова Лукьяновича к ним применялись извращённые методы следствия и фальсифицировались документы обвинения по их делам сотрудниками УНКВД ГАРБУЗОВЫМ Михаилом Васильевичем – бывшим зам[естителем] нач[альника] 4 отдела и ВОРОНИНЫМ Константином Афанасьевичем – бывш. нач[альником] 1 отделения того же отдела.

Кроме этого, поступил ряд заявлений от сотрудников УНКВД, в которых указывалось, что бывший начальник УНКВД по Николаевской области КАРАМЫШЕВ Пётр Васильевич проводил аресты по справкам, сфальсифицированным ТРУШКИНЫМ и другими работниками, допускал извращения революционной законности в следственной работе

УНКВД и, являясь ответственным за работу Судебной Тройки УНКВД, выносил необоснованные приговоры (т. 3, л. д. 134, т. 8, л. д. 67–306).

Аппаратом Особоуполномоченного НКВД УССР было проведено предварительное расследование, при котором ряд фактов, указываемых в заявлениях, подтвердились.

На основании данных предварительного расследования КАРАМЫШЕВ и ТРУШКИН арестованы и привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу. Вместе с ними также привлечены в качестве обвиняемых бывшие сотрудники УНКВД ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН.

При аресте и обыске на квартире у ТРУШКИНА изъяты совершенно секретные агентурно-оперативные и следственные документы, касающиеся работы 2-го отдела УНКВД по Николаевской области (т. 1, л. д. 40, т. 3, л. д. 80–92, т. 7, л. д. 240–241).

Произведённым расследованием установлено, что с ведома и санкции обвиняемого КАРАМЫШЕВА по справкам, составленным ТРУШКИНЫМ, ГАРБУЗОВЫМ и ВОРОНИНЫМ, был необоснованно арестован ряд партийных, советских работников и специалистов Николаевских заводов.

Так, по инициативе ВОРОНИНА были необоснованно арестованы ИОНАС – бывш. зав[едующий] горкоммунхозом горсовета и ГУШИН – бывш. секретарь ЗПК завода № 200, а ТРУШКИНЫМ были необоснованно арест[ован]ы СЕДНЕВ – быв. директор Никторга, БРАЖНИКОВ – быв. старш[ий] агроном совхоза «Радсад» и ВАСИЛЕНКО – бывш. нач[альник] планово-финансового отдела Николаевского ОБЛЗУ.

Наряду с этим обвиняемым ТРУШКИНЫМ были сфальсифицированы справки на арест ОНИЩЕНКО – бывш. председателя Николаевского облсуда, БАРСУКОВА – быв. зав[едующего] технормированием корпусного цеха завода № 200, ЧЕРНОХАТОВА – бывш. мастера цеха завода № 200, МАЦКОВСКОГО – бывш. нач[альника] штаба ПВО завода № 200, и совместно с обвиняемыми ГАРБУЗОВЫМ и ВОРОНИНЫМ [они] сфальсифицировали справки на арест ДЕРЕВЯНЧЕНКО – бывш. второго секретаря Николаевского обкома КП(б)У и ГАВРИЛОВА – инженера завода № 200.

По документам, сфальсифицированным обвиняемыми ТРУШКИНЫМ, ГАРБУЗОВЫМ и ВОРОНИНЫМ, утверждённым обвиняемым КАРАМЫШЕВЫМ, вышеперечисленные лица были арестованы, содержались под стражей длительное время, и только после тщательного расследования, – реабилитированы (т. 4, л. д. 17–19, 35–38, 85, 140, 207–208, 231, 233, 167, 170, 172, т. 10, л. д. 1–105, 129, 187, 193, 208, 223, 229, 240, 254, 275, 292).

Заведомо зная, что имевшиеся в УНКВД данные в отношении КАРАСЁВА – председателя Николаевского горсовета, депутата Верховного Совета СССР, не соответствуют действительности, обв[иня]емый ТРУШКИН составил по ним справку и настоятельно добивался ареста КАРАСЁВА (т. 3, л. д. 160, т. 7, л. д. 173–174, т. 8, л. д. 22–36).

Чтобы скрыть факты необоснованных арестов по сфальсифицированным ими справкам, обв[иня]емые ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН

применяли к необоснованно арестованным извращённые методы ведения следствия, добивались от них заведомо неправдоподобных показаний о якобы проводимой ими контрреволюционной деятельности.

Так, ими была искусственно создана диверсионная организация из числа специалистов завода № 200, в которую были включены ФОМИН, ГЛАДКОВ, МЕЛАМУД, АФАНАСЬЕВ, БОНДАРЬ, БАЗИЛЕВИЧ, ЧИКАЛОВ и НОСОВ, которые решением Трибунала реабилитированы (т. 5, л. д. 24, 104, 132, 152, т. 9, л. д. 60–130).

По делу так называемой контрреволюционной диверсионной организации на заводе № 200 также были необоснованно арестованы специалисты МАЦКОВСКИЙ, ЧЕРНОХАТОВ и БАРСУКОВ, дела которых по инициативе обвиняемых ТРУШКИНА и КАРАМЫШЕВА, без всякой к тому оперативной необходимости, выделили в отдельное производство и рассмотрены Судтройкой УНКВД. Вопреки приказам НКВД СССР, обвиняемый КАРАМЫШЕВ, как председатель Судтройки, вынес по этим делам неправосудные приговора (т. 3, л. д. 5, т. 6, л. д. 137, 187, т. 7, л. д. 89–91, 176, 213–216, 237–239, т. 9, л. д. 60–81, 274–279, т. 10, л. д. 105–113).

Обвиняемый ТРУШКИН путём избиения арестованного ЧУЧМАНА добился и принял от него вымышленные показания на ряд колхозников Ново-Троицкого района и предложил их арестовать. Несмотря на отказ бывш. начальника Ново-Троицкого РО НКВД БЕЛОВА производить их арест из-за отсутствия на них компрометирующих материалов, все же по настоянию ТРУШКИНА было арестовано свыше 20 человек, среди которых были чабаны, кузнецы, счетоводы, председатели [сельских]/советов и колхозов, которые за недоказанностью состава преступления из-под стражи освобождены (т. 4, л. д. 208, 219, 284, т. 7, л. д. 57, 151, 176).

По указаниям обвиняемого ТРУШКИНА были необоснованно арестованы в Ново-Троицком районе БАБАЕВ – директор совхоза им. Фрунзе и САДОМОВ – пом[ощник] нач[альника] политотдела этого же совхоза. Следствие по их делу велось с грубейшими нарушениями УПК, и сфальсифицирован ряд обвинительных документов.

По распоряжению и при личном участии обвиняемого КАРАМЫШЕВА дело по обвинению БАБАЕВА и САДОМОВА рассмотрено на заседании Судтройки, где они необоснованно осуждены к ВМУН (т. 4, л. д. 255, 270, 282, т. 5, л. д. 190, 201, т. 6, л. д. 16, 45–57, 109–120, 148, 237–239, т. 9, л. д. 181–194, т. 10, л. д. 114–131).

Обвиняемый ТРУШКИН вынуждал подследственного ГЛАДКОВА давать заведомо неправдоподобные показания на руководящих работников завода № 200 ГАЙЗЕРА и ДИДЕНКО.

Аналогично данному факту обвиняемый ТРУШКИН вынудил подследственного БОНДАРЯ подписать вымышленные ТРУШКИНЫМ показания о якобы известной БОНДАРЮ принадлежности к троцкистской организации АФАНАСЬЕВА (т. 5, л. д. 25–26, 134).

Принимая участие в составлении и «корректировке» протоколов допроса находившихся под следствием СТАРОДУБЦЕВА, ПОЗНАНСКОГО,

БАБАЕВА и НАМЕСТЮКА¹, обвиняемый ТРУШКИН вносил в эти протоколы факты и обстоятельства, которые подследственными не назывались, и после вынуждал подследственных подписывать эти протоколы (т. 4, л. д. 82–84, 106, т. 5, л. д. 193, т. 6, л. д. 21, т. 7, л. д. 49, 113, 114).

После освобождения из-под стражи ГАВРИЛОВА, ЧУЛКОВА, КОБЦЕВА и других, к которым ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН применяли извращённые методы ведения следствия, в целях прикрытия своей преступной деятельности, обв[иняемый] ТРУШКИН начал усиленно направлять агента «ГЕРД» на их освещение и разработку. Агент «ГЕРД» под угрозами ТРУШКИНА начал давать на ГАВРИЛОВА, ЧУЛКОВА и других обобщённые вымышленные материалы о их якобы антисоветских высказываниях.

На основании этого ВОРОНИН и ГАРБУЗОВ завели агентурную разработку под кличкой «РЕТИВЫЕ», которая, как провокационно созданная, прекращена и сдана в архив (т. 9, л. д. 131–141, 142–152, 153–163, 164–172, т. 11, л. д. 223–225, 227, 250–255, 256–265).

Наряду с этим обвиняемый ТРУШКИН задерживал освобождение из-под стражи необоснованно арестованных им МАЛЮГИНА, ЛЕВИЦКОГО, БРАЖНИКОВА², ИОНАСА и других, несмотря на то, что имевшиеся против них обвинительные материалы проведенным расследованием были опровергнуты (т. 3, л. д. 137, 251, т. 4, л. д. 18, 37–45, т. 6, л. д. 171).

Следствием также установлено, что обвиняемый ГАРБУЗОВ применял извращённые методы ведения следствия, добивался от подследственных ГАВРИЛОВА, ЧУЛКОВА, АФНАСЬЕВА, КОБЦЕВА, ДЕРЕВЯНЧЕНКО и ФОМИНА заведомо неправдоподобных показаний (т. 5, л. д. 65, 68, 103–115, 132, т. 8, л. д. 217–226, 229–236).

От обвиняемых КОБЦЕВА и ФОМИНА ГАРБУЗОВ требовал показания о принадлежности к антисоветской организации КАРАСЁВА – председателя Николаевского горсовета, депутата Верховного Совета СССР, ДЕРЕВЯНЧЕНКО и других (т. 5, л. д. 116, т. 8, л. д. 231).

Принимая участие в составлении и «корректировке» протоколов допроса СТАРОДУБЦЕВА и ПОЗНАНСКОГО, обвиняемый ГАРБУЗОВ добавлял от себя то, чего они следствию не показывали, предлагая следователю, ведущему их дела, добиться подписания обвиняемыми этих протоколов (т. 4, л. д. 82–83, 106–107, т. 6, л. д. 165).

Обвиняемый ВОРОНИН, с ведома ТРУШКИНА и ГАРБУЗОВА, применял незаконные методы ведения следствия к подследственным ВОЛКОВУ, СУХОЛЕНЦЕВУ, ДЕРЕВЯНЧЕНКО, ГУЩИНУ, БОНДАРЮ, СЕДНЕВУ, ГАВРИЛОВУ, КОБЦЕВУ, ГЛАДКОВУ, ЧИКАЛОВУ, ЖЕРНОКЛЮЕВУ и ГАЙЗЕРУ, вымогал от них вымышленные показания (т. 4, л. д. 232, т. 5, л. д. 22, 53, 65–71, 113, 130, 151, 168, т. 6, л. д. 86, т. 8, л. д. 217–226, 227).

Наряду с этим обвиняемый ВОРОНИН провоцировал подследственных ВОЛКОВА, ДЕРЕВЯНЧЕНКО, СЕДНЕВА, КОБЦЕВА и ГЛАДКОВА дать показания о якобы известной им принадлежности к антисоветской

¹ У документі помилково через літеру «и» у другому складі – Намистюка.

² У документі помилково – Бражника.

организации КАРАСЁВА и других партийных и советских работников области (т. 5, л. д. 55, 116, 131, т. 6, л. д. 86, т. 8, л. д. 219).

Как показывают обвиняемый ГАРБУЗОВ и свидетель ФЕДОТОВ, обвиняемый ВОРОНИН, допрашивая СТАРОДУБЦЕВА, извращёнными методами вынудил подследственного давать ложные показания о своей причастности и ряда других лиц к антисоветской деятельности, и после этого требовал от него увеличить список якобы известных ему участников организации от 20 до 40 человек (т. 3, л. д. 197, т. 4, л. д. 83–84).

Преступная деятельность обв[иняемого] КАРАМЫШЕВА выражалась в том, что он санкционировал аресты работников партийного и советского аппаратов, специалистов промышленности и сельского хозяйства по материалам, которые фальсифицировались ТРУШКИНЫМ, ГАРБУЗОВЫМ и ВОРОНИНЫМ.

Зная о том, что обвиняемый ТРУШКИН и другие извращают революционную законность в отношении подследственных, вынуждают их давать заведомо неправдоподобные показания — оговаривать себя и других, обвиняемый КАРАМЫШЕВ всячески поощрял и стимулировал эту вражескую практику работы, что привело к тяжёлым последствиям.

Особой Тройкой УНКВД по Николаевской области, возглавляемой КАРАМЫШЕВЫМ, в 1938 году незаконно осуждено к разным мерам наказания свыше 300 человек, дела которых согласно приказам НКВД СССР №№ 00606 и 189, не подлежали рассмотрению Судтройкой³.

В нарушение этих же приказов возглавляемая КАРАМЫШЕВЫМ Судтройка незаконно осудила свыше 30 человек — специалистов высокой квалификации и 11 человек, арестованных после 1 августа 1938 года, дела которых должны были рассматриваться в гласных судах (т. 5, л. д. 222–256, 259–263, 275–277, 281–288, т. 6, л. д. 78–84, 91–96, 121–126, 186–189, 200–214, 233–242, 254–260, т. 7, л. д. 237–239, т. 9, л. д. 1–36, т. 10, л. д. 20–82, т. 11, л. д. 1–101).

В практике работы КАРАМЫШЕВА имели место отдельные случаи, когда он единолично осуждал обвиняемых к ВМУН и другим мерам наказания (дело ТРУБИЯ и других) и изменял решения Судтройки после подписания протокола заседания Тройки всеми ее членами (т. 1, л. д. 229–237, 247–249, т. 3, л. д. 134, 155, т. 5, л. д. 227, 282–284, 287, 204, 234, т. 7, л. д. 237–239, т. 9, л. д. 39, 41–51, т. 11, л. д. 1–101).

Кроме этого установлено, что по распоряжению КАРАМЫШЕВА лица, осуждённые Тройкой к ВМУН, вызывались в оперативные отделы, где они длительное время допрашивались по их же делам и по делам других обвиняемых (т. 5, л. д. 233, 234, 260–263, т. 9, л. д. 4–11).

Обвиняемый КАРАМЫШЕВ в предъявленном ему обвинении виновным себя признал частично (т. 1, л. д. 254, 256, 288, 289, 290, 292, 294). Изобличается показаниями обвиняемого ГАРБУЗОВА (т. 3, л. д. 134, 155), свидетелей ЧЕРКЕСА (т. 4, л. д. 16–17), ФЕДОТОВА (т. 4, л. д. 78–79), ЗЕЛЫЦМАНА (т. [4], л. д. 148–149), ВИННИЦКОГО (т. 4, л. д. 258–259,

³ Навпроти абзацу, на лівому полі, простим олівцем зроблено позначку: «т. 1, 292, т. 9, 2–3».

274–275), ШЕЙНБЕРГА (т. 5, л. д. 22–256), КРЮКОВСКОГО (т. 5, л. д. 257–274), СУЛИНОЙ (т. 5, л. д. 275–280), ФЕВРАЛЬСКОЙ (т. 5, л. д. 281–301, т. 6, л. д. 1–5), ЧАЙКОВСКОГО (т. 6, л. д. 6–15), ГОТОВЦЕВА (т. 6, л. д. 40–58), ЗАЙДЕНБЕРГА (т. 6, л. д. 69–77), ЗИЛЬБЕРМИНЦА (т. 6, л. д. 78–84), САМОЙЛЕНКО (т. 6, л. д. 91–96), ВОЛОШИНА (т. 6, л. д. 102–106), ШТЕРНА (т. 6, л. д. 121–126), ПОЯСОВА (т. 6, л. д. 127–136), ПОБЕРЕЖНОГО (т. 6, л. д. 166–181), очными ставками с ТРУШКИНЫМ (т. 7, л. д. 209–234), ПОЯСОВЫМ (т. 6, л. д. 182–199), ШЕЙНБЕРГОМ (т. 6, л. д. 200–232), ФЕВРАЛЬСКОЙ (т. 6, л. д. 233–253), КРЮКОВСКИМ (т. 6, л. д. 254–269), а также документами, приобщенными к делу (т. 7, л. д. 237–239, т. 9, л. д. 1–51, т. 10, л. д. 1–82, т. 11, л. д. 1–101).

Обвиняемый ТРУШКИН в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. Изобличается показаниями обвиняемых КАРАМЫШЕВА (т. 1, л. д. 255–263), ГАРБУЗОВА (т. 3, л. д. 135–137, 155–164), ВОРОНИНА (т. 3, л. д. 251–252), свидетелей ЧЕРКЕСА (т. 4, л. д. 16–33), ШКЛЯРОВА (т. 4, л. д. 34–77), ФЕДОТОВА (т. 4, л. д. 78–111), ФЕДОРОВСКОГО (т. 4, л. д. 112–138), ЗЕЛЬЦМАНА (т. 4, л. д. 139–183), ШОРА (т. 4, л. д. 184–205), КИРЕЕВА (т. 4, л. д. 206–229), СЫЧКОВА (т. 4, л. д. 230–254), ВИННИЦКОГО (т. 4, л. д. 255–281), БЕЛОВА (т. 4, л. д. 282–296), БОНДАРЯ (т. 5, л. д. 21–34), СЕДНЕВА (т. 5, л. д. 53–64), ГАВРИЛОВА (т. 5, л. д. 65–82), СЫЧКОВА (т. 5, л. д. 83–100), АФНАСЬЕВА (т. 5, л. д. 101–110), КОБЦЕВА (т. 5, л. д. 111–128), ГЛАДКОВА (т. 5, л. д. 129–148), ЧИКАЛОВА (т. 5, л. д. 149–165), ЖЕРНОКЛЮЕВА (т. 5, л. д. 166–179), ЛЕЙЗЕРОВСКОГО (т. 5, л. д. 190–215), КОЗАЧУКА (т. 6, л. д. 16–39), КУПНОГО (т. 6, л. д. 59–68), ВОЛОШИНА (т. 6, л. д. 100–120), ПОЯСОВА (т. 6, л. д. 127–163), ДУДИНА (т. 6, л. д. 164–165), ПОБЕРЕЖНОГО (т. 6, л. д. 166–181), ДЕРЕВЯНЧЕНКО (т. 8, л. д. 215–226), НИКОЛАЕВСКОГО (т. 9, л. д. 153–163, т. 11, л. д. 250–265), очными ставками с ГАРБУЗОВЫМ (т. 7, л. д. 169–208), КАРАМЫШЕВЫМ (т. 7, л. д. 209–234), ГАВРИЛОВЫМ (т. 7, л. д. 1–20), КОБЦЕВЫМ (т. 7, л. д. 21–44), ЛЕЙЗЕРОВСКИМ (т. 7, л. д. 48–84), ПОЯСОВЫМ (т. 7, л. д. 85–107), КОЗАЧУКОМ (т. 7, л. д. 108–146), БЕЛОВЫМ (т. 7, л. д. 147–168), а также документами, приобщенными к делу (т. 7, л. д. 237–239, т. 8, л. д. 1–306, т. 9, л. д. 52–273, т. 10, л. д. 20–293, т. 7, л. д. 240–241).

Обвиняемый ГАРБУЗОВ в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. Изобличается показаниями свидетелей ФЕДОТОВА (т. 4, л. д. 78–111), БОНДАРЯ (т. 5, л. д. 21–34), ГАВРИЛОВА (т. 5, л. д. 65–82), ЧУЛКОВА (т. 5, л. д. 83–100), АФНАСЬЕВА (т. 5, л. д. 101–110), КОБЦЕВА (т. 5, л. д. 111–128), ГЛАДКОВА (т. 5, л. д. 129–148), ДУДИНА (т. 6, л. д. 164–165), очной ставкой с обвиняемым ТРУШКИНЫМ (т. 7, л. д. 169–208), а также документами, приобщенными к делу (т. 9, л. д. 153–172).

Обв[иняемый] ВОРОНИН в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. Изобличается показаниями обв[иняемого] ГАРБУЗОВА (т. 3, л. д. 184), свидетелей ФЕДОТОВА (т. 4, л. д. 78–111), КИРЕЕВА (т. 4, л. д. 206–229), СЫЧКОВА (т. 4, л. д. 230–254), БОНДАРЯ (т. 5, л. д. 21–34), СЕДНЕВА (т. 5, л. д. 53–64), ГАВРИЛОВА (т. 5, л. д. 65–82), КОБЦЕВА (т. 5, л. д. 111–128), ГЛАДКОВА (т. 5, л. д. 129–148), ЧИКАЛОВА

(т. 5, л. д. 149–165), ЖЕРНОКЛЮЕВА (т. 5, л. д. 166–179), ВОЛКОВА (т. 6, л. д. 85–90), СУХОЛЕНЦЕВА (т. 8, л. д. 192–197), ДЕРЕВЯНЧЕНКО (т. 8, л. д. 215–226), а также документами, приобщёнными к делу (т. 9, л. д. 52–59, 164–172, 173–174).

На основании данных дела ОБВИНЯЮТСЯ:

1. КАРАМЫШЕВ Пётр Васильевич, 1905 года рождения, уроженец г. Сердобск Пензенской области, русский, гр[аждан]ства СССР, бывший член ВКП(б) с 1928 года, депутат Верховного Совета УССР. До ареста – начальник УНКВД по Николаевской области, капитан гос. безопасности.

в том, что:

а) Производил необоснованные аресты партийных, советских работников и специалистов заводов гор. Николаева по сфальсифицированным справкам;

б) Допускал применение извращённых методов ведения следствия сотрудниками УНКВД;

в) Как председатель Особой Тройки УНКВД пропускал и осуждал лиц, которые согласно приказам НКВД СССР не подлежали рассмотрению Тройки. Тройка, возглавляемая им, незаконно осудила к разным мерам уголовного наказания свыше 340 человек, дела которых не были подсудны Судтройке;

г) Единично осуждал обвиняемых к ВМУН и другим мерам наказания и изменял решения Тройки;

д) С его ведома лица, осужденные Тройкой к расстрелу, вызывались в отделы на допросы по их делам и делам других обвиняемых –

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

2. ТРУШКИН Яков Лукьянович, 1900 года рождения, уроженец г. Керчи, русский, гр[аждан]ства СССР, бывш. член ВКП(б) с 1919 года. До ареста – начальник 2 отдела УНКВД по Николаевской области, старший лейтенант гос. безопасности,

в том, что:

а) Производил необоснованные аресты партийных, советских работников, специалистов заводов и колхозов по сфальсифицированным им справкам;

б) Применял и поощрял извращённые методы ведения следствия, добиваясь таким путём от обвиняемых ложных, вымышленных показаний, требовал показаний на ответственных работников, подсказывая обвиняемым фамилии;

в) Искусственно создал диверсионную организацию из числа специалистов завода № 200;

г) Выделил из группового дела по заводу № 200 трёх обвиняемых, доложив их дело на Тройку, и добился их незаконного осуждения к ВМУН. При его участии были также незаконно осуждены к ВМУН БАБАЕВ и САДОМОВ, которые им же были необоснованно арестованы;

д) Фальсифицировал следственные документы, добавляя в протоколы допросов обвиняемым то, чего они не показывали;

е) Тормозил освобождение из-под стражи людей, им же необоснованно арестованных, или с его санкции – другими работниками отдела;

ж) Хранил у себя на дому совершенно секретные агентурно-оперативные и следственные документы,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

3. ГАРБУЗОВ Михаил Васильевич, 1909 года рождения, уроженец ст. Дирюгино Курской области, русский, гр[аждан]ства СССР, член ВКП(б) с 1931 года, уволен из органов НКВД. Ранее работал зам[естителем] нач[альника] 2-го отдела УНКВД по Николаевской области, сержант гос. безопасности –

в том, что:

а) Применял извращённые методы ведения следствия, путём угроз и избиваний довивался от обвиняемых ложных показаний;

б) Принимал участие в фальсификации справок на арест, добавлял от себя в протоколы допросов то, чего подследственные не показывали;

в) Требовал от обвиняемых провокационные показания⁴ на руководящих работников области, подсказывал их фамилии, –

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

4. ВОРОНИН Константин Афанасьевич, 1906 года рождения, уроженец гор. Одессы, украинец, гр[аждан]ства СССР, член ВКП(б) с 1931 года. Уволен из органов НКВД. Ранее работал начальником отделения 2-го отдела УНКВД по Николаевской области, сержант гос. безопасности –

в том, что:

а) Применял к арестованным извращённые методы ведения следствия, вымогал от них заведомо неправдоподобные показания;

б) Принимал участие в фальсификации справок на арест и в производстве необоснованных арестов;

в) Провокационно требовал от обвиняемых показаний на руководящих партийно-советских работников области и специалистов заводов, называя им их фамилии, –

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Принимая во внимание, что виновность обвиняемых КАРАМЫШЕВА П.В., ТРУШКИНА Я.Л., ГАРБУЗОВА М.В. и ВОРОНИНА К.А. доказана и руководствуясь ст. 199 УПК УССР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело № 147070 по обвинению КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича, ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и ВОРОНИНА Константина Афанасьевича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР – направить Военному прокурору Войск НКВД Украинского Округа для передачи по подсудности.

⁴ У документі помилково – провокационных показаний.

Старший следователь след[ственной] части УГБ НКВД УССР
мл. лейтенант гос. безопасности
«Согласен»:

Бурдан

Начальник след[ственной] части УГБ НКВД УССР
старший лейтенант гос. безопасности

Казин

СПРАВКА: Обвиняемые содержатся: КАРАМЫШЕВ, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН – во внутренней тюрьме НКВД УССР, ТРУШКИН – в Лукьяновской тюрьме гор. Киева, и с сего числа перечисляются содержанием за Военным Прокурором Войск НКВД Украинского Округа.

Пакет с личными документами при деле.

Стар[ший] следователь след[ственной] части УГБ НКВД УССР
мл[адший] лейтенант гос[ударственной] безопасности

Бурдан

Составлено 10 мая 1940 г.
г. Киев

На першому аркуші документа резолюція фіолетовими чорнилами: «Обвин[ительное] заключение утвердить. Обв[иняемых] Карамышева П.В., Трушкина Я.Л., Гарбузова М.В. и Воронина К.А. предать суду ВК Верхсуда Союза ССР по ст. 206-17 п. «б» УК УССР. Пом[ощник] воен[ного] прокурора [войск НКВД Украинского округа] воен[ный] юрист 2 ранга М. Дворенко. 15/V-[19]40 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 11, арк. 347–358.
Оригінал. Машинопис.

№ 53

Протокол підготовчого засідання Військової колегії Верховного суду СРСР у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна

21 червня 1940 р.

ПРОТОКОЛ № 104 ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

«21» июня 1940 г.

г. Москва

Председатель Армвоенюрист УЛЬРИХ
Члены: Бригвоенюрист СУСЛИН
Военный юрист 1 ранга БУКАНОВ

Секретарь мл[адший] военный юрист МАЗУР
Участвует Военный прокурор ГВП тов. МАЛЯРОВ

СЛУШАЛИ:

Дело № 00140, поступившее из Главной Военной Прокуратуры 10/VI–1940 г., с обвинительным заключением о предании суду Военной Коллегии Верховсуда Союза ССР: 1) КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича, 2) ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, 3) ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и 4) ВОРОНИНА Константина Афанасьевича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Докладчик т. МАЛЯРОВ
Содокладчик т. СУСЛИН

ОПРЕДЕЛИЛИ:

Дело по обвинению КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича, ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и ВОРОНИНА Константина Афанасьевича передать для рассмотрения по существу в Военный Трибунал войск НКВД Украинского Округа.

Меру пресечения всем обвиняемым оставить прежнюю – содержание под стражей.

n/n Председатель

В. Ульрих

Верно: Секретарь

Мазур

Документ завірений червоною печаткою з гербом СРСР і написом у середині: «Верховный суд Союза С.С.Р. – Военная Коллегия».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 2.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 54

**Протокол судового засідання Військового трибуналу
військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамішева,
Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна**

27 грудня 1940 р. – 4 січня 1941 р.

Дело № 2 1941 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

**ПРОТОКОЛ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

27.XII.[19]40 г. – 4.I.[19]41 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в г. Николаеве, в помещении УНКВД, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военюриста I ранга ГУРЬЕВА

Членов: 1. ЧЕПИКОВА

2. ЛЫСКОВА

При секретаре технике-интенданте I ранга МИЛЯКОВЕ

без участия прокурора и защиты

рассмотрел дело № 2–1941 г. по обвинению:

1. бывш. нач[альника] УНКВД Николаевской области капитана госбезопасности КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича,

2. бывш. нач[ачальника] 2-го отдела⁵ УНКВД Николаевской обл. ст. лейтенанта госбезопасности ТРУШКИНА Якова Лукьяновича,

3. бывш. зам[естителя] нач[альника] 2-го отдела УНКВД Николаевской обл. сержанта госбезопасности ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и

4. бывш. пом[ощника] нач[альника] отделения 2-го отдела УНКВД по Николаевской области сержанта госбезопасности ВОРОНИНА Константина Афанасьевича – всех четырех по ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Судебное заседание начато в 13 часов 40 мин.

Секретарь доложил, что подсудимые КАРАМЫШЕВ, ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН в судебное заседание доставлены.

Из 44 человек свидетелей, вызванных в суд. заседание, не явились следующие свидетели: Деревянченко, Наливайко, Федоровский и Гохман. Согласно имеющимся при деле справкам 1-ый выбыл на жительство в г. Севастополь, 2-ой выбыл на жительство в г. Ленинград. Федоровский убыл из г. Николаева и неизвестно, где проживает. Гохман не прибыл по неизвестно[й] Трибуналу причине. Свидетель Николаевский находится в служебной командировке в г. Киеве, и ему дана телеграмма о прибытии в суд. заседание на 29.XII. с. г.

Свидетели: Шкляров, Поясов, Кулинский, Шор – 1-ые три вызваны в судебное заседание на 29 декабря, а последний – на 30 декабря 1940 г. Свидетель Зайденберг, согласно полученной телеграммы из Москвы, прибыть в судебное заседание не может ввиду того, что он находится на учёте. Остальные свидетели, согласно полученным из УНКВД данным, являются сотрудниками НКВД и гражданами, которые работают на заводах г. Николаева, все они предупреждены о явке их в судебное заседание и по первому требованию Трибунала таковые будут вызваны в судебное заседание.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимых, которые о себе показали:

КАРАМЫШЕВ Пётр Васильевич, рождения 1905 г., уроженец г. Сердобск Пензенской области, по соц. положению служащий, в органах НКВД работал в разных должностях с 1928 г. В должности нач[альника] УНКВД Николаевской области – с апреля 1938 г. по декабрь 1938 г., имею звание «капитан госбезопасности», образование незаконченное среднее, в Красной Армии не служил, член ВКП(б) с 1928 г., по национальности русский, вдов, на иждивении дочь, которая проживает

⁵ У документі помилково – «отделения».

у родственников в г. Москва, не судился, в 1937 г. награждён орденом Ленина, депутат Верховного Совета УССР, арестован 4 августа 1939 г.

С обвинительным заключением, постановлением военного прокурора и протоколом подготовительного заседания ознакомлен более трёх дней тому назад.

ТРУШКИН Яков Лукьянович, рождения 1900⁶ г., уроженец г. Керчь Крымской АССР, по соц[иальному] происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий, в органах НКВД работал в разных должностях с 1921 г. С 1-го июня 1938 г. по 30 июля 1939 г. был в должности врид нач[альника] 2-го отдела УНКВД Николаевской области, имею звание «лейтенант госбезопасности». В марте 1919 г. я вступил в Красную Армию и прослужил там до поступления в органы НКВД. Образование низшее, окончил 5 групп и один год учился в педагогической школе, член ВКП(б) с 1919 г., по национальности русский, ранее не судился, женат, на иждивении жена и двое детей, дисциплинарных взысканий не имел, а имел несколько поощрений и благодарностей, под стражей с 3-го августа 1939 г.

С обвинительным заключением, с постановлением военного прокурора и протоколами подготовительного заседания ВТ я ознакомлен более трёх дней тому назад.

ГАРБУЗОВ Михаил Васильевич, рождения 1909 г., уроженец ст. Дерюгино Курской обл., по соц. происхождению из рабочих, по соц. положению служащий, до службы в органах НКВД работал три с половиной года на производстве. С 1932 г. работал в органах НКВД до 10 марта 1940 г. В должности зам[естителя] нач[альника] 2-го отдела УНКВД Николаевской области работал с 15 августа 1938 г. по 10.ІІІ-[19]39 г., имею звание «сержант госбезопасности», моё образование низшее, член ВКП(б) с 1931 г., по национальности русский, в Красной Армии не служил, имел одно дисциплинарное взыскание — 10 суток ареста, но не отбывал, а впоследствии это взыскание с меня сняли, женат, на иждивении жена и ребёнок. В 1938 г. награждён значком «Почётному чекисту». Арестован по данному делу 7-го мая 1940 г.

С обвинительным заключением, постановлением Военного прокурора и протоколом подготовительного заседания ВТ ознакомлен более чем трёх суток тому назад.

ВОРОНИН Константин Афанасьевич, рождения 1906⁷ г., уроженец г. Одесса, по происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий. До поступления на работу в органы НКВД работал на производстве мотористом на протяжении 6 лет. В органах НКВД работал с апреля 1929 г. по 1-ое марта 1940 г., с октября 1937 г. по 15.VІІІ-[19]38 г. — в должности нач[альника] отделения 2-го отдела УНКВД Николаевской обл. Имею звание «сержант госбезопасности», по национальности украинец, с 1928 г. по апрель [19]29 г. служил в войсках НКВД и оттуда был переведён на работу в органы НКВД, ранее не судился, дисциплинарных

⁶ У документі помилково — 1904.

⁷ У документі помилково — 1900.

взысканий не имел, а за всё время работы в органах НКВД несколько раз премировали за хорошую работу в органах НКВД, женат, на иждивении жена и ребёнок. Под арестом по данному делу с 7 мая 1940 г.

С обвинительным заключением, постановлением Военного прокурора и протоколом подготовительного заседания ВТ я ознакомлен более трёх дней тому назад.

Оглашён состав суда, подсудимым разъясняется право отвода.

Трибуналу отвода не заявлено.

В порядке 258 ст. УПК подсудимым разъясняются их права во время ведения судебного следствия, затем председательствующий спрашивает подсудимых, какие они имеют ходатайства до начала исследования дела.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

В связи с тем, что в ходе предварительного следствия я был лишён права на защиту себя, я хочу обратиться к Трибуналу с[о] следующими ходатайствами.

С дополнительными материалами следствия я ознакомлен не был и, несмотря на это, дело направили в Военный трибунал для слушания, а поэтому прошу дать мне возможность во время перерывов суд. заседания ознакомиться с этими материалами следствия.

В ходе следствия я не был ознакомлен с целым рядом документов и дел, которые ставятся мне в вину, в частности, с материалами на Онищенко, с делом на Мацковского, Даннекера и др., и с протоколами тройки за период сентябрь–октябрь месяцы 1938 г. Я прошу, главным образом, ознакомить меня с протоколами тройки, так как в акте комиссии помещены такие факты, с которыми я не согласен. Этот акт я считаю сфальсифицированным, натянутым и подтасованным следствием.

Кроме этого, прошу вызвать в судебное заседание и допросить в качестве свидетелей следующих:

1. Гончарова – бывш. пом[ощника] нач[альника] УНКВД Николаевской обл., который в то время был председателем комиссии. Эта комиссия следила и проверяла правильность решения тройки. Кроме этого, Гончарову хорошо известно, какая была к тому времени обстановка на заводах г. Николаева, и он хорошо знал, какие нами были приняты оперативные мероприятия.

2. Ефремова – бывш. нач[альника] 7-го отдела УНКВД Николаевской обл., в данное время работающего пом[ощником] директора по кадрам завода [им.] Марти. Через этот отдел прошёл ряд дел по заводам, и Ефремов докладывал по этим делами на заседании обкома КП(б)У.

3. Ляписа – нач[альника] санчасти УНКВД, который в курсе моего отношения к делу врачей, и он получал от меня указания по данному делу.

4. Самарина – директора з-да [им.] Марти, который расскажет суду, какая была проведена работа УНКВД Николаевской обл. по заводу [им.] Марти.

5. Горина – нач[альника] отдела кадров УНКВД, который расскажет суду, как я относился к сотрудникам.

6. Буранова – зам[естителя] редактора газеты «Южная Правда», который присутствовал на заседании бюро обкома КП(б)У, и тогда о Деревянченко много говорили и выдворили его с этого заседания бюро.

Прошу истребовать из горкома КП(б)У решение бюро горкома об исключении Гаврилова из партии 1937 г. В деле Фомина имеются материалы о том, что Гаврилов допускал контрреволюционные выпады по отношению вождя т. Сталина.

Истребовать из аппарата особоуполномоченного УНКВД Николаевской обл. компрометирующие материалы на сотрудников УНКВД Николаевской обл. Лившица, Дарова, Гавриленко, Лавриненко, Белова, Винницкого и Побережного, на которых я накладывал дисциплинарные взыскания за нарушение процессуальных норм по следствию, и за применение незаконных методов следствия некоторые сотрудники были отданы под суд и осуждены Военным трибуналом.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу заявить суду о том, что с материалами дополнительного следствия по моему делу я не знаком. В частности, я совершенно не знаком с показаниями допрошенных на предварительном следствии Николаевского, Шор, Седнева и др. Несмотря на целый ряд моих ходатайств, следователь Бурдан таковые не удовлетворил. В связи с этим я прошу Трибунал дать мне возможность ознакомиться с материалами дополнительного следствия.

Кроме этого, я прошу истребовать на Бабаева и Садова справки, послужившие их аресту, т.к. я считаю, что они арестованы вполне правильно, и санкцию на их арест дали прокурор и секретарь РПК.

По делу Даннекера, Барсукова и др. было достаточно материалов, и они правильно арестованы. На этих лиц также была санкция прокурора, и никаких нарушений процессуальных норм с нашей стороны не было.

Прошу истребовать из НКВД СССР две докладные записки в адрес наркома, одна из которых была подписана нач[альником] УНКВД Юрченко и Гарбузовым. В этих докладных записках сообщалось о материалах на Гаврилова, Гладкова, Кобцева и др., которые поступили от агента «Герд», ещё до прибытия меня в Николаев.

Я прошу приобщить заявления всех освобождённых из-под стражи и опросить их, применял ли я к ним физические меры воздействия.

Прошу истребовать из УНКВД копию приказа о наложении дисциплинарного взыскания на Белова, о нарушении им революционной законности. Об этом я лично поднял вопрос, и когда Артемьева проверила, то это обстоятельство подтвердилось.

Прошу истребовать агентурные заметки агента «Иванова», который доносил о Гладкове.

Прошу приобщить к делу копии докладных записок в адреса ЦК КП(б)У и наркому об ошибках, которые были допущены в УНКВД, и наши мероприятия об улучшении оперативной работы и исправления нами ошибок.

Прошу приобщить мои заявления от 29 октября 1939 г. и 25 февраля 1940 г. на имя Военного прокурора Морозова, в которых я излагал

о неправильных методах ведения следствия со стороны Калужского, Бурдан[а] и Грунина, верно, впоследствии Грунин был отстранён, и меня он больше не допрашивал, а Калужский и Бурдан продолжали вести следствие по моему делу и фальсифицировали показания свидетелей.

Прошу приобщить к делу справку о том, что Наливайко арестовывался не 2-ым отделом, а 3-им, а Бурдан приложил к делу справку о том, что Наливайко был арестован 2-ым отделом.

Прошу истребовать справки, послужившие аресту Барсукова, Мацковского, Даннекера, Комаровских⁸ и Чернохатова.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я прошу Трибунал вызвать и допросить в качестве свидетелей следующих:

1. Бывш. нач[альника] УНКВД Юрченко, который опровергнет показания Дервянченко о том, что к нему во время допроса применяли физические меры воздействия.

2. Богуславского, Генкехт[а], Альбрехт[а] и Заикина, последние 2-[ое] могут опровергнуть показания Кобцева.

Кроме этого, прошу истребовать и приобщить к делу:

1. Сводку агента «Гершова», который несколько раз сообщил о Гаврилове.

2. Копию оперативного листа, в котором, ещё до моего приезда в г. Николаев, были включены на арест Фомин и Гладков.

3. Приобщить агентурную заметку о подслушивании мной разговоров Стародубцевой с агентом «Герд» в квартире Стародубцева.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я прошу Трибунал ознакомить меня с материалами дополнительного следствия, которые мне не предъявлялись, и я с ними совершенно не знаком.

Прошу вызвать в суд. заседание и допросить в качестве свидетеля бывш. нач[альника] УНКВД Юрченко, который писал две докладных записки наркому по агентурному делу «Ретивые», и ему хорошо известно, какие имелись материалы.

Кроме этого, прошу истребовать агентурные заметки агента «Добровольского», который сообщал об антисоветских разговорах Гладкова и Гаврилова.

Прошу допросить в качестве свидетеля бывш. секретаря обкома КП(б) У Старыгина, который был в курсе показаний Ионаса и др. и дал санкцию на арест Ионаса.

Прошу также вызвать в суд. заседание и допросить в качестве свидетеля Левченко – секретаря парторганизации УНКВД, которому Ионас в беседе сказал: «Когда Вы выгоните из органов НКВД ВОРОНИНА, ГАРБУЗОВА и ТРУШКИНА».

Прошу приобщить к делу материалы на Дервянченко⁹ о том, что он принадлежал к анархистам, и что его сестра была арестована и осуждена

⁸ Йдеться про про двох осіб (батька і сина) з прізвищем Комаровський.

⁹ У документі помилково через м'який знак – Дервянченко.

к расстрелу. Такие материалы мы получили из Донбасса, и если их нет, то прошу истребовать.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я дополнительно ходатайствую перед Трибуналом и прошу истребовать для ознакомления агентурное дело «Ретивые», где имеются донесения разных агентов. В этой разработке принимал участие ряд сотрудников УНКВД.

Прошу истребовать из УНКВД акт комиссии по обследованию работы УНКВД за период моей работы в г. Николаеве. Обследование тогда производил зам[еститель] наркома Горлинский, который охарактеризовал работу Николаевского УНКВД как одну из лучших среди областных городов Украины.

Кроме этого, прошу истребовать материалы о поджоге на заводе № 200, т. к. это было предметом обсуждения в обкоме КП(б)У, и тогда приезжали представители из ЦК.

ВТ удалился на совещание для вынесения определения.

В 16 часов 10 мин. ВТ возвратился из совещания и вынес следующее ОПРЕДЕЛЕНИЕ (которое приобщается к делу):

1. Предоставить возможность подсудимым дополнительного ознакомления с делом.

2. Удовлетворить ходатайство КАРАМЫШЕВА и истребовать из 1-го спецотдела УНКВД Николаевской обл. дело № 104582 на Онищенко. Ознакомить с делом по поджогу на заводе № 200 (вещдоки) Даннекера, Мацковского. С протоколами тройки – том 11, л. д. 1–111. С материалами по разработке «Ретивые» – том 9, л. д. 131–164.

3. Удовлетворить ходатайство КАРАМЫШЕВА о вызове свидетелей: Гончарова, Ефремова, Буранова. Отказать в вызове свидетелей Самарина, Ляпсия и Горина, ибо доводы их вызова не имеют непосредственного отношения к обвинению КАРАМЫШЕВА.

4. Запросить особоуполномоченного УНКВД Николаевской области о компрометирующих данных, связанных с нарушением процессуальных норм по следствию, и о наложенных за это взысканиях на Лившица, Гавриленко, Лавриненко, Дарова, Белова, Винницкого и Побережного.

5. Запросить горком КП(б)У о компрометирующих данных на Гаврилова.

6. Запросить УНКВД выслать в суд выводы комиссии Наркомата от января 1939 г. по обследованию деятельности КАРАМЫШЕВА.

7. Дополнительно ознакомить ТРУШКИНА с делом по падежу овец совхоза – Бранта и др. и по обвинению Даннекера, Мацковского и справками об этих делах. С материалами по разработке «Ретивые» – том 9, л. д. 131–164 – и докладными записками бывш. нач[альника] УНКВД Юрченко. Ознакомить с протоколом допроса Николаевского. Констатировать наличие рапорта ТРУШКИНА на имя тов. Берия и его несогласия с проверкой расследования Твердохлебенко от 4 июля 1939 г. (пакет – вещдоки ТРУШКИНА).

8. Запросить из 1-го спецотдела архивные дела на Деревянченко, Гаврилова, Онищенко и имевшиеся материалы на Карасёва. Запросить

2-ой отдел УНКВД о прохождении дела на Наливайко или об отдельных следственных действиях 2-го отдела по этому делу. Об истребовании копий заявлений ТРУШКИНА на следователя Калужского из ВП.

Отклонить ходатайство ТРУШКИНА, связанное с его отношением¹⁰ к делу Чучмана, Гладкова и Афанасьева, поскольку их возможно проверить путем допроса вызванных в суд. заседание свидетелей.

9. Удовлетворить ходатайство ГАРБУЗОВА о вызове свидетелей Заикина и Альбрехта и отказать в вызове свидетелей Богуславского и Генкехта, поскольку проверку доказательств, по которым они вызываются, можно восполнить вызываемыми в суд свидетелями.

Запросить материалы на Степанова из 1-го спецотдела и протокол его допроса для обзора в суде и оперативные листы на арест Гладкова и Гаврилова. С донесением агента «Герд» и докладной запиской о подслушивании ознакомить ГАРБУЗОВА (том 9, л. д. 131–164).

Об остальном – об истребовании докладной записки на Фомина, как не имеющей отношения к обвинению ГАРБУЗОВА, – ходатайство отклонить.

10. По ходатайству ВОРОНИНА констатировать наличие в деле материала по разработке «Ретивые» (том 9, л. д. 131–164), наличие докладной записки и донесений бывш. нач[альника] УНКВД Юрченко, наличие донесения «Добровольского». Путём обзора истребуемого дела на Деревянченко обозреть наличие справки из Донбасса.

11. Из 1-го спецотдела запросить для обзора материалы на Ионас и Гущина. В допросе в качестве свидетеля Левченко отказать, ибо это обстоятельство – привлечь к ответственности лиц, производивших следствие по делу Гаврилова, не отрицает и сам Гаврилов.

Других ходатайств от подсудимых не поступало.

ВТ определил:

В части неявившихся в суд. заседание свидетелей Деревянченко, Наливайко, Федоровского, Гохман[а] и Зайденберг[а] вопрос о них оставить открытым и разрешить после допроса обвиняемых и вызванных в суд. заседание свидетелей.

Оглашаются обвинительное заключение, постановление Военного прокурора, протокол подготовительного заседания ВТ, затем Председательствующий разъясняет подсудимым сущность предъявленного им обвинения и спрашивает подсудимых, понятно ли им, в чём они обвиняются, признают ли они себя виновными и желают ли они давать пояснения суду.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

В чём обвиняюсь, мне понятно, виновным себя не признаю ни в чём, пояснения Трибуналу давать желаю.

Подсудимый ТРУШКИН:

В чём обвиняюсь, понятно, виновным себя не признаю, пояснения Трибуналу давать желаю.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

¹⁰ У документі – о его отношениях.

В чём обвиняюсь, мне понятно, виновным себя не признаю, пояснения Трибуналу давать желаю.

Подсудимый ВОРОНИН:

В чём обвиняюсь, мне понятно, виновным себя не признаю, пояснения Трибуналу давать желаю.

ВТ определил:

Имея в виду, что подсудимые себя виновными не признают, судебное следствие начать с допроса свидетелей, а затем подсудимых.

Свидетель ЖЕРНОКЛЮЕВ Феодосий Никитович, член ВКП(б) с 1926 г., исключался из партии в связи с арестом. До ареста работал секретарем РПК, сейчас работаю зав[едующим] лекционным бюро при Наробразе. С подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Я был арестован органами НКВД 20 октября¹¹ 1938 г. и освобождён в апреле 1939 г. Моё дело вели Зельцман, ВОРОНИН и ТРУШКИН. Мой арест произошёл следующим образом. 20 октября я производил обмен партдокументов, и в это время ко мне в кабинет зашли ТРУШКИН и ВОРОНИН, которые предложили выйти из кабинета всем присутствующим в это время членам партии. Тут же ТРУШКИН и ВОРОНИН мне сказали: «Вы арестованы». Ордер на арест мне предъявили только в УНКВД. Этот арест произошёл в присутствии членов партии, хотя они в это время находились в другой комнате.

Как только меня привезли в НКВД, меня поставили на стойку и на протяжении 10 суток, т. е. до 30 октября, мне производил допрос следователь Зельцман. На протяжении 10 суток мне не давали спать, садиться на стул. Мне тогда предъявили обвинение, что я являюсь членом к-р организации. На 6 или 7 сутки я уже не был в состоянии мыслить, и тогда был составлен протокол допроса. Кроме этого, мне ТРУШКИН делал очную ставку с Муратовым, но этот допрос был прерван, и Зельцман опять стал меня допрашивать одного. Через день мне опять сделали очную ставку с Муратовым, и так как я уже не соображал, то решил «признать» себя виновным.

Когда я отказывался давать показания, то ТРУШКИН посадил меня в карцер на 5 суток.

На вопросы ВТ свидетель ЖЕРНОКЛЮЕВ:

Протокол допроса «с признанием» мне давал подписывать Зельцман, а посадил в карцер на 5 суток ТРУШКИН. ВОРОНИН часто заходил, когда меня допрашивали, и с Зельцманом ругали меня нецензурными словами. ТРУШКИН тоже заходил в кабинет, где меня допрашивали, один-два раза в день и говорил: «Мы с Вас всё равно не слезем, и Вы дадите показания».

В протоколе допроса, который составил Зельцман, я указал, что Борткевич якобы знал, что Муратов является членом к-р организации, а Муратов якобы меня завербовал в к-р организацию.

¹¹ Тут і далі у документі помилково – ноября. Згідно з матеріалами справи Ф. Жерноклюев був заарештований 20 жовтня 1938 р.

ГАРБУЗОВА я знал как секретаря парт. организации УНКВД, но он, когда заходил в кабинет, у меня ничего не спрашивал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЖЕРНОКЛЮЕВ:
ВОРОНИН, заходя в кабинет, спрашивал у меня: «Ну что, ты скоро будешь давать показания?», а затем ругался нецензурными словами и угрожал.

До очной ставки с Муратовым я не давал никаких показаний. На очных ставках были Зельцман и ТРУШКИН. Протокол очной ставки писал не при мне и дали на подпись после и лишь через 10 суток, я его подписал, но в этот момент я был в таком состоянии, что ничего не помнил.

Во время допроса мне вопросов не задавали, а заранее составили протокол, и я подписал.

Очную ставку проводил ТРУШКИН, а протокол писал Зельцман. Хорошо помню, что во время допроса ТРУШКИН ушёл, после чего Зельцман сказал, что начальник отдела ТРУШКИН уехал, а поэтому он сам будет продолжать мой допрос. В этом протоколе было указано, что Муратов завербовал меня в антисоветскую право-троцкистскую организацию.

Побоев во время моего допроса мне не наносили, за исключением того, что я находился «на стойке» 10 суток.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЖЕРНОКЛЮЕВ:
Меня ТРУШКИН посадил в карцер на 5 суток за то, что я не хотел давать показаний о «признании».

Ордер на мой арест мне предъявили, когда завели в УНКВД.

Один ТРУШКИН меня никогда не допрашивал, а только в присутствии следователя. ТРУШКИН при входе в кабинет, обращаясь ко мне, говорил: «Вы скоро дадите показания, всё равно отсюда живым не уйдете». Кроме угроз, ТРУШКИН ко мне ничего не применял.

Мой арест произошёл в моём рабочем кабинете, когда я производил обмен партийных документов.

Свидетель СУХОЛЕНЦЕВ Фёдор Васильевич, 1889 г. рождения, член ВКП(б) с 1920 г., из партии не исключался. Перед арестом был зам[естителем] пред[седателя] горсовета 1 год, а до этого работал на заводе № 200 пом[ощником] нач[альника] цеха и мастером. Производственный стаж – 25 лет. В данное время работаю в Водторгпите, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Меня арестовали 22 октября 1938 г., а освободили 23.IV.1939 г. Моё дело вел следователь Бас. На второй день после ареста, т. е. 23 октября, меня поставили на «стойку» и поочередно до 29 октября следователи Бас и Свердлов меня допрашивали. ТРУШКИН часто заходил в кабинет, когда меня допрашивали, видел, как я стоял, и все время говорил: «Пишите, вам будет легче». Во время допроса следователи оскорбляли меня всевозможными словами, как-то: «Паразит», «Троцкист», «Расстреляем», а ТРУШКИН меня не ругал, а только говорил: «Пишите, пишите».

На вопросы ВТ свидетель СУХОЛЕНЦЕВ:

На допросе мне следователи говорили, что якобы я являюсь членом право-троцкистского подполья. Не помню точно, какого числа мне дали очную ставку с Муратовым, который говорил о том, что завербовал меня в к-р организацию. Эта очная ставка была в кабинете ТРУШКИНА. Помню еще, заходил в кабинет Киреев и говорил: «Всё равно с тебя сдерём шкуру, и дашь показания». От изменения я подписал протокол очной ставки с Муратовым, а протокол очной ставки с Гушиным я категорически отказался подписывать, несмотря на то, что первый протокол очной ставки с Муратовым я подписал. Когда мне делали очную ставку с Муратовым, я был в плохом состоянии и через стену слышал крики Седнева, которого при допросе избивали.

Одно время я сидел в одной камере с Сидельским, Гудневым и ещё кто-то, фамилии которых я сейчас не помню.

Я сейчас не помню, кого я называл во время очной ставки с Муратовым, но следователь во время допроса называл такие фамилии: Гушина, Плетнева. Кроме этого, следователь говорил, что якобы мне Муратов через Карасёва давал указания.

Протокол очной ставки с Муратовым составлял Бас. Второй протокол допроса с Гушиным делал следователь Бас под диктовку ТРУШКИНА.

ВОРОНИН часто заходил в кабинет Баса и спрашивал у него: «Ну как, даёт Сухоленцев показания?», на что Бас отвечал: «Нет, не даёт», после этого ВОРОНИН мне говорил: «Почему ты не даёшь показания?», при этом ВОРОНИН ругал меня нецензурными словами. При допросе, я помню, что на столе у Баса лежал какой-то железный прут, видимо, для страсти, и когда ВОРОНИН заходил в кабинет Баса, то говорил: «Брось, троцкистская морда, прикидываться, давай показания».

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

Когда мне была [дана] очная ставка с Гушиным, то я не подтвердил его показаний. На очной ставке ТРУШКИН угощал Муратова папиросами, и когда ТРУШКИН вымогал показания у Муратова, то я вмешался и сказал: «Это неверно, Муратов говорит ложь», после чего ТРУШКИН мне сказал: «Замолчите, Вас не спрашивают».

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

При входе ВОРОНИНА в кабинет Баса он спрашивал у него: «Ну что, даёт эта троцкистская морда показания? Нужно добиться, чтобы он дал».

Я помню, железная или медная планка лежала на столе у Баса, и мне кажется, что этот предмет являлся страхом во время моего допроса. Кроме этого, на табуретке лежали какие-то камни.

На вопросы [подсудимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

КАРАМЫШЕВА я знаю очень мало. Помню, когда он приходил в горсовет, и мы беседовали по некоторым служебным вопросам. Плохое что-либо о нем я сказать не могу.

Свидетель ГАВРИЛОВ Александр Елифанович, рождения 1906 г., член ВКП(б) с 1925 г., до ареста работал зам[естителем] нач[альника] отдела завода № 200, а сейчас работаю в областном земельном управлении, с

подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Арестовали меня 27 июня 1938 г., а освободили 10 апреля 1939 г. Моё дело вёл ВОРОНИН.

На вопросы ВТ свидетель ГАВРИЛОВ:

Арестовали меня на улице и сразу привели к ВОРОНИНУ, который стал меня допрашивать. Допрос продолжался до 5 часов утра. Тогда мне предъявили обвинение в том, что я являюсь членом к-р организации, и на протяжении нескольких суток ВОРОНИН говорил мне: «Пиши, давай, пиши, давай». ВОРОНИН – самый коварный человек, который есть на свете, он издевался надо мной, изыскивая все методы, плевал в лицо, ругал нецензурными словами, называл бандитом, подносил к носу палку и давал нюхать, при этом говорил: «Все равно мы тебя расстреляем», верно, физических мер он ко мне не применял. От стоянок на седьмые сутки у меня сильно опухли ноги, и я ничего не соображал. Кроме ВОРОНИНА, меня допрашивал Танфилов. На третий или четвертый день допроса в кабинет ВОРОНИНА зашел ГАРБУЗОВ и, узнав, что я не дал показаний, нанёс мне рукой побои по лицу.

«Признание» я сам написал на 6–7 сутки моего допроса у ВОРОНИНА. Впоследствии я был вызван на допрос к Федоровскому и, будучи в плохом состоянии, я подписал протокол допроса, но что я подписал, я не знаю, и то, что я сам писал, совершенно не помню. Мне говорили, чтобы я написал заявление, что являюсь участником к-р организации, и что за это меня трогать никто не будет. Я всё время доказывал, что ни к какой к-р организации я не причастен, и мне вообще неизвестно о существовании таковой, и всё же, несмотря на это, меня на протяжении 5 суток вызывали в НКВД и производили допрос до 4–5 часов утра, а в 7 часов утра я шёл на работу.

При допросе Федоровский мне говорил: «Мы сами – суд и что хотим, то и сделаем». При допросе один раз зашёл ТРУШКИН и сказал: «Если враг не признает[ся], мы его расстреливаем, а ты попал в ежовые рукавицы». Больше ТРУШКИНА я не видел.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

ГАРБУЗОВ во время допроса ударил меня несколько раз рукой по лицу, причём это было в присутствии ВОРОНИНА. ГАРБУЗОВА я видел на протяжении всего следствия и, когда он заходил на допрос, то ВОРОНИН у него консультировался.

На вопросы ВТ свидетель ГАВРИЛОВ:

Протокол допроса мне дал подписать Федоровский, а кто писал этот протокол, я не знаю. В этом протоколе, насколько я помню, я ни на кого не давал показаний.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

В 1937 г. меня исключали из партии, а затем был восстановлен.

При допросах ВОРОНИН всё время говорил: «Пишите, что Вы – участник к-р организации». Физических мер воздействия ВОРОНИН ко мне не применял, а лишь угрожал.

Будучи в камере, мне Фомин говорил о том, что ГАРБУЗОВ применял к нему физические меры воздействия.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

ТРУШКИН часто заходил в кабинет ВОРОНИНА и видел, как меня ВОРОНИН допрашивал.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА подс[удимый] ВОРОНИН:

За все время допроса Гаврилова ТРУШКИН заходил ко мне в кабинет 1–2 раза и, побыв 5 мин., он уходил.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

В первых показаниях я писал об антисоветской агитации, а о заводе речь шла уже гораздо позже, и этот разговор был всего 2–3 минуты.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу пояснить суду о том, что Гаврилов на всём протяжении следствия давал показания по заводу, и таких показаний в развёрнутом виде он дал несколько.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

На первой очной ставке я подписал протокол допроса. Акт экспертной комиссии мне не предъявляли. Мне говорили и требовали дать показания, что я являюсь членом к-р вредительской организации.

У Зельцмана я был на допросе всего один раз.

На одном из допросов я в своих показаниях указал, что Барсуков тоже является членом к-р организации, и что он получал указания от Фомина.

Стародубцева я хорошо знал и одно время учился с ним, а его жену я не знаю.

Свидетель ЧУЛКОВ Матвей Фёдорович, 1903¹² г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., из партии не исключался, имел одно партийное взыскание, которое снято при чистке, сейчас работаю на кораблестроительном з-де старшим преподавателем, отец рабочий, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Я был арестован 4 июля 1938 г., а освободили меня 20 или 22 марта 1939 г. Следствие по моему делу вели Танфилов и Федотов. С дня ареста, на протяжении 5 суток, эти два следователя не разрешали вставать со стула и не давали спать. Во время допроса в кабинет Танфилова и Федотова несколько раз заходил ТРУШКИН и, обращаясь ко мне, говорил: «Пишите, раскаивайтесь».

Во время допроса мне предъявили обвинение, что я являюсь членом к-р организации, но я это отрицал. На 5 сутки я совершенно плохо себя чувствовал, а мне говорили: «Давай показания». На мой вопрос, с чего и как начинать показания, то Федотов сказал: «Назовите фамилии, кого Вы знаете», и когда я назвал Клигермана, то Федотов сказал: «Вот-вот, а теперь пишите заявление, что он – член к-р организации».

После этого Федотов предложил назвать фамилии инженеров кораблестроительного завода, и я их назвал, а на следующий день Федотов,

¹² У документі помилково – 1904.

допрашивая меня, сказал, что якобы я, совместно с названными мной фамилиями инженеров, являюсь членом к-р организации.

На вопросы ВТ свидетель ЧУЛКОВ:

Мне была [дана] очная ставка с Стародубцевым, и ТРУШКИН требовал, чтобы я подтвердил показания Стародубцева.

При допросе ГАРБУЗОВ меня несколько раз ударил по лицу. В это время были Танфилов и Федотов. При допросе часто заходил ВОРОНИН, который убеждал меня в том, что всё же я дам показания, и чем скорее, тем будет лучше для меня.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЧУЛКОВ:

ГАРБУЗОВ часто заходил в кабинет, где меня допрашивали, и один раз, когда он зашел и обратился к Федотову, то после этого ко мне подошел ГАРБУЗОВ и ударил по лицу.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЧУЛКОВ:

ВОРОНИН меня не бил, а лишь по его указанию я был на стойке 5 суток.

Мне давали очную ставку с Стародубцевым, о котором я ничего не сказал. Стародубцева я хорошо знаю, вместе с ним учился, взаимоотношения у нас неплохие. В своих показаниях я изобличал Гладкова, а меня изобличал Волков.

Объявлен перерыв на 10 мин., после чего судебное заседание продолжается.

Свидетель СЕДНЕВ Анатолий Федотович, рождения 1895¹³ г., член ВКП(б) с 1920 г., до ареста работал на з[аво]де [им.] Марти 27 лет, начиная от чернорабочего до инженера цеха, а сейчас работаю на базе Главнефтесбыта. С подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Меня арестовали 1-го октября 1938 г., а освободили 22 декабря 1939 г. Дело моё вели Зельцман, ВОРОНИН и Берестовой. На первом допросе мне ВОРОНИН предъявил обвинение, что я являюсь участником антисоветской право-троцкистской организации, и что я должен дать показания на других, и что я – враг народа. Эта беседа длилась минут 20, после чего я задал ВОРОНИНУ вопрос, какие есть данные, что я – враг народа, и на это ВОРОНИН ответил: «У нас есть все данные». После этого ВОРОНИН дал указание следователю Берестовому поставить меня на стойку, и я простоял трое суток.

Затем в кабинет вошёл ТРУШКИН и стал требовать, чтобы я дал показания и, несмотря на то, что я говорил, что мне ничего неизвестно, все же на четвертые сутки меня заставили подписать протокол допроса. Следователь Ганкин и Берестовой издевались надо мной, наносили мне побои по опухшим ногам, и когда мне было больно, то я решил подписать протокол допроса.

С 5 на 6 октября меня вторично избил следователи Ганкин и Берестовой, ругали нецензурными словами и, когда зашел ВОРОНИН, то тоже угрожал мне и требовал дать показания. На этот раз опять вызвали

¹³ У документі помилково – 1891.

на очную ставку со мной Муратова, причём, угрожая ему, заставили, чтобы он дал показания о вербовке меня в к-р организацию. Когда я возразил и сказал, что это – ложь, то меня опять стали допрашивать с угрозами и требовали, чтобы я подтвердил показания Муратова.

В 8 часов утра 6 октября меня вызвал на допрос Зельцман и при этом сказал: «Говори, что Муратов завербовал тебя в к-р организацию», и, взяв со стола пресс-папье, стал бить им меня по груди. Кроме этого, Зельцман угрожал, что арестует мою жену и ребёнка, ругался нецензурными словами, а затем вынул из кармана металлическую цепочку и вместе с следователем Берестовым били этой цепочкой меня по лицу, при этом уговаривая меня подписать протокол допроса. Лично при мне протокол допроса не писали, вопросов при допросе мне не задавали, а протокол уже был заранее заготовлен, и Зельцман требовал, чтобы я подписал его.

Я хорошо помню, что 8 октября ТРУШКИН заходил в кабинет и требовал, чтобы я дал показания на себя и других.

Я несколько раз просил дать мне бумагу и хотел написать заявление прокурору и, когда мне дали бумагу, и я написал заявление, то оно попало Берестовому, который стал мне угрожать, а затем, когда пришел ВОРОНИН, то распорядился посадить в одиночную камеру и при этом говорил: «Вот будешь здесь сидеть и если не дашь показания, то ещё хуже будет». После этого в кабинет вошел ТРУШКИН и сказал: «Ты, провокатор, лучше дай показания, а то мы тебя расстреляем».

На вопросы ВТ свидетель СЕДНЕВ:

Мне была [дана] очная ставка с Муратовым, которую проводили ВОРОНИН и Зельцман. Кроме Зельцмана, мне никто побоев не наносил, а ВОРОНИН и ТРУШКИН только угрожали и требовали, чтобы я дал показания. ВОРОНИН также уговаривал меня и говорил: «Давай показания, тебе будет лучше, осудят на два года, отбудешь это наказание, и выпустят». Одно время я сидел в камере с Левицким, Задорожным, Бондарем и Адаменко. Никакого сговора у меня с ними не было. Бондарь мне тогда рассказывал, что его при допросе в кабинете ВОРОНИНА избивали.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] СЕДНЕВ:

ВОРОНИН лично писал показания и требовал указать, что меня завербовал в к-р организацию Карасёв, но я это отрицал.

Акт экспертизы мне предъявлял Берестовой, а не ВОРОНИН.

До очной ставки речи о Карасёве совершенно не было.

Подсудимый ВОРОНИН:

Хочу пояснить Трибуналу о том, что Седнев неправильно даёт показания. Акт экспертизы предъявлял я.

Свидетель СЕДНЕВ:

Я хорошо помню, что акт экспертизы предъявлял Берестовой.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] СЕДНЕВ:

На очной ставке Муратов избличал меня, что я – член к-р организации и якобы был завербован Карасёвым, но я не подтверждал этих показаний.

На вопросы ВТ свидетель СЕДНЕВ:

Я помню, что какой-то протокол допроса я подписал, но о чем и о ком говорилось в этом протоколе, я не помню, ибо я тогда был в плохом состоянии.

Свидетель ДУДИН Михаил Петрович, рождения 1894 г., член ВКП(б) с 1925 года, до ареста работал зам[естителем] пред[седателя] облисполкома около 6 месяцев, а до этого работал начальником цеха завода № 200. Сейчас работаю на заводе [им.] Марти зам[естителем] нач[альника] участка, по профессии инженер-судостроитель. С подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Я был арестован 2 июля 1938 г., а освободили меня 29-го мая 1939 г. Мое дело вёл Зельцман и иногда его подменял следователь Кулинский. С первого дня, как меня арестовали, то поставили на стойку и на протяжении 6–7 суток мне не давали сесть на стул, и все время Зельцман требовал, чтобы я дал показания на себя и других.

На второй день мне Зельцман задал вопрос: «Расскажи, кого ты знаешь?», я тогда назвал фамилии человек на 50, а на следующий день при допросе мне Зельцман предложил дать на лиц, которых я назвал, показания о том, что они – враги народа. Всё же, несмотря на то, что Зельцман требовал дать показания, я отказался и лишь на 9-тые сутки, когда у меня сильно опухли ноги, и я не мог больше стоять, то я решил дать показания на Островского – моего товарища.

Помню, что при допросе в кабинет Зельцмана зашел ТРУШКИН и сказал: «Будешь писать показания?», выругавшись при этом нецензурными словами, а затем добавил: «Слышишь крики, и тебе это будет». В соседней комнате в то время кого-то допрашивали, и он кричал. Кроме этого, ТРУШКИН сказал: «Ты знаешь, что сейчас такая ситуация, а поэтому лучше пиши показания». Я тогда сильно испугался и, думая, что они меня убьют, решил согласиться и сказал: «Пишите, я подпишу».

В ноябре м-це я под диктовку Зельцмана дал второе показание на секретаря обкома партии Старыгина и ещё кого-то о принадлежности их к к-р организации, и что якобы они были тесно связаны с врагами народа. Этот протокол допроса я подписал.

На вопросы ВТ свидетель ДУДИН:

Зельцман, ТРУШКИН и ВОРОНИН мне делали очную ставку с Чулковым и Щербиной. Эти протоколы допросов очной ставки я подписал. Допрос мой производили не в кабинете КАРАМЫШЕВА, а в кабинете Поясова. Это я хорошо помню. Зельцман протоколов допроса мне не зачитывал, несмотря на то, что я просил перед подписанием прочесть.

Будучи уже в Киеве, меня вызвал на допрос следователь Калужский и, прочитав протоколы допросов, он спросил меня: «Вы подтверждаете свои показания?», я удивился тому, что там было написано, и сказал: «Это все – ложь».

ГАРБУЗОВ в Николаеве меня не допрашивал, а только в Киеве.

ТРУШКИН часто заходил в кабинет Зельцмана и видел, что я всё время был на стойке с опухшими ногами.

Во время допросов, на второй или третий день после моего ареста, меня Зельцман ударил три раза за то, что я назвал его «Г...».

Будучи в Киеве, меня вызвали на допрос ГАРБУЗОВ и ТРУШКИН и при этом допросе уговаривали меня подтвердить прежние показания, но я от своих прежних показаний отказался.

В этот раз ТРУШКИН и ГАРБУЗОВ составили протокол допроса и сказали: «Подпиши», но, так как я плохо вижу без очков, то я не хотел подписывать этот протокол допроса. В это время ГАРБУЗОВ сказал: «Ты что, нам не веришь?», а затем прочёл протокол допроса и я его подписал. Через несколько дней меня опять вызвал Калужский и прочёл протокол допроса, составленный ТРУШКИНЫМ и ГАРБУЗОВЫМ, и спросил: «Вы признали себя виновным как участник к-р организации?», я удивился и сказал следователю Калужскому, что этот протокол допроса я лично сам не читал и всё, что там написано, это – ложь.

Следователь Калужский не присутствовал, когда меня допрашивали ГАРБУЗОВ и ТРУШКИН.

Подсудимый ТРУШКИН:

Во время допроса Дудина присутствовал Казин и он это может подтвердить.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ДУДИН:

Мне было сделана очная ставка с Кобцевым и Щербиной. Мы тогда избличали друг друга.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ДУДИН:

Когда ТРУШКИН и ГАРБУЗОВ составили протокол допроса и дали мне подписать, то я сказал, что перед подписанием я должен прочесть и т. к. без очков не вижу, то от подписи отказался. После этого ГАРБУЗОВ прочёл протокол допроса, и я подписал. Правильно ли зачитал ГАРБУЗОВ протокол допроса, я не знаю, но о том, что я подтверждаю свои прежние показания, ГАРБУЗОВ мне не зачитывал.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Протокол допроса, который был составлен в Киеве, Дудин его сам читал. Хорошо помню, что когда Дудину был предъявлен прежний протокол его допроса, то он собственноручно на том протоколе допроса карандашом сделал отметки, в чём он признает себя виновным и в чём не признает. Этот протокол допроса находится в деле Дудина и его можно обзреть.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ДУДИН:

Я писал собственноручные показания на 7 сутки под диктовку Зельцмана. Будучи в Киевской тюрьме, я писал заявление тов. Берия, Андрееву и наркому Украины о том, что меня при допросе избивали Зельцман и, кажется, Заикин.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я хочу сказать Трибуналу о том, что Заикин никогда не допрашивал Дудина, а допрашивал его Зельцман.

На вопросы подсудимого КАРАМЫШЕВА свид[етель] ДУДИН:

В своих показаниях в ноябре м-це под диктовку Зельцмана дал показания на Филиппова и Старыгина о принадлежности их к к-р организации.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Насколько мне известно, Дудин без всяких принуждений, собственноручно написал заявление о том, что Филиппов является членом к-р организации.

Свидетель ДУДИН:

Никакого заявления собственноручно о Филиппове я не писал, а было написано под диктовку Зельцмана.

В 1 час 28 декабря 1940 г. объявлен перерыв до 9 часов утра 28 декабря 1940 г.

В 9 часов 20 мин. 28 декабря судебное заседание объявлено продолжающимся.

Свидетель ВОЛКОВ Иван Петрович, рождения 1903 года, член ВКП(б) с 1922 г., по происхождению из семьи рабочего, по профессии инженер, окончил Кораблестроительный институт, в данное время работаю начальником отдела по подготовке кадров з-да № 200, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

Я был арестован 28 июня 1938 г. и освобождён 10 апреля 1939 г. Следствие по моему делу сначала вёл Эльзон и заканчивал ВОРОНИН. Как только Эльзон вызвал меня на допрос, он сказал: «Ты – враг народа, член к-р организации и об этом давай показания». На это я ответил, что членом к-р организации я никогда не был и о таковой мне ничего не известно.

Меня три раза ставили на стойку по трое суток, причём Эльзон делал это по указанию ВОРОНИНА. При допросах издевались надо мной. В то время было очень жарко, и когда я просил дать воды, то мне говорили: «Если дашь показания, тогда дадим воды». Эльзон и ВОРОНИН ругали меня, угрожали, что арестуют семью и, будучи доведен до тяжёлого состояния, я под диктовку Эльзона написал показания о якобы моей принадлежности к к-р организации. Кроме этого, в конце ноября м-ца меня посадили в одиночную камеру, и в ужасных условиях я просидел там 20 суток.

На вопросы ВТ свидетель ВОЛКОВ:

На допросе требовали, чтобы я сказал, что являюсь членом право-троцкистской организации. Мне давали понять, что нужно дать людей по институту, и когда я говорил, что мне ничего неизвестно, то Эльзон и ВОРОНИН угрожали мне и ругались нецензурными словами. Когда я отказался и сказал, что мне неизвестно, кто является членом к-р организации, то Эльзон и ВОРОНИН сказали: «А разве ты не знаешь таких подлецов, как Гладков, Чулков и Гаврилов?» и, несмотря на то, что я сказал, что о них мне ничего неизвестно, меня заставили составить список, кого я знаю. При этом меня не били, но всё время сопровождалась угрозы и ругань.

За время допросов ГАРБУЗОВ заходил в кабинет раза 2 и спрашивал у следователя: «Ну что, пишет?», то следователь ответил: «Нет». ГАРБУЗОВ тогда сказал: «Ничего, он напишет».

Я много подписал протоколов допроса, но сколько и о чем, я сейчас не помню. Помню, что на первом допросе я дал показания о якобы моей принадлежности к к-р организации. Первое заявление я писал сам под диктовку Эльзона. После этого я давал показания ВОРОНИНУ. В одном из протоколов допроса я указал, что Гаврилов, Чулков, Деревянченко, Карасёв и другие – в числе 12–14 человек, являются членами к-р организации. Часть из них я сам назвал, а некоторых мне подсказал следователь.

Я всё время говорил ВОРОНИНУ, что я – не враг народа, и тех лиц, которые мной были указаны в показаниях, я не мог знать, что они являются членами к-р организации. Будучи в институте, я был секретарём парторганизации. На одном из партийных собраний тогда были исключены из партии за троцкизм Копейченко и Пташный. Об этих случаях я рассказал на следствии и при допросе заявил, что они являются членами к-р организации.

В 1932 г. я исключался из партии за выпивку, но был восстановлен. В 1937 г. меня вторично исключали из партии, и опять был восстановлен в партии.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ВОЛКОВ:

Сначала я дал показания на Гладкова и Чулкова, а затем мне сделали очную ставку с ними. Допрос производили Эльзон и ВОРОНИН и добились от меня «признаний».

На вопросы ВТ свидет[ель] ВОЛКОВ:

В своем заявлении на имя особоуполномоченного НКВД УССР я указывал, что ВОРОНИН, Зельцман, ТРУШКИН и КАРАМЫШЕВ делали «чёрное дело». Такой вывод я сделал сам после освобождения меня из-под стражи. Меня удивляло то, что эти лица добивались ложных показаний, применяли различные меры физического воздействия к арестованным и создавали к-р организации.

Оглаш[ается] л. д. 212–213, заявление ВОЛКОВА от 19 мая 1939 г. в адрес особоуполномоченного НКВД УССР.

На вопросы ВТ свидетель ВОЛКОВ:

Я целиком подтверждаю все то, о чем я написал в заявлении. Зельцман требовал от меня, чтобы я дал показания на Деревянченко, и когда я отказывался, то меня ругали всевозможными нецензурными словами и угрожали мне.

Я хотел поговорить с прокурором и обращался по этому вопросу не только к следователю, но и к администрации тюрьмы, с просьбой вызвать прокурора, но сотрудник тюрьмы мне заявил, что вызов прокурора нужно делать через следователя, который ведёт мое дело, а когда я обращался по этому вопросу к следователю, то он мне говорил: «Как только подпишешь показания, так и вызовем прокурора».

Карасёв учился вместе со мной в Кораблестроительном институте. В то время директором этого института был Кресс. На одном из допросов следователь Эльзон задал мне вопрос: «А разве ты не знаешь врага народа Карасёва и Кресса?», то я ответил: «Да, знаю». Кроме этого, Эльзон потребовал, чтобы я дал показания на профессоров, преподавателей

Кораблестроительного института, а на рядовых работников таких показаний от меня не требовали.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ВОЛКОВ:

Список я подписал позже, т. е. после протокола допроса. После составления списка, где были внесены Карасёв и Кресс, приблизительно через месяц, уже эти лица в моих протоколах допроса не упоминались.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ВОЛКОВ:

Гладков при допросе также изобличал меня как участника к-р организации.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я всего один раз заходил в комнату, где допрашивали Волкова, и ничего не сказав по адресу Волкова, я ушёл из комнаты.

Объявлен перерыв на 2 часа для ознакомления подсудимых с материалами дела. По истечении перерыва судебное заседание объявлено продолжающимся.

Свидетель ФОМИН Леонид Павлович, рождения 1906 г., член ВКП(б) с 1931 г., производственный стаж с 1925 г., в данное время работаю начальником корпусного цеха з-да № 200, в этой должности с 1933 г., с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Арестован я был 20 июля 1938 г., а освобождён 8 апреля 1939 г. Моё дело вели Федотов, Зельцман, ВОРОНИН, ТРУШКИН и КАРАМЫШЕВ. Мой арест произошёл следующим образом.

20 июля 1938 г., в 4 часа утра, ко мне на квартиру приехал в штатском костюме ВОРОНИН и сказал, что он – личный секретарь наркома судостроительной промышленности тов. Тевосьян¹⁴ и от его имени предложил поехать вместе с ним якобы на совещание на Судостроительный завод [им.] Марти.

Вместо этого ВОРОНИН доставил меня не на з-д № 198, а в НКВД, и без предъявления ордера на арест мне сказали, что я арестован. Сразу меня поставили в угол, и ВОРОНИН, подойдя ко мне, сказал: «Ты, враг народа, давай показания». На протяжении первых трёх суток меня водили по комнатам следователей, не давали ни кушать, ни спать, и требовали, чтобы я дал на себя показания. На мой вопрос, может быть, меня арестовали по ошибке, на что последовал ответ: «Мы за Вами следим уже 20 лет». Всё же, несмотря на то, что ко мне применяли физические меры воздействия, я показания не дал. От «стойки» у меня сильно опухли ноги, я абсолютно не мог двигаться и иногда терял сознание.

Когда меня передали для допроса к следователю Федотову, то он применял ко мне физические меры воздействия, бил меня по голове, в живот и требовал дать показание. Во время допроса в кабинет Федотова часто заходили ВОРОНИН и ГАРБУЗОВ, которые также настаивали, чтобы я дал показания. Я до того был измучен, что у меня из горла пошла кровь.

¹⁴ У документі помилково з м'яким знаком – Тевосьян. У липні 1938 р. І. Тевосьян – начальник Головного управління морської суднобудівної промисловості і перший заступник наркома оборонної промисловості СРСР.

Не помню точно, на 6 или 7 сутки, я попросил следователя отвести меня в уборную, и когда я проходил мимо комнаты, у которой была открыта дверь, я увидел лежавшего одного арестованного на диване, совершенно голого, и он кричал. Его ноги в это время были обращены к дверям, и я увидел, что пятки ног были порезаны, заклеены бумагой и текала кровь.

Зайдя в уборную, я увидел в раковине кровь и тут я подумал, что, вероятно, со многими арестованными проделывают то же, что и с тем арестованным, у которого я видел порезанные пятки.

Когда меня привели обратно в кабинет Федотова, то в это время зашёл ГАРБУЗОВ и в моем присутствии стал вытирать перочинный ножичек и сказал: «Вот с одним расправился, а теперь с тобой».

ВОРОНИН и ГАРБУЗОВ при входе в кабинет всегда угрожали мне и говорили: «Видишь, как мы расправляемся, лучше давай показания».

Во время допроса мне Федотов, ВОРОНИН и ГАРБУЗОВ преподнесли список фамилий на ответственных работников з-да № 200. Хорошо помню, что в этом списке я был 45-ым. Когда я прочёл, то мне сказали. «Это все — враги» и предложили, чтобы я записал их в своих показаниях, что они являются членами к-р организации.

Я долго не давал никаких показаний, а затем мне сделали очную ставку с Бабенко, Афанасьевым и Барсуковым, которых при допросе также избивали. Это я заключил из того, что когда их привели на очную ставку, то вид у них был изнурённый.

В середине ноября, часа в 3 ночи, меня привезли на допрос к КАРАМЫШЕВУ, который задал вопросы, почему я не даю показаний. Когда я ему стал жаловаться на плохое отношение ко мне со стороны следователей, то КАРАМЫШЕВ сказал: «Разве ты ещё не сознался?», и тут же приказал ВОРОНИНУ и сказал: «Возьмите и поработайте с ним». После этого мне дали очную ставку с Меламудом.

Мне трудно сейчас рассказать суду, как они издевались надо мной.

На вопросы ВТ свидетель ФОМИН:

Свои показания я писал под диктовку ТРУШКИНА, ВОРОНИНА, ГАРБУЗОВА, Федотова и Зельцмана. Меня до такой степени избивали, что я иногда терял сознание.

В августе м-це, когда я был на допросе у ГАРБУЗОВА, то ТРУШКИН зашел и ударил меня кулаком в ухо. Этот удар настолько был силен, что я сейчас плохо слышу на одно ухо. ГАРБУЗОВ при допросе показывал мне четырехгранную палку и все время угрожал, что он будет ею меня бить. Федотов избивал меня больше, чем все следователи.

Арестовали меня ещё до произошедшего¹⁵ пожара на заводе. Помню, что когда меня допрашивал ГАРБУЗОВ, то в это время зашёл ТРУШКИН и сказал: «Бросьте его допрашивать по этому обвинению, а допрашивайте о пожаре, который произошёл на заводе».

Я много подписал протоколов допросов, которые мне давали Федотов, Зельцман, ВОРОНИН и ГАРБУЗОВ. Сначала я отказывался их подписывать, и когда измучают, то я подписывал.

¹⁵ У документі помилково — происшедшего.

Очные ставки обычно проводили ТРУШКИН, Федотов и Зельцман. На 6 или 7 день моего допроса я попросил следователя Федотова, чтобы меня отвели в уборную, и когда я проходил мимо одной комнаты, то дверь была открыта, и на диване лежал голый человек лицом вниз с порезанными пятками, заклеенными кусочками бумаги. Затем, когда я зашёл в уборную, то увидел на полу и в раковине много крови.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФОМИН:

Я лично сам видел лежавшего на диване человека, у которого пятки ног были порезаны.

ВОРОНИН допрашивал меня тогда, когда выходил из комнаты Федотов. Протокол допроса ВОРОНИН не писал.

ВОРОНИН в присутствии Зельцмана и Федотова наносил мне побои, и на одном из таких допросов я подписал протокол допроса.

Я не помню, с кем точно мне давали очную ставку, т.к. перед этим меня сильно избивали.

Когда меня допрашивал ВОРОНИН, то в это время в кабинет вошёл ГАРБУЗОВ и стал вытирать перочинный ножичек. От чего он его вытирал, я не знаю, но при этом ГАРБУЗОВ сказал: «Вот, с одним расправился, а теперь с тобой».

Подсудимый ВОРОНИН:

Это не верно. Фомина я никогда не избивал.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ФОМИН:

На 5 или 6 сутки я стал давать показания и написал протокол допроса.

Я не помню сейчас фамилии следователя, который допрашивал меня в день ареста. Вообще следователи часто менялись, а я все время был на «стойке». Помню, что когда меня ГАРБУЗОВ допрашивал, то вошёл ТРУШКИН и, обращаясь в ГАРБУЗОВУ, сказал: «Бросьте это дело, оформляйте быстрее дело о поджоге на заводе и допросите Фомина».

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я хочу пояснить о том, что Федотов приносил ко мне собственноручные показания Фомина и лишь после этого я стал допрашивать Фомина. Фомин давал мне показания без всякого нажима и рукоприкладства. Как допрашивал Федотов Фомина, я не знаю, но факт тот, что Фомин написал собственноручные показания. О том, что Фомин видел голого человека с порезанными пятками – это ложь, и никогда я не инсценировал ножом в присутствии Фомина. Вообще у меня никогда не было перочинного ножа.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ФОМИН:

При очной ставке с Афанасьевым присутствовал ТРУШКИН, и больше никого не было. Я точно помню, что военного прокурора при этом не было.

ТРУШКИН в кабинете ГАРБУЗОВА ударил меня в ухо.

Подсудимый ТРУШКИН:

Во время допроса я задал Фомину вопрос: «Знаете ли Вы что-либо о подготовке пожара на заводе?», то Фомин ответил: «Да, знаю» и стал давать показания.

Свидетель ФОМИН:

Это неверно. ТРУШКИН по вопросу пожара на заводе никаких вопросов мне не задавал, а под диктовку ГАРБУЗОВА я дал показание о том, что мне было известно о подготовке к пожару на заводе. Это показание я дал уже после того, как «признал» себя виновным как участник к-р организации. Я сначала отрицал и говорил, что мне ничего не известно о подготовке к пожару, но ГАРБУЗОВ записал в протокол допроса, что мне об этом было известно, и я подписал.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ФОМИН:

Одно время я сидел вместе в камере с Горбенко, Волковым, Западинским, а с Гавриловым я не сидел.

Я действительно подписал на Плетнева характеристику. Произошло это следующим образом. Как-то меня вызвал в кабинет главный инженер Бабенко и сказал, что Плетнев прислал письмо, где сообщает, что его исключили из партии, и просит выслать ему производственную характеристику. В связи с тем, что у меня предстояла командировка в г. Сталинград, то я с разрешения главного инженера Бабенко решил заехать в г. Ленинград и узнать подробно у Плетнева, за что его исключили из партии. Прежде чем говорить с Плетневым, я зашёл к директору завода, где работал Плетнев, и от него узнал, что Плетнев исключён из партии за склоку. Затем я поговорил с Плетневым. Он тогда показал мне апелляцию в ЦК партии, и когда я ее прочел, то сказал ему, что мы дадим ему производственную характеристику. Из Ленинграда, следуя поездом через Москву, я в Москве написал характеристику, направил таковую в Николаев, и после подписания её главным инженером Бабенко и начальником цеха, эту характеристику отослали Плетневу. Вообще о Плетневе я ничего плохого сказать не могу.

Я не могу сказать, что предшествовало моему аресту. За мной ничего плохого нет, и не знаю, как это получилось. Я был на суде и Военный Трибунал меня освободил.

В камере с Петровым я не сидел. На Плетнева я давал производственную характеристику. В своих показаниях я Плетнева тоже указывал.

Когда меня завели к КАРАМЫШЕВУ, то в это время был ВОРОНИН и ещё кто-то в штатской одежде.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Фомин неправильно дает показания. К нему не применяли никаких физических мер воздействия. Это я с полной ответственностью утверждаю. Фомин давал показания у разных следователей, причём показания на себя и других. Я помню также, что когда ко мне завели в кабинет Фомина, то он в присутствии прокурора по спецделам Карпенко сам, без принуждения, говорил о вредительской работе по 3-ду.

Фомин в своих показаниях говорит о том, что в ноябре–декабре м-цах 1938 г. к нему применяли физические меры воздействия. Мне вообще неизвестно, чтобы к Фомину применялись незаконные методы следствия, тем более в ноябре или декабре м-цах. Фомин сам написал на мое имя заявление, в котором указал, что он хочет рассказать о его вражеской работе.

Свидетель ФОМИН:

Я хочу сказать суду о том, что все мои вызовы к следователям на допрос были сопряжены с побоями, мучениями, и поэтому я стал давать показания. Я говорил КАРАМЫШЕВУ, что все это неверно и, несмотря на это, меня КАРАМЫШЕВ хотел посадить в карцер.

ВОРОНИН на допросе мне сказал: «Ты будешь сидеть как собака и все равно дашь показания».

Свидетель ГЛАДКОВ Леонид Михайлович, рождения 1901 г., член ВКП(б) 1923 г., по профессии токарь по металлу, образование высшее, в 1935 г. окончил Кораблестроительный институт, в данное время работаю пом[ощником] нач[альника] цеха завода № 200, в 1938 г. исключался якобы за связь с троцкистом Клигерманом, но впоследствии в партии восстановили, т. е. перед моим арестом, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

Я был арестован 28 июня 1938 г. и освободили меня 9-го апреля 1939 г. Мое дело начал вести ВОРОНИН, затем, месяца через два — Зельцман и ещё следователь, фамилии которого не помню.

Как только меня арестовали, то посадили в камеру, кубатура которой не превышала 5-ти квадратных метров, и в этой камере находилось 23 человека. Мы могли в этой камере только стоять, и повернуться было невозможно. В такой обстановке я просидел 5 суток, а затем меня вызвал на допрос ВОРОНИН и спросил: «Видел, какие люди сидят в камере?», на что я ответил: «Да, видел», после чего ВОРОНИН стал требовать от меня показаний о моей контрреволюционной деятельности. Когда я ВОРОНИНУ сказал, что никакой контрреволюционной работой я не занимался, всё время учился и работал, то ВОРОНИН ответил: «Мы хорошо Вас знаем, нам таких подлецов и нужно».

На первом допросе ВОРОНИН угрожал мне и говорил, что арестует мою жену и будет избивать её, на что я возразил и сказал, что Сталинская Конституция никому не даёт права арестовывать невиновных, то ВОРОНИН выругался нецензурной бранью по отношению Конституции. После этого ВОРОНИН сказал: «Мы сами — следствие, мы — суд и мы с тобой расправимся». Затем ночью пришел следователь Федотов и стал надо мной издеваться.

На 5 или 6-тые сутки меня допрашивал ВОРОНИН и задал вопрос: «Вы знаете Клигермана?», на что я ответил: «Да, знаю», после чего ВОРОНИН сказал: «Значит, ты с ним связан по троцкистской деятельности». На это я ВОРОНИНУ возразил и не дал никаких показаний. Лишь после трехсуточного непрерывного допроса я дал показания ВОРОНИНУ, что был завербован Клигерманом в троцкистскую организацию. Перед этим ВОРОНИН издевался надо мной, колот мне в спину цыганской иглой и требовал дать показание. Когда меня допрашивал ВОРОНИН, то я слышал, как в соседней комнате кричала женщина, и ВОРОНИН мне говорил: «Твоей жене будет то же самое».

После непрерывных издевательств надо мной я дал показания на Деревянченко, Гаврилова, Бабенко и др., что они являются членами к-р организации.

Кроме этого, во время допроса мне предъявили конспект профессора Серебрякова и ВОРОНИН сказал: «Вот видишь, ты хранишь у себя конспект явного контрреволюционера».

В середине или в конце августа меня вызвал на допрос Танфилов и предложил подписать протокол допроса, который был датирован гораздо раньше, чем я был вызван на допрос. Верно, я этот протокол подписал после того, как ко мне применили незаконные методы следствия. На этом допросе мне был задан вопрос, что якобы я знал о готовившемся поджоге объектов и что я должен был принять непосредственное участие в этом поджоге, и это обвинение, когда слушал мое дело Трибунал, то было опровергнуто.

Затем при допросе мне предъявляли акт экспертизы, который оказался в мою пользу. Мне говорили, что проект цеха № 1, который я составил, был вредительским, а на самом деле этот проект сейчас утверждён наркомом.

Впоследствии, когда было закончено моё дело, то у меня спрашивали, как я буду держать себя на суде, на что я ответил: «Расскажу всю правду, как это было».

На вопросы ВТ свидетель ГЛАДКОВ:

Во время допроса ГАРБУЗОВ заходил несколько раз и спрашивал «Почему не пишешь?», и когда я ему ответил, что ничего не знаю, то ГАРБУЗОВ говорил: «Ничего, напишешь». ГАРБУЗОВ и ТРУШКИН никаких физических методов ко мне не применяли. Цыганской иглой меня колот следователь из Варваровки, фамилии его я не помню, но не ВОРОНИН.

Очную ставку с Щербиной, а затем с Гавриловым, мне делал Зельцман, затем ВОРОНИН мне делал очную ставку с Кобцевым. На этой очной ставке ВОРОНИН не давал совершенно говорить, протокол очной ставки был уже заранее изготовлен, и от меня ВОРОНИН требовал, чтобы я его подписал.

ВОРОНИН, кажется, два раза допрашивал меня. Но физических методов не применял.

На вопросы ВТ подсуд[имый] ВОРОНИН:

В то время на следствии из Варваровки работал оперуполномоченный Альбрехт¹⁶.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ГЛАДКОВ:

Лишь на четвертые сутки после издевательств надо мной я собственноручно написал заявление о принадлежности к антисоветской троцкистской организации. ВОРОНИНУ и Зельцману я заявлял на допросе о том, что следователь из Варваровки колот мне в спину цыганской иглой.

О ругани, которую допустил ВОРОНИН в отношении Конституции, [то она] была произнесена наедине.

Подсудимый ВОРОНИН:

Ни Gladkov, ни никто другой мне не говорили, что во время допроса следователь Альбрехт колот Gladkova в спину цыганской иглой. Я знаю

¹⁶ Тут і далі у документі помилково – Альберт.

о том, что Гладков без всякого принуждения и нажима давал Альбрехту показания. Он сам собственноручно написал заявление, и никто его не принуждал, а Федотов вообще Гладова не допрашивал.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ГЛАДКОВ:

ГАРБУЗОВ меня не избивал и не угрожал, а когда заходил в кабинет, то лишь говорил: «Будешь писать». Следователь Танфилов меня тоже избивал за то, что я не предупреждал его о том, что к кабинету кто-то подходил, и если заходил начальник отдела и Танфилов спал, то впоследствии на утро меня Танфилов избивал за то, что я его не разбудил. Получалось так, что я следователя караулил, когда он спал.

Свидетель БОНДАРЬ Дмитрий Антонович, рождения 1910 года, б/п, по происхождению из крестьян-бедняков, с 1931 г. непрерывно работаю на заводе № 200. В данное время работаю техником, а до ареста был начальником цеха, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Я был арестован 3 августа 1938 г. и освобождён Трибуналом 8 апреля 1939 г. Следствие по моему делу вели ВОРОНИН и Зельцман. Как только меня арестовали, я был доставлен в кабинет ВОРОНИНА, и он мне объявил, что я – якобы враг народа, диверсант, член к-р организации, и стал требовать, чтобы я дал показания о том, что принимал участие в поджоге отсека на заводе № 200. Этот пожар произошёл 2-го августа вечером, а я работал на утренней смене и после этого находился дома. ВОРОНИН сказал мне: «Всё равно тебе выхода из НКВД нет, никого ты больше не увидишь, на бумагу и давай, пиши показания».

Когда я возразил ВОРОНИНУ и сказал, что ничего не знаю и писать мне не о чем, то ВОРОНИН крикнул на меня и произнёс: «Встань со стула и иди в угол». Через некоторое время в комнату вошёл следователь Калюжный и ВОРОНИН ему сказал: «Допрашивай его, это – враг, а я приду позже». Поздно вечером опять пришёл ВОРОНИН и спросил у Калюжного: «Ну, что, пишет?», и когда Калюжный ответил: «Нет», то ВОРОНИН сказал: «Ничего, сейчас будет писать» и вышел куда-то из кабинета, оставив меня с Калюжным. Приблизительно минут через 10 ВОРОНИН вошел с двумя сотрудниками, которые забрали меня в 10-ую комнату и там предложили, чтобы я на имя Успенского написал заявление и указал в нём, что поджог отсека на заводе был сделан мной.

Когда я стал пояснять, что поджог отсека произошёл вечером, а я работал на первой смене, то мне не дали больше говорить и сказали, что если я не буду давать через 5 минут показание, то меня будут бить. Через 5 минут эти два сотрудника, которые привели в 10-ую комнату, один из них, кажется, по фамилии Новак или Новаков, положили меня на пол вниз лицом и стали избивать, а затем взяли со шкафа кий и им начали бить. Когда я стал кричать, то они сняли с головы фуражку и воткнули мне в рот, чтобы я не кричал, а затем, после нанесения побоев, облили меня водой, посадили на стул и опять стали спрашивать: «Ну что, будешь писать?», и когда я ответил, что ничего не знаю, то меня опять положили на пол и стали бить кулаками, ногами, но я всё же не дал показание.

Я тогда часто терял сознание и не помнил, что происходило. Утром, когда я пришёл в чувство, то увидел, что нахожусь во дворе, а затем меня завели в коридор и снова стали обливать водой. Помню, что Федотов, тоже отливал меня водой и при этом говорил: «Что ты такой слабый». Произошло это в ночь с 3 на 4 августа.

Утром 4-го августа меня привели в кабинет ВОРОНИНА, и я тогда не мог ни стоять, ни лежать, ни сидеть. ВОРОНИН хорошо видел, в каком я был состоянии, и вместо того, чтобы ВОРОНИН выяснил, кто наносил мне побои, он стал требовать от меня показания. Таким образом, меня непрерывно 7 августа продолжали допрашивать, но я показаний не дал. От сильно нанесённых побоев у меня образовался кровавый понос и, невзирая на это, меня всё же допрашивали.

На вопросы ВТ свидетель БОНДАРЬ:

Во время допросов мне следователь зачитал список людей и спросил: «Ты знаешь этих лиц?», на что я ответил: «Да, мне эти лица известны», и тут же заставил, чтобы я подписал протокол допроса о «признании». Когда я категорически отказался подписать, то ВОРОНИН стал угрожать, вызвал коменданта Митрофанова, и когда тот пришел, то ВОРОНИН, обращаясь к нему, сказал: «Как его ни били, а он всё равно не хочет подписывать протокол допроса, а поэтому возьмите его и пусть ему дадут, как следует стрелки и принесут куски тела». В это время Митрофанов подошел ко мне и сказал: «Вот, видишь, какие у меня руки, я тебе как дам». Всё же комендант меня не забрал, и ВОРОНИН продолжал меня допрашивать.

После этого ВОРОНИН, как будто бы приподымая трубку от телефона, просил соединить его с телефоном коменданта Митрофанова и спрашивал его: «Все готово для расправы?». Боясь, что меня опять будут жестоко избивать, я решил подписать протоколы очной ставки с Чикаловым и дал показания о том, что я совместно с Чикаловым, Носовым, Базилевичем и др. сделал поджог отсека на заводе. Когда я подписал протокол допроса, то в это время зашёл ТРУШКИН и сказал, что сейчас мне дадут очную ставку с Чикаловым. На мой вопрос, о чём мне нужно говорить, то ТРУШКИН и другие стали меня учить, о чём нужно говорить на очной ставке, при этом всё время угрожали и говорили: «Всё равно возврата больше нет, давай показания», а затем меня повели в кабинет ТРУШКИНА, куда и привели Чикалова. На этой очной ставке я сначала стал отказываться от своих показаний и о Чикалове показаний не давал, но всё же они добились, и мы подписали протокол очной ставки.

До очной ставки я давал показания на Чикалова, а Чикалов на меня, а когда состоялась очная ставка, то мы стали отказываться от своих прежних показаний. Вообще все очные ставки происходили у ТРУШКИНА в присутствии ВОРОНИНА и Зельцмана. При допросе все они угрожали. ТРУШКИН диктовал, а Зельцман писал протокол допроса.

С первого дня ареста меня допрашивали ВОРОНИН и ТРУШКИН. ГАРБУЗОВ тоже заходил во время допроса, но на очной ставке он не присутствовал. На одном из допросов ВОРОНИН бил меня ключом от дверей и все время угрожал. ТРУШКИН меня не бил, а всё время угрожал.

Когда меня ВОРОНИН вызвал на допрос, то сказал: «Ты не всех назвал, кто принимал участие в поджоге отсека» и потребовал, чтобы я добавил в этот протокол допроса Базилевича, Чернохатова, Носова, Афанасьева и др., и я дополнил этих лиц. Протоколов с «признаниями» мной было подписано много, но сколько точно, я не помню.

Когда меня избивали, ГАРБУЗОВ не присутствовал. Когда я увидел впервые ТРУШКИНА и стал ему жаловаться на неправильные действия следователей и что меня неправильно арестовали, то ТРУШКИН на это ответил: «Мы недаром тебя арестовали». ВОРОНИН, ТРУШКИН, Зельцман и ГАРБУЗОВ учили меня, как нужно на суде себя держать. ТРУШКИН при допросе всё время угрожал и говорил, что арестует мою жену.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] БОНДАРЬ:

Я собственноручно писал показание под диктовку ВОРОНИНА. ВОРОНИН избивал меня кулаком и ключом от дверей. Я так был тяжело избит, что не мог ни стоять, ни сидеть. ВОРОНИН не присутствовал, когда меня избивали стрелки в 10-й комнате, но по его распоряжению эти два стрелка увели меня в 10-ую комнату. С 3 по 20 августа меня все время допрашивал ВОРОНИН, а затем Зельцман.

Подсудимый ВОРОНИН:

Всё то, что говорит Бондарь, это неверно. Митрофанова я не вызывал и никаких указаний расправиться с Бондарем я ему не давал. Всё то, что говорит Бондарь, это — ложь от начала до конца. Допросы о поджоге производили 2 чел. [из] бригады НКВД УССР.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] БОНДАРЬ:

ТРУШКИН допрашивал меня и проводил очные ставки, а протоколы допросов писали ВОРОНИН и Зельцман. Один протокол допроса составлял лично ТРУШКИН. При допросах мне не говорили, что присутствует прокурор, и вообще такого случая никогда не было.

ТРУШКИН во время допросов угрожал мне, брал телефонную трубку и как будто кому-то говорил: «Вышлите машину, арестуйте жену Бондаря» и т. д., а на самом деле, он ни с кем по телефону не разговаривал. Вообще ТРУШКИН меня не избивал, но когда меня бил ВОРОНИН, то ТРУШКИН присутствовал при этом.

В течение суток ВОРОНИН раз десять заходил к следователю, где меня допрашивали, и спрашивал, даю ли я показания.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] БОНДАРЬ:

Во время моих допросов ГАРБУЗОВ заходил несколько раз, но никаких следственных действий он не производил.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА подс[удимый] ТРУШКИН:

Мне ГАРБУЗОВ докладывал о том, что Бондаря во время допроса избивали, после чего я доложил об этом КАРАМЫШЕВУ. Не мог я вмешиваться в дела бригады НКВД УССР.

Свидетель АФАНАСЬЕВ Григорий Петрович, рождения 1910 г., член ВКП(б) с 1938 г., производственный стаж с 1924 года, в данное время работаю на заводе № 200 в качестве техника-строителя, с подсудимыми

личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

2 августа 1938 г. я был арестован органами НКВД и 8 апреля 1939 г. меня освободили. Следствие по моему делу вели Зельцман, Купный, Заикин.

2-го августа, часов в 6 вечера, на одном из объектов завода № 200, где я работал, произошёл пожар. В это время меня вызвал начальник отдела Радионов в контору завода, когда я туда зашел, то увидел ГАРБУЗОВА и Богуславского. ГАРБУЗОВ подошел ко мне и сказал: «Ну, давай, рассказывай, как произошёл пожар», когда я ответил, что мне ничего по этому вопросу неизвестно, то ГАРБУЗОВ стал меня ругать, а затем ударил меня 2 раза кулаком.

Минут через 10 я был доставлен в НКВД, где в одной из комнат меня поставили на стойку в угол, и Зельцман стал допрашивать, а затем бить. Таким образом меня допрашивали до утра. 3-го августа меня опять стал допрашивать Зельцман и всё время задавал вопрос: «Кто поджег объект?». После Зельцмана меня стал допрашивать Купный, который дал мне бумагу и предложил писать показания. Когда я стал отказываться и сказал, что мне ничего не известно, то Купный начал угрожать мне палкой, ругал нецензурными словами и требовал дать показания.

На следующий день я был вызван на допрос к следователю Заикину, который стал меня избивать, плевал в лицо, угрожал всевозможными методами и требовал, чтобы я дал показания.

4 или 5 августа я был доставлен для допроса в кабинет ТРУШКИНА, и здесь мне была дана очная ставка с Фоминым. На этой очной ставке Фомину и мне были заданы вопросы, являемся ли мы участниками антисоветской организации, на что я и Фомин ответили, что участниками антисоветской организации мы никогда не были. После этого меня отвели в кабинет Купного, а затем привели Фомина, и после длительного допроса и угроз меня и Фомина заставили подписать протокол очной ставки, где указали о своей принадлежности к антисоветской организации. Эта очная ставка происходила в присутствии ТРУШКИНА, но ТРУШКИН меня не избивал, однако ему было известно, что до очной ставки ко мне применяли физические меры воздействия. Кроме этого, ТРУШКИН, когда заходил в кабинет следователя Купного и Зельцмана, то говорил: «Разоружайся, пора уже давать показания».

На вопросы ВТ свидетель АФАНАСЬЕВ:

ГАРБУЗОВ меня 2 раза ударил в конторе 3-да. На допросе у него в НКВД я не был. 3-го августа меня допрашивали Зельцман и Заикин, а ГАРБУЗОВ не допрашивал. На 4[-й] или 5[-й] день моего ареста в кабинет Заикина вошел ВОРОНИН и сказал: «Ну, давай показание, а то повторятся первые дни». Помню, один раз, будучи на допросе, в кабинете у ТРУШКИНА присутствовал прокурор, фамилии его я не знаю, и он мне задавал вопросы.

На всём протяжении следствия мне угрожали и требовали, чтобы я подписал показания.

После очной ставки с Фоминым мне были даны очные ставки с Бондарем, Носовым, Базилевичем, Gladковым и Чикаловым, на которых я подтвердил о принадлежности к антисоветской организации. Эти очные ставки были по 2–3 раза, причём протоколы составлялись под диктовку ТРУШКИНА.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] АФАНАСЬЕВ:

Когда ГАРБУЗОВ приезжал во время пожара на завод, то он не говорил мне, что я арестован. Разговаривал он со мной не больше чем 10 мин., и направил меня в НКВД.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] АФАНАСЬЕВ:

Я помню, что один протокол очной ставки был изготовлен заранее. Я не могу точно сказать, присутствовал ли при моем допросе прокурор, но помню, что кто-то был.

Свидетель ЧИКАЛОВ Тимофей Иванович, рождения 1888 г., член ВКП(б) с 1922 г., производственный стаж с 1903 г., в данное время работаю старшим мастером завода № 200, с подсудимыми личных счетов не имею, предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

2-го августа 1938 г. на заводе № 200 произошёл пожар. Вечером того же числа меня вызвали на допрос в НКВД, где потребовали дать пояснение о причинах возникновения пожара. После дачи показаний я был отпущен и 7 августа 1938 г. я был арестован ВОРОНИНЫМ. Следствие по моему делу вели Федотов, Танфилов, Зельцман и Ганкин. Как только меня доставили в НКВД, я был вызван на допрос к следователю Федотову, который поставил меня на стойку в угол, которая длилась беспрерывно с 7 по 12 августа 1938 г.

Во время допросов следователи все время менялись. Мне не давали возможности сидеть. Во время допросов ругали нецензурными словами и требовали, чтобы я дал показания о принадлежности моей к антисоветской троцкистской организации. Когда я находился на стойке, то часто заходил ВОРОНИН и также угрожал мне и ругался нецензурными словами. Когда я стал жаловаться ВОРОНИНУ, что у меня опухли ноги, что не могу стоять, то ВОРОНИН ударил меня по щеке так, что выбил зубы.

В ночь с 11 на 12 августа мне с Бондарем в кабинете ТРУШКИНА была дана очная ставка. На этой очной ставке Бондарь говорил, что я и Чикалов являемся участниками антисоветской организации, и что я принимал участие в совершении поджога на заводе. Когда я сказал, что это неправильно, то ТРУШКИН обозвал меня «мерзавцем» и стал требовать «признаний», но всё же показания Бондаря я не подтвердил, и тогда ТРУШКИН приказал убрать меня из его кабинета.

Через несколько дней мне была дана очная ставка с Афанасьевым, который также дал показание о моей причастности к антисоветской организации, но я эти показания не подтвердил, и меня обратно направили в тюрьму.

В середине сентября я был вызван на допрос к Зельцману, который мне сказал, что он произведёт очную ставку с Бондарем. На этой очной ставке Бондарь опять подтвердил свои прежние показания, которые он

давал на первой очной ставке, но я опять их отрицал. При этом Зельцман угрожал мне и говорил, что если я не дам показаний, то ко мне будут применены физические меры воздействия.

На следующий день, вечером, меня вызвал на допрос Ганкин, который в то время, как я заметил, был в нетрезвом состоянии, стал меня допрашивать, а затем угрожал, что он со мной рассчитается, требуя от меня показаний. Я категорически отказывался и когда я убедился, что другого выхода нет, я под диктовку Ганкина дал показание о своей принадлежности к антисоветской организации. После моего допроса Ганкиным меня вызвал Зельцман и сказал, что он будет писать протокол на основании материалов, которые мной были даны во время допроса Ганкиным. Я тогда возразил и заявил, что протокол, составленный Ганкиным, неправильный, на что Зельцман ответил: «Не ела бы душа чесноку, она бы не воняла» и добавил: «Теперь отказываться поздно, давай дальше».

ВОРОНИН и ТРУШКИН часто заходили, когда меня допрашивали, причём ВОРОНИН, на одном из допросов ударил меня, а ТРУШКИН, делая очную ставку, грубо со мной разговаривал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЧИКАЛОВ:

ВОРОНИН один раз ударил меня кулаком по щеке и выбил один зуб.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЧИКАЛОВ:

На первой очной ставке с Бондарем, которая происходила в кабинете ТРУШКИНА, я не подтверждал показание Бондаря, и тогда ТРУШКИН обозлился на меня и сказал: «Вы – старый бандит, видишь, инженер признался, а вы не хотите». Кто ещё присутствовал на этой очной ставке, я не знаю, но помню, кто-то был.

ВТ определил:

Освободить от присутствия в зале суд. заседания свидетелей Жерноклюева, Сухоленцева, Гаврилова, Чулкова, Седнева, Дудина, Волкова, Гладкова, Бондарь, Афанасьева и Чикалова – до 30 декабря 20 часов.

В 16 часов объявлен перерыв до 19 час., после чего судебное заседание продолжается.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

В связи с показаниями Фомина я просил бы Трибунал приобщить к делу выписку из показаний Плетнева. Кроме этого, прошу истребовать копию ориентировки НКВД УССР от июля–августа 1939 года о Фомине, в которой предлагалось освещать Фомина, а также истребовать собственноручные показания Фомина, имеющиеся в его деле, поскольку Фомин говорит, что он собственноручных показаний не давал, где Фомин признавал себя виновным.

Афанасьев сейчас говорил в суде о том, что я ударил его, будучи на заводе. Я просил бы Трибунал вызвать по этому вопросу Богуславского и Радионова, которые присутствовали, когда я разговаривал с Афанасьевым, и они могут подтвердить, что Фомина я не бил. Если бил, то были бы сотни свидетелей.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я тоже просил бы Трибунал истребовать и приобщить к делу заявления, написанные собственноручно Чикаловым, Фоминим и Бондарем. Кроме этого, просил бы истребовать сводку агента «Иванова» о Гладкове, где он сообщает, что Гладков – антисоветская личность. Прошу также проверить, имел ли я право без разрешения нач[альника] УНКВД сажать арестованных в карцер, как об этом говорил в суде Жерноклюев.

Свидетель КИРЕЕВ Павел Николаевич, рождения 1914 года, член ВКП(б), нач[альник] отделения УНКВД Николаевской области, сержант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

ГАРБУЗОВА я знаю по совместной работе, и с ним приходилось выезжать в район для допроса арестованных.

В конце 1938 г. я по распоряжению КАРАМЫШЕВА был командирован в Херсон для проверки 20 или 25 дел по Ново-Троицкому району. Когда я приехал в район, то установил, что вся эта группа лиц была арестована безосновательно, и никаких материалов на них в райотделении НКВД не было. Среди этих арестованных были крестьяне-бедняки, пастухи и другие. При проверке я обнаружил, что на арестованных были только ордера на арест, санкция прокурора и справки, в которых было указано, что все эти лица являются участниками повстанческой к-р организации. Когда обратился к Белову выяснить, на каком основании была арестована эта группа лиц, то Белов ответил, что такое распоряжение он получил от ТРУШКИНА. На второй день я из района позвонил ТРУШКИНУ и сказал ему, что на эту группу лиц никаких компрометирующих материалов нет, после чего в район приехал ГАРБУЗОВ, и мы вместе рассмотрели все имеющиеся в делах арестованных материалы и когда выяснили, что они ни в чем не виновны, мы их освободили из-под стражи.

На вопросы ВТ свидетель КИРЕЕВ:

Эта группа лиц по Ново-Троицкому району была арестована по указанию ТРУШКИНА. Арестованы они были без всяких материалов и сидели под стражей по 8–9 месяцев. Характерно то, что когда я допрашивал некоторых арестованных, то они не знали даже, что такое «троцкизм». Среди арестованных были колхозники, пастухи, кузнецы и др. В делах арестованных имелись постановления об аресте и санкция прокурора на арест. В постановлении указывалось, что арестованные являлись участниками повстанческой к-р организации.

Мне известно, что ТРУШКИН говорил на Белова, что он либеральничает с арестованными и не добивается от них показаний.

Я тоже принимал участие в допросе Гаврилова, но я его не допрашивал, а только был на подмене следователей, которые его допрашивали. В то время в УНКВД была конвейерная система, арестованных заставляли стоять по несколько суток, требуя от них показания. Об избиениях я не знаю.

Я знаю, что УНКВД был арестован и Ионас, дело которого вел следователь Шкляр. Какое имел отношение к этому делу ВОРОНИН, я не знаю.

Оглаш[аются] л. д. 207–208, показания свид[етеля] КИРЕЕВА (том 4).

Свид[етель] КИРЕЕВ:

Гаврилов и Ионас были арестованы отделением ВОРОНИНА. Я помню, что Федоровский в моем присутствии допрашивал Гаврилова, и Гаврилов не дал показаний о причастности его к троцкистской организации. Затем Федоровский изготовил протокол допроса на Гаврилова с указанием, что Гаврилов – участник троцкистской организации. Этот протокол допроса Федоровский дал мне и сказал: «Добейтесь подписания этого протокола допроса Гавриловым». Я сейчас не помню, но, кажется, что Гаврилов подписал этот протокол допроса.

Вообще мне говорили, чтобы во время допросов арестованных я добивался у них «признаний». Я лично арестованных не избивал, а лишь предлагал давать показание о признании как участника к-р организации, а затем, когда арестованный «признает», то впоследствии делали окраску этого дела, т.е. к какой организации арестованный принадлежит.

Оглаш[аются] л. д. 217–220 том 4, показания свид[етеля] КИРЕЕВА.

Свидетель КИРЕЕВ:

Это показание в части справки на арест Гаврилова я подтверждаю. Федоровский тогда сказал: «Сначала арестуем, потом добьемся показаний». Гаврилов все время был на конвейере. Был ли Гаврилов на допросе у ВОРОНИНА, я не помню, но знаю, что следствие по делу Гаврилова вело отделение ВОРОНИНА.

Федоровский тоже ездил по вопросу ареста 20-ти человек в Ново-Троицком районе, и когда он приехал, то говорил мне: «Оформляйте этих лиц на особое совещание». При этом Федоровский дал мне образец протокола допроса, где говорилось, в какой плоскости нужно допрашивать арестованных. Помню, что Федоровский, допрашивая в районе одного арестованного, записал в протокол допроса, что обвиняемый признаёт себя виновным в антисоветской деятельности, в то время как арестованный ничего не говорил об этом. Таких допросов арестованных Федоровским было, кажется, два.

На вопросы ВТ свид[етель] КИРЕЕВ:

При допросах арестованных в УНКВД ТРУШКИН часто заходил и спрашивал, дает ли арестованный показания.

Я лично не видел, чтобы к Гаврилову применяли физические меры воздействия или какие другие действия.

Федоровский в то время был начальником отделения 2-го отдела, а ВОРОНИН тоже был начальником 2-го отделения 2-го отдела и подчинился ТРУШКИНУ.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

На 20 человек, которые были арестованы в р-не, дал показания Чучман, и на этом основании они были арестованы. Верно, одно показание Чучмана не могло служить основанием к аресту 20 человек, но в то время мы на основании этого показания произвели аресты. Эти лица просидели под стражей около 5-ти месяцев. Протокол допроса Чучмана составлял Федоровский, а затем КАРАМЫШЕВ его откорректировал.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Я не помню такого случая, чтобы я корректировал показания Чучмана, а возможно, и было, но не искажая существа. Я хочу сказать, что в тот период времени мы из Днепропетровска получили ориентировку о наличии большой к-р организации на Днепропетровщине, и по показаниям арестованных в Днепропетровской области фигурировал Чучман, который и был нами арестован.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

С материалами, которые имелись на Чучмана, я не был знаком.

Подсудимый ТРУШКИН:

Киреева направил в Ново-Троицкий район Федоровский, а последнему я дал указание, что нужно проделать. Впоследствии мной был откомандирован в район ГАРБУЗОВ, который рассмотрел дела и освободил этих лиц. Ещё до ареста этих лиц мной были даны указания Федоровскому, чтобы он сначала проверил, какие на них имеются материалы, но он не сделал всего того, что я сказал, и в результате получилось, что арестованы были неправильно.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Я помню, что по всем районам области была спущена директива за подписью ТРУШКИНА и КАРАМЫШЕВА об аресте ряда лиц, и тогда было арестовано по Ново-Троицкому району 20 человек.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

Я считаю, что Ионас и Камарницкий были арестованы неправильно. Я помню, что на этих лиц я брал из архива материалы, и в них ничего плохого не было. Ионас работал в органах НКВД около 20 лет, а арестован он был только потому, что он по национальности – латыш.

Подсудимый ТРУШКИН:

Вообще Киреев был не основным следователем, а он большую часть был на подмене и он не мог знать обо всём.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

Я узнавал у Шкляра, какие имеются материалы на Гаврилова, и он мне сказал, что на него ничего нет. Гаврилов арестовывался отделением ВОРОНИНА. Во время допроса Гаврилова я подменял Федоровского. С Федоровским у меня были трения.

ТРУШКИН говорил арестованным, что «рано или поздно вы всё равно сознаетесь».

Подсудимый ТРУШКИН:

Насколько мне известно, Федоровский и Киреев часто приходили ко мне и жаловались друг на друга.

Свидетель КИРЕЕВ:

Это правильно, что мы ругались за то, что Федоровский липовал дела, а я не хотел этого делать.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свидетель КИРЕЕВ:

О ГАРБУЗОВЕ я ничего плохого сказать не могу. Знаю, что он корректно относился к арестованным, и мне неизвестно, чтобы он применял физические меры воздействия к арестованным. Помню такой случай, когда один молодой следователь, допрашивая одного арестованного

меньшевика-эссеровца¹⁷, дернул его за усы, то ГАРБУЗОВ, узнав об этом, вызвал к себе следователя и ругал его.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

Мне лично неизвестно, чтобы ВОРОНИН применял к арестованным физические меры воздействия. Вообще ВОРОНИН среди сотрудников пользовался авторитетом, одно время был парторгом в отделе, работал очень много. Помню и такой случай, когда в стенгазете была помещена заметка ВОРОНИНА, где указывалось, что некоторые следователи применяют к арестованным незаконные методы следствия.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

Я присутствовал на оперативных совещаниях и помню, когда ТРУШКИН в своем выступлении говорил, что рукоприкладство к арестованным недопустимо.

Свидетель СЫЧКОВ Николай Емельянович, рождения 1916 г., кандидат партии, работаю ст. следователем следчасти УНКВД Николаевской области, сержант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В мае м-це 1939 г. ко мне поступило следственное дело Гущина по заводу № 200. Когда я стал рассматривать это дело, то оказалось, что Гушин без всякого на то основания был арестован. Гушин по материалам, которые имеются в его деле, проходил по показаниям Стародубцева и Гладкова как участник право-троцкистской организации, и когда я стал проверять, то ни Гладков, ни Гаврилов на следствии не давали никаких показаний о принадлежности Гущина к антисоветской право-троцкистской организации. Стародубцев впоследствии от своих показаний отказался, отказался также от своих показаний и Гушин. Вообще, как выяснилось по делу, Гушин был арестован по одному показанию Стародубцева, а больше на него ничего не было.

Оглаш[аются] том 4, л. д. 230–232, показания свид[етеля] СЫЧКОВА.

Свидетель СЫЧКОВ:

При просмотре мной дела Гайзера я увидел, что ряд протоколов допросов были сфальсифицированы. Гайзер обвинялся в принадлежности к антисоветской право-троцкистской организации, и якобы его избличал в этом Рогинский с з-да № 198 и Иванов. Проверя показания Рогинского и Иванова, я не нашёл такого момента, чтобы Рогинский или Иванов избличали Гайзера в принадлежности к антисоветской право-троцкистской организации, а в их показаниях говорилось о том, что им известно от других лиц, что Гайзер тоже якобы является членом антисоветской организации. Я лично Гайзера тоже допрашивал, и он мне пояснил, что к нему применялись физические меры воздействия, и поэтому он дал показания «о признании».

Онищенко освобождал из-под стражи я. О нём могу показать следующее: арестом Онищенко послужило то, что он был исключён из партии. Никаких других материалов, избличающих его как участника

¹⁷ Так у документі.

антисоветской право-троцкистской организации, не было. Не помню точно даты, когда был арестован Онищенко, но уже после того, как произошёл пожар на заводе № 200, то в показаниях Онищенко фигурировало, что ему было известно о готовившемся поджоге отсека, и якобы он признал себя виновным в поджоге. Получилось так, что Онищенко делал поджог, будучи уже арестован.

На вопросы ВТ свид[етель] СЫЧКОВ:

О корректировке протоколов допроса ВОРОНИНЫМ я таких показаний не давал. Возможно, что я говорил о ком-то другом.

Оглаш[ается] л. д. 135 том 8, объяснение свидетеля Сычкова от 22.V.1939 г.

Свидетель СЫЧКОВ:

Это правильно. Волошин действительно корректировал протоколы допросов арестованных, но не ВОРОНИН.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] СЫЧКОВ:

Когда я допрашивал Гайзера, то он мне говорил, что его допрашивал ВОРОНИН, но почему-то протоколов допроса Гайзера ВОРОНИНЫМ в его деле не было.

На Гущина была составлена справка об аресте, которую составил и подписал ВОРОНИН. В этой справке было указано, что Гушин принадлежит к антисоветской право-троцкистской организации.

Да. Гайзер арестовывался по указанию НКВД УССР и одно время допрашивался в Центральном аппарате.

ВОРОНИНА я знаю как неплохого работника. Он принимал активное участие в жизни коллектива. Одно время был партгором отдела. Пользовался авторитетом у сотрудников. Помню, что на заводе «Дормашина» при участии ВОРОНИНА была вскрыта антисоветская группа в количестве 6 человек, которые Трибуналом были осуждены, и приговор о них оставлен в силе.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] СЫЧКОВ:

ГАРБУЗОВА я хорошо знаю. Среди сотрудников он пользовался большим авторитетом, принимал активное участие в жизни коллектива, хороший работник. Допущенные им ошибки быстро исправлял и по большевистски разрешал вопросы.

Я не помню, чтобы на Гайзера были его собственноручные показания. Гайзер проходил по показаниям Волкова.

На вопросы ВТ свид[етель] СЫЧКОВ:

Не помню точно когда, мне дали на допрос арестованного Чистякова, который обвинялся о том, что он хотел пройти на завод № 198. Во время допроса Чистяков мне сказал, что он владеет 7-ю иностранными языками. В этом арестованном я видел определённого врага. На заданные мной Чистякову вопросы он виновным себя ни в чём не признал, и когда я повысил на него тон и выругался, то Чистяков набросился на меня и ударил меня кулаком. Того же числа, вечером, я арестованного Чистякова передал Ровенко, но на вторые сутки я узнал, что при допросе кем-то из работников центрального аппарата Чистяков был избит. Об этом хорошо известно Готовцеву.

Правда, Онищенко из облсуда по поджогу не проходил, я ошибся.

Свид[етель] ВИННИЦКИЙ Лазарь Ильич, рождения 1915 г., член ВКП(б) с 1939 г., работаю ст[аршим] уполномоченным УНКВД Дрогобычской области. С подсудимыми личных счетов не имею, преду-преждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Я могу рассказать суду о выполнении мной одного поручения по приказанию КАРАМЫШЕВА – о расследовании причин и виновных лиц о падеже 503-х овец в совхозе. В июле месяце 1938 г. меня вызвал КАРАМЫШЕВ и сказал, чтобы я вместе с Побережным выехали в р-н на место происшествия. По этому вопросу я получил указание от КАРАМЫШЕВА зайти к ТРУШКИНУ, который даст мне инструктаж, что необходимо проделать в районе. Когда я обратился к ТРУШКИНУ, то он сказал, что Побережный не поедет, а поедет Козачук и я. При этом мне ТРУШКИН дал задание под видом вызова в обком доставить зам[естителя] нач[альника] политотдела совхоза Садова и направить его в областное Управление НКВД для ареста.

Когда мы приехали в район, то уже 4 человека было арестовано, а Садова с документами направили в Николаев. Впоследствии, будучи уже в Николаеве, мне стало известно от Лейзеровского, который вел следствие по этому делу, что 4 человека по этому делу были приговорены к высшей мере наказания, а Наместюк – к 10 годам лишения свободы. По всем признакам, дело по обвинению Бранта, Беккера, Бабаева, Садова и Наместюка не должна была рассматривать тройка. Садов в прошлом – рабочий Тульского завода, никаких материалов на него не было, и ТРУШКИН, кроме факта падежа овец, о других компрометирующих данных о САДОМОВЕ при докладе дела на тройке не говорил.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я присутствовал на тройке раза два. Судьба арестованного разрешалась на заседании тройки не больше чем за 2–3 минуты.

В РО НКВД имелись материалы о том, что пало 503 штуки овец, а материалов, по которым кто-бы изобличался в падеже овец, как контрреволюционный вредительский акт, таковых не было.

Я присутствовал при подписании 4-х справок Поясовым в присутствии КАРАМЫШЕВА. Из разговоров Поясова с КАРАМЫШЕВЫМ последний сказал Поясову: «Можно арестовать два человека, а линию найдём, когда посадим», о какой линии шла речь – или о связи по протоколу, или о подходе к арестам, – я сказать не могу.

Помню, когда один арестованный у меня на допросе дал показание, что он является членом к-р повстанческой организации. Показания он дал сразу, и я удивился, откуда он взял большое количество лиц.

С арестованным Чистяковым, я лично беседовал. Знаю, что когда его привели на допрос, то он Сычкова ударил. После этого меня с Чистяковым оставили на ночь, и когда приходил Поясов, то ударил его пару раз рукой. После этого прибывший из НКВД СССР знакомый КАРАМЫШЕВА – орденносец ударил Чистякова несколько раз, и через несколько суток он

умер. Причины смерти Чистякова я не знаю. Знал ли об этом избииении КАРАМЫШЕВ, я не знаю.

Больше всего по оперативным вопросам ходили к Поясову.

Оглаш[ается] л. д. 81 том 8, отношение Винницкого особоуполномоченному НКВД УССР.

Свидетель ВИННИЦКИЙ:

Гайзер был арестован в августе месяце 4-м отделом УНКВД и допрашивался в Киеве. В момент ареста ВОРОНИН его допрашивал, и Гайзер дал ему собственноручные показания. Я лично сам это видел. На Гайзера был материал.

На вопросы ВТ свидетель ВИННИЦКИЙ:

Щербина был арестован УНКВД, и на него было достаточно материалов. Я его тоже допрашивал на протяжении 8 суток, и он никаких показаний мне не дал, а затем Щербину стал допрашивать ВОРОНИН, которому он стал давать показания, причём ему трудно было поверить в его показания, т. к. он давал разные показания. Помню, что ТРУШКИН за это Щербину бил. Впоследствии Щербина был освобождён из-под стражи.

Помню, на партийном собрании заострялся вопрос о ТРУШКИНЕ и говорили, что он не хочет исправлять свои ошибки, и тогда его вывели из состава бюро, и вообще бюро было распущено и избран новый состав партбюро.

Оглаш[аются] л. д. 256–257 том 4, показания свид[етеля] ВИННИЦКОГО.

Свидетель ВИННИЦКИЙ:

Я подтверждаю свои показания в отношении Беккера и Бранта и удивляюсь, почему их дело передали на тройку. Дело о падеже овец и о пожаре велось в отделе ТРУШКИНА. Отравить 500 овец – это дело диверсии, но не было их признаний.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Будучи в районе, я выслал оттуда в УНКВД протоколы допросов Бранта и Беккера, а на Бабаева они показаний не давали, которыми бы Бабаев изобличался в к-р связях или вредительству, а также не давали показаний и на Садова.

Эльзон мне рассказывал, что ТРУШКИН избивал Щербину в своем кабинете. У него были стойки арестованных и применялись различные методы следствия к арестованным.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я лично видел, когда ВОРОНИН избивал Щербину в кабинете Волошина.

Я на протяжении 8 суток допрашивал Щербину, и он не дал никаких показаний, как только Щербина был взят на допрос ВОРОНИНЫМ, то он и Гришин (прикомандированный тогда из Чаплинского РО НКВД) добились показаний Щербины. Это я говорю со слов Эльзона.

ВОРОНИНА я знаю больше, чем других сотрудников. Знаю его как одного из лучших работников. Работал с ним в Одессе и в Спартакоском районе. Будучи на работе в Одессе, ВОРОНИНЫМ была вскрыта к-р

организация [из] 39 человек. Знаю, что он после постановления ЦК и СНК¹⁸ быстро исправлял свои ошибки.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я хочу пояснить о том, что к Щербине я не применял физических мер воздействия. Допрашивал я его в присутствии Волошина один раз, а затем дело Щербины вели Волошин и Гришин. Помню, что Щербина был на непрерывном допросе около 3-х суток.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я лично не видел, как ВОРОНИН бил арестованных, а лишь видел, когда он показал палочку и говорил: «Сейчас ему дадим, и он расскажет».

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить суду, что на Садова и Бабаева к моменту их ареста на них было достаточно материалов для арестов. Бабаев проходил по показаниям Нуринова, присланного нам из НКВД УССР, а Садов проходил¹⁹

Впоследствии было указание, что дело Бранта, Бабаева, Наместюка и Садова передать на тройку.

Когда приезжал в Николаев нач[альник] 3-го отдела НКВД УССР Ратынский, то он интересовался делом Щербины и помню когда он сказал, что будет Щербину допрашивать. Допрашивал ли Ратынский, я не знаю.

На Левицкого и Малюгина дал показание бывш. секретарь обкома и ещё кто-то.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я не видел, чтобы ГАРБУЗОВ применял физические меры воздействия к арестованным.

Шпионаж и диверсии тройка могла рассматривать.

Оглаш[ается] л. д. 77, отношение ВИННИЦКОГО особоуполномоченному НКВД УССР.

Свидетель ВИННИЦКИЙ:

Я сейчас не помню такого обстоятельства, чтобы со стороны ГАРБУЗОВА к арестованным применялись физические меры воздействия. Помню, что на одном из совещаний говорили, что ГАРБУЗОВ недооценивает врагов, и что плохо с ними борется.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Дело по обвинению Бабаева, Садова, Бранта, Наместюка и Беккера не должно было пойти на тройку, т. к. не было доказательств. Все дела вообще докладывали на тройке начальники отделов. Дела по 2-му отделу докладывал ТРУШКИН.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу пояснить Трибуналу о том, что Щербина проходил по показаниям Москвы и Киева. Спрашивается, какое же я имел основание

¹⁸ Постанова РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства».

¹⁹ Так у документі. Речення не закінчене.

их игнорировать. К тому же в тот период я вообще был болен. Вообще Винницкий говорит какую-то несурязицу и ни на чем не обоснованную.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я не слышал и сам не видел, чтобы ГАРБУЗОВ применял к арестованным физические меры.

Когда приезжал в Николаев особоуполномоченный Твердохлебенко, то он вызвал ряд сотрудников и спрашивал их, что имеется на ГАРБУЗОВА. Твердохлебенко требовал от сотрудников, чтобы они обязательно рассказали что-либо плохое о ГАРБУЗОВЕ.

Объявляется 10-минутный перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Свидетель ФЕДОТОВ Александр Павлович, рождения 1913 г., член ВКП(б), работаю зам[естителем] нач[альника] отделения ЭКО НКВД Николаевской области, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

По делу мне известно то, что ТРУШКИНЫМ корректировались некоторые показания по делам арестованных, как, например, по делу Коновалова, Познанского. Таких случаев мне лично было известно 4–5. В то время я был молодым работником и считал, что корректировка протоколов допроса арестованных – вполне допустимая вещь.

В то время я считал, что арестованные должны отвечать на вопросы следователя стоя.

Когда мной были написаны протоколы допросов, то при просмотре их Волошиным и ТРУШКИНЫМ эти протоколы ими корректировались, а затем я переписывал вторично и давал на подпись арестованным. Если не соглашался арестованный подписывать откорректированный протокол допроса, то мы его убеждали, и он подписывал.

Мне также было известно, что некоторые арестованные были на стойке по суткам, а иногда 2-ое суток.

Если я обращался за помощью к ГАРБУЗОВУ, то он всегда мне помогал в этом. Помню по одному делу, когда вмешался ГАРБУЗОВ, то часть арестованных была освобождена из-под стражи.

Если мне приходилось докладывать дела ТРУШКИНУ, и я говорил, что на них ничего нет, то ТРУШКИН не соглашался на освобождение арестованных и говорил: «Нужно добиться показаний».

Будучи в командировке в Елонецком районе, мне рассказывал Шкляр о том, что по делу Немченко дали положительные отзывы ряд лиц и, несмотря на то, что Шкляр ставил вопрос перед ТРУШКИНЫМ об освобождении Немченко, ТРУШКИН не соглашался освобождать Немченко.

Со слов некоторых работников сельхозотдела УНКВД мне было известно, что неосновательно арестовали Василенко и якобы через него хотели добиться показаний на других лиц и «создать к-р организацию».

Помню такой случай, когда я по указанию ГАРБУЗОВА вызвал на допрос Решетняка, от которого узнал, что его при допросе избивали. Об этом я доложил ГАРБУЗОВУ, а ГАРБУЗОВ доложил ТРУШКИНУ.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Мне известен один случай, когда ГАРБУЗОВ ударил арестованного Прицкера за то, что Прицкер набросился на ГАРБУЗОВА и схватил его за волосы. Я лично не видел, чтобы ТРУШКИН и ВОРОНИН избивали кого-либо из арестованных.

Оглаш[ается] л. д. 81 том 4, показания свид[етеля] ФЕДОТОВА.

Свидетель ФЕДОТОВ:

Я не помню такого случая, чтобы ВОРОНИН и ТРУШКИН избивали арестованного Прицкера. В этом отношении запись в протоколе немного не точная.

Оглаш[ается] л. д. 82 том 4, показания свид[етеля] ФЕДОТОВА.

Свидетель ФЕДОТОВ:

Эта запись в протоколе немножко не точная. Обычно во время допросов арестованных ставили вопрос: «Знал ли он о террористических замыслах?» и если арестованный это подтверждает, то тут же при допросе записывали все то, что он подтвердит.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ФЕДОТОВ:

После допросов мной арестованных протоколы корректировались, и после корректировки я снова переписывал и в таком виде давал на подпись арестованным.

Мне ТРУШКИН не говорил, чтобы я применял к арестованным физические меры. Помню, на одном из оперативных совещаний ТРУШКИН всех предупреждал, чтобы арестованных не избивали.

Я не помню случаев искажения смысла при корректировке.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить суду о том, что Василенко был арестован сельхозотделом УНКВД, они же вели его дело и они освободили Василенко.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

В избииении Прицкера ГАРБУЗОВ также принимал участие. Как-то ГАРБУЗОВ зашел к следователю Заикину, и во время допроса Прицкер оскорбил ГАРБУЗОВА, и за это ГАРБУЗОВ, ВОРОНИН и Заикин его избили. Другие факты избияения арестованных со стороны ГАРБУЗОВА мне неизвестны.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я хочу пояснить, что Стародубцев исключался из партии, в прошлом Стародубцев – сын дьякона и за сокрытие своего соц[иального] происхождения его исключили из партии. Постановление бюро обкома об исключении Стародубцева из партии имеется при деле. Я помню, что протокол по делу Стародубцева корректировался, а затем Федотов переписал и дал на подпись Стародубцеву. Стародубцев не сопротивлялся и подписал этот протокол допроса.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ФЕДОТОВ:

Стародубцев был арестован оборонным отделом.

Фомин собственноручно написал заявление о признании, и во время составления этого заявления ГАРБУЗОВА не было. Фомина я вызывал на допрос по указанию ГАРБУЗОВА. Помню, что ГАРБУЗОВ 3-го августа приехал к концу рабочего дня. После приезда ГАРБУЗОВА я доложил ему, что Фомин собственноручно написал показание. После этого ГАРБУЗОВ при допросе ФОМИНА задал ему несколько вопросов, на которые он ответил в разрезе собственноручного им заявления, и тогда был составлен протокол допроса, который Фомин подписал. К Фомину совершенно не применялись физические меры воздействия.

На Деревянченко и Стародубцева показания не фальсифицировались.

Я помню такой случай, когда сотрудник Мартыненко за применение физических мер воздействия к арестованным был привлечён у уголовной ответственности и осуждён. Этот вопрос поднял ГАРБУЗОВ.

Я никогда арестованных в уборную не водил и не могу себе представить, чтобы арестованный лежал в одной из комнат на диване с порезанными пятками.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Как-то следователь Бас заявил мне, что Прицкер во время допроса плохо себя ведет. После этого я зашел в комнату, где допрашивали Прицкера, и спросил Прицкера, почему он так плохо себя ведет, то Прицкер бросился на меня и хотел ударить, после чего я дал распоряжение завести Прицкера к Толкачеву и об этом доложил КАРАМЫШЕВУ. Я тогда Прицкера не бил. Били его по получению санкции.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Следствие по делу Гаврилова я не вёл. Фомина и Чулкова я допрашивал и физических мер воздействия к ним не применял. Чулков стоял на стойке полтора суток, а Фомин не стоял, и как только его доставили в НКВД, он расплакался и сразу дал показание об участии его в к-р организации. Они путем клеветы на следствии восстанавливались в партии.

Оглаш[аются] л. д. 83–84 том 4, показание свид[етеля] ФЕДОТОВА.

Свидетель ФЕДОТОВ:

Да, такой случай действительно был со Стародубцевым. Когда Стародубцев в собственноручном заявлении указал как участников к-р организации 20 чел., то ВОРОНИН допрашивал после этого заявления Стародубцева, он указал до 40 чел. участников к-р организации.

Бондаря я никогда не отливал водой и в то время я его не видел.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФЕДОТОВ:

Когда Стародубцев дал показание на 20 человек, то ВОРОНИН, допрашивая его, сказал: «Вы ещё не всех назвали, давайте ещё», и тогда Стародубцев назвал дополнительно около 20 человек. В деле Стародубцева я не видел показаний, в которых бы говорилось, что его допрашивал ВОРОНИН. Мне неизвестно, принимал ли участие ВОРОНИН в допросе Чикалова.

Вообще ВОРОНИН часто заходил ко мне в кабинет и видел, как я допрашиваю арестованных. Я непосредственно был подчинён ВОРОНИНУ и от него получал указания.

Протокол допроса на Чулкова ВОРОНИН не составлял, и мне неизвестно, чтобы ВОРОНИН наносил побои Чулкову.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Я знаю, что «стойки» арестованным разрешал делать Волошин, а затем это делал ВОРОНИН.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я хочу сказать о том, что от Стародубцева я показаний не вымогал. Верно, я требовал от него, чтобы он дал конкретные факты, т. к. в его показаниях была разноречивость.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Я знаю КАРАМЫШЕВА с весны 1938 г. Он беседовал с молодыми работниками. Он пользовался большим авторитетом. В выступлениях на оперативном совещании КАРАМЫШЕВ говорил, что органы НКВД на данном этапе это – всё. При этом КАРАМЫШЕВ критически отнёсся к партийным органам. О каких-либо других фактах мне ничего неизвестно. В отношении арестованных КАРАМЫШЕВ говорил, что все посаженные это есть враги народа, причём это относилось к весне 1938 г. В тот период времени некоторые наши сотрудники, приезжая на объекты обслуживания, делали всё, что хотели.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ФЕДОТОВ:

Я помню, что на оперативном совещании присутствовал секретарь обкома Старыгин.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу пояснить, что это присутствие секретаря на оперативном совещании говорит за то, что я не мог критически относиться к партийным органам, и это – какая-то нелепость со стороны Федотова. На том же совещании мной была проведена лекция для оперативного состава по вопросу агентурной работы. Я действительно говорил на совещании, что у нас сидят враги, но это не говорит за то, что именно ко всем арестованным нужно подходить одинаково – добиться признаний.

Нельзя было заявлять оперативным работникам, что у нас сидят невиновные, и демобилизовывать оперативный состав. Другое дело – сбор и оценка доказательств на арестованного.

Я хочу ещё сказать о том, что до издания постановления ЦК [ВКП(б)] и СНК [СССР] мной из 2,5 тысяч человек было освобождено 750 человек, из этого следует сказать, что мной были приняты все оперативные мероприятия к исправлению ошибок, допущенных при Успенском.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН Григорий Семёнович, рождения 1911 г., член ВКП(б) с 1940 г., в данное время работаю управделами завода им. Сталина, до этого работал в УНКВД Николаевской области в должности ст[аршего] следователя, не судился, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

По делу КАРАМЫШЕВА я ничего плохого сказать не могу, за исключением того, что он на одном из оперативных совещаний проявил антисемитизм по отношению к Бромбергу, а вообще на оперативных

совещаниях КАРАМЫШЕВ говорил, как необходимо вести следствие по делам арестованных.

Оглаш[ается] л. д. 148 том 4, показание свид[етеля] ЗЕЛЬЦМАНА.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН:

Со стороны КАРАМЫШЕВА на оперативном совещании была мысль об игнорировании прокуратуры по делу Онищенко, который был позже освобождён из-под стражи. КАРАМЫШЕВ тогда говорил, что можно арестовать и без санкции прокуратуры. Это было по отношению тех обвиняемых, где есть препятствие с их стороны.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Я не знаю и не могу привести таких фактов, чтобы мы арестовывали без санкции прокурора.

Подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

На оперативном совещании в НКВД УССР говорили, что вскрывается к-р организация по суду и прокуратуре. На совещании в области выступали сотрудники Управления и говорили, что на отдельных работников суда и прокуратуры имеются веские материалы, а арестовать их почему-то нельзя, на что я тогда ответил, что, если имеется достаточно материалов, то нужно представить их в НКВД УССР и добиться санкции в обкоме. Так, по предложению бывш. наркома и с санкции обкома был арестован Онищенко, который сразу же после его ареста дал показания, и мы направили его в Киев. При допросе Онищенко его не принуждали, чтобы он дал показания.

Я действительно на одном из совещаний, говоря об оперативной работе, касаясь некоторых арестованных, высказал следующую фразу, которую как-то произнёс сотрудник Бромберг: «У меня бедное, еврейское сердце». В этом, я считаю, что никакого антисемитизма я не допустил. Вообще Бромберг был плохой работник и его уволили.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Малюгин был арестован, кажется, по показаниям Волкова. Помню, что по этому делу я выезжал в с. Хорлы и там устанавливал, какие у него имеются связи и какие имеются на него материалы. Когда я проверил, то никаких компрометирующих материалов на Малюгина не оказалось. Докладывая ТРУШКИНУ все материалы на Малюгина, я внёс предложение освободить Малюгина из-под стражи и, несмотря на это, ТРУШКИН со мной не согласился, после чего я лично пошел к нач[альнику] УНКВД Юрченко, доложил ему материалы на Малюгина, и Юрченко сказал: «Освободить». После этого я написал постановление, где указал подписи Юрченко и ТРУШКИНА и, несмотря на то, что на этом постановлении уже была подпись Юрченко, ТРУШКИН подписывать это постановление не хотел, заявив при этом: «Зачем ещё моя подпись, раз есть подпись начальника УНКВД». Этот случай был уже после издания постановления ЦК ВКП(б) и СНК [СССР].

Мне известен ещё один случай со слов Шклярова, у которого находилось следственное дело по обвинению Немченко. Шкляров тогда мне рассказал, что на Немченко нет никаких материалов, а ТРУШКИН не согласен освобождать Немченко. Кроме этого Шкляров рассказывал мне ещё

по одному делу и, несмотря на то, что на него не было никаких компрометирующих материалов, ТРУШКИН освободить не хотел. Впоследствии эти оба арестованные были освобождены.

Щербину я один раз допрашивал по указанию ТРУШКИНА. Мне известно, что Щербина хотел покончить жизнь самоубийством, и в тот же день ТРУШКИН в моём и ГАРБУЗОВА присутствии избил Щербину. Других каких-либо случаев применения к арестованным физических мер воздействия мне не известно, знаю только то, что по всему Управлению к арестованным применялись «стойки». Кто узаконил эти «стойки», я не знаю. Пока арестованный «не признается», до тех пор его в камеру не отправляли.

Муратов сначала написал собственноручно заявление, а затем, при допросе, дал развёрнутые показания.

Материалы на Мацковского, Гладкова, Бондаря, Фомина, Меламуда, Чикалова и Базилевича собирал я, а затем обобщил в одно дело. Этим арестованных допрашивал ряд следователей. Они чернят следствие, дабы оправдать свое поведение.

Чернохатова дело вёл я, но кто его избивал, я не знаю. Я лично ни к одному из арестованных не применял физических мер воздействия.

Дудин сразу дал показания, и я его не избивал.

Оглаш[аются] л. д. 139–140 том 4, показания свид[етеля] ЗЕЛЬЦМАНА.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН:

Жерноклюев сам дал показания без принуждения. Помню, он был на стойке.

Дудин, как только был арестован, то через полтора часа собственноручно написал заявление, в котором указал о его принадлежности к право-троцкистской организации и, несмотря на то, что ему говорили, что он, может быть, даёт неверное показание, то Дудин убедительно говорил, что всё, что им было указано в заявлении, это верно, но, когда мы его направили в Киев, то он там от своих показаний отказался.

Муратов дал показание на несколько человек. Я верил его показаниям, ибо он убедительно говорил при допросе, но впоследствии я почувствовал, что он говорит ложь. Верно, тогда уже было арестовано несколько человек, и оказалось, что их неправильно арестовали. Протокол [допроса] Муратова корректировал ГАРБУЗОВ, искажений первичного протокола я указать не могу.

Оглаш[ается] л. д. 177 том 4, показания свид[етеля] ЗЕЛЬЦМАНА.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН:

Следствие по делу Дудина вёл я. Протоколы допросов обычно я давал просматривать непосредственно своему начальнику отделения. Почему были разные даты в анкетах на арестованных Чернохатова, Барсукова и Мацковского²⁰, я сейчас сказать не могу.

На вопросы ВТ подсл[удимый] ТРУШКИН:

²⁰ Тут і далі у документі помилково через літеру «о» у першому складі – Моцковского.

Чернохатов был арестован 7 или 8-го августа, а Барсуков и Мацковский – 3 августа, а в повестках, составленных к заседанию тройки, которые составлял Зельцман, даты оказались почему-то другие.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Арест я делал по имеющимся материалам в деле. Если изменены даты, то по указанию ТРУШКИНА.

Одно–два показания обвиняемых, нельзя было не принять мер к аресту более активных лиц.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Волков дал показания сразу, а Малюгин – на третьи сутки.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Одно время дело Малюгина было у меня. ТРУШКИН тогда ска- зал оформить это дело на особое совещание. Освобождать ТРУШКИН Малюгина не говорил и не хотел освобождать, когда ему предлагали это.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Когда приезжал из НКВД УССР Ратынский, то он допрашивал Щербину. Мне неизвестно, избивал ли Ратынский Щербину.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

О ГАРБУЗОВЕ я ничего плохого сказать не могу. Я лишь говорил с ним как с секретарём парторганизации, что Малюгина нужно освобо- дить. Какие были приняты меры со стороны ГАРБУЗОВА в отношении дела Малюгина, мне неизвестно.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

ТРУШКИН действительно в моем присутствии наносил по- бои Щербине. Я тогда считал, что побои, нанесённые Щербине ТРУШКИНЫМ, были согласованы с КАРАМЫШЕВЫМ и Поясовым.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

К Щербине я не применял физических мер воздействия.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

К делу Даннекера, Барсукова по диверсии ГАРБУЗОВ не имел ни- какого отношения. По делам арестованных мы получали помощь от ГАРБУЗОВА больше, чем от остальных начальников, т. к. ГАРБУЗОВ был более доступным, и он не направлял нас на перегибы.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

С ВОРОНИНЫМ я работал в одном отделении. Он, как начальник отделения, помогал мне в работе. ВОРОНИН видел, что арестованные, которые находились у меня на допросе, были на стойке, но в то время такое положение было везде. Не раз указывали, особенно приезжавший тогда Успенский, как строго надо подходить к арестованным при допро- сах. Арестованный стоит, я требую показание. Стоит он столько, сколько я работаю. Такие указания я получал от начальника отдела.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

ЗЕЛЬЦМАН неправильно говорит. Таких указаний я следователям не давал. Верно, было несколько случаев применения к арестованным стоек, но это было с разрешения нач[альника] УНКВД.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Я не помню, чтобы я разрешал ТРУШКИНУ делать стойки арестованным. За всё время я давал разрешение на 2–3 случая применения физических мер. В обсуждении материалов на 2-х из них присутствовал и секретарь обкома.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Я не помню такого случая, чтобы ВОРОНИН применял к арестованым физические меры.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

К следствию Жерноклюева ВОРОНИН не имел никакого отношения. Дудин был арестован вечером и через полтора часа дал показания. Да, я утверждаю, что это было так и в нормальной обстановке.

От Седнева получил показание следователь Берестовой. Я не помню, были ли собственноручные показания Седнева.

В 1 час 30 мин. 29.XII. объявлен перерыв до 10 часов утра 29.XII–[19]40 г.

В 10 ч. 15 мин. 29 декабря судебное заседание объявлено продолжающимся.

ВТ определил:

В ходатайстве подс[удимому] ГАРБУЗОВУ по вопросам истребования из НКВД УССР копии ориентировки НКВД УССР от июля–августа 1939 г. о Фомине, истребовании собственноручных показаний Фомина, а также истребовании показаний Плетнева и о вызове в качестве свидетелей Богуславского и Радионова – отказать, поскольку в деле Фомина и других, этих документов нет, следовательно, они не фигурировали как изобличающие их документы при их аресте и предъявлении им обвинений, а ограничиться имеющимися в качестве вещественных доказательств дела Фомина, Афанасьева и материалов обзора дел на эту группу бывш. арестованных. А по эпизоду нанесения удара Афанасьеву ГАРБУЗОВЫМ для суда достаточно данных для суждения о степени виновности в этом ГАРБУЗОВА.

В ходатайстве подс[удимого] ТРУШКИНА об истребовании собственноручных показаний Чикалова, Бондаря, а также сводки агента «Иванова» о Гладкове – отказать. Ограничившись данными обзора их дел в процессе и наличии заключения по обзору архивной разработки «Ретивые».

Свидетель ВОЛОШИН Пётр Соломонович, рождения 1900 г., член ВКП(б), работал в органах НКВД на протяжении 20 лет и уволен за невозможностью соответствующего использования, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

По делу я могу показать то, что я несколько месяцев работал с ВОРОНИНЫМ и ГАРБУЗОВЫМ. ВОРОНИН тогда был пом[ощником] нач[альника] отделения, а ГАРБУЗОВ – зам[естителем] нач[альника] отдела. Мне лично неизвестно, чтобы кто-либо из них применял к арестованным физические меры.

На вопросы ВТ свидетель ВОЛОШИН:

Мне Зельцман рассказал о том, что ТРУШКИН возражал против освобождения Левицкого и Малюгина, несмотря на то, что на них

якобы материалов нет. Я тогда по этому вопросу посоветовал обратиться к нач[альнику] Управления Юрченко, но кто впоследствии ставил вопрос об освобождении Малюгина и Левицкого, я не знаю, а знаю лишь то, что Левицкий и Малюгин впоследствии были освобождены. Других случаев несогласия ТРУШКИНЫМ об освобождении арестованных мне неизвестно.

На партийном собрании в мае м-це 1939 г. многие говорили, что ТРУШКИН не взялся за исправление имевших место ошибок на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК [СССР] от 17.XI–[19]39 г. Помню, что на том партийном собрании говорили, что 2-м отделом необоснованно было арестовано несколько человек, как, например, Жерноклюев и др.

Об аресте Ионаса мне говорили сотрудники 2-го отдела. Какие были на него материалы, мне неизвестно. Помню со слов сотрудников, что Муратов якобы дал показание на Ионаса, и на основании этого Ионас был арестован.

Оглаш[ается] л. д. 102 том 6, показание свид[етеля] ВОЛОШИНА.

Свидетель ВОЛОШИН:

Разговоры были, что показания на Карасёва давали, но подробностей я сам не знаю, и не знаю, было ли это по настоянию ТРУШКИНА.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Дело о поджоге на заводе № 200 должен был вести оборонный отдел. Это дело попало во 2-й отдел потому, что в тот период была реорганизация отделов и когда из 2-го отдела хотели выделить оборонный отдел, то не успели его выделить, и в этот же период произошёл пожар на заводе. В то время по поджогу было арестовано несколько человек. КАРАМЫШЕВ распорядился вести разработку следствия 2-му отделу – ТРУШКИНУ. Утром следующего дня прилетел самолётом из НКВД УССР Злобинский и стал вести следствие совместно со 2-м отделом. Будучи уже начальником отделения оборонного отдела, я ознакомился с материалами арестованных, и некоторые сознались в том, что это был диверсионный акт.

Лично я не видел, чтобы кто-либо из работников 2-го отдела или Наркомата применял к арестованным физические меры воздействия.

Подсудимый ТРУШКИН:

К делу Ионаса Волошин не имел никакого отношения и не брал показания на Карасёва. Этот вопрос возник по показаниям арестованных ещё до прибытия в отдел. Ионас был арестован как латыш по директиве НКВД СССР.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Муратов был арестован после исключения его из партии, в ночь с 12 на 13 мая 1938 г., и доставлен в НКВД. Я вёл его допрос. На него было достаточно материалов для ареста его, он и сейчас ещё не восстановлен в партии. Муратов в ночь с 14 на 15 мая собственноручно написал заявление, в котором указал, что он является членом право-троцкистской организации. Вербовок он не давал, а что было дальше, я не знаю, т. к. в начале июня я ушёл в 3-й отдел. Ведь если бы его избивали или принуждали дать показания, так, видимо, написали бы и участников, но этого

не было, была нормальная обстановка. Муратов вербовщиков совершенно не дал, а написал собственноручное заявление без всяких принуждений.

Муратова Киев освобождал, и вообще я не был в достаточной мере знаком с показаниями по делу Муратова.

Мне лично не приходилось сталкиваться по работе с КАРАМЫШЕВЫМ. В то время я был начальником отделения и дел на тройке не докладывал. Помню один случай, когда я присутствовал на заседании тройки, где рассматривали дел 16, причём каждое дело рассматривалось не больше чем 5 мин.

Помню, мне кажется, говорил Готовцев, что получен приказ НКВД СССР от 21 сентября 1938 г. за № 00606 о возобновлении работы тройки по рассмотрению дел на арестованных, обвиняющихся во вредительстве, шпионаже и диверсии. Каждое дело имело определённую окраску. Если по делам не было окрасок, то таковые тройка не рассматривала и направляла на следствие.

Я лично проявил инициативу в освобождении Павловской Нины Федосеевны и начальник отдела. Павловская была арестована по показаниям одного киевлянина, [который] якобы вербовал Павловскую в «Просвиту». Имея эти материалы, я зашел к Поясову, где и был КАРАМЫШЕВ, доложил им, и КАРАМЫШЕВ распорядился доставить её в кабинет Поясова, и её доставили. После нашей беседы с Павловской, убедившись, что на неё никаких материалов нет, мне было предложено написать постановление об освобождении её, и утром она был освобождена. Я не могу себе представить и [это] не соответствует действительности, чтобы КАРАМЫШЕВ взял к себе на квартиру Павловскую, где она, якобы пробыла трое суток.

Павловская была больна, до утра была в дежурной комнате. Никакой инициативы КАРАМЫШЕВА в её освобождении не было. Я лично ставил этот вопрос.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ВОЛОШИН:

В начале в 1939 г. по распоряжению КАРАМЫШЕВА я вместе с Поясовым выехал в Кировоград для проверки расследования дел по 3-му отделу и указать на месте, какие необходимо принять меры к быстрому окончанию дел. Когда мы приехали в Кировоград, то на месте выяснили целый ряд извращений различного характера по делам арестованных, и по прибытии в Николаев я докладывал рапортом КАРАМЫШЕВУ, который возмущался таким состоянием. Какие были приняты КАРАМЫШЕВЫМ меры, мне неизвестно.

Мне известно, что из особого отдела в 3-й отдел УНКВД по линии РККА было передано 15–18 следственных дел. По ним мы вели следствие, и когда закончили, то направили их в Киев.

Один из арестованных, который находился в Кировограде, написал заявление, что его при допросе сильно избивали, и когда я доложил об этом КАРАМЫШЕВУ и Поясову, то они удивлялись, что к арестованным применяют физические меры. После проверки ряда дел мы три человека освободили, а остальные дела передали в особый отдел.

Я не помню такого случая, чтобы я присутствовал в кабинете КАРАМЫШЕВА, когда был вызван на допрос Наливайко.

Мне лично неизвестно, чтобы КАРАМЫШЕВ на оперативном совещании относился критически по отношению партийных органов. На совещании я вообще присутствовал.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

О засорённости суда и прокуратуры КАРАМЫШЕВ рассказывал после приезда из Киева, и тогда он говорил, что в Киеве много арестовано работников суда и прокуратуры, при этом ругал ТРУШКИНА, что у него по этому участку работы ничего нет.

Я не слышал, чтобы КАРАМЫШЕВ говорил на совещании, что можно арестовать без санкции прокурора. Незадолго после приезда КАРАМЫШЕВА из Киева был арестован Онищенко, дело которого вёл 2-ой отдел, а Винницкий что-то путает.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Шкляров принес заявление Онищенко на 8[-ми] листах и, зайдя к Волошину, он показал это заявление, но Волошин порекомендовал пойти к Сараеву, т. к. ему некогда. Когда Шкляров зашел к Сараеву, то в это время пришел Волошин, и здесь Волошин сказал, что нужно добиться от Онищенко показаний о его террористических намерениях и, что он – троцкист.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

С такой формулировкой, как сейчас сказал Винницкий, я согласен. Я действительно тогда сказал, что Онищенко – троцкист.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ВОЛОШИН:

Щербина никогда не заявлял мне, что к нему применяли физические меры воздействия. Вначале дело Щербины вёл Винницкий, но Винницкому он никаких показаний не дал, после чего Щербину передали для дальнейшего допроса ВОРОНИНУ, и у него вскоре он стал давать показания о том, что он – член право-троцкистской организации.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Протокол допроса по делу Бабенко корректировал ВОЛОШИН, причём это было тогда, когда речь шла о прекращении дела Бабенко. Откорректированный Волошиным протокол допроса я переписал и Бабенко подписал.

Оглаш[ается] л. д. 135 том 8, объяснение Сычкова от 22.V.1939 г. в адрес особоуполномоченного НКВД УССР.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Я не могу сейчас сказать, к какому периоду времени что относится, но я корректировал протокол допроса по делу Бабенко. Я помню, что по некоторым делам Военная коллегия указывала на неправильность составления протоколов допроса, и с тех пор все взялись за корректировку протоколов – на политические искажения в составлении протоколов допроса.

На вопросы ВТ свид[етель] СЫЧКОВ:

В этот период времени было много молодых работников и поэтому очень часто приходилось обращаться к старым оперативным работникам, имеющим опыт на оперативной работе. В данном случае мне приходилось

обращаться за помощью к Волошину перед тем, как дать на подпись протокол допроса арестованному. Волошин был хорошо грамотен и помогал исправлять ошибки, стиль.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ВОЛОШИН:

Наливайко был арестован 3-им отделом и его дело во 2-й отдел не передавали, но я что-то припоминаю, что во 2-м отделе на Наливайко были какие-то материалы.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

До того, как я перешел на работу в оборонный отдел, на Наливайко имелись какие-то материалы, и он, Наливайко, сам написал заявление, в котором указал, что он – итальянский шпион. Когда я его стал допрашивать, то он отказался от заявления, которое он написал собственноручно. Впоследствии Наливайко был освобождён из-под стражи.

Мне известно, что Злобинский, который приезжал из Киева, ударил Наливайко абонентской книгой по голове.

Свидетель ВОЛОШИН:

Наливайко был арестован по указанию начальника 3-го отдела Наркомата Ратынского, но кем и каким отделом он был арестован, я не знаю.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу сказать Трибуналу о том, что Щербину я не избивал, но один раз, во время допроса, взял его на шиворот и тряхнул.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ Юзеф Семёнович, рождения 1906 г., член ВКП(б) с 1932 г., в органах НКВД с 1931 г., в данное время работаю нач[альником] отделения ЭКО УНКВД Николаевской обл., сержант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В сентябре месяце 1939 г. я от Федоровского получил групповое следственное дело по обвинению Бранта, Бабаева, Садомова, Беккера и Наместюка. По делу было установлено, что Наместюк по выписанному рецепту Брантом медного купороса для овец дал увеличенную дозу, в результате чего произошёл падеж 500 штук овец. В деле имелись протоколы Бранта и Беккера, в которых они признали себя виновными во вредительстве. Допрос их производили Козачук и Винницкий.

В показания Бранта о том, что Наместюк причастен к антисоветской организации, я не верил. Когда я обратился с этим вопросом к Федоровскому, чтобы получить у него совет, то он сказал, чтобы я пошел к ТРУШКИНУ. Когда я обратился к ТРУШКИНУ и сказал ему о сомнениях «вербовки» Брантом Наместюка, то ТРУШКИН стал обвинять меня в нечекистском подходе к делу и требовал, чтобы я получил от Наместюка показания.

После допроса Наместюка я дал ТРУШКИНУ протокол, который он откорректировал и дописал о принадлежности Наместюка к к-р организации. Откорректированный протокол я переписал и Наместюк подписал его без возражения. Несмотря на то, что Наместюк подписал показания, я все же сомневался в правдивости их, потому что Наместюк работал в совхозе всего один месяц и попал на работу в совхоз после окончания

института. Ему в то время было всего 18 лет. Я доказывал ТРУШКИНУ, что не могло быть, чтобы Наместюк был завербован в к-р организацию, и чтобы он совершил диверсионный акт, но ТРУШКИН не соглашался со мной и говорил: «Не может быть, чтобы Наместюк не знал, какую необходимо дать дозу медного купороса, т. к. он только что окончил институт».

[Когда] давал я Наместюку на подпись откорректированный ТРУШКИНЫМ протокол допроса, он плакал и говорил, что это неверно, но всё же этот протокол допроса Наместюк подписал.

Когда дело было закончено, то я стал просить ТРУШКИНА разрешить мне лично доложить дело Наместюка на тройке, однако, несмотря на то, что была выписана повестка, где я значился докладчиком по делу, всё же ТРУШКИН сам доложил дело на тройке. После рассмотрения на тройке дела ТРУШКИН зашел ко мне и сказал: «Успокойся, Наместюк получил 10 лет». Вскоре после этого я уехал из Николаева.

Оглаш[аются] л. д. 190–193 том 5, протокол допроса Лейзеровского.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Эти показания о Наместюке я подтверждаю полностью. Я говорил ТРУШКИНУ, что Наместюк невиновен, но ТРУШКИН и слушать меня не хотел.

Помню, по делу Броуна я говорил ТРУШКИНУ, что на него нет никаких материалов, и говорил ТРУШКИНУ, что его нужно освободить. ГАРБУЗОВ тоже согласился со мной и, несмотря на это, ТРУШКИН сказал, что освобождать нельзя и предложил мне взять другое дело.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Бранта и Бабаева допрашивал я. Кроме того, что они сами дали о себе показания, других показаний не было. До меня кто-то допрашивал Бранта, Садомова и Бабаева, но кто, я точно не знаю. Это дело я принял от Козачука в сентябре месяце.

Все протоколы допросов по этому делу корректировались ТРУШКИНЫМ, после чего я их переписывал и давал на подпись обвиняемым. До корректировки протокола допроса между обвиняемыми не было связи, а ТРУШКИН «увязал» их, и получилась к-р организация. Когда Козачук составил протокол допроса, я не помню, но в его протоколе этого не было.

Да, я знал, что это незаконно, но ведь ТРУШКИН был начальником отдела. Я за это понёс дисциплинированное взыскание.

Оглаш[аются] л. д. 201–203 том 5, протокол допроса Лейзеровского.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Дело по обвинению Бранта, Беккера и др. я принял в сентябре м-це 1938 г. В этом деле имелись показания Бабаева, Садомова, Беккера и Бранта от июня м-ца 1938 г., но их при просмотре дела ТРУШКИН откорректировал, а затем я их переписал, но дату указал по первому протоколу допроса, т. е. от июня и июля м-цев. Я не хотел этого делать, но ТРУШКИН сказал: «Поскольку Козачук уехал, то вместо него вы подпишите протоколы допросов». Об этом случае я лично нач[альнику] УНКВД не докладывал, и вообще все сотрудники отдела хорошо это знали.

Подсудимый ТРУШКИН:

Показания свид[етеля] Лейзеровского от начала до конца – лживые. Оглаш[аются] л. д. 82–85 из дела по обвинению Бранта, показание Беккера.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

В показания Беккера я не верю. Не было никаких данных, чтобы Беккер изблещал Наместюка. Когда я принял дело, то на Бабаева и Беккера уже имелись показания.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

В беседе со мной Лейзеровский говорил, что на Наместюка нет никаких материалов, и он никакого отношения не имеет к отравлению овец. Брант показаний на Садова не давал, да и этого не могло быть, т. к. он Садова знал не более как один месяц. Впоследствии Брант дал показания на Садова после применения к нему длительного, непрерывного допроса.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Помню, по Бериславскому району было арестовано 6 человек, обвинявшихся в право-троцкистской организации, и когда мы с ГАРБУЗОВЫМ ездили в тот район и рассмотрели эти дела, то обвиняемые не знали, что такое троцкизм. Все материалы по этим делам мы привезли в Николаев, и КАРАМЫШЕВ дал санкцию на их освобождение. Что-либо плохое о ГАРБУЗОВЕ я сказать не могу. Знаю, что он – хороший работник, пользовался авторитетом у сотрудников.

О длительных допросах мне ничего не известно. Кто и когда ввел «конвейер» – непрерывный допрос арестованных, я не знаю. Наблюдений за арестованными я вести не мог, и сколько они были на допросах, не могу сказать.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

На протоколах допросов Бранта и Беккера вместо Козачука, после переписи со скорректированных протоколов Козачуком и Винницким, я протоколы, как ненужные, уничтожил, будучи уже подписанные мной²¹. Я выполнил это потому, что получил такое указание от ТРУШКИНА. Я предполагал, что моя роль лишь формальная, а за содержание отвечает ТРУШКИН. ГАРБУЗОВ должен помнить об этом – наш спор с ТРУШКИНЫМ.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Я слышал, когда Лейзеровский о чем-то спорил с ТРУШКИНЫМ по делу Бранта и других. Но о чем он спорил, я не знаю, так как в этот спор я не вникал.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я тогда был молодой работник, проработал всего несколько месяцев в НКВД и если бы я тогда пошел к КАРАМЫШЕВУ или Поясову жаловаться на неправильность, то они выгнали бы меня из кабинета. Случаев таких я не знаю, это я так предполагаю.

²¹ Так у документи.

Свидетель КОЗАЧУК Пётр Дмитриевич, рождения 1909 года, член ВКП(б) с 1938 г., в данное время работаю начальником Ново-Пражского РО НКВД, а до этого работал в 4-ом отделе УНКВД в должности пом[ощника] нач[альника] отделения, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В конце июня м-ца меня вызвал ТРУШКИН и сказал, чтобы я выехал в Ново-Троицкий район и провёл следствие о диверсионном акте — отравлении 500 штук овец, который был совершён группой лиц из совхоза. При этом ТРУШКИН сказал, что по приезду в район нужно их арестовать, допросить и направить в Николаев. Я тогда заявил ТРУШКИНУ, что с таким заданием я не справлюсь, поскольку в то время я не был хорошо знаком с оперативной работой, то ТРУШКИН заявил, что мне в помощь выделяется квалифицированный следователь Винницкий.

В конце нашей беседы ТРУШКИН предупредил меня, что когда приедете в район, то Садомова арестовывать не нужно, а под видом вызова его в обком партии обеспечить его приезд в Николаев. Я тогда понял, что Садомов будет арестован, как только приедет в Николаев.

Прибыв ночью в район и зайдя в райотделение НКВД, мы увидели в одной из комнат четырёх человек и спящего м[илицио]нера. Когда разбудил м[илицио]нера и спросил, что это за люди, то он ответил, что эти 4 человека арестованы по делу отравления овец в совхозе. Начальника райотделения НКВД Белова в то время не было, а он находился в командировке. Утром мы пошли на квартиру к Садомову, и по прибытии туда я сказал Садомову, чтобы он приехал в Николаев к секретарю обкома Старыгину. Садомов сказал, что может выехать, и мы направили его машиной с милицейским работником, и по прибытии в Николаев Садомова завезли не в обком партии, а в НКВД, а мы остались в районе и стали вести следствие по делу падежа овец. Брант и Беккер стали сразу давать показания и признали себя виновными, но не признавали это как вредительский акт.

Я хочу добавить, что при отъезде в район ТРУШКИН, давая указания об аресте лиц, сказал, что необходимо вскрыть это дело не только под углом вредительского акта, а под углом существования там к-р организации. При этом он напомнил, что там орудуют враги.

На первом допросе Брант и Беккер сразу дали показания и заявили, что падеж овец они сделали с намерением и определенной целью, но когда мы начали сличать их показания, то между ними никакой связи найти было невозможно, и они не давали никаких показаний на Бабаева и Садомова. В тот же день мы один протокол допроса направили в УНКВД и через сутки получили телеграмму, чтобы мы арестованных направили в Николаев и выехали сами тоже. В то время санкции прокурора на арест ещё не было.

Кроме этого, перед отъездом мы получили из 2-го отдела шифр-телеграмму или отношение, точно сейчас не помню, об аресте Бабаева. В тот же день мы пошли на квартиру Бабаева, но его не было, и когда сделали обыск, то Бабаев приехал, а затем мы его арестовали и направили в

область. При приезде в Николаев мы привезли с собой другой протокол допроса от 4-го июля, и [я] доложил ТРУШКИНУ все материалы по этому делу. Винницкий отказался в дальнейшем вести следствие по этому делу и сказал, что это не его объект обслуживания.

К тому времени в Николаевскую область приехал секретарь ЦК КП(б)У тов. Хрущёв, и тогда ТРУШКИН сказал мне, чтобы я доложил об этом деле тов. Хрущёву, что вскрыта к-р вредительская организация, но, так как мы не добыли материалов к-р содержания на Бранта и Бабаева, и других материалов я не знал, поэтому я отказался от такой информации тов. Хрущёву. После этого я зашел к ГАРБУЗОВУ, поговорил с ним об этом деле, то он сказал: «Это неверно, что Вас посылают докладывать тов. Хрущёву такое дело». Я удивился, почему никто из руководства УНКВД не хотел сделать по этому делу информацию тов. Хрущёву. За то, что я отказался докладывать дело Бранта и др. тов. Хрущёву, ТРУШКИН стал мне угрожать и ругать, после чего я доложил об этом КАРАМЫШЕВУ, и он сказал: «Не нужно, уже поехали докладывать тов. Хрущёву материалы». Как впоследствии мне стало известно, Белов и секретарь обкома Старыгин докладывали это дело тов. Хрущёву. Я тогда боялся, что за отказ от доклада материалов тов. Хрущёву меня арестуют, и всё время этого ожидал.

На вопросы ВТ свид[етель] КОЗАЧУК:

Я вместе с Винницким производил допрос Бранта и Беккера, и первый протокол допроса сразу же направили в область. Белов по овцеводческому делу никого не допрашивал. Когда мы приехали, то ТРУШКИН откорректировал протокол допроса, и я его переписал. Это на Беккера от 4-го июля. Корректировал ли Трушкин протокол допроса Садова, я не знаю.

Откорректированный протокол допроса я давал на подпись арестованным, и они подписывали. Дело о падеже овец мне передал ТРУШКИН, и по его указанию производили следственные действия. В своих показаниях Бабаев говорил о причастности к к-р организации, но уже после 9-ти-суточного непрерывного его допроса, а до этого он не давал показаний.

Брант и Беккер позже стали показывать, что они когда-то работали в Аскании-Новая и по заданию каких-то лиц были вовлечены в к-р организацию.

Как-то во время допроса Бабаева вошел ТРУШКИН и, обращаясь ко мне, сказал: «Почему он сидит?» и тут же сказал Бабаеву: «Встаньте», и поставил Бабаева в угол на стойку.

Никаких материалов на Бабаева и Садова ТРУШКИН мне не давал.

Дело Бранта, Бабаева и других я сдал Лейзеровскому 24 августа 1938 г. Где мои первичные протоколы допросов Бабаева, Бранта и других, я не знаю, но, по-моему, они должны быть в деле.

Второй протокол допроса я и Винницкий составили за день до выезда, т. е. 4-го августа. Этот протокол был отпечатан на машинке и нами подписан. С приездом в Николаев я все дело передал ТРУШКИНУ. В районе Брант и Беккер не давали признания о своем участии в к-р организации, но признавали свою вину за падеж овец и что это вредительство. Не

давали они показания об участниках к-р организации и как о вредительстве на Бабаева и Садомова.

Оглаш[ается] л. д. 23-24 том 6, показание свидетеля КОЗАЧУКА.

Свидетель КОЗАЧУК:

Будучи вызван на допрос в НКВД УССР, я пояснил, что моих протоколов допроса Бранта в деле нет. Лейзеровскому я сдал дело 24-го августа. Протоколы с датами до 24-го за его подписями сфальсифицированы. Его тогда и не было в отделе.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КОЗАЧУК:

Такого протокола допроса Бранта и Бабаева, в котором говорилось бы о том, что они – участники к-р организации, я не писал, и они не показывали, и вообще Бабаева в районе я не допрашивал. Беккер и Брант позже дали и подписали показание о их виновности в падеже овец и якобы они получали такое задание от Нурина.

Все протоколы допросов в области корректировались ТРУШКИНЫМ.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я с Козачуком первый протокол допроса направил из района в область в двух экземплярах, а по приезде в Николаев мы привезли второй протокол допроса. Некоторые протоколы допросов мы подписывали оба с Козачуком, а в одном случае написали, что допрос происходил в присутствии начальника РО НКВД Белова.

Свидетель КОЗАЧУК:

Протокол от 4-го июля, который я привёз с делом, передал ТРУШКИНУ. ТРУШКИН сам корректировал его и вёл линию на к-р организацию. Допрос Беккера производился в день отъезда из района.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Протоколы допросов, которые корректировал ТРУШКИН, переписывались мной, а исправленный протокол – черновик Козачука и Винницкого – я уничтожил по указанию ТРУШКИНА.

Подсудимый ТРУШКИН:

Протоколы корректировать вторично не было никакой необходимости, и этого я не делал. Вообще все протоколы допросов с исправлениями должны храниться, и они, вероятно, есть.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КОЗАЧУК:

В районе аресты оформлял я. Дело передал ЛЕЙЗЕРОВСКОМУ 24 августа.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Меня ТРУШКИН заставлял подписывать протоколы допросов и постановления. Причём разница в датах постановления была в 2–3 дня.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

В Ново-Троицкий район я с Козачуком приехал 28 июня 1938 г. На Беккера и Наместюка мы в районе взяли санкцию прокурора на их арест и выехали из района 4–5 июля.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

На Бабаева я брал санкцию на арест в областной прокуратуре.

Председательствующий удостоверяется, что на л. д. 14 из дела Бранта и др. имеется постановление областного прокурора от 4-го июля 1938 г. об аресте Бабаева.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Мне ТРУШКИН сказал, чтобы я написал постановление о привлечении Бабаева к уголовной ответственности и аресте его. Первоначальные даты ставил по указанию ТРУШКИНА. Принял от Козачука 22–24-го августа.

Откорректированный ТРУШКИНЫМ протокол допроса – черновик – я уничтожил, а уничтожал уже после того, как переписал начисто. Было написано много, больше, чем было в протоколе Винницкого–Козачука.

На вопросы ВТ свидетеля КОЗАЧУК:

Дело по обвинению Барсукова было у ТРУШКИНА, но я по этому делу по указанию ТРУШКИНА производил допрос. Барсуков был у меня на допросе дней 13 непрерывно. Барсукова допрашивал также Калюжный. Я не помню, при каких обстоятельствах Барсуков дал показание «о признании». Впоследствии ТРУШКИН сказал, что всех их нужно увязать по заводу № 200 в одну к-р организацию. ТРУШКИН тогда сказал, что Барсуков, Мацковский, Даннекер, Чернохатов и Комаровские²² – это одна группа. ТРУШКИН говорил, что если он арестован, это значит – враг. Вообще в то время я не имел права высказывать своего мнения и должен был выполнять всё то, что скажет ТРУШКИН. Были случаи, когда во время допроса арестованного ТРУШКИН заходил и в присутствии арестованного, обращаясь к следователю, говорил: «Такой протокол не годится», давая понять этим арестованному, что нужно давать показание «о признании».

К Барсукову я не применял физических мер воздействия.

Оглаш[ается] л. д. 94 том 10, протокол разбора след. дела Даннекера и др.

Свидетель КОЗАЧУК:

Я сейчас вспоминаю, что Фомин дал показание на 156 человек как участников антисоветской право-троцкистской организации. Фомин длительно допрашивался, его не били, я этого не видел и не слышал от других. Он сам писал на других, его показаниям верили.

Объявляется 10-минутный перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Свидетель ПОБЕРЕЖНЫЙ Юда Маркович, 1903 г., член ВКП(б), нач[альник] след. части УНКВД Дрогобычской обл., в органах НКВД работаю с 1938 г., с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

По данному делу я могу рассказать суду о том, что на партийном собрании УНКВД после получения постановления ЦК ВКП(б) и СНК [СССР] от 17 ноября 1938 г. мы обсуждали, какие у каждого имелись ошибки в работе и каким образом необходимо их исправлять. Помню,

²² У документі – Комаровских.

тогда обсуждался вопрос о неправильных арестах граждан по Ново-Троицкому району, в результате чего много было освобождено.

На вопросы ВТ свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

По делу Чучмана я ничего не знаю. По делу Бражникова мне известно следующее. В июне или июле месяце 1938 г. меня вызвал [ТРУШКИН]²³. Когда я к нему зашел в кабинет, то увидел директора совхоза «Радсад», и здесь этот директор стал рассказывать о том, что якобы его вербовал в повстанческую организацию Бражников. После этого ТРУШКИН сказал, чтобы немедленно выписал постановление об аресте Бражникова. Я возразил ТРУШКИНУ и сказал ему, что на основании заявления директора совхоза арестовывать Бражникова нельзя, т. к., возможно, он говорит неправду. Тогда ТРУШКИН вызвал Гохмана и приказал ему арестовать Бражникова.

Докладывая ТРУШКИНУ следственные материалы на Бражникова, я ему сказал, что никаких компрометирующих материалов на Бражникова не имеется, и предложил его освободить. ТРУШКИН не согласился с моим мнением, и Бражников продолжал находиться под стражей.

По делу Бражникова два или три сотрудника допросили ряд лиц, ездили в район по месту жительства Бражникова, откуда привезли дополнительные материалы на Бражникова и, несмотря на это, ТРУШКИН не согласился освобождать Бражникова.

После этого я пошел к Поясову и добился освобождения Бражникова из-под стражи. По делу Гайзера мне известно следующее: как-то, будучи в кабинете КАРАМЫШЕВА, зашел ТРУШКИН, а затем – нач. оборонного отдела Ефремов, и там произошёл спор между ТРУШКИНЫМ и Ефремовым, кто должен арестовать Гайзера, т. к. материалы были в обоих отделах. ТРУШКИН тогда перехитрил Ефремова, и пока они спорили, то до этого ТРУШКИН дал задание своим работникам арестовать Гайзера, что было проделано.

Я лично докладывал бывш[ему] нач[альнику] Управления Юрченко в присутствии ГАРБУЗОВА, что на Гайзера нет никаких материалов, и прислал его освободить. Впоследствии Зельцман написал постановление и Гайзер был освобождён.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

По делу Гайзера я писал постановление об освобождении его из-под стражи. Агразработка на него была основанием на арест. Позже изменилась обстановка.

Оглаш[ается] л. д. 173 том 6, показания Побережного.

Свидетель ПОБЕРЕЖНЫЙ:

По делу Чучмана я тоже кого-то допрашивал.

ТРУШКИН посылал меня в район расследовать дело с падежом овец, но поездка была отложена, поехал Козачук, а я был вызван в Киев.

Я помню, был разговор перед октябрьским торжеством арестовать Жерноклюева, Борткевича, и они тогда были арестованы. Впоследствии, как выяснилось, никаких материалов к аресту Жерноклюева не было. О

²³ У документі речення не закінчене.

Муратове мне ничего не известно. Я видел его только после освобождения из-под стражи и с ним разговаривал.

По делу Гришко мне известно следующее: как-то меня вызвал к себе в кабинет КАРАМЫШЕВ и спросил у меня, какие имеются на Гришко материалы, то я ответил, что на Гришко имеется дело-формуляр. В этом же деле имелся материал о том, что Гришко – якобы сын кулака, но когда проверили, то это не подтвердилось.

Однако во 2-м отделе позже на Гришко был получен материал о том, что он, будучи в Одессе в институте, якобы был связан с врагами народа, но в чём конкретно у него заключалась связь, таких материалов не было. Всё же ТРУШКИН хотел арестовать Гришко и доложил материалы КАРАМЫШЕВУ, но Гришко арестован не был.

С делом и протоколом допроса Чучмана я вообще не был знаком. Я от ТРУШКИНА получил указание поехать в Ново-Троицкий район и арестовать там лиц по совхозу им. Фрунзе, а Садова и Бабаева после их ареста привезти в Николаев в УНКВД. Было ли дело Чучмана, Бабаева, Садова одним делом, я сказать не могу. На Садова и Бабаева к моменту их ареста ТРУШКИН мне материалов не давал.

Справка на Гришко была написана в черновике, но с арестом его ничего не выходило, тогда ТРУШКИН дал направление на Василенко и хотел через него «прорваться» на к-р организации, но на него тоже никаких материалов не было, всё же тогда было арестовано несколько человек, а впоследствии они были освобождены. Я помню, что Черкес ходил к ТРУШКИНУ и говорил ему, что на этих лиц нет никаких материалов, и не хотел арестовывать.

Кроме этого, я тоже обращался к КАРАМЫШЕВУ на неправильные действия ТРУШКИНА, то КАРАМЫШЕВ сказал: «Разберитесь хорошенько с материалами и доложите». После этого я написал постановление, и освободили несколько человек.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

Сельхозотдел в УНКВД выделился в конце июля или в начале августа 1938 г., а Бражников был арестован в июне, и позже, дней через 10, в конце июня месяца был арестован Василенко. Дело Гайзера было всё время во 2-м отделе. Среди арестованных по совхозу им. Фрунзе было 6–7 человек членов и кандидатов партии. Я тогда сам освободил в районе 3–4 человека, а остальные были освобождены в Николаеве. Когда я приехал из района, то доложил все материалы КАРАМЫШЕВУ и сказал, что мной освобождено несколько человек. КАРАМЫШЕВ, ознакомившись с этими материалами, одобрил моё решение об освобождении и сказал, что я сделал правильно.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить суду о том, что Бражников был освобождён Побережным. Бражникова дело во 2-м отделе находилось не больше чем полторы недели, а затем, когда из 2-го отдела выделился сельско-хозяйственный отдел, которым временно руководил Побережный, то дело Бражникова было передано Побережному.

Санкция на арест Гайзера была дана НКВД СССР и НКВД УССР. Верно, мы туда сообщали все имеющиеся на Гайзера материалы, и через два дня после ареста Гайзера он вместе с материалами был направлен в Киев. Помню, что Побережный жаловался КАРАМЫШЕВУ и не хотел арестовывать Гришко.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Гришко прошел по показаниям в Одессе, которые были присланы нам. В связи с полученными этими материалами из Одессы я вызвал Побережного и ТРУШКИНА, которых спросил: «Какие у нас имеются материалы на Гришко?». Зная, что Гришко – депутат Верховного Совета СССР, то на арест его нужны были вполне проверенные материалы, но таковыми мы в достаточной мере не располагали, и поэтому я сказал, что нужно подобрать более веские материалы, после чего разрешить вопрос о его аресте, санкции я не дал.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я говорил в присутствии ряда сотрудников о том, что арест Гришко нецелесообразный, т. к. на него было мало материала. Дело Василенко находилось в сельхозотделе, и Побережный его освобождал. С делом Жерноклюева Побережный не был знаком, и он по этому вопросу ничего не знает.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

Да, я подтверждаю, что Лившиц за фальсификацию дел был привлечён к судебной ответственности в бытность нач[альника] УНКВД КАРАМЫШЕВА по материалам ГАРБУЗОВА.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

Я не знаю таких фактов, чтобы доступ к КАРАМЫШЕВУ был запрещён. Наоборот, КАРАМЫШЕВ почти со всеми беседовал и давал указания в работе.

Свидетель ЧЕРКЕС Тарас Тихонович, рождения 1906 г., член ВКП(б) с 1931 г. В 1938 г. работал по мобилизации в органах НКВД в 9-ом отделе и подчинялся ТРУШКИНУ, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК, показал:

По делу мне известно то, что в июне или в июле 1938 г. был арестован Бражников, который впоследствии был освобождён. Бражников был арестован на основании заявления директора совхоза Жугайло. В этом заявлении говорилось о том, что якобы Бражников вербовал в антисоветскую организацию, и проводит подрывную работу в совхозе. Других каких-либо материалов на Бражникова в отделе не было. Всё же, по указанию ТРУШКИНА Бражников был арестован и впоследствии был освобождён из-под стражи. Я тогда требовал привлечь к уголовной ответственности за клевету директора совхоза Жугайло, но ТРУШКИН сказал: «У нас нет оснований не верить Жугайло, идите и допрашивайте Бражникова». Таким образом, Бражников неосновательно находился под стражей полтора–два месяца. В то время я, Шкляр и Побережный ездили в район и проверяли работу Бражникова, и ТРУШКИН не согласился освободить

Бражникова. Это было до постановления ЦК ВКП(б) и СНК [СССР] от 17 ноября [1938 г.].

В тот период мне было известно несколько случаев неправильных арестов граждан. Помню, на одном из оперативных совещаний выступил сотрудник Гохман, который сказал, что «мы арестовываем кого не нужно, всякую мелочь, вот нам нужно таких тузов, как Василенко из ОблЗУ, а они ходят на свободе». В этот же вечер, после совещания, Гохман составил справку на Василенко и в ней указал, что Василенко «является участником антисоветской организации», несмотря на то, что таких данных в УНКВД не было. В результате Бражников просидел под стражей 2 с лишним месяца, а затем его освободили. ТРУШКИН дал санкцию на арест Бражникова.

Мне также известно, что со стороны Гохмана была проявлена активность к аресту Гришко. На него были какие-то материалы, в которых говорилось о том, что он – кулак, но впоследствии это не подтвердилось.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЧЕРКЕС:

Я лично обращался к ТРУШКИНУ по вопросу неправильности ареста Бражникова и просил дать санкцию на освобождение Бражникова, но ТРУШКИН со мной не соглашался.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу сказать суду о том, что Бражников числился за моим отделом всего одну неделю. А при выделении сельхозотдела он с материалами был передан Побережному. Помню, что Бражникову была дана очная ставка с Жугайло, от которого мы получили заявление, и на этой очной ставке Жугайло подтвердил свое заявление, а Бражников отрицал. Других материалов на Бражникова не было. Я больше верил Жугайло.

На вопросы ВТ свид[етель] ЧЕРКЕС:

По приезде с района я доложил Побережному материалы на Бражникова. В этих материалах ничего плохого не было. На мой вопрос Побережному, чтобы от доложил ТРУШКИНУ материалы на Бражникова, Побережный не захотел докладывать, после чего я сам пошел к ТРУШКИНУ, доложил ему материалы и высказал свое мнение, что нужно освободить Бражникова.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

В район для проверки материалов мог послать Побережный, я не посылал и не помню, докладывал ли Черкес мне материалы на Бражникова после его приезда с района.

На вопросы ВТ свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

Кажется, я сам докладывал ТРУШКИНУ и Поясову привезённые из района материалы Черкесом, и ТРУШКИН не хотел освобождать Бражникова.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Я это категорически отрицаю.

Свид[етель] ГОНЧАРОВ Григорий Львович, работаю пом[ощником] нач[альника] управления Госбанка по инкассации, а до этого работал пом[ощником] нач[альника] УНКВД Николаевской обл., с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных

показаний по ст. 89 УК и на вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА отвечал:

К работе тройки я непосредственного отношения не имел. Мне КАРАМЫШЕВ поручил за последний период времени работы тройки проследить за чёткостью работы коменданта. КАРАМЫШЕВ принимал меры к тому, чтобы было правильно налажено исполнение протоколов тройки, чтобы не было неправильности. За всем этим я вёл наблюдение.

Я не знаю почему, но мне КАРАМЫШЕВ поручал просматривать материалы следствия по милиции, которые шли на тройку. По этим делам я часто беседовал с Поясовым. За сроки исполнения решений тройки [в отношении лиц], приговорённых к ВМН, нёс ответственность комендант. Я лично за этим следил, и никаких нарушений к личности заключённых тогда не было. КАРАМЫШЕВ часто вызывал меня и спрашивал, есть ли недочёты, и я ему отвечал, что всё в порядке. Кроме этого, КАРАМЫШЕВ давал мне отдельные поручения по работе тройки, и я их выполнял. Комендант жаловался на частые несовпадения данных осуждённого, а это тормозило приведение в исполнение решений тройки. Больше всего за сроками исполнения решений тройки вёл наблюдение зам[еститель] нач[альника] УНКВД Поясов.

Помню, КАРАМЫШЕВЫМ было поручено мне и Поясову проверить несколько дел после заседания тройки, в чём-то он их заподозрил. После проверки дел на несколько человек оказалось, что они неверно были осуждены, и когда я говорил с КАРАМЫШЕВЫМ, то он сказал, что его подвели докладчики, а кто, он не сказал. Эти дела, как мне известно, снова ставились на тройку для пересмотра. Кроме того, мне известно, что подготовкой дел на тройку занимались пом[ощник] обл. прокурора по спец. делам и зам[еститель] нач[альника] УНКВД Поясов. Такой порядок установил КАРАМЫШЕВ. После получения августовской директивы о проверке вынесенных решений судебными органами КАРАМЫШЕВ распорядился составить проект для пересмотра дел, и по составлению мной этого проекта было суждение обкома на освобождение около 2000 человек²⁴. Тогда речь шла об исправлении допущенных ошибок, и КАРАМЫШЕВ этому делу уделил большое внимание.

Трубия, кажется, допрашивали КАРАМЫШЕВ и Поясов, но по этому делу я ничего не знаю. Я чувствовал себя не в себе, ничем не интересовался. В моём присутствии они допрашивали Трубия. КАРАМЫШЕВА я знаю по работе ещё с 1933 г. Кроме этого, с ним вместе был на курсах политработников, где он был одним из выдающихся в учебе. Здесь, в Николаеве, КАРАМЫШЕВ пользовался среди работников города и обкома большим авторитетом. Я лично порицал КАРАМЫШЕВА за его излишнюю доверчивость, и он бы не сидел сейчас, если бы не доверял Поясову и ТРУШКИНУ. Когда приезжала комиссия с зам[естителем] наркома Горлинским для проверки работы УНКВД, то Горлинский очень хорошо отзывался о работе КАРАМЫШЕВА и в целом о работе УНКВД.

²⁴ Так у документі.

Насколько мне известно, взаимоотношения КАРАМЫШЕВА с Успенским были неважные. Многие знали в Управлении о том, что Успенский выгнал КАРАМЫШЕВА из кабинета и ненавидел его. Когда приезжал Успенский в Николаев, то за всем им обращался к Поясову, и при отъезде его КАРАМЫШЕВ неважно отзывался о нём, и даже думали, что после совещания КАРАМЫШЕВА арестуют. На оперативном совещании в УНКВД Успенский игнорировал работу КАРАМЫШЕВА, восхваляя при этом Поясова. Почему это так, я объяснить не могу.

На вопросы ВТ свид[етель] ГОНЧАРОВ:

Запрещения пропускать по тройке шпионов национальностей Союза я не знал. Я не могу по делам дать оценку, что было законно, и что было незаконно. Какие профессии нельзя было пропускать на тройку, я не знаю. Задержка в исполнении решений тройки не зависела от коменданта, нужна была точность данных об осуждённых, а путали отделы, путала и тюрьма. Какое тогда было положение в камерах, я сказать не могу, ибо следствием я в то время не занимался. О фактах избиения и допросов уже осуждённых к ВМН мне не было известно. КАРАМЫШЕВ был требователен и пользовался авторитетом в парторганизации и гр[ажд]ан города.

Свид[етель] ЕФРЕМОВ Константин Иванович, член ВКП(б), сейчас работаю пом[ощником] директора по найму завода им. Марти, до этого работал нач[альником] 7-го отдела УНКВД Николаевской области, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК и на поставленные ВТ вопросы пояснил:

Через несколько дней после произошедшего на 3-де пожара я пришел на работу на завод им. Марти. Знакомясь с заводом, я обнаружил ряд недостатков. Противопожарные мероприятия были в плохом состоянии. После этого на завод приезжал КАРАМЫШЕВ и делал обследование. Впоследствии он доложил все материалы в обкоме КП(б)У, и тогда обком вынес решение об очистке 3-дов. На 3-дах № 200 и № 198 был ряд безобразий, например: на 3-де № 200 рядом с ж. д. веткой находилась нефтебаза, и от проходящих паровозов могли выбрасываться искры, от чего мог быть в любое время пожар. Лишь благодаря вмешательству УНКВД всё это было устранено. На 3-де № 198 вся территория была засорена лесоматериалами.

Мне известно, что по указанию КАРАМЫШЕВА ряд сотрудников почти не выезжали с заводов. КАРАМЫШЕВ сам очень много уделил внимания заводам, часто сам приезжал на заводы и на месте наметил ряд мероприятий по улучшению работы заводов.

Помню, что специалисты 3-дов, которые были арестованы нами по указанию УНКВД, использовались для работы, что дало положительные результаты. Тогда был намечен ряд мероприятий в конструкции серий ледоколов. Помню, что на этой работе был использован арестованный инженер по кораблестроению Смирнов. Это было одобрено и НКВД СССР.

Какая была проведена работа УНКВД до приезда КАРАМЫШЕВА, я сказать не могу, но с приездом его в Николаев, я могу сказать, что

оперативная и агентурная работа поднялась как по району, так и в УНКВД. Особенно агентурной работе КАРАМЫШЕВ уделял много внимания.

Будучи с КАРАМЫШЕВЫМ в 1932–1933 гг. на учебе в Академии, он был одним из лучших, хорошо занимался, был парторгом. Среди сотрудников и трудящихся города КАРАМЫШЕВ пользовался должным авторитетом. Был избран депутатом Верховного Совета УССР.

В 17 часов объявлен перерыв до 19 часов, после чего судебное заседание продолжается.

Председательствующий предъявляет свид[етелю] КОЗАЧУК[У] на л. д. 88–94 из дела Бранта и др. протокол допроса обвиняемых Бабаева и Беккера от 4-го июля 1938 г.

На вопросы ВТ свид[етель] КОЗАЧУК:

Этот протокол допроса писал я. В то время говорили, что на Бабаева были какие-то материалы. Насколько вспоминаю, Бабаеву, кажется, дали очную ставку с Садовым. Беккера я допрашивал суток 14 с перерывом на обед для меня. Во время допроса Беккер всё время стоял, а если он согласен был дать показание, то ему разрешали садиться, и он писал. Я лично на Бабаева не нажимал, а вообще такие длительные допросы являлись результатом отказа от «признаний» подсудимых. Вообще мне неизвестно, чтобы кто-либо избивал арестованных. ТРУШКИН только говорил, чтобы арестованные были на стойке.

Председательствующий предъявил свид[етелю] КОЗАЧУК[У] на л. д. 172–174 из дела Бранта и др. протокол очной ставки между обвиняемыми Бабаевым и Беккером от 20 июля 1938 г.

Свидетель КОЗАЧУК:

Этот протокол допроса писал я, и присутствовал Заикин. Почему в этом протоколе нет подписи Заикина, я сказать сейчас не могу. Помню, что при допросе Бабаева Садовым избличал его. Были ли тогда применены к Садовому какие-либо меры физического воздействия, я не знаю. Беккера я допрашивал с Винницким один раз в период с 28 июня по 4 июля 1938 г. включительно.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Да, я подтверждаю, что вместе с КОЗАЧУКОМ мы производили допрос один раз в период с 28 июня по 4 июля 1938 г.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КОЗАЧУК:

Садова и Бабаева мы в районе не допрашивали. На месте мы допрашивали Бранта и Наместюка по овцеводческому делу. Они тогда на допросе говорили о том, что Бабаев не досмотрел, в результате чего погибло 500 штук овец. О каких-либо «вербовках» в к-р организацию Брант и Наместюк таких показаний не давали.

На вопросы ВТ свид[етель] КОЗАЧУК:

Беккер допрашивался уже по приезду из района вторично. На Бранта и Беккера тогда свидетели кое-что говорили, а на Садова ничего плохого не было. Помню, что тогда по этому делу я вызывал несколько человек из совхоза и допрашивал их в качестве свидетелей, как, например:

я, кажется, допрашивал секретаря парторганизации, редактора политотдельской газеты и ещё кого-то. Допросы их производили в июле м-це.

Оглаш[аются] л. д. 34–43, показания свид[етеля] Бранта от 30 июня 1938 г. из дела Бранта и др.

Свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Этот протокол Бранта от 30.VI. Допрос его производил я с Козачуком в р-не, протокол был написан на 7 листах. Указаний на Бабаева и Садова как на участников к-р организации в этом протоколе не было. Протокол был выслан из района во 2-ой отд[ел] ТРУШКИНУ.

Предъявляются свид[етелю] ВИННИЦКОМУ на л. д. 34–42 отпечатанный протокол допроса по делу Бранта от 30 июня 1938 г. и л. д. 44–63 подлинный протокол допроса Бранта из дела Бранта, Бабаева и др.

Свидетель ВИННИЦКИЙ:

Начало этого протокола – из протокола, составленного нами. Конца 7-ой страницы [и] до 10-ой в нашем протоколе не было, причём протокол подписан не нами, а Лейзеровским, который в то время не работал во 2-м отделе, и он должен знать, откуда появились показания на Бабаева и Садова.

На вопросы ВТ свид[етель] КОЗАЧУК:

Я подтверждаю показания Винницкого, что показаний Бранта в протоколе от 30 июня на Бабаева и Садова не было. Протокол составлен рукой Лейзеровского, который в то время не работал.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Протокол [допроса] Бранта от 30 июня, напечатанный шрифтом районной машинки, я получил от ТРУШКИНА с предложением переписать начисто и получить подпись Бранта. В протоколе было много изменений и добавлений, и будет верно, если сказать, что концовка протокола была дополнена. ТРУШКИН указал, что протокол должен быть прежней датой. Переписывал я протокол вскоре после 24 августа – приёма дел от Козачука. После переписи был вызван Брант, я дал ему прочесть протокол, и он его подписал без возражений.

Старый протокол, составленный Винницким и Козачуком, отпечатанный на районной машинке, ТРУШКИН откорректировал, и после переписи его начисто я уничтожил. Я считал это ненормальным явлением, но обязан был выполнить, никому об этом не донёс, за что получил 20 суток ареста.

Оглаш[аются] л. д. 88–94 – подлинный протокол допроса Беккера от 4-го июля 1938 г. и отпечатанный протокол допроса Беккера – л. д. 81–87 от 4-го июля 1938 г. из дела по обвинению Бранта и других.

Свид[етель] КОЗАЧУК:

Протокол Беккера от 4 июля 1938 г. составлен мной в день выезда из района. Винницкий присутствовал при допросе. Этот протокол допроса привезён мной из района и был передан ТРУШКИНУ. Показание Беккера на Бабаева и Садова как на участников к-р организации Беккер в то время не давал. О себе и Бранте он не признавал как к-р диверсионный акт по гибели овец, а признавал это [как] халатность, граничащую с вредительством. А данный протокол, предъявленный мне в суде,

написан мной с протокола, составленного в р-не после корректировки ТРУШКИНЫМ, но размах их деятельности и окраска преступления как к-р были добавлены ТРУШКИНЫМ. Им же были приписаны вопросы и ответы на Бабаева и Садомова. Дать на подпись Винницкому я не успел, сам подписать его забыл, Беккера вызвал, и он подписал протокол без возражений, было это уже в августе, перед моим уходом, старый протокол, составленный мной в р-не и скорректированный ТРУШКИНЫМ, после переписки мной был уничтожен.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу сказать, что точно такой же протокол допроса, какой был отпечатан в районе, был прислан в УНКВД, и я его не корректировал. Я не поручал ни Козачуку, ни Лейзеровскому переписывать протоколы, они путают и показывают неправду.

На вопросы ВТ свид[етель] КОЗАЧУК:

Возможно, что я по приезде из р-на вызывал на допросы, но это было уже без Винницкого.

Свидетель БЕЛОВ Иван Григорьевич, рождения 1897 г., член ВКП(б) с 1925 г., в органах НКВД работаю с 1919 г., в данное время – в должности нач[альника] Голо-Пристанского РО НКВД, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В июне или июле м-це 1938 г., будучи начальником Ново-Троицкого РО НКВД, в овцесовхозе им. Фрунзе произошло отравление 500 штук овец. Как только мне стало об этом известно, я сразу выехал к месту происшествия, где установил, что молодым техником Наместюком был неправильно составлен раствор для прививки овцам – противоглиста. Тут же я выяснил, что виновны в этом также Брант и Беккер, которых я вместе с Наместюком задержал, доставил их в райотделение НКВД, где поговорил с ними, а сам выехал в Аскания-Нова с тем, чтобы позвонить по телефону в УНКВД и доложить об этом происшествии. Передав об этом в УНКВД, мне сказали, чтобы я выехал в Херсон на оперативное совещание. Пробыв в Херсоне несколько часов, утром, по возвращении в р-н, я застал Козачука и Винницкого, которые приехали для ведения следствия по этому делу. В то время Садомова уже не было в р-не, а он был направлен в область.

На вопросы ВТ свид[етель] БЕЛОВ:

Телеграммы об аресте Бабаева я из УНКВД не получал, но что-то было об аресте Бабаева от ТРУШКИНА.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я помню, что об аресте Бабаева было получено отношение за подписью ТРУШКИНА, где говорилось о том, что после ареста Бабаева доставить его в Николаев.

На вопросы ВТ свид[етель] БЕЛОВ:

До этого в райотделении НКВД на Бабаева и Садомова не было никаких компрометирующих материалов. Не было данных и на Бабаева по показаниям Нуринова. Верно, впоследствии было арестовано несколько человек по институту, но к этому делу Бабаев и Садовов ничего общего

не имели. Чучман был арестован по материалам из Днепропетровска и был направлен в Николаев, где он дал показания о «признании».

Будучи на совещании, ТРУШКИН мне сказал, чтобы я посмотрел у Федоровского протокол допроса Чучмана и сделал себе заметки проходивших лиц по р-ну и произвесте аресты. Когда я прочитал протокол допроса Чучмана, то увидел, что там были бедняки, члены партии, колхозники, и высказал ТРУШКИНУ сомнения в том, что не могло быть, чтобы Чучман «завербовал» такое количество лиц. Кроме того, когда я приехал в р-н, то выяснил, что лица, которые якобы были завербованы Чучманом, до этого резко выступали и разоблачали Чучмана. ТРУШКИН мне тогда сказал: «Не удивляйтесь, враги маскируются», после чего по письменному отношению ТРУШКИНА я произвёл аресты 17–20 чел. и направил их в Херсонскую опергруппу. Через некоторое время меня сняли с должности начальника Ново-Троицкого РО НКВД и за арест этих лиц мне дали 20 суток. Этот приказ был подписан КАРАМЫШЕВЫМ. Обвинили меня, что я арестовал без основания.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Белов был снят и арестован на 20 суток за бездеятельность, он никакой работы тогда не вёл и все запустил.

На вопросы ВТ свид[етель] БЕЛОВ:

Сколько эти 17–20 человек сидели под стражей, я не знаю, т. к. меня отозвали из района для работы в УНКВД, и [я] был назначен нач[альником] ОАГСа. ТРУШКИН часто ругал меня за то, что в р-не не было групповых дел. Кроме этого, ТРУШКИН говорил, что у меня в районе нужно арестовать не менее 300 человек.

Оглаш[ается] л. д. 286 том 4, показания свид[етеля] БЕЛОВА.

Свидетель БЕЛОВ:

Это показание записано правильно. В то время район в целом выполнял сельскохозяйственную компанию хорошо.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] БЕЛОВ:

Ко мне в то время приезжало в р-н несколько сотрудников из 2-го отдела УНКВД и требовали арестовать несколько человек, и когда были названы фамилии, коих хотели арестовать, то я не согласился, т. к. никаких компрометирующих материалов на них не было.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить, что об аресте Бабаева была дана шифртелеграмма и это можно проверить в УНКВД. Я считаю, что Бабаев и Садомов были арестованы вполне обоснованно. Почему этих материалов не оказалось в деле Беккера, Бабаева, Садовой, я сказать не могу. На тройке это дело я докладывал сам. Не помню, были ли на них другие материалы, кроме этих.

На вопросы ВТ свид[етель] БЕЛОВ:

В протоколе Чучмана я не видел каких-либо заметок карандашом. Мне ТРУШКИН предложил арестовать 17–20 человек. Среди этих арестованных были члены партии, предколхозов, предсельсоветов и рядовые колхозники.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я хочу пояснить о том, что писал докладную записку из показаний Чучмана. В его показаниях говорилось о том, что якобы все колхозы района были поражены повстанческими ячейками. Чучмана тогда допрашивали Танфилов и Федоровский.

Подсудимый ТРУШКИН:

В момент ареста Чучмана я находился в Киеве. Он прошел по показаниям арестованных в Днепропетровской области. Верно, когда я приехал и ознакомился с показаниями Чучмана, то дал распоряжение арестовать несколько человек, проходивших по показаниям Чучмана. Перед этим предварительной проверки сделано не было, хотя это и поручалось сделать Белову.

Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ Лидия Петровна, рождения 1910 г., член ВКП(б) с 1939 г., сейчас работаю в должности секретаря 3-го отдела УНКВД Николаевской обл., в органах НКВД с 1935 г., до этого работала машинисткой, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждена об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 ст. УК, показала:

По делу я могу рассказать о том, что мне приходилось печатать протоколы заседаний тройки и другие материалы по работе тройки. Порядок оформления протокола заседаний тройки был такой: в отделе заготавливались повестки по делу в 4-х экземплярах. Во время заседаний тройки эти повестки вручались по одному экземпляру членам тройки, которые писали своё заключение, а затем, после заседания тройки, секретарь тройки Шейнберг собирал от членов тройки повестки и печатали протоколы заседания тройки. Данные брали из следственного дела и кое-что из повесток.

К чему приговорён, брали за основу резолюцию КАРАМЫШЕВА, независимо от того, какие давали заключения на повестках члены тройки. Шейнберг их сличал. После изготовления первых листов протокола вторая машинистка печатала выписки для исполнения. Решения тройки исполнялись раньше, чем оформлялся протокол полностью.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Отпечатанные выписки заверял Шейнберг. Выписки направлялись для исполнения, одновременно с этим изготовлялся протокол, после чего секретарь тройки носил его на подпись членам тройки – секретарю обкома Старыгину и прокурору Ланчуковскому. Чаще всего протоколы заседания тройки подписывали члены тройки после того, как решения тройки уже были направлены для исполнения.

Были отдельные случаи, когда отпечатанные страницы изымались из протокола тройки только потому, что делались исправления, т. е. если кто-либо был осуждён по 2-ой категории, то потом изымали целый лист из этого протокола, а затем отпечатывали снова с указанием, что осуждён по 1-ой категории. Мне кажется, что это делалось по указанию КАРАМЫШЕВА. Я помню, что в повестках членов тройки были расхождения в определении меры наказания, но брали за основу повестку КАРАМЫШЕВА, и Шейнберг после этого ходил выяснять. Что было дальше, я не знаю.

Мне также известно, что в обвинительной части протокола дописывали стандартные фразы как, например: «Распространял провокационные слухи о скорой гибели Советской власти» и т. д., такие формулировки были заучены всеми. По чьему указанию это дописывалось, я не знаю, но Шейнберг самостоятельно, без КАРАМЫШЕВА, этого делать не мог.

Оглаш[ается] л. д. 288 том 5, показание свид[етеля] ФЕВРАЛЬСКОЙ.
Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Такие формулировки в обвинительной части протокола писались всё время.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

В отношении Трубия я могу рассказать следующее: не помню точно, когда, но, кажется, в ноябре 1938 г. я была вызвана в Управление Чайковским и должна была печатать материалы. Это было ночью. Когда я пришла в комнату Чайковского, то в кабинете КАРАМЫШЕВА производили допрос Трубия, там же были Поясов и Гончаров, через несколько минут мне Чайковский вынес первый лист протокола очной ставки Трубия с Гончаровым, который я отпечтала, а затем Чайковский принёс остальные листы протокола. Вместе с этим Чайковский принёс два заявления, которые были направлены с препроводительной в Киев. На следующий день мне стало известно, что Трубий был включен в протокол заседания тройки, но я не помню, чтобы было заседание тройки, по-моему, не было, но Трубий был осуждён по 1-ой категории. Когда был допрос Трубия, и в какой протокол он включен, я не помню.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

По вопросу оформления протоколов заседания тройки мне лично КАРАМЫШЕВ никаких заданий не давал. По смыслу то, что я печатала в кабинете Чайковского, это был протокол «очной ставки» между Трубием и Гончаровым. Я тогда слышала, что в кабинете КАРАМЫШЕВА был какой-то крик, но избивали ли Трубия, я сказать не могу.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Когда Февральскую допрашивали в Киеве, то она говорила, что это был протокол допроса одного Трубия, а не очной ставки Трубия с Гончаровым.

Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Я считаю, что это был протокол очной ставки между Трубием и Гончаровым, хотя и не помню, какой был заголовок – очной ставки или протокол допроса Трубия.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу пояснить Трибуналу о том, что никаких разных мнений членов тройки на повестках заседания тройки не могло быть. Помню, был случай, когда я и член тройки – секретарь обкома написали в повестке «осудить к 10 годам лишения свободы», а член тройки – прокурор написал «расстрелять», а потом прокурор согласился с нашим мнением, и он зачеркнул слово «расстрелять» и вместо этого написал на повестке такое же решение, как и я, и секретарь обкома. Повторяю, что это был единственный случай. На заседаниях тройки всегда была полная договорённость

между членами тройки. Были отдельные споры, но в итоге было одно мнение.

Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ:

На допросе в Киеве я говорила о том, что Трубия во время допроса, возможно, били. Это я заключаю из того, что в кабинете КАРАМЫШЕВА был шум. Бил ли кто-либо его, я сказать не могу.

Оглаш[ается] л. д. 282 том 5, показания свид[етеля] ФЕВРАЛЬСКОЙ.

Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Когда допрашивали в кабинете КАРАМЫШЕВА Трубия, то я в это время находилась в кабинете секретаря Чайковского. Кабинет этот расположен рядом.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я не знаю, на основании каких данных Февральская говорит о том, что Трубий был включён на следующий день в протокол заседания тройки. Это неверно.

Свидетель ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Я помню, что на следующий день я печатала новые протоколы заседания тройки, и в один из них Трубий был включён. Материал на Трубия для включения его в протокол заседания тройки мне давал секретарь тройки Шейнберг. Этот случай я хорошо помню потому, что ночью я печатала протокол Трубия, кроме этого печатала препроводительную с направлением 2-х заявлений Трубия в г. Киев. Я ещё удивлялась, что так скоро всё сделали, ночью допрашивали и днём вынесли решение тройки. Это мне так запомнилось, но ни даты, ни протокола, я назвать не могу.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Какого числа я печатала протокол заседания тройки, в который был включен Трубий, я сейчас не помню. Меня ещё удивило то, что когда Гончаров меня встретил, то почему-то предупредил меня, чтобы я об этих заявлениях Трубия никому не говорила. Я тогда удивилась, почему вдруг предупреждает меня об этом Гончаров, тогда как до этого я писала материалы более серьёзного характера без предупреждения.

Свидетель СУЛИНА Наталья Ильинишна, рождения 1908 г., б/п, в органах НКВД работаю с 1932 г., в данное время – секретарь-машинистка УНКВД, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждена об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показала:

В период с декабря 1937 г. по 10 января 1938 г. мне приходилось печатать материалы по работе тройки. Обычно протоколы заседаний тройки я печатала под диктовку Чернобыльского и Богуславского. Помню, что когда я печатала протоколы заседаний тройки, то по некоторым делам уже были вынесены решения тройки – к чему приговорён арестованный. Были случаи, что если Богуславский или Чернобыльский куда-нибудь уходили, то я сама печатала проекты протоколов.

На вопросы ВТ свид[етель] СУЛИНА:

При печатании протоколов заседаний тройки я при деле видела одну повестку окончательного решения членов тройки. Иногда были случаи, что справка была написана неправильно, то её перепечатывали. Были случаи, что первые решения тройки пересматривались вторично, но в

сторону смягчения меры наказания, а с меньшей меры наказания – на большую, мне это неизвестно.

Оглаш[ается] л. д. 276 том 5, показания СУЛИНОЙ.

Свидетель СУЛИНА:

Это показание я подтверждаю полностью. Помню, что тогда часть дел пересматривали вторично, по коим уже были вынесены решения тройки. При вторичной проверке выяснялось, что повестки не соответствовали материалам дела, и тогда дела направлялись в отделы для доследования.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] СУЛИНА:

По работе тройки я работала с декабря месяца 1937 г. по 10 января 1938 г., видимо, в этот период КАРАМЫШЕВА ещё в Николаеве не было, хотя я об этом и показывала, но всё равно писали, как будто я работала с КАРАМЫШЕВЫМ.

Председательствующий спрашивает подсудимых, не возражают ли они [против того, чтобы] освободить от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания свид[етелей] ФЕВРАЛЬСКУЮ и СУЛИНУ. Подс[удимые] заявили, что они вопросов к СУЛИНОЙ и ФЕВРАЛЬСКОЙ не имеют и считают возможным освободить от дальнейшего присутствия.

ВТ определил:

Освободить от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания ФЕВРАЛЬСКУЮ и СУЛИНУ.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] БЕЛОВ:

Я помню, что в Ново-Троицкий р-н Шкляр и ГАРБУЗОВ приезжали, и ГАРБУЗОВ тогда настаивал на освобождении ряда лиц.

Свидетель ГОТОВЦЕВ Леонид Трофимович, рождения 1903 г., член ВКП(б) с 1931 г., в органах НКВД с 1921 г., в данное время – зам[еститель] нач[альника] УНКВД Николаевской области, старший лейтенант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён от ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

По делу я могу рассказать Трибуналу о том, что после окончания следствия дело по обвинению Трубия направляли на особое совещание в Москву, но таковое было возвращено обратно с предложением рассмотреть это дело на заседании тройки при УНКВД.

Мне Поясов дал распоряжение о том, чтобы я передпросил Трубия в связи с тем, что он написал заявление об отказе им от предыдущих своих показаний о принадлежности его к антисоветской организации. Но Трубий изобличался – как двойник, шпион – одним из агентов германской разведки Гергало²⁵, и затем Трубий, будучи в камере, на него двое арестованных дали показания о его антисоветской деятельности. После окончания следствия дело Трубия было направлено на рассмотрение тройки. До заседания тройки по распоряжению НКВД УССР допрашивали Трубия о его заявлении на бывш[его] нач[альника] РО НКВД, позже пом[ощника] нач[альника] УНКВД Гончарова. От заявления Трубий отказался, его спротоцировали.

²⁵ У документі прізвище помилково взято у лапки. У матеріалах справи – Георгало.

На вопросы ВТ свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

Дело Трубия на тройке докладывали. Это я хорошо помню. КАРАМЫШЕВ ещё в присутствии членов тройки заявил: «Это — порядочная сволочь». Сам порядок оформления дел на тройке мне не известен. Знаю, что сначала составлялись повестки по делам в 4-х экземплярах членам и докладчику, а на четвертом экземпляре докладчик писал окончательное решение тройки. В этой справке писали суть дела, затем давали заключение, после чего из этой справки печатали протоколы заседания тройки.

С приказом № 00606 о работе тройки нас на совещании КАРАМЫШЕВ знакомил. В этом приказе говорилось о том, что на тройке подлежат рассмотрению все дела, независимо от национальности арестованных, обвинявшихся в шпионаже, диверсии и т. д.

Я могу объяснить, что после 1-го августа дела на арестованных еврейской, украинской, русской и белорусской национальностей тройка рассматривала в том случае, если они были групповые — по обвинению в шпионаже, и если основные арестованные уже были арестованы до 1-го августа. Такие дела все шли на тройку. Запрещение, чтобы тройка не рассматривала дела на шпионов русской, украинской, еврейской и белорусской национальностей, я не знаю. Да и было бы неправильно создавать привилегии для шпионов данных национальностей. Одиночки, арестованные после 1-го августа, не могли проходить на тройку.

Когда КАРАМЫШЕВ возвратился из командировки из Киева, то он говорил мне о том, что в Киеве якобы в системе суда и прокуратуры вскрыта антисоветская организация, и предложил просмотреть, какие у нас имеются материалы на работников суда и прокуратуры. Тогда же КАРАМЫШЕВУ был задан вопрос, кто даст санкцию на арест работника прокуратуры и суда, то КАРАМЫШЕВ ответил, что если будут материалы, то мы возьмём санкцию на арест у секретаря обкома партии. Мне неизвестны такие случаи, и я не слышал, чтобы со стороны КАРАМЫШЕВА было игнорирование партийных и советских органов.

Специалистами высокой квалификации я лично считаю тех, кто указан в приказе — врач, профессор, инженер и им подобные. Профессоров совершенно не пропускали на тройку, их дела направляли в Москву. Инженеров было 3—4 из иноразведок. Чтоб секретари вписывали формулировки в протоколы тройки — в этом не было надобности, т. к. излагалось в повестке, и было бы смешно, что секретарь или машинистка скажет лучше начальника отдела.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

КАРАМЫШЕВ ввёл порядок контроля над начальниками отделов — это перед тем, как дело дать для рассмотрения на тройку. Обычно до заседания тройки дела просматривал Поясов и прокурор, а докладывали дела на тройку начальники отделений, и при этом присутствовал начальник того отдела, от которого поступило дело. Знаю, что на тройке, кроме члена тройки — прокурора, присутствовали при докладе дел помощник прокурора и начальник отдела, которые знакомились с делом до заседания тройки. В таких случаях они даже высказывали свое мнение.

Я знаю, что КАРАМЫШЕВЫМ было возбуждено уголовное преследование в отношении сотрудников Гавриленко, Дарова, Лившица, Семёнова и др., которые допустили извращения в следственной практике. Часть из этих сотрудников были отданы под суд и осуждены. КАРАМЫШЕВ не мирился с извращениями. Допрашивали стоя – это было правило, но чтоб это было несколько суток непрерывного допроса арестованного, я этого не знаю.

Какая была цель приезда из Киева бригады во главе с Ратынским, я не знаю. Мне известно только то, что когда они приехали, то забрали дело Рамера, который у нас никаких показаний не дал.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

Мне известно, что Даннекер был арестован 3-им отделом, но после этого ТРУШКИН приходил ко мне и говорил, что во 2-ом отделе на Даннекера имеются материалы о причастности его к право-троцкистской организации по показаниям других арестованных.

Объявляется 15 минутный перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Свидетель САМОЙЛЕНКО Андрей Вениаминович, рождения 1913 г., член ВКП(б) с 1939 г., в органах НКВД с 1937 г., в данное время работаю начальником 1-го спецотдела УНКВД Николаевской обл., сержант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В период работы тройки при УНКВД я работал начальником 8-го отделения, а сейчас это отделение переименовано в 1-ый спецотдел, где я работаю в должности начальника отдела. В то время по работе тройки был специальный штат, а моя работа заключалась в том, чтобы наводить справки по делам, в коих были какие-то расхождения. [В] другой какой-либо работе в части работы тройки я никакого участия не принимал. Однако мне известно о порядке работы тройки, который заключался в следующем: к заседанию тройки по делам подготавливались три повестки, и на заседании эти повестки раздавались членам тройки, на которых они писали своё решение, а затем, после окончательного решения, составляли протокол заседания тройки.

На вопросы ВТ свид[етель] САМОЙЛЕНКО:

В основном, для составления протоколов заседания тройки бралась повестка КАРАМЫШЕВА, а две остальных повестки членов тройки откладывались и сохранялись отдельно. Впоследствии, насколько мне было известно, при просмотре не все три экземпляра были в делах, а в некоторых случаях было по два экземпляра. Первый экземпляр был стомирован, а второй и третий экземпляры повесток хранились совершенно отдельно. Были ли такие случаи, чтобы на какой-либо повестке было зачеркнуто решение члена тройки, а затем надписано второе решение, я этого сказать не могу.

Когда делали предписания коменданту для исполнения решения тройки, я не знаю.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид. САМОЙЛЕНКО:

Протоколы заседаний тройки все перешиты, повестки стомированы. Соответствует ли акт об исполнении с фактическим исполнением комендантом решения тройки, я сказать не могу. Я знаю, что протоколы заседания тройки направлялись в Москву, НКВД УССР, которые, по-моему, печатались в 4-х экз. Помню, что при приёме дел начальником УНКВД Юрченко акты проверялись, правильны ли они были, я не знаю.

Какое вынесла решение приезжавшая комиссия во главе с зам[естителем] наркома Горлинским, я не знаю, но мне известно, что комиссия проверяла работу тройки и нашла, что всё было в порядке. Акт я подписал, но приказов [от] 17 и 21.IX.—[19]38 г. я не знал.

Я замечал, что протоколы заседания тройки иногда перепечатывались, но это было потому, что осуждённые немецкой национальности попадали в протокол осуждённых польской национальности и т.п., в протоколах их зачёркивали и переносили немца из протокола поляков в протокол к немцам.

Я не могу объяснить перечёркивания стольких листов протоколов заседания тройки. Во время существования тройки этого не было, и я не видел.

Свидетель ШЕЙНБЕРГ Самсон Моисеевич, рождения 1903 года, член ВКП(б) с 1927 г., до этого работал в органах НКВД, а в данное время работаю в областном Управлении связи, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В период существования при УНКВД особой тройки я работал секретарём тройки. В состав этой тройки входили: КАРАМЫШЕВ, секретарь обкома Старыгин и прокурор Ланчуковский. В случае, если Старыгина и Ланчуковского не было, то их, как членов тройки, заменяли второй секретарь обкома Максимов и зам[еститель] прокурора по спецделам Каренко.

В основном моя работа заключалась в оформлении протоколов заседания тройки, выдача предписаний коменданту для исполнения решения тройки, составление выписок из протоколов заседания тройки и другая техническая работа.

В то время из райотделений области и отделов УНКВД поступали следственные дела по делам арестованных и таковые докладывали начальники отделов и отделений на заседании тройки. Перед заседанием тройки по каждому делу составлялись повестки, в которых указывалась сущность предъявленного арестованному обвинения, а затем дела докладывались на тройке. Во время заседания тройки каждому члену тройки давалась повестка, и они выносили своё решение. После заседания эти повестки с резолюциями поступали в рабочую группу секретариата тройки и там их обрабатывали и составляли протокол заседания тройки. На заседании тройки я мог не присутствовать, а потом, сличив резолюции на справках, по ним составлял протокол заседания тройки. Одновременно с этим печатали выписки из протокола заседания тройки для исполнения, но это в том случае, где не было сомнений, разногласий.

На вопросы ВТ свидетелем ШЕЙНБЕРГ:

На всех повестках имелись заключения членов тройки.

Были случаи, когда протокол заседания тройки я носил на подпись к КАРАМЫШЕВУ после заседания тройки через 3–4 дня, затем этот протокол носил на подпись Старыгину и Ланчуковскому. Иногда протоколы заседания тройки составлялись сразу после заседания и тут же его подписывали члены тройки. Были случаи, когда протоколы заседания тройки оформлялись до 10-ти суток после заседания тройки. Это зависело от дней работы тройки, от перерывов её работы, от числа лиц в аппарате, их знакомства с работой.

За основу при составлении протоколов заседания тройки брали повестку КАРАМЫШЕВА, а по остальным повесткам членов тройки сличали правильность с окончательным решением по делу. Когда я сличал повестки, то расхождений в мере наказания не было. Были случаи, что тот или иной член тройки менял решение с 1-ой на 2-ую категорию или наоборот, но сами члены тройки их исправляли в самом заседании, поэтому при сличении справок я не помню случаев разных мнений.

Единоличные изменения КАРАМЫШЕВЫМ я считаю в том смысле, что он единолично приостанавливал прежнее решение, как я указывал на 3–4 случая, а затем его мнение согласовывалось с остальными членами тройки и вносилось снова на заседание тройки и включалось в последующий протокол. Неточности по делам – это относилось к несходству анкетных данных со справкой, за содержание я не отвечал. Эти случаи выяснялись и мной. Повестки-справки составляли нач[альники] отделов.

Случаев, чтобы при противоречиях в данных исполнили протокол, нет ни одного. Об этом может подтвердить комендант.

Оглаш[ается] л. д. 227 том 5, показание свид[етеля] ШЕЙНБЕРГА.

Свидетель ШЕЙНБЕРГ:

Я сейчас также говорю, как и записано в протоколе допроса. Больше всего было исправлений в повестках на снижение меры наказания, которые делали сами члены тройки в заседании, а на увеличение меры наказания за все время, я помню, было 2–3 случая.

Больше всего протоколы заседания тройки печатала машинистка Февральская. Как составлять протокол и делать выписки из протокола заседаний тройки, она знала, но она не может знать всего, т. к. учётом, сверкой занимались я и Зильберминц. За всё время было 2–3, а может быть, и 4 случая изменения после заседания тройки, то меня КАРАМЫШЕВ сразу же направлял с этими повестками к членам тройки объяснить, показать им, а сам КАРАМЫШЕВ, видимо, звонил по телефону, и они подписывали. Из них на одного было увеличение, а остальные – на снижение меры наказания.

По директиве НКВД СССР протоколы составлялись отдельно по немцам, полякам и т. п., и некоторые лица попадали в протокол не по национальности, которые вычёркивались из того протокола и вписывались в протокол этого же заседания тройки, но той национальности, к которой осужденный принадлежит.

На повестке экземпляра КАРАМЫШЕВА было 3–4 случая, кроме резолюции о мере наказания, приписки, видимо для себя, об этом я членам

тройки не докладывал. Это такие случаи с пометкой КАРАМЫШЕВА, где было «расстрелять», была ещё пометка «доследовать». Дела на этих заключенных я передавал в отдел, а повестки — в ожидающие до возвращения дела из отдела, и в протокол заседания тройки он не включался. По возвращении дела я докладывал его КАРАМЫШЕВУ, и он давал распоряжение снова дать ему на тройку, если надо менять наказание, или включить в протокол заседания тройки. В сторону увеличения меры наказания, я помню, были случая 2. С чем это было связано, я сказать не могу, но возможно, что после доследования дела, считали, что лишение свободы — дали мало.

[В]о всех случаях необходимости изменения КАРАМЫШЕВ меня посылал к членам тройки. После их информации они давали согласие. Это те 3–4 случая, о которых я говорил. Я не знаю случая, чтобы КАРАМЫШЕВ игнорировал необходимость уточнения противоречивых данных. Об этом лучше скажет комендант, который этим занимался.

Были отдельные случаи, когда повестки не отвечали материалам дела, то КАРАМЫШЕВ мне или Герману давал указание о проверке анкетных данных, и я докладывал на заседании тройки об изменениях анкетных данных, а затем, по вынесению решения тройки, делали исполнение.

Сколько находилось дел на доследовании в отделах, я точно сказать не могу, но были случаи, когда дело находилось на доследовании до одного месяца. В этих случаях о решении тройки никому не объявлялось.

По исполнении решения тройки комендант возвращал мне предписание с актом об исполнении решения тройки, и я об этом докладывал КАРАМЫШЕВУ. Здесь, на месте, комендант исполнял решение тройки своевременно, а в Херсоне и в Кировограде исполнялось решение тройки через несколько дней после заседания тройки. Были случаи медлительности, когда путали анкетные данные об осуждённом. В последнее время работы тройки печатала материалы машинистка Февральская. Вообще она печатала только протоколы заседания тройки.

Председательствующий предъявляет свид[етелю] ШЕЙНБЕРГУ том 11, л. д. 1–101 (перечёркнутые протоколы тройки).

Свидетель ШЕЙНБЕРГ:

Когда я сдавал все производство тройки, ни одного так перечёркнутого протокола тройки не было. Где это было сделано и для какой цели, я не знаю. Ещё раз утверждаю, что КАРАМЫШЕВ подписанных протоколов не зачёркивал, я тоже нет, а больше никто к ним не имел доступа. Я утверждаю, что это не КАРАМЫШЕВА исправления и не для того, чтобы усилить меру репрессии без осуждения на тройке. Можно навести справки, что же стало с людьми, которые перечёркнуты в этих протоколах.

На вопросы под[удимого] КАРАМЫШЕВА свид. ШЕЙНБЕРГ:

На некоторых повестках после решения тройки была резолюция: «Доследовать», было это по делам осуждённых по 1-ой и 2-ой категории, но что «доследовать», я сказать не могу.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Были случаи при докладе дел начальниками отделов, [что] вскрывались новые обстоятельства по другим делам, указывали, что нераскрыты

все связи. В интересах дела я в 3–4 случаях шел на это, и нужно было произвести допросы. Поэтому я приостанавливал решение тройки и давал распоряжение доследовать дело, если оно было очень важное для интересов дела. Применять физические меры к арестованным я давал санкцию в 3–4 случаях в период следствия, а не по этим делам предъявленного обвинения.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид. ШЕЙНБЕРГ:

Были 3–4 случая, как я уже указал, что после заседания тройки КАРАМЫШЕВ считал нужным изменить решение тройки и после этого КАРАМЫШЕВ давал мне указание идти к членам тройки для изменения первого решения заседания тройки. Было это по делам, возвращённым с доследования, фамилии их не помню, и 2–3 случая, [когда] речь шла о снижении меры наказания. В конечном итоге протоколы заседаний тройки подписывались всеми членами тройки. Протоколы я составлял на основании повесток членов тройки. КАРАМЫШЕВА справка была основной, по ней сличали справки остальных членов тройки.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Были случаи, когда переделывали протоколы и отдельные листы протокола, т. к. протоколы составлялись по национальностям, или вычёркивали кого-либо из протокола другой национальности.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид. ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы заседаний тройки мы направляли в Москву.

На вопросы ВТ свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы составлялись в 4-х экз. Исправление, переписка протоколов из-за национальностей были до подписи всех членов тройки. Да, я их тоже сохранял для справок. Куда мы складывали перечеркнутые протоколы и что впоследствии с ними сделали, я не знаю, но их оставляли для справок.

Председательствующий предъявляет подс[удимому] КАРАМЫШЕВУ том 11, л. д. 1–101, протоколы заседаний тройки.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Просматривая эти протоколы заседаний тройки, я не могу ответить, почему они перечёркнуты. Возможно, что с этих протоколов потом перепечатывали лиц польской национальности в другой протокол.

Оглаш[аются] л. д. 2–3 том 9, акт комиссии от 18 января 1940 г. о просмотре 1269 повесток, которые составлены в заседании тройки.

Свидетель ШЕЙНБЕРГ:

Я ни от кого не слышал, не читал таких директив, которые шли через меня, с которыми я знакомил членов тройки, которые бы запрещали пропускать дела шпионов национальностей СССР. Я такой директивы не видел. Высокой профессией считали: профессора, инженера, врача.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Этот акт, который имеется в 9-ом томе, составлен людьми, которые вели следствие по данному делу, а не лица, имевшие отношение к тройке и наблюдавшие за её работой. Я утверждаю, что ни одного инженера, осуждённого тройкой, не было. В том протоколе 2-х механиков указали, что они «инженеры». Ни в одной директиве и приказе НКВД СССР не

говорится, что тройка не имела права рассматривать дела русской, украинской, еврейской и белорусской национальности. Верно, эта директива больше относилась к немцам, полякам и к другим национальностям.

В этом акте указано, что 22 человека учителей — это «высокой квалификации». Откуда это следует? Такой директивы не было. Я понимаю, что инженер, профессор и им подобные будут лица высокой квалификации. В том же акте указано, что тройкой осуждены 11 человек после 1-го августа. Эти лица также осуждены правильно, т. к. они прошли по групповым делам, и нет никаких оснований говорить другое.

Я ходатайствую перед судом приобщить к делу директиву НКВД СССР от 17 и 21 ноября 1938 г.

На вопросы ВТ свидетель ШЕЙНБЕРГ:

По делу Трубия я ничего не могу сказать; ни Февральская, ни кто другой мне не говорил, что Трубий без осуждения на тройке включён в протокол. Я об этом обязательно должен был знать, ведь дела все проходили через меня, через учёт, который я вёл, и такого случая, чтоб не было заседания тройки, а мне дали дело как бы с тройки для включения в протокол — не было. По какому протоколу и заседанию проходил Трубий, я не помню.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КИРЕЕВ:

Я допрашивал Садова. Мне дали его только для допроса. Он давал признания без принуждений. Где он был до меня несколько дней, я не знаю, но у меня его признание было первым. Садов проходил по показаниям Ножницкого или Латынина. Эти данные должны быть в РО НКВД.

Подсудимый ТРУШКИН:

Компрометирующие данные в РО НКВД могли и не быть. Данные как на участника к-р организации Бабаева и Садова были, но их не арестовывали до случая падежа овец. Эти данные должны быть в деле Бранта и др., но почему [их] нет, в этом виноват Лейзеровский.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Этих данных на Бабаева и Садова нет потому, что ТРУШКИН их мне не дал, и, видимо, их у него не было. Ведь он дело докладывал на тройке и видел, что этих данных в деле нет. Почему не потребовал их у меня, если он мне их передавал.

В 1 час 30 декабря объявлен перерыв до 10 часов утра 30 декабря.

В 10 часов 15 минут 30 декабря судебное заседание объявлено продолжающимся.

ВТ определил:

[1.] Удовлетворить ходатайства подсудимых об истребовании для обзора и приобщения к делу следующих документов: справку на арест Садова и Бабаева и имеющиеся на них материалы, которые послужили основанием для составления этих справок.

2. Копии протоколов допроса Беккера и Бранта по совхозу им. Фрунзе.

3. Справку, имеются ли показания в протоколах допросов Латынина, Ножницкого и Никитченко как на участников к-р организации.

4. Справку, направлялась ли в адрес Ново-Троицкого РО НКВД шиф-телеграмма от 4–5 июля на арест Бабаева.

Свидетель ЧАЙКОВСКИЙ Михаил Лазаревич, рождения 1894 года, член ВКП(б) с 1928 г., в органах НКВД работаю с 1920 г., в данное время – начальник секретариата УНКВД Аккерманской области, лейтенант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В конце 1938 г., часа в 2 ночи, я по распоряжению КАРАМЫШЕВА вызвал машинистку Февральскую для печатания протокола допроса Трубия. Помню, что в то время в кабинете КАРАМЫШЕВА были Поясов и Гончаров и там допрашивали Трубия. Как только был изготовлен первый лист протокола допроса Трубия, я его дал печатать машинистке Февральской, а через некоторое время она отпечатала последующие экземпляры протокола допроса Трубия. Кроме этого, Трубий написал 2 заявления, которые были направлены в адрес особоуполномоченного НКВД УССР.

На вопросы ВТ свид[етель] ЧАЙКОВСКИЙ:

Я считаю, что это был протокол очной ставки, т. к. Гончаров присутствовал при допросе Трубия. Я помню, что Трубий тогда написал заявление, но содержания его я не помню. После допроса Трубий был направлен в тюрьму. Я припоминаю, что дня через два, а может быть и больше, было заседание тройки и тогда докладывали его дело. На следующий день после допроса Трубия он не мог попасть на заседание тройки. Чтобы Трубия включили в протокол прошлого заседания тройки, я ни от кого не слышал. Были случаи, что несвоевременно оформляли протоколы заседания тройки, но это очень редко.

Я помню, что заседание тройки было за сутки до допроса Трубия. Я сейчас припоминаю, что дело Трубия от Поясова или КАРАМЫШЕВА возвращалось, и дней через 5 оно было доложено на тройке. Трубий был приговорён в ВМН. Были случаи, что и через 10 дней приводили приговоры в исполнение, но это тогда, когда не сходились биографические данные об осуждённом.

Оглаш[ается] л. д. 7 том 6, показания свид[етеля] ЧАЙКОВСКОГО.

Свидетель ЧАЙКОВСКИЙ:

Во время допроса Трубия в кабинете КАРАМЫШЕВА был крик, но это Поясов ругал Трубия, а не КАРАМЫШЕВ.

Оглаш[ается] л. д. 9 том 6, показания свид[етеля] ЧАЙКОВСКОГО.

Свидетель ЧАЙКОВСКИЙ:

Предписание, которое направляли коменданту, сверяли с выпиской протокола тройки, и выписку на Трубия я видел через несколько дней после исполнения.

Протоколы заседаний тройки составлялись из повесток, а затем протокол подписывали КАРАМЫШЕВ, Старыгин и Ланчуковский. Каждому члену тройки давалась повестка, на которой члены тройки в своих повестках писали решение, а на основной справке подписывались членами тройки и председателем тройки – КАРАМЫШЕВЫМ. Если случайно на одной из повесток не было резолюции члена тройки, то когда сверяли и

носили протокол на подпись членам тройки, то они ложили²⁶ свою резолюцию и подписывали протокол.

Предписание коменданту для исполнения решения тройки, насколько мне известно, давали после оформления протокола, а таких случаев, чтобы сначала печатали предписание коменданту об исполнении решения тройки до оформления протокола, мне неизвестно.

На вопросы ВТ свидетель ЧАЙКОВСКИЙ:

Я не могу сейчас сказать, чтобы протокол Трубия был назван протоколом очной ставки только потому, что там был Гончаров. Были отдельные случаи, когда в предписаниях решения тройки были неправильные биографические данные об осуждённом. Неправильность заключалась в том, что было искажено имя или отчество, год рождения и т.д., и позже это исправлялось. Все акты по исполнению решения тройки соответствовали решению тройки. Тогда существовала практика сверки актов с документами. Случаев, чтобы из протоколов тройки вычёркивали некоторых лиц, я не помню, и никто не имел права вычёркивать.

Председательствующий предъявляет свид[етелю] ЧАЙКОВСКОМУ л. д. 1—101 том 11, протоколы заседаний тройки.

Свидетель ЧАЙКОВСКИЙ:

Я не могу объяснить, как это могло быть, чтобы протоколы тройки кто-либо зачёркивал. Вероятнее всего, что эти перечёркивания допущены не в аппарате секретариата УНКВД, а по каким-то другим соображениям и в другом месте. Я не могу предполагать, чтобы из-за мягкой меры наказания осуждённых вычеркивали из протоколов тройки по указанию КАРАМЫШЕВА и включали бы в другие протоколы, увеличивая им наказание. Случаев исправления протоколов после оформления их в сторону смягчения не могли делать, но были ли исключения из этого, я сказать не могу. Таких случаев, чтобы КАРАМЫШЕВ писал резолюции: «Расстрелять и допросить» или «Направить на следствие», я не помню.

Свидетель ЗИЛЬБЕРМИНЦ Давид Натанович, рождения 1905 года, канд[идат] ВКП(б), в органах НКВД работаю 13 лет, в данное время — оперуполномоченный колонии НКВД № 27, а до этого работал в УНКВД, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу должных показаний по ст. 89 УК, показал:

Я работал в период с сентября 1937 г. до января 1938 г., т.е. около 3-х месяцев, в секретариате тройки. Выполнял я чисто техническую работу, заполнял карточки и в этой карточке записывал, к какой мере наказания осуждён. Такую же работу исполняли Шевченко и Присенко.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗИЛЬБЕРМИНЦ:

Насколько мне было известно, протоколы заседаний тройки составлялись из повесток под диктовку Шейнберга. Лично мне протоколы заседаний тройки не попадали. Мне не приходилось ни в одном случае делать исправления в карточках наказания, которые были вынесены осуждённому тройкой. Таких случаев, чтобы после заседания тройки КАРАМЫШЕВ писал на повестках: «Расстрелять и допросить», мне

²⁶ Так у документі.

неизвестно. Мне иногда приходилось с Шейнбергом носить протоколы заседаний тройки на подпись секретарю обкома, а один я не ходил. На какой день подписывались протоколы тройки членами тройки после заседаний, я сказать не могу. Я видел повестки с резолюциями членов тройки, которые возвращались после заседания. Тогда выписывались по делу три повестки, и на каждой из них была резолюция членов тройки.

На вопросы ВТ свид[етель] ЧАЙКОВСКИЙ:

Насколько я помню, после заседания члены тройки подписывали свои мнения на одной справке. Утверждать этого не могу.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗИЛЬБЕРМИНЦ:

Да, на каждой повестке была подпись члена тройки. Помню, был случай, когда на повестке было зачёркнуто «расстрелять» и написано внизу «10 лет». Кто написал и зачёркнул, я не знаю, но полагаю, раз справки шли с заседания, то это делал член тройки, в руках которого была эта справка, а таких случаев, чтобы исправлял бы справки или протокол о наказании осуждённому – КАРАМЫШЕВ единолично делать бы не мог.

Оглаш[ается] л. д. 79 том 6, показание свид[етеля] ЗИЛЬБЕРМИНЦА. Свидетель ЗИЛЬБЕРМИНЦ:

Допрос меня следователем Бурдан происходил в такой дружеской обстановке, что я, не смотря и не читая, подписал протокол допроса. До этого я хорошо знал Бурдана, и то, что им было записано в протокол, я поверил ему и подписал, но таких показаний ему, как это записано в протоколе, я не давал.

Я не знаю, чтобы КАРАМЫШЕВ после заседания единолично изменял решение тройки, как это записано в моём протоколе допроса.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗИЛЬБЕРМИНЦ:

Следователь Бурдан показывал мне во время допроса протокол тройки и говорил, что, вот, КАРАМЫШЕВ зачёркивал иногда первое решение. При этом разъяснял мне на словах, что, зачёркивая «10 лет лишения свободы», КАРАМЫШЕВ надписывал: «Расстрелять». Тогда, когда я работал в аппарате тройки, мне не были известны такие случаи. Других документов он мне не показывал.

Сам процесс допроса меня произошёл в дружеской обстановке, и я этот протокол допроса, не читая, подписал. Я когда-то с Бурданом вместе работал в Одессе в страхкассе и верил ему как товарищу.

Дела лиц, каких национальностей могли пропускать на тройку, а каких нет – меня с положением никто не знакомил, и я этого положения не знаю.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу заявить суду о том, что следователь Бурдан, несмотря на то, что Зильберминц не имел никакого отношения к протоколам и справкам работы тройки, спровоцировал его на тяжкое ко мне обвинение, что я единолично изменял решение тройки. Следователь Бурдан, допрашивая машинистку Сулину, отнёс за счет моей вины данные в тяжком преступлении, относящиеся к прежнему руководству УНКВД, тогда как Сулина со мной никогда не работала. Бурдан в показаниях свид[етеля] Крюковского приписал на мою ответственность двух человек, незаконно

расстрелянных, он возвёл на меня клевету в том, что якобы я коменданту и начальнику тюрьмы приказывал не заниматься уточнением противоречивых справок, поскорей расстреливал бы осуждённых.

Свидетель КРЮКОВСКИЙ Фёдор Адамович, рождения 1906 года, член ВКП(б) с 1931 г., работаю комендантом УНКВД по Николаевской области, сержант госбезопасности, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

В период 1937 г. и 1938 г. я работал по исполнению приговоров Трибунала и судов осуждённых по 1-ой категории. По работе тройки я получал предписание от Шейнберга, которое составлялось в 2-х экземплярах, из коих один экземпляр я брал себе, а в другом расписывался в получении. Кроме этого, мне Шейнберг давал список на осуждённых, по которому я из тюрьмы получал осуждённых к ВМН и в здании УНКВД приводил приговоры в исполнение. Если не сходилось что-либо в справках из установочных данных на осуждённого, мы их не брали, и нам не давал начальник тюрьмы Штерн.

На вопросы ВТ свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Задержка в исполнении решений тройки происходила из-за того, что иногда не сходились биографические данные, как, например, имя или отчество, или год рождения. Были такие случаи, что давались предписания, но предупреждалось в отношении некоторых – не приводить в исполнение решение тройки, и исполнения откладывались на некоторое время, но это в том случае, когда Шейнберг делал на некоторых пометки о приостановлении исполнения. Эти пометки делались на предписании, а на следующий день, как только миновала в этом надобность, то Шейнберг включал таких осуждённых в список, и я приводил в исполнение решение тройки.

КАРАМЫШЕВ меня часто вызывал и спрашивал, почему я задерживаю исполнение решения тройки приговорённых к ВМН по Херсону и Кировограду. Он давал мне сроки выезда, указания, как надо проводить работу по решению тройки и с кем.

КАРАМЫШЕВ от меня не требовал обратно дать ему предписание, по которому было исполнено решение тройки. Никаких задержек в исполнении решений тройки не было.

Оглаш[ается] л. д. 261 том 5, показания свид[етеля] КРЮКОВСКОГО.
Свидетель КРЮКОВСКИЙ:

В некоторых случаях на предписаниях делались пометки в виде птичек или зачёркивалась фамилия, это означало, что над этим осуждённым приговор приводить в исполнение пока не нужно. Если не сходились фамилии с предписаниями, мы таких арестованных из тюрьмы не брали, и нам их не давали в тюрьме.

Оглаш[ается] л. д. 262 том 5, показания свид[етеля] КРЮКОВСКОГО.
Свидетель КРЮКОВСКИЙ:

В этой части, по вопросу 2-х осуждённых к 10 годам лишения свободы, я давал дополнительные показания, а в этом протоколе этот случай записан неправильно, и я его не подтверждаю.

В этом протоколе записано о том, что, когда я обращался к нему с заявлением, что неправильно в предписаниях указаны фамилии, имена и отчества, то якобы КАРАМЫШЕВ говорил: «Вы меньше разбирайтесь [с] фамилиями и другими точностями²⁷ и поскорей приведите в исполнение приговоры», я этого не помню. Я помню другое, что по выполнению решения тройки меня вызывал КАРАМЫШЕВ или Поясов, кто-то из них говорил, что если не сходится какая-либо мелочь, то это неважная формальность, а всё равно нужно того и другого расстреливать. Я лично им на это ничего не говорил и считал в то время невозможным возражать. Однако задержка зависела не от меня, а от начальника тюрьмы Штерна, то кто-то из них, думаю, КАРАМЫШЕВ, а возможно, и Поясов, скорее всего, Поясов, вызывали нас вместе с Штерном и настаивали на скорейшем исполнении приговоров.

Почему были расстреляны муж и жена, которые были приговорены к 10 годам лишения свободы, то мне об этом рассказывал в Кировограде бывш. комендант УНКВД, ныне осуждённый Трибуналом Удодов-Орлов. Кто тогда был начальником управления, я не помню. Так я показывал и на следствии, но свидетель записал, что это было при КАРАМЫШЕВЕ.

На вопросы ВТ свид[етель] ГАВРИЛОВ:

При КАРАМЫШЕВЕ Удодов-Орлов не был комендантом УНКВД.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Я знаю, что бывш[ий] комендант Удодов-Орлов был арестован в феврале месяце 1938 г. и КАРАМЫШЕВА тогда ещё в Николаеве не было. Здесь КАРАМЫШЕВ совершенно ни при чем. Удодов-Орлов осуждён Трибуналом на 5 лет.

На вопросы ВТ свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

В Херсоне и Кировограде сначала приговора исполнялись на месте работниками НКВД Херсона и Кировограда, а затем мне лично КАРАМЫШЕВ давал распоряжение, чтобы я сам выезжал в Херсон и Кировоград исполнять приговоры над осуждёнными к ВМН, т. к. в Херсоне и Кировограде был ряд недочётов.

Оглаш[ается] л. д. 262 том 5, показания КРЮКОВСКОГО.

Свидетель КРЮКОВСКИЙ:

Я не могу сейчас вспомнить, при ком были расстреляны муж и жена. Мне об этом рассказывал Удодов-Орлов в Кировограде. Шейнберг точно может об этом пояснить.

На вопросы ВТ свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Этот случай о расстреле мужа с женой был при бывшем нач[альнике] УНКВД Николаевской обл. Фишере. Муж и жена были осуждены особым совещанием НКВД СССР к 10 годам лишения свободы каждый и расстреляны. Следствие по этому делу закончено Военным трибуналом Одесской области, виновный в халатности осуждён к лишению свободы на 5 лет.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

²⁷ Так у документі.

По вопросу исполнения приговоров КАРАМЫШЕВ вызывал меня, Шейнберга и, кажется, Штерна – начальника тюрьмы.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я помню, что на очной ставке со мной КРЮКОВСКИЙ от первых своих показаний отказался, а поэтому прошу суд тщательно проверить и сопоставить его показания.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Я сейчас вспоминаю, что муж и жена, которые были расстреляны – это было при Фишере.

Оглаш[ается] л. д. 258 том 6, показания свид[етеля] КРЮКОВСКОГО.

На вопросы ВТ свидетель КРЮКОВСКИЙ:

Начало этого показания, где говорится о том, что КАРАМЫШЕВ вызывал меня и Штерна по вопросу выдачи мне арестованных для приведения приговоров в исполнение – это правильно, а в дальнейшем, где говорится «зачем вы возитесь с уточнениями фамилии, нужно скорей раздельваться с этими осуждёнными» – это записано не точно. В то время имели место искажения фамилий или имён и отчеств в предписаниях, особенно когда попадались немцы или другие инонациональности, то в этих случаях КАРАМЫШЕВ говорил, что особенно придирайтесь к неточностям не следует, а нужно скорей приводить в исполнение приговоры. Повторяю, что это относилось к осуждённым немецкой и других национальностей.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Для какой надобности КАРАМЫШЕВ выделял специальный контроль по выполнению приговоров над осуждёнными к ВМН, я не знаю.

Перед первым допросом меня вызвал Твердохлебенко и стал задавать вопросы: «Сколько и кого вы избивали, и что делал ГАРБУЗОВ», на это я ему ответил, что никого не избивал и о ГАРБУЗОВЕ ничего плохого сказать не могу. Затем Твердохлебенко стал задавать вопросы в части выполнения приговоров над осуждёнными к ВМН, и когда я стал отвечать, то он начал на меня кричать, что я неправильно говорю и защищаю. После длительного спора он выгнал меня из кабинета и вызвал нач[альника] УНКВД Юрченко. После беседы с Юрченко меня вторично вызвал Твердохлебенко и опять стал на меня нажимать, вымогая нужные ему показания, и когда я отрицал на заданные им вопросы, то он ругал меня матерщиной, и впоследствии я его тоже выругал такими же словам, после этого меня стал допрашивать Бурдан.

В кабинетах следователей в то время не было никаких посторонних предметов, даже забирались со столов большие чернильные приборы.

На вопросы ВТ свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Мне неизвестны такие случаи, чтобы были сильно избиты арестованные или чтобы были арестованные с порезанными пятками. Помню по делу арестованного Щербины, он пытался порезаться, но этого не допустили. «Стойки» арестованных я видел, но чтобы они стояли подолгу, этого я не знаю.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Такого случая, чтобы был арестованный с порезанными пятками – это неверно и настоящая ложь.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Мне неизвестны такие случаи, чтобы в кабинетах следователей у кого-либо были камни.

Я помню, был случай, когда вахтёра ударил один арестованный, но Хусид ли это был, я не знаю.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я хочу сказать Трибуналу о том, что Твердохлебенко провоцировал. Он, вызывая для допроса освобождённых, как бы задавая им вопросы, спрашивал их: «Вас избивали?», то они отвечали: «Да, избивали». Фактически Твердохлебенко не задавал вопросы, а прямо ставил им вопросы о нанесении им побоев. Кроме этого, Твердохлебенко вызвал тогда около 12 человек, которые находились у него под дверьми и все слышали, какие каждый из них давал показания.

ВТ определил:

Истребовать из 1-го спецотдела УНКВД:

1. Справку о перепроверке на выборку данных о результатах осуждения лиц по перечёркнутому протоколу.

2. Дело по обвинению Онищенко – для обозрения.

Свидетель ШТЕРН Семён Наумович, рождения 1883 г., член ВКП(б) с 1926 г., в органах НКВД с 1921 г., в данное время работаю нач[альником] ИТК НКВД г. Одесса, а до этого – начальником тюрьмы г. Николаева, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу должных показаний по 89 ст. УК, показал:

По делу мне известно то, что КРЮКОВСКИЙ приезжал в тюрьму с предписаниями, и я выдавал по ним осуждённых к ВМН. Во время выдачи таких арестованных мы сверяли предписания с личным делом арестованного, и если не было никаких расхождений, то я выдавал таких арестованных, а если не сходились какие-либо биографические данные, я таких осуждённых не выдавал.

На вопросы ВТ свид[етель] ШТЕРН:

Когда Крюковский приезжал в тюрьму, то говорил: «Скорей выдавайте арестованных, начальство нажимает».

КАРАМЫШЕВ меня к себе не вызывал, а были случаи, когда меня вызывал Поясов и беседовал со мной по вопросу внутреннего распорядка тюрьмы.

На вопросы ВТ свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Я помню, что мы вдвоём с Штерном были вызваны к КАРАМЫШЕВУ.

На вопросы ВТ свид[етель] ШТЕРН:

Я помню, нас вызывал Поясов, а до этого вызывал Фишер и беседовал с нами по вопросу расхождения биографических данных в документах на осуждённых к ВМН. Тогда действительно предлагалось поменьше заниматься формальностями, уточнениями, и было это в этом самом кабинете. Был я вместе с Крюковским.

На вопросы ВТ свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Я сейчас припоминаю, что по этим вопросам нас вызывал Фишер, а у КАРАМЫШЕВА мы вместе с Штерном, кажется, не были. Помню, что Фишер ещё хотел посадить меня за то, что я занимаюсь формальностями.

На вопросы ВТ свидет[ель] ШТЕРН:

Когда нас вызывал Поясов, то был разговор, чтобы мы скорее уточняли расхождения в документах и скорее приводили приговоры в исполнение. Я вспоминаю, что²⁸ Фишер хотел посадить меня и Крюковского за формальности.

Оглаш[аются] л. д. 122–123 том 6, показание свидетеля ШТЕРН.

Свидетель ШТЕРН:

Мне было известно 5–6 случаев, когда тройка пересматривала дела. Требование на выдачу осуждённых первый раз подписывал КАРАМЫШЕВ или Поясов, я точно сказать не могу. Мне присылалось оформленное основание, никаких подозрений в незаконности не было. С получением второго решения первое я возвращал. Точное число случаев и на кого именно, я сказать не могу. Да и было ли это при КАРАМЫШЕВЕ или Фишере, затрудняюсь сказать.

Свидетель КОБЦЕВ Даниил Филиппович, рождения 1899 г., член ВКП(б) с 1930 г., из партии исключался, когда был арестован, в данное время работаю ст[аршим] конструктором з-да им. Марти, до ареста был вторым секретарём горкома КП(б)У с мая по июль 1938 г., не судился, служил в Красной Армии, в белых армиях не был, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

Меня арестовали 24 июля 1938 г., а 2-го апреля 1939 г. меня освободили из-под стражи. Моё дело с первого дня ареста вёл ВОРОНИН. По делу я могу пояснить следующее.

В мае м-це я был избран вторым секретарем горкома КП(б)У. 20 июля я был вызван в ЦК КП(б)У на утверждение. Возвращаясь обратно в Николаев через Одессу, я из Одессы позвонил в Николаев, чтобы выслали за мной машину. Это было 24-го июля. Через некоторое время из Николаева пришла машина, и сотрудник НКВД мне сказал, что «для Вас пришла машина, можно ехать». Когда мы приехали в Николаев, то этот сотрудник мне сказал, чтобы я сначала зашел в дежурную комнату, и стали производить обыск, забрали все документы и тут же написали акт, в который внесли, какие у меня были изъяты документы. После этого меня посадили в тюрпод, а утром меня завели к ВОРОНИНУ, и он дал мне бумагу и сказал: «Пишите». На мой вопрос, о чем писать, ВОРОНИН ответил: «Пишите о своей принадлежности к антисоветской троцкистской организации».

Я взял бумагу и написал историю моего незаконного ареста и просил меня освободить, то ВОРОНИН взял мое заявление, скомкал его и бросил в угол и сказал: «Что ты пишешь?», и с этого дня до 31 июля или 1-го августа ВОРОНИН непрерывно допрашивал, ругал меня площадной бранью, угрожал и говорил: «Вот у меня целая пачка документов,

²⁸ У документі – когда.

лучше признавайся». После этого мне следователь, фамилии которого не знаю, дал заявление, в котором говорилось о том, что «я, Кобцев, раскаиваюсь и хочу чистосердечно рассказать следствию о моей вражеской деятельности». Прочитав это заявление, я сказал, что это неверно и его не подписал.

Не помню, на какой день, в кабинет ВОРОНИНА заходил ГАРБУЗОВ и говорил: «Пиши, что с тебя требуют», и уходил.

Не помню, на какой день допроса, у меня пошла кровь, то в это время зашел ТРУШКИН и спросил: «Что это такое?», на что я ответил: «Течет кровь», но на это ТРУШКИН ничего не сказал, а лишь добавил словами: «Ничего, пройдет». Тут же ТРУШКИН спросил у ВОРОНИНА: «Ну, как, даёт показание?», то ВОРОНИН ответил: «Нет». После этого ТРУШКИН, обращаясь ко мне, сказал: «Вы пишете то, что нам нужно», а впоследствии ТРУШКИН добавил: «Лучше не мучайтесь, всё равно напишете показания».

На вопросы ВТ свид[етель] КОБЦЕВ:

ТРУШКИН часто заходил в кабинет ВОРОНИНА и спрашивал, когда я буду писать показания. Не помню точно, какого числа, будучи на допросе, в одной из комнат, которая была рядом с комнатой, где допрашивали меня, я слышал крик арестованного, то ТРУШКИН в это время зашёл и сказал: «Вы слышите?», на что я ответил: «Да, слышу». Тогда ТРУШКИН ответил: « Вот и с вами будет такое же».

После ВОРОНИНА меня вызвал на допрос следователь Богуславский, который сразу схватил меня за грудь и ударил об дверь. При этом Богуславский сказал: «Пишите показания о своей принадлежности к антисоветской троцкистской организации». Когда я отказался, то Богуславский достал из-за шкафа карниз и сказал: «Вы это видите, вы скоро дадите показание, мы с врагами расправляемся, как надо», и после этого он стал бить меня по опухшим ногам карнизом. От этих побоев мне стало ужасно больно, но всё же я не хотел писать показание. После этого Богуславский подошел ко мне, сжал свой кулак и стал бить мне щиколками²⁹ в область сердца и при этом говорил: «Пиши, что тебя завербовали в к-р организацию Деревянченко и Коноплев».

Не выдержав применённых ко мне физических мер, я дал показание о своей принадлежности к антисоветской троцкистской организации. После этого, при вторичном допросе, ВОРОНИН стал называть таких лиц, как Коноплев, Гаврилов, Деревянченко и ряд других, говоря при этом, что они — участники антисоветской троцкистской организации. Затем ВОРОНИН спросил: «А Кресс состоял?», то я ответил: «Раз он дал пособие, то и он — член к-р организации».

Мои первые показания были маленькие и, когда зашел ГАРБУЗОВ, то сказал: «Чего вы пишете чепуху?» и предложил написать мне более обширные показания.

27–28 [августа] меня вызвал на допрос ВОРОНИН и допрашивал по первому протоколу допроса. Первые показания я дал 28-го августа, а

²⁹ Так у документі.

затем дал показание, кажется, 16 октября. Последний раз мне тоже угрожали и требовали, чтобы я дал показание.

ГАРБУЗОВ не согласился с содержанием моих первичных показаний. Он говорил: «У вас плохая организация и нехорошо составлен протокол».

Будучи уже в тюрьме, я написал заявление на имя Ежова, и после этого на вторые сутки меня вызвал на допрос ГАРБУЗОВ и спросил: «Вы писали заявление?», то я ответил: «Да, я писал». На это ГАРБУЗОВ сказал: «Какое вы имеете право писать на сотрудников заявления?» и начал мне наносить по голове удары, а ВОРОНИН в это время стоял и ничего не говорил, просто наблюдал. После этого ГАРБУЗОВ спросил у меня: «Вы подтверждаете свои предыдущие показания?» и, боясь, что опять будут избивать, я сказал: «Да, подтверждаю», и тут же был составлен короткий протокол моего допроса, где был задан вопрос: «Вы подтверждаете свои предыдущие показания?», на что я ответил: «Да, подтверждаю», после чего меня направили в тюрьму. ГАРБУЗОВ сильно меня избивал, и от побоев у меня из носа шла кровь.

15 или 16 октября я подписывал один протокол допроса, а дата на нём была 13 августа, хотя и не был тогда на допросе.

ВОРОНИН во время допросов оскорблял меня всевозможными словами, угрожал, но побоев мне не наносил.

Мне была дана очная ставка с Gladковым, и тогда я говорил, что Gladкова кто-то, фамилии не помню, якобы завербовал его в к-р организацию. Точно так же было и с Дудиным. По освобождении из-под стражи я видел Гаврилова, Gladкова и Дудина, с которыми в беседе узнал, что они на меня тоже давали показания, а детально по этому вопросу, как нас допрашивали, и что было, мы не говорили.

Как только меня освободили, я на второй день пошел к секретарю обкома КП(б)У Бутырину, рассказал ему, как меня арестовали и допрашивали, и тут же я спросил у Бутырина, кому написать о том, что я рассказал, то Бутырин мне ответил, чтобы я написал заявление в политбюро и передал бы через него. До того, как пойти к секретарю обкома Бутырину, я ни с кем из освобождённых не разговаривал и, по-моему, я был освобождён раньше их. Сговора у нас никакого не было. Я написал то, что было, причём очень кратко. Позже я был вызван в НКВД УССР и там дал показания.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КОБЦЕВ:

Когда ТРУШКИН заходил в кабинет ВОРОНИНА, то назвал его по имени-отчеству. Первый протокол допроса на трёх страницах я написал под диктовку Богуславского, а второе показание я сочинил сам на 45-ти листах по указанию ВОРОНИНА. На допросе ВОРОНИН спрашивал, знаю ли я Стародубцева, на что я ответил: «Нет, не знаю и ничего о нём сказать не могу». В собственноручных показаниях я дал показание на 20 ч[еловек], а точно не помню.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я хочу пояснить Трибуналу, что протокол допроса Кобцева писал в его присутствии, и никакой «стойки» к нему применено не было.

Никогда за все время работы с ТРУШКИНЫМ он меня не называл по имени—отчеству.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] КОБЦЕВ:

Протокол допроса я подписывал 15 или 16 октября. Будучи в тюрьме после допроса, я написал заявление на имя Ежова. ГАРБУЗОВ во время допросов угрожал и избивал меня. При допросах ГАРБУЗОВ заходил несколько раз.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Кобцев путает показания. 30 июля Кобцева допрашивал следователь Ганчин, и когда я зашёл в кабинет, то видел, как Кобцев писал собственноручно показание карандашом. Я в это время подошёл к Кобцеву и сказал, чтобы он писал показания не карандашом, а чернилами, и он стал это делать.

Свидетель КОБЦЕВ:

Никогда я не писал показаний чернилами, а только карандашом.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КОБЦЕВ:

Я написал заявление на имя Ежова, и никто из работников тюрьмы не видел, как я его бросил в почтовый ящик, который был в тюрьме.

Следователь Бурдан во время допроса разговаривал со мной вежливо.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] КОБЦЕВ:

Я, как бывший секретарь горкома КП(б)У, знал, что к бандитам и им подобным можно применять физические меры воздействия. Я же свои показания дал под нажимом и применением ко мне незаконных физических мер воздействия.

Свидетель КОБЦЕВ:

Я хочу ещё сказать суду о том, что во время моего ареста забрали у меня ручные часы и маленький чемоданчик, в котором находились разные вещи, и по освобождении кое-что мне не выдали, а уплатили деньгами.

Подсудимый ВОРОНИН:

Я не знаю, где отобранные у Кобцева при аресте вещи находились, но при зарплате у меня удержали 900 рубл., и 1000 рубл. выдал Кобцеву финотдел.

Председательствующий спросил у подсудимых, нужен ли им в суд. заседании свид[етель] КОБЦЕВ.

Подсудимые ответили, что к КОБЦЕВУ у них вопросов не имеется и считают возможным освободить от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания КОБЦЕВА.

ВТ определил:

Имея согласие подсудимых, освободить от дальнейшего присутствия в далее суд. заседания свид[етеля] КОБЦЕВА.

Объявляется перерыв на 20 мин., после чего суд. заседание продолжается.

Свидетель КУПНЫЙ Ипполит Сазонтович, рождения 1908 г., член ВКП(б) с 1938 г., в органах НКВД работаю с 1938 г., в данное время — начальник отделения УНКВД, с подсудимыми личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК, показал:

По делу я могу рассказать о том, что мне приходилось докладывать по некоторым делам на тройке. Помню, что я докладывал на тройке дела по Калининдорфскому р-ну.

На вопросы ВТ свидетель КУПНЫЙ:

По делу Наместюка мне ничего не известно. Помню, что ТРУШКИН по какому-то делу ругал Лейзеровского, и Лейзеровский тогда ему ответил: «У меня нет ваших привычек», по какому это было делу, я сейчас затрудняюсь сказать.

Оглаш[аются] л. д. 59–60 том 6, протокол допроса Купного.

Свидетель КУПНЫЙ:

Я помню, что был какой-то разговор между ТРУШКИНЫМ и Лейзеровскими по какому-то делу, но точно сказать, что речь тогда шла о Наместюке, я сейчас вспомнить не могу. Помню, что это было групповое дело, где возможно и проходил Наместюк.

Я готовил повестки к заседанию тройки по некоторым делам.

На вопросы ВТ свидетель КУПНЫЙ:

С ТРУШКИНЫМ я работал с августа м-ца 1938 г.

Помню, что когда речь шла об освобождении арестованного, то ТРУШКИН не хотел освобождать и говорил: «Надо ещё разобраться». По какому конкретно делу был такой разговор, я сейчас сказать не могу.

Бризицкого я освобождал. На него не было никаких материалов. Санкцию на его арест и на освобождение давал ТРУШКИН.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КУПНЫЙ:

Мне неизвестны такие случаи, чтобы ТРУШКИН давал незаконные распоряжения. По работе я больше сталкивался с ГАРБУЗОВЫМ. Были случаи, когда я, как молодой в то время работник, обращался к ТРУШКИНУ за советом или разъяснением, он никогда не выслушивал и говорил: «Иди, работай».

На вопросы ВТ свид[етель] КУПНЫЙ:

ГАРБУЗОВ нам говорил, чтобы мы ни в коем случае даже к врагам народа не применяли физических мер воздействия. «Стойки» действительно применялись к арестованным, но такое указание, видимо, исходило от начальства. В отделе ТРУШКИНА тогда говорили: «Пусть стоит до тех пор, пока не даст показание». Кто это говорил конкретно, указать не могу, но на глазах ТРУШКИНА арестованные стояли длительное время.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КУПНЫЙ:

У меня на «стойке» был арестованный Афанасьев около 2-х суток. На оперативном совещании ТРУШКИН говорил, что арестованных бить нельзя. По делу Афанасьева первичный допрос производил я. Меламуда и Фомина я не допрашивал.

На вопросы ВТ свид[етель] КУПНЫЙ:

Во время допросов арестованных ко мне в кабинет заходили ГАРБУЗОВ и ТРУШКИН, и никто из них арестованных не избивал.

Афанасьев, кажется, на вторые сутки стал давать показание, но точно не помню. Возможно, что он дал показание на 3-ие сутки, но помню, что из этой группы лиц он дал первый показания. На очной ставке Фомина с Афанасьевым я, кажется, присутствовал. С Афанасьевым был я, и кто-то

меня подменял. При мне его никто не избивал, не угрожал ему, он только стоял у стены.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] КУПНЫЙ:

Мне неизвестно, чтобы ГАРБУЗОВ избивал арестованных.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КУПНЫЙ:

Вообще ТРУШКИН особой вежливостью к сотрудникам не отличался, и я не мыслю себе, чтобы ТРУШКИН называл ВОРОНИНА по имени-отчеству. С ВОРОНИНЫМ я работал больше года. Знаю, что он в то время был парторгом отдела, пользовался авторитетом у сотрудников, работал очень много.

На вопросы ВТ свид[етель] ШТЕРН:

Были случаи, когда привозили с допроса в тюрьму арестованных, то у них обнаруживали в карманах чистую бумагу и карандаш. Мог быть и такой случай, когда арестованного плохо обыскали, и у него осталась бумага.

Председательствующий предъявляет свидетелю ШЕЙНБЕРГУ л. д. 1–101 том 11.

На вопросы ВТ свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы тройки составлялись в 4-х экз., из коих один экземпляр направляли в Москву. Впоследствии из протоколов заседания тройки некоторых осуждённых изымали по разным причинам, но основное – если осуждённый не подходил к окраске большинства осуждённых, имеющих в протоколе, то таких осуждённых из этого протокола изымали и переносили в соответствующий по окраске протокол. Эти протоколы, которые мне сейчас предъявлены, оставались для сверок. Но все же, я думаю, что перенос был до подписи протокола. Это я заключаю из того, что, когда я сдавал протоколы тройки, то они были в порядке, и таких перечёркиваний не было.

Делая с Бурданом сверку протоколов, мы потом находили в некоторых протоколах [изменения], но было ли изменение этого наказания по другому протоколу, я сейчас не помню, т. к. мы с следователем Бурданом этого не проверяли. Делать вывод о том, что это зачеркивали для переноса в другой протокол с целью изменять и повышать меру наказания, никак нельзя.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] КОЗАЧУК:

Протокол Беккера ТРУШКИН корректировал, после чего я переписал, а черновик я уничтожил.

Оглаш[аются] л. д. 75–80 из дела Бранта и др.

Свидетель КОЗАЧУК:

Этот протокол допроса от 29–30 июня мной был выслан из р-на на имя ТРУШКИНА. Протокол допроса Беккера от 4-го июля, которого я допрашивал с Винницким, был привезён нами, и ТРУШКИН его скорректировал, после чего я переписал его, а черновик уничтожил. ТРУШКИН корректировал протокол 7 или 8-го июля, а я приехал, кажется, 6-го июля. На откорректированном протоколе допроса Беккера ТРУШКИН сказал: «Поставить дату допроса 4-го июля и дать на подпись арестованному». После я вызывал Беккера, он прочитал и подписал

протокол допроса без возражения, хотя в новом была активизирована его деятельность и показана вербовка Бабаева и Садова. Я помню, что докладывал я всё дело ТРУШКИНУ 7 или 8-го июля.

Свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Я хочу сказать о том, что мной тоже был допрошен Беккер, но почему-то протокола допроса в деле нет.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я помню, что когда у меня находилось дело Бранта, Беккера и других, то был протокол допроса Беккера Винницким. Впоследствии я всё дело передал ТРУШКИНУ. Помню, что ТРУШКИН откорректировал протокол допроса Винницким Бранта и предложил его мне переписать и дать на подпись. После того, как я переписал протокол Винницкого, откорректированный ТРУШКИНЫМ, протокол Винницкого мной [был] уничтожен. Брант подписал протокол, не возражая. В новом протоколе была активизирована к-р организация до вредительства. Показана вербовка Бабаева, Садова. Никаких других материалов на Бабаева и Садова ТРУШКИН мне не передавал, и в деле их не было.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я не согласен с некоторыми показаниями по вопросу допроса Бранта, а поэтому прошу вызвать и допросить в качестве свидетелей Вертигела и Заикина, которые проводили очную ставку между Садовым и Бабаевым. Заикин допрашивал Бабаева и тоже делал очную ставку.

ВТ определил:

Ходагайство подсе[удимого] ТРУШКИНА отклонить, а ограничиться допросом вызванных в суд. заседание свид[етелей] и обзором дела Бранта, Бабаева, Садова, которыми исчерпывающе исследованы обстоятельства по данному эпизоду обвинения.

Кроме этого, ВТ вынес следующее ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Для уточнения некоторых обстоятельств по работе тройки вызвать и допросить в качестве свидетеля Ланчуковского – прокурора Николаевской области.

Объявлен 20-мин[утный] перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Свидетель ЛАНЧУКОВСКИЙ Илья Аркадьевич, рождения 1907 г., член ВКП(б) с 1925 г., в данное время – областной прокурор Николаевской обл., в этой должности – с 1937 г., с подсудимым КАРАМЫШЕВЫМ личных счетов не имею, предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по 89 ст. УК и на поставленные ВТ вопросы,

Свидетель ЛАНЧУКОВСКИЙ отвечал:

В работе тройки я принимал участие. Один–два раза вместо меня был мой заместитель. О порядке работы тройки мне было хорошо известно. Обычно с директивами НКВД СССР по работе тройки меня знакомил секретарь КАРАМЫШЕВА Шейнберг. Верно, все формальности тогда солидности было невозможно из-за целого ряда причин.

На тройку значительное количество дел поступало из района, по которым иногда отмечалась нечёткость. Все это происходило потому, что следствие вели молодые работники. Для этой работы, для контроля были

привлечены пом[ощник] прокурора по спецделам и зам[еститель] нач[альника] Управления Поясов. Это кроме докладчика по делу. Почти во всех случаях они принимали участие при рассмотрении дел тройкой.

Перед заседанием тройки докладчики знакомились в отделах с делами. По линии прокуратуры знакомился с делом пом[ощник] прокурора, а затем, перед самым началом рассмотрения дела на тройке, ещё знакомились зам[еститель] нач[альника] УНКВД Поясов и зам[еститель] прокурора.

На тройке был такой порядок: после доклада дела задавали вопросы, уточняли, затем высказывали своё мнение члены тройки, а КАРАМЫШЕВ резюмировал. Были такие случаи, что на заседании тройки расходились мнениями, тогда члены тройки высказывались, а затем приходили к одному заключению, и если моё мнение я уже выразил надписью на повестке, и оно в итоге обсуждения у меня менялось, то я его зачёркивал и надписывал то своё решение, с которым мы в итоге согласились.

Во время заседания тройки я как член тройки получал повестку и на ней писал своё мнение, к чему приговорить арестованного – лишение/свободы или расстрел. Обратная сторона повестки была чистая. С правой стороны повестки было чистое поле, и каждый член тройки изглаголь своё мнение о мере наказания. Если были разногласия, то уже после обсуждения все приходили к одному мнению, сколько бы мы ни обсуждали. Принципиальных расхождений и длительных споров по вопросу применения меры наказания к арестованному не было.

Черновиком для протокола были моя и др. членов повестки, по которым потом в секретариате печатали протокол, и я каждый протокол подписывал. Были случаи, когда я подписывал протоколы заседаний тройки на вторые, третьи и четвёртые сутки, но не больше. Можно допустить, что при желании могли быть злоупотребления, допустим, вписать в протокол других лиц или дать другую меру наказания, но ведь черновик протокола оставался в секретариате, в котором работали по повесткам ни один сотрудник, а много. Хотя я не мог помнить всех лиц по протоколу, но не допускаю, чтобы целая группа работников секретариата могла стать на такой путь.

Помню три–четыре случая, когда ко мне приходил секретарь тройки и говорил, что капитан³⁰ просил снизить меру наказания с 10 лет на 5 лет и в одном случае увеличить до 10 лет, это было в связи с тем, что поступили какие-то материалы. Выслушав секретаря, я давал согласие. Такого обсуждения по делам с лишением свободы – на ВМН не было. Я не помню таких случаев, чтобы при пересмотре вторично тройкой дела, по которому было вынесено решение «10 лет», вынесли бы второе решение на ВМН. Утверждать этого я не могу, но при мне такого случая не было.

По вопросу переноса из протоколов заседания тройки осуждённых в другой протокол по окраскам мне с КАРАМЫШЕВЫМ никогда не приходилось разговаривать.

О такой директиве Наркомата, по которой нельзя разбирать на тройке лиц русской, украинской, еврейской и белорусской национальностей, я не

³⁰ Идётся про П. Карамышева, який мав спецзвання капітана держбезпеки.

знал и не знаю, и считаю такую установку неправильной. Мне непонятно, почему шпионы национальностей СССР должны быть в особом положении. Мне известно о директиве, запрещающей пропускать лиц высокой квалификации, но такие агроном, учитель, там не упоминались, и мы их пропускали на тройку.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

С некоторыми директивами НКВД СССР, касающимися работы тройки, я знакомил прокурора как члена тройки. Я знаю, что тройка не имела права рассматривать дела на инженеров, врачей; запрещения на учителей, агрономов не было. Я прошу суд ещё раз истребовать эти директивы НКВД СССР от 17 и 21 сентября 1938 г.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Дела лиц, арестованных после 1-го августа, в отдельных случаях пропускали. Проходили такие дела через тройку УНКВД, что о каждом человеке имели особое суждение и, не считая возможным разъединить его дело от других участников, арестованных до 1-го августа, — таких пропускали, возможно, 6–8 человек. Вообще с директивами по работе тройки я был знаком. Дело Трубия я не помню и не могу сказать, проходило ли оно по тройке.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Дело Трубия докладывал на тройке Зайденберг в присутствии Готовцева.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Кроме того, что докладчик докладывал по каждому делу, докладчик писал заключение, в котором говорилось о том, что имеющиеся в деле материалы составлены правильно и соответствуют действительности. Кроме этого, с делом знакомился прокурор. В целях большего контроля мы сами завели такой порядок. Инициатором этого порядка был КАРАМЫШЕВ.

С согласия подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ЛАНЧУКОВСКИЙ освобождён от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания.

В 16 часов объявлен перерыв до 19 часов.

В 19 часов судебное заседание объявлено продолжающимся.

Председатель оглашает следующие, истребованные из УНКВД Николаевской области документы, согласно заявленных ходатайств подсудимых:

1. Выписка из протокола № 30/5 заседания бюро горкома КП(б)У Николаевской области от 19/ХІІ–1937 г. по делу Гаврилова А.Е. об исключении его из партии.

2. Справка особоуполномоченного УНКВД Николаевской области от 28.ХІІ–[19]40 г. о том, что в производстве аппарата особоуполномоченного УНКВД имелись компрометирующие материалы на Лившица, Дарова, Гавриленко, Лавриненко, Белова и Винницкого.

3. Справка шифр-бюро УНКВД Николаевской области о том, что шифрованная телеграмма из УНКВД в адрес Ново-Троицкого РО НКВД об аресте Бабаева за период с 3 по 6 июля с.г. не направлялась.

4. Сообщение 1-го спецотдела УНКВД Николаевской области от 28.XII-[19]40 г. о мерах наказания к 46 осуждённым специалистам и к осуждённым после 1-го августа.

5. Сообщение 1-го спецотдела УНКВД Николаевской области о проверке решений тройки по делам на 35 человек, осуждённых по перечеркнутому протоколу заседания тройки.

ВТ определил:

Приобщить документы к делу.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Акт комиссии, который имеется в деле, в 9-ом томе, 2[-ая] и 3[-я] страницы, и полученный ответ из 1-го спецотдела меня не удовлетворяют. В этом акте говорится, что осуждено 15 специалистов, а, насколько я помню, на специалистов тройка дел вообще не рассматривала, в связи с этим я просил бы истребовать точную справку, сколько было осуждено специалистов, какой специальности и кто персонально.

ВТ определил:

Ходатайство подс[удимого] КАРАМЫШЕВА удовлетворить. Истребовать из 1-го спецотдела справку, какой специальности были осуждены тройкой те специалисты, которые указаны в акте следователей, и за какие преступления.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Бранта я допрашивал в районе 30 июня и подписывал этот протокол своей подписью, в котором он не давал никаких связей на Бабаева и Садова. В деле же этого протокола допроса не оказалось, а имеется протокол допроса Бранта от 30 июня, но за подписью Лейзеровского, причём в этом протоколе, помимо усугубления обвинения Бранта по активизации и участия его в к-р организации, ещё добавлена концовка, в которой изложена связь по к-р работе на Бабаева и Садова. Этот протокол мной был составлен на 7 страницах и выслан почтой во 2-ой отдел УНКВД, а протокол допроса за подписью Лейзеровского на Бранта составлен на 10-ти страницах.

Свидетель КОЗАЧУК:

Я подтверждаю показание Винницкого по существу протокола допроса на Бранта от 30 июня, в котором Брант не давал показаний на Бабаева и Садова. Протокол допроса от 4-го июля на Беккера, составленный в районе мной и Винницким, мы привезли 5-го или 6-го июля с собой. В этом протоколе Беккер не дал связей в к-р деятельности и организации, а равно в самом акте отравления овец – на Бабаева и Садова. Этот протокол мной был должен ТРУШКИНУ, который его откорректировал, расширив к-р деятельность Беккера, и сформулировал связь на Бабаева и Садова. Этот протокол дан мной Беккеру, он от подписи отказывался, но после «стойки» вскоре подписал. Я же этого протокола не подписал и не успел дать на подпись Винницкому, ввиду моего откомандирования в другой район. Протокол же, составленный в районе и откорректированный ТРУШКИНЫМ, после переписки был мной уничтожен.

Председательствующий оглашает следующие истребованные для обозрения из УНКВД след. дела по ходатайству подсудимых.

1. Дело ОНИЩЕНКО

Лист дела 10 и 11 – 2 копии характеристик на Онищенко, данные ему членами ВКП(б) Кращенко и Сетта, из коих видно, что Онищенко характеризуется с положительной стороны, принимал активное участие в революционном движении, в ликвидации разных к-р банд.

На вопросы ВТ свид[етель] СЫЧКОВ:

Копии этих характеристик на Онищенко заверены мной, а подлинники выданы Онищенко при его освобождении из-под стражи.

Председательствующий продолжает оглашать дело по обвинению Онищенко.

Лист дела 1–2 – постановления от 25.VII–[19]38 г. за подписью Федоровского, ТРУШКИНА и Поясова о начале предварительного следствия и об избрании меры пресечения Онищенко.

Лист дела 29 – выписка из протокола № 24 от 21.VII–[19]38 г. заседания бюро обкома КП(б)У Николаевской области об исключении Онищенко из партии.

Лист дела 30 – постановление от 21.VIII–[19]38 г. за подписью Федоровского, ТРУШКИНА и Поясова о направлении Онищенко вместе с след. материалами в распоряжение 4-го отдела НКВД УССР в г. Киев согласно требования НКВД УССР.

Лист дела 32 – постановление от 9.X.–[19]38 г. за подписями Федоровского, ТРУШКИНА и Поясова о принятии дела Онищенко к своему производству, этапированного из НКВД УССР 9.X.–[19]38 г.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Прокурор Ланчуковский дал санкцию на арест Онищенко после заседания обкома. Онищенко был арестован по предложению Успенского и к нам направлен.

Оглаш[аются] л. д. 336, 405 комиссии НКЮ УССР из дела по обвинению Онищенко от 9.X–1938 г. об обследовании работы Николаевского облсуда в период пребывания Онищенко в должности председателя облсуда.

2. Из дела по обв[инению] ГУЩИНА:

Лист дела 1, справка на арест Гущина от 23.VI–[19]38 г., подписанная ВОРОНИНЫМ, ГАРБУЗОВЫМ, ТРУШКИНЫМ и Поясовым.

Лист дела 18-31, протокол допроса Гущина от 22.VIII–[19]38 г., допрошенного ВОРОНИНЫМ, где Гушин признал себя участником антисоветской троцкистской организации, которого завербовал Клиновский.

Лист дела 147–149, выписка из протокола допроса обв[иняемого] Стародубцева (из дела Гущина) от 5.VI–[19]38 г., где указано, что Стародубцеву были известны следующие участники антисоветской троцкистской организации, которых ему назвал Великов, как-то: Щербина, Гушин, Муклевич, Плетнев, Демченко, Кузнецов.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Стародубцев Дмитрий и Стародубцев Григорий из-под стражи освобождены.

Председательствующий удостоверяет, что в следделе по обвинению Гущина протоколов допроса на Гаврилова и Гладкова не имеется, и

по показаниям Гушина и др., имеющимся в деле Гушина, Гаврилов и Gladков не проходят.

Оглаш[ается] л. д. 96–97, протокол очной ставки от 1.X–[19]38 г. между Гушиным и Стародубцевым Дмитрием, допрос коих производили ВОРОНИН и Зельцман. На этой очной ставке Стародубцев показал, что он является членом антисоветской право-троцкистской организации и как участник этой организации знал Гушина, который, в свою очередь, назвал Стародубцева и как участник[ов] этой организации – Мацковского, Мордуховича³¹, Каноненко.

Оглаш[ается] л. д. 123, протокол очной ставки от 23.X–[19]38 г. между Сухоленцовым и Муратовым (из дела по обв[инению] Гушина), допрос коих производили ТРУШКИН и Басов. На этой очной ставке Муратов показал, что ему, со слов Гушина, был известен как участник право-троцкистской организации Сухоленцев, в чем Сухоленцев не отрицает.

3. Из дела по обв[инению] ИОНАСА Генриха.

Лист дела 4, ордер на арест Ионаса от 23.X.1938 г.

Лист дела 12, 13, постановления о начатии следствия и продлении срока ареста Ионаса за подписью ГАРБУЗОВА, ВОРОНИНА, Поясова. Ионасу было предъявлено обвинение по ст. 54-10 ч. 1, 54-11 и 97 УК.

Лист дела 100, постановление от 25.III–[19]39 г. за подписью Ткаченко, Федоровского, ТРУШКИНА и Поясова о прекращении дела Ионаса производством.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Ионас из-под стражи освобождён.

4. Из дела по обв[инению] ГАВРИЛОВА.

Лист дела 1, 2, постановление о начале следствия по делу Гаврилова от 26.VI–[19]38 г. по ст. ст. 54-8, 54-11 УК и постановление об избрании меры пресечения Гаврилову от 22.VI–[19]38 г. за подписями Федотова, ВОРОНИНА, ГАРБУЗОВА, ТРУШКИНА и Поясова.

Лист дела 9, выписка из протокола № 30/5 от 19.XII–[19]37 г. горкома КП(б)У г. Николаев об исключении Гаврилова из партии.

Лист дела 17–22, протокол допроса Гаврилова от 24.XI–[19]38 г., допрос коего производил Федоровский. Из протокола допроса видно, что Гаврилов признал себя участником антисоветской право-троцкистской организации, в каковую был завербован Клигерманом, а от Клигермана Гаврилову были известны следующие лица, состоявшие в этой организации: Гай, Кожема, Gladков, Чубов.

Лист дела 40, выписка из протокола допроса Шербины (имеющаяся в деле Гаврилова) от 30.VII–[19]38 г., допрос коего производил Зельцман, где указано, что Шербина вовлék Гаврилова и Gladкова в троцкистскую организацию.

Л. д. 45–47, выписка из протокола допроса Чулкова от 11.VII–[19]38 г. (имеющаяся в деле Гаврилова), которого допрашивали Танфилов и Федотов. Из протокола допроса Чулкова видно, что ему стало известно от Гая, что Гаврилов является участником троцкистской организации.

³¹ У документі помилково через літеру «а» у першому складі – Мардуховича.

Л. д. 48–52, выписка из протокола допроса Дудина от 16.VIII–[19]38 г. (имеющаяся в деле Гаврилова), коего допрашивали ГАРБУЗОВ и Зельцман. В этом протоколе допроса указано, что Дудину было известно, что в состав антисоветской троцкистской организации входили: Гаврилов, Сухановский, Гладков, Чулков, Коноплев и др.

Л. д. 53–54, выписка из протокола допроса Волкова (имеющаяся в деле Гаврилова) от 15.IX–[19]38 г., коего допрашивал Эльзон. В этом протоколе допроса указано, что со слов Гаврилова ему стало известно, что участником антисоветской троцкистской организации является Деревянченко и что Гаврилов предлагал Чулкову приступить к вербовке в эту организацию лиц из числа студентов института.

Л. д. 56–57, протокол допроса Гладкова от 19.XI–[19]38 г. (имеющегося в деле Гаврилова), коего допрашивал Зельцман.

Л. д. 105, постановление от 10.IV–[19]39 г. за подписями ВОРОНИНА, ГАРБУЗОВА и Поясова о прекращении дела Гаврилова.

5. Из дела по обв[инению] ДЕРЕВЯНЧЕНКО.

Л. д. 1, постановление (о начале предварительного следствия) от 13.VII–[19]38 г., подписанное Богуславским, ТРУШКИНЫМ и Поясовым. Деревянченко было предъявлено обвинение по ст.ст. 54-8, 54-11 УК.

Л. д. 4, постановление об аресте Деревянченко Дмитрия от 19.VII–[19]38 г. за подписями ВОРОНИНА, ГАРБУЗОВА и Поясова.

Л. д. 23–33, первый протокол допроса Деревянченко от 15.VIII–[19]38 г., коего допрашивал ВОРОНИН. На этом допросе Деревянченко указывает, что он был завербован в антисоветскую троцкистскую организацию в конце 1935 г. студентом Кораблестроительного института Лободой³², от которого Деревянченко стало известно, что членами этой организации являются Кобцев, Дудин, Гаврилов, Гладков, Волков и др., а всего 11 человек.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Этот допрос Деревянченко производил я. Вообще это дело находилось у меня, и я Деревянченко допрашивал.

Председательствующий продолжает оглашать из дела Деревянченко следующие документы:

Л. д. 149, выписку из протокола допроса Кобцева (из дела Деревянченко) от 13 августа 1938 г., которого допрашивал ВОРОНИН.

Л. д. 156–157, выписка из протокола допроса Шаповалова (из дела Деревянченко) от 10.VII–[19]38 г., которого допрашивал ВОРОНИН.

Л. д. 287, постановление от 25.II–[19]39 г. о выделении из дела Деревянченко материалов в отдельное производство в отношении Кобцева, Гладкова, Гаврилова, Дудина, Стародубцева, а всего на 24 человека за подписью ВОРОНИНА, ТРУШКИНА, Поясова.

Постановление на Деревянченко от 4.IV–1939 г. о прекращении дела на Деревянченко, которое подписали ВОРОНИН, ГАРБУЗОВ и Юрченко.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

³² У документі помилково через літеру «а» у першому складі – Лободой.

На Деревянченко первоначально имелось достаточно материалов для того, чтобы его арестовать, и, со слов КАРАМЫШЕВА, мне стало известно, что секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко санкционировал арест Деревянченко. Впоследствии мне предложили освободить Деревянченко, что мной и было сделано.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Федотову на допросе Стародубцев дал показание на Деревянченко.

6. Из дела по обв[инению] НАЛИВАЙКО.

Л. д. 1, справка на арест Наливайко от 14.VII–[19]38 г. за подписью КАРАМЫШЕВА и Готовцева. Наливайко было предъявлено обвинение по ст. ст. 54-1 п. «а», 54-7, 54-11 УК.

Л. д. 13–34, собственноручный протокол признания Наливайко от 20.VII–[19]38 г.

Л. д. 35–36, протокол допроса Наливайко от 29.VII–[19]38 г., где Наливайко отказался от своих собственноручных показаний. Допрос Наливайко производил Винницкий.

Постановление от 26.XII–[19]38 г. о прекращении дела Наливайко и освобождении его из-под стражи.

Объявляется 15-мин. перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Комендант суд. заседания докладывает суду о том, что освобождённые от присутствия в зале суд. заседания 28-го декабря 1940 г. до 30 декабря 20 часов свид[етели] Жерноклюев, Сухоленцев, Гаврилов, Чулков, Седнев, Дудин, Волков, Гладков, Бондарь, Афанасьев и Чикалов в судебное заседание явились и находятся в комнате, отведённой для свидетелей.

Председательствующий дал распоряжение вызвать в зал судебного заседания свид[етеля] ВОЛКОВА.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ВОЛКОВ:

Когда меня допрашивали, то ГАРБУЗОВ заходил в кабинет следователя Эльзона.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ВОЛКОВ:

Когда меня вызвал на допрос ВОРОНИН, то я отказывался от своих предыдущих показаний. На допросе у Эльзона присутствовал ВОРОНИН. Кто тогда спрашивал о Карасёве – Эльзон или ВОРОНИН, сейчас хорошо не помню. Мне тогда был предъявлен список «членов к-р организации» и [я] его подтвердил, после этого писал свои показания. ВОРОНИН требовал, чтобы я написал в протокол весь актив. Сейчас я вспоминаю, что Эльзон и ВОРОНИН оба требовали, чтобы я указал в своих показаниях Карасёва.

Первый протокол допроса я писал под диктовку следователя Эльзона и при вторичном допросе от меня требовали, чтобы я указал в показаниях Карасёва. Я на всех писал характеристики, за исключением Карасёва, т. к. Эльзон этого не требовал.

Для того, чтобы произвести мне очную ставку с Гладковым, меня «готовили» к этому трое суток, а затем завели в комнату Зельцмана и там стали издеваться надо мной, а затем потребовали, чтобы я подписал показания.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

После моего освобождения из-под стражи я встречался с Кобцевым, но об аресте мы не разговаривали.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

Ни на предварительном следствии, ни на суде я не говорил, что сидел в одной камере с Фоминым.

На вопросы ВТ свид[етель] ГАВРИЛОВ:

В начале 1937 г. я был исключён из партии и в том же году был восстановлен в партии. Меня освободили из-под стражи 10-го апреля 1939 г. и дней через 5–7 мне выдали партийный билет.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

Во время моего допроса ВОРОНИНЫМ заходил ТРУШКИН и всё время угрожал, требуя от меня показаний.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА подс[удимый] ВОРОНИН:

Когда я допрашивал Гаврилова, то в кабинет заходил ТРУШКИН, но он Гаврилову не угрожал.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я не помню такого случая, чтобы я заходил в кабинет ВОРОНИНА, и он Гаврилова допрашивал. Помню другое, что когда Гаврилова допрашивал Федоровский, то я заходил.

Свидетель ГАВРИЛОВ:

Я могу напомнить ТРУШКИНУ, когда он зашел в кабинет ВОРОНИНА, то, обращаясь ко мне, ТРУШКИН сказал: «Мы тебя расстреляем, как бешеную собаку».

На вопросы ВТ свид[етель] ГАВРИЛОВ:

По освобождении из-под стражи меня вызывали в Наркомат, и следователь спрашивал, бил ли вас ВОРОНИН, и тогда я ответил: «ВОРОНИН меня не бил, но на всём протяжении следствия угрожал мне, приподносил к носу палку, говоря при этом, нюхай, чем пахнет, плевал в лицо и т. д.». Меня вызывал на допрос Твердохлебенко, и тогда же было вызвано на допрос ещё несколько человек из освобождённых. Все мы во время допроса находились в коридоре и поочерёдно нас вызывали.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЧИКАЛОВ:

С Бондарем мне один раз давали очную ставку. Сначала он уличал меня, а затем я его. На той же очной ставке с Бондарем он сказал, что по заданию якобы Афанасьева Бондарь завербовал меня в к-р организацию. На это я ответил отрицательно и сказал, что это неверно. Вначале я говорил, что я не виновен, а Бондарь доказывал, что он завербовал меня в к-р организацию.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЧИКАЛОВ:

Будучи на очной ставке с Афанасьевым, он первый «уличал» меня, а я отказывался и лишь впоследствии я подтвердил показания Афанасьева.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель]³³ БОНДАРЬ:

Мне четыре раза была дана очная ставка с Чикаловым. Первый раз мне дали с ним очную ставку и допрашивали ВОРОНИН и ТРУШКИН.

³³ У документі помилково – подс[удимый].

ВОРОНИН и ТРУШКИН учили меня, как нужно «уличать» и «разоблачать» Чикалова. Первая очная ставка у меня с Чикаловым не состоялась, т. к. я всё отрицал, а затем, когда ко мне применили физические меры, то я дал показания.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

В деле Бондаря ГАРБУЗОВ никакого участия не принимал, возможно, что он заходил в комнату, когда допрашивали Бондаря.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] БОНДАРЬ:

Во время моего допроса ГАРБУЗОВ заходил и интересовался, даю ли я показания, и когда следователь отвечал: «Нет», то ГАРБУЗОВ подходил ко мне, требовал, чтобы я дал показания, и ругал меня нецензурными словами, но не бил и не угрожал. Меня все время допрашивали Зельцман и ВОРОНИН.

На вопросы ВТ свид[етель] БОНДАРЬ:

Меня всю ночь с 3 на 4-ое августа избивали, но не ВОРОНИН, и не Зельцман.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] БОНДАРЬ:

Я хорошо помню, что меня в коридоре отливал водой Федотов. Избивали меня в 10-ой комнате. Как меня вынесли из 10-ой комнаты, я не помню, ибо был в бессознательном состоянии. Где я в это время находился, я не знаю, но когда пришел в сознание, то увидел, что нахожусь в коридоре 1-го этажа.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Это – выдумка БОНДАРЯ, и такого случая, чтобы я его отливал водой, я не помню.

На вопросы ВТ свид[етель] БОНДАРЬ:

До того, как меня отливал водой Федотов, я его не знал. Помню, что через несколько дней Федотов со мной разговаривал, дал мне 2 пачки папирос. Сейчас припоминаю, что на протяжении с 3-го по 12 августа, во время моего допроса, Федотов заходил, и я его хорошо помню.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Я никогда Бондаря на допрос не вызывал и с ним не беседовал. Помню, один раз я зашел в кабинет к Эльзону и там видел Бондаря, а больше я его не видел.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] БОНДАРЬ:

Когда ТРУШКИН зашёл в кабинет, где меня допрашивали, то я ему стал жаловаться на то, что меня избили, на это ТРУШКИН ответил: «Здесь не бьют, а тебя из дому привезли избитого».

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ДУДИН:

Я дал показание на 5-й или 6-ой день, сначала я не давал показаний, когда выбился из сил, то я дал показание Зельцману.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Дудин на 1-ый день дал показание, а не на 5-ый, как это он говорит. Как только Дудин был исключён из партии, его арестовали, и он сразу стал давать показания. Затем, перед этапированием его в Киев, он вторично собственноручно написал заявление, в котором указал, что в Николаеве имеется запасной троцкистский центр. Помню, что после

такого заявления, Дудина вызвали к КАРАМЫШЕВУ, и ТРУШКИН там же сомневался [в том], о чем написал в заявлении Дудин.

Свидетель ДУДИН:

Это – сухая ложь, я дал показание на 5-е или на 6-ые сутки. Это и было моим заявлением, в котором я указывал только о себе. После этого заявления пришел ТРУШКИН и ряд других сотрудников, которые стали производить мой допрос. Меня знает весь город Николаев как честного и преданного партии и Советской власти.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КУПНЫЙ:

Заикин в то время работал в другом отделе. Кто на него писал заявления, я не знаю.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ДУДИН:

Никакого заявления наркому я на Заикина не писал.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН:

Когда меня допрашивали в УНКВД, то говорили, что Дудин писал заявление на имя наркома.

Свидетель ДУДИН:

Я хочу сказать суду о том, [что], когда я встретил около здания УНКВД Зельцмана, то он задал мне вопрос: «Ну как, не обижаетесь на партию?», получилось так, что как будто бы меня арестовала партия.

Свидетель ЗЕЛЬЦМАН:

Такого разговора у меня с Дудиным не было. Помню, что при встрече с Дудиным я у него спрашивал, получил ли он документы.

Свидетель БОНДАРЬ:

Я хочу пояснить Трибуналу о том, что мой допрос происходил рядом с комнатой, где допрашивали Дудина, и помню, что на протяжении 3-х или 4-х суток после его ареста следователи все время кричали на него. Это я заключаю из того, что всё время произносили фамилию «Дудин, Дудин».

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ФЕДОТОВ:

Когда я допрашивал Фомина, то иногда заходил ГАРБУЗОВ.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Во время допроса мной Фомина ТРУШКИН заходил, но он Фомина не бил и не угрожал ему.

На вопросы ВТ свид[етель] ФОМИН:

ТРУШКИН меня ударил в присутствии ГАРБУЗОВА и, кажется, Зельцмана. Допрашивали меня тогда в кабинете ГАРБУЗОВА.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

У меня с допроса Фомина ТРУШКИН не забирал.

На вопросы ВТ под[судимый]³⁴ ГАРБУЗОВ:

Я не помню такого случая, чтобы в моём кабинете ТРУШКИН допрашивал Фомина. Возможно, что 3-го августа ТРУШКИН заходил в кабинет Федотова и там его допрашивал.

На вопросы ВТ свид[етель] ФОМИН:

Да, я сейчас вспоминаю, что допрос мой производил ГАРБУЗОВ 3-го августа. Когда меня ввели в кабинет ГАРБУЗОВА, то было 5–6 сотрудников

³⁴ У документі помилково – свид[етель].

НКВД. После этого меня избили, и ГАРБУЗОВ стал допрашивать. До 3-го августа я ГАРБУЗОВУ показаний не давал. Тогда ТРУШКИН взял меня из кабинета Федотова и завёл в кабинет ГАРБУЗОВА. Возможно, что это был не кабинет ГАРБУЗОВА, но ГАРБУЗОВ там был. Туда же заходил Федотов и вскоре ушёл.

Я сначала сам написал показание, и когда ГАРБУЗОВ прочёл, то он сказал: «Такое показание не годится», а затем ГАРБУЗОВ написал сам, дал мне подписать, а моё показание изорвал. Я ещё писал показание под диктовку Духовного, а основные следователи у меня были Федотов, Зельцман и ГАРБУЗОВ. После того, как я на протяжении 3-х суток допроса не дал показаний, то ВОРОНИН, Федотов и Зельцман меня сильно избили в кабинете Федотова.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФОМИН:

Я подтверждаю, что ВОРОНИН меня избивал. Кобцева я вообще плохо знаю. После освобождения я кое-кого видел, и мы беседовали по вопросу ареста, но как нас допрашивали, мы об этом не разговаривали.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФЕДОТОВ:

Ни я, ни Зельцман, ни ВОРОНИН Фомина не избивали, и вообще во время допроса Фомина Зельцман ко мне не заходил.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Фомина я никогда не избивал и то, что он говорит, это — ложь.

Свидетель ФОМИН:

Я хочу сказать о том, что у Федотова было излюбленное место бить по голове, и таким образом он наносил мне побои. Кроме Федотова, меня тогда избивали ВОРОНИН и Зельцман.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФОМИН:

Я утверждаю, что когда меня водили в уборную, то, проходя по коридору, я увидел в комнате человека в трусах, лежавшего на диване с порезанными пятками, а когда зашел в уборную, то на полу и в раковине было много крови. Кто меня сопровождал в уборную, я сейчас не помню, т. к. в то время я был в плохом состоянии, а этот момент мне хорошо запечатлелся.

Свидетель ФЕДОТОВ:

Я не могу себе представить такого случая, о котором сейчас говорит Фомин, я лично Фомина в уборную не водил и с ним не разговаривал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] КРЮКОВСКИЙ:

Если бы тогда имел место такой случай, о котором говорит Фомин, то я бы о нём знал, но этого не могло быть.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ГЛАДКОВ:

После освобождения я встречался с Кобцевым, и [мы] разговаривали по вопросу нашего ареста.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЧУЛКОВ:

Ко мне ВОРОНИН физических мер не применял, но когда меня допрашивал Федотов, то ВОРОНИН заходил и требовал, чтобы я дал показания. Меня бил ГАРБУЗОВ в присутствии Федотова и Танфилова.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФЕДОТОВ:

ВОРОНИН иногда присутствовал, когда я допрашивал арестованных, но никогда он арестованных в моем присутствии не избивал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЧУЛКОВ:

После освобождения из-под стражи у меня на квартире были Кобцев и Волков, я также был у Кобцева. Это мои хорошие друзья, и я с ними встречаюсь.

Никогда и ни на кого я не клеветал, тем более на сотрудников НКВД.

Я первым был освобождён, сразу же написал заявление и отнёс его прокурору Карпенко. Мне никто не советовал и не говорил, что нужно писать в заявлении, ибо я сам о себе знаю больше и написал то, что было.

В день моего освобождения ко мне на квартиру приходила жена Стародубцева. До ареста я с женой ходил к Стародубцевым. Я не давал советов Стародубцевой, чтоб она передала записку арестованному мужу, как ему вести себя на освобождение.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] СЕДНЕВ:

ВОРОНИН ко мне не применял физических мер, и таких показаний, чтобы ВОРОНИН избивал меня, я не давал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЗЕЛЫЦМАН:

Седнева допрашивал ряд следователей, я тоже давал ему очную ставку.

Свидетель СЕДНЕВ:

Я помню, когда меня Ганкин допрашивал, то в это время заходил Зельцман и учил Ганкина в моем присутствии, как нужно писать протокол допроса. Помню, что когда Ганкин отлучился из комнаты, то Зельцман взял протокол, который писал Ганкин, и ударил меня по лицу.

На вопросы ВТ свид[етель] ЗЕЛЫЦМАН:

Такого случая, о котором сейчас сказал Седнев, не было.

С согласия подсудимых ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Освободить от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания свидетелей Гаврилова, Чулкова, Седнева, Жерноклюева, Кобцева, Сухоленцева, Дудина, Волкова, Фомина, Гладкова, Бондаря, Афанасьева и Чикалова.

Свидетель КРЮКОВСКИЙ:

Я хочу суду сказать о том, что когда арестовали КАРАМЫШЕВА, Гаврилов при встрече со мной спросил: «Что, у вас уже арестовывают?». Я их подозреваю, что у них есть сговор оклеветать следствие.

Объявляется 10-мин[утный] перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Председательствующий обозревает из дела по обвинению Стародубцева Дмитрия (истребованного для обозрения) следующие документы:

Л. д. 1–2, постановление о начале предварительного следствия от 8.VI–[19]38 г. и постановление об избрании меры пресечения от 8.VI–[19]38 г. в отношении Стародубцева за подписями Федотова, ТРУШКИНА и КАРАМЫШЕВА.

Л. д. 21–39, протокол допроса Стародубцева от 25.VI–[19]38 г., коего допрашивали ВОРОНИН и Федотов. Из этого протокола допроса видно, что Стародубцев был вовлечён в антисоветскую троцкистскую организацию Агеевым, а затем Стародубцев вовлёк в эту организацию Задорожного, Стародубцева Григория (брата), Осипова, Щербину и др.

Л. д. 61–72, протокол допроса Стародубцева от 5.VII–1938 г., допрос коего производили ВОРОНИН и Федотов. В этом протоколе допроса указано, что Стародубцеву были известны от Беликова следующие члены к-р организации: Щербина, Гушин, Чулков, Фурман, Слободянников³⁵, Кан, Гаврилов, Мацковский, Попков.

На вопросы ВТ подсудимый ВОРОНИН:

В начале следствия я допрашивал Стародубцева с Федотовым, а в дальнейшем Стародубцева допрашивали Федотов, Эльзон и ГАРБУЗОВ.

Председательствующий разъясняет подсудимым о том, что вызванные в суд. заседание в качестве свидетелей Шкляр, Поясов, Кулинский в судебное заседание не прибыли по неизвестной Трибуналу причине. Свидетель Николаевский возвратился из служебной командировки в г. Киев, но прибыть в судебное заседание не может ввиду его болезни, о чём имеется справка за подписью 2-х врачей. Свидетель Альбрехт в судебное заседание не прибыл по неизвестной причине. Свидетели: Деревянченко убыл на жительство в г. Севастополь; Наливайко убыл на жительство в г. Ленинград; Федоровский убыл из г. Николаева и неизвестно, где в данное время проживает; Гохман также убыл из г. Николаева и неизвестно, где проживает; Зайденберг, согласно полученной телеграммы из Москвы, в судебное заседание прибыть не может ввиду того, что он находится на учебе. Вызванные дополнительно свидетели: Буранов убыл на жительство в г. Москву, и Заикин находится в отпуске по болезни в санатории г. Ялта.

После разъяснения председательствующий спрашивает у подсудимых, не возражают ли они слушать их дело в отсутствие названных свидетелей.

Подсудимый ВОРОНИН:

Поскольку Николаевский прибыть в судебное заседание не может, то у меня будут вопросы к Готовцеву. В отношении остальных неявившихся свидетелей считаю, что дело слушанием продолжать можно.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я считаю, что в отсутствие Федоровского, Николаевского дело слушать нельзя, и просил бы их вызвать. Показания Николаевского являются существенными, и при его допросе можно было бы выяснить ряд обстоятельств по разработке «Ретивые». Поясов тоже нужен был бы в судебном заседании, но всё же без него, я думаю, слушать дело можно. Что касается остальных неявившихся свидетелей, то они мне не нужны, и в отсутствие их дело слушать можно.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я просил бы Николаевского вызвать в суд. заседание, т. к. он — очень важный свидетель. Что касается остальных неявившихся свидетелей, в их отсутствие дело слушать можно.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я считаю, что в отсутствие названных свидетелей в суде дело слушать можно, и без Николаевского дело также можно слушанием продолжать,

³⁵ У документі помилково через літеру «а» у першому складі — Слабодянников.

но т. к. он вызван быть не может, я хочу заявить Трибуналу следующее ходатайство:

Суд удовлетворил мое заявление об ознакомлении с материалами разработки «Ретивые», по которой проходили и изобличались в антисоветской деятельности целый ряд лиц, освобождённых из-под стражи, к числу их относятся: Гаврилов, Деревянченко, Гладков и др. — все они обвинялись в принадлежности к право-троцкистскому подполью.

В настоящее время, как мне удалось установить, разработка «Ретивые» находится в Киеве, и что, следовательно, моё заявление, несмотря на решение суда, остаётся по-существу неудовлетворённым. Принимая во внимание, что прекращённые агентурные разработки должны храниться по месту их возникновения, т. е. в данном случае в Николаеве, а отсутствие её в архиве в УНКВД является недопустимым со всех точек зрения, что работники след. части НКВД УССР, зная о выезде Военного Трибунала в Николаев, совершенно неслучайно задержали высылку разработки «Ретивые», ибо материалы разработки уличают Гаврилова, Гладкова и др. лиц в антисоветских проявлениях и сговоре, в смысле дачи ложных показаний на работников НКВД, все эти лица выставлены свидетелями по делу сотрудииков. Разработка «Ретивые» прекращена по мотивам, которые не могут быть оправданы соображениями оперативного характера и политической целесообразности. По этому агентурному делу работали 4 агента, в агентурных материалах участвовали гласные сотрудиики, и речь шла об оживлении право-троцкистских элементов.

Разработка «Ретивые» была прекращена на основании ничем не оправданного допроса агента «Герда», который от своих показаний впоследствии по этому делу вообще отказался.

Со стороны отдельных работников НКВД УССР, руководивших потом следствием по делу сотрудииков, как, например, Калужский, пытались и раньше сами ликвидировать разработку путём вербовки, что противоречит элементарным понятиям об агентурной службе.

Все эти мероприятия, связанные с прекращением разработки «Ретивые», по существу предприняты для того, чтобы оправдать практику огульного освобождения арестованных с включением в число свидетелей по делам сотрудииков проходящих по разработке Гаврилова, Деревянченко, Фомина и др. На основании этого я прошу суд вызвать и допросить по этому делу «Ретивые» Готовцева и Юрченко — бывш[его] нач[альника] УНКВД Николаевской области. Эти лица могли бы внести ясность в вопросе неправильного прекращения разработки «Ретивые» и неосновательного предъявленного обвинения в связи с ней.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Я присоединяюсь к ходатайству КАРАМЫШЕВА и просил бы вызвать в суд. заседание Юрченко, который в курсе дел, в частности, по разработке «Ретивые».

Подсудимый ТРУШКИН:

При такой мотивировке, как сказали КАРАМЫШЕВ и ГАРБУЗОВ, я отказываюсь от своего предыдущего ходатайства вызова в суд. заседание Николаевского.

ВТ определил:

В ходатайстве подсудимых КАРАМЫШЕВА и ГАРБУЗОВА — о вызове в суд, заседание и допросе в качестве свидетеля Юрченко — отказать, а ограничиться дополнительным допросом свид[етеля] Готовцева по разработке «Ретивые» и огласить имеющиеся в деле материалы, относящиеся к разработке «Ретивые».

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

При мне ГАРБУЗОВ докладывал Юрченко материалы агента «Герда» об антисоветской группировке бывших арестованных после их освобождения, ныне освобождённых и проходящих свидетелями по данному делу. После обсуждения материалов агента «Герда» и других агентов, подтверждающих их антисоветские настроения и стговор, речь о которых шла у бывш[его] нач[альника] УНКВД Юрченко — об одной агентурной комбинации, дабы перепроверить эти данные.

Помню, один раз к Юрченко вызывался Николаевский, и он сказал, что в Наркомате внутренних дел УССР он дал об этом неверные сведения, компрометирующие по этой разработке работников 2-го отдела УНКВД. Я не знаю, что послужило основанием допросить Николаевского и выслать протокол его допроса в НКВД УССР. Я тогда вызвал особоуполномоченного УНКВД Никитина, и совместно допросили Николаевского о конкретных фактах неправильных действий работников 2-го отдела. Николаевский тогда сказал, в НКВД УССР он не говорил того, что записали в его протоколе. Для перепроверки его сводок и показаний, данных в Киеве на работников ТРУШКИНА, ГАРБУЗОВА, ВОРОНИНА, я составил вопросник разговора «Герда» с женой Стародубцева, которая, по данным «Герда», была тесно связана с освещаемой им антисоветской группой освобождённых и была откровенна с «Гердом» о их группировке после освобождения и их антисоветских разговорах. Затем согласовали с Юрченко и решили проверить путём подслушивания их разговора. Участвовали в этом сам Юрченко и ГАРБУЗОВ. «Герда» мы не стали допрашивать в УНКВД и направили весь этот материал с докладной запиской бывш[его] нач[альника] УНКВД Юрченко в НКВД УССР. Материал подслушивания разговора «Герда» со Стародубцевой вполне подтверждал материалы «Герда» о вновь формируемой антисоветской группировке освобождённых арестованных, которые ныне [проходят] свидетелями по делу. КАРАМЫШЕВА в то время уже³⁶ не было в УНКВД, и он к этому не имеет отношения.

Следователь Калюжный получил неправильные показания «Герда» на ГАРБУЗОВА и др., и эти материалы послужили увольнению³⁷ из органов НКВД ГАРБУЗОВА.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

Агент «Герд» вообще отказался от своих показаний, которые он дал в Киеве.

На вопросы подсудимого КАРАМЫШЕВА свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

³⁶ У документі помилково — ещё.

³⁷ У документі — увольнением.

По-моему, после проведённой «агентурной комбинации» — подслушивания — и была заведена агентурная разработка «Ретивые». Я знаю эту разработку, так как я о ней изложил, а сам в этой разработке — непосредственного участия в ней — не принимал. В этой агентурной разработке принимал участие и гласный состав. Кобцев, Гаврилов, Деревянченко и др. проходили по материалам разработки «Ретивые». Оценку всех материалов по этой разработке «Ретивые» я дать не могу, т. к. не [на]столько знаком со всеми материалами этой разработки. Что послужило в НКВД УССР данными [для] прекращения разработки «Ретивые», я не знаю, но агент «Герд» впоследствии от своих показаний, данных в НКВД УССР, отказался.

«Герд» сам первый принёс без каких-либо угроз материалы. Я не могу сказать, в связи с чем прекращена агентурная разработка «Ретивые» вопреки директивам НКВД СССР.

Председательствующий обозревает из 9-го тома материалы, касающиеся заведения разработки «Ретивые».

Л. д. 131 — сводка агента «Герд[а]» от 22.V.—[19]39 г.

Л. д. 132 — сводка агента «Герд[а]» от 12.V.1939 г.

Л. д. 134 — сводка агента «Добровольского» от 20.V.—[19]39 г.

Л. д. 135—136 — сводка агента «Герд[а]» от 23.IV.—[19]39 г.

Л. д. 137—138 — сводка агента «Герд[а]» от 3.V.—[19]39 г.

Л. д. 139—141 — две сводки агента «Герд[а]», первая — от 19.V.—[19]39 г. и вторая — от 21.V.1939 г.

Л. д. 142—146 — докладная записка бывш[его] нач[альника] УНКВД Юрченко от 2.VI.—[19]39 г. на имя зам[естителя] наркома Кобулова.

Л. д. 147—152 — докладная записка Юрченко от 22.VII.—[19]39 г. на имя зам[естителя] наркома Кобулова с резолюцией Кобулова «Твердохлебенко. К материалам дела по Николаеву».

Л. д. 153—163 — протокол допроса Николаевского от 25.X.—[19]39 г., коего допрашивал Хазин.

Л. д. 164—172 — заключение Хазина от 28.X.—[19]39 г. по агентурному делу «Ретивые» с резолюцией: «Согласен. Горлинский. 5.XI.—[19]39 г.». В этом заключении говорится о прекращении агентурного дела «Ретивые» и об исключении из состава действующих агента «Герд[а]».

Оглаш[аются] л. д. 250—255 том 11, стенографическая заметка опроса Николаевского от 28.XI.—[19]39 г. по агентурной разработке «Ретивые».

На вопросы ВТ свид[етель] ГОТОВЦЕВ:

По-моему, на возражения бывш[его] нач[альника] Управления Юрченко на неправильность подхода следователей в НКВД УССР к агентурной разработке «Ретивые» из НКВД УССР было прислано указание допросить Николаевского, и тогда мне бывш. нач[альник] Управления Юрченко поручил это проделать. Я вызвал особоуполномоченного Никитина, и мы допросили Николаевского, который отрицал свои показания, записанные протоколом в Киеве.

Оглаш[аются] л. д. 256—257 — протокол допроса Николаевского от 19.III.—[19]40 г., которого допрашивали Хайтин и Бурдан (том 9).

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу сказать о том, что с этими материалами я ознакомился только в судебном заседании. Я прошу записать, что 2 июля бывш. нач[альник] Управления Юрченко докладной запиской сообщил о всех проходящих лиц[ах] по донесению агента «Герда» наркомму. Из этого видно, что: 1) первая докладная записка — не моя. Юрченко сам ознакомился с материалами «Герда», а я не имел никакого отношения и не мог иметь к донесениям; и 2) что ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН просили материалы у агента «Герда» на освобождённых — это явная провокация следователей НКВД УССР по настоящему делу, которое заключается в том, что в показаниях агента «Герд[а]» указано, что в июне 1939 г. Поясов им руководил, тогда как в июне м-це Поясова уже не было в Николаеве. Эта запись в протоколе является неправильной.

Подсудимый ВОРОНИН:

В заключении по агентурной разработке «Ретивые»³⁸ указано, что там имеются сводки только агента «Герд[а]» и совершенно не говорится о донесениях «Иванова» и «Гершова», перекрывающих материалы агента «Герд[а]», а также агента «Добровольского». Кроме этого, участвовали 2 гласных сотрудника — начальник Управления и зам[еститель] нач[альника] отдела — для перепроверки донесений, которые также говорят о том, что донесения были правдоподобными, агентурная разработка «Ретивые» заведена правильно и без оснований прекращена. Необходимо проверить те данные, которые послужили основанием её прекращения. Спрашивается, где же с моей стороны фальсификация? Заключение по агентурной разработке «Ретивые», которое было составлено в НКВД УССР, — неверное.

Подсудимый ТРУШКИН:

В данном деле отсутствует агентурное донесение агента «Иванова» о Гладкове, где он сообщал о нём как об антисоветской личности. Я тогда просил приобщить это донесение, но моё ходатайство не удовлетворили. Это донесение «Иванова» было у меня на квартире во время ареста. Я просил бы, чтобы это донесение разыскали и приобщили³⁹ к делу.

Кроме этого, я прошу истребовать справку, являются ли Мацковский, Барсуков, Чернохатов и др. специалистами высокой квалификации. Также истребовать справку, сажал ли я в карцер Жерноклюева.

Запросить из партийного комитета у Левченко мое заявление в письменной форме по моему выступлению на партийном собрании о недочётах по 2-му отделу.

Приобщить справку УНКВД о том, что допрос Чучмана производили Федоровский и КАРАМЫШЕВ.

Прошу истребовать справку, послужившую основанием на арест Карасёва.

Прошу истребовать повестку и справку по делу Бранта и др., которые были составлены для заседания тройки.

На вопросы под[судимого] ТРУШКИНА под[судимый] ВОРОНИН:

³⁸ У документі помилково — «Герд».

³⁹ У документі помилково — разыскать и приобщить.

Я знаю, что повестки составлял Зельцман.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Я, кажется, составлял повестки и справки. Но самостоятельно я этого делать не мог, а лишь по указанию начальника отдела ТРУШКИНА.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА подс[удимый] ВОРОНИН:

Арестованные по делу пожара на з-де № 200 в количестве, кажется, 11 человек были осуждены: тройкой – 3 человека и Военным трибуналом – 8 человек.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ПОБЕРЕЖНЫЙ:

Не помню точно когда, меня вызвал КАРАМЫШЕВ и в присутствии секретаря обкома Старыгина задал мне вопрос: «Что у нас есть на пред[седателя] обл. суда Онищенко?», то я ответил: «Да, есть» и Федоровский занёс материалы КАРАМЫШЕВУ.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

В основном показание бывш. секретаря обкома явилось основанием на арест Деревянченко. Волков допрашивался не у нас, а в НКВД УССР и на суде ВК. Спрашивается, какое же у нас было основание не верить его показаниям? Я и сейчас считаю, что Деревянченко был арестован вполне обоснованно и освобождён неосновательно.

В 1 час 45 мин. 31 декабря объявлен перерыв до 10 час. 31 декабря 1940 г.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ по делу показал:

Первое, я хочу объяснить суду, в какой обстановке мы тогда работали. Тот период характеризовался большим формированием к-р организаций, диверсий, террора, шпионажа и т.п. Тогда партия дала большие полномочия органам НКВД по разгрому врагов народа, и с этой целью были учреждены тройки для уничтожения вражеского подполья, но в тот период враги народа, засевшие в руководстве органов НКВД и ряде управлений, не дали надлежащего отпора к-р элементу, а перешли на упрощённый метод ведения следствия и, как факт этого⁴⁰, имели ряд недочётов во всей области оперативной работы в органах НКВД, исходя из этих установок, в правильности которых ни мы, ни органы прокуратуры не сомневались. Тогда и провалилась работа.

Перехожу к конкретным пунктам предъявленного мне обвинения. В то время было арестовано большое количество лиц, обвинявшихся в к-р деятельности. Кто мог быть свидетелем по к-р формированиям, это только сами участники к-р формирований. Верно, в то время были ошибки, но мы не сумели разоблачить тактику врагов на оговаривание невиновных лиц, и как факт такие лица, как Жерноклюев, Сухоленцев, были оговорены и правильно освобождены. Но некоторые работники, правильно освобождая невиновных, бросились в другую крайность и без надлежащего анализа материалов освободили необоснованно лиц, о вражеской работе которых было достаточно материалов. Как, например, Гайзер, это – идейный враг, он проходил по показаниям врагов народа в Николаеве, в НКВД УССР и НКВД СССР. Он был тесно связан с Косиором. На

⁴⁰ Так у документі.

партийной конференции его разоблачили за вредительскую работу на з-де, где он был директором, и тогда он сам на партконференции сказал: «Да, я был тесно связан с врагами народа и от них получал вражескую установку». Следствие по его делу велось не у нас, а в НКВД СССР. Здесь, в Николаеве, он дал обширнейшие показания. О нём имеется минимум 15 показаний, акт экспертизы з-да и прочие документы. План на кораблестроительном з-де из года в год не выполнялся, систематически на з-де были пожары, аварии, и завод был доведён до такого состояния, что сотрудникам УНКВД – целой группе лиц – приходилось всё время быть там, и если бы не аппарат НКВД, поддержанный обкомом, то поджог[ом] стапелей завода завод был бы окончательно уничтожен.

Теперь о Деревянченко. Это – бывший анархист, он был тесно связан с троцкистами по институту, на него было много показаний, да и сам он не отрицал. Было много данных о проводимой им вражеской работе, и секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко на областной партийной конференции усомнился этим человеком, предложил партийной конференции вывести его из состава бюро. Я считаю, что Деревянченко был и есть ярый враг народа.

Я считаю также, [что] неправильно был освобождён Щербина, на которого дал показания враг народа Муклеев. Щербиной интересовались многие, в том числе и НКВД УССР, хотя Щербина и был арестован до моего прибытия в Николаев, но всё равно, в лице Щербины мы имеем врага партии и Советской власти.

Я считаю, что Муратов также был неправильно освобождён. Он был тесно связан с врагом народа Иванченко – бывш. секретарём обкома КП(б)У г. Одесса, и были полные данные о том, что Муратова специально провели секретарём горкома КП(б)У для насаждения им вражеского элемента.

Под руководством Муратова ряд коммунистов старались исключить из партии как, например, Левченко, который выступал с разоблачением порочной практики горкома и разоблачал их. На бюро обкома было вынесено решение об обследовании работы Муратова, а мне было поручено дать обкому компрометирующие материалы, и я тогда передал в обком материалы о его вражеской работе. После этого обком Муратова исключил из партии, и мы его арестовали. Муратов, как мне доложили, с первого дня его ареста без всяких принуждений стал давать показания, и никаких санкций на применение к нему мер физического воздействия и всей группы, прошедших свидетелями, я не давал, и ни от кого, и ни от них, не знал, что к ним были применены меры физического воздействия. Допрашивали действительно так, что арестованный обязан был стоять.

Если бы дело Муратова пошло в суд, то, безусловно, все свидетели осудили [бы] его вражеские действиями, а так как этого сделано не было, то Муратова освободили

Фомин, Гаврилов, Гладков и др. также были неправильно освобождены из-под стражи. Они разрабатывались годами, 6–7 лет, и арестованы были в то время вполне правильно. На них к тому времени было достаточно материалов для того, чтобы их арестовать. Имеется ряд документов, которые

доказывают о причастности этих лиц к право-троцкистской организации. На заводах, где они работали, были каждый день пожары от захламлённости, от чего были колоссальные убытки. Сотрудники УНКВД целыми группами сидели на заводах и устраняли все имеющиеся недочёты. Если бы не сотрудники УНКВД, то бесконечные аварии и пожары угрожали бы уничтожению заводов. Я считаю, что эти лица – двурушники.

Малюгина освободили вполне правильно. Арестовали его по оговору, но, в основном, те данные, которые мне приходилось слышать от нач[альников] отделов и зам[естителя] нач[альника] Управления Поясова, я считал, что аресты проводили правильно, но не отрицаю, были ошибки, когда была массовая операция.

Ионас, хотя и был оговорён, но арестован он был как эстонец на основании приказа НКВД СССР, по которому и не требовалось наличия компрометирующих материалов.

Гущин был арестован, как докладывали мне материалы, вполне обоснованно. Седнева арестовали тогда за безобразные прорывы в Госторговле. Обком не раз о нём имел суждение. С точки зрения данного периода, правильно следовало вести углублённое следствие по этим прорывам Госторговли. И неправильно было бы сказать, не привлекать его к уголовной ответственности по 98 ст. УК, хотя Седнева и подвели его же работники, которые проваливали Госторговлю, но всё равно Седнев должен был отвечать за этот участок работы.

На Бражникова были агентурные материалы, но они не были надлежаще проверены. Он был оговорен директором совхоза, а ТРУШКИН к этому директору проявил большую доверчивость и доложил Поясову дело в своём свете. Я его доклада не слушал и санкции на арест не давал.

Что касается Василенко, то по докладу нач[альника] отдела, он арестован вполне обоснованно и в соответствии с директивой НКВД УССР о развороте дел на бывш. красных партизан. И если в Днепропетровской области их было арестовано более 300 чел., то у нас было арестовано всего 2 человека красных партизан. При допросе Василенко в своих показаниях дал признания. Затем, когда поступила от Василенко жалоба, то я приказал дать мне его дело, и когда прочёл его показания, то усомнился кое в чём, увидел, что он запутался в своих показаниях, и после проверки мной на месте всех материалов, его версии, как члена к-р организации, не подтвердились, и я его освободил.

На бывш[его] пред[седателя] горсовета Карасёва в УНКВД имелся целый ряд компрометирующих материалов. Впоследствии на него дал показание бывш. секретарь обкома Волков. Верно, будучи в служебной командировке в Киеве, мне тогда Успенский говорил, чтобы мы арестовали Карасёва, но я всячески оттягивал и не соглашался его арестовывать, так как он был депутатом Верховного Совета [СССР] и, несмотря на то, что на него было 5 показаний, мы всё же его не арестовывали. Ко мне часто обращался секретарь обкома Старыгин и говорил: «Что имеется на Карасёва?».

Я считаю, что на з-де № 200 был не обычный пожар, а диверсия, вполне естественно, взяли все компрометирующие материалы на проходящих

у нас лиц и произвели их аресты, в том числе и Меламуда — старого кадрового сиониста. Его арест — не случайный. Мы тогда имели ряд материалов подрывного характера на з-де. Дело по диверсии поручили ТРУШКИНУ. Об этих арестах информировали обком. ТРУШКИН докладывал, что напали на след и давали показания именно как о диверсии.

Онищенко был арестован по личному указанию Успенского. Онищенко сам дал показание, у нас его не принуждали, ибо он направлялся в Киев. Позже было обследование его работы по обл. суду, и я считаю, что он был арестован правильно. Враг ли он или нет, но я склонен думать, что он в политическом отношении нечистоплотный. Когда Онищенко был в Киеве, он давал там показания о признании, и мы не могли не верить таким показаниям. Кроме этого, был акт обследования работы обл. суда, который также его разоблачал.

Кобцев, будучи секретарём горкома КП(б)У, на него в период следствия дали 2 показания, которые я доложил обкому КП(б)У. Обком санкционировал наши действия, считая материалы убедительными. Ведь секретарь обкома не раз сам слушал показания арестованных, как, например, Муратова, Фомина и др. По сообщению обкома, Кобцева в ЦК не утвердили, и с приездом он был арестован по этим показаниям.

Гришко проходил по данным оперативного учёта УНКВД, и я не знаю, почему вменяется в вину как попытка к необоснованному аресту. Материалы на него всё же были, и никто не может утверждать, чтобы я давал указания о сборе на него каких-то материалов. Нужно ещё учесть и то, что ныне освобождённые сейчас озлоблены за то, что они сидели под стражей.

На основании приказа НКВД СССР за № 00262 всех освобождённых требовалось взять на оперативный учёт НКВД, и как оказалось впоследствии, после их освобождения снова на заводах имели место диверсионные акты, как это отмечалось приказами Наркомата по Донбассу и в других городах Украины.

Освобождённые заявляют, что к ним применяли меры воздействия. Но ведь мы дело имели с коммунистами в большинстве, и я всё же удивлён, почему они с первых дней некоторые давали показания о признании ещё такому следователю, как Федотову, молодому, неопытному работнику. Я всё же хочу отметить, что ряд лиц по освобождению всё же не были восстановлены в партии, и это вполне правильно.

Барсуков и Мацковский были арестованы по диверсии, на которых дали несколько показаний, а из доклада ТРУШКИНА можно было видеть, что они прошли и по показаниям дела Даннекера по шпионской организации, и потому, что в деле диверсии они не были организаторами, то их в следствии 2-ой отдел присоединил к делу Даннекера. Надо думать, что по таким обвинениям арест был обоснован.

Теперь по 2-му пункту предъявленного мне обвинения. Несмотря на то, что из Центра разрешали применять физические меры к отдельным вражеским элементам, всё же агентурная работа была поставлена относительно на должную высоту. За всё время пребывания в Николаеве я, может быть, дал санкцию на применение физических мер воздействия

человек на 5, как, например, Деревянченко, который, по докладу мне, бросился на следователя, а остальные, кажется, были по 3-му отделу.

По прибытии в Николаев я сразу стал проверять, какие на арестованных имеются компрометирующие материалы, и ещё до директивы ЦК, мной было много пересмотрено дел и освобождены [арестованные]. Это могут подтвердить и свидетели-сотрудники, и ГАРБУЗОВ, и комендант.

Кроме этого, целый ряд работников из руководящего состав отделов, которые были уличены [в] «как бы больше посадить», по моему настоянию были переброшены на другую работу или от меня их забирали, а мне приходилось выдвигать на руководящую работу новый состав молодых работников.

Ко мне поступали сигналы о том, что некоторые сотрудники применяют физические меры воздействия к арестованным, и по моему настоянию те сотрудники были привлечены к уголовной ответственности и преданы суду Военного Трибунала, о чём приложена справка к делу.

На оперативных совещаниях я знакомил всех сотрудников с приказами, директивами и распоряжениями НКВД УССР. Если имели отдельные случаи со стороны сотрудников, незаконные методы следствия, то я на таких сотрудников налагал дисциплинарные взыскания, поручал коменданту обходить комнаты и обязал вести наблюдение Гончарову – пом[ощнику] нач[альника] Управления.

Не было таких случаев, что если ко мне дойдут сигналы о применении к арестованному физических мер, которые бы остались безнаказанными. Может быть, мои частые отсутствия были использованы в отделах, а возможно, Поясов больше знал о незаконных методах следствия, но он мне не говорил. Если ещё присовокупить мои депутатские обязанности и обязанности как члена обкома, то я часто отсутствовал.

Я не шёл по линии Успенского, который на меня произвёл впечатление самодура. Успенский на совещании НКВД УССР на глазах всех начальников управлений демонстрировал наш протокол допроса на арестованного на 7-ми листах, который у нас не признавался, а у них признался, и требовал от меня обширных показаний от арестованных по 150 листов, а когда [я] дал реплику, что, если нет показаний на 150 листах, то мне Успенский сказал, что «есть установка Ежова и члена ЦК КП(б)У⁴¹», а затем выгнал меня из кабинета совещания и сказал секретарю: «Пусть ждёт до окончания совещания». Как только закончилось совещание, мы пошли в ЦК КП(б)У для разрешения вопроса обо мне. Я сам хотел попасть в ЦК, но я не получил этой возможности, тогда Успенский предложил мне ехать к месту работы. От Успенского же была установка на арест 1000 человек, которую я не выполнил. Он меня ненавидел и на совещания вызывал Поясова, а не меня.

Я знал, что Чучман дал показания в отделе о повстанческом подполье по колхозам. Я усомнился, передопросил сам, он настаивал. Его показания перекрывались присланными из Днепропетровска. Он не сделал заявлений об избияниях, не было и этих признаков. Всё же я не доверился

⁴¹ Під членом ЦК КП(б)У мався на увазі сам О. Успенський.

его показаниям и дал указание ТРУШКИНУ сначала проверить группу людей, человек 15–20, и в зависимости от полученных материалов принимать меры. Об аресте и речи не было, а ведь по его показаниям проходило более 40 человек. И как показал свид[етель] Белов, я к аресту по показаниям Чучмана отношения не имел.

После падежа 500 гол[ов] овец в совхозе, как было иначе думать, как только [не] о диверсии, ведь могли же испытания провести на 10-ти – 5-ти овцах. К этому ТРУШКИН принёс справку, что Бабаев – директор проходит по показаниям Нуринова, якобы полученную из НКВД УССР. Считаю, что для ареста и проверки факта диверсии основания были и на Бабаева, и на Садомова. Ни я, ни кто из числа членов тройки не усомнились в правдивости доказательств – признаний. И если следствием и, ещё более, на суде установлена фальсификация документов, то нести ответственность должны те, кто её учинил. Я же этого не знал. Никакого отношения к допросам Познанского, Стародубцева, Бабаева, Наместюка и др., вменённых мне, я не имел.

Сейчас я хочу перейти к 4-му пункту моего обвинения – «единоличного осуждения обвиняемых к ВМН», а затем дам пояснение по 3-му пункту. Никогда я не осуждал обвиняемых единолично. Дело Трубия рассмотрено вполне правильно. Трубий – шпион, двойник. За это и осуждён. В прошлом он примыкал к эсерам, и подвергался репрессии царской охранки, и уехал в Америку, а затем как «эмигрант» приехал в СССР. На него есть материалы, что был связан с румынской разведкой, и о том, что он являлся членом право-троцкистской организации. По этому вопросу имеются его признания. Дело Трубия было нам прислано из Москвы для рассмотрения. Когда поступили дополнительные материалы на Трубия, то мы на тройке пришли к одному мнению – «расстрелять». Докладывал это дело или Готовцев, или Зайденберг.

Харитоновна решением тройки НКВД УССР была осуждена в ВМН⁴². Ряд сотрудников, зная её, были против этого решения. После этого я позвонил в НКВД УССР и сказал, что надо пересмотреть её дело, а исполнять решение тройки нельзя. На это мне ответили: «Делайте, что хотите». В результате Харитоновна была совершенно освобождена из-под стражи.

После решения тройки я пом[ощнику] нач[альника] Управления Гончарову давал некоторые дела для перепроверки начальников отделов [и] докладывать мне. Ряд дел были пересмотрены на тройке, и с ВМН заменяли на лишение свободы.

На вопросы ВТ свид[етель] ГОНЧАРОВ:

За всё время работы мне КАРАМЫШЕВ давал дел 20 для перепроверки материалов, имеющих в деле. Были случаи, что ВМН заменяли на лишение свободы.

На вопросы ВТ свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Я помню, по некоторым делам были вторичные решения тройки в сторону уменьшения меры наказания.

⁴² Далі у документі зазначено, що рішення про «засудження» М. Харитоновної за 1-ю категорією було прийняте у Москві.

На вопросы ВТ свид[етель] ГОНЧАРОВ:

Вторичное решение тройки было с уменьшением меры наказания или прекращения.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ продолжал пояснения по делу:

Независимо от того, что было решение тройки, я иногда приостанавливал решение и тут же давал указание доследовать дело, и после проверки материалов были случаи, когда тройкой совершенно прекращались дела или в сторону уменьшения меры наказания. Таким образом, я считаю, что 4-ый пункт обвинения мне предъявлен совершенно необоснованно. Не исключаю, что, видимо, в некоторых отделах этим злоупотребляли и могли вызывать осуждённых к ВМН для допроса, но мне такие случаи неизвестны и ни одного не предъявлено.

Теперь я хочу перейти к 3-му пункту предъявленного мне обвинения. Вопрос о наказании по тройке перед нами был поставлен крепко, т. к. там, в директиве, указывалось, что тройка может выносить решение только ВМН или 10 лет лишения/свободы и лишь в некоторых случаях – 8 лет лишения/свободы, но мы кое в чем брали на себя ответственность. За это мне Успенский звонил и по телефону сказал: «Вы бросьте либеральничать, готовьте сухари к посадке». Я тогда хотел сам поехать в ЦК, но боялся, что создадут на меня дело и будут судить.

Ни в одной директиве не говорится, что нельзя рассматривать на тройке шпионов русской, еврейской, украинской, белорусской и других национальностей, тем более по групповым делам. Специалистов вообще среди осуждённых к ВМН у нас не было, когда речь шла о профессорах, то мы их не арестовывали и не судили, несмотря на то, что были веские материалы, как, например, на профессора Смирнова, которого Военный трибунал приговорил к расстрелу, но я не хотел такие дела пропускать по тройке. Возможно, что проскочили отдельные лица, но лишь связанные с другими лицами, подсудными тройке.

Для меня непонятно ещё то, что если есть с моей стороны вина или безобразия по работе тройки, то почему же я должен нести уголовную ответственность. Ведь директивы шли одни – и мне, и прокурору.

Я должен заявить суду, что тако[го] порядк[а] [в] работе тройки, как в Николаеве, нигде не было. Мы в 5–6 раз рассмотрели меньше дел, чем другая область. Это говорит за то, что мы подходили более осторожно к арестам и только по имеющимся материалам. Верно, были отдельные ошибки, но которые нами исправлялись, – это неоднократные поездки в районы ГАРБУЗОВА для проверки.

Мне известно, что начальники УНКВД областей к концу 1938 г. были арестованы.

Комиссия во главе с Горлинским была в январе месяце, проверяли работу отделов, тройки, протоколы, повестки. После проверки состояния работы УНКВД Горлинский остался доволен и в акте отметил хорошие результаты работы, но прошел год, как два следователя составили на меня необоснованный акт о работе тройки, и я как депутат без соответствующей санкции был незаконно арестован. Указанные в акте приказы не имеют таких запрещений, которые мне вменены.

Все эти Тредохлебовы⁴³, Калужские – это ставленники Успенского, которые перебили добрую половину чекистских кадров, то же они сделали и со мной, неправильно информируя руководство.

Директива от 17 сентября о том, что тройка должна рассматривать дела до 1-го августа была, я ее знаю, ее соблюдали. Только по групповым делам могли пройти 7–8 человек или, как установлено, 11 человек. Все одиночки снимались с тройки. Из этих лиц, я припоминаю, Жаботинский – крупный кулак, участник немецкой фашистской организации, проходил по групповому делу. Нольд – кулак, участник немецкой фашистской организации, проходил по групповому делу. Рахимбаев – кулак, принимал участие в басмаческом движении, участник националистической организации, и проходил по групповому делу. Два брата Шмидт – крупные кулаки, по происхождению из семьи фабриканта, участники националистической организации, и проходят по групповому делу. Левашев – агент японской разведки. Крепель и Рейс – участники националистической организации. По этим групповым делам мы не нашли возможным одних осудить тройкой – арестованных до 1-го августа, а других, арестованных после 1 августа, чаще на одного человека, выделять или передавать дело в суд. Пусть по оперативным сообщениям скажут, что так надо, то я буду виновен. Вагнер – немец, кулак, участник немецкой повстанческой организации.

Оглаш[аются] л. д. 13, 25 том 9 – повестки на Жаботинского и Чумаченко.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

По повесткам нельзя судить, как подсудимые проходили – по групповым делам или одиночки, но эти все – групповые. Это можно узнать, выбрав по повесткам одинаковые номера следдела. Такова был постановка.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

По вопросу показаний, которые дали в суде Зильберминц, Чайковский и Крюковский – они относятся почти в целом в бытность работы нач[альником] Управления Юрченко, но не ко мне. Показания Винницкого – неправдоподобные, в связи с чем я прошу суд разрешить мне задать вопросы подс[удимому] ГАРБУЗОВУ.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

В 1938 г., когда Кировоград отошел к обслуживанию Николаева, я был вызван и направлен КАРАМЫШЕВЫМ в служебную командировку разобраться со следделами. В то время у них было много арестованных по директиве Успенского. На месте мной было установлено целый ряд безобразных явлений с арестами, содержанием под стражей и следствием. Я лично просмотрел более 20-ти спорных дел, донёс КАРАМЫШЕВУ докладной запиской, и кроме трёх, он распорядился освободить, а Даров им был отдан под суд и осуждён. КАРАМЫШЕВ же распорядился отсюда мне поехать в Петровский район для проверки, где я также установил необоснованные аресты, и там я освободил до 20-ти человек, на что КАРАМЫШЕВ дал согласие.

⁴³ Так у документі. Мався на увазі Твердохлебенко.

В то время было очень тяжело работать. Были иногда стычки с КАРАМЫШЕВЫМ, особенно по развороту агентурной работы, которую он всегда считал недостаточной.

С приездом КАРАМЫШЕВА работа направлялась на доказательства, не было необоснованных арестов и огульных освобождений, а когда приехал Поясов, то на партбюро заявил: «Тиха украинская ночь». Верно, я неправильно сделал, что не доложил КАРАМЫШЕВУ о таком высказывании Поясова, это только потому, что там были начальники отделов, а я был начальником отделения и предполагал, что начальники отделов ему об этом доложат.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу ещё сказать суду о том, что с 1937 г. меня стали выдвигать по должности, и с оперуполномоченного в течение 1-го года и 2-х мес[яцев] я стал начальником УНКВД. По выполнении особого задания Правительства я был награждён орденом Ленина и [имею] благодарность от ЦК ВКП(б).

Я не знал, за что меня сняли с работы, и, несмотря на то, что я требовал поставить вопрос в партийном порядке о причине моего увольнения, всё же этого не сделали, а послали в Николаев комиссию, которая сделала свой вывод, что виновны я, ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Мацковский, Чернохатов, Комаровский, Даннекер проходили по шпионажу, с ними проходили по делу Барсукова⁴⁴, а с Барсуковым были связаны эти двое, т. е. Комаровский и Даннекер. Я припоминаю, как докладывал ТРУШКИН на тройке это дело, и они перекрывались и по диверсии.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Между этими арестованными была прямая связь, и это дело нужно было послать в Трибунал.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Если бы я знал, что со стороны Лейзеровского и начальника отдела в деле Бабаева и Садова были безобразные явления с протоколами, то я бы Лейзеровского и начальника отдела арестовал бы. Печально, что ни Лейзеровский, ни Козачук ни мне, ни парторганизации об этом не сказали.

Председательствующий оглашает следующие документы, истребованные из УНКВД.

1. Сообщение 1-го спецотдела УНКВД Николаевской области от 31.XII.–[19]40 г. о персональном списке и о датах ареста на 11 человек, арестованных после 1-го августа.

2. Справка особоуполномоченного УНКВД Николаевской области от 29.XII.–[19]40 г. о том, что агентурное дело «Ретивые» направлено нач[альнику] следчасти НКВД УССР 24.I.–[19]40 г. при отношении № 1243019.

⁴⁴ Так у документі.

3. Справка 2-го отдела УНКВД от 30.XII-[19]40 г. о том, что во 2-ом отделе имеется копия показания Ножницкого, по которому проходят как участники к-р организации Никитченко, Чучман, Сабай и Матошин.

4. Справка на арест Бабаева с резолюциями секретаря обкома партии Старыгина о том, что на арест Бабаева он согласен, и имеется санкция прокурора Карпенко на арест Бабаева от 4-го июля.

5. Отношение 1-го спецотдела УНКВД о том, что справок на арест Садомова, Беккера и Бранта не имеется.

Проходит ли по показаниям Латынина, Ножницкого и Никитенко Садовов как участник к-р организации, проверить это не представляется возможным, т. к. следдело на Латынина находится в архиве УНКВД по Запорожской обл., на Ножницкого следдело направлено в НКВД УССР, на Никитченко находится на хранении в УНКВД Запорожской области.

Объявляется 20-мин. перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Протокол тройки я никогда не перечёркивал и, тем более, с целью увеличения меры наказания. Прошу суд проверить лиц, осуждённых к лишению свободы, по перечёркнутым протоколам, ес[ть] ли хоть один с повышением наказания. Я не могу сказать, кто и для чего это сделал. За сохранность протокола отвечал Шейнберг, а он утверждает, что протоколы все сдал в порядке. Следствием же и на суде не установлено в этом моей конкретной вины. Фразы ТРУШКИНУ об арестах: «Что, струсил?», — никогда не выражал, это он что-то путает.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

У меня имеется следующее ходатайство. В связи с тем, что данные о работе судебной тройки, изложенные в акте комиссии, который составлялся следователем Бурдан, скрывают сущность дела и фальсифицируют положение вещей, я прошу суд: 1. Ознакомить меня с решениями суд. тройки за время с 21 сентября по 5 ноября 1938 г. 2. Приобщить к делу справку не с голыми цифрами, а с данными, которые характеризуют социальную физиономию арестованных специалистов — занимаемую должность и сущность дела, т.е. в чем обвинялись — шпионаж, диверсия и т. д.

ВТ определил:

Ходатайство подс[удимого] КАРАМЫШЕВА удовлетворить. Истребовать из УНКВД следующие документы:

1. Кто из 11 человек, рассмотренных тройкой УНКВД, проходил по групповым делам с арестованными до 1-го августа 1938 г.

2. Справку, кто из 46 человек (пофамильно) осуждённых относятся: а) к лицам высокой специальности, как указано в приказе НКВД СССР от 17-го сентября и 21 сентября 1938 г.; б) по каким преступлениям они проходили; в) были ли они в числе групповых дел, не подпадающих под запрещение указанных приказа и циркуляра НКВД СССР.

3. Справку, по каким преступлениям осуждены согласно имеющиеся в деле акты комиссии: а) украинцев — 203 чел., б) русских — 57 чел. в) евреев — 51 чел. и г) белорусов — 19 чел., и действительно ли

указанные приказы НКВД СССР запрещали осуждения тройкой лиц данных национальностей.

Подсудимый ГАРБУЗОВ по делу показал:

Первый пункт предъявленного мне обвинения, где говорится: «Применял извращённые методы ведения следствия, путем угроз и избивений добивался от обвиняемых ложных показаний», — я категорически отрицаю. Ни от одного из арестованных ложных показаний я не добивался и ни к одному из них не применял физических мер воздействия.

Показания Гаврилова — от начала и до конца лживые. Он говорит в суде о том, что его на протяжении 5–6 суток вызывали в НКВД и требовали дать показания. Этого никак не могло быть, чтобы, требуя таких от него показаний, после допроса отпускали бы его домой. О Гаврилове неоднократно был разговор на партийных собраниях. На него в УНКВД имеется дело-формуляр, и он систематически освещался. Во время допроса Степанова он дал показание на Гаврилова о его троцкистской вылазке. Кроме этого, он открыто, выступая на партсобрании, защищал троцкиста Сухановского. На Гаврилова был целый ряд агентурных сводок, которые говорили о том, что Гаврилов поддерживал тесную связь с врагами народа — троцкистами, как, например, Клигерманом, Гаем, Бородаевым и др. В УНКВД на Гаврилова имелись агентурные материалы ещё с 1930 г., он проходил по одному делу «Монтажники», и неправильно будет, как говорит агент «Герд», что эти лица и Гаврилов стали освещаться с 1937 г. Как только Гаврилов был арестован, он сразу дал показание Федотову.

Гаврилов говорит о том, что я его ударил. Это неверно. Мне трудно сейчас доказать, что я его даже пальцем не тронул, и ВОРОНИНУ хорошо известно, что я его не бил. Вообще показания Гаврилова разноречивы. Вчера, на повторном допросе в судзаседании, Гаврилов сказал, что с Фоминым в одной камере он не сидел, а на первом его допросе в судзаседании он говорил, что сидел с Фоминым в одной камере. Где ж правда?

Свидетель Гладков говорил в суде, что я часто заходил в кабинет, когда его допрашивал Танфилов, и якобы я «нажимал» на него и говорил: «Пишите», — это неверно. Я помню другое. Когда я открыл дверь комнаты, в которой Танфилов допрашивал Гладкова, то увидел, что Танфилов спал. Я не стал подходить к Танфилову и его будить, т. к. неудобно это делать при арестованном, я взял за ручку двери, хлопнул дверью так, что Танфилов проснулся.

Афанасьев говорит о том, что я, будучи на з-де, ударил его по лицу. Это неверно. Я тогда на заводе был не больше чем 10 мин. и обратно уехал в УНКВД. О случае пожара на з-де мы вызвали в УНКВД несколько человек и там производили допросы. Помню, что при допросе Афанасьева сотрудником оборонного отдела Новиковым применялись физические меры, и когда мне об этом стало известно, я доложил ТРУШКИНУ. Лично с моей стороны к арестованному и, в частности, к Афанасьеву мной никогда не применялись физические меры, кроме как я во время допросов арестованных заходил и спрашивал следователей, дают ли показания.

Свидетель Фомин вообще говорит какую-то чушь, и его показаниям верить совершенно нельзя. Он всё время путает и не привёл ни одного

конкретного факта, кто и при каких обстоятельствах применял к нему физические меры. Фомин всё время был на допросе у Федотова и с первых дней дал показания. Как только его арестовали, он сразу расплакался и сказал, что «он много наделал вреда Советской власти». Я повторяю, что к Фомину никогда не применяли физических мер и угроз. Мне известно другое, что, когда Федотов допрашивал Фомина, то называл его «Леонид Павлович». В первый день допроса Федотовым Фомина Федотов доложил мне о том, что Фомин дал показание о том, что «он готовил диверсионный акт отсека на заводе». Я тогда сказал Федотову, чтобы он немедленно доложил о таких показаниях Фомина ТРУШКИНУ.

Когда Фомин дал показание о том, что он готовил диверсионный акт на 3-де, я вызвал к себе Фомина и ещё переспросил его, правильно ли он дает показание, то Фомин, не задумываясь, ответил: «Да, правильно». Такой ответ для меня был вполне убедительным, и после этого стали допрашивать других.

К Чулкову я никогда не применял физических мер и не угрожал ему. Кобцева допрашивал Ганкин, и когда я зашел в комнату, где допрашивал Ганкин Кобцева, и увидел, что Кобцев пишет показания карандашом, то я подошел к Кобцеву и сказал, чтобы он писал свои показания не карандашом, а чернилами. При допросе я Кобцеву не угрожал и физических мер к нему не применял. Заявления Бондаря, которое им было написано в адрес Ежова или Вышинского, у меня не было и не могло этого быть.

Теперь я хочу сказать о Деревянченко. Будучи на областной партийной конференции, ряд партийных работников выступали против Деревянченко, и тогда же секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко предложил вывести Деревянченко из состава бюро, и тут же его выдворил из зала, где происходила партийная конференция. После вывода Деревянченко из состава бюро с санкции обкома КП(б)У Деревянченко был арестован. На него в УНКВД было достаточно материалов, и он с первых дней начал давать показания. Верно, я усомнился его показаниям, где он дал на ряд лиц — ответственных работников обкома, и об этом доложил ТРУШКИНУ. Когда Деревянченко допрашивал, то он говорил: «Я вам дам всё или ничего». Деревянченко давал разноречивые показания, вследствие чего нам приходилось перепроверять его показания.

Как-то во время следствия Деревянченко объявил голодовку, и когда я у него спросил, почему он объявил голодовку, то Деревянченко на это ответил: «Почему так долго ведётся следствие по моему делу?», я его тогда убедил, что скоро следствие закончим, и Деревянченко голодовку снял. Тогда же я доложил об этом ТРУШКИНУ.

Я уверен, что эта группа лиц, которые были освобождены, сговорились дать такие показания в суде и сейчас клеветают на меня.

Дудин неверно говорит о том, что он, не читая своих показаний, в НКВД УССР подписал. Когда мы его передопросили, он сам прочёл протокол допроса без очков и часть предыдущих своих показаний, которые он дал в Николаеве, он не подтвердил. Хорошо помню, что Дудин, после прочтения своих первых показаний, он сам подчеркнул карандашом то,

что он отрицает, и всё то, что он подчеркнул, в последнем протоколе допроса Дудина мы не указали.

Все сотрудники, прошедшие свидетелями в данном судебном заседании, говорили о том, что я ни к одному из арестованных не применял физических мер, не угрожал им, а, наоборот, запрещал следователям избивать арестованных.

Познанского я вообще не знаю, и не знал. Мне известно о том, что он осуждён на 15 лет. Стародубцев арестован вполне правильно. По происхождению он из семьи крупного кулака, отец был дьяконом, на него было много компрометирующих материалов.

Я никогда в своей жизни преступлений не делал и не мог этого делать.

Будучи ещё на свободе, мне Федотов и Зельцман рассказывали о том, что, когда их вызывал на допрос Твердохлебенко, то он им говорил: «Если не дадите показаний на ГАРБУЗОВА, ВОРОНИНА, ТРУШКИНА и КАРАМЫШЕВА, то вас арестуют. Ни у одного из арестованных показаний я не вымогал.

Агент «Герд» впервые стал давать донесения на эту группу лиц с 29 октября 1938 г. После этого мне поступила сводка от агента «Орлова» на Стародубцева, и тогда стал вопрос о допросе Николаевского. Тогда же стал вопрос о перепроверке агента «Герд[а]» со Стародубцевой, и на её квартире было устроено подслушивание разговоров. За всё время это была единственная встреча с агентом «Герд[ом]» и то только потому, что его сводки перекрывались другими агентами.

Николаевский в присутствии Готовцева и ТРУШКИНА утверждал, что его сводки правильные, и мы в этом не сомневались.

Всё то, что я слышал, и мне было известно о подслушивании разговора между Стародубцевой и агентом «Герд[ом]», я тогда доложил Юрченко. Через некоторое время мне агент «Герд» сказал о том, что его «подозревают как агента НКВД», после чего я предложил прекратить ему посещение квартиры Стародубцевой и вести какие-либо разговоры с этими лицами. Я считаю, что все сводки, которые поступали от агента «Герд[а]», все правильные, и никто не может сказать, что его донесения неправильные. Впоследствии, когда поступил ряд сводок не только от агента «Герд[а]», но и от других агентов, стал вопрос о заведении агентурной разработки «Ретивые».

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Никогда на допросе я Бондарю не угрожал, точно так же не угрожал арестом его семьи.

Подсудимый ГАРБУЗОВ продолжал свои пояснения по делу.

В период июль–август, сентябрь 1938 г. у меня было сконцентрировано около 300 дел. Работы было очень много. Требовалась большая напряженность. К тому же, в то время я был секретарем партийного комитета УНКВД. Вследствие большой нагрузки по партийной линии мне мало самому приходилось допрашивать арестованных, а только перепроверять показания арестованных, и ездил для проверки дел в районы по заданию КАРАМЫШЕВА.

Показания Чулкова и Гаврилова я категорически отрицаю. Мне известно, что Танфилов, Эльзон и ряд других следователей применяли к арестованным стойки, но они были непродолжительны. Узаконено это было с приездом в командировку в Николаев работников НКВД УССР. В тот период времени, насколько мне известно, стойки арестованным применялись везде, и я считал тогда, что это мероприятие вполне законно.

Никогда от арестованных, за исключением одного случая, когда следователь дернул одного арестованного за усы, я не слышал жалоб на то, чтобы к ним применяли физические меры или угрозы, того следователя отстранили от ведения дела. Прицкера никто не избивал, помню, что он во время допроса бросился на следователя. Помню, был один случай, когда следователь Шор применил к арестованному Кузнецову физические меры, и как только мне об этом стало известно, то я доложил ТРУШКИНУ, и через 2 дня Шора откомандировали в какой-то район.

На вопросы ВТ подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Шора я откомандировал в Скадовский район, но в связи с чем, я сейчас не помню.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Я помню, мне ГАРБУЗОВ говорил о том, что Шор применял к арестованным физические меры. Об этом я доложил КАРАМЫШЕВУ, и он – КАРАМЫШЕВ – откомандировал Шора в Скадовский район.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Под мою диктовку показания арестованных писать я не заставлял.

Арестованного Левицкого я в глаза не видел и знал лишь со слов Зельцмана о том, что он был резидентом.

Оглаш[аются] л. д. 244–245, том 8, заявление Левицкого от 2.IV.–[19]39 г.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Никогда во время допроса Левицкого не заходил и ему не угрожал. Седнев, Жерноклюев к Левицкому не имеют никакого отношения.

На вопросы ВТ свид[етель] ВИННИЦКИЙ:

Левицкого я допрашивал, он дал показание, и при допросе его он говорил: «Дайте мне ещё 2–3 троцкиста, и я их уличу».

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Я присутствовал при разговоре Лейзеровского с ТРУШКИНЫМ. Лейзеровский высказывал какое-то сомнение, но по какому делу, я сейчас не помню.

Оглаш[ается] л. д. 48, том 7, протокол очной ставки между ТРУШКИНЫМ и Лейзеровским.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

В отношении кого Лейзеровский высказывал сомнение, я сейчас точно сказать не могу, возможно, что речь шла о Наместюке.

Председательствующий оглашает л. д. 47, том 7, из протокола очной ставки между обвиняемым ТРУШКИНЫМ и свид[етелем] Лейзеровским, где на заданный вопрос Лейзеровскому он ответил: «В ответ от ГАРБУЗОВА и ТРУШКИНА я слышал их мнение – раз обвиняемый заявляет, нужно ему верить».

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Такую формулировку я категорически отрицаю.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я помню, когда я с ТРУШКИНЫМ разговаривал, то в это время проходил ГАРБУЗОВ, и он тоже сказал: «Раз обвиняемый заявляет, ему тоже нужно верить». После этого, я сопоставил другие показания, и тогда ГАРБУЗОВ убедился, что верить показаниям Наместюка очень трудно.

Объявляется 10-мин. перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Подсудимый ВОРОНИН по делу показал:

Я не знаю, почему меня считают, что я был в должности нач[альника] отделения. Ко дню ареста я был пом[ощником] нач[альника] отделения 2-го отдела. Теперь по существу предъявленного мне обвинения. В ходе предварительного следствия я просил приобщить ряд документов, но мои ходатайства не были удовлетворены. Я просил истребовать дело Ионаса, и это было сделано только в ходе судебного процесса. Сейчас видно, что к этому делу я не имел никакого отношения и его не допрашивал.

Гаврилов проходил по показаниям Стародубцева и троцкиста Степанова, который был осуждён Военной Коллегией. На Гаврилова имелся ряд показаний, и об этом также говорилось в ряде партийных документов. Он сам написал мне показания о своей принадлежности к антисоветской троцкистской организации. Его показания не брались под сомнения. Помню, когда Гаврилов исключался из партии, и Кобцев, будучи парт. следователем, вынес своё решение о невинности Гаврилова, и Гаврилов был восстановлен в партии.

Рукоприкладством к арестованным я не занимался, и нюхать палку я никому из арестованных не давал. Гаврилова я действительно допрашивал, и он без всяких принуждений дал показания. Стоек к нему не применяли, он сразу дал показания.

Почему отсутствуют в деле Гаврилова показания Степанова о принадлежности Гаврилова к антисоветской троцкистской организации, я могу сказать: только по одной причине, что следователь забыл это показание приобщить к делу в силу физической невозможности в то время охватить всё подробно.

Деревянченко, несомненно, является врагом народа. Основанием его ареста явилось также показание Стародубцева. Свидетель Федотов и ГАРБУЗОВ хорошо знают и подтверждают, что такие показания были, и Деревянченко даже был выведен из состава пленума партийной конференции. На Деревянченко был целый ряд материалов и по Донбассу. В прошлом он примыкал к анархистам, его сестра за диверсионную работу была осуждена к ВМН, и обо всём этом он скрыл от партии.

Гущин был арестован по показаниям Стародубцева, а впоследствии он, кажется, проходил по показаниям Гладкова.

Без санкции начальника отдела я вообще не имел права никого арестовывать, верно, я мог просить санкцию на арест, но это не значит, что по представленным мной материалам обязательно должна была быть санкция на арест. Кроме этого, все материалы перед арестом подвергались проверке по линии прокуратуры, и прокурор давал санкцию на арест.

Я хочу также сказать о том, что на всех членов партии — ответственных работников санкцию на арест также давал секретарь обкома Старыгин.

Были случаи, когда мы делали стойки арестованным от 2-х до 3-х суток, как это имело место с поджогом на 3-де № 200, где имел место диверсионный акт, но в то время этим делом интересовались обком партии и ЦК КП(б)У. Нам тогда говорили, скорей заканчивайте дело, и их нужно судить.

Ряд свидетелей, как, например, Гаврилов, Чикалов, Сухоленцев, говорят о том, что я применял к ним физические меры, но это не верно, это просто оговор, не соответствующий действительности. Никаких посторонних предметов, как говорили в суде — камни, железные предметы — в комнатах, где допрашивали арестованных, не было, и об этом подтвердил комендант Крюковский.

Провокационная деятельность Деревянченко была известна многим. Он пытался опорочить таких лиц, как секретарь обкома Старыгин, и когда ему говорили: «Врёшь», то Деревянченко отвечал: «Я дам всё или ничего».

Показание Кобцева, который говорит о том, что ТРУШКИН при входе ко мне в комнату, где я допрашивал, якобы называл меня по имени-отчеству, это неверно. ТРУШКИН, за все время работы никогда меня так не называл и не мог. Меня удивляет одно обстоятельство, где говорит Кобцев о том, что когда ТРУШКИН зашёл, то нанес ему побои, а я якобы его не избивал. Спрашивается, если в моем присутствии ТРУШКИН ударил Кобцева, то почему бы мне не ударить Кобцева. Показания Кобцева от начала и до конца — лживые.

Свидетель Волков говорит о том, что якобы я во время допроса угрожал ему, требовал от него показаний на Карасёва. Это обстоятельство можно проверить, и ни в одном случае нет таких показаний, где бы Волков говорил о Карасёве.

Все прошедшие здесь, в судебном заседании, свидетели — не случайные, их специально выставили, и сейчас они оговаривают.

Я утверждаю, что агентурная разработка «Ретивые» была заведена вполне правильно. Этих лиц освещал не только агент «Герд», но и другие, как, например, «Добровольский», «Гершов» и др., которые, по-сути, перебивают донесение «Герда».

Никогда фальсификацией дел я не занимался. Показания свидетелей, которые находились под стражей, не соответствуют действительности, всё это ложь, ни на чем не обоснован[н]а[я].

Агентурная разработка «Ретивые» была заведена мной вполне правильно, и вопреки директиве НКВД СССР она прекращена. Я считаю, что тот, кто докладывал разработку «Ретивые», подвёл наркома, и если бы глуже проанализировать, то, безусловно, эту разработку прекращать нельзя.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Волкова я допрашивал по целому ряду материалов и по акту экспертизы. О том, что якобы я выразился по поводу Конституции, как заявил об этом Волков, это неверно. Так мог сказать только враг. Я помню, на

допросе Волков дал показание на Карасёва. Во время допросов я никогда и никому из арестованных не подсказывал фамилий для занесения в протокол допроса о том, что они члены к-р организации. К аресту и следствию Ионаса я не имел никакого отношения и его не допрашивал.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Вообще, когда мне дело докладывали, я его просматривал и там, где есть моя подпись, я за это отвечаю. Верно, иногда не тщательно проверял материалы, т. к. не было времени, но основные материалы я проверял.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Там, где есть моя подпись с санкцией на арест, по таким делам я всегда просматривал материалы. Верно, тщательно я не мог проверить материалы и в иных случаях я верил своему подчинённому. На Гушина и Деревянченко я подписывал и читал их дела. Когда я был на областной партийной конференции, то о Деревянченко много говорили, и его превратили в «грязь», а Стародубцевы – это ярые враги, и рано или поздно они всё равно будут арестованы.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Я не отрицаю, что при допросе арестованных мог с ними грубо разговаривать, но чтобы избивать их – этого не было. Бондаря я не избивал.

Протоколы допросов я всегда писал в присутствии арестованных и никогда не «уговаривал» их, чтобы они давали показания.

Я помню, что мы Гаврилова хотели завербовать для работы, но не решились, т. к. у нас вызвало сомнение, что он может быть двойником.

Показания Кобцева я категорически отрицаю.

Гладков в первый день ареста сам попросил бумагу и стал писать показания.

Я ни одного из арестованных не видел, чтобы у них от «стойки» опухли ноги. Волкова в карцер мы не сажали.

На Стародубцева было много агентурных донесений, и на основании этого он был арестован.

Оглаш[аются] л. д. 83–84, том 4, показания свидет[еля] ФЕДОТОВА.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Стародубцев в своих собственноручных показаниях назвал как участников к-р организации около 20 человек, и когда я доложил ВОРОНИНУ, то он сказал: «Стародубцев должен дать ещё».

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Киреев обо мне вообще ничего не говорил, он может сказать о Федоровском.

Гайзер на протяжении 2-х суток допроса написал собственноручные показания на 90 листах, и этот протокол был направлен в Киев. Я никогда не корректировал протоколы Зельцмана и Федотова.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФЕДОТОВ:

К ВОРОНИНУ я никогда не приходил корректировать протоколы допросов. Он был таким же рядовым работником, как и я.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ЗЕЛЬЦМАН:

Я не знаю такого случая, чтобы к ВОРОНИНУ я и Федотов ходили корректировать протоколы допросов. Обычно корректировкой протоколов

занимались нач[альник] отделения, зам[еститель] нач[альника] отдела или нач[альник] отдела.

Председательствующий оглашает истребованные из 2-го отдела УНКВД Николаевской области для обозрения по ходатайству подс[удимого] ТРУШКИНА показания Степанова, Ножницкого, Латынина, Чучмана и Гейзера.

Том 1 с материалами по делу ликвидированной к-р троцкистской диверсионной вредительской организации на оборонных заводах г. Николаева.

Страница 32 – показания Степанова Сергея Александровича от 20.XI–[19]37 г.

Л. д. 34–35 этого же тома о вербовке Степановым в к-р организацию 19-ти человек, в том числе и Ничепорук[а].

Л. д. 153–155 – протокол допроса Иванова Б.М. от 26.I–[19]38 г. о том, что он и Гейзер были завербованы в к-р организацию Степановым.

Том 3-й с материалами по делу ликвидированной к-р троцкистской организации в Николаевской области.

Л. д. 610 – протокол допроса Ножницкого С.И. от 13.I.–[19]38 г. о том, что он является членом к-р троцкистской организации и был вовлечен Никитченко. В этом же протоколе допроса говорится, что Латынин и Чучман были тесно связаны с Никитченко и стояли на антипартийных позициях и являются двурушниками. Допрос производил Шор.

Том 14 – сборник протоколов допроса арестованных.

Страница 2938–2940 – протокол допроса Латынина И.Г. от 16.X.–[19]38 г. о том, что он является членом антисоветской право-троцкистской организации и был завербован Никитченко. В этом же протоколе допроса указано, что Латынину стало известно от Никитченко, что им в антисоветскую право-троцкистскую организацию был завербован Чучман.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Степанов осуждён Военной Коллегией к ВМН.

В 18 часов объявлен перерыв до 9 часов утра 2-го января 1941 г.

В 9 часов утра 2-го января 1941 г. судебное заседание объявлено продолжающимся.

Подсудимый ТРУШКИН по делу показал:

С 1-го июня 1938 г. почти по день моего ареста я был в должности врид. нач[альника] 2-го отдела. При приёме мной дел я принял 298 чел. арестованных. Из этого количества арестованных осуждено 65 чел., на 30 чел. дела отправлены на особое совещание. Суд. инстанциями освобождено 14 чел., нами освобождено 45 чел. и 44 чел. прошли по делам Кировограда и Запорожья.

Ещё до ареста, будучи в Киеве в командировке, я интересовался, как по 2-му отделу справлялись со своей работой в других областях, то оказалось, в большинстве областей впоследствии было освобождено от 60 до 80 %, тогда как в Николаеве было обратное явление, поскольку мы всесторонне подходили к делам.

В Николаев приезжала комиссия по главе с зам. наркома Горлинским и обследовала работу 2-го отдела. Тогда комиссия нашла, что мы правильно вели следствие, и признала нашу работу вполне удовлетворительной.

Никаких недочётов в работе не было. Тогда же был составлен акт, и об этом может подтвердить КАРАМЫШЕВ.

У нас были отдельные ошибки, но мы их быстро исправляли. Были случаи, когда мы арестовывали на основании одного показания. В то время каждый следователь имел от 15 до 18 чел. арестованных, и было очень трудно детально проработать материалы, и к тому же была спешка. Все ошибки, которые встречались в работе, мы с ними боролись, и они были предметом обсуждения на оперативных совещаниях. Больше всего имело место ошибок по 1-му отделению 2-го отдела, но мы их быстро исправляли.

Я могу привести пример по делу Роя, на которого дали показания о том, что он – кадровый троцкист, и когда мы перепроверили материалы, запросили парторганизацию, где он состоял на партийном учёте, то выяснили, что на него никаких не имеется компрометирующих материалов, после чего мы его немедленно освободили. Это говорит за то, что мы быстро реагировали и правильно подходили к делам. Этот случай был далеко до постановления ЦК [ВКП(б)] и Совнаркома [СССР].

Помню, как-то мне Киреев заявил о том, что Федоровский, допрашивая одного арестованного, обозвал его фашистом, после этого я доложил об этом случае Поясову, и после на оперативном совещании Федоровского за это ругали.

Я помню, когда из НКВД УССР приезжал Помозов и говорил, что мы неправильно освободили несколько человек, и предупредил, что за необоснованное освобождение я буду нести ответственность, как, например, это имело место с Лазовским, которого мы освободили, и Помозов сказал, что мы неверно это сделали. Я также помню, когда стоял вопрос об освобождении Левицкого и Малюгина, но освобождать этих арестованных было нельзя. Было много арестованных, которых ни в коем случае не следовало освобождать, но Юрченко – бывший нач[альник] Управления шел по линии наибольшего освобождения арестованных.

Левицкий дал свои показания ровно через 2 часа после его ареста, а Малюгин дал показания на 2-й день, и никаких нажимов к ним со стороны следователей не было. Таких арестованных в НКВД УССР не освобождали, а направляли на особое совещание. Таких обвиняемых, насколько мне известно, в других областях не освобождали. Юрченко, по-моему, неправильно понял постановление ЦК и СНК, а отсюда и было полное освобождение из-под стражи арестованных.

Будучи членом партийного комитета, обо мне ни одного раза не ставили вопрос, что я препятствовал и не хотел освобождать арестованных. Ни на одном из оперативных совещаний мне не ставилось в вину и не говорили, что я неправильно действовал как нач[альник] отдела. Я считаю, что моё увольнение из органов НКВД было необоснованно, и считаю долгом заявить следующее.

Когда в Николаев приезжали Калужский и Твердохлебенко, то они не хотели выяснить подробно, какие имелись материалы, и обосновано ли был арестован ряд лиц. Твердохлебенко и Калужский говорили о том, что мы дела на тройку сдавали в упрощённой форме. Калужский и

Твердохлебенко отнеслись формально к проверке дел и по ряду моментов подошли совершенно неправильно.

В предъявленном мне обвинении по первому пункту, где говорится, что я «производил необоснованные аресты и фальсифицировал дела», — это обвинение я категорически отрицаю и заявляю, что ни одной справки на арест я лично ни на кого не писал, а отсюда и вывод, что я не фальсифицировал дел. Верно, я подписывал постановления на арест отдельных лиц, но это я делал по докладу нач[альника] отделения, который первым подписал постановление.

На Седнева дал показание Муратов о том, что он был тесно связан с Седневым по подпольной работе и проводил вредительство по линии Никторга, засорял аппарат классово-чуждым элементом. Муратова передпрашивали Старыгин и КАРАМЫШЕВ, и он подтвердил свои предыдущие показания. Как только Седнев дал показания, с ними был ознакомлен секретарь обкома Старыгин, а затем он сказал: «Арестовать Седнева». Я считаю, что при наличии тех материалов, которые имелись на Седнева, его нужно было арестовать.

Бражников⁴⁵, я считаю, был арестован вполне правильно. Я помню, что к нам приходил директор совхоза Жугайло⁴⁶, который заявил КАРАМЫШЕВУ о том, что Бражников предлагал Жугайло примкнуть к антисоветской организации, и по этому вопросу меня тогда вызывал КАРАМЫШЕВ. На основании этого заявления мы сделали Бражникову с Жугайло очную ставку. Каких-либо следственных действий в отношении Бражникова я не производил.

По делу Василенко я также не имею никакого отношения к его аресту. Помню, что Побережный неоднократно приходил ко мне и говорил, что Василенко нужно арестовать. В то время на Василенко не было достаточных материалов, и я не согласился его арестовывать. Впоследствии Побережный показал мне санкцию на арест Василенко. На партийном собрании я выступал и говорил, что Василенко арестован неправильно, и тогда же Побережный сказал, что санкцию на арест дал КАРАМЫШЕВ, а не я. Такое выступление зафиксировано в протоколе партийного собрания, и это можно проверить.

Справку на арест Онищенко я не составлял. В томе 4, л. д. 128, в показаниях Федоровского ясно указано, что Онищенко был арестован Федоровским, и он вёл его дело, он же исправил даты в ордере на арест Онищенко и в протоколе обыска, спрашивается, какое я имел отношение к делу Онищенко? Помню, что Онищенко после ареста был направлен в Киев и через некоторое время его обратно направили в Николаев и здесь ввели следствие и впоследствии его освободили.

Даннекер, Чернохатов, Барсуков, Мацковский и Комаровские⁴⁷ были арестованы вполне обоснованно. На Барсукова и Даннекера имеются также показания Фомина, который говорит о том, что Барсуков

⁴⁵ Тут і далі у документі іноді помилково — Бражник.

⁴⁶ Тут і далі у документі помилково — Джугайло.

⁴⁷ У документі — Комаровских.

и Даннекер являются участниками антисоветской троцкистской диверсионно-вредительской организации.

[К] Фомина никто из работников 2-го отдела физических мер не принимал. Я действительно производил очную ставку между Фоминым и Афанасьевым, причём это было в присутствии пом[ощника] военного прокурора. Никто из работников «не подготавливал» Фомина к очной ставке с Афанасьевым.

На Мацковского отсутствует основной протокол допроса от 4-го августа, а также показание одного арестованного.

Если даже отбросить несколько показание Фомина, уличающее во вредительстве Барсукова, то есть показание Барсукова и ряд других, которые также уличают Барсукова в проведении вредительства. Все они были тесно связаны и друг на друга дали показания.

На Деревянченко ещё до моего прибытия в Николаев имелось много материалов, и ещё задолго до моего приезда в Николаев его хотели арестовать. На Деревянченко были показания Стародубцева, на основании чего он и был арестован. Арест Деревянченко был согласован с обкомом партии.

На Гаврилова справку на его арест я не составлял. К моменту ареста на него имелось 2 показания, и на основании их Гаврилов был арестован.

На Карасёва ещё до моего приезда в Николаев имелись показания Волкова, который в своих показаниях указал, что он завербовал Карасёва в антисоветскую троцкистскую организацию. Кроме этого, имелись показания Муратова о Фомине. Все это говорит за то, что на Карасёва и Фомина имелось достаточно материала.

Я помню, что из ЦК партии поступил запрос с просьбой выслать на Карасёва компрометирующие материалы, мы тогда составили справку на Карасёва и направили в ЦК. Санкции на его арест мы не просили, а лишь сообщили, какие у нас имеются на него компрометирующие материалы. В той справке мы указали, что на Карасёва имеется показание Седнева, но они ещё в достаточной степени не проверены и как только будут проверены, сообщим об этом дополнительно. Через несколько дней на Карасёва дали показания Оноприенко и Седнев, а затем ещё кто-то, и мы направили дополнительно о Карасёве материалы, в этот раз мы просили санкцию на арест Карасёва.

Оглаш[аются] л. д. 24–27, том 8, справка на арест Карасёва от 21.VIII–[19]38 г., подписанная ГАРБУЗОВЫМ, с резолюцией КАРАМЫШЕВА: «т. Поясову. Затребуйте санкцию на арест», на этой же справке резолюция ТРУШКИНА: «Седнева арестовать».

Л. д. 31–33, справка на Карасёва, подписанная ТРУШКИНЫМ и Зельцманом, с резолюцией Ярялянца⁴⁸: «тов. Гольдман».

Л. д. 34–36, справка на арест Карасёва, подписанная КАРАМЫШЕВЫМ и ТРУШКИНЫМ.

Подсудимый ТРУШКИН:

⁴⁸ У документі помилково через літеру «о» – Ярялянца.

В первых двух справках мы не просили арестовывать Карасёва, в октябре м-це, когда были получены показания Седнева и Оноприенко, тогда при направлении материалов мы просили санкцию на арест Карасёва.

Дудин сразу дал показания о признании, и у нас он никогда не отказывался от показаний.

Оглаш[аются] л. д. 37–39, показания Дудина от 26.XII–[19]38 г. (том 8).

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

Муратова я не допрашивал.

На вопросы ВТ свид[етель] ВОЛОШИН:

Муратов дал показания на вторые или третьи сутки. Он был арестован в ночь с 12 на 13 мая.

Оглаш[ается] л. д. 49, показание Муратова от 5.II–[19]39 г. (том 8).

Свидетель ВОЛОШИН:

К Муратову никаких физических мер воздействия не применяли, он сам дал показание о признании, и во время допроса я не «подсказывал» Муратову, кто входил в состав троцкистского центра.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить суду о том, что Карасёва я никогда не видел в глаза и вообще его не знал. На арест Бабаева мы располагали показаниями Нуринова – бывшего директора института Аскания-Нова. Это показание нам прислали из Киева. В показаниях Нуринова говорилось о том, что «Бабаев – участник к-р организации».

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Никаких показаний Нуринова на Бабаева не было, и от Козачука таких показаний не получал.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

На Бабаева из Киева поступила выписка из протокола допроса Нуринова, и Лейзеровский, будучи в р-не, мог и не знать о таких показаниях.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я утверждаю, что никаких выписок из протокола допроса Нуринова и Бабаева я от ТРУШКИНА не получал, и ТРУШКИН никогда мне не говорил о том, что имеется показание Нуринова на Бабаева.

Черновик показаний Бабаева составил Козачук, и когда он уехал, то ТРУШКИН откорректировал, и я подписал, а черновик, который составлял Козачук, я изорвал. Дата на протоколе была поставлена старая.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Козачук уехал из Николаева 24 или 25 августа, но не позже.

Оглаш[аются] л. д. 120–121, дополнительный протокол допроса Бабаева от 27 августа 1938 г. из дела Бранта и др.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

После переписанного мной протокола допроса, который корректировал ТРУШКИН, мне через несколько дней ТРУШКИН предложил написать маленький протокол допроса о том, что Бабаев подтверждает свои предыдущие показания. Это я и сделал. Это делалось, видимо, для подкрепления показаний Бабаева, данных им раньше.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Я лично видел выписку из протокола допроса Нуринова, но на кого он давал показания, я сейчас не помню.

Оглаш[ается] л. д. 2 из дела Деревянченко – постановление об избрании меры пресечения Деревянченко от 13.VII–[19]38 г. за подписью Богуславского, ТРУШКИНА, КАРАМЫШЕВА.

Л. д. 14 – постановление о привлечении в качестве обвиняемого Деревянченко от 2.VIII–[19]38 года по ст. ст. 54–7, 54–8, 54–11 за подписями ВОРОНИНА и ГАРБУЗОВА.

Л. д. 23–33 – протокол допроса Деревянченко от 15.VIII–[19]38 г., которого допрашивал ВОРОНИН. В этих показаниях Деревянченко указано о том, что его Лобода информировал, что участниками к-р организации являются Кобцев, Дудин, Гаврилов, Гладков, Волков и др., а всего 11 человек.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

До 13 июля на Деревянченко были показания ряда лиц.

Оглаш[ается] л. д. 145 – выписка из протокола допроса Дудина от 16.VIII–[19]38 г. и л. д. 147 – выписка из протокола допроса Волкова от 15. IX–[19]38 г. о том, что им был известен как участник к-р организации Деревянченко.

Председательствующий обозревает из дела Стародубцева, истребованного для обозрения, следующие документы:

Л. д. 85 – протокол допроса Стародубцева от 15.VII–[19]38 г., допрос которого производил Федотов. В этом показании Стародубцев на Деревянченко ко дню его ареста никаких показаний не дал.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

На Деревянченко было показание Стародубцева Дмитрия, которое забрал следователь следчасти НКВД УССР Грунин и увёз в Киев.

Деревянченко дал показание на второй день. Я помню, что в начале июля Стародубцев дал собственноручные показания и в них указал на Деревянченко.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

В обкоме КП(б)У тоже имеется достаточно материалов на Деревянченко, и я считаю, что он арестован правильно.

Оглаш[ается] л. д. 165 – дополнительные показания Садова от 26.VIII–[19]38 г. из дела Бранта и других.

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я действительно допрашивал Садова и написал по указанию ТРУШКИНА маленький протокол допроса в подтверждение Садовым предыдущих своих показаний. Этот дополнительный протокол допроса Садов подпisał. Протокол допроса Наместюка ТРУШКИН тоже откорректировал, и когда я дал на подпись Наместюку, то он не хотел подписывать и плакал. В это время я Наместюка уговаривал и говорил ему: «Не бойся, дело пойдёт в суд, и там дадите пояснение», после чего Наместюк подпisał протокол допроса.

Оглаш[ается] л. д. 69 – показание Наместюка от 30.VI–1938 г., допрос которого производил Лейзеровский, в этом протоколе допроса в конце указано: «На следующем допросе вы в этом будете разоблачены».

На вопросы ВТ свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Эту концовку в протоколе допроса Наместюка я сделал по указанию ТРУШКИНА.

Подсудимый ТРУШКИН:

Это – наглая ложь со стороны Лейзеровского. Ни о какой «концовке» по делу Наместюка я Лейзеровскому не говорил.

Оглаш[ается] л. д. 204, том 5, показание свид[етеля] Лейзеровского.

Свидетель ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Протокол допроса по делу Бранта корректировал ТРУШКИН, затем я его переписал, дал на подпись, и Брант подписал. Бранта допрашивали на протяжении 4–5 суток, и он подписал.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Показание Лейзеровского, где он говорит, что «можно ли на Наместюка выделить материалы и направить в Нарсуд», – это чепуха, и во время допроса Наместюка Лейзеровский не мог говорить Наместюку: «Подписывайтесь, а в суде расскажите, как было».

ВТ определил:

Вызвать для повторного допроса свид[етеля] Фомина.

Объявляется 20-мин. перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

На вопросы ВТ свид[етель] ФОМИН:

На Чернохотова я не давал никаких показаний, а на Барсукова я что-то говорил, но что, я сейчас не помню, т. к. в то время я был в плохом состоянии.

Оглаш[аются] л. д. 225–229 – выписка из протокола допроса Фомина от 3.VI–[19]38 г. из дела Даннекера и др.

Свидетель ФОМИН:

Я был арестован 20.VII–[19]38 г., а до этого меня в НКВД не допрашивали. Почему имеется мой протокол допроса от 3-го июня, я не знаю. Меня впервые начали допрашивать в день ареста, т. е. 20-го июля 1938 г.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Я действительно с ГАРБУЗОВЫМ допрашивал Фомина, но когда точно, даты не помню.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Я помню, что Фомина я допрашивал в августе месяце, а когда он точно был арестован, я сейчас не помню.

На вопросы ВТ свид[етель] ФОМИН:

Собственноручные показания я дал на 8-ые сутки. Я помню, что во время допроса мне Федотов, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН дали список лиц и сказали, чтобы я их указал в своих показаниях. На этом допросе присутствовал ТРУШКИН.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Это неверно, при допросе Фомина я не присутствовал.

Оглаш[аются] л. д. 230–236 – дело Даннекера и других.

Свидетель ФОМИН:

Вообще таких показаний я не давал, и дать не мог, их редактировали Федотов, ГАРБУЗОВ и ТРУШКИН.

До 20 июля меня никто в УНКВД не вызывал и не допрашивал.

Я не помню, чтобы Мацковский и Чернохатов проходили по моему протоколу допроса. Перед допросом я видел 2 списка – один был написан чернилами и второй – от машинки. Оба эти списка мне предъявляли.

Оглаш[ается] л. д. 60 том 9, где указано, что Фомин был арестован 20 июля 1938 г.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Протокол допроса от 3-го июня, который находится в деле Даннекера, могли попутать дату допроса, и я считаю, что это опечатка.

На вопросы ВТ свид[етель] ФОМИН:

Я говорил ТРУШКИНУ, ВОРОНИНУ, ГАРБУЗОВУ, Зельцману о том, что меня неправильно арестовали, то они отвечали: «Всё равно живым от нас не уйдешь».

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА свид[етель] ФОМИН:

ВОРОНИН и Федотов мне приносили список лиц, написанный от руки, и Федотов говорил: «На, тебе список и выпиши, кого ты завербовал».

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ФОМИН:

КАРАМЫШЕВ меня не допрашивал, но когда я дал «показания», то меня вызвали к КАРАМЫШЕВУ, и тогда я КАРАМЫШЕВУ жаловался на то, что ко мне следователи применяли физические меры.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ:

Я хочу пояснить суду о том, что Фомин собственноручно написал на моё имя заявление, в котором просил вызвать его на допрос, и он расскажет о своих преступлениях. Никаких жалоб от Фомина ко мне не поступало.

С согласия подсудимых ВТ определил:

Освободить от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания свид[етеля] Фомина.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу пояснить и ещё о том, что в начале августа 1938 г. на 3-де № 200 был совершён диверсионный акт, то на второй день из НКВД УССР прилетел самолётом один сотрудник, и тогда стали допрашивать Фомина, Афанасьева, Даннекера, Бабенко и других лиц. Кроме этих лиц, были причастны специалисты высокой квалификации, но их выделили из настоящего дела, и они на тройку не пошли.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Во время допроса к Фомину относились исключительно хорошо. Он на очной ставке в присутствии пом[ощника] военного прокурора говорил сам без всякого принуждения.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Чучман был арестован по телеграмме, присланной из Днепропетровска. В то время я находился в Киеве, и когда я приехал, то мне КАРАМЫШЕВ сказал, чтобы Чучмана в Днепропетровск не направляли, а вели следствие сами в Николаеве, и тогда Чучман был оставлен.

Сначала Чучмана допрашивал Федоровский. Впоследствии Ножницкий дал на Чучмана показание. На допросе Чучман дал собственноручные показания, где говорилось о том, что он «насаждал повстанческие кадры

на случай войны с СССР». Впоследствии Чучман дал показания на ряд лиц, в связи с чем Белову было дано указание перепроверить показание Чучмана, но он вместо этого арестовал лиц, ни в чём не виновных. Кроме этого, Белов содержал под стражей на протяжении одного года совершенно невиновного человека, на которого Белов утерял следственное дело, и когда нашли это дело в его же кабинете, то арестованного освободили. За это на Белова было наложено 20 суток ареста.

Как только были получены первые показания от Чулкова, я сразу доложил КАРАМЫШЕВУ. Ознакомившись с показаниями, КАРАМЫШЕВ усомнился в этих показаниях и сказал: «Нужно всыпать за то, что оговаривает людей». После этого я действительно на допросе ударил Чулкова один раз по щеке за то, что он оговорил 2-х человек, после чего Чулков отказался от своих показаний.

Показания Белова не соответствуют действительности. Об аресте этих лиц было моё указание и Поясова, но это уже после того, как я имел показание Чучмана о его признании.

Оглаш[ается] л. д. 125, том 4, показание Федоровского от 17 января 1940 г.

На вопросы ВТ подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Меня вызывал Поясов, и по его указанию я выезжал в Херсон для проверки для арестованных по Ново-Троицкому району. В то время в Херсоне был Киреев, и мы вместе просматривали дела. Из 20-ти человек арестованных я тогда предложил Кирееву освободить, кажется, 17 человек, а три человека не освободили, так как на них действительно были материалы.

Об аресте этих лиц было официальное отношение за подписью ТРУШКИНА и Поясова. Подлинника отношения об аресте 20-ти человек я не видел, а видел копию, когда возвратился в Николаев. Все эти лица были арестованы на основании показаний одного человека.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Я действительно давал санкцию на арест по Ново-Троицкому р-ну, но после того, как мне были доложены материалы Белова и Федоровского.

Объявляется 10-минутный перерыв, после чего судебное заседание продолжается.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я ещё хочу пояснить Трибуналу по разработке «Ретивые». Об этой разработке я впервые узнал только на следствии и на задаваемые мне вопросы: «Что вам известно о разработке “Ретивые”?», я тогда ответил, что ничего не знаю. По этому вопросу меня допрашивал Грунин. Я тогда удивился, почему вдруг меня вызвал на допрос Грунин, тогда как меня всё время допрашивал Точилкин. На допросе Грунин обращался со мной грубо, набрасывался с кулаками на меня, составил протокол допроса и сказал: «На, подпиши протокол допроса о том, что ты спровоцировал агента «Герд[а]». Я отказался подписать этот протокол и потребовал, чтобы вызвали прокурора, но этого не сделали.

29 октября я написал заявление прокурору, в котором указал, что мне неправильно ставят в вину агентурную разработку «Ретивые». Верно, мне

было известно, что в УНКВД имеется разработка «Ретивые», и я читал сводки агента «Герд[а]».

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

С агентом «Герд[ом]» я встретился до дня моего ареста. В беседе с этим агентом я действительно говорил, что нужно систематически освещать Гаврилова, Gladkova и др., но о том, чтобы «сгущать» краски, я этого не говорил.

Оглаш[аются] л. д. 256–257, протокол допроса Николаевского от 19.III–[19]40 г.

Подсудимый ТРУШКИН:

Это показание Николаевского не соответствует действительности. Я прямо говорил на следствии, что или «Герд» провоцирует следствие, или следствие провоцирует «Герда». Никакого нажима на «Герда» не было.

Докладную записку на имя зам[естителя] наркома я действительно составлял в начале июля месяца на основании материала «Герда», но ещё с «Гердом» к тому времени не встречался. Вторая докладная записка от 29 июля была составлена мной, но также исключительно из поступивших материалов от агента «Герд[а]».

Оглаш[аются] л. д. 147–152, докладная записка нач[альника] УНКВД Юрченко от 22.VII–1939 г. на имя зам[естителя] наркома Кобулова.

Подсудимый ТРУШКИН:

Эту докладную записку составлял Юрченко, но до этой докладной записки была ещё одна на имя зам[естителя] наркома.

Оглаш[ается] л. д. 156, том 9, из протокола допроса Николаевского.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я писал докладную записку на имя зам[естителя] наркома, но ещё тогда у меня с агентом «Герд[ом]» встреч не было. Я помню, что докладную записку писали не только с поступивших сводок агента «Герд[а]», но и сводок агентов «Иванова» и «Гершова». Я утверждаю, что на этих лиц были сводки «Иванова», одна из которых была обнаружена у меня на квартире во время обыска.

Свидетель ВОЛОШИН:

Я хочу суду сказать о том, что по 3-му отделу была сводка агента «Антонова», который сообщил, что, возвращаясь с Дудиным на грузовой автомашине из Одессы, слышал от него антисоветские разговоры, точно их сейчас воспроизвести я не могу, т. к. не помню, но эту сводку можно истребовать из 3-го отдела.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Были в отдельных случаях «стойки» арестованным от 1 до 3 суток, но это в том случае, если была необходимость. Эти «стойки» были ещё до моего приезда в Николаев.

Левицкий дал показание на 2-ые сутки, а Малюгин – на 3-тьи сутки. На Левицкого материалы оформлял Зельцман.

После приезда из Киева Юрченко он занял резкую линию на освобождение арестованных и тогда предложил Левицкого и Малюгина освободить. Лозовика я освободил, хотя он и не дал дополнительных показаний об отказе от своих предыдущих показаний. Верно, я не хотел

освобождать Лозовика, но Зельцман, выступая на партсобрании, сказал, что я сопротивляюсь и не хочу освободить некоторых арестованных, и тогда же он сказал о Лозовике. Я помню, что на Лозовика были материалы по Запорожью.

Бражникова я не освобождал и никакого отношения к его делу не имел.

По делу Ионаса были материалы из Донбасса о том, что он, будучи пом[ощником] командира по хозяйству дивизиона, выдал для питания красноармейцев непригодные консервы и мясо, но это Ионас отрицал. Впоследствии мы проверили все материалы и, согласовав с Поясовым, мы Ионаса освободили.

К Волкову, Сухоленцеву, Деревянченко, Кобцеву, Жерноклюеву и другим я никогда не давал указаний ВОРОНИНУ, чтобы он применял к ним физические меры воздействия. Показание свидетелей, допрошенных в суде, я категорически отрицаю. За всё время я помню 2 случая, когда от арестованных поступили заявления о том, что к ним применялись физические меры, и когда мне стало об этом известно, то я сразу доложил КАРАМЫШЕВУ, и Шор был откомандирован. На каждом оперативном совещании я говорил и предупреждал следственный аппарат, что за побои арестованных будут привлекаться к ответственности.

Я действительно хранил у себя сов[ершенно] секретные документы, но это было всего одну ночь. Я взял их для того, чтобы написать в Наркомат и доказать о моей невиновности в предъявленном мне обвинении.

Председательствующий оглашает по ходатайству подс[удимого] ТРУШКИНА протокол допроса Чучмана – л. д. 149–162 из сборника протоколов допроса арестованных по 2-му отделу, 3-му отделению, том VI, истребованного для обозрения. Протокол допроса датирован 5.VII–1938 г., допрос Чучмана производили Федоровский и Танфилов. Из этого протокола допроса видно, что Чучман был завербован в антисоветскую организацию нач[альником] полит. отдела Ново-Троицкой МТС Цвилем Петром, кроме этого, со слов Никитченко, Чучману стало известно, что Садовов является активным участником антисоветской повстанческой организации, и что в совхозе Садововым была создана повстанческая диверсионная группа под руководством Ковалева в составе 15 человек.

Оглаш[ается] л. д. 22 из дела Бранта и др. – постановление об избрании меры пресечения Садовову от 29 июня 1938 г. за подписями Федоровского, ТРУШКИНА и Поясова.

Подсудимый ТРУШКИН:

Садовов был арестован на основании собственноручных показаний Чучмана.

Председательствующий оглаш[ает] л. д. 112–113, том 1, показания Федоровского, в которых говорится о том, что ему в беседе с Зельцманом стало известно, что ТРУШКИН представил дело Мацковского (по 3-ду № 200) на тройку как арестованного и увязанного с делом Даннекера и др. до 1-го августа, тогда как пожар на заводе был фактически 2-го августа.

Оглаш[ается] л. д. 184–187, протокол допроса Шора от 2.IX–[19]39 г.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

По вопросу ареста Бурова и Решетняка мне ничего не известно.

Оглаш[ается] л. д. 194–196, том 4, протокол допроса Шора.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Трубий в своём заявлении просил вызвать его на допрос. В то время он отказался от своих показаний. Когда я его вызвал и спросил, кто писал заявление, то он стал отказываться, а затем сознался и сказал, что он написал это заявление с провокационной целью. Как его допрашивал Поясов в Херсоне, мне не известно. Я лично допрашивал Трубия по заданию НКВД УССР, и после получения от него показаний сообщил НКВД УССР. Шор не говорил мне, как и когда допрашивал Поясов Трубия.

Оглаш[аются] л. д. 34–35, том 4, показания свид[етеля] Шклярова.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Я поверил заявлению директора совхоза Жугайло о том, что его Бражников пытался завербовать в антисоветскую организацию, и на этом основании дал распоряжение арестовать Бражникова. Через некоторое время в июле м-це выделился из 2-го отдела сельхозотдел, и Бражников был передан вместе с материалами в сельхозотдел.

Шкляров действительно приходил ко мне по ряду дел и говорил, что нужно кое-кого освободить, но т. к. не было никаких документов, кроме их показаний, то я не хотел освобождать, а потом я командировал в район ГАРБУЗОВА, и когда он привез оттуда положительные отзывы о них, то мы часть освободили. Это неверно говорит Шкляров, что я не хотел освобождать Немченко.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

Дело Муратова вел ВОЛОШИН. Мне известно, что Муратов дал показания на 2-ые сутки. Я иногда был на подмене у Волошина, когда он допрашивал Муратова.

Оглаш[ается] л. д. 83, том 4, показания свид[етеля] Федотова⁴⁹.

На вопросы ВТ свид[етель] ФЕДОТОВ:

О том, что Муратову угрожали и хотели его избить, об этом мне рассказал Шкляров.

В 17 часов объявлен перерыв до 20 часов.

В 20 часов суд. заседание объявлено продолжающимся.

Председательствующий оглашает из дела Наливайко (истребованного для обозрения) следующие документы:

Протокол допроса Наливайко от 29-го августа, допрос коего производил Винницкий. Наливайко от своих предыдущих показаний отказался.

Протокол допроса Сенюрина от 10-го августа 1938 г., где он указывает, что Наливайко является членом к-р организации.

Протокол допроса Гайзера, который отрицает показания Сенюрина и Наливайко.

Постановление о прекращении дела Наливайко.

На вопросы ВТ подсудимый ТРУШКИН:

⁴⁹ Тут і у наступному абзаці у документі помилково – Федоров.

Дело Наливайко велось не 2-ым, а 3-тм отделом, и 2-ой отдел ни к вопросу ареста, ни к следствию по делу Наливайко не имеет [отношения].
ВТ определил:

Возвратить дело Наливайко в 1-ый спецотдел УНКВД для хранения в архиве.

Председательствующий обзвевает из дела по обвинению Муратова, истребованного для обозрения, следующие документы:

Л. д. 1–2 – два постановления от 11.V–[19]38 г. о начатии следствия и об избрании меры пресечения. Первое постановление – за подписью Зельцмана, ТРУШКИНА и Поясова и второе – за подписями: Волошина, ТРУШКИНА и Поясова.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Хотя подпись на этих постановлениях и моя, но я не знаю, почему так получилось, ибо я 11.V–[19]38 г. в Николаеве ещё не работал, а приехал 1-го июня 1938 г.

На вопросы ВТ подс[удимый] ВОРОНИН:

Я помню хорошо, что Муратов был арестован в ночь с 12 на 13-ое мая, в то время ТРУШКИНА в Николаеве ещё не было, а он приехал в Николаев 1.VI–[19]38 г. Я предполагаю, что подпись ТРУШКИНА на постановлениях от 11.V–[19]38 г. получалась потому, что в момент оформления постановлений Толкачеву – бывш[ему] нач[альнику] IV отдела – на подпись не дали, а затем, когда прибыл ТРУШКИН, и дело нужно было оформить, то дали ТРУШКИНУ, и он подписал.

Оглашается из дела Муратова:

Л. д. 6 – постановление от 10.VI–[19]38 г. о конфискации у Муратова оружия за подписями Зельцмана, ВОРОНИНА и ТРУШКИНА.

Л. д. 67 – заявление Буранова от 8.V.[1938 г.] о зажиме Муратовым самокритики в совхозе, где он был начальником политотдела.

Л. д. 80 – выписка из постановления Николаевского горпартактива от 12–14 июля 1937 г. на Муратова о проверке его связей с врагами народа Вегером и Манюриным.

Л. д. 111 – заявление Левченко от 19.III–[19]38 г. о Муратове на имя инструктора ЦК КП(б)У тов. Рудакова. Из этого заявления видно, что Муратову была известна к-р вылазка бывш[его] секретаря ГПК, и он на это не реагировал и никому не донёс, самостраховщик.

Л. д. 124 – выписка из протокола партсобрания НКИ от 3–4 января 1938 г. об исключении Левченко из партии.

Л. д. 127 – протокол допроса Бородько.

Л. д. 191 – собственноручные показания Муратова от 15.V–1938 г.

Л. д. 260–161 – протокол допроса Муратова от 20.VIII.[19]38 г., где он дает показание о Карасёве как член[е] к-р организации.

Л. д. 267 – протокол допроса Борткевича.

Л. д. 269 – протокол допроса Сухоленцева, допрос коего производил Зельцман.

Л. д. 276 – протокол допроса Жерноклюева.

Л. д. 278 – протокол допроса Муратова, который подтверждает предыдущие свои показания.

Л. д. 282 – протокол допроса Гущина от 17.X.[19]38 г., в этих показаниях Гущин говорит о том, что Муратов – член право-троцкистской организации. Допрашивал Зельцман.

Протокол допроса Нудина, который дает показание на Сухоленцева, Волкова и других.

Л. д. 342 – протокол допроса Муратова, допрос коего производил Зельцман.

Протокол допроса Седнева от 5.X.[19]38 г., где говорится о том, что он вовлечен в к-р организацию Карасёвым. Допрашивал Зельцман.

Л. д. 431 – постановление за подписями ВОРОНИНА, ТРУШКИНА и Поясова о направлении дела Муратова в НКВД УССР.

Л. д. 435 – протокол допроса Муратова от 26.XII–[19]38 г., который отказался от своих предыдущих показаний.

Постановление от 26.VI.[19]39 г. о прекращении дела Муратова за подписями Зельцмана, Побережного и Юрченко.

Председательствующий обозревает из дела Бондаря (истребованного для обозрения) следующие документы:

Л. д. 1–2 – два постановления от 2.VIII–1938 г. о начале предварительного следствия и об избрании меры пресечения Бондарю, подписаны ВОРОНИНЫМ и ТРУШКИНЫМ.

Л. д.⁵⁰ – протокол допроса Бондаря. В этих показаниях Бондарь указал 5 человек, которые являются членами к-р организации.

Л. д. 18 – протокол очной ставки между Бондарем и Богуславским.

Протокол допроса (очная ставка Бондаря с Афанасьевым), которую проводили ТРУШКИН и ВОРОНИН.

Протокол очной ставки Бондаря с Барсуковым от 25.VIII.[19]38 г.

Протокол очной ставки Бондаря с Базилевичем, производил Зельцман.

Протокол очной ставки Бондаря с Чернохатовым, производил Зельцман.

Л. д. 163 – протокол допроса Чернохатова, который даёт показание на Афанасьева.

Л. д. 170 – протокол очной ставки Даннекера с Фоминым от 2.X.[19]38 г.

Протокол допроса Афанасьева, который указывает, что ему со слов Фомина известно, что Бондарь является членом к-р организации.

Постановление о выделении из дела Бондаря материалов на 9 человек, в том числе Фомина.

На вопросы ВТ подс[удимый] ТРУШКИН:

Бондарь был тесно связан с Афанасьевым. Фомин давал показания на Даннекера и тоже был тесно связан с ним. Дело Фомина нельзя было направить на тройку, т. к. он – инженер.

Председательствующий обозревает из дела Афанасьева (истребованного для обозрения) следующие документы:

Л. д. 1–2 – постановление о начале следствия от 2.VIII.[19]38 г. и об избрании меры пресечения Афанасьеву.

⁵⁰ Номери аркушів у документі відсутні.

Л. д. 23–24 – протокол допроса Афанасьева от 5.VIII.[19]38 г., допрос коего производили Купный и Заикин. В этом протоколе допроса указано, что Афанасьев был завербован в троцкистскую организацию Меламудом, с его же слов Афанасьеву были известны как участники этой организации Фомин, Барсуков, Бондарь, Голяков, а всего 8 чел.

Л. д. 50–56 – протокол допроса Афанасьева от 3.VIII–[19]38 г., допрос коего производили ГАРБУЗОВ и зам[еститель] облпрокурора Карпенко. В этом протоколе допроса Афанасьев указал, что ему со слов Меламуда известны члены троцкистской организации Фомин, Барсуков, Бабенко, Бондарь, а всего 9 человек.

Л. д. 86 – протокол допроса Афанасьева от 14.XII.1938 г., в котором на заданный Афанасьеву вопрос, входят ли в состав троцкистской организации Даннекер и Мацковский, на что Афанасьев ответил, что ему о принадлежности Даннекера и Мацкого к троцкистскому подполью ничего не известно.

Дело Афанасьева было направлено в суд, и он был оправдан.

Председательствующий обозревает из дела Базилевича (истребованно-го для обозревания) следующие документы:

Протокол допроса от 8.VIII.[19]38 г., 17.VIII.[1938 г.], 19.VIII.[19]38 г., где Базилевич признаёт себя виновным в участии в диверсионном акте по заводу и дал ряд лиц. Базилевич по суду оправдан.

Подсудимый ГАРБУЗОВ:

У меня есть ходатайство в части того, чтобы истребовали собственноручные показания Фомина, которые можно разыскать во 2-ом отделе УНКВД.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я прошу Трибунал истребовать собственноручные показания Чучмана, а также истребовать из ЭКУ НКВД УССР показания Бабаева и Нуринова.

ВТ определил:

В ходатайстве подсудимых ГАРБУЗОВУ и ТРУШКИНУ об истребовании собственноручных показаний Фомина и Чучмана, а также показание Нуринова и Чучмана – отказать, т. к. по этим обстоятельствам имеется достаточно материалов.

Объявляется 10-минутный перерыв, после чего суд. заседание продолжается.

Председательствующий оглашает:

1. Справку секретариата УНКВД о том, что акта комиссии обследования работы отделов УНКВД за период работы бывш[его] нач[альника] УНКВД КАРАМЫШЕВА в УНКВД не обнаружено.

2. Список на 11 человек, осуждённых особой тройкой УНКВД Николаевской обл. в 1938 г., кои были арестованы с 1.VIII–[19]38 г.

3. Список на 46 чел, осуждённых в 1938 г. тройкой УНКВД Николаевской обл., кои могли быть включены в акт от 18.I.1940 г. как специалисты.

4. Отношение УНКВД от 2-го января 1941 г. с разъяснением о приказе № 00606 НКВД СССР и циркуляра НКВД СССР № 189 от 21 сентября

1938 г. о категории лиц, дела на коих не подлежали рассмотрению особых троек.

ВТ определил:

Указанные документы приобщить к делу.

На вопросы ВТ подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Мурин – агент польской разведки – перешел нелегально границу.

Я просил бы Трибунал проверить всех этих лиц не по повесткам особой тройки, а по актам вынесенных приговоров, там точные данные, за что каждый осуждён.

Подсудимый ТРУШКИН:

Я хочу Трибуналу пояснить о том, что Барсуков не был специалистом, а эта должность относится к обыкновенному служащему. Сам Барсуков высшего образования не имел.

ВТ определил:

Истребованные для обозрения дела Гладкова, Чикалова, Бондаря, Меламуда, Базилевича, Носова, Гушина, Гаврилова и Муратова возвратить в 1-ый спецотдел УНКВД Николаевской обл.

Дела на Фомина, Афанасьева, Ионаса, Онищенко, Деревянченко и Стародубцева Дмитрия приобщить к данному делу и возвратить таковые по минованию надобности.

Председательствующий спрашивает подсудимых, чем они могут дополнить судебное следствие.

Подсудимые: КАРАМЫШЕВ, ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН судебное следствие ничем не дополнили и таковое объявлено законченным.

Председательствующий предоставил подсудимым поочередно последнее слово.

Последнее слово предоставлено подс[удимому] ВОРОНИНУ:

Преступником я никогда не был, и никакие условия не заставят меня делать преступление. Меня оклеветали свидетели, вызванные на суд.

Происхожу я из рабочей семьи, отец – мельник, в тяжёлых условиях жизни приобрёл специальность механика и с этой работы пошел на работу в органы НКВД⁵¹. В 1921 г. я работал у кулаков, добывая кусок хлеба на пропитание. В 1921 г. вступил в комсомол и в 1931 г. был принят в партию. В 1929 г., будучи в погранотряде на румынской границе, был секретарём КСМ организации своего подразделения.

В 1930 г. меня как хорошего работника направили для работы в органы НКВД. Сначала я был пом[ощником] коменданта, а затем перевели на оперативную работу, где за хорошую работу по вскрытию к-р организаций был дважды награждён. В 1936 г., работая в Спартакском районе, мною была вскрыта к-р фашистская организация. За успешное выполнение заданий я был премирован 2-х месячным окладом зарплаты. В сентябре 1937 г. мной было много вскрыто различного рода к-р ячеек, и за разгром врагов народа я был представлен к высшей награде. Одно время был избран секретарём парторганизации УНКВД. За всё время я не имел ни одного партийного взыскания. Вот вкратце мой этап жизни.

⁵¹ У документі помилково – УНКВД.

Показания свидетелей — граждан, впоследствии освобождённых, опровергнуты здесь, в судебном заседании, свидетелями — сотрудниками НКВД.

Я хочу сказать о том, что разработка «Ретивые» помогла моему аресту. Я считаю, что агентурное дело было заведено вполне правильно и это предусмотрено приказами НКВД СССР. Предварительное следствие мне не предоставило возможности до конца ознакомиться с делом, и лишь здесь, перед самым началом судебного заседания, я смог только кое с чем ознакомиться.

В отношении ареста Деревянченко я могу сказать, что он был арестован вполне правильно. На его арест была дана санкция секретаря ЦК КП(б)У Бурмистенко. В чем же здесь моя вина? Точно так же и по другим делам, где я нахожу, что арест их был вполне правильным. Бывш[ий] зам[еститель] наркома Горлинский, будучи здесь, в Николаеве, делал обследование и признал работу 2-го отдела удовлетворительной.

По вопросу применения физических мер воздействия к арестованным я хочу сказать чистосердечно, что никогда ни одного не ударил. Я работал честно, добросовестно, и то, что мне партия доверяла, я думаю, что всё выполнял так, как от меня требовалось. Я заявляю суду, что в этот период следствия, когда работы было много, у нас был недостаток оперативных работников, которые бы хорошо знали следственную работу, а два работника совершенно не были знакомы с оперативной работой. Верно, ошибки были, но разве они от меня зависели. Совсем не так. Преступлениями я никогда не занимался. Я прошу суд при вынесении приговора учесть ту обстановку, в которой тогда приходилось работать.

На протяжении 11-летней работы я безупречно работал, был честным большевиком, и теперь в силу выдвинутых мне клеветниками обвинений я предстал перед судом.

Я прошу суд дать мне возможность быть полезным для нашего общества.

Последнее слово предоставлено подс[удимому] КАРАМЫШЕВУ:

Я до сего времени не пойму, за что я арестован, и считаю, что никакого преступления у меня нет. Будучи сейчас в тюрьме, я много думал, думал всё, что угодно. Всё то, что я когда-то считал священным — оно оказалось наоборот. Верно, могли быть отдельные недостатки, но нужно учесть тот период времени — в органах НКВД оказалось большое количество врагов, которые вместо правильного руководства пошли по вражеской линии, и как результат этого имело[сь] много ошибок не только у нас, но и в других местах.

Я хочу сейчас остановиться на том, что из себя представляет Николаев. Здесь активно работали английская, немецкая, японская и польская разведки, особенно польская. Над созданием этих организаций работали иноразведки очень много, и в тот период было очень трудно ориентироваться. В 1938 г. мы арестовали двух консулов — бразильского и датского, которые оказались разведчиками иностранного государства, занимавшимися шпионской деятельностью на протяжении 10 лет. Здесь же, на крупных заводах, особенно кораблестроения, были засорены классово-чуждым

элементом. Здесь же была родина Троцкого, который в то время насадил довольно солидное количество троцкистов.

Здесь нами был арестован крупный агент японской разведки Ремер, который был прислан сюда для шпионской деятельности. Вообще в тот период мы имели большой размах по уничтожению врагов, но всё равно их разведка так работала, что не успели ещё поставить на заводе [им.] Марти агрегат, как уже стало об этом известно в иностранной прессе. Кроме этого, можно привести ряд таких примеров, и тогда требовалась от органов НКВД большая работа по разгрому врагов народа, борьба с различного рода шпионами иностранных разведок. Спрашивается, за что же меня судят, когда мы, работая ежедневно до 6 часов утра, боролись с различного рода врагами.

За всю работу, проведённую нами, ряд сотрудников был награждён различными наградами.

Я хочу сказать, что из себя представлял Чучман. Это – бывший офицер, состоял на службе в польской дефензиве, и он организовал на Днепропетровщине повстанческую организацию. Я считаю, что на него было достаточно материалов, и его не только [не] нужно было освобождать, а только расстрелять.

Ряд осуждённых тройкой, на них вполне правильно были оформлены дела. Это люди, имеющие плохое социальное прошлое, которые помимо этого занимались шпионской работой, бывшие перебежчики, поляки, немцы, имеющие долготельную практику шпионской работы.

Я хочу сказать, что нет таких директив, которые бы говорили, что дела обычных специалистов-шпионов нельзя рассматривать тройкой. Выводы следствия о том, что судебная тройка рассматривала не подсудные ей дела, являются, как это показал весь ход судебного следствия, несерьёзными и абсурдными. Следствие базирует это искусственное обвинение на 2-х пунктах, а именно: что судебная тройка рассматривала дела на арестованных после 1-го августа 1938 г., и что судебная тройка вопреки якобы приказу за № 00606 рассматривала отдельные дела на «специалистов высокой квалификации».

В ходе судебного следствия установлено и на основании показаний облпрокурора Ланчуковского, что судебная тройка действовала правильно и в соответствии с общепартийными установками и указаниями органов НКВД.

Судебная тройка действительно рассмотрела несколько дел на 10–11 человек арестованных после 1-го августа 1938 г., но это было по двум причинам. Во-первых, эти люди проходили по групповым делам, как это уже установлено в ходе судебного следствия, и суд. тройка, исходя из госуд. интересов, не сочла нужным выделять на них материалы в отдельное производство. Во-вторых, все эти люди изобличались в крупнейших преступлениях, как, например, шпионаж, активное участие в националистическом, повстанческом движении, и являлись крупными кулаками, помещиками, политбандитами, как, например, Жаботинский, Шмидт, Крепель и ряд других.

Директива НКВД СССР № 00606 комментируется следствием произвольно и на основании тенденциозно подобранных данных. В этой директиве говорится конкретно о том, что судебные тройки не должны рассматривать дела на профессуру, инженеров и врачей, и в то же время подчеркивается, что должны и обязаны рассматривать дела на лиц, которые изобличаются в шпионской и вредительской диверсионной работе.

Судебная тройка, как это установлено в ходе судебного следствия, не рассматривала дела на профессуру, научных работников, инженеров, врачей и вообще не рассматривала дела на сколько-нибудь заметных общественных деятелей. Верно, судебная тройка рассматривала отдельные дела на агрономов и учителей, причём это было человек 7, и суд. тройка тогда руководствовалась тем, что дела на всех этих лиц возвратились к нам из Москвы с прямым предложением рассмотреть их на заседаниях судебной тройки. Эти лица не подпадают под действия директивы НКВД СССР. Гейст, Бондаренко, Чучман, Мурин и другие являются кулаками, белыми офицерами и политбандитами. Многие из этих лиц проходили по общим групповым делам.

Решения судебной тройки немедленно направлялись в Киев и Москву, причём наши решения расценивались как правильные, о чём здесь уже говорили свидетели Ланчуковский, Шейнберг, Готовцев и Ефремов. Эти же свидетели показывали о том, что суд. тройка устанавливала такой порядок рассмотрения дел, который исключал возможность серьёзных ошибок. Я считал и считаю, что судебная тройка действовала вполне правильно и в интересах государственной безопасности.

В результате наших мероприятий, проведённых по линии судебной тройки, мы создали и добились того, что оборонные заводы стали не только выполнять, но и перевыполнять государственные задания и планы по товарной продукции.

Судебное следствие выяснило и установило совершенную несостоятельность предъявленного мне обвинения и свидетельских показаний, 99 % всех допрошенных по делу не предъявили мне никакого обвинения и выступали в мою защиту.

Судебное следствие установило, что я никогда преступной деятельностью не занимался, а что я, наоборот, всю свою сознательную жизнь боролся с преступниками и врагами, отстаивая позиции партии и советской власти, за что меня избрали депутатом Верховного Совета [УССР] и наградили высшей наградой — орденом Ленина.

На предварительном следствии некоторые сотрудники говорили, что я недоступен, ведь это абсолютно ни на чем не основано. Будучи в Ленинграде, я был избран 2-ым секретарем партийного комитета УНКВД. Здесь, в Николаеве, несмотря на то, что у меня был фонд наградных 12000 рубл., я расходовал в месяц 18000 рубл. Это говорит за то, что я чутко прислушивался к нуждам сотрудника и никогда не слышал упрёка [от] сотрудника.

Я — жертва, и партия не нуждается в такой жертве, а поэтому и я прошу меня оправдать.

В 4 часа ночи 3 января 1941 г. объявлен перерыв до 10 часов утра 3.1–1941 г.

В 10 часов 10 мин. 3.1–1941 г. судебное заседание продолжается.

Последнее слово предоставлено подс[удимому] ГАРБУЗОВУ:

Сам я – выходец из пролетарской семьи. Отец всю жизнь был рабочий, брат находился в Красной армии. В малом возрасте я стал жить самостоятельно, т. к. отец умер. Уже будучи 15-тилетним, я вступил в ряды комсомола, а затем был принят в партию.

В начале 1934 г. я был мобилизован обкомом партии для работы в органы НКВД. Будучи на работе в органах НКВД, мной был вскрыт ряд к-р организаций, за что неоднократно я был премирован. Кроме оперативной работы, я также принимал активное участие в партийной общественной работе. Одно время я был секретарём парторганизации УНКВД. Мной была вскрыта террористическая к-р организация, которая ставила своей целью покушение на жизнь маршала Советского Союза Ворошилова, и все эти 9 человек Трибуналом были осуждены к ВМН. Был также ряд других дел, по которым мной вскрыты на объектах к-р ячейки.

Прибыв в УНКВД, я застал в 2-ом отделе большое количество арестованных, которые сидели продолжительное время без допросов. Несмотря на тяжёлую тогда обстановку, мной быстро был взят упор быстрого оформления следственных дел. Верно, было много арестованных, на которых не было компрометирующих материалов, и я сразу же принимал все меры к быстрейшему оформлению на освобождение. Много дел было и объективных, которые быстро были закончены, и арестованные приговорены к ВМН.

Незаконных арестов с моей стороны не было. Фальсификацией следственных дел я не занимался, а, наоборот, я всесторонне анализировал каждый факт и делал соответствующие выводы. Вымогательством показаний от арестованных я не занимался, хотя один свидетель Фомин и говорит, что я требовал от него показаний.

Наоборот, если мне приходилось встречать искусственное создание кем-либо дел, я немедленно об этом докладывал нач[альнику] УНКВД, и как факты, будучи в командировках в тот период времени в районах, мне пришлось увидеть со стороны нач[альников] райотделений НКВД Мартыненко, Дарова и Лившица фальсификацию следственных документов по делам арестованных, необоснованно арестованных, на что я реагировал и по моему докладу нач[альнику] УНКВД КАРАМЫШЕВ отдал под суд указанных нач[альников] РО НКВД, и они осуждены Трибуналом.

Ряд свидетелей, прошедших в суд. заседании – сотрудников НКВД – дали правдивые показания суду, а ряд свидетелей – граждан – озлоблены и дали несправедливые показания.

Верно, были отдельные недочёты в работе и у меня, но они быстро мной исправлялись. Я дни и ночи сидел, допрашивая арестованных, каждый факт анализировал, и благодаря моей упорной работе я добился хороших результатов. У меня нет ни одного арестованного, которого я бы необоснованно арестовал. Я был честным коммунистом и преданно работал и прошу меня оправдать.

Последнее слово предоставляется подс[удимому] ТРУШКИНУ:

Родился я в г. Керчь, про[ис]хожу я из рабочей семьи. Уже с детства я начал самостоятельно жить и помогал матери. В 1919 г. я уже принимал активное участие против белогвардейских банд – Махно, Григорьева и др. Принимал участие по разгрому Деникина и до 1921 г., будучи в Красной Армии, боролся за восстановление Советской власти. В 1921 г. я был направлен на работу в органы ЧК–ГПУ, где и работал до моего ареста.

За весь период моей работы в органах НКВД я много ликвидировал к-р организаций. Лично мной был разоблачён как враг народа бывш. секретарь Черниговского обкома партии Маркитан. За всю безупречную мою работу я много раз награждался НКВД СССР и НКВД УССР.

1-го июня 1938 г. я прибыл на работу в Николаев. В то время я принял 171 чел. арестованных, их коих часть была арестована обоснованно, а часть неправильно, и через некоторый промежуток времени мы немедленно освободили ряд арестованных.

Верно, в то время мне были известны отдельные недочёты в оформлении следственных документов. Мне также стало известно, что рядом работников применялись незаконные методы следствия, и как только мне стало об этом известно, я принял решительные меры к устранению таких безобразий и на оперативных совещаниях я говорил, чтобы ни в коем случае к арестованным не применяли физические меры воздействия.

Как недочёты в работе могу сказать, что в отдельных случаях мы арестовывали по одному показанию, но такие моменты быстро исправляли и арестованных освобождали.

Я прошу суд учесть и обратить внимание на то, что я честно здесь говорю и ничего не скрываю. Фальсификацией следственных материалов я не занимался. Для меня сейчас ясна вся картина, после того, как в процессе судебного заседания я ознакомился с материалами следствия. Бурдан – следователь следчасти НКВД УССР пристрастно отнёсся ко мне. Я не хотел один раз подписывать один протокол допроса, т. к. в нём фиксировалось то, чего не было.

На Бранта, Садова и др. лиц было вполне достаточно материалов к их аресту, но, возможно, моя вина заключалась в том, что я, доверившись своим подчинённым, не проверил, что не хватает, что необходимо было проделать. Но, как факт получилось, что там ещё много недоставало материалов.

Я хочу сказать, что Фомину и Афанасьеву были созданы нормальные условия, они совершенно не подвергались никаким побоям или нажиму на них. Они добровольно сами рассказывали следователю, и никто не требовал от них к-р организации. Мы верили их показаниям и впоследствии по этим показаниям мы произвели аресты.

Я никогда преступлений не делал. За весь период моей работы я честно и преданно относился к работе. Я являюсь явной жертвой и прошу меня оправдать.

В 12 ч. 15 мин. ВТ удалился на совещание для вынесения приговора.

В 11 часов 45 мин. 4.1.[19]41 г. оглашён приговор, осуждённым разъясняется сущность приговора, порядок и срок его обжалования.

ВТ определил:

Меру пресечения осуждѣнным: ТРУШКИНУ – оставить прежнюю – содержание под стражей. ГАРБУЗОВА из-под стражи освободить под подписку о невыезде с места жительства. КАРАМЫШЕВА из-под стражи освободить. ВОРОНИНУ – оставить прежнюю – содержание под стражей.

В 12 час. 10 мин. судебное заседание объявлено закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ I РАНГА

Гурьев

СЕКРЕТАРЬ
ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ I РАНГА

Миляков

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 111–266 зв.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 55

**Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського
округу у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна,
М. В. Гарбузова, К. О. Вороніна**

27 грудня 1940 р. – 4 січня 1941 р.

ПРИГОВОР № 1
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

1940 г. 27.XII – 4.I.1941 г. Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа выездной сессией в г. Николаеве в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военного юриста I ранга – ГУРЬЕВА

Членов: ЛЫСКОВА и ЧЕПИКОВА

При секретаре технике-интенданте I ранга Милякове,

без участия обвинения и защиты, рассмотрел дело на быв[ших] работников УНКВД по Николаевской обл.:

1. быв[шего] начальника УНКВД КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича – капитана госбезопасности, рождения 1905 г., происходящего из гр[ажд]а н г. Сердобск Пензенской области РСФСР, из крестьян-бедняков, служащего, с незаконченным средним образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1928 года, русского, имеющего на иждивении дочь, в РККА не служившего, в органах НКВД с 1928 года, в данной должности с апреля по декабрь мес. 1938 г., несудимого, награждѣнного орденом Ленина в 1937 г., избранного депутатом Верховного Совета УССР, арестованного с 4 августа 1939 г. – обвиняемого по ст. 206-17 п. «б» УК УССР,

2. быв[шего] начальника II отдела УНКВД ст[аршего] лейтенанта госбезопасности ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, 1900 г. рождения, происходящего из гр[ажд]а н г. Керчь Крымской АССР, из рабочих, служащего,

с низшим образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1919 года, русского, женатого, (на иждивении 3 чел.), служившего в РККА с марта 1919 г., в органах НКВД с 1921 года, в последней должности с 1 июня 1938 г. по 30 июля 1939 г., несудимого – обвиняемого по ст. 206-17 п. «б» УК УССР,

3. б[ывшего] зам[естителя] начальника II отдела УНКВД сержанта госбезопасности ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича, рождения 1909 г., происходящего из гр[ажд]н ст. Дерюгино Дмитриевского района Курской области РСФСР, из рабочих, служащего, с низшим образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1931 года, по национальности русского, женатого, в РККА не служившего, в органах НКВД с 1932 г. по 10 марта 1940 г., в последней должности с 15-го марта 1938 г. по 10 марта 1940 г., награждённого в 1938 г. знаком «Почётного чекиста», несудимого, арестованного с 7 мая 1940 г. – обвиняемого по ст. 206-17 п. «б» УК УССР и

4. б[ывшего] помощника начальника отделения 2-го отдела УНКВД сержанта госбезопасности ВОРОНИНА Константина Афанасьевич, рождения 1906 г., происходящего из гр[ажд]н г. Одессы, Одесской области, УССР, из рабочих, рабочего по социальному положению, быв. члена ВКП(б) с 1931 года, по национальности украинца, служившего в войсках НКВД с 1928 года, женатого (на иждивении 2 чел.), в органах НКВД с IV мес. 1929 г. по март 1940 г., в последней должности помощника нач. отделения с 17.X.[19]37 г. по 15.8.[19]38 г., несудимого, арестованного с 7 мая 1940 г., обвиняемого по ст. 206-17 п. «б» УК УССР –

Установил:

ТРУШКИН Я.Л., будучи начальником отдела УГБ Управления НКВД по Николаевской обл., за период с июня мес. 1938 г. по 30 июля 1939 г. допустил ряд служебных злоупотреблений в исполнении своего служебного долга: а) не имея материалов для обвинения и, тем более, по обвинению в государственных преступлениях, он дал согласие на арест по сфальсифицированным справкам на ответственных работников и специалистов завода гор. Николаева Седнева, Бражникова, Василенко и Гаврилова;

б) после случившегося пожара отсека на судостроительном заводе № 200 около 19 часов 2 августа 1938 года, ТРУШКИН, выполняя распоряжение руководства о расследовании причин пожара и ответственности виновных лиц, без детального расследования и документации искусственно создал «контрреволюционную троцкистскую диверсионную организацию» из инженерно-технического и руководящего состава завода, как члены этой искусственно созданной к-р организации были арестованы Чикалов, Бондарь, Афанасьев, Носов и Базилевич. В эту же к-р организацию были включены ранее арестованные Фомин и Гладков, затем и Меламуд, Барсуков и Чернохатов, арестованные 30–31 июля 1938 г., а также Мацковский, которым в разное время было предъявлено обвинение по ст. ст. 54-8, 9 и 11 УК УССР без наличия каких-либо доказательств по столь тяжким преступлениям;

в) в целях получения компрометирующих данных на всех этих арестованных, после их ареста путём грубых процессуальных нарушений и

нарушений конституционных прав гражданина Союза ССР подчинёнными ТРУШКИНА допускались систематические грубости, оскорбления, стойки, угрозы и непрерывные длительные допросы арестованных, за что ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН привлечены по данному делу, Зельцман и Федоровский уволены из органов НКВД. Сам ТРУШКИН допустил оскорбления и угрозы к арестованным Бондарь, Седневу, Фомину, Гаврилову и Кобцеву, допустил стойку на длительное время Афанасьеву, Фомину, Гаврилову и Чулкову, в присутствии его был избит Бондарь и им избит Фомин. Путем такого неправильного следствия, практики подкалывания обстоятельств и фамилий, корректировки протоколов допроса, арестованные оговаривали друг друга и указывали, оговаривая других лиц, подписывая протоколы признания в участии в контрреволюционных формированиях, длительное время – по восемь–десять месяцев до их освобождения – содержались под арестом,

г) из группового дела так наз. «диверсионной организации по заводу 200» распоряжением ТРУШКИНА были выделены арестованные Мацковский, Чернохатов и Барсуков, искусственно была создана связь между Барсуковым, обвинявшимся по ст. 54-8, 9, 11 УК, и группой Даннекера⁵² и Комаровских, обвинявшихся по ст. 54-10 и 54-1 «а» УК УССР. В данное дело Даннекер[а] были вложены выписка из протокола допроса Фомина от 3 июня (л. 225) и протокол допроса его от 3 июля 1938 г., тогда как Фомин был арестован 20 июля, и только после этого были его допросы, а дабы пропустить «обвиняемых» Мацковского, Чернохатова и Барсукова на судебную тройку вместе с Даннекер[ом] и Комаровскими⁵³, то в повестках на заседание даты ареста их 3, 7 и 8 августа были записаны 30–31 июля 1938 г., в результате 3 человека были осуждены по первой категории. Докладчиком по делу являлся сам ТРУШКИН.

Им же в начале июля 1938 г. было доложено руководству о необходимости ареста директора совхоза Бабаева и пом[ощника] нач[альника] политотдела Садомова, для ареста которых в то время не было достаточных данных. Для увязки Бабаева и Садомова с преступной диверсионной деятельностью ветврача Бранта и зоотехника по данному совхозу Беккера, ТРУШКИНЫМ был откорректирован протокол допроса Бранта от 30 июня (л. д. 44), составленный в районе Козачуком⁵⁴ и Винницким, в котором были изложены обстоятельства, изобличающие Бабаева, которые Брант не показывал Козачуку и Винницкому, поручив за последних подписать оперуполномоченному Лейзеровскому, который принял дела от Козачук только 22–24 августа 1938 г. Им же, ТРУШКИНЫМ, был откорректирован протокол допроса Беккера от 4 июля (л. д. 88) с отягчающими обстоятельствами для арестованного и на связи с Бабаевым и Садовым, который, после переделки оперуполномоченным Козачуком, был дан на подпись Бранту, не подписав его, однако, своими подписями. Арестованный же Бабаев подписал протокол признания лишь после

⁵² Тут і далі у документі помилково через літеру «и» у другому складі – Данникера.

⁵³ У документі – Комаровских.

⁵⁴ Тут і далі у документі помилково через літеру «а» у першому складі – Казачуком.

применения к нему мер воздействия — длительного допроса. По докладу ТРУШКИНА на особой тройке Бабаев и Садовов, как и Брант и Беккер, осуждены по первой категории.

д) ТРУШКИНЫМ было дано распоряжение начальнику Ново-Троицкого района⁵⁵ Белову об аресте 17–20 чел. колхозников, проходивших по показаниям Чучмана, с направлением их в Херсонскую опергруппу. Несмотря на отсутствие каких-либо компрометирующих материалов, арестованные содержались незаконно по 3–4 месяца — до освобождения их ГАРБУЗОВЫМ — зам[естителем] нач[альника] отдела. Как по освобождению этих арестованных, так и по освобождению арестованных без основания Малюгина, Левицкого и Бражника⁵⁶ ТРУШКИНЫМ проявлено было значительное промедление.

Кроме этого, злоупотребление служебным положением ТРУШКИНЫМ выразилось и в том, что он на квартире у себя хранил сов[ершенно] секретную переписку по организационному вопросу и подробные данные за период его деятельности, т.е. в совершении им преступления при особо отягчающих обстоятельствах, направленных на дискредитацию органов НКВД среди трудящихся, — предусмотренное ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

ВОРОНИН К.А. за период его деятельности пом[ощником] нач[альника] отделения он принял участие в составлении фальсифицированных справок на арест Гушина и Гаврилова. За время с июня 1938 г. по апрель 1939 года, выполняя следственную работу как по делам арестованных, проходящих по его делам, так и по делам арестованных других следователей, он рукой ударял арестованных Бондарь, Чикалова и Фомина, допустил угрозы и оскорбления к Жерноклюеву, Гаврилову, Волкову, Бондарь, Седневу, Gladкову, Кобцеву, Сухоленцеву. По своим следственным делам допускал длительные непрерывные допросы к Гаврилову, Волкову, Кобцеву, Бондарь и Седневу; Бондарю и Волкову дал для подписи заранее составленные протоколы в отсутствие арестованного, допускал подказывание как содержания, так и лиц — участников к-р формирований по тягчайшим государственным преступлениям, добиваясь этим самооговором арестованными и «показаний» ими на других лиц. Такие требования предъявлялись арестованным Волкову, Седневу, Кобцеву, Дервянченко. По таким показаниям, полученным после ареста «обвиняемых», арестованные длительное время содержались в заключении (по 6–10 месяцев) и все из-под ареста освобождены с прекращением дела о них производством, т. е. в совершении им преступления без особо отягчающих обстоятельств, предусмотренное п. «а» ст. 206-17, а не п. «б» этой статьи УК УССР.

Показания свидетеля Gladкова об антисоветских выпадах ВОРОНИНА по отношению к Конституции и показания свидетеля Фомина об издевательствах над неизвестным арестованным (к Гарбузову) суд не может считать бесспорными доказательствами за отсутствием в деле уликовых данных, а поэтому данные обвинения считает недоказанными.

⁵⁵ Так у документі. Йдеться про Ново-Троїцьке районне відділення НКВС.

⁵⁶ Тут і далі у документі помилково — Бражника.

ГАРБУЗОВ М.В. за время работы в данной должности с 15 марта 1938 г. по 10 марта 1940 г. принимал участие в фальсификации ложной справки на арест гражданина Гаврилова. В отношении составления ложных справок в отношении арестованных Деревянченко, Стародубцева и Познанского обвинение ГАРБУЗОВА считать недоказанным.

В практике работы с арестованными применял неправильные методы допроса: оскорбление словесное Деревянченко, угрозы Кобцеву, угрозы и стойка к Афанасьеву, рукой ударил Гаврилова и Чулкова. Показаниям свид. Афанасьева об избиении его в конторе завода, где было много рабочих, за отсутствием об этом других показаний; показаниям св[идетеля] Кобцева о том, что ГАРБУЗОВ его ударил, исходя из их добрососедских отношений в прошлом и показаниям свид[етеля] Дудина об искажении ГАРБУЗОВЫМ его прокола допроса у следователя в Наркомате НКВД УССР, суд не доверяет и считает эти обвинения недоказанными.

В процессе допроса арестованных и помощи в этом другим следователям ГАРБУЗОВ допустил случаи подсказывания и изложение протоколов в отсутствие арестованного ему подчинёнными работниками в отношении арестованных Афанасьева, Кобцева, Чулкова, Гаврилова и Гладкова. Учитывая, что все арестованные, упомянутые в обвинении ГАРБУЗОВА, освобождены, что ГАРБУЗОВ проявил значительную инициативу в исправлении имевших место ошибок и освобождении значительного числа арестованных, что тяжёлых последствий не наступило, квалифицировать его преступление п. «а» ст. 206-17 УК УССР.

Предъявленное ВОРОНИНУ, ГАРБУЗОВУ и ТРУШКИНУ обвинение в искусственном создании агентурной разработки «Ретивые» ввиду отсутствия данной а[гентурной]/р[азработки] при деле, и что свидетель Николаевский значительно изменил свои показания обвинения их, считать по суду недоказанным.

Предъявленные обвинения КАРАМЫШЕВУ признать по суду недоказанными в силу того:

а) что на суде не нашли себе подтверждения доказательства о том, что КАРАМЫШЕВ знал об искривлениях в практике работы отдельных работников. Справкой доказано, что за известные ему случаи искривлений осуждены Лившиц, Даров, Гавриленко, дисциплинарно наказаны Лавриненко и Белов;

б) что арест Онищенко произведён по предложению б[ывшего] наркома, аресты остальных 7 чел. произведены по документам, подписанными нач[альником] отдела и быв[шим] заместителем нач[альника] управления, а на б[ывшего] пред[седателя] городского совета арест не состоялся.

в) по акту следователей от 18 января 1940 г. (т. IX, л. 2–3), которым меняется обвинение КАРАМЫШЕВУ неправильно осуждённых особой тройкой 362 чел., опровергается следующими данными: осуждённые лица украинской, русской, еврейской и белорусской национальностей осуждены по преступлениям шпионажа, диверсии, террора и иной антисоветской деятельности в соответствии с циркуляром НКВД СССР от 21 сентября 1938 г. Утверждение акта, запрещающее рассматривать дела лиц

этих национальностей, упуская из виду контрреволюционную деятельность этих лиц, расслабляет борьбу органов с к-р элементами.

Представленный в суд список на 46 специалистов свидетельствует, что специалисты высокой квалификации осуждены за к-р деятельность и по групповым делам — это Барсуков, Топчило, Гейст, Чаркев, а остальные специалисты — учителя, агрономы не являются специалистами высокой квалификации, как этого требует циркуляр НКВД СССР от 21.9.1938 г.

Осуждённые 11 чел. из числа лиц, арестованных после 1 августа, проходят по к-р деятельности и десять из них — по групповым делам, обвиняемые по которым арестованы были до 1 августа 1938 г., а срок ареста 11-го требует уточнения, и не будет составлять необходимости в уголовной репрессии.

г) осуждённые к ВМН Мацковский, Чернохатов, Барсуков, Бабаев и Садовов прошли по сфальсифицированным материалам и срокам ареста, что не было известно КАРАМЫШЕВУ и составу тройки, и докладчиком КАРАМЫШЕВ не являлся. Единоличное осуждение Трубия опровергается свидетельскими показаниями в суде Готовцева, Шейнберг[а] и на предварит[ельном] следствии — Зайденберг[а].

д) единоличные изменения решений тройки КАРАМЫШЕВЫМ являются лишь формальным выводом по одним перечёркнутым протоколам, без исследования вытекающего из этого существа вопроса (т. 11, л. д. 1–101). Из представленного документа в суд из взятых на выборку 35 чел. осуждённых устанавливается: 10 осуждены к ВМН — как и было в протоколе перечёркнуто; на 25 лишенных свободы: оставлено по 10 л[ет] — 3, снижено с 10 лет на 2 г[ода] — 1, на 5 л[ет] — 4, освобождены — 17. Работа эта выполнялась в порядке приказа НКВД СССР № 00762.

е) вызовы осуждённых к ВМН на допрос имели место в исключительных случаях, [это] оправдывалось оперативными соображениями и решалось лишь начальником Управления, что в равной степени не требует разрешения дела в уголовном порядке.

Руководствуясь ст. ст. 296, 297 УПК УССР Военный Трибунал

Приговорил:

ТРУШКИНА Якова Лукьяновича на основании ст. 206-17 п. «б» УК УССР подвергнуть высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ. Однако, учитывая, что ТРУШКИН с 19-летнего возраста служит в РККА и органах НКВД, что лично корыстных мотивов в совершённом им преступлении он не преследовал и что не вызывается необходимости назначать ТРУШКИНУ максимальную меру лишения свободы, руководствуясь ст. 46 УК УССР — высшую меру наказания заменить лишением свободы на ВОСЕМЬ (8) лет в ИТЛ с зачётом предварительного заключения с 3 августа 1939 г. без поражения политических прав. Лишить спец. звания «ст[арший] лейтенант государственной безопасности».

ВОРОНИНА Константина Афанасьевича на основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР — к лишению свободы на ТРИ (3) года ИТЛ, с зачётом

предварительного заключения с 7 мая 1940 г., без поражения в правах. Лишить спец. звания «сержант государственной безопасности».

ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича на основании ст. 206-17 п «а» УК УССР – к лишению свободы на ДВА (2) года в общих местах заключения с зачетом предварительного заключения с 7 мая 1940 г., без поражения в правах. Учитывая, что степень общественной опасности ГАРБУЗОВА не требует обязательной его изоляции и назначения ему принудительных работ, в силу ст. 48 УК УССР меру наказания по приговору считать условной с назначением испытательного срока на три года.

КАРАМЫШЕВА Петра Васильевич по предъявленному ему обвинению по ст. 206-17 п. «б» УК признать по суду оправданным за отсутствием состава преступления.

Личные вещи КАРАМЫШЕВА по описи от 7.8.[19]39 г. возвратить КАРАМЫШЕВУ. Оружие, изъятое у ТРУШКИНА по описи от 3.9.1939 г., сдать в АХО УНКВД по Николаевской обл.

Приговор может быть обжалован в кас[сационном] порядке в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР в течении пятисуточного срока с момента вручения осуждённому выписки из приговора через ВТ ВНКВД Киевского округа.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно:

Секретарь ВТ
техник-интендант 1 ранга

Миляков

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.
Завірена копія. Машинопис.

№ 56

Особлива думка головуючого Військового трибуналу військ НКВС Київського округу П. Ф. Гур'єва щодо вироку Я. Л. Трушкіну і К. О. Вороніну

[5 січня 1941 р.]

По делу Трушкина и др.

Особое мнение

председательствующего
военюриста I ранга Гурьева

Большинством 2-х голосов народных заседателей тт. Чепикова и Лыскова мера наказания Трушкину определена 8 лет л[ишения]/св[ободы] [в] ИТЛ и Воронину – 3 г[ода] л[ишения]/св[ободы] [в] ИТЛ.

Исходя из учёта персональной ответственности за содеянное ими, как это изложено в приговоре; исходя из наличия бесспорных доказательств в отношении Трушкина и Воронина, я считаю, что мера наказания им определена несоответствующая содеянному им преступлению по своей мягкости.

Моё мнение, которое я отстаивал в совещательной комнате в отношении Трушкина – это полная санкция ст. 206-17 п. «б» УК, т. е. ВМН, и в отношении Воронина – 5 лет л[ишения]/св[ободы] [в] ИТЛ с пор[ажением] [в] пр[авах] [на] 3 г[ода].

Председат[ельствующий]

Гурьев

P.S. О том, что я остаюсь при особом мнении и не согласен с приговором в отношении Трушкина и Воронина, мною было объявлено нар[одным] заседателям 4 января.

Гурьев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 304а (конверт).
Оригінал. Рукопис.

№ 57

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова, К. О. Вороніна

28 лютого 1941 р.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2-784

ГУРЬЕВ
11/II-[19]41 г.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

в составе:

председательствующего диввоенюриста Суслина
и членов бригавоенюриста Детистова и
военюриста 1 ранга Чепцова

Рассмотрев в заседании от 28 февраля 1941 г. кассационные жалобы ВОРОНИНА Константина Афанасьевича – б[ывшего] пом[ощника] нач[альника] отделения 2-го отдела УНКВД сержанта госбезопасности, ТРУШКИНА Якова Лукьяновича – б[ывшего] нач[альника] 2 отдела УНКВД ст. лейтенанта госбезопасности и

**КАССАЦИОННЫЙ ПРОТЕСТ ИД ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЙСК КИЕВСКОГО ОКРУГА БРИГВОЕНЮРИСТА ГРЕЗОВА**

на приговор ВТ В[ойск]/НКВД Киевского округа от 27/XII-1940 г. – 4/I 1941 г. по делу осуждённых за преступл[ения], предусмотр[енные] ст.ст. УК УССР:

ТРУШКИНА – ст. 206-17 п. «б» УК к высшей мере наказания РАССТРЕЛУ, с заменой лишением свободы в ИТЛ сроком на ВОСЕМЬ лет без поражения политических прав, с лишением звания ст. лейтенанта ГБ.

ВОРОНИНА – ст. 206-17 п «а» УК УССР к л[ишению]/св[ободы] в ИТЛ сроком на ТРИ года, без поражения прав, с лишением звания сержанта ГБ.

ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича – б[ывшего] зам[естителя] нач[альника] II отдела УНКВД сержанта ГБ – по ст. 206-17 п. «а» УК к л[ишению]/св[ободы] в ОМЗ сроком на ДВА года, без поражения прав – УСЛОВНО, с испытательным сроком три года.

КАРАМЫШЕВ Пётр Васильевич – б[ывший] нач[альник] УНКВД – по ст. 206-17 п. «б» УК УССР по суду ОПРАВДАН.

и заслушав доклад тов. Сулина,

заключение пом. Главного военного прокурора тов. Малярова об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Трибунала в отношении КАРАМЫШЕВА, ГАРБУЗОВА и ВОРОНИНА вынесен в противоречии с материалами, добытыми на предварительном [и] судебном следствии, в отношении ТРУШКИНА назначенное наказание не соответствует тяжести совершённых им преступлений и в отношении его безосновательно применена ст. 46 УК УССР, в силу этого, соглашаясь с кассационным протестом Прокурора войск НКВД Киевского округа – приговор Трибунала в отношении КАРАМЫШЕВА, ТРУШКИНА, ВОРОНИНА и ГАРБУЗОВА полностью отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе суда по выводам обвинительного заключения.

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Довести до сведения НКЮ о вынесении явно неправосудного приговора по данному делу и нарушении порядка освобождения арестованных, что имело место с КАРАМЫШЕВЫМ.

ПОДЛИННОЕ ЗА НАДЛЕЖАЩИМИ ПОДПИСЯМИ

ВЕРНО: ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХСУДА СССР

Башилова

Препровождается вместе с делом в 22 т[омах] в ВТ В[ойск]/НКВД Киевского округа – для исполнения, копия ГВП – для сведения.

4 марта 1941 г. № 2-784

Секретарь ВК

Башилова

На документі є:

1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) прямоугольный штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 7 марта 1941 г. № 937»;

3) резолюція червоним олівцем керівництва Військового трибуналу військ НКВС Київського округу: «К исполнению. Дело для изучения передать мне. Васютинский. 7/III»;

4) два підписи фіолетовими чорнилами співробітників трибуналу про ознайомлення з документом і датами «Гурьев. 7/3», «Неразборчиво. 8/III-[19]41 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 369–369 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

№ 58

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і К. О. Вороніна

18–23 березня 1941 р.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1941 г. марта 18–23 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в г. Николаеве, в помещении УНКВД по Николаевской области, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего т. ФЕЛЬДМАН

Членов: мл. лейтенанта госбезопасности СВИРСКОГО и ВОЕДИЛО при секретаре военном юристе ПИСАРЕВЕ

без участия обвинения и защиты рассмотрел дело по обвинению:

1. бывш[его] нач[альника] УНКВД по Николаевской области капитана госбезопасности КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича,

2. бывш[его] нач[альника] 2-го отдела УНКВД по Николаевской обл. старшего лейтенанта госбезопасности ТРУШКИНА Якова Лукьяновича,

3. бывш[его] зам[естителя] нач[альника] 2-го отдела УНКВД по Николаевской обл. сержанта госбезопасности ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича и

4. бывш[его] нач[альника] 1-го отделения 2-го отдела УНКВД по Николаевской области сержанта госбезопасности ВОРОНИНА Константина Афанасьевича

всех четырёх – по ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Судебное заседание начато в 13 час. 45 мин.

Секретарь доложил, что подсудимые КАРАМЫШЕВ, ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН в суд. заседание доставлены.

По делу вызваны 48 свидетелей, из них явились: ЖЕРНОКЛЮЕВ, СУХОЛЕНЦЕВ, ГАВРИЛОВ, ЧУЛКОВ СЕДНЕВ, ДУДИН, ВОЛКОВ, ГЛАДКОВ, БОНДАРЬ, АФАНАСЬЕВ, ЧИКАЛОВ, СЫЧКОВ и КОБЦЕВ.

Остальные свидетели вызваны на 19, 20 и 21 марта.

Пред[седательствующий] удостоверялся в самоличности подсудимых, которые дали о себе такие сведения:

1. КАРАМЫШЕВ Пётр Васильевич, 1906 г. (по старому стилю 1905 г.) рождения, уроженец г. Сердобска Пензенской области, по соц[иальному] происхождению из крестьян, по соц[иальному] положению служащий, русский, вдов, на иждивении дочь 10-ти лет, член ВКП(б) с 1928 г. – исключён ли – не знаю.

В РККА не служил, был в частях особого назначения с 1922 по 1923 г. в органах НКВД работал с 1928 г. по день ареста, последняя должность – нач[альник] УНКВД по Николаевской области, капитан госбезопасности, депутат Верховного Совета УССР, в 1937 г. награждён орденом Ленина, взысканиям не подвергался, не судился.

С обвинительным заключением ознакомился до первого суд. заседания, с определением Военной Коллегии об отмене приговора – 15 марта с.г.

2. ТРУШКИН Яков Лукьянович, 1900 г. рождения, уроженец г. Керчи, из рабочих, по соц[иальному] положению служащий.

В РККА служил добровольно с 1919 г. по октябрь 1921 г., в органах НКВД – с 1921 г. по день ареста, старший лейтенант госбезопасности, образование низшее – окончил 2 класса ж.д. училища и подготовительный класс педшколы, женат, член ВКП(б) с 1919 г. – из партии не исключался, не судился.

С обвинительным заключением ознакомился до первого судебного заседания, с определением Военной Коллегии об отмене приговора – 15 марта с. г.

3. ГАРБУЗОВ Михаил Васильевич, 1909 г. рождения, уроженец ст. Дерюгино Дмитриевского района Курской области, по соц[иальному] происхождению из рабочих, сам до 1931 г. тоже рабочий, а затем служащий.

В РККА не служил, в органах НКВД работал с марта мес[яца] 1932 г. – сержант госбезопасности, образование низшее, член ВКП(б) с 1931 г., из партии не исключался, женат, детей нет, не судился.

С обвинительным заключением ознакомился до первого суд. заседания, с определением Военной Коллегии об отмене приговора – 15 марта с.г.

4. ВОРОНИН Константин Афанасьевич, 1906 г. рождения, уроженец г. Одессы, по соц[иальному] происхождению из рабочих, сам до 1926 г. тоже рабочий, затем служащий, женат, на иждивении жена и ребёнок, образование низшее, с 1931 г. состоял членом ВКП(б).

В органах НКВД работал с 1929 г., присвоено звание – сержант госбезопасности, не судился.

С обвинительным заключением ознакомился до первого суд. заседания, с определением Военной Коллегии об отмене приговора – 15 марта с. г.

Пред[седательствующий] объявил состав суда и разъяснил подсудимым порядок его отвода. Отвода составу суда подсудимые не заявили.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности явившихся свидетелей и предупредил их об ответственности за дачу ложных показаний, после чего свидетели были удалены в отдельную комнату.

Пред[седательствующий] разъяснил подсудимым их право ходатайствовать о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании и приобщении к делу иных доказательств, а также о том, что в процессе суд. следствия они могут через Трибунал задавать вопросы как друг другу, так и свидетелям, и давать пояснения по их показаниям.

Подсуд. КАРАМЫШЕВ:

Я прошу приобщить к делу мое письменное заявление от 15 марта с. г. В нем изложены обстоятельства, без уяснения которых нельзя правильно подойти к разрешению моего дела.

Кроме того, я имею ряд ходатайств о приобщении документов к делу и о вызове дополнительных свидетелей. Эти ходатайства я также изложил в письменном виде и прошу их удовлетворить (вручает пред[седательствующий] шему 2 заявления).

Подсуд. ТРУШКИН:

Я прошу приобщить к делу:

1. Копии приказов по УНКВД о наложении по моей инициативе взысканий: а) на Лейзеровского – за присвоение им вещей и денег арестованных и б) на Белова – за применение извращённых методов следствия.

2. Телеграмму райпарткома о диверсионном акте в совхозе им. Фрунзе, в коей Брант и друг. прошедшие с ним по делу упоминались как совершившие этот акт.

3. Справку УНКВД о том, что Бабаев проходил по показаниям Нуринова как участник организации, что послужило основанием к его аресту.

4. Справку УНКВД о том, что на Садова имались аналогичные показания Чучмана, так что и его арест был обоснованным.

5. Моё заявление от 29.X.[19]39 г. об отводе следователю Грунину, явно фальсифицировавшему протокол моего допроса.

6. Моё заявление пом[ощнику] военного прокурора Барткову от 25.II.[19]40 г. о том, что следователь Бурдан на очной ставке между мной и свидетелями Лейзеровским и Козачуком⁵⁷ показания последних в протоколе фиксировал неправильно.

7. Справку завода № 200 о том, что Мацковский и Барсуков являлись не специалистами, а просто служащими.

Подсуд. ГАРБУЗОВ:

Я прошу затребовать аграработку «Ретивые», из обозрения которой суд убедится, что на Гаврилова имались показания Степанова, изобличавшего его как троцкиста, что были также материалы на Деревянченко и что, таким образом, справки на арест этих лиц были даже неполны.

Кроме того, прошу в качестве свидетелей вызвать:

⁵⁷ Тут і далі у документі помилково через літеру «а» у першому складі – Казачуком.

1. быв[шего] нач[альника] УНКВД Юрченко. Он освобождал Кобцева и Деревянченко, и они ему заявили, что я к ним физических методов не применял. Юрченко также подтвердит, что мною были вскрыты и задокументированы факты фальсификации следствия Лившицем.

2. Ширкова – быв[шего] нач[альника] Варваровского РО НКВД. Он подтвердит конкретные факты моей борьбы с незаконными арестами и вообще охарактеризует моё отношение к работе.

3. Богуславского – в подтверждении того, что физических методов ни к кому не применял.

4. Артемьеву – быв. особоуполномоченного, которая подтвердит, что мною передавались ей для расследования материалы об извращённых методах следствия.

5. Гандельсмана – в опровержение показаний Кобцева.

Подсуд[имый] ВОРОНИН:

Я со своей стороны поддерживаю ходатайство Гарбузова об истребовании для обозрения агразработки «Ретивые».

Кроме того, прошу приобщить к делу:

1. Письмо Стародубцевой о том, что ныне освобождённые свидетели вели организованную подготовку за отказ арестованных от своих показаний.

2. Выписку из показаний Степанова, избличавшего Гаврилова как участника троцкистской организации.

Пред[седательствующий] огласил обвинительное заключение, постановление ВП, определением ПЗ ВТ, резолютивную часть приговора и определение ВК, разъяснил подсудимым сущность предъявленного им обвинения, после чего спросил, признают ли они себя виновными и желают ли давать суду объяснения.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Предъявленное обвинение мне понятно. Виновным себя не признаю. Объяснения суду давать буду.

Подсуд[имый] ТРУШКИН:

В чем обвиняюсь, мне понятно. Виновным себя не признаю. Показания суду давать желаю.

Подсуд[имый] ГАРБУЗОВ:

В чем обвиняюсь, мне понятно. Виновным себя не признаю. Показания суду давать желаю.

Подсудимый ВОРОНИН:

В чем обвиняюсь, мне понятно. Виновным себя не признаю. Показания суду давать желаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая, что подсудимые виновными себя не признают, исследование дела начать с допроса свидетелей, а затем заслушать объяснения подсудимых.

В 14 ч. 35 м. объявлен перерыв суд. заседания.

В 14.45 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] ЖЕРНОКЛЮЕВ Феодосий Никитович⁵⁸, 1901 г. рождения, быв. секретарь райкома партии, с подсудимыми не в родстве, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован 20 октября 1938 г. Арест произвели Трушкин и Воронин без предъявления ордера, и после доставления в УНКВД я с 20 по 30 октября находился в кабинете Зельцмана. Все эти 10 суток я сидел на стуле, причём мне не разрешили вставать и спать. Допрос, проводившийся Зельцманом, сопровождался оскорблениями и отъявленной бранью. Ежедневно в кабинет Зельцмана по несколько раз заходил Воронин, и раз в день — Трушкин. Последний меня не оскорблял, но заявлял: «Почему не пишете? Подпишите, так отсюда не выйдете». Каждый раз после его ухода оскорбления и ругательства ещё более усиливались и, требуя от меня показаний, мне заявляли: «Ты слышал, что начальник сказал».

К концу десятых суток у меня началось обморочное состояние, я стал терять сознание и в итоге подписал протокол очной ставки с Муратовым, списанный Зельцманом с какого-то образца. После этого меня отправили в тюрьму и только 21 ноября предъявили обвинение, причём постановление было датировано задним числом.

Вызывая меня, Зельцман давал разрешение написать домой письмо, затем требовал назвать ему как участников организации людей и, когда я отказывался, написанное мною письмо рвал.

В последних числах декабря Трушкин за отказ от показаний посадил меня в карцер.

На вопросы суда свид[етель] ЖЕРНОКЛЮЕВ:

Я был арестован Трушкиным и Ворониным у себя в кабинете в райкоме партии во время обмена партдокументов.

Под стражей содержался 6 месяцев. Следствие по моему делу вёл Зельцман, но ежедневно навещали Воронин и Трушкин.

Разницы между Ворониным и Зельцманом в обращении со мной не было. Меня не били, но на протяжении 10 суток мне не давали спать, а заставляли все время сидеть на стуле в положении «смирно». И Зельцман и Воронин мне говорили: «Не хотите писать, так будете писать своей кровью. Ведь, если вы здесь сдохнете, мы отвечать не будем, так как отвечаем только за побег».

Трушкин, заходя, говорил: «Пишите, для вас лучше будет, так как до тех пор не освободят».

Очная ставка у меня была с Муратовым, и сначала я на ней всё отрицал. В связи с этим очную ставку прервали, и после ухода Трушкина Зельцман и другие работники стали меня ругать. Ночью очную ставку продолжили. Происходило это на десятые сутки, у меня в то время уже началось обморочное состояние и, будучи обессиленным, показания Муратова я подтвердил.

⁵⁸ У документі помилково — Никифорович.

Протокол Зельцмана был записан не с моих слов, а списан с какого-то образца. Я его подписал, так как в то время у меня было такое безразличное состояние, что я подписал бы себе и смертный приговор.

Мои собственноручные показания также почти полностью написаны под диктовку Зельцмана, так как всё, что я писал сам, он рвал и требовал другое.

Отказ от своих показаний я заявил Зельцману после того, как побыв в тюрьме, оправился немного и осознал происшедшее.

Свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ Фёдор Васильевич, 1889 г. рождения, быв. зам[еститель] пред[седателя] Николаевского горсовета, а до того 35 лет работал на заводе, член ВКП(б) с 1920 г., подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован 22 октября 1938 г. Ворониным. На допрос вызвали 25 октября, и следователи Бас и Свердлов потребовали от меня признания в принадлежности к к-р организации. Я отрицал это обвинение, указывал на то, что с 1920 г. состою членом партии, но мне заявили, что я маскировался, и требовали признания. На допросе я всё время стоял, мне не разрешали ни присесть, ни уснуть, Бас же и Свердлов работали поочередно и заявляли: «Пиши, будешь стоять, пока не напишешь». Простояв так до вечера 29 октября, я вынужден был написать, что был связан с Муратовым и что он меня завербовал. На очной ставке Муратов это подтвердил и показал, что давал мне задание через Карасёва. Я относительно Карасёва всё отрицал. Потом мне дали очную ставку с Гушиным, и тогда я заявил, что о моей принадлежности к их организации ему известно со слов Плетнева.

Меня не били, но во время допроса я слышал, как в соседней комнате следователь Киреев избивал допрашиваемого.

На вопросы суда свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

Моими следователями были Бас и Свердлов. Из начальства во время допросов заходили Воронин, заместитель Карамышева, Трушкин.

Трушкин и заместитель Карамышева мне ничего не говорили, а Воронин на мои слова, что я ни в чем не виновен, заявил в присутствии следователей: «Врёшь, будем держать, пока не добьёмся показаний». Кроме того, он, как и Бас, ругал меня, называл «к-р сволочью», «троцкистской мордой». Киреев также заходил во время допроса и говорил: «Ух, ты, троцкистская морда, к-р сволочь. Ишь, как рыло нажрал. Передайте его мне, он у меня скорее даст показания».

В своих показаниях я признал а[нти]/с[оветскую] связь с Муратовым. Меня не били, и эти показания я дал под влиянием следователя и под тяжестью созданных условий: непрерывный допрос без сна на протяжении 6 суток, крики избиваемых в соседней комнате и общение в камере с избитыми арестованными.

Очную ставку с Муратовым мне проводил Трушкин и, когда я не подтверждал слова Муратова, Трушкин мне заявил: «Не можешь держать себя, замолчи». Муратова я знал с полгода, а Гушина — около года.

На вопросы суда подс[удимый] ВОРОНИН:

Показания Сухоленцева отрицаю, объяснения дам потом.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

Мой арест был ускорен инцидентом в связи с незаконным занятием УНКВД помещения облзема. Я по этому поводу возражал, и Гончаров мне тогда заявил: «Поговорим в другом месте».

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Занятие помещения производилось по решению обкома партии и облисполкома.

На вопросы подсуд[умого] ТРУШКИНА свид[етель] СУХОЛЕНЦЕВ:

С Муратовым у меня было 2 очных ставки. На первой я всё отрицал, и так было записано в протоколе.

Свид[етель] ГАВРИЛОВ Александр Епифанович, 1906 г. рождения, в момент ареста – зам[еститель] нач[альника] цеха завода № 200, член ВКП(б) с 1925 г., подсудимым не родственник, личных счетов с нами не имеет, по делу показал:

За несколько дней до ареста ко мне на улице подошли 2 гражданина, пригласили в УНКВД и доставили в кабинет к Воронину. Там мне было предложено написать на имя нач[альника] УНКВД заявление о своей принадлежности к к-р организации. Я отказался. Меня продержали до 5 часов утра и отправили, обвязав снова явкой к 10-ти часам вечера. Так продолжалось 5–6 суток подряд, а 27 июня арестовали и водворили в камеру. На допрос вызвали на 6-е сутки к тому же Воронину. На допросе я находился непрерывно на протяжении 7–8 суток. Со мной работали Танфилов, Альбрехт, Чередниченко. Допрос всё время сопровождался бранью и угрозами. Танфилов и Альбрехт «штурхали» кулаками в бок, а Воронин подносил к носу палку и говорил: «Видишь эту дубину, она уже не на одном трещала». Раздавшиеся в это время из соседнего кабинета крики избиваемого подтверждали его слова, но сам Воронин меня не бил, а только угрожал: «Пиши, фашистская морда, иначе расстреляем. Мы – суд и следствие», харкал в лицо, не разрешал вытирать плевки и заставлял то вставать, то садиться. Однажды зашел Гарбузов и, подойдя ко мне со словами: «Что, фашистская морда, не пишешь?» два раза ударил по лицу и вышел. Когда зашел Трушкин, я пожаловался ему на издевательство надо мной. В ответ он мне заявил: «Помни, фашистская морда, что если враг не сдаётся, мы его уничтожаем. Нам Николай Иванович⁵⁹ разрешил. Мы и суд, и следствие, и расправа. Пиши, фашистская морда. В камере я сидел вместе с полковником авиации Даниловым. Он был весь исполосован и гнил заживо. Второй арестованный также был в не лучшем состоянии, и всё время содержания в тюрпode сверху из кабинетов раздавались крики избиваемых.

Постановление о предъявлении мне материалов следствия в порядке ст. 200 УПК было подделано, и об этом я потом заявил следователю по важнейшим делами.

С подсудимым Карамышевым я не встречался.

На вопросы суда свид[етель] ГАВРИЛОВ:

⁵⁹ Мався на увазі нарком внутрішніх справ СРСР М. Єжов.

Лично Воронин меня не бил, но угрожал и плевал в лицо.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Гаврилова — л. д. 67, 68 т. 5).

Да, об этих словах Воронина я подтверждаю и сейчас. Никаких изобличающих меня материалов мне на следствии не предъявляли, а только требовали писать о принадлежности к к-р организации.

Гарбузов потребовал, чтобы я в показаниях дал «вражеские формирования и вредительские кадры по заводам» и при этом 2 раза ударил. «Мы вас перестреляем, как бешеных собак, если не будете писать, что нам нужно. Нам Ежов разрешил», — это слова Трушкина. Воронин и Федоровский заявляли: «Сдохнешь здесь в кабинете, а показания подпишешь».

В результате этих издевательств от меня получили собственноручные «показания», дал я их на 6-й день.

Танфилов бил меня в бок и по голове. Палку, которой Воронин угрожал, поднося к моему лицу, он доставал из-за шкафа.

В партии я был восстановлен сразу же после освобождения.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

Трушкин в присутствии Воронина заявил мне, что им Николай Иванович всё разрешил, и что могут расстрелять нас, как бешеных собак.

Подс[удимый] ТРУШКИН пояснил:

Гаврилова я впервые увидел в кабинете Федоровского, а у Воронина его не встречал.

Дело Гаврилова было подсудно военному трибуналу. Как же в этом случае я мог заявлять ему, что мы — суд и расправа и проч. Я отрицаю его показания.

На вопросы суда подсуд[имый] ТРУШКИН:

Материалы на Гаврилова мне принёс Воронин. Сейчас я их не помню, но утверждаю, что они имелись, иначе не была бы дана санкция на арест.

На вопросы суда свид[етель] ГАВРИЛОВ:

Мне никаких материалов не предъявляли, а только требовали писать о к-р деятельности.

На вопросы суда подсуд[имый] ВОРОНИН:

На Гаврилова имелись показания троцкиста Степанова, осуждённого Военной коллегией. Как участник организации фигурировал он и в собственноручных показаниях Стародубцева. Почему эти показания сейчас отсутствуют в деле Гаврилова — не знаю.

Свид[етель] ГАВРИЛОВ (реплика).

Впервые слышу о Степанове.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

До ареста Воронин на протяжении нескольких дней вызывал меня в УНКВД и требовал написать заявление о принадлежности к к-р организации. Держал всю ночь, а потом отпускал.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

До ареста я исключался из партии с мотивировкой «за потерю классовой бдительности и связь с врагами».

Связь с Сухановским мне по партлинии не инкриминировалась.

Гарбузов нанёс мне 2 удара по лицу в присутствии Воронина.

На вопросы суда подсуд[имый] ВОРОНИН:

Вызов Гаврилова в УНКВД на протяжении нескольких дней до его ареста я отрицаю.

На вопросы суда свид[етель] ГАВРИЛОВ:

О вызове меня в УНКВД я ни с кем не делился.

Пред[седательствующий] огласил выдержки из протокола осмотра следдела по обвинению Гаврилова – л. д. 225–231.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ГАВРИЛОВ:

У меня была очная ставка с Гладковым, и на ней он говорил, что со слов Фомина знает меня как участника к-р организации. Также говорил и Барсуков.

Акты экспертизы мне ни разу не предъявлялись.

На вопросы суда св[идетель] ГАВРИЛОВ:

С Чулковым очной ставки у меня не было.

Под стражей я находился 11 месяцев.

Свид[етель] ЧУЛКОВ Матвей Фёдорович, 1903 г. рождения, ст[арший] преподаватель кораблестроительного института, член ВКП(б), подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован в ночь на 5 июля 1938 г. На допрос вызвали 7-го и он длился непрерывно 5 суток. Всё это время я сидел на стуле в одном положении, мне не давали спать и требовали показать о принадлежности к к-р организации, назвать участников и признать участие в диверсионном акте на заводе. В результате такого допроса на 3–4 сутки у меня появились галлюцинации и опасение, что схожу с ума, [это] обусловило дачу мной «признания».

Моими следователями были Танфилов и Федотов, часто заходили Воронин, Гарбузов и раз–два Трушкин. К последнему я обратился с жалобой на методы следствия, но он ответил: «Пишите, трудитесь» и ушёл.

В одно из своих посещений Гарбузов после того, как Танфилов доложил ему, что я не даю показаний, бил меня по лицу.

Суд, куда было передано дело, меня оправдал.

На вопросы суда свид[етель] ЧУЛКОВ:

Я был арестован 2-мя гражданами в милицейской форме. Ордер при аресте мне не предъявили.

Следствие по моему делу вели Федотов и Танфилов, и они же заставляли меня сидеть всё время на стуле в одном положении.

Бил меня Гарбузов.

И Танфилов, и Федотов в целях воздействия показывали мне палку, а также заявляли, что могут проделать мне дырку во лбу, и что она стоит дёшево.

(Оглаш[аются] показа[ния] св[идетеля] Чулкова л. д. 88–89 т. 5).

Да, я подтверждаю эти свои показания. Мне заявляли, что на меня имеются показания арестованных Гаврилова и других. И по требованию следователей я также указал Гаврилова в своих показаниях.

Когда я согласился писать показания, но не знал, с чего начать, Федотов предложил назвать всех секретарей парторганизации института.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА свид[етель] ЧУЛКОВ:

Подсказыванием мне фамилий для включения их в показания занимался Федотов.

По партлинии я имел выговор за то, что не изъял политически вредного тезиса, но этот выговор в 1936 г. был снят.

Свид[етель] СЕДНЕВ Анатолий Фёдорович, 1895 г. рождения, член ВКП(б) с 1920 г., подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован в октябре 1938 г. и попал к Воронину. Там мне было объявлено, что я – враг народа, и предложено написать показание с разоблачением себя и других. Завели в 37 комнату, поставили на «стойку», и так я стоял 5 дней.

Дали очную ставку с Муратовым, который заявил, что я являюсь активным членом к-р организации. От меня потребовали подтверждения показаний Муратова, но я ответил отказом, и за это после ухода Воронина и Зельцмана молодые работники, в том числе, кажется, Крикуненко, избили меня.

На следующий день Зельцман вновь потребовал подтвердить показания Муратова, но я опять отказался. Тогда он стал бить меня об стену и пресс-папье в грудь.

После этого меня снова поставили на «стойку» и продолжали требовать признание, что я завербован Карасёвым, как об этом показывал Муратов.

Пришел в себя я лишь 10 октября, меня вызвал Зельцман и потребовал подписать протокол, при этом заявил: «Тебя же предупреждали, что будешь подписывать своей кровью. У нас есть все основания, всё проверено». Мои доводы не помогали и дежурившие при мне Берестовой и Ганкин говорили: «Пиши, ведь что нам стоит спустить тебя в подвал и израсходовать там на тебя 7 копеек».

Воронин вызвал меня ещё раз и уговаривал: «Нужно подтверждать. Ты рабочий, тебе много не дадут – получишь 2 года, а потом освободят».

8 февраля 1939 г. меня вызвал Трушкин и в категорической форме потребовал подтвердить показание о Карасёве. Я написал заявление о действительном положении. Оно попало к Эльзону, и тот стал читать мне мораль, а потом отправил к Воронину. От Воронина я попал в одиночку, Воронин вызывал меня оттуда и издевательски спрашивал: «Ну, как, хо-рошо? Посиди ещё».

К Трушкину потом был вызван 15 февраля. Он стал обвинять меня в провокации и грозил расстрелом.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА свид[етель] СЕДНЕВ:

Протокол моего отказа от показаний писал Берестовой. Воронин физического воздействия ко мне не применял.

Расстрелом Трушкин мне угрожал 15 или 16 февраля в присутствии представителя из Киева.

Подс[удимый] ТРУШКИН пояснил:

Этим представителем был нач[альник] следчасти НКВД УССР Калужский⁶⁰. Как же в его присутствии я мог угрожать Седневу расстрелом.

На вопросы подс[удимого] Трушкина свид[етель] СЕДНЕВ:

Показания на Карасёва я лично не писал, их могли написать другие.

Подс[удимый] ТРУШКИН:

Я прошу для изобличения Седнева во лжи в этой части затребовать для обозрения его следственное дело.

На вопросы суда свид[етель] СЕДНЕВ:

Зельцман требовал от меня подтвердить показания Муратова о том, что я завербован Карасёвым.

В 17 ч. объявлен перерыв суд. заседания.

В 20 ч. суд. заседание продолжается.

Свидетель ДУДИН Михаил Петрович, 1894 г. рождения, зам[еститель] нач[альника] цеха завода им. Марти, член ВКП(б) с 1921 г., подсудимым не родственник, личных счетов в ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован без предъявления ордера, сразу после решения об исключении меня из партии. В УНКВД мне предъявили обвинение в связях с Гавриловым и Гладковым, и следователь Зельцман, а одну ночь и Заикин, осыпая меня площадной бранью, издеваясь и избивая, требовали «Пиши». 6 суток мне не давали возможности отдохнуть и всё время заставляли то вставать, то садиться. Я потерял сознание, но меня облили водой, и снова началось: «Пиши». Однажды, когда в соседней комнате кого-то избивали, вошел Трушкин с группой сотрудников, человек 8 и сказал мне: «Пиши. Ты слышишь, что там делается? Это и с тобой будет. Мы оставим тебе только одну правую руку, и ты всё же напишешь». После этого он ушёл, а Зельцман заявил: «Пиши. Ты в наших руках. Мы – партия и что захотим, то и сделаем». Начал диктовать и под его диктовку я стал писать. На седьмые сутки он спросил, кого я знаю по Николаеву. Знакомых в Николаеве у меня много, я их назвал, он записал и сразу вышел. Когда потом вернулся, против ряда названных мною фамилий были проставлены птички, и он предложил писать о к-р деятельности этих лиц. Этот протокол переписывался несколько раз.

16 ноября мне предложили написать заявление на 2-х членов партии Филиппова и Старыгина. Продиктовали содержание, я написал, и потом меня отправили в Киев. Там я от всех своих показаний отказался, после чего месяца полтора меня не вызывали. Затем в Киев приехали Трушкин и Гарбузов и стали допрашивать снова. Написали протокол и сказали, что ряд ранее предъявленных ст.ст. отпадает. Перед подписанием протокола я просил их дать мне мои очки, так как без них читать не могу, но они не дали, заявив: «Что вы, не верите?». Я подписал, не читая, а потом оказалось, что в этих показаниях я продолжал признавать себя участником к-р организации, чего я в действительности не говорил.

На вопросы суда свид[етель] ДУДИН:

Я был арестован 20 июля 1938 г. Арест производил Воронин совместно с другим работником, фамилии которого не знаю.

⁶⁰ С. Калужський був заступником начальника Слідчої частини УДБ НКВС УРСР.

Как мне стало известно уже впоследствии, причиной исключения меня из партии послужили представленные Карамышевым в обком 2 заявления Гладкова и Гайдта, добытые от них на меня путем применения незаконных методов.

Меня сильно не били. В первый вечер меня бил Заикин пресс-папье. Когда Зельцман сказал мне: «Мы – партия, за нами весь народ», я ему ответил: «Вы такие же г...ки, как и я». Зельцман после этого трижды ударил меня, и я упал.

Следователем моим всё время был Зельцман, и он же спросил у меня, кого я знаю по Николаеву. Я назвал человек 40, он их записал и ушёл, а, вернувшись, потребовал писать об отмеченных птичками как об участниках к-р организации.

Куклинский – комсомолец, рядовой следователь. Мне кажется, что он относился ко мне сочувственно, так как говорил: «Дудин, пиши, иначе ты будешь жертвой, они тебя убьют. Что писать – они тебе скажут, а будут проверять – вскрыется правда».

После освобождения, идя за паспортом, я встретил Зельцмана. Он спросил: «Ну как, на партию не обижаешься?». Я ответил: «На партию никогда не обижался, да и на тебя нет, т. к. ты был слепец». Во время моего допроса из соседней комнаты раздавались громкие крики «Убивают».

Всего под стражей я пробыл 10 мес[яцев] 9 дней.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] ДУДИН:

С Трушкиным, когда он угрожал мне расправой, вошло 8 чел. Из них знаю только одного Заикина.

При допросе меня в Киеве Трушкиным и Гарбузовым присутствовал незнакомый мне сотрудник, но в допрос не вмешивался, а только сказал: «Эх, вы. Дайте его мне, сразу всё подтвердит».

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ДУДИН:

На этом допросе никаких пометок на протоколе, составленном в Николаеве, я не делал.

Подсуд[имый] ГАРБУЗОВ:

В Киеве я тогда был по поводу утверждения меня в должности. В наркомате сказали, что Дудин и Муратов от данных в Николаеве показаний отказались, потому и предложил Трушкину допросить их. Допрос мы производили совместно с Казиным. На допросе Муратов от первых своих показаний отказался, Дудин не попросил для ознакомления протокол допроса по Николаеву, прочитал его без очков и против той части показаний, от которой отказывался, на полях сделал отметки, в отношении остального сказал, что подтверждает. Так и было записано в протокол. Писал его я, а ответы Дудина формулировал вслух Трушкин. Дудин протокол подписал без каких либо возражений и предварительно прочитал его, не требуя очков. В качестве производивших допрос протокол был подписан мною и Трушкиным. Казин протокола не подписывал, но в допросе Дудина всё время принимал участие.

На вопросы суда свид[етель] ДУДИН:

Казин участия в допросе не принимал. А только сказал: «Что вы с ним нянчитесь? Дали бы мне, я с ним разделался бы сразу».

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ДУДИН:

На бюро обкома, когда меня исключали из партии, Карамышев не присутствовал. По-моему, без ведома начальника учреждения материал в обком передаваться не может, поэтому я и считаю, что материалы на меня передал Карамышев. В связи с этим я на второй день своего ареста требовал даже, чтобы меня повели к Карамышеву, но Зельцман заявил: «Ему с вами нечего делать».

Заявление о принадлежности Филиппова к троцкистской организации я написал под диктовку Зельцмана. После этого был вызван к Карамышеву, где присутствовал также Поясов, и у меня спросили, подтверждаю ли я написанное. Я ответил, что писал под диктовку. Карамышев на это сказал: «Я тебя, врага, 15 лет знаю».

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Никаких заявлений в обком на Дудина я не подавал и при исключении Дудина из партии не присутствовал.

Дудина я вызвал к себе по существу его заявления на Филиппова, так как оно было путанным, и в присутствии Поясова разругал Дудина за клеветнические сведения.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Зайти с бригадой в 8 чел. к Зельцману при допросе им Дудина я никак не мог, и до сегодняшнего дня Дудин об этом нигде не заявлял.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] Дудина – л. д. 64 об., т. 6.

Свид[етель] ВОЛКОВ Иван Петрович, 1903 г. рождения, член ВКП(б) с 1922 г., инженер-механик, нач[альник] отдела подготовки кадров завода № 200, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован ночью 26 июня 1938 г. и месяц сидел без допроса. Потом меня вызвал следователь Эльзон, обругал «матом», обозвал фашистом, врагом и потребовал разоблачиться. Дня через 2–3 вызвал снова, продержал свое суток на «стойке» и не давал пить. В третий раз на «стойке» держал четверо суток, и я вынужден был под его диктовку написать, что являюсь участником право-троцкистской организации. Во время моего нахождения у Эльзона туда часто заходил Воронин и слышал, как Эльзон понуждал меня писать. Спустя недели 3 дали подписать написанный Эльзоном протокол. Я отказался подписывать и заявил, что всё изложенное в нём – ложь. Тогда меня снова поставили на «стойку», держали на ней 5 дней и в итоге понудили подписать протокол. Сразу после этого дали очную ставку с Gladковым, и на ней я подтвердил изложенное в протоколе, а затем устроили очную ставку с Чулковым. Потом Воронин с Эльзоном потребовали дать список всех врагов. Я снова заявил, что мои показания являются ложью, и просил пригласить прокурора. На это Эльзон сказал: «Я сам – прокурор», а на моё замечание о Конституции ответил бранью. Под первое января 1939 г. Воронин отправил меня в камеру, по-моему, для смертников, и в ней я пробыл 28 суток. Оттуда он вызывал меня и требовал подтверждения показаний, но я отказывался.

На вопросы суда свид[етель] ВОЛКОВ:

Зельцман подготавливал меня к очной ставке с быв[шим] секретарём обкома партии Деревянченко, но я отказывался.

Показания на Карасёва от меня требовал Эльзон.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Волкова — л. д. 86 т. 6).

Да, и Зельцман требовал показания о Карасёве.

Извращённые методы следствия Эльзон применял ко мне с ведома и благословения Воронина. Меня не били, но ставили на «стойку» с лишением воды, изнуряли.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] ВОЛКОВ:

Воронин, по-моему, являлся начальником Эльзона, так как последний всегда подавал команду: «Встать!», когда тот заходил.

Сам Воронин, когда я ему жаловался на водворение меня в камеру смертников, заявлял мне: «Напишешь. У нас есть ещё не такие места: там сгниешь, и никто об этом не узнает. За нами печать, народ».

О том, что водворение меня в камеру смертников было произведено по указанию Воронина, заключаю из того, что через день он вызывал меня оттуда к себе.

Когда от меня требовали дать показания по списку, со мной работали Эльзон и Воронин. Мне подсказывали писать показания на профессию, но кто первый из них назвал фамилию Карасёва — не помню.

Протокол об отказе от показаний записал Воронин.

Подсуд[имый] ВОРОНИН пояснил:

Участия в допросе Волкова Эльзоном я не принимал.

Показаний на Карасёва от Волкова я не требовал, и в протоколах допроса Волкова о Карасёве ничего не указано.

Ко мне Волков перешёл уже после своего отказа от показаний, и у меня на допросе больше моего рабочего дня не находился.

На вопросы суда св[идетель] ВОЛКОВ:

Воронин знал, что я сижу в камере смертников. Известно ему было и о методах следствия Эльзона, так как тот применял их в его присутствии. Однако, когда по этому поводу я обращался к Воронину, то он, вместо облегчения моего положения, ухудшал его.

Подсуд[имый] ВОРОНИН пояснил:

К размещению арестованных в тюрьме я никакого отношения не имел и не мог иметь, так как это находится в компетенции исключительно начальника тюрьмы.

Показания Волкова не соответствуют действительности.

На вопросы суда св[идетель] ВОЛКОВ:

Камера, в которой я до того находился, не была заполнена, и потому перевод из неё перегрузкой объяснять нельзя.

На вопросы суда подсуд[имый] ТРУШКИН:

Эльзон и Воронин работали в моём отделе, Волкова я не знал, и о рассказанном им здесь слышу впервые.

На вопросы суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

В тот период, о котором говорит Волков, начальником УНКВД был я. Если всё, о чем показал Волков, действительно имело место, то я об этом не знал, иначе бы вмешался. Показания Волкова голословны. Он

– инженер, а Эльзон – малограмотный, и как же под диктовку этого малограмотного он мог писать показания. К тому же откуда ему известно, что камера, в которой он содержался, предназначена для смертников. Исходя только из одних его показаний, ничего предосудительного в действиях следователя видеть не могу.

На вопросы суда св[идетель] ВОЛКОВ:

Эльзон – далеко не малограмотный, так как, по его же словам, он учился в водном институте.

Фамилии, которые нужно было внести в протокол, мне подсказывали Эльзон и Воронин.

Св[идетель] ГЛАДКОВ Леонид Михайлович, 1901 г. рожд., пом[ощник] нач[альника] цеха завода № 200, член ВКП(б) с 1920 г., подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я был арестован, и на 4-е сутки меня вызвал к себе Воронин. За что я арестован, он мне не сказал, а заявил: «Сами об этом напишете». Я ответил, что писать мне не о чем, но он сказал «Заставим написать». Я стал объяснять, что ни в чём не виновен, что являюсь первым организатором комсомола на заводе. Воронин на это ответил: «Нам таких и надо. Разоружайся и пиши», причём всё это сопровождалось отборной руганью. На моё замечание, что его действия противоречат Сталинской конституции, Воронин сказал: «Она меня не касается», и при этом выразился нецензурно по адресу Конституции. После ухода Воронина его сменил Федотов. Он сидел со мной до утра и всё время уговаривал: «Пиши. Арестованные на свободу не выходят. Учти это и пиши, если не хочешь остаться инвалидом». Утром пришел Воронин, и я ему написал о себе: кто я, с кем учился и прочее. В эту ночь дежурить при мне остался следователь из Варваровки, фамилии его не знаю. Этому следователю Воронин сказал, чтобы со мной не церемониться, и он, требуя признания, несколько раз уколол меня иголкой. Так продержали меня трое суток без пищи, после чего отправили в тюрьму. Через месяца полтора мне предложили подписать протокол допроса, составленный якобы по моим записям. Я отказывался, но под нажимом Воронина и Федотова, угрожавших: «Хочешь сделаться трупом, так будешь им», подписал. В середине августа меня вызвал Танфилов и предъявил обвинение, что я – организатор поджога одного объекта на заводе. Об этом поджоге и ничего не знал, так как был арестован до него, но в результате рукоприкладства со стороны Танфилова вынужден был дать показания, что о подготовке поджога мне было известно. Этот протокол забрал с собой Гарбузов.

Перед судом меня вызвал Зельцман и с помощью Воронина и Трушкина подготавливал дать те же показания, что и в протоколе. Военный трибунал, рассмотрев моё дело, оправдал меня.

На вопросы суда св[идетель] ГЛАДКОВ:

На незаконные методы следствия в отношении меня я жаловался как Воронину, так и Трушкину. Последний старался замалчивать, обходить этот вопрос, а однажды сказал: «Должны же понять, что идёт глубокая вспашка».

Однажды меня на легковой автомашине доставили из тюрьмы к Трушкину, и тот потребовал немедленно дать ему показания о Гайзере и секретаре парткомитета Диденко как об участниках к-р организации. Я ответил, что об этих лицах ничего не могу сказать плохого, и, по-моему, требуемых от меня показаний не дал.

Больше всех меня избивал Танфилов. Бил и следователь из Варваровки. Воронин размахивал перед лицом руками, но не бил.

Под стражей я пробыл 9 месяцев.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] ГЛАДКОВ:

В тот момент, когда Воронин нецензурно выразился по поводу Сталинской конституции, кроме нас, по-моему, никого не было.

Кроме размахивания перед лицом руками и угроз, что расстреляет, и я стану трупом, Воронин физических методов ко мне не применял.

Подсуд[имый] ВОРОНИН пояснил:

Насколько помню, Gladkov в первый же вызов стал писать показания без всякого нажима, и это может подтвердить «следователь из Варваровки» Альбрехт.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА свид[етель] ГЛАДКОВ:

Показания на Гайзера и Диденко как на участников организации Трушкин требовал от меня наедине.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Я не помню случая, чтобы разговаривал с Gladkovым. Не помню также, чтобы посылал за ним в тюрьму легковую автомашину. И если у меня была надобность в его показаниях на Гайзера и Диденко, то почему же я не добился их от него.

В 22.15 объявлен перерыв суд. заседания.

В 22.25 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] БОНДАРЬ Дмитрий Антонович, 1910 г. рождения, техник-судостроитель, начальник участка завода № 200, беспартийный, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

3-го августа 1938 г., в 4 ч. дня, я прямо с завода был доставлен к Воронину, и тот мне заявил: «Ты – враг, бандит, фашист и диверсант и отсюда не выйдешь. Нам известно, что ты подпалил отсек, так садись и напиши все». Я ответил, что ничего не знаю, и что в день пожара даже не был на заводе, но Воронин, не обращая на это внимания, ругался и требовал дать признание. Я отказался. После ухода Воронина со мной остался Калужный и тоже ругал меня и требовал писать показания. Часов в 10 вечера Воронин пришел снова и, узнав, что показания я не дал, сказал: «Сейчас напишешь». После этого пришли 2 неизвестных мне сотрудника, отвели меня наверх и там заявили, что, если через 10 мин. я не напишу на имя Успенского заявление о причастности к поджогу, они будут бить меня. Такого заявления я не написал, и они действительно стали избивать меня. От побоев я потерял сознание, меня облили водой и продолжали требовать признание. Я и на этот раз ответил отказом. Тогда они разложили меня на полу и биллиардными киями стали бить по груди, животу и спине. Я вторично потерял сознание, но меня снова облили водой, и

избиение продолжалось всю ночь. От сильной боли я громко кричал, и потому фуражкой мне заткнули рот. Пришел я в себя уже в коридоре весь в крови, избитый. Утром 4-го августа меня снова завели в 41-й кабинет, и там Воронин опять требовал показаний о принадлежности к к-р организации и причастности к поджогам. Я держался и не писал. 5 или 6 августа Воронин отвёл меня к Карамышеву. Последнему я заявил то же, что говорил до того своим следователям, и после этого меня снова отправили к Воронину. От нанесённых мне побоев я не мог ни лежать, ни сидеть, заболел кровавым поносом, однако медпомощи мне не оказывали. Пробыв в таком состоянии без сна по 7-е августа, я ночью вынужден был под диктовку Воронина написать о причастности к к-р организации, и всё, что он мне предлагал. Потом Воронин составил протокол допроса, но я подписать его отказался, заявив, что всё написанное в нем – неправда. К Воронину заходили Трушкин, Гарбузов и друг. работники, и все они требовали, чтобы я подписал протокол.

Когда мне объявили, что дадут очную ставку с Чикаловым, я отказался от неё, говорил Трушкину, что о Чикалове ничего не знаю, но Трушкин стал ругать меня и, угрожая арестом всей семьи, предложил пойти на очную ставку и «разоружить» Чикалова. Очная ставка проводилась в кабинете Трушкина. По его и других следователей настоянию я дал против Чикалова показания, но он их не подтвердил, и после этого я также отказался от них. В связи с этим очную ставку прервали, меня вновь стали подготавливать к «изобличению» Чикалова, но когда на следующий день очную ставку возобновили, я заявил на ней, что о Чикалове мне ничего не известно. Чикалов же, наоборот, на этой очной ставке дал признание, и после неё Воронин угрожал, что о моем поведении доложит капитану⁶¹, и меня расстреляют. Я сказал ему, что на суде ведь всё равно расскажу правду. На это Воронин заявил: «Я – тебе следователь, и мы же будем судить тебя». В итоге, в результате угроз и избиений (Воронин бил ключом, а Калюжный – линейкой), я вынужден был подписывать протокол очной ставки. Так проводились очные ставки и с другими арестованными. Руководил очными ставками Трушкин.

12 августа в кабинете Воронина я подписал составленный им протокол допроса. Этому предшествовали новые угрозы избить покрепче: «Дадим тебя стрелкам, а они бьют не так, как следователи». При подписании протокола я сказал Воронину, что подписываю ложь и что на суде она вскрыется. Воронин ответил: «Никогда ничего вынесено не будет. Всё здесь останется».

Помимо следователей, угрозы при допросе наносил мне и комендант Митрофанов. Это был физически исключительно сильный человек. Засучив рукава, он мне заявлял: «Подпиши, парень. А то дам так, что хуже будет».

В результате применённых ко мне методов «допроса» у меня были выбиты 2 зуба, рассечено ухо, я был весь синий, распухший и гнил заживо. На меня было страшно смотреть, и дежуривший при мне следователь

⁶¹ Мався на увазі П. Карамішев.

Гандельсман даже просил, чтобы я отворачивал от него свое лицо. В таком состоянии меня водили в Карамышеву, и он видел это моё состояние.

На вопросы суда св[идетель] БОНДАРЬ:

В тюрподе я находился с 12 августа по день освобождения. Начальник УНКВД в камеру ни разу не заходил.

Воронин бил меня ключом. Киями избивали не мои следователи, и фамилий их я не знаю.

Карамышеву об избииении меня я не говорил, но мое состояние он прекрасно видел и так.

Зельцман моим следователем был уже после подписания мною протокола допроса.

Под стражей я находился 8 с половиной месяцев. Освобождён судом.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] БОНДАРЬ:

При избииении меня киями Воронин не присутствовал.

К Карамышеву водил меня Воронин.

Коменданта Митрофанова Воронин вызывал до подписания мною признания с целью устрашения.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА свид[етель] БОНДАРЬ:

Гарбузов неоднократно заходил к Воронину, когда я там находился, и также настаивал, чтобы я писал показания.

Ему я однажды заявил об избииении меня в 11-й комнате.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] БОНДАРЬ:

На очных ставках обычно присутствовало несколько сотрудников. Был ли среди них военный с зелёными петлицами – не помню.

В 23 ч. объявлен перерыв суд. заседания до 10 ч. 19.III.[19]41 г.

19.III.[19]41 г. в 10.15 суд. заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии свидетелей ЛЕЙЗЕРОВСКОГО, ЧЕРКЕС[А], ФЕВРАЛЬСКОЙ, ШЕЙНБЕРГ[А] и КРЮЧКОВСКОГО.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности названных свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в отдельную комнату.

Пред[седательствующий] огласил определение ВТ по поводу ходатайств подсудимых, заявленных ими в начале суд. заседания 18-го марта.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Ходатайство подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА о приобщении к делу его заявления от 15.III.[19]41 г. удовлетворить. Также удовлетворить его ходатайство в части обозрения приказов по УНКВД, коими он, будучи начальником УНКВД, привлекал к административной ответственности сотрудников, допускаявших нарушение соцзаконности.

Остальные ходатайства подсуд. КАРАМЫШЕВА о вызове свидетелей и друг., изложенные в его заявлении, отклонить ввиду наличия достаточных материалов в деле и вызова свидетелей Готовцева, Поясова и других, могущих подтвердить обстоятельства, на которые подсуд. КАРАМЫШЕВ ссылается.

В отношении ходатайства подсуд. ТРУШКИНА о приобщении документов. Учитывая, что по всем этим эпизодам в деле имеется достаточно материалов, истребование дополнительных документов необходимостью

не вызывается; кроме того, показаниями вызванных свидетелей также можно уточнить все эти моменты, в силу чего ходатайства ТРУШКИНА отклонить.

Также отклонить ходатайства подсудимых ГАРБУЗОВА и ВОРОНИНА, так как по всем эпизодам, на которые они ссылаются, в деле имеется достаточно материалов и, кроме того, эти эпизоды могут осветить вызванные по делу свидетели.

Подсуд[имый] ТРУШКИН:

Очные ставки Бондарю проводились в присутствии помощника военного прокурора Курова. В связи с этим я прошу истребовать для обозрения дело Бондаря, и из него будет видна ценность показаний Бондаря на вчерашнем заседании.

Совещаясь на месте, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Имея в виду, что в т. 9 на л. д. 82–129 имеется достаточно материалов относительно Бондаря, ходатайство подсуд. ТРУШКИНА отклонить.

Подсуд[имый] ВОРОНИН:

В 1938 году собственноручные показания подсудимых к следственным делам не приобщались, поэтому в деле Стародубцева отсутствуют его показания, данные им на Гаврилова. В связи с этим я прошу затребовать их для того, чтобы убедиться, что показания на Гаврилова он давал.

Совещаясь на месте, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Имея в виду, что в распоряжении Трибунала имеется подлинное следственное дело по обв[инению] Стародубцева, ограничиться им, и ходатайство подсуд. ВОРОНИНА в части истребования собственноручных показаний Стародубцева отклонить.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

По показаниям свидетелей, прошедших во вчерашнем заседании, я имею сказать следующее: об обстановке, в которой допрашивался Волков, я лично не знал. Его показания половинчатые, неопределённые, и потому без заслушания Эльзона вывод о правильности или неправильности действий последнего делать нельзя. Лично я ни Волкова, ни других из выступающих ныне свидетелями не допрашивал и при допросе их не присутствовал.

Заявление Бондаря о том, что Воронин приводил его ко мне, не соответствует действительности, и на первом суде он об этом не говорил.

Показания Дудина также не соответствуют действительности. В Николаеве я пробыл 6–7 месяцев, как же мог сказать ему, что знаю его как врага 15 лет.

Дело на Фомина, Гаврилова, Меламуда и других являлось составной частью право-троцкистской организации, ликвидированной в 1937 г. Ликвидировалась она по частям. Основная группа была осуждена Военной коллегией в открытом суд. заседании, и Гаврилов проходил по показаниям этой группы. Участники этой группы Волков и Плетнев изобличали также Деревянченко (Волков) и Фомина (Плетнев). Кроме того, на Деревянченко, Фомина и Гаврилова в распоряжении оперативных отделов УНКВД имелись и официальные материалы. Так, ещё в марте 1938 г. Деревянченко был изобличён парторганизацией как политический

двурушник, и это же было установлено в апреле 1938 г. на облпартконференции, в связи с чем там выступали секретарь ЦК КП(Б)У Бурмистенко и Буранов.

Подсудимый] ТРУШКИН пояснил:

Бондарь показал, что я потребовал от него показания о причастности Чикалова к поджогу отсека и несколько раз прерывал очные ставки. Не было этого, и на первом суде он об этом не говорил.

Пред[седательствующий] огласил л. д. 136–137 т. 12 – показания Бондаря.

Свид[етель] АФАНАСЬЕВ Григорий Петрович, 1910 г. рождения, член ВКП(б), зам[еститель] нач[альника] цеха завода № 200, по специальности судостроитель, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

2-го августа 1938 г., будучи на стадионе, я заметил дым в районе завода и поехал туда. Там мне сказали, что меня ждут в главной конторе. Когда я вошел, в конторе находились Гарбузов, следователь Богуславский и ещё один работник. Гарбузов мне сразу же сказал: «Ну, рассказывай», и обругал матом. Потом предложил подойти к нему и, когда я подошел, он кулаком нанес мне 2 удара в лицо. Вслед за тем меня обыскали и минут через пять на машине доставили в УНКВД. Там Богуславский забрал меня к себе в кабинет и, называя диверсантом, вредителем, требовал рассказать о поджоге отсека. Потом отвел к Зельцману, и в его кабинете я был поставлен в угол на «стойку». В кабинет заходили работники и «знакомились». В лучшем случае это «знакомство» ограничивалось руганью, но большей частью ко мне «прикладывались», в том числе и Заикин. Он же остался со мной ночью. Так я стоял там до вечера следующего дня, после чего меня отвели в комнату № 43 к Купному. Там тоже поставили в угол, и Купный стал требовать показаний о к-р троцкистской организации. При этом он заявил, что кто попадёт к ним, тот так просто не выходит, и показывал на палку за шкафом. В это время из других кабинетов раздались вопли и крики. Допрашивали меня здесь Купный и Заикин. Последний особенно издевался надо мной: харкал в лицо, давил кулаками в бок, не давал воды. От долгого стояния у меня отекли и опухли ноги. 4-го августа в кабинете Трушкина мне дали очную ставку с Фоминым. На ней Фомин сказал, что я состою в к-р организации, и на этом очная ставка была закончена. Почти все последующие очные ставки также проводились у Трушкина, но протоколы писались не им, а другими работниками, в том числе и Ворониным. 8-го августа меня отправили в тюрьму и поместили в камеру площадью 8 метров, где находилось до 20 чел. Спустя месяц–полтора моё дело было передано Зельцману, и тот также настаивал на признании, угрожая при этом, что я человек ещё молодой.

У Гарбузова в кабинете я был раза 2. Лично он показаний от меня не брал, но говорил, что чем скорее раскаюсь, тем для меня будет лучше.

Пробыл я под стражей 8 месяцев, после чего Военный Трибунал меня оправдал.

На вопросы суда св[идетель] АФАНАСЬЕВ:

Очная ставка с Барсуковым у меня была по вопросу принадлежности к к-р организации, и мы оба должны были подтвердить, что являемся участниками организации.

У меня спрашивали, не причастен ли и Барсуков к пожару, но я ответил отрицательно.

Зельцман наталкивал меня, чтобы я показал [на] Мацковского и Чернохатова как причастных к пожару и организации. Очной ставки с Мацковским у меня не было.

Гарбузов 2 раза сильно ударил меня на заводе в присутствии Богуславского и ещё одного работника, фамилии которого не знаю.

Заикин избивал меня систематически с 2-го по 8-е августа. Один раз Зельцман, придя на смену и узнав, что я не даю показаний, присоединился к нему, и они стали бить меня вдвоём. Я упал, потерял сознание и очнулся уже без них в присутствии Купного.

Трушкин заходил ежедневно, серьёзные очные ставки проводились у него в кабинете, и обо всём, что делали со мной, он знал. Первое время я ему жаловался на методы следствия, в ответ на что он заявлял: «Ничего не выйдет, нужно полностью разоружиться и честно обо всем написать».

Зельцман тоже угрожал: «Уйдешь отсюда калеккой, так лучше честно разоружись перед соввластью».

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] АФАНАСЬЕВ:

Гарбузов на заводе не объявил мне о моём аресте. Был ли ещё кто-либо, кроме меня, вызван в Гарбузову в контору после пожара – не знаю.

Свид[етель] ЧИКАЛОВ Тимофей Иванович, 1888 г. рождения, член ВКП(б) с 1922 г., старший мастер завода № 200, рабочий стаж с 1903 г., подсудимым не родственник, с ними не спорил, по делу показал:

2-го августа 1938 г. на заводе № 200 произошёл пожар, в связи с чем меня пригласили в УНКВД, и там по 4-е августа я давал показания, после чего был освобождён. 7-го августа меня вызвали в отдел найма завода к Воронину, который сказал, что для уточнения некоторых вопросов нужно ещё поехать в УНКВД. Там Воронин отвел меня к следователю Федотову, и тот стал допрашивать. На второй день Танфилов принес папку с бумагами о Чикалове, но я доказал, что они относятся не ко мне, а к моему однофамильцу. После этого меня проставили на «стойку» и стали обвинять в причастности к пожару. На «стойке» держали четверо суток, причём следователи Федотов и Танфилов дежурили при мне посменно. На «стойке» мне было очень плохо, и я просил Танфилова об оказании мне помощи. Тот написал какую-то бумажку и положил её на край стола. Подумав, что это направление к врачу, я хотел её взять, но Танфилов набросился на меня с бранью. Тут вошел Воронин. Танфилов сказал ему, что я пытался стащить со стола бумагу, и Воронин ударил меня по лицу. На пятью сутки мне дали очную ставку с Бондарем. Проводил её Трушкин, и на ней Бондарь заявил, что мы совершили поджог и должны стать на колени перед совластью. Его показания я отрицал, в связи с чем Трушкин стал кричать на меня, угрожать, и я был отправлен в тюрьму. 24-го августа меня снова привезли в УНКВД и двое суток держали в кабинете, потом дали очную ставку с Афанасьевым. Тот стал говорить, что

со слов Меламуда ему известно, что я являюсь членом к-р организации. Я это отрицал. Потом меня передали Зельцману. Ему я сказал, что уже давал подробные показания, но он мне заявил: «Они нам не нужны, нам нужны, какие требуются». На следующий день Зельцман вызвал меня и в присутствии 2-х работников, одетых в штатское (один из них по фамилии Ганкин), спросил, буду ли давать показания. Я ответил отрицательно, и тогда он приказал эти двум работникам взять меня и не выпускать, пока не дам признание. Меня повели наверх в отдельную комнату и там поставили на «стойку». Ночью туда пришел Ганкин, бывший в нетрезвом состоянии, закрыл окна и стал вымогать признание: «Если хочешь видеть жену и ребёнка, хочешь остаться живым, то пиши. Учти, что я могу тебя застрелить, а потом составлю акт, что ты нападал не меня. Или застрелю тебя у двери и составлю акт, что убит при попытке бежать». Схватил меня за горло, стал душить, и я потерял сознание. На рассвете Ганкин дал мне бумагу, и по его указке я вынужден был написать, что совместно с Афанасьевым совершил поджог и др. Это заявление он отнес Зельцману. Тот вызвал меня вечером и с написанного мною составил протокол допроса. Я вынужден был подписать его. После этого Зельцман сказал: «Ну, теперь помоги разоблачить ваших инженеров Бондаря, Афанасьева», и мне с Бондарем устроили очную ставку. На ней я подтвердил то, что говорил Бондарь на первой очной ставке у Трушкина, но в этот раз Бондарь стал отрицать свои показания и на мой вопрос, почему же раньше признавал, сказал: «Тогда я врал, а теперь ты врешь». Спустя некоторое время очная ставка была возобновлена у Трушкина, и Бондарь на ней дал признание. После того как его увели, я спросил у Трушкина, как могло получиться, что Бондарь подтвердил признание. Трушкин ответил: «С ним 2 дня хорошо поговорили».

На вопросы суда св[идетель] ЧИКАЛОВ:

Федотов избивал меня ключом.

Воронин один раз ударил по щеке и выбил шатавшиеся корни зуба.

Ганкин тоже избивал меня.

Трушкин проводил очную ставку, грубо ругал меня, требовал признания. Об избивании меня я не заявлял.

На следствии никаких материалов мне не предъявляли, а только «изобличали» очными ставками.

Оговорил я себя и других по той причине, что не в состоянии был дальше выносить издевательства, которым не видел конца. Ведь я четверо суток стоял на «стойке» без сна и отдыха, мне угрожали, что меня застрелят, и только в надежде, что советский суд разберётся, где правда, я дал ложные показания.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] ЧИКАЛОВ:

Воронин меня не допрашивал, но когда Танфилов доложил ему, что я пытался якобы стащить бумажку со стола, Воронин нанёс мне удар по щеке.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ЧИКАЛОВ:

При очной ставке, которую проводил Трушкин, присутствовал один военный, но о том, что он – прокурор, мне не объявляли, и Трушкин в его присутствии ругал меня.

В 12.10 объявлен перерыв суд. заседания.

В 12.20 суд. заседание продолжается.

Свидетель **КОБЦЕВ Даниил Филиппович**, 1899 г. рождения, инженер-конструктор завода им. Марти, член ВКП(б), подсудимым не родственник, с ними не спорил, по делу показал:

24 июля 1938 г. я был приглашён в УНКВД к Карамышеву. Когда пришел в комендатуру, мне приказали: «Руки вверх!», произвели личный обыск, на отобранные вещи составили акт в одном экз. и меня водворили в кабинку тюрпода. В 10 час. утра вызвали к Воронину. Последний назвался моим следователем и предложил писать показания о принадлежности к право-троцкистской организации. Я потребовал показать мне ордер на арест и предъявить обвинение, но Воронин на это ответил: «Не разговаривать. Мы – хозяева, и что хотим, то и делаем». В связи с этим я написал заявление-протест против незаконного ареста. Воронин его скомкал и заявил: «Не это писать, пишите другое». Потом поставил меня на стойку в угол, и там я стоял 6 суток. Ночью в кабинет Воронина вошел Трушкин и потребовал дать признание, что я – троцкист и состою в к-р организации. Я отказался. В это время за спиной, по-видимому, кого-то избивали, так как слышались ругань, стоны и крики. В ответ на мой отказ признать себя участником организации Трушкин обратил моё внимание на эти крики и сказал: «Вы слышите, что там делается. Тоже и с вами будет». В 12 час. ночи Воронина сменил Богуславский. Оставшись со мной, он схватил меня за плечи и стал головой бить об стенку. На мои протесты по поводу такого обращения перевёл меня в другой кабинет, достал из-за шкафа палку и стал бить ею в область сердца и по ногам, требуя: «Пиши, что состоял в к-р организации». От нанесённых побоев я упал на пол, он поднял меня и продолжал избивать. При этом харкал в лицо и запрещал вытирать плевки. Потом подвёл к столу и, не прекращая избиения, приказал писать. Под его диктовку я вынужден был написать, что являюсь участником организации. По его же требованию включил в свои показания зачитанный им список парттысячников. После этого он снова привёл меня к себе в кабинет и поставил на «стойку». Утром пришел Гарбузов с подготовленным протоколом и после подписи его мной отослал меня спать. Потом снова вызвал меня, сказал, что протокол – ерунда и, ударив, предложил переписать его. Протокол я переписывал 3 дня и под диктовку Воронина снова вписал туда парттысячников и ряд лиц по институту, после чего меня отправили в тюрьму. Потом я был вызван в августе или сентябре и стали подправлять показания. Протокол писал Воронин и из ранее названных лиц оставил человек 9, а остальных исключил. Я заявил Воронину, что показания мои ложны, не соответствуют действительности, но он на мои заявления не обращал внимания. В этом протоколе Воронин исключил ещё несколько человек и после этого протокол я подписал. На допросе мне удалось выкрасть бумагу и карандаш, я написал заявление Вышинскому о незаконном аресте и извращённом

следствии, и это своё заявление 26 или 27 сентября опустил в ящик в тюрьме.

28 сентября меня вызвал Воронин и спросил: «Что, писали?». Я ему рассказал правду. Тут вошел Гарбузов, и я ему заявил, что все предыдущие мои показания вынужденные. В ответ Гарбузов мне заявил: «Так ты дискредитировал органы. Больше этого писать не будешь. Должен всё подтвердить», и со всего размаху стал сильно бить по щекам и голове. Я потерял сознание, и меня бросили в камеру. Спустя 2 дня снова вызвали и опять стали «уточнять» и подправлять протокол. В итоге в протоколе остались Кондратьев, Гладков, Деревянченко и ещё несколько человек. Подписывать его меня заставляли трое суток, и каждый раз я предупреждал, что это ложные показания. У меня выбивали моего вербовщика и предлагали 2-х — Деревянченко и Коноплева. Я написал последнего. Вызвали потом только 2-го декабря. Воронин предъявил обвинение и, угрожая: «Если хочешь, чтобы семья была жива», «а то долбану так, что и света не увидишь», — потребовал подписать его днём ареста. Я подписал его третьим августа, т. е. днём, когда меня даже не вызывали не допрос.

15 или 16 февраля меня вызвали к Трушкину. Перед тем Воронин предложил, чтобы я подтвердил свои показания, заявив при этом: «Будешь на стенку лезть, а подпишешь». У Трушкина сидел неизвестный мне сотрудник, и при нём Трушкин спросил: «Ну что, будешь полностью разоружаться?». Я ответил, что разоружаться мне не в чем, что все мои показания ложны. Трушкин после этого вскочил из-за стола и вышел, а со мной стал говорить сидевший у него сотрудник, оказавшийся начальником следчасти наркомата. Потом меня вызвали в марте мес., и следствие уже вёл Эльзон. Он кричал на меня, но большего не допускал. Ночью 2-го декабря я был вызван к начальнику УНКВД Юрченко. Там присутствовали Поясов, Гарбузов, Воронин. Юрченко я рассказал об избииении меня Богуславским и Гарбузовым, и что мои показания о признании — ложные, вынужденные. Через 3 часа меня освободили. Впоследствии я был вызван в Киев на очную ставку с Трушкиным. Последний там заявил, что не знал о намечавшемся моём аресте, но следователь Бурдан уличил его во лжи постановлением на арест, которое было подписано Трушкиным.

Изъятые у меня при обыске вещи мне не возвратили до сего времени, и акта личного обыска в деле не оказалось.

На вопросы суда св[идетель] КОБЦЕВ:

В момент ареста я работал секретарём горкома партии. Под арестом пробыл с 24 июля 1938 г. по 2-е или 3-е апреля 1939 г.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] КОБЦЕВ:

Воронин оскорблял меня, ругал, но не бил.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] КОБЦЕВ:

Трушкин в присутствии Воронина обращал моё внимание на стоны в соседнем кабинете и угрожал, что так будет и со мной.

Подсуд[имый] ГАРБУЗОВ пояснил:

Показания Кобцева категорически отрицаю. Впервые я увидел его на допросе и сказал только, чтобы он показания писал не карандашом, а чернилами. Вторая встреча произошла в момент, когда его вели с допроса

и, увидев, что он в белых брюках, я сказал, чтобы написал домой о присылке других брюк.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] КОБЦЕВ:

О замене брюк он действительно говорил, а о том, что писать нужно чернилами, а не карандашом – нет.

Избивал Гарбузов меня в присутствии Воронина и ещё одного сотрудника.

На вопросы суда [подсудимый]⁶² КАРАМЫШЕВ:

Об аресте Кобцева мне было известно, так как этот вопрос решался ЦК КП(б)У. Обстановку его допроса я не знал.

Свид[етель] КОБЦЕВ:

Я считаю, что в известной мере причиной ареста послужил мой отказ дать в УНКВД скатерть в приезд в Николаев Успенского.

Карамышев был груб в обращении, на заседаниях обкома ругался матом, в связи с чем даже делались замечания.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Ложь всё это.

В 13.40 объявлен перерыв суд. заседания.

В 14.00 суд. заседание продолжается.

Больше вопросов к допрошенным свидетелям подсудимые не имеют, и с их согласия допрошенные свидетели от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания освобождены.

Свидетель СЫЧКОВ Николай Емельянович, 1916 г. рождения, нач[альник] следственной части УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

По делу Гущина при проверке впоследствии оснований на его арест значилось, что изобличается Стародубцевым, Гавриловым и Гладковым. В действительности же показаний Гладкова на Гущина не было.

На вопросы суда свид[етель] СЫЧКОВ:

В справке на арест Гайзера значилось, что он проходит по показаниям не то Вегера, не то Душенко, при проверке их в наличии не оказалось.

По делу Онищенко санкция на арест была оформлена спустя 6 дней после ареста.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Сычкова – л. д. 231 т. 4).

Да, я спутал: на Гайзера не оказалось показаний Волкова, а не Вегера. И только в этой части справка является фиктивной.

Следствие по делу Гайзера заканчивал я, и я же освободил Гайзера. Сомнений в его невиновности у меня не возникало.

Мои показания от 29 августа 1939 г. записаны правильно, там ничего не сгущено, я их подтверждаю полностью и сейчас.

Подсуд[имый] ВОРОНИН пояснил:

Гайзер допрашивался в НКВД УССР и дал там развёрнутые показания. У нас же он написал только собственноручные показания.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

⁶² Тут і далі в аналогічних випадках у документі помилково – «св[идетель]».

Гайзер проходил по показаниям Косиора⁶³ и был арестован по распоряжению НКВД УССР. Справка на его арест составлялась по линии 7 отдела Наркомата. На Гайзера имелось минимум 12 показаний. Следствие по его делу велось в Киеве, наша же обязанность заключалось лишь в аресте и отправлении Гайзера в Киев.

На вопросы суда св[идетель] СЫЧКОВ:

Санкция на арест Гайзера была дана по материалам, представленным из Николаева.

На вопросы суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Свидетель не в курсе дела. На арест Гайзера была нужна санкция Москвы, и докладная записка по этому поводу составлялась 7 отделом НКВД УССР по имевшимся у них материалам.

Арест Гайзера был правильный, обоснованный, освобождение же его считаю неправильным. По получении из Москвы санкции мы арестовали Гайзера и отправили в Киев. У нас он находился только в течении 2–3 дней и написал собственноручные показания. После постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. Наркомат передал Гайзера нам.

На Гайзера имелись также показания Волкова. На горпартконференции Гайзер был изобличён в связях с диверсантами, что вынужден был признать сам, и его вывели из состава её.

По нашим материалами была составлена справка не на получение санкции на арест, а лишь для оформления самого ареста.

На вопросы суда св[идетель] СЫЧКОВ:

Показания Рогинского на Гайзера были лишь косвенные, со слов Степанова, а Степанов в своих показаниях Гайзера вообще не упоминал.

На вопросы суда [подсудимый] КАРАМЫШЕВ:

Имелись ли показания на Гущина, Гаврилова и Гладкова, не помню. По этому вопросу нужно обратиться к автору справок, так как я только утверждал их, доверяя своим работникам.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Справку на Гущина составлял не я, но точно знаю, что на него имелись показания. Кем сделана дописка в этой справке, не знаю, но почему нельзя считать, что эту дописку произвели уже после подписания мною справки.

На вопросы суда [подсудимый] ВОРОНИН:

Я писал справки на многих лиц, но ни в одной никаких дописок не делал.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА свид[етель] СЫЧКОВ:

На запрос УНКВД Наркомат ответил, что по показаниям Волкова Гайзер не проходил.

Подсуд[имый] ТРУШКИН:

Неправда, из НКВД УССР на запрос поступил ответ, что Гайзер проходил по показаниям Волкова.

На вопросы суда св[идетель] СЫЧКОВ:

⁶³ У документі помилково з двома літерами «с» – Коссиора.

Когда я работал в 3 отделе, был задержан некий Чистяков при попытке пройти на территорию завода. Были основания подозревать, что пробраться на завод он пытался с умышленной целью, и на допросе дал показания о вербовке его японцами, но показания были путанные. На третий день зам[еститель] нач[альника] УНКВД Поясов подверг его избиению, кажется, совместно с комендантом Московского НКВД, гостившим у Карамышева. Этот комендант применил потом физическое воздействие к Чистякову ещё раз, без Поясова, и дней через 6–10 Чистяков скончался. Точно сейчас этот эпизод не помню, на предварительном следствии, когда дал показания, помнил лучше.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Сычкова – л. д. 250).

Возможно, что так, но помню, что после последнего избиения Чистяков несколько раз ещё вызывался на допрос.

На вопрос суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Фамилии коменданта я не помню, но на предварительном следствии я указал его приметы и имя. Он был в Николаеве в то время, когда я болел. О том, что он применял физическое воздействие к Чистякову, мне стало известно лишь на предварительном следствии.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] СЫЧКОВ:

Гарбузова я знаю с 1936 г. исключительно с положительной стороны. С конца 1938 г. он был избран секретарём парторганизации, был отзывчивым и очень много помогал молодым работниками. Много он также сделал в части разгрузки дел и исправления отмеченных постановлением ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. ошибок.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] СЫЧКОВ:

О Карамышеве мнение всех работников было как о человеке, исключительно хорошо знающем своё дело. Он старался привить молодым работникам чекистские навыки, неоднократно собирал нас и делал целеустремлённые установки. В городе и области пользовался большим авторитетом.

На вопросы суда св[идетель] СЫЧКОВ:

Гарбузов по части отдельных арестов высказывал мнение, что они – неправильные, необоснованные, но этим и ограничивался.

Свид[етель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ Юзеф Семёнович, 1906 г. рождения член ВКП(б), начальник отделения УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Дело на Бабаева, Садовой, Бранта, Беккера и Наместюка поступило ко мне уже после допроса этих обвиняемых в Ново-Троицком районе с протоколом допроса, составленным следователем Козачуком. Этот протокол Трушкин подкорректировал, и я дал его обвиняемым подписать. В то время Козачук отсутствовал, и в связи с этим Федоровский предложил мне подписать протокол за следователя. Я отказался, но Трушкин кричал на меня, приказал подписать протокол, и я это сделал.

На допросе Брант долго не показывал, что Наместюк является участником троцкистской диверсионной организации, но потом дал такие показания и указал обстоятельства вербовки. Последние были настолько

нелепы, что я в них не верил, и о своём сомнении сказал Трушкину в присутствии Гарбузова, Воронина и Купного. Трушкин со мной не согласился и заявил: «Ты – не чекист, ничего не понимаешь, я заберу от тебя дело».

В протоколе допроса Наместюка его показания я фиксировал доподлинно. Трушкин этот протокол скорректировал так, что будто бы Наместюк признает себя участником к-р организации. С этой целью он исключил из протокола часть написанного мною и дополнил протокол своей редакцией, после чего предложил закончить дело на тройку. Не будучи согласен с тем, что Наместюк является участником к-р организации, я просил Трушкина, чтобы это дело дал доложить мне на тройку, где я имел в виду рассказать все, как было в действительности, но Трушкин доложил его сам, и Бабаев, Садовов, Брант и Беккер были осуждены по 1-й категории, а Наместюк – по второй. По словам работников, дело о Наместюке впоследствии было пересмотрено, и Наместюк якобы освобождён.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Наместюк мне не давал показаний об участии в к-р организации. Это признание в протокол вписал Трушкин.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Лейзеровского – л. д. 190–194 т. 5).

Да, эти показания подтверждаю и сейчас. Членом к-р организации Трушкин сделал Наместюка, по-моему, с той целью, чтобы у Бабаева, Садовой, Бранта и Беккера была практическая диверсионная деятельность. Скорректированный таким образом Трушкиным протокол допроса я подписал с условием, что дело сам буду докладывать на тройке и расскажу там всю правду.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

При корректировке протокола я не указывал, что Наместюк признаёт себя участником к-р организации, а только о том, что он совершил диверсионный акт.

На вопросы суда подсуд[имый] ТРУШКИН:

Наместюк признал, что Брант и Беккер поручили ему дать овцам удесятерённую дозу медного купороса, так что он знал, какие от этого должны были быть последствия.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Ни о какой удесятерённой дозе медного купороса Наместюк не знал. Падёж овец явился для него полной неожиданностью, он испугался и сразу же побежал заявлять об этом в милицию. Можно представить, какой это был диверсант.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я считаю, что Брант – это явный враг, но об остальных своего мнения сказать не могу, так как их не допрашивал. По-моему, пропускать это дело по тройке было нельзя, следовало его лучше задокументировать и собрать свидетельские показания.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

На Бабаева имелись показания бывшего директора совхоза «Аскания-Нова» Нуринова как об участнике к-р организации. Садомов проходил по показаниям бывшего директора МТС Чучмана.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

По-моему, Бабаев и Садомов не были подсудны тройке уже по одному тому, что они являлись членами партии.

На вопросы суда подсуд[имый] ТРУШКИН:

Выделить Наместюка из всей этой группы было нельзя, так как дело было тесно связано с Бабаевым и остальными. Наместюк не освобождён, как говорит Лейзеровский, а дело о нём передано в Военный Трибунал, о чём имеется справка.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Мне известен случай, когда быв[ший] нач[альник] УНКВД Фишер на одном из совещаний упрекал Гарбузова в том, что у него мало признаний арестованных. Фишер тогда заявил: «Посажу милиционеров, и они дадут больше признаний, чем вы».

За время моей работы в отделе Гарбузова сменных допросов, стоек, угроз или избиений арестованных там не практиковалось, и Гарбузов таких установок не давал.

В Бериславском районе им было вскрыто искусственное дело на группу колхозников. Их вызвали, допросили и потом освободили.

Поведение Гарбузова как заместителя начальника отдела было поведением исключительно честного партийца. Когда я обращался к нему при возникновении у меня сомнений, он всегда становился на мою сторону.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Ни Бабаева, ни Садомова в период следствия не было. Они были арестованы не только в связи с отравлением овец, а и по показаниям Нуринова и Чучмана. Эти показания должны были быть приобщены к делу Лейзеровским, который заканчивал дело, но он этого не сделал. По материалам дела Бабаев, Садомов, Брант и Беккер осуждены правильно.

На вопрос подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

На оперативных совещаниях Трушкин ставил вопрос о недопустимости рукоприкладства к арестованным, предупреждал об ответственности за применение физических методов без санкции.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Задолго до постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. КАРАМЫШЕВ на нескольких оперсовещаниях начальников райотделений подвергал резкой критике Дарова за создание искусственной организации, Лившица – за искусственное создание дела на колхозников, и водный отдел, сделавший одного арестованного врагом с пелёнок.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Об истории с Наместюком КАРАМЫШЕВУ я не докладывал, так как думал сделать это на тройке, но выполнить это не удалось, так как дело доложил лично Трушкин.

Свид[етель] ЧЕРКЕС Тарас Тихонович, 1906 г. рождения, спецработник швейной фабрики в Николаеве, в 1938 г. работал оперуполномоченным

УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я работал непосредственно с Гарбузовым и в его лице видел человека с партийной и чекистской совестью, всегда находил в нём поддержку.

К Карамышеву отношения я не имел, но, присутствуя однажды весной на оперсовещании, слышал, как он дал установку: «Поменьше ходить в парткомитеты и в прокуратуру. Нам нужно посадить 2000 чел.», а на замечания некоторых работников по этому поводу ответил: «Не страшно, если ошибёмся при арестах в одном человеке».

Бражников был арестован по клеветническому заявлению директора совхоза. Поговорив с ним, убедился, что он ни в чем не повинен, и это же моё мнение подтвердилось проверкой по совхозу. После этого я доложил Трушкину, что Бражникова нужно освободить, а вместо него посадить клеветника. Трушкин со мной не согласился, дело от меня отобрали, Бражникову дали очную ставку с пристрастием, и после того, как человека изуродовали (Бражников лишился дара речи), его дело снова передали мне. Я вторично поставил вопрос об освобождении Бражникова, но освободили его спустя продолжительное время.

Необоснованно был также арестован член партии Василенко.

Пред[седательству]ющий огласил показания св. Черкеса – л. д. 16, 17 т. 4-й.

На вопросы суда св[идетель] ЧЕРКЕС:

Эти свои показания подтверждаю и сейчас. Говоря о том, что нам нужно посадить 2000 чел., Карамышев сказал, что нужно сделать это сейчас, так как потом правительство может не разрешить этих арестов.

Об освобождении Бражникова я ставил вопрос перед Трушкиным, но он с моим мнением не согласился, дело от меня забрали, и в результате применения к Бражникову физического воздействия Бражников лишился дара речи.

Василенко допрашивался Гохманом, последний был известным извергом, непосредственно на следствии он не сидел, но все новые арестованные попадали к нему, и применением к ним физических методов он подготавливал их к даче признания. Сначала Гохман работал в отделе у Трушкина, а затем в 9-м отделе.

К Бражникову физические методы воздействия были применены Гохманом и Якименко. О том, что Бражникова изувечили, я доложил Побережному, а Трушкину об этом не говорил.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЧЕРКЕС:

Совещание, на котором Карамышев дал установку арестовать 2000 чел. и поменьше ходить в прокуратуру, происходило летом 1938 г. Карамышев тогда только что вернулся из Киева и говорил о необходимости очистки области в связи с предстоящей войной. Из обкома партии на оперсовещаниях обычно присутствовал секретарь обкома, но на этом его не было.

Совещание, на котором Карамышев критиковал Лившица, Мишустина и ряд других работников за извращение следствия, происходило позже.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Бражников в моём отделе пробыл максимум 2 недели, потом был передан в сельскохозяйственный отдел. Обзором дела Бражникова в этом легко убедиться.

На вопрос подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] ЧЕРКЕС:

Я не слышал, чтобы на оперативных совещаниях Трушкин прямо предупреждал против рукоприкладства к арестованным.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Василенко был арестован не мною, а сельскохозяйственным отделом с санкции Карамышева, и на первом суде Карамышев это признал.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ЧЕРКЕС:

Лично меня Гарбузов ни на что неправильное не ориентировал.

В 16.30 объявлен перерыв суд. заседания.

В 19.10 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] ФЕВРАЛЬСКАЯ Лидия Петровна, 1910 г. рожд., секретарь отдела УНКГБ, подсудимым не родственница, личных счетов с ними не имеет, по делу показала:

Я работала машинисткой по оформлению документов тройки. После заседания секретарь тройки собирал повестки у членов тройки с их отметками о решении, и по этим повесткам печатался протокол. Предписания коменданту печатались после оформления протокола, но были, однако, случаи, когда приговоры приводились в исполнение ещё до подписания протокола всеми членами тройки.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Протоколы заседания тройки Карамышев подписывал в УНКВД, а на подпись членам тройки Шейнберг вывозил их им на дом. Зачастую членами тройки протоколы подписывались уже после приведения приговоров по ним в исполнение.

Однажды в 3 часа ночи за мной на квартиру прислали машину, и, когда я приехала в УНКВД, Чайковский мне сказал, что будет работа. Спустя минут 20 он вынес от Карамышева для перепечатавания первый листок, по-моему, протокола очной ставки между Гончаровым и Трубием по вопросу поданного последним до ареста заявления о том, что Гончаров в бытность свою начальником Скадовского РО НКВД предлагал ему, Трубию, работать за границей в пользу Польши. Мне помнится, что на первый вопрос Трубий ответил, что никакого заявления на Гончарова не писал, но потом показал, что заявление им было написано с целью оклеветать Гончарова. В кабинете Карамышева в тот момент присутствовали: Карамышев, Поясов, Гончаров и Трубий. По раздававшемуся из кабинета сильному шуму можно было заключить, что Трубия там избили. После того, как отпечатала протокол, Гончаров забрал его и, что меня удивило, предупредил, чтобы об этом протоколе никому не рассказывать. На следующий день я печатала протокол заседания тройки, и в нём неожиданно для меня оказался включённым Трубий как осуждённый по 1-й категории. Предписание коменданту о приведении в исполнение решения тройки в отношении Трубия я не печатала. Это предписание мне предъявляли на предварительном следствии, и по расположению текста я считаю, что отпечатано оно не машинисткой.

Были случаи, что уже после подписания протокола составом тройки из него изымали один—два листа, так как в отношении отдельных осуждённых изменяли меру наказания, или этого осуждённого вовсе исключали из протокола.

Хорошо помню, что заседание тройки, в протокол которой был вложен Трубий, происходило дня за 3 до допроса Трубия в кабинете Карамышева. По-моему дело Трубия вообще не рассматривалось на тройке, и Трубий был расстрелян лишь по решению одного Карамышева.

В протокол Трубия я внесла по приказанию секретаря тройки Шейнберга. Предписание коменданту для приведения в исполнение решения тройки в отношении Трубия я не печатала.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Февральской — л. д. 284 т. 5).

Этого я не говорила. Наоборот, я сказала, что предписание не печатала, и что, судя по расположению текста, оно было отпечатано не машинисткой.

Гончаров — по натуре гордый, но после той ночи, когда я печатала показания Трубия, стал со мной мило раскланиваться.

Когда были приведены в исполнение приговоры по протоколу, в который внесли Трубия, — до или после оформления протокола, — не знаю.

Моё убеждение, что Трубия в кабинете Карамышева избивали, и один сотрудник мне даже сказал тогда: «Вот ему дали».

Случаи изменения первоначально вынесенных тройкой решений имели место, но делалось ли это единично Карамышевым, не могу сказать.

Протоколы заседания тройки Шейнберг диктовал мне обычно с повесток, но в ряде случаев пользовался и делами. Практиковались ли при этом дописки, т. е. включение в протоколы того, чего не было в повестках, не помню, но фраза «агитировал против соввласти» фигурировала почти в отношении каждого осуждённого.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Февральской — л. д. 288 т. 5).

Да, в таких случаях Шейнберг обычно говорил: «Допишем, что агитировал против соввласти, а то Карамышев не подпишет».

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Показания Февральской основаны либо на сплетнях, либо на предположениях. Очной ставки между Трубием и Гончаровым я не проводил, а лишь по распоряжению особоуполномоченного НКВД [УССР] допросил Трубия для уточнения отдельных моментов в связи с поданным им заявлением на Гончарова. На предварительном следствии Февральская показывала, что видела, как я применял физическое воздействие к Трубию, сегодня же говорит уже иначе. После допроса мною Трубия на него поступили новые материалы, и потому дело о нём было передано для расследования в 3-й отдел Готовцеву. Это расследование было закончено в течении 3—4-х дней, и после того Зайденберг в присутствии Готовцева доложил дело на тройку.

Ночью Февральская потребовалась по той причине, что Трубий не разбирает моего почерка, и потому написанный мною протокол допроса нужно было отпечатать. Указаний вызвать её из дому я не давал, а

просто сказал Чайковскому отпечатать протокол, так как считал, что Февральская ещё работала.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Для приведения в исполнение решений тройки коменданту нужно было лишь предписание и никаких выписок из протокола заседания тройки для этого не требовалось. Выписки, по-моему, нужны были только в тех случаях, когда осуждённые находились не в Николаеве, а в других городах, но точно по этому поводу может сказать Шейнберг.

Совещаясь на месте, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями свид[етеля] Февральской и подсуд[имого] Карамышева истребовать из УНКВД приказы НКВД СССР по работе тройки.

В 19.40 объявлен перерыв суд. заседания.

В 19.50 суд. продолжается.

Секретарь доложил, что поступили истребованные из УНКВД приказы и директивы по работе тройки.

Пред[седательству]ющий огласил выдержку из приказа НКВД УССР о том, что для приведения в исполнение решений тройки коменданту должны вручаться не только предписания, но и выписки из протокола.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Коменданту для исполнения приговоров тройки вручались предписания. Выписки из протоколов тоже печатались, но передавались ли они коменданту, не знаю.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Заявление Февральской о том, что приговоры приводились в исполнение до подписания протоколов тройки – голословно. Откуда она могла знать такие подробности, так как тот факт, что предписания могли заготавливаться до полного оформления протокола, совсем ещё не говорит за то, что приговоры сразу же после этого приводились в исполнение.

К Трубию физического воздействия я не применял, и слышать шум из моего кабинета Февральская не могла уже по одному тому, что двери его было обиты.

Единолично решений от имени тройки я не выносил и не изменял их.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Случай пересмотра решений тройки по отдельным делам имели место, но этот пересмотр производился не единолично мною, а всем составом тройки. Такие случаи имели место до подписания протокола при поступлении на осуждённых новых материалов.

Свид[етель] ШЕЙНБЕРГ Самсон Моисеевич, 35 лет⁶⁴, работник областного управления связи, до 1939 г. работал в УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, показал:

Я работал секретарём тройки. К её заседаниям оперативные отделы составляли по делам повестки, и по одному экземпляру этих повесток

⁶⁴ Так у документі. С. Шейнберг народився у 1903 р. Станом на 19 березня 1941 р. йому було повних 37 років.

получал каждый член тройки. Дела на заседания докладывались в большинстве случаев начальниками отделов, и каждый член тройки после доклада дела проставлял на своём экз[емпляре] повестки отметку о решении. После этого повестки вкладывались в дела и вместе с ними передавались мне. Повестки я группировал и с них диктовал протокол. Отпечатанный протокол давал на подпись Карамышеву, а затем секретарю обкома и прокурору. После того, как протокол был оформлен, для коменданта печаталось предписание и к нему прилагались выписки из протокола на каждого осуждённого и фотокарточки этих осуждённых. Это – основной порядок, но были и отклонения от него: в связи с установлением в последние дни работы тройки жестких сроков, по настоянию зам[естителя] нач[альника] УНКВД Поясова приговоры в отдельных случаях приводились в исполнение до оформления протоколов.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы составлялись с повесток. Могли быть случаи, что я, диктуя протокол, выправлял неграмотную фразу повестки, но никаких добавлений от себя не делал.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Диктуя протоколы, Шейнберг говорил, что по распоряжению Карамышева в отношении осуждённых по 1-й категории в протоколе нужно указывать побольше компрометирующих данных.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Первое время мы обычно сокращали содержание повесток, но потом Карамышев предложил в отношении осуждённых по 1-й категории содержание повесток вносить в протокол полностью. Вот об этом я и говорил Февральской, а отнюдь не о том, что нужно измышлять что-то.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Почти в отношении каждого осуждённого мы вписывали в протокол «агитировал против мероприятий партии и соввласти».

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Эти заученные фразы были в каждой повестке, потому я и приводил их в протоколе. От себя в протокол ничего не добавлял.

Вместе с предписанием коменданту обязательно вручались выписки из протокола, иначе он не мог бы сличить данные об осуждённых.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] ШЕЙНБЕРГА – л. д. 230 т. 5).

Здесь просто по ошибке не записано, что к предписаниям прилагались выписки из протокола.

Случаев единоличного принятия Карамышевым решений от имени тройки не знаю. Были отдельные случаи, когда после вынесения тройкой решения оперативные отделы требовали изменения меры наказания, как в сторону увеличения, так и в сторону снижения. Карамышев накладывал резолюцию, изменяющую первоначальное решение, и в этих случаях я ходил затем к секретарю обкома и прокурору для согласования этого изменения.

На заседаниях тройки я не присутствовал и протокола там не вёл. Оформлялся он спустя несколько дней после заседания, и, когда я

приносил его на подпись секретарю обкома и прокурору, они подписывали, даже не читая.

На отдельных повестках после заседаний были резолюции Карамышева «расстрелять и доследовать». Такую повестку я брал на контроль и после возвращения дела из оперативного отдела включал каждый раз с санкции Карамышева в очередной протокол уже без доклада на тройке.

На вопросы суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Резолюции «расстрелять и доследовать» я не писал, за исключением двух случаев, когда такие пометки сделал исключительно для себя, так как в ходе заседания тройки докладчик сообщил сведения, имевшие значение для оперативных отделов. Эти сведения, как, например, о пунктах переправы в Очакове, прямого отношения к рассмотренным делам не имели, последние были полностью закончены, и доследовать по предъявленному обвинению было нечего.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Дела по повесткам с такими резолюциями направлялись в оперативные отделы.

На вопросы суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Такие пометки, как я уже сказал, были сделаны мною в 2-х случаях и исключительно для себя. Эти случаи Шейнберг путает с другими пятью случаями, когда я по ходатайству оперативных отделов дал санкцию отсрочить приведение приговора в исполнение для допроса осуждённых по вновь поступившим материалам. Такие отсрочки исполнения приговоров были в практике военной коллегии и военных трибуналов.

(Оглаш[аются] повестки – л. д. 29, 30, 31 т. 9).

Отметки «доследовать» на повестках с решением о расстреле я делал лично для себя, а разрешение допрашивать осуждённых давал по рапортам оперативных отделов в связи с поступлением новых материалов.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы заседания тройки оформлены в соответствии с приказом НКВД СССР и находятся в полном порядке.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Профессора, врачи, инженеры тройке подсудными не были. Что же касается национального признака, то, по-моему, все национальности были подсудны тройке, так как они фигурировали в формах отчётных сведений о работе тройки.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Украинцы, русские, белорусы и евреи тройке не были подсудны, но на основании какого приказа, сейчас не помню.

(Оглашена выдержка из циркуляра НКВД СССР [№] 189).

По поводу этой директивы в Киеве было совещание, и на нём зачитывалось разъяснение Москвы, что дела на остальные национальности подлежат рассмотрению тройки, но не должны превышать 30 % общего количества рассматриваемых дел. Кроме того, у нас ведь были групповые дела, по которым проходили лица разных национальностей. Ни в одной директиве не говорится о неподсудности тройке учителей, агрономов, и тройка специалистами высокой квалификации их также не считала.

Арестованных после 1-го августа было осуждено тройкой 11 человек. Всё это бывшие фабриканты, кулаки и проч., проходившие по групповым делам.

В отношении Мацковского, Чернохатова и друг. в повестках было указано, что они арестованы до 1-го августа 1938 г. и, таким образом, в этом случае состав тройки просто подвели. В частности, подвёл здесь нас и Трушкин.

По ходатайству подс[удимого] КАРАМЫШЕВА ему предоставлен для обозрения циркуляр № 189.

На вопросы суда подсуд[имый] ТРУШКИН:

Меня также подвели здесь, так как я только подписал повестки на этих лиц, но их сам не составлял. Оформление ареста этих лиц производилось 30–31 июля, и тогда же была получена санкция прокурора, но сам арест произведён несколько позднее. Основываясь на дате получения санкции, составлявший повестки и указал, что обвиняемые арестованы 30–31 июля. Дело на тройке докладывал я, но его не читал, так как не имел времени.

Основанием к аресту Мацковского и других служила причастность их к к-р организации.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] ШЕЙНБЕРГА – л. д. 226 том 5.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

За Максимова и Карпенко, участвовавших в заседаниях тройки, протоколы были подписаны Старыгиным и Ланчуковским по той причине, что ни Максимов, ни Карпенко не являлись официальными членами тройки. В заготовке этих протоколов фамилии Старыгина и Ланчуковского я указал по распоряжению Карамышева и Поясова.

На вопросы суда подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Помню один случай, когда, уходя на пленум, Старыгин и Ланчуковский оставили за себя на тройке Карпенко и Максимова, а по возвращении ознакомились с рассмотренными материалами, и потому протокол подписали сами. Такое замещение разрешалось.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Свои показания подтверждаю полностью и сейчас. Имели место случаи, когда представленные к заседанию тройки повестки не соответствовали материалам дел.

После подписания протокола тройки КАРАМЫШЕВ единолично изменения решений по ней не производил. Вычёркивание из протокола осуждённого имело место в том случае, если этот осуждённый попал туда ошибочно, т. е. его нужно было включить в другой протокол, так как в то время они группировались у нас по национальностям.

В 21.25 объявлен перерыв суд. заседания.

В 21.40 суд. заседание продолжается.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Из показаний Шейнберга вытекает, что предписания коменданту выдавались вместе с выписками из протокола. Да иначе и не могло быть, так как в противном случае тюрьма не выдала бы арестованных, и это на

прошлом заседании Трибунала подтвердил бывший начальник тюрьмы Штерн.

Задержка приведения приговоров в исполнение имела место только в отдельных случаях по рапортам оперативных отделов, и это диктовалось оперативной необходимостью.

Свид[етель] КРЮКОВСКИЙ Федор Адамович, 1906 г. рождения, комендант УНКВД с 1931 г., подсудимым не родственник, с ними не в споре, по делу показал:

Был случай, когда я, обходя часов в 7 утра рабочие кабинеты, услышал шум и, войдя в один кабинет, увидел там следователя и арестованного, который стеклом резал себе живот и горло. Я вызвал дежурного коменданта, оказали арестованному первую помощь, а когда пришел Трушкин, доложил ему как начальнику отдела о случившемся.

Исполнение приговоров у нас задерживалось по ряду причин: был не приспособлен участок, а также в связи с тем, что фамилии в предписаниях зачастую не сходились с действительными фамилиями осуждённых.

На вопросы суда св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Предписание — это список на 15–20 чел. В нём указывалась фамилия, имя, отчество и год рождения осуждённого. Кроме предписания, ничего не получал, и оно одно служило основанием для исполнения приговоров.

Свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Крюковский не помнит, помимо предписаний, он получал выписки и фотокарточки.

На вопросы суда св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Да, вспомнил: на каждого осуждённого имелась выписка и фотокарточка, но если фамилия или другие данные не сходились, осуждённые из тюрьмы всё же не брались. В выписках указывалась фамилия, имя, отчество и год рождения и, как будто, краткое содержание обвинения. Выписки и фотокарточки давались мне к предписанию в том случае, если мне приходилось исполнять приговоры не в Николаеве, а в других городах. По Николаеву же иных документов, кроме предписания мне не давали.

По-моему, с приказом по части порядка приведения в исполнение приговоров по тройке я не ознакомился.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Крюковский забыл: мы даже каждый раз подсчитывали вместе, чтобы количество выписок и фотокарточек соответствовало числу осуждённых в предписании. Это могут подтвердить Зильберминц и все другие работники, а также и архивные материалы. Они, т. е. выписки и фотокарточки, должны иметься в 1-ом спецотделе, но я не знаю, как они подшиты — вместе ли с предписаниями или отдельно от них.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] КРЮКОВСКОГО — л. д. 259–260 т. 5.

На вопросы суда св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

По Николаеву в последнее время никаких документов, кроме предписаний, я не получал и все отметки делал на предписаниях. Как было вначале, не помню. Были случаи, что уже после получения предписания мне

могли позвонить и сказать, чтобы над тем или иным осуждённым приведение приговора в исполнение задержать. На какой срок отсрочивалось исполнение приговора, сказать не могу, и давал ли лично Карамышев такие указания, не помню.

Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Крюковского – л. д. 261–263 т. 5).

Помню, что против фамилий осуждённых, исполнение приговоров в отношении которых отсрочивалось, на предписаниях делались отметки птичками. Сам ли Шейнберг делал это или по распоряжению Карамышева, не знаю.

Расстрел в Кировограде 2-х лиц, осуждённых к лишению свободы, произошёл, как я потом уточнил, не при Карамышеве, а в бытность Фишера. Указание приводить в исполнение приговоры при наличии расхождений в анкетных данных также относится к Фишеру, а не в Карамышеву, и это было установлено на первом суд. заседании.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Отметки птичками о приостановлении исполнения приговоров я делал на основании распоряжения Карамышева по рапортам оперативных отделов.

Расстрел в Кировограде 2-х осуждённых к лишению свободы произведён по вине быв[шего] нач[альника] 1 спецотдела в бытность Фишера.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

При ком была введена система фотографирования арестованных, вспомнить не могу, но утверждаю, что она существовала.

Арестованных из тюрьмы я получал только на основании одного предписания, а выписки из протоколов, по-моему, посылались непосредственно в тюрьму.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

В тюрьму на осуждённых к ВМН выписки никогда не посылались.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Мою работу по исполнению приговоров никто не проверял, а в проверке осуждённых по документам действительно принимали участие Шейхман, Чайковский. Извращений в приведении приговоров в исполнение, по-моему, не было.

Пред[седательствующий] огласил показ[ания] св[идетеля] Штерна – л. д. 197–198 т. 12.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

На прошлом судебном заседании Штерн в порядке уточнений заявил, что выдача арестованных коменданту производилась тюрьмой по выпискам из протоколов.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

Для получения осуждённых начальнику тюрьмы писалось специальное отношение, в котором указывались фамилия, имя, отчество и общий итог подлежащих выдаче осуждённых. Ни о каком приложении к этому отношению в нём не упоминалось.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Из Киева приезжала в Николаев специальная комиссия, которая проводила проверку по протоколам тройки, предписаниям и актам. Никаких нарушений комиссии не установила.

Я ещё раз заявляю, что Крюковский для исполнения решений тройки получал предписания, выписки и фотокарточки.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Случая, чтобы в кабинете лежал арестованный с заклеенными бумагой порезами ног, а уборщица вытирала бы кровь, не было, иначе я знал бы об этом.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Митрофанов работал дежурным пом[ощником] коменданта и подчинялся непосредственно коменданту. Выполнение распоряжения следователя в части избития арестованных зависело лично от него.

В 23 ч. 10 м. объявлен перерыв суд. заседания до 9 ч. 20 марта 1941 г.

20 марта 1941 г. в 10 ч. 20 м. суд. заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии свидетелей: СУЛИНОЙ, ГОТОВЦЕВА, ЗАЙДЕНБЕРГА, ПОЯСОВА, ШОРА, ГОНЧАРОВА, БЕЛОВА, АЛЬБРЕХТА, КИРЕЕВА, КОЗАЧУКА.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности этих свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в отдельную комнату.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Я прошу учесть утверждение св[идетеля] Шейнберга о том, что предписания заготавливались вместе с выписками из протоколов и одновременно вручались коменданту. Комиссия из Киева, обследовавшая работу тройки в этой части, также пришла к заключению, что никаких нарушений директив допущено не было.

В связи с затронутым вопросом о рассмотрении тройкой якобы не подсудных ей дел, я прошу дать мне возможность ознакомиться со всеми приказами по работе тройки, так как по истечении 3 лет я их уже не помню, и сослаться на них не могу.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Имея в виду, что директивы по работе тройки в части инкриминируемых подсудимому Карамышеву моментов ему были предоставлены для обозрения, в ходатайстве о предоставлении всех директив отказать.

Подсуд[имый] ГАРБУЗОВ:

Я прошу вызвать в качестве свидетелей быв[ших] работников УНКВД Лигермана и Радионова в опровержение показаний Афанасьева о нанесении ему мною удара на заводе.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В ходатайстве подсуд[имого] ГАРБУЗОВА в вызове в качестве свидетелей Лигермана и Радионова отказать, ввиду наличия в деле достаточных материалов по этому вопросу.

Свид[етель] СУЛИНА Наталия Ильинишна, 1908 г. рождения, делопроизводитель-машинистка УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственница, с ними не спорила, по делу показала:

С 10 декабря 1937 г. по 15 января 1938 г. меня привлекли к работе по печатанию материалов заседаний тройки, а потом этот срок продлили.

Печатала я, в основном, выписки из протоколов заседаний тройки, и эти выписки рассылались на районы для сведения.

На вопросы суда св[идетель] СУЛИНА:

Протоколы заседаний тройки мне приходилось печатать редко. Печатала я их под диктовку Шейнберга, Чернобыльского, Богуславского, а иногда и сама, когда они отлучались. Я печатала их с проекта протокола – документа без заголовка и подписи, на котором было поставлено решение тройки. В показания обвиняемых при печатании протокола заглядывала иногда для себя.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Сулиной – л. д. 275 т. 5).

Да, приблизительно так составляла протоколы, и мои показания следователь записал правильно. Основным при составлении протоколов являлись справки, но в них могло быть написано лишнее или наоборот.

Имели место случаи, когда уже после заседаний тройки вынесенные ею решения изменялись в связи с тем, что менялись данные о социальном] положении осуждённых.

Были также случаи, что Шейнберг и Лигерман уже после решения тройки пересматривали рассмотренные ею дела, сличали их с повестками. Случалось, что данные повесток не сходились с материалами дела, и такие дела вторично пересматривались тройкой, а иногда возвращались в отделы на доследование. Было это и при Фишере, и при Карамышеве.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] СУЛИНА:

Справки, с которых печатался протокол, присылались из района. После рассмотрения дел тройкой на справках проставлялись резолюции «Р», «10 лет», без подписи.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Справки, по которым рассматривались тройкой дела и с которых печатались протоколы, существовали до меня в бытность Фишера. При мне были только повестки, и свою отметку о решении я обязательно подписывал.

При возникновении у меня сомнений я действительно давал указание перепроверить дела уже после вынесения по ним тройкой решений, и в случае обнаружения неправильности, такие дела пересматривались тройкой. Считаю, что здесь – не преступление, а моя заслуга.

Свид[етель] САМОЙЛЕНКО Андрей Вениаминович, 1913 г. рождения, начальник I[-го] спецотдела УНКВД, член ВКП(б), с подсудимыми не спорил, с ними не в родстве, по делу показал:

Для рассмотрения на тройке к каждому делу составлялись повестки. Дела на тройке докладывались начальниками отделов, а в их отсутствие – начальниками отделений. После заседания дела для оформления протокола передавались в штаб, и затем решения тройки приводились в исполнение.

На вопросы суда св[идетель] САМОЙЛЕНКО:

Решения на повестках проставлялись каждым членом тройки, но протоколы печатались с повесток председательствующего, они брались в

основу. До или после оформления протокола приводились в исполнение приговоры, не знаю. Как долго оформлялись протоколы и как подписывались, мне также неизвестно.

(Оглаш[ены] показ[ания] св[идетеля] САМОЙЛЕНКО — л. д. 92 т. 6).

О том, что предписания печатались до оформления протокола, мне известно со слов Шейнберга.

Групповое дело на Стародубцева и других сначала готовилось на военный трибунал, затем — на особое совещание, а потом — снова на трибунал. Гарбузов говорил, что это дело не пройдет и что обвиняемых нужно освободить, но Трушкин не соглашался. Это же своё мнение Гарбузов в моём присутствии высказал и Юрченко. Вообще, как большевик и чекист Гарбузов проявлял себя с положительной стороны.

По служебной линии непосредственно с подсудимыми я не соприкасался.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] САМОЙЛЕНКО:

Все дела тройки оформлены в соответствии с приказом НКВД СССР и находятся в порядке. В 1939 г. здесь была комиссия из Киева, проверяла их и дефектов не обнаружила.

Свид[етель] ГОТОВЦЕВ Леонид Трофимович, 1903 г. рождения, зам[еститель] нач[альника] УНКГБ по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Дело Трубия в 3-й отдел поступило в сентябре 1938 г., после приказа № 0606. До того же оно был направлено в Москву на Особое совещание. Трубий обвинялся в шпионаже, и Поясов предложил мне передопросить его. При передопросе Трубий от признания в шпионаже отказался и заявил, что оговорил себя. К этому времени из Киева были присланы материалы агента иноразведки Гергалю, уличавшие Трубия, а от сокамерников Трубия поступило заявление, что он ведёт в камере антисоветские разговоры. Заявители были допрошены, я доложил все материалы Поясову, и тот, просмотрев с прокурором дело, дал распоряжение направить его на тройку.

Поручая мне допрос Трубия, Поясов сказал, что Трубий написал заявление о том, что Гончаров якобы предлагал ему работать на закордон. При этом Поясов предупредил, чтобы по вопросу заявления Трубия не допрашивать, так как он сам ведёт расследование.

По возвращении из Киева Карамышев информировал аппарат, что в органах суда и прокуратуры вскрыта к-р организация, и связи с этим нужно пересмотреть наши материалы и сконцентрировать их у одного Побережного.

Передаваемые на тройку дела предварительно просматривались Поясовым и зам[естителем] обл[астного] прокурора. Докладывались они тройке по повесткам, кратко, сжато. Состав тройки обменивался мнением, и каждый член тройки на своем экз. повестки писал меру наказания, после чего дела сдавались секретарю тройки.

На вопросы суда св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Дело Трубия поступило из Москвы в числе 400 дел, которые предлагалось рассмотреть на тройке.

Показания Трубия были путанные, потому Поясов дал распоряжение передопросить его. При этом предупредил, чтобы по вопросу заявления о Гончарове Трубия не допрашивать, так как все эти материалы находятся у него по линии особоуполномоченного. Потом уже при окончании дела Поясов дал мне для приобщения к делу протокол допроса Трубия, произведенного им совместно с Карамышевым, и сказал, что от заявления на Гончарова Трубий отказался.

Поступившие из Киева показания Гергало о принадлежности Трубия к к-р организации были приобщены к делу, и Трубий по ним мною допрашивался. Сам Гергало к тому времени уже был осуждён Военной коллегией.

Дело на Трубия было доложено на тройке Зайденбергом в моём присутствии. При рассмотрении дел на тройке имели место комментарии со стороны Карамышева. В зависимости от доложенных материалов он мог сказать в отношении⁶⁵ обвиняемого: «Это — сволочь», но комментировался ли на тройке Трубий, не помню.

В частном порядке Трубий мне говорил, что Гончаров спрашивал, есть ли у него родственники в Польше, и не поехал ли бы он туда работать. Трубий это предложение Гончарова посчитал как сделанное ему в антисоветских целях и потому написал заявление.

Относительно Карамышева и Гончарова мне известно, что они знали друг друга ещё по школе.

На вопросы суда св[идетель] ФЕВРАЛЬСКАЯ:

В протокол тройки я внесла Трубия на следующий же день после его допроса в кабинете Карамышева. Этот протокол был начат до допроса Трубия, и мне точно известно, что ни в день допроса, ни за день до того тройка не заседала.

После того, как Трубий прошёл по протоколу, я специально говорила по этому вопросу с Гарбузовым как с секретарём парторганизации.

Подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Об этом Февральская мне рассказала спустя год. Я тогда же говорил по этому вопросу с Юрченко. Тот мне сказал, чтобы я лично ничего не предпринимал, так как данным вопросом уже занимаются.

На вопросы суда св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Я участвовал в проведении очных ставок между Трубием и двумя свидетелями, подавшими заявления о его к-р разговорах в камере. Через сколько дней после этих очных ставок дело было доложено на тройке, не помню.

(Пред[седательствую]щий удостоверил, что дело Трубия значится рассмотренным на тройке в день проведения очных ставок между Трубием и свидетелями по делу).

Возможно, так было и по другим делам.

О том, что Трубий — бывший секретный сотрудник, мне было известно.

⁶⁵ У документі — по отношению.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Я помню, как на одном совещании Карамышев обрушился с резкой критикой на работников, записывавших показания без критического подхода к ним. По предложению Карамышева проводилось расследование по вопросу извращений в следствии, допущенных начальником Ново-Пражского РО НКВД⁶⁶. Последний за это был арестован и отдан под суд. Тоже было и с Даровым.

На вопросы подсуд[имого] ТРУШКИНА св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Дело Даннекера было передано во 2-й отдел по предложению Поясова и Карамышева как имеющее связь с арестованным 2-го отдела.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Из Москвы было возвращено до 400 дел с предложением рассмотреть их на тройке. По этим делам проходили обвиняемые, принадлежавшие к разным национальностям.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Гарбузов неоднократно ставил вопрос, что материалы агента «Герда» сомнительны и требуют проверки. В связи с этим и была проведена оперативная комбинация по подслушиванию.

Свид[етель] ЗАЙДЕНБЕРГ Семён Ефимович, 1907 г. рождения, зам[еститель] нач[альника] 3 отдела УНКГБ по Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Трубий на допросе в районе дал признание в шпионаже, но после возвращения дела из Москвы на допросе у Готовцева от своих показаний отказался. Потом на него поступили материалы о том, что он проводит в камере антисоветские разговоры, и для изобличения его в этом ему были даны очные ставки с сокамерниками. Свидетели на очной ставке подтверждали свои показания, а Трубий отрицал их. Повестку к заседанию тройки по делу Трубия подписал я, возможно, я же и докладывал дело, но не помню.

Как-то Зельцман делился со мной, что не находит у арестованных Левицкого и ещё одного состава преступления, считает, что их нужно освободить, но Трушкин задерживает это.

На вопросы суда св[идетель] ЗАЙДЕНБЕРГ:

Обвинительное заключение по делу Трубия составлял я. Было ли это в день очных ставок или после, не помню. Докладывал дело на тройку я в тот же или на следующий день. Насколько помню, очные ставки Трубия были даны вечером.

По словам Зельцмана, Трушкин не то что не хотел освобождать Левицкого, а задерживал освобождение.

На вопросы подсуд[имого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЗАЙДЕНБЕРГ:

Мне запомнилось 3 случая, когда Карамышев на оперативных совещаниях критиковал работников, фальсифицировавших материалы следствия. В одном случае это касалось работников водного отдела, зафиксировавших протокол, по которому проходило 76 шпионов. В двух остальных случаях это касалось начальников райотделений Дарова и

⁶⁶ Мався на увазі Ю. Гавриленко, заарештований 7 грудня 1938 р.

Лившица, которые потом были преданы суду. Карамышев требовал от следователей, чтобы в протоколах были не голые фамилии, а подробные данные о практической работе.

Из Москвы для рассмотрения на тройке было прислано 300–400 дел.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] ЗАЙДЕНБЕРГ:

Воронина я знаю с 1932 г. как растущего работника. На оперативную работу он был выдвинут из гаража, и отзывы о нём как о работнике, так и о коммунисте были положительные.

На вопросы подсуд[имого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ЗАЙДЕНБЕРГ:

Ещё до постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. Гарбузов в результате просмотра поступавших с периферии дел установил фальсификацию в ряде случаев, и при выездах в районы сам освобождал арестованных. В этом направлении он проделал большую работу.

Как о коммунисте о нём было исключительно хорошее мнение, и разговоров или сигналов о применении им извращённых методов в следствии не было.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребовать из УНКВД протоколы заседаний тройки, коими были осуждены Трубий, Бабаев и другие, Барсуков и другие, а также предписания коменданту на проведение приговоров в исполнение и акты об исполнении приговоров.

Свид[етель] ПОЯСОВ Аким Филиппович, 1891 г. рождения, быв[ший] зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Николаевской области, ныне директор бондарного завода в Ярославской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Однажды ночью я услышал шум в одном из кабинетов и, войдя туда, увидел, что гостивший у Карамышева работник наших органов бьёт арестованного. Я предложил прекратить избиение, но этот работник меня не послушал, и потому мне пришлось обратиться к Карамышеву. Тот этого работника забрал к себе в кабинет.

Трубий после ареста подал заявление о том, что Гончаров в бытность нач[альником] Скадовского РО НКВД вербовал его для работы в Польшу. Будучи в Херсоне, я беседовал с Трубием и по возвращении доложил об этом Карамышеву. Тот предложил вызвать Трубия в Николаев, и здесь я допросил его. Трубий подтвердил своё заявление о том, что Гончаров вербовал его для работы в Польше против СССР, и я предложил ему дать письменные показания об этом. Он это сделал, но его показания были не совсем точны, и потому Карамышев решил сам допросить его. Будучи вызванным в кабинет к Карамышеву, Трубий в присутствии Гончарова заявил, что он оговорил последнего, и отказался от своих предыдущих показаний. Протокол его допроса отпечатали на машинке и послали Особуполномоченному НКВД УССР, а дело было передано Готовцеву. Спустя дня три оно поступило на тройку, и ею было рассмотрено.

Могу сказать ещё и о том, что по возвращении из Киева Карамышев на оперативном совещании заявил, что нужно присмотреться к судебным работникам и прошупать, нет ли среди них врагов.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

Показания на предварительном следствии я давал правдивые и, по-моему, они были записаны правильно.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Поясова — л. д. 17 т. 6).

Нач[альник] райотделения НКВД имел право разговаривать с Трубием по вопросу выяснения возможности использования его на закордонной работе.

Копии [протокола] допроса Трубия по его заявлению на Гончарова и копии этих заявлений я хранил у себя по распоряжению Карамышева, переданному мне Чайковским.

Когда на заводе № 200 произошёл пожар, я по поручению Карамышева выехал туда с несколькими работниками для проведения следствия, но, на второй день меня отозвали, сообщив, что совершившие диверсионный акт установлены. Как потом развивалось следствие по этому делу, я не знаю. Мне только известно, что из Киева в связи с этим приезжал работник, а в Москву была дана телеграмма об установлении виновных. Был арестован также главный инженер Бабенко, но потом Карамышев предложил его освободить и предварительно извиниться, так как, по его словам, Бабенко уже успели «заехать».

Мне помнится, что Карамышев был настроен передать дело о поджоге в Военный трибунал, но Трушкин предлагал передать туда только организаторов поджога, а второстепенных участников пропустить по тройке. В итоге так и было сделано, и 3 человека — Барсуков, Чернохатов и Мацковский были осуждены по 1-й категории, а первостепенные участники Военным трибуналом оправданы. Я лично дело о поджоге в то время считал верным, но не видел никакой необходимости выделять 3-х человек на тройку. По-моему, их всех нужно было передать в Военный трибунал.

Если эти лица были арестованы после 1 августа, тройка рассматривать дело не имела право, и почему всё же Трушкин направил дело на тройку, затрудняюсь сказать.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Справки на арест Мацковского, Барсукова и Чернохатова были составлены до пожара на заводе, но арестовали их позже. Отсутствие даты на справке — это упущение работника, составлявшего её.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

Карамышев мне сказал, что Бабенко нанесли удар по лицу и за это перед ним при освобождении нужно извиниться. Кто нанёс удар, не знаю.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Такой случай был: мне сказали, что во время ареста Бабенко ему Лигерман нанёс удар по лицу. Наложил ли я за это взыскание на Лигермана, не помню.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

С Трушкиным о мотивах выделения им 3-х человек и дела по заводу для пропуска на тройку я не говорил.

(Оглаш[аются] показ[ания] свид[етеля] Поясова — л. д. 138, т. 6).

Не помню. Возможно, и было это.

Как-то я присутствовал на оперативном совещании отдела, и ТРУШКИН на нем ставил вопрос о том, что следствие по делам ведётся

медленно, один из присутствовавших работников выступил и сказал Трушкину: «Вам же докладываешь, что нужно освободить, а вы не соглашаетесь». После этого совещания я собрал всех работников отдела и предложил им, чтобы в случае если Трушкин и впредь будет так реагировать на дела, докладывать об этом мне.

Увидев⁶⁷, что гостивший у Карамышева комендант бьёт арестованного, я приказал ему прекратить избивание, но он меня не послушал. Тогда я пошел к Карамышеву, и тот забрал коменданта к себе.

Установку производить аресты без санкции прокурора Карамышев не давал.

(Оглашены показания свидетеля Поясова – л. д. 140, т. 60).

Да, в основном, это было так, но слова Карамышева касались не вообще прокуратуры, а отдельных работников. Он сказал: «Если отдельные прокуроры мешают нам в работе, буду разрешать аресты без санкции районного прокурора».

На предварительном следствии я просил внести эту поправку в протокол, и мне обещали.

По лётной школе аресты были произведены без достаточных материалов, и несколько человек из арестованных я сам освободил.

Санкцию на арест Пени у меня просил нач[альник] водного отдела Петров. Считая материалы для ареста недостаточными, санкции я не дал. Но Петров всё же получил её у Карамышева. Впоследствии Пеня прокуратурой был освобождён.

О деле Василенко сейчас я ничего не помню.

В 13.00 объявлен перерыв суд. заседания.

В 14.00 судебное заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ПОЯСОВ:

На сигналы об извращениях в оперативно-следственной работе Карамышев реагировал жёстко, по-партийному. Когда из 2-го отдела доложили, что с делами у начальника РО НКВД Лившица не всё чисто, что он всё время кричит о врагах народа в районе и требует арестов, я с Карамышевым проверили его дела. Они были оформлены должным образом. Но всё же вызывали сомнения. В связи с этим стали передопрашивать арестованных, в результате установили фальсификацию со стороны Лившица, и Карамышев потребовал предания его суду. Между прочим, Лившиц жаловался Назаренко – работнику Наркомата на то, что Карамышев связывает ему руки по части ареста. Фальсификация в следствии была установлена и со стороны Лавриненко, за что Карамышев арестовал его.

Карамышев спустил на места директиву, запрещающую допрашивать в качестве свидетелей агентуру, а также производить аресты без санкции прокуратуры.

Для руководства следствием по делу завода из Наркомата УССР приехала специальная бригада.

⁶⁷ У документі помилково – увидя.

Оперсовещания у нас проводились нечасто, примерно раз в месяц. На двух из этих оперсовещаний присутствовал секретарь обкома партии. Установки Карамышева на оперсовещаниях были правильны, и нарушенный партиями в этих вопросах за ним я не замечал.

Ещё до решения ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. у нас при Карамышеве проводилась большая работа по исправлению допущенных ошибок, мы разгрузились от арестованных и по сравнению с другими областями имели незначительное число подследственных. Примерно до 150 чел.

Работа УНКВД была обследована комиссией во главе с зам[естителем] наркома т. Горлинским. Комиссия установила отдельные ошибки, но об извращениях не было и речи.

Областные руководители о Карамышеве были неплохого мнения. Он выступал на массовых рабочих собраниях, участвовал в печати.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Отдел печати ЦК партии одобрительно отзывался о моём участии в печати и даже предложил написанное мною издать отдельной брошюрой.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ПОЯСОВ:

Случаев единоличного вынесения Карамышевым решений от имени тройки я не знаю.

Перед направлением на тройку все дела просматривались прокурором.

Пеня до ареста был исключён из партии, но всё же с его арестом я согласен не был и в кабинете Карамышева говорил, что материалы нужно предварительно проверить.

Случая, чтобы Карамышев ориентировал аппарат на арест 2000 чел., не было.

На вопросы суда св[идетель] ПОЯСОВ:

К работе в Николаеве я приступил в мае мес. 1938 г.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ПОЯСОВ:

На основании каких материалов был арестован Бабенко, и имел ли отношение к его аресту Трушкин, я не знаю.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

К аресту Бабенко ни я лично, ни мой отдел никакого отношения не имели.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ПОЯСОВ:

Мне помнится, что дело по заводу Карамышев предлагал передать в Военный трибунал, а Трушкин настаивал, чтобы часть обвиняемых пропустить по тройке. Кто дал распоряжение направить это дело на тройку, я не знаю, и было ли подписано мною постановление об этом, не помню.

С обвиняемым Фоминым я не беседовал. Мне известно, что следствием по делу о пожаре на заводе вначале руководил Злобинский, специально прибывший для этого из Киева, но какой контакт был у него с Трушкиным по этому делу, не знаю. Лично я в дело о пожаре на заводе в тот период верил.

В отношении Ионаса было сообщение, что, будучи в армии, он выдал там в пищу негодные консервы. Все остальное, что ему инкриминировалось, отпало, и Ионаса нужно было освободить, однако Трушкин говорил, что за одну выдачу негодных консервов его нужно судить.

На арест Онищенко материал был представлен Побережным. Он же дал материал на арест Василенко. В тот период Побережный находился в подчинении Трушкина.

Фактов, которые бы говорили о применении в отделе Трушкина физического воздействия к арестованным, у меня не было. Когда Шор ударил арестованного, то вопрос об этом Трушкин вынес на оперативное собрание и говорил там об этом.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ПОЯСОВ:

Деревянченко и проходившие с ним по делу лица при освобождении заявили в кабинете Юрченко, что претензий к Гарбузову не имеют.

Гарбузов занимался просмотром дел, поступавших в УНКВД из районов. Он же заявил мне о безобразиях в следственной работе Лившица, и по его сигналам там была вскрыта фальсификация дел.

По возвращении из командировки Гарбузов доложил о фальсификации следственных дел Даровым, и о том, что самостоятельно освободил ряд арестованных, арест которых считал необоснованным.

Гарбузов был командирован для разгрузки дел в Ново-Троицкий район и там также освободил многих арестованных. Он же жаловался мне, что Трушкин не хочет освобождать Мельвина и Левицкого, и высказывал мнение, что держать их под стражей никакой необходимости нет.

На вопросы подсуд[имого] ВОРОНИНА св[идетель] ПОЯСОВ:

Сигналов о применении Ворониным физических методов к арестованным я не получал.

На вопросы суда св[идетель] ГОТОВЦЕВ:

Трубия я передопрашивал по поручению Поясова только в части его показаний о шпионаже. О заявлении на Гончарова и о допросе по этому заявлению Трубий мне рассказал в частной беседе. Копию этого допроса я получил от Поясова лишь в конце окончательного оформления дела Трубия. По вопросу заявления на Гончарова Трубий допрашивался в октябре мес., ко мне же дело поступило в ноябре.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Трубий был допрошен мною по поданному им заявлению на Гончарова, и после этого дело было передано Готовцеву для расследования по части антисоветских высказываний в камере.

В 15.15 объявлен перерыв суд. заседания.

В 15.40 суд. заседание продолжается.

Секретарь доложил о том, что поступили истребованные согласно определению ВТ протоколы заседаний тройки 26.IX, 26.X. и 5.XI.1938 г., а также предписания коменданту и акты об исполнении приговоров.

ВТ, обозрев документы о приведении в исполнение приговоров в бытность начальником УНКВД Карамышева, удостоверил, что приговоры исполнялись лишь на основании предписания коменданту за подписью Карамышева или его заместителя Поясова с составлением акта об этом; что предписание на приведение в исполнение приговора над осуждённым Трубием было направлено коменданту и начальнику тюрьмы, и приговор приведён в исполнение 15 ноября 1938 г.

Свид[етель] ШОР Сысой Абрамович, 1906 г. рождения, подсуд[имым] не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Вскоре после того, как я приступил к исполнению обязанностей начальника Скадовского РО НКВД, туда из области прибыло распоряжение арестовать Трубия и направить в Херсонскую межопергруппу. Мною это распоряжение было выполнено. Спустя некоторое время, будучи в Херсоне, я зашел к следователю Тустановскому. Он в тот момент допрашивал Трубия, и последний передал мне заявление, в котором указывал, что бывший нач[альник] Скадовского РО НКВД Гончаров вербовал его для шпионской работы. При этом он сказал, что аналогичное заявление за 5 дней до своего ареста направил в НКВД УССР. И действительно, спустя некоторое время это ранее направленное им заявление поступило в РО НКВД, откуда я переслал его в область. Непосредственно же полученное от Трубия заявление я вручил Поясову.

На вопросы суда св[идетель] ШОР:

Буров был арестован также по распоряжению области. Всего за несколько дней до того он был освобожден из-под стражи и, получив распоряжение снова арестовать его, я звонил во 2-й отдел УНКВД и говорил, что материала на Бурова у меня нет, однако откуда мне всё же предложили арестовать Бурова.

Трубий был арестован по официальному распоряжению УНКВД. Гончаров в этот момент работал уже в Николаеве помощником начальника УНКВД.

Когда заявление Трубия я передал Поясову, последний разговаривал с Трубием, предупреждал его против клеветы, однако Трубий написанное в заявлении подтверждал. По поводу заявления Трубия меня в УНКВД не вызывали и не разговаривали со мной.

На вопросы суда св[идетель] ПОЯСОВ:

С Трубием в Херсоне я разговаривал в присутствии Шора, не кричал и не угрожал. В своем заявлении Трубий прямо не указывал, для какой цели вербовал его Гончаров, и на мой вопрос сказал, что об этом Гончаров ему также прямо не говорил. Сам же Трубий считал, что это была попытка его вербовки для шпионской работы в пользу Польши.

Все материалы по вопросу заявления Трубия были направлены особоуполномоченному НКВД УССР. У меня хранились лишь копии этих материалов, я о них забыл и только по этой причине не доложил о них Юрченко, когда он пришел на работу в УНКВД.

На вопросы суда свид[етель] ШОР:

Лично я Трубия как секретного сотрудника не знал и только по материалам дела-формуляра могу судить, что ценности, как источник, он не представлял. Это дело-формуляр было затребовано в УНКВД, но до меня или при мне, не помню.

Кем было подписано распоряжение, поступившее из области об аресте Трубия, не помню.

Анкету на Трубия после его ареста заполнял я. Когда это было, также не помню, но, возможно, что спустя известное время после ареста, в период моего пребывания в Херсоне.

Допрашивавший Трубия в Херсоне Густановский физических методов, по-моему, к нему не применял, так как Трубий на это мне не жаловался.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

В первые дни моей работы в УНКВД Шейнберг мне заявил, что у него имеются дела на осуждённых тройкой, причём эти осуждённые социально-близкие нам люди. Просмотр дел убедил меня, что материалы на осуждённых были жиденькие, я поговорил с Карамышевым, и в результате 150–200 чел. были освобождены. Оформлялось ли это освобождение по тройке, не знаю.

На вопросы суда свид[етель] ШЕЙНБЕРГ:

Эти дела на тройке доложил я, и тройка во изменение своего перво-го решения вынесла второе – об освобождении до 200 человек. О том, что эти дела нужно пересмотреть, мне никто не говорил, это была моя инициатива.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

Да, инициатива в этом была Шейнберга. Первоначально эти лица были осуждены неверно, по жиденьким материалам.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Были ли эти лица осуждены при мне, не могу сказать. Помню только, что они проходили по делам, поступившим из районов. Когда Поясов сказал мне, что с частью рассмотренных тройкой дел неблагополучно, я дал распоряжение пересмотреть дела, и потом тройка освободила проходивших по ним лиц. Возможно, что по протоколу, по которому первоначально прошли эти лица, были и осуждённые к ВМН.

Согласно приказу наркомата, дела, поступавшие из районов, доклады-вались на тройке начальниками межрайоперследгрупп и предварительно в УНКВД не проверялись, но после того, как я установил факты фальсификации в этих делах, мною, вопреки приказу, был изменён существовавший порядок и введён просмотр этих дел в УНКВД.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА свид[етель] ШОР:

Помню, что на арест Трубия из области была прислана справка.

Свид[етель] ГОНЧАРОВ Григорий Львович, 1900 г. рождения, нач[альник] отдела инкассации, до 1939 г. работал в органах НКВД, откуда уво-лен с мотивировкой «за невозможностью использования», член ВКП(б), подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Подсудимого Карамышева я знаю с 1932 г., мы вместе была на курсах в Одессе.

До 1938 г. я работал в Скадовске, и у меня на связи находился наш агент – директор школы Трубий. В 1938 г. меня назначили пом[ощником] нач[альника] УНКВД по Николаевской области и, уезжая в Николаев, я передал Трубия на связь Шору. Вскоре Трубий был арестован, и после того, во время замещения Карамышева, ко мне поступило заявление Трубия, в котором он сообщал о моей вербовке его в какую-то разведку. Это заявление я распорядился переслать в Херсон, где в то время Трубий содержался под стражей. Спустя дня 3 меня вызвал Карамышев и с серьёзным видом стал расспрашивать о Трубие. Я дал исчерпывающие ответы

и прямо сказал, что о заявлении, поданном Трубием, мне уже известно. Со своей стороны Карамышева не расспрашивал, так как считал это не тактичным. Через некоторое время я вновь был вызван к Карамышеву и по приходе к нему застал там Поясова и Трубия. Трубий там заявил, что его заявление на меня – ложное и что он оговорил меня по требованию Шора, заставившего его написать такое заявление. Своё присутствие в этот момент в кабинете Карамышева я рассматривал как очную ставку, а оказалось, что это был просто допрос Трубия. Спустя несколько месяцев вопрос о заявлении Трубия возник на партийном собрании. Волошин стал обвинять Поясова в сокрытии им заявления с целью покрытия меня, но в итоге было установлено, что у Поясова находились только копии материалов, а подлинники в своё время сразу же были направлены особоуполномоченному НКВД УССР.

На вопросы суда св[идетель] ГОНЧАРОВ:

Трубия допрашивали Карамышев и Поясов в моём присутствии, и он им заявил, что заявление на меня его понудил написать Шор. До того я перед Трушкиным и Карамышевым ставил вопрос о том, что у Шора с делами не всё в порядке, не всё чисто.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Я не помню, чтобы на допросе Трубий заявил, что к подаче заявления на Гончарова его понудил Шор, иначе это обязательно было бы зафиксировано в протоколе допроса.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

Я также не помню, чтобы Трубий говорил о понуждении его Шором писать заявление. Если бы он так сказал, это обязательно было бы помещено в протокол.

В Херсоне заявление Трубия мне передал Шор.

На вопросы суда св[идетель] ШОР:

Заявление на Гончарова Трубий мне передал, будучи уже арестованным, и не наедине, а в присутствии Тустановского. Кроме того, аналогичное заявление он, по его словам, послал в Наркомат за 5 дней до ареста.

На вопросы суда свид[етель] ПОЯСОВ:

Мне Трубий говорил иначе, а именно: первое заявление на имя Карамышева он передал жене для отправки в область, будучи уже арестованным.

На вопросы суда св[идетель] ГОНЧАРОВ:

Содержание протокола допроса Трубия, произведённого в кабинете Карамышева, мне неизвестно, и машинистку для перепечатывания этого протокола я не вызывал.

После того, как Трубия увели, я высказал возмущение Поясову тем, что на меня, пом[ощника] нач[альника] УНКВД, принимают заявление и со мной по этом поводу ничего не говорят.

Зачитывали ли Трубию протокол его допроса в кабинете Карамышева, не помню. Также не помню твёрдо, кто – я или Трубий – вышел из кабинета первым.

Я всё время полагал, что в кабинете Карамышева между мной и Трубием происходила очная ставка, так как в противном случае я не

должен был там находиться. То обстоятельство, что я не подписывал там протокола, не заставило меня думать иначе, так как считал, что начальник Управления может какими угодно путями выяснить интересующие его вопросы.

В 16.10 объявлен перерыв суд. заседания.

В 19.00 суд. заседание продолжается.

Подсуд[имый] ТРУШКИН:

Я со всей откровенностью заявляю суду, что ни мне, ни работникам моего отдела не было известно, что дела арестованных после 1-го августа не подлежали рассмотрению тройке.

Я прошу обзреть по делу поджога на заводе № 200 постановления 2-го отдела на арест Чернохотова, Барсукова, Мацковского, и суд убедится, что они были вынесены 30–31 июля.

Прошу также обзреть анкеты этих арестованных и протоколы обыска. Это также подтвердит, что никакой фальсификации в делах там нет, и эти документы датированы днём фактического ареста.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая, что в распоряжении Трибунала имеется подлинное следственное дело по обвинению Барсукова и других, в ходатайстве подс[удимого] Трушкина отказать.

Свид[етель] БЕЛОВ Иван Григорьевич, 1897 г. рождения, член ВКП(б), начальник РО НКВД, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

В 1938 г., когда я работал начальником Ново-Троицкого РО НКВД, в совхозе им. Фрунзе в результате применения техником-практикантом Наместюком неправильного состава противоглистной прививки было отправлено 503 овцы. Получив сообщение об этом, я выехал в район, задержал Наместюка и, не производя других арестов, сообщил о случившемся в облуправление, а сам по распоряжению УНКВД выехал на совещание в Херсон. В моё отсутствие из Николаева в район приехали Винницкий и Козачук и по делу отравления овец произвели аресты других лиц, материалов на коих у меня в РО совершенно не было.

В отделе Трушкина проводилось следствие по делу арестованных директоров МТС, и один из них – Чучман дал показания о наличии в Ново-Троицком районе повстанческой организации численностью в 300 чел. Когда я был в Николаеве, меня познакомили с этими показаниями, и Трушкин предложил произвести аресты. По показаниям Чучмана проходили в основном актив села и колхозники-бедняки, на которых в райотделении никаких компрометирующих материалов не было, и потому арестов я не провёл. Трушкин вторично предложил мне арестовать проходивших по показаниям Чучмана лиц, заявил мне, что они до сего времени маскировались, и когда я снова отказался, он дал официальное предписание об аресте. Я заявил Трушкину, что во исполнение этого предписания аресты произведу, но следствия вести не буду, в связи с чем он распорядился отправить арестованных в Херсон. При этом укорял меня, что я не хочу вести борьбы с врагами, что у меня 300 чел. повстанцев свободно ходят по району, а я этого не вижу.

На вопросы суда св[идетель] БЕЛОВ:

За невыполнение приказа Трушкина об аресте проходивших по показаниям Чучмана колхозников я был арестован на 20 суток.

Никаких материалов на этих колхозников в райотделении не было, показания же Чучмана явно вызвали сомнения, потому я и отказывался произвести аресты. В итоге 18 колхозников я арестовал лишь после того, как Трушкин дал мне официальное предписание об этом, но вести следствие по их делу отказался.

Совхоз им. Фрунзе обслуживал я. Никакими компрометирующими данными на Садова, Бабаева райотделение не располагало, а на Беккера имелась лишь первичка в связи с тем, что он по национальности был немец.

Исход дела по совхозу им. Фрунзе мне не известен. Арестованные по показаниям Чучмана 18 колхозников пробыли под стражей месяца 3.

По сравнению с другими районами у меня было мало арестованных, так как до того Ново-Троицкий район входил в Днепропетровскую область, а там установок по части арестов были иные. В связи с этим Трушкин мне делал замечание и для помощи в проведении арестов далее прислал 2-х начальников РО. Было это при Фишере.

На оперативном совещании Трушкин, «прорабатывая» меня, заявлял, что у меня на голове ходят 300 повстанцев, а я ничего не знаю.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] БЕЛОВ:

Трушкин ознакомил меня с показаниями Чучмана, а затем дал указание Федоровскому передать эти показания мне, чтобы я сделал выборку проходящих лиц и поехал производить аресты.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

До оформления протокола Чучмана я не мог давать указания об арестах, проходивших по этим показаниям лиц, а в тот момент, о котором говорит Белов, протокол допроса Чучмана ещё не был оформлен.

Не давал также указания о проведении следствия по делу этих лиц на месте, так как в условиях Ново-Троицкого РО содержать под стражей столько людей было нелегко. Поэтому в предписании Белову об аресте проходящих по показаниям Чучмана лиц было прямо указано, чтобы их направить в Херсон.

К арестам этих лиц я отношения не имел. Когда был оформлен протокол допроса Чучмана, я доложил его Карамышеву, тот прокорректировал протокол и лично указал, кого арестовать. Эти лица проходили по показаниям не только Чучмана, но и по материалам, присланным из Днепропетровска, и перед тем, как дать распоряжение об аресте, я предложил Федоровскому проверить совместно с Беловым со[б]щ[енное] положение этих лиц.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] БЕЛОВ:

До последнего случая отравления 503 овец в совхозе имелся только лишь обычный падеж, но массового падежа не было.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Неправда. Можно проверить по переписке, что и до того по совхозу было несколько случаев падежа по 200–300 овец сразу.

На вопросы суда св[идетель] БЕЛОВ:

Наместюка я допрашивал. Он тогда только что сошел со школьной скамьи и в совхозе работал в качестве техника-практиканта. На допросе Наместюк показал, что для прививки овцам растворил по ошибке вместо 250 грамм 2,5 кило медного купороса, однако вредительство отрицал.

По-моему, Бабаев и Садовов осуждены по этому делу неосновательно.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] БЕЛОВ:

Я работал в группе Гарбузова по проверке дел, поступавших из районов. В результате проверки было вскрыто безобразное отношение к арестам в районах, и много неосновательно арестованных мы освободили.

При мне в отделении Гарбузова физические методы к арестованным не применялись.

Св[идетель] АЛЬБРЕХТ Евгений Леонидович, 1904 г. рождения, подсудимым не родственник, с ними не спорил, на вопросы подс. ГАРБУЗОВА ответил:

Я одно время допрашивал арестованных Гаврилова и Кобцева. ГАРБУЗОВ до того, как я приступил к работе с этими арестованными, предупредил меня, что не имею права ни угрожать им, ни подсказывать, а также и бить. Сам Гарбузов при мне также не применял таких мер к этим арестованным.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] АЛЬБРЕХТ:

Незаконных установок по части следствия Трушкин мне также не давал.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] АЛЬБРЕХТ:

Я работал в отделении Воронина. Он мне указаний о применили незаконных методов в следствии не давал.

Допрашивая в моём присутствии Гладкова и Гаврилова, Воронин им не угрожал.

Мне известно 2 случая, когда двое арестованных сразу же после разговора с ними Воронина просили бумагу и писали показания о принадлежности к к-р организации без всякого воздействия со стороны Воронина. Фамилии этих арестованных не помню.

Больше вопросов к свидетелю Альбрехт подсудимые не имеют, и с их согласия свидетель освобождён от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания.

Св[идетель] КИРЕЕВ Павел Николаевич, 1914 г. рождения, нач[альник] отделения УНКВД по Николаевской области, подсудимым не родственник, с ними не спорил, по делу показал:

Я работал в подчинении Гарбузова и за всё время своей работы ничего преступного за Гарбузовым не замечал.

Карамышев неоднократно выступал на совещаниях против незаконных арестов и подвергал резкой критике начальников РО, допускавших такие аресты. С нами, молодыми работниками, Карамышев занимался, оказывая нам помощь.

По распоряжению Карамышева я выезжал в Херсон для разбора дел по Ново-Троицкому району и для уточнения, за что были арестованы проходившие по этим делам лица. На месте установил, что около 25 чел.

колхозников по Ново-Троицкому району были арестованы Трушкиным без всяких оснований. Содержались они под стражей больше года и на протяжении этого времени не вызывались на допрос, хотя и обвинялись в принадлежности к троцкистской организации. Несмотря на обвинение, все они сидели в одной камере.

На вопросы суда св[идетель] КИРЕЕВ:

В числе этих арестованных были 2 председателя колхоза, председатели сельсоветов, а остальные — батраки и бедняки.

По этому же делу потом приехал Федоровский и требовал оформлять его на Особое совещание. Трушкин тоже звонил и требовал скорее закончить дело, и только благодаря приезду Гарбузова арестованные были освобождены.

Гаврилов был арестован отделением Воронина. Проходил он по косвенным показаниям, и достаточных материалов на него не было. Протокол по его делу сфабриковал Федоровский, дал его мне и сказал: «Теперь добивайтесь, чтобы Гаврилов подписал его».

(Оглаш[ены] показания св[идетеля] Киреева — л. д. 207 т. 4).

Да, правильно: Гаврилов находился на конвейерном допросе, и в результате такого допроса от него добились подписания сфабрикованного протокола.

Кроме меня, к «конвейеру» привлекались Свердлов, Крикуненко.

Я не помню, чтобы к арестованным применялись физические методы воздействия, но практиковался конвейер и стойка. Трушкину об этом было известно.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] КИРЕЕВ:

Случая, чтобы Трушкин давал указание применять физические меры воздействия к арестованным или фальсифицировать протоколы допроса, не знаю. Наоборот, он говорил, что следователь в протокол должен фиксировать то, что говорит допрашиваемый. О недостойном поведении Федоровского я написал на имя Трушкина рапорт, и это поведение Федоровского было предметом обсуждения.

Арестованные по Ново-Троицкому району содержались под стражей, возможно, меньше года, но, во всяком случае, очень продолжительное время.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] КИРЕЕВ:

Ионас и Комодский были арестованы без достаточных оснований по постановлению, подписанному Ворониным и Трушкиным. Инженером из них являлся только один Комодский.

О применении Ворониным незаконных методов к арестованным мне ничего неизвестно.

Подсудимый ТРУШКИН пояснил:

Ионас подлежал аресту согласно приказу НКВД УССР как литовец, уволенный из армии по компрометирующим материалам.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] КИРЕЕВ:

Я не замечал, чтобы лично Гарбузов или работники его отделения применяли к арестованным незаконные методы.

Мне известно, что когда один работник дёрнул арестованного за ус, то на это Гарбузов резко реагировал как на совещании, так и по партлинии. Свид[етель] КОЗАЧУК Пётр Дмитриевич, 1909 г. рождения, начальник РО НКВД, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показат:

В 1938 году я был послан Трушкиным в Ново-Троицкий район. При этом Трушкин информировал меня, что там диверсионной группой отравлено более 500 овец, и сказал, что в связи с этим мне с Винницким и Беловым надо провести следствие. По части Садова Трушкин дал задание арест не производить, а под видом вызова в обком направить Садова к нему в УНКВД. Когда я и Винницкий прибыли в Ново-Троицкий район, в РО НКВД уже сидели Брант, Беккер, Наместюк и 2 овцевода. В районе мы пробыли дней 8–9, допросили Беккера, Бранта и Наместюка. Первые двое сознались, что умышленно отравили овец, но Наместюк виновным себя не признавал. Допрашивали их я и Винницкий, а Белов участия не принимал, так как по полученной шифровке должен был произвести ряд арестов. Протоколы допроса мы послали в УНКВД Трушкину и Готовцеву, и спустя пару дней оттуда пришло распоряжение арестовать Бабаева и вместе с ним, Брантом, Беккером и Наместюком выехать в Николаев. По прибытии в Николаев все материалы мы доложили Гарбузову и Трушкину. Последний через Гарбузова предложил допросить Бабаева и добиться от него показаний об участии в диверсионном акте. Допрашивал я Бабаева дней 8–9, но он не только не давал признания по диверсионному акту, а даже отрицал наличие с его стороны халатности. Я был тогда ещё молодым работником и потому попросил, чтобы мне помогли. Трушкин распорядился перевести Бабаева на беспрерывный допрос и для этого в помощь мне дал Заикина. Однажды, во время допроса, вошли Карамышев и Трушкин. Я доложил, что Бабаев неискренен. Карамышев только сказал Бабаеву: «Надо писать правду», и вместе с Трушкиным вышел. Трушкин вскоре возвратился и сказал мне: «Что вы разрешаете ему сидеть. Поставьте его». Я выполнил это распоряжение, и после того Бабаев стал писать показания. На очных ставках он также признал себя участником к-р организации. Все протоколы по этому делу корректировал Трушкин и при корректировке приписывал от себя, что организация является троцкистской. Такой прокорректированный Трушкиным протокол Бабаев подписал лишь после продолжительного пребывания на стойке. Наместюк и в УНКВД виновным себя в участии в к-р организации не признал. Когда после того в Асканию-Нова прибыл секретарь ЦК КП(б)У т. Хрущёв, Трушкин предложил мне поехать туда и доложить дело по совхозу. Я считал, что это должен сделать, по меньшей мере, зам[еститель] нач[ачальника] УНКВД, и потому решил не ехать, тем более, что следствие ещё не было закончено, и говорить о наличии диверсионной группы было рано. О своих соображениях я доложил Карамышеву, и тот только сказал: «Идите, работайте. Вы не поедете». Потом я был назначен на работу в район и дело по совхозу сдал в незаконченном виде. На предварительном следствии мне предъявили

материалы этого дела, и оказалось, что даты протокола и сами протоколы переделаны.

На вопросы суда св[идетель] КОЗАЧУК:

Посылая меня в Ново-Троицкий район по делу отравления овец, Трушкин говорил, что в отравлении повинны Брант и Беккер. На следствии Беккер и Брант признали, что отравление овец было умышленное и, кажется, дали показания на Бабаева, а на Садомова и Наместюка – нет.

Бабаев дал признание под влиянием продолжительного пребывания на «конвейере» и после получения этого признания стали «склеивать» дело. Оно было создано искусственно Трушкиным. Я, как член партии и чекист, и тогда и сейчас считаю, что со стороны Бранта и Беккера была диверсия, но Бабаев, Садомов и Наместюк к этому не причастны.

С докладом к т. Хрущёву по делу совхоза я отказался поехать по той причине, что не был уверен в наличии в совхозе диверсионной группы.

Ничего отрицательного за Карамышевым, Гарбузовым и Ворониным я не знаю. Гарбузов мне давал установку быть дисциплинированным и предупреждал, что избивание арестованных в органах НКВД недопустимо.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] КОЗАЧУК:

На очных ставках между Садомовым и Бабаевым, а также Бабаевым и Беккером, обвиняемые подтвердили свои показания.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] КОЗАЧУК:

Гарбузов в руководство следствием по делу совхоза не вмешивался.

За исключением этого дела, а также дела Барсукова, ни к одному другому арестованному «конвейер» и стойка в отделении Гарбузова не применялись.

В 21.15 объявлен перерыв суд. заседания.

В 21.30 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] КУКЛИНСКИЙ Борис Моисеевич, 1910 г. рождения, с подсудимыми не в родстве, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

В июле 1938 г. я временно работал во 2-м отделе, где был прикреплен к Зельцману и использовался на «конвейере». В тот период на допросе находился Щербина – быв. директор завода, обвинявшийся во вредительстве. Мне по полученной установке нужно было не давать ему спать и заставлять писать показания. Как-то он мне сказал, что решил дать показания, но предварительно хочет составить конспект, для чего попросил бумагу. Я ему дал бумагу, и он стал писать, потом вынул что-то из кармана и стал резать себе живот и горло. После чего упал. Вместо конспекта на бумажке им было написано: «Ухожу от жизни с чистой совестью. Врагом никогда не был, и не буду. Да здравствует Сталин и социализм». Эту записку я передал Трушкину, но он её разорвал и с ругательством «мерзавец», «provokator» бросил её Щербине в лицо. Потом, когда я вновь пришёл к Щербине для допроса, увидел, что он не может сидеть. Щербина рассказал, что после попытки к самоубийству его взяли к Трушкину и там избивали так, что сейчас сидеть ему больно.

На вопросы суда св[идетель] КУКЛИНСКИЙ:

Моя обязанность в отношении Щербины заключалась в том, чтобы не давать ему спать и подталкивать его к даче показаний.

Резал он себя остро отточенной пряжкой.

В написанной перед попыткой к самоубийству записке он указывал, что показания дал вынужденные. Трушкин эту записку порвал и бросил ему в лицо.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Такой записки я не помню.

На вопросы суда св[идетель] КУКЛИНСКИЙ:

Щербина мне потом рассказал, что после попытки к самоубийству его взяли в кабинет Трушкина и там избили так сильно, что он не может сидеть.

Подсудимый ТРУШКИН пояснил:

На применение физического воздействия к Щербине санкцию дал Карамышев, однако в связи с покушением Щербины на самоубийство физическое воздействие применено не было. Я только взял его за воротник и потрусил. Относительно записки я не помню, чтобы она была.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] КРЮКОВСКИЙ:

Такой записки я не видел.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] КУКЛИНСКИЙ:

О случае с Щербиной я заявил Зельцману и Трушкину. Карамышеву об этом не докладывал.

На вопросы суда св[идетель] КУКЛИНСКИЙ:

Кто избивал Щербину в кабинете Карамышева, я не знаю. Щербина мне об этом не говорил, а я не спросил у него.

Подсудимый ТРУШКИН пояснил:

У меня в кабинете Щербина не был. Я разговаривал с ним в кабинете другого работника.

Свид[етель] ЗИЛЬБЕРМИНЦ Давид Натанович, 1905 г. рождения, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я работал на оформлении документов тройки.

На вопросы суда св[идетель] ЗИЛЬБЕРМИНЦ:

Протоколы заседаний тройки начинали печататься в день заседания.

Для приведения в исполнение приговоров тройки коменданту вручалось предписание, и кроме него он ничего не получал. В этих предписаниях указывались фамилия, имя, отчество и год рождения осуждённых, но часто указанные в предписаниях данные не сходились с данными тюрьмы, и мы вынуждены были производить проверку по воинским билетам и паспортам.

Выписки из протокола заседания тройки коменданту вручались только в тех случаях, когда для приведения приговоров в исполнение он выезжал в другие районы.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] ЗИЛЬБЕРМИНЦ[А] – л. д. 79–80 т. 6).

Я не так говорил, и при записи моих показаний следователь Бурдан сфальшивил. Он мой старый знакомый и, когда вызвал меня на допрос, мы стали беседовать в товарищеской форме. Потом он дал мне подписать протокол и, доверяя ему, я подписал протокол, не читая. В протоколе он записал, что якобы Карамышев самолично изменял решения тройки. Я этого не говорил, так как на заседаниях тройки не присутствовал и не мог видеть, что там делается.

Случаи изменения Карамышевым после заседания тройки вынесенных ею решений имели место, но потом эти изменения согласовывались с прокурором Ланчуковским и секретарём обкома, для чего мне приходилось относить им повестки для исправления мер наказания.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Протоколы заседаний тройки печатались с повесток Карамышева за его подписью.

Больше вопросов к св[идетелю] ЗИЛЬБЕРМИНЦУ подсудимые не имеют, и с их согласия свидетель от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания освобождён.

Св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ Арон Юркович, 1902 г. рождения, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Трушкин, будучи начальником отдела, игнорировал начальников отделений и считал, что они не в состоянии обеспечить руководство.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ:

Как-то я был на квартире у Зельцмана, и он мне рассказал, что в отношении арестованного по делу пожара на заводе поляка Мацковского он написал справку задним числом, и потому Мацковского удалось оформить на тройку.

Онищенко с юридической точки зрения был арестован правильно, так как материалы на него имелись.

Ни к одному арестованному я лично физического воздействия не применял. Протокол моих показаний на предварительном следствии следователь писал по-своему, округляя фразы.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Федоровского – л. д. 112–115 т. 4).

Мои показания о разговоре с Мацковским записаны правильно. Также правильно записаны показания об ориентировке Карамышева по части работников суда. Показания об Онищенко, Примаке, об исправлении даты и эти показания я подтверждаю и сейчас.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ:

Трушкин указаний применять физические методы к арестованным не давал, а наоборот, предупреждал, что за рукоприкладство будет отдавать под суд.

По части справок на арест он давал указания, чтобы справки соответствовали материалам дела, и чтобы протоколы допроса писались со слов арестованных.

О материалах Нуринова на Бабаева я ничего не знаю и их не читал.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Показания Нуринова на Бабаева имелись, и следователь должен был приобщить их к делу, но этого почему-то не сделал.

Докладчиком по делу Бабаева на тройке был я.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ:

Указаний уточнить соц[иальное] положение намеченных к аресту по Ново-Троицкому району Трушкин мне не давал.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Нуринов был арестован в конце 1937 или начале 1938 г. по шифровке Киева как участник право-троцкистской организации, дал разветвлённые показания и его отправили в Киев. Я являлся секретарём отдела, через меня поступали все бумаги, но случая, чтобы из Киева нам прислали показания Нуринова на Бабаева, при мне не было. Кроме того, какой же мог быть между ними стык, если Нуринов – участник право-троцкистской организации, а Бабаев признавал свою принадлежность к украинской националистической организации. Нуринов мог дать показание на работников института «Аскания Нова», а не на работника совхоза.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ:

О незаконных установках Гарбузова или применении им мер физического воздействия к арестованным ничего не знаю и о Гарбузове могу говорить только положительное.

Отношения к следствию по делу Гаврилова Гарбузов не имел.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ФЕДОРОВСКИЙ:

Следствием по отделениям, в том числе и по отделению, начальником которого являлся Воронин, руководил Трушкин.

Ничего о незаконных методах со стороны Воронина я не знаю.

В 23.00 объявлен перерыв суд. заседания до 10 ч. утра 21 марта.

В 10 ч. 21 марта 1941 г. суд. заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии свидетелей **ВИННИЦКОГО, ФЕДОТОВА, КУПНОГО, НАЛИВАЙКО** и **НИКОЛАЕВСКОГО**.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности прибывших свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу ложных показаний, после чего свидетели были удалены в отдельную комнату.

Свид[етель] ВИННИЦКИЙ Лазарь Ильич, 1915 г. рождения, ст[арший] оперуполномоченный УНКВД по Дрогобычской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я работал в 3-м отделе, откуда по распоряжению Карамышева был переведён во 2-й отдел к Трушкину. Тот направил меня в Ново-Троицкий район для проведения следствия по поводу отравления овец. При этом сказал, что в отравлении замешаны ст[арший] ветврач, ст[арший] зоотехник и техник Наместюк. Заявил также о наличии материалов, что к подготовке отравления причастен зам[еститель] нач[альника] политотдела Садовов, предложил произвести у него на квартире обыск, но на месте не арестовывать, а под видом вызова в обком партии направить в Николаев, в УНКВД.

По прибытии на место мы это распоряжение ТРУШКИНА относительно Садовой выполнили, и он был с уч[астковым] инспектором милиции под видом его попутчика отправлен в Николаев.

В РО НКВД к нашему приезду уже находились без охраны Беккер, Брант и Наместюк. Мы начали допрос и получили показания от Беккера и Бранта. Беккер показал, что он совместно с Брантом подготовил диверсионный акт по овцам, а Брант дал показания, что завербован директором совхоза в к-р организацию. После этого из УНКВД за подписью Трушкина поступило распоряжение арестовать Бабаева и вместе с ним, а также Беккером, Брантом и Наместюком выехать в Николаев. Это распоряжение было выполнено, и больше отношения к делу по совхозу я не имел.

Протоколы допроса Беккера, Бранта и Наместюка я с Козачуком записали со слов арестованных, но Лейзеровский мне говорил, что они Трушкину не нравятся. Потом мне стало известно, что Садовов и Бабаев вместе с Брантом и Беккером прошли по тройке и были осуждены к ВМН. Считая их осуждение неправильным, я тогда же подал об этом заявление в парторганизацию.

Чистяков был арестован при попытке проникнуть на территорию завода. Его подозревали в шпионаже, и следствие по его делу вёл Сычков. Как-то нач[альник] отдела сказал мне, что Чистяков набрасывается на следователя, и потому предложил мне пойти присутствовать при его допросе. Я пошел, но пробыл там недолго, так как меня вызвали. Впоследствии мне стало известно, что Чистяков умер, и шли разговоры, что смерть наступила в результате нанесённых ему побоев комендантом Московского НКВД, гостившим у Карамышева.

Был у меня арестованный Андреев, который спустя 2 часа дал показание на 40 чел. как о повстанцах. Мне эти показания не понравились и вызвали сомнение, так как не чувствовалось наличие линии организации. Доложил свои соображения Готовцеву, и тот предложил для проверки арестовать 4-х человек из названных Андреевым. Поясов санкции на арест 4-х чел. не дал, сказал, что ещё по показаниям Андреева не установлена линия организации, и потому достаточно будет арестовать только 2-х человек. При этом присутствовал Карамышев. Услышав ответ Поясова, он грубо сказал: «Сажай, а линию потом найдём».

На вопросы суда св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Я считаю, что Бабаев и Садовов осуждены неправильно и, кроме того, как номенклатурные работники они не являлись подсудными тройке.

В Ново-Троицком районе ни на Бабаева, ни на Садовова нам никто показаний не дал, а в УНКВД от Бабаева получили показания на Садовова.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Винницкого — л. д. 258).

Неправильно: я не видел, чтобы Карамышев применял к Чистякову физические методы, и в тот момент, когда Чистяков набросился на Сычкова, Карамышев, по-моему, не присутствовал.

Поясов ударил Чистякова раз, когда тот набросился на Сычкова, а бил ли его Готовцев, не видел.

Я лично видел, как гостивший у Карамышева комендант Московского НКВД допрашивал Чистякова. На допросе Чистяков был им избит и, будучи отправлен в больницу, умер там.

О том, что этот комендант избивал и других арестованных, в протоколе записано неверно, так как об этом мне ничего неизвестно.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Винницкого – л. д. 274 т. 4).

Я перед Ефремовым ставил вопрос об оказании мне помощи в связи с наличием большого количества дел. После этого Карамышев на оперсовещании, критикуя работу водного отдела, допустившего извращение в следственной работе, обратился ко мне и грубо сказал: «Вы заделались старш[им] следователем. Смотрите, не крутите там». Что он этим имел в виду, не знаю.

На вопросы суда св[идетель] ПОЯСОВ:

Эпизода, о котором рассказывал Винницкий, что будто бы Карамышев заявил: «Подписывай, а линию потом найдём», я не помню.

Пред[седательствующий] огласил показания свид[етеля] ВИННИЦКОГО – л. д. 275 т. 4.

На вопросы суда св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Гончаров в течение короткого времени, будучи младшим лейтенантом, получил сразу звание старшего лейтенанта, значок почётного чекиста и был выдвинут на должность пом[ощника] нач[альника] УНКВД. Поэтому я и считаю, что Карамышев покровительствовал Гончарову, и последний был у него своим человеком.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Карамышев всегда поддерживал Трушкина, поэтому я и показал, что он покровительствовал ему. Других данных в подтверждение этого привести не могу.

При Фишере Гончаров считался слабым работником, ставился даже вопрос о привлечении его к ответственности по линии комиссии партийного контроля, а с приездом Карамышева сразу пошел вверх. Это и дало мне основание предполагать, что Карамышев покровительствует Гончарову.

Гончаров – не исключение по части выдвижения, и многие оперуполномоченные были назначены на должность начальников отделений.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Гончаров – член партии с 1919 г., давно работал в органах НКВД, являлся толковым работником, почему и был представлен к награждению значком почетного чекиста.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Я видел, как гостивший у Карамышева комендант заходил в комнату, где находился Чистяков, и слышал, как он разговаривал с ним. Записывал ли он показания Чистякова, я не видел.

Заявление, сделанное Карамышевым по моему адресу на оперсовещании: «Вы заделались старшим следователем, но смотрите, я Вам голову сломаю», я посчитал как предупреждение против критики, так как до того я критиковал работу Ефремова.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ПОЯСОВ:

Фактов поощрения Карамышевым политики самоснабжения я не знаю. Он даже за собой не следил, и у него не было запасного костюма.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Дал ли Беккер в УНКВД показания на Бабаева, я не знаю.

Я считаю, что в тот момент, когда Трушкин направлял меня в Ново-Троицкий район, никаких материалов на Садова у него не имелось, так как тогда он даже не знал его имени и отчества.

На тройку дело Бабаева и Садова представить было нельзя, так как оба они являлись коммунистами и номенклатурными работниками. Я считаю, что представлением их на тройку Трушкин совершил преступление.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Указание о представлении дела по обвинению Бабаева и Садова на рассмотрение тройки мне дал Карамышев.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Трушкин знал директивы о подсудности дел тройке, и потому персональных указаний о том или ином деле я ему не давал.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Барсуков, Мацковский, Чернохатов были выделены из общего дела по той причине, что обвинялись в шпионаже и потому были подсудны тройке.

Пред[седательствующий] огласил протокол заседания тройки по делу Барсукова, Мацковского и Чернохатова.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Здесь этого не записано, но ведь протокол составлялся Шейнбергом, а не 2-м отделом. Если же Вы обратитесь к повесткам, то убедитесь, что все эти лица проходили по шпионажу.

На вопросы суда св[идетель] КОЗАЧУК:

Барсуков 13 суток стоял на конвейере. Все это время не ел и не спал, опух и потому вынужден был дать показания.

Пред[седательствующий] огласил справку на арест Барсукова — л. д. 277 и на арест Мацковского — л. д. 274 т. 9.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Мацковский — поляк, знал о подготовке диверсионного акта и являлся участником организации, но, поскольку прямого участия в совершении диверсионного акта не принимал, он и был выделен на тройку. Непосредственные же исполнители диверсионного акта были объединены для передачи в гласный суд. Помимо этих данных о Мацковском, на него были также показания Кана и Стародубцева.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Садов был арестован не как совершивший диверсионный акт, а по показаниям Чучмана.

На вопросы суда св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Садов был доставлен в Николаев в сопровождении уч[асткового] инспектора. Ордера и постановления на его арест Трушкин мне не дал, но сказал, что Садов будет арестован.

Подс[удимый] ТРУШКИН пояснил:

Арест Садомова в районе мы не хотели производить с той целью, чтобы этот факт не стал сразу известен другим. По прибытии же в УНКВД Садомову был предъявлен ордер и постановление, незаконного здесь ничего нет.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Бабаев был нами арестован без постановления, а только по одному отношению из УНКВД за подписью Трушкина.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

Воронина я знаю ещё по Одессе в течение нескольких лет. Он считался одним из лучших работников, и по материалам проведённых им дел из Одессы был выдворен немецкий консул.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ВИННИЦКИЙ:

При Фишере Гарбузов на оперсовещаниях неоднократно подвергался упрёкам. Его обвиняли, что у него нет показаний арестованных, что в кабинетах при допросах тихо. При этом Фишер заявил, что лучше посадить миллионера, и от него больше можно получить пользы.

Мне известно, что Гарбузов категорически отказался принять дело на незаконно арестованного Божко. Извращений в его работе я не замечал.

Когда сюда из НКВД УССР приезжал особоуполномоченный Твердохлебенко, он взял меня «на бога» и потребовал дать показание с материалом на Гарбузова о том, что тот избивал арестованных [и] т.д.

В 12.00 объявлен перерыв суд. заседания.

В 12.15 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] ЛАНЧУКОВСКИЙ Илья Данилович, 1907 г. рождения, прокурор Николаевской области, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, после предупреждения его пред[седательствую]щим об ответственности за ложные показания, по делу показал:

Являлся членом тройки при Николаевском УНКВД.

Дела, поступавшие на тройку, предварительно проверялись моим заместителем, а по линии УНКВД – Поясовым.

Случаев, чтобы при рассмотрении дел у членов тройки были расхождения во мнении, не помню.

На вопросы суда св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

На тройке судьбу обвиняемых решали материалы дела, и я помню несколько случаев снятия дел с рассмотрения, когда материалы были убедительными.

Я не могу утверждать, что все дела предварительно просматривались моим заместителем Карпенко. По-видимому, он успевал это сделать лишь в отношении части дел, так как охватить их все физически не было возможно.

Члены тройки на заседании имели у себя повестки по каждому делу и на этих повестках проставляли свои отметки о решении, после чего составлялся протокол. Для подписи протокол приносился мне спустя несколько дней. Так как повестки со своими отметками я забирал с собой, то имел возможность сверить с ними протокол. Утверждать, что повестки я всегда забирал с собой, не могу, и мне кажется, что это было в отдельных случаях.

Нечистоплотности со стороны работников УНКВД я не допускал. Подозрения я этой части у меня никогда не возникало, и потому были случаи, что я подписывал протокол без проверки его.

Припомнить сейчас, рассматривалось ли на тройке дело Трубия, не могу, так как их прошло очень много.

Случаев, чтобы при рассмотрении дел Карамышев говорил по отношению обвиняемых: «Это — сволочь, хоть и отказался от показаний. Его нужно расстрелять», — не помню, и вообще за рамки приличия он при мне никогда не выходил.

При рассмотрении дел тройкой зачастую мы зачитывали подлинные показания.

В моё отсутствие заседания тройки проводились с участием Карпенко. Такого случая, чтобы я подписывал протокол тройки, в заседании которой принимал участие Карпенко, не помню. Я не мог и не должен был делать это.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Было несколько случаев, когда в заседаниях тройки вместо Ланчуковского принимал участие Карпенко, однако протоколы подписывал Ланчуковский.

На вопросы суда св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

В таком случае меня просто подвели, т. е. дали подписать протокол и не сказали, что фактически я не участвовал в заседании.

Случаев, чтобы мне давали для перепроверки решения, вынесенные Карпенко, не было.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Ни одного протокола за подписью Карпенко в УНКВД нет.

На вопросы суда св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Протоколы на подпись мне приносились на второй–третий день, т. е. с опозданием, и потому я мог принять за свои те протоколы, по которым фактически заседал Карпенко.

Если меня подводили к этой части, то при нечистоплотности отдельных работников можно допустить, что в протокол могли быть включены лица, фактически по тройке не прошедшие, однако за неимением фактов этого утверждать я не могу.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Лично не знаю и от других не слышал, чтобы Карамышев единолично выносил решение от имени тройки.

Подс[удимый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

Было максимум 2 случая, когда в заседаниях тройки участвовал Карпенко, но не всё заседание, а лишь на время ухода Ланчуковского на пленум. По окончании пленума Ланчуковский возвращался, и заседания тройки продолжались уже с его участием. С вынесенными без него решениями он ознакамливался, и потому подписывал протокол сам.

На вопросы суда [подсудимый]⁶⁸ КАРАМЫШЕВ:

⁶⁸ У документі помилково — св[идетель].

Случаев, чтобы Ланчуковский отсутствовал вообще и заседание проводилось полностью с участием лишь Карпенко, не было.

На вопросы суда св[идетель] ШЕЙНБЕРГ:

Точно помню и утверждаю, что были случаи, когда на заседаниях вместо Ланчуковского и Старыгина присутствовали Карпенко и Максимов, и приходили ли до окончания заседания Ланчуковский и Старыгин, не знаю, так как всё время там не присутствовал.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Фактов, которые бы давали основания заподозрить Карамышева в нечистоплотности в работе, у меня не было.

На вопросы суда св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Я не допускаю мысли, чтобы меня знакомили не со всеми приказами по работе тройки.

Если тройкой осуждены 11 чел., арестованных после 1-го августа, значит, на заседании тройки докладывалась фиктивная дата арестов.

О неподсудности тройке лиц высокой квалификации мне было известно, и я даже помню случай, когда мы выясняли, является обвиняемый инженером или техником.

Агроном, по-моему, – специалист, и я не помню, чтобы тройка осудила кого-нибудь из агрономов.

Учителя – также специалисты, но подходят ли они под приказ, запрещающий рассмотрение дел на лиц высокой квалификации, не помню. Я считаю, что учитель – это такой же специалист, как и мастер, и его нельзя сравнить с профессором, почему и полагаю, что дела на учителей с политпрошлым тройка вправе была рассматривать.

Мне кажется, что на номенклатурных работников тройка не вправе была рассматривать дела. Является ли таким работником зам[еститель] нач[альника] политотдела совхоза, не могу сказать. Было ли рассмотрено тройкой дело о диверсионном акте в совхозе, не помню.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ЛАНЧУКОВСКИЙ:

Санкцию на арест прокуратура давала лишь после проверки материалов, которые подставлялись ей на намечавшегося к аресту. Но мне помнится, что одно время аресты производились по спискам без санкции прокуратуры.

Посуд[имый] КАРАМЫШЕВ пояснил:

До постановления ЦК органам НКВД было предоставлено право производить аресты по отдельным видам преступлений без санкции прокуратуры.

Больше вопросов к свидетелю Ланчуковскому подсудимые не имеют, и с их согласия свидетель от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания освобождён.

В 13.30 объявлен перерыв суд. заседания.

В 13.40 суд. заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ГОНЧАРОВ:

Мои отношения с Карамышевым строились лишь на деловой основе.

Что касается взаимоотношений Карамышева с Трушкиным, мне кажется, что Карамышев последнего не поощрял.

Считаю, что на руководящую работу я был выдвинут по своим объективным данным.

Свидетель ФЕДОТОВ Александр Павлович, 1913 г. рождения, с подсудимыми не в родстве, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

Я с марта месяца 1938 года работал в подчинении у Трушкина и могу сказать, что у него не было критического отношения к показаниям арестованных. Так, когда арестованный Стародубцев дал показание на ряд лиц как участников организации, многих из них арестовали без какой-либо предварительной проверки и, как потом оказалось, совершенно необоснованно. В частности я настаивал на освобождении Гребенюка, но Трушкин возражал, и только Гарбузов решился выписать постановление об освобождении. Настаивал я на освобождении и ещё по группе дел, но Трушкин не шёл на это, страховался.

Показания арестованных я записывал с их слов. Трушкин корректировал протоколы допросов, и были случаи, что дописывал в них: «Являюсь членом к-р террористической организации», тогда как обвиняемый организацию террористической не называл.

Гарбузов в протоколе допроса Стародубцева добавил от себя, что Стародубцев является выходцем из семьи священника и что это обстоятельство от партии скрыл.

Воронину Стародубцев назвал несколько участников организации, но того это не удовлетворило: «Должно быть больше», — и в итоге число участников организации достигло 40 чел. Сейчас Стародубцев и часть арестованных по его показаниям освобождены.

Ещё до постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. ко мне поступила группа дел по Еланцу. По этим делам как члены к-р организации проходила молодёжь. Я вызвал нескольких обвиняемых, поговорил и установил, что они только что вернулись из армии. Создалось мнение, что здесь что-то не то, к тому же организацию они называли реорганизация. Об этих делах и своём мнении доложил Гарбузову, вместе с ним вызвали обвиняемых и в результате часть из них освободили.

Был у нас такой начальник отделения Малиновский. К арестованным он относился жутко. Как-то я был у Киреева, во время допроса им арестованного, и в этот момент туда зашел Малиновский. Узнав от Киреева, что арестованный не даёт показаний, Малиновский в моём присутствии стал избивать этого арестованного.

Бывший работник секретариата Прицкер был избит Гарбузовым, Ворониным и Заикиным за то, что вцепился Гарбузову в волосы.

Однажды на оперативном совещании один работник высказался, что нужно бы советоваться с секретарём горкома. В ответ на это Карамышев заявил: «Что Вы всё секретари да секретари. Вы — больше, чем секретарь горкома и сами должны решать вопросы». Вообще же Карамышев, по-моему, правильно ориентировал и мобилизовывал на работу, хорошо относился к молодым работникам.

Пред[седательствующий] огласил показания свид[етеля] Федотова – л. д. 79 т. 4.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

Да, такой случай пренебрежительного отношения Карамышева к парторганизациям имел место после того, как один из начальников РО сказал, что он не успевает всё выполнять, так как приходится заседать в парторганизации. Тогда Карамышев и сказал: «Поменьше ходите в парторганизации».

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Федотова – л. д. 82 т. 4).

Да. Случаи вписывания в протоколы допроса арестованных обстоятельств, о которых арестованные не говорили, имели место. В отношении Гарбузова в этой части мне известен один факт (протокол Стародубцева), а в отношении Трушкина – несколько (Коновалов и др.).

Увеличить число членов организации от Стародубцева потребовал Воронин, и Стародубцев довел их до 40.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Мне точно известно, что первые показания Стародубцева получил Воронин, и потом число участников организации в показаниях Стародубцева выросло до 40. Я не присутствовал при том, как Воронин требовал от Стародубцева увеличить число участников организации.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] ФЕДОТОВА – л. д. 84 т. 4).

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

Я как молодой работник считал, что показания арестованных, в данном случае – Стародубцева, нужно сначала проверить, а в действительности оказалось, что названные Стародубцевым как участники организации лица сразу были арестованы.

Я несколько раз ставил перед Трушкиным вопрос об освобождении Броуна, но Трушкин всё говорил, что нужно ещё проработать Броуна.

На Гребенюка имелись показания, но доверия они не внушали. Я перед Трушкиным ставил вопрос об освобождении Гребенюка, но Трушкин не соглашался, и в итоге Гребенюк находился под стражей с июля 1938 г. по март 1939 г. Аналогичные случаи были у Лейзеровского и Зельцмана.

По Облзу⁶⁹ УНКВД не располагало никакими данными, но для «разворота» арестовали Василенко. Это я говорю со слов других. Впоследствии Василенко был освобождён.

Я и Эльзон неоднократно говорили Трушкину, что он как опытный работник должен сам вызвать обвиняемых и поговорить с ними, однако Трушкин арестованных не вызывал и с ними не говорил.

Быв[ший] нач[альник] РО Лившиц «вскрыл» молодёжную организацию. За эту «организацию» Карамышев и Поясов резко критиковали Лившица на совещании.

Припоминаю, что Трушкин из показаний Стародубцева вычеркнул ряд названных Стародубцевым как участников организации лиц, сказав, что они будут помещены в отдельный протокол.

⁶⁹ Облзу – обласне земільне управління.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Возможно, это были умершие.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

Да, среди них были и умершие.

Посуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Я корректировал ещё не подписанные обвиняемыми протоколы их допроса.

Осуждённые или умершие, проходившие по показаниям обвиняемых, включались обычно в другой протокол, чтобы не загружать основной, поэтому я и вычёркивал их из основного протокола.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

Свои показания о Познанском подтверждаю. Познанский писал, что является членом к-р организации, а Трушкин при корректировке протокола добавил: «Знал о террористических замыслах организации и разделял их».

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Завербовавший Познанского в своих показаниях писал, что при вербовке Познанского он сообщил ему о задачах организации. Поэтому я в черновике и дописал, что Познанскому были известны цели организации и эту дописку предложил согласовать с Познанским.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

После корректировки Трушкиным протоколов они сразу печатались и их давали арестованным на подпись. Никакого предварительного согласования с арестованными внесённых в их протоколы дописок не было.

Посуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Следователь был обязан до подписи арестованным такого протокола согласовать с ним внесённое добавление.

На вопросы подсудимого ТРУШКИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Были случаи, что при корректировке протокола допроса Трушкин требовал принести ему протокол допроса лица, завербовавшего данного арестованного, и в соответствии с этим протоколом делал дописки.

Броун обвинялся по ст. 54-6 и был прислан к нам из Киева. Оснований к этому обвинению не было, в связи с чем мы несколько раз писали в Киев, чтобы оттуда прислали материалы. Это, в основном, и являлось причиной задержки его освобождения.

Избиение арестованных Малиновским имело место до приезда Трушкина в Николаев. То же и по части избиения Муратова.

Имел ли Трушкин отношение к аресту Василенко, мне неизвестно.

На оперативных совещаниях Трушкин предупреждал работников против применения к арестованным физических методов.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

О корректировке Трушкиным протоколов допроса арестованных, в результате чего в протоколы вносились добавления, мне рассказывали и друг. работники.

Я лично ни одного арестованного даже пальцем не тронул, и меня крайне удивили показания свидетелей — бывших арестованных на

прошлом судебном заседании. Их показания в этой части я категорически отрицаю.

На вопросы подсудимого КАРАМЫШЕВА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Высказывания Карамышева против парторганизации я слышал только лишь раз. Он тогда сказал: «Что Вы сидите в райкоме, Вам работать нужно».

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

О выражении «еврейское сердце». Это слова одного вновь принятого работника, который некоторое время после приёма на работу в органы пришел ко мне и заявил, что в таких условиях он со своим еврейским сердцем не может работать. Об этом случае я рассказал на совещании и такого работника квалифицировал как среду, откуда может расти предательство.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Да, так это и было понято всеми на совещании.

На вопросы подсудимого ГАРБУЗОВА св[идетель] ФЕДОТОВ:

В протокол допроса Стародубцева Гарбузов внёс добавление, что Стародубцев является сыном священника и что это обстоятельство от партии скрыл.

Посуд[имый] ГАРБУЗОВ пояснил:

В данном случае я никакой фальсификации не допустил, моя дописка соответствовала действительности, в чём суд может убедиться из протокола по чистке партии на л. д. 330 т. 11.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Справки на арест Гаврилова и Дервянченко были составлены на основании показаний Стародубцева и Степанова, а также официальных документов. Справки эти не сфальсифицированы и, по-моему, даже неполны.

Впервые с Гавриловым я столкнулся в тот момент, когда он на улице высказывал антисоветские настроения. Он подготавливался к вербовке и в связи с этим вызывался в УНКВД для уточнения ряда обстоятельств.

Чулкова я допрашивал. Он был арестован в результате реализации агентурной разработки. Я не видел, чтобы Гарбузов применял к нему физические меры воздействия.

Посуд[имый] ГАРБУЗОВ пояснил:

Гаврилов был включён в оперативный лист на арест ещё до моего приезда на работу в Николаев.

На вопросы подсудимого ТРУШКИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

После вскрытия извращений в Еланецком РО НКВД ГАРБУЗОВ добился предания суду секретаря РО.

Мне пришлось работать с арестованным Фоминым. На него имелись материалы, что он – воспитанник кулака, собирал подписи для реабилитации кадрового троцкиста Плетнева, писал ему письма. Во 2-й отдел он был передан по распоряжению Карамышева и показания дал на вторые сутки. Мне неизвестно, чтобы к нему применялись физические меры воздействия.

Случая, чтобы в кабинете лежал арестованный с порезанными ногами, а вошедший Гарбузов, вытирая нож, заявил: «Ну, теперь с тобой справимся», не было.

Протокол допроса Фомина Гарбузов составил на основе собственноручных показаний Фомина. Вообще о Гарбузове я могу дать только положительный отзыв. Установки его всегда были правильные и, за исключением случая с Прицкером, я не замечал, чтобы он применял физические воздействия.

К делу Познанского Гарбузов отношения не имел.

На вопросы подсудимого ВОРОНИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Чикалова я никогда не допрашивал.

На Стародубцева действительно в УНКВД имелась агентурная разработка «Монтаж».

Сам ли Стародубцев указал в своих показаниях 40 участников организации или их у него потребовал Воронин, не знаю, но, во всяком случае, отношение Воронина к показаниям Стародубцева было не критичным.

На вопросы суда св[идетель] ФЕДОТОВ:

«Стойка» — это тоже мера физического воздействия. Применялась ли она, не знаю. Когда я заходил к Воронину, то Гладков сидел у него и писал.

Свид[етель] КУПНЫЙ Ипполит Сазонович, 1908 г. рождения, член ВКП(б), нач. отделения УНКВД, с подсудимыми не в споре, им не родственник, по делу показал:

К делам, которые направлялись на рассмотрение тройки, выписывались повестки. На этих повестках докладчиком обычно указывался следователь, который вёл дело. Несмотря на это, дела докладывал на тройке Трушкин. Отсюда вытекает, что докладываемых дел Трушкин глубоко не знал.

На вопросы подсудимого ТРУШКИНА св[идетель] КУПНЫЙ:

Установок бить арестованных Трушкин не давал и на оперативных совещаниях предупреждал, что за такие действия будет предавать суду, но это было после решения ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] КУПНЫЙ:

Гарбузов меня предупреждал, что следствие нужно вести правильно, не допускать искривлений.

К делу о поджоге на заводе Гарбузов, по-моему, отношения не имел. Мне также неизвестно, чтобы он применял к арестованным физическое воздействие.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] КУПНЫЙ⁷⁰:

Повестки по делам к заседаниям тройки писали следователи, в производстве которых находились эти дела, а подписывались повестки начальником отделения.

Фактов избияния Ворониным арестованных я не знаю. Воронин — выдвигенец, был парторгом и пользовался авторитетом.

На вопросы суда св[идетель] КУПНЫЙ:

⁷⁰ У документі помилково — ГАРБУЗОВ.

К делу Наместюка прямого отношения я не имел. Это дело вёл Лейзеровский, и я помню, как он спорил с Трушкиным, что Наместюка нужно освободить, а не передавать на тройку. Трушкин тогда грубо оборвал Лейзеровского: «Вы ничего не понимаете. Дело нужно направлять на тройку».

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] КУПНЫЙ:

Начальник отделения не вправе был давать распоряжение о направлении дела в судебную инстанцию. Такое право было присвоено начальнику отдела.

В 15.45 объявлен перерыв суд. заседания.

В 15.50 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] НАЛИВАЙКО Яков Иванович, 1896 г. рожд., член ВКП(б), нач. литейного цеха завода № 381, подсудимым не родственник, личных счетов с ними не имеет, по делу показал:

На протяжении 10 лет я работал на заводе [им.] А. Марти и 15 июля 1938 г. был арестован. Следствие по моему делу вели Волошин и работник Наркомата Злобинский. Допрос начался с ругани и, не предьявляя обвинения, мне заявили: «Ты – международный шпион. Раскаивайся, а не станешь писать, будем бить. У нас дело не расхочется со словом». В первый же вечер получил от них толчки, а затем от слов Волошин и Злобинский перешли к делу: били книгой, потом кулаками, а, уходя, передавали меня Боровиченко. Тот избивал меня ножкой от стула, запуская пальцы глубоко в область ключицы и сильно давил, бил головой и спиной об стену. Доставал револьвер и угрожал: «Твоя жизнь стоит 16 коп.». Так продолжалось в течение 3-х дней, и ночью 17 июля Волошин буквально продиктовал мне, что писать. После этого бросили в 7-ю камеру. Там находились Ржечицкий и сильно избитый Данилов. Ржечицкий начал обрабатывать меня, советовал писать показания, говоря при этом, что в противном случае изуродуют. У меня сложилось мнение, что выход один, и я вынужден был писать заведомую ложь. Попав потом к новому следователю Винницкому, я заявил ему, что все мои показания ложны, даны под влиянием избиения. Об этом рассказал также прокурору по спецделам и в кабинете у Поясова.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Дело Наливайко я помню, но кто его арестовывал, не знаю и подписывал ли справку на арест, не помню.

Ко мне поступило его заявление, в котором он писал, что, будучи в Италии, рассказал там об объектах оборонного значения и что теперь хочет чистосердечно раскаяться в своей к-р деятельности. Дело Наливайко я поручил Волошину, и Наливайко дал ему обширные собственноручные показания о шпионской деятельности. Показания были правдоподобные, но несколько путанные, и потому я возвратил их для уточнения, но Наливайко от них отказался. Тогда я вызвал его в кабинет Поясова, и там он мне заявил, что от показаний о шпионской деятельности отказывается, но что по его вине в цехе имелся брак. Заявил при этом, что Злобинский и Волошин избивали его. Я вызвал Волошина, тот отрицал применение физических методов, и Наливайко сказал, что показания о

шпионаже он дал не столько под влиянием избиения, сколько под влиянием сидевших в камере арестованных.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] НАЛИВАЙКО:

Карамышеву и Поясову я заявлял об избиении меня Волошиным⁷¹, Злобинским и Богуславским. Последнего я назвал ошибочно вместо Боровиченко. Карамышев вызвал Волошина, и тот в моём присутствии сказал, что следствие велось «интенсивно». Вскоре после того я был освобождён.

Мои претензии к Карамышеву: нужно, чтобы он как начальник раньше видел всё, что творилось в его аппарате, а не знать и не слышать этого было нельзя.

Меня били с 15 июля до глубокой ночи 17 июля.

На вопросы суда св[идетель] НАЛИВАЙКО:

Я – член ВКП(б) с 1929 г., мой производственный стаж – 32 года, являюсь сейчас начальником цеха завода, инженерного звания не имею.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Об избиении Наливайко Волошиным материалы были переданы особоуполномоченному.

О Богуславском Наливайко мне ничего не заявлял.

Больше вопросов к св[идетелю] Наливайко подсудимые не имеют, и с их согласия свидетель освобождён от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания.

В 16.20 объявлен перерыв суд. заседания.

В 19.10 суд. заседание продолжается.

Свид[етель] НИКОЛАЕВСКИЙ Фауст Филиппович, 1891 г. рождения, подсудимым не родственник, личных счетов в ними не имеет.

На вопросы суда:

Сведения, которые я сообщил в УНКВД, в основном соответствовали действительности. Были только некоторые сгущения или неправильные обобщения. Материалы я передавал Воронину, Трушкину и другим работникам.

Освобождённые из-под стражи резко выражали недовольство арестами, высказывались, что многие арестованы невинно. В основном слышал я это от близких этим лицам людей. Беседовал также с некоторыми из освобождённых. Они также выражали такие настроения, но не так резко.

(Оглаш[аются] показания св[идетеля] Николаевского – л. д. 158–160 т. 9).

Здесь немного не так. Если мои материалы страдали неконкретностью, были недостаточно полны, то Трушкин предлагал углубить их. Мне было дано задание освещать настроения вообще всех освобождённых, а не персонально кого-либо из них. До вызова в Наркомат я твёрдо стоял на той позиции, что освобождённые проводили антисоветскую работу, так как они ругали отдельных работников НКВД, ничем тогда не скомпрометированных, высказывали недовольство арестами. В Наркомате мне разъяснили, что эти проявления не являются антисоветскими, так

⁷¹ Тут і наступного разу у документі помилково – Волошиновым, Волошинова.

как, пробыв в заключении, эти лица имели некоторое основание с таким настроением⁷². Поэтому и записано в протоколе уже иначе, чем я сначала думал.

Неправильно и другое. Непосредственного нажима со стороны Трушкина, и тем более Гарбузова, на меня не было. Но были созданы такие условия: меня вызывали в УНКВД, сидел там до поздней ночи, и создавалось впечатление, что я арестован. Потом приглашали к Юрченко, и там он и Трушкин заявляли: «Вы – не то лицо, за которое мы Вас считали столько лет, и нам придётся крепко расчитаться». Или другое: ночью вызывает Юрченко и предлагает в течение 3-х дней разработать группу Чулкова и других. Указание на невозможность этого расценивалось как нежелание работать. Вот эти обстановка и отношение ко мне и вызывали обобщение в моих сведениях, и получилось, что материалы оказались несколько сгущенными, натасканными. Однако утверждать, что сделано это мною под прямым нажимом, не могу.

Данных утверждать, что разрабатывавшаяся мною группа – антисоветская, у меня сейчас нет, и мои сведения – неправдоподобны в том отношении, что обобщены.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] НИКОЛАЕВСКИЙ:

Когда Трушкин установил со мной связь, не помню. Трушкин ставил передо мной вопрос о необходимости продолжать разработку освобождённых, но не требовал, чтобы я давал сведения о том, что эти лица проводят антисоветскую работу. Когда Юрченко давал мне указания по части разработки группы Чулкова, Трушкин не присутствовал. Всего Трушкину я передал материал раз 5–6. Это были не новые сведения, а продолжение данных ранее.

Спустя некоторое время после того, как мне было заявлено, что я якобы не тот, за кого меня принимали много лет, мне сообщили, что материалы на меня не подтвердились.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

С Николаевским я установил связь с 1-го июня, а все докладные записки по разработке группы освобождённых составлены по материалам, полученным от Николаевского до того, как он был передан мне на связь.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] НИКОЛАЕВСКИЙ:

Среди моих донесений о высказываниях освобождённых были примерно такие: «В ЦК – растерянность в связи с миллионом арестованных» (Гаврилов), «я хотел бы, чтобы репрессии усилились. Это привело бы к перевороту в стране» (Гаврилов). Эти высказывания я слышал не лично от Гаврилова и Чулкова, а через других лиц.

Впервые Гарбузова я увидел у Трушкина на квартире после того, как стал давать материалы об освобождённых.

Был случай, что Гарбузов или кто-то другой в кабинете Юрченко сказал по поводу моих материалов, что их нужно перепроверять.

⁷² Так у документі.

Когда я сказал Гарбузову, что освобождённые перестали мне доверять, Гарбузов действительно предложил прекратить связь с ними.

Подслушивание Гарбузовым моего разговора с женой Стародубцева, когда она говорила об антисоветской работе группы освобождённых, имело место.

На дачу ложных сведений Гарбузов меня не провоцировал.

Навопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] НИКОЛАЕВСКИЙ:

Мои донесения о том, что освобождённые группируются и собираются звонить Твердохлебенко о методах следствия в УНКВД, что их били на допросах и проч., соответствовали действительности.

С тем, чтобы УНКВД могло убедиться в антисоветских настроениях этой группы, мне было предложено пригласить к себе на квартиру кого-нибудь из освобождённых. Была приглашена Стародубцева. Она говорила, что группа выражает недовольство, и тогда я считал, что это — антисоветские разговоры, ибо так меня воспитывали 20 лет.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] НИКОЛАЕВСКИЙ:

На связи с Трушкиным я находился, по-моему, немного больше месяца. Это Трушкин сказал мне в кабинете Юрченко: «Мы с Вами крепко рассчитаемся, если материалы о Вас подтвердятся». Утверждать, что это было запугиванием, не могу. Материалы о группе освобождённых я давал по собственной инициативе.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

Николаевский был вызван Юрченко не с целью нажима или воздействия, а в связи с поступившими на него материалами, и этот вызов ни в какой мере не был связан с разрабатывавшейся им группой освобождённых.

Навопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] НИКОЛАЕВСКИЙ:

На протяжении 1939 г. с Ворониным по разрабатываемой мною группе я не встречался.

Больше вопросов к св[идетелю] Николаевскому подсудимые не имеют, и с их согласия свидетель от дальнейшего присутствия в зале суд. заседания был освобождён.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ПОЯСОВ:

Арестованного Дудина я и Карамышев вызывали и говорили ему, что он провоцирует нас в отношении Филиппова, но Дудин настаивал на своих показаниях, написал даже заявление, и все материалы мы направили в Киев.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ по делу пояснил:

Никогда преступной деятельностью я не занимался, мог только как и все люди ошибаться или меня могли подвести.

Обвинение в единоличном рассмотрении от имени тройки дел категорически отрицаю. В обоснование этого пункта обвинения следствие проводит только одно дело Трубия, доказательства по которому зиждятся лишь на показаниях Февральской о том, что якобы на следующий день после допроса мной Трубия я дал коменданту предписание на расстрел его, а во время допроса применял к нему физическое воздействие.

Показания Февральской – несостоятельны. Трубия я допрашивал 10 октября 1938 г., а после того, 1-го ноября, его допрашивали Зайденберг и Готовцев, и в период между первым и пятым ноября ему были даны ими очные ставки. Таким образом, утверждение Февральской о том, что Трубий был включён в протокол заседания тройки на следующий день после допросов его мною, отпадает.

О применении мною физического воздействия к Трубию Февральская говорит на основе предположения: «Слышала шум». Это её предположение опровергается свидетелями Поясовым, Гончаровым и Чайковским. К тому же двери моего кабинета были обиты, и слышать, что происходило в нём, вообще нельзя.

Свид[етель] Готовцев утверждает, что он участвовал с Зайденбергом в допросе Трубия и что дело Зайденбергом докладывалось на тройке в его присутствии. Это подтвердил и Зайденберг. Кроме того, в деле имеется повестка к заседанию тройки, подписанная Зайденбергом и Готовцевым.

Мне кажется, что история с Трубием раздута. Его бессмысленному заявлению почему-то верят, тогда как признания, данные в своё время обвиняемыми, выступающими ныне в качестве свидетелей, берутся под сомнение, несмотря на то, что они подтверждены свидетельскими показаниями. Я имел задание Наркомата допросить Трубия по его заявлению и все материалы направить туда. Я так и сделал. Почему при допросе Трубия я не должен был вызвать Гончарова. Ведь из Наркомата мне сообщили, что всё уже в порядке.

Кто такой Трубий. Это – старый кадровый эсер, бежавший в царское время из России и возвратившийся потом нелегально. Согласно директивам Центра, он подлежал аресту, независимо от наличия на него материалов, а ведь он здесь связался с агентами иноразведки. Тройка вопрос о нём решила правильно.

На вопросы суда под[удимый] КАРАМЫШЕВ:

И у Старыгина, и у Ланчуковского на повестку по делу Трубия такие были отметки о расстреле. Правда, сейчас удостовериться в этом не представляется возможным, так как вторые экз[емпляры] повесток были уничтожены после моего отъезда из Николаева.

Под[удимый] КАРАМЫШЕВ продолжает пояснение:

Поясов заявил здесь, что не знает случая, чтобы дела я рассматривал единолично, а ведь он почти всегда присутствовал на заседаниях тройки. То же подтвердили Шейнберг и Самойленко. Последний также показал, что комиссия, проверявшая документы тройки, признала, что по работе тройки наша область была наиболее благополучной.

Тройка как чрезвычайный орган была создана для борьбы со шпионами всех мастей и толков. В тот период директивами центра нам предоставлялось право ареста по оперативным спискам без санкции прокурора. Перебежчики же и харбинцы подлежали аресту даже без наличия на них материалов, и для рассмотрения дел обвинительные заключения были не обязательны. Этот порядок был установлен не Карамышевым, а авторитетными вышестоящими органами. Да и судебные инстанции в той обстановке рассматривали дела в таком же примитивном порядке, и

ведь одна очень авторитетная судебная инстанция рассматривала в день по 30 дел. Вот какая была обстановка, когда я приехала в Николаев на должность начальника УНКВД.

От бывшего нач[альника] УНКВД Фишера я принял около 2000 арестованных. В области действовали опергруппы, производившие беспорядочные аресты. Вопреки приказам Наркомата, я превратил опергруппы в следственные для разгрузки от арестованных, и из числа принятых мною 2000 арестованных освободил около 600–700 чел.

После этого тройка приступила к работе, однако, когда после одного–двух заседаний поступили сигналы о неблагополучии с рассмотренными тройкой делами, я сразу принял меры к пересмотру этих дел, и часть осуждённых тройкой же была освобождена. Считаю, что поступил здесь по-большевистски.

Совместно с облпрокуратурой я издал директиву, запрещающую аресты на районах без санкции УНКВД и облпрокуратуры, и на 1.1.[19]39 г. у нас по области было только 120 арестованных. Разве одно это не говорит за осторожный подход к арестам?

Приказом НКВД не предусматривался просмотр прокурором дел, передаваемых на тройку. Я же ввёл такой порядок, а по линии УНКВД проверку дел возложил на своего заместителя Поясова. Ввёл также повестки по делам к тройке, и начальники отделов своей подписью на них отвечали за правильность содержания повестки.

Отсутствие системы фотографирования арестованных допускало возможность ошибок при приведении приговоров в исполнение, и потому я такую систему ввёл.

Я запретил допрос в качестве свидетелей агентуры, что широко практиковалось до меня.

Тройки работали по лимитам, и эти лимиты предусматривали исключительно первую категорию. Из имеющейся в УНКВД переписки можно установить, что я категорически отказался судить только по 1-й категории, а судил и по 2-й, и у нас осуждено в 10 раз меньше, чем в любой области. Я приостановил ряд решений по первой категории, вынесенных Москвой (дело Харитоновой⁷³ и др.), в связи с поступлением новых данных, опровергавших прежние материалы, и добился изменений этих решений.

Считаю, что в меру своих сил я сделал всё для предотвращения возможных ошибок.

В 21.00 объявлен перерыв суд. заседания.

В 21.40 суд. заседание продолжается.

Подс[удимый] КАРАМЫШЕВ продолжает свои пояснения.

Инкриминируемое мне стимулирование извращённых методов следствия я отрицаю самым категорическим образом. Этот пункт обвинения – принципиально неправильный и несостоятельный, так как физические методы были санкционированы ЦК партии, и применяются по сей день. Что касается меня, то я лично даже недооценивал физические методы, и

⁷³ У документі прізвище помилково у чоловічому роді – дело Харитонова.

вопрос о них мне стал понятен полностью лишь после ознакомления с разъяснением ЦК от 1938 г.

Вскрыв после своего приезда в Николаев наличие искривлений в следствии, я проделал следующее:

ликвидировал по области особые спецкамеры, где избивали арестованных;

принял меры к очистке аппарата от разложившихся работников (Малиновский и друг.);

провёл работу по укомплектованию аппарата за счет коммунистов и комсомольцев, мобилизованных по партлинии, и в итоге обновил аппарат на 30–40 %.

Установив, что эти мероприятия не полностью достигли цели, я стал на путь применения решительных мер к работникам, продолжавшим извращения, и мною были арестованы с преданием суду Лившиц, Даров, Гавриленко. Одновременно провёл обследование всех звеньев областного аппарата и периферии, в результате чего отстранил от работы Мишустина, Лавриненко и других с наложением на них дисциплинарного взыскания или удаления вовсе из органов.

Несмотря на это, отдельные рецидивы всё же имели место, что объясняется теми немислимыми условиями, в которых я находился. Успенский игнорировал меня на каждом шагу и в итоге в присутствии Злобинского, Новак и других заявил мне, что вопрос о моём аресте решён, и я должен заготовить сухари. Обвиняя меня в суживании операции, Успенский присылал сюда бригады, которые подменяли меня, самостоятельно производили аресты, и действия этих бригад мне потом приходилось исправлять. Эти бригады культивировали среди сотрудников мнение, что на меня не нужно обращать внимание, что физические методы санкционированы свыше, и сами показывали пример. Так, демонстрируя методы работы Наркомата, бригада Ратынского избивала здесь Данилова, бригада Злобинского – Бондаря, а сам Злобинский избил Наливайко. По этому вопросу я вёл переговоры с руководством Наркомата, но ничего не могло, так как вопрос обо мне был уже решён. Почему же я должен нести ответственность за те действия, которые делались вопреки моим указаниям или втайне от меня.

Дело Фомина, Гаврилова, Афанасьева, Бондаря изолировано рассматривать нельзя. Оно – часть общей право-троцкистской организации, ликвидированной в Николаеве. Диверсионная группа Степанова также являлась частью этой организации, и в открытом судебном заседании Степанов дал показания, изобличавшие Гаврилова. Группа Волкова и Кондратьева, следствие по которой проводилось в НКВД УССР, изобличала Фомина, Деревянченко и других. По этой же организации Военным Трибуналом были осуждены Беликов и Плетнев, и последний также изобличал группу Фомина. Кроме того, на эту группу имелись официальные, а также солидные агентурные материалы. Допросы участников этой группы проводились в разных условиях разными работниками в присутствии представителей военной прокуратуры, и это исключает возможность применения к ним мер воздействия. Ведь все эти лица давали

свои признания и после постановления ЦК от 17-го ноября 1938 г., когда и речи не могло быть о физическом воздействии. В делах имелись заключения высокоавторитетных экспертных комиссий о подрывной деятельности этих лиц, невыполнении планов по товарной продукции и проч. Свидетели Федотов, Купный и другие утверждают, что Гаврилов и Фомин давали показания спустя 1–1½ часа после ареста без применения мер. Сухоленцев и Волков также были вынуждены признать, что их показания не обуславливались физическим воздействием. В итоге можно сказать, что при наличии таких данных считать это дело несостоятельным было нельзя, а также не было оснований думать, что к обвиняемым применялось физическое воздействие. Правда, по этому делу были оговорены отдельные лица, как Сухоленцев, но основные фигуры являются врагами и освобождены неправильно, либо по недомыслию, либо в порядке попустительства врагами. Как пример можно указать на Деревянченко. Деревянченко — это бывший второй секретарь обкома, ставленник Косиора. На районной заводской партконференции он был изобличён в связях с врагом Волковым, и конференция поставила вопрос о пребывании его в партии. В апреле месяце на областной партконференции он снова был изобличён в тех же связях, а также как политический двурушник. Разоблачал его здесь секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко, и конференция потребовала удаления Деревянченко. В прошлом он анархист, обманным путём получил от государства 2 миллиона рублей, его сестра за диверсионный акт была осуждена к ВМН. Уже по одному этому в соответствии с приказом Москвы он подлежал направлению на Особое совещание, и освобождение его из-под стражи — прямое преступление.

Муратов — старый кадровый троцкист, завербованный бывшим работником Одесского обкома Иванченко, был прислан в Николаев Вегером. Он исключил из партии ряд коммунистов, пытавшихся разоблачить его как троцкиста. Материалы об этом поступили из ЦК, и он был исключён из партии. После этого мы и заинтересовались им. И вот этого человека без суда освобождают из-под стражи, а ведь показания он давал в присутствии секретаря обкома.

Гаврилов был исключён из партии, и даже на улице открыто на углах проводил антисоветскую агитацию. Показания у нас о своей к-р деятельности он дал в присутствии прокурора. Кроме того, на него имелись показания о его открытых фашистских высказываниях в камере и сговоре, как отвечать на суде.

Гайзер — явный враг, окончательно разваливший завод, что сам признал на городской партийной конференции. Арестован он был по линии НКВД УССР, на него имелось 15 свидетельских показаний, и сам он дал признание.

Мне инкриминируется отсрочка исполнения приговоров тройки. Такая отсрочка имела место лишь по пяти делам, обуславливалась оперативными соображениями, и ничего предосудительного здесь нет, так как осуждённые не знали о вынесенном им приговоре.

Оценивать работу тройки только по условиям сегодняшнего дня, отбрасывая положение 1938 г., — неправильно. Мне инкриминируется

осуждение по тройке 11 лиц, арестованных после 1-го августа. Почему так получилось? А получилось это потому, что указанные лица проходили по общим делам, и не было никакой целесообразности выделять материал на них в отдельное производство. Кроме того, почти все они являлись кулаками, фабрикантами, белогвардейцами, басмачами, случайно уцелевшими от народной расправы в первые годы Революции. Я считаю, что в части этих лиц тройка действовала правильно, ибо почему арестованный на один день раньше за те же самые преступления мог быть осуждён, а они нет?

Следствие почему-то считает, что тройка не могла рассматривать дела на русских, белорусов, украинцев и евреев. Это произвольный вывод, так как директив, запрещающих рассмотрение таких дел, не было, и быть не могло. В директивах, на которые ссылается следствие, говорится лишь об упоре на лиц определённых национальностей, а в Киеве нам зачитывалось разъяснение в Москве, что русские, белорусы, украинцы и другие подсудны тройке, но только в определённом процентном отношении к общему числу рассматриваемых дел. К тому же большинство инкриминируемых мне по обвинительному заключению дел было получено из Москвы с предложением рассмотреть их на тройке.

В 23.00 объявлен перерыв суд. заседания до 10 ч. 22.ІІІ.1941 г.

22.ІІІ.[19]41 г. в 10.15 суд. заседание продолжается.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ продолжает пояснение по делу:

Следующий пункт обвинения — это рассмотрение тройкой дел на представителей интеллигенции. По этому пункту обвинения прокуратура ссылается на законы, но я считаю, что здесь говорить о законах неуместно, так как сами тройки не были предусмотрены законом. Что представляли из себя осуждённые по этим делам? Разве это социалистическая интеллигенция и разве это лица высокой квалификации? Если Вы к этому делу подходите формально, прошу предъявить мне директиву, где бы учитель считался неподсудным тройке. Таких директив нет. Значит, о них нечего и говорить. Если же разбираться по существу, то тройка вправе была рассматривать эти дела. Так, например:

Дело Гейста прибыло из Москвы с предложением рассмотреть его на тройке. Сам Гейст — член кадетской партии и имеет 20-лет[ний] шпионский стаж. Гордик — дворянин, в прошлом участник восстания, член к-р организации и т. д. Ионас — у него шпионский стаж больше партийного, и он продал нас с потрохами. Укреплённый район в Очакове им построен так, что все батареи скоро окажутся в море.

Чучман — офицер польской дефензивы. Дал чудовищные показания, но обманул 2-й отдел и поговорил честных людей. Я дал указание предварительно проверить его показания, но этих людей арестовали без проверки. Однако мы всё же разобрались и освободили их. Содержались они под стражей не года, как здесь говорили, а 2—3 месяца.

Я самым категорическим образом отрицаю обвинение по этому пункту и считаю, что дела на этих лиц рассмотрены правильно, как по существу, так и по форме, и политике партии действия тройки не противоречат.

Относительно дела Беккера, Бранта и др. Эти люди развалили совхоз. Были исключены из партии, дали показания, да и сами факты — отравление 500 племенных овец — были налицо. Чем доказано, что это дело неостаточно, чем опровергнуты показания Садова? Сейчас свидетели говорят о натяжке дела, но почему же до того не говорили об этом.

Дело Мацковского, Барсукова и других. Какие основания были у тройки считать его неосновательным, да я и сейчас считаю его верным. Материалов по делу было больше чем достаточно, а о том, что обвиняемые были арестованы после первого августа, я не знал.

Дело Онищенко. Онищенко был арестован Наркоматом с санкции республиканской прокуратуры. У нас он задержался по той причине, что, едва переступив порог, стал писать обширные показания, после этого он был направлен в Киев, там, в основном, проводилось следствие, и лишь потом Онищенко снова возвратился к нам, чтобы мы разобрались с его делом.

Меня обвиняют в необоснованных арестах. По этому поводу я должен сказать, что имелась прямая директива Фриновского, предлагавшая произвести аресты всех лиц на оборонных заводах, проходящих по показаниям. Однако этой директивы я не выполнил и, как показал уже выше, к арестам подходил с достаточной осторожностью.

Почему считают необоснованным арест Гаврилова, мне непонятно. Ведь одного того, что имелось на него в горкоме партии, было более чем достаточно для ареста.

Гайзер арестован по распоряжению Наркомата, и арестован правильно. Ведь он же развалил завод, и если бы Гайзера не сняли, то ледокол «Каганович» продолжал бы строиться ещё 4 года.

Считаю, что у нас необоснованных арестов не было, а если в отдельных случаях была подтасовка, знать об этом не мог.

Основания для заведения разработки по бывшим арестованным, освобождённым из-под стражи, имелись полные, на этот счёт есть директива НКВД СССР и Политбюро ЦК партии, и я считаю, что прекращать разработку никаких оснований не было.

По части выписок из протоколов тройки для приведения приговоров в исполнение. По-моему, они вручались коменданту, но если и нет, то это существа дела не меняет.

Многое, относящееся к Фишеру, почему-то переложено на меня.

По части показаний свидетелей мне нечего сказать. Ни один из них не говорил, что являлся свидетелем моей преступной деятельности, да такого свидетеля и быть не может, так как преступлений я не совершал. Показания Черкеса о якобы моих указаниях об аресте 2 тыс. человек объясняется тем, что я его представил к увольнению. Я принадлежу к числу тех немногих людей, которые боролись с Успенским и его окружением, за что подвергался гонению. Однажды на совещании по поводу нашего протокола допроса на 15 листах Успенский заявил, что так работать нельзя. Я спросил: «А если не хватит материалов?». Он ответил: «Должно хватить, это установка Ежова». По поводу такой установки я выступил и сказал, что она пахнет провокацией, за что был выгнан Успенским с совещания.

Была ещё стычка, и после этого я перестал ездить в Киев и вместо себя на совещания посылал Поясова. Результатом этого явились приезды бригад в Николаев из Наркомата, и Успенский мне заявил, что я буду арестован.

В РСФСР я подвергался гонению со стороны Молчанова, на Украине – со стороны Успенского. Я – не виновен, и все дело возникло в результате некритичного подхода к нему. Во имя чего меня держат в тюрьме.

В 11.50 объявлен перерыв суд. заседания.

В 12.00 суд. заседание продолжается.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Ни об одном случае ареста по сфальсифицированным справкам я не знаю. Аресты по заводу были произведены правильно, по показаниям. То же – и по совхозу.

О применении физических методов в аппарате мне было известно, но я принимал все зависящие от меня меры к искоренению этого.

Трубий осуждён тройкой правильно. Осуждение лиц, арестованных после 1-го августа, объясняется тем, что они проходили по групповым делам, и выделение из них в отдельное производство материалов на кулаков, фабрикантов и проч. было бы предательством. Я должен заметить, что не я один заседал в тройке и решал дела. Такими же полноправными членами её были Старыгин и Ланчуковский, но почему всё инкриминируется мне, и они находятся на свободе, а я сижу под стражей?

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

В июне 1938 г. Гарбузов доложил мне о вскрытых им извращениях по Еланецкому РО и действительно поставил вопрос о предании суду секретаря РО Мартыненко. Это было сделано.

Докладывал Гарбузов и о создании Даровым искусственного дела о молодёжной организации, и Даров также был предан суду.

Подсуд[имый] ТРУШКИН по делу пояснил:

В Николаев на должность начальника отдела я прибыл 1 июня 1938 г. По отделу принял 177 арестованных, и за всё время моего пребывания в Николаеве было арестовано 121 чел. Из этого общего числа арестованных в порядке постановления ЦК и СНК от 17.XI.1938 г. было освобождено 37 или 44 чел., судебные инстанции оправдали 14, по тройке прошло от 30 до 40 чел., а остальные осуждены в гласном порядке Военной Коллегией и Военным Трибуналом.

Для обследования работы отдела из Киева приезжала специальная комиссия во главе с зам[естителем] наркома Горлинским, которая проверила все дела и беседовала с каждым арестованным. Серьёзных дефектов эта комиссия не обнаружила, и работа отдела была признана удовлетворительной.

Мне инкриминируются как необоснованные аресты таких лиц:

Седнев. На него были показания бывшего секретаря горкома Муратова, арестованного ещё до меня, и эти показания изобличали Седнева как участника организации. Показания Муратова были перепроверены Старыгиным и Карамышевым, и Муратов им также их подтвердил. Старыгин после этого высказал мнение, что Седнева нужно арестовать, и даже сказал, чтобы для приобщения к делу получить имеющиеся у него

в обкоме материалы на Седнева по партлинии. Почему считают арест Седнева необоснованным, мне непонятно.

Бражников. От директора совхоза Жугайло⁷⁴ поступило заявление о том, что Бражников за рюмкой водки рассказал ему о существовании к-р организации и предложил вступить в неё. Будучи допрошеным, Жугайло подтвердил своё заявление, и в последних числах июня Бражникова арестовали. В первых числах июля был выделен сельскохозяйственный отдел, и следствие по делу Бражникова велось уже там без всякого участия 2-го отдела. Таким образом, показания Черкеса, что ставил передо мной вопрос об освобождении Бражникова, явно не соответствуют действительности.

Василенко. Он арестован сельскохозяйственным отделом, и я к его аресту никакого отношения не имел. Правда, до того Побережный несколько раз обращался ко мне за санкцией на арест Василенко, но я, находя материалы недостаточными, в санкции отказал.

Онищенко. К его аресту я вообще никакого отношения не имел. И почему его арест и фальсификация справки инкриминируется мне, совсем не понятно.

Деревянченко. Вопрос о его аресте ставился ещё до моего приезда в Николаев, так как уже в то время имелись достаточные материалы. Почему же дело Деревянченко инкриминируется мне?

Справки на арест всех этих лиц я лично не составлял, а указания об аресте давал по материалам дела и после получения самим соответствующих указаний.

Относительно Карасёва. Когда я ехал в Николаев, мне в Киеве дали копию протокола допроса Волкова – быв[шего] секретаря обкома, который показал, что он лично завербовал Карасёва в организацию. В Николаеве такие же показания были даны Муратовым, Дудиным и другими. О наличии компрометирующих материалов на Карасёва Гарбузов составил для Карамышева справку, а в октябре 1938 г. Ворониным была составлена справка на арест Карасёва, и её послали в Киев для получения санкции. Справка составлена правильно, в соответствии с имевшимися материалами, и почему её считают не соответствующей действительности, мне непонятно.

Об арестах по Ново-Троицкому району. Чучман в своих показаниях назвал как участников повстанческой организации ряд лиц по Ново-Троицкому району. Его протокол корректировал Карамышев и подлежащих аресту лиц обвёл карандашом. Я дал указание Федоровскому проверить этих лиц, и когда Федоровский это сделал, мы послали Белову специальное предписание об их аресте. До того по вопросу этих лиц Белов ко мне не обращался, и никаких предложений об арестах по Ново-Троицкому району я ему тогда не делал. После того, как Чучман заявил, что он оговорил 2-х человек, я лично послал работников для перепроверки арестованных по показаниям Чучмана, и они были освобождены. Это имело место до постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г.

⁷⁴ Тут і далі у документі помилково – Жугайлова, Жугайлов.

Я утверждаю, что арестованных наедине никогда не допрашивал, а беседовал с ними всегда в присутствии следователя.

Показания Гладкова о том, что я посылал за ним легковую машину и требовал дать заявление об участии Гайзера в организации, а потом сразу же отпустил, не получив этого заявления, никак не вяжется.

Дописки я делал на черновых заметках к протоколу. Эти заметки могли пополняться, и из них можно было исключать не представлявшее ценности для дела. В этих дописках ничего преступного нет, они не являлись вымыслом. И если на Стародубцева были показания, что с ним был разговор о террористической организации, то совершенно правильно, что этот пункт я вписал в черновик для того, чтобы выяснить и согласовать его с[о] Стародубцевым.

Мне также инкриминируется торможение освобождения из-под стражи Малюгина, Левицкого, Бражникова и Ионаса. На первых двух были показания быв[шего] секретаря обкома Волкова, что лично вовлёл их в организацию, и эти показания Волков подтвердил на Военной коллегии. Сами они также признали своё участие и, кроме того, каждый из них дал показание ещё на 2-х лиц. Освобождение их считаю неправильным.

В отношении Ионаса из Донбасса были материалы, что, служа в воинской части, проводил вредительство. В чем заключалось это вредительство, не указывалось, и потому мы запросили подробные материалы. Естественно, что до получения этих материалов мы не могли освободить Ионаса, а по получении, в тот или на следующий день он был освобождён.

На всех оперативных совещаниях я заострял вопрос о недопустимости рукоприкладства к арестованным, и это подтвердили все проходящие здесь свидетели – сотрудники. Когда Гарбузов доложил мне, что таким рукоприкладством занимается недавно переведённый ко мне в отдел работник районного аппарата, я сказал об этом Карамышеву, и по моему настоянию этот работник из УНКВД был послан на район.

Об аг[ентурной] разработке «Ретивые» я узнал лишь на следствии, так как она была заведена после моего ареста. «Герда» – Николаевского на связь я принял 1-го июня, а 1-го июля ушёл в отпуск и больше с «Гердом» не работал. Основные материалы по группе освобождённых им были переданы до того, как я с ним стал работать. Когда к нам поступили компрометирующие материалы на «Герда», его вызвал Юрченко и сказал об этом. «Герд» заявил, что материалы не соответствуют действительности, что они в своё время уже проверялись и как необоснованные отпали. Всё же Юрченко ему сказал, что он произведёт проверку, и после проверки «Герду» было сообщено, что материалы не подтвердились. Я в тот момент, возможно, сказал «Герду», почему он своевременно не сообщил нам об этих материалах, но в этом ничего предосудительного нет, и никакого нажима на него я не оказывал. И сам «Герд» здесь, в судебном заседании, подтвердил, что в отношении группы освобождённых я его не провоцировал, и что основные материалы он дал до меня.

Фомин и Гладков были арестованы задолго до диверсионного акта на заводе. Я со всей откровенностью заявляю, что отношение к Фомину было исключительное, и с ним несколько раз беседовали Карамышев,

Поясов и Карпенко. После пожара на заводе Фомин без применения к нему какого-либо воздействия признал, что о подготовке этого диверсионного акта ему было известно.

Искусственного в деле по заводу ничего не было. Как говорил здесь Федотов, показания обвиняемыми давались без понуждения, и их потом проверяла бригада Злобинского из Наркомата, руководившая следствием по этому делу. Оправдательный приговор по этому делу суд вынес на том основании, что экспертная комиссия на суде дала заключение, что пожар мог произойти не только как результат диверсионного акта, а мог возникнуть совершенно случайно.

Делом о диверсионном акте по заводу интересовалась Москва, и отсюда по линии прокуратуры поступила телеграмма об ускорении следствия. Зам[еститель] облпрокурора Карпенко внёс предложение разделить дела, т. е. непосредственных участников диверсионного акта передать в Военный Трибунал, а остальных, связанных со шпионажем, — на тройку. Технически дело на Барсукова, Чернохатова и Мацковского оформлял Зельцман, проводивший следствие по этому делу. Дело на тройке докладывал я, и тройкой они были осуждены, так как показания на них были веские. Почему по этому делу указаны неправильные даты арестов, нужно спросить у следователя, который составлял документы по делу.

О деле по совхозу. После того, как стало известно о диверсионном акте в совхозе, туда для проведения следствия по распоряжению Карамышева были направлены Винницкий и Козачук. К тому времени у нас уже имелись показания Чучмана о том, что Садома является участником организации, а в отношении Бабаева такие показания дал Нуринов. Кроме того, были показания, что Нуриновым завербован в организацию и Брант, принимавший участие в диверсионном акте в совхозе. Таким образом, арест Бабаева и Садовой был произведён вполне обоснованно. После ареста Брант, признав причастность к диверсионному акту, дал также показания на Бабаева и Садову как о членах организации. Беккер, в свою очередь, показал, что в организацию он завербован Бабаевым, и последний эти показания подтвердил. Ни одного арестованного из этой группы не били, никто из свидетелей также об этом не говорил, и утверждать обратное нет никаких оснований.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Чучман отказался от своих показаний лишь в отношении 2-х лиц. По отношению же остальных, в том числе и Садовой, он свои показания подтвердил.

Подсуд[имый] ТРУШКИН:

Винницкий и Белов здесь заявили, что арест Бабаева и Садовой неоснователен, но на каком основании они так говорят, если следствие по делу не вели.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] КОЗАЧУКА — л. д. 20 т. 6.

В 14.00 объявлен перерыв суд. заседания.

В 14.10 суд. заседание продолжается.

Подсуд[имый] ТРУШКИН пояснил:

На предварительном следствии Винницкий показал, что Лейзеровский якобы говорил ему об уничтожении первых материалов следствия по совхозовскому делу, добытых на месте в Ново-Троицком районе. Однако Лейзеровский как на предварительном следствии, так и на суде заявил, что он только переписал первый протокол допроса и подписал его от своего имени.

Винницкий и Козачук подтвердили здесь, что как Брант, так и Беккер дали признание о причастности к к-р организации и диверсионному акту. Таким образом, обвинение в неосновательных арестах по совхозовскому делу и в неправильном осуждении обвиняемых по этому делу отпадает.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

От Седнева провокационных показаний на Карасёва я не требовал. (Оглаш[аются] показания св[идетеля] Седнева в суд. заседании).

Пред[седательствующий] огласил справку о том, что компрометирующих материалов на Бранта, Беккера, Бабаева, Садомова и Наместюка до их ареста в УНКВД по Николаевской области не имелось – л. д. 188 т. 9.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Справка эта, как было уже установлено на первом суде, не соответствует действительности, и в подтверждение этого я прошу истребовать показания Чучмана.

К ответственности за применение извращённых методов к арестованным я не привлекался.

(Оглаш[ается] л. д. 299 т. 11).

Это взыскание было снято и даже не записывалось в учётную карточку.

О записке арестованного Щербины, якобы написанной им перед попыткой к самоубийству, я ничего не помню, Крюковский же заявил здесь, что её вообще не было.

С получением приказа о своем увольнении я с целью реабилитации себя решил написать докладную записку и потому подобрал для неё материалы. Эти материалы взял на дом, поскольку дела окончательно не сдал и преступлением это не считал. Ведь разрешалось же мне иметь при себе совершенно секретные документы при поездках на доклад в Киев и проч.

У меня были ошибки, но преступления я не совершал, а, наоборот, на всех оперсовещаниях мобилизовывал аппарат на борьбу с извращениями.

(Оглаш[аются] показания подс[удимого] ТРУШКИНА – л. д. 1 т. 2).

Запись эта следователем Груниным сделана неправильно, и подписать её он меня заставил с кулаками перед лицом. В действительности же на основании только одного показания был арестован лишь Жерноклюев.

На вопросы суда подс[удимый] КАРАМЫШЕВ:

Случаев, чтобы я требовал арестов только на основании одного показания, не было.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА подс[удимый] ТРУШКИН:

Моё указание Гарбузову по части Карасёва сводилось к тому, чтобы он составил для Карамышева внутреннюю справку о наличии на Карасёва компрометирующих материалов.

Гарбузов или Воронин действительно докладывали мне, что Бондаря избивали работники киевской бригады, и я об этом, в свою очередь, доложил Карамышеву.

Помню также, что Гарбузов докладывал мне о применении физических мер начальником РО НКВД.

Докладывал ли Гарбузов о своём мнении, что Деревянченко оговаривает руководящих работников Филиппова и Старыгина, не помню.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА подс[удимый] ТРУШКИН:

На арест Жерноклюева Воронин поехал по моему приказанию. Руководство следствием по 1-му отделению осуществлял начальник отделения, я руководил только отдельными работниками этого отделения.

Пред[седательствующий] огласил показания Трушкина – л. д. 111 т. 3.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Применение физического воздействия к Щербине я отрицаю. Санкция на применение этого воздействия к нему была дана Карамышевым в приезд Ратынского и по предложению последнего, однако я, узнав, что Щербина покушался на самоубийство, эту санкцию не применил, а только взял Щербину на воротник и потряс.

Пред[седательствующий] огласил показания подс[удимого] ГАРБУЗОВА – л. д. 134–137 т. 3.

На вопросы суда подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Эти свои показания подтверждаю.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

На прошлом суде Винницкий и Волошин показали, что «отсидки» арестованных были введены до моего прибытия в Николаев.

Седнев, как я уже показывал, был арестован вполне обоснованно. Ионас как национал подлежал аресту согласно приказу Москвы.

Подс[удимый] ГАРБУЗОВ пояснил:

На Седнева были не прямые, а косвенные показания, а этого для ареста недостаточно. По таким же материалам был составлен ряд справок на аресты по заводу, но, несмотря на согласие наркома Тевосяна на эти аресты, я их в отношении ряда лиц всё же не произвёл.

Подс[удимый] ВОРОНИН по делу пояснил:

Виновным себя не признаю.

Мне инкриминируется арест Ионаса и Гущина. По этому пункту обвинения следствие основывается на ничем не обоснованных показаниях одного Киреева, но ведь ему неизвестно, как и по чьему распоряжению аресты были произведены.

Ионас был арестован по показаниям Муратова, которые он дал не мне, а другому следователю, и моё участие в его аресте заключалось лишь в выполнении приказа Трушкина по части технического оформления материала на арест. Следствие по делу я не вёл.

Такое же отношение я имел и к аресту Гущина. Он проходил по показаниям Стародубцева как участник антисоветской террористической организации. Кроме того, на него были материалы по партлинии. По приказанию начальника отдела я написал справку, на основании этой справки Гушин был арестован.

Вообще ни один арест не производился без указания начальника отдела и, таким образом, обвинять меня в необоснованных арестах нельзя. По части Гущина должен сказать, что материалов на него было вполне достаточно, и потому арест его нельзя считать необоснованным. Дописки от руки в справке на арест Гущина я не делал, да и надобности в этом не было.

Гаврилов арестован по показаниям Степанова и Стародубцева. Кроме того, на него имелись материалы по партлинии, и сумма всех этих материалов давала полное право и основание на арест. Справка на него не сфальсифицирована, её писал Федотов и почему она инкриминируется мне, просто не пойму.

Дервянченко был арестован с санкции ЦК КП(б)У и по вполне достаточным материалам. О фальсификации здесь не могло быть и речи, так как он был довольно крупной фигурой, чтобы Трушкин и Карамышев пошли на это.

О деле Меламуда, Фомина и др. Меламуда я в глаза не видел, он 2-м отделом не арестовывался и, следовательно, составлять справку на него я не мог. На Фомина, как уже здесь установлено, имелось много материалов, и в чём же заключается фальсификация, мне неизвестно.

На Гладкова справка была написана в соответствии [с] имевшимися материалами, и в чём там фальсификация, так и не сказали. Правда, если исходить из условий сегодняшнего дня, то материалов может быть и мало, но в условиях 1938 г. их было больше чем достаточно. И если я здесь виновен, то в равной степени как все чекисты Советского Союза, так как и они проводили аресты по таким материалам.

Обвинение меня в провокационном создании агразработки «Ретивые» просто чудовишно. В моём распоряжении имелись материалы по троцкистам со всех отделов. Поступали они также от агентов «Гершова», «Добровольского», «Герда» и ещё одного, и для заведения агразработки их было вполне достаточно. Перед тем, как завести агразработку, мы решили проверить имевшийся агентурный материал, и потому с санкции Юрченко была проведена оперативная комбинация по подслушиванию. Разработка была заведена по указанию Юрченко в полном соответствии с приказом НКВД СССР и никакой фальсификации там нет. Так где же здесь преступление и в чём моя вина?

О незаконных методах следствия. Ни в отношении одного из перечисленных в обвинительном заключении лиц следствие я не вёл, что подтвердили и свидетели. Чикалов заявил, что я вошёл, молча ударил его и вышел. Это же абсурд.

Все свидетели, за исключением Волкова, опровергли обвинение меня в провокации арестованных на дачу показаний о Карасёве. В действительности никакой провокации я не допускал, и показания Волкова голословны, не соответствуют действительности.

О понуждении Стародубцева расширить список участников организации. Свидетель Федотов вынужден был признать здесь, что оснований к такому заявлению он не имеет.

К следствию по делу Жерноклюева я не имел никакого отношения, а то обстоятельство, что вместе с Трушкиным и по его приказанию поехал на арест Жерноклюева, криминалом не является.

Не имел также отношения к следствию по делу Седнева и показания последнего я категорически отрицаю.

Гаврилов показал, что ещё до ареста я и Гарбузов вызывали его на протяжении нескольких дней и требовали признания в участии в организации. Это также абсурд. Был лишь случай, что его задержал Федотов на улице как проводившего а[нти]/с[оветские] разговоры, но после установления в УНКВД его личности он был отпущен. Будучи потом арестованным, Гаврилов сразу же после ареста или на следующий день дал мне обширные показания о принадлежности к правотроцкистской организации. Его я не бил, показаний не вымогал, и дал он их вполне добровольно, что подтвердил здесь и свидетель Альбрехт.

К Волкову ни я, ни, насколько мне известно, и Альбрехт никаких угроз также не применяли и признаний не вымогали.

Бондарь предъявил мне здесь претензию, что я якобы избивал его ключом. Это неправда, так как в первый же вызов он добровольно написал обширное заявление. Ко мне он попал от бригады Злобинского и заявил, что его там избивали. Следов побоев на нем заметно не было, но всё же об этом его заявлении я доложил Гарбузову, а тот – Трушкину. Бондарь также говорит, что в порядке устрашения я при его допросе вызывал коменданта Митрофанова. Это тоже ложь, да и какое могло быть устрашение, если Митрофанов вдвое ниже Бондаря.

Кобцев дал собственноручное заявление более чем на 100 листах. Составленный же мною протокол допроса значительно от этого заявления отличался, так как на допросе Кобцев от части своих показаний отказался.

Повестки по делам к тройке писали следователи, я их подписывал лишь как начальник отделения.

Показания свидетелей – бывших арестованных – ложны, ими продолжается та же организованная работа, которая отражена в агделе «Ретивые».

В заключение хочу сказать по поводу показаний Трушкина о том, что якобы я писал справку на Карасёва. Это ложь. Справка на такие крупные фигуры, как депутат Верховного Совета Карасёв, могла писаться, по меньшей мере, зам[естителем] нач[альника] отдела.

В 16.10 объявлен перерыв суд. заседания.

В 16.15 суд. заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА подс[удимый] ВОРОНИН:

Случая, чтобы в моём присутствии Трушкин заявлял Гаврилову: «Мы сами суд, сами расправа, Николай Иванович нам разрешил», не было.

Также не было случая, чтобы при мне Трушкин называл Чикалову определённых лиц и требовал дать о них показания как об участниках поджога.

Такого случая, чтобы при допросе Кобцева в соседнем кабинете раздавались крики, и Трушкин в виде устрашения обращал на это внимание Кобцева и требовал давать показания, также не было.

Из Киева действительно была прислана выписка из показаний Волкова о том, что Гайзер является членом организации.

Подсуд[имый] ГАРБУЗОВ по делу пояснил:

Меня обвиняют в фальсификации справки на Деревянченко, но фактически она являлась даже неполной. Помимо показаний, коими Деревянченко изобличался как участник организации, у нас имелись документы о том, что он в прошлом принадлежал к федерации анархистов, что был изобличён в связях с врагами, покровительстве и восстановлении их в партии, что при выборах вычеркнул из бюллетеня Хрущёва и что сестра его за диверсию на шахте осуждена к ВМН. Деревянченко показал, что я с целью понуждения его к даче показаний применял к нему физическое воздействие и даже указал дату – 23 ноября. Ложь его оказалась неудачной, так как 23 ноября я в УНКВД отсутствовал: днём оформлял свой развод, а вечером был на юбилейном вечере в порту. Я не только не вымогал от него показаний, а, наоборот, пресекал его, когда он пытался оговорить Старыгина и Филиппова. И не даром при своём освобождении Деревянченко заявил Юрченко, что претензий ко мне не имеет.

Гаврилов ещё за 4 месяца до моего приезда в Николаев был включён в оперлист. Помимо агентурных материалов, на него имелись прямые показания Степанова о принадлежности к троцкистскому подполью, а также официальные материалы по партлинии Федотов уже рассказывал здесь, как Гаврилов был приглашён в УНКВД за антисоветский разговор на улице. Гаврилов намечался к вербовке, и потому в тот вечер с ним была проведена обработочная беседа, после чего он был отпущен и больше его не вызывали. Арестовали его позднее. Ему я не угрожал и его не бил, что подтвердили здесь свидетели.

Кобцев показал, что я ему нанёс несколько ударов по голове. Это неправда. С ним я разговаривал 2 раза, и этот разговор заключается в нескольких словах: в первый раз в присутствии Альбрехта сказал ему, что нужно писать чернилами, а не карандашом, а во вторую встречу, видя, что на нём белые испачканные брюки, предложил написать домой о присылке других. При освобождении он жаловался Юрченко, что его бил Богуславский, а в отношении меня заявил, что никаких претензий не имеет.

Фомин разрабатывался 3-м отделом. В отношении его имелись данные, что он – воспитанник кулака, собирал подписи за реабилитацию троцкиста Плетнева. Допрашивал его Федотов, и Фомин дал собственноручные показания. Я лично спрашивал Фомина, правдивы ли они, и он утверждал это. 3-го августа Федотов доложил мне, что Фомин дал показания о причастности к поджогу на заводе. Когда я спросил об этом Фомина, он подтвердил свои показания, и на мой вопрос, не оговаривает ли, ответил отрицательно. По его показаниям прошел Барсуков, но косвенно и не как участник поджога, а как член организации. Показания Фомина об арестованном с порезанными пятками – просто бред сумасшедшего.

Показания Чулкова я также категорически отрицаю.

При допросе Дудина в Киеве его ответы формулировал вслух Трушкин, я записал, и Дудин протокол подписал. Никаких искажений в протоколе

я не допустил, да и где в этом логика, если допрос производился в феврале 1939 г., уже после постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г.

Бондарь существенно изменил свои показания. Но я заявляю, что видел его только раз. Он тогда мне заявил об избитии его киевскими работниками, после чего я сразу ушёл и о его заявлении доложил Трушкину.

Протокол допроса Стародубцева я корректировал. Так как Стародубцев действительно исключался из партии, я в черновике протокола вписал этот момент и предложил Федотову до окончательного оформления протокола согласовать эту дописку с Стародубцевым. Так как эта дописка соответствовала действительности, Стародубцев с ней согласился.

Ни от Кобцева, ни от Фомина показаний на Карасёва и Филиппова я не требовал, и они сами это на суде не подтвердили.

Показания Афанасьева не соответствуют действительности. 2-го августа с Афанасьевым в конторе завода я разговаривал не наедине, а в присутствии 2-х работников милиции. Как же в этих условиях я мог ударить его.

«Герда» впервые я увидел в июле 1939 г., когда вёл с ним разговор по части выступления его в качестве свидетеля по делу Стародубцева. О материалах «Герда» мне Юрченко сказал, что они Наркоматом взяты под сомнение. В связи с этим, когда на следующий день «Герд» был вызван к Юрченко, я перед ним поставил вопрос, чтобы он прямо сказал, верны ли его материалы. «Герд» это утверждал. Тогда Юрченко предложил провести проверку путём подслушивания, и в результате её мы убедились в антисоветских высказываниях группы освобождённых. Несмотря на это, я всё же говорил Юрченко, что эти материалы нужно ещё проверить другими источниками. Спустя пару дней «Герд» заявил мне, что ему разрабатываемые им люди не доверяют, и я тогда же предложил ему прекратить их разработку. Агентурная разработка «Ретивые» была заведена по распоряжению Юрченко на основании приказа НКВД СССР.

Чем объяснить, что свидетели – бывшие арестованные дают на меня клеветнические показания? Я думаю, что здесь влияние Твердохлебенко. Ведь заявлял же Винницкий, что Твердохлебенко твёрдо ориентировал его на дачу показаний против меня, жаловался мне на это Федотов. В этом убеждает меня и тот факт, что против меня выступают свидетели, которых я даже в глаза не видел. Как, например, Левицкий.

Меня обвиняют в незаконных арестах. Я чистосердечно заявляю, что ничего подобного не было, наоборот, ещё до постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. я, несмотря на сопротивление быв[шего] нач[альника] УНКВД Фишера, освободил десятки людей.

По Голо-Пристанскому району было арестовано 4 человека. Просмотрев их дело, я убедился, что никаких оснований к аресту не имеется, и доложил своё мнение о необходимости освобождения этих лиц. Толкачев и Фишер не согласились, тогда я пошел к зам[естителю] облпрокурора Карпенко, согласовал этот вопрос с ним, попросил, чтобы он официально предложил об освобождении, и арестованные были освобождены.

В 1937 г. был арестован секретарь Баштанского РПК. Установив, что арест был вызван на почве личных счетов с ним начальника РО Вальтуха,

я арестованного освободил. Такие освобождения я производил по ряду районов самостоятельно, так как начальники РО боялись сами ставить об этом вопрос.

За 1938 г. по УНКВД были вскрыты 3 факта фальсификации следственных дел и создания искусственных организаций, и все эти 3 случая разоблачения принадлежат мне. Всё это имело место до постановления ЦК СНК от 17.XI.[19]38 г., и как же в таком случае я мог сам незаконно арестовывать. Я чистосердечно заявляю, что если бы все сотрудники поступали так, как я, то никаких безобразий не было бы. Как только мне становилось известно о фактах применения физических методов воздействия к арестованным, я немедленно принимал все меры и делал всё возможное для ликвидации этих безобразий и недопущения их впредь.

По делу пожара на заводе я не провёл ни одного ареста и не подписал ни одного документа. О том, что дело на Барсукова, Мацковского и других было выделено из общего дела и передано на тройку, мне стало известно постфактум. По этому вопросу я беседовал с Зельцманом, тот мне сказал, что [по] вопросу выделения дела на Барсукова и других Трушкин беседовал с руководством, после чего предложил ему – Зельцману выделить материал.

На вопросы суда подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Был такой единственный случай, что я зашел к Федотову и Танфилову при допросе ими Чулкова. Последний в тот момент писал показания. Я перебросился с ними несколькими словами и ушёл. Какой же смысл было бить Чулкова, если он уже давал показания.

(Оглаш[аются] показ[ания] Чулкова – л. д. 283 об. т. 8).

Это заявление Чулкова категорически отрицаю. Между прочим, в заявлении он склоняет Эльзона, а ведь тот никогда и никакого отношения к Чулкову не имел.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

У меня лично сменная работа с арестованными и «стойки» никогда не применялись. После приезда в Николаев Трушкина я как-то увидел, что в других отделениях арестованных заставляли стоять и допрос их производили посменно. На мой вопрос работники мне ответили, что это делается по распоряжению Трушкина.

С приказами по работе тройки я не знаком, и на оперативных совещаниях они не оглашались.

Против освобождения арестованных по делу Стародубцева Трушкин не возражал.

Случаев баракольства со стороны Трушкина я не замечал.

На вопросы суда подс[удимый] ГАРБУЗОВ:

Применялись ли «стойки» в отделении Воронина, не знаю.

Фомин – антисоветский человек. После своего освобождения он поехал в Москву, и потом из НКВД СССР поступила ориентировка, что в Москве он проводил антисоветские разговоры, и нам было предложено взять его в активную разработку.

Щербину Трушкин бил.

С Прицкером получилось так. Ко мне пришел Басов и доложил, что не может допрашивать Прицкера, так как тот отказывается отвечать на вопросы. Я пошел к Прицкеру, но он и мне заявил, что отвечать не будет. Я предупредил Прицкера, что если он будет так себя вести, то отправлю в карцер. В ответ на это Прицкер набросился на меня, вцепился мне в волосы, и мы оба вывалились в коридор. Тут подбежал Воронин и оттолкнул от меня Прицкера. Я Прицкера не бил. Били его Толкачев и другие работники.

В 21.00 объявлен перерыв суд. заседания.

В 21.45 суд. заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Следствием по отделению Воронина руководил Трушкин. Вообще последний, по-моему, игнорировал Воронина.

На вопросы подс[удимого] ТРУШКИНА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Справку на арест Гаврилова составлял я на основании показаний Степанова и Стародубцева. Имелись также материалы за 1934 г.

На вопросы подс[удимого] ГАРБУЗОВА св[идетель] ФЕДОТОВ:

Из Москвы нам была прислана ориентировка о том, что Фомин, будучи там в командировке, после освобождения проводил явно антисоветскую работу. Этой же ориентировкой предлагалось изыскать агентурные возможности для активной разработки Фомина. Аналогичные указания были и по другим освобождённым.

На вопросы суда подс[удимый] ТРУШКИН:

Тейтель — бывший зам[еститель] нач[альника] отдела Черниговского УНКВД, взаимоотношения у меня с ним были неважные, мы почти каждый день ругались.

(Оглаш[аются] показ[ания] Тейтеля — л. д. 13—15 т. 4).

Показания Тейтеля ложны, и я их категорически отрицаю.

С Шепетиным столкновений не имел, и взаимоотношения у нас были нормальные.

(Оглаш[аются] показ[ания] Шепетина — л. д. 10—12 т. 4).

Показания Шепетина не соответствуют действительности, они у него выбиты, и я их отрицаю.

Выговор по партлинии я не получал.

(Оглаш[ается] выписка из прот[окола] засед[ания] парткомитета — л. д. 288 т. 11).

Горком этого решения не утвердил.

Состав суда обозрел истребованные согласно определения приказы по УНКВД о наложении бив[шим] нач[альником] УНКВД Карамышевым взываний на работников за извращение следствия, протоколы заседаний тройки от 26.9.[19]38 г. № 2, от 26.X.[19]38 г. № 62 и от 5.XI.[19]38 г. № 73.

Секретарь доложил, что из вызванных свидетелей в суд. заседание не явились: **ФОМИН, ВОЛОШИН, ЗЕЛЬЦМАН, ДЕРЕВЯНЧЕНКО, ЧАЙКОВСКИЙ, ШКЛЯРОВ, ПОБЕРЕЖНЫЙ, ЕФРЕМОВ, ГОХМАН.**

На вопрос пред[седательствующего] о возможности закончить слушание дела в отсутствии названных свидетелей подсудимые **КАРАМЫШЕВ,**

ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ, ВОРОНИН ответили, что они считают возможным закончить слушание дела без этих свидетелей.

Совещаясь на месте, ВТ вынес определение:

Имея в виду, что в деле имеются показания отсутствующих свидетелей, что вопросы, которые эти свидетели могут подтвердить, в достаточной степени выяснены, а потому, учитывая согласие подсудимых,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Дело закончить слушанием в отсутствие не явившихся свидетелей Фомина, Волошина, Зельцмана, Штерн[а], Деревянченко, Чайковского, Шклярова, Побережного, Ефремова и Гохмана.

В порядке дополнения судебного следствия подсудимые задали вопросы свидетелям.

На вопросы подс[удимого] ВОРОНИНА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Работой по следствию в 1-м отделении руководил не Воронин, а Трушкин.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ПОЯСОВ:

О своих взаимоотношениях с Успенским Карамышев мне не рассказывал, но дважды, несмотря на то, что в Наркомат вызывали лично его, он не поехал, а послал меня.

С приказами НКВД УССР и НКВД СССР начальников отделов всегда ознакамливали.

Других отношений, кроме официальных, я между Трушкиным и Карамышевым не замечал.

На вопросы подс[удимого] КАРАМЫШЕВА св[идетель] ЛЕЙЗЕРОВСКИЙ:

Я помню случай, когда в моём присутствии Карамышев плохо отозвался о Трушкине.

Больше дополнить суд. следствие подсудимые ничем не имеют, и такое объявлено законченным.

В 22.45 объявлен перерыв суд. заседания до 12.00 23.III.[19]41 г.

23.III.[19]41 г. в 12.00 суд. заседание продолжается.

Комендант суда доложил, что 22.III.[1941 г.], по окончании судебного заседания, подсудимый Трушкин пытался совершить побег, но был задержан в вестибюле УНКВД (вручает пред[седательствующему] рапорт о попытке побега Трушкина).

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Рапорт комендант суда о попытке к побегу подс[удимого] ТРУШКИНА приобщить к делу.

Подсудимым предоставлено последнее слово.

Подсуд[имый] КАРАМЫШЕВ:

Я принадлежу к числу работников, выдвинутых на руководящую работу в 1938 г., и в должности начальника УНКВД работал всего лишь 7–8 месяцев. Работать мне пришлось в сложной политической обстановке и в условиях вражеского руководства. Однако я делал всё в пределах своих сил и возможностей, чтобы сколотить аппарат на борьбу с врагами, на борьбу с извращениями, и свидетели здесь показали, что я боролся против всяких извращений, правильно и по-партийному ориентировал

аппарат. Я очистил аппарат от разложившихся работников, укомплектовал его за счет комсомольцев и партийцев, и если рецидивы и безобразия продолжали ещё иметь место, что это объясняется тем, что в отдельные периоды я фактически был отстранён от руководства, которые переходило к бригадам, приезжавшим из Киева.

Я принадлежу к числу тех людей, которые не только боролись с Успенским, но открыто выступали против него. О нём же я сигнализировал в соответствующие авторитетные организации.

В постановлении ЦК партии указано, что органы НКВД свои ошибки допустили благодаря плохому контролю со стороны прокуратуры и парторганов. У нас же не было сколько-нибудь значительного оперативного совещания, на котором не присутствовал бы секретарь обкома. Он же во многих случаях присутствовал и при допросе арестованных. Всё это говорит за то, что ещё тогда я старался приблизить аппарат и работу УНКВД к парторганам, подчинить их влиянию аппарат. Таким образом, показания свид[етеля] Черкеса о моём пренебрежительном отношении к парторганам голосовны, не отвечают действительности. Если бы действительно я так относился к парторганам, как говорит Черкес, то разве меня избрали бы секретарём партийного комитета УНКВД по Ленинградской области, где [я] работал до Николаева, и где насчитывалось около полутора тысячи членов партии.

Наша беда заключалась в том, что мы не всегда могли сразу разоблачить клеветников, но, обнаружив ошибку, мы всегда её исправляли. Если у нас и была арестована группа партийных работников, которых затем пришлось освободить, то аресты их производились либо по требованию Наркомата, либо по требованию авторитетных парторганов.

Тройка при УНКВД действовала в соответствии с директивами НКВД СССР и политикой партии, и по сравнению с другими областями у нас работа была построена много лучше. При рассмотрении работы тройки необходимо учесть, что там не всё зависело от меня, и что я имел только один голос. В качестве примеров могу привести такой факт: у нас было дело Топчило, у которого обнаружили взрывчатые вещества в количестве, достаточном для взрыва всего города с заводами. Я настаивал на передаче этого дела в суд, но секретарь обкома предложил рассмотреть его на тройке.

Мою деятельность по УНКВД нужно оценивать в свете всей проделанной работы, а работа была проделана большая. Нам удалось обеспечить нормальную работу оборонных заводов, которые до того находились в хроническом прорыве, мы разгромили шпионско-вредительские кадры по области и ликвидировали повстанческие проявления.

В 16 лет я вступил с комсомол, служил в частях ОСНАЗа, боровшихся с бандами, по линии ЦК был мобилизован в политотдел МТС, а после убийства Кирова был мобилизован в Ленинград, где провёл ряд дел, имеющих историческое значение. Мне принадлежит честь вскрытия объединённого право-троцкистского центра, я разоблачил физического исполнителя подготавливавшего убийства Сталина, за что от ЦК партии мне была объявлена благодарность. Мною произведён был также ряд других

очень серьёзных дел, и за проделанную работу Правительство наградило меня орденом Ленина.

В свете этих данных намеки на то, что я мог совершить преступление против политики партии, должны отпасть. Преступной деятельностью я никогда не занимался, а, наоборот, всю жизнь боролся с преступлениями и партии никогда не изменял.

Прошу меня оправдать.

Предоставлено последнее слово подсуд[имому] ТРУШКИНУ.

Подс[удимый] ТРУШКИН ничего не сказал.

Посуд[имый] ВОРОНИН:

По части арестов я являлся лишь исполнителем, к тому же аресты производились с санкции прокурора, который предварительно проверял материалы.

Начальником отделения я считался только юридически, а фактически был рядовым следователем, и отделением руководил Трушкин, как это установлено свидетельскими показаниями.

Никакой фальсификации в заведении агдела «Ретивые» не было, и отношения к нему я не имел, за исключением того, что вынес постановление о заведении этого дела. Заведено же оно было вполне законно и материалов для этого было достаточно.

На скамье подсудимых я сижу незаслуженно. Я происхожу из семьи рабочего-мельника. С 1923 г. — в комсомоле, с 1931 г. — в партии и за всё это время не имел ни одного взыскания. В 1928 г. был призван в РККА и служил в погранчастях, где был комсоргом. В 1929 г. принимал участие в подавлении крупного кулацкого восстания в погранполосе и был ранен в голову. В органах НКВД принимал активное участие в партжизни, избирался секретарём парторганизации, по своей непосредственной работе провёл ряд серьёзных дел.

Предъявленное мне обвинение не соответствует действительности. Я прошу учесть все обстоятельства дела и вынеси мне оправдательный приговор.

Посуд[имый] ГАРБУЗОВ:

Выступавшие свидетели приводили много фактов, говорящих за то, что я всегда принципиально и последовательно вел борьбу с нарушителями советских законов. Сопоставьте эти показания с показаниями свидетелей, говорящих против меня, и сделайте вывод.

Я — выходец из рабочих, с 15 лет пошел трудиться, в 20-летнем возрасте вступил в партию, работал на производстве, потом на профработе, откуда в 1932 г. был мобилизован в органы. Работал я всегда честно и провёл ряд крупных серьезных дел.

В Николаеве до августа 1938 г. работал начальником отделения, затем зам[естителем] нач[альника] отдела, был секретарём парткомитета и в последнее время ни к следствию, ни к арестам по сути отношения не имел.

Прошу меня оправдать.

В 13.00 суд удалился в совещательную комнату.

В 21.15 суд вышел из совещательной комнаты и пред[седательствую]щий огласил приговор и разъяснил подсудимыми порядок его обжалования и право на подачу ходатайств о помиловании.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Возбудить перед Президиумом Верховного Совета УССР ходатайство о лишении осуждённого КАРАМЫШЕВА депутатских прав.

2. Повступлении приговора в отношении осуждённого КАРАМЫШЕВА в законную силу орден Ленина сдать в Президиум Верховного Совета Союза ССР.

3. До вступления приговора в законную силу меру пресечения всем осуждённым оставить прежнюю – содержание под стражей.

В 21.30 судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий

Фельдман

Секретарь
военный юрист

Писарев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458 зв.
Оригінал. Машинопис.

№ 59

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова, К. О. Вороніна

18–23 березня 1941 р.

Дело № 0012 1941 г.

Форма № 1
Секретно

**ПРИГОВОР № 24
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

1941 г., марта 18–23 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в г. Николаеве в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего *Фельдмана*
и членов: *мл. лейтенанта г/б Свирского и Воедило*

При секретаре *военюристе Писареве,*

без участия обвинения и защиты, рассмотрев дело № 12–1941 г. по обвинению бывшего начальника УНКВД по Николаевской области КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича, 1905 года рождения, уроженца гор. Сердобск Пензенской области, РСФСР, из крестьян-бедняков, служащего, с незаконченным средним образованием, быв. члена ВКП(б),

русского, в Красной армии не служившего, в органах НКВД с 1928 г., имеет спецзвание «капитан госбезопасности», награждён орденом Ленина, депутат Верховного Совета УССР, арестованного с 4 августа 1939 г., не судившегося;

бывшего начальника 2-го отдела УНКВД по Николаевской области ТРУШКИНА Якова Лукьяновича, 1900 г. рождения, происходящего из граждан г. Керчи Крымской АССР, из рабочих, служащего, с низшим образованием, бывшего члена ВКП(б), русского, служившего в Красной армии с 1919 по 1921 год, в органах НКВД с 1921 г., имеет звание старшего лейтенанта госбезопасности, арестованного 3 августа 1939 г., не судившегося;

бывшего заместителя начальника 2-го отдела УНКВД по Николаевской области ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича, 1909 г. рождения, уроженца ст. Дерюгино Дмитриевского района Курской области, РСФСР, из рабочих, служащего, с низшим образованием, быв. члена ВКП(б), русского, женатого, в Красной армии не служившего, в органах НКВД с 1932 года, имеет спецзвание сержанта госбезопасности, не судившегося;

бывшего начальника 1-го отделения 2-го отдела УНКВД по Николаевской области ВОРОНИНА Константина Афанасьевича, 1906 года рождения, уроженца г. Одессы, из рабочих, служащего, по национальности украинца, быв. члена ВКП(б), служившего в войсках НКВД с 1927 по 1929 г., в органах НКВД с 1929 г., с низшим образованием, сержант госбезопасности, женатого, не судившегося;

– по ст. 206-17 п. «б» УК УССР,

Установил:

Подсудимые КАРАМЫШЕВ, ТРУШКИН, ГАРБУЗОВ и ВОРОНИН, будучи на руководящих и ответственных постах в УНКВД по Николаевской области, в 1938 г. производили массовые необоснованные аресты по недостаточным и непроверенным материалам, а во многих случаях по сфальсифицированным справкам о ряде руководящих работников партийного и советского аппарата, инженерно-технического персонала кораблестроительных и других заводов и специалистов сельского хозяйства.

В результате применения извращённых и провокационных методов следствия к арестованным со стороны ТРУШКИНА, ГАРБУЗОВА и ВОРОНИНА, санкционированных КАРАМЫШЕВЫМ, арестованные давали показания о якобы принадлежности их к к-р организации и проводимой ими к-р и шпионской деятельности.

Так, подсудимый ТРУШКИН 2/VIII–1938 г. в связи с возникшим пожаром на судостроительном заводе № 200 получил распоряжение от руководства УНКВД произвести расследование и выяснить причины возникновения пожара, а также выявить конкретных виновников в совершении поджога.

ТРУШКИН вместо объективного выполнения этого задания искусственно создал несуществующую к-р троцкистскую диверсионную организацию на заводе № 200, состоящую якобы из инженерно-технического и руководящего состава завода, в связи с чем по фальсифицированным справкам

ТРУШКИНА, ВОРОНИНА и ГАРБУЗОВА с санкцией КАРАМЫШЕВА были подвергнуты аресту Чикалов, Бондарь, Афанасьев и др., и в эту же организацию были включены Фомин, Gladков и друг., которые были арестованы в июле м-це 1938 г.

К указанным арестованным были применены извращённые и провокационные методы следствия со стороны ТРУШКИНА, ВОРОНИНА и ГАРБУЗОВА, в результате чего они оговаривали друг друга о якобы проводимой ими к-р деятельности, и дело о диверсионной группе было оформлено и передано на рассмотрение Военного трибунала, однако из этой группы совершенно неосновательно было выделено дело на Мацковского, Чернохатова и Барсукова в то время, как по материалам дела усматривается, что они завербованы в к-р организацию Фоминым, Гавриловым и другими и вместе осуществляли к-р задания, что свидетельствует о том, что дело должно быть рассмотрено вместе, тем не менее, дело о Барсукове, Мацковском и Чернохатове передано на рассмотрение тройки при обл[астном] УНКВД, возглавляемой КАРАМЫШЕВЫМ, и 26.X-1938 г. решением указанной тройки эти лица были приговорены к ВМН, что же касается остальной группы обвиняемых по заводу № 200, дело о коих рассмотрено Военным трибуналом, все, т. е. Фомин, Гаврилов и другие, по суду оправданы и из-под стражи освобождены.

В том же 1938 г., 24/VI в совхозе им. Фрунзе практикантом веттехником Наместюком нечаянно было отправлено 503 шт. овец. Подозревая старшего ветврача совхоза Бранта и зоотехника Беккера в совершении ими диверсионного акта вместе с Наместюком, ТРУШКИН путём применения извращённых методов следствия к Бранту понудил последнего оговорить директора совхоза Бабаева и зам[естителя] нач[альника] политотдела совхоза Садомова, что в совхозе якобы существовала диверсионная организация, в состав которой входили также Бабаев, Садовов, Беккер и Наместюк, и что отравление 503 шт. овец совершено по заданию этой организации, и по явно сфальсифицированным материалам, коими искусственно создана к-р организация, дело на Бабаева, Садомова и др. передано на рассмотрение тройки, и по докладу ТРУШКИНА Бабаев, Садовов, Беккер и Брант приговорены к ВМН, а Наместюк – к 10 г. ИТЛ.

В июне месяце 1938 г. ТРУШКИН предложил нач[альнику] Ново-Троицкого РО НКВД ст[аршему] лейтенанту г/б Белову произвести арест 20 чел. колхозников, вручив список этих лиц. Белов, прочитав список и убедившись, что ТРУШКИН предлагает арестовать чабанов, кузнецов к[олхо]за, председателей колхозов и сельсоветов, категорически возражал против ареста этих лиц при отсутствии каких-либо компрометирующих материалов, ТРУШКИН начал ругать Белова, обвиняя его в том, что он не умеет распознавать врагов, и в категорической форме приказал Белову арестовать этих 20 колхозников. Белов, выполнив приказание ТРУШКИНА, арестовал 20 чел. колхозников и направил их в Херсонскую межрайследственную группу, так как он – Белов отказался вести следствие по делам незаконно арестованных колхозников.

В результате все 20 чел. колхозников Ново-Троицкого района после 9-месячного нахождения под стражей были освобождены.

ТРУШКИНЫМ и ВОРОНИНЫМ с санкцией КАРАМЫШЕВА были арестованы зав[едующий] горкомунхозом Ионас, нач[альник] планово-финансового отдела облЗУ Василенко, секретарь РПК Жерноклюев и другие, к которым применялись извращённые и провокационные методы следствия, и таким путём понудили их дать на себя вымышленные показания, после чего эти арестованные оговаривали также лиц, которые подсказывались следователями ВОРОНИНЫМ и другими.

ВОРОНИН также понуждал арестованных Муратова, Сухоленцева, Волкова и друг. дать показания, что предгорсовета, депутат Верховного Совета СССР Карасёв является якобы участником к-р организации, несмотря на отсутствие компрометирующих материалов на т. Карасёва, подсудимые КАРАМЫШЕВ и ТРУШКИН подписали и направили фиктивную справку на арест Карасёва, добиваясь перед центральными органами санкции на его арест. Таким же путем по фальсифицированным документам был подвергнут аресту секретарь обкома КП(б)У Николаевской области Деревянченко и лишь после длительного нахождения под стражей был освобождён. Для оправдания своих незаконных действий в части необоснованных арестов и с целью добиться обязательного осуждения арестованных ТРУШКИН и ГАРБУЗОВ путём «корректировки» протоколов допроса вносили фразы к-р характера, о которых обвиняемые не говорили, и в случае отказа от подписки таких протоколов применяли к арестованным физические методы воздействия, понуждая их подписывать.

Подсудимый КАРАМЫШЕВ, будучи председателем тройки при УНКВД по Николаевской области, в 1938 году допускал грубейшие нарушения революционной законности, неосновательно осуждал людей на тройке по явно фальсифицированным материалам, которые добывались от арестованных путём извращённых методов следствия, которые им поощрялись и стимулировались.

За время работы тройки под председательством КАРАМЫШЕВА осуждены лица высокой квалификации, как инженеры, агрономы, учителя – 31 чел., также лица, арестованные после 1/VIII–1938 г. – 11 чел., которые согласно приказу НКВД СССР от 17/IX и 21/IX–1938 г. не были подсудны тройке.

КАРАМЫШЕВЫМ допускались единоличные исправления решения тройки, а также осуждения к ВМН.

Так, в июле м-це 1938 г. Скадовским РО НКВД был арестован быв. директор Скадовской средней школы Трубий Н.Н. Будучи ещё на свободе, Трубий написал заявление в НКВД УССР на бывшего нач[альника] Скадовского РО НКВД Гончарова, что последний якобы вербовал его для работы в пользу польской разведки.

В ноябре м-це 1938 г. КАРАМЫШЕВ вызвал Трубия к себе на допрос в 3 часа ночи и понудил его отказаться от поданного им заявления на Гончарова.

Характерно то, что допрос Трубия происходил в присутствии Гончарова, который в то время уже работал пом[ощником] нач[альника] УНКВД по Николаевской области (ныне уволен из органов НКВД), и тогда же составлен

протокол допроса не очной ставки с Гончаровым⁷⁵, а об отказе Трубия от обстоятельств, изложенных в заявлении на Гончарова, и в таком положении дело Трубия было внесено в один из неоформленных протоколов заседания тройки, которое состоялось раньше, и Трубий приговорён к ВМН, несмотря на то, что вопрос в связи с поданным заявлением Трубиём не был ещё разрешен и находился в производстве особоуполномоченного НКВД УССР.

Имели место случаи, когда дела на осуждённых тройкой к разным срокам лишения свободы пересматривались вторично по инициативе секретаря тройки Шейнберга и зам[естителя] нач[альника] УНКВД Поясова, после чего более 150 чел. рабочих и колхозников были освобождены из-под стражи как неосновательно арестованные и осуждённые тройкой.

КАРАМЫШЕВ также разрешил следователям допрашивать осуждённых к ВМН, в связи с чем приговоры эти не приводились своевременно в исполнение, и это также способствовало фальсификации материалов на арестованных.

ТРУШКИН, помимо перечисленных преступлений, совершённых им, будучи нач[альником] 2-го отдела УНКВД, также тормозил своевременное освобождение из-под стражи лиц, неосновательно арестованных, даже в случаях, когда следователи настаивали на их освобождении.

Кроме того, незаконно хранил у себя на квартире секретные и сов[ершен]ные документы, которые были выявлены при обыске.

На основании изложенного Военный Трибунал признал виновным КАРАМЫШЕВА в том, что, будучи нач[альником] УНКВД по Николаевской области, в 1938 г. производил необоснованные аресты партийных, советских работников и специалистов оборонных заводов по сфальсифицированным документам, допуская извращённые методы следствия в следственном аппарате УНКВД.

Как председатель тройки осудил к ВМН директора совхоза Бабаева, зам[естителя] нач[альника] политотдела того же совхоза Садомова, квалифицированных рабочих оборонного завода № 200 Барсукова, Чернохатова и Мацковского, а также директора школы Трубия по сфальсифицированным документам, пропускал и осуждал лиц на тройке, не подлежащих рассмотрению тройки, и с его ведома осуждённые к ВМН вызывались следователями на допрос, как по их делам, так и по другим, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

ТРУШКИНА в том, что, будучи начальником 2-го отд[ела] УНКВД, в 1938 г. производил необоснованные аресты по сфальсифицированным справкам партийных, советских работников, специалистов оборонных заводов, а также сельского хозяйства.

Применял и поощрял незаконные и провокационные методы следствия, создавал искусственные к-р организации на заводе № 200 и совхозе им. Фрунзе, в результате чего были осуждены на тройке по его докладу к ВМН директор совхоза Бабаев, зам[еститель] нач[альника]

⁷⁵ Так у документі. Йдеться про те, що замість протоколу очної ставки між Г. Гончаровим і Н. Трубиєм був складений протокол допиту Н. Трубія з його відмовою від поданої заяви.

политотдела совхоза Садовов, квалифицированные рабочие завода Барсуков, Чернохатов и Мацковский.

Дописывал в протоколы допросов фразы к-р содержания, о которых арестованные не говорили, и путем применения физических мер к последним понуждал подписывать эти протоколы, хранил у себя на квартире совершенно секретные документы, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

ВОРОНИНА и ГАРБУЗОВА в том, что в процессе проведения следственных действий по делам арестованных под руководством ТРУШКИНА, как нач[альника] 2-го отдела УНКВД, применяли извращённые методы следствия, понуждая арестованных к даче неправдоподобных и провокационных показаний, принимали участие в составлении фиктивных справок на арест, а также производили необоснованные аресты партийных, советских работников и специалистов оборонных заводов, занимались подкалыванием фамилий новых лиц и понуждали арестованных оговаривать их о якобы принадлежности этих лиц к к-р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 206-17 п. «а» УК УССР, а не п. «б», как это предъявлено им на предварительном следствии.

Руководствуясь ст. 302 ч. 3 УПК УССР,

Приговорил:

КАРАМЫШЕВА Петра Васильевича лишить звания капитана госбезопасности и на основании ст. 206-17 п. «б» УК УССР подвергнуть высшей мере наказания – РАССТРЕЛЯТЬ с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

ТРУШКИНА Якова Лукьяновича лишить звания старшего лейтенанта госбезопасности и на основании ст. 206-17 п. «б» УК УССР подвергнуть высшей мере уголовного наказания – РАССТРЕЛЯТЬ с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

ВОРОНИНА Константина Афанасьевича на основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР лишить свободы в ИТЛ сроком на ДЕСЯТЬ лет (10) без поражения в правах, лишив его звания сержанта госбезопасности.

ГАРБУЗОВА Михаила Васильевича на основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР лишить свободы в ИТЛ сроком на ВОСЕМЬ лет (8) без поражения в правах, лишив его звания сержанта госбезопасности. Мету наказания исчислять ВОРОНИНУ и ГАРБУЗОВУ с момента предварительного их заключения, т. е. с 7-го мая 1940 г.

Приговор может быть обжалован в пятидневный срок с момента вручения осуждённому копии приговоров в Военную коллегия Верховного суда СССР через Военный трибунал войск НКВД Киевского округа.

Председательствующий

Фельдман

Члены:

*Свирский
Воедило*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 484–488.
Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 60

**Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
П. В. Карамішева, Я. Л. Трушкіна, М. В. Гарбузова і
К. О. Вороніна**

30 квітня 1941 р.

Сов[ершенно] секретно. Снято 4 копії

Фельдман.
17/IV–[19]41 г.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2–784
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР**

В составе:

Председательствующего – армвоенюриста УЛЬРИХ,
и членов: диввоенюриста СУСЛИНА и
военюриста 1 ранга БУКАНОВА

Рассмотрев в заседании от 30 апреля 1941 г. кассационную жалобу КАРАМЫШЕВА П.В., ТРУШКИНА Я.Л., ГАРБУЗОВА М.В. и ВОРОНИНА К.А.

на приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 18–23 марта 1941 г. ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусм[отренные] ст. 206-17 п. «б» УК УССР:

1) КАРАМЫШЕВ Петр Васильевич – лишить звания капитана госбезопасности – к РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества;

2) ТРУШКИН Яков Лукьянович – лишить звания ст. лейтенанта госбезопасности – к РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества;

по ст. 206-17 п. «а» УК УССР:

3) ВОРОНИН Константин Афанасьевич – к л[ишению]/свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, без поражения в правах, с лишением его звания сержанта госбезопасности;

4) ГАРБУЗОВ Михаил Васильевич – к л[ишению]/свободы в ИТЛ на ВОСЕМЬ ЛЕТ, без поражения в правах, с лишением его звания сержанта госбезопасности,

и заслушав доклад тов. Суслина,

заключение пом[ощника] главного военного прокурора тов. Малярова об оставлении приговора в силе без изменения,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Материалами предварительного и судебного следствия виновность КАРАМЫШЕВА, ТРУШКИНА, ГАРБУЗОВА и ВОРОНИНА в инкриминируемых им преступлениях полностью доказана, а наказание к каждому

из них применено с учётом степени виновности и тяжести совершённых преступлений, в силу чего приговор Трибунала оставить в силе без изменений, а кассационные жалобы осуждённых отклонить.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР
МЛ. ВОЕННЫЙ ЮРИСТ

Мазуров

Препровождается вместе с делом в 12-ти том[ах], 11 прилож[ениями] и выпиской из прот[окола] засед[ания] През[идиума] В[ерховного]/Совета СССР⁷⁶ в ВТ войск НКВД Киевского округа для исполнения. Копия — ГВП для сведения.

22 мая 1941 г. № 2–784

Секретарь ВК

Мазуров

На документі є:

- 1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;
- 2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 27/V 1941 г. № __»;
- 3) резолюція керівництва Військового трибуналу: «К исполнению. Фельдман. 27/V [19]41 г.»;
- 4) позначка: «Копию для Воен[ной] прокуратуры получил 27/V [19]41 г. Подпись неразборчивая».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 570–570 зв.
Завірена копія. Машинопис на бланку.

---

⁷⁶ Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 9/100-сс від 17 травня 1941 р. клопотання про помилування П. Карамішева і Я. Трушкіна були відхилені, і, таким чином, вирок про застосування до них вищої міри покарання був залишений у силі. (Див.: ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67990, т. 13, арк. 571).

РОЗДІЛ 3. СПРАВА НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО ВІННИЦЬКІЙ ОБЛАСТІ ІВАНА КОРАБЛЬОВА ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС

№ 61

Обвинувальний висновок у справі І. М. Корабльова і
О. М. Запутряєва

7 лютого 1941 р.

По след. делу № 147122

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
Ткаченко¹

«7» февраля 1941 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По след[ственному] делу № 147122 по обвинению КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича и ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР

В Управление Государственной Безопасности НКВД УССР поступили данные о том, что бывший начальник УНКВД по Винницкой области КОРАБЛЁВ И.М. вместе с бывшими работниками УНКВД ШИРИНЫМ Л.Н. и ЗАПУТРЯЕВЫМ А.М. в 1938 году систематически извращали социалистическую законность, проводили массовые и незаконные аресты и незаконными методами ведения следствия искусственно создавали контрреволюционные формирования.

На основании вышеуказанных данных были арестованы КОРАБЛЁВ Иван Михайлович, ЗАПУТРЯЕВ Александр Михайлович и ШИРИН Лазарь Наумович и привлечены по настоящему делу в качестве обвиняемых (дело в отношении ШИРИНА выделено в отдельное производство – см. т. 7, л. д. 31).

¹ У книзі, де вперше опубліковано документ, помилково зазначено прізвище наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова. Однак, згідно з оригіналом документа, висновок затвердив заступник наркома І. Ткаченко. Допис «зам.», свій підпис і число місяця він наніс від руки зеленими чорнилами. Інші правки у документі внесені упорядниками без застережень.

Произведённым следствием установлено, что обвиняемый КОРАБЛЁВ И.М. в 1938 году, возглавляя УНКВД по Винницкой области, в своей практической работе беспрекословно выполнял задания в последствии разоблачённого врага народа УСПЕНСКОГО в соответствии с вражеской деятельностью антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД. (Т. 5, л. д. 2–10, 15–16, 18, т. 1, л. д. 68–69, 83–84, 131, 132, 143²).

Под руководством обвиняемого КОРАБЛЁВА И.М. им лично и при участии привлечённого по настоящему делу ЗАПУТРЕВА и ШИРИНА производились массовые и необоснованные аресты среди рабочих, служащих и колхозников.

Присылаемые из РО НКВД оперативные листы обв[иняемый] КОРАБЛЁВ лично рассматривал и намечал лиц, подлежащих аресту, не проверяя материалы³, на основании которых они были составлены, в результате чего им санкционировались аресты без достаточных к этому данных, а в ряде случаев обв[иняемый] КОРАБЛЁВ утверждал аресты лиц, на которых никаких компрометирующих материалов не было. (Т. 1, л. д. 68–69, 83–84, 88–89, 125–126, 130–132, 147, т. 2, л. д. 86–87, 186, т. 3, л. д. 244, т. 4, л. д. 3, 57,⁴ 97, 98, 137, 138, 166, 237, см. прилож[ения] №№ 1–13).

16.VI–1938 года ШИРИНЫМ были представлены 3 оперативных листа на 200 человек, подлежащих аресту, в число которых были включены бывш. красные партизаны – жители с. Ярышева – ГНАТЮК Даниил, ЧАБАН Кирилл Максимович, ПАСЕНКО Макар, работавший лесником, РАКИЧ, работавший техноруком горных разработок в Ярышевском р-не, колхозник ЧЕРНЮК Терентий Николаевич и другие, на которых никаких компрометирующих материалов на день ареста не было. Вышеуказанные оперативные листы были утверждены вместо КОРАБЛЁВА его б[ывшим] помощником БУТЕНКО, материалы в отношении которого выделены в отдельное производство. (См. приложение № 11, л. д. 2540–2574, обратив внимание на л. д. 2543, 2550, 2554–2556, 2565, 2569, 2573, т. 7, л. д. 32–33).

8 июля 1938 года лично обв[иняемый] КОРАБЛЁВЫМ было утверждено два оперативных листа на 287 человек, подлежащих аресту, в число которых также был включён ряд лиц безосновательно. Так, например: РУДАС Степан Корнеевич, житель г. Гайсина, САСЮК Ефим Иванович, колхозник Гайсинского р-на, ГАВРИШ Константин Спиридонович, б[ывший] заготовитель Заготскота м. Погребище и другие. (См. приложение № 12 – л. д. 3445–3999).

По указанию обв[иняемого] КОРАБЛЁВА И.М., а также и при его личном участии были произведены массовые аресты среди бывш[их] красных

² В оригиналах цього і наступного документів дані у дужках надруковані, як правило, окремим рядком після кожного абзацу. Об'єднано з відповідними абзацами упорядниками.

³ У документі – матеріалов.

⁴ Далі у документі повторно надруковано: «т. 4, л. д.».

партизан, впоследствии дела в отношении отдельных из них были прекращены. (Т. 5, л. д. 120–139).

Кроме того, по распоряжению обв[иняемого] КОРАБЛЁВА были необоснованно подвергнуты аресту б[ывший] сотрудник НКВД КРЖЕВИЦКИЙ, впоследствии осуждённый к ВМН, и САЛЯМОН – бывш[ая] директор польской школы, которая решением Особой Тройки УНКВД была осуждена на 10 лет и впоследствии из-под стражи освобождена за прекращением дела. (См. приложения № 2, л. д. 44 и № 8, л. д. 116, 120).

Обвиняемым ЗАПУТРЯЕВЫМ были подписаны необоснованные справки на арест ПОЛИЩУКА Филиппа Ивановича, колхозника, бывш[его] красного партизана, впоследствии освобождённого из-под стражи, ЛАЗАРЕВА Георгия Константиновича, на день ареста – член ВКП(б), бывш[ий] участник отряда Котовского, и МАСАЛОВА Кузьму, также на день ареста члена ВКП(б), б[ывшего] командира партизанского полка, впоследствии осуждённых Особой Тройкой УНКВД к ВМУН.

В справках на арест ЛАЗАРЕВА и МАСАЛОВА обв[иняемым] ЗАПУТРЯЕВЫМ было дописано о наличии компрометирующих данных, что согласно приобщённым к делу справкам УНКВД не соответствует действительности. (Т. 1, л. д. 294–295, см. прилож. № 10, л. д. 3032–[30]33, 2039, 2041).

В оперативные листы на подлежащих аресту вносились, кроме подчётных лиц, также лица с социальным прошлым и нацменьшинства – немцы, поляки и др. – независимо от того, что материалов об их антисоветской деятельности на день ареста не было, причём аресты вышеуказанных категорий лиц оформлялись как на участников различных антисоветских формирований. (Т. 1, л. д. 130–132, 147, 285, т. 2, л. д. 178, т. 3, л. д. 103, 195, т. 4, л. д. 4, 17, 26, 57, т. 5, л. д. 52).

Таким образом, были подвергнуты арестам лица, абсолютно не причастные к антисоветской деятельности, а также из социально близкой Советской власти среды.

По указанию обв[иняемого] КОРАБЛЁВА, при непосредственном участии ШИРИНА и РЕДЕРА, весной 1938 года был введён метод групповых допросов, так называемая «лаборатория». Сущность этого допроса заключалась в том, что одновременно в комнату вводили 5–10 арестованных и к одному из них применялись методы физического воздействия до тех пор, пока арестованный не соглашался писать заявление о своей «антисоветской» деятельности.

В применении мер физического воздействия к арестованным принимали участие не только следователи, но иногда и подследственные. (Т. 1, л. д. 98, т. 2, л. д. 78, 87, 118, 148, т. 3, л. д. 102, 197, 199, т. 4, л. д. 11, 12, 28, 29, 58, 59, 99, 143, 175, 182, 238, 257, 265, т. 7, л. д. 1–12).

В результате преступной и провокационной деятельности, проводившейся под руководством и указаниям обв[иняемого] КОРАБЛЁВА и при участии обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА, фальсифицировались следственные документы по следственным делам, от арестованных принимались заведомо неправдивые показания и, таким образом, искусственно создавались антисоветские формирования.

Под руководством обв[иняемого] КОРАБЛЁВА и при его личном участии было искусственно создано следственное дело № 104225, по которому было привлечено 18 человек. От всех привлечённых под влиянием извращённых методов следствия были приняты заведомо неправдивые показания о том, что все обвиняемые, проходившие по данному делу, якобы являлись участниками антисоветской бундовской организации.

14.VIII–1938 г. данное дело было заслушано спецколлекгией Винницкого областного суда и в результате 7 человек были осуждены к ВМН, а остальные 10 человек – к разным срокам тюремного заключения и ИТЛ. (Один человек по данному делу умер до суда).

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 13.IV–1940 года настоящее дело было прекращено и всех обвиняемых из-под стражи освободили, за исключением 4-х, которые умерли в тюрьме.

Обвиняемым КОРАБЛЁВЫМ по настоящему делу были утверждены справки на арест 12 человек, составлено и послано спецдонесение в НКВД УССР с указанием о вскрытии фактически не существовавшего антисоветского бундовского центра. (Т. 2, л. д. 29, 38–40, 47–48, т. 4, л. д. 8, 142, т. 7, л. д. 13–30).

В отношении лиц, непосредственно принимавших участие в создании фиктивного антисоветского подполья (ШИРИНА, МАЙСТРУКА и др.), материалы выделены в отдельное производство. (Т. 7, л. д. 32–33).

Таким же образом под руководством обв[иняемого] КОРАБЛЁВА было искусственно создано следственное дело на группу ответственных работников сахарной промышленности КОЖУШКО А.Т., члена ВКП(б) с 1917 года, инженера, награждённого орденом Красного Знамени, МАТЧИНОВА Н.Ф. и ДОЛЕНКО С.Т., обвинявшихся в принадлежности к так называемой диверсионно-шпионской организации.

9–11 июня 1939 года все вышеуказанные лица приговором 437[-го] ВТ КОВО были осуждены к разным срокам ИТЛ, однако Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР своим определением от 25.XI–1939 года приговор ВТ КОВО отменила и дело в отношении КОЖУШКО прекратила, а дело на МАТЧИНОВА и ДОЛЕНКО направила на исследование.

Дополнительным исследованием, проведённым УНКВД по Винницкой области, была установлена несостоятельность предъявленных обвинений МАТЧИНОВУ и ДОЛЕНКО, в результате чего дело в отношении их также было прекращено. КОЖУШКО в настоящее время восстановлен в рядах ВКП(б) и работает на руководящей хозяйственной работе. (Т. 2, л. д. 12, 13, 19, 23, т. 2⁵, л. д. 88, т. 4, л. д. 4, 140, т. 5, л. д. 108–119).

В отношении лиц, которые принимали непосредственное участие в создании этого дела (ДАНИЛЕЙКО, АНТОНОВА и др.), материалы выделены в отдельное производство. (Т. 7, л. д. 32–33).

В производстве 3[-го] Отдела УНКВД по Винницкой области было след[ственное] дело на группу колхозников Казатинского р-на: СМУТНОГО, ШТОЛЬЦА, ФРИБЕРА, ВАШИРОВСКОГО, ЯВУРЕКА, ФОГЕЛЯ, БЕЗЕ, БАЛЬЦЕРА, рабочего ПИРКЛА и учителя ДОЛЕЖАЛА.

⁵ Так у документі. Вірогідно, правильно – т. 3.

Вышеуказанное дело было передано в УНКВД из Казатинской опергруппы, где все обвиняемые дали показания о своей принадлежности к чехословацкой разведке, однако, никаких других данных, которые бы подтверждали их показания, не было.

Несмотря на это, дело по обвинению ВАШИРОВСКОГО, ЯВУРЕКА и др. с согласия обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА было представлено для рассмотрения на Особой Тройке УНКВД, где обв[иняемый] КОРАБЛЁВ предложил настоящее дело со слушания снять и «добиться» показаний о принадлежности обвиняемых к шпионской деятельности в пользу Германии.

Под руководством обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА им лично и при участии ныне осуждённого по другому делу ВОДКИНА первичные показания обвиняемых из дела были изъяты, а вместо них были составлены фиктивные протоколы допроса, которые, по существу, переписаны с указанием в них о принадлежности обвиняемых к шпионской деятельности в пользу Германии, а не Чехословакии.

На протоколах были проставлены вымышленные даты и даны на подпись обвиняемым, причём на отдельных протоколах допроса поставили подпись сотрудника УНКВД МАКСИМЕНКО, ранее допрашивавшего этих обвиняемых, для чего сохранили первые анкетные страницы протоколов допроса, которые записывал МАКСИМЕНКО.

Одновременно из дела были изъяты постановления о предъявлении обвинения, вынесенные МАКСИМЕНКО, где было предъявлено обвинение в проведении шпионской деятельности в пользу Чехословакии, заменив их постановлениями, написанными от имени МАКСИМЕНКО со старыми датами, где уже инкриминировалось обвинение в проведении шпионской деятельности в пользу Германии. За МАКСИМЕНКО подписал постановления ныне осуждённый ВОДКИН.

Это было сделано в течение нескольких дней, и все обвиняемые были приговорены Особой Тройкой УНКВД к ВМН как германские шпионы. (Т. 1, л. д. 75–76, 172–173, 176, 179–185, 186–190, 195–196, 203–204, 206–208, т. 4, л. д. 190, 191, 205, 229, 265, т. 6, л. д. 19–20, 23–24, 25, 27, 29, 34, 35, 38, 39, 41, 42, 43, 53, 60–127, 129–198 – см. отдельное приложение № 263100).

Обвиняемый КОРАБЛЁВ, зная о том, что работники УНКВД извращают социалистическую законность в отношении подследственных, вынуждают их давать заведомо неправдивые показания, оговаривать себя и других, всячески поощрял и стимулировал эту враждебную практику работы, создавая обстановку своеобразной поспешности, что привело к тяжёлым последствиям. (Т. 4, л. д. 2, 3, 11, 29, 96, 97, 139, т. 5, л. д. 140–141).

Обвиняемым ЗАПУТРЯЕВЫМ составлялись протоколы допросов подследственных в их отсутствие, а затем они давались на подпись арестованным. (Т. 1, л. д. 76, т. 2, л. д. 77–88, т. 3, л. д. 19, 110, 115, 118–119, 182, т. 3, л. д. 257, т. 4, л. д. 100, 174).

Кроме того, следствием установлено, что по распоряжению КОРАБЛЁВА и при участии обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА лица, осуждённые Особой Тройкой УНКВД по Винницкой области к ВМУН, вызывались в оперативные отделы, где они длительное время допрашивались по

своим и особенно по делам других арестованных. (Т. 1, л. д. 107, 113–114, 272, т. 3, л. д. 88, т. 4, л. д. 225, т. 6, л. д. 198–282, 325).

Следствием также установлено, что в нарушение директивных указаний НКВД СССР на Особой Тройке УНКВД по Винницкой области, возглавляемой обв[иняемым] КОРАБЛЁВЫМ, заслушивались следственные дела, которые не подлежали рассмотрению Судтройкой. (Т. 4, л. д. 225, т. 5, л. д. 142–146, 147–149).

Преступная работа по следствию со стороны обв[иняемого] КОРАБЛЁВА ещё подтверждается его же докладами, адресованными врагу народа УСПЕНСКОМУ.

27.IV–1938 года КОРАБЛЁВ писал УСПЕНСКОМУ:

«Представленный по тройке лимит использован полностью. Имеется ряд законченных дел – повстанческие отряды, подлежащие рассмотрению Тройки. До разрешения вопроса в центре об общем увеличении лимита прошу предоставить мне дополнительный лимит за счёт одного из Управлений НКВД, хотя бы пока 300–500 человек первой категории».

По сообщению КОРАБЛЁВА же от 29.IV–1938 года, т. е. через два дня, видно, что из представленного «лимита» на 400 человек первой категории осталось на 29 апреля 1938 года 301 человек, т. е. за два дня было расстреляно 99 человек. (Т. 5, л. д. 54, 55–56).

В докладной записке от 15.V–1938 года КОРАБЛЁВ УСПЕНСКОМУ писал:

«Представленный лимит на 3 400 челов[ек], в том числе по первой категории 3 200 челов[ек] и по второй категории 200 челов[ек] на 11 мая 1938 года полностью использован». (Т. 5, л. д. 57–60).

Таким образом, преступная деятельность обвиняемых, выразившаяся в проведении преступной практики в оперативно-следственной работе, в проведении массовых необоснованных арестов и создании искусственным путем антисоветских формирований, полностью доказана.

В предьявленном обвинении КОРАБЛЁВ И.М. виновным себя признал полностью, заявив, однако, что в то время он свои действия не считал преступными. (Т. 1, л. д. 68–69, 83–84).

Обв[иняемый] ЗАПУТРЕЯВ А.М. виновным себя не признал, мотивируя тем, что преступником он себя считать не может, но признаёт отдельные «ошибки», допущенные им в период 1938 года. (Т. 1, л. д. 300).

В преступно-провокационной деятельности изобличаются показаниями свидетелей: ГЛУЩЕНКО М.С. (т. 2, л. д. 69–98), ГУНИ А.А. (т. 2, л. д. 148–150), АЛЕКСЕЕВОЙ А.Т. (т. 2, л. д. 178), ШАБУНИНА А.В. (т. 3, л. д. 19), ГЛУССКОГО И.А. (т. 3, л. д. 101–102), ТЕУША Л.М. (т. 3, л. д. 110, 114–115), БЕРКУТЫ А.П. (т. 3, л. д. 118–119), КЛЯТЫШЕВА Н.А. (т. 3, л. д. 161–162), НАЗАРЕНКО А.П. (т. 3, л. д. 187, 193–194), ЛАВРЕНТЬЕВА В.А. (т. 3, л. д. 197–199), ЯЦУНСКОГО В.Г. (т. 3, л. д. 244–245), АГЕЕВА И.С. (т. 3, л. д. 249, 257), ШИРИНА Л.Н. (т. 4, л. д. 2–4, 11–14, 26, 28–29), ДАНИЛЕЙКО Г.П. (т. 4, л. д. 56, 58, 77), МАЙСТРУКА В.Ф. (т. 4, л. д. 96–98, 137–140, 142–143), БУТЕНКО Н.С. (т. 4, л. д. 166), ТАТАРЧУКА А.А. (т. 4, л. д. 173–175, 182), ЛЕВИНЗОНА А.Е. (т. 4, л. д. 189–191, 205, 207), ПЕРЕПЕЛЯКА М.И. (т. 4, л. д. 225, 229), УРЛАНГА С.Я. (т. 4, л. д. 237–238), ВОЛОШИНА В.В. (т. 4,

л. д. 257), ЛИТВАКА С.Г. (т. 4, л. д. 262), МАРТЫНЮКА Г.М. (т. 4, л. д. 265), МАКСИМЕНКО (т. VI, л. д. 38–39, 14–43, 53), СМИРНОВА Н.И. (т. VII, л. д. 89–91), ТИМОФЕЕВА П.П. (т. VII, л. д. 92, 93) и очной ставкой между обвиняемым КОРАБЛЁВЫМ и свидетелем ШИРИНЫМ (т. 4, л. д. 308–326), а также вещественными доказательствами по делу.

На основании вышеизложенного **ОБВИНЯЮТСЯ**:

1. **КОРАБЛЁВ** Иван Михайлович, 1899 года рождения, уроженец села Мисино Холменского уезда, русский, гр[аждани]н СССР, член ВКП(б) с 1919 года по день ареста, образование низшее, бывший начальник УНКВД по Винницкой области, в момент ареста – зам[еститель] нач[альника] Архбумстроя, по званию – майор госбезопасности;

2. **ЗАПУТРЯЕВ** Александр Михайлович, 1903 года рождения, уроженец д. Боровицы Калининской области, русский, гр[аждани]н СССР, член ВКП(б) с 1924 года по день ареста, образование высшее, бывш[ий] начальник 3[-го] Отдела УНКВД по Винницкой области, в момент ареста – ст[арший] инспектор при директоре Кировского завода в г. Ленинграде.

В том, что они, будучи оперативными руководящими работниками Винницкого УНКВД, проводили преступную практику в оперативно-следственной работе, производили массовые и необоснованные аресты, при допросах арестованных применяли извращённые методы следствия, под влиянием которых подследственные подписывали сфальсифицированные протоколы допросов о якобы известных им антисоветских формированиях и своей принадлежности к ним, в результате чего искусственно создавали контрреволюционные организации, как, например: так называемые антисоветский бундовский центр, диверсионно-шпионская организация в сахарной промышленности, к-р повстанческий «партизанский» отряд и резидентура германской разведки, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. 206-17 п. «б» УК УССР, а посему, руководствуясь ст. 204 УПК УССР следственное дело № 147122 по обвинению КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича и ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР направить Военному Прокурору Войск НКВД Украинского округа для направления по подсудности.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *Кобяков*

«СОГЛАСЕН»: НАЧАЛЬНИК СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР *Сагин*

СПРАВКА: Обвиняемые КОРАБЛЁВ И.М. и ЗАПУТРЯЕВ А.М. содержатся под стражей во внутренней тюрьме НКВД УССР.

Вещественные доказательства отдельными приложениями и томами к делу прилагаются.

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, прилагается.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ УГБ НКВД УССР
СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *Кобяков*

Составлено 4 февраля 1941 г.

г. Киев

зи.

На першому аркуші документа від руки фіолетовими чорнилами нанесено резолюцію: «Обвинительное заключение утверждаю. Кораблёва И.М. и Запутряева А.М. предать суду по ст. 206-17 п. «б» УК УССР. Воен[ный] прокурор в[ойск]/НКВД Киев[ского] округа бригадист Грезов. 22/II [19]41 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 7, арк. 103–110.

Оригінал. Машинопис. Документ вперше опубліковано у книзі: Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Вінницька область / Обл. редколегія: І. Д. Івасюк (голова) та ін. Упорядники: В. П. Лациба (голова) та ін. — Кн. 5. — Київ: Центр ДЗК, 2015. — С. 45–51.

№ 62

Обвинувальний висновок у справі І. М. Корабльова, О. М. Запутряєва і Л. Н. Ширіна

16 квітня 1941 р.

По след. делу № 147122

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. НАРКОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР
СТ[АРШИЙ] МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Савченко⁶

«16» апреля 1941 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича, ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича и ШИРИНА Лазаря Наумовича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР

В НКВД УССР поступили данные о том, что бывш[ий] начальник УНКВД по Винницкой области КОРАБЛЁВ И.М. вместе с работниками УНКВД ЗАПУТРЯЕВЫМ А.М. и ШИРИНЫМ Л.Н. в 1938 году систематически извращали социалистическую законность, проводили массовые и незаконные аресты и незаконными методами ведения следствия искусственно создавали контрреволюционные формирования.

На основании этих данных одновременно были арестованы КОРАБЛЁВ Иван Михайлович, ЗАПУТРЯЕВ Александр Михайлович и ШИРИН Лазарь Наумович и привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Произведённым по делу следствием установлено, что обв[иняемый] КОРАБЛЁВ И.М. в 1938 году, возглавляя УНКВД по Винницкой области,

⁶ У книзі, де вперше опубліковано документ, помилково зазначено прізвище наркома державної безпеки УРСР П. Мешика. Однак, згідно з оригіналом документа, висновок затвердив заступник наркома С. Савченко. Допис «зам.», свій підпис і число місяця він наніс від руки червоним олівцем.

в своей практической работе беспрекословно выполнял задания впоследствии разоблаченного врага народа – УСПЕНСКОГО в соответствии с вражеской деятельностью антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД. (Т. 5, л. д. 2–10, 15–16, 18, т. 1, л. д. 68–69, 83–84, 131–132, 143).

Под руководством обвиняемого КОРАБЛЁВА И.М. им лично и при участии привлечённых по настоящему делу ЗАПУТРЯЕВА и ШИРИНА производились массовые и необоснованные аресты среди рабочих, служащих и колхозников.

Присылаемые из Райотделов НКВД оперативные листы обв[иняемый] КОРАБЛЁВ лично рассматривал и намечал лиц, подлежащих аресту, не проверяя материалов, на основании которых они были составлены, в результате чего им санкционировались аресты без достаточных к этому данных, в ряде случаев обв[иняемый] КОРАБЛЁВ утверждал аресты лиц, на которых никаких компрометирующих материалов не было. (Т. 1, л. д. 68–69, 83–84, 88–89, 125–126, 130–132, 147, т. 2, л. д. 86–87, 186, т. 3, л. д. 244, т. 4, л. д. 3, 57, 97, 98, 137–138, 166, 237 – см. приложения⁷ №№ 1–15).

16.VI–1938 года обв[иняемым] ШИРИНЫМ были представлены 3 оперативных листа на 200 человек, подлежащих аресту, в число которых были включены бывш[ие] красные партизаны – жители с. Ярышева – ГНАТЮК Даниил, ЧАБАН Кирилл, ПАСЕНКО Макар, работавший лесником, РАКИЧ, работавший техноруком горных разработок в Ярышевском р-не, колхозник ЧЕРНЮК Терентий и другие, на которых никаких компрометирующих материалов на день ареста не было. Вышеуказанные оперативные листы были утверждены вместо КОРАБЛЁВА его б[ывшим] помощником БУТЕНКО. (См. приложение № 11, л. д. 2540–2574, обратив внимание на л. д. 2543, 2550, 2554–2556, 2565, 2569, 2573, т. 7, л. д. 32–33, т. 8, л. д. 16–18, 27–29, 107–109).

8 июля 1938 года лично обв[иняемым] КОРАБЛЁВЫМ И.М., при участии обв[иняемого] ШИРИНА Л.Н. были утверждены два оперативных листа на 287 человек, подлежащих аресту, в число которых также был включен⁸ ряд лиц безосновательно. Так, например: РУДАС⁹ Степан, житель г. Гайсина, САСЮК Ефим, колхозник Гайсинского р-на, ГАВРИШ Константин, бывш. заготовитель Заготскота м. Погребище, и другие. (См. приложение № 12, л. д. 3445–3999).

По указанию обв[иняемого] КОРАБЛЁВА И.М., а также и при его личном участии были произведены массовые аресты среди б[ывших] красных партизан, впоследствии дела в отношении отдельных из них были прекращены. (Т. 5, л. д. 120–139).

Кроме того, по распоряжению обв[иняемого] КОРАБЛЁВА И.М. были необоснованно подвергнуты аресту б[ывший] сотрудник НКВД КРЖЕВИЦКИЙ, впоследствии осужденный к ВМУН, и САЛЯМОН – бывш[ая] директор польской школы, которая решением Особой Тройки

⁷ У документі в однині – приложение.

⁸ У документі – было включено.

⁹ У документі – РУДОС.

УНКВД была осуждена на 10 лет, а впоследствии из-под стражи освобождена с прекращением дела. (См. приложения № 2, л. д. 44 и № 8, л. д. 116–120).

Обвиняемым ЗАПУТРЯЕВЫМ были подписаны необоснованные справки на арест ПОЛИЩУКА Филиппа, колхозника, бывш[его] красного партизана, впоследствии освобождённого из-под стражи, ЛАЗАРЕВА Георгия, на день ареста – б[ывший] член ВКП(б), бывш[его] участника отряда Котовского, и МАСАЛОВА Кузьмы¹⁰, также на день ареста члена ВКП(б), бывш[его] командира партизанского полка, впоследствии осуждённых Особой Тройкой УНКВД к ВМУН.

В справках на арест ЛАЗАРЕВА и МАСАЛОВА обв[иняемым] ЗАПУТРЯЕВЫМ было дописано о наличии компрометирующих данных, что согласно приобщённым к делу справкам УНКВД не соответствует действительности. (Т. 1, л. д. 294–295, см. прилож. № 10, л. д. 2032–2033, 2039, 2041).

В оперативные листы на подлежащих аресту вносились, кроме подучётных лиц, также лица с социальным прошлым – немцы, поляки, независимо от того, что материалов об их антисоветской деятельности на день ареста не было, причём аресты вышеуказанных категорий лиц оформлялись как на участников различных антисоветских формирований. (Т. 1, л. д. 130–132, 147, 285, т. 2, л. д. 178, т. 3, л. д. 103, 195, т. 4, л. д. 4, 17, 26, 57, т. 5, л. д. 52).

Таким образом, были подвергнуты арестам лица, абсолютно не причастные к антисоветской деятельности, а также из социально близкой Советской власти среды.

По указанию обв[иняемого] КОРАБЛЁВА, при непосредственном участии обв[иняемого] ШИРИНА и РЕДЕРА (умер), весной 1938 года был введён метод групповых допросов, так называемая «лаборатория». Сущность этого допроса заключалась в том, что одновременно в комнату вводили 5–10 арестованных и к одному из них применялись методы физического воздействия до тех пор, пока арестованный не соглашался писать заявление о своей «антисоветской» деятельности.

В применении мер физического воздействия к арестованным принимали участие не только следователи, но иногда и подследственные. (Т. 1, л. д. 98, т. 2, л. д. 78, 87, 118, 148, т. 3, л. д. 102, 197, 199, т. IV, л. д. 11–12, 28, 29, 58, 59, 99, 143, 175, 182, 238, 257, 265, т. VII, л. д. 1–12, т. VIII, л. д. 107–109).

В результате преступной и провокационной деятельности, проводившейся под руководством и указаниям обв[иняемого] КОРАБЛЁВА и при участии обвиняемых ЗАПУТРЯЕВА и ШИРИНА, фальсифицировались следственные документы по следственным делам, от арестованных принимались заведомо неправдивые показания и, таким образом, искусственно создавались антисоветские формирования.

Под руководством обв[иняемого] КОРАБЛЁВА И.М. и при участии его и обв[иняемого] ШИРИНА Лазаря Наумовича было искусственно создано

¹⁰ У документі – Кузьму.

следственное дело № 104225, по которому было привлечено 18 человек. От всех привлечённых под влиянием извращённых методов следствия были приняты заведомо неправдивые показания о том, что все обвиняемые, проходившие по данному делу, якобы являлись участниками антисоветской БУНДовской организации.

14.VIII–1938 года данное дело было заслушано Специальной коллегией¹¹ Винницкого областного суда и в результате 7 человек были осуждены к ВМУН, а остальные 10 человек – к разным срокам ИТЛ (один человек по данному делу умер до суда).

Постановлением Пленума Верховного Суда Союза ССР от 13.IV–1940 года настоящее дело было прекращено и всех обвиняемых из-под стражи освободили, за исключением 4-х, которые умерли в тюрьме.

Обв[иняемым] КОРАБЛЁВЫМ И.М. по настоящему делу были утверждены справки на арест 12 человек, составлено и послано спецдонесение в НКВД УССР с указанием о вскрытии фактически не существовавшего антисоветского БУНДовского центра. (Т. 2, л. д. 29, 38–40, 47–48, т. IV, л. д. 8, 142, т. 7, л. д. 13–30, т. VIII, л. д. 28–29, 34, 118–120, а также см. отдельное приложение № 14, л. д. 241–305).

Таким же образом под руководством обв[иняемого] КОРАБЛЁВА И.М. было искусственно создано следственное дело на группу ответственных работников сахарной промышленности КОЖУШКО А.Т., члена ВКП(б) с 1917 года, инженера, награждённого орденом Трудового Красного Знамени; МАТЧИНОВА Н.Ф. и ДОЛЕНКО С.Т., обвинявшихся в принадлежности к так называемой диверсионно-шпионской организации.

9–11 июня 1939 года все вышеуказанные лица приговором 437[-го] ВТ КОВО были осуждены к разным срокам ИТЛ, однако Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР своим определением от 25.XI–1939 года приговор ВТ КОВО отменила и дело в отношении КОЖУШКО прекратила, а дело на МАТЧИНОВА и ДОЛЕНКО направила на следствие.

Дополнительным исследованием, проведённым УНКВД по Винницкой области, была установлена несостоятельность предъявленных обвинений МАТЧИНОВУ и ДОЛЕНКО, в результате чего дело в отношении их также было прекращено. КОЖУШКО в настоящее время восстановлен в рядах ВКП(б) и работает на руководящей хозяйственной работе. (Т. 2, л. д. 12–13, 19, 23, 88, т. IV, л. д. 4, 140, т. 5, л. д. 108–119).

В производстве 3[-го] Отдела УНКВД по Винницкой области было следственное дело на группу колхозников Казатинского р-на: СМУТНОГО, ШТОЛЬЦА, ФРИБЕРА, ВАШИРОВСКОГО, ЯВУРЕКА, ФОГЕЛЯ, БЕЗЕ, БАЛЬЦЕРА, рабочего ПИРКЛА и учителя ДОЛЕЖАЛА.

Вышеуказанное дело было передано в УНКВД из Казатинской оперследгруппы, где все обвиняемые дали показания о своей принадлежности к чехословацкой разведке, однако никаких других данных, которые бы подтверждали их показания, не было.

Несмотря на это, дело по обвинению ВАШИРОВСКОГО и ЯВУРЕКА и друг[их] с согласия обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА А.М. было

¹¹ У документі помилково – Военной Коллегией.

представлено для рассмотрения на Особой Тройке УНКВД, где обв[иняемый] КОРАБЛЁВ И.М. предложил настоящее дело со слушания снять и «добиться» показаний о принадлежности обвиняемых к шпионской деятельности в пользу Германии.

Под руководством обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА А.М. им лично и при участии ныне осуждённого по другому делу ВОДКИНА первичные показания обвиняемых из дела были изъяты, а вместо них были составлены фиктивные протоколы допросов, которые, по существу, переписаны с указанием в них о принадлежности обвиняемых к шпионской деятельности в пользу Германии, а не Чехословакии.

На протоколах были проставлены вымышленные даты и даны на подпись обвиняемым, причём на отдельных протоколах допроса поставили подпись сотрудника УНКВД МАКСИМЕНКО, ранее допрашивавшего этих обвиняемых, для чего сохранили первые анкетные страницы протоколов допроса, которые записывал МАКСИМЕНКО.

Одновременно из дела были изъяты постановления о предъявлении обвинения, вынесенные МАКСИМЕНКО, где было предъявлено обвинение в проведении шпионской деятельности в пользу Чехословакии, заменив их постановлениями, написанными от имени МАКСИМЕНКО, со старыми датами, где уже инкриминировалось обвинение в проведении шпионской деятельности в пользу Германии. За МАКСИМЕНКО подписал постановления ныне осуждённый ВОДКИН.

Это было сделано в течение нескольких дней, и все обвиняемые были приговорены Особой Тройкой УНКВД к ВМУН как германские шпионы. (Т. I, л. д. 75–76, 172–173, 176, 179–185, 186–190, 195–196, 203–204, 206–208, т. IV, л. д. 190–191, 205, 229, 265, т. VI, л. д. 19–20, 23–25, 27, 29, 34, 35, 38, 39, 41, 42, 43, 53, 60–127, 129–198, см. отд[ельное] приложение № 263100 к делу ВОДКИНА).

Обвиняемый КОРАБЛЁВ И.М., зная о том, что работники УНКВД извращают социалистическую законность в отношении ряда подсудимых, вынуждают их давать заведомо неправдивые показания, оговаривать себя и других, всячески поощрял и стимулировал эту враждебную практику работы, создавая обстановку своеобразной поспешности, что привело к тяжёлым последствиям. (Т. IV, л. д. 2–3, 11, 29, 96, 97, 139, т. V, л. д. 140–141).

Обвиняемые ЗАПУТРЯЕВ А.М. и ШИРИН Л.Н. составляли и корректировали протоколы допросов подсудимых в их отсутствие, а затем они давали на подпись арестованным. (Т. I, л. д. 76, т. 2, л. д. 77–88, т. 3, л. д. 19, 110, 115, 118–119, 182, т. 3, л. д. 257, т. IV, л. д. 100, 174, т. VIII, л. д. 44–45, 51–53, 77).

Кроме того, следствием установлено, что по распоряжению обв[иняемого] КОРАБЛЁВА и при участии обв[иняемого] ЗАПУТРЯЕВА лица, осужденные Особой Тройкой УНКВД по Винницкой области к ВМУН, вызывались в оперативные отделы, где они длительное время допрашивались по своим и, особенно, по делам других арестованных. (Т. I, л. д. 107, 113–114, 272, т. 2, л. д. 88, т. IV, л. д. 225, т. 5, л. д. 142–146, 147–149).

Обв[иняемый] ШИРИН Л.Н., будучи переведён[ным] с оперативной работы и назначен[ным] начальником управления строительства дороги № 4 Укрдорстройтреста¹² ГУШОСДОРА¹³ НКВД и, находясь на этой должности непродолжительное время, допустил на строительстве нарушение сметной и финансовой дисциплины, запутанное состояние учёта и отчётности, недостачу материалов и других ценностей. (См. приложение № 14, л. д. 1–17 и т. VIII, л. д. 152–164).

Следствием также установлено, что в нарушение директивных указаний НКВД СССР на Особой Тройке УНКВД по Винницкой области, возглавляемой обв[иняемым] КОРАБЛЁВЫМ, заслушивались следственные дела, которые не подлежали рассмотрению Судтройкой. (Т. IV, л. д. 225, т. V, л. д. 142–149).

Преступная работа по следствию со стороны обв[иняемого] КОРАБЛЁВА ещё подтверждается его же докладами, адресованными врагу народа УСПЕНСКОМУ.

27.IV–1938 года КОРАБЛЁВ писал УСПЕНСКОМУ:

«...Представленный по Тройке лимит использован полностью. Имеется ряд законченных дел – повстанческие отряды, подлежащие рассмотрению Тройки. До разрешения вопроса в центре об общем увеличении лимита, прошу предоставить мне дополнительный лимит за счет одного из управлений НКВД, хотя бы пока на 300–500 [человек] первой категории...».

По сообщению КОРАБЛЁВА же от 29.IV–1938 года, т. е. через 2 дня, видно, что из представленного «лимита» на 400 челов. первой категории осталось на 29 апреля 1938 года 301 человек, т. е. за два дня было осуждено к ВМУН 99 человек. (Т. 5, л. д. 54–56).

В докладной записке от 15.V–1938 года КОРАБЛЁВ УСПЕНСКОМУ писал:

«...Представленный лимит на 3 400 челов[ек], в том числе по 1-й категории 3 200 челов[ек] и по 2-й категории 200 челов[ек], на 11 мая 1938 года полностью использован». (Т. V, л. д. 57–60).

Таким образом, преступная деятельность обвиняемых, выразившаяся в проведении преступной практики в оперативно-следственной работе, в проведении массовых необоснованных арестов и создании искусственным путём антисоветских формирований, полностью доказана.

В предъявленном обвинении КОРАБЛЁВ И.М. виновным себя признал полностью, заявив, однако, что в то время он свои действия не считал преступными. (Т. 1, л. д. 68–69, 83–84).

Обв[иняемый] ЗАПУТРЕЯЕВ А.М. виновным себя не признал, мотивируя тем, что преступником он себя считать не может, но признаёт отдельные «ошибки», допущенные им в период 1938 года. (Т. 1, л. д. 300).

Обв[иняемый] ШИРИН Л.Н. виновным себя признал частично, т. е. в том, что составлял и корректировал протоколы допроса в отсутствие

¹² У документі скорочена назва Українського дорожньо-будівельного тресту надрукована великими літерами і взята у лапки – «УКРДОРСТРОЙТРЕСТ».

¹³ У документі скорочена назва Головного управління шосейних доріг НКВС надрукована з великої літери маленькими літерами – Гушосдора.

подследственных, а после давал их на подпись арестованным. (Т. 8, л. д. 257).

В преступно-провокационной деятельности обв. обв.¹⁴ **КОРАБЛЁВ И.М.**, **ЗАПУТРЯЕВ А.М.** и **ШИРИН Л.Н.** изобличаются показаниями свидетелей: **ГЛУШЕНКО М.С.** (т. 2, л. д. 69–98), **ГУНИ А.А.** (т. 2, л. д. 148–150), **АЛЕКСЕЕВОЙ А.Т.** (т. 2, л. д. 178), **ШАБУНИНА А.В.** (т. 3, л. д. 19), **ГЛУССКОГО И.А.** (т. 3, л. д. 101–102), **ТЕУША Л.М.** (т. 3, л. д. 110, 114–115), **БЕРКУТЫ А.П.** (т. 3, л. д. 118–119), **КЛЯТЫШЕВА Н.А.** (т. 3, л. д. 161–162), **НАЗАРЕНКО А.П.** (т. 3, л. д. 187, 193–194), **ЛАВРЕНТЬЕВА В.А.** (т. 3, л. д. 197–199), **ЯЦУНСКОГО В.Г.** (т. 3, л. д. 244–245), **АГЕЕВА И.С.** (т. 3, л. д. 249, 257), **ДАНИЛЕЙКО Г.П.** (т. 4, л. д. 56, 58, 77), **МАЙСТРУКА В.Ф.** (т. 4, л. д. 96–98, 137–140, 142–143), **БУТЕНКО Н.С.** (т. 4, л. д. 166), **ТАТАРЧУКА А.А.** (т. 4, л. д. 173–175, 182), **ЛЕВИНЗОНА А.Е.** (т. 4, л. д. 189–191, 205, 207), **ПЕРЕПЕЛЯКА М.И.** (т. IV, л. д. 225–229), **УРЛАНГА С.Я.** (т. IV, л. д. 237–238), **ВОЛОШИНА В.В.** (т. IV, л. д. 257), **ЛИТВАКА С.Г.** (т. IV, л. д. 262), **МАРТЫНЮКА Г.М.** (т. IV, л. д. 265), **МАКСИМЕНКО (т. VI, л. д. 38–39, 41–43, 53), СМИРНОВА Н.И.** (т. VII, л. д. 89–91), **ТИМОФЕЕВА П.П.** (т. VII, л. д. 92, 93), **ДУДНИКА П.П.** (т. IV, л. д. 273–279), **ОСТРОВСКОГО З.И.** (т. VI, л. д. 47–51), **СОЙФЕРА Д.А.** (т. VIII, л. д. 261–264), очной ставкой между обв[иняемым] **КОРАБЛЁВЫМ** и свидетелем **ШИРИНЫМ** (т. IV, л. д. 308–326), а также вещественными доказательствами, приложенными к делу в отд[ельных] томах №№ 1–15.

На основании изложенного **ОБВИНЯЮТСЯ**:

1. **КОРАБЛЁВ** Иван Михайлович, 1899 года рождения, уроженец села Мисино Холменского уезда, русский, гр[ажданин]н СССР, член ВКП(б) с 1919 года по день ареста, образование низшее, бывш[ий] начальник УНКВД по Винницкой области, в момент ареста – зам[еститель] нач[альника] Архбумстроя НКВД, по званию – майор госбезопасности, депутат Верховного Совета УССР;

2. **ЗАПУТРЯЕВ** Александр Михайлович, 1903 года рождения, уроженец д. Боровицы Калининской области, русский, гр[ажданин]н СССР, член ВКП(б) с 1924 года по день ареста, образование высшее, бывш[ий] начальник 3[-го] Отдела УНКВД по Винницкой области, в момент ареста – ст[арший] инспектор при директоре Кировского завода в г. Ленинграде, по званию – лейтенант госбезопасности;

3. **ШИРИН** Лазарь Наумович, 1901 года рождения, уроженец г. Житомир, УССР, еврей, гр[ажданин]н СССР, член ВКП(б) с 1927 года по день ареста, образование среднее, бывш[ий] зам[еститель] нач[альника] 4[-го] отдела (СПО) УНКВД по Винницкой области, в момент ареста – управляющий Харьковским отделением Интуриста, по званию – ст[арший] лейтенант госбезопасности;

в том, что они – **КОРАБЛЁВ**, **ЗАПУТРЯЕВ** и **ШИРИН**, будучи оперативными работниками Винницкого УНКВД, проводили преступную практику в оперативно-следственной работе, производили массовые и необоснованные аресты, при допросах арестованных применяли

¹⁴ обв. обв. – обвиняемые.

извращённые методы следствия, под влиянием которых подследственные подписывали сфальсифицированные протоколы допросов о якобы известных им антисоветских формированиях и своей принадлежности к ним, в результате чего искусственно создавали контрреволюционные организации, как, например: так называемые антисоветский БУНДовский центр, диверсионно-шпионская организация в сахарной промышленности, к-р повстанческий «партизанский» отряд и резидентура германской разведки, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Руководствуясь ст. 204 УПК УССР –
ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело № 147122 по обвинению КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича, ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича и ШИРИНА Лазаря Наумовича по ст. 206-17 п. «б» УК УССР направить Военному Прокурору Войск НКВД Украинского округа для предания перечисленных выше обвиняемых суду.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКГБ УССР
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Пузанов

«СОГЛАСЕН»: НАЧАЛЬНИК СЛЕДЧАСТИ НКГБ УССР

Сагин

СПРАВКА: Обв. обв. КОРАБЛЁВ И.М. содержится под стражей во внутренней тюрьме НКВД УССР с 28.V–[19]40 г., ЗАПУТРЯЕВ А.М. – с 2.II–[19]40 г., ШИРИН Л.Н. – с 18.XII–[19]40 г.

Вещественные доказательства отд[ельными] приложениями в 16 томах к делу прилагаются.

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКГБ УССР
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Пузанов

Составлено 12 апреля 1941 г.

г. Киев
зи.

На першому аркуші документа від руки фіолетовими чорнилами нанесено резолюцію: «Обв[инительное] заключение утвердить. Кораблёва Ивана Михайловича, Запутряева Александра Михайловича и Ширина Лазаря Наумовича предать суду ВТ в[ойск]/НКВД Киевского округа – всех по ст. 206-17 п. «б» УК УССР. Воен[ный] прокурор в[ойск]/НКВД Киев[ского] округа бригадвоенюрист Грезов. 19/IV–[19]41 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 8, арк. 245–253.

Оригінал. Машинопис. Документ вперше опубліковано у книзі:
Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Вінницька область. –
Кн. 5. – С. 51–57.

№ 63

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. М. Корабльова, О. М. Запутряєва і Л. Н. Ширіна

26 квітня – 6 травня 1941 р.

Дело № 24 1941 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1941 г., 26.IV–6.V дня, Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа, в г. Виннице, в помещении УНКГБ, [в] закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего воен. юриста 1 ранга ВАСЮТИНСКОГО,

Членов: 1. воен. юриста 3 ранга НЕСТЕРОВА,

2. мл. лейтенанта госбезопасности НАЗАРОВА,

при секретаре воен. юристе ПИСАРЕВЕ, без участия обвинения и защиты,

рассмотрел дело по обвинению:

1. бывш[его] начальника УНКВД по Винницкой области – майора госбезопасности КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича,

2. быв[шего] нач[альника] 3[-го] отдела того же УНКВД – лейтенанта госбезопасности ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича,

3. быв[шего] зам[естителя] нач[альника] 4[-го] отдела того же УНКВД – ст[аршего] лейтенанта госбезопасности ШИРИНА Лазаря Наумовича.

Судебное заседание начато в 21 ч. 10 мин.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлены содержащиеся под стражей подсудимые КОРАБЛЁВ, ЗАПУТРЯЕВ и ШИРИН и прибыли свидетели: ГЛУЩЕНКО, ДАНИЛЕЙКО, БУТЕНКО, ТАТАРЧУК, ПЕРЕПЕЛЯК, УРЛАНГ, ЛИТВАК, ШАБУНИН, ТЕУШ, БЕРКУТА, ЛАВРЕНТЬЕВ, ЯЦУНСКИЙ, АЛЕКСЕЕВА, ГУНЯ, МАКСИМЕНКО, ЮРЬЕВ, ДУДНИК и ФУКС.

Свидетели ВОЛОШИН, СМИРНОВ, СОЙФЕР, АГЕЕВ, ТЕРНИВСКИЙ и ДРУГОБИЦКИЙ вызваны на 27 и 28 апреля и потому сведений о их прибытии ещё нет.

Относительно свидетелей МАЙСТРУКА, ЛЕВИНЗОНА, МАРТЫНЮКА, НАЗАРЕНКО, ОСТРОВСКОГО, ГЛУССКОГО, ШАЛАМОВА и ПРИШИВЦЫНА поступили телеграммы о том, что эти свидетели в связи с выполнением оперативных заданий и убытием в командировку прибыть в судебное заседание не могут.

Председательствующий в удостоверение самоличности опросил подсудимых, которые дали о себе такие сведения:

1. КОРАБЛЁВ Иван Михайлович, 1899 г. рождения, уроженец с. Мисино Холменского уезда Псковской губернии, происхожу из крестьян-бедняков, сам рабочий, член ВКП(б) с 1919 г., партбилет отобран в

Москве при аресте, русский, образованием низшее, разведён, имею дочь, не судился.

В РККА служил добровольно в 1919–1920 гг., в органах НКВД – с 1920 г. по день ареста, последняя должность – зам[еститель] нач[альника] Архбумстроя НКВД. В Виннице работал с марта 1938 г. начальником УНКВД. Прибыл туда из УНКВД по Ленинградской области с должности нач[альника] отделения и со званием капитана госбезопасности, а здесь в июне 1938 г. мне было присвоено звание майора госбезопасности, депутат Верховного Совета УССР.

Обвинительное заключение, постановление прокурора и определение ПЗ¹⁵ ВТ читал 21 апреля с. г.

2. ЗАПУТРЯЕВ Александр Михайлович, 1903 г. рождения, уроженец д. Боровицы Калининской области, происхожу из крестьян-бедняков, сам служащий, русский, гражданства СССР, член ВКП(б) с 1924 г., партбилет отобран в г. Киеве при аресте, окончил институт советского права и строительства, женат, имею 2-х детей, не судился.

В РККА служил в 1927 г. в течение 3-х месяцев и по льготе 1-го разряда был уволен. В органах НКВД работал с 1931 г., в УНКВД по Винницкой области занимал должность нач[альника] 3[-го] отдела, имею звание лейтенанта госбезопасности.

Обвинительное заключение, постановление прокурора и определение ПЗ ВТ читал 21 апреля с. г.

3. ШИРИН Лазарь Наумович, 1901 г. рождения, уроженец г. Житомира, по национальности еврей, гражданства СССР, член ВКП(б) с 1927 г., партбилет отобран при аресте. Образование – окончил одноклассную школу в г. Житомире, 1 курс заочного юридического института, женат, имею детей, не судился.

В РККА служил с 1919 по 1920 г., в органах НКВД – с конца 1920 г., последняя должность – врид. нач[альника] 4[-го] отдела УНКВД по Винницкой области, звание – ст[арший] лейтенант госбезопасности.

Обвинительное заключение, постановление прокурора, определение ПЗ ВТ по моему делу читал 21 апреля с. г.

Председательствующий объявил состав суда и разъяснил порядок его отвода. Отвода составу суда не заявлено.

На вопрос председательствующего подсудимым о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей МАЙСТРУКА, ЛЕВИНЗОНА, МАРТЫНЮКА, НАЗАРЕНКО, ОСТРОВСКОГО, ГЛУССКОГО, ШАЛАМОВА и ПРИШИВЦЫНА подсудимые ответили:

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ: «Я не возражаю против слушания дела в отсутствие этих свидетелей».

Под[судимый] ЗАПУТРЯЕВ: «Из отсутствующих свидетелей для меня важен только НАЗАРЕНКО, в отсутствие остальных свидетелей дело слушать можно».

¹⁵ ПЗ – підготовче засідання.

Подсуд[имый] ШИРИН: «По моему делу очень важны показания свидетелей ПРИШИВЦЫНА, МАЙСТРУКА, ГЛУССКОГО, и в отсутствие этих свидетелей слушать дело нельзя».

Председательствующий удостоверился в самоличности явившихся свидетелей и предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были освобождены до 10 час. утра 27 апреля.

Председательствующий разъяснил подсудимым их право ходатайствовать о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании и приобщении к делу документов и иных доказательств, а также о том, что в процессе судебного следствия они могут задавать через трибунал вопросы как друг другу, так и свидетелям и давать объяснения по их показаниям.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ: «При ознакомлении с обвинительным заключением я обратился в Трибунал с письменным ходатайством о вызове в качестве свидетелей ФЕДОРОВА, СОКИРКО и ШАЛАМОВА. Прошу это ходатайство обсудить сейчас.

Также прошу истребовать и приобщить к делу справку о привлечении мною к ответственности сотрудников УНКВД за искривление ими соц. законности.

Кроме того, учитывая большой объём дела и тенденциозность материалов, прошу допустить защиту по делу».

Подсуд[имый] ШИРИН: «Меня сначала обвиняли в принадлежности к антисоветскому заговору в органах, но, несмотря на столь тяжкое обвинение, следствие по делу продолжалось всего лишь две недели. Естественно, что за столь короткий срок невозможно произвести полное расследование по такому делу, и поэтому я прошу слушание дела в отношении меня отложить за неполнотой предварительного следствия.

Кроме того, прошу допустить защиту по делу».

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ: «Я прошу:

1. Дополнительно вызвать в качестве свидетелей быв[ших] сотрудников УНКВД СКОРОХОДА и РАЗУВАЕВА в опровержение показаний КЛЯТЫШЕВА, данных против меня.

2. Затребовать из санотдела НКВД УССР справку о состоянии моего здоровья, так как оно настолько тяжёлое, что в 1939 г. я даже был помещён в психиатрическую лечебницу.

3. Ввиду провалов в моей памяти допустить защиту по делу».

По ходатайствам подсудимых ВТ, совещаясь на месте, вынес следующее определение:

Военный Трибунал, заслушав ходатайства подсудимых КОРАБЛЁВА, ШИРИНА и ЗАПУТРЯЕВА о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании и приобщении к делу документов и пр.,

ОПРЕДЕЛИЛ:

I. По ходатайствам подс[удимого] КОРАБЛЁВА:

а) повторить телеграфно вызов свидетеля ШАЛАМОВА,

б) ходатайство о вызове свидетелей ФЕДОРОВА и СОКИРКО отклонить по мотивам наличия в деле достаточных материалов по вопросам, которые эти свидетели могут осветить,

в) ходатайство об истребовании справки о привлечении КОРАБЛЁВЫМ сотрудников УНКВД по Винницкой области за искривление ими соц. законности — удовлетворить.

II. По ходатайствам подс[удимого] ШИРИНА:

а) ходатайство подс[удимого] ШИРИНА об отложении слушания дела по мотивам неисследованности якобы вопроса о принадлежности его, ШИРИНА, к антисоветскому заговору отклонить, так как это обвинение подс[удимому] ШИРИНУ по данному делу не инкриминируется.

III. По ходатайству подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА:

а) удовлетворить ходатайство об истребовании из санотдела НКВД УССР истории болезни подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА, а также о вызове свидетеля СОКИРКО.

Что касается вызова РАЗУВАЕВА, то, учитывая отсутствие данных о месте его нахождения, ходатайство в этой части отклонить.

IV. По ходатайству о допуске защиты:

Учитывая, что определением подготовительного заседания настоящее дело назначено к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты, и ввиду совершенно секретного характера материалов дела — ходатайство подсудимых о допуске защиты отклонить.

В 24.00 объявлен перерыв суд[ебного] заседания до 10 час. 27 апреля.

В 10 ч. 10 мин. 27 апреля 1941 г. судебное заседание продолжается.

Секретарь доложил, что прибыли свид[етели] АГЕЕВ, ВОЛОШИН, СМИРНОВ, СОЙФЕР. Свидетелям ШАЛАМОВУ, ПРИШИВЦЫНУ, МАРТЫНЮКУ и МАЙСТРУКУ телеграфно повторен вызов в судебное заседание.

Председательствующий удостоверился в самоличности свидетелей Волошина¹⁶, Смирнова, Сойфера, Агеева, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в свидетельскую комнату.

Совещаясь на месте, ВТ вынес определение:

Военный Трибунал, заслушав мнение подсудимых КОРАБЛЁВА, ЗАПУТРЯЕВА и ШИРИНА по вопросу возможности слушания дела в отсутствии неявившихся свидетелей и, учитывая, что свидетелям сделан повторный вызов,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Дело слушанием продолжать.

Пред[седательствую]щий огласил обвинительное заключение, постановление Военной прокуратуры и определение ПЗ ВТ, после чего спросил подсудимых, признают ли они себя в нём виновными и будут ли давать суду показания.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

¹⁶ З цього місця прізвища свідків та інших осіб, які згадуються у документі, надруковані, як правило, маленькими літерами (крім підсудних у всіх випадках згадування їхніх прізвищ і свідків при їхньому представленні та відповідей їх на запитання суду і підсудних).

В чем обвиняюсь, мне понятно. Виновным в объёме обвинительного заключения себя не признаю. Я допустил лишь ошибки:

1. Подписывал документы на арест гр[ажд]а[н] без проверки этих документов.

2. В апреле 1938 г. из-за большого количества арестованных и недостатка комнат разрешил одновременный допрос несколькими следователями своих арестованных в одной комнате.

3. По ходатайству руководящих работников УНКВД разрешил, примерно в 60-ти случаях, задержать приведение в исполнение приговоров над осуждёнными к ВМН, к лишению свободы для дополнительного допроса их по делам.

Показания суду давать желаю.

Подсуд[имый] ШИРИН:

Обвинение мне понятно. Виновным себя признаю частично в том, что:

1. В отсутствие арестованных писал протоколы допроса с их собственных показаний.

2. Будучи свидетелем групповых допросов, не возбудил вопрос о прекращении этого преступного метода следствия.

3. Будучи, со слов следователя и материалов дела, убеждён в том, что арестованный – враг, мог нанести побои арестованному.

4. Принял участие в проведении очной ставки между Юрьевым и Штейнварцем.

Показания суду давать буду.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Обвинение мне понятно. Признаю себя виновным только в том, что, будучи молодым работником НКВД, недостаточно контролировал подчиненный мне аппарат и этим дал ему возможность обманывать меня.

Показания суду давать буду.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая, что обвин[яемые] КОРАБЛЁВ, ЗАПУТРЯЕВ и частично ШИРИН не признают себя виновными в объёме предъявленного им обвинения, установить следующий порядок судебного следствия: сначала допросить свидетелей, а затем подсудимых ЗАПУТРЯЕВА, ШИРИНА и КОРАБЛЁВА.

Свид[етель] ВОЛОШИН Владимир Васильевич, 1905 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., зам[еститель] нач[альника] отдела НКГБ УССР, в органах НКВД работает с 1930 г., лейтенант госбезопасности, не судился, по делу показал:

Летом 1938 г., приехав в Винницу сняться с партийного учёта, я зашел во 2-й отдел УНКВД. Там увидел такую картину: в коридоре лежит куча одежды, в 48[-й] комнате стоят 12–15 арестованных, перед которыми ходят 2 следователя и требуют от них показаний. Следователи были мне не знакомы, поэтому я сразу вышел и, встретив в коридоре работника УНКВД Иванченко, сказал ему о виденном мною. Иванченко ответил, что такие допросы – не исключение, а являются системой и добавил: «Загляни в 50[-ю] комнату, там не то ещё увидишь». Я приоткрыл дверь 50-й комнаты и увидел: на табурете лежит арестованный, двое других арестованных держат его за ноги и голову, а третий арестованный его

бѣт. В комнате в это время находилось 3 следователя, среди которых был Юнанов. После этого я зашёл к нач[альнику] 2-го отдела Надеждину и рассказал ему обо всём. Надеждин обругал меня и заявил: «Не вмешайтесь. Мне нужно по 60–70 показаний давать». Об этом¹⁷ групповом допросе и избииении арестованного я по возвращении в Киев рассказал в парткомитете, а также нач[альнику] СПО Леонову¹⁸ и по его предложению написал рапорт об увиденном.

Иванченко мне рассказывал, что у него было дело, по которому проходил комсомолец-еврей как проводивший якобы вербовку в петлюровскую организацию. В это дело Иванченко не верил и о своём сомнении докладывал руководству, но ему якобы заявили, чтобы он не «мудрствовал».

На вопросы суда св[идетель] ВОЛОШИН:

Кому из руководства говорил Иванченко о своём неверии в дело о комсомольце-еврее, сейчас не помню. На предварительном следствии об этом случае помнил лучше и если тогда называл Данилейко, то, значит, так оно и было.

Данкевич мне рассказывал, что в годы гражданской войны Данилейко, работая в ЧК, остался в Елисаветграде, когда город был занят бандой Слащёва и, несмотря на все репрессии, его там почему-то не тронули.

У нас в коллективе Данилейко всё время хвастался своей близостью к Бондаренко, но когда последнего разоблачили и репрессировали как врага народа, от этой близости стал отказываться.

Арестованные на групповом допросе в 48-й комнате были раздеты до нательного белья, а их одежда лежала в коридоре.

Когда об этом групповом допросе я рассказал Надеждину, тот мне ответил: «Бросьте мудрствовать. Это – троечный материал, а мне нужно по 60–70 чел[овек] давать ежедневно».

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ВОЛОШИН:

О виденном мною в УНКВД я рассказал также Майструку, которого по возвращении застал в Киеве. КОРАБЛЁВУ не докладывал, так как в то время являлся рядовым работником и не считал возможным обратиться непосредственно к нач[альнику] УНКВД.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ВОЛОШИН:

Мой разговор с Майструком о групповых допросах в УНКВД происходил в июне или июле 1938 г. в Киеве.

Подсуд[имый] ШИРИН:

Это неправда, так как Майструка в то время в Киеве уже не было. Он вернулся оттуда в Винницу в апреле 1938 г.

На вопросы суда св[идетель] ВОЛОШИН:

Майструк находился в Киеве в длительной командировке и по возвращении из Винницы я ещё застал его. Ему я рассказал обо всём виденном

¹⁷ У документі – етих.

¹⁸ В. Леонов до 14 березня 1938 р. був помічником начальника 4-го відділу (колиш. СПВ) УДБ НКВС УРСР, а з 25 травня 1938 р. – начальником 4-го відділу УДБ НКВС по Кам'янець-Подільській області.

в УНКВД, и он даже как будто удивился. Говорил ему и о комсомольце-еврее, который якобы вербовал в украинскую к-р организацию.

На вопросы подсуд[имого] ШИРИНА св[идетель] ВОЛОШИН:

О Данилейко у меня было мнение, что он неправильно вёл следствие по делу врача-бактериолога. По национальности этот врач – немец, фамилия его, насколько припоминаю, Рейнард. По данным многих источников было известно, что на следствии он ведёт себя провокационно, однако на базе его показаний всё же арестовали много людей.

В коллективе Данилейко слыл как склочник и о нём отзывались как о человеке, который может «свести воедино две стены». В такой плоскости я говорил о Данилейко с ШИРИНЫМ, когда тот получил назначение в Винницу.

Будучи в Виннице, я заходил к ШИРИНУ, но говорил ли ему о виденных мною групповом допросе и избииении арестованного, не помню. В тот момент, когда я зашел к ШИРИНУ, он спорил с Данилейко, но по какому поводу, я не знаю.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ВОЛОШИН:

Из Винницы на работу в Киев я уехал в конце февраля 1938 г., и дело Рейнарда в то время ещё находилось в производстве.

О том, что Данилейко пользовался провокационными показаниями Рейнарда, говорилось и на оперсовещании у Надеждина.

Свид[етель] СМИРНОВ Николай Иванович, 1896 г. рождения, член ВКП(б), оперуполномоченный, лейтенант госбезопасности, в органах НКВД с 1923 г., не судился, по делу показал:

В феврале или марте 1938 г., когда я работал в ОДТО ст. Жмеринка, туда приехали КОРАБЛЁВ, начальник оперследгруппы ЗАПУТРЯЕВ и в Райотделении НКВД созвали совещание. На этом совещании КОРАБЛЁВ информировал, что в Виннице вскрыта польская к-р организация, что арестованные уже «раскололись» и что мы также должны в течение 2–3[-х] дней вскрыть такую организацию у себя.

На вопросы суда св[идетель] СМИРНОВ:

После этого совещания начались массовые аресты поляков, в том числе рабочих ж[елезно]д[орожного] транспорта, крестьян и др. социально близких нам людей. Аресты производились без достаточных компрометирующих данных, в основном руководствовались национальным признаком, и в результате мало кто из поляков остался на свободе. Впоследствии после постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. многие из арестованных, в том числе и уже осуждённые, были освобождены.

Было 2–3 случая, когда людей арестовывали днём прямо на работе и группами по 20–30 чел[овек] вели с работы в ОДТО под конвоем милиционеров. В процессе следствия к арестованным применялись меры физического воздействия.

Начальником ОДТО тогда являлся Клятышев и он говорил, что ЗАПУТРЯЕВ, который в то время был начальником оперследгруппы, требует от него побольше дел. В свою очередь, Клятышев требовал от меня заканчивать за день не менее 2–3 дел.

Законченные в ОДТО дела докладывались Клятышевым на тройке в Виннице.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] СМИРНОВ:

Аресты ОДТО производило само, согласовывало ли их с ЗАПУТРЯЕВЫМ, не могу сказать, но Клятышев говорил, что он является заместителем ЗАПУТРЯЕВА по оперследгруппе.

В ОДТО ЗАПУТРЯЕВ при мне был 2–3 раза, и я лично видел как он там допрашивал одну арестованную.

Совещания в ОДТО ЗАПУТРЯЕВ не проводил. Они проводились им в Райотделении, и Клятышев на эти совещания ходил. Я и др[угой] рядовой состав присутствовали на совещании в РО НКВД минут 15 и ушли, а Клятышев и начальник РО НКВД ещё остались после нас.

Установки применять к арестованным физическое воздействие я лично от ЗАПУТРЯЕВА не слышал.

Дела на тройке Клятышев докладывал в конце 1937 – в начале 1938 гг.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я не помню, докладывал ли Клятышев дела на тройке.

Я дал установку арестовывать по польской линии только тех лиц, на кого имелись компрометирующие материалы, и это можно легко установить по моим отметкам на жмеринских оперлистах.

Св[идетель] СОЙФЕР Давид Абрамович, 1907 г. рождения, член ВКП(б), зам[еститель] нач[альника] отделения НКГБ УССР, мл. лейтенант госбезопасности, в органах с 1925 г., не судим, по делу показал:

Я работал в СПО УНКВД по Винницкой области с марта по август 1938 г. В тот период там имели место избияния арестованных, непрерывный допрос в течение нескольких суток и групповые допросы. Последние заключались в том, что 2–3 следователя допрашивали сразу группу арестованных с тем, чтобы остальные смотрели, что происходит, и брали пример с сознающихся. По словам Надеждина на совещании, групповые допросы были введены по установке КОРАБЛЁВА.

На вопросы суда св[идетель] СОЙФЕР:

ШИРИН являлся заместителем Надеждина. Известно ли ему было об этой установке, не знаю, но о том, что групповые допросы практикуются, он знал, т. к. систематически, как и Надеждин, обходил кабинеты при допросах арестованных. Не мог не знать о групповых допросах и КОРАБЛЁВ, т. к., спускаясь по лестнице¹⁹, он обязательно должен был видеть группы арестованных. Кроме того, он также пару раз обходил кабинеты во время таких допросов и даже спрашивал, кого допрашивают.

На каждом оперативном совещании от следователей постоянно требовали разговаривать с арестованными «как полагается». Расшифровки допроса «как полагается» прямо не делалось, но каждый понимал, что это означает применение физических мер и непрерывный допрос в течение 5 суток и более.

Меня лично вызывал начальник отделения и заявлял: «Почему у Вас нет признаний, либеральничаете?», брал арестованного к себе и бил

¹⁹ У документі – с лестниці.

(слышались крики). Потом приводил и предлагал записать признание этого арестованного.

Был у меня один серьёзный арестованный – бывший белый, служивший в полиции и имевший связь с английским экспедиционным корпусом. ШИРИН, заходя во время допросов этого арестованного, ругал его, но избивал ли, не помню.

ШИРИН – грамотный человек. В связи с этим, в тех случаях, когда протокол допроса нужно было послать в Наркомат, КОРАБЛЁВ поручал писать его ШИРИНУ. Такой протокол подписывался обвиняемым после оформления и назывался «выходным», так как уходил за пределы УНКВД.

Групповые допросы, избияния и непрерывные допросы в СПО проводились во всех комнатах.

По Казатинскому району была арестована группа чехов, и нач[альник] опергруппы поручил мне допросить двух из них по обвинению в принадлежности к чешской националистической организации. Признание в этом они мне дали, после чего арестованных и все материалы забрали в Винницу и, как потом оказалось, они пошли там уже как немецкие шпионы. У нас же в Казатине эти арестованные таких показаний не давали, да и признаков этого не было, так как происходило это перед чехословацкими событиями. Таким образом, следственные материалы о шпионаже этих арестованных в пользу Германии сфальсифицированы.

Случаи приостановления исполнения приговоров над осуждёнными имели место. Было это и у меня, когда один арестованный в своих показаниях сослался на осуждённого. В связи с этим возникла необходимость в учинении им очной ставки, почему я и написал рапорт, чтобы разрешили допросить осуждённого.

(Оглашаются л. д. 219, т. 6 – рапорт Сойфера, л. д. 222 – справка УСО).

Сделано это было мною по приказанию начальника отделения.

При групповых допросах в комнаты брали столько арестованных, сколько могло вместиться, остальные ожидали своей очереди, сидя в коридоре под дверью, и всё, что происходило в это время в кабинетах, слышали.

Не видеть этого КОРАБЛЁВ не мог.

Арестованного Павлюка я не помню, и вообще за время моей работы не было случая, чтобы мои подследственные умирали.

На вопросы под[судимого] ШИРИНА св[идетель] СОЙФЕР:

До или после приезда ШИРИНА в Винницу была дана Надеждиным установка о групповых допросах, не помню, если ШИРИН приехал и позже, то групповые допросы всё-таки застал и не знает о них не мог.

Массовые аресты и групповые допросы, при которых остальные арестованные дожидались своей очереди в коридоре, производились в апреле–мае 1938 г.

Санкцию на арест должен был давать начальник УНКВД, но я лично слышал, как нач[альник] отделения Данилейко сам давал по телефону распоряжение об аресте тех или иных лиц.

У Данилейко было больше арестованных, чем у любого другого начальника отделения, он пользовался автономными правами, самостоятельно ходил к КОРАБЛЁВУ.

Среди арестованных по обвинению в украинской к-р организации был совсем молодой комсомолец-еврей. Я слышал, как ШИРИН говорил Данилейко, что участие этого арестованного в организации неправдоподобно, и предлагал Данилейко разобраться в этом деле. Такое же указание ШИРИН дал Данилейко, когда арестованный старик заявил, что является отцом командира РККА.

В 13 ч. 20 м. объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 13.30 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] СОЙФЕР:

Чехи были арестованы в июне или июле 1938 г.

На совещаниях, которые проводились КОРАБЛЁВЫМ, я не присутствовал и какие давались им указания, не знаю.

Лично видел, как пару раз КОРАБЛЁВ при допросе арестованных обходил кабинеты. Были ли там в это время групповые допросы или каждый следователь допрашивал своего арестованного, не знаю.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] СОЙФЕР:

В опергруппе, когда мне там дали арестованных чехов, материалов на них не было, за исключением нескольких сводок, но показания чехи мне дали без всякого воздействия, признав участие в чешской националистической организации и связь по шпионской линии с резидентом чешской разведки Чермаком. При допросе их мною в оперследгруппе разговора о связи с германской разведкой не было. В Винницу этих арестованных забрали примерно в июле мес[яце] 1938 г.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] СОЙФЕР:

Автономные права отделения Данилейко – это моё личное заключение, сделанное на том основании, что Данилейко пользовался правом непосредственного доклада дел начальнику УНКВД, самостоятельно давал распоряжения об арестах на районах, что крайне меня поразило.

Впоследствии я беседовал с ШИРИНЫМ о Данилейко, и он соглашался, что Данилейко груб с арестованными.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

После того, как о деле чехов стало известно Наркомату, оттуда позвонил Троицкий, сказал, что Чермак является германским шпионом, а не чешским, и в связи с этим предложил передопросить чехов по линии немецкого шпионажа. Спустя 2 дня позвонил его помощник Ривлин и спросил, выполнено ли это распоряжение Троицкого. Об этом я доложил КОРАБЛЁВУ, и тот сказал, что чехов надо передопросить. Я лично передопросил только троих. Было это в июле мес[яце], до работы тройки, которая начала функционировать лишь в сентябре.

(Справка: по данным ВТ, Троицкий и Ривлин осуждены).

Свид[етель] ЛИТВАК Соломон Григорьевич, 1908 г. рождения, член ВКП(б) с 1938 г., нач[альник] РО НКВД Сорокского уезда, сержант госбезопасности, в органах НКВД с 1938 г., не судимый, по делу показал:

Я несколько месяцев работал в отделе ЗАПУТРЯЕВА, и мне было поручено дело «сахарников» после отмены приговора Верховным Судом. По этому делу проходили Доленко, Кожушко и Матчинов – директора сахарных заводов, старые члены партии. Они мне заявили, что показания о принадлежности к к-р троцкистской организации и причастности к вредительству были даны ими под влиянием избиений. Произведённая мною путём выезда на места и путём запросов проверка ничего в подтверждение предъявленного им ранее обвинения не дала, и в итоге после длительного содержания под стражей они были освобождены. Им инкриминировалось вредительство, а фактически имели место лишь обычные аварии, объяснявшиеся тем, что заводы были старые. Следствие по этому делу, в основном, вёл Редер, но Доленко говорил мне, что его также допрашивал и избивал ШИРИН.

(Оглаш[ается] л. д. 227, т. 5 – выступление Яцунского на партсобрании).

Да, Доленко так говорил, я это подтверждаю.

Мильтштейн – быв[ший] сотрудник НКВД, в момент ареста работал зам[естителем] зав[едующего] Облвнторга. Он был арестован в 1938 г., и дело его передали мне. На допросе Мильтштейн показал, что по шпионской работе был связан с быв[шим] сотрудником, который на тот момент был осуждён и отбывал наказание в лагерях. Мильтштейну следовало дать очную ставку с этим осуждённым, но руководство не согласилось, так как на доставку осуждённого из лагерей понадобилось бы известное время, Мильтштейна пропустили по тройке и приговорили к ВМН. На момент ареста на него имелись показания сотрудника ОМЗ из Полтавской области о том, что в прошлом он примыкал к эсерам. Арестован Мильтштейн был по справке отдела кадров.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Дело Мильтштейна я совершенно не помню, а аресту он подлежал согласно директиве центра.

На вопросы суда св[идетель] ЛИТВАК:

Не согласились вызывать из лагеря осуждённого для личной ставки с Мильтштейном по той причине, что это была последняя тройка²⁰, и потому все нажимали: «Давай быстрее на тройку».

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЛИТВАК:

Это дело, как мне помнится, вначале было закончено на альбом²¹. Насколько помню, я лично докладывал его ЗАПУТРЯЕВУ и высказал мнение о необходимости очной ставки, однако ЗАПУТРЯЕВ сказал, что не нужно её.

В допросе Мильтштейна ЗАПУТРЯЕВ участия не принимал, и установок по этому делу по части следствия я от него не получал.

На совещании ЗАПУТРЯЕВ действительно давал указание более подробно и тщательно фиксировать показания арестованных.

На вопросы суда св[идетель] ЛИТВАК:

²⁰ Йдеться про останне засідання трійки при УНКВС до припинення її діяльності.

²¹ Йдеться про підготовку обвинувального матеріалу (довідки за результатами слідства) в альбомному форматі.

Он говорил, что нужно подробно фиксировать показания, но не упоминал о необходимости тщательной перепроверки их.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЛИТВАК:

Упрощенный метод ведения следствия, арестов был введён в УНКВД до прибытия туда ЗАПУТРЯЕВА.

На вопросы подсуд[имого] ШИРИНА св[идетель] ЛИТВАК:

Кожушко и Доленко, насколько помню, были арестованы Данилейко.

Свид[етель] ТАТАРЧУК Александр Афанасьевич, 1905 г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., нач[альник] Липовецкого РО НКВД, лейтенант госбезопасности, в органах НКВД с 1932 г., не судим, по делу показал:

Я работал в 3-м отделе УНКВД по Винницкой обл[асти] оперуполномоченным на следствии, а затем был направлен в Казатинскую оперследгруппу. Через месяц из области был получен приказ, в котором наша опергруппа склонялась, как не имевшая вскрытия к-р организации шире районного масштаба. Потом было созвано совещание, и на нём как передовая называлась Жмеринская оперследгруппа, работавшая под непосредственным руководством выехавшего туда из Винницы ЗАПУТРЯЕВА. Указывалось, что этой группой вскрыты подпольные межрайгруппы к-р организаций. Казатинский район, по-моему, имеет большее значение, чем Жмеринский, однако организаций таких масштабов мы не имели, и в связи с этим были разговоры, что показания в Жмеринской группе брались путём групповых допросов с применением к арестованным физического воздействия. Такие допросы назывались тогда «концертами».

КОРАБЛЁВ считал, что ОДТО ст[анции] Казатин работает плохо, и потому им было дано указание, что опергруппа может арестовывать по делам РО НКВД работников транспорта. Вообще первую скрипку там играло не ОДТО, а РО НКВД.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

По линии ДТО я никаких поручений не имел и сам их не давал. Контакттировать же работу ДТО и периферийные органы должны были, и только в этой части я мог дать указания.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

У нас из арестованных работников ж[елезно]д[орожного] транспорта был только командный состав.

Массовые аресты группами при мне в Казатине не практиковались.

Такого положения, чтобы оперследгруппа не знала, кого и как арестовывает ОДТО, не могло быть.

На оперсовещании в УНКВД отделы и работники, получавшие от арестованных больше признаний, назывались «ударниками». Первое место в этом отношении занимал 2-й отд[ел], и с него предлагалось брать пример остальным.

В разговоре с работниками 2[-го] отдела я узнал, что в УНКВД имела «лаборатория», в которой работал Редер. В неё никого не впускали, и когда я однажды заглянул туда, то там находились ШИРИН, Редер, Иванченко и ещё один работник. На стульях лежал арестованный, Редер сидел у него на голове, а Иванченко – на ногах, но при мне этого арестованного не били.

Как мне говорили, избияния арестованных в УНКВД производились резиновым шлангом и ножкой от стула.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Я не отрицаю, что мог ударить арестованного, если знал, что он враг. Известно мне также было, что били арестованных у Редера, но ведь это не зависело и не исходило от меня.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

В Жмеринке с приездом туда ЗАПУТРЯЕВА также применялись физические меры воздействия, но лично ли от ЗАПУТРЯЕВА исходила такая установка, не знаю.

В 4-м отделе мне пришлось работать с рядом арестованных. В числе их был бывший сотрудник Васильченко, обвинявшийся как участник украинской к-р организации. ШИРИН и Редер сказали мне, что о Васильченко даст показания арестованный Браниш, который якобы знает об этом. Вызванный мною Браниш сказал, что должен подумать, я его отпустил, а больше допросить его мне не удалось. Браниш, как мне говорили, мог давать показания на кого угодно.

На совещании, когда говорилось об «ударниках» следственной работы, называли Редера, Данилейко, Бутенко, ЗАПУТРЯЕВА.

Ни одного дела-формуляра на арестованных я в опергруппе не видел, и аресты тогда производились по первичкам.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ТАТАРЧУК:

В 4-м отделе я работал, по-моему, в марте 1938 г., но точно не помню.

По делу Васильченко указания я получил от ШИРИНА. О Бранише мне также сказал ШИРИН и предложил взять у него показания, как у работавшего в Тывровском р[айо]не и знавшего там всех.

В 15.10 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 15.30 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ТАТАРЧУК:

В 3-м отделе при ЗАПУТРЯЕВЕ я работал в 1938 г. примерно около полугода.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

В 3-м отделе ТАТАРЧУК при мне не работал.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

Точно дат я сейчас уже не помню, но можно по приказам убедиться, что я работал там при ЗАПУТРЯЕВЕ.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ТАТАРЧУК:

На оперативном совещании брать пример со 2-го отдела предлагал начальник отдела, но кто именно, не помню, лично мне ЗАПУТРЯЕВ таких указаний не давал.

По поводу моих протоколов допроса ЗАПУТРЯЕВ недовольство не выражал, и установок записывать показания тенденциозно я от него не получал.

«Разворот» по делам Жмеринка дала с приездом туда ЗАПУТРЯЕВА.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я работал в Жмеринской опергруппе не в тот период, о котором говорит ТАТАРЧУК, а с 17 апреля 1938 г.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

Свои показания подтверждаю. Я могу спутать даты, но не факты.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ТАТАРЧУК:

О «концертах» в Жмеринской опергруппе мне рассказывал либо Иванченко, либо Грановский, точно не помню.

В Казатинской оперследгруппе я провёл ряд дел и в них не сомневалась. В делах Жмеринской группы сомневаюсь по той причине, что она «вскрыла» межрайонные группы контрреволюции, тогда как по другим опергруппам этого не было.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Такие же к-р группы по польской линии были вскрыты и другими оперследгруппами.

Свид[етель] МАКСИМЕНКО Николай Васильевич, 1911 г. рождения, член ВКП(б) с 1932 г., нач[альник] РО, в органах с марта 1938 г., мл. лейтенант госбезопасности, не судимый, по делу показал:

С апреля 1938 г. я работал в 3-м отделе УНКВД по Винницкой обл[асти] и мне было поручено закончить дело на 10 чехов, поступившее из Казатинской оперследгруппы. Спустя несколько дней ЗАПУТРЯЕВ дал мне несколько отпечатанных протоколов допросов и поручил предъявить обвиняемым Вашировскому, Долежалу²² и др. подписать их. Вашировский сначала отказывался подписывать протокол, протестуя против записи о шпионской связи, но в конце концов подписал. Потом я допросил ещё 2-х человек, написал обвинительное заключение, подписал его вместе с ЗАПУТРЯЕВЫМ и дело сдал в 1-й спецотдел. В 1940 г. мне это дело предъявили в следчасти Наркомата, но оно оказалось уже без моих протоколов, вместо них были вложены новые протоколы, подписанные за меня Водкиным. По этим протоколам чехи значились уже немецкими шпионами и все тройкой были осуждены.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

По оказавшимся в деле вновь составленным протоколам все проходившие по делу чехи обвинялись в немецком шпионаже и были осуждены тройкой как немецкие шпионы. Водкин на суде, когда рассматривалось его дело, заявил, что переквалификация им преступления чехов произведена по приказу ЗАПУТРЯЕВА.

На вопросы подсуд[имого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Дело по чехам поступило из Казатина. Сначала по делу проходило 5 чел., которые обвинялись только в принадлежности к чешской националистической организации, а Вашировский, кроме того, в шпионской связи с чешским шпионом Чермаком. Потом по этим материалам были арестованы ещё 5 чел[овек]. Постановления на их арест и справки подписали я, ЗАПУТРЯЕВ и КОРАБЛЁВ.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

²² Тут і далі у документі помилково – Долежало.

Прошу просмотреть дело и вы убедитесь, что это ложь. Никакого отношения к аресту чехов я не имел и ни одного постановления я не подписывал.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Переданные мне ЗАПУТРЯЕВЫМ отпечатанные протоколы допроса касались принадлежности чехов к чешской националистической организации, но Вашировский, Долежал и друг. долго не хотели их подписывать, заявляя, что не являются кулаками, как было указано в протоколах.

На вопросы суда св[идетель] СОЙФЕР:

Один из этих обвиняемых в опергруппе показал, что был связан с Чермаком. Связь эта заключалась в том, что [он] получал от него помощь и информировал Чермака о политнастроении чехов.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Дело на чехов было закончено мною в августе 1938 г. и тогда же я передал его в 1-й спецотдел для направления в Москву на альбом.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

После возвращения дела из Москвы я увидел его лишь в 1940 году уже при расследовании фальсификации по этому делу.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Написанные Водкиным от моего имени протоколы допросов чехов были подписаны Водкиным и, кажется, ЗАПУТРЯЕВЫМ.

(Оглаш[ается] приговор по делу Водкина – л. д. 169, приложение).

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я таких протоколов не подписывал.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Водкин подписал протоколы допросов за Максименко датой, когда в Виннице ещё не работал. Это подлог и сделан он им с целью подвести меня, будто бы я дал такое распоряжение. Я честно заявляю, что в разрезе принадлежности к чешской националистической организации ни один из чехов по этому делу мною допрошен не был.

(Оглаш[ается] л. д. 145, т. 6 – прот[окол] допроса Вашировского).

Протокол допроса Вашировского, подписанный Водкиным, датирован 27 июня 1938 г. Фактически Вашировского Водкин не допрашивал, а дописал последнюю страницу бахвальства ради, чтобы показать, что он принимал участие в деле.

Я допрашивал несколько чехов в июле мес[яце], и они дали показания о своей причастности к немецкой разведке. Остальных поручил допросить Водкину.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я считаю, что дело чехов лежит на совести Водкина.

Допускаю, что распоряжение о передопросе чехов по немецкому шпионажу дал я, поскольку такие показания были получены от основных участников этой группы.

Свид[етель] ПЕРЕПЕЛЯК Михаил Иванович, 1907 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., врио зам[естителя] нач[альника] УНКВД по кадрам, лейтенант госбезопасности, по делу показал:

В бытность КОРАБЛЁВА начальником УНКВД по Винницкой области я работал там начальником 1-го спецотдела. В то время проводились массовые операции как по оперативным листам райотделений, так и по справкам УНКВД.

Накануне 1 мая по 2-му отделу было арестовано около 200 чел[овек] по районам, расположенным вблизи Винницы. За 2–3 дня все эти арестованные в отделении Данилейко дали показания и после праздников были осуждены по тройке.

Практиковались допросы в одной комнате сразу по 10 и больше арестованных. Я не ходил по комнатам следователей, но, даже сидя у себя в кабинете, слышал крики избиваемых.

Помню, был у нас арестованный артист Волынец. Как-то зайдя к начальнику отделения Данилейко, я застал там Волынца. Он сидел в одной изорванной рубаше, тяжело дышал и на его теле были видны кровоподтёки. Данилейко тогда сказал: «Ну, теперь будет говорить».

Тройка рассматривала неподсудные ей дела на сотрудников НКВД и специалистов.

В 1938 г. была арестована группа чехов, и дело было закончено с обвинением этой группы в принадлежности к чешской националистической организации. В сентябре 1938 г. дело докладывалось на тройке, но потом ЗАПУТРЯЕВ вынес его оттуда и сказал, что нужно кое-что доделать. Спустя некоторое время это дело вновь рассматривалось, и проходившие по делу лица были осуждены, но уже за немецкий шпионаж.

Перед приведением в исполнение приговоров комендант и бригада избивали осуждённых. Был случай, что после расстрела женщин комендант заставил одного осуждённого совершить с одной из расстрелянных половой акт, затем труп женщины перевернули на спину и осуждённого положили лицом к её половому органу. В таком положении и застрелили его. В этот момент вошёл военный прокурор Матвеев, но сделал вид, что ничего не замечает.

Имели место случаи, что уже после вынесения тройкой решения о расстреле осуждённым делали очные ставки, допрашивали, и приговоры по этой причине задерживались исполнением на месяц и больше.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Я сидел в приёмной, когда ЗАПУТРЯЕВ вынес дело чехов с заседания тройки и сказал мне, что по этому делу нужно кое-что доделать.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Не было этого, и я прошу обратить внимание, что по показаниям другого свидетеля – Мартынюка – дело чехов с заседания тройки было вынесено им – Мартынюком.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

ЗАПУТРЯЕВ на тройке сам дел не докладывал, но присутствовал там.

Дело чехов я хорошо помнил и знал его даже по внешнему виду. Поэтому утверждаю, что именно это дело вынес тогда ЗАПУТРЯЕВ с заседания тройки.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Издавательство над осуждённым на трупе расстрелянной женщины происходило в последнюю тройку. КОРАБЛЁВА об этом я в известность не поставил, так как перед тем он выгонял меня из кабинета, угрожал посадить и проч. Эти угрозы были связаны с[о] стат. отчётом о социальном положении арестованных и репрессированных за период работы Ежова. У меня по материалам отдела получилось, что репрессировано много колхозников, рабочих, служащих, и в таком виде отчёт был составлен. После отправки его в Киев КОРАБЛЁВ вызвал меня и заявил: «Что Вы меня подводите. Мне Успенский звонил, чтобы Вас посадить». Здесь же предложил пересоставить отчёт и рабочих, колхозников и др[угих] социально близких людей, имевших политпрошлое, исключить из соответствующих граф «рабочие», «колхозники», включив их в графу «быв[шие] люди». Такое указание я считал неправильным и потому позвонил в Киев начальнику 1-го спецотдела Назаренко. Тот меня не поддержал, а, наоборот, сказал: «Делайте, что Вам приказывают». Пришлось отчёт переделать и по приказанию КОРАБЛЁВА лично отвезти в Киев. Там я сдал его Славину в присутствии Назаренко, и последний никаких замечаний мне не сделал. Спустя несколько дней отчёт возвратили из Киева нарочным, и директива за подписью Назаренко, отмечая большой процент в отчёте социально близких людей, предлагала переделать отчёт, включив в графу «быв[шие] люди» всех рабочих, колхозников и служащих, имевших в прошлом судимость. Я снова позвонил в Киев, и Назаренко дал указание отнести к «быв[шим] людям» также членов костельных общин и проч. религиозных групп.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я не оспариваю показания ПЕРЕПЕЛЯКА по части стат. отчёта, но инициатива пересоставления его исходила не от меня. Я работал в Виннице 10 месяцев, отношения к ранее проведённой в УНКВД работе не имел. Потому умысла в изменении стат. отчёта у меня не могло быть.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Дело по чехам вплоть до сентября мес[яца] шло по чешской линии, но потом его переделали на немецкую линию.

При первом рассмотрении дела чехов на заседании тройки оно не нашло отражения в протоколе, поскольку в протокол включались рассмотренные дела, а оно было снято с рассмотрения.

В 17.20 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 20.10 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

При допросе меня на предварительном следствии по делу чехов я не знал об аресте ЗАПУТРЯЕВА, не было мне также известно, что это дело инкриминируется ему.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Показания ПЕРЕПЕЛЯКА особоуполномоченному в 1939 г. были даны на свежую память, однако тогда они не были так точны, как сейчас. Тогда он показывал, что о снятии чешского дела с рассмотрения тройки

ему известно со слов других, а сейчас утверждает, что я лично сказал об этом.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] ПЕРЕПЕЛЯКА – л. д. 229, т. 4).

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Арестами 200 чел[овек] перед 1 мая руководил Данилейко, и об этих арестах КОРАБЛЁВ знал, так как подписывал документы на это.

Задержка исполнения приговоров над осуждёнными к ВМН достигала 2-х месяцев, и таких случаев было не менее 30-ти.

По-моему, КОРАБЛЁВ, как нач[альник] УНКВД, не мог не знать о безобразиях при исполнении приговоров. Какими путями ему могло стать об этом известно, затрудняюсь сказать.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Какое отношение имел ШИРИН к арестам перед 1-м мая, не знаю.

Подсуд[имый] ШИРИН:

К этим арестам я никакого отношения не имел, так как за 3 дня до перемомайских праздников из Винницы уехал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] СОЙФЕР:

Был случай, что ШИРИН корректировал один мой протокол допроса арестованного Бондаря. Существенных отступлений допущено им не было, протокол после корректировки оказался несколько расширенным и стилистически обработанным.

На вопросы суда св[идетель] СОЙФЕР:

Этот протокол допроса направлялся в Киев. С этим арестованным ШИРИН беседовал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ВОЛОШИН:

Практика корректировки протоколов допроса существовала и в 1937 году, ещё до приезда ШИРИНА. Я также корректировал протоколы.

Свид[етель] АГЕЕВ Иван Семёнович, 1912 г. рождения, член ВКП(б) с 1938 г., работает в 3-м отделе КОВО, сержант госбезопасности, не судим, по делу показал:

С марта 1938 г. я работал в 3-м отделе УНКВД Винницкой обл[асти]. Начальниками отдела в то время были последовательно Толчинский, ЗАПУТРЯЕВ и Токарев.

В мае месяце мне дали на допрос обвин[яемого] Тормана. Составленный мною протокол допроса Тормана я доложил начальнику отделения Яцунскому. Тот стал его корректировать, заявив, что он написан бессмысленно и что его нужно переделать от начала до конца. Арестованного от меня забрали, а спустя дней 10 отпечатанный протокол его допроса я случайно увидел в машинном бюро. В нём оказались существенные изменения и добавления, чего обвиняемый мне не говорил. Эти изменения были внесены Яцунским и ЗАПУТРЯЕВЫМ. Всегда, когда я заходил к ЗАПУТРЯЕВУ, у него на столе лежали раскрытые брошюрки, подобные «Запискам шпиона», и этими брошюрками он пользовался при корректировке протоколов.

Мне известно, что арестованная Рейд-Дахновская²³, студентка мединститута, была допрошена ЗАПУТРЯЕВЫМ, и что её вынесли из его кабинета и на следующий день она умерла в тюрпode.

На вопросы суда св[идетель] АГЕЕВ:

Точно утверждать, что фамилия этой арестованной Рейд-Дахновская, не могу.

У кого она находилась на следствии, не знаю, но мне известно, что её допрашивали в 18-й комнате. Было это в апреле или мае 1938 года.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Арестованной по фамилии Рейд-Дахновская у меня не было, и в 18-й комнате я никогда не сидел. Показания Агеева категорически отрицаю.

На вопросы суда св[идетель] АГЕЕВ:

Я присутствовал на партсобрании по поводу исключения Редера из партии. О смерти и избииении арестованной студентки на собрании не говорил, так как там стоял вопрос лишь о партийности Редера. Говорил и писал ли об этом, не помню, но, кажется, кто-то, помимо меня, рассказал об этом факте на собрании.

Об избииении студентки, по-моему, должен знать Яцунский.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] АГЕЕВ:

ЗАПУТРЯЕВ начальником отдела был после Токарева.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Никакого участия в деле Тормана я не принимал и в тот период находился не в Виннице, а в Жмеринке. Следствие по делу Тормана вели Яцунский и Токарев, и только они могли корректировать протокол его допроса.

Никаких брошюр о шпионаже у меня на столе не было, и прибегать к их помощи при корректировке протоколов мне не требовалось.

Свид[етель] УРЛАНГ Соломон Яковлевич, 1904 г. рождения, член ВКП(б) с 1927 г., оперуполномоченный УНКВД по Винницкой обл[асти], сержант госбезопасности, не судимый, по делу показал:

В УНКВД по Винницкой обл[асти] я работаю с марта мес[яца] 1938 г. Придя туда, застал групповые допросы, заключавшиеся в том, что один, максимум два следователя, допрашивали сразу группу арестованных 6–10 чел.: «Ну, кто даст показания?».

Аресты в то время производились по спискам, поступавшим из РО НКВД. На этих списках руководство делало отметки «Ар.», после чего людей арестовывали и сразу с машины доставляли наверх на групповые допросы.

На вопросы суда св[идетель] УРЛАНГ:

Наверху была 51-я комната, в которой сидел Редер. В эту комнату никого, за исключением Надеждина и ШИРИНА, не впускали, и оттуда всегда раздавались крики. Если арестованный не давал показаний, его заводили в эту комнату и там допрашивали.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] УРЛАНГ:

²³ Свідок помилився у прізвищі. Правильно – Райзман. Див. далі за текстом.

Поступившие из районов оперлисты направлялись руководству и после наложения резолюции «Ар.» передавались для исполнения в отделы. Давались они и Данилейко.

Массовыми арестами по украинской к[онтр]р[еволюции] руководил Данилейко.

На протяжении месяца мне пришлось замещать секретаря 4[-го] отдела. Сидел я тогда в комнате рядом с кабинетом ШИРИНА и видел, как к нему доставили на допрос арестованного Козиса. Шума в кабинете ШИРИНА тогда не было. Из кабинета ШИРИНА Козиса повели к Редеру. Там начался шум, и после того у ШИРИНА Козис стал давать показания.

На вопросы суда св[идетель] УРЛАНГ:

Козис – быв[ший] председатель облисполкома. По его показаниям было арестовано около 10 видных бывших красных партизан. Все они осуждены и находятся в ссылке. По фамилии из них помню одного Зака.

Подсуд[имый] ШИРИН пояснил:

По показаниям Козиса было арестовано 6 чел. Кроме показаний Козиса, на них имелись показания арестованного, с которым работал Фукс, а также показания Зака, арестованного по ориентировке Наркомата.

На вопросы под[судимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] УРЛАНГ:

Кто персонально накладывал резолюции «Ар.» на оперлистах, не знаю.

Св[идетель] ШАБУНИН Алексей Васильевич, 1904 г. рождения, член ВКП(б) с 1929 г., в органах НКВД работал с 1930 г. помощником нач[альника] отделения УНКВД, ныне – следователь Горпрокуратуры, мл. лейтенант госбезопасности, не судился, по делу показал:

В Винницком УНКВД было арестовано около 10 чел. – выходцев из Бессарабии. Считаю и убеждён, что поводом к их аресту послужил Губерский – бродячий старик, которого задержали в расположении авиачасти. После доставления в УНКВД ЗАПУТРЯЕВ дал мне распоряжение допросить этого старика и выяснить, кто он. Губерский показал, что состоял в обществе бессарабцев и что в Винницу приехал взять справку об этом. Назвал фамилию председателя общества Круликовского, и ЗАПУТРЯЕВ приказал пригласить последнего в УНКВД. Я сделал это, и на следующий день уже был готов протокол допроса Круликовского, в котором он признавал, что, прикрываясь обществом бессарабцев, проводил шпионаж в пользу Румынии. Дал ряд фамилий, после чего были произведены дополнительные аресты. По показаниям Круликовского прошла и студентка мединститута Райзман, арестованная до того. Делом бессарабцев руководил ЗАПУТРЯЕВ, следствие вели я, Беркута и Максименко. Содержась под стражей, Райзман пыталась покончить [жизнь] самоубийством, и после этой попытки ЗАПУТРЯЕВ предложил мне немедленно допросить её по материалам дела. Я это сделал, но она всё отрицала.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Какого числа я допрашивал Райзман, я не помню. Но это было в день попытки её самоубийства²⁴.

(Оглаш[ается] л. д. 173, т. 5 – история болезни Райзман).

²⁴ У документі – попытка её к самоубийству.

Кто допрашивал Райзман перед её попыткой самоубийства, я не знаю.

На мой вопрос о причинах попытки самоубийства Райзман только ответила: «Не хочу жить».

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

На Райзман имелось достаточно материалов от Круликовского, и когда мне позвонили, что она пыталась покончить [жизнь] самоубийством, я действительно послал Шабунина выяснить причины, побудившие её к этому. До попытки Райзман к самоубийству я её не допрашивал и допрос начал только после выхода её из тюремной больницы.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Меня ЗАПУТРЯЕВ послал допросить Райзман по делу, а не для выяснения причин попытки к самоубийству, и я по своей инициативе задал ей вопрос, почему вешалась. Райзман ответила: «Не хочу жить».

ЗАПУТРЯЕВ говорит, что не допрашивал Райзман до её попытки самоубийства, но в тот момент, когда он посылал меня допросить Райзман, в деле уже имелся протокол её допроса ЗАПУТРЯЕВЫМ.

(Оглаш[ается] л. д. 172, т. 5 – история болезни Райзман).

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Райзман осуждена тройкой к ВМН как румынская шпионка.

Свид[етель] АГЕЕВ:

Хочу заявить, что я ошибочно назвал Рейд-Дахновской арестованную, вынесенную из кабинета ЗАПУТРЯЕВА женщину, в действительности её фамилия Райзман, о которой сейчас рассказал суду Шабунин.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

До допроса Круликовского на названных им лиц материалов не имелось, и лишь после показаний Круликовского ЗАПУТРЯЕВ стал интересоваться, есть ли в УНКВД материалы на них. Тогда же завёл и агразработку²⁵, а до того её не было.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Агразработки я не заводил и о ней слышу впервые.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ШАБУНИН:

Применялись ли физические методы к арестованным бессарабцам, не знаю.

Аресты этих лиц были произведены после допроса ЗАПУТРЯЕВЫМ Круликовского.

Факты по показаниям арестованных бессарабцев проверены не были, и потому говорить, что они соответствуют действительности, не могу. По меньшей мере, в них можно сомневаться.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Шабунин сам же производил допросы по делу бессарабцев. Как же он может сейчас говорить, что не верит в показания по делу.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

В показаниях, собранных лично мною, я не сомневаюсь.

Кроме старика Губерского, я допрашивал ещё несколько человек по этому делу, им были даны очные ставки, и они всё признали. Но тут я

²⁵ Агразработка – агентурна розробка.

должен сказать суду, что, как мне известно со слов сотрудника Боть, в тот период в камерах проводилась обработка арестованных на дачу показаний: «Отсидишь год и выйдешь».

Подсуд[имый] ЗАПУТРЕЯВ пояснил:

Относительно дела бессарабцев Шабунин говорит неправильно. Губерский был допрошен Шабунинным и Максименко 7 июня 1938 г. и дал им показания, что завербован Круликовским и что общество бессарабцев проводит шпионскую работу. После того вызвали Круликовского, тот дал заявление, подтверждавшее показания Губерского, и лишь после этого я стал допрашивать Круликовского.

Райзман уличалась в принадлежности к к-р шпионской организации Круликовским, Мироновым и Яковлевым.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

По-моему, Губерского я не допрашивал, а только присутствовал при допросе. Губерский показал, что состоял членом общества бессарабцев, которое проводило работу по отторжению Бессарабии от Румынии.

Пригласить Круликовского в УНКВД меня позвал Шабунин, сказав, что это предложил ему ЗАПУТРЕЯВ. Круликовского в отдел к ЗАПУТРЕЯВУ мы привели, не имея у себя ордера на арест.

Никаких материалов на бессарабцев в УНКВД не было, так как я сам разыскивал их, но нашел только один список.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

На допросе показания о шпионской работе общества бессарабцев Губерский мне не давал.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Я также не помню, чтобы Губерский давал такие показания.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Дело бессарабцев возникло по показаниям Губерского, который рассказал на допросе о подрывной работе общества. Потом ко мне приводили Круликовского, и тот показания Губерского в этой части подтвердил. Дело это у нас считалось бесспорным.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

При первом допросе Губерского Шабунинным я не присутствовал и до дачи Круликовским признания о принадлежности к к-р организации таких показаний от Губерского не получал.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Показание о принадлежности к к-р организации первый дал не Губерский, а Круликовский.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЕЯВ:

Круликовский был арестован после Губерского, но, как видно из имеющегося в деле постановления, датированного 4.6.[1938 г.] и подписанного Токаревым и Максименко, он намечался к аресту до Губерского.

Указания задержать Круликовского дал не я, а Токарев.

По ходатайству св[идетеля] АГЕЕВА последний с согласия подсудимых от дальнейшего присутствия в зале суда освобождён.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребовать для обозрения архивно-следственные дела по обвинению Мильштейна, Вашировского и др. (дело чехов), Круликовского, Райзман и др. (дело бессарабцев).

В 22.10 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 22.30 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ДАНИЛЕЙКО Георгий Петрович, 1901 г. рождения, член партии с 1932 г., в органах НКВД работал с 1920 по 1939 г., последняя должность — начальник отделения УНКВД, ст. лейтенант госбезопасности, ныне — управляющий мукомольного треста, не судим, по делу показал:

По прибытию в Винницу КОРАБЛЁВ созвал оперсовещание и на нём дал установку о развороте работы. Потом вызывал отдельных работников, в том числе и меня, и указывал, что дела у нас проходят медленно. В объяснение причин я сказал ему, что у нас не хватает комнат для допросов арестованных, и в связи с этим КОРАБЛЁВ предложил, чтобы в одной комнате работали несколько следователей, каждый со своим арестованным. При таком положении случилось, что в комнате скапливалось²⁶ по 7–8 арестованных, так как в случае временного ухода следователь из соседнего кабинета также приводил туда своего арестованного. Такой одно-временный допрос нескольких арестованных является, конечно, нарушением УПК.

Практиковались и др[угие] нарушения, как, например, аресты по оперлистам. Последние поступали без каких-либо дополнительных материалов, и потому не было видно, на основании каких данных они составлены. По получении таких оперлистов зам[еститель] или пом[ощник] нач[альника] УНКВД делали отметки, кто подлежит аресту, и потом КОРАБЛЁВ утверждал. Впоследствии многие из арестованных по оперативным листам были освобождены.

Был у нас арестованный латыш, фамилии его не помню. Материалы на него были совершенно недостаточные, поэтому я написал постановление об освобождении и дал КОРАБЛЁВУ. Тот продержал несколько дней, а потом вызвал меня и сказал: «Вот, дам дело другому работнику, получит показания, так тогда Вас расстреляем». Пришлось дело взять обратно.

О ЗАПУТРЯЕВЕ ничего не могу сказать, так как по работе с ним не сталкивался.

С ШИРИНЫМ взаимоотношения у меня были неважные, и к этому имело отношение следующее. Одному следователю арестованный — быв[ший] эсер — дал без понуждения чистосердечные показания. Узнав об этом, ШИРИН забрал к себе как протокол допроса, так и арестованного, и заявил, что с этим арестованным будет работать сам, так как следователь является молодым работником и с таким делом не справится. По этому поводу я высказался, что такие действия притупляют инициативу молодняка и что так может поступать только представитель вражеского руководства. ШИРИН обиделся: «Я прислан Успенским, а не врагом», и

²⁶ У документі — скоплялось.

побежал жаловаться КОРАБЛЁВУ. Тот сделал мне замечание, и потом вопрос об оскорблении мною ШИРИНА разбирался на партсобрании. В результате ШИРИН относился ко мне с недоверием, и хотя я был подчинён ему, но больше руководил мною Надеждин.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

В то время групповые допросы я не считал незаконными.

Дело Павлюка вёл я. Павлюк – быв[ший] эсер, офицер царской и петлюровской армий, был болен язвой желудка и катаром кишок. На допросе он дал мне собственноручные показания об антисоветской работе, но протокол тогда я не писал. Спустя 2 дня вызвал его снова, но мне ответили, что он умер. По этому поводу меня вызывал КОРАБЛЁВ. Я заявил КОРАБЛЁВУ, что нужно произвести вскрытие, настаивал на этом, но КОРАБЛЁВ резко меня обрезал. Я не допускаю, чтобы Павлюка допрашивал кто-либо, кроме меня, я же к нему физического воздействия не применял.

При рассмотрении дел на тройке случалось, что КОРАБЛЁВ в отношении того или иного обвиняемого говорил, что он не всё дал, однако решение о ВМН всё же выносилось, но потом этого осуждённого продолжали допрашивать. Для допроса таких осуждённых и приостановления приведения приговора над ними в исполнение нужно было писать специальные рапорта. Это являлось не исключением, а системой, и лично мне было предложено допросить около 10 таких осуждённых.

В ряде случаев я этих распоряжений не выполнял, следования не производил, так как был занят другими арестованными.

Козис – быв[ший] пред[седатель] Облесполкома. С ним работали ШИРИН и Редер, а я отношения к нему не имел и при допросах его не присутствовал. Редер работал в моём отделении, но по ряду дел отчитывался не мне, а ШИРИНУ.

Относительно быв[ших] красных партизан из Киева была специальная директива. Аресты быв[ших] красных партизан производились как по оперлистам, так и по показаниям. Лично я показания о быв[ших] красных партизанах от арестованных не получал.

На аресты по оперативным листам составлялись справки, утверждавшиеся начальником УНКВД и прокурором. Чем подкреплялись данные, изложенные в оперлистах, нам известно не было.

(Оглаш[ается] оперлист – л. д. 146, прил. 1).

Протоколы допросов по моему отделению корректировались мною, но делалось это не в сторону сгущения. Бывало, например, что арестованный давал показания на 50 чел. Ясно, что это был оговор, и потому я говорил следователю, что такие показания – абсурд, и предлагал ему установить правду. Другой арестованный заявлял, что завербован Хвyleй, тогда как тот никакого общения с ним иметь не мог.

Лично я физического воздействия к арестованным не применял. Как-то разговаривал с одним арестованным, но он отказался дать показания и заявил: «До Вас со мной не так говорили, и то не дал признания». Об этом я сказал ЗАПУТРЯЕВУ, но что он мне ответил, не помню.

Волынец – артист. Физические меры к нему не применялись и помимо меня его никто не допрашивал.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Была арестована группа работников театра, в том числе и Волынец. Дело это вёл Данилейко, и как к Волынцу, так и к другим арестованным артистам применялись меры физического воздействия. Говорю так потому, что моя комната была рядом, и я слышал крики допрашиваемых.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Арестованного Кожушко я помню. Он работал главным инженером сахаротреста, в партии состоял, насколько припоминаю, с 1930 г.

(ВТ удостоверил, что быв[ший] арестован[ный] Кожушко являлся чл[еном] ВКП(б) с 1917 г.).

Я и сейчас убеждён, что Кожушко – немецкий шпион. Допрашивали его вежливо.

(Оглаш[аются] показ[ания] Кожушко – л. д. 248, т. 4).

Действительно, Кожушко был предан суду не по обвинению в немецком шпионаже, но на следствии вопросы в этой плоскости ему ставились.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

В 1938 г. я как-то зашел к Данилейко. У него в тот момент сидел Волынец в изорванной рубашке, со сплошными кровоподтёками на теле. Данилейко тогда сказал мне: «Вот, сволочь – офицер. Теперь будет давать показания».

Свид[етель] ДАНИЛЕЙКО:

Я отрицаю. Не было этого.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

У Данилейко было дело по обвинению латыша Тректор. Все сроки содержания этого арестованного под стражей прошли, о чем я несколько раз напоминал Данилейко, но тот продолжал держать Тректора арестованным и ничего не предпринимал. Тогда я доложил КОРАБЛЁВУ, и тот предложил, чтобы дело Данилейко доложил ему. Было ли это сделано или нет, не знаю. Происходило это в августе или сент[ябре] 1938 г. перед последней тройкой, которая потом и осудила Тректора на 5 лет.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Тректор – это тот латыш, против освобождения которого, как я здесь говорил, возражал КОРАБЛЁВ.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

У КОРАБЛЁВА было совещание и на нём говорилось о смерти арестованного Павлюка от побоев. Данилейко присутствовал на совещании, но вскрытия трупа Павлюка не требовал.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Это совещание уже происходило после моего разговора с КОРАБЛЁВЫМ о Павлюке.

Арестованного Гончарука я не помню.

(Оглаш[ается] л. д. 168, т. 5 – список умерших заключенных, по которому Гончарук значится подследственным Данилейко).

Из моих подследственных умер только один Павлюк, а о Гончаруке меня на предварительном следствии даже не допрашивали.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] СМИРНОВ:

Будучи в Жмеринской оперследгруппе, ЗАПУТРЯЕВ участия в арестах ОДТО не принимал.

По ходатайству свидетелей Смирнова, Волошина и Сойфера последние с согласия подсудимых от дальнейшего присутствия в зале суд[ебного] заседания освобождены.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Установку, чтобы несколько следователей производили одновременно и в одной комнате допрос, каждый своего арестованного, КОРАБЛЁВ давал не только мне лично, но и на оперсовещании.

На заседаниях тройки КОРАБЛЁВ, случалось, спрашивал: «А вы уверены, что обвиняемый всё сказал?». Я отвечал утвердительно, но он в присутствии всех членов тройки говорил: «Нужно ещё с этим арестованным поработать». Говорилось это не после вынесения тройкой решения, а в процессе доклада дела. Решение об осуждении таких арестованных всё же выносилось. Фамилии этих осуждённых не помню, как не помню, кто из прокуроров участвовал тогда в заседании.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Указаний работать с осуждёнными после вынесения в их отношении решения о ВМН я на заседаниях тройки не давал. Вообще же в ряде случаев санкция на допрос осуждённых мною, как я уже говорил, давалась, но это было после заседания тройки и по специальным рапортам оперативных отделов.

Категорически отрицаю также показания Данилейко по части дела Тректора и заявление Перепеляка соответствует моим показаниям.

Никакого расследования причин смерти Павлюка или вскрытия его тупа Данилейко не требовал. Наоборот, на оперативном совещании я демонстрировал этот случай и говорил, что по медакту можно предполагать, что Павлюку были нанесены побои, но Данилейко это отрицал.

Случай с ШИРИНЫМ, когда Данилейко назвал его представителем старого вражеского руководства, имел место.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Не было ни одного случая, чтобы ШИРИН обращал моё внимание на необоснованность ареста.

Непосредственная моя связь как начальника отделения с КОРАБЛЁВЫМ заключалась в докладе ему оперативных дел.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Интересовался ли у меня КОРАБЛЁВ делом Кожушко и докладывал ли я ему это дело, не помню.

По телефону КОРАБЛЁВ спрашивал, что и как дают арестованные по показаниям Козиса.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Кто являлся начальником отдела, когда КОРАБЛЁВ заявил мне, что дела у нас проходят медленно, не помню.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Не помню, но допускаю, что в процессе работы мог непосредственно обращаться к Данилейко за той или иной справкой по отдельным делам.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Смерть Павлюка произошла в бытность начальником отдела Надеждина, а не ШИРИНА.

Оперативные листы составлялись на основании резолюций руководства на оперлистах, поступающих из РО НКВД.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Перепечатка оперлистов с райотделений производилась машинисткой дословно, и добавления при этом не допускались.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Неправда. Как я установил, уже на следствии Данилейко допустил в одном случае в оперлисте приписку.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Для включения в оперлист того или иного лица требовалось наличие на него агентурных материалов или показаний.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Твёрдо не помню, но считаю, что эти материалы требовались.

Пред[седательствующий] огласил л. д. 2566, приложение № 12, порядковый № 19.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Из 3-го отдела в 4-й действительно была передана группа по линии «ПОВ». С момента передачи этих арестованных руководство следствием по их делам также было возложено на 4-й отдел.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Хотя эти арестованные и допрашивались в 4-м отделе, но следствием по их делам руководил 3[-й] отдел и даже включал их в свою отчётность.

Никакого отношения к приостановлению приведения приговоров в исполнение я никогда не имел.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Мне никто не указывал, что мы самочинно применяем физические меры воздействия, и таких случаев применения физического воздействия у меня в отделении не было.

Подсуд[имый] ШИРИН пояснил:

Неправда. Однажды мне стало известно об избииении арестованного следователем Гуня, и я доложил об этом Надеждину. Тот вызвал Данилейко и предупредил его против самочинного применения физического воздействия к арестованным.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Относительно «Молодой генерации» могу сказать следующее. У меня был только один арестованный Мефедовский, и в то время дело об этой организации ещё не существовало. Зародилось оно в 4-м отделе после того, как туда забрали от меня Мефедовского и произвели дополнительные аресты. ШИРИН даже упрекал меня, что я якобы хотел скрыть эту организацию.

Подсуд[имый] ШИРИН пояснил:

Неправда. Заложение этой организации сфальсифицировали Данилейко и Глушенко, и об этом говорилось на партсобрании.

(Оглаш[ается] л. д. 259–260, т. 5 – протокол партсобрания).

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Справка на арест по материалам спецотделов составлялась не у меня, а в 3-м отделе у Токарева. Начальником 3[-го] отдела после Токарева был ЗАПУТРЯЕВ.

В 0.1²⁷ объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

28.[0]4.[19]41 г., в 11.30, суд[ебное] заседание продолжается.

Св[идетель] БЕРКУТА Артём Павлович, член ВКП(б) с 1939 г., лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работал с 1933 г., ныне работает в Облпотребсоюзе, не судимый, по делу показал:

Относительно ШИРИНА и КОРАБЛЁВА ничего не могу сказать, а о ЗАПУТРЯЕВЕ мне известно следующее. Я вёл следствие по делу Калины и на второй день он стал давать показания по к-р троцкистскому формированию. Его показания я понёс ЗАПУТРЯЕВУ, и тот дал указание допрашивать Калину шире, в свете агматериалов о связи его с японской разведкой. Это обвинение Калина сначала отрицал, но потом дал обширные показания. Я составил протокол допроса, но ЗАПУТРЯЕВ сказал, что он не годится и забрал его у меня. Потом этот протокол был откорректирован и его перепечатали, проставив в конце: «Допросили КОРАБЛЁВ, ЗАПУТРЯЕВ, Беркута». Назвать отпечатанный протокол сфабрикованным не могу, однако в нём оказались моменты, которые Калина совершенно не затрагивал. Этот протокол Калина сначала отказывался подписать, но потом всё же подписал. По его показаниям арестовали 5 студентов.

Аналогично получилось и с протоколом допроса Щелинского²⁸, который стал давать показания после того, как ему предъявили показания Калины. Протокол его допроса с такой же «корректировкой» составил ЗАПУТРЯЕВ.

Примеры «корректировки» ЗАПУТРЯЕВА: Калина писал, что получил от дяди из Манчжурии 50 руб., а ЗАПУТРЯЕВ указал значительно большую сумму. В показаниях Калины говорилось о факте случайного самоотравления одной студентки, а после корректировки получалось, что студентка умышленно отравлена Калиной для испытания действия бактерий.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Калина обвинялся в связях с японской и германской разведкой и при-
сылаемые ему деньги получал якобы за шпионскую связь. Мы сделали запросы по всем местам, на какие он ссылался, и вначале получили телеграммы об аресте проходящих по показаниям Калины лиц, но потом поступили протоколы допросов этих лиц с отрицанием показаний Калины, и нам сообщили, что они освобождены.

²⁷ Так у документі.

²⁸ Вірогідно, помилка у документі. У справі йдеться про студента Вінницького медінституту М. Шавинського (див.: іменний і біографічний покажчик).

Калина на своих показаниях стоял твёрдо, все арестованные по его показаниям от них отказались, поэтому корректировка ЗАПУТРЯЕВЫМ протоколов допросов послужила Калине козырем, чтобы на суде указать на противоречие в них. При рассмотрении судом этого дела двое обвиняемых были приговорены к расстрелу, а двое других — к лишению свободы, но Верховный суд приговор отменил, и они были освобождены.

Один протокол допроса Калины ЗАПУТРЯЕВЫМ был дан КОРАБЛЁВУ, и тот со своей стороны внёс в него изменения.

Калина дал показания о том, что подготавливал микробиологическую диверсию путём отравления воды в пределах Винницы. Были произведены обыски, но они результатов не дали. По этому же делу допрашивали врачей с целью получения заключения, можно ли при наличии имевшейся аппаратуры вырастить указанные Калиной микробы. Заключение врачей не помню, но в итоге дело мне показалось нереальным.

В ноябре—декабре 1938 г. у нас было партийное собрание, на котором КОРАБЛЁВ делал доклад в связи с постановлением ЦК и СНК от 17.XI. [19]38 г. В своём выступлении КОРАБЛЁВ говорил об искривлениях, допущенных где-то, а о наших не касался. Не говорилось и о групповых допросах. На этом собрании я выступил с критикой ЗАПУТРЯЕВА по части корректировки им протоколов допросов арестованных, но КОРАБЛЁВ с места меня обрезал, и потому я не развернул своё выступление, а потом за то, что один арестованный в течение 24 часов не был допрошен в связи с праздниками, мне КОРАБЛЁВ дал трое суток ареста.

На собрании выступал также Данилейко, и его там обвинили в отсутствии самокритики.

(Оглаш[ается] л. д. 199 об., т. 8).

ВТ удостоверил, что на этом партсобрании Данилейко был взят под защиту КОРАБЛЁВЫМ (л. д. 203 об., т. 8).

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Арестованную студентку мединститута Райзман я помню. Она являлась перебежчицей из Бессарабии, а по директиве Центра все перебежчики подлежали аресту, независимо от наличия на них материалов. Мне на допросах никаких показаний о связях с иностранной разведкой она не дала и в подтверждение своей невиновности приводила факты о положительных связях как коммунистки. Перепроверку её положительных показаний я не производил, так как уехал на курорт, дело передал ЗАПУТРЯЕВУ и больше его не вёл.

(Свидетелю предъявлено архив[ное] след[ственное] дело по обв[инению] Райзман и др.).

Протокол допроса от 28 июня написан мною, последующие протоколы не мои.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] БЕРКУТА:

Я был арестован КОРАБЛЁВЫМ после октябрьских праздников, сидел 2-е суток и больше аресту не подвергался.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

Собрание, на котором выступал Беркута, происходило 26 декабря, а арестовали его в ноябре. Как же Беркута может увязывать его арест с выступлением на этом собрании?

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Да, я ошибся, мой арест был до выступления на собрании. Своей ссылкой на арест я имел ввиду сказать, что если до того КОРАБЛЁВ посадил меня на трое суток, то за критику на собрании мог посадить снова, и потому [я] не развернул там своё выступление.

По ходатайству подс[удимого] КОРАБЛЁВА оглаш[ается] его выступление на партсобрании (л. д. 203, т. 8).

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

Беркута на собрании не обвинял ЗАПУТРЯЕВА в фальсификации протоколов допроса.

(Оглаш[ается] выступление Беркуты на партсобрании – л. д.192, т. 8).

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] БЕРКУТА:

Райзман была арестована 14 апреля 1938 г.

В момент моего отъезда на курорт нач[альни]ком моего отдела был Токарев, а ЗАПУТРЯЕВ являлся его заместителем.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Как же я мог принять дело Райзман и давать по делу какие-либо распоряжения, если не являлся нач[альни]ком отдела. Арестована же она была вообще до моего приезда в Винницу.

ВТ удостоверил, что арест Райзман был произведён до приезда в Винницу подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА и что протокол её допроса на л. д. 262 без даты составлен Шабунинным.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

По возвращении из отпуска я допросил Райзман после попытки её самоубийства.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Я допрашивал Райзман на второй день после её попытки самоубийства.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Честно заявляю, что до ареста Круликовского я даже не знал о Райзман и допрашивать её начал лишь 8 июля.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Точно помню, что когда по заданию ЗАПУТРЯЕВА я приехал в тюрьму допросить Райзман, в её деле был протокол допроса ЗАПУТРЯЕВЫМ. (Свидетелю предъявлено дело по обв[инению] Райзман).

Сейчас этого протокола в деле нет.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

По получении сообщения о попытке Райзман к самоубийству я мог (если это сообщение было получено мной, а не Токаревым) дать задание поехать выяснить, в чём дело, так как арестованная числилась за 3-м отделом.

Свид[етель] ШАБУНИН (реплика):

Вы же возглавляли следствие по этому делу, зачем же вмешивать сюда Токарева. Вы дали мне задание поехать допросить Райзман не о причинах

попытки самоубийства, а по материалам дела, и Вы же нажимали, чтобы скорее кончить это дело. И если бы я тогда привёз акт о состоянии здоровья Райзман, а не протокол допроса по делу, то сам бы оказался в её положении.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я заверяю суд, что о существовании Райзман узнал лишь после ареста Губерского и Круликовского, когда Токарев предложил вести их дело.

ВТ удостоверил, что Губерский дал показания о Круликовском 8 июля, а арест Круликовского оформлен 11 июня.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

К аресту Круликовского я отношения не имел, и ко мне он попал после ареста.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Круликовский был приведён нами из квартиры в кабинет начальника отдела Токарева. Там сидел и ЗАПУТРЯЕВ, и, по-моему, он же стал его сразу допрашивать.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

Круликовский сразу был заведён к Токареву, а ко мне попал лишь на следующий день уже с собственноручными показаниями о том, что является шпионом. И только после этого я стал вести допросы по делу.

Кто избивал Райзман, мне не известно.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] БЕРКУТА:

ЗАПУТРЯЕВ потребовал создания по показаниям Калины экспертизы для установления, возможно ли выращивание в тех условиях названных Калиной микробов.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ объяснил:

Калина был арестован по агентурному делу по обвинению в японском шпионаже. Дядя его был расстрелян в Москве. Калина дал Беркуте показания, что принял поручение подготовить диверсионный акт, но эта часть показаний сводилась к общим фразам. Поэтому я сам вызвал Калину, по согласованию с ним уточнил общие места, и после этого Калина подписал протокол.

Дело Калины велось после постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. и готовилось в гласный суд. Как же в таком случае можно было фальсифицировать дело? Я утверждаю, что допросы по делу производились в нормальных условиях. Для проверки показаний Калины я дал задание проверить его связь с Фёдоровым, который, по показаниям Калины, должен был с началом войны пустить микробы в водопровод.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Копию протокола допроса Фёдорова я добыл, но Фёдоров о связи с Калиной ничего не показывал.

Откорректированный ЗАПУТРЯЕВЫМ протокол допроса Калины не являлся в полном смысле фиктивным, но в него были включены места, о которых Калина ничего не говорил.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] БЕРКУТА:

Калину ЗАПУТРЯЕВ к себе вызывал.

От корректировки ЗАПУТРЯЕВЫМ протоколов допроса Калины сущность обвинения не менялась, но количество фактов преступлений увеличилось.

Когда Калина отказался подписать откорректированный протокол, я доложил об этом ЗАПУТРЯЕВУ. Тот предложил сказать Калине, что ясность будет внесена в процессе следствия, и Калина подписал, но потом в моём присутствии сам заявил ЗАПУТРЯЕВУ о неточностях в протоколе.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Приказ, отмечавший хорошую работу ЗАПУТРЯЕВА или его опергруппы в Жмеринке, по-моему, имелся.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Уточняя протокол допроса Калины, я лично беседовал с арестованным и показания записывал с его слов. Не дал сразу подписать по той причине, что протокол нужно было перепечатать. По отпечатыванию протокол на подпись Калине дал не я, а Беркута. Этим ничего отвести от себя не стремился, так как являлся начальником и всё равно отвечаю за все дела.

Я был твёрдо убеждён, что Райзман – шпионка. Насколько помню, по её показаниям мы посылали запросы в Москву, но получили ли ответ, не помню.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Мне не известно, чтобы по делу Райзман делались запросы.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Я также об этом ничего не знаю.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Сейчас я уже не могу утверждать, что Райзман являлась шпионкой, как не могу говорить и обратное.

В 13.35 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 13.45 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии свид[етеля] ТЕРНИВСКОГО.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности прибывшего свидетеля и предупредил его об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетель был удалён в свидетельскую комнату.

Свид[етель] ФУКС Нафтул Ихелевич, 1909 г. рожд[ения], происходит из кустарей, канд[идат] в члены ВКП(б), в Винницком УНКВД работал с января 1937 г. по 9.[0]8.[19]38 г. в должности оперуполномоченного, с 9.[0]8.[19]38 г. содержался под стражей по обвинению в принадлежности к молодёжной троцкистской организации, освобождён в январе 1939 г. с прекращением дела, показал:

В органы НКВД я прибыл по мобилизации и попал в 4-й отдел к Надеждину, а потом – к ШИРИНУ. Сразу же по приезду в Винницу ШИРИН начал «укреплять» органы, говорил, что мало признаний, ходил по кабинетам и личным примером показывал, как нужно получать показания. Вместе с ним эти дела творил и Редер. 9 августа 1938 г. мне сказали, что я увольняюсь из органов за сокрытие прошлого и потом объявили об аресте. Повели к Редеру. Туда вошли Пришивцын с ШИРИНЫМ, и

последний предложил мне дать разворот молодёжной организации. На мои слова, что я ни в чём не повинен, ШИРИН сказал: «Подумайте в камере и сами дайте “выходной” протокол для направления Наркомату. Вечером меня вызвали к ШИРИНУ, и здесь я получил первую пощечину. Затем ШИРИН дал очную ставку с бывшим секретарём райкома, но показания того я отрицал. В связи с этим секретаря райкома вывели, и ШИРИН стал расправляться со мной. Потом завели к Редеру и там оба всю ночь избивали меня палкой, заставляя при этом стоять. Однако ничего не добились и спустили в камеру. После этого меня ещё несколько раз вызывали и в каждый вызов предъявляли новое обвинение, в том числе в принадлежности к сионистам и др., и каждый раз я получал новую «процедуру».

На вопросы суда св[идетель] ФУКС:

У нас в УКНВД имели место избиения арестованных, составление «липовых» протоколов, и не знать об этом КОРАБЛЁВ не мог.

Как-то по приезду из Киева КОРАБЛЁВ говорил о вскрытии фактов извращения соц. законности в Киргизии и предложил прекратить это у нас.

Если арестованный не давал показаний, обращались к ШИРИНУ, и тот разрешал применение физического воздействия, а часто ШИРИН заходил сам и лично начинал избивать арестованного. Вот таким путём и получали показания.

Помню, особенно сильно был избит ШИРИНЫМ один из «бундовцев» — преподаватель. Лично я к следствию по делу «бундовцев» отношение имел непродолжительное время, и в основном это дело вели ШИРИН и мой непосредственный начальник — нач[альник] 1[-го] отделения Майструк. ШИРИН часто ругал Майструка за то, что у него нет показаний от «бундовцев», в связи с чем Майструк собрал однажды всё отделение к ШИРИНУ, и там решили вызвать всех обвиняемых на вечер и добиться от них показаний. Так и сделали, но признания получили не от всех.

К «бундовцам» применяли избиение. В тот вечер, когда допрашивались все «бундовцы», у меня на допросе был Коган. Я также применил к нему физическое воздействие, но не сильно.

(Оглаш[ается] л. д. 93, т. 3 — показания Когана).

Физическое воздействие к Когану я применял не из желания выслужиться перед Майструком, а потому что ничего не мог поделаться, так как он и ШИРИН требовали это от меня. На допросе у меня Коган был только раз.

Дело Платинского я не вёл, так как он был арестован с 1-й группой «бундовцев».

Кроме всего, ШИРИН должен отвечать ещё и за то, что не только сам извращал соц. законность, но и нас, молодых работников, направлял по неправильному пути.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ФУКС:

О вскрытых извращениях соц. законности в Киргизии КОРАБЛЁВ на совещании информировал в порядке предупреждения против такого

положения у нас. Об извращениях в Винницком УНКВД он тогда не говорил.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Плохих личных отношений у меня с Фуксом не было, однако в его показаниях многое преувеличено, а многое вообще неправда.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ФУКС:

У нас были арестованные работники обкома комсомола, где я тоже работал до НКВД. Очевидно, поэтому Пришивцын и ШИРИН решили, что я также замешан в это дело, почему и арестовали меня. Сразу после объявления мне об аресте я был отведён к Редеру, куда потом зашёл и ШИРИН.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

В то время начальником отдела был Пришивцын, и однажды он сказал мне, что у Редера есть показания на Фукса. Однако арест Фукса был произведён без моего ведома, неожиданно, хотя я и был уверен, что его в конце концов арестуют.

Допрашивал Фукса Редер, а я даже туда не заходил. Спустя несколько дней Пришивцын передал мне имевшиеся на Фукса показания и предложил дать ему очную ставку. Потом в связи с отказом Фукса от признаний Пришивцын мне сказал, что имеется санкция КОРАБЛЁВА на применение к Фуксу мер физического воздействия. Били Фукса Пришивцын и Редер, а я даже не притрагивался, и в своих показаниях он сам же заявил, что я не избивал его, а только уговаривал дать показания.

Пред[седательствующий] огласил показания Фукса – л. д. 53, т. 2.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Фукса в день его ареста я не допрашивал и какое-либо участие в его избииении отрицаю.

На вопросы суда св[идетель] ФУКС:

Очная ставка мне была дана не спустя несколько дней после ареста, а 9.[0]8.[19]38 г.

ШИРИН, когда меня избивали Пришивцын и Редер, действительно участия в этом не принимал, а только присутствовал. Было это спустя несколько дней после ареста, когда меня вызвали к Пришивцыну, но в день ареста, после очной ставки, ШИРИН избивал меня совместно с Редером.

(Оглаш[ается] л. д. 55, т. 2 – показ[ания] Фукса).

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Показания Фукса – неправда. Его я не бил, не бил его при мне и Пришивцын, а только один Редер.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ФУКС:

Следователем по делу «бундовцев» был Глусский, но ШИРИН принимал участие в сильном избииении одного из обвиняемых по этому делу.

Подс[удимый] ШИРИН:

Я имел отношение только к 1-й группе «бундовцев», а арестованных из второй группы даже не допрашивал.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Кажется, в июле 1938 г. в Наркомате было совещание, на котором говорилось о вскрытии в Киргизии фактов искривления соц. законности.

Приехав в Винницу, я, в свою очередь, информировал об этом на совещании аппарат УНКВД и предупредил, что если у нас имеют место такие явления, немедленно изжить их.

Не отрицаю, что отдельные санкции на применение физического воздействия я давал, но не допускаю, чтобы физическое воздействие к Фуксу было согласовано со мной.

Свид[етель] ЯЦУНСКИЙ Василий Георгиевич, 1902 г. рожд[ения], член ВКП(б) с 1928 г., в органах НКВД работал с 1930 по 1939 г. в должности начальника отделения 3[-го] отдела УНКВД, мл. лейтенант госбезопасности, несудимый, по делу показал:

Когда я работал в Винницком УНКВД, там практиковались аресты по спискам. Списки эти поступали из районов и содержали в себе компрометирующие данные в отношении каждого из перечисленных в списке лиц. В ряде случаев эти компрометирующие данные были явно недостаточные. Списки поступали начальнику соответствующего отдела, тот их просматривал, затем шёл к начальнику УНКВД, и там окончательно утверждалось, кто должен быть арестован.

Обращало на себя внимание искание новых направлений в антисоветских формированиях. Если, скажем, в 4-м отделе было вскрыто новое направление, то на следующий день ЗАПУТРЯЕВ вызывал к себе своих работников, и в 3-м отделе после того также начиналось это искание.

В Винницу я прибыл из Киева, и меня сразу удивило, что здесь было огромное количество дел, значительно больше, чем в Киеве.

Как-то в течение одной ночи допрашивалось очень много арестованных. Сидя у себя в кабинете, я слышал крики, а наутро стало известно, что отдел дал невиданное до того количество показаний – 100 за одну ночь. Называли при этом фамилию Данилейко, но соответствует ли это действительности, не знаю.

Был у меня один арестованный. Протоколом его допроса ЗАПУТРЯЕВ остался недоволен и предложил этого арестованного доставить к себе. Я доставил, арестованный пробыл там часа 2 и потом говорил мне, что ЗАПУТРЯЕВ требует от него показаний о диверсии, а он даже не знает, что означает это слово.

Пред[седательствующий] огласил показания св[идетеля] Яцунского – л. д. 225, т. 3.

На вопросы суда св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Да, КОРАБЛЁВ давал такие установки по части выполнения лимитов.

При мне в 3-м отделе групповых допросов не было.

(Оглаш[ается] л. д. 245, т. 3 – показан[ия] Яцунского).

Да, это подтверждаю, и такие допросы объяснялись тем, что не хватало комнат.

100 показаний за одну ночь были получены в 4-м отделе. Как их получили, не знаю, но я слышал раздававшиеся оттуда крики.

Арестованного Радзиковского помню. Дело это вели несколько человек, и даже КОРАБЛЁВ допрашивал Радзиковского с[о] стенографической записью показаний. Объяснялось это, по-видимому, тем, что по делу проходили сотрудники. Были ли они арестованы, не знаю.

Списки из спецотдела требовались, но составлялись ли по ним оперлисты и служили ли они основанием для арестов, не знаю.

На партсобрании я выступил с резкой критикой работы 4-го отдела по части извращений и приводил пример, когда за одну ночь дали показания 100 человек.

(Оглаш[ается] выступление Мартынюка на партсобрании).

Возможно, Мартынюк имел здесь в виду получение за 1 ночь 100 показаний, а со слов работников, они были взяты методом группового допроса.

(Оглаш[ается] выступление Яцунского на партсобрании – л. д. 226, т. 5).

Так я говорил со слов работников моего же отделения. Мне они называли фамилию Данилейко, но потом, как будто, оказалось, что это относилось к Редеру.

Дело Кожушко, Матчинова, Доленко и др. заканчивал я. Они от своих показаний отказались, и моя работа заключалась в передопросе их и документации. Один из этих арестованных – директор сахзавода – рассказал мне, что в 4-м отделе на допросе у Редера, и, кажется, ШИРИНА, его угостили чаем, дали папиросу, а потом заявили: «Ну, теперь к делу. Давай показания». Редер ударил в ухо, а с другой стороны стал бить ШИРИН, и так они перебрасывали его один к другому. От первого же удара из рук арестованного была выбита папироса, которая упала на шкаф и от неё загорелась бумага. Увидев это, Редер сказал: «А, так ты ещё диверсию устраивать!», и стал снова бить.

(Оглаш[ается] выступл[ение] Яцунского на партсобрании).

Это моё выступление записано правильно, я именно так и говорил на партсобрании. Доленко в то время был ещё под стражей, и потому на партсобрании я говорил о нём как о враге.

Подсудимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Яцунский говорит о лимитах по окраскам, но ведь ни поляки, ни бесарабцы на тройку не шли, а оформлялись тогда на альбом.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Установкой ЗАПУТРЯЕВА было: «Нужно жать. Почему у вас только 8 показаний, когда в других отделениях 20?».

Я лично не видел, чтобы в 3-м отделе избивали арестованных, но если человек 3-е суток сидит на конвейере, то разве это не физическое воздействие? А такие случаи в отделе ведь были.

Начальником отдела сначала был Токарев, а его заместителем – ЗАПУТРЯЕВ, но потом они поменялись ролями.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Токарев был прислан из Киева на должность врио нач[альника] отдела, а ЗАПУТРЯЕВ был назначен заместителем. Они некоторое время работали вместе, но Токарев заместителем у ЗАПУТРЯЕВА никогда не был.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

В Виннице я работал с апреля 1938 г. и не допускаю, чтобы на протоколе, датированном 24 февраля, была моя подпись.

(Подсудимому предъявлено постановление об избрании меры пресечения Миронову, датированное 24 февраля 1938 г. и подписанное за нач[альника] УНКВД ЗАПУТРЯЕВЫМ).

Подпись на протоколе моя. В августе или сентябре 1938 г. мы сдавали дела в 1-й спецотдел, но их там не принимали, если не все документы были оформлены соответствующими подписями. Возможно, именно в этот момент мне и подсунули постановление по делу Миронова.

На вопросы суда св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Арестованного Тормана я не помню.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Агеева в суд[ебном] заседании).

Это могло быть. Агеев в то время был молодым работником, не имел достаточного опыта, почему мне и пришлось корректировать составленный им протокол.

В 15.40 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 15.55 суд[ебное] заседание продолжается.

Св[идетель] БУТЕНКО Николай Степанович, 1899 г. рождения, член ВКП(б) с 1931 г., быв[ший] пом[ощник] нач[альника] УНКВД по Винницкой области, ст. лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работал с 1922 г., не судимый, по делу показал:

В Виннице я работал с апреля 1938 г. в должности пом[ощника] нач[альника] УНКВД. По делу КОРАБЛЁВА мне известно следующее.

В отсутствие КОРАБЛЁВА я по требованию НКВД УССР направил туда за своей подписью стат. сведения об арестованных по области. Вернувшись в Винницу, КОРАБЛЁВ вызвал меня и нач[альника] УСО Перепеляка, забраковал наш стат. отчёт, и за него мне и Перепеляку были большие неприятности. Недовольство КОРАБЛЁВА нашими стат. сведениями объясняется тем, что они были составлены не в том духе, как хотелось некоторым лицам из Наркомата, а отражали действительную картину, т. е. показывали, что репрессирован большой процент социально близких людей.

Обращало на себя внимание отношение КОРАБЛЁВА к сотрудникам-евреям. Как-то я зашел к нему в тот момент, когда там находился нач[альник] отдела кадров с личными делами сотрудников, и в его присутствии КОРАБЛЁВ сказал, что в неоперативных отделах много евреев и с этим никто не борется. По вопросу сотрудников-евреев он говорил также с Успенским по телефону, и был случай, что за 1 день из финотдела УНКВД уволили 5 чел. евреев.

В июне или июле 1938 г. в приезд в г. Винницу Успенского КОРАБЛЁВ пригласил его к себе на квартиру. С разрешения Успенского был приглашен на ужин и я. Находясь там, слышал, как они разговаривали по вопросу присвоения званий, и Успенский сказал, что кто хорошо работает, получит звание ст[аршего] майора.

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

За ужином в присутствии Успенского деловых разговоров не было. Слышал, как в тот вечер Успенский сказал КОРАБЛЁВУ: «Синагога не

должна у вас находиться». Как показал дальнейший ход событий, эти слова относились не к синагоге, а под ними понимались сотрудники-евреи.

Я говорил с КОРАБЛЁВЫМ, что к сотрудникам-евреям нельзя подходить по установке Наркомата, нельзя увольнять их только по национальному признаку, без компрометирующих материалов, и лично противился такому увольнению. Так, КОРАБЛЁВ настаивал на увольнении бухгалтера Горпожарохраны еврейки Довгалеvской. Но я этого не сделал и оставил её на работе. Мой разговор с КОРАБЛЁВЫМ по поводу увольнения из органов евреев происходил после отъезда Успенского из Винницы. Об этом отношении в органах к сотрудникам-евреям и о разговоре КОРАБЛЁВА с Успенским на квартире я никому не сигнализировал.

Аресты в тот период производились по оперлистам, поступавшим из РО НКВД. Они предварительно просматривались начальниками отделов, а затем утверждались начальником УНКВД. Обычно начальник УНКВД утверждал один общий оперлист, составленный на основе присланных из РО НКВД после просмотра их начальниками отделов, но были случаи, что пометки об аресте делались непосредственно на оперлистах районов. С 1938 г. для включения в оперлист того или иного лица достаточно было иметь на него одно показание или зацепку (1–2 агсводки).

Я, как пом[ощник] нач[альника] УНКВД, принимал участие в утверждении оперлистов. Санкции на арест давал лишь в отсутствие КОРАБЛЁВА и при этом обязательно просматривал имевшиеся материалы. При утверждении оперлистов этих материал[ов] я не имел, но тогда, в 1938 г., была такая установка.

(Оглаш[аются] л. д. 16–17, прилож[ение] № 1).

Санкцию на арест по этому списку дал я. Признаю, что это не компрометирующий материал и основания к аресту не было, но такая тогда была установка.

Установку арестовывать быв[ших] красных партизан я от КОРАБЛЁВА не получал, но знал, что такое дело имеется в УНКВД.

Случаев, чтобы я на оперлисте писал: «Арестовать и на тройку», не было.

(Оглаш[ен] и предъявлен свидетелю л. д. 144, прилож. № 1).

Это не мой почерк.

На вопросы суда под[судимый] ШИРИН:

Это почерк КОРАБЛЁВА.

На вопросы суда под[судимый] КОРАБЛЁВ:

Нет, почерк не мой, и список ведь датирован февралём 1938 г., а я приехал в Винницу в конце марта.

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

Совещание в Виннице Успенский проводил в мае или в июне 1938 г., он тогда очень обрушился на ряд работников (нач[альника] РО Шершун[а]), обвинял их в том, что они плохо работают, что у них нет показателей и что они не растут. Как надо работать, он тогда не говорил.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

Я был на этом совещании, и Шершун тогда стоял у двери, недалеко от меня. Успенский задал ему вопрос, сколько лет он работает. Кто-то

из сидевших рядом с Успенским, кажется КОРАБЛЁВ, что-то шепнул Успенскому, и тот стал говорить Шершуну, что он плохо работает, так как должен бы быть уже начальником УНКВД, а не районного отделения, что вообще работа в Винницкой области плохая и что если кто чувствует, что не сможет работать, пусть идёт в кооперацию кульки заворачивать. Потом стал говорить, что в других местах вскрывают новое, «а у нас всё “ПОВ” и “ПОВ”. Вот, например, дело (как он его назвал, я забыл) и, обратившись к ШИРИНУ спросил: «Вы его помните?». ШИРИН ответил утвердительно, и тогда Успенский сказал: «Ну, и ознакомьте аппарат, как нужно работать».

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

Да, так было.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Я также был на этом совещании. Успенский тогда похвалил Вайсберга после его доклада и ШИРИНА за старые дела. Тогда же он дал установку, что если арестованный старый, хромой или кривой, то нужно добиться расстрела его.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Это совещание происходило в начале июня 1938 г. Успенский заехал тогда к нам, возвращаясь из Каменец-Подольской обл[асти], где он баллотировался в Верховный Совет УССР. Стенограмма совещания не велась. На совещании он действительно ругал за работу: «Почему у вас всё “ПОВ” и “ПОВ”, почему не ищите новых формирований?», похвалил Вайсберга и, кажется, сказал, что ШИРИН может дать справку, как работают в других местах.

Относительно расстрела стариков я не слышал и не допускаю, чтобы Успенский мог это сказать на опер. совещании.

Ещё в июле 1939 г. ряд сотрудников пытались обвинить меня в антисемитизме. Следствие занималось этим вопросом и отбросило его.

Откомандирование и увольнение сотрудников проводилось по распоряжению отдела кадров Наркомата. Из финотдела УНКВД при мне действительно было уволено несколько сотрудников-евреев, но не по национальному признаку, а по компрометирующим материалам.

Довгалевскую я не помню, но если я действительно имел намерение уволить её, то разве Бутенко мог помешать и воспротивиться этому.

Я категорически отрицаю разговор с Успенским у меня в квартире о евреях. Такого разговора не было, и слово синагога там не произносилось.

Не было и не могло быть разговора о представлении меня к званию ст[аршего] майора, так как незадолго перед тем мне было присвоено звание майора. Вообще же о представлении работников к званию ст[аршего] майора, возможно, и разговаривали.

Бутенко присутствовал 26 декабря на партсобрании. Почему же он не выступил там и не рассказал о вражеском разговоре с Успенским у меня на квартире? Почему в августе 1939 г., когда я снимался с учёта, дал мне в основном положительный отзыв на бюро горкома, членом которого он являлся?

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

На бюро горкома об этом я не заявил по той причине, что тогда не оценил ещё всего, как полагается, а на партсобрании 26 декабря не присутствовал, так как находился в командировке.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] БУТЕНКО:

Лично мне КОРАБЛЁВ сказал так: «Оперативные отделы очищаются, а у вас засилье (кого не сказал), люди сидят с прошлым, с компрометирующими материалами».

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

Разговаривая при мне по телефону с Успенским, КОРАБЛЁВ прямо не говорил об увольнении евреев, но сразу же после этого вызывал начальника отдела кадров с личными делами сотрудников, и начинался просмотр этих дел.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Увольнение сотрудников производилось по распоряжению Наркомата. Увольняли не по национальному признаку, а по компрометирующим материалам. Правда, в отдельных случаях материалы были недостаточны, а в 2-х случаях их вообще не было. Эти два сотрудника действительно являлись евреями, но мы их не уволили, а написали в Наркомат, что компрометирующих материалов на них нет. Однако Наркомат вторично предложил уволить этих работников, и мы вынуждены были подчиниться.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА подс[удимый] ЗАПУТРЕЯВ:

Однажды КОРАБЛЁВ вызвал меня к себе и показал телеграмму Успенского об увольнении ряда сотрудников УНКВД. В числе их значились 2 моих лучших работника, и я стал возражать. Написали по этому поводу в Киев, но спустя недели 2 оттуда вторично предложили выполнить их распоряжение об увольнении названных лиц.

В 16.20 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 20.30 суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

Хочу дополнить свои пояснения по поводу увольнения сотрудников. Когда Наркомат предложил уволить 2-х сотрудников-евреев, я позвонил в отдел кадров Наркомата Кретову или Крутову и сообщил, что компрометирующих материалов на этих работников у нас нет, и потому мы их не увольняем. Мне ответили, что материалы имеются у них и через несколько дней снова предложили уволить. Я решил поговорить с Успенским. Тот подтвердил, что материалы есть в отделе кадров Наркомата и предложил выполнить распоряжение об увольнении.

Подсуд[имый] ШИРИН пояснил:

Когда проводились выборы в Верховный Совет УССР, Успенский баллотировался в Каменец-Под[ольской] области и на обратном пути, заехав в Винницу, провел здесь совещание. По-моему, был он тогда выпивши, ругал за плохую работу, говорил об аресте сотрудников, в частности Блюмана, и сообщил, что у того нашли шапку Троцкого. Затем стал говорить, почему не занимаемся агентурной работой и, обратившись ко мне, сказал: «Помните, как у нас?». Я встал, но ничего не сказал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] БУТЕНКО:

Оперативные листы, поступающие из районов, рассматривались начальниками отделов, затем утверждались мною и после этого направлялись в отделы, а не персонально отдельным работникам. Эту работу я выполнял лишь в отсутствие начальника УНКВД.

В 1938 г. по представлению Винницкого УНКВД я получил большую награду.

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

О награде. В 1938 г. из Наркомата было получено распоряжение представить чекистов к наградам. Представили и меня, но я об этом не знал. В октябрьские торжества начальник отдела кадров, будучи в Киеве, привёз мне оттуда значок почётного чекиста.

Подсудимый] ШИРИН пояснил:

Аресты Бутенко утверждал не только в отсутствие КОРАБЛЁВА, но и тогда, когда тот находился в Виннице.

Начальником 4[-го] отделения Надеждиным была дана районам директива выслать списки на бывших красных партизан с наличием компрометирующего материала. РО НКВД, плохо поняв эту директиву, прислали вообще списки быв[ших] красных партизан, но и на этих списках Бутенко писал резолюцию «Ар.».

На вопросы суда св[идетель] БУТЕНКО:

Если утверждение мною таких списков было в первые месяцы моей работы, то это объясняется моим недопониманием, так как на руководящей работе до того не был и с ней столкнулся впервые.

Подсудимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

На совещании, которое Успенский проводил накануне выборов в Верховный Совет [УССР], я не присутствовал, так как выехал в Ленинград.

Свид[етель] ТЕРНИВСКИЙ Яков Иванович, 1892 г. [рождения], член ВКП(б) с 1926 г., прокурор Одесской обл[асти], в Виннице работал с мая 1938 г. в должности областного прокурора, а до того — заместителем, не судился, по делу показал:

В основном за следствием в УНКВД по Винницкой области наблюдал мой заместитель Другобицкий. Лично приходилось принимать участие в этом редко.

Те дела, что проходили через прокуратуру, рассматривались соответствующим образом.

Санкции на арест давались мною и моим заместителем.

Мои взаимоотношения с КОРАБЛЁВЫМ были чисто служебные и в основном по совместной работе по тройке.

Об искривлениях могу сказать следующее.

Однажды прокурор Липовецкого района сообщил мне, что при рай-милиции содержится несколько десятков арестованных и что он подозревает, что там не всё в порядке, но его туда для проверки не пускают. В связи с этим я командировал туда своего заместителя Другобицкого, и тот установил там факты избиения. Об этом я поставил в известность КОРАБЛЁВА, но он к нашей проверке отнесся отрицательно, почему-де мы вмешиваемся, и заявил, что об этом сообщит Наркомату. Об этом реагировании КОРАБЛЁВА я поставил в известность прокурора Республики,

а также военного прокурора Васильева. В другом районе в процессе перепроверки снятого с рассмотрения тройки дела было установлено, что протоколы допроса обвиняемых сфальсифицированы проводившим следствием работником РКМ.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Санкции на арест в каждом отдельном случае давались нами специальным постановлением. Но потом КОРАБЛЁВ для получения санкции стал присылать списки. По этому поводу я запросил прокурора УССР т. Яченина, и тот по согласованию с Москвой предложил упразднить систему дачи санкций по спискам, что и было сделано. На основании какой директивы КОРАБЛЁВ требовал санкции на аресты по спискам, не знаю.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Аресты по оперлистам были введены до меня, при мне ли отменены, не помню.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Мне по этому вопросу ничего неизвестно, но, как показывал Другобицкий на предварительном следствии, оперативные листы были введены по согласованию с руководством для упрощения производства арестов.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТНЯЕВ:

В мою бытность аресты по 3-му отделу проводились не по спискам, а по справкам, к коим прилагались имевшиеся материалы.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

До КОРАБЛЁВА списков на арест мы не получали и санкции давали по справкам.

(Пред[седательствую]щий удостоверил, что в деле имеются оперлисты, датированные февралём мес[яцем] 1938 г.).

Возможно, что уже тогда составлялись оперлисты, но не они, а справки являлись основанием для дачи санкции на арест. Правда, эти справки были кратки, нас не удолетворяли, в связи с чем в ряде случаев нам приносили отдельные протоколы и даже дела, но в основном санкции всё же давались только по справкам.

Предварительной договорённости с УНКВД о даче санкций на арест по оперативным листам у нас не было и таких санкций было не так уже много.

В тот период мы не могли проверить, соответствует ли действительно изложенное в оперлистах, так как последние поступали в основном из районов.

Нельзя сказать, чтобы существовавшая тогда система давала возможность широко пользоваться санкциями.

Дело Кожушко, Доленко, Матчинова я помню. По этому делу был очень большой материал, как агентурный, так и следственный. Результата по делу не знаю.

Сигналов об извращениях в следствии, за исключением 2-х названных ранее случаев, я не имел. Как-то Другобицкий сказал мне, что начальник 4[-го] отдела поставил вопрос, чтобы прокурору запретить вход в отдел. В связи с этим между нами был разговор, что, по-видимому, в 4-м отделе не

всё в порядке, но я лично свидетелем извращённых методов следствия в УНКВД не был, Другобицкий также говорил, что об этом ему неизвестно. (Оглаш[ается] справка на арест Кржевицкого – л. д. 116–117, прилож. 8).

Да, этот материал для ареста недостаточен. Такого положения, чтобы сначала производились аресты, а потом истребовались санкции, по-моему, не было, у этого не допускаю.

Троечные дела заканчивались без участия прокуратуры. При рассмотрении этих дел на заседаниях тройки были единичные случаи, что мы вызывали туда обвиняемых. Это было редко, так как дел проходило очень много, и лично просматривать их, брать в руки, мы имели возможность лишь в редких случаях.

Сведения о покушении арестованных к самоубийству поступали в прокуратуру пару раз. Сигналов о смерти арестованных не было.

(Оглаш[аются] л. д. 174–175, т. 5 – история болезни и акт о смерти осужд[ённого] Гончарука).

Да, это недопустимо, что акт о смерти составлен без участия прокурора.

Случаев, чтобы осуждённые к ВМН потом долгое время ещё допрашивались, мне не известно.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

При докладе мною дел на тройке КОРАБЛЁВ иногда задавал мне вопросы, уверен ли я, что обвиняемый всё дал. Я отвечал утвердительно, но КОРАБЛЁВ всё же говорил, что с арестованным нужно ещё поработать, и после вынесения решения о расстреле этого осуждённого мне предлагали писать рапорт об отсрочке приведения приговора в исполнение.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Такого случая я не помню, и о том, что исполнение приговора задерживалось, мне известно не было.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

О том, что исполнение приговоров над осуждёнными к ВМН в отдельных случаях откладывалось, я прокурора в известность не ставил. Я не знал, что задержка исполнения приговоров недопустима, и когда в первый месяц моей работы ко мне пришёл начальник отдела с рапортом об отсрочке [исполнения] приговора, я стал в тупик. Потом, подумав, что если так делалось до меня, то, значит, разрешается, и сам разрешил. По этому вопросу говорил затем с Успенским, и тот мне сказал, что я, как начальник УНКВД, имею право отсрочить приведение приговора на определённое время. Должен сказать, что это делалось мной только до мая месяца, а впоследствии задержек в приведении приговоров в исполнение уже не было.

На вопросы суда свидетель²⁹ ТЕРНИВСКИЙ:

За внутренней тюрьмой наблюдение производилось периодически заместителем прокурора по спецделам. Я там не бывал, а общую тюрьму посещал.

Я знал, что работники милиции и НКВД тройке неподсудны, и, по-моему, дела этой категории по тройке не проходили.

²⁹ У документі помилково – подс.

(Оглаш[аются] л. д. 142, 147, т. 5 – списки осуждённых по тройке сотрудников НКВД, военнослужащих, специалистов).

Я не помню, чтобы на тройке докладывали, что обвиняемый является работником НКВД.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Для меня также этот вопрос неясен. Насколько помню, эти дела были рассмотрены в сентябре–октябре 1938 г. По-моему, они вначале направлялись в Москву на альбомы и потом были оттуда возвращены. Тройка их рассмотрела как «линейные» дела, т. е. дела по шпионажу, а такие дела все подлежали рассмотрению тройки согласно директивы № 00606. Если же эти дела рассматривались тройкой не как «линейные», то осуждение сотрудников НКВД объясняется тем, что докладчик скрыл принадлежность обвиняемого к органам.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

«Линейные» дела – это действительно дела по шпионажу и они шли в Москву на альбомы, но и тогда дела на сотрудников органов, военнослужащих со званиями и специалистов согласно приказу должны были направляться в Военную коллегия или в Военный трибунал.

Пред[седательствующий] огласил л. д. 216, т. 4 – показания Юрьева.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Об этом случае я ничего не знаю, и Другобицкий о нём мне также ничего не говорил.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Вызвать в качестве свидетеля быв[шего] подсудственного УНКВД Эпельбаума Беню Гершевича³⁰, показания коего имеются в т. 3, л. д. 68.

В 22.40 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 23.05 суд[ебное] заседание продолжается.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Показания Тернивского об искривлениях в Липовецком районе я подтверждаю, за исключением той части, где он говорит о моём якобы отрицательном реагировании на произведённую прокуратурой проверку. В беседе с Тернившимся по этому вопросу я только сказал, что было бы лучше, если б с прокурором для проверки поехал и работник УНКВД. В тот момент начальником Липовецкого РО НКВД являлся Злобин и по поводу вскрытых Другобицким фактов нарушений соц. законности со стороны Злобина я дал распоряжение особоуполномоченному провести расследование.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Я подтверждаю показания Тернивского, касающиеся неприязненного отношения Надеждина к посещениям Другобицким 4[-го] отдела. Надеждин в моём присутствии говорил одному работнику: «Я не допущу, чтобы прокурор ходил сюда каждый раз».

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Дела по массовой операции ШИРИН мне не докладывал и санкции на арест по этим делам у меня не просил.

³⁰ У документі – Гершковича.

Байдук при допросе отказался от ранее данных им показаний. При этом допросе я не присутствовал, я только зашел минуты на 2 и сразу вышел. Этот допрос производился не в связи с показ[аниями] Липовецкого.

Подсуд[имый] ШИРИН:

Тернивский присутствовал при допросе Байдука и даже подписал совместно с Павлычевым акт о том, что он слушал весь ход допроса, стоя под дверью. Этот акт я прошу огласить.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

У нас в прокуратуре ЗАПУТРЯЕВ был раза 2, приходил ли он за санкцией на арест или просто с делом, не помню.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ:

В прокуратуре я ни разу не был и даже не знаю, на какой улице она помещалась.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

С целью предотвращения искривлений в следствии я неоднократно просил Другобицкого, Тернивского, а также и военных прокуроров усилить наблюдение за следствием в УНКВД.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Да, такие разговоры были, но параллельно с этим прокурору создавались такие условия в УНКВД, что осуществление прокурорского надзора становилось исключительно затруднительным. Нас заставляли подолгу ждать приёма нач[альником] УНКВД, мы чувствовали там себя стесненно и неловко.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

Для прокуроров вход ко мне всегда был свободный. Тернивский приходил в УНКВД обыкновенно только на заседания тройки, в других случаях я его там не видел.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Не только мне, но и военному прокурору приходилось долго дожидаться в приёмной, пока можно попасть к КОРАБЛЁВУ. При этом создавалось впечатление, что от нас всё облакают в тайну, не доверяют нам, так как при входе старались даже скрыть от нас лежавшие на столе бумаги.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

С приказами по работе тройки я был ознакомлен до КОРАБЛЁВА быв[шим] начальником УНКВД Морозовым. В бытность КОРАБЛЁВА ни с какими дополнительными директивами не знакомился.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Со всеми поступившими при мне приказами тройки состав её, в том числе и Тернивский, был ознакомлен, иначе как же они могли рассматривать дела.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Точно заявляю, что КОРАБЛЁВ не ознакомил меня с этими приказами, а только сказал, что прибыло распоряжение продолжить работу тройки. По этому поводу я позвонил прокурору УССР, и тот подтвердил слова КОРАБЛЁВА.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

При поступлении в УНКВД приказа № 00606 он был прочитан коллективно в присутствии секретаря обкома, Тернивского, Пришивцына и меня.

По ходатайству подс[удимого] ШИРИНА оглашен акт, подписанный Павлычевым и Тернивским, о слышанном ими содержании допроса Байдука.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Да, такая операция была проведена, но исключительно с целью установления слышимости из коридора происходящего в кабинете. Эту операцию провели в связи с поступившим в суде заявлением одного арестованного. Был ли в этот момент в комнате БАЙДУК или кто-либо другой, мне не известно, и моя подпись на этом документе вовсе не говорит, что я засвидетельствовал протокол допроса как прокурор.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

В бытность мою в Виннице начальником УНКВД в Облпрокуратуре я ни разу не был. По-моему, помещалась она тогда на ул. Ленина.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Облпрокуратура в Виннице помещалась не на ул. Ленина, а в Замостье.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

С прокурором мне приходилось часто встречаться на заседаниях тройки, и потому не было никакой необходимости ходить к нему в Облпрокуратуру.

На вопросы суда св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Дело быв[шего] сотрудника НКВД Коломийца на тройке докладывал я. Это дело в числе других сначала было направлено в Москву, но потом оттуда возвращено. Знал ли я в тот момент, что сотрудники органов не подсудны тройке, сейчас затрудняюсь сказать, но, докладывая дела, я обязательно подробно говорил об установочных данных обвиняемого, и потому тройка не могла не знать, что Коломиец являлся сотрудником.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Я докладывал дела на весенней тройке, и в тот период дел на сотрудников не было. При докладе дела обычно зачитывались все показания обвиняемых и наиболее характерные свидетельские.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Я не допускаю, чтобы тройкой были осуждены честные большевики.

Как было доложено на тройку дело Райзман и какие в деле имелись материалы, припомнить не могу.

Под[судимый] ЗАПУТНЯЕВ:

На заседаниях тройки докладчик по делу докладывал полные анкетные данные обвиняемых, партийность, затем зачитывал выдержки из каждого протокола допроса.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Протоколы заседаний тройки подписывались мною в тот же или на следующий день. При подписании протоколов я мог проверить и установить действительно ли в них внесено то количество дел, которое было рассмотрено. Что же касается установления, действительно ли в протокол

внесены те осуждённые, дела о коих рассматривались, то в этой части проверка была затруднительной.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

У членов тройки была полная возможность проверить протоколы заседаний тройки, так как имелись копии обвинительных заключений, на которых каждый член тройки проставлял своё решение на заседании.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

При докладе дел на тройке при мне ни разу не говорилось, что обвиняемый является сотрудником НКВД. Указывалось ли это в протоколах, которые были мною подписаны, не знаю.

По линии прокуратуры указаний о том, кто подсуден тройке, не было.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я ознакомил всех членов тройки с приказом № 00606. В ознакомлении с этим приказом они должны были расписаться на нём, но расписались ли, не знаю. Для проверки этого обстоятельства, а также в связи с тем, что я уже забыл содержание этих приказов, прошу их истребовать.

В 00.10 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 00.25 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ЭПЕЛЬБАУМ Бенья Гершович, 1893 г. рождения, рабочий, беспарт[ийный], ранее состоял членом ВКП(б), в связи с арестом в 1938 г. был исключён, мастер цеха мебельной мастерской, будучи предупреждён председателствующим об ответственности за дачу суду ложных показаний, по делу показал:

Меня арестовали 10 мая 1938 г. и предъявили обвинение в том, что принадлежу к бундовской организации. Следователем моим был Лаврентьев. ШИРИН (указывает на подс[удимого] ШИРИНА) заходил несколько раз и отношение его ко мне было неважное.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

ШИРИН был груб со мной и угрожал мне.

Допрашивали меня Лаврентьев, Решетило, Майструк, Надеждин.

Во время допросов меня избивали, я четверо суток стоял на обоих ногах и пять суток на одной ноге. Меня заставляли смотреть всё время вверх, для чего подбородок подпирали линейкой с упором её другим концом в живот. Били по ногам и заставляли танцевать украинский гопак. Требовали подписать протокол на честных партийцев, от чего я отказывался.

26.[0]7.1938 г. камеру посетил прокурор Другобицкий, и я ему заявил о всех издевательствах надо мной. Другобицкий записал в блокнот мою жалобу и обещал принять меры, однако ничего не сделал и даже потом в суде выступал обвинителем по делу.

4 августа, перед судом, меня вызвали к Решетило на репетицию, как я буду держать себя на суде. Я сказал, что на суде буду говорить правду. Решетило заявил, что будет присутствовать на суде и, если я не подтвержу там участие в организации, мне несдобровать. На суде я говорил правду. В качестве обвинителя выступал прокурор Другобицкий, и я ему напомнил

о своём заявлении в камере. Защищал нас адвокат Каменецкий³¹. Однако перед судом, когда я ему рассказал, что показания вымышлены и вызваны избиванием, он предупреждал не говорить правду, «так как всё равно не поверят». Судом я был приговорён к 10-ти годам тюремного заключения, но спустя 6 месяцев дело пересмотрели и 13 апреля 1940 г. Пленум Верховного суда прекратил его.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Никакого отношения к делу Эпельбаума я не имел, и на предварительном следствии он обо мне ничего не говорил. Допускаю, что я мог зайти во время его допроса, но сам его не допрашивал. В те моменты он не стоял, а сидел.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Обвинительное заключение по моему делу подписал ШИРИН. На допросах он мне дважды заявлял: «Если не дашь показания, сделаем тебе очную ставку со стулом».

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Обвинительное заключение действительно подписал я, но всем следствием по этому делу руководил Майструк.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Лаврентьев меня не бил, а Майструк избивал.

17 мая Лаврентьев и Майструк требовали от меня написать заявление на имя начальника УНКВД с признанием, что являюсь контрреволюционером. Майструк достал бумагу, сунул мне ручку в руку и заставил писать. Я сказал, что сейчас ничего не соображаю и потому показания дам потом. Майструк потребовал написать обязательство об этом. Я написал, что 19 мая дам показания по предъявленным мне статьям, но ему не понравилось содержание написанного мною, он порвал эту бумажку, приказал открыть рот и со словами: «Эх ты, старая собака» плюнул в рот.

ШИРИН уговаривал: «Давай показания, всё равно отсюда не выйдешь».

Били меня Майструк, Решетило, Нешадимов, Тищенко.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

КОРАБЛЁВА я не знаю и ни разу не видел его.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Другобицкий меня ни разу не допрашивал, но однажды посетил камеру, и я заявил ему там жалобу, рассказал о всех издевательствах. Он записал в блокнот, пообещал, что примет меры, но ничего не сделал, а, наоборот, на суде обвинял ещё нас.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Репетицию перед судом мне устраивал Решетило и, кроме него, при этом никого больше не было.

Со мной по делу проходило 18 чел., из них Липман, Ялкинский и ещё двое виновными себя на суде не признали. Семь из нас были приговорены к ВМН, а остальные — к лишению свободы, но впоследствии все были освобождены, за исключением 5 чел. умерших. Из них один — Глайван — умер до суда, а остальные — Кульницкий, Левин и друг. — после суда.

³¹ Тут і далі у документі помилково через літеру «и» у другому складі — Каминецкий.

На очной ставке у Лаврентьева 31 мая я заявил, что имею личные счета с Платинским, который дал показания, что завербовал меня в к-р организацию в столовой во время обеденного перерыва. Это моё заявление о личных счетах Лаврентьев записал в протокол, но потом его же почерком было вставлено «не» и получилось «личных счетов не имею».

(Свид[етель] Эпельбаум временно освобождён).

В 00.55 объявлен перерыв суда.

В 01.05 суд[ебное] заседание продолжается.

Св[идетель] ЮРЬЕВ Пётр Иванович, 1901 г. рождения, член ВКП(б) с 1921 г., до ареста – 3-й секретарь Винницкого обкома КП(б)У, ныне – директор мясокомбината, по делу показал:

Меня арестовали 13 июля 1938 г. в 11 часов дня на улице, привели во внутреннюю тюрьму и бросили в камеру № 6. Там находилось около 11 арестованных, и от них я узнал, что подследственных крепко избивают. В этом я убедился лично, видя, как сокамерники шли на перевязку. В 12 часов ночи меня вызвали к Майструку. По пути сопровождавший меня вахтёр внутренней тюрьмы 3 раза подставил ножку, и я упал. Когда привели к Майструку тот предложил сесть и, не предъявляя обвинение, потребовал, чтобы дал показания о своей к-р деятельности. В течение двух часов я доказывал, что к к-р организациям не примыкал и не мог примыкать, но в ответ слышал только: «До лампочки». Через пару часов зашел Пришивцын и провёл со мной беседу до 6 часов утра. В этот день по отношению ко мне ничего не позволили, но в соседних комнатах происходили ужасные избиения, слышались крики, и Пришивцын³² сказал, что это ждёт и меня, если я не дам показания. В 6 ч[асов] утра отпустили в камеру и через пару часов во внутренней тюрьме меня поставили на стоянку. Стоял недолго, часов 5.

На 4-ю ночь снова вызвали к Майструку, туда зашел Пришивцын, и мне было заявлено: «Если не хочешь дать показания культурному следователю, передадим другому».

После этого направили к Глусскому. Тот на протяжении 10 дней вызывал в 12 часов ночи и держал до 6-ти часов утра. Здесь меня сажали на угол стула, ставили на стоянку, били головой об стену, трясли за шиворот, однако по сравнению с тем, что вообще мне пришлось видеть и испытать, это было ещё ничего.

Потом Пришивцын и ШИРИН дали мне очную ставку с Байдуком, и тот пытался изобличить меня в принадлежности к к-р организации. После этого они же дали очную ставку с Штейнварцом. Последний находился на свободе, однако, с целью воздействия на меня его привели под конвоем, и на очной ставке Штейнварц показал, что знает меня как члена к-р организации. Протокола этой очной ставки в деле нет, её просто инсценировали, чтобы склонить меня к даче показания.

После этой очной ставки ШИРИН сказал мне: «Сколько будем давать тебе “концертов”? На тебя уже имеется столько показаний, что мы можем

³² У документі помилково – Пришивцев.

расстрелять тебя, но дело не в этом. Нужно, чтобы ты дал участников организации».

Спустя 2 дня ШИРИН вызвал меня, сказал, что отныне он является моим следователем и заявил: «С этого стула никто без показаний не уйдил, дадите и вы их». После этого начались ежедневные вызовы. Сначала они сопровождалась только угрозами, но потом начались избияния дубовой ножкой от стула. 9 августа ШИРИН заявил: «Ты – враг с 1925 г., на тебя имеется кипа дел, которые тянутся ещё с Ленинграда. Не хочешь давать показания, не надо. У нас и так достаточно материалов, чтобы расстрелять тебя». После этого взял бумагу и стал писать протокол. При этом доставал из стола какие-то бумаги и говорил: «Вот на тебя имеются показания арестованного врага народа Лобанова и др.». Как оказалось, это был просто шантаж, так как, когда я потом знакомился со своим делом, показаний этих лиц в нём не было. Допрос закончился руганью, после чего меня отправили в камеру. Там я написал заявление на имя прокурора, указав в нём, что применяемые ко мне методы следствия заставят меня пойти на самооговор или на самоубийство. Заявление попало к ШИРИНУ. Он вызвал меня, в моём присутствии разорвал это заявление и сказал: «Мы одному прокурору набили так, что он сидит теперь в камере и там принимает подобные заявления». Аналогичное заявление я написал также на имя КОРАБЛЁВА и просил его вызвать меня. По этому поводу ШИРИН мне сказал: «Капитан с такой с...³³ разговаривать не хочет».

Затем я был вызван на очную ставку с секретарём обкома комсомола Пипенко, который, как мне потом стало известно, имел до того очную ставку с Байдуком и под нажимом подтвердил показания последнего. На всех очных ставках я отрицал свою причастность к к-р организации и сказал Пипенко: «Если вы запутались и стали врагом, то зачем же гробите честных людей». Пипенко ответил: «Я такой же враг, как ты».

После этого я снова был вызван к ШИРИНУ. Туда зашли Пришивцын и Редер, закрыли окна занавесками и Пришивцын сунул мне в лицо газету: «На, прочти, ты ведь давно газет не читал». В газете оказалась ножка от стула и ею все принялись избивать меня. Побьют, потом отведут в кабинет Решетило, затем снова заведут обратно и продолжают избивать.

В результате всех этих пыток и издевательств я был вынужден клеветать на себя. ШИРИН дал мне конспект и стопку бумаги, и я стал писать показания о вредительстве и подрывной работе, стараясь указывать такие факты, которые при проверке легко можно опровергнуть. При консультации и направлении ШИРИНА написал около 70 страниц этой белиберды и сдал ШИРИНУ. Тот вызвал потом и сказал, что показания не годятся, так как в них я не дал людей. Я указал нескольких человек, в отношении которых мне было известно, что они арестованы, но ШИРИН заявил: «Ты не крути, что ты даёшь арестованных?». Я кое-кого добавил ещё, но находившихся на свободе старался не давать.

³³ Так у документі.

После того дней 10 меня не вызывали. Потом в сентябре месяце вызвал Майструк и заявил: «Прочел твою белиберду, из неё только пару строчек можно использовать, а остальное — в уборную, так как написано без души. Ну, ничего, мы вставим душу». Дней через 5–6 меня вызвали к Глусскому, и тот дал подписать протокол допроса. В этом протоколе указывалось уже о терроре и диверсии, так что «душа» действительно оказалась. Сначала я отказался подписать протокол, но мне снова стали угрожать и, чувствуя, что дальнейших издевательств не перенесу, что мне всё равно конец, подписал его. После этого меня стали вызывать реже, требовали дать новых людей, но я сказал, что больше писать ничего не буду.

Должен сказать, что каждый вызов меня на допрос сопровождался угрозой арестовать мою жену. При этом мне заявляли: «Дадим ей, так она скорее даст показания».

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

По моему настоянию мне потом была дана возможность говорить с прокурором Другобицким. Ему я заявил, что дальше терпеть пытки и садизм не могу, и попросил: «Или расстреляйте, или уймите произвол». За это на меня составили акт, что я провоцирую органы НКВД, и его подписали Пришивцын, ШИРИН и Другобицкий. Между прочим, когда я ознакомился с делом, этого акта, а также первых двух протоколов допроса в деле не оказалось.

На допросе, заявляя о своей невиновности, я просил ШИРИНА разобрататься с моим делом в свете решений январского пленума³⁴, говорил ему, что правда в конце концов вскроется, но он мне заявил: «Это решение для Вас, а не для нас, и пока мы будем отвечать, Вы уже отвечаете».

В Винницу я приехал 10 ноября 1937 г., а 13 состоялось заседание бюро обкома, на котором стоял вопрос о притуплении бдительности зав[едующим] Облзу Сазоновым (были арестованы 2 чел., которых он перетянул к себе в Винницу из района, где до того работал). На бюро были внесены 2 предложения: первое — объявить Сазонову выговор и второе — объявить строгий выговор и снять с работы. Я Сазонова не знал, дело о нём не изучал, и потому присоединился к мнению большинства, т. е. за вынесение Сазонову выговора с оставлением на работе. Таким образом, обвинять меня в защите Сазонова никак нельзя.

Штейнварц сейчас работает в Западной Украине на военной работе. О его поведении и клевете на меня я написал заявление в обком.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Штейнварца к очной ставке с Юрьевым привлёк Пришивцын, а не я.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЮРЬЕВ:

На допрос к себе ШИРИН вызывал меня как днём, так и ночью.

Подс[удимый] ШИРИН:

Юрьева к себе я вызывал только днём и в этом легко убедиться, истребовав справку из комендатуры.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЮРЬЕВ:

³⁴ Идётся про пленум ЦК ВКП(б) у січні 1938 р.

Избивал меня ШИРИН не только ночью, но и днём. Очная ставка с Пипенко мне была дана, как я точно помню, в августе мес[яце]. Проводили её ШИРИН и Пришивцын в кабинете ШИРИНА. Протокол очной ставки писал Редер.

Подс[удимый] ШИРИН:

Я не мог проводить этой очной ставки, т. к. в 20-тых числах августа уехал из Винницы, а Пипенко был арестован после моего отъезда.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Очная ставки с Пипенко мне была дана 20 или 21 августа.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Пипенко был привезён в Винницу из Киева в то время, когда ШИРИН ещё работал в УНКВД.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЮРЬЕВ:

Байдук и Пипенко после освобождения рассказывали мне, что очную ставку между ними проводил ШИРИН, и он же до полусмерти избивал Пипенко.

На допросе никаких избобличающих меня показаний ШИРИН мне не предъявлял, а только зачитывал с каких-то бумажек.

Подс[удимый] ШИРИН:

На следующий день после того, как Юрьев сел писать свои показания, я из Винницы уехал и ни его показаний, ни конспекта, о котором он здесь говорил, не видел.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЮРЬЕВ:

Моё дело рассматривалось судом, и я был приговорён к расстрелу. Находясь в камере смертников, писал оттуда заявление на имя И. В. Сталина.

В моих показаниях о ШИРИНЕ нет клеветы. Он действительно жутко издевался надо мной и вообще в камерах слыл как вампир и садист.

Подс[удимый] ШИРИН:

Я понимаю несостоятельность ареста Юрьева, но он слишком преувеличивает. Допрашивал я его по поручению Пришивцына, и как же мог избивать днём, если рядом в комнатах работали машинистки. Без санкции КОРАБЛЁВА к такому человеку физическое воздействие³⁵ не применили бы, а КОРАБЛЁВ предупредил против этого.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Ни я, ни Пришивцын, и, по-моему, вообще никто физическое воздействие к Юрьеву не применяли. Я ведь даже удовлетворил его требование о вызове прокурора, и тот его допрашивал. Был Юрьев и у КОРАБЛЁВА.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Не помню, чтобы я вызывал к себе Юрьева.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

КОРАБЛЁВ меня к себе не вызывал. Другобицкий меня не допрашивал, а только беседовал со мной.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

О палке, завёрнутой в газету, мне ничего не известно.

³⁵ Тут і у наступного разу у документі помилково – физического воздействия.

С Юрьевым на допросе разговаривали настойчиво и требовали показаний, но не избивали его.

Я его допрашивал 5–6 раз, и мне он показания не дал. Добыли их Майструк или Глуцкий³⁶, после того как Пришивцын, узнав от Глуского³⁷, что Юрьев колеблется давать показания, вызвал его и в моём присутствии ещё раз предложил ему писать. Зайдя после этого к Юрьеву, я увидел, что он действительно начал писать собственноручные показания, но содержания их я не знал и больше Юрьева не видел.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Если у Пришивцына имеются элементы совести и человеческой нравственности, он подтвердит мои показания. Я искренно говорю, что тогда был доведён до такого состояния, что предпочитал умереть, чем жить, и всё это сделал ШИРИН. Он жутко избивал меня, а по его указанию издевательства надо мной продолжались даже в тюрпode. Там меня по несколько раз вызывал в уборную надзиратель Дьяков и жестоко избивал, бил и надзиратель Бабийко, на что я жаловался коменданту Завальнюку.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями свидетеля Юрьева вызвать и допросить в качестве свидетеля коменданта УНКВД Завальнюка.

В 2.30 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

29.[0]4.[19]41 г. в 10.25 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что в суд[ебное] заседание прибыли вызванные по определению Трибунала свидетели Завальнюк и Скороход.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности явившихся свидетелей и предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в свидетельскую комнату.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Дополнительно вызвать в суд[ебное] заседание свидетеля УРИНЦЕВА, показания коего имеются на л. д. 28, т. 3.

Свид[етель] ЛАВРЕНТЬЕВ Владимир Александрович, 1911 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., в органах НКВД с 1934 г., начальник отделения, мл. лейтенант госбезопасности, не судимый, по делу показал:

(в отсутствии св[идетеля] Юрьева):

В Винницком УНКВД я работал в 4-м отделе. Однажды у КОРАБЛЁВА проводилось оперативное совещание для работников этого отдела, и на совещании стали говорить о том, что для допроса арестованных не хватает комнат. В связи с этим КОРАБЛЁВ сказал, что в Ленинграде 2-3 следователя одновременно допрашивали в одной комнате каждый своего арестованного, и что ущерба от такого допроса нет, если арестованные не проходят по одному делу. На следующий день начальник 4-го отдела Надеждин также созвал совещание и на нём дал указание, разнившись от сказанного КОРАБЛЁВЫМ, а именно, что 2-3 следователя могут допрашивать сразу несколько арестованных, проходивших по одному делу, и после этого такие групповые допросы стали практиковаться во

³⁶ У документі помилково – Глушкин.

³⁷ У документі помилково – Глушкина.

2-м отделении по так называемым массовкам по украинской к[онтр]р[еволюции]: в комнаты № 48 и 74 заводили сразу по 5–8 арестованных и 2–3 следователя одновременно допрашивали их.

В 51-й комнате работал Редер, там даже днём были завешены окна, и оттуда всё время неслись крики арестованных. Помню, однажды туда завели арестованного Козиса, и зашли ШИРИН и Редер. Через некоторое время Козиса оттуда вывели и завели ко мне. У меня Козис сел на стул, и я обратил внимание, что последний (стул) сразу стал мокрым от крови.

На одном из совещаний ШИРИН запретил писать протоколы допросов в присутствии арестованного и дал установку, чтобы при арестованном делать только заметки, а затем по этим заметкам в отсутствие арестованного составлять протокол и до подписания его арестованным обязательно давать начальнику отделения на корректировку.

На вопросы суда св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Групповые допросы у нас начались с совещания у КОРАБЛЁВА, когда он говорил, что в Ленинграде практиковались одновременные допросы нескольких арестованных их следователями в одной комнате. У нас это указание КОРАБЛЁВА Надеждиным было углублено и вылилось в групповые допросы. КОРАБЛЁВА в 4-м отделе я видел раза 2.

Избиения арестованных практиковались у ШИРИНА, Редера и Иванченко. Если арестованный не давал признаний, его забирали к этим работникам, и после того он начинал давать показания.

Козиса ко мне в комнату привели после того, как с ним в 51-й комнате побывали ШИРИН и Редер.

Арестованного Упыря всё Управление знало как провокатора, однако с ним носились как с писанной торбой, так как он мог дать какую угодно линию. По-моему, ШИРИН и Редер пользовались Упырем для разворота всяких линий.

Эпельбаум сначала был передан мне, я к нему физического воздействия не применял, а что было после того, как его передали другому следователю, не знаю.

Шварц проходил по бундовскому делу и являлся подследственным Решетило. На него имелся материал, что он – участник какого-то бундовского центра, и после ареста дал показание на 5 чел.: Брускина, Эпельбаума, Кернер и др. К верхам из этой группы – Шварцу, Оцену, по-моему, применялось физическое воздействие.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Запрещение писать протоколы допроса в присутствии арестованных исходило лично от ШИРИНА.

Утверждаю, что Козис был приведён ко мне после того, как с ним говорили ШИРИН и Редер. Когда он сел у меня на стул, последний стал мокрым от крови.

Подс[удимый] ШИРИН:

К Козису с санкции КОРАБЛЁВА было применено физическое воздействие. Об этом я знал, но сам при применении физического воздействия к Козису не присутствовал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Мне известно, что несознавшихся арестованных приводили к ШИРИНУ для «разговора», и туда тогда же заходил Редер. Делалось это и днём, и ночью.

Свидетелем применения физических методов воздействия к Шварцу я не был, но в отделе говорили, что его били.

Дело Эпельбаума вначале вёл я, а заканчивал другой работник. Я к Эпельбауму физических методов не применял, и таких указаний ни ШИРИН, ни Майструк мне не давали. Лично я не видел, чтобы ШИРИН бил арестованных.

На вопросы суда св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

С Тищенко я работал в одной комнате № 72, а Нещадимов прибыл к нам впоследствии. Тищенко работал в опертехнике, следствие не вёл и «прикладывался ли» к Эпельбауму, я не видел.

На допросе у меня Эпельбаум по заведённому тогда порядку подолгу стоял.

(Оглаш[ается] л. д. 68, т. 3 – показ[ания] Эпельбаума).

На ногах Эпельбаума мы действительно держали.

Чтобы Майструк избивал кого-нибудь из арестованных, я никогда не видел.

О Тищенко арестованные говорили, что он их толкнул и ещё что-нибудь подобное, в связи с чем Глусский³⁸ сделал ему предупреждение.

По-моему, Эпельбаум мне признание не дал и писал ли мне он заявление о том, что его завербовал Платинский, не помню.

Очная ставка между Эпельбаумом и Платинским проводилась, но заявлял ли на ней Эпельбаум, что у него личные счета с Платинским, не помню.

Групповые допросы заключались в том, что в присутствии всей группы арестованных разговаривали только с одним с применением к нему мер физического воздействия, а остальные были свидетелями этой картины.

При допросе арестованных протокол не писался, а делались только заметки, затем в отсутствие арестованного составлялся черновик протокола, корректировался и печатался начисто и лишь потом давался арестованному на подпись.

Об Упыре и его использовании КОРАБЛЁВ, по-моему, не знать не мог.

На Эпельбаума из отдела кадров были справки, что он дважды исключался из партии за принадлежность к Бунду и что в 1927 г. выезжал в Америку на заработки. Имелось также 2–3 протокола допроса его сослуживцев о том, что он восхвалял жизнь и условия для рабочих в Америке. Условия, в которых проводилось следствие по делу Эпельбаума, были ненормальны и, представляя себя в положении Эпельбаума на допросе, я допускаю, что сам мог бы дать показания о принадлежности к Бунду.

Юрьева я знаю. Как-то его завели ко мне, возможно, по той причине, что допрашивавший его следователь вышел по вызову. Вид у Юрьева в тот момент был обчёрченный. Лично я физического воздействия к Юрьеву не применял, а делали ли это другие, не знаю. Большой частью его

³⁸ У документі помилково – Глускин.

допрашивал Глусский, и был ли Юрьев у ШИРИНА, не могу сказать, так как этого не видел.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

За делом Юрьева, по-моему, наблюдал военный прокурор, а не областная прокуратура. Показания, данные здесь Юрьевым о Другобицком, я слышал, но не помню, чтобы Другобицкий говорил мне что-нибудь об этом.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Юрьев был арестован с санкции Облпрокуратуры. В момент ареста он секретарём обкома не являлся, а работал в сахаротресте.

Юрьева я допрашивал несколько раз, он не сознавался, и его отрицание я фиксировал в протоколах. Однажды Другобицкий спросил у меня, как с делом Юрьева. Я ответил, что Юрьев не сознаётся, и тогда Другобицкий сказал, что поговорит с ним сам. Юрьева вызвали, и Другобицкий, зная об имевшихся крепких материалах на Юрьева, стал настаивать, чтобы тот дал показания. Говорили крупно, и Юрьев грубо высказался по адресу следствия. Об этом составили акт, который подписали я, Другобицкий и, кажется, Пришивцын. Акт писал я, почему его нет в деле Юрьева, не знаю. Всего при мне Другобицкий беседовал с Юрьевым 2 раза.

На вопросы суда св[идетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Ни о беседе с Юрьевым, ни о составлении акта на него Другобицкий мне не говорил.

В 11.40 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 11.50 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

(В отсутствие свидетеля ЮРЬЕВА):

С конца июня мес[яца] [1938 г.] по установке КОРАБЛЁВА мы настойчиво взяли за агентурную работу и вербовку из неосновных проходящих по делам лиц, давших чистосердечные показания. В этот период Пришивцын мне сказал, что у Майструка проходит Штейнварц, и высказал предложение, чтобы последнего не арестовывать, а секретно снять и завербовать. Я против этого не возражал. Секретная съемка была проведена, и Штейнварца поместили во внутреннюю тюрьму. Допрашивали его дней 5, и он, подтвердив имевшиеся в отношении его материалы, в моём, Пришивцына и Майструка присутствии дал показания о Юрьеве. В связи с этим у Пришивцына возникла мысль дать Юрьеву очную ставку с Штейнварцем, и КОРАБЛЁВ это санкционировал. В тот момент на Юрьева уже имелись крепкие материалы, считавшиеся бесспорными, в том числе выписки из показаний по Каменец-Подольску. Очную ставку проводил Пришивцын, а протокол фиксировал я. Этой очной ставкой больше преследовалась цель закрепить Штейнварца, после чего он был оформлен вербовкой и освобождён. На связи у меня он не был, но личное дело на него имелось. Впоследствии, согласно приказу, оно было уничтожено, и составленный об этом акт я видел лично.

(Оглаш[ается] л. д. 23, прилож[ение] 14 – протокол очной ставки между Юрьевым и Штейнварцем).

Перед этой очной ставкой с Штейнварцем беседовали я, Пришивцын и Майструк, но о поведении на очной ставке его никто из нас не инструктировал.

Юрьев начал прорабатываться ещё при Надеждине. Как секретарь обкома он 1 раз участвовал в заседании тройки.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Да, Юрьев один раз принимал участие в заседании тройки.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

После ареста Спивака, быв[шего] 1[-го] секретаря обкома, высказывалось мнение, что в Виннице вокруг него должна быть группа. На это намекал и КОРАБЛЁВ. Как я уже говорил, на Юрьева в тот момент имелись материалы, и кто-то из арестованных также дал на него показания. К этому времени из Киева поступили сведения о том, что Спивак, следствие по делу которого проводилось в Наркомате, дал там показания, касающиеся Винницы, и потому, когда я ехал в Киев, КОРАБЛЁВ поручил мне эти показания там получить. В Наркомате мне сказали, что Спивак действительно дал показания по Виннице, но лишней копии протокола допроса не оказалось, в связи с чем Спивака вызвали на допрос, и Калужский в моём присутствии предложил ему повторить показания по Виннице. Спивак их дал, и я записал. В числе к-р связи Спиваком был назван Юрьев. Правда, эти показания были общие, и потому я просил Калужского дать мне возможность допросить Спивака, но Калужский сказал, что пришлёт первый протокол его допроса. Потом Юрьев был арестован.

Продвижение ареста Юрьева от меня ни в какой мере не зависело, но о том, что он намечается к аресту, я знал, так как КОРАБЛЁВ часто спрашивал, какие имеются на него материалы.

Вины своей за дело Юрьева я не снимаю уже хотя бы потому, что во время допроса он заявлял мне о своей невиновности. Я не отрицаю своей причастности к применению физического воздействия к арестованным, но прошу мне верить, что к Юрьеву я не прикасался. Это видно хотя бы из того, что вызывал Юрьева к себе только днём и допустил к нему прокурора Другобицкого. Поступить же так в том случае, если бы я применял к Юрьеву меры физического воздействия, это значило бы быть без головы.

(Дальнейший допрос подсудимого производится в присутствии Юрьева).

Юрьева я допросил 5–6 раз, и каждый допрос продолжался не более часа. Говорил я с ним настойчиво, допускал грубость, но не больше. Отрицание им принадлежности к к-р организации я в протоколах допроса фиксировал.

Никаких документов на допросе Юрьеву я не предъявлял и показаний на него ему не зачитывал.

С Пипенко очной ставки я Юрьеву не давал и Пипенко ни разу не допрашивал, так как он был доставлен в Винницу, кажется, лишь в день моего отъезда.

К тюрподу я никакого отношения не имел и не мог давать туда установок относительно обращения с Юрьевым. «Концерты» там действительно имели место, но без моей причастности к ним.

Развернутых показаний от Юрьева я не получал, так как, когда он их начал давать, я уехал из Винницы, и это легко можно проверить по датам.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

В момент ареста секретарём обкома я уже не являлся, а работал в сахаротресте.

Очная ставка с Штейнварцем мне была дана в конце июля, а, возможно, и позже.

Свои собственноручные показания я закончил в конце августа, а начал их писать 20–22 августа у следователя, фамилии которого не помню.

Свид[етель] УРЛАНГ:

Это был следователь Федак.

На вопросы суда св[идетель] УРЛАНГ:

Даты не помню, но когда Юрьев писал свои показания, ШИРИН находился ещё в Виннице, заходил и интересовался, как пишет Юрьев. Я тогда работал вместе с Федаком и знаю, что Юрьев у него сидел на конвейере.

Подс[удимый] ШИРИН:

Я даже не знаю, кто такой Федак.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Свои показания я писал дней 7, даты на них не ставил.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Много нехорошего наделал я в деле Юрьева, и вина моя огромная, но всё же показания Юрьева в отношении меня неправильные. Объясняется это тем, что люди долго сидели, много перенесли из-за того, что мы здесь наделали, и это наложило отпечаток на сгущение красок.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Арест Юрьева подготовил Надеждин. Первые материалы на него – выдержки из показаний – мы получили из Каменец-Под[ольского], а потом стали поступать показания (5-6) и от наших арестованных. В связи с этим Надеждин поставил вопрос об аресте Юрьева, однако, у меня были сомнения в том, что он враг. В это время Наркомат арестовал 1-го секретаря обкома Спивака, и тот дал показания по Виннице, в связи с чем я поручил ехавшему в Киев ШИРИНУ взять там эти показания. Он их привёз.

Не помню, был ли у меня Юрьев после своего ареста, но о поданном им на моё имя заявлении я ничего не знал, и Другобицкий о Юрьеве мне также ничего не говорил.

Так как теперь выяснилось, что Юрьев ни в чем не виновен, вину свою в его аресте я признаю.

Точно не помню, но в свете данных здесь ШИРИНЫМ показаний допускаю, что санкцию на проведение очной ставки между Штейнварцем и Юрьевым я дал.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

У нас, безусловно, были возможности исследовать полученные по Виннице показания на Юрьева, но этого сделано не было. Кроме того, я

не могу себе простить, что после ареста Юрьева ни разу не вызвал его к себе.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Я был арестован на улице, но ордер мне предъявили только в комендатуре.

Свои показания о ШИРИНЕ я подтверждаю. О нём можно говорить не только по себе, но и по другим лицам. В первое время меня бросали из камеры в камеру, и это делалось не случайно, а с целью воздействия на меня и создания предпосылок для самооговора. Мне пришлось находиться в камерах с Зеленковым и Козисом. И у того, и у другого совершенно не было заднего места, оно было оголено до костей, и они мне говорили, что их избивали ШИРИН и Редер. Когда меня приводили на допрос, из всех комнат ночью и днём неслись душераздирающие крики и плач. И ведь недаром в тюрпode работало 3 чел. среднего медперсонала специально для перевязок. О ШИРИНЕ шла слава как о вампире и палаче. Он наступал мне на пальцы каблуками сапог, бил кулаками по лицу, избивал палкой. От длительной стоянки я получил расширение вен на обоих ногах.

В протоколе допроса от 9.[0]8.[19]38 г. записано, что ШИРИН предъявляет и зачитывает мне изобличающие меня показания. Это провокационный метод, так как за показания он мог выдавать первую попавшуюся под руки бумажку.

Показания против меня собраны в период моего пребывания под стражей. Показание Спивака несостоятельно, а в части обстоятельств вербовки меня и просто не выдерживают никакой критики. Недаром и сам ШИРИН не обращал на них внимания и называл их ерундой.

Для чего нужна была инспирированная очная ставка между мной и Штейнварцем, если, как говорит КОРАБЛЁВ, на меня уже имелось 5-6 показаний. А, выходит, что очную ставку дали по той причине, что арестовали меня по неосновательным материалам.

Когда я начал писать свои показания, ШИРИН заходил почти через каждый час и всё говорил, почему не даю диверсии и террора. Часто и Федак носил ему мои показания, и в этот период ШИРИН раза 3 вызывал меня к себе, заявляя: «Почему не даешь Малютина? Хуже будет, если он первый тебя даст» и др.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Малютин – это председатель Облисполкома.

На вопросы суда св[идетель] УРЛАНГ:

Я видел, как при написании Юрьевым собственноручных показаний к нему часто заходил ШИРИН и брал уже написанные листы.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Для собственноручных показаний я получил от ШИРИНА письменные вопросы, подлежащие освещению.

Протокол очной ставки формулировал ШИРИН, моих объяснений не фиксировал, записывая только одно отрицание «нет». А более или менее полная запись моих объяснений сразу бы показала всю лживость фабрикуемых против меня материалов, сделала бы это очевидным.

На допросе он спрашивал меня и о Науменко – работнике ЦК, и о секретаре обкома Мищенко, как он сюда попал и что общего с ним я имею.

Я к ШИРИНУ ничего не имел, во имя чего мне говорить в отношении его неправду. В моих показаниях нет клеветы, и я говорю только десятую часть того, что было в действительности.

Свид[етель] ЗАВАЛЬНЮК Никифор Кириллович, 1907 г. рождения, канд[идат] в члены ВКП(б), в органах НКВД работает с 1932 г., комендант УНКГБ с 1939 г., сержант госбезопасности, на вопросы суда [показал]:

Нам никто не давал установок, чтобы работники тюрпода применяли к арестованным меры физического воздействия.

Быв[ший] надзиратель Дьяков по натуре вспыльчивый, и за ним в 3-4-х случаях замечалось, что самочинно ставил арестованных на стоянку. Я по этому поводу неоднократно предупреждал Дьякова и ставил вопрос о его снятии перед Пришивцыным, в ведении которого находилась тюрьма.

Юрьев мне также заявлял, что Дьяков ставил его на стоянку. Дьяков мне объяснил, что сделал это за какой-то проступок Юрьева, без чьей либо установки. Так поступать он не имел права.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Когда меня вызывали на допрос, Дьяков заставлял успеть по счету «раз, два, три» одеться и обуться, и если мне это не удавалось, приказывал начинать всё сначала, а потом выводил за дверь и принимался бить ключами, заявляя: «Я тебя научу, как одеваться по счету».

На издевательства в тюрпode я жаловался следователю, а также Завальнюку, и последний даже устроил мне очную ставку с Дьяковым. Усердствовал в издевательствах и другой надзиратель – Бабийко.

На вопросы суда св[идетель] ЗАВАЛЬНЮК:

Было это. Вообще, когда дежурил Дьяков, на него жаловались все арестованные. Я об этом докладывал зам[естителю] нач[альника] УНКВД Пришивцыну, и потом Дьяков был снят с работы.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

О грубом обращении Дьякова и Бабийко с арестованными я слышал, однако это выглядело не так, как сейчас показывал св[идетель] Юрьев. За превышение своих прав Дьяков и Бабийко с работы были сняты.

На вопросы суда св[идетель] ЗАВАЛЬНЮК:

Случаи вызова медперсонала в тюрпод для перевязок арестованных имели место раза два.

Я не помню, чтобы Юрьев заявлял мне об избииении его Дьяковым в уборной.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Об избииении меня Дьяковым в уборной я говорил следователю, а Завальнюку не заявлял, так как об этом он сам должен был знать и знал.

Меня лично Завальнюк не избивал, а в отношении других арестованных не знаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребовать из 1-го спецотдела УНКВД для обозрения архивное след-дело по обв[инению] Юрьева.

В 13.55 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 14.15 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Из Винницы я уехал в августе мес[яце], числа 20-го.

Пипенко я не допрашивал и очной ставки между ним и Юрьевым не проводил.

ВТ удостоверил, что на л. д. 187, т. 3 дела по обв[инению] Юрьева и др. имеется копия протокола очной ставки между Пипенко и Юрьевым, проведённой Пришивцыным, ШИРИНЫМ и Редером. Протокол датирован 23 августа.

Копия протокола очной ставки предъявлена подс[удимому] ШИРИНУ.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Неужели я забыл? Я так твёрдо помнил, что Пипенко мною не допрашивался, хотелось бы посмотреть подлинник протокола этой очной ставки, чтобы убедиться, действительно ли на нём имеется моя подпись.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

На очной ставке Пипенко показал, что имел со мной связь как с участником к-р организации. Я опровергал эти показания и обстоятельно доказывал их неправдоподобность, но в протокол мои объяснения не записывались, а указывалось лишь, что я не подтверждаю показания Пипенко.

ВТ удостоверил, что по протоколу очной ставки Пипенко действительно подробно уличает Юрьева, а ответы последнего записаны лаконично³⁹: «Отрицаю показания Пипенко».

Секретарь доложил о прибытии вызванного по определению ВТ св[идетеля] УРИНЦЕВА.

Св[идетель] УРИНЦЕВ Хаим Зелманович, 1896 г. рождения, еврей, рабочий, член ВКП(б) с 1931 г., из партии не исключался, в момент ареста работал зав[едующим] Горсобезом, будучи предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, по делу показал:

Меня арестовали 11 июня 1938 г. и привели к следователю Железняку. По его предложению я сел на стул, но он сразу же заявил: «Не так, придёт тебе сесть на кончик стула и дать показания, что являешься участником к-р организации». После чего велел встать и стал бить по голове. Потом меня отвели в тюрьму, но через пару часов Железняк снова вызвал и потребовал сказать, кем завербован я и кто завербован мною. Я ответил: «Я — честный человек и коммунист». После этих слов Железняк поставил меня к стенке, приказал кричать: «Я честный коммунист», и стал бить по голове и об стенку. У меня появилась рвота, по он не дал выплюнуть, а заставлял глотать. Так продолжалось несколько дней, и в конце он предложил подписать, что я завербован в Бундовскую организацию. Тут вошел Майструк и, узнав, что не даю показаний, принялся совместно с Железняком избивать меня. Так избивали меня оба, пока я не потерял сознание. Потом дали ручку, подвели к столу подписать протокол, но ручка у меня выпала, и они снова стали избивать меня. Довели

³⁹ У документі — лаконически.

до сумасшествия, и потом под диктовку Железняка я написал, что меня завербовал в Бунд Шварц.

Когда нужно было написать, где же эта вербовка произошла, Железник сначала назвал ул. Ленина, но потом в окно указал на другую. Название этой улицы ни я, ни он не знали, и тогда он сказал: «Пиши на Театральной». А такой улицы в Виннице вообще нет. После того стал требовать: «Давай завербованных тобой», и когда я ответил, что никого не знаю, он предложил: «У вас в камере сидит Гойфман, пиши его». Тот, однако, оказался из другого города, и потому знать я его не мог.

Был и такой случай. Железник задал мне вопрос, как я познал свою жену. Я ответил, но он заявил, что нужно отвечать иначе и стал избивать. Потом вторично задал тот же вопрос. Я ответил уже так, как он мне сказал, но и этот ответ послужил мотивом к избиванию.

На вопросы суда св[идетель] УРИНЦЕВ:

Перед судом меня вызвал Нещадимов и предупредил, чтобы на суде говорить то же, что записано в показаниях: «Иначе дело вернётся на до-следование, и тогда семью свою не увидишь». То же говорилось и другим арестованным по этому делу их следователями.

Судила нас спецколлегия. В тюрьме перед судом ко мне пришёл адвокат Каменецкий. Я ему рассказал, что мои показания ложны, вынуждены избиванием, и что на суде буду говорить всю правду. Каменецкий стал отговаривать: «Не советую делать это, ведь Вы же подписали показания». Суд приговорил меня к восьми годам лишения свободы и поражению прав на 4 года. Просидев 23 мес[яца], в том числе 9 мес[яцев] в лагерях, я по решению Верховсуда 11 мая 1940 г. был освобождён.

Били меня Железник, Майструк и меньше Нещадимов. Били и днём, и ночью.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] УРИНЦЕВ:

До суда прокурор со мной ни разу не разговаривал.

Вас (обращаясь к ШИРИНУ) я не знаю.

Больше вопросов к свидетелю Уринцеву нет, и с согласия подсуди-мых свидетель от дальнейшего присутствия в зале суд[ебного] заседания освобождён.

Свид[етель] ТЕУШ Лев Маркович, 1906 г. рождения, член ВКП(б с 1927 г., в органах НКВД с 1932 г., нач[альник] отделения УНКВД по Измаильской обл[асти], лейтенант госбезопасности, несудимый, по делу показал:

О том, что делалось в Виннице, мне ничего не известно, так как в 1938 г. я работал в Могилёв-Подольском ГО НКВД, в созданной там опер-следгруппе. В этой оперследгруппе было несколько арестованных кон-трабандистов, занимавшихся контрабандой до 1921 г. На следствии они это признали, дело их закончили и согласно существовавшему тогда по-ложению направили в область. Оттуда за подписью ЗАПУТРЕВА при-шло указание, что контрабандист не может не быть шпионом, и потому предлагалось эту группу арестованных передопросить по шпионажу. Это

указание ЗАПУТРЯЕВА считаю неправильным, потому что нельзя так говорить о всех 100 % бывших контрабандистов.

На вопросы суда св[идетель] ТЕУШ:

Аресты при мне в оперследгруппе производились по показаниям.

Контрабандисты, о которых я здесь говорил, были арестованы до меня погранотрядом.

Дело по обвинению Калины велось в области Беркутой. Об этом деле я ничего не помню.

(Оглаш[ается] л. д. 110, т. 3 – показ[ания] св[идетеля] Теуша).

Да, со слов Беркуты мне известно, что написанные им по делу Калины протоколы допроса ЗАПУТРЯЕВ корректировал в отсутствие допрашиваемых.

В тот период было указание нач[альника] УНКВД не заканчивать дела на одиночек, а сводить их в групповые дела, так как в противном случае тройка не будет рассматривать их. И согласно этому указанию сводились в одну группу люди из разных сёл, друг друга не знавшие, что считаю преступлением.

Лично не видел, но слышал, что в области практиковались групповые допросы. У нас в опергруппе таких допросов не было.

Присутствовал ли я на партсобрании по вопросу исключения Редера из партии, не помню.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ТЕУШ:

Указание о сведении одиночек в групповые дела было примерно в июле–августе 1938 г., но точно дату не помню. Указание это исходило от КОРАБЛЁВА, но лично я его не читал.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ пояснил:

В июле и августе мес[яце] 1938 г. тройка ещё не работала, и потому такого указания я не мог давать и не давал. Это же явное преступление – сводить отдельные, не имевшие между собой связи дела в групповые.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Как-то в отсутствие начальника 3-го отдела я зашел к Яцунскому с делом Калины. Собственноручные показания по этому делу Лошака отличались, как небо от земли, от составленного ЗАПУТРЯЕВЫМ протокола допроса, и в связи с этим Яцунский, просмотрев эти материалы, сказал, что не будет отвечать за дело. После этого меня и Яцунского вызвал КОРАБЛЁВ, накричал на нас и сказал, что дело заберёт и передаст Майструку.

На вопросы суда св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Да, факт разговора в кабинете КОРАБЛЁВА по делу Калины имел место.

К обвиняемым по делу Калины ни со стороны ЗАПУТРЯЕВА, ни со стороны Беркуты физическое воздействие не применялось, за исключением длительного допроса. В этом деле была масса различных нагромождений, и доходило даже до террора в связи с обнаружением детского пистолета. Я в дело не верил и об этом в присутствии Беркуты намекнул КОРАБЛЁВУ. В итоге за это дело я получил выговор, а Беркута – трое суток ареста.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Вообще ЗАПУТРЯЕВ вызывал к себе допрашиваемых арестованных, но был ли им вызван Лошак, не знаю.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

ЗАПУТРЯЕВ вызывал к себе арестованных, но протоколы допроса писал в отсутствие этих арестованных с их собственноручных показаний. Поэтому протоколы разнились от собственноручных показаний.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Практика составления протокола допроса по заметкам в отсутствие обвиняемого была введена до меня. Составленный таким образом протокол заметкам не противоречил, так как для уточнения отдельных моментов я вызывал арестованного и беседовал с ним.

О деле контрабандистов я сейчас ничего не помню, но если мною были даны указания передпросить контрабандистов по шпионажу, то, очевидно, по той причине, что по материалам были на этот счёт подозрения, и это указание я считаю правильным.

(Приглашен свид[етель] Эпельбаум).

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

В своей автобиографии и при поступлении на работу я не скрывал [сведения] о поездке в Америку. В тот период я был ещё беспартийным и ехал в Америку повидаться с сестрой, а не с целью искать работу. Разрешение на поездку получил официально, в установленном порядке.

По части Лаврентьева могу сказать, что он необъективно вёл следствие, но Лаврентьев являлся только исполнителем, а вдохновителем был ШИРИН.

(Оглаш[ается] л. д. 68, т. 3 – показ[ания] Эпельбаума).

Лаврентьев меня не бил, только угрожал, что это сделает, а также присутствовал при избииении меня Майструком, Нещадимовым, Тищенко, Березняком. На одной ноге меня держал Тищенко в присутствии Лаврентьева в его же кабинете.

Тищенко меня бил и о мою шеку тушил горящую папиросу.

Однажды, когда я находился на стоянке, вошел Нещадимов и, узнав, что показания не даю, сказал: «Дайте его мне, у меня он даст показания». На второй вечер меня действительно передали ему, и ночью Нещадимов сильно избил меня.

В тюрпode меня били Бабийко и Дьяков.

На вопросы суда св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Возможно, что Тищенко бил Эпельбаума, когда я выходил из комнаты, так как однажды Эпельбаум заявил мне, что Тищенко трогает его.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Майструк бил меня в присутствии Лаврентьева.

На вопросы суда св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Возможно, это и было, но я не помню.

Свидетели Юрьев и Эпельбаум временно освобождены от присутствия в зале суд[ебного] заседания.

В 16.00 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 20.35 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ГЛУЩЕНКО Михаил Силович, 1907 г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., начальник следчасти УНКВД, лейтенант госбезопасности, несудимый, по делу показал:

В Виннице я работал с конца февраля или начала марта 1938 г. в 4-м отделе. Там имели место извращения, которые с приездом КОРАБЛЁВА приобрели широкий размах. В апреле у КОРАБЛЁВА проводилось оперативное совещание, и на нём он, крепко разделив Надеждина за то, что тот свернул операцию, предложил развернуть её. После этого совещания Надеждин предложил поднять все учёты в отделе и составить оперлисты на аресты.

В тот период из районов поступали списки, на основе их составлялись общие оперлисты, которые давались руководству на утверждение, и затем по этим оперлистам производились аресты.

Перед 1-м⁴⁰ мая по инициативе КОРАБЛЁВА или Надеждина, точно не знаю, был широко введён метод групповых допросов. При таких допросах в каждой комнате стояло помногу арестованных, и сам Надеждин с палкой в руках обходил эти кабинеты и требовал признаний. Как потом подсчитали, за одну ночь в результате таких допросов было получено 100 признаний.

Лично был свидетелем, как ШИРИН диктовал Редеру протокол допроса обвиняемого в отсутствие последнего.

На одном из совещаний КОРАБЛЁВ информировал, что в сахарной промышленности вскрыта к-р организация, и дал установку на вскрытие этой организации и у нас в Виннице. ШИРИН или Редер тогда же заявили ему, что у них уже по этой части есть показания не то Козиса⁴¹, не то другого арестованного из работавших в камерах. Вообще Козис, как и Упырь, являлся таким арестованным, который давал показания по ряду дел.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Боровский и Семенчук – сотрудники фельдсвязи, из них первый был арестован по национальному признаку как поляк. Материалов на них не было, и я несколько раз выносил постановления об их освобождении, но ШИРИН каждый раз возражал: «Вы плохо работаете, они должны дать показания, так как честных людей мы не арестовываем». Впоследствии Боровский и Семенчук были освобождены.

Я лично видел, как ШИРИН и Редер составляли протоколы допроса арестованных в их отсутствие. Со слов сотрудников, фамилии их не помню, протоколы в отсутствие обвиняемых писал и ЗАПУТРЯЕВ.

На одном из совещаний КОРАБЛЁВ информировал, что в Сибири вскрыты целые полки и дивизии к-р формирований, состоявшие из бывших белых, и что такие же формирования, несомненно, должны быть и у нас на селе. В связи с этим из районов были истребованы списки и по ним составлялись оперлисты на аресты. Я сам принимал участие в

⁴⁰ У документі – 1-го.

⁴¹ У документі помилково – Козина.

составлении таких оперлистов и должен сказать, что мы не могли проверить, соответствовали ли действительности изложенные в оперлистах данные компрометирующего порядка на включённых туда лиц, так как никаких материалов в подтверждение присылаемых из районов списков мы не получали.

Мефедовский – сын попа, на него имелись агентурные материалы и официальные данные о том, что он в школе группирует молодёжь – детей репрессированных, рисует фашистскую свастику и проводит а[нти]с[оветскую] агитацию. Его арестовали, и на допросе он показал мне, что обработан дядей в к-р духе, но об организации ничего не говорил.

Данилейко, узнав какие показания даёт Мефедовский, взял его к себе, через 10–15 минут привёл обратно, и Мефедовский после этого стал сам писать показания, но тут пришел Редер и забрал его от меня для объединения с другими арестованными участниками молодёжной к-р организации.

Показания о Богданове Мефедовский мне не давал, и справку на Богданова я не составлял.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Глушенко, по-видимому, забыл: Мефедовский давал показания о Богданове. Последний хоть и являлся комсомольцем, но принадлежал к числу детей репрессированных. Отец и мать его были расстреляны как зиновьевцы, и на него имелось несколько агсводок. Богданову тогда было лет 20, но, несмотря на свой возраст, он, как мне рассказывали уже после ареста его 4-м отделом, высказывал террористические настроения. Этот факт приводили как пример того, что мы у себя не смогли вскрыть по делу террористических намерений.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Возможно, Мефедовский и дал показания о Богданове, но не мне, и я их не помню.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Дело Мефедовского забрали от нас в 4-й отдел, там оно было объединено с другими делами и получило название «Новое поколение».

До передачи этого дела в 4-й отдел Глушенко действительно говорил, что сомневается в показаниях Мефедовского, так как такой группы, как «Новое поколение», не слышал. Я по этому поводу сказал Глушенко: «Ничего Мефедовскому не навязывай. Пиши то, что он говорит, а потом проверим».

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

С этим делом из-за чести вскрытия новой организации у нас с 4-м отделом получилась драка.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

На Богданова у нас были получены серьёзные показания от Мефедовского, но мы Богданова не арестовали, так как это дело забрал 4-й отдел.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Мне Мефедовский ничего о «Новой генерации» не говорил и показаний на Богданова не давал.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Мефедовского от Глушенко я взял к себе, кажется, в связи с тем, что к Глушенко в тот момент кто-то зашёл или туда привели другого арестованного. За 10–15 мин., что Мефедовский пробыл у меня, я воздействовать на него никак не мог. К тому же, это было в августе мес[яце], когда применение физических методов не практиковалось.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Писать Мефедовский стал сразу после того, как вышел от Данилейко. Что за показания он тогда дал, не знаю, так как сразу после того, как закончил писать, его забрали в 4-й отдел.

На вопросы суда св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Я не помню, чтобы высказывал сомнение в существовании к-р молодёжной организации.

(Оглаш[ается] л. д. 42, т. 4 – показ[ания] Данилейко).

Богданова я знал только издали и так высказался по той причине, что показания Мефедовского должен был брать под сомнение.

КОРАБЛЁВУ об этом деле я докладывал.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

По «Молодой генерации» из Киева была ориентировка, и арестованно-го Мефедовского я помню.

Кто именно, я или Пришивцын, дал распоряжение о передаче этого дела в 4-й отдел, не помню.

Возможно, об этом деле я информировал обком партии, но сейчас о нём ничего не помню.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

У нас в отделе была установка, что в случае необходимости применения к арестованным физического воздействия об этом писался специальный рапорт начальнику УНКВД, и по получении санкции физическое воздействие применяли. В этой части «забойщиками» считались Редер и Иванченко.

(Оглаш[ается] л. д. 88, т. 2 – объяснение Глушенко).

ШИРИН часто закрывался в комнате вместе с Редером, и были разговоры, что они там применяют физическое воздействие к арестованным. Делалось ли это ими с санкции руководства или нет, не знаю.

О том, что к арестованным по делу молодёжной организации применялись физические методы воздействия, я на предварительном следствии показал со слов других. Лично же этого не видел.

О том, что Козис и Упырь после осуждения их к ВМН продолжительное время допрашивались ещё по другим делам, я слышал от других сотрудников. Помню также, что с показаний Упыря у нас даже иронизировали.

На вопросы суда св[идетель] УРЛАНГ:

О допросе Козиса после осуждения не может быть и речи, так как его дело рассматривалось выездной сессией Военной коллегии, и после вынесения приговора Козис сразу был расстрелян. Что касается Упыря и Драгаева, то об использовании их после осуждения можно говорить. Редер, вызывая их, давал им чай, колбасу, булочки. Вообще их держали в

привилегированном положении по той причине, что они давали показания на других арестованных.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

И Упырь, и Козис были осуждены Военной коллегией, и приговор в отношении их сразу был приведён в исполнение.

Колондантом Военной коллегии тогда являлся Редер, и как таковой он присутствовал на заседании ВК при допросе Козиса. Услышав приговор, Козис выразил изумление, но Редер сразу забрал его вниз.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я не помню, кто подбирал состав для обслуживания Военной коллегии, но со мной этот вопрос, конечно, был согласован.

Военная коллегия рассмотрела тогда около 30 дел, однако не все они были проведены Редером, а часть поступила из Особого отдела.

На вопросы суда св[идетель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Большинство дел, рассмотренных тогда Военной коллегией, были проведены Редером.

На вопросы суда св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

На совещании после информации КОРАБЛЁВА о вскрытии к-р организации в сахарной промышленности ШИРИН и Редер сказали, что у них уже имеются такие показания одного арестованного (при этом, по-моему, назвали Козиса), и тогда КОРАБЛЁВ дал задание развернуть работу в этом направлении.

О том, что Козис и Упырь допрашивались по молодёжной организации, я показал со слов других.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Я не помню, давал ли КОРАБЛЁВ на оперсовещаниях установку вести групповые допросы, и исходило ли это от него или от Надеждина, не знаю.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

Я действительно сделал на оперативном совещании информацию о вскрытии в Сибири к-р формирований и, если в связи с этим дал установку просмотреть материалы у нас, то в этом ничего незаконного нет.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Боровский и Семенчук были арестованы 3-м отделом, а потом в числе других переданы нам. Я дважды писал постановление об их освобождении.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Боровский и Семенчук являлись арестованными 3-го отдела, поэтому я к ним ничего общего не имел, в связи с чем и говорил, что по их делу нужно обращаться к 3-му отделу.

Дело «Молодая генерация» было передано в 4-й отдел по распоряжению КОРАБЛЁВА. Ориентировка Киева об этой организации поступила к нам задолго до того, как Мефедовский дал показание.

Упырь был арестован до меня и использовался в качестве камерной агентуры. В связи с этим к нему действительно с ведома руководства было привилегированное отношение. Это, конечно, неправильно.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ГЛУЩЕНКО:

Был только один случай, когда я подписал рапорт об отсрочке приведения приговора над осуждённым к ВМН для использования его как камерника по освещению содержащихся там арестованных.

(Оглаш[ается] л. д. 205, т. 6 – рапорт Глушенко).

Под указанными в этом рапорте мотивами отсрочки исполнения приговора я понимал камерную работу.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

В 3-м отделе тоже были случаи задержки исполнения приговоров. Так, у Левинзона сидели осуждённые муж и жена, и он мне сказал, что они используются для камерной работы. Им разрешали получение передач, и с их помощью арестованные в камерах провоцировались на дачу показаний. Доходило даже до того, что арестованный китаец также называл себя [членом] «ПОВ»⁴².

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] МАКСИМЕНКО:

Использование осуждённых мужа и жены после вынесения в отношении их решения тройкой относится к сентябрю 1938 г.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Об этом факте я слышу впервые.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Санкцию на отсрочку [исполнения] приговоров я давал только по май мес[яц] включительно.

В 22.15 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 22.30 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] АЛЕКСЕЕВА Александра Тимофеевна, 1913 г. рождения, член ВЛКСМ, машинистка УНКГБ, в органах работает с 1935 г., несудимая, по делу показала:

В 1938 г. я работала машинисткой и печатала справки, прокурорские постановления на арест, постановления на содержание под стражей, протоколы допросов арестованных и пр.

На вопросы суда св[идетель] АЛЕКСЕЕВА:

Протоколы допроса ШИРИН мне диктовал с неподписанных арестованными черновики, которые сразу после отпечат[ыв]ания уничтожались.

Оперативные листы я печатала со списков, поступивших из районов, на которых имелись отметки КОРАБЛЁВА или Бутенко, кто подлежит аресту. Диктовали мне эти списки Шаламов и др. работники.

Случая, чтобы постановления на арест печатались сразу с этих списков, не помню.

(Оглаш[ается] л. д. 186, т. 2 – показ[ания] Алексеевой).

Нам приносили черновики справок, мы их перепечатывали, и потом с отпечатанного экземпляра заготавливали на бланках постановления прокурора о мере пресечения.

Под 1-е мая я была вызвана вечером в отдел, и начальник сказал, что нужно напечатать постановления об избрании меры пресечения, так как прибывают новые арестованные, а без этих постановлений тюрьма их не

⁴² Йдеться про приналежність до «Польської організації військової».

примет. Проработала я тогда недолго и, когда закончила работу, то видела, что в коридоре стояли арестованные. Их было несколько человек.

Приходилось мне и самой печатать протоколы допроса с черновиков, в которые были внесены исправления. Эти черновики арестованными подписаны не были, и случалось, что после корректировки я перепечатывала их ещё несколько раз. После корректировки смысл протокола менялся, но примера привести не могу, так как мне трудно вспомнить.

Я сидела в комнате, рядом с которой находились кабинеты нач[альника] отдела и его заместителя ШИРИНА.

Фамилии арестованных, протоколы допроса которых мне приходилось печатать особенно часто, я не помню.

Протоколы обычно мы печатали большие, на 30–40 листах, и были случаи, что после окончания печатания ШИРИН у меня спрашивал: «Ну, как, хорош протокол?». Этот его вопрос я понимала как желание узнать моё мнение, может ли протокол быть направлен в Киев.

(Оглаш[ается] л. д. 179, т. 2 – показ[ания] Алексеевой).

Эти показания я подтверждаю. Под диктовку ШИРИНА я печатала протоколы допроса Козиса и работников обкома. После печатания эти протоколы давались арестованным на подпись, но поступали ли они потом вторично для перепечатывания и корректировки, не могу сказать.

Избиения арестованных в УНКВД имели место, так как я слышала крики, и, кроме того, об этом были разговоры среди сотрудников. Лично я не видела, как арестованных избивали, но когда арестованных вели на допрос, на их лицах были видны синяки. Эти арестованные числились за 4-м отделом, начальником которого был Надеждин, а его заместителем – ШИРИН.

В УНКВД была комната, в которой сидел, по-моему, Берестянко. Если арестованный не сознавался, то говорили, что его нужно отвести к этому работнику.

Крики арестованных я обычно слышала ночью, а не днём.

Однажды я печатала с Данилейко обвинительное заключение на тройку по групповому делу. В отношении всех обвиняемых Данилейко⁴³ диктовал: «Сознался», а затем, дойдя до одного, сказал: «Подождём, так как протокол обвиняемым ещё не подписан». После этого вышел, затем вернулся и сказал, что можно писать: «Сознался».

Корректировка протоколов допроса арестованных была не в пользу последних.

Оперлисты печатались со списков, которые диктовали мне сотрудники. Диктовка практиковалась, с одной стороны, для быстроты и выправления слога, а с другой стороны, в связи с встречавшимися неясностями. Когда встречались эти неясности, работник ходил к начальнику, выяснял у него и потом продолжал диктовать. Полная копия списков, по-моему, не печаталась.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] АЛЕКСЕЕВА:

⁴³ У документі помилково – Даниленко.

Практика корректировки и печатания протоколов была введена ещё до приезда ШИРИНА в Винницу.

Были случаи, что сначала печатался черновой протокол, а затем он корректировался и после того перепечатывался начисто.

Подсудимый ШИРИН:

Св[идетель] Алексеева показала правду.

Св[идетель] ГУНЯ Александр Андреевич, 1916 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., в органах – с марта мес[яца] 1938 г., старший оперуполномоченный СПО УНКВД, сержант госбезопасности, несудимый, по делу показал:

В апреле 1938 г. у КОРАБЛЁВА было совещание работников 4[-го] отдела, и он там дал установку о введении групповых допросов: в комнату приводилось 4–5 арестованных и 3–4 следователя допрашивали их.

Была установка, чтоб до полного сознания арестованного протокола не писать, а делать только заметки, и на подпись арестованному протокол до просмотра его начальником не давался.

На вопросы суда св[идетель] ГУНЯ:

Протоколы допросов печатались на машинке, и при подписании их арестованные против редакции протокола не возражали.

Лично я протоколы на корректировку давал ШИРИНУ, Редеру и Данилейко. Их корректировка касалась грамотного изложения протокола, и вела ли она к сгущению красок, сейчас не помню.

Когда мне и Дуднику пришлось в первый раз допрашивать арестованного, нам дали вопросник и сказали записать всё, что по этим вопросам арестованный скажет.

Во время допроса я ругал арестованных, но ни одного из них не бил. Мы тогда только что пришли в органы, и в связи с этим и Надеждин, и КОРАБЛЁВ предупреждали, что если кто из нас, молодых, ударит арестованного, будет за это отвечать.

При групповых допросах под первое мая я сидел с Дудником и ещё третьим работником в отдельной комнате. Туда к нам от Берестянку и др. приводили сознавшихся арестованных, и мы отбирали от них короткое заявление, что они являются участниками к-р организации. Следов избивения на этих арестованных я не видел, и никто из них на избивение мне не жаловался.

Арестованного Соловьёва не помню.

(Оглаш[ается] л. д. 127, т. 3 – показ[ания] Соловьёва).

Нет, я не помню Соловьёва.

Дело Вдовина я не вёл. Как-то Данилейко вызвал меня и сказал: «Возьмите Вдовина и напишите протокол». Со слов Вдовина я записал об имевшемся у него оружии (наган и патроны), и оно было изъято. Знаков насилия на лице и руках Вдовина, по-моему, тогда не было.

На вопросы подсудимого КОРАБЛЁВА св[идетель] ГУНЯ:

Я присутствовал на совещании у КОРАБЛЁВА, и он тогда сказал, что можно по практике Ленинграда проводить групповые допросы. Как было дано это указание – каждый ли следователь должен допрашивать своего арестованного или сразу нескольких арестованных, не помню.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ГУНЯ:

Распоряжение допросить арестованного по вопроснику мне давал начальник отделения Данилейко.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ДАНИЛЕЙКО:

Гуня являлся молодым работником. Поэтому я и давал ему вопросник. Также поступал и ШИРИН, однако не только в отношении молодых работников, а и в отношении работников опытных.

Случаи, что я направлял к Гуне сознавшихся арестованных для записи в протоколе их показаний, имели место. Делал это на основании установки Надеждина и ШИРИНА, которые говорили, что, если не успеваешь сам написать протокол, то можно арестованного передать для этой цели другому работнику.

На вопросы суда св[идетель] ГУНЯ:

На партсобрании я говорил, что видел, как в кабинет Редера заводили арестованных, и потом оттуда слышались крики. Лично свидетелем избития Редером арестованных я не был.

На вопросы суда св[идетель] ТАТАРЧУК:

Я выступал на партсобрании и сказал, что по части Редера может подробно рассказать работавший с ним Гуня. Последний, однако, не откликнулся на мои слова и уклонился от рассказа о том, что происходит в 4-м отделе. Этот его поступок я объясняю малодушием.

На вопросы суда [свидетель] ТЕРНИВСКИЙ:

Состав суда по делу Эпельбаума, Уринцева и др. я не помню. А гособвинителем тогда выступал Другобицкий.

Левина в тот момент являлась моей женой. О том, что она была в составе суда по делу, я не знал.

В 23.50 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 00.20 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ДУДНИК Пётр Павлович, 1911 г. рожд[ения], член ВКП(б), в органах НКВД работает с марта 1938 г., зам[еститель] нач[альника] след[части] УНКГБ, сержант госбезопасности, несудимый, по делу показал:

Я работал в 4-м отделе УНКВД по Винницкой обл[асти], и там в 1938 г. практиковались групповые допросы нескольких арестованных двумя следователями.

Протоколы допроса писались в черновике и сдавались на проверку старшим работникам или начальникам отделений и отделов. Они вносили изменения, после чего протоколы перепечатывались и лишь потом давались арестованным на подпись.

Несознавшихся арестованных заставляли стоять и считать до 1000, сажали их на край стула.

На вопросы суда св[идетель] ДУДНИК:

Я лично побоев арестованным не наносил, а делали ли это другие, не знаю.

На очной ставке между Заком и Вдовиным Редер в моём присутствии дал пощечину Вдовину. Последний обвинялся как участник повстанческой организации, а Зак был арестован по показаниям Козиса.

По чьим показаниям были арестованы Вдовин и Исерзон, не знаю. (Оглаш[ается] л. д. 273, т. 4 – объяснения Дудника).

Да, правильно, на Вдовина были показания Козиса.

Вдовина, кроме очной ставки, больше при мне не допрашивали. Гуня при этой очной ставке не присутствовал.

На оперативном совещании в апреле 1938 г. Надеждин дал указание, что по опыту Ленинграда нужно проводить одновременный допрос сразу нескольких арестованных, если они не проходят по одному делу.

Эти допросы сводились к следующему: комната, в ней 1 стул, у стены стоят человек 5 арестованных, а 2-е следователей ходят перед ними и всё кричат: «Давай показания». Мне также поручали участвовать в таких допросах, но приходилось работать посменно, потому что не накричишься так и столько, что один не выдерживал.

Если арестованный на групповом допросе соглашался давать показания о своей к-р деятельности, у него брали расписку в том, что он признаёт себя виновным и будет давать показания, после чего отпускали отдохнуть, а остальные продолжали стоять.

Арестованного Исерзона знаю. Его допрашивали почти все работники, в том числе и я, но я не избивал его.

(Оглаш[ается] л. д. 148, т. 3 – показ[ания] Исерзона).

Это неправда, его не избивали.

Бумажка, которую я зачитывал Исерзону, – это заявление его соседа относительно вывезенных вещей из квартиры Исерзона.

(Оглаш[ается] л. д. 148, т. 3 – показ[ания] Исерзона).

Такого документа не было, и я его зачитывать не мог.

О вскрытии к-р повстанческой организации среди бывших красных партизан нас ориентировал ШИРИН и тогда же дал установку, что мы должны требовать от наших арестованных выдачу оружия. На допросе арестованные из числа бывших красных партизан отрицали предъявленное им обвинение и говорили, что являются честными борцами за советскую власть, указывали, с кем работали и кто может подтвердить об их непричастности к организации, но мы согласно имевшимся тогда указаниям это в протокол не записывали. Начальником отдела в то время являлся Надеждин, его заместителем – ШИРИН, а начальником отделения был Данилейко.

По поручению ШИРИНА я однажды дал арестованному Каминскому на подпись отпечатанный протокол его допроса. Прочитав его, Каминский сказал, что всё правильно, и подписал.

Арестованного Лесника не помню.

Была ли очная ставка между Заком и Исерзоном, не помню.

До суда Зак был вызван мною не для обработки, а по той причине, что по заданию Киева нужно было выяснить у него об одном лице.

(Оглаш[ается] л. д. 149, т. 3 – показ[ания] Исерзона).

Такой случай у Другобицкого был, но с Исерзоном ли, не помню. Происходило это на допросе, но за сколько дней до суда, не знаю. Председательствовала в суде по этому делу Левина, а прокурором был Другобицкий.

ШИРИН и Редер часто закрывались вместе один у другого, и иногда оттуда слышались крики Редера.

Зак отпечатанный протокол своего допроса подписал. Другобицкому по этому поводу ничего не заявлял, а на суде от показаний отказался.

(Оглаш[ается] л. д. 173, т. 3 — показ[ания] Зака).

Такого случая не помню и не слышал, чтобы Зак заявил отказ Другобицкому от показаний, но знал, что Другобицкий арестованных по этому делу вызывал и говорил с ними.

Делал ли Зак какие-либо замечания на протоколе допроса при его подписании, не помню.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ДУДНИК:

На совещаниях у КОРАБЛЁВА я был 2 раза. На одном из них, кажется, в апреле 1938 г. присутствовали только вновь принятые работники, и КОРАБЛЁВ предупредил нас не бить арестованных.

На вопросы суда св[идетель] ДУДНИК:

После этого предупреждения я слышал, что арестованных всё же били. Если бы это было сейчас, я бы доложил КОРАБЛЁВУ, а тогда не знаю, почему об этом не заявил.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ пояснил:

В то время у нас были массовые аресты, в отдельных случаях приходилось давать санкции на применение физических методов, и чтобы это не подействовало на молодых работников, я и предупреждал их ни в коем случае не бить арестованных.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Избиения арестованных я не допускал. Как показывают здесь свидетели, физическое воздействие применялось отдельными работниками без моего ведома, и об этих случаях я не знал.

Не знал я и об умерших арестованных в тюрьме, так как, кроме случая с Павлюком, мне об этом не докладывали.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

29.[0]8.[19]40 г., когда я находился в больнице Лукьяновской тюрьмы, там лежал также быв[ший] подследственный Винницкого УНКВД Исерзон, и он мне рассказал, что его в Виннице избивали Дудник и Майструк. О себе Исерзон говорил, что он не виновен.

Свид[етель] СКОРОХОД Онисим Иосифович, 1904 г. рождения, член ВКП(б) с 1929 г., начальник 3[-го] отдела⁴⁴ УНКГБ, мл[адший] лейтенант госбезопасности, несудимый, на вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА:

В Жмеринке ЗАПУТРЯЕВ работал примерно месяц в оперследгруппе. Были ли в ОДТО ст[анции] Жмеринка наши арестованные, не знаю, но мне известно, что ЗАПУТРЯЕВ периодически ходил туда и там допрашивал арестованных.

Такого случая, чтобы ЗАПУТРЯЕВ вызывал на допрос сразу по 10–12 арестованных, не знаю.

После ЗАПУТРЯЕВА начальником опергруппы остался Грановский.

На вопросы суда св[идетель] СКОРОХОД:

⁴⁴ У документі помилково — отделения.

Жмеринская оперследгруппа имела некоторое отношение к ДТО. По этому вопросу, как мне передавали, туда приезжал КОРАБЛЁВ и заявил, что по распоряжению Успенского оперследгруппа контролирует работу ДТО. И ведь не даром опергруппа, сообщая в область сведения о числе сознавшихся арестованных, включала в них данные и по ДТО.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Да, такие сведения оперследгруппа давала, но только в этом и заключался её контакт с ДТО.

На вопросы суда св[идетель] СКОРОХОД:

Это значит, что ЗАПУТРЯЕВ знал об арестах, проведённых ДТО.

Говорили, что однажды ДТО днём арестовало прямо с работы сразу 12 рабочих. Не знать об этом факте ЗАПУТРЯЕВ не мог.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Когда я работал в Жмеринской оперследгруппе, мне не было известно, где, кто, как и за что арестовывался по линии ДТО.

По ходатайству св[идетеля] ТЕРНИВСКОГО последний с согласия подсудимых от дальнейшего присутствия в зале суд[ебного] заседания освобождён.

В 1.40 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

30.[0]4 в 11.30 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что по сообщению, переданному по ВЧ⁴⁵ из Ворошиловграда, свидетели Майструк и Пришивцын придут в Винницу в ночь на 1-е мая.

Относительно свидетелей Мартынюка и Шаламова в ответ на повторный их вызов поступили телеграммы от нач[альников] УНКГБ с места работы о том, что в связи с выполняемыми ими оперативными заданиями они прибыть в Винницу не смогут.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В соответствии с ранее вынесенным определением о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей, за исключением Майструка и Пришивцына, дело слушанием продолжать.

В связи с тем, что св[идетели] Майструк и Пришивцын придут лишь 1.[0]5, по заслушании объяснений по делу подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА объявить перерыв до прибытия этих свидетелей по окончании допроса явившихся свидетелей и обвиняемых.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ по делу показал:

Начну с дела бессарабцев. Проходящие по этому делу Райзман и Миронов были арестованы до моего приезда в Винницу. Арест остальных обвиняемых по делу также произведён не мною, а Шабуниним и Токаревым, и это свидетельствует о том, что делом руководил не я, а Токарев.

8 июня 1938 г. Токарев арестовал Губерского, и того же числа последний дал показания об организации. На основании этого был арестован Круликовский, и Токарев предложил мне допросить его. Ко мне

⁴⁵ ВЧ – рос.: высокочастотная связь.

Круликовский попал уже с собственноручными показаниями о признании, и в тот же день, 9 июня, я запротоколировал его показания, однако, в меньшем объеме, чем это было собственноручно изложено им. Подробный протокол допроса Круликовского был составлен позже. Свои показания, данные мне, Круликовский подтвердил потом и начальнику отделения.

Райзман была арестована 4 апреля⁴⁶ Токаревым, и в постановлении военного прокурора указано, что на неё был составлен меморандум. Допрос её производил Беркута. Допрашивалась она им и 28 июня, и в протоколе записано, что допрос прерван, а 29 июня она уже поступает в тюрьму. Я в этот период участия в её допросе не принимал. Шабунин показал здесь, что я посылая его для допроса Райзман в больнице сразу после покушения её на самоубийство. Составленный им протокол не имеет даты, а подпись Райзман ничем не отличается от подписи, которую она учиняла, будучи в нормальном состоянии. Как же это могло произойти, если по акту больницы в этот день она была в таком состоянии, что даже не могла повернуться в постели. Таким образом, показания Шабунина о допросе им Райзман сразу же после снятия с петли являются ложью.

Впервые я увидел Райзман и стал её допрашивать 8 июля, имея на руках показания Губерского, Круликовского и др., которые я ей и предъявил на допросе. Через день дал ей очную ставку с Круликовским, а затем Беркута провёл очную ставку с другими арестованными, и все её изобличали. Сомнений в состоятельности дела у меня никаких не было, тем более, что допросы производили разные следователи.

Я категорически заявляю, что в 18-й комнате никогда не работал, а Агеев говорит, что из этой комнаты от меня вынесли на руках избитую Райзман.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

В Жмеринке я работал с 17 апреля по 5 мая, но оттуда часто приезжал в Винницу и потому мог 28 апреля подписать постановление о мере пресечения Райзман.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ продолжает объяснение:

Миронов – перебежчик, поддерживал связь с Румынией, и имелись сведения, что он стремился уйти за границу. После ареста его допросил Максименко, и он дал показания о шпионаже. Эти же показания он подтвердил потом и Беркуте. Я лично никакого участия в этом деле не принимал. Почему в деле оказалось постановление, подписанное мной и датированное февралём, я думаю, но категорически этого не утверждаю, что здесь не моя подпись. С этим постановлением учинён подлог, и сделать это мог Максименко, который также не работал в Виннице в феврале мес[яце], но постановление подписал. Я лично делом Миронова не руководил и его не фальсифицировал. 90–95 % допросов по этому делу произвёл Шабунин, а я только допросил одного человека.

⁴⁶ У справі зазначені різні дати арешту А. Райзман: 4 квітня, 15 квітня, 14 червня 1938 р.

Мне инкриминируется фальсификация дела чехов. Это обвинение я категорически отрицаю. На предварительном следствии следователь мне внушил, что дело чехов было взято из Казатинской опергруппы в Винницу в связи с чехословацкими событиями, и я так писал. Но, как оказывается, это дело с прямыми показаниями, полученными ещё в Казатине, поступило в Винницу в июле мес[яце], т. е. задолго до этих событий, и о нём в Киев была направлена докладная записка, в которой указывалось, что обвиняемые связаны с чешской разведкой. Спустя некоторое время из Киева позвонил Троицкий, сообщил, что, по их данным, Чермак является резидентом немецкой разведки, и предложил передопросить обвиняемых по немецкому шпионажу. Затем по этому же поводу позвонил Ривлин. Об этом я доложил КОРАБЛЁВУ. Тот сказал, что я не умею работать, сам вызвал Вашировского, и последний показал, что Чермак действительно работал на Германию. После этого КОРАБЛЁВ предложил передопросить всех обвиняемых, и они подтвердили свою шпионскую деятельность в пользу Германии. Никаких сомнений в состоятельности этого дела не было, тем более, что по директиве Центра подлежали аресту все, кто хотя бы раз посетил консульство, а на 7 или 8 обвиняемых по этому делу имелись дела-формуляры, где указывалось, когда каждый из них посещал консульство.

С рассмотрения тройки это дело не снималось, так как показания о немецком шпионаже обвиняемых были получены от них ещё до начала работы тройки. Предположение, что переквалификация обвинения связана с чехословацкими событиями, также не имеет под собой почвы.

По этому делу я допросил только 3-х человек, а остальные обвиняемые допрашивались другими следователями. Никакой фальсификации с моей стороны в этом деле нет, обвинительное заключение точно соответствует материалам дела, и моя вина только в том, что недосмотрел за работой Водкина, который, оформляя дело, изыал старые протоколы, где обвиняемые признавали себя чешскими шпионами, и проставил старые даты на 4-х постановлениях о предъявлении обвинения. Но и этот подлог Водкина сущности дела не изменил. Ведь и свидетель Сойфер показал, что убеждён в том, что обвиняемые — шпионы.

В 12.55 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 13.05 суд[ебное] заседание продолжается.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ продолжает объяснения:

Об этих действиях Водкина по чешскому делу я не знал, не досмотрел. Эта моя вина объясняется тем, что я большой человек, у меня постоянно головные боли, частые обмороки, провалы памяти и, возможно, не допуская мысли, что работник из Киева может учинить подлог, я просто небрежно отнёсся к делу.

О деле Мильштейна. Литвак заявил, что я распорядился не давать Мильштейну очной ставки с лицами, на коих он ссылался, и сделал это якобы с той целью, чтобы успеть пропустить дело по тройке, так как в тот момент она якобы заканчивала работу. Это неправда, дело было

закончено до того, как тройка начала работать, и какой мне был смысл осудить одного Мильштейна, а двух других оставить на свободе.

О работе в Жмеринке. По приезду КОРАБЛЁВА в Жмеринку ему там были представлены имевшиеся материалы, и в последующем аресты производились по его отметкам на этих материалах.

К арестам по линии ДТО Жмеринская опергруппа отношения не имела, за исключением лишь того, что включала их сведения в общую сводку для Винницы.

Ни одного оперсовещания в ДТО я не проводил, работу там не контролировал и даже в глаза не видел их арестованных.

Ни к одному арестованному физического воздействия я не применял, никаких искривлений не допускал и показания Клятышева против меня категорически отрицаю.

Аресты опергруппа проводила с санкции УНКВД и Облпрокуратуры, и с точки зрения того времени, когда имелись директивы с перечислением категорий лиц, подлежащих аресту, незаконных, необоснованных арестов не было.

Никакой фальсификации с моей стороны по делу Калины не было. При допросе Калины я сначала сделал заметки, а потом по ним составил протокол допроса, который и был дан обвиняемому на согласование. Никаких измышлений от себя в протокол не вписывал, да и к чему было мне это делать, если я сам настаивал на экспертизе по делу.

Нет ни одного факта, чтобы я допрашивал осуждённых по делам других арестованных. Был только такой случай. На следующий день после осуждения тройкой Радзиковского поступили материалы о том, что он оговорил ряд работников. Об этом доложил КОРАБЛЁВУ, и тот распорядился допросить Радзиковского. Я это сделал, однако и сейчас считаю, что поступил правильно, и никакого преступления здесь нет.

До Винницы я работал оперуполномоченным и с массовыми операциями впервые столкнулся только здесь в силу своего служебного положения. Мог ли я в тех условиях противостоять им. Конечно, нет.

Свид[етель] БЕРКУТА:

Меня крайне поражают объяснения ЗАПУТРЯЕВА по делу Круликовского и Райзман. Я долго думал об этом деле, старался вспомнить все его детали и вчера, после судебного заседания, мне удалось восстановить в памяти несколько иные обстоятельства, чем я показывал здесь на допросе меня Трибуналом. Райзман была арестована на основании директивы как перебежчица. Я несколько раз допрашивал её, но, кроме анкетных данных, ничего не записал, так как она всё отрицала. Потом я на один месяц уехал в отпуск на курорт. По возвращении меня в тот же день позвали к ЗАПУТРЯЕВУ, и тот, сказав, что Райзман находится в тяжёлом состоянии, предложил немедленно поехать, допросить её, мотивировав это тем, что она несколько раз допрашивалась мною, но протокола нет. Тогда же предложил, чтобы протокол допроса датировать задним числом.

Райзман оказалась в тюремной больнице и находилась в тяжёлом состоянии. Я в соответствии с указанием ЗАПУТРЯЕВА допросил её, составил протокол, датировал его предыдущим днём и больше туда не ездил.

Когда приступил к работе после отпуска, мне работники сказали, что имеется крупное дело на Круликовского и др. Этого дела до моего отъезда в отпуск в отделе не было. На Круликовского уже был протокол допроса, и по этому протоколу я потом допросил его. Райзман прошла по показаниям всех обвиняемых по этому делу. Руководил делом ЗАПУТРИЯЕВ.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Райзман я допрашивал в тюрьме после её попытки к самоубийству. Было это в день моего выхода на работу.

Протокол допроса датировал предыдущим днём согласно установке ЗАПУТРИЯЕВА, сказавшего, чтобы проставить дату 27–28 июня. До того на протяжении месяца Райзман я не допрашивал, так как находился на курорте.

Теперь я понимаю, что распоряжение о допросе Райзман ЗАПУТРИЯЕВ мне дал с той целью, чтобы показать, что перед попыткой к самоубийству Райзман её допрашивал я, а, поскольку протокол записан объективно, значит, не допрос является причиной покушения на самоубийство.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРИЯЕВ:

Показания Беркуты – явная клевета. Ведь не мог же я предусмотреть тогда, что через 3 года мне будет инкриминироваться дело Райзман, чтобы так обставить этот момент. Райзман допрашивали Беркута и Шабунин, они её избили, а теперь изворачиваются. В связи с этим я прошу взять справку из тюрьмы, кто и когда вызывал Райзман на допрос и время возвращение её с допроса.

ВГ ОПРЕДЕЛИЛ:

1. В связи с показаниями подсудимого ЗАПУТРИЯЕВА и св[идетеля] БЕРКУТА затребовать из тюрьмы справку о датах вызова на допрос быв[шей] подследственной Райзман за период июнь мес[яц] до момента поступления её в тюрьму в тяжёлом состоянии и попытки к самоубийству.

Кроме того, по тем же мотивам истребовать из УНКВД справку о времени пребывания св[идетеля] Беркута в отпуске в 1938 г.

2. В связи с тем, что свидетели МАЙСТРУК и ПРИШИВЦЫН в суд[ебное] заседание не прибыли и ожидаются лишь 1 мая, отложить продолжение суд[ебного] процесса до 4.[0]5.[19]41 г., обязав этих свидетелей через начальника УНКВД явкой в суд[ебное] заседание к указанному времени.

В 14.05 объявлен перерыв суд[ебного] заседания до 4.[0]5.[19]41 г.

4.[0]5.[19]41 г. в 11.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что в судебное заседание прибыли свид[етели] МАЙСТРУК и ЛЕВИНЗОН.

Св[идетель] ПРИШИВЦЫН, прибытие которого ожидалось 1-го мая, не прибыл.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности вновь прибывших свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели были удалены в свидетельскую комнату.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Ввиду того, что на предварительном следствии я не был ознакомлен с архивными следственными делами, которые сейчас инкриминируются

мне по обвинительному заключению, прошу дать мне возможность ознакомиться с ними в суд[ебном] заседании.

Кроме того, прошу огласить имеющиеся в деле показания Фёдорова⁴⁷, истребовать из РКМ⁴⁸ по Винницкой обл[асти] справку о привлечении к ответственности работников милиции Павлюка, Тендерука и Грицюка за искривление ими соц[иалистической] законности, а также приобщить к делу копию моего представления в Наркомат о привлечении к уголовной ответственности за аналогичные преступления быв[ших] нач[альников] РО НКВД Злобина и Шакалова.

Во время проведения предварительно следствия я из Киева писал ряд заявлений в ЦК, Верховный Совет и НКВД СССР о том, что следствие по моему делу ведётся тенденциозно. В связи с этим я просил Военный трибунал допустить по делу защиту, но в этом мне было отказано. Проходящие по моему делу свидетели продолжают клеветать на меня и здесь, в судебном заседании, так, например:

Бутенко показал, что оперативные листы на аресты были введены мною, а, между тем, практика арестов по оперлистам существовала ещё до меня.

Относительно смерти арестованного Павлюка Данилейко заявил, что якобы пришёл ко мне и требовал расследования по этому поводу. В действительности никакого расследования он не требовал, а когда я на оперативном совещании спросил у Данилейко, не применял ли он физического воздействия к Павлюку, Данилейко ответил отрицательно. Ложны его показания и о том, что я на заседаниях тройки, вынося решение о расстреле, предлагал, вместе с тем, доработать дело. Это утверждение Данилейко отверг здесь и прокурор Тернивский.

Глушенко заявил, что арестованные Козис и Упырь после осуждения их Военной коллегией были оставлены для работы с ними по делам других арестованных. Хорошо, что свид[етель] Перепеляк удостоверил факт приведения в исполнение приговора над этими осуждёнными сразу же после вынесения его.

Я прошу, чтобы меня судили за то, в чем я действительно виноват, и оградили бы от клеветы свидетелей.

В 11.15 для обсуждения ходатайства подсуд[имого] КОРАБЛЁВА суд удалился в совещательную комнату.

В 11.30 суд вышел из совещательной комнаты, и пред[седательствующий] огласил определение:

Военный трибунал, обсудив ходатайство подс[удимого] КОРАБЛЁВА о предоставлении ему возможности ознакомиться с инкриминируемыми ему по обвинительному заключению делами («бундовцев», «сахарников», «бессарабцев», «чехов», «Молодой генерации»), об истребовании и приобщении к делу документов о привлечении к ответственности за нарушение соц. законности работников РКМ и РО НКВД и проч.,

⁴⁷ Йдеться про колишнього начальника Немирівського райвідділення НКВС Я. Федорова. Не плутати з Федоровим — фігурантом слідчої справи заарештованого Г. Калини.

⁴⁸ РКМ — рос: Рабоче-крестьянская милиция.

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Предоставить подсудимому возможность в перерывах суд[ебного] заседания ознакомиться с имеющимися в распоряжении трибунала делами из числа инкриминируемых подс[удимому] КОРАБЛЁВУ по обвинительному заключению. При наличии в УНКВД остальных дел истребовать таковые для той же цели.

2. Удовлетворить также ходатайство об истребовании справки о привлечении к уголовной ответственности ПАВЛЮКА, ТЕНДЕРУКА и ГРИЦЮКА, а также копии представления Наркомату по вопросу привлечения к уголовной ответственности за нарушение соц. законности ЗЛОБИНА и ШАКАЛОВА.

3. Показания свидетеля ФЁДОРОВА огласить после допроса явившихся свидетелей.

4. Заявление о клеветнических показаниях свидетелей БУТЕНКО, ДАНИЛЕЙКО и ГЛУЩЕНКО занести в протокол суд[ебного] заседания.

Пред[седательствующий] (подс[удимому] ЗАПУТРЯЕВУ): В Военный трибунал поступил акт внутренней тюрьмы о Вашем нехорошем поведении в ночь на 1-е мая. Объясните причину этого поведения.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я прошу мои пояснения по этому акту заслушать в отсутствие остальных подсудимых и свидетелей.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая ходатайство подсудимого ЗАПУТРЯЕВА, его пояснения по акту заслушать в отсутствие подсудимых и свидетелей.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

(даёт пояснения в отсутствие подсудимых и свидетелей):

Под арестом я уже нахожусь 15 мес[яцев], в процессе предварительного следствия следователь Кобяков терроризировал меня и иначе как врагом не называл, заявляя, что на меня имеются показания Успенского и Яралянца⁴⁹ о моей якобы принадлежности к антисоветскому заговору в органах. В мае или июне Кобяков требовал, чтобы я написал показания на КОРАБЛЁВА, ТЕРНИВСКОГО и секретаря Винницкого обкома КП(б) У МИЩЕНКО как о врагах.

Я 15 мес[яцев] ждал суда, будучи уверенным, что здесь установят правду, и мне не предъявят столь тяжкого обвинения.

Слушая здесь, в суд[ебном] заседании, как свидетели, чувствующие, как у них под ногами горит земля, валят всё на меня, мне показалось, что ничем не смогу опровергнуть их клеветы. Особенно на меня подействовала явная клевета свид[етеля] Беркуты в его показаниях, данных 30 апреля с. г.

30 апреля – это день рождения моей дочери. Под впечатлением воспоминаний и своего настоящего положения я (и сам не знаю, как это получилось) сделал петлю, потом одумался и своего намерения в исполнение не привёл.

---

⁴⁹ У документі помилково – Яролянца.

Это проявление моей слабости ни в коей мере не вызвано желанием уйти от правосудия, я не такой человек, как обо мне у вас, возможно, создалось впечатление.

В процессе предварительного следствия я неоднократно писал заявления и в Верховный Совет, и в Прокуратуру, просил вызвать меня для объяснений. Из Военной прокуратуры пришел Дворенко, но первыми словами его были: «Что вы антисоветскими делами занимаетесь?». Мне не верили там, мне кажется, что не верят и здесь, и это также послужило причиной к возникновению у меня мысли покончить с собой.

После дачи подсудимым этого пояснения в зал судебного заседания введены остальные подсудимые и приглашены свидетели.

Св[идетель] ЛЕВИНЗОН Арон Ефимович, 1911 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., зам[еститель] нач[альника] след[ственной] части УНКВД по Сумской области, а органах НКВД работает с 1934 г., сержант госбезопасности, не судился, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

В 1938 г. я работал в 3-м отделе УНКВД по Винницкой обл[асти], когда заместителем начальника отдела был ЗАПУТРЯЕВ. У нас имелось дело на чехов, арестованных в Казатинском районе, которые после ареста дали показания, что они завербованы чешской разведкой. Это дело в период чехословацких событий докладывалось на тройке. Но в связи с тем, что в тот момент у нас с Чехословакией были дружеские отношения, с рассмотрения тройки его сняли, и потом под непосредственным руководством ЗАПУТРЯЕВА и Водкина обвиняемые по этому делу были передопрошены по немецкому шпионажу и при вторичном рассмотрении все они тройкой были осуждены.

Операции по полякам проводил 3-й отдел, и эти дела направлялись в Москву на альбомы. Потом поступило сообщение, что на внесудебное рассмотрение будут направляться дела только по шпионажу. В связи с этим отдельные обвиняемые из арестованных по польской операции вызывались, и от них дополнительно брался коротенький протокол, что они завербованы агентами иноразведки.

У меня было дело на арестованную Ролинскую. Последняя являлась дочерью кулака и по материалам дела проходила как антисоветски настроенный человек. Это дело было послано на Особое совещание, но его оттуда возвратили, а спустя один месяц от неё уже были другим следователем добыты показания, что она завербована польским агентом.

Однажды меня вызвал ЗАПУТРЯЕВ и дал дело на некого Зелинского. Зелинский в 1927 году работал комендантом советского посольства в Токио, и в деле имелись данные о каких-то его связях с обслуживающим посольство персоналом. Передавая мне дело, ЗАПУТРЯЕВ сказал, что Зелинский уже осуждён к ВМН, но так как материалы слабенькие, дело нужно доработать, допросить Зелинского о японском шпионаже. Я долго сидел с Зелинским, но он ничего нового не дал. В связи с чем даже не был составлен протокол.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Точно помню и утверждаю, что при передаче мне дела Зелинского ЗАПУТРЯЕВ сказал, что Зелинский уже приговорён к расстрелу, но что в связи с слабыми материалами дело нужно доработать.

По имевшимся в деле материалам Зелинский расстрелян не заслуживал.
На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Вначале на альбомы шли дела не только по шпионажу, но и по к-р организациям, а затем, по-моему, было получено указание, что во внесудебном порядке будут рассматриваться дела только по шпионажу. В связи с этим указанием и стали перекрашивать в шпионов арестованных, обвинявшихся в принадлежности к к-р организациям. Начальником отдела в то время был Токарев, но главную роль по отбору дел, которые могли пройти по шпионажу, играл ЗАПУТРЯЕВ.

Подсуд[имый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

У нас было много дел, обвиняемые по которым признали себя участниками ПОВ, но в деле совершенно не отражалась деятельность этого обвиняемого как участника к-р организации. В то же время у нас имелись данные, что ПОВ тесно связана с польской разведкой, почему и стали требовать, чтобы у обвиняемых выяснялось, какой характер носила их организация и имела ли она связь с разведкой. Вот в такой плоскости и проводился допрос, а вовсе не так, как говорит Левинзон. И эти допросы я считаю вполне правильными.

Разве не может быть, что вначале обвиняемый даёт одни показания, а затем в процессе дальнейшего следствия — другие. Почему же Левинзон считает арестованную Ролинскую исключением и её дело ставит мне в вину.

Относительно Зелинского Левинзон говорит явную неправду. После вынесения тройкой о нём решения он ни разу не допрашивался, и чтобы убедиться в этом, я прошу вас просмотреть его дело.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Приблизительно в апреле или мае 1938 г. у нас было оперативное совещание, и на нём нам сказали: «Теперь во внесудебном порядке будут рассматриваться дела только по шпионажу. Поэтому из имеющихся у нас дел необходимо отобрать перспективные в этом отношении дела и обвиняемых по ним допросить по шпионажу».

Свои показания относительно Зелинского я подтверждаю.

Имелось у нас дело на Полищук и Тарубара. Это муж и жена. Она в 1927 г. была переброшена в СССР польской разведкой и для шпионской деятельности завербовала своего мужа. Всё это Полищук на следствии признала и показала, что в конце 1938 г. к ней должен прийти на связь агент польской разведки. С целью задержания этого агента я предлагал воздержаться от передачи дела Полищук на тройку, но ЗАПУТРЯЕВ со мной не согласился, дело было рассмотрено и Полищук с мужем осуждены. Таким образом, возможность задержания польского агента была потеряна.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Такого случая я не помню.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

С рассмотрения тройки дело чехов было снято в 1938 г., и я лично знаю, что доработка этого дела была поручена Водкину.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

На предварительном следствии Левинзон говорил, что о передопросе чехов по германскому шпионажу ему известно со слов Перепеляка, а здесь указывает, что лично знал об этом.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Я никогда не говорил, что о передопросе чехов по германскому шпионажу знаю якобы со слов Перепеляка. Об этом факте я знал лично. А относительно Перепеляка сказал, что и он может подтвердить это.

(Оглаш[аются] л. д. 189, 205 и 206, т. 4 – показ[ания] Левинзона).

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Я лично не присутствовал на заседании тройки, когда там в первый раз докладывалось и было снято дело чехов, но об этом знал, так как работал в отделе, где проводилась подготовка дел к тройке.

О том, что дело чехов было снято с рассмотрения в связи с чехословацкими событиями – это мой личный вывод.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Свид[етель] Левинзон здесь заявил, что дела по линии ПОВ рассматривались во внесудебном порядке только лишь первое время. Это не соответствует действительности, так как ПОВские дела шли на альбомы всё время.

Говорил Левинзон также и о дополнительном передопросе участников ПОВ. Это также не соответствует действительности, так как всегда обвиняемому по делу ПОВ обязательно ставился вопрос о причастности к шпионажу.

Ещё 27 или 28 июня 1938 г. арестованный по делу чехов Вашировский дал показания о том, что является шпионом в пользу германской разведки. Если дело чехов и снималось с рассмотрения тройки, то только потому, что не все обвиняемые по этому делу были допрошены в разрезе немецкого шпионажа, и снятие дела с тройки отнюдь не связано с чехословацкими событиями.

На вопросы суда св[идетель] ЯЦУНСКИЙ:

Левинзон возглавлял группу, которая занималась подготовкой и оформлением дел на тройку. Поэтому он и знает о факте снятия с рассмотрения тройки дела на чехов.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Да, в тот период я работал в группе, которая занималась технической подготовкой дел на тройку.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Альбомные дела, посланные в Москву в мае мес[яце], оттуда были возвращены для доследования, и потому нет ничего удивительного в том, что по ним производились дополнительные допросы.

На последней тройке рассматривались дела как по шпионажу, так и по организации ПОВ. Поэтому не было никакой необходимости перекрашивать ПОВцев в шпионов.

Судя по показаниям свидетелей, дело чехов было-таки снято с рассмотрения тройки, но это снятие ни в коей мере не связано с чехословацкими событиями, а объясняется, по-видимому, тем, что материалы следствия не соответствовали обвинительному заключению. Это обвинительное

заключение составлял Мартынюк, и он написал, что обвиняемые являются чешскими шпионами, тогда как в деле уже имелись показания о германском шпионаже.

Мне допрошенные мною по этому делу обвиняемые дали показания о своей принадлежности к германскому шпионажу и о принадлежности к чешскому шпионажу я их никогда не допрашивал.

Указаний Водкину датировать протоколы допросов чехов задним числом я никогда не давал. Показания в этой части не соответствуют действительности, в связи с чем я неоднократно просил дать мне по этому поводу очную ставку с Водкиным. Да, и какой смысл было мне давать такое указание, если показания Вашировского о германском шпионаже были получены мною ещё в июне мес[яце].

(Оглаш[аются] л. д. 162 об., т. 3 – дело Водкина и по ходатайству подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА – л. д. 96, т. 7 – справка 3[-го] отдела НКВД УССР).

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я прошу найти копию нашей записки в Наркомат, на основании которой Успенский посылал своё донесение в Москву о чешском деле. По этой записке можно будет точно установить, когда именно у нас были данные о шпионаже чехов в пользу Германии.

По ходатайству подс[удимого] КОРАБЛЁВА оглаш[ается] л. д. 266 об., т. 4 – показ[ания] Мартынюка.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Вот и из этих показаний Мартынюка явствует, что уже тогда у нас имелись показания обвиняемых по делу о причастности их к немецкому шпионажу.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

в связи с показаниями подс[удимого] КОРАБЛЁВА истребовать из УНКГБ копию донесения в Наркомат о вскрытии чешской организации.

В 13.00 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 13.20 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что поступили затребованные по определению ВТ справка о времени вызова на допрос быв[шей] подсудимой Райзман и справка относительно отпуска в 1938 г. Беркута.

Пред[седательствующий] огласил представленные справки.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

До 8-го июля Райзман я не вызывал и не допрашивал.

В записях тюрьмы может не быть моей фамилии как вызывавшего Райзман на допрос, так как она за мной не числилась и потому вызывалась не от моего имени, а от имени следователя, который вёл дело.

В 12-й комнате сидел Шабунин.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

Точно помню, что на второй день после попытки Райзман к самоубийству ЗАПУТРЯЕВ послал меня допросить её, мотивируя это тем, что я мало записал протоколов её допроса, а Райзман «может ещё умереть».

(Свидетелю предъявлен протокол допроса Райзман без даты).

Этот протокол записан мною, дату в условиях тюремной больницы забыл проставить.

Райзман не являлась моей подследственной, потому ставил ей вопросы лишь в той плоскости, как предложил мне ЗАПУТРЯЕВ, ибо в противном случае он вторично бы послал меня для нового допроса. При мне в тот момент дела Райзман не было, возможно, я взял с собой лишь отдельные показания на неё.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

В 1938 г. я отдыхал в Хараксе и прибыл туда числа 28 мая, о чём можно убедиться по прописке на паспорте.

Свид[етель] предъявляет председательствующему паспорт.

ВТ удостоверил, что на паспорте свид[етеля] Беркута имеется отметка о приписке его в Хараксе, датированная 2-м июня 1938 г.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

В момент допроса мною Райзман она лежала на койке и находилась в тяжёлом состоянии. Покончить жизнь самоубийством она пыталась в ночь перед этим допросом, и на шее у неё была заметна ещё синяя борозда.

Шабунина в больнице я не видел, ездил ли он допрашивать Райзман в тюрьму после попытки её самоубийства, не знаю, и он об этом мне не говорил.

Свид[етель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

В 1938 г. я по болезни получил отпуск и также был в Хараксе. Приехал туда 7 июня и по приезде застал там Беркуту. Из Харакса Беркута выехал на 5–6 дней раньше меня. Когда выехал, я не помню.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я не давал Беркуте задания поехать в больницу для допроса Райзман.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Когда я вернулся из отпуска, меня вызвал Шабунин. Сообщил, что Райзман пыталась повеситься, и направил к ЗАПУТРЯЕВУ. Тот предложил мне поехать допросить её, добавив при этом, что могут быть неприятности, так как она может умереть, а у меня нет протокола её допроса.

На вопросы суда св[идетель] ШАБУНИН:

ЗАПУТРЯЕВ заявил, что не имел отношения к Райзман, а в действительности ни одно дело, в том числе и дело Райзман, без него не проходило. Я же лично по поручению ЗАПУТРЯЕВА вызывал её к нему на допрос, не указывая в вызове ни его, ни своей фамилии. Мог вызывать её для него и в комнату № 12 накануне попытки Райзман к самоубийству. Обстановка этого допроса ЗАПУТРЯЕВЫМ Райзман мне неизвестна.

Я не верю, чтобы Агеев или Колесников могли бить Райзман. В тюрьме я спросил у неё, почему она пыталась покончить собой. Она ответила: «Не хочу жить». Больше по этому поводу я её не расспрашивал.

Мне не приходилось видеть, чтобы ЗАПУТРЯЕВ применял физическое воздействие к арестованным.

На вопросы суда св[идетель] БЕРКУТА:

Со слов быв[шего] работника Колесникова мне известно, что Райзман избивали, как будто, ЗАПУТРЯЕВ и ТОКАРЕВ. Избитую её внесли в его комнату, и там она находилась весь день, на протяжении которого Колесникову⁵⁰ пришлось сидеть с ней.

На вопросы суда св[идетель] ЗАВАЛЬНЮК:

Даты не помню, но был случай, что Райзман находилась в дежурной комнате, и по данному мне распоряжению я написал записку о том, чтобы её поместили в больницу. Кем было дано мне это распоряжение, не помню.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] БЕРКУТА:

До сегодняшнего дня я не заявлял суду об избииении Райзман ЗАПУТРЯЕВЫМ и Токаревым по той причине, что об этом мне было известно не лично, а со слов Колесникова.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями св[идетеля] Беркуты о быв[шем] работнике УНКВД КОЛЕСНИКОВЕ, который, как значится по справке тюрьмы, вызывал Райзман на допрос накануне доставки её в больницу, вызвать и допросить КОЛЕСНИКОВА в качестве свидетеля.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

В то время у нас существовал порядок, по которому для вызова арестованных нужно было давать заявку за день вперёд.

Мне неоднократно ЗАПУТРЯЕВ предлагал вызвать к нему на допрос отдельных арестованных. В таких случаях я вызывал их от своего имени. Однажды по распоряжению ЗАПУТРЯЕВА была вызвана мною и Райзман, сидела у меня около часа, но ЗАПУТРЯЕВ куда-то ушёл, и потому, не дождавшись его, я отправил Райзман обратно.

ЗАПУТРЯЕВ здесь заявил, что не бил арестованных. Но я могу рассказать о факте, когда арестованный бывший врач Жмеринской больницы Острович Отто Оскарович жаловался мне на избиеение его ЗАПУТРЯЕВЫМ. Было это в конце июля или в начале августа [1938 г.].

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Об Островиче я ничего не могу сказать, так как такого дела не помню, но заявляю, что ни одного из арестованных я не бил.

На вопросы суда св[идетель] МАКСИМЕНКО:

В деле Миронова имеется постановление, выписанное мною датой, когда я в Виннице ещё не работал. Возможно, это произошло по той причине, что арестованный сидел долгое время неоформленный, как это часто случалось, и потому для оформления дела приходилось выписывать документы задними датами.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Подписание мною постановлений задним числом, возможно, объясняется тем, что работник, который составлял их в своё время, в тот момент отсутствовал.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ШАБУНИН:

10 и 28 июня Райзман мог допрашивать только ЗАПУТРЯЕВ, и отправляясь по его заданию в тюрьму, я видел у него маленький протокол

⁵⁰ У документі – Колеснику.

допроса Райзман, написанный его рукой. Этого протокола сейчас в деле почему-то нет.

В УНКВД я Райзман не допрашивал.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Максименко заявил, что 5 мая он вызывал Райзман по моему поручению, а в деле имеется документ, подтверждающий, что тогда в Виннице я отсутствовал.

Шабунин говорит, что видел короткий протокол допроса Райзман, написанный якобы мною, и его не оказалось. Но ведь дело то оформлял сам Шабунин, так пусть скажет, кто же изъял этот протокол.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ШАБУНИН:

Дело Райзман вели несколько следователей.

Протокол её допроса, составленный ЗАПУТРЯЕВЫМ, я видел, когда дело ещё не было подшито и, возможно, при оформлении мною дела этот протокол мне не дали, а я тогда не обратил на это внимание.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

Шабунин говорит, что делом бессарабцев руководил я. Но в действительности этого не было, и по делу я допросил только двух человек — Круликовского и Райзман, а остальных допрашивали сам Шабунин и другие следователи.

Свид[етель] МАЙСТРУК Владимир Фёдорович, 1903 г. рождения, член ВКП(б) с 1928 г., зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Ворошиловградской обл[асти], лейтенант госбезопасности, в органах НКВД работает с 1933 г., несудимый, личных счетов с подсудимым не имеет, по делу показал:

С прибытием КОРАБЛЁВА в Винницу там в УНКВД была создана атмосфера недоверия к сотрудникам. На должность пом[ощника] нач[альника] УНКВД КОРАБЛЁВ взял Бутенко, который ни в каком отношении этой должности не соответствовал, а зам[естителем] нач[альника] отдела кадров был назначен Степанюк, которого впоследствии исключили из партии в связи с раскрытием его антисоветских выступлений в прошлом. Партийная жизнь в коллективе была задавлена.

В отношении оперативной работы КОРАБЛЁВ требовал разворота, выискивания новых линий, и не умевшие сделать это подпадали под обух — несколько человек было арестовано.

Когда в Винницу приехал Успенский, работа УНКВД была оценена им неважно, и на совещании Успенский заявил: «Что у вас всё ПОВ и ПОВ, тогда как другие управления дают новые линии». Такое положение в Винницком УНКВД Успенский объяснил тем, что там не умеют работать с врагами, а работать с ними, как он заявил, нужно так, «чтобы рёбра трещали». Тут же обратился к ШИРИНУ и сказал: «Вы же работали в центральном аппарате, должны показать себя здесь».

И начался «разворот» работы. Не было ни одного случая, чтобы после получения директивы Наркомата о вскрытии новых группировок такие же группировки («партизаны», «сахарники», «бундовцы», «Молодая генерация» и проч.) не вскрывались в Виннице. «Вскрытие» этих группировок производилось не по конкретным материалам, а по указаниям

и сопровождалось искривлениями. Правда, основной удар наносился по врагу, но, вместе с тем, были допущены серьёзнейшие искривления и аресты невинных людей.

Когда ко мне попало для перепроверки дело Калины, в основном протоколе имелась масса противоречий. Я пригласил военного прокурора и в его присутствии стал уточнять все моменты. Калина настаивал на своих показаниях и, между прочим, заявил, что открыл микробы конской чумы. Экспертиза установила, что такой болезни вообще не существует, и в результате путём допроса остальных лиц и запросов на места было установлено, что всё это дело сфальсифицировано, и люди арестованы напрасно. Вина за это дело лежит на ЗАПУТРЯЕВЕ.

О деле «Бунда». Когда я познакомился с этим делом, уже было арестовано 4 человека – Шварц, Шпиро и др., которые дали признание, что являются руководителями областного бундовского подполья. Допрашивал их ШИРИН и протокол написал очень обширный. Так, например, в показаниях Шварца было названо около 30 участников организации.

В 20[-х] числах мая это дело Решетило оформил на Военную коллегия, и все 4 чел. были осуждены. Ещё до рассмотрения этого дела в Военной коллегии ШИРИН зашел ко мне и спросил, почему я не разворачиваю «бундовского» дела. При этом сказал: «Хотите за него сесть в тюрьму?». Я ответил, что необходимо сначала произвести проверку, однако спустя день-два ШИРИН потребовал выписать постановления на арест проходивших по показаниям Шварца лиц. Таким образом, было арестовано 13–14 чел., 9 из которых в прошлом примыкали к Бунду. На следствии все они дали признание, и дело было направлено в суд, хотя ШИРИН и настаивал на передаче его на тройку. Судом эти лица были осуждены, но затем приговор отменили, дело пересмотрели и обвиняемых освободили. Я лично виновен здесь в том, что не отстоял своё мнение о ненужности арестов по показаниям Шварца. Должен добавить, что после допросов арестованных «бундовцев» их показания были отпечатаны типографическим способом, сброшюрованы в художественно оформленную книжку и посланы в Киев.

О деле «сахарников». ШИРИН привёл ко мне арестованного по шифровке [из] Москвы Шкурина и сказал: «Возьмите его и размотайте». Через несколько минут зашел снова и, узнав, что Шкурин показаний не даёт, схватил его, помотал и заявил, что если тот не даст показаний, то снимет с него шкуру. Спустя полчаса Шкурин попросил бумагу и стал писать показания.

О «Молодой генерации». Когда о ней из Киева пришла ориентировка, ШИРИН собрал работников отдела и предложил пересмотреть все материалы, заявив, что не может быть, чтобы этой организации не было и у нас. «Вскрыло» «Новую генерацию» 2-е отделение, и по делу было арестовано человек 10. К ним применяли физическое воздействие, и заправилами там были ШИРИН и Редер. К этому же делу потом приплюсовали Юрьева. Его привёл ко мне ШИРИН и сказал: «Дайте ему бумагу⁵¹, и пусть пишет». Что до того Ширин делал с Юрьевым не знаю, но Юрьев сразу стал писать показания. Писал он их дня два. После чего я составил

⁵¹ У документі – бумага.

протокол. В итоге Юрьев был осуждён к ВМН, но впоследствии дело прекратили, и он, как и другие, проходившие по этому делу, был освобождён.

ШИРИН по своей натуре — карьерист и шкурник, страдал орденманней и всё время добивался наград. Он фактически являлся начальником отдела и все дела, о которых я здесь говорю, лежат на его совести.

Как ШИРИН допрашивал арестованных: лежит себе на диване, подле него фисташки, яблоки, конфеты. В углу сидит стенографистка, и ей с подобия записок он диктует показания арестованного, а того и в помине там не было.

Таким же образом составлялись им протоколы допроса арестованного Козиса, причём последний был избит до невозможности. Козис сам «раскрыл» 4 линии: «партизан», «генерацию» и др. Эти линии — результат жесточайшего избиения, и потому нет ничего удивительного, что Козис дал 4 организации, ибо при таких условиях от него можно было свободно получить 204 организации.

Таким же образом ШИРИНЫМ оформлялись протоколы допроса Сазонова и друг., и своему аппарату он дал установку писать протоколы в отсутствие арестованных.

Написанные следователями протоколы ШИРИН беспощадно корректировал. Мотивировал он это их политической неграмотностью, местечковым стилем и выражениями. В результате такой корректировки из протокола часть показаний выбрасывалась и вместо того дописывалось новое содержание.

Межрайонными оперследгруппами в УНКВД представлялись оперативные листы и списки. Здесь без всякой проверки приведённых в этих документах компрометирующих данных писались резолюции «Арестовать», и, когда КОРАБЛЁВ сдавал дела Управления, обнаружили около 100 дел, по которым не было видно оснований к аресту, и лишь потом в 4-м отделе нашли списки с резолюциями на них об аресте. Такая система неминуемо приводила к искривлениям, и впоследствии было установлено, что во многих случаях данные оперлистов не отвечали действительности.

Накануне 1-го мая из районов области привезли 100 арестованных. По установке не то Надеждина, не то ШИРИНА, а возможно, и КОРАБЛЁВА 2-м отделением, руководимым Данилейко, был сделан большой «поворот» этих арестованных: в комнату вызывали сразу несколько арестованных, к одному применяли физическое воздействие, остальные смотрели, и от них требовали показаний. Оговариваюсь, что об этом недопустимом методе допроса мне известно со слов других.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

На заседании парткомитета однажды стоял вопрос о наложении на меня взыскания за несвоевременное исполнение одного запроса. ШИРИН тогда выступил и в противовес всем требовал вынесения мне выговора. На моих взаимоотношениях с ШИРИНЫМ это его выступление не отразилось.

Делом «Бунда» даже при Надеждине заправлял ШИРИН. Надеждин сам поручил ему это.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Майструк больше чем клеветает, и его показания я отрицаю.

Успенский на совещании не говорил, что я должен показать себя здесь, а только сказал, что мне известно, как работали в центральном аппарате. Дело «Молодая генерация» было заведено не в 4-м отделе, а в 9-м.

Шварц был арестован на 5–6-й день после моего приезда в Винницу, так что к его аресту я не мог иметь отношения.

По второй группе «бундовцев» аресты были произведены без моего участия, и все постановления на это подписаны не мной, а Надеждиным.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

Об угрозе ШИРИНА, что могу сесть в тюрьму за то, что не разворачиваю бундовского дела, я делился с Глусским⁵² после ухода ШИРИНА. Говорил об этом и ещё кому-то.

Дело «Молодая генерация» вёл не 9-й отдел, а 4-й, оно им разворачивалось, и им же были произведены все аресты.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Дело «Молодая генерация» велось в 9-м отделе, а у нас в отделе было дело просто о молодёжной организации – Кобылянский, Фукс, Юрьев.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

Я об этом деле и говорю.

Практики составления протоколов допроса в отсутствие арестованных в 1-м отделении до приезда ШИРИНА не существовало. Не было её и после его отъезда.

Протокол допроса Юрьева я писал с его собственноручных показаний и в его же присутствии с уточнением ряда фактов.

Ещё до ареста Надеждина в июне месяце бундовским делом руководил ШИРИН, а после ареста Надеждина ШИРИН вообще руководил всем отделом до прибытия Пришивцына.

Упырь в течение месяца после его осуждения использовался для допроса по делам других арестованных, а относительно Козиса я в этой части ничего не знаю и не говорил о нём.

Подс[удимый] ШИРИН:

Показания Майструка сейчас разнятся от его же показаний на предварительном следствии. Там он говорил, что Козис тоже допрашивался продолжительное время после осуждения. Об угрозе по поводу бундовского дела Майструк на предварительном следствии показал, что я сделал её в присутствии Глусского. Сейчас же заявляет, что Глусскому он сказал об этом после моего ухода.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Показания Майструка тенденциозны, преувеличены.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] МАЙСТРУК:

К выводу о бесосновательности ареста Калины я пришел после того, как Калина был оправдан по суду. До того такого мнения у меня не было, так как даже после того, как отпала конская чума, он продолжал утверждать, что является японским шпионом.

Бесосновательным его арест считаю потому, что дело было построено исключительно на одних признаниях. О том, что эти признания

⁵² Тут і далі у документі помилково – Глускиным, Глускина, Глускину.

вынуждены путём избияния Калины, заявил только на суде и потому в период следствия арест Калины неосновательным не считал.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Как здесь уже установлено, Калина был арестован по имевшимся на него агентурным материалам.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

О групповом допросе и избиянии арестованного, виденных в УНКВД Волошиным, последний мне рассказывал в мае месяце.

Для писания показаний Юрьева ко мне его привёл ШИРИН, и свои показания Юрьев закончил ещё в бытность ШИРИНА в Виннице.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Групповые допросы были введены до меня, и по прибытию в Винницу я уже застал их.

К даче Юрьевым собственноручных показаний я отношения не имел, так как к тому времени из Винницы уже уехал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

Прокурор Другобицкий принимал живейшее участие в бундовском деле: производил передопросы, выступал в суде.

К части арестованных по бундовскому делу применялось физическое воздействие, и пример в этом давал ШИРИН.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Упырь находился в камере, и всё время с момента окончания его дела и до рассмотрения Военной коллегией с ним работали. Он использовался по обработке арестованных, в том числе и Вальховского, на дачу показаний.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Вальховский был осуждён до того, как Упырь сам сознался.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями св[идетеля] Левинзона истребовать из 1[-го] спецотдела УНКВД архивно-следственные дела по обвинению Зелинского и Ролинской.

В 17.00 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 21.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил о прибытии вызванного согласно определению ВТ св[идетеля] КОЛЕСНИКОВА.

Св[идетель] КОЛЕСНИКОВ Иван Николаевич, быв[ший] сотрудник УНКВД по Винницкой обл[асти], после предупреждения его пред[седательствующим] об ответственности за дачу суду ложных показаний

на вопросы суда:

Я работал в отделе ЗАПУТРЯЕВА. Райзман к себе на допрос я не вызывал и не допрашивал.

Как-то, кажется, перед выходным днём с 11 на 12-е число, какого месяца не помню, когда мы работали до 6-ти часов утра, мне Агеев сказал, что из кабинета ЗАПУТРЯЕВА вынесли Райзман. Потом мне позвонил Токарев и предложил прийти дежурить при Райзман. Райзман лежала почти совершенно раздетой и находилась в тяжёлом состоянии: была избита, у неё были рвоты и испражнения. Кто её избил, не знаю. Дежурить при

Райзман я начал с 6-ти часов утра. Беркута в то время был в отсутствии, а Шабунин и никто другой из работников интересоваться состоянием Райзман ко мне тогда не приходил.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ пояснил:

В свете других предъявленных мне обвинений эпизод с Райзман не является столь важным, чтобы был смысл скрывать факт её избияния, если бы это сделал я. Я заверяю, что до 8-го июля я Райзман совершенно не видел, и, как теперь вспомнил, в первых числах июня меня вообще не было в Виннице, так как я уезжал в Ленинград.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] КОЛЕСНИКОВ:

Кажется, позавчера я встретил Беркуту. Он мне сказал, что ЗАПУТРЯЕВ на суде даёт показания о том, что Райзман якобы избивал он, Беркута. Я напомнил Беркуте, что он в тот период в Виннице отсутствовал и рассказал об известном мне, т. е., о том, что показал сейчас.

На вопросы суда [свидетель]⁵³ БЕРКУТА:

При встрече с Колесниковым я сказал ему, что ЗАПУТРЯЕВ отрицает свою причастность к избиянию Райзман и всё пытается переложить на меня и Шабунина.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] КОЛЕСНИКОВ:

В беседе с Беркутой я не утверждал, что Райзман избивали ЗАПУТРЯЕВ и Токарев, а только высказал предположение, что они могли это сделать.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] МАЙСТРУК:

Групповых допросов я не проводил, и установок об этом КОРАБЛЁВ мне на давал.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Я также таких установок не получал, и когда приехал в Винницу, групповые допросы там уже практиковались.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Из первой группы арестованных по делу «Бунда» я лично допрашивал одного Шпиро. Допрос свёлся к получению мною от Шпиро заявления, на основании которого ШИРИН составил потом протокол допроса. Вообще же бундовским делом я интересовался, и после ареста второй группы участвовал в допросе этих арестованных, как, например, Уринцева (совместно с Железняком), Эпельбаума (совместно с Лаврентьевым), Когана (совместно с Фуксом).

Я не святой и допускаю, что мог один раз нанести удар, но я утверждаю, что избияния к этим арестованным я не применял, хотя они и писали жалобы на меня.

Признания «бундовцев» объясняются теми условиями, которые существовали тогда в УНКВД: общение в камерах с избитыми арестованными, крики избиваемых из «бойни» Редера. Однажды там был такой крик, что поднял на ноги всё Управление. Оказалось, что один арестованный, фамилии его не помню, не выдержав применённых к нему ШИРИНЫМ и Редером физических методов, поднялся и ударил ШИРИНА. После того этого арестованного избивали так, что его пришлось отливать водой.

⁵³ У документі помилково – подс.

На Эпельбаума имелись данные об исключении его дважды из партии за обрезание ребёнку и за выезд за границу в поисках работы. Кроме того, были также агентурные материалы о том, что у себя на службе Эпельбаум высказывал антисоветские настроения.

(Оглаш[аются] л. д. 135, 142, т. 4 – показ[ания] Майструка).

Сейчас я считаю, что оснований к аресту Эпельбаума не было.

(Оглаш[аются] показ[ания] св[идетеля] Эпельбаума в суд[ебном] заседании).

Эти показания я отрицаю. Эпельбаума я не бил, а только настойчиво требовал от него признания.

Юрьева я также не бил. Обращался с ним очень вежливо, и ко мне он попал уже после того, как стал давать показания.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] МАЙСТРУК:

Дело на зав[едающего] сельхозотдела обкома Шевченко вёл я. Шевченко сидел с 1937 г. и дал показания о неправильных установках Юрьева по части посева гороха. Кроме него, такие же показания дал Набока.

Шварц Хаим дал признание ШИРИНУ, и аресты по второй группе «бундовцев» были произведены по требованию ШИРИНА.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Неправда. Шварц дал признание не мне, и к арестам второй группы «бундовцев» я никакого отношения не имел.

Свид[етель] МАЙСТРУК:

ШИРИН сейчас пытается показать, что будто бы я подготавливал материал на арест Юрьева, но я должен сказать, что из дел Шевченко и Набоки никакого разворота на Юрьева не делалось.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

С арестованными «бундовцами» работа продолжалась и по окончании следствия до самого выхода обвиняемых в суд. Так делалось с той целью, чтобы на суде они не отказались от своих показаний, и такая система практиковалась у нас в отношении всех дел, которые шли в суд. Делалось это по указанию КОРАБЛЁВА.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я не хочу отрицать существования в то время системы такой подготовки обвиняемых перед судом. Кто дал такие указания по части «бундовцев», не помню, но во всяком случае вопрос этот был согласован со мной.

Подс[удимый] ШИРИН пояснил:

Дело «бундовцев» возникло в апреле 1938 г., спустя несколько дней после моего приезда в Винницу. В то время об арестованном Шварце я не имел никакого представления, и первые показания он дал не мне, а Решетило. Тот принёс их Надеждину, и последний в моём присутствии вызвал Шварца, поговорил с ним часа 2, после чего предложил мне подробно допросить его. Я на протяжении нескольких часов беседовал со Шварцем, и он после этого стал писать показания. В этот период из Наркомата прибыла ориентировка о вскрытии «бундовского» подполья, и поскольку Шварц дал подробные показания, Наркомат придал этому делу большое значение и предложил развернуть операцию. По показаниям было арестовано несколько человек, я допросил 4-х, и они также дали признание.

Потом Шварц на допросе у Решетило назвал ему как участников организации 15–18 чел., и Надеждин сказал, что по этим показаниям будем производить операцию. Я возражал против ареста стольких людей, предлагал арестовать только одного–двух для проверки, но Надеждин доложил справки КОРАБЛЁВУ, и без моего участия аресты были произведены.

Следствие по этому делу вели Майструк, Глуцкий, а я никого из этой группы арестованных не допрашивал и делом не руководил. Моя вина лишь в том, что впоследствии по этому делу я подписал обвинительное заключение.

На вопросы суда св[идетель] ФУКС:

Долгое время вторая группа арестованных «бундовцев» не давала показаний. ШИРИН, по словам Майструка, ругал его за это, предлагал ускорить дело, и потому все обвиняемые в один вечер были вызваны следователями на допрос. Коган был вызван мною, и здесь мною совместно с Майструком к Когану были применены физические меры воздействия: он получил несколько пощечин.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Допускаю, что я мог ударить Когана по лицу, но не больше.

(Оглаш[ается] л. д. 93, т. 3 – показ[ания] Когана).

Эти показания Когана являются клеветой.

На вопросы суда св[идетель] ФУКС:

Коган в своих показаниях очень многое преувеличивает. Резиной его не били, да у нас её и не было. Снимать штаны ему не приказывали, ложиться и вставать не заставляли.

В 23.00 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 23.15 суд[ебное] заседание продолжается.

(В суд[ебном] заседании присутствует св[идетель] Юрьев).

Подс[удимый] ШИРИН:

Во время перерыва я просмотрел архивно-следственное дело на Юрьева и обнаружил, что дата на его собственноручных показаниях (л. д. 274, т. 1 – дело Юрьева) подчищена. Сделано это умышленно, с тем, чтобы не дать мне возможности доказать, что эти показания были написаны после моего отъезда из Винницы.

Свидетелю Юрьеву предъявляются его собственноручные показания в деле.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Что было мною написано в этом месте, где видны следы подчистки, не помню. Вообще же свои собственноручные показания я подписал в ноябре или декабре месяце, перед судом, уже после составления по ним протоколов допроса. Писать я их начал 21.[0]8.[19]38 г., а закончил спустя 5 дней. Писал их в комнате Федака, а не у Майструка.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Возможно, я ошибся, но мне помнится, что с Юрьевым я стал разговаривать после того, как он начал писать свои показания.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

К Майструку я попал в 12 часов ночи в день ареста, и он сразу предложил писать показания об участии в к-р организации. Я стал убеждать его и доказывать, что никогда к к-р организациям не принадлежал, рассказал свою автобиографию, но все мои доводы он адресовал «до лампочки» и «до с...».

Обращение со мной Майструка сильно разнилось от обращения ШИРИНА. Он не допускал того, что делал первый, но не обращал внимания ни на какие доводы и в ответ трехэтажно «обкладывал».

Когда вошел Пришивцын, Майструк отрекомендовал ему меня: «Это напарник Спивака». Пришивцын стал требовать признания, но я и ему ответил, что мне нечего писать. В это время из соседней комнаты раздались громкие крики избиваемого, и Пришивцын с Майструком стали говорить мне, что если я не буду давать показания, то и со мной получится то же. Продержав до 6-ти часов утра, отпустили в камеру. На следующую ночь Майструк вызвал снова, и повторилось то же, что и накануне. Тогда меня ещё не били. В следующий вызов вошёл Редер, напоминавший всем своим видом палача, и Пришивцын сказал, что если я не дам показаний Майструку, то он передаст меня Редеру. Последний заметил: «Да, я поговорю с ним не так и показания получу».

На следующий день меня повели уже к Глусскому, и «следствие» там продолжалось 10 суток. По тому времени обижаться на Глусского не могу. Он брал меня за шиворот, давал крепкие зуботычины, садил на край стула, бил головой об стенку, заставлял стоять, а когда я раза 3 падал в обморочном состоянии, он поднимал меня пинком ноги.

После Глусского попал к ШИРИНУ. Собственноручные показания я дал не Майструку, а ШИРИНУ.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Показания Юрьева подтверждаю. Мои показания о том, что ШИРИН привёл его ко мне для писания собственноручных показаний, ошибочны.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Потом к Майструку я попал уже в сентябре мес[яце], после того, как показания мною были закончены. Майструк мне заявил, что из моих показаний можно использовать одну—полторы странички, а остальное не годится, так как там нет «души и ног». Я ответил, что писать мне больше нечего, но он сказал: «Подумай, вечером я тебя вызову». Действительно, вечером вызвал и на мой отказ предупредил: «Ты хочешь ещё получить? Разве тебе мало дали?». После этого отпустил, и когда меня ввели в камеру, я от вахтёров получил несколько таких ударов, что оказался на полу.

Потом Майструк вызвал меня ещё раз, и я ему дал дополнительные показания на 5 листах, а дней через 5—6 Глусский предложил мне подписать протокол уже на 22 листах. В этом протоколе действительно оказались уже и «душа», и «ноги», в связи с чем я не хотел его подписывать, но после 2-часовых требований Глусского и нескольких ударов, сопровождавшихся угрозами расстрела в подвале, подписал.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Протокол был составлен мною совместно с Юрьевым. Давать его Юрьеву для подписи я поручил Глусскому.

На вопросы суда св[идетель] ЮРЬЕВ:

Утверждаю, что протокол писался в моё отсутствие.

Перед судом меня несколько раз вызывал Решетило, туда заходил Глусский, и они прощупывали меня, как буду держать себя на суде. При этом говорили, что если буду держаться своих показаний, мне будет сохранена жизнь, и даже подсчитывали, сколько придётся быть в лагерях. Поверив в эту провокацию, я на суде всё подтвердил в надежде написать потом обо всём из лагерей. Подтвердили показания и остальные обвиняемые, за исключением Василенко, Кобылянского. Должен сказать, что на суд я шел с намерением отказаться от признания, так как из обвинительного заключения было известно, что Лунько себя виновным не признал, а первым должны были допрашивать меня. Однако на суде первым допросили Лунько, и неожиданно для меня он признал себя виновным. Это обстоятельство также повлияло на то, что и я признал себя виновным.

ВТ удостоверил, что в обвинительном заключении по делу Юрьева и др. первым значится Юрьев, но на суде сначала был допрошен Лунько, который предъявленное ему обвинение признал.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Никаких указаний вахтёрам применять физическое воздействие к Юрьеву я не давал.

На вопросы подс[удимого] ШИРИНА св[идетель] ЮРЬЕВ:

Однажды я так был избит в тюрпode, что, придя на допрос к Глусскому, вполне искренне заявил: «Стреляйте, что хотите делайте, но больше терпеть этого я не могу». Моё состояние тогда было таково, что я не мог говорить, и потому Глусский отправил меня обратно в камеру, а на следующий день Дьякова уволили.

Подсуд[имый] ШИРИН:

Этот вахтёр был уволен по моему докладу Пришивцыну.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Мне известно, что дневной свет на садиста ШИРИНА не влиял, и он мог избивать арестованных днём.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Юрьев, по-моему, считает меня основным виновником своего ареста, почему и говорит неправду. Повторять её сейчас он вынужден по той причине, что так начал говорить ещё в 1939 г.

Я настойчиво и грубо требовал от него дать показания, но физического воздействия к нему я не применял.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Членом партбюро УНКВД я являлся примерно с сентября 1938 г. На партийном собрании 26 декабря 1938 г. я присутствовал и о большей части искривлений, о которых сегодня показывал, говорил и там.

(Оглаш[аются] л. д. 193–195, т. 8 – выступл[ение] Майструка на партсобрании).

Возможно, отсутствие конкретности в этом моём выступлении объясняется тем, что тогда я ещё не продумал всего до конца.

О прокуратуре так говорил на партийном собрании в связи с тем, что в тот период она стояла в стороне от органов и своих задач не выполняла.

На вопросы подс[удимого] КОРАБЛЁВА св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Рассмотрение тройкой за двое суток свыше 1 500 дел имело место в 1937 г., когда начальником УНКВД был Морозов.

На вопросы подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Спустя 2–3 дня после вынесения тройкой решения о Зелинском я лично по распоряжению ЗАПУТРЯЕВА вызвал Зелинского на допрос в 22-ю комнату.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Я лично дело на Зелинского не вёл. После вынесения тройкой решения о ВМН ЗАПУТРЯЕВ передал мне это дело и предложил доработать его по части получения от Зелинского показаний о шпионской деятельности. Дело я это получил без выписки из протокола заседания тройки.

В 00.20 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

[0]5.[05].[19]41 г. в 11.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] КОРАБЛЁВ:

Я вторично прошу истребовать и дать мне возможность ознакомиться с приказами центра по работе тройки.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Ходатайство подс[удимого] КОРАБЛЁВА об истребовании приказов по работе тройки для ознакомления его с ними удовлетворить.

(В суд[ебное] заседание приглашены св[идетели] ЭПЕЛЬБАУМ и УРИНЦЕВ).

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

В мае 1938 г., спустя несколько дней после моего ареста, накануне выходного дня, Майструк дал мне пачку листов бумаги, сунул в руку ручку и предложил писать показания. При этом сказал: «Крупным контрреволюционерам даем 100 листов, а тебе как меньшему – 50». От продолжительной стоянки я чувствовал себя плохо и потому попросил у него дать возможность мне отдохнуть. Майструк предложил написать предварительное обязательство, что буду давать показания. Я написал, что согласен дать показания по предъявленным мне статьям. Текст моего обязательства Майструку не понравился, он порвал его, ударил меня 2 раза по голове и щеке, затем приказал открыть рот и со словами: «Эх, ты, старая собака», плюнул мне в рот.

Кажется, 31 мая, во время очной ставки с Платинским я заявил, что у меня с Платинским личные счеты. После этого моего заявления Лаврентьев повёл меня к Майструку. Тот сказал, что подобные заявления мне не помогут, избил меня, и потом сам стал продолжать очную ставку. Протокол очной ставки писал Лаврентьев и по-моему настоянию занёс туда, что я с Платинским имею личные счеты. Но потом оказалось, что перед словом «имею» была вставлена вставка «не».

По распоряжению Майструка я был поставлен в кабинете Лаврентьева на одну ногу, и меня заставили смотреть вверх, для чего подпёрли подбородок линейкой. Когда заходил Майструк, я жаловался ему на издевательства в отношении меня, но он не обращал никакого внимания. В присутствии Майструка меня крутили по комнате, заставляли танцевать украинский гопак.

Майструка я знаю и опознать могу (указывает на св[идетеля] Майструка, сидящего в ряду допрошенных свидетелей).

В своих показаниях я ничего не преувеличил.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Эпельбаум говорит неправду. Его я не избивал, распоряжение ставить на стойку на одной ноге не давал. На стойке вообще он находился, так как такой режим был в отношении всех арестованных. Я заходил и требовал от него дачи показаний, но большего по отношению к нему не позволял ничего.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Я рассказал правду и ничего не преувеличил.

После освобождения я встретил как-то Лаврентьева и спросил его, почему так со мной поступали в период содержания под стражей. Он ответил: «Такая была ситуация».

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Я чистосердечно заявляю, что не бил Эпельбаума.

На вопросы суда св[идетель] ЛАВРЕНТЬЕВ:

Майструк часто заходил во время допроса Эпельбаума, но в моём присутствии ничего незаконного к Эпельбауму не применял. Он мог лишь обругать арестованного и настоятельно требовать от него показаний. Даже в камерах о Майструке отзывались как о культурном следователе, о чем мне рассказывал один арестованный при вызове его на допрос.

Эпельбаум мне как-то пожаловался только на одного Тищенко, об этом я доложил Глусскому, и последний сделал Тищенко строгое предупреждение.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Я ещё раз заявляю, что в моих показаниях нет клеветы. Они соответствуют действительности, и если на следствии ко мне не были бы применены такие издевательства, от меня не получили бы подписи на протоколе.

На вопросы суда св[идетель] УРИНЦЕВ:

Ко мне применяли физическое воздействие Железняк, Майструк и Нешадимов.

Не помню, какого числа, Майструк, узнав, что я не даю показания, сказал, что я являюсь участником организации, и предложил дать признание в этом. Я отрицал, и тогда он начал избивать меня. Я потерял сознание и пришёл в себя на полу весь мокрый от воды, которую лили на меня. Майструк и Железняк подвели меня к столу, дали ручку, чтобы подписать протокол, и меня снова избили до полусмерти.

Вторично Майструк зашёл, когда меня допрашивал Нешадимов, и спросил: «Ты пишешь? Помнишь меня, сегодня ночью я с тобой встречусь», но больше я его не видел.

Готовый протокол допроса и очной ставки мне потом дал на подпись Нешадимов.

Не утверждаю, что могу опознать Майструка, но попытаюсь. Вот он (указывает на св[идетеля] Майструка).

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Я ходил к Уринцеву на допрос, требовал, чтобы он дал признание, кто его завербовал в «Бунд», но не избивал.

Свид[етель] КОГАН Абрам Лейбович, 1893 г. рождения, рабочий, с 1932 г. состоял членом ВКП(б), исключён с связи с арестом, с 13.[0]8. [19]38 г. состоял под следствием по ст. ст. 54-10 и 54-11 [УК УССР], был осуждён к 15-ти годам лишения свободы, впоследствии Верховным судом дело прекращено, после предупреждения пред[седательствующим] об ответственности за дачу суду ложных показаний по делу показал:

Меня арестовали 11 мая 1938 г. и на следующий день вызвали на допрос к Фуксу, который заявил мне, что я – враг народа. Вечером Фукс вызвал снова, требовал дать признания, что состою в контрреволюционной организации, и при этом несколько раз ударил линейкой по шее. Причастность к организации я отрицал. Потом к Фуксу вошел Майструк, и обратившись ко мне со словами: «Ну, что, Коган, скажешь или нет?», ударил по щеке так, что у меня выпали зубы. После того меня отвели в тюрьму, по дороге сопровождавший меня надзиратель Дьяков всё время умышленно наступал мне на ноги.

На второй или третий день я снова был вызван к Фуксу. В то время меня сильно томила жажда, и я попросил дать мне напиток. Фукс ответил: «Пожалуйста», позвонил куда-то, после чего пришел милиционер с бутылкой «Ситро», и они её сами распили, не дав мне ни капли. Потом туда вошли двое неизвестных мне работников в нетрезвом состоянии и избили меня так, что я ничего не помнил. Затем я был отправлен в тюрпод, где со мной проделывали то же, что и у Фукса.

От Фукса я был передан Нещадимову. Тот всё время бил меня по голове.

Накануне суда меня вызвали Фукс, Нещадимов и Решетило и говорили со мной, что я должен на суде подтвердить свои показания.

При рассмотрении дела в суде нам был назначен защитник Каменецкий. До суда он беседовал со мной, однако он тоже уговаривал дать те же показания, что и на предварительном следствии. Каменецкий на суде выступал по назначению, но, несмотря на это, взял деньги от наших родственников.

На вопросы суда св[идетель] КОГАН:

Майструк нанёс мне только один удар, но этот удар я чувствовал часа два, от него у меня вылетели все мои вставные зубы, и я его помню лучше всех.

Избивали меня также Фукс и Нещадимов.

На вопросы суда св[идетель] МАЙСТРУК:

Коган исключался из партии за несогласие с НЭПом.

В тот период каждый арестованный, попавший к следователю, рассматривался последним как враг. Поэтому я допускаю, что мог ударить Когана, но, конечно, не так, как он здесь показывает.

На вопросы суда св[идетель] КОГАН:

В 1922 г. я заболел и под влиянием этой болезни действительно написал, что не согласен с НЭПом. Об этом случае в своей жизни я никогда ни от кого не скрывал и потом вновь был принят в члены партии.

На вопросы св[идетеля] МАЙСТРУКА св[идетель] КОГАН:

На очной ставке со мной Шварц дал показания о том, что завербовал меня в организацию. Обстоятельства вербовки были явно неправдоподобны, так как, по словам Шварца⁵⁴, произошла эта вербовка на заседании правления Жилкоопа.

Свид[етель] МАЙСТРУК:

Показания Когана являются клеветой. Мне известно, и об этом имелись точные данные, что в период пребывания бывших обвиняемых по делу «Бунда» в лагерях туда к ним ездили их жёны, и проводилась соответствующая работа по отказу от показаний и оговору следствия.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями свидетелей Эпельбаума, Когана и Уринцева⁵⁵ вызвать в суд[ебное] заседание и допросить в качестве свидетелей адвоката Каменецкого и работника УНКВД Тищенко.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Во время перерыва я ознакомился с истребованными Военным трибуналом по моему ходатайству архивно-следственными делами, инкриминируемыми мне по обвинительному заключению.

Дополнительно прошу истребовать дела по обвинению Саламон и Кржевицкого и дать мне возможность ознакомиться с ними.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Ходатайство подс[удимого] КОРАБЛЁВА о предоставлении ему возможности ознакомиться с делами Саламон и Кржевицкого удовлетворить, для чего указанные дела истребовать из 1-го спецотдела УНКВД.

В 12.50 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 14.30 суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] КАМЕНЕЦКИЙ Соломон Маркович, 1885 г. рождения, беспарт[ийный], с 1923 г. работает адвокатом, несудимый, после предупреждения пред[седательствующим] об ответственности за дачу ложных показаний на вопросы суда:

В Виннице по линии спецколлегии Облсуда было назначено к слушанию групповое дело на 15 чел. По предложению пред[седательствующую] шего по делу Носкова для защиты этих обвиняемых областной коллегией адвокатов были выделены я и Ихман. Между собой мы договорились, что я буду защищать сознавшихся обвиняемых, а Ихман – несознавшихся. После ознакомления с делом я беседовал с обвиняемыми. Они на предварительном следствии дали признание не только следователям НКВД, но и прокурору Другобицкому, поэтому я спросил их, как они будут вести себя на суде. Со стороны отдельных моих подзащитных были глухие намёки на то, что дача ими признания объясняется тем, что «так нужно было», но всего они не договаривали и ничего определённого не сказали.

На судебном следствии обв[иняемый] Брускин отрицал своё участие в организации, но признавал, что в очередях проводил к-р разговоры, и только один обвиняемый вовсе отказался от своих прежних показаний,

⁵⁴ У документі помилково – Когана.

⁵⁵ У документі помилково – Урицкого.

заявив, что его избивали. В ответ на это он получил от пред[седательствую]щего замечание: «Не клеветайте на органы».

Свою защиту я строил исключительно в плане просьбы о снисхождении и потом, после суда, написал кас[сационные] жалобы, основной упор которых также был смягчение приговора. Перед тем, как писать кас[сационные] жалобы, я беседовал со своими подзащитными, и с такой постановкой вопроса они согласились. Только один считал, что нужно просить не о смягчении приговора, а настаивать на отмене его, но, учитывая неоднократные их признания на предварительном следствии прокурору, я посоветовал и этому осуждённому просить о смягчении.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

Каменецкого я увидел в зале суда и на его расспросы сказал, что буду говорить суду правду, т. е. что меня избивали, и что только этим объясняются мои показания. Он мне стал советовать: «Не советую это делать, правда не поможет».

На суде Платинский отказался от своих показаний против меня, однако Каменецкий задал ему вопрос: «А, может не два года назад, а три или пять лет назад Вы проводили с ним к-р разговоры?».

На суде я рассказал всю правду, указал даже о том, что ещё во время предварительного следствия заявил жалобу прокурору Другобицкому об избииении меня.

После суда Каменецкий сказал, что кас[сационную] жалобу писать не будет, а может написать лишь просьбу о помиловании. Я от этого отказался и на листке бумаги сам написал кассацию.

На вопросы суда св[идетель] КАМЕНЕЦКИЙ:

Показания Эпельбаума я отрицаю.

Кас[сационную] жалобу я, как защитник, написал в отношении всех своих подзащитных.

На суде я выступал по назначению, но родственники обвиняемых независимо от этого обратились в консультацию с просьбой о выделении защитника и внесли туда деньги. Потом в коллегии поступили заявления с требованием вернуть деньги на том основании, что адвокат якобы плохо защищал обвиняемых. Я объяснил, что защищал, как умел.

На вопросы суда св[идетель] УРИНЦЕВ:

Я Каменецкому заявил, что всё в отношении меня – неправда, и что показания у меня взяты под палкой. Он мне сказал: «Не советую этого говорить», и на суде меня не защищал.

После суда Каменецкий убеждал меня, что кассация не поможет, и что следует писать только просьбу о помиловании.

После освобождения я зашёл в консультацию и высказал своё возмущение поведением Каменецкого на суде. Назвал его подлым человеком, и на это он ничего не мог ответить, а только опустил голову.

На вопросы суда св[идетель] КАМЕНЕЦКИЙ:

Прямого заявления о том, что показания вынуждены, мне никто из обвиняемых не делал.

На вопросы суда св[идетель] КОГАН:

С Каменецким я был хорошо знаком ещё до суда, но теперь в связи с его поведением на суде я с ним даже не здороваюсь.

Перед заседанием суда я рассказал Каменецкому, что меня били на следствии, и что только этим объясняется моё ложное признание. В ответ Каменецкий сказал: «Что говорил на следствии, то говори и на суде».

Больше вопросов к свидетелю Каменецкому не имеется, и последний от дальнейшего присутствия в суд[ебном] заседании освобождён.

Св[идетель] ТИЩЕНКО Дмитрий Сильвестрович, 1918 г. рождения, оперуполномоченный УНКВД, сержант госбезопасности, в органах НКВД работает с марта мес[яца] 1938 г.⁵⁶, член ВЛКСМ, несудимый, будучи предупреждён за дачу суду ложных показаний, по делу показал:

Самостоятельно дел я не вёл, но в допросах арестованных участвовал вместе с Лаврентьевым.

Из присутствующих здесь свидетелей – быв[ших] подследственных – знаю только Эпельбаума.

Незаконные действия при допросе к нему не применялись, за исключением того, что он много стоял.

На вопросы суда св[идетель] ЭПЕЛЬБАУМ:

У меня к ТИЩЕНКО такие претензии.

1. Он поставил меня на одну ногу и всё это время заставлял меня смотреть вверх.

2. Когда я попросил у него закурить, он вынул изо рта горящую папиросу и погасил её о мою щеку.

3. Бил меня ключами по голове.

4. Когда меня заставляли танцевать, принимал в этом участие.

На вопросы суда св[идетель] ТИЩЕНКО:

Отрицаю, не было этого.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая, что из показаний уже допрошенных свидетелей вопросы, связанные с инкриминируемой обвиняемым преступной деятельностью ясны, от допроса Пришивцына в качестве свидетеля по данному делу, ввиду явного уклонения его от явки на суд, отказаться.

Военный трибунал удалился для совещания по вопросу о дальнейшем ведении судебного следствия, после чего председательствующий огласил определения о возбуждении уголовного преследования против быв[ших] работников УНКВД МАЙСТРУКА В.Ф., ДАНИЛЕЙКО Г.П., ПРИШИВЦЫНА А.Я., БУТЕНКО Н.С., ДЬЯКОВА и БАБИЙКО (определения прилагаются).

В соответствии с вынесенным ВТ определением присутствующие в зале суд[ебного] заседания МАЙСТРУК и ДАНИЛЕЙКО взяты под стражу.

Больше вопросов к свидетелям Эпельбауму, Уринцеву и Когану не имеется, и с согласия подсудимых названные свидетели от дальнейшего присутствия в суд[ебном] заседании освобождены.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

⁵⁶ Далі у документі помилково повторно надруковано спецзвання – сержант госбезопасности.

Во время перерыва я просмотрел дело Зелинского. Оно, конечно, недоделано, потому ЗАПУТРЯЕВ и предложил мне допросить Зелинского по японскому шпионажу.

Св[идетель] ТАТАРЧУК:

Увидев дело Зелинского при просмотре его Левинзоном, я вспомнил, что я сам имел к нему некоторое отношение. Обстоятельства, при которых это дело попало ко мне, восстановить в памяти не могу, но помню, что Зелинского я допрашивал. На допросе Зелинский мне не говорил, что является участником к-р организации, а показал только, что знал о существовании такой организации со слов Геллермана. Проверки показаний Зелинского я лично не проводил, так как после этого дело от меня забрали. Я считаю, что очная ставка между Зелинским и Геллерманом была необходима, но её не провели по той причине, что Геллермана не нашли.

Подсудимому ЗАПУТРЯЕВУ предъявлены дела Зелинского и Ролинской для ознакомления.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Левинзон показал, что дело Зелинского на тройке докладывал я, но, как правило, у нас докладчиком по делу являлся работник, подписывавший обвинительное заключение. В данном случае обвинительное заключение подписано Редером, а, значит, он и докладывал дело. Я вообще ни разу и ни одного дела на тройке не докладывал.

Из дела также видно, что Зелинский был арестован до моего приезда в Винницу, и последние протоколы его допроса произведены в первые дни моего пребывания в Виннице. Обвинительное заключение по делу полностью соответствует имеющимся в нём материалам, и ни одной моей подписи в этом деле нет, о нём я совершенно не знал и никакого отношения к нему не имел, за исключением того, что оно делалось в моём отделе.

Почему Левинзон вменяет мне в вину это дело, мне совершенно непонятно.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Я не говорил, что лично ЗАПУТРЯЕВ докладывал дело Зелинского на тройке, а сказал, что получил его от него для доработки.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Какой же смысл было дорабатывать это дело, если обвиняемый по делу Зелинский тройкой уже был осуждён. Ведь обвинительное заключение осталось бы старое, его бы не переделывали.

Ролинская была арестована Токаревым и Злобиным, а потом сам же Левинзон перепредъявлял ей обвинение. Подписанное мною обвинительное заключение по делу составлено в полном соответствии с имеющимися в деле материалами. Опись находящихся в деле бумаг составлена Левинзоном, а это значит, что после него никакие другие документы к делу не приобщались. Как же в таком случае он говорит, что после того, как дело им было закончено, Ролинскую продолжали ещё допрашивать.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

Дело Ролинской вёл я и я же его закончил. Имевшееся в деле обвинительное заключение было за моей подписью, и в таком виде дело направили для рассмотрения в особом порядке.

Сейчас в деле находится совершенно другое обвинительное заключение, а также и протоколы, которых я не видел.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Как же это могут быть другие протоколы, если они значатся в описи, написанной лично Левинзоном.

Пред[седательствующий] предъявил св[идетелю] Левинзону дело Ролинской.

На вопросы суда св[идетель] ЛЕВИНЗОН:

По части протоколов допроса я, может быть, и ошибся, но относительно обвинительного заключения утверждаю, что оно другое, так как при сдаче мною дела в 1-й спецотдел обвинительное заключение в деле было за моей подписью.

Также утверждаю, что после окончания мною дела я видел, как Ролинскую допрашивали, однако протокола этого допроса в деле нет.

Свид[етель] ПЕРЕПЕЛЯК:

Я хочу дать следующую справку. Дело Ролинской сначала направлялось в Москву и в соответствии с этим обвинительное заключение по делу имело соответствующую концовку. Из Москвы это дело было возвращено, и потом его направили на тройку, в связи с чем нужно было переделать концовку обвинительного заключения. Обычно в таких случаях у нас перепечатывался последний лист обвинительного заключения. Возможно, в деле Ролинской получилось то же.

Военный Трибунал удостоверил что:

1. По делу Зелинского обвинительное заключение подписано за ЗАПУТРЯЕВА Артемчуком⁵⁷, и в деле нет ни одного документа за подписью ЗАПУТРЯЕВА.

Обвинительное заключение состоит из двух листов, из которых второй (концовка) напечатан другим шрифтом.

2. По делу Ролинской обвинительное заключение подписано Мартынюком, ЗАПУТРЯЕВЫМ и Пришивцыным. Никаких протоколов о передопросе Ролинской по линии шпионажа в деле не имеется.

В 17.30 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 21.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имому] КОРАБЛЁВУ предъявлены истребованные из УНКВД согласно определению ВТ приказы по тройке.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я просил достать эти приказы для того, чтобы вновь ознакомиться с ними самому, а также с тем, чтобы доказать, что на них имеются расписки Тернивского в ознакомлении с ними. Оказывается, что ничьих расписок на приказе 00606 и 189 не имеется. Но я заверяю, что Тернивский с приказами по тройке знакомился, иначе тройка не могла бы работать.

⁵⁷ У документі помилково через літеру «Ы» у другому складі — Артымчуком.

Рассмотрение тройкой дел, ныне инкриминируемых мне как ей неподсудных, я считал правильным, так как ни одного врача или профессора в числе осуждённых нет.

Что касается сотрудников, то рассмотрение тройкой таких дел, как я убедился после ознакомления с приказами по тройке, является неправильным. Чем объяснить, что эти дела прошли по тройке, не знаю. Возможно, произошло это по той причине, что они были рассмотрены до получения циркуляра, запрещавшего это делать, а циркуляр № 189, как это видно по отметкам на нём, поступил в УНКВД 26.[0]9.[19]38 г.

ВТ удостоверил, что, как видно из списков на л. д. 142–149, т. 5, осуждение тройкой сотрудников УНКВД производилось и после 26 сентября, а именно 28.[0]9, 2.Х, 7.Х, и что с 27.[0]9.[1938 г.] тройкой осуждено также свыше 20 чел. военнослужащих и специалистов высокой квалификации.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Успенский мне не давал указаний, что сотрудники НКВД, к моменту их ареста уволенные из органов, подсудны тройке.

Признаю, что по части рассмотрения на тройке дел сотрудников я, безусловно, виноват.

Специалистов по точному смыслу приказа по тройке прошло человека 3. Агрономов мы не считали специалистами высокой квалификации, и если это неправильно, значит, мы недопонимали приказа.

Подс[удимый] ШИРИН по делу пояснил:

Я был арестован 18 декабря 1940 г. После ареста меня пять раз допросили, потом 3 января я заболел, и дело обо мне было приостановлено. По возвращении моём из больницы я был допрошен только один раз следователем Пузановым по вопросу нарушения финансово-сметной дисциплины, после чего мне объявили, что следствие закончено.

Я не собираюсь говорить, что я не виновен. У меня большая вина, но нужно разобраться конкретно, в чём я виноват. В связи с этим я на предварительном следствии просил допросить Другобицкого, Решетило и Глусского, однако этого не сделали, и поэтому дело осталось не полностью расследованным.

Условия судебного следствия иные, чем предварительного. В нём не предоставляется возможности всё вспомнить, поэтому я вторично прошу дело в отношении меня отложить и возвратить к доследованию.

В Виннице я работал всего 4½ месяца и по приезде сюда уже застал массовую операцию. К ней я отношения не имел и ею не руководил, так как в самый разгар этой операции – апрель и май мес[яцы] – я сидел по поручению КОРАБЛЁВА на составлении информационных документов.

Приехав в Винницу, я оказался в обстановке, когда гнали лишь количество и, естественно, в какое качество оно переходило. Я не мог сказать, что находился на другой планете и не видел, что творилось. Нет, я заходил к следователям, спрашивал у арестованного, за что он арестован, и, если убеждался, что арест необоснован, принимал, как здесь уже говорил Сойфер, меры к освобождению этого человека.

Мне инкриминируется представление трёх оперлистов на арест. Моя вина здесь в том, что, доверившись Данилейко, я подписал эти оперлисты, но нужно учесть, что санкции на арест давал не я, а Бутенко.

По второму эпизоду мне инкриминируется 2 списка на 287 чел., но один из них ко мне совершенно не относится. По второму я действительно начал намечать лиц к аресту, но не закончил, так как его взял у меня Пришивцын и окончательно прокорректировал лично. А вообще, мне кажется, что эти списки даже не были реализованы.

Мне инкриминируются массовые необоснованные аресты, но, если проверить материалы, то станет очевидным, что эти аресты массовыми и необоснованными не были. Я многих отводил, а те санкции, которые дал, были в условиях того момента обоснованы и правильны.

К организации групповых допросов я отношения не имел. Они были введены до меня, но я, будучи свидетелем их, просто недооценил этого положения. По-моему, о групповых допросах не мог не знать и прокурор Другобицкий, так как они были очевидны для всех.

Надеждин наяву видел себя зам[естителем] нач[альника] УНКВД, но КОРАБЛЁВ на него нажимал. Неоднократно Надеждин приходил и говорил, что КОРАБЛЁВ упрекает его в том, что мало даём сознаний, и потому, в свою очередь, нажимал в этой части на Данилейко, и тот стал их давать. А, как уже здесь установлено, отделение Данилейко являлось автономным.

Физическое воздействие к арестованным в тот период допускалось. Я сам, когда видел, что обвиняемый — враг, докладывал Надеждину, и тот давал санкцию на применение этого воздействия.

Дело «Бунда» имеет 2 части. Я имел отношение только к первой. Там были верные арестованные, с ними продолжали ещё работать после моего отъезда. Этим делом крепко интересовался Киев.

Против ареста низовки (вторая группа «Бунда») я не возражал, но говорил Надеждину, что не обязательно арестовывать всех, а достаточно одного—двух. Ни одной справки на арест по второй группе я не подписал и ни одного арестованного из этой группы не допрашивал. Моё несчастье только в том, что я подписал обвинительное заключение по их делу, и это явилось юридическим участием.

Свид[етель] Юрьев и некоторые другие представляли меня здесь как врождённого садиста. С моей стороны действительно были случаи применения физического воздействия к арестованным, но лишь тогда, когда я был убеждён, что передо мной враг. Однако, если я видел, что люди переходят границу, сам принимал меры к прекращению ими этого.

Моя вина в деле Юрьева большая, так как обманул в материалах на него, но клянусь своими двумя детьми, которых очень люблю, что я Юрьева не трогал. Говорит он против меня сейчас по той причине, что, будучи смертником и спасая свою жизнь, начал так говорить ещё в 1939 г. и теперь не продолжать неудобно. Показания от него я не получил и дело оформлял не я, а Пришивцын в моё отсутствие.

Дело «Молодая генерация» было заведено в 9-м отделе, а не в 4-м, и к этому делу я руки не приложил.

Прокурором здесь был Другобицкий. Он часто вместе со мной допрашивал арестованных, совместно подписывал протоколы допросов, которые печатались после согласования черновиков с арестованными. Участвовал он и в деле «Бунда» — первой группы. По этому делу я советовался с ним, ему были известны условия следствия по делу.

Составление протоколов допроса по заметкам в отсутствие арестованного и корректировка их в то время были общим явлением, и меня ещё в Наркомате учили, что именно так нужно писать протоколы. Я признаю, что делал это, но моя корректировка существа никогда не меняла. Да, и мои протоколы, как, например, протокол допроса Козиса, тоже корректировались КОРАБЛЁВЫМ, и в этом случае они им заострялись в том смысле, что более отъявленным делалось политлицо обвиняемого.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

От дела «Бунда» — второй группы я отошел, самоустранился, так как был занят другой работой.

С арестом Надеждина до приезда Пришивцына я оставался руководителем отдела, но и в тот период этим делом не интересовался, хотя знал, что обвиняемых допрашивают.

Восстановить в памяти, какие материалы были на Козиса, я сейчас не могу.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

1. В связи с заявлением подс[удимого] ШИРИНА о том, что оперлисты на л. д. 3445, прилож[ение] 12 реализованы не были, запросить по этому поводу 1-й спецотдел УНКВД.

2. В связи с показаниями подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА по делу Райзман затребовать из УНКВД справку о дате выезда ЗАПУТРЯЕВА в Ленинград в июне 1938 г.

В [0]0.15 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

6.[0]5. в 11.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Пред[седательствующий] объявил, что согласно полученным из 1-го спецотдела УНКВД справкам ряд лиц из намеченных к аресту по оперлисту (л. д. 3445, прилож[ение] 12) были осуждены в апреле, а список этот утверждён в июле 1938 г.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Этот список был представлен в июле мес[яце], когда массовых арестов уже не было, и потому, по-моему, он и мог быть не реализован. Окончательно его корректировал Пришивцын, а не я.

Я мог приложить руку к арестованным по массовой операции, мог сделать это и по отношению к Козису, но не в то время, как показал Лаврентьев.

В обвинительное заключение вошёл как отдельный пункт обвинения акт о нарушении мной финансово-сметной дисциплины, но этот акт был составлен без меня, что является неправильным, так как я мог дать по нему подробное объяснение.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ по делу показал:

До Украины на руководящей работе я не был и выше должности начальника отделения не поднимался.

От назначения на Украину я отказывался, но мне заявили, что это назначение уже утверждено ЦК партии, и потому пришлось подчиниться. По пути к месту нового назначения я был на приёме у быв[шего] наркома Ежова и ему также заявил, что не чувствую себя способным справиться с такой большой работой. Ежов меня ориентировал, что в результате вражеской работы Любченко, Балицкого и др. врагов гуляют целые армии украинских националистов и польских шпионов, и дал установку: «Езжайте и выкорчёвывайте их». То же мне сказал и его заместитель Фриновский, и эти установки я воспринял как установки ЦК. Аналогичные установки, но в более развёрнутом виде, дал мне Успенский, и все поступавшие в то время из центра директивы сводились к одному: «Сажай и сажай».

Вскоре по приезде в Винницу я был вызван на совещание в Киев. Там демонстрировалась широкая схема вскрытия польских формирований и была дана установка развернуть этот участок работы. На втором совещании в конце апреля [1938 г.] Успенский информировал, что сделал доклад в ЦК ВКП(б) и что работа органов на Украине якобы получила там одобрение. Присутствовал на 14-м съезде партии. Там также было сказано, что работа на Украине по разгрому врагов по существу только начинается. В период чехословацких событий звонит Успенский и спрашивает, сколько арестованных. Я назвал цифру, но он обругал меня и заявил: «Почему так мало? Вы что, на ту сторону работаете?». Эти установки для меня были обязательны, я принимал их как должное, тем более, что с условиями Украины не был знаком. В соответствии с поступившими директивами давал установки, но требовал вскрывать истинные формирования, а не фальсифицированные.

Мне инкриминируется дело чехов. К аресту этих лиц я отношения не имел и постановления утверждал не я, а Бутенко. Дело это возникло как о чешской группе, занимавшейся сбором шпионских сведений в пользу чешской разведки. Об этом мы поставили в известность Наркомат, и оттуда нам указали, что нужно проверить, не немецкий ли здесь шпионаж. Когда ЗАПУТРИЯЕВ доложил мне об этом, я допросил Вашировского, и тот подтвердил свои предыдущие показания с тем только изменением, что назвал себя агентом не чешской, а немецкой разведки. В связи с этим я дал указание передопросить остальных обвиняемых, и они дали такие же показания, о чём тогда же было донесено в Наркомат. Я просил следствие установить этот факт. Для этого требовалось достать только копию этого моего донесения в Наркомат, и меня бы не обвиняли в том, в чём я не виновен. Я допускаю, что это дело могло быть доложено на тройке Мартынюком и снято как оформленное не в соответствии с показаниями основных арестованных, а отнюдь не в связи с чехословацкими событиями. Дело это не сфальсифицировано. На предварительном следствии Кобяков сумел меня уговорить, что там не было материалов, но сейчас, после ознакомления с делом и после того, что потом лично видел у Кобякова 6 меморандумов по делу, я так уже не считаю.

По делу «бессарабцев» я подписал постановление на арест только в отношении 2-х чел., остальные же обвиняемые были арестованы Бутенко

в Могилёв-Подольске. Судя по имеющимся в деле следственным материалам, я не могу считать это дело сфальсифицированным, и потому обвинение в этом категорически отрицаю.

По молодёжному делу я утвердил 8 постановлений, Бутенко — 4. Подписывая постановления, я руководствовался имевшимися показаниями. На Юрьева их имеется 6 (от 5 чел.), в том числе и из Каменец-Подольска. Коль сейчас выяснилось, что дело оказалось «липовым», считать себя невиновным не могу, однако в то время даже не думал, что показания не соответствуют действительности.

Как возникло дело «сахарников» и я ли утверждал постановления на арест, не помню. Заканчивалось это дело в 1939 г. уже после постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г., и потому если бы я знал, что там не всё чисто, то зачем же было передавать дело в таком виде в гласный суд?

Дело партизан, насколько помню, было небольшое — на 5–6 чел. Оно возникло по показаниям (их мог дать и Козис) после получения ориентировки Наркомата о вскрытии а[нти]с[оветских] формирований среди бывших красных партизан и после предложения приступить к проверке, нет ли таких формирований в Винницкой обл.

По делу «Бунда» 13 постановлений на арест подписал Надеждин, а 3 — ШИРИН. Утвердил эти постановления я на том основании, что, докладывая мне материалы, Надеждин говорил, что дело верное, и что им уже заинтересовался Киев. Я не помню, чтобы лично передопрашивал кого-либо из арестованных по этому делу, но многие из них допрашивались прокурором Другобицким, и потому в дело я верил ещё больше, и никаких сомнений оно у меня не вызывало. Мне кажется, что бывшие обвиняемые по этому делу сейчас очень многое преувеличивают, ведь дело готовилось на гласный суд, и я не верю в связи с этим, чтобы обвиняемых так сильно избивали. Поскольку дело оказалось несостоятельным, я не могу снять с себя ответственность за него, но искренне заявляю, что в тот период в дело верил.

Мне инкриминируется неправильное рассмотрение на тройке дела Кржевицкого. Кржевицкий неправильно именуется сотрудником НКВД, так как фактически работал в палате мер и весов. В деле имеется постановление областной прокуратуры от 1940 г. о том, что оно тройкой рассмотрено правильно, и я не понимаю, почему же сейчас его инкриминируют мне.

(Оглаш[аются] показ[ания] из дела Кржевицкого).

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Областная прокуратура эти показания имела в своём распоряжении и всё же пришла к выводу о правильности осуждения Кржевицкого.

В 11.40 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 11.50 суд[ебное] заседание продолжается.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ продолжает объяснения по делу:

Мне вменяется в вину неправильное осуждение по тройке Саламон. Она — полька. Муж её репрессирован. На допросе 15 мая Саламон дала показания, что является польской шпионкой с 1934 г. и членом ПОВ с

1937 г. Эти показания она подтверждала и в последующем. Допрошенный в качестве свидетеля Уральцев, впоследствии осуждённый Верховным судом, также подтвердил, что она им завербована. По тому времени этих материалов для осуждения Саламон было вполне достаточно, и я считаю, что дело её тройкой рассмотрено правильно.

В деле «Бунда» руководящую роль играл Надеждин, а молодёжным делом руководил Пришивцын.

К аресту Юрьева я подходил очень осторожно, и об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что постановление на арест подписано не мною, а Бутенко, которому, возможно, это постановление просто подсунули.

Оперативные листы были введены не мною, а существовали задолго до моего приезда в Винницу. На предварительном следствии я показал, что санкции на арест по этим листам в основном давал я. Но сейчас из ознакомления с материалами дела устанавливается, что в действительности моя роль в массовых операциях по оперлистам была очень незначительной. Аресты по этим листам намечались начальниками отделов и в своём большинстве утверждались Бутенко. Полностью по этому пункту обвинения вину с себя не снимаю, так как, зная об этой системе арестов, не отменил её, а продолжал её и, подписывая документы на арест, не проверял материалы, послужившие основанием к составлению этих документов.

В приложении № 12 имеется 2 утверждённых мною оперлиста на 287 чел. Приведённые в этих листах компрометирующие материалы по тому времени представлялись убедительными, за исключением, может быть, только 7-ми чел.

В деле я не нашел ни одного оперативного листа, постановления или справки на арест по быв[шим] красным партизанам, которые были бы утверждены мной. Почему же этот пункт обвинения инкриминируется мне? Я его не признаю.

Меня обвиняют в ведении метода групповых допросов. На каком основании делается это, так как ведь ни один свидетель, кроме Данилейко, не показал, что этот метод был введён мною. Наоборот, все свидетели подтвердили, что на оперативных совещаниях я запрещал применение к арестованным физического воздействия, предупреждал против этого. Я разрешил не групповые допросы, а допросы в одной комнате двумя—тремя следователями, каждым своего подследственного. Моя вина здесь в том, что я не сумел вскрыть извращения этого моего указания в 4-м отделе Надеждиным, Редером и Данилейко.

Никогда ни один из сотрудников не высказывал мне сомнение в правдивости того или иного следственного документа, а я не допускал мысли, что они могли быть сфабрикованы или «выбиты». Поэтому признать себя виновным в фальсификации дел или в способствовании этому не могу. Однако, поскольку ряд наших дел судом были прекращены как несостоятельные, я, как начальник органа, несу ответственность, но прошу мне верить, что в то время в эти дела я верил.

О допросе осуждённых к ВМН. По приезде в Винницу ко мне пришел начальник отдела Толчинский с рапортом, в котором он просил дать ему

осуждённого к ВМН для учинения очных ставок с лицами, арестованными по его показаниям. С этим фактом я столкнулся впервые и потому не знал, допустимы ли допросы после вынесения приговора, но думал, что раз такая практика существовала до меня, значит, имелось соответствующее разрешение, и потому, в свою очередь, разрешил. Однако у меня всё же остались сомнения и потому я позвонил потом Успенскому и спросил его, допустим ли такой порядок. Успенский ответил, что начальник Управления вправе давать такое разрешение, если это необходимо по делам. В то время Успенский для меня являлся наркомом, его указания были для меня обязательными, но всё же и своей вины по этому пункту обвинения я с себя не снимаю, прошу только учесть, что разрешение допрашивать арестованных после вынесения в отношении их приговора о ВМН я давал только в первые месяцы своей работы, когда как начальник УНКВД был неопытный.

Меня обвиняют в рассмотрении по тройке неподсудных ей дел. Всего таких дел на военнослужащих и специалистов рассмотрено 45, а на сотрудников — 21. Рассматривая на тройке эти дела, я считал, что поступаю правильно, так как до того они направлялись на альбомы. Знакомившись здесь с приказами по тройке, я признаю себя виновным, что вразрез с этими приказами мною рассмотрены 4 дела на военнослужащих и специалистов (капитан РККА, 2 инженера и 1 врач) и 15 дел на сотрудников НКВД, так как остальные дела на сотрудников были рассмотрены до получения приказа НКВД СССР, запрещавшего их рассмотрение. Агрономов я считаю подсудными тройке, да и до того они также шли в Москву по альбомным операциям.

В чем ещё я действительно виновен? В том что:

1. Подписывая постановления на арест, особенно по спискам, не проверял материалы, послужившие основанием составления этих списков, а также не проверял показания, когда аресты производились по ним. В известной мере объясняется это тем, что все документы на арест обязательно утверждались прокурором, который проверял их.

2. Совершенно недостаточно осуществлял повседневный контроль за аппаратом и потому не вскрыл допускавшиеся там искривления⁵⁸. Это объясняется моей перезагруженностью по работе и доверием к аппарату.

3. Не перепроверял показания арестованных.

4. Не отменил практику корректировки протоколов и составления их по заметкам. Но это было введено не мною, а Москвой.

5. В отдельных случаях по ходатайству начальников отделов разрешал применение к арестованным физических методов воздействия. Таких фактов было немного, и на это было указание Успенского.

Мне мало веры как обвиняемому, но я рассказываю исключительно правду.

До Винницы о работе тройки я не имел представления и в ней никогда не участвовал. Для устранения возможных в этой части ошибок я ввёл обязательное зачитывание докладчиком показаний обвиняемых,

⁵⁸ У документі — допускавшихся там искривлений.

если они сознавались, а в случае отрицания обвинения зачитывались показания свидетелей. К рассматриваемым делам тройка не подходила формально, о чём свидетельствуют факты возвращения дел к следованию. Терниевский здесь говорил, что иногда на заседания тройки вызывались обвиняемые, но я лично этого не помню, да и не думаю, чтобы так делалось.

Я во многом виновен, но прошу учесть обстановку, в которой пришлось тогда работать. Я был убеждён, что делаю серьёзное партийное дело, и никаких сомнений у меня не возникало.

С целью предотвращения искривлений в аппарате я неоднократно просил прокуроров почаще бывать у нас при допросах арестованных. Когда мне становились известны факты искривления соц[иалистической] законности, я предлагал производить расследование и требовал предания виновных суду, что подтвердят истребованные Военным трибуналом по моему ходатайству документы по этой части.

После постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г. мною были проведены широкие кустовые оперсовещания по ознакомлению с этим постановлением, с обсуждением на этих совещаниях известных нам фактов искривлений. В декабре мес[яце] по моей инициативе было созвано общее закрытое партийное собрание в присутствии секретаря обкома партии с тем, чтобы ещё раз заострить внимание аппарата, и чтобы сотрудники изложили известные им факты искривлений. Мой доклад на этом собрании был вполне объективным.

По сдаче дел в УНКВД я пытался покончить жизнь самоубийством. Перед этим, не думая, что останусь жить, писал письмо в ЦК и указал там исключительно правду. Недопонимая тогда постановления ЦК и СНК от 17.XI.[19]38 г., я считал себя неправильно снятым, считал, считая это и сейчас, что сознательно в безобразиях по УНКВД не виновен. Неужели же я всё время лгал?

Следствие ко мне подходило тенденциозно, тщательно отметало всякую возможность проверки, которую я предлагал. Разве нельзя было уже тогда установить мою невиновность по части групповых допросов? Меня обвиняли по ряду конкретных дел, а между тем ни одного дела мне для ознакомления тогда не дали, несмотря на мои просьбы. Ведь по делу чехов тоже можно было ещё тогда установить, что уже в июне мес[яце] имелись показания о связи обвиняемых по этому делу с германской разведкой.

Павлюк умер 25 марта 1938 г., а Управление мною было принято 19 марта, и, таким образом, приписывать его смерть мне нельзя.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Насколько припомню, Павлюка допрашивал Данилейко. Смерть Павлюка меня встревожила, я на оперативном совещании спрашивал Данилейко, не применял ли он к Павлюку физического воздействия, но Данилейко отрицал. Всё же я дал указание Надеждину расследовать этот факт, но моя вина, что не проверил, как это было выполнено.

В основном имевшие место в УНКВД извращения относятся, судя по показаниям свидетелей, к 4-му отделу и отделению Данилейко. О других

отделах они не говорят, а это значит, что я не давал незаконных установок, иначе извращения имелись бы и в других отделах.

К делу приложен список арестованных, умерших в тюрьме. В 1938 г. таких умерших было 30 человек. Учитывая, что за тот год через тюрьму прошло свыше 6 000 арестованных, смертность составляет сотые доли. Этим я не устанавливаю нормы смертности, но нельзя и считать, что эта смертность является результатом избитости арестованных, так как таких данных нет. О числе умерших арестованных в тюрьме мне стало известно только на следствии, так как до того никто об этом не докладывал. Сам в тюрьме в порядке проверки её состояния я ни разу не был. В этом, безусловно, моя вина, но здесь нужно учесть мою загруженность по работе, и кроме того, тюрьма тогда находилась в ведении моего помощника Бутенко.

Показания свидетелей сгущены. Ведь давались же на предварительном следствии Теушем показания, что за одно заседание мною было рассмотрено 1 000 дел. Я не обвиняю свидетелей-сотрудников в том, что они умышленно это делали, но за 3 года впечатления у них округлились. Основания к этой округлённости, конечно, имеются, ибо, как установлено здесь в суде, безобразия в УНКВД были большие.

Свидетели – бывшие арестованные также значительно преувеличивают. Ведь если бы их так избивали, как они показывают, то неизбежно должны были бы быть травмы.

В апреле 1938 г. у Успенского было совещание, на котором он дал установку, что в случае использования отдельными УНКВД установленных для них лимитов по тройке необходимо присылать дополнительную заявку.

Вернувшись с этого совещания, я собрал в отделе сведения о наличии троечных дел и после того направил Успенскому докладную записку об увеличении лимитов.

Я долгое время работал в органах до Винницы, но нигде и никогда меня не обвиняли в извращении социалистической законности. Я, как и многие мне подобные, являюсь жертвой преступной деятельности быв[шего] вражеского руководства.

В 13.15 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 14.00 суд[ебное] заседание продолжается.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Моё преступление объясняется условиями, созданными быв[шим] вражеским руководством НКВД СССР.

(Оглаш[ается] л. д. 54, т. 5).

По этому вопросу я уже дал пояснения. Называя Успенскому цифру просимого мною дополнительного лимита по тройке, я исходил из наличия дел в аппарате.

(Оглаш[ается] л. д. 68–70, т. 5 – рапорт Кораблёва на имя Успенского).

Это моя ошибка. Высказывая свои соображения о целесообразности продлить операцию, я основывался на имевшихся у нас показаниях о наличии повстанческих организаций и на докладах начальников отделов

Толчинского и Надеждина. А согласно установок Ежова и Успенского в наличие таких организаций на Украине я верил.

(Оглаш[ается] приказ № 166 по УНКВД).

Этот приказ, видимо, был вызван тем, что один арестованный выбросился в окно, а также тем, что отдельные лица из публики пытались подслушивать и подглядывать, что делается в УНКВД.

Сигналов об избиении Редером арестованных я не имел. Проверка данных о соц[иальном] положении Редера и Данилейко была проведена по моему прямому указанию.

Дело «Бунда» я хорошо не помню.

(Оглаш[ается] л. д. 14–17, т. 7 – доклад[ная] записка по делу «Бунда»).

Эта докладная записка была составлена начальником 4-го отдела. Кто тогда им являлся, не помню.

На вопросы суда подс[удимый] ШИРИН:

Начальником отдела тогда был Пришивцын, но мне кажется, что эту докладную записку составлял Майструк.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Абзац о взятии арестованных в активную проработку до процесса вычеркнут из этой докладной записки, по-моему, по той причине, что об этом уже сообщалось в Наркомат до того. Активная проработка арестованных перед судом – это, по-видимому, та обработка о поведении на суде, о которой здесь говорили свидетели. Инициатором такой обработки арестованных я не являлся, но она проводилась с моего ведома.

ВТ удалился на совещание, затем председательствующий огласил определение.

Подсудимый ШИРИН в своём объяснении по существу предъявленного ему обвинения в массовых бесосновательных арестах, допущенных при его участии по быв[шему] 4-му отделу Винницкого УНКВД, сослался на то обстоятельство, что инкриминируемые ему отметки на двух оперативных листах и списках лиц, намеченных к аресту, производились им совместно с Пришивцыным и под руководством последнего как начальника отдела.

Точно так же при участии Пришивцына и Майструка была допущена фальсификация дела на быв[шего] 3-го секретаря обкома КП(б)У Юрьева и др. арестованных по этому делу, следствие по коему и оформление тако-го на суд заканчивалось Пришивцыным и Майструком уже в отсутствие ШИРИНА в связи с его отъездом в конце августа 1938 г. к месту нового назначения в г. Киев.

Не отрицая частично своей вины в незаконных методах следствия, допущенных по делу Юрьева и др., ШИРИН, однако, ссылается на более значительную роль Пришивцына и Майструка как лиц, руководивших следствием по этому делу.

Наряду с этим ШИРИН отрицает свою причастность к фальсификации дела на всю группу арестованных по делу «Бунда» путём применения физического воздействия к арестованным, относя это также к преступной деятельности Пришивцына и Майструка, оформлявших это дело на спец-коллегию Облсуда.

Кроме того, ШИРИН ссылается на недоследованность обвинения его в нарушении сметной и финансовой дисциплины по «Укрстройдортресту», куда он был переведён с оперативной работы в качестве начальника Управления строительства дороги № 4, так как ревизия производилась не в его присутствии, и ему не были предъявлены документы для объяснений по существу этого обвинения.

Учитывая существенность изложенных мотивов по ходатайству ШИРИНА и необходимость в связи с этим доследования дела в отношении ШИРИНА по указанным моментам, а также целесообразность в связи с этим объединения следствия о ШИРИНЕ с материалами о привлечённых по настоящему делу ПРИШИВЦЫНЕ, МАЙСТРУКЕ, ДАНИЛЕЙКО и БУТЕНКО, материалы о коих выделены в отдельное производство согласно определению Военного трибунала от [0]5.[0]5. с. г., руководствуясь ст. ст. 280 и 294 УПК УССР, Военный Трибунал **ОПРЕДЕЛИЛ:**

Выделить из настоящего дела материалы следствия по обвинению ШИРИНА Лазаря Наумовича для обращения их к доследованию и объединения с делом ПРИШИВЦЫНА, МАЙСТРУКА и др., направляемым военному прокурору войск НКВД Киевского округа в соответствии с определением ВТ от 5 мая 1941 г.

Меру пресечения обвиняемому ШИРИНУ оставить прежнюю – содержание под стражей.

Дело в отношении КОРАБЛЁВА и ЗАПУТРЯЕВА слушанием продолжать.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Своим объяснением я хочу дополнить следующее.

Я – больной человек, у меня функциональное расстройство нервной системы, мигрень, вызывающая обмороки, провалы в памяти, и потому я не смогу вспомнить все факты⁵⁹, которые могли бы опровергнуть предъявленное мне обвинение.

По этому делу меня делают большой фигурой, но в действительности это не так, и мой чекистский опыт и оперативные знания небольшие, так как до прибытия на Украину я был всего лишь экономическим уполномоченным.

Мне приписывается активная роль в необоснованных арестах. Этот пункт обвинения я также отрицаю.

Инициатива переделки дела чехов на немецкий шпионаж исходила не от меня. Указание это было дано 3-м отделом Наркомата, что подтвердил здесь и КОРАБЛЁВ. 7 чел. из обвиняемых по этому делу проходили по делам-формулярам как антисоветский элемент и как посещавшие чехословацкое консульство. В свете имевшихся директив каждый входящий в консульство должен был рассматриваться как причастный к шпионажу. К тому моменту, когда я включился в следствие по этому делу, обвиняемые были уже допрошены и дали признание, что завербованы для работы в пользу чешской разведки. Где же тут моя вина?

⁵⁹ У документі – всех фактов.

Передопрос чехов по немецкому шпионажу ни в какой мере не связан с чехословацкими событиями, и ведь ещё в июле мес[яце], задолго до этих событий Наркомат по нашим донесениям был осведомлён, что эта группа связана с немецкой разведкой.

Почему мне инкриминируется изъятие из этого дела первых протоколов допроса. Я признаю себя виновным по этому делу только в том, что подписал 3–4 постановления без проставления даты, что было использовано Водкиным для учинения подлога, а также в том, что не заметил этого подлога Водкина.

В моих протоколах допроса обвиняемых по этому делу ничего нового по сравнению с первыми протоколами не было, за исключением только того, что Чермак оказался не чешским, а немецким шпионом, но это никакого влияния на судьбу обвиняемых иметь не могло.

Дело Райзман возникло до моего приезда, и арест остальных проходящих по этому делу лиц, был произведён без моего участия. Я только принял участие в допросе Круликовского и Райзман, причём последнюю допросил лишь после своего возвращения из Ленинграда, куда выехал 10–11 июня и возвратился примерно 22 июня. Руководил этим делом не я, а Токарев.

На вопросы суда св[идетель] КОЛЕСНИКОВ:

Находился ли ЗАПУТРЯЕВ в УНКВД, когда я дежурил там при избитой Райзман, не могу сказать.

Агеев мне сказал, что Райзман (он её назвал тогда по имени Ася) была вынесена от ЗАПУТРЯЕВА.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Насколько помню, из Винницы в Ленинград я выехал в день получения мною требований на проезд.

Пред[седательству]ющий огласил истребованные по определению ВТ 2 справки отдела кадров и финотдела УНКВД по вопросу поездки ЗАПУТРЯЕВА в июне 1938 г. в Ленинград.

На вопросы суда [свидетель]⁶⁰ КОЛЕСНИКОВ:

Дежуря при избитой Райзман, я несколько раз звонил Токареву о том, что положение её тяжёлое, спустя 1–2 часа пришли два конвоира и забрали её в тюрпод.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Я не имел никакого отношения к избитию Райзман, и моя вина здесь, возможно, заключается в том, что при допросе Райзман я не спросил её о причинах попытки к самоубийству.

По-моему, не я, а Токарев посылал Беркуту и Шабунина допросить Райзман в больнице, так как он руководил всем этим делом.

Райзман была арестована как перебежчица, сама показала, что неоднократно задерживалась румынской разведкой, и уже по одному этому подлежала репрессированию согласно директив центра. Сейчас меня можно обвинять в том, что дело в отношении её расследовалось недостаточно, но в условиях того периода этого сказать было нельзя.

⁶⁰ У документі помилково – подс.

Моя роль в массовых арестах меньше, чем роль любого начальника отделения. В приложениях к делу имеется около 7 000 документов на арест, из которых к 3-му отделу относятся только 473, а к подписанным лично мною — лишь 29.

Мне инкриминируются дописки в справках на арест Лазарева и Масалова. Как это получилось, точно не помню, но сделать эти дописки без основания не мог. По-видимому, при докладе мне этих справок Мартынюком он предъявил мне дополнительные материалы на Лазарева и Масалова, и в соответствии с этим я дополнил справки.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В связи с показаниями подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА по вопросу произведённых им дописок в справках на арест Лазарева и Масалова истребовать для обозрения архивно-следственные дела на Масалова, Лазарева и Полишук[а].

В 15.45 объявлен перерыв суд[ебного] заседания.

В 17.00 суд[ебное] заседание продолжается.

Пред[седательствующий] огласил справку на арест Лазарева — л. д. 239, прилож[ение] № 10.

На вопросы суда подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Дописка чернилами на этой справке произведена мною и, несомненно, на основании материалов, представленных мне Мартынюком.

(Оглаш[аются] материалы архивно-след[ственного] дела Масалова).

В деле действительно не отражены моменты, изложенные в моей дописке, но ведь следствие вёл не я, а Мартынюк.

Справка на Масалова была выписана мной по предложению руководства в соответствии с приказом НКВД СССР.

Утверждать не могу, но, по-моему, это дело было направлено в Москву с обвинительным заключением Токарева, а затем после возвращения обвинительное заключение было перепечатано, и я, не проверяя материалы дела, подписал его.

(Оглаш[ается] л. д. 241, прилож[ение] № 10 — справка на арест Масалова).

Несомненно, и эта дописка в справке была сделана мною по представленным мне материалам.

Военный трибунал удостоверил, что ордера на арест Масалова, Лазарева и Полишука подписаны Бутенко и датированы 5 июня 1938 г., аресты произведены: Масалова — 10 июня, Лазарева — 6 июня, Полишука — 6 июня, а санкция на арест прокурором дана в отношении Масалова 10 июня, Лазарева — 11 июня и Полишука — также 11 июня.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребованные из 1-го спецотдела архивно-следственные дела на Масалова, Лазарева и Полишука приобщить к настоящему делу.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ продолжает свои объяснения:

В приложенных к делу документах нет ни одного подписанного мною оперлиста или отметок на нём об аресте. Наоборот, в приложении № 1, л. д. 98, имеется моя резолюция: «Сообщить, что мы требуем не вообще

поляков, а поляков с компрометирующими материалами». Это показывает, что к массовым необоснованным арестам я не причастен.

На чем основано утверждение обвинительного заключения о том, что я допрашивал арестованных после осуждения их тройкой, где эти материалы? Их нет, и я ни одного раза не писал рапортов об отсрочке приведения приговоров в исполнение. Радиковский на тройку прошёл помимо меня и был осуждён. Но тут поступило его заявление о том, что он отказывается от своих показаний в отношении ряда лиц. В связи с этим он и был передопрощен, но я и сейчас считаю, что в данном случае поступил правильно.

(Оглаш[ается] л. д. 282, т. 6).

Рапорт о задержании исполнения приговора над Гирным был подан до меня Токаревым, и потому по его распоряжению я сделал отметку о том, что Гирный уже не нужен.

Меня обвиняют в создании путём избиения арестованных несуществующих к-р организаций и в подтверждение этого пункта обвинения ссылаются на чешское дело. О том, что это дело невымышленное, я уже говорил. К тому же, признание обвиняемые по этому делу дали ещё до того, как я стал их допрашивать.

Выступавшие здесь свидетели небеспристрастны, так как сами имеют более чем прямое отношение к тому, что инкриминируется мне.

Я виновен в том, что не разобрался своевременно в той обстановке, какая тогда существовала, и проводил допросы шаблонно, не сознавая, что такая работа является вредной и незаконной. Халатно относился к подписанию постановлений на арест тем, что не проставлял дат, и это дало возможность использовать их для злоупотребления. Не сумел также обеспечить контроль за аппаратом.

ВТ обозрел полученную из санотдела НКВД УССР историю болезни подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА.

Пред[седательствующий] огласил истребованные по ходатайству подс[удимого] КОРАБЛЁВА копии приказов УНКВД о привлечении к ответственности работников НКВД и РКМ за нарушение соц. законности, копии представления подс[удимого] КОРАБЛЁВА о предании суду нач[альника] РО Злобина⁶¹, справки о Шакалове, Грицюке и др.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Материалы относительно привлечения к уголовной ответственности Злобина задержались у начальника отдела кадров, выполнявшего тогда одновременно и функции особоуполномоченного, в связи с чем и были направлены в Киев только в 1939 г.

По ходатайству подс[удимого] КОРАБЛЁВА оглашены показ[ания] св[идетеля] Фёдорова – л. д. 280, т. 4, и св[идетеля] Шаламова – л. д. 118, т. 2.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

⁶¹ У документі помилково – Жлобина.

Я прошу суд учесть, что после массовой операции оперлисты мною не рассматривались, они шли, минуя меня. То же и по арестам бывших красных партизан.

На вопросы суда подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

С целью недопущения каких-либо искривлений при исполнении приговоров к ВМН эти приговоры приводились в исполнение в присутствии прокурора, что по троечным делам вовсе не предусматривалось, и что я ввёл по своей инициативе. Я честно говорю, что о злоупотреблениях бывшего коменданта Бельского при исполнении приговоров я не знал.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Истребованные по определению ВТ справки, копии приказов по УНКВД, а также акт о попытке подс[удимого] ЗАПУТРЯЕВА к самоубийству приобщить к делу.

На вопрос пред[седательствующего] подсудимым, имеют ли они чем-либо дополнить суд[ебное] следствие, подсудимые ответили, что дополнений к суд[ебному] следствию у них нет, после чего судебное следствие было объявлено законченным.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая, что по имеющимся в распоряжении Трибунала данным свидетель Пришивцын уклоняется от явки и что определение Военного трибунала о привлечении его к ответственности ему объявлено не было, поручить начальнику УНКГБ и председателю ВТ по Винницкой обл[асти] объявить это определение ПРИШИВЦЫНУ при его задержании.

Подсудимым предоставлено последнее слово.

Подс[удимый] ЗАПУТРЯЕВ:

Прошу учесть только одно, что преступления, в которых меня обвиняют, я не совершал, и даже мысли об этом не было.

Я родился в семье крестьянина-бедняка, работал пастухом и батраком до 1921 г. В 1923 г. поступил на вечерний рабфак, а днём, чтобы помочь материально семье, грузил мешки. В 1927 г. поступил в институт, а вечером работал в пожарной охране. Вся моя семья держалась на мне, и под моим влиянием сейчас состоит в партии.

По окончании института я был мобилизован в органы НКВД и там 5 лет из 7-ми провёл без выходного дня. Отдал работе всё здоровье.

Приехав в Винницу, попал как «кур во щи»⁶² и, не разобравшись в той обстановке, наделал проступков, которые в свете сегодняшнего дня расцениваются как преступления. Но так квалифицировать их нельзя.

Я признаю, что по делу есть много фактов, за которые нужно карать, но прошу быть справедливыми при оценке моей судьбы, учесть всё, в том числе и обстановку, в которой работал.

Подс[удимый] КОРАБЛЁВ:

Я дал откровенные показания по всем моментам предъявленного мне обвинения и ничего не утаил.

До Винницы на руководящей работе я не был, условий Украины не знал, и потому установки Ежова и Успенского принял за должное.

⁶² Так у документі. Правильно — як «кур в ошип».

По делу видно, что в УНКВД совершены очень тяжёлые преступления, но заверяю суд, что я о них не знал.

В УНКВД я допустил ряд ошибок, и в результате многие невинно осуждены, но в то время я не знал, что материалы дел не соответствуют действительности.

Я родился в семье крестьянина-бедняка, был пастухом, в 15 лет уже пошел в Питер на фабрику. В 1919 г. добровольно вступил в РККА и в том же году был принят в партию.

В органах НКВД работал с 1920 г. и за всё время не имел ни одного взыскания, ни по партийной, ни по служебной линии.

Я – жертва преступной деятельности быв[шего] вражеского руководства.

Прошу верить искренности моих показаний и в соответствии с вашей совестью определить наказание.

В 18.15 суд удалился в совещательную комнату.

В 22.50 суд вышел из совещательной комнаты, пред[седательствующий] огласил приговор, разъяснил порядок его обжалования, а также право на подачу просьбы о помиловании.

После приговора пред[седательствующий] огласил определения:

1. Учитывая, что в ходе судебного процесса по делу КОРАБЛЁВА и др., причастных к искривлениям соц. законности по Винницкому УНКВД в 1938 г., выявлено также вовлечение в незаконные методы следствия ЛАВРЕНТЬЕВА и ТИЩЕНКО, ныне работающих в Винницком УНКГБ, а также ШАБУНИНА, ныне работающего следователем в Винницкой прокуратуре, которые, присутствуя при незаконных методах следствия, зная о них, а также принимая участие в таковых по конкретным делам: ЛАВРЕНТЬЕВ и ТИЩЕНКО – по делу «Бунд», а ШАБУНИН – по делу «Бессарабцев» (Райзман), в своих показаниях эти обстоятельства стремились скрыть.

Кроме того, о ТИЩЕНКО на судебном следствии в его присутствии свидетель ЭПЕЛЬБАУМ подтвердил своё показание о применении самим ТИЩЕНКО к нему незаконных методов следствия.

Об изложенном, учитывая нецелесообразность возбуждения уголовного преследования против указанных лиц по степени их виновности в допущенных нарушениях соц. законности, как работников молодых и действовавших под влиянием преступного руководства в 1938 г., довести до сведения нач[альника] областного Управления НКГБ в отношении ЛАВРЕНТЬЕВА и ТИЩЕНКО, а в отношении ШАБУНИНА – до сведения прокурора области.

2. Довести до сведения прокурора СССР и прокурора УССР о выявленных при рассмотрении настоящего дела фактах нарушения со стороны быв[шего] прокурора Винницкой обл[асти] ТЕРНИВСКОГО и его заместителя ДРУГОБИЦКОГО положения о прокурорском надзоре и норм УПК при осуществлении надзора за следствием в Винницком УНКВД в 1938 г., что выразилось в даче санкций на массовые аресты по спискам без наличия проверки компрометирующих материалов на лиц, подозреваемых в к-р деятельности, а со стороны ДРУГОБИЦКОГО и в том, что

игнорировал жалобы обращавшихся к нему быв[ших] подследственных Винницкого УНКВД ЮРЬЕВА, ЭПЕЛЬБАУМА и др. о незаконных методах следствия, применявшихся к ним в целях понуждения их к даче вымышленных показаний о к-р деятельности своей и др[угих] невиновных лиц.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Меру пресечения в отношении осуждённых КОРАБЛЁВА и ЗАПУТРЯЕВА оставить прежнюю – содержание под стражей.

В 23.10 суд[ебное] заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист I[-го] ранга

Васютинский

Секретарь
военный юрист

Писарев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 9, арк. 26–92. Оригінал. Машинопис.

Документ вперше опубліковано у книзі: Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Вінницька область. – Кн. 5. – С. 57–157.

№ 64

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі І. М. Корабльова і О. М. Запутряєва

6 травня 1941 р.

Дело № _____ 19 ____ г.

С[овершенно] секретно
Форма № 1

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1941 г., мая 6-го дня, Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего – *военюриста 1-го ранга Васютинского*

и членов: 1. т. *военюриста 3-го ранга Нестерова*

2. *мл. лейтенанта госбезопасности Назарова*

при секретаре *военюристе т. Писареве*,⁶³

без участия прокурора и защиты,

рассмотрев дело по обвинению бывш[его] начальника УНКВД по Винницкой области, майора государственной безопасности Кораблёва Ивана Михайловича, 1899 г. рождения, уроженца с. Мисино Холменского

⁶³ Далі у документі – суцільний рукописний текст, не виділений курсивом.

езда, русского, гр[аждани]на СССР, члена ВКП(б) с 1919 года по день ареста, образование низшее, в органах НКВД с 1920 г., несудимого, в момент ареста – зам[еститель] начальника Архангельского бумстроя НКВД, депутат Верховного Совета УССР, и бывш[его] зам[естителя] начальника 3-го отдела УНКВД по Винницкой области, лейтенанта государственной безопасности Запутряева Александра Михайловича, 1903 г. рождения, уроженца д. Боровицы Калининской области, русского, гр[аждани]на СССР, члена ВКП(б) с 1924 года по день ареста, образование незаконченное высшее, в момент ареста – ст[аршего] инспектора при директоре Кировского завода в гор. Ленинграде, несудимого, в органах НКВД с 1934 года, обоих в преступлениях, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР,

у с т а н о в и л :

В практике Винницкого УНКВД в 1938 г. в бытность у руководства бывш. начальника Управления Кораблёва, по установкам последнего, слепо выполнялись вражеские задания бывш. наркома внутренних дел УССР Успенского по проведению массовых арестов гр[ажд]н независимо от наличия компрометирующих материалов на них с последующим применением к арестованным незаконных методов следствия с целью получения от них признания в к-р деятельности для репрессирования возможно большего числа людей, якобы причастных к различным анти-советским формированиям, искусственно создававшимся в Винницком УНКВД по ориентировкам врага народа Успенского.

На этой почве вместо работы по выявлению действительных а[н-ти]/с[оветских] элементов Кораблёв при участии Запутряева и др. сотрудников УНКВД – Ширина, Майструка, Пришивцына, Данилейко и Бутенко, материалы о коих выделены из настоящего дела, систематически и грубо нарушал социалистическую законность.

Так, например, по Винницкому УНКВД практиковались массовые аресты гр[ажд]н по так называемым оперативным листам, в коих райотделы НКВД по требованию УНКВД сообщали списки лиц с компрометирующими о них данными. На этих списках, а также на оперативных листах, составляемых отделами УНКВД, Кораблёв или его помощник Бутенко без всякой проверки действительных компрометирующих материалов, а в ряде случаев при явном отсутствии таковых, даже судя по их описанию в оперативных листах, делали отметки об аресте людей по указанным спискам, и означенные массовые аресты огулом утверждались Кораблёвым, а затем также без проверки наличия компрометирующих материалов эти аресты санкционировались быв[шим] Винницким областным прокурором Тернивским или его заместителем Другобицким. Так были санкционированы аресты 16/VI–1938 г. по трём оперативным листам 200 человек, в том числе были включены бывшие красные партизаны Гнатюк Даниил, Чабан Кирилл, Пасенко Макар, Ракич, Чернюк и др., на которых никаких компрометирующих материалов на день ареста не было. Означенные оперативные листы вместо Кораблёва были утверждены его помощником Бутенко.

Также были утверждены лично Кораблёвым при участии Ширина и Пришивцына 8/VII—1938 г. два оперативных листа на 287 человек, назначенных к аресту, среди коих оказались ряд лиц, безосновательно включенных, в том числе: Рудось Степан, Сосюк Ефим, Гавриш Константин и др.

При выполнении вражеской установки Успенского о вскрытии якобы повсеместно существующей к-р организации из бывш. красных партизан Кораблёвым произведены были массовые аресты среди б[ывших] красных партизан на Винниччине, из коих впоследствии ряд лиц были освобождены с прекращением о них дел, а часть осуждена к ВМН.

Выполняя эти же преступные установки, Запутряев сфальсифицировал справки на арест 3-х б[ывших] красных партизан — колхозника Полищука Филиппа, участника отряда Котовского, члена ВКП(б) Лазарева Георгия и б[ывшего] командира партизанского полка, члена ВКП(б) Масалова Кузьму.

Не располагая никакими компрометирующими материалами на указанных лиц, Запутряев собственноручно дописал в составленных на них справках о наличии якобы данных об их антисоветской деятельности, на основании чего Полищук, Лазарев и Масалов были арестованы 5–6/VI—[19]38 года, а санкции на указанные аресты от областного прокурора получены были 10–11 июня 1938 года.

Лазарев и Масалов, как видно из приобщённых следственных дел о них, осуждены Особой Тройкой УНКВД под председательством Кораблёва к ВМН лишь на основании их непроверенных и ничем не подтверждённых, явно неправдоподобных признаний в к-р деятельности. Полищук был освобождён позже, в 1939 г.

Под руководством Кораблёва и при его непосредственном участии в 1938 году произведены были также массовые аресты среди партийно-советского актива Винницкой области из лиц, проходивших по показаниям ранее арестованных из этой категории. При этом показания о причастности к к-р организациям добивались преступными методами следствия, как, например, путём групповых допросов, физических мер воздействия и допросов уже осуждённых к ВМН.

Таковыми преступными путями по б[ывшему] 4-му отделу было создано искусственно дело о к-р организации «Бунд», по коему было арестовано 18 человек, давших под влиянием физических мер воздействия вымышленные показания о своей принадлежности якобы к к-р организации, в результате чего были осуждены 7 чел. к ВМН и 10 чел. к разным срокам ИТЛ. (Один человек умер до суда).

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 13/IV—1940 г. указанный приговор Винницкого облсуда был отменён и дело прекращено с освобождением всех из-под стражи, за исключением 4-х чел., умерших до отмены приговора в тюрьме.

По этому делу, как явствует из докладной записки Кораблёва на имя врага народа Успенского и показаний свидетелей из б[ывших] подследственных Винницкого УНКВД по этому делу — Эпельбаума, Уринцева и Когана, а также сотрудника Майструка, для всех обвиняемых по этому делу накануне судебного процесса, проводившегося в тюрьме, была

создана такая обстановка, которая должна была их заставить подтвердить на суде ранее вынужденные на следствии показания.

Так же сфальсифицировано было по б[ывшему] 4-му отделу при участии Ширина, Пришивцына и Майструка дело о бывш. 3-ем секретаре обкома КП(б)У Юрьеве, секретаре горкома КП(б)У Лунькове и др., коих под влиянием физических мер воздействия также заставили дать вымышленные показания о своей причастности якобы к право-троцкистской к-р организации, и, добившись от них провокационным путём подтверждения этих показаний на суде, в результате чего Юрьев и др. были осуждены к ВМН, а часть — к разным срокам лишения свободы. Все они освобождены в результате отмены приговора касс[ационной] инстанцией.

Аналогична фальсификация дела на работников сахарной промышленности — Кожушко, члена ВКП(б) с 1917 г., гл[авного] инженера, награждённого орденом Трудового Красного Знамени, и директоров сахарных заводов Матчинова и Доленко, осуждённых было по вынужденным у них показаниям к разным срокам ИТЛ, а ныне освобождённых из-под стражи.

Таким же преступным путём в Винницком УНКВД под руководством Кораблёва пытались создать дело «Молодая генерация», по коему были арестованы ряд лиц, подозреваемых в принадлежности к молодёжной к-р организации, в том числе и б[ывший] сотрудник УНКВД Фукс, позже в числе других освобождённый из-под стражи.

По б[ывшему] 3-му отделу в числе арестованных бывш. бессарабцев арестована была по подозрению в шпионаже политэмигрантка Райзман Ася, которая на протяжении всего следствия категорически отрицала инкриминируемую ей шпионскую деятельность, указывая в своих показаниях пути и лиц, в том числе членов партии, через которых следствие могло бы проверить правдивость её показаний. Несмотря на это, к Райзман были применены тяжёлые физические меры воздействия, в результате которых она длительное время пролежала в больнице, а затем Райзман в ночь с 28/VI на 29/VI [19]38 г. пыталась покончить жизнь самоубийством, но была снята с петли.

Запутряев, зная о незаконных методах следствия по делу Райзман и полным игнорированием следствием необходимой проверки её показаний при наличии отрицания ею обвинения в шпионской деятельности, всё же допустил оформление дела Райзман на судтройку, в результате чего она была осуждена к ВМН.

При активном участии Запутряева допущена была также фальсификация по делу о чешской к-р националистической организации, по коей по заданию Кораблёва были переоформлены протоколы допросов арестованных по этому делу Вашировского⁶⁴, Явурека и др. в числе 10 человек, показания коих о шпионской деятельности в пользу чехословацкой разведки были переделаны Запутряевым и Водкиным (осуждён ранее за искривление соц. законности) на шпионаж в пользу германской разведки. При этом протоколы последних допросов были датированы задним

⁶⁴ У документі помилково через літеру «е» у другому складі — Вашировського.

числом, а старые протоколы из дела изъяты. Все они осуждены судтройкой УНКВД под председательством Кораблёва к ВМН.

Помимо указанной преступной практики, допущенной Кораблёвым по судостройке, им также грубо нарушена директива НКВД СССР за № 189 1938 года о неподсудности судтройке дел о специалистах (инженерах, врачах и т.п.), сотрудников НКВД и войск НКВД, а также военнослужащих со званием. После получения указанной директивы Кораблёвым пропущены через судостройку в сентябре и октябре 1938 г. ряд лиц указанных категорий, в том числе начальник штаба дивизии, имевший звание капитана, инженеры сахарных заводов, врачи, агрономы и сотрудники НКВД.

Привлечённые по настоящему делу к уголовной ответственности Кораблёв и Запутряев виновными себя признали частично, ссылаясь на обстановку при вражеском руководстве в НКВД УССР – Успенского в 1938 году.

Однако материалами дела и свидетельскими показаниями Кораблёв и Запутряев полностью изобличаются в инкриминируемых им преступлениях. При этом, как предварительным, так и судебным следствием вскрыты и карьеристские побуждения Кораблёва в совершённых им преступлениях, что подтверждается его докладными записками на имя врага народа Успенского, имеющимися в деле.

На основании изложенного Военный Трибунал признал виновными Кораблёва и Запутряева в том, что будучи первый – начальником областного Управления НКВД, а второй – ответственным оперативным работником УНКВД по Винницкой области и злоупотребляя своим служебным положением, грубо нарушали социалистическую законность, что выразилось со стороны обоих в производстве массовых необоснованных арестов, применении незаконных методов следствия, а также в фальсификации дел о к-р организациях, в том числе и бесосновательных арестах б[ывших] красных партизан и лиц из партийно-советского актива. При этом Кораблёв признан виновным также в том, что из карьеристских побуждений стремился к всемерному расширению контингента лиц, намечаемых к аресту, и ускорению пропуска их через судтройку, в том числе и лиц неподсудных ей. В результате чего, как через судтройку, так и другие судебные инстанции были пропущены ряд дел по явно необоснованным материалам обвинения и осуждены к ВМН и разным срокам лишения свободы ни в чём не повинные граждане, в том числе и два б[ывших] красных партизана Лазарев и Масалов, дела на коих сфальсифицированы при участии Запутряева, каковые – преступления, учитывая их отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206-17 п. «б» УК УССР в отношении обоих.

В силу чего и руководствуясь ст. ст. 296 и 297 УПК УССР,

п р и г о в о р и л:

Кораблёва Ивана Михайловича и Запутряева Александра Михайловича на основании ст. 206-17 п. «б» УК УССР, лишив обоих присвоенных им специальных званий: первого – майора госбезопасности, а второго – лейтенанта госбезопасности, обоих к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор может быть обжалован в 5-тидневный срок со дня вручения выписки из приговора обоим осуждённым через ВТ, вынесший приговор, в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Нестеров
Назаров*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 9, арк. 183–187 зв. Оригінал. Рукопис на бланку. Документ (завірена машинописна копія) вперше опубліковано у книзі: Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Вінницька область. – Кн. 5. – С. 157–161.

№ 65

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР про заміну розстрілу І. М. Корабльова і О. М. Запутряєва на 10 років позбавлення волі у ВТТ

24 червня 1941 р.

Васютинский.
7.VI–[19]41 г.
зн.

Сов. секретно. Снято [...⁶⁵] коп[ии].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 5–5389⁶⁶ ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего Армвоенюриста УЛЬРИХ[А]
и членов Диввоенюриста СУСЛИНА,
Военюриста 1 ранга ЧЕПЦОВА,

рассмотрев в заседании от 24 июня 1941 г. кассационную жалобу КОРАБЛЁВА Ивана Михайловича и ЗАПУТРЯЕВА Александра Михайловича на приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 6 мая 1941 г. по делу осуждённых за преступления, предусмотренные ст. 206-17 п. «б» УК УССР – ОБОИХ к РАССТРЕЛУ с лишением специальных званий: первого – майора госбезопасности, а второго – лейтенанта госбезопасности,

заслушав доклад тов. Суслина,
заключение пом[ощника] Главного Военного Прокурора тов. Малярова об оставлении приговора в силе,

⁶⁵ Текст пошкоджено.

⁶⁶ Частина цифр не читається (пошкодження тексту). Відновлено за нумерацією наприкінці документу.

ОПРЕДЕЛИЛА:

Виновность КОРАБЛЁВА и ЗАПУТРЯЕВА в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР, материалами предварительного и судебного следствия доказана, однако, не усматривая необходимости в применении к ним высшей меры уголовного наказания, применить в отношении их ст. 46 УК УССР и заменить КОРАБЛЁВУ и ЗАПУТРЯЕВУ расстрел лишением свободы в ИТЛ сроком по десять лет каждому без поражения в правах, но с лишением специальных званий КОРАБЛЁВА — майора госбезопасности, ЗАПУТРЯЕВА — лейтенанта госбезопасности.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: Пом. секретаря Военной коллегии Верховсуда СССР
ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ 2 РАНГА

Шуманов

Препровождается вместе с делом в 29 т. в 1-й спецотдел НКВД СССР. Копии: в ВТ Войск НКВД Киевского Округа для исполнения, копия в ГВП — для сведения.

2/VII 1941 г. № 5—5389

Секретарь ВК

Шуманов

На документі є:

- 1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;
- 2) прямокутний штамп з написом: «НКВД СССР. Вх. 350992 от 4/VII 1941 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 66927, т. 8 арк. 257–257 зв. Завірена копія. Машинопис на бланку. Документ вперше опубліковано у книзі: Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Вінницька область. — Кн. 5. — С. 162.

РОЗДІЛ 4. СПРАВА СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС ПО ХАРКІВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 66

**Протокол судового засідання Військового трибуналу
військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова,
І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва**

25 червня 1940 р.

Дело № 009—1940 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1940 г., июня 25-го дня, Военный трибунал войск НКВД Харьковского округа в помещении ВТ в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военного юриста РУБЕЖИНА,

Членов — военного юриста 3 ранга МАЛЫХИНА и

военного юриста 2 ранга МУСЕЙЧУКА,

при секретаре — военном юристе ЭФРОИМСОНЕ,

с участием адвокатов г. Харькова ИДЕЛИОВИЧА, НОВИКОВА,
ГАЛЬПЕРИНА и КАТРИЧЕНКО.

Рассмотрел дело № 009—1940 г. по обвинению бывш[его] зам[естителя] нач[альника] УНКВД [по] Харьковской области ст[аршего] лейтенанта госбезопасности ПЕРЦОВА Давида Ароновича, быв[шего] нач[альника] отделения IV отдела [У]НКВД ст[аршего] лейтенанта госбезопасности КРЮКОВА Ивана Ивановича, бывш[его] пом[ощника] нач[альника] Особого отдела ХВО мл[адшего] лейтенанта госбезопасности СЕРЕДА Якова Петровича по ст. 206-17 п. «а» УК УССР и быв[шего] нач[альника] Груньского райотдела НКВД Сумской обл[асти] КОПАЕВА Алексея Павловича по ст. ст. 206-17 п. «а» и 54-10 ч. 1 УК УССР.

Судебное заседание открыто в 12 час. 10 мин.

Секретарь доложил, что подсудимые ПЕРЦОВ, СЕРЕДА, КОПАЕВ, КРЮКОВ, содержащиеся под стражей, в судебное заседание доставлены.

Из числа вызывавшихся свидетелей все явились, за исключением свидетелей: БАБКИНОЙ, КУРПАСА, КРЮКОВА Николая и ВОЛОДАРСКОГО.

Свидетель ВОЛОДАРСКИЙ по указанному адресу в гор. Ленинграде не проживает.

Свидетель БАБКИНА находится в отпуску и пребывает в санатории – г. Кисловодск.

Причины неявки остальных свидетелей неизвестны.

Кроме того, в судебном заседании присутствуют адвокаты: ИДЕЛИОВИЧ, НОВИКОВ, КАТРИЧЕНКО и ГАЛЬПЕРИН.

Представитель Военной прокуратуры в судебное заседание не явился. Причина его неявки неизвестна. О дне слушания дела с участием обвинения Военный трибунал 15/VI.[19]40 г. письменно сообщил Военному прокурору войск НКВД Харьковск[ого] окр[уга].

Военный трибунал удостоверяется в самоличности подсудимых, которые о себе показали:

1. ПЕРЦОВ Давид Аронович, 1909 г. рождения, уроженец г. Александрии Днепропетровской обл. Сейчас отбываю наказание по приговору Военной коллегии от 15 августа 1939 г., коим был осуждён к 4 годам лишения свободы в ИТЛ. За несколько месяцев до ареста работал зам[естителем] нач[альника] облуправления НКВД по Харьков[ской] обл[асти] на протяжении времени с 5 апреля 1938 г. по 16 ноября 1938 г. Имею специальное звание – ст[арший] лейтенант госбезопасности. Самостоятельно начал работать с 1925 г. До 1929 г. работал на колбасной фабрике. В органах НКВД служил с 1929 г. По происхождению я из рабочих. Отец мой был рабочим обувной фабрики. По национальности еврей. Был чл[еном] партии с 1929 г., из рядов ВКП(б) исключён в связи с данным делом. Женат. Образование низшее. В РККА не служил. Копию обвинительного заключения получил 15 июня 1940 г.

2. КРЮКОВ Иван Иванович, 1903 г. рождения, уроженец с. Репное Балашовского р-на Саратовской обл. РСФСР. С 23 ноября 1938 г. по июль м[есяц] 1939 года работал Одесским областным прокурором. В органах НКВД с 1930 г. по 1938 г. Последняя моя должность на работе в органах НКВД – зам[еститель] нач[альника] III отдела УГБ УНКВД [по] Харьковской обл[асти]. Имею спецзвание – старший лейтенант госбезопасности. Был чл[еном] партии с 1930 г. О том, что меня исключили из партии, мне не сообщили. По национальности русский. Женат. Образование высшее, в октябре 1926 г. закончил факультет совправа при Ленинградском госуниверситете. В РККА не служил. Не судился. Под стражей по данному делу нахожусь с 16 ноября 1939¹ г. Копию обвинительного заключения получил 20 июня 1940 г.

3. СЕРЕДА Яков Петрович, 1903 г. рождения, уроженец с. Борки Зеньковского р-на Полтавской обл. УССР, до ареста я работал нач[альником] отделения Особого отдела ХВО, на этой должности я находился до января 1939 г. В органах НКВД работал с июня м[есяц]а 1930 г. Имею спецзвание – мл[адший] лейтенант госбезопасности. По национальности украинец. Женат. Образование низшее. Родители мои были сперва бедняки, а потом колхозники. Последнее время отец не работает, т. к. является инвалидом. Был членом партии с 1926 г. по 1939 г. В РККА служил по призыву с 1925 по 1927 г. Не судился. Под стражей по данному делу нахожусь с 22 марта 1939 г. Копию обвинительного заключения получил 20 июня 1940 г.

4. КОПАЕВ Алексей Павлович, 1907 г. рождения, уроженец с. Верблюжка того же района Николаевской обл. УССР. Отец с 1929 г. – член колхоза. Последнее моё место службы до ареста и должность

¹ У документі помилково – 1938.

– врид нач[альника] Груньского [райотделения] НКВД. В УНКВД [по] Харьк[овской] обл[асти] работал с 31 марта 1938² г. по декабрь м[есяц] 1938 г. Спецзвания не имею. По национальности украинец. Образование среднее. Холост. В органах НКВД служил с 31 марта 1938 г. В РККА не служил. Не судился. Был чл[еном] партии с 1932 года. Копию обвинительного заключения получил 20 июня 1940 г. Под стражей по данному делу нахожусь с 26³ декабря 1939 г.

Объявляется состав Трибунала.

Разъяснён порядок отвода.

Составу Трибунала, а также адвокатам отвода не заявлено.

Свидетели предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний и об обязанности показать всё известное по делу в порядке 89[-й] ст. УК УССР, после чего они удаляются из залы судебного заседания.

Председательствующий спрашивает мнение защиты о возможности слушания дела в отсутствие неявившегося представителя Государственного обвинения.

Защитник ИДЕЛИОВИЧ от имени участвовавших в деле адвокатов заявил: Защита считает возможным слушать дело без участия представителя Гособвинения, учитывая, что Военная прокуратура была своевременно поставлена в известность о дне и месте слушания дела.

Председательствующий спрашивает адвокатов и подсудимых, какие они имеют ходатайства до начала судебного следствия.

Адвокат ИДЕЛИОВИЧ: Я ходатайствую перед Военным трибуналом о выделении из настоящего дела материалов по обвинению ПЕРЦОВА и прекращении обвинения в отношении его на основании 3[-й] ст. УПК УССР, поскольку отмены приговора от 15 августа 1939 г. нет, и ПЕРЦОВ по существу судится за то же преступление, по которому он отбывает наказание.

Адвокат НОВИКОВ: От имени моего подзащитного КОПАЕВА прошу вызвать в судебное заседание свидетелей ЦЕХОВСКОГО Леонида, пред[седателя] завкома завода 135, и ЕФИМОВА, мастера завода ХЭМЗ. С указанными лицами подсудимый КОПАЕВ в своё время совместно работал, и я прошу их вызвать для дачи характеристики подсудимому.

Кроме того, прошу истребовать протокол партсобрания от 12 мая 1938 г. Из просмотра этого протокола можно будет установить, что КОПАЕВА ориентировали на лиц, в отношении которых он вёл следствие как на врагов народа. Этим самым можно будет опровергнуть обвинения КОПАЕВА, что он требовал от арестованных б[ывших] сотрудников НКВД, дела коих находились в его производстве, заведомо ложных показаний об их принадлежности к к/р подполью.

Адвокат КАТРИЧЕНКО: От имени подсудимого СЕРЕДЫ прошу вызвать в судзаседание для допроса в качестве свидетелей: КУЗЬМЕНКО Степана – пом[ощника] Обл[астного] прокурора Харьковской обл[асти], ТАТАРИНЕЦ Алексея – директора Облконторы Госбанка и СТОЙЧАНОВА – работника УНКВД [по] Харьковской обл[асти]. Эти лица на протяжении различного промежутка времени совместно работали с подсудимым СЕРЕДОЙ, и они смогут дать на него характеристику.

² У документі помилково – 1931.

³ У документі помилково – 29.

Подсудимый КРЮКОВ заявил следующее ходатайство: «Я прошу приложить к делу три партхарактеристики за различные промежутки времени, кои у меня были изъяты во время ареста. Эти характеристики я в деле не вижу, они положительного характера, и поэтому прошу их истребовать. Кроме того, в отношении меня нарушена ст. 200 УПК УССР: с томами 1, 6 и 2, также 11 – делами – приложениями к моему делу – я совершенно не ознакомился. Постановление о предъявлении мне материалов дела я подписал, т. к. следователь меня заверил, что указанные тома и приложения не имеют отношения к моему делу. С указанными делами прошу ознакомиться в перерывах, не откладывая дело».

Подсудимый ПЕРЦОВ заявил ходатайство:

«Я также полностью не ознакомился с материалами дела и прошу предоставить мне возможность целиком ознакомиться с моим делом».

В 13 часов 45 минут Трибунал удаляется на совещание для обсуждения ходатайств адвокатов и подсудимых, а также вопроса о возможности слушания дела в отсутствие представителя Государственного обвинения.

В 15 часов Трибунал вышел из совещательной комнаты, и Председательствующий огласил определение по делу.

Судебное заседание закрыто в 15 час. 10 минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ

Рубежин

СЕКРЕТАРЬ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ
/I/мм

Эфроимсон

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 52–54. Оригінал. Машинопис.

№ 67

Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва

25 червня 1940 р.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1940 г., июня 25 дня, Военный трибунал войск НКВД Харьковского округа в составе:

Председательств[ующего]

воен. юриста

Рубежина

членов:

военного юриста 2 ранга

т. Мусийчука

и воен. юриста 3 ранга

Малыхина

при секретаре воен. юристе

Эфроимсоне

с участием адвокатов Иделиовича, Новикова, Гальперина и Катриченко.

Обсудив вопрос о неявке в судебное заседание Государственного обвинителя – представителя Военной прокуратуры войск НКВД Харьков[ского] округа, а также ходатайства адвокатов Иделиовича, Новикова и Катриченко, и обвиняемых Крюкова и Перцова,

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Имея в виду, что постановлением зам[естителя] Военного прокурора войск НКВД Харьков[ского] округа – военного юриста 2 ранга т. Пармита от 26/V–[19]40 г. при направлении дела по обв[инению] Перцова и других в Военный трибунал для рассмотрения было внесено предложение слушать это дело с участием обвинения и защиты, определением Подготов[ительного] заседания ВТ войск НКВД Харьков[ского] округа от 14/VI–[19]40 г. было решено дело Перцова и других слушать в судебном заседании с участием прокурора и защиты; такое же предложение внёс докладчик в ПЗ по этому делу военюрист 2 ранга т. Пармит. 15/VI–[19]40 г. Военный трибунал письменно сообщил Военному прокурору округа о дне слушания дела с участием обвинения. Несмотря на это, в судебное заседание представитель Военной прокуратуры не явился.

Учитывая важность этого дела и необходимость участия в нём Военной прокуратуры, дело слушанием отложить на 7/VII–[1940 г.] 12 ч. дня, о чём уведомить Военного прокурора войск НКВД Харьков[ского] округа.

Сообщить о неявке прокурора в судебное заседание Прокурору Союза ССР и Главному военному прокурору РККА.

2. Ходатайство о выделении дела на Перцова и прекращении его на основ[ании] ст. 3 УПК УССР разрешить в процессе судебного следствия.

3. Удовлетворить ходатайства адвокатов Новикова и Катриченко и вызвать в следующее судебное заседание в качестве свидетелей гр[ажд]дан Цеховского Леонида Васильевича, Ефимова Ивана Михайловича, Кузьменко Степана Тимофеевича, Татаринец Алексея Андриановича и Стойчанова Ивана Гавриловича.

Отказать в истребовании протокола партсобрания УНКВД от 12/V–[19]38 г., так как обстоятельства, для выяснения которых адвокат ходатайствовал об истребовании этого протокола, могут быть выяснены в судебном заседании материалами дела и показаниями свидетелей.

4. Удовлетворить ходатайства обвиняемых Крюкова и Перцова об ознакомлении их со всеми материалами дела.

Истребовать из 1-го спецотдела УНКВД по Харьков[ской] области 3 партийные характеристики на Крюкова, которые, по его заявлению, отобраны у него при аресте.

Сообщить нач[альнику] УНКВД по Харьков[ской] области о нарушении ст. 200 УПК УССР следователем т. Нестеренко при предъявлении материалов дела обвиняемому Крюкову для соответствующего реагирования.

Председат[ельствующий]

Рубежин

Члены:

Мусийчук

Малыхин

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 55–57. Оригінал. Рукопис.

**Протокол судового засідання Військового трибуналу
військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова,
І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва**

27–30 вересня 1940 р.

Дело № 9–1940 г.

СЕКРЕТНО

**ПРОТОКОЛ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

1940 г., сентября 27–30 дн[я], Военного трибунала войск НКВД Харьковского округа в помещении ВТ в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего – военного юриста 1 ранга ГУРЬЕВА,

Членов – военного юриста РУБЕЖИНА и

лейтенанта госбезопасности КИРИЛЕНКО,

при секретаре – ГЛАДКОВЕ,

с участием военного прокурора – военного юриста 2 ранга ШУЛЕПИНА и членов Харьковской коллегии адвокатов КРУГЛЯК[А], НОВИКОВА, ГАЛЬПЕРИНА и КАТРИЧЕНКО,

рассмотрел дело № 9–1940 г. по обвинению бывш[его] зам[естителя] начальника УНКВД по Харьковской области ПЕРЦОВА Давида Ароновича, быв[шего] нач[альника] отделения IV отдела того же УНКВД КРЮКОВА Ивана Ивановича, бывш[его] пом[ощника] нач[альника] ОО ХВО СЕРЕДА Якова Петровича – троих по ст. 206-17 п. «а» УК УССР и быв[шего] нач[альника] Груньского РО НКВД КОПАЕВА Алексея Павловича по ст. ст. 206-17 п. «а» и 54-10 ч. I УК УССР.

Судебное заседание объявлено открытым в 10 ч. 30 мин. (задержано на 30 мин. в связи с опозданием адвоката КАТРИЧЕНКО).

Секретарь доложил, что в зал судебного заседания доставлены подсудимые ПЕРЦОВ, КРЮКОВ, СЕРЕДА и КОПАЕВ, а также о том, что из числа вызванных по делу свидетелей явились ШМУШКО, САНДЛЕР, ЧУХРИЙ, БАБУШКИН, ПОЛИЩУК, ГЛЕБОВ, ВОРОНЦОВ, КУЛИШОВ, БАБКИНА, БЛЮМАН, КУРПАС, ВИНОГРАДОВ, ЦЕХОВСКИЙ, ЕФИМОВ.

Свидетелям ШЕГОЛЕВСКОМУ, ДРЕШЕРУ, КРУЛЬФЕЛЬД И., ГАНИНУ, БЕЛОВУ, ЛЕТНЕВУ-ШАТУНОВСКОМУ, АВДЕЕВУ, КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН и СТОЙЧАНОВУ повестки вручены, и они могут явиться по телефонному вызову.

Свидетели ОЛЕВИЧ и КУЗЬМЕНКО не явились в связи с болезнью, свидетель КРЮКОВ не явился в связи с тяжёлой болезнью ребёнка, свидетель ДЕВЯТИЛОВ выбыл в Западную Белоруссию, свидетель ТАТАРИНЕЦ выехал на курорт.

Свидетель БАРАБАНОВ находится под стражей и будет доставлен по вызову.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимых, которые о себе показали:

СЕРЕДА Яков Петрович, 1903 г. рождения, уроженец с. Борки Зиньковского р-на Полтавской обл. УССР, по соцпроисхождению из крестьян-бедняков, сам служащий, по национальности украинец, женат, образование низшее, служил в РККА по призыву с 1925 по 1927 г., состоял членом ВКП(б) с 1926 года (исключён в связи с данным делом), в органах НКВД работал с VI—1930 г., последняя должность — начальник отделения ОО ХВО, в особой следственной группе работал следователем с марта по конец июля м[еся]ца 1938 г., ранее не судился, имею спецзвание «младший лейтенант госбезопасности», имел взыскание в 1937 г. 3 суток ареста, имел поощрения — часы, отрез, арестован по настоящему 22.III—[19]39 г., копию обвинительного заключения получил около 3-х мес[яцев] тому назад.

КРЮКОВ Иван Иванович, 1903 г. рождения, уроженец села Репное Балашовского р-на Саратовской обл. РСФСР, по соцпроисхождению из крестьян — маломощных середняков, сам служащий, женат, состоял членом ВКП(б) с 1930 г. (исключён в связи с данным делом), образование высшее, в 1926 г. окончил Ленинградский гос. университет по факультету гос. права, в РККА и в других армиях на служил, в органах НКВД работал с 1930 г., имею спецзвание «ст[арший] лейтенант госбезопасности», до ареста около 5 мес[яцев] не работал, до этого около 8 месяцев работал Одесским обл[астным] прокурором, последняя должность в НКВД — зам[еститель] нач[альника] III отдела УНКВД по Харьковской области, в особой⁴ следственной группе работал следователем с марта до конца июня 1938 г., взысканий не имел, имел поощрения — часы и значок 15-летие ГПУ, ранее не судился, под арестом по настоящему делу — с 16 ноября 1938 г. Копию обвинительного заключения получил около 3-х месяцев тому назад.

КОПАЕВ Алексей Павлович, 1907 г. рождения, уроженец села Верблюжка того же района Николаевской обл. УССР, по соцпроисхождению из крестьян-бедняков, сам служащий, холост, по национальности украинец, образование незаконченное среднее, состоял членом ВКП(б) с 1932 г. (исключён в связи данным делом), в РККА и других армиях не служил, в органах НКВД работал с 31.III—[19]38 г., последняя должность — начальник Груньского РО НКВД, в особой следственной группе работал с конца III до V—[19]38 г., взысканий не имел, в 1938 г. награждён именными часами, арестован по настоящему делу 26.XII—[19]39 г. Копию обвинительного заключения получил три мес[яца] назад.

ПЕРЦОВ Давид Аронович, 1909 г. рождения, уроженец м. Александрия Днепропетровской обл. УССР, по соцпроисхождению из рабочих, отец сапожник, сам служащий, по национальности еврей, женат, образование низшее, в РККА и других армиях не служил, в органах НКВД работал с 15.XII—[19]29 г., последняя должность — зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Харьковской области, в данное время отбываю меру наказания по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15.VIII—[19]39 г., коим осуждён на 4 года по ст. 206-17 п. «а», в 1937 г. награждён орденом

⁴ Тут і далі у документі — особо.

Красной Звезды⁵, копию обвинительного заключения по настоящему делу получил три месяца тому назад.

Председательствующий удостоверяется в самоличности явившихся свидетелей, предупреждает их о необходимости показывать только правду и об ответственности за ложные показания по ст. 89 УК УССР, после чего свидетели из зала заседаний удалены.

Председательствующий объявляет состав суда, прокурора, адвокатов, разъясняет подсудимым право отвода, спрашивает у подсудимых, есть ли отвод.

Отвода составу суда подсудимыми не заявлено. Также не заявлено отвода прокурору и адвокатам.

Председательствующий разъясняет подсудимым и сторонам о их праве заявить ходатайства о приобщении к делу документов, о вопросах к свидетелям, в вызове дополнительных свидетелей, а также о порядке дачи объяснений по делу.

Спрашивает у прокурора, адвокатов и подсудимых, какие имеются ходатайства.

Прокурор, адвокаты и подсудимые заявили, что ходатайств не имеют.

Председательствующий оглашает обвинительное заключение, разъясняет подсудимым суть предъявленного обвинения, спрашивает у подсудимых, признают ли себя виновными и желают ли давать объяснения по делу.

Подсудимый СЕРЕДА: «Я признаю себя виновным в применении незаконных методов следствия к б[ывшим] арестованным ВОРОНЦОВУ, ЧУХРИЮ, ДРЕШЕРУ и частично другим».

Подсудимый КОПАЕВ: «Признаю себя виновным только в применении физических методов при допросах б[ывших] арестованных ЩЕГОЛЕВСКОГО, ДРЕШЕРА, ВОРОНЦОВА и САНДЛЕРА».

Подсудимый КРЮКОВ: «Признаю себя виновным в нарушении норм УПК и применении физических методов при допросах к б[ывшим] арестованным ДРЕШЕРУ, ПОЛИЩУКУ, ГЛЕБОВУ, ЩЕГОЛЕВСКОМУ, ВОРОНЦОВУ и САНДЛЕРУ».

Подсудимый ПЕРЦОВ: «Обвинения, предъявленные мне по настоящему делу, были предметом суждения Военной коллегии Верховного суда СССР, и я осуждён в 1939 г. на 4 года, по новым эпизодам в этом деле, как лжеинформации⁶ НКВД УССР, аресты быв[ших] сотрудников, виновным себя не признаю».

Председательствующий спрашивает мнение сторон о порядке исследования дела, а также о возможности слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей.

Прокурор: Прошу установить следующий порядок исследования дела, т. е. допросить СЕРЕДУ, КОПАЕВА, КРЮКОВА, ПЕРЦОВА, затем свидетелей. О неявившихся свидетелях вопрос разрешить в процессе судебного следствия.

Адвокаты КРУГЛЯК, НОВИКОВ, ГАЛЬПЕРИН и КАТРИЧЕНКО заявили, что они присоединяются к мнению прокурора.

⁵ У документі — орденом «Красная Звезда».

⁶ У документі — лжеинформация.

ВТ, посоветовавшись на месте, определил: исследование дела начать с допроса подсудимого СЕРЕДА, затем КОПАЕВА, КРЮКОВА и ПЕРЦОВА, а также оглашается очерёдность и время опроса свидетелей (приложение к протоколу судебного заседания).

На предложение Председательствующего подсудимый СЕРЕДА показал: «Меня обвиняют в том, что я якобы знал о незаконных арестах, но ведь на всех арестованных б[ывших] сотрудников НКВД имела санкция наркома и прокурора. Так, АВДЕЕВ был арестован по распоряжению Успенского. На него имелись показания ПОГОРЕЛОВА о принадлежности к белым. ШМУШКО также был арестован по распоряжению Успенского. ДЕМЧЕНКО и ПТАШИНСКИЙ сами написали о себе и других ряд путанных показаний, и уже потом, когда я убедился в невинности ПТАШИНСКОГО, я несколько раз ставил перед руководством УНКВД вопрос о его освобождении. Я не был заинтересован и не принимал участия в создании несуществующих к-р группировок. Обвинительное заключение по настоящему делу хотя и утверждено прокурором, всё же составлено с нарушением ст. 203 УПК. Бывш[ий] арестованный САНДЛЕР, как значится в обвинительном заключении, освобождён, а между тем он после сдачи мною дел содержался под стражей около 2-х лет и был осуждён. БАБУШКИНА дело ни я, ни КРЮКОВ не вели. ШЕГОЛЕВСКИЙ также якобы был арестован неправильно, но ведь он сам написал о том, что 20 лет обманывал партию и органы НКВД тем, что он был в плену, что он – б[ывший] красный партизан. Будучи направленным на работу в УНКВД по Харьковской области, я вначале выполнял черную работу, т. е. подшивал дела, производил обыски и аресты и числился в резерве. В процессе работы видел, что арестованных били многие опер. работники. Затем, когда организовалась т. н. особо следственная группа, меня вызвал начальник УНКВД ТЕЛЕШЕВ и предложил работать в распоряжении КРЮКОВА И. Я чувствовал себя не подготовленным для работы по сотрудникам и заявил об этом ТЕЛЕШЕВУ⁷, который мне сказал, что КРЮКОВ И. с высшим образованием, юрист, и поможет мне в работе. С приходом в след. группу включился в допросы арестованных. Первое применение побоев началось с арестованного ЧУХРИЯ, потом ОЛЕВИЧА, ДРЕШЕРА и других. Избиения проводились с санкции руководства УНКВД. Я также принимал участие в избиениях ШМУШКО и ВОРОНЦОВА. Должен сказать, что активное участие в допросах ДРЕШЕРА принимали б[ывший] начальник [УНКВД] КОБЫЗЕВ⁸, [его] заместитель ПЕРЦОВ и КРЮКОВ Николай. В 1938 г. ни один протокол допроса арестованных не проходил без корректировки начальства (КРЮКОВ И., ПЕРЦОВ). Особенно рьяно фальсифицировал протоколы б[ывший] начальник отдела ТЫШКОВСКИЙ. Не в меньшей мере занимался фальсификацией дел и особоуполномоченный МОРДУХОВИЧ. Он, имея сигналы о том, что ПОЛИЩУК дал ложные о себе показания, всё

⁷ Тут і далі у документі помилково через літеру «о» у третьому складі – Телешову, Телешов.

⁸ Тут і далі у документі помилково через літеру «о» у другому складі – Кобозев.

же оформил его дело на Военную коллегияю, а потом, видимо, боясь быть разоблачённым, отозвал дело из ВК якобы по дополнительным данным. На предварительном следствии быв[ший] арестованный БАБУШКИН давал показания о том, что якобы список участников к-р организации он получил от меня, потом показания изменил и заявил, что он получил его от ЛЕТНЕВА и вообще путает. Такие б[ывшие] арестованные, как САНДЛЕР и ЩЕГОЛЕВСКИЙ, сами, проводя следственную работу, жестоко избивали арестованных. Я, безусловно, признаю себя виновным в избиениях арестованных, действовал с ведома и санкции руководства – КРЮКОВА, знали и принимали участие и КОБЫЗЕВ, и ТЕЛЕШЕВ.

На вопросы прокурора – подсудимый СЕРЕДА:

«Да, в 1938 г. я был член[ом] ВКП(б). Помимо уже названных мною лиц, я применял меры физического воздействия к арестованному САНДЛЕРУ. ЩЕГОЛЕВСКОГО я не бил. ПОЛИЩУКА допрашивал я и несколько раз бил. ГЛЕБОВА я не допрашивал. В допросах КРУЛЬФЕЛЬД И. участие, кажется, принимал, но не бил его. ПАНДОРИНА я допрашивал как свидетеля в тюрьме. ПЕТРОВА я вообще не знаю. Жену КРУЛЬФЕЛЬДА я не арестовывал и не провоцировал её на признания и на оговор мужа. Дело КРУЛЬФЕЛЬД И. вёл КОПАЕВ. САНДЛЕРА я допрашивал несколько раз и бил. ШМУШКО дал показание о его принадлежности к шпионажу до применения к нему мер физического воздействия».

По просьбе прокурора Председательствующий оглашает показание подсудимого СЕРЕДА (л. д. 161 т. III).

Подсудимый СЕРЕДА: «На первом допросе ШМУШКО отказался вообще давать показания, а на втором допросе он заявил, что в 1919 г. был завербован в контрразведку белых, но от развёрнутых показаний отказался, и только после того, когда мы с КОПАЕВЫМ побили его, он стал писать показания. Били ШМУШКО линейкой и, кажется, палкой. На партийном собрании я о количестве избитых арестованных не говорил. Фальсификацией дел я не занимался. Ст. 134 УПК мне не известна. О том, что в период 1937–[19]38 гг. в НКВД арестованных вообще били, считая каждого врагом, знали и в прокуратуре ХВО, и в Прокуратуре СССР, однако никаких мер к устранению этого не принимали. ГЛЕБОВ работал начальником Чугуевского РО НКВД, для ареста его было много материалов, как по должностным преступлениям, так и к-р деятельности. Били его потому, что он отрицал имевшиеся на него показания. Показания арестованных и на арестованных никто не проверял. Протоколы показаний арестованных я не корректировал, этим занимались КРЮКОВ И. и ПЕРЦОВ. Корректировались протоколы в сторону усугубления вины арестованных связями с организацией и связями на участников к-р преступлений. После ареста ДРЕШЕРА ко мне обратилась его жена и спросила, как быть. Я посоветовал ей поехать в Москву и добиться приёма к ЕЖОВУ и ВЫШИНСКОМУ. Чем это закончилось, я не знаю, но после её возвращения из Москвы КРЮКОВ И. ставил вопрос об её аресте. Кроме того, намечался арест жены ПОЛИЩУКА, которая подозревалась в том, что изорвала плакаты, вывешенные на одном из домов (кажется, № 9) по Каразинской ул. ко дню выборов в Верховный Совет. На одном из

протоколов допроса ЩЕГОЛЕВСКОГО, когда я передал его ПЕРЦОВУ, последний дословно наложил такую резолюцию: “т. СЕРЕДА. В УНКВД существовала сионистско-троцкистская организация. Об этом сказано мало. Д.П.”. Хочу сказать, что я этой резолюции не придал никакого значения, и поэтому она на дела отражения не имела».

На вопросы ЧКА⁹ КАТРИЧЕНКО – подсудимый СЕРЕДА:

«Я сам, т. е. без санкции ПЕРЦОВА и КРЮКОВА Ивана, арестованных не бил. В момент ареста отдельных лиц на них имелись краткие справки с порочащими данными в к-р деятельности. АВДЕЕВ был освобождён из под ареста по моему настоянию. Да, после корректировки протоколов руководством они мною давались на подпись арестованным, и арестованные их подписывали без возражения или с незначительными замечаниями».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый СЕРЕДА:

«Особо следственная группа справки на арест не оформляла. Приказ о назначении КРЮКОВА Ивана начальником группы я не видел. Лжеинформация от 25.VI-[1938 г.] в НКВД УССР составлялась КРЮКОВЫМ с моей помощью. Да, протокол допроса ЩЕГОЛЕВСКОГО, на котором была наложена резолюция ПЕРЦОВА о сионистско-троцкистской организации, был передан мною ПЕРЦОВУ через его секретаря».

На вопросы ЧКА КРУГЛЯКА – подсудимый СЕРЕДА:

«Ни одно дело на арестованных – ныне свидетелей – особо-следственной группой закончено не было. Я по делу ПЕРЦОВА допрашивался несколько раз. На всех арестованных сотрудников дела прекращены после того, как мы дела передали другим».

На вопрос ЧКА НОВИКОВА – подсудимый СЕРЕДА:

«КОПАЕВ в группе был следователем, но самостоятельно работу не проводил».

На вопросы ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«Арестованных избивали на предмет получения от них показаний о к-р деятельности. Дело ДРЕШЕРА вёл КРЮКОВ, а я помогал ему на этих допросах. При допросах применялась палка, били палкой ПОЛИЩУКА, ДРЕШЕРА и других. Били палкой и сильно потому, чтоб давали признания о своей к-р деятельности. Дело ОЛЕВИЧА находилось в производстве в аппарате особоуполномоченного. Допрашивал его КРЮКОВ; били КРЮКОВ и ПЕРЦОВ. ЧУХРИЯ дело вёл я, били его палкой ПЕРЦОВ и КРЮКОВ. Вообще били жестоко, но не так, как они говорят об этом. Я никогда водки не пил и показания ШМУШКО в этой части отвергаю. ШМУШКО хотели бить, но он стал давать показания сам. Запись в показаниях на л. д. 161 и 162 т. III не точная. Знаю, что ПЕРЦОВЫМ были откорректированы протоколы допроса ЩЕГОЛЕВСКОГО, ВОРОНЦОВА, ПОЛИЩУКА и САНДЛЕРА. Когда САНДЛЕР дал показания на ТИМОШЕНКО, до избивания ли после, не помню. КРЮКОВ Николай (секретарь ПЕРЦОВА) также корректировал протоколы по указанию ПЕРЦОВА. Принимал участие в избиваниях арестованных. Руководство особо-следственной группой

⁹ ЧКА – член колегії адвокатів.

осуществлялось нач[альником] и зам[естителем] нач[альника] УНКВД, а непосредственно — КРЮКОВЫМ Иваном. БАБУШКИН в моём присутствии МОРДУЛЕВИЧЕМ вызывался на очную ставку с ЩЕГОЛЕВСКИМ, который признался, оговаривал БАБУШКИНА. БАБУШКИН отрицал обвинения и бросился в окно с 4[-го] этажа, за это его били палкой я, МОРДУХОВИЧ, БОЛЬШУНОВ. Перепроверка показаний отдельных арестованных проводилась частично. В частности, перепроверка была по делу САНДЛЕРА. Справок на альбом особо-следгруппа не составляла. В отношении оказания медпомощи б[ывшему] арестованному ЧУХРИЮ я заходил в кабинет к б[ывшему] нач[альнику] УНКВД КОБЫЗЕВУ, у которого сидел и ПЕРЦОВ. Выслушав меня, КОБЫЗЕВ резко ответил: “Как шпионам оказывать помощь, пусть подыхает” и, обращаясь к ПЕРЦОВУ, предложил ему проверить, как вообще обстоит дело с медпомощью в тюрьме. Резолюция ПЕРЦОВА на протоколе допроса ЩЕГОЛЕВСКОГО о существовании в УНКВД сионистско-троцкистской группы, как я уже говорил, никакого отражения на дела не имела, и об этой резолюции всплыл вопрос только на предварительном следствии по нашему делу. В показаниях арестованных они сами давали признания о существовании такой организации. В донесении в НКВД УССР с “подозреваются” на “обвиняется” исправил КРЮКОВ, а окраску к-р деятельности — ПЕРЦОВ. На ЧУХРИЯ и ОЛЕВИЧА санкцию на избиение дал ПЕРЦОВ. В остальных случаях я получал указания об избиениях и допросах от КРЮКОВА, а он ссылался или на ПЕРЦОВА, или на КОБЫЗЕВА.

Оснований на арест я не знал, материалы о к-р деятельности на многих, кроме справки на арест, я не видел, но был убеждён, что это — враги в квадрате, так учило руководство — ТЕЛЕШЕВ, КОБЫЗЕВ и ПЕРЦОВ. Лжеинформация о раскрытии в УНКВД троцкистско-сионистской группы составлялась КРЮКОВЫМ Иваном, я помогал, готовили подпись ПЕРЦОВА, но почему-то он не подписал, а подписал начальник [УНКВД] КОБЫЗЕВ.

Подсудимый КОПАЕВ показал: «Я на работу в органы НКВД пришел по мобилизации ЦК партии 31.III[19]38 г. Мне сразу же бросилось в глаза поведение старых сотрудников с арестованными на допросах, т. е. избиения арестованных, ругань. Будучи поражен этим, я высказал своё недовольство одному из товарищей. Об этом стало известно б[ывшему] нач[альнику] УНКВД ТЕЛЕШЕВУ, который вызвал меня к себе и заявил: “Вас прислали работать, а не хныкать, и если Вы будете либеральничать с врагами, то Вам не место не только в НКВД, но и в партии”. После такой нахлобучки мне пришлось смириться с окружающей обстановкой. На второй или на третий день я был направлен в распоряжение КРЮКОВА И. в т. н. особо-следственную группу. Мне было поручено вести следствие по делу ЩЕГОЛЕВСКОГО. Это дело я вёл от начала и до конца и с санкции КРЮКОВА применял к ЩЕГОЛЕВСКОМУ физические меры воздействия, так как он не хотел давать признаний. КРЮКОВ мне говорил о том, что враги, пробравшиеся в органы НКВД, это враги в квадрате, и потому с ними надо быть беспощадными. КРЮКОВ же помогал мне бить ЩЕГОЛЕВСКОГО. Помимо ЩЕГОЛЕВСКОГО, я дел самостоятельно не

вёл, а помогал допрашивать КРЮКОВУ и СЕРЕДЕ, сопровождая допросы групповыми избиениями. Протокол показаний ЩЕГОЛЕВСКОГО я не фальсифицировал, его корректировал КРЮКОВ, а затем ПЕРЦОВ. Несколько раз мне пришлось допрашивать КРУЛЬФЕЛЬД И., но его я не бил, он был привезён избитым из Киева, и там же ему выбили зубы. ДРЕШЕРА я помогал допрашивать и избивать 2 раза. Один раз – КРЮКОВУ Николаю и другой раз – КРЮКОВУ Ивану или СЕРЕДЕ. К нему так же, как и ко всем, применяли палку. Палка находилась в разных комнатах, и её брали по надобности. ОЛЕВИЧА я допрашивал с СЕРЕДОЙ один раз. Его также били палкой. Бил ли я ШМУШКО или нет, не помню. Помогал СЕРЕДЕ допрашивать САНДЛЕРА и ВОРОНЦОВА, их также били, но только руками. ВОЛОДАРСКОГО я не бил, помню точно. ГЛЕБОВА, КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН и АВДЕЕВА также не бил. Ни у кого из арестованных не требовал давать показаний на определённых других лиц».

На вопросы прокурора – подсудимый КОПАЕВ:

«Я ВОЛОДАРСКОГО не бил».

По просьбе прокурора Председательствующий оглашает показание КОПАЕВА (л. д. 81 т. II).

Подсудимый КОПАЕВ: «Да, я такие показания давал. Меня уговорил это сделать особоуполномоченный МОРДУХОВИЧ. СЕРЕДА в моём присутствии ЩЕГОЛЕВСКОГО не бил, но об избиении его я слышал от самого ЩЕГОЛЕВСКОГО. Обвинение меня по ст. 54-10 категорически отрицаю. С КУРПАСОМ я сидел в одной камере около м[еся]ца и в разговоре с ним, касаясь вопроса о постановлении правительства в части отрезков приусадебной земли, сказал о том, что некоторые областные и районные организации дали местам неправильные указания, а это привело к тому, что отрезали участки с зелёными хлебами и недозревшими овощами, вырубали садовые деревья, т. е. фактически искривляли указания партии и правительства. В частности, это имело место в том районе, где я был. Показания БАРАБАНОВА являются наглой ложью. С ним я сидел в камере всего одни сутки и, зная его раньше с очень плохой стороны, никаких разговоров подобного порядка вести с ним не мог».

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – подсудимый КОПАЕВ:

«Я суду чистосердечно рассказал о том, кого я бил. До НКВД я в следственных органах не работал. Я долго сидел в камере с арестованными НИЩЕТОЙ и ШПУНТОМ, которые могли бы подтвердить о том, что у меня антисоветских настроений не было. Наоборот, БАРАБАНОВ в разговоре со мной восхвалял доблесть финской армии и нехорошо отзывался о Красной армии, и я его тогда предупреждал, что, если его предадут суду по ст. 206-17, то он может получить ещё и ст. 54-10».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый КОПАЕВ:

«Я был подчинён по работе КРЮКОВУ И. От него же лично или через СЕРЕДУ получал санкцию на избиение того или иного арестованного».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – подсудимый КОПАЕВ:

«СЕРЕДУ я считал старше себя по работе как старого, опытного чекиста, часто обращался к нему за советами. Считаю, что старше нас КРЮКОВ И.».

На вопросы ВТ – подсудимый КОПАЕВ:

«Я принимал участие в допросах некоторых арестованных по указаниям КРЮКОВА и СЕРЕДЫ, помогал им в избиениях. Показания САНДЛЕРА я отрицаю, так как его я не допрашивал и не помню, чтоб избивал его. ЧУХРИЯ я также не допрашивал».

Оглашается л. д. 259 т. III.

КОПАЕВ: «Возможно, я тогда давал более правильные показания. Материалов на арестованных у меня не было никаких. ВОЛОДАРСКОГО я ударил раз. ДЕМЧЕНКО я бил. ПОЛИЩУКА я не бил, но ругал. С БАРАБАНОВЫМ до встречи в камере я не был знаком. О мальчике БАРАБАНОВ говорил в той плоскости, что якобы 14-летнего мальчика расстреляли как диверсанта, а действительного гнезда диверсантов не вскрыли. В разговорах об орденах я рассказал один недочет о том, что в том районе, где я был, представили к ордену врача – некую ГЕГЛАН – только благодаря её интимной связи с председателем РИКа. О восстановлении в партии я говорил КУРПАСУ, что “если меня освободят, то трудно придётся восстанавливаться”. О следователях, ведших дела ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и др., а также о запасах золота я не говорил, это – вымысел БАРАБАНОВА. От ВОЛОДАРСКОГО никаких показаний о его связях и, в частности, о связи с ДРЕШЕРОМ, я не требовал. К форме протокола допроса мне КРЮКОВ И. дал схематический набросок, которым я пользовался».

Председательствующий оглашает показание КОПАЕВА (на л. д. 269 т. III).

Подсудимый КОПАЕВ: «Я показания в части ВОЛОДАРСКОГО дал под нажимом МОРДУХОВИЧА. КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН я не провоцировал и не наносил ей оскорблений. Я не помню, чтоб принимал участие в избиениях ВОРОНЦОВА».

Подсудимый КРЮКОВ показал: «Я начальником особо-следственной группы не был. Приказа о назначении меня начальником группы не было, так же, как и не было приказа об организации такой группы вообще. В Харьковском УНКВД я начал работать при ТЕЛЕШЕВЕ, и он следствие по делам арестованных сотрудников поручил мне. Когда накопилось до 10 дел, я поставил вопрос о том, что работа тяжёлая, и что я сам физически не в состоянии с ней справиться, и тогда ТЕЛЕШЕВ дал мне в помощь КОПАЕВА и затем СЕРЕДУ. Ни в одном документе нет моей подписи как начальника группы, я всегда расписывался как следователь. Следственные дела мы с СЕРЕДОЙ делили между собой, поручая КОПАЕВУ отдельные допросы арестованных; никаких санкций на избивание арестованных я давать по своему положению не мог. Все санкции получались от начальников – ТЕЛЕШЕВА, затем КОБЫЗЕВА и зам[естителя] начальника УНКВД ПЕРЦОВА. Я работал в следственной группе не 5 месяцев, как значится в обвинительном заключении, а всего около 3-х. Меня обвиняют в избиениях арестованных сотрудников. Должен сказать, что я и до сих пор не считаю себя в этом виновным. Из 18 дел, прошедших по следственной группе (а не 44), как говорилось на процессе, избиения применялись к половине лиц. На ЧУХРИЯ и ОЛЕВИЧА санкций на избиения от руководства не было. ДРЕШЕРА я бил палкой, бил

ГЛЕБОВА, ПОЛИЩУКА, ЩЕГОЛЕВСКОГО, МАЗУРКЕВИЧА, помогал бить САНДЛЕРА и ВОРОНЦОВА. ШМУШКО и БАБУШКИНА не бил, это ложь. КРУЛЬФЕЛЬД[А] и его жену не бил. Самая тяжёлая формула предъявленного мне обвинения — это фальсификация протоколов допросов. В частности, приводится протокол ЩЕГОЛЕВСКОГО. Если суд проверит имеющийся в нём черновик этого протокола, мною исправленный, то можно будет убедиться, что никакой существенной разницы между показаниями ЩЕГОЛЕВСКОГО и моими исправлениями нет. То же самое с протоколом ПОЛИЩУКА. Следственная часть УНКВД ко мне отнеслась необъективно. Например, неправильно указано, что 18 чел. были арестованы КРЮКОВЫМ и СЕРЕДОЙ, в то время как аресты проводились с санкции наркома [внутренних дел] УССР. Причём у некоторых и материалы на арест имелись. Например, на ДРЕШЕРА было два заявления о недочётах в работе и за попытку освободить якобы 2-х немецких шпионов. На САНДЛЕРА имелись данные о принадлежности его к сионистам. Имелись материалы на ЩЕГОЛЕВСКОГО и в части остальных арестованных. Правда, на некоторых имелись только справки на арест. Всех их почему-то выгородили для усугубления моей и других сидящих со мной вины. ПОЛИЩУК в своих показаниях говорил не о ЛИГНЕРЕ, а о ЛИГНЕРОВЕ, а это уже не то, о чем идёт речь в обвинительном заключении. Информацию в НКВД УССР я составлял и когда дал на подпись ПЕРЦОВУ, то последний внёс исправления, вроде, с “подозревается” на “обвиняется”. Я этому не придавал значения. Справок на альбом я не составлял и не мог составлять по своей инициативе».

В 16 час. 30 мин. объявлен перерыв до 19 часов.

В 19 часов судебное заседание объявлено продолженным.

На вопросы прокурора подсудимый [КРЮКОВ] объяснил: «При переходе в следственную группу я принял из секретариата [УНКВД] 3 следственных дела. Справки на арест сотрудников я не составлял. Они составлялись другими отделами. Кроме справок, материалов изобличающего характера в основном у нас не было. На отдельных лиц — на САНДЛЕРА, ГЛЕБОВА и ДРЕШЕРА были показания других лиц. Докладная записка в НКВД УССР в мае мес[яце] составлялась мною. Ни одно дело следственной группой и, в частности, мной, не было закончено. В ведении следственной группы к моменту составления этой докладной записки было, кажется, 16–18 дел. Протокол ЩЕГОЛЕВСКОГО в черновом виде корректировался мною. Указаний о том, чтобы следователи след. группы не писали протокола допроса тогда, когда арестованные давали отрицательные показания, я не делал, а это была общая практика того времени. Да, показания от большинства арестованных были получены после избиения. ПЕРЦОВА я впервые узнал в Киеве, когда он был нач[альником] особо-следственной группы НКВД УССР. В Харькове ПЕРЦОВ был зам[естителем] нач[альника] УНКВД; его я не считал начальником след-группы, так как мы подчинялись нач[альнику] Управления и ему как заместителю. На допросах в нашей следственной группе я ПЕРЦОВА видел 3 раза, т. е. на допросах ДРЕШЕРА, ЩЕГОЛЕВСКОГО и САНДЛЕРА. ПЕРЦОВ бил арестованных — ДРЕШЕРА и ЩЕГОЛЕВСКОГО. На

собрание парторганизации я приехал с опозданием и присутствовал только 29/І-[1939 г.]. Выступая на собрании и зная, что арестованные уже после меня сидели по полгода, я говорил, что они – враги. На партсобрании меня обвиняли в том, что я избивал исключительно евреев. Но я сказал, что бил еврея, русского и украинца».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый КРЮКОВ:

«Справки на арест мы, т. е. следгруппа, получали с санкции Наркомвнудела УССР, а затем уже делали представление прокурору и брали его санкцию. СЕРЕДА и КОПАЕВ мне не были подчинены, но обращались ко мне как к ответственному работнику за советами. Я был в курсе всех дел, бывших в следственной группе. Я из следгруппы в 3[-й] отдел перешел во 2-й половине июня 1938 г. и поэтому июньскую информацию наркому составлял СЕРЕДА».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – подсудимый КРЮКОВ:

«СЕРЕДА был дан мне в помощь, и его я считал квалифицированным следователем. Допускаю, что СЕРЕДЕ я передавал санкции руководства на избитие арестованных».

На вопросы ЧКА КРУГЛЯК[А] – подсудимый КРЮКОВ:

«ПЕРЦОВ приехал в Харьков, когда я уже работал в следгруппе недели 2. Установку в работе получал от ТЕЛЕШЕВА».

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – подсудимый КРЮКОВ:

«КОПАЕВА я обучал следственной работе, т. е. я присутствовал у него на допросах, и он присутствовал на допросах у меня».

На вопросы ВТ подсудимый КРЮКОВ:

«Да, на допросах ДРЕШЕРА я присутствовал несколько раз. Относительно ареста членов ЦК и по поводу прокурора я с ДРЕШЕРОМ не говорил. Также не ругал его жену, так как я её вообще не знал. КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН я не ругал, а теперь бы за ложь я её выругал. В Киеве в следственной группе я работал месяц под руководством ПЕРЦОВА. По закону обвинительное заключение должно быть предъявлено в 2-хнедельный срок, но в 1938 году это не практиковалось, и так как следственная группа не закончила ни одного дела, то я на следствии и говорил, что обвинений по делам не предъявлялось. Никого из арестованных я не призывал давать показания на определённых лиц».

Председательствующий оглашает показания подсудимого КРЮКОВА (л. д. 97 т. III).

«Да, ПЕРЦОВ предлагал мне спросить у ЩЕГОЛЕВСКОГО о 3-х лицах, фамилии их не припоминаю. На ДРЕШЕРА показаний ни у кого не требовал. Арестованных всех я считал врагами».

Подсудимый ПЕРЦОВ показал: «Я на работу в Харьков был выдвинут с 5–7.IV–1938 г., а в июне я был снят с должности зам[естителя] нач[альника] [УНКВД], так как имел расхождение в технике работы с бывш. начальником Управления КОБЫЗЕВЫМ. Мне предъявлено обвинение в незаконных арестах 16 сотрудников, между тем из них 8 человек было арестовано вообще до меня. Это – ЧУХРИЙ, ОЛЕВИЧ, оба КРУЛЬФЕЛЬДЫ, БАБУШКИН, ГЛЕБОВ, ПТАШИНСКИЙ и САНДЛЕР. Остальные 8, т. е. ВОРОНЦОВ, ДРЕШЕР и ДЕМЧЕНКО,

арестованы по представлению ТЕЛЕШЕВА; ПОЛИЩУК, АВДЕЕВ, ЩЕГОЛЕВСКИЙ арестованы по справкам отдела кадров НКВД УССР; остальные — с санкции УСПЕНСКОГО. Моя роль в руководстве следственной группой сводилась к тому, что, когда ТЕЛЕШЕВА не было или он был занят, то указания по работе давал я. Об этом здесь правильно говорил КРЮКОВ. Моя работа обследовалась 2 раза, т. е. майской комиссией и затем из Киева — ПРОСКУРЯКОВЫМ, который был свидетелем в суде ВК, последний охватил все области моей деятельности. Мне предъявили обвинение в неправильных методах следствия, я этого не отрицаю, но за это я осуждён ВК. В обвинительном заключении значится, что я допрашивал только 2-х арестованных, т. е. ДРЕШЕРА и ЩЕГОЛЕВСКОГО, но это неправильно, так как я допрашивал и САНДЛЕРА, и АВДЕЕВА. Причём последний освобождён из под ареста по моему настоянию. Что касается искажения смысла протоколов, то это нашло своё отражение в деле, за которое я осуждён ВК. О том, что я дал окраску несуществующей в УНКВД сионистско-троцкистской организации, также не является новым обвинением. Такая установка берёт своё начало от б[ывшего] начальника [УНКВД] ТЕЛЕШЕВА. Об этом имеются показания СЕРЕДЫ, и такую установку я получал от ТЕЛЕШЕВА. Это и послужило к тому, что я на протоколе [допроса] ЩЕГОЛЕВСКОГО сделал надпись: “т. СЕРЕДА. В УНКВД существует сионистско-троцкистская организация. Об этом сказано мало”, и моя подпись “ДП”. Но должен сказать, что эта резолюция не сыграла никакой роли в работе следственной группы, и это подтвердил здесь СЕРЕДА, ибо она была 8.VII—1938 г. Новым в формулировке моего обвинения является июльская лжеинформация в НКВД УССР, но ведь установлено, что подписал эту информацию КОБЫЗЕВ, а не я. Исправление текста в майской информации слов с “подозревается” на “обвиняется” действительно сделано мною, но я никакой разницы в этом не видел. Справки на арест ни одной я не подписывал. Итак, сопоставляя новое обвинительное заключение со старым, я не нашёл в них разницы».

На вопросы прокурора — подсудимый ПЕРЦОВ:

«Я участвовал в допросах ДРЕШЕРА, ЩЕГОЛЕВСКОГО и двух других, о которых не упоминается в обвинительном заключении. За то, что я не реагировал на правильность ареста других, я и был осуждён ВК. Указание о работе следственной группы я давал только в тех случаях, когда ТЕЛЕШЕВ был занят. Я не имел разговора о том, как закончить дела на сотрудников ни с ТЕЛЕШЕВЫМ, ни с КОБЫЗЕВЫМ».

На вопросы ЧКА КРУГЛЯК[А] — подсудимый ПЕРЦОВ:

«Санкции на арест сотрудников я не давал и не мог давать и даже не делал представлений на арест. При мне ни одно дело не было закончено, и всё же спустя 4 [месяца] после моего ухода особоуполномоченный [УНКВД] МОРДУХОВИЧ и быв. начальник КОБЫЗЕВ 15 чел. арестованных сотрудников передали суду Военной коллегии. Да, об избитых арестованных на ВК вопрос разбирался. Также предметом обсуждения на ВК был вопрос о корректировке протоколов допроса, которые я действительно корректировал. Это была система до меня».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО — подсудимый ПЕРЦОВ:

«СЕРЕДА мог и не мог знать¹⁰, кто из арестованных – враг и кто – нет».

На вопрос ВТ – подсудимый ПЕРЦОВ:

«По работе следственной группы КРЮКОВ обращался ко мне несколько раз, а также 1–2 раза обращался СЕРЕДА».

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«ПЕРЦОВ, видимо, забыл, я к нему обращался по делам ПОЛИЩУКА, АВДЕЕВА, КОДИНА, ШМУШКО и САНДЛЕРА и по несколько раз».

На вопрос ВТ – подсудимый ПЕРЦОВ:

«Из числа арестованных сотрудников я считал врагами ДРЕШЕРА¹¹, ПОЛИЩУКА, ЩЕГОЛЕВСКОГО и САНДЛЕРА. Это по информации меня следователями и ТЕЛЕШЕВЫМ. Сам я материалы не просматривал. Дел ВОРОНЦОВА, ОЛЕВИЧА не помню. О том, что делалось во всех кабинетах, и шли массовые избиения, я не мог знать. О корректировке протокола [допроса] ПОЛИЩУКА я не помню»

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«Корректировали протокол ПОЛИЩУКА КРЮКОВ и ПЕРЦОВ.

На вопросы ВТ – подсудимый ПЕРЦОВ:

«Санкции на избиение я давал на САНДЛЕРА, ДРЕШЕРА, ЩЕГОЛЕВСКОГО. В оказании медпомощи арестованным отказал КОБЫЗЕВ. Здесь об этом СЕРЕДА говорил. Я как зам[еститель] нач[альника] [УНКВД], конечно, мог обойти КОБЫЗЕВА и распорядиться давать медпомощь, но этого не сделал. При проверке признаний САНДЛЕРА угроз не было, он подтверждал свои показания, заявлений не делал, и я был убеждён в его причастности к к-р организации и в его показаниях на других лиц. Протокол ЩЕГОЛЕВСКОГО в новом деле был изъят из старого дела ВК. До моей резолюции о троцкистско-сионистской организации были показания САНДЛЕРА об этом же. Я установки следователям создать такую организацию не давал, сам я об этой организации до моей резолюции слышал от ТЕЛЕШЕВА. Справок на альбом не подписывал, установок об этом не давал».

На вопросы ВТ – подсудимый КРЮКОВ:

«Установку о направлении нескольких дел (6 или 8) из дел сотрудников на альбом я получил или от ТЕЛЕШЕВА, или от ПЕРЦОВА, сам я этого делать по своему усмотрению не мог».

ПРОДОЛЖАЕТ – подсудимый ПЕРЦОВ: «Я знал о массовых арестах без оснований – по одним показаниям арестованных – по делу Радиокomiteта, по партизанскому делу, знал, что применялись меры физического воздействия, но мер к прекращению не принимал, за что и был осуждён ВК. Да, чтоб судить о правильности арестов и избиений, следовало самому изучить материалы на арестованных. И я, и КОБЫЗЕВ, ограничивались информацией следователя и санкционировали их мнения на окраску преступлений как контрреволюционных, как врагов народа, а отсюда и все последствия. Не отрицаю, сам бил 4 человек как

¹⁰ Так у документі.

¹¹ У документі помилково – ДЕРЕШЕРА.

врагов народа, били группой, применяли и дубину. Санкций на избияния ЧУХРИЯ и ОЛЕВИЧА, по-моему, я не давал. Я не знал, что ЧУХРИЙ был избит до такой степени. Отказов от подписи протоколов после корректировки мне не известно. Я считал признания САНДЛЕРА искренними, и по его показаниям на лиц сообщили в УНКВД Днепропетровской области. Я не помню, чтоб предлагал следователю назвать Красного ЩЕГОЛЕВСКОМУ».

Подсудимый КРЮКОВ: «Да, я получал от ПЕРЦОВА указание напомнить ЩЕГОЛЕВСКОМУ Красного и ещё двух. ЩЕГОЛЕВСКИЙ нам их назвал, когда его о них спросили, по-моему, признавал их без дополнительных избияний».

Подсудимый ПЕРЦОВ: «О КОНСТАНТИНЕРЕ и ХЕСИНЕ не помню. Представление об аресте ЛИВШИЦА и ТИМОШЕНКО, по-моему, делал ТЕЛЕШЕВ, а не я. Материалы на них я не проверял».

Свидетель АДДЕЕВ Иван Павлович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., сейчас – начальник отделения ГО, не судился, арестовывался на должности нач[альника] отделения в 1938 г., дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, показал: «Трудно передать Трибуналу о всех методах извращения следствия. Меня арестовали 16.IV–[19]38 года, освободили 7.IX–[19]39 г.¹² Через три дня меня вызвал на допрос КРЮКОВ Иван и руганью и угрозами сделать из меня колбасу требовал показаний о моём якобы участии в к-р [организации], о какой организации и каком участии не говорил, обвинения не предъявлял. За отказ от показаний, которых я не мог дать, так как ни в какой к-р организации не состоял, меня держали в декабре мес[яце]¹³ в цементированной одиночной камере на голом полу, и я заболел. Мне приходилось сидеть в одной камере с арестованными ЧУХРИЕМ, САНДЛЕРОМ и ВОРОНЦОВЫМ, и я видел, как их приносили с допросов в бессознательном состоянии. Видел истерзанных КРУЛЬФЕЛЬДА, МАЗУРКЕВИЧА. Правда, должен сказать, что меня не били. КРЮКОВ И. заявлял мне при допросе, что партком Харьковского УНКВД избран по установке врага. БЕЛОВ очень редко заходил оказывать медпомощь».

На вопросы прокурора – свидетель АДДЕЕВ:

«До ареста я работал в органах НКВД 20 лет. КРЮКОВА И. до ареста не знал. КРЮКОВ И. на первом же допросе заявил, что я – член вражеского партийного комитета, возглавлявшегося ДРЕШЕРОМ. Я ответил КРЮКОВУ, что партийный комитет избирался тайным голосованием, и что у него нет оснований называть его вражеским. Меня допрашивали КРЮКОВ И., СЕРЕДА и КОПАЕВ, а затем разговаривал и ПЕРЦОВ. После этого меня дней через 6 освободили. Находился я под арестом 3 месяца. Были случаи, когда арестованных с допросов приводили в ужасном состоянии – избитых, окровавленных, как, например, ЧУХРИЙ».

¹² Так у документі. Згідно зі свідченнями І. Авдеева (див. наступні абзаци) він знаходився під вартою три місяці, тобто до серпня 1938 р.

¹³ Ще одна хронологічна розбіжність у документі. І. Авдеева до серпня 1938 р. звільнили, отже, він не міг знаходитися у тюрмі у грудні 1938 р.

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – свидетель АДДЕЕВ:

«Меня ни КОПАЕВ, ни другие не били».

На вопросы ВТ – свидетель АДДЕЕВ:

«Кто вёл моё дело, я не знаю, так как допрашивали меня все».

На вопросы подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель АДДЕЕВ:

«Да, показания на ДРЕШЕРА я давал, но ведь это по Вашему же настоянию».

Свидетель КРУЛЬФЕЛЬД Иосиф Абрамович, 1893 г. рождения, член ВКП(б), в данное время работает начальником спецотдела аптекоуправления Харьковской области, в момент ареста был начальником отделения ОО ХВО, в органах НКВД работал 18 лет, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён по ст. 89 УК, показал: «Моё дело фактически не вёл никто. Допрашивали меня КРЮКОВ И. и КОПАЕВ. Основную роль в допросах и избияниях играл КРЮКОВ И. СЕРЕДА меня не трогал. На одном из допросов у меня выбили зуб. КРЮКОВ домогался получить показания о моей якобы к-р деятельности, но я сказал, что лучше умру, а оговаривать себя и других не буду. Позднее надо мной издевался следователь ОО ХИРНЫЙ, и жаль, что он, а также б[ывший] особоуполномоченный [УНКВД] МОРДУХОВИЧ, фальсифицировавший моё дело, не сидят на скамье подсудимых. О ПЕРЦОВЕ ничего сказать не могу».

На вопросы прокурора свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«Меня били чем попало, в том числе и палкой – т. н. “ванькой”. Зуб на допросе у меня выбил КРЮКОВ И.».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«Следователь ХИРНЫЙ бил меня уже тогда, когда ПЕРЦОВА в Харькове не было. Руководил следствием особоуполномоченный МОРДУХОВИЧ».

На вопрос ЧКА НОВИКОВА – свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«Да, зуб у меня выбил на допросе КРЮКОВ И., а не КОПАЕВ».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«СЕРЕДА ко мне относился хорошо».

На вопрос подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«Да, на допросах меня провоцировали. Например, СЕРЕДА однажды сказал мне: “Вот, ты не даёшь показаний, а нам известно, что тебя в к-р организацию завербовала твоя жена, она честнее тебя и дала показания”».

На вопрос ВТ – свидетель КРУЛЬФЕЛЬД:

«Да, медпомощь мне не оказывали, а лекпом БЕЛОВ, хотя и осматривал, существенной помощи оказать не мог. Обвинение мне предъявлено 5.IX–[1938 г.], а следствие окончено 20.VIII–[1938 г.]. КОПАЕВ помогал КРЮКОВУ И. меня допрашивать и избивать. В мае, допрашивая, КОПАЕВ избил мне лицо. КРЮКОВ И. дал дубину КОПАЕВУ и сказал: “Бей, пока не подпишет”».

Свидетель КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН Мария Марковна, б[ес]/п[артийная], в данное время служит в Госбанке, не судилась, в 1938 г. была под арестом с 5.III–[19]38 г. по 7.IX–[19]39 г., дело о ней прекращено по п. «д» ст. 4, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждена

по ст. 89 УК, показала: «Моё дело вначале после ареста вёл СЕРЕДА, а потом КОПАЕВ. Допросы вели в разрезе к-р деятельности моего мужа. Я им отвечала, что о муже ничего сказать не могу, и что, если он действительно контрреволюционер, то органам НКВД должно быть более об этом известно. Тогда мне предложили идти и “надумать”¹⁴. Однажды на допросе СЕРЕДА, раскрыв какое-то объёмистое дело, показал мне бумаги за подписью мужа. Причём содержание бумаги прочесть не дал, а только, указывая на подпись, спросил: “Узнаёшь подпись мужа?”. Я СЕРЕДЕ ответила, что узнаю. “Вот видишь, – продолжал СЕРЕДА, – твой муж оказался честнее тебя и дал показание”. Я догадалась, что это провокация, и сказала СЕРЕДЕ, что мне показывать на него нечего. Тогда СЕРЕДА ударил меня линейкой и отправил в камеру».

На вопросы прокурора свидетель КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН:

«Да, СЕРЕДА ударил меня линейкой по голове и ругал разными нецензурными словами, в частности на букву “б”. Настоятельно просил меня дать свою подпись на чистом листе».

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА: «Свидетельница КРУЛЬФЕЛЬД показывает неправду, я её линейкой не бил, и она вообще была на допросе у меня всего один раз по анкетным данным».

Свидетельница КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН: «Я хочу дополнить, что и СЕРЕДА, и КОПАЕВ неоднократно садили меня на кончик стула на продолжительное время».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетельница КРУЛЬФЕЛЬД-ЦИН:

«Я просидела без допроса почти год. Мне никаких обвинений не предъявляли, спрашивали только о муже».

В 23 час. 30 мин. объявляется перерыв до 9 час. утра 28.IX–[1940 г.]

28.IX–[1940 г.] в 9 час. суд. заседание объявлено продолженным.

Свидетель ДРЕШЕР Григорий Моисеевич, 1905 г. рождения, член ВКП(б), в данное время работает зам[естителем] директора Харьковского з[аво]да № 135, в органах НКВД работал с 1929 по 1939 г., в момент ареста был в должности н[ачальни]ка отделения, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён по ст. 89 УК, показал: «Я был арестован КРЮКОВЫМ и СЕРЕДОЙ 21.IV–[19]38 г., содержался 9 месяцев. С первого же допроса КРЮКОВ И. начал всячески меня оскорблять, в связи с чем я прекратил ему отвечать на вопросы, и за это был на 10 суток посажен в карцер. Недели три меня не били, но в этот период сменили бывш[его] начальника УНКВД ТЕЛЕШЕВА, который не давал санкции меня бить, и УНКВД принял КОБЫЗЕВ. В ночь на 13.V–[1938 г.] меня вызвали на очередной допрос, и, когда под утро ушли сотрудники, то в кабинет, где я был, вошли КОБЫЗЕВ, ПЕРЦОВ, КРЮКОВ И. и СЕРЕДА. Я понял, что меня будут бить. И, действительно, ко мне подошел вплотную ПЕРЦОВ и нанёс сильный удар по лицу. СЕРЕДА схватил меня за волосы и свалил на пол. Тогда все начали меня избивать чем попало – сапогами, палкой и др[угими] предметами, пока я не потерял сознание. Очнулся я в восемь часов утра. В комнате никого не было,

¹⁴ Так у документі.

а в соседней комнате раздавался храп спящего СЕРЕДЫ. Я воспользовался случаем и позвонил по телефону жене домой с просьбой, чтобы она добилась через прокурора и др[угие] инстанции Москвы немедленного вмешательства их по моему делу, так как я не виновен, а также просил её принести передачу. Истязали меня до 23 или 24 мая. Причём КРЮКОВ И. заявлял: “Мы тебе покажем методы советского следствия 1938 г.”. Когда я однажды сказал КРЮКОВУ о том, что буду доказывать свою правоту вплоть до ЦК партии, он мне цинично ответил: “А разве ты не знаешь, что мы и оттуда берём?”. На мои требования устроить мне свидание с прокурором КРЮКОВ ответил: “Прокурор у нас приказчик, и, если мы не захотим, то он и порога сюда не переступит”. Вымогая у меня показания, КРЮКОВ И. часто говорил мне о том, что “я – человек обречённый”, т. е., если дам показания, буду расстрелян с честью, не дам – расстреляют как собаку. Не добившись у меня явно клеветнических показаний, КРЮКОВ передал меня на допрос КОПАЕВУ. Когда меня привели в комнату КОПАЕВА, то последний сидел за столом и с час читал газету. Потом КОПАЕВ позвонил КРЮКОВУ Николаю: “Николай, зайди позабавиться”. Пришел КРЮКОВ Николай, и вместе с КОПАЕВЫМ начали меня избивать. Затем КОПАЕВ набирал в бутылку воду, закрывал мне рукою рот, а в нос лил воду и наоборот. В заключение, когда я был в полубморочном состоянии, КОПАЕВ нанёс мне сильный удар носком сапога в позвоночник. В бесчувственном состоянии меня доставили в камеру. Двигаться я не мог и пролежал в камере несколько суток, ухаживал за мной сокамерник ПОЛИЩУК. После этого меня оставили, и несколько месяцев я просидел без допроса. Я, конечно, рассказал только сотую долю того, что пришлось пережить, так как всего не припомнишь, да и тяжело вспоминать».

На вопросы прокурора – свидетель ДРЕШЕР:

«Мягче всех ко мне относился СЕРЕДА. Угрозы расстрелять меня постоянно наносил КРЮКОВ И. ПЕРЦОВ, уходя из кабинета после первого моего “допроса”, сказал КРЮКОВУ: “Бейте его смертным боем, пока не даст показания”».

Адвокаты вопросов к свидетелю не имеют.

На вопрос ВТ – свидетель ДРЕШЕР:

«Да, показания о моём якобы участии в сионистско-троцкистской организации у меня требовал КРЮКОВ И. во 2-й половине мая и в июне; требовали назвать всех её лиц, но фамилий мне не называли. КОПАЕВ и КРЮКОВ Н. истязали меня при СЕРЕДЕ».

У подсудимых вопросов к свидетелю нет.

Свидетель САНДЛЕР Борис Элевич, 1906 г. рождения, б[ес]п[артийный], в момент ареста работал оперуполномоченным 5[-го] отдела УНКВД, был осуждён к лишению свободы по ст. 206-17 п. «а», подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, показал: «Я был арестован 3 апреля 1938 г., после ареста меня привели в кабинет зам[естителя] нач[альника] Управления ПЕРЦОВА. ПЕРЦОВ и приведший меня СЕРЕДА предложили дать показания на арестованного сотрудника ГЛЕБОВА. Я сел и написал заявление, в котором изложил всё, что знал о ГЛЕБОВЕ по

должностным проступкам. После этого вошедший КРЮКОВ И. объявил мне, что я арестован. Следствие по моему делу начал вести СЕРЕДА. Он предъявил мне устно обвинение в том, что я якобы являюсь участником сионистской к-р организации, и потребовал дать развёрнутые показания. Я, конечно, от дачи ложных показаний отказывался. Так длились допросы до 14.IV–[1938 г.]. Меня всячески оскорбляли, угрожали мне, но не били. 14.IV–[1938 г.] меня СЕРЕДА начал бить проволокой, но вошедший КРЮКОВ И. предложил бить палкой. СЕРЕДА взял палку, положил меня на пол и начал избивать. Когда я избитый лежал на полу и не мог двигаться, в кабинет СЕРЕДЫ входила сотрудница УНКВД БЛЮМАН и видела это. Я не выдержал избиения, написал под диктовку СЕРЕДЫ показание о том, что являюсь участником к-р сионистской организации, и в показании назвал как членов организации трёх человек, которых я знал как знакомых на своей родине в м. Грицеве. Это СЕРЕДУ и КРЮКОВА не удовлетворило, и они предложили мне признать немецкий шпионаж, назвать участников организации из числа сотрудников УНКВД. Подсказывали фамилии АРРОВА, ЩЕГОЛЕВСКОГО и ряд других. СЕРЕДА написал красным карандашом список на 18 человек, а потом путём избиений добились у меня показаний на этих лиц [об] участии их в троцкистско-сионистской организации. Руководителем называли ДРЕШЕРА».

На вопросы прокурора – свидетель САНДЛЕР:

«В списке были вмещены такие фамилии, как АРРОВ, ЩЕГОЛЕВСКИЙ, ДРЕШЕР, РЕЗНИКОВ, других не помню. КОПАЕВ бил меня два раза. КРЮКОВ И. и СЕРЕДА – по несколько раз до потери сознания. Больше свирепствовал СЕРЕДА. ПЕРЦОВ заявлял: “Мало дали, надо, чтобы рёбра были наружу”.

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель САНДЛЕР:

«Я почерк СЕРЕДЫ знаю хорошо, и хотя список был написан не при мне, я утверждаю, что писал его СЕРЕДА».

На вопросы ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель САНДЛЕР:

«Когда я работал в УНКВД, ПЕРЦОВА ещё в Харькове не было».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель САНДЛЕР:

«КРЮКОВ присутствовал на моих допросах почти всегда и принимал участие в избиениях».

На вопрос ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый КРЮКОВ:

«Я бил САНДЛЕРА два раза. Списка, который писал СЕРЕДА на 18 человек, я не видел».

На вопрос ЧКА НОВИКОВА – свидетель САНДЛЕР:

«Меня КОПАЕВ бил в мае и в июне. Причём никаких показаний от меня не требовал, без всяких допросов и разговоров сильно избивал».

На вопросы ВТ – свидетель САНДЛЕР:

«Да, МОРДУХОВИЧ меня не бил, но допрашивал. Я подтверждал МОРДУХОВИЧУ свои показания, данные СЕРЕДЕ, так как на допросе присутствовал и СЕРЕДА, и я боялся избиений».

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«Я ушёл из след. группы 19.VII–[1938 г.]. Да, САНДЛЕРА МОРДУХОВИЧ допрашивал при мне».

На вопросы ВТ – свидетель САНДЛЕР:

«КОПАЕВ требовал показаний на ВОЛОДАРСКОГО и СЛАВУТСКОГО. Показания на ЛИВШИЦА требовал СЕРЕДА».

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«Никакого списка я САНДЛЕРУ не давал и не писал. Фамилию ЛИВШИЦА я увидел в показаниях САНДЛЕРА. Я ЛИВШИЦА не вымогал».

На вопрос ВТ – подсудимый КОПАЕВ:

«Я от САНДЛЕРА показаний на ЛИВШИЦА и СЛАВУТСКОГО не требовал, так как не знал их».

На вопросы ВТ – свидетель САНДЛЕР:

«Да, в списке на 18 человек фигурировала и фамилия ДРЕШЕРА. ПЕРЦОВ, присутствуя при допросе, требовал от меня показаний о шпионской деятельности в пользу Англии. Протоколов я подписал 2 или 3, причём отредактированных в сторону резкого усугубления моей вины. Я не протестовал, не в силах был переносить лишения».

Заявление подсудимого СЕРЕДА: «Единственное замечание по протоколу, которое было внесено САНДЛЕРОМ, это в отношении исключения из его показаний фамилии ОЛЕВИЧА».

Свидетель ПОЛИЩУК Борис Александрович, 1899 г. рождения, исключён из ВКП(б) в связи с арестом, в момент ареста работал пом[ощником] начальника отдела УНКВД, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, показал: «Меня арестовали 7.V–1938 года. С первых же дней допроса начали жестоко избивать КРЮКОВ Иван, СЕРЕДА и КРЮКОВ Николай, не имевший никакого отношения к следствию. Помимо ругани и издевательств, как, например, мне говорил КРЮКОВ И., что жена твоя проститутка, ребёнок не мой и т. д. Меня избивали чем попало, т. е. палками, ногами, требуя вымышленных показаний на себя и на других. СЕРЕДА требовал у меня показания о моей якобы связи с нач[альником] отдела кадров УНКВД МАРУСИНОВЫМ, причём называл мне его под другой фамилией, так как говорил, что жид не может носить такую фамилию. Трудно передать все издеательства. Мне как-то раз устроили т. н. “танцульки”, и трое, т. е. СЕРЕДА и КРЮКОВЫ Иван и Николай, принялись избивать; это жуткое избиение продолжалось до тех пор, пока я не потерял сознание. В процессе допросов и КРЮКОВ Иван, и СЕРЕДА неоднократно говорили мне о том, что, если я не дам нужных им показаний, они меня убьют и составят акт о том, что умер от разрыва сердца. Я не выдержал нечеловеческих пыток [и] в конце мая дал ложные показания – оговорил многих других. Но потом, опомнившись, на последующих допросах стал отказываться от данных показаний, и меня снова продолжал избивать СЕРЕДА. Последние два допроса мне проводил СЕРЕДА в августе в присутствии особоуполномоченного МОРДУХОВИЧА и бил меня, а один раз на втором августовском допросе ударил раза два или три по голове столиком. Упустил сказать, что как-то на допросе мне КРЮКОВ Иван заявил, что я являюсь участником сионистско-троцкистской организации. Я напомнил КРЮКОВУ, что я не еврей и поэтому не могу состоять в такой организации, на что КРЮКОВ мне

ответил, что мы все (выругался нецензурно) переплелись в одно гнездо. Такие же зверские избиения применялись в отношении моих сокамерников ДРЕШЕРА, КРУЛЬФЕЛЬДА и ВОРОНЦОВА, которые приходили с допросов в ужасном состоянии».

На вопросы прокурора – свидетель ПОЛИЩУК:

«В своих показаниях я как на своего вербовщика указал фамилию “ЛИГНЕРА”, т. е. фактически несуществующую фамилию, так как слово “лигнер” по-еврейски – лгун.

Объяснение подсудимого КРЮКОВА: «Свидетель ПОЛИЩУК показывает неправду, он в своих показаниях давал фамилию не “ЛИГНЕРА”, а “ЛИГНЕРОВА”, а это – не одно и то же».

На вопрос прокурора – свидетель ПОЛИЩУК:

«Как на участников организации у меня требовали показаний на НАЙДМАНА¹⁵, АРРОВА, ГОВЛИЧА, ТЫШКОВСКОГО и друг[их]. Во время допросов КРЮКОВ и СЕРЕДА вели себя провокационно, так КРЮКОВ у меня однажды спросил: “Ты читал Горького: Человек, это звучит гордо?”, а Сталин говорил: “Человек – это самое ценное”, мы же тебя били и будем бить как стерву”. Я лишь сожалею, что не привлечены к ответственности вместе с ними КРЮКОВ Н., жестоко избивавший меня и других арестованных, а также МОРДУХОВИЧ, фальсифицировавший протоколы допроса арестованных».

На вопросы ВТ – свидетель ПОЛИЩУК:

«О том, что и МОРДУХОВИЧ бил арестованных, мне рассказывал БАБУШКИН, которого он избивал за то, что БАБУШКИН стал ему отказываться от своих ложных показаний. Когда я с возмущением спрашивал у КРЮКОВА, как он смеет бить арестованных, КРЮКОВ отвечал, что “ему разрешила бить партия”. Меня вначале обвиняли в шпионаже и троцкизме, а позднее, т. е. в июне м[еся]це, в принадлежности к сионистской к-р организации. Характерно, что жену на допросах понуждал дать показание на меня как на антисемита. Обвинение мне было предъявлено через полтора мес[яца]. Перевязка в тюрьме была запрещена».

На вопрос подсудимого КРЮКОВА – свидетель ПОЛИЩУК:

«Я как старый сотрудник органов знаю почти всех сотрудников НКВД УССР, видимо, этим и объясняется, что у меня вымогали показания на многих лиц. Да, в своих показаниях я подписывал каждый лист».

Заявление подсудимого КРЮКОВА: «Прошу зафиксировать в протоколе противоречивость в показаниях свидетеля ПОЛИЩУКА о том, что якобы его допрашивали в принадлежности к сионизму, а жену – в принадлежности к антисемитизму».

Свидетель ПОЛИЩУК: «КРЮКОВ И. корректировал мой протокол. Протоколы писали без меня, а отпечатанные давали на подпись. Отказываться было нельзя. Мой протокол переделывался несколько раз, последний раз – ПЕРЦОВЫМ».

Свидетель ШЕГОЛЕВСКИЙ Зиновий Исаевич, 1901 г. рождения, сейчас б/п, был членом ВКП(б) с 1920 г., исключён в связи с арестом, в

¹⁵ У документі у прізвищі пропущено літеру «д» – Наймана.

органах НКВД работал с 1921 г. до ареста, последняя должность — начальник отделения ОО ХВО, дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК, показал: «Я был арестован СЕРЕДОЙ 8.IV—[19]38 г. и 16 с половиной месяцев невинно содержался под стражей. Вначале мне никакого конкретного обвинения не предъявили, а абстрактно заявили, что я — враг. Через несколько дней после ареста меня привели на допрос к КРЮКОВУ И. Последний с руганью объявил мне, что я являюсь участником националистической к-р организации, предложил мне подумать и дать развёрнутые показания, предупредив, что если показания не дам, меня будут бить. После этого меня отвели в камеру. В ту же ночь, кажется, 14.IV—[1938 г.] меня снова привели на допрос, но уже к ПЕРЦОВУ. После того, как ПЕРЦОВ и присутствовавший здесь КРЮКОВ И. услышали мой ответ о том, что я показания давать не буду, так как ни в чём не виновен, свалили меня на пол и начали зверски избивать. ПЕРЦОВ меня бил носками сапог по всему телу, и когда меня стошнило от побоев, то ПЕРЦОВ схватил меня за голову и начал тыкать лицом во рвоту. Такие издевательства продолжались до 10.VI—[1938 г.], причём за этот период (т. е. со дня ареста) меня допрашивали и издевались надо мной, помимо ПЕРЦОВА, КРЮКОВА Ивана, ещё СЕРЕДА и КОПАЕВ. Будучи превращён в живой труп, я решил дать ложные показания на себя и на других лиц, угодных следствию, как на участников организации. Интересней всего то, что, обвиняя меня в шпионаже, КРЮКОВ И. предложил написать о том, что для шпионской работы я был якобы привлечен НОВАКОВСКИМ, б[ывшим] пом[ощником] нач[альника] ОО ХВО, и КАМИНСКИМ, б[ывшим] зам[естителем] нач[альника] УНКВД, которым якобы передавал сведения о состоянии обслуживаемых мною воинских частей. Это нелепо уже потому, что и НОВАКОВСКИЙ, и тем более КАМИНСКИЙ, любые сведения могли иметь самостоятельно, не вербуя для этой цели других подчинённых им лиц. Должен сказать, что когда КОПАЕВ допрашивал меня один, то относился ко мне более или менее хорошо, но, как только входил КРЮКОВ И., то КОПАЕВ превращался в зверя. Не менее жестоко, чем КРЮКОВ И., со мной обращался и СЕРЕДА. Он часто, помимо ругани и избиваний, применял похабщину вроде: “Вот, ты тут сидишь арестованный, а жена твоя с другими спит” и т. д. Я настоятельно требовал свидания с начальником УНКВД, которому хотел рассказать о всех зверствах следственной группы, но в заключение меня привели к ПЕРЦОВУ. ПЕРЦОВ не стал меня слушать, плюнул мне в лицо и предложил добиваться от меня показаний. Издевались, как правило, над всеми арестованными. Так, в камеру, где я сидел, приводили или, вернее, втаскивали после допросов избитого до полусмерти ЧУХРИЯ. У него на теле от побоев образовались глубокие раны. Медпомощь ему не оказывали, и раны начали гнить, в них завелись черви и расплозились по камере. В камере от сильного зловония невозможно было сидеть. Однако в больницу ЧУХРИЙ был переведён после длительных настояний всей камеры и после того, как с одной стороны гниение вывалилось, а с другой вырезал лекпом БЕЛОВ. В ужасном состоянии видел арестованных

ШМУШКО, которому СЕРЕДА перебил правую челюсть, ПОЛИЩУКА, ВОРОНЦОВА. Таким порядком моё дело оформили на Военную коллегію, где я и заявил, что все показания мною были даны в результате пережитых издевательств. Дело было возвращено на доследование и вновь попало к следователю СЕРЕДЕ. Вновь начались побои и издеательства от СЕРЕДЫ и МОРДУХОВИЧА. Меня держали в одиночке, спал на голлом цементном полу в декабре м[еся]це».

На вопросы прокурора – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«Я в органах работал с 1921 г. до ареста. Да, с 1917 года я состоял в еврейской ком. партии и в 1918 г. связь с ней порвал. В ВКП(б) я был с 1920 г. Более жестоко издевались надо мной после ареста СЕРЕДА и КРЮКОВ И. В моём присутствии избивали арестованных ВОРОНЦОВА, ПОЛИЩУКА. Должен сказать, что мне как на участников организации, кроме своих сотрудников, предлагали дать показание на КРАСНОГО, ШЕЙНГОЛЬДА».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«Мне в порядке] ст. 200 УПК, правда, не полностью, дело моё предьявлял МОРДУХОВИЧ».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«До разбора моего дела на ВК СЕРЕДА меня почти не бил. На очной ставке с САНДЛЕРОМ я подтверждал участие в к-р организации из-под палки».

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«КОПАЕВА я считал как молодого неопытного работника, и претензий к нему, несмотря на то, что он меня бил, не имею».

На вопросы ВТ – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«В моём протоколе мне без меня записали о к-р сионистской организации, а затем без меня переделали на троцкистско-сионистскую. Называли мне 8 человек сотрудников как участников к-р организации в УНКВД. МОРДУХОВИЧУ я подтвердил [показания], боясь избиения, как били БАБУШКИНА. БАБУШКИН был на очной ставке со мной; вели её МОРДУХОВИЧ и СЕРЕДА, до этого меня били и предупредили подтверждать [показания] с БАБУШКИНЫМ. Подтвердив на очной [ставке]¹⁶, БАБУШКИН отказывался, но его они понуждали, ещё не били, и он бросился в окно с 4[-го] этажа, поймал его за ногу СЕРЕДА. При мне его не били, меня удалили, а его в камеру спустили сильно избитым. От подписи переделанного им протокола я отказался, но после побоев подписал».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО – подсудимый СЕРЕДА:

«Свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ говорит неправду, я его вообще никогда не бил».

На вопрос подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«Я не помню, чтобы по указанию СЕРЕДЫ мне оказывали медпомощь. Говорил ли я на партсобрании о принадлежности САНДЛЕРА к сионистской организации, сказать затрудняюсь. Помню, что действительно, когда

¹⁶ Так у документі.

на одном из допросов КРЮКОВ Иван, уходя, предложил СЕРЕДЕ меня бить, то СЕРЕДА не бил».

На вопрос подсудимого КРЮКОВА – свидетель ЩЕГОЛЕВСКИЙ:

«На скольких листах мною были написаны показания, не помню. Показания писал под диктовку КРЮКОВА И.».

Свидетель ШМУШКО Георгий Наумович, 1888 г. рождения, б/п, находился под арестом, дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, показал: «Я был арестован с 30.V–[19]38 г. по 11.II–1940 г. и на первый допрос был вызван КРЮКОВЫМ И. и СЕРЕДОЙ 31.V–[1938 г.]. КРЮКОВ мне заявил, что я обвиняюсь по ст. ст. 54-6 и 54-11, что мне в этом разрезе необходимо дать показания. После этого меня отправили в камеру подумать. В камере, куда меня поместили, находились избитые СЕРЕДОЙ и КРЮКОВЫМ ВОРОНЦОВ и ПАНДОРИН. Они мне сказали, что для спасения себя необходимо дать вымышленные показания. На другой день меня вызвали на допрос. В кабинете, куда меня привели, были КРЮКОВ Иван и СЕРЕДА. КРЮКОВ вежливо мне предложил дать показания, предупредив, что лучше иметь целые рёбра, а если откажусь, то буду давать с поломанными. КРЮКОВ ушёл, а СЕРЕДА, вынув из шкафа завернутые две палки, покрутил их передо мною и повторил предложение КРЮКОВА. Я от дачи ложных показаний отказался. Тогда СЕРЕДА в продолжение нескольких часов избивал меня кулаками и отправил в камеру. Так допрашивал меня СЕРЕДА до 9.VI–[1938 г.]. Причём бил уже не только кулаками, но и палкой, требуя от меня организацию. 9.VI–[1938 г.] ночью СЕРЕДА пригласил себе на помощь КОПАЕВА. Вместе с КОПАЕВЫМ подбивали меня по ногам, и я падал на пол. У меня на левой руке пальцев нет, и для того, чтоб не разбить голову, старался падать на единственный палец правой руки. Это причиняло ужасную боль, так как палец был повреждён. Об этих издевательствах знал ПЕРЦОВ, которого я часто видел сквозь полуоткрытые двери кабинета, где меня допрашивали, но никаких мер к устранению не принимал, а, наоборот, предлагал бить меня “смертным боем, но получить показания об организации и дать 15–20 человек”. На одном из таких допросов в июле КРЮКОВ И. у меня спросил: “У тебя есть сын?”. Я ответил ему: “Есть”. “Комсомолец?”. Я сказал: “Да”. “Ты его очень любишь?”. Получив утвердительный ответ, КРЮКОВ, обращаясь к СЕРЕДЕ, сказал: “Пойди, приведи сына и бей его до тех пор, пока он, – т. е. я, – не даст показаний”. Я, не выдержав всех этих пыток, заявил СЕРЕДЕ, что дам любые показания. Я лично писать не мог и заявление якобы от моего имени попросил написать СЕРЕДУ. Когда КРЮКОВ просмотрел показания, то они ему не понравились, и он заметил, что это показания свидетеля, а не обвиняемого. Через несколько дней СЕРЕДА, вызвав меня к себе, предложил подписать готовый отпечатанный на машинке протокол. Просматривая протокол, я заметил СЕРЕДЕ, что он не соответствует моим показаниям. Тогда СЕРЕДА сказал, что ему некогда ожидать, пока я дочитаю протокол, что протокол написан ПЕРЦОВЫМ, и, если я его не подпишу, то он, СЕРЕДА, превратит меня в котлету. Я протокол подписал. Мне устроили две очные ставки – с БАЛЮНАСОМ и

ПОЛИЩУКОМ, и я протоколы очных ставок подписал. Должен сказать, что фактически очных ставок не было, протоколы были заготовлены заранее СЕРЕДОЙ и КРЮКОВЫМ, а нас приводили исключительно для того, чтоб спросить, знали ли мы друг друга. К месту будет сказать, что СЕРЕДА всегда был выпивши, а однажды при мне вынимал из шкафа бутылку водки и пил. После подписания протокола меня до августа не вызывали, а в августе вызвал МОРДУХОВИЧ и объявил, что мне будет устроена очная ставка с работником спецторга ШЕПЕТИНЫМ. Я сказал МОРДУХОВИЧУ, что я ШЕПЕТИНА не знаю, о чем заявлю на очной ставке, и что вообще все ранее данные мною показания являются ложью. МОРДУХОВИЧ сделал удивлённый вид и пригласил СЕРЕДУ. СЕРЕДА при нём избил меня до потери сознания. Выбил у меня 2 зуба и повредил челюсть. Хочу дополнить, что жена 4 раза передавала мне через СЕРЕДУ деньги, мне же СЕРЕДА передал только в 2-х случаях, остальные при-своил. СЕРЕДА же меня избил за попытку подать заявление прокурору».

На вопрос прокурора – свидетель ШМУШКО:

«Я в органах НКВД работал с 1921 года».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель ШМУШКО:

«Меня осудила ВК на 15 лет в октябре месяце], а освобождён я после доследования дела 11.II–[19]40 г. О том, что ПЕРЦОВ принимал участие в избиениях арестованных, я слышал и от сокамерников ПОЛИЩУКА и БАБУШКИНА. СЕРЕДА давил меня за горло и требовал от имени ПЕРЦОВА ещё 5 фамилий».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель ШМУШКО:

«Да, СЕРЕДА на допросах бывал часто пьян».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО – подсудимый СЕРЕДА:

«Свидетель ШМУШКО лжет, я водки вообще не пил».

На вопрос ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель ШМУШКО:

«Лично КРЮКОВ меня не бил, но угрожал убийством меня при допросе и репрессией сыну и жене».

На вопрос ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый КРЮКОВ:

«Я арестом сына ШМУШКО не угрожал, это – ложь».

На вопрос подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель ШМУШКО:

«Если не ошибаюсь, кажется, 26.VIII–[1938 г.] СЕРЕДА на допросе мне заявил, что моё дело пойдёт на негласный суд, что изложение моего протокола делал ПЕРЦОВ¹⁷. Смешно говорить, что я сам упал и на себя повалил столик, вы меня сбили столиком».

Свидетель ЧУХРИЙ Константин Иванович, 1896 года рождения, до ареста был с 1930 г. членом ВКП(б), сейчас б[ес]/п[артийный], пенсионер, в момент ареста работал в должности оперуполномоченного УНКВД, дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, предупреждён об ответственности за ложные показания по ст. 89 УК, показал: «Я был арестован в IX мес[яце] 1937 года, но СЕРЕДУ я узнал с 13.IV–[19]38 г., т. е. когда меня впервые привели к нему на допрос. СЕРЕДА объявил мне, что меня обвиняют в шпионаже, и потребовал показаний

¹⁷ У документі речення поділено на два – після слова «суд» проставлено крапку.

о шпионской деятельности в пользу Польши. Я ответил СЕРЕДЕ, что я не шпион, и поэтому никаких показаний давать не буду. Тогда СЕРЕДА вскочил со стула и два раза нанёс мне сильные удары по лицу, выбив при этом три зуба. В это время вошёл КРЮКОВ И. По требованию СЕРЕДЫ я КРЮКОВУ сказал, что СЕРЕДА ударил меня 2 раза. На это СЕРЕДА иронически заметил: “Видишь, ударил 2 раза, а выбил 3 зуба”. КРЮКОВ побыл несколько минут и, уходя, сказал СЕРЕДЕ: “Бить надо по другим местам”. СЕРЕДА вызвал КОПАЕВА, принесли “вопросник” – палку, т. н. “ваньку”, повалили меня на пол и начали избивать. Трудно себе представить подобное зверство. Такие допросы велись до конца июня. От систематических побоев у меня на ягодицах образовались раны, а так как медпомощь не оказывалась, то раны начали гнить, был сильно дурной запах, и завелись черви. Несмотря на это, меня непрерывно выносили на допрос к СЕРЕДЕ, ложили на пол, а СЕРЕДА предложил мне опустить брюки, снова одеть, и каблуками сапог разворачивал мне раны. Кроме того, мне однажды устроили избиение с т. н. “массажем” и “замазкой рта”, т. е. закутывали голову в подушку и завязывали полотенцем, а потом били по всему телу палками и ногами до потери сознания. Когда последний раз меня еле живого привели к СЕРЕДЕ, то я сидеть не мог и стоял, облокотившись на столик. Это видела входившая к СЕРЕДЕ сотрудница УНКВД БАБКИНА».

На вопросы прокурора – свидетель ЧУХРИЙ:

«Я до ареста работал в органах 18 лет. СЕРЕДА неоднократно на допросах требовал, чтоб я написал только четыре слова: “Я – польский шпион ЧУХРИЙ”. Меня СЕРЕДА провоцировал, заявляя: “Жена от тебя отказалась, всё равно мы тебя расстреляем, так лучше дай показание”. КРЮКОВ И. меня не бил. Его я видел на допросах два раза, и оба раза он заявлял, что на избиение меня есть санкция ПЕРЦОВА, что я должен дать шпионаж».

На вопрос ЧКА НОВИКОВА – свидетель ЧУХРИЙ:

«КОПАЕВ помогал СЕРЕДЕ бить меня два раза. Кажется, бил и в первый день допроса».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель ЧУХРИЙ:

«Меня освободили 22.II.–[19]39 г. ПЕРЦОВА я не знаю».

На вопрос ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель ЧУХРИЙ:

«О том, что есть санкция ПЕРЦОВА меня бить, КРЮКОВ говорил в присутствии СЕРЕДЫ».

На вопросы ВТ – свидетель ЧУХРИЙ: «Да, СЕРЕДА требовал, чтобы я написал всего три слова, т. е.: “Я – польский шпион”. КОПАЕВ бил меня два раза, причём очень искусно. Когда у меня на теле образовались раны, то СЕРЕДА на допросах ложил меня на пол и издевался надо мной. МОРДУХОВИЧ требовал признания по [ст.] 54-1 УК. При одном избиении КОПАЕВ держал на полу за голову, а СЕРЕДА избивал. В каких условиях были у них арестованные сотрудники, нет сил для передачи. В медпомощи мне было отказано, и гниющее тело отпадало кусками».

Секретарь докладывает о доставке находящегося под стражей свидетеля БАРАБАНОВА.

Свидетель БАРАБАНОВ Дмитрий Михайлович, 1906 г. рождения, предан суду по ст. ст. 105 и 206-17 п. «а» УК, до ареста работал старш[им] оперуполномоченным Обл[астного] Управления РКМ, из подсудимых знает КОПАЕВА, вражды и родства с ним не имеет, будучи предупреждён по ст. 89 УК, показал: «В ночь с 19.IV на 20.IV–[19]40¹⁸ г. меня посадили в камеру, где сидел КОПАЕВ. Мы с ним познакомились. Я рассказал ему о причине моего ареста. КОПАЕВ, в свою очередь, мне рассказал, что якобы он был по мобилизации Обкома партии направлен на работу в НКВД. Работая в НКВД, он видел, что арестованных избивают и, считая это неправильным, обратился к секретарю парторганизации, последний, выслушав КОПАЕВА, сказал ему, что надо работать, активно бороться с врагами, а не хныкать. И что после этого КОПАЕВ с СЕРЕДОЙ начал также избивать арестованных и вот теперь за это должен нести ответственность. Далее, затрагивая разные вопросы, КОПАЕВ проявил антисоветские разговоры так, как они изложены в моём заявлении и показании, о финских событиях и об орденах, о мальчишке, якобы готовившем крушение поезда, и о резолюции о нём т. Сталина. Далее КОПАЕВ мне сказал о репрессиях следователей, которые вели дела врагов народа; мне также КОПАЕВ сказал о том, что он теперь в партию восстанавливаться не будет, что партии вообще нет; рассказывал о “причинах” смерти жены т. Сталина Аллилуевой».

На вопрос ВТ – свидетель БАРАБАНОВ:

«Сочинял всю эту ложь КОПАЕВ или вы сами раньше знали об этом? Да, он говорил и о запасах золота. Тожждественность моих показаний с поданным заявлением объясняется тем, что всё очень хорошо запомнил, а некоторые эпизоды я знал и раньше, не помню от кого, но никому об этом не заявлял».

На вопросы прокурора – свидетель БАРАБАНОВ:

«До встречи в камере я КОПАЕВА не знал. Сидел я с ним в камере 1–1 1/2 суток. Когда меня вызывали на допрос, то КОПАЕВ просил, чтоб я никому о наших разговорах не рассказывал».

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – свидетель БАРАБАНОВ:

«Меня вызывали на допрос днём 20.IV–[1940 г.], перевели меня от КОПАЕВА 22.IV–[1940 г.]. Разговор об Аллилуевой я слышал и ранее до КОПАЕВА, но об этом никому не говорил».

На вопросы ВТ – свидетель БАРАБАНОВ:

«Меня вызывали на допрос по моему делу днём 20.IV, затем днём 22.IV. Перевели меня от КОПАЕВА вечером 22 или 21.IV. Написал я заявление о высказываниях КОПАЕВА 25.IV потому, что меня не вызывали на допрос. На допросе вечером 20.IV я о КОПАЕВЕ не заявил, но мог это сделать».

На вопрос прокурора – свидетель БАРАБАНОВ:

«Да, меня перевели от КОПАЕВА 22.IV. КОПАЕВ говорил о том, что теперь столько награждённых, что Калинин не успеваешь раздавать ордена,

¹⁸ У документі помилково – [19]38.

и он, КОПАЕВ, знает, что в одном районе ордена раздавала колхозница – депутат Верховного Совета».

На вопрос подсудимого КОПАЕВА – свидетель БАРАБАНОВ:

«Я показываю суду правду. Я лично контрреволюционных разговоров не вёл, и меня КОПАЕВ об ответственности по ст. 54-10 не предупредил, это – ложь».

На вопрос ВТ – свидетель БАРАБАНОВ:

«Я КОПАЕВУ в камере рассказывал о своих преступлениях и говорил, что мне помогала жена. После этого на допросе вечером 20.IV у следователя мне было предложено дать показание об участии в преступлении жены. Да, я предполагал, что КОПАЕВ мой разговор с ним о жене передал следователю. Да, после этого допроса я 21.IV подал на КОПАЕВА заявление, а через 2 дня подтвердил его на допросе. Нет, это не из мести и не ложные заявления».

Свидетель ГЛЕБОВ Евдоким Данилович, 1895 г. рождения, был с 1920 г. членом ВКП(б), в данное время исключён в связи с арестом, в органах НКВД работал с 1918 г. до ареста, сейчас работаю в Чугуевском горсовете, имел судимость по ст. 99 на полтора года, был под арестом в НКВД с III–[19]38 г. до VIII–[19]39 г., дело моё прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён об ответственности за ложные показания, показал: «Я был арестован 31.III–[19]38 г. Вначале допрашивал меня следователь МОСКАЛЕВ, а затем уже КРЮКОВ И., СЕРЕДА и КОПАЕВ. МОСКАЛЕВ требовал у меня показания о моей якобы шпионской деятельности. 6.IV камеры обходил, как я потом узнал, приехавший из Киева ПЕРЦОВ. Он задал несколько вопросов, т. е. “Фамилия?”, “Показания дал?” “Нет? Надо давать”, и вышел. ПЕРЦОВА при обходе камер сопровождал начальник отдела кадров МИШИН. Все последующие допросы проводили КРЮКОВ И., СЕРЕДА и КОПАЕВ. Они систематически меня избивали, требуя показаний о принадлежности к сионистской организации, а также требуя показаний на участников организации. Мне подсказывали ряд фамилий, которые якобы уже дали на меня показания. Припоминаю, что называли АВДЕЕВА, ПОЛИЩУКА, ДРЕШЕРА, ЩЕГОЛЕВСКОГО, САНДЛЕРА и др. В камерах, где мне приходилось сидеть, я видел зверски избитых других арестованных и сам видел, как избивали ЩЕГОЛЕВСКОГО, ПОЛИЩУКА, ШМУШКО и др. Тяжело обо всём вспоминать. Меня один раз так избивали, что я пролежал в камере свыше месяца. Мне повредили руку, КРЮКОВ И. выбил зуб. За мной ухаживали сокамерники, в частности ПТАШИНСКИЙ. Обвинения мне не предъявляли всё время. КРЮКОВ и СЕРЕДА били дубиной, меня просто истязали. Понуждали писать об организации и выдавать врагов. Мне зачитывали написанные показания, где упоминалось до 7 человек оповоренных».

На вопросы прокурора – свидетель ГЛЕБОВ:

«Я в органах НКВД работал с 1918 г. Был членом партии с 1919 г. Да, фамилии участников сионистской организации, т. е. АВДЕЕВА и др., мне предлагали назвать КРЮКОВ И. и СЕРЕДА».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель ГЛЕБОВ:

«Меня начали избивать с первых допросов, т. е. со 2.IV, кто давал на это санкцию, я не знаю».

На вопрос ЧКА НОВИКОВА – свидетель ГЛЕБОВ:

«КОПАЕВА я считал слепым орудием в руках КРЮКОВА Ивана и СЕРЕДЫ. Бил меня КОПАЕВ два раза».

На вопросы ВТ – свидетель ГЛЕБОВ:

«Мне КРЮКОВ И. предлагал дать показание как на участников сионистской к-р организации на 7 чел. Помню лиц, которых я уже указывал, назывались фамилии ВОЛОДАРСКОГО и, кажется, ЯВОРСКОГО. КРЮКОВ меня не раз уговаривал повлиять на ВОЛОДАРСКОГО, чтоб тот дал признания показом избитых задних мягких мест. От избиений я лежал полтора мес[яца] без движения. СЕРЕДА недодал 4 пары белья».

Заявление подсудимого ПЕРЦОВА: «Я камеры с начальником ОК МИШИНЫМ не обходил; свидетель ГЛЕБОВ лжет. Прошу допросить по этому вопросу МИШИНА. Я обходил камеры с комендантом».

На вопрос подсудимого КОПАЕВА – свидетель ГЛЕБОВ:

«О том, что меня КОПАЕВ бил 2 раза, может подтвердить свидетель ШМУШКО».

На вопрос ВТ – свидетель ШМУШКО:

«Да, подтверждаю, что КОПАЕВ ГЛЕБОВА избивал».

Свидетель КУЛИШОВ Иван Николаевич, 1897 г. рождения, член ВКП(б), работает в должности н[ачальни]ка тюремного отдела УНКВД Харьковской области, в органах НКВД с 1919 г., подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён по ст. 89 УК, на вопросы прокурора показал: «У нас во внутренней тюрьме врачебного персонала нет. Насколько я помню, из числа арестованных, числившихся за т. н. следственной группой, медпомощь требовалась ОЛЕВИЧУ, ДРЕШЕРУ и ЧУХРИЮ. Я о необходимости оказания медпомощи доложил СЕРЕДЕ, но последний мне ответил, что медпомощь оказывать не следует».

На вопрос ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель КУЛИШОВ:

«Арестованные числились за следователем СЕРЕДОЙ, и поэтому его указание для меня являлось обязательным, таков был порядок».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель КУЛИШОВ:

«Я подчинён непосредственно начальнику УНКВД и его заместителю, но к ним я за оказанием медпомощи арестованным не обращался».

На вопрос ВТ – свидетель КУЛИШОВ:

«Я лично ни ДРЕШЕРА, ни ЧУХРИЯ избитыми не видел, но о том, что они были в ужасном состоянии, мне докладывал лекпом общей тюрьмы БЕЛОВ. Силами БЕЛОВА оказывать медпомощь и в условиях камер не представлялось возможным, так как, например, ЧУХРИЮ необходимо было делать операцию с целью удаления гниющих частей тела, а этого примитивным способом не сделаешь. Да, так они без медпомощи и находились».

На вопросы подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель КУЛИШОВ:

«Я не помню, показывал ли я что-либо по этому поводу следователю РАДЕНКО. По указанию СЕРЕДЫ медпомощь арестованным не

оказывалась, и я не знаю, о каком случае говорит СЕРЕДА, что будто бы просил меня скрыть от КОБЫЗЕВА факт оказания медпомощи какому-то арестованному. Я по вопросу оказания медпомощи обращался и к КРЮКОВУ И., но от него последовало запрещение».

На вопрос ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – подсудимый КРЮКОВ:

«Я такого случая не помню».

На вопрос ВТ – свидетель КУЛИШОВ:

«Я, конечно, мог бы и сам обратиться к руководству УНКВД по вопросу об оказании медпомощи, но я этого не делал, так как был убеждён в отказе и к тому же слушал установку ПЕРЦОВА: “Нечего лечить шпиона, пусть подыхает”. Лично от него не слышал».

В 16 час. 30 мин. Объявлен перерыв до 20 часов.

В 20 час. судзаседание объявлено продолженным.

Свидетель БАБУШКИН Зиновий Владимирович, 1907 г. рождения, сейчас б[ес]/п[артийный], в органах НКВД работал с 1931 г., в момент ареста работал в должности оперуполномоченного 3[-го] отдела УНКВД, дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён за ложные показания, показал: «Меня арестовали в ночь под 28.II–[19]38 г. и на другой день я был этапирован в Киев. 1 или 2.III–[1938 г.] меня вызвали на допрос к следователю РЫЖОВУ, и он предъявил мне обвинение об участии в в к-р сионистской организации. И там под руководством ПЕРЦОВА, быв[шего] нач[альни] ка¹⁹ Особо следственной группы, надо мной издевались и жестоко били. В Харьков я был привезён во II половине июля, и следствие по моему делу начал вести СЕРЕДА, [который] на первом же допросе заявил мне, что я являюсь участником вскрытой в Харьковском УНКВД сионистско-троцкистской организации, и в этом разрезе предложил мне написать показания. Я от такого нелепого обвинения отказался и показаний не дал. Тогда СЕРЕДА отправил меня в камеру, предложил подумать и предупредил, что, если к следующему допросу я не расколуюсь, то меня будут бить. И действительно, все последующие допросы сопровождались ужасными избиениями. СЕРЕДА бил меня резиновым шлангом, набитым свинцом, а для того, чтоб не было слышно криков, заматывал мне рот полотенцем. Присутствовал при этом МОРДУХОВИЧ, иногда, когда я терял сознание, прекращал побои. Однажды, когда меня привели в кабинет к СЕРЕДЕ, то у него за столиком сидел ЩЕГОЛЕВСКИЙ и что-то ел. СЕРЕДА предупредил меня, что я приведён для очной ставки. Протокол очной ставки писал МОРДУХОВИЧ, а ЩЕГОЛЕВСКИЙ, окончив есть, бормотал что-то непонятное. Закончив писать протокол, МОРДУХОВИЧ стал зачитывать показания ЩЕГОЛЕВСКОГО, и я с ужасом услышал, что должен буду подписать клевету на ряд честных коммунистов-чекистов. Я решил, лучше покончить жизнь самоубийством, чем гнусно клеветать на себя, а, главное, других. Подбежал к открытому окну и бросился, но меня успел поймать за галошу брюк СЕРЕДА, к нему подоспели МОРДУХОВИЧ и ЩЕГОЛЕВСКИЙ и вытянули из окна. СЕРЕДА с

¹⁹ У документі невідповідність відмінків – н[ачальни]ком.

силой бросил меня на пол и начал избивать носками, но потом опомнился, что тут сидит ЩЕГОЛЕВСКИЙ, бросил избивание и позвонил, чтобы увели ЩЕГОЛЕВСКОГО. СЕРЕДА предупредил ЩЕГОЛЕВСКОГО, чтобы он никому не рассказывал, и его увели. К СЕРЕДЕ зашли БОЛЬШУНОВ и ХАТЕМКИН, и все четверо принялись меня избивать. Трудно себе представить что-либо подобное. Меня довели до состояния полного притупления чувств. Я стал кричать, что дам какие-угодно показания. Меня прекратили бить, и я был отправлен в камеру для отдыха. Но часа через два я под диктовку СЕРЕДЫ, будучи снова вызван к нему, написал заявление о том, что являюсь участником к-р организации и завербован в неё, как подсказал СЕРЕДА, неким КУРАЧЕК. При этом МОРДУХОВИЧ не присутствовал. На другой день СЕРЕДЕ не понравилось, что в заявлении не фигурируют участники организации, и подсказал, что, кроме вербовщика КУРАЧЕКА, необходимо указать, что меня “обрабатывал” НАДЕЖДИН, и дать соучастников. МОРДУХОВИЧ мне вторично устроил очную ставку с ЩЕГОЛЕВСКИМ, но я от показаний отказался. Тогда МОРДУХОВИЧ порвал протокол, отправил ЩЕГОЛЕВСКОГО в камеру, а меня принялся избивать палкой по ногам и стучать головой об железный шкаф. При этом присутствовал ЛЕТНЕВ. Я не выдержал и сказал, что протокол подпишу. Должен сказать, что когда меня перед этим приводили к ЛЕТНЕВУ, то он в это время говорил по телефону и что-то писал. Затем передал мне написанный, видимо, под диктовку СЕРЕДЫ, список якобы участников организации, на которых я должен буду сослаться в своих показаниях. Я заявил ЛЕТНЕВУ, что это ведь всё – ложь, но он меня не стал слушать, заявив, что это его не касается. По написанной мною легенде был составлен протокол, и я его подписал. Кроме того, мне устроили очную ставку с каким-то БРАЙЛОВСКИМ, но протокол не вели, а дали подписать заранее написанный. Кажется, 19.Х-[1938 г.] мне МОРДУХОВИЧ объявил об окончании следствия, и 20.Х-[1938 г.] моё дело разбирала выездная сессия ВК. Я сохранил список, врученный мне ЛЕТНЕВЫМ, и перед судом вручил его помощнику Главного военного прокурора, которому и рассказал обо всём, как было. Дело вернули на доследование и прекратили».

На вопросы прокурора – свидетель БАБУШКИН:

«Из Киева я был переведён 18.VII-[1938 г.]. Жена моя была арестована вместе со мной, а отец и брат жены СЛАВУТСКИЙ были арестованы после приезда в Харьков ПЕРЦОВА. На допросах меня СЕРЕДА и МОРДУХОВИЧ избивали палкой и резиновым шлангом».

На вопросы ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетель БАБУШКИН:

«По Харькову я за ПЕРЦОВА сказать ничего не могу. Меня освободили в октябре м[еся]це 1939 года».

На вопросы ВТ – свидетель БАБУШКИН:

«Да, протокол “показания” я писал у ЛЕТНЕВА, он меня не допрашивал, но и ему, и МОРДУХОВИЧУ я неоднократно заявлял о том, что даю вынужденные показания; но меня не слушали. Список якобы участников организации я получил от ЛЕТНЕВА. КОПАЕВА я не знаю совсем. КРЮКОВА И. я знал по Киеву, но в Харькове он меня не допрашивал».

Ещё до получения списка от ЛЕТНЕВА мне СЕРЕДА и МОРДУХОВИЧ на допросах подсказывали ряд лиц как участников организации, часть из них я видел и в списке и после этого убедился, что фамилии ЛЕТНЕВУ диктовал СЕРЕДА. Требовали от меня троцкистско-сионистскую организацию в УНКВД. Я не знаю, но был убеждён, что список писан рукой ЛЕТНЕВА и не с моих слов. СЕРЕДА давал план увязки моих показаний с другими».

На вопрос подсудимого СЕРЕДА – свидетель БАБУШКИН:

«Да, СЕРЕДА в присутствии ЩЕГОЛЕВСКОГО меня бил».

Свидетель ВОРОНЦОВ Сергей Павлович, 1897 г. рождения, б[ес]/п[артийный], работал в органах НКВД с 1920 г., последняя должность в момент ареста – ст[арший] инспектор ОК УНКВД [по] Харьковской области, был под арестом с IV.[19]38 г. по VII–[19]39 г., дело о нём прекращено, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, предупреждённый об ответственности, показал: «Я был арестован 13. IV–1938 г. по VIII²⁰–1939 г. и впервые был приведён на допрос к КРЮКОВУ И., который предложил мне дать показание о моей якобы к-р деятельности. Я ему ответил, что виновным себя не признаю. Тогда КРЮКОВ предложил мне подумать и отправил в камеру. В тот же день вечером меня привели на допрос к СЕРЕДЕ. “Допросы”, если их так можно назвать, сопровождалось зверскими избиениями. Меня били чем попало и по чему попало СЕРЕДА, КРЮКОВ И., КОПАЕВ и один раз – КРЮКОВ Н. Продолжалось это в течение м[еся]ца, и из меня сделали полуинвалида. Больные почки, ослаб мочевого пузыря, слабо слышу на одно ухо и плохо стал видеть. Убедившись, что правды у этих “следователей” не найдешь, я решил писать что угодно, лишь бы скорее конец».

На вопросы прокурора – свидетель ВОРОНЦОВ:

«Меня называли сыном владельца лесного склада. От меня требовали показаний о к-р деятельности “вообще”. ПЕРЦОВА я не знаю. Я просидел под арестом 15 месяцев».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель ВОРОНЦОВ:

«Я помню, что меня били палкой, а били ли шлангом, не помню. После того, как моё дело вернулось из ВК на следствие, меня допрашивали прокурор и особоуполномоченный МОРДУХОВИЧ, которым я рассказал о причине подписания мною сфальсифицированных КРЮКОВЫМ и СЕРЕДОЙ показаний. Показание об участии в троцкистской организации у меня требовал КРЮКОВ. СЕРЕДА и КРЮКОВ, извращая изречение К. Маркса “Бытие определяет сознание”, часто говорили о том, что “битье определяет сознание”. Лиц как соучастников организации я был вынужден выдумывать сам. Протоколы моих показаний искажались. СЕРЕДА предъявил мне обвинение уже после подписания мною основного протокола».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель ВОРОНЦОВ:

«Ст. 200 УПК мне была предъявлена МОРДУХОВИЧЕМ в конце августа 1938 года».

²⁰ Так у документі. С. Воронцов знаходився під вартою до 14 липня 1939 р.

На вопрос ВТ – свидетель ВОРОНЦОВ:

«КОПАЕВ меня бил очень часто».

Свидетель ВИНОГРАДОВ Лев Абрамович, 1901 г. рождения, работает начальником спецотдела Харьковской швейной торговой базы, б[ес]/п[артийный], в органах НКВД работал с 1921 по 1938 г., содержался под арестом с 26.VII–[19]38 г. по 16.II–[19]39 г., дело о нём прекращено, из подсудимых знает СЕРЕДУ, вражды и родства с ним не имеет, показал: «Я был арестован аппаратом особоуполномоченного, и следствие по моему делу вели МОРДУХОВИЧ и ЛЕТНЕВ. Мне предъявили обвинение по ст. 54-1-б и требовали показаний об участии в к-р организации. За отказ от показаний мне угрожали СЕРЕДОЙ, и, действительно, один раз водили к нему на допрос. СЕРЕДА в резкой форме потребовал у меня показаний, крутил в руках палку, но не бил меня. От ШМУШКО я слышал, что его зверски бил СЕРЕДА. За остальных подсудимых ничего сказать не могу».

Свидетельница БЛЮМАН Эсфирь Михайловна, 1903 г. рождения, член ВКП(б), сейчас работает сестрой-хозяйкой, в органах НКВД работала с 1932 по 1938 г., подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, на вопросы прокурора показала: «Меня допрашивали о САНДЛЕРЕ, и я сказала, что знаю его как работника и только».

На вопросы ВТ – свидетельница БЛЮМАН:

«Да, однажды, зайдя в кабинет СЕРЕДЫ, я видела лежащего на полу САНДЛЕРА. Это было часа в 2 ночи».

На вопрос прокурора – подсудимый СЕРЕДА:

«Да, такой случай был, что, когда САНДЛЕР лежал на полу у меня в кабинете, БЛЮМАН заходила».

Свидетельница БАБКИНА Клавдия Яковлевна, 1904 г. рождения, кандидат в члены ВКП(б), работает в УНКВД по Харьковской области машинисткой, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, на вопросы прокурора показала: «Печатаю протоколы допросов арестованных, я заходила в кабинет СЕРЕДЫ и видела, как к нему на допрос буквально втягивали арестованного ЧУХРИЯ. Арестованных АВДЕЕВА и ДЕМЧЕНКО я также видела сидящими в кабинете СЕРЕДЫ. Помню, что несколько раз перепечатывала протокол допроса арестованного ПОЛИЩУКА. Кто исправлял протоколы, я не знаю, но все протоколы я передавала только СЕРЕДЕ».

На вопрос ЧКА ГАЛЫПЕРИНА – свидетельница БАБКИНА:

«Давал ли мне печатать протоколы КРЮКОВ И., я не помню. Да, я знаю, что СЕРЕДА носил протоколы на корректировку к ПЕРЦОВУ».

На вопрос ЧКА КРУГЛЯК[А] – свидетельница БАБКИНА:

«По-моему, протоколы носились СЕРЕДОЙ на корректировку начальству, в частности ПЕРЦОВУ».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетельница БАБКИНА:

«Сказать, в чём заключалась корректировка, я не могу, но изменений в протоколах было много».

На вопросы ВТ – свидетельница БАБКИНА:

«Я слышала крики и стук в комнатах, занимаемых следователями особ. следгруппы, и поэтому определяю, что арестованных били. Лично я избиений не видела».

На вопрос подсудимого КРЮКОВА – свидетельница БАБКИНА:

«Я справок на арест не печатала».

В 20 час. объявлен перерыв до 11 часов утра 29.IX–[1940 г.].

29.IX–[1940 г.] в 11 часов утра судебное заседание объявлено продолженным.

Свидетель ЛЕТНЕВ-ШАТУНОВСКИЙ Виктор Абрамович, 1897 г. рождения, член ВКП(б), в органах НКВД работает с 1920 г. с пятилетним перерывом (с 1924 по 1929 год), в данное время работает в должности нач[альника] 2[-го] отдела УНКВД, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупрежден об ответственности по ст. 89 УК, показал: «В деятельности особо следственной группы было много нарушений революционной законности. К моменту организации этой группы мне предложили сдать дела на арестованных сотрудников НКВД КРЮКОВУ Ивану. Группа помещалась над нами, т. е. аппаратом особоуполномоченного, и мы по ночам слышали крики избиваемых арестованных. Однако, когда я однажды спросил об этом у СЕРЕДЫ, то последний мне ответил, что никаких избиений не бывает. Лично я при избиениях арестованных не присутствовал. Сотрудники ОЛЕВИЧ и ВОЛОДАРСКИЙ, будучи арестованными, говорили мне, что от них следователи следственной группы требовали показаний как на участников к-р организации на меня, МОРДУХОВИЧА и МАСЛОВА».

На вопросы прокурора – свидетель ЛЕТНЕВ-ШАТУНОВСКИЙ:

«ОЛЕВИЧ и ВОЛОДАРСКИЙ не называли мне, кто персонально из следственной группы требовал показаний на аппарат особоуполномоченного. К моменту организации т. н. следственной группы в аппарате особоуполномоченного было дело на сотрудника ОЛЕВИЧА по обвинению его в должностных преступлениях. При передаче дел КРЮКОВУ Ивану я не знал, какую роль он играл в следственной группе, кажется, старшего следователя. После расформирования следственной группы дела были переданы на окончание разным сотрудникам под контроль СЕРЕДЫ. Я принимал участие по поручению МОРДУХОВИЧА в доследовании 7-ми дел: ВОРОНЦОВА, ПОЛИЩУКА, БАБУШКИНА, ЧУХРИЯ и др. Моя роль сводилась к отдельным допросам арестованных, дела особо следственной группы, видимо, готовились на внесудебное разбирательство, так как для Военной коллегии они не были задокументированы. При допросе арестованного ВОРОНЦОВА я установил, что он показывал ложь. ПОЛИЩУКА я также передопрашивал, и он мне заявил, что предыдущие его показания являются вымыслом, и просил меня не передавать его на допросы к СЕРЕДЕ. Тогда ПОЛИЩУКА я допросил в присутствии Военного прокурора т. ПАЛКИНА, которому он также подтвердил, что его предыдущие показания были ложью. БАБУШКИН обвинялся в шпионаже, и я знал, что он однажды на допросе у СЕРЕДЫ пытался выброситься в окно. После этого мне МОРДУХОВИЧ предложил допросить БАБУШКИНА, и, когда его ко мне привели, то он сказал, что

хочет давать показания. Перед этим МОРДУХОВИЧ мне говорил о том, что БАБУШКИН даст показание о НАДЕЖДИНЕ. БАБУШКИН указал как на участников к-р организации [на] КУРАЧЕКА и ТОМИНА. ЩЕГОЛЕВСКОГО я не допрашивал. ВОРОНЦОВ на допросе у меня отказывался от ранее данных показаний. На допросе БАБУШКИНА я ему никакого списка якобы участников к-р организации не давал, и, если об этом БАБУШКИН заявлял суду, то он лжет».

На вопросы прокурора – свидетель БАБУШКИН:

«Я ещё раз подтверждаю, что ЛЕТНЕВ мне давал список якобы участников организации».

На вопросы прокурора – свидетель ЛЕТНЕВ:

«БАБУШКИН лжет. Прошу допросить СЕРЕДУ, диктовал ли он мне список или нет».

На вопрос ВТ – подсудимый СЕРЕДА:

«Я никакого списка ЛЕТНЕВУ по телефону не диктовал».

Заявление ЛЕТНЕВА: «БАБУШКИН вообще ведёт и вёл себя возмутительно и чувствует ко мне зlobу».

Заявление БАБУШКИНА: «МОРДУХОВИЧ избивал меня в присутствии ЛЕТНЕВА палкой, а ЛЕТНЕВ отрицает».

На вопросы ВТ – свидетель ЛЕТНЕВ:

«ЧУХРИЯ при мне МОРДУХОВИЧ допрашивал, но не бил. ПЕРЦОВА я знал мало, и от следователя НЕЧАЕВОЙ узнал, что ПЕРЦОВ хотел меня арестовать и провести по партизанскому делу. У МОРДУХОВИЧА я несколько раз видел дела бывш[ей] след. группы с резолюциями ПЕРЦОВА».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель ЛЕТНЕВ-ШАТУНОВСКИЙ: «При передопросе арестованного ЧУХРИЯ было установлено, что он не является участником к-р организации. ВОРОНЦОВ на допросах просил меня принять показания, но я установил, что он лжет».

На вопросы ЧКА КАТРИЧЕНКО – свидетель ВОРОНЦОВ:

«Когда я стал у ЛЕТНЕВА писать показания и указал несколько лиц как участников к-р организации, то ЛЕТНЕВ просмотрел мои показания и сказал, что это – чушь».

На вопросы ВТ – свидетель ЛЕТНЕВ:

«СЕРЕДА как следователь был толковый и производил неплохое впечатление, но скрывал о том, что избивал арестованных».

На вопросы ЧКА ГАЛЬПЕРИНА – свидетель ЛЕТНЕВ:

«Я считал, что действия т. н. особ. следгруппы были незаконными. По чьей инициативе была организована эта группа, я не знаю».

На вопросы ВТ – свидетель ЛЕТНЕВ:

«ВИНОГРАДОВА дело вёл я, МОРДУХОВИЧ с ним обращался резко. Когда ВИНОГРАДОВ не давал показаний, его водили к СЕРЕДЕ. СЕРЕДА у него спросил: “Ты показания дашь или будешь битым”. И показывал ВИНОГРАДОВУ палку. ВИНОГРАДОВ был арестован по провокации сотрудника ВАСИЛЕНКО. Дело ОЛЕВИЧА вёл я. Он обвинялся в должностных преступлениях, а затем – в шпионаже. Дело о нём было прекращено».

На вопрос подсудимого СЕРЕДЫ – свидетель ЛЕТНЕВ:

«Я не помню, давал ли **ВОРОНЦОВ** показание на **МИШИНА**. Дело **ЧУХРИЯ** вообще было сильно запутано».

На вопрос подсудимого **КРЮКОВА** – свидетель **ЛЕТНЕВ**:

«О том, что дела особ. следгруппой готовились на внесудебное разбирательство, мне говорил **МОРДУХОВИЧ**».

Свидетель **ГАНИН** **Аркадий Васильевич**, 1905 г. рождения, кандидат в члены ВКП(б), в органах НКВД работает с 1927 г., в данное время – в должности зам[естителя] нач[альника] внутренней тюрьмы УНКВД по Харьковской области, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён по ст. 89 УК, на вопросы прокурора показал: «В 1938 г. у нас во внутренней тюрьме содержались арестованные быв[шие] сотрудники НКВД **ОЛЕВИЧ**, **ЧУХРИЙ**, **ПОЛИЩУК** и др. Следствие по их делам вела особо-следственная группа под начальством **КРЮКОВА И.** Арестованные после допросов возвращались избитыми. Некоторые из арестованных, как, например, **ЧУХРИЙ**, **ПОЛИЩУК** и **ОЛЕВИЧ**, были в тяжёлом положении. Помню, как одного арестованного, кажется, **ОЛЕВИЧА**, на допрос водили под руки. Когда я однажды доложил **КРЮКОВУ И.** по телефону о том, что арестованный на допрос идти не может, **КРЮКОВ** мне ответил: “Доставить, во что бы то ни стало”».

На вопросы **ВТ** – свидетель **ГАНИН**:

«Арестованным сотрудникам запрещалось оказывать медпомощь. По этому поводу была записка **КРЮКОВА** **Ивана**, я её видел. Арестованный **ЧУХРИЙ** был сильно болен, стонал. В его камере был неприятный запах от гниющих ран на теле».

На вопрос подсудимого **СЕРЕДЫ** – свидетель **ГАНИН**:

«В некоторых случаях медпомощь оказывалась лекпомом **БЕЛОВЫМ**».

На вопрос подсудимого **КРЮКОВА** – свидетель **ГАНИН**:

«Кого из арестованных приводили на допрос к **СЕРЕДЕ** под руки, точно не помню».

Свидетель **СТОЙЧАНОВ** **Иван Гаврилович**, 1896 г. рождения, член ВКП(б), работает начальником отделения 2-го отдела УНКВД по Харьковской области, подсудимых знает, вражды и родства с ними не имеет, будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК, на вопросы **ЧКА** **КАТРИЧЕНКО** показал: «Я знаю **СЕРЕДУ** с 1930 г. по работе в Полтавском окр[ужном] отделе ГПУ, плохого о нём сказать ничего не могу».

На вопрос подсудимого **СЕРЕДЫ** – свидетель **СТОЙЧАНОВ**:

«Я **СЕРЕДУ** никогда выпивши[м] не видел».

Свидетель **КУРПАС** **Константин Степанович**, 1900 г. рождения, член ВКП(б), в органах НКВД работал с 1920 по 1939 г., в данное время – пенсионер НКВД, сейчас находится под следствием, из подсудимых знает **КОПАЕВА**, показал на вопросы прокурора: «Я в 1940 г. находился под арестом 28 дней, моё дело ещё не закончено, сидел я в камере с **КОПАЕВЫМ** 12 дней, до этого я его не знал. Я был в тяжёлом состоянии и вспомнить сейчас всё то, что говорил **КОПАЕВ**, не могу. **КОПАЕВ** говорил, что в Харькове благодаря безобразному отношению некоторых организаций – затруднения с питанием, и я сам убедился в этом, когда

сняли секретаря ОПК ФЮЛКОВА. Потом он говорил о том, что, когда он был на работе в районе, то якобы отдельные крестьяне говорили, что “раньше лучше жилось”. Затем указал на неправильные действия отдельных районных организаций при выполнении правительственного указания об отрезках приусадебной земли. Эти разговоры я лично не считал контрреволюционными».

На вопросы ЧКА НОВИКОВА – свидетель КУРПАС:

«КОПАЕВ в разговоре просто критиковал деятельность отдельных руководящих работников. О разговорах крестьян, по-моему, если и слышал, то не лично, а по информации».

На вопросы ВТ – свидетель КУРПАС:

«О разговорах КОПАЕВА я написал заявление по предложению следователя КУЗНЕЦОВА. В протоколе моих показаний записи сделаны не совсем точно. О приусадебных отрезках запись в протоколе верна, но я хочу сказать, что фактически речь шла об отдельных искривлениях постановления правительства».

Свидетель ЕФИМОВ Иван Михайлович, возраст 60 лет, член ВКП(б) с 1932 года, работает мастером на заводе ХЭМЗ, из подсудимых знает КОПАЕВА, вражды и родства с ним не имеет, на вопросы ЧКА НОВИКОВА показал: «Я знаю КОПАЕВА по совместной работе на заводе в течение полутора лет как хорошего работника и хорошего партийца. Он у нас избирался секретарём парторганизации».

На вопрос ВТ – свидетель ЕФИМОВ:

«Ничего компрометирующего о КОПАЕВЕ сказать не могу».

Свидетель ЦЕХОВСКИЙ Леонид Васильевич, 1882 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 года, работает на Харьковском заводе № 135, из подсудимых знает КОПАЕВА, вражды и родства с ним не имеет, на вопросы ЧКА НОВИКОВА показал: «Я знаю КОПАЕВА по работе на Харьковском заводе № 135. Он честно относился к работе, горел на работе, добросовестно выполнял все партийные поручения».

Секретарь доложил о том, что, несмотря на повторный вызов, свидетель БЕЛОВ не явился.

Председательствующий спрашивает мнение сторон о возможности окончания судебного следствия в отсутствие неявившихся свидетелей ОЛЕВИЧА, КУЗЬМЕНКО, КРЮКОВА Н., ДЕВЯТИЛОВА, ТАТАРИНЕЦ, МОРДУХОВИЧА и БЕЛОВА.

Мнение прокурора: «Считаю возможным закончить судебное следствие в отсутствие неявившихся свидетелей, но прошу суд огласить показание свидетеля ДЕВЯТИЛОВА».

ЧКА КАТРИЧЕНКО согласен с мнением прокурора.

ЧКА ГАЛЬПЕРИН согласен с мнением прокурора и просит огласить имеющиеся в деле характеристики на подсудимого КРЮКОВА».

ЧКА КРУГЛЯК согласен с мнением прокурора.

ЧКА НОВИКОВ согласен с мнением прокурора и просит приобщить к делу заявление подсудимого КОПАЕВА в ЦК КП(б)У на имя тов. Хрущёва.

ВТ, посоветовавшись на месте, определил:

Судебное следствие окончить в отсутствие неявившихся свидетелей, признав причины неявки ОЛЕВИЧА, КУЗЬМЕНКО, КРЮКОВА Н., ДЕВЯТИЛОВА и ТАТАРИНЕЦ уважительными.

Установить причину неявки свидетелей МОРДУХОВИЧА и БЕЛОВА и иметь о них суждение. Огласить показания свидетелей ДЕВЯТИЛОВА, ВОЛОДАРСКОГО, ОЛЕВИЧА и БЕЛОВА, а также огласить выдержки из протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу подсудимого ПЕРЦОВА. Огласить характеристики на подсудимого КРЮКОВА.

Председательствующий оглашает показания ДЕВЯТИЛОВА (том IV, стр. 25), БЕЛОВА (том I, со стр. 272), ВОЛОДАРСКОГО (том 2, со стр. 31), ОЛЕВИЧА (том IV, со стр. 115), выдержки из протокола судебного заседания ВК по делу ПЕРЦОВА (том VII, стр. 446–449), а также характеристики подсудимого КРЮКОВА (том VI, стр. 236–238).

Ходатайство адвоката КАТРИЧЕНКО: «Прошу приобщить к делу справку сельсовета по месту жительства родных подсудимого СЕРЕДЫ о его социальном происхождении, а также грамоту подсудимого СЕРЕДЫ».

Адвокаты НОВИКОВ и ГАЛЬПЕРИН ходатайств не имеют.

Заключение прокурора: «Социальное происхождение подсудимого СЕРЕДЫ по делу установлено и не вызывает сомнения, поэтому приобщать справку с[ельского]/совета к делу нет необходимости. Что касается грамоты подсудимого СЕРЕДЫ, а также письма подсудимого КОПАЕВА на имя тов. Хрущёва, то о приобщении их к делу с моей стороны возражения нет».

ВТ, посовещавшись на месте, определил: Отразить в протоколе судебного заседания о том, что подсудимый СЕРЕДА был награждён грамотой, а грамоту вернуть. Письмо подсудимого КОПАЕВА на имя тов. Хрущёва к делу приобщить.

На вопросы прокурора — подсудимый ПЕРЦОВ:

«Я приехал в УНКВД [по] Харьковской области 5.IV–[19]38 г., т. е. тогда, когда т. н. особо-следственная группа уже была организована распоряжением быв[шего] нач[альника] УНКВД ТЕЛЕШЕВА. Возглавлял группу КРЮКОВ Иван, а следователями были МОСКАЛЕВ и СЕРЕДА. Следователь КОПАЕВ был назначен в группу уже при мне».

На вопрос прокурора — подсудимый КРЮКОВ:

Проявление антисемитизма по отношению к САНДЛЕРУ я категорически отрицаю».

На вопрос прокурора — подсудимый СЕРЕДА:

«Да, был случай, когда я инсценировал перед КРЮКОВЫМ Иваном избивание арестованного ШЕГОЛЕВСКОГО, так как считал КРЮКОВА старшим».

На вопрос председательствующего прокурор, адвокаты и подсудимые заявили, что дополнить судебное следствие ничем не имеют.

В 15 часов судебное следствие по делу объявлено законченным и объявлен перерыв до 10 час. утра 30.IX–[1940 г.].

30.IX–[1940 г.] в 10 час. 15 мин. судебное заседание объявлено продолженным.

В прениях сторон слово предоставлено Прокурору, который заявил: «Установлено, что подсудимый КОПАЕВ подвергал методам извращённого следствия восемь человек арестованных, КРЮКОВ – 9 человек и СЕРЕДА – 13 человек, игнорируя ст. 134 УПК и 127[-ю] ст. Сталинской Конституции. Я не буду останавливаться на всех лицах, кои подвергались избиениям со стороны подсудимых КРЮКОВА И., СЕРЕДЫ, КОПАЕВА и ПЕРЦОВА, назову только часть из них, это – ПОЛИЩУК, ЩЕГОЛЕВСКИЙ, ШМУШКО, ДРЕШЕР, КРУЛЬФЕЛЬД, ЧУХРИЙ и БАБУШКИН. Все они подвергались особенно жестоким истязаниям, и в результате их сделали инвалидами или, в лучшем случае, полуинвалидами. Жестокость подсудимых доходила до того, что арестованным, ими же тяжко избитым, отказывали в медпомощи. В качестве меры наказания, учитывая тяжесть совершённых преступлений и последствия их, я прошу избрать для КРЮКОВА и СЕРЕДЫ максимальный срок лишения свободы, предусмотренный ст. 206-17 п. «а» УК УССР. В отношении КОПАЕВА, обвиняющегося по ст. ст. 206-17 [п.] «а» и 54-10 ч. I, должен сказать, что преступление по ст. 54-10 ч. I не доказано, и я в порядке ст. 284 УПК УССР от обвинения КОПАЕВА отказываюсь. За преступление же по ст. 206-17 п. «а» он должен понести ответственность в виде лишения свободы, но на срок значительно меньший, чем подсудимые КРЮКОВ и СЕРЕДА.

Касаясь вопроса о подсудимом ПЕРЦОВЕ, должен сказать, что, сопоставляя формулу обвинительного заключения и приговора по его делу ВК ВС СССР, я не нашёл разительных расхождений в его преступлениях, за которые он уже осуждён, и преступлениями, инкриминируемыми ему по настоящему делу, и поэтому в отношении ПЕРЦОВА полагаю возможным применить ст. 3 УПК УССР».

Адвокат КАТРИЧЕНКО: СЕРЕДА пришел на работу в т. н. особо-следственную группу как ученик и действовал под нажимом и руководством других лиц. Поэтому прошу при вынесении приговора в отношении СЕРЕДЫ учесть ст. 44 УПК.

Адвокат ГАЛЬПЕРИН: КРЮКОВ не являлся начальником особо-следственной группы, он действовал как следователь и был в группе на равном положении с СЕРЕДОЙ, действовавшим совершенно самостоятельно. Это доказывается документами и подтверждено свидетельскими показаниями. СЕРЕДА не нуждается в длительной изоляции его от общества.

Адвокат НОВИКОВ: КОПАЕВ работал в т. н. особо-следственной группе всего один месяц. На нём губительно сказалась окружавшая его в то время обстановка. Проходившие перед судом свидетели, работавшие с ним на производстве, дали положительные характеристики. Обвинение по ст. 54-10, как об этом верно сказал т. Прокурор, не доказано. Учитывая всё это, прошу при вынесении приговора в отношении КОПАЕВА применить к нему ст. ст. 46 и 48 УПК УССР.

Адвокат КРУГЛЯК: Я поддерживаю ходатайство Прокурора и прошу настоящее дело в отношении моего подзащитного ПЕРЦОВА прекратить по ст. 3 УПК УССР.

В последнем слове подсудимый КОПАЕВ заявил: Я виновен в том, что пошел по течению и, видя извращения в следственной работе, не принял активных мер к разоблачению этого безобразия. Прошу учесть, что я пробыл в органах всего несколько месяцев. Полностью осознал свою вину, и поэтому строго меня не наказывайте.

Подсудимый СЕРЕДА: Я работал в органах с 1930 года, честно выкорчевывал врагов народа, ликвидировал несколько банд, 13 лет был в партии, а сейчас благодаря своей слепоте потерял не только партийный билет, но и сел на скамью подсудимых. Я, конечно, виновен, но не заслуживаю столь сурового наказания, как об этом говорил Прокурор.

Подсудимый КРЮКОВ: Я не был начальником особо-следственной группы. Это доказано документально и это подтвердили прошедшие в суде свидетели. Работал я группе около 3-х месяцев, и те извращённые методы следствия, которые практиковались в особо-следственной группе, являлись обычными для всех оперативных отделов того периода. При вынесении приговора прошу учесть, что я тяжело болен туберкулёзом, и поэтому длительное лишение свободы для меня будет равносильно смерти.

В 16 час. 45 мин. объявлен перерыв до 18 часов.

В 18 час. судебное заседание объявлено продолженным.

В последнем слове подсудимый ПЕРЦОВ заявил: Никаких дополнительных обвинений по настоящему делу мне в сравнении с теми обвинениями, за которые я уже осуждён приговором ВК ВС СССР на 4 года, не предъявлено. И поэтому и в соответствии с требованием прокурора прошу настоящее дело в отношении меня прекратить по ст. 3 УПК УССР.

В 18 час. 15 мин. ВТ удалился на совещание для вынесения приговора.

В 23 часа Председательствующий оглашает приговор, срок и порядок его обжалования.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: До вступления приговора в законную силу меру пресечения осуждённым КРЮКОВУ, СЕРЕДЕ и КОПАЕВУ избрать содержание под стражей, а ПЕРЦОВА направить в места лишения свободы для отбывания меры наказания по приговору ВК 15.VIII—1939 года.

В 23 часа 30 мин. Заседание Военного трибунала по делу объявлено закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Гурьев

СЕКРЕТАРЬ

Гладков

ак/1/

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 157—199.
Оригінал. Машинопис.

№ 69

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва

27–30 вересня 1940 р.

СЕКРЕТНО

ф. № 1

Дело № 009–1940 г.

ПРИГОВОР № 6 ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1940 г., сентября 27–30 дня, Военного трибунала войск НКВД Харьковского округа в г. Харькове в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего – военного юриста 1 ранга *Гурьева*,

Членов – военного юриста *Рубежина* и

лейтенанта госуд[арственно]й безопасн[ости] *Кириленко*,

при секретаре *Гладкове*,

с участием *представ[ителя] государств[енно]го обвинения – военного прокурора – военного юриста 2 ранга Шулепина и защиты, состоящей из адвокатов г. Харькова Новикова, Кругляк, Гальперина и Катриченко*,

рассмотрев дело²¹ на быв[ших] работников УНКВД по Харьковской области:

1. быв[шего] заместителя начальника Управления ПЕРЦОВА Давида Ароновича, имевшего специальн[ое] звание ст[аршего] лейтенанта госуд[арственной] безоп[асности], 1909 г. рождения, происходящего из граждан г. Александрия Днепропетровской обл. УССР, из семьи кустаря-сапожника, служащего, с низшим образованием, б[ес]/парт[ийного] (исключён в связи с первым делом), по национальности еврея, женатого, осуждённого приговором ВК от 15 августа 1939 г. по ст. 206-17 п. «а» УК УССР к лишению свободы в ИТЛ на 4 года без пор[ажения] прав, – по обвинению по ст. 206-17 п. «а» УК УССР;

2. быв[шего] начальника отделения [4-го] отдела УГБ [УНКВД] КРЮКОВА Ивана Ивановича, ст[аршего] лейтенанта госуд[арственно]й безопасности, 1903 г. рождения, происходящего из гр[ажд]а[н] РСФСР, Саратовской обл., Балашевского р-на, села Рейное, из крестьян, служащего, с высшим образованием, юриста, б[ывшего] члена ВКП(б) (исключённого в связи с данным делом), русского, семейного, служившего в органах НКВД с 1930 г., имевшего 2 поощрения, без взысканий, не судимого, – обвиняемого по ст. 206-17 п. «а» УК УССР;

3. быв[шего] начальника отделения отдела УГБ СЕРЕДА Якова Петровича, младш[его] лейтенанта госуд[арственно]й безоп[асности], 1903 г. рождения, происходящего из гр[ажд]а[н] Полтавской обл.

²¹ Далі у документі – суцільний рукописний текст, не виділений курсивом.

Зиньковского р-на, села Борки (УССР), украинца, из крестьян, рабочего, женатого, с незак[онченным] средним образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1926 г. (исключённого в связи с данным делом), служившего в РККА с 1925 по 1927 гг., в органах НКВД с 1930 г., имевшего 2 поощрения и 1 взыскание, не судимого, — обвиняемого по ст. 206-17 п. «а» УК УССР, и

4. б[ывшего] следователя отделения УГБ КОПАЕВА Алексея Павловича, 1907 г. рождения, происходящего из гр[ажд]н б[ывшей] Херсонской обл.²², село Верблюжка, б[ывшего] Александровского уезда, рабочего, из крестьян, со средним образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1932 г., украинца, служившего в органах НКВД с апреля 1938 г., не судимого, имевшего награждение (часы), — обвиняемого по ст. 206-17 п. «а» УК УССР, —

УСТАНОВИЛ:

КРЮКОВ И., выполняя обязанности старшего по следственной группе по делам сотрудников УНКВД, а СЕРЕДА — следователя, они за период с кон[ца] марта по июнь м[еся]цы 1938 г. вместо действительной борьбы с остатками право-троцкистских предателей и других врагов народа имели в своём производстве 15 дел на сотрудников Управления НКВД, арестованных бывшим вражеским руководством, из которых 4 чел. были арестованы без достаточных данных на обвинение в контрреволюционных преступлениях, а остальные арестованы без всяких оснований к обвинению в государственных преступлениях, имевшие срок службы в органах НКВД: 4 чел. — в 6—7 лет и 11 чел. — свыше 10, до 18 лет. Несмотря на очевидность недостаточности таких доказательств для суждения об этих арестованных о их вражеской работе в пользу иноразведок или вредительской работе внутри страны, КРЮКОВ и СЕРЕДА допускали грубейшие извращения процессуального закона в ведении следствия, незаконно применяли физические меры воздействия, угрозы и издевательства, сопряжённые с вымогательством показаний арестов[анн]ых, признанием ими участия в разных к[онтр]-р[еволюционн]ых формированиях и якобы существующей в УНКВД троцкистско-сионистской организации, сопряжённые с оговором других лиц как участников организации, а равно понуждали к этому следователя КОПАЕВА, поручая ему для «допроса» некоторых арестованных. Все эти арестованные длительное время содержались под стражей и впоследствии были освобождены с прекращением о них дел производством.

Сам КРЮКОВ И., имея в производстве следственные дела на Шеголевского, Дрешера, Крульфельда и Глебова и принимая участие в допросах арестованных сотрудников Полищука, Шмушко, Чухрия, Володарского и других 5 человек и зная о недостаточности или о полном отсутствии данных на обвинения в государственных преступлениях, а, следовательно, зная и об отсутствии основания применения к ним мер физического воздействия, он к восьми из этих лиц применял сам меры физического воздействия, понуждал к этому и привлекал для этого следователей СЕРЕДУ и КОПАЕВА. Добытые таким путём «показания» писались или корректировались им по своему усмотрению, т. е. в совершении им преступления, предусмотренного ст. 206-17 п. «а» УК УССР.

²² Так у документі. Мабуть, малась на увазі колишня Херсонська губернія.

СЕРЕДА, имея в своём производстве следственные дела на б[ывших] сотрудников Полищука, Шмушко, Чухрия, Бабушкина и др. 4-х человек и принимая участие в «допросах» арестованных Дрешер[а], Глебова и Щеголевского, зная, что данные для обвинения их в шпионской и к-р деятельности или недостаточны, или они полностью отсутствуют, он всё же допускал вымогательства показаний участия их в государственных преступлениях, требовал признания в участии в к[онтр]-р[еволюционн]ых организациях и участия [в] якобы существующей в Управлении троцкистско-сионистской организации, а к арестованным Полищук[у], Шмушко, Дрешер[у], Щеголевскому, Чухрию, Бабушкину, Володарскому и другим четырем человекам применял физические меры воздействия, нанося тяжкие избиения, т. е. в совершении преступления, предусм[отренно]го ст. 206-17 п. «а» УК.

КОПАЕВ, выполняя поручения следователей, о допросах Глебова, Дрешер[а] и Щеголевского, за период кон[ец] апреля – июнь м[еся]цы 1938 г., не имея никаких данных, указывающих на их причастность к к-р формированиям и на обвинения их в отягчающих госуд[арственн]ых преступлениях, он применял к ним тяжёлые избиения, а равно участвовал в избиениях арестованных Шмушко, Крульфельд[а], Чухрия, Володарского, Олиевича и других четырёх человек, вымогая признания в участии в контрревол[юционн]ых организациях и признания в шпионской и к[онтр]-р[еволюционн]ой деятельности, составляя протоколы в отсутствие арестованного, т. е. в совершении преступ[лени]я, предусм[отренно]го ст. 206-17 п. «а» УК.

Предъявленное обвинение КОПАЕВУ в том, что он, находясь в тюрьме, проводил контрреволюционную агитацию – по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР, признан по суду недоказанным в силу того, что свидетель КУРПАС в суде даёт противоречивые показания и не утверждает, что разговоры КОПАЕВА о недостатках отдельных местных работников по отрезкам земли можно было бы отнести к разговорам антисоветским; показаниям свидетеля БАРАБАНОВА суд не доверяет, ибо подача им заявления и данные на КОПАЕВА показания по данному обвинению относятся к периоду, когда БАРАБАНОВУ стало известно о том, что КОПАЕВ якобы передал разговор БАРАБАНОВА об участии жены в совершённом им преступлении, за которое он осуждён к лишению свободы на 8 лет ИТЛ.

Обвинения, предъявленные ПЕРЦОВУ в том, что он, руководя работой следственной группы (КРЮКОВ, СЕРЕДА, КОПАЕВ), проводил неправильные методы следствия не только указаниями добиваться показаний в причастности арестов[анн]ых сотрудников к контрреволюционным формированиям и якобы существовавшей в УНКВД троцкистско-сионистской организации, но и сам принимал участие в их допросах и избиениях (Дрешер, Щеголевский), систематически занимался корректировкой протоколов допроса, искажая содержание в сторону отягчающих обстоятельств в госуд[арственн]ых обвинениях²³, – хотя и являются доказанными, но ввиду того, что данные об этих обвинениях были предметом суждения Военной коллегии Верховного суда Союза ССР и приговором от 15 августа 1939 г. ПЕРЦОВ по ним осуждён к ИТЛ на 4 года, а поэтому, руководствуясь ст. ст. 296, 297 и ст. 3 УПК УССР, Военный трибунал

²³ Так у документі.

ПРИГОВОРИЛ:

КРЮКОВА Ивана Ивановича и

СЕРЕДА Якова Петровича на основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР к лишению свободы на десять (10) лет каждого с отбыванием в ИТЛ, без поражения в правах, с лишением звания КРЮКОВА «старшего лейтенанта госуд[арственно]й безопасности», СЕРЕДА – «младшего лейтенанта госуд[арственно]й безопасности», с зачётом предварительного заключения КРЮКОВУ с 17 ноября 1939 г. и СЕРЕДЕ – с 22.ІІ–1939 г.;

КОПАЕВА Алексея Павловича на основании ст. 206-17 п. «а» УК УССР – к лишению свободы на четыре (4) года в ИТЛ, без поражения в правах, с зачётом предварительного заключения с 26 декабря 1939 г.

По предъявленному ему, КОПАЕВУ, обвинению по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР признать по суду оправданным.

В отношении ПЕРЦОВА Давида Ароновича настоящее дело по обвинению его по ст. 206-17 п. «а» УК УССР в силу ст. 3 УПК УССР прекратить.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в пятисуточный срок в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР с момента вручения копии приговора осуждённым через ВТ, вынесший приговор.

Председательств[ующий]

Гурьев

Члены:

*Кириленко
Рубежин*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 205–199.
Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 70

Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу стосовно Д. М. Барабанова – свідка у справі Д. А. Перцова, І. І. Крюкова, Я. П. Середи і О. П. Копаєва

30 вересня 1940 р.

1940 г., сентября 30 дня, ВТ ВНКВД Харьков[ского] округа в составе: Председат[ельствующего] – военного юриста 1 ранга Гурьева, Членов – военного юриста Рубежина и лейтенанта ГБ Кириленко.

Ввиду того, что при рассмотрении дела по обвинению Крюкова, Копаева и других выявлено, что свидетель по настоящему делу Барабанов Дмитрий Михайлович с целью сведения личных счетов с обвиняемым по делу Копаевым возвёл на последнего вымышленные им самим антисоветские, контр-революционные выражения, которые собственноручно изложил в своём заявлении, поданном следователю, и повторил их на допросе

в судебном заседании, а посему, усматривая в действиях Барабанова наличие контр-революционного преступления и клеветы, предусмотр[енных] ст. ст. 54-10 ч. I и 90 УК УССР, направить копию сего определения и материалы из настоящего дела Военному прокурору ВНКВД Харьковской области для привлечения Барабанова Д.М. к уголовной ответственности.

Председательств[ующий]

Гурьев

Члены:

*Рубежин
Кириленко*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 213–213 зв.
Оригінал. Рукопис.

№ 71

Лист в.о. голови Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу П. Ф. Гур'єва військовому прокурору Головної військової прокуратури В. Ф. Молякову про справу Д. А. Перцова

10 жовтня 1940 р.

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ
ВОЕННОМУ ЮРИСТУ 3 РАНГА т. МОЛЯКОВУ

Октября 10 [19]40 г.

г. Москва

Согласно В[ашего]/запроса от 10.IX–[19]40 г. за № 4-47375/8 и в дополнение к нашему сообщению от 14.IX с. г. за № 940 при этом препровождается копия приговора ВТ войск НКВД Харьковского округа от 27–30. IX с. г. по делу КРЮКОВА И.И. и др.

В отношении ПЕРЦОВА суд вынужден был обвинения по данному делу прекратить за силой ст. 3 УПК, как осуждённого по аналогичным материалам конкретно за те же обвинения, которые фигурировали по его первому делу, по которому ВК Верховсуда от 15.VIII–[19]39 г. (д. № 00309) определила наказание в 4 года ИТЛ и которое, по моему мнению и мнению состава суда, является чрезмерно мягким и резко не соответствующим всем его преступлениям.

Дело по кассжалобе будет направлено в ВК в ближайшие 3–4 дня.

И.О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ ВОЙСК НКВД ХАРЬКОВСКОГО ОКРУГА
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 1 РАНГА /ГУРЬЕВ/

Верно:

Подпись неразборчивая

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 224.
Завірена копія. Машинопис.

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
І. І. Крюкова, Я. П. Середи, О. П. Копаєва і Д. А. Перцова

15 листопада 1940 р.

ГУРЬЕВ
17/Х-[19]40 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2-1341
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего – диввоенюриста т. СУСЛИНА
и членов: бригадвоенюриста т. КЛИМИНА и
военного юриста 1 ранга т. ЧЕПЦОВА

Рассмотрев в заседании от 15 ноября 1940 г. кассационные жалобы
КРЮКОВА Ивана Ивановича,
адвоката Катриченко²⁴ по делу СЕРЕДА Я.П. и
адвоката Новикова по делу КОПАЕВА А.П.
на приговор ВТ войск НКВД Харьковского округа от 27–30 сентября
1940 г. по делу
осуждённых за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206-17 п. «а» УК
УССР:

КРЮКОВА Ивана Ивановича – б[ывшего] нач[альни]ка отделен[ия]
отдела УГБ – ст[аршого] лейтенанта ГБ и

СЕРЕДА Якова Петровича – б[ывшего] нач[альни]ка отделения отдела
УГБ – мл[адшего] лейтенанта ГБ к л[ишению]/св[ободы] в ИТЛ сроком
на ДЕСЯТЬ лет каждого, без поражения прав,

С лишением званий: Крюкова – ст[аршого] лейтенанта ГБ и Середа –
мл[адшего] лейтенанта ГБ;

КОПАЕВА Алексея Павловича – б[ывшего] следователя отделения
УГБ – к л[ишению]/св[ободы] в ИТЛ сроком на ЧЕТЫРЕ года, без пора-
жения прав; он же по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР по суду ОПРАВДАН.

В отношении ПЕРЦОВА Давида Ароновича – б[ывшего] зам[естителя]
нач[альни]ка Управления – ст[аршого] лейтенанта ГБ, обвиняемого по
ст. 206-17 п. «а» УК УССР, дело ПРЕКРАЩЕНО;

и заслушав доклад тов. *Суслин[а]*,
заключение пом[ощника] Главного военного прокурора *Маляров[а]*
об оставлении приговора в силе,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Трибунала в отношении КРЮКОВА, СЕРЕДЫ и КОПАЕВА,
как вынесенный в соответствии с материалами дела и с учётом социаль-
ной опасности совершённых ими преступлений, оставить в силе без име-
ний, а кассжалобы осуждённых отклонить.

²⁴ У документі помилково – Картиченко.

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Решение Трибунала о прекращении дела в отношении ПЕРЦОВА²⁵, изложенное в приговоре Трибунала, является неправильным, так как согласно ст. 302 УПК УССР Трибунал мог вынести приговор или об оправдании ПЕРЦОВА, или его осуждении, но не о прекращении дела.

Об изложенном довести до сведения Председателя Верховного Суда СССР.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР
ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ 2 РАНГА

Назаревская

Препровождается вместе с делом в 10 т. и 25 прил[ожениями] в ВТ войск НКВД Харьковского округа для исполнения, копия – ГВП для сведения.

19 ноября 1940 г. № 2–1341

Секретарь ВК

Назаревская

На документі є:

1) завірка круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) резолюція голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу Я. Васютинського синім олівцем: «*т. Гурьеву. К делу. Васютинский. 27/XI [1940 г.]*»;

3) прямокутний штамп з написом: «ПОСТУПИЛО. [ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ] ВОЙСК НКВД Харьк[овского округа]. 22/XI 1940 г. № 01170»;

4) позначка про ознайомлення: «*Читал. Гурьев. 2/XII [19]40 [г.]*»;

5) автограф невстановленої особи з проставленою датою «*16/1-[19]41 г.*».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 246–246 зв.

Завірена копія. Машинопис на бланку.

№ 73

Лист заступника голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу П. Ф. Гур'єва члену Військової колегії Верховного суду СРСР А. Г. Сусліну про справу Д. А. Перцова
20 грудня 1940 р.

ЧЛЕНУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
диввоениристу тов. СУСЛИНУ
гор. Москва

²⁵ Тут і далі у документі помилково – ПЕРЦЕВА.

Киевского округа²⁶
декабря 20 [19]40 [г.]

По делу ПЕРЦОВА Давида Ароновича,
определение Военной коллегии от 15.XI—1940 г. № 2—1341

Под Вашим председательством были рассмотрены кас. жалобы по делу КРЮКОВА, ПЕРЦОВА и др. В отношении ПЕРЦОВА на приговор ВТ вынесено частное определение: «О неправильном прекращении его дела довести до сведения председателя Верховсуда».

К делу было приложено моё пояснение на имя В. В. УЛЬРИХ[А], в котором были изложены доводы на отмену приговора Военной коллегии в отношении ПЕРЦОВА.

Прошу Вас сообщить, поставлен ли вопрос об отмене приговора в отношении ПЕРЦОВА или этот вопрос не стоит, и ПЕРЦОВА можно направить в лагерь для отбытия наказания по приговору ВК.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ ВОЙСК НКВД
КИЕВСК. ОКР. – ВОЕН. ЮРИСТ 1 РАНГА

/ГУРЬЕВ/
n/n Писарев

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 255.
Завірена копія. Машинопис.

№ 74

Лист члена Військової колегії Верховного суду СРСР А. Г. Сусліна голові Військового трибуналу військ НКВС Київського округу про справу Д. А. Перцова

27 грудня 1940 р.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ВОЙСК НКВД КИЕВСКОГО ОКРУГА

гор. Киев

«27» декабря 1940 г.

№ 2-1341

Москва, ул. 25 Октября, д. № 23

Телефон 2-27-69

На № 00949/х от 20/XII—[19]40 [г.]

Сообщаю, что Пленумом Верховного Суда Союза ССР приговор в отношении ПЕРЦОВА Давида Ароновича отменён и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

²⁶ Так у документі — відтворено частину тексту з відбитку штампа Військового трибуналу військ НКВС Київського округу.

ЧЛЕН ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР
ДИВВОЕНЮРИСТ

Суслин

Исп[олнитель]

Бащилова

27.XII.[19]40
мб

На документі є:

1) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал Войск НКВД Киевского округа. ПОЛУЧЕНО 4 января 1941 г. № 61. г. Киев»;

2) резолюція П. Гур'єва фіолетовими чорнилами:

«1) [В] Хар[ьковскую] тюрьму. Перцова ... из Харькова не отправлять. Гурьев. 6/1 [19]41»;

2) Харьк[овское] УНКВД. Зам[естителю начальника] т. Тихонову. Для сведения сообщаю, что приговор ВК в отношении Перцова отменён, дело обращено к доследованию со стад[ии] предв[арительного] следств[ия]. Гурьев. 6/1 [19]41».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67398, т. 11, арк. 256. Оригінал. Машинопис.

РОЗДІЛ 5. СПРАВА СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС ПО ВОРОШИЛОВГРАДСЬКІЙ ОБЛАСТІ І ЗАСТУПНИКА НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО КИЇВСЬКІЙ ОБЛАСТІ ЛЕОНІДА ПАВЛИЧЕВА

№ 75

**Обвинувальний акт у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова,
Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського**

1 липня 1941 р.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

По обвинению бывших работников органов НКВД:

БАЛЫЧЕВА Алексея Дмитриевича – бывшего зам[естителя] нач[альника] Ворошиловградского облуправления НКВД,

СОКОЛОВА Николая Герасимовича – бывш[его] начальника 4[-го] отдела того же УНКВД,

ВОСКОБОЙНИКОВА Льва Рувимовича – бывш[его] врид начальника Следчасти того же УНКВД,

ПАВЛЫЧЕВА Леонида Михайловича – бывш[его] зам[естителя] начальника Киевского облуправления НКВД, а затем начальника 2[-го] отдела НКВД УССР,

ТАРАСОВСКОГО Льва Ароновича – бывш[его] начальника 2[-го] отделения 2[-го] отдела НКВД УССР, –

всех по ст. 206-17 п. «б» Угол[овного] Кодекса УССР.

В период времени 1938 г. бывшие работники органов НКВД БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ, ВОСКОБОЙНИКОВ, ПАВЛЫЧЕВ и ТАРАСОВСКИЙ в своей практической работе допускали грубейшие нарушения социалистической законности, что выражалось в применении ими извращённых методов следствия и фальсификации следственных материалов по делам.

Конкретно их преступная деятельность выразилась в следующем:

1) Выполняя волю и установки ныне репрессированных врагов народа УСПЕНСКОГО и бывш[его] начальника Ворошиловградского облуправления НКВД КОРКУНОВА (л. д. 11 3[-го] т., 93, 94, 95, 99, 100, 101 6[-го] тома дела), БАЛЫЧЕВ и СОКОЛОВ в период времени июль–сентябрь м[еся]цы 1938 года арестовали значительное количество ответственных работников партийных и советских организаций города Ворошиловграда

и области, в том числе старейших участников революционного движения, орденоносцев и депутатов Верховного Совета УССР (БОГИНЮ, ЧУМИЧЕВА, МАКСИМЕНКО, КАПУСТИНА, ХОДОСА и др.).

Так как на этих лиц не было достаточных компрометирующих материалов, то указанные выше БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ, а также ВОСКОБОЙНИКОВ и ТАРАСОВСКИЙ путём применения извращённых методов добились получения от арестованных признаний о своём участии в контрреволюционной организации и оговора целого ряда других лиц.

Таким образом было создано дело о контр-революционной троцкистской организации в гор. Ворошиловграде.

2) От арестованного 2-го июля 1938 года СТЕЦЕНКО – бывш[его] секретаря партийного комитета паровозостроительного завода имени Октябрьской революции и ТЕРЕХОВА – бывш[его] секретаря Ворошиловградского городского партийного комитета КП(б)У были получены «показания» об участии их в право-троцкистской организации, причём добыты показания и на других «участников» этой организации: от СТЕЦЕНКО – на 123 чел. и от ТЕРЕХОВА – на 80 человек.

На основании этих «показаний» впоследствии было арестовано 40 человек, из коих 4 человека (ПИВОВАРОВ, ЛОГВИНОВ, ТАРАН и ЖИТНЫЙ) осуждены, главным образом, по тройке к ВМН, а в отношении остальных лиц дела производством прекращены и арестованные из-под стражи освобождены (см. обзоры прекращённых дел).

Расследованием установлено, что извращённые методы следствия обвиняемыми БАЛЫЧЕВЫМ, СОКОЛОВЫМ и ВОСКОБОЙНИКОВЫМ к арестованным были применены при следующих обстоятельствах.

Сфальсифицированный СОКОЛОВЫМ протокол допроса ТЕРЕХОВА был дан ему на подпись спустя продолжительное время после допроса (л. д. 346–375 1[-го] т., 12, 13, 146, 238, 280, 281, 350 3[-го] т., 200–271 5[-го] т.).

Арестованному 2 июля 1938 г. СТЕЦЕНКО был устроен «конвейер», а именно: он с 3 по 17-е июля почти непрерывно был на допросе у разных сотрудников УНКВД.

В результате применения к СТЕЦЕНКО извращённых методов следствия он был вынужден подписать сфальсифицированные СОКОЛОВЫМ показания об участии как самого СТЕЦЕНКО в контрреволюционной организации, так и указать на большое число др. лиц как участников организации (л. д. 209–238 1[-го] т., 158 2[-го] т., 109 и 146 3[-го] т., 87, 142, 364–380 5[-го] т. дела).

Как дело ТЕРЕХОВА, так и дело СТЕЦЕНКО, в 1940 году производством прекращены, и они из-под стражи освобождены.

Извращённые методы следствия СОКОЛОВ применил также в отношении арестованных КАПУСТИНА, КОЛЕСНИКОВА, ХОДОСА и ряда др[угих] лиц (л. д. 195–208, 239–330, 376–385, 397–413 1[-го] т., 12, 13, 14 2[-го] т., 16, 157, 215, 222, 3[-го] т.), а ВОСКОБОЙНИКОВ – в отношении арестованных БОГДАНОВА, КОРЧАГИНА, КИРЮХИНА и др. лиц (л. д. 195–208, 243, 244, 282–298, 299, 301, 304, 318–345, 385–396 1[-го] т., 12 2[-го] т., 4, 15, 266 3[-го] т., 157 и 222 5[-го] т.).

Целью этих извращённых методов являлось добиться от арестованных показаний об участии их в контр-революционной организации.

Вынужденные этими незаконными действиями со стороны СОКОЛОВА и ВОСКОБОЙНИКОВА арестованные дали желаемые им показания.

3) 12-го июля 1938 года без всяких к тому оснований был арестован МАКСИМЕНКО (орденоносец, бывш[ий] красный партизан).

21-го июля того же года ВОСКОБОЙНИКОВ предъявил обвинение МАКСИМЕНКО в том, что «он является одним из руководителей военно-повстанческого штаба право-троцкистской организации», хотя в распоряжении ВОСКОБОЙНИКОВА материалов об этом не было.

Так как МАКСИМЕНКО виновным себя в совершении контр-революционных преступлений не признавал, то это признание у него решили получить незаконными методами.

С этой целью МАКСИМЕНКО в средних числах июля месяца 1938 г. (точная дата не установлена) был помещён в специально отведённую камеру Ворошиловградской тюрьмы, где к нему были применены незаконные методы следствия в виде физического насилия со стороны БАЛЫЧЕВА, ВОСКОБОЙНИКОВА, ТАРАСОВСКОГО и ещё одного сотрудника УНКВД.

Вынужденный этим насилием МАКСИМЕНКО дал «показания» о своём участии в к-р организации и указал на ряд других лиц как «участников» этой организации.

Применённые к МАКСИМЕНКО меры физического воздействия вызвали у него тяжёлые последствия в виде гангрены ягодиц и общего истощения организма, в результате чего он 24 сентября 1938 года умер в тюрьме (л. д. 16–21, 22–27, 89–90, 92–100, 105–107, 110–112, 113–116, 127–129, 140–145 2[-го] тома, 33, 123 3[-го] т., 374, 434–436, 445, 446 6[-го] т.).

4) 6 июля 1938 года обвиняемыми по делу БАЛЫЧЕВЫМ и СОКОЛОВЫМ были применены аналогичные меры физического воздействия к арестованному ЭПШТЕЙНУ – б[ывшему] члену ВКП(б), не дававшему показаний об участии в контрреволюционной организации, в результате чего 11 июля того же года ЭПШТЕЙН умер в камере тюрьмы (л. д. 145, 146 3[-го] т., 181, 222–224 7[-го] т. дела).

5) Обвиняемый БАЛЫЧЕВ, работая в 1937 году в Макеевском горотделе НКВД, в своей работе также допускал извращённые методы.

5 августа 1937 года Макеевским горотделом НКВД был арестован чёрнорабочий колхоза имени Тельмана КРАФТ Э.П. по подозрению в участии в контрреволюционной фашистско-диверсионной организации.

31 октября 1937 года Особым совещанием при НКВД СССР КРАФТ был осуждён к ВМН.

БАЛЫЧЕВ, желая получить от КРАФТА показания на др. лиц, 10 ноября 1937 года применил к нему извращённые методы следствия в виде физического воздействия, от чего КРАФТ в тот же день умер в здании Горотдела НКВД.

Вызванный для осмотра трупа судебно-медицинский эксперт ПЕТРОВ констатировал как вероятную причину смерти паралич сердца. Вскрытие

трупа КРАФТА произведено не было (л. д. 132, 376, 501–503 6[-го] т., 29–30 7[-го] т.).

б) Расследованием установлено, что обвиняемые по делу ПАВЛЫЧЕВ (занимавший должность зам[естителя] начальника 4[-го] отдела НКВД УССР) и ТАРАСОВСКИЙ (оперуполномоченный того же отдела) к арестованному 3 июля 1938 года по распоряжению врага народа УСПЕНСКОГО члену ВКП(б) БОЛОТЦЕВУ дважды применили меры физического воздействия, вынуждая его дать показания о своём участии в контр-революционной организации, в результате чего БОЛОТЦЕВ 13 июля 1938 года умер в тюрьме НКВД УССР (л. д. 1–44, 49–53, 115 об., 121, 166, 173, 182 4[-го] т., 25–26, 82–85 7[-го] т.).

Насколько ПАВЛЫЧЕВ и ТАРАСОВСКИЙ были далеки от выполнения требований закона, свидетельствует тот факт, что на арестованного БОЛОТЦЕВА не было даже заведено следственное дело (л. д. 15 4[-го] т. и 11 7[-го] т.).

7) 5-го июля 1938 года без достаточных оснований Киевским облуправлением НКВД (с санкции УСПЕНСКОГО) был арестован старший инспектор отдела кадров этого УНКВД, член ВКП(б) МОЖЕЙКО.

Следствие по делу МОЖЕЙКО производил бывш[ий] начальник 9[-го] отдела УНКВД СТРОИЛОВ.

Ввиду того, что МОЖЕЙКО не давал показаний о своём участии в контр-революционной организации, к нему со стороны ПАВЛЫЧЕВА (в то время работавшего в должности зам[естителя] начальника Киевского облуправления НКВД) и СТРОИЛОВА (материалы на него выделены) вечером 6 августа 1938 года были применены меры физического воздействия в специально оборудованном для этого дела помещении, носящем название «комнаты смеха».

В результате применения физического насилия МОЖЕЙКО в ту же ночь умер в кабинете СТРОИЛОВА (л. д. 138, 140, 153 4[-го] т., 172–175 6[-го] т., 4, 65, 66 7[-го] тома дела).

8) ВОСКОБОЙНИКОВ, работая в 1938 году в НКВД УССР в должности пом[ощника] оперуполномоченного 4[-го] отдела, также допускал незаконные действия к арестованным.

ВОСКОБОЙНИКОВ в результате применения незаконных методов ведения следствия в мае м[еся]це 1938 года искалечил арестованного ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОГО, члена ВКП(б), бывш[его] врид начальника УНКВД по Полтавской области, который в результате этого стал инвалидом.

Применяя к ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОМУ извращённые методы, ВОСКОБОЙНИКОВ добивался от него признания в том, что он является участником контр-революционной организации, и требовал подтвердить участие в организации ряда ответственных работников милиции, фамилии которых подсказывал ПЕТЕРСУ-ЗДЕБСКОМУ ВОСКОБОЙНИКОВ (Ракошица¹, Бачманова и Задорожного) (л. д. 352–362, 426–428, 546–547 6[-го] т., 2, 3, 20, 50–62, 68, 69 7[-го] т.).

¹ У документі помилково – Рокошица.

Привлечённые к следствию в качестве обвиняемых по ст. 206-17 п. «б» УК УССР виновными себя ВОСКОБОЙНИКОВ и ПАВЛЫЧЕВ не признали, а БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ и ТАРАСОВСКИЙ виновность свою в применении незаконных методов признали, а виновность в фальсификации дел отрицали (л. д. 303, 342, 367, 423, 493 б[-го] тома дела) и ПОКАЗАЛИ:

а) БАЛЫЧЕВ, что следствие по делу право-троцкистской организации в гор. Ворошиловграде он не вёл. За этим делом он осуществлял контроль частично и то только в отношении некоторых арестованных по этому делу. О фальсификации этого дела ему ничего известно не было.

БАЛЫЧЕВ объяснил, что, хотя он и подписывал разные следственные документы, но этим только соблюдал формальную сторону дела.

БАЛЫЧЕВ признал, что он принял участие в применении извращённых методов следствия в отношении арестованных СТЕЦЕНКО, ТЕРЕХОВА, ЭПШТЕЙНА, МАКСИМЕНКО и КРАФТА (л. д. 220–233 – 2[-й] т., 367–380, 445–449 – 6[-й] т., 90–96 – 7[-й] т.).

б) СОКОЛОВ, – что дело о право-троцкистской организации в гор. Ворошиловграде возникло после ареста ТЕРЕХОВА и СТЕЦЕНКО, которые дали показания на ряд др. лиц. ТЕРЕХОВ и СТЕЦЕНКО были арестованы на основании показаний о них ранее арестованных ШАЦА, ГУДКОВА и САЯТОВА² и агентурных материалов, имевшихся в УНКВД.

СОКОЛОВ показал, что фальсификацией дел он не занимался. Показания обвиняемых записывались с их слов, но что эти показания им корректировались только стилистически.

СОКОЛОВ признал, что в отношении арестованных ТЕРЕХОВА, СТЕЦЕНКО, ЛИТВИНОВА и ХОДОСА он применял извращённые методы следствия, объясняя это тем, что он считал их врагами.

Применение аналогичных мер к друг[им] арестованным СОКОЛОВ отрицает (л. д. 182–215 – 3[-й] т., 493–497 – 6[-й] т., 100–107 – 7[-й] т.).

в) ВОСКОБОЙНИКОВ показал, что в практике его работы не было ни одного случая нарушения им соцзащитности, что следствие по делам, находившимся у него в производстве, он проводил в соответствии с требованиями Закона (л. д. 149–156 – 2[-й] т., 53–101 – 3[-й] т., 342–343, 442–444, 450–451 – 6[-й] т., 88 – 7[-й] т.).

Показания обв[иняемого] ВОСКОБОЙНИКОВА опровергаются рядом обстоятельств по делу, ибо в отношении применения им извращённых методов следствия к арестованным показали не только потерпевшие (которых он считает клеветниками), но и свидетели из числа работников органов НКВД, так, например:

бывш. сотрудник УНКВД ЗАВОЛОКА показал, что ВОСКОБОЙНИКОВ допускал такого рода действия в отношении МАКСИМЕНКО (л. д. 106 2[-го] т.). Подтвердил это и свидетель МАЙСКИЙ по отношению к арестованному ПЕТЕРСУ-ЗДЕБСКОМУ (л. д. 546 – 6[-й] т.). Аналогичные показания дал и ХОРОШИЛОВ в отношении арестованного ХОДОСА (л. д. 157 – 3[-й] том).

² Тут і у наступному документі помилково – Соятов.

г) **ПАВЛЫЧЕВ** в своих объяснениях и показаниях, данных им до предъявления ему обвинения, показал, что извращённые методы следствия он применил только к арестованному **МОЖЕЙКО**.

После того, как **ПАВЛЫЧЕВУ** было предъявлено обвинение по делу, он категорически отказался давать показания, мотивируя это необъективностью якобы проводимого следствия, и сделал отвод работникам аппарата НКВД УССР и Военной прокуратуры войск НКВД Киевского округа (л. д. 303 об. – 6[-й] т., 97 – 7[-й] т. дела).

д) **ТАРАСОВСКИЙ** показал, что он действительно один или совместно с др[угими] работниками органов НКВД применял незаконные методы ведения следствия к арестованным **БОЛОТЦЕВУ**, **ЛАЗАРЕНКО-СУКАЧ**, **КОРЧАГИНУ** и **МАКСИМЕНКО**, что фальсификации следственных материалов он не допускал, и что показания арестованного **МАКСИМЕНКО** он писал вместе с **ВОСКОВОЙНИКОВЫМ** на основании собственноручных записей (заявления) **МАКСИМЕНКО** (л. д. 133–139 – 2[-й] т., 165–177, 191–200 – 4[-й] т., 229–238 – 6[-й] т., 89 – 7[-й] том).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО:

1. **БАЛЫЧЕВ** Алексей Дмитриевич, рождения 1900 года, уроженец г. Воронежа, по соцположению служащий, бывш. член ВКП(б), с незаконченным средним образованием, женат, имеет сына, в Красной армии служил с 1918 по 1922 г., в органах НКВД с 1922 по 1941 год, ранее не судим, награждён орденом «Красная Звезда» в 1937 году и медалью «20 лет РККА» в 1938 г., последняя должность – начальник Управления пожарной охраны НКВД УССР, звание – капитан госбезопасности.

2. **СОКОЛОВ** Николай Герасимович, рождения 1905 года, уроженец гор. Иваново, по соцположению рабочий, беспартийный (исключён из партии в связи с данным делом), с незаконченным средним образованием, женат, имеет 2-х детей, в Красной армии с 1927 по 1930 г., в органах НКВД с 1930 по 1940 г., имел звание «старший лейтенант госбезопасности», ранее не судим, награждён знаком «Почетный чекист» в 1936 г., последняя должность в органах НКВД – нач[альник] 4[-го] отдела УНКВД по Ворошиловградской области.

3. **ВОСКОВОЙНИКОВ** Лев Рувимович, рождения 1910 года, уроженец г. Умани Киевской области, по соцположению служащий, бывш. член ВКП(б), со средним образованием, женат, имеет ребёнка, в Красной армии с 1932 по 1934 г., в органах НКВД с 1936 г. по 1941 г., ранее не судим, последняя должность – пом[ощник] начальника Ворошиловского горотдела НКВД, звание – лейтенант госбезопасности.

4. **ПАВЛЫЧЕВ** Леонид Михайлович, рождения 1908 года, уроженец гор. Ярославля, по соцположению служащий, б[ес]/п[артийный] (исключён из партии в связи с данным делом), со средним образованием, женат, имеет сына, в Красной армии не служил, в органах НКВД с 1931 по 1941 г., ранее не судим, награждён медалью «За отвагу» в 1940 г. и знаком «Почетный чекист», последняя должность – нач[альник] Моботдела Ушосдора НКВД УССР. Звание – капитан госбезопасности.

5. ТАРАСОВСКИЙ Лев Аронович, рождения 1906 года, урож[енец] села Мельниковцы Ситковецкого³ р-на Винницкой обл., по соцположению служащий, б[ывший] кандидат в члены ВКП(б), с низшим образованием, женат, имеет дочь, ранее не судим, в Красной армии не служил, в органах НКВД с 1931 по 1941 г., последняя должность – начальник участка Ошосдора Станиславской обл., звание – лейтенант госбезопасности.

ОБВИНЯЮТСЯ:

1. БАЛЫЧЕВ – в том, что, допуская грубейшие нарушения социалистической законности, в период времени июль–сентябрь 1938 г. в гор. Ворошиловграде совместно с СОКОЛОВЫМ необоснованно арестовали до 40 лиц из состава партийного и советского актива города и области, создав дело под названием «право-троцкистский центр в гор. Ворошиловграде», и применял извращённые методы следствия, повлёкшие за собой смерть арестованных МАКСИМЕНКО, ЭПШТЕЙНА и КРАФТА;

2. СОКОЛОВ тогда же и там же необоснованно арестовал до 40 человек ответственных партийных и советских работников города и области, непосредственно руководя делом по т. н. «право-троцкистскому центру», и применял в отношении арестованных меры физического воздействия, в результате чего арестованный ЭПШТЕЙН умер в тюрьме УНКВД;

3. ВОСКОБОЙНИКОВ принимал активное участие в создании т. н. дела о право-троцкистской организации, применял к арестованным извращённые методы следствия, в результате чего арестованный МАКСИМЕНКО умер в тюрьме.

Что он – ВОСКОБОЙНИКОВ – в том же 1938 году, работая пом[ощником] оперуполномоченного 4[-го] отдела НКВД УССР, аналогичные методы применил к арестованному члену ВКП(б) ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОМУ, в результате чего ПЕТЕРС-ЗДЕБСКИЙ стал инвалидом.

4. ПАВЛЫЧЕВ – в том, что, работая в 1938 г. в НКВД УССР и Киевском облуправлении НКВД, допускал извращённые методы следствия в отношении арестованных МОЖЕЙКО и БОЛОТЦЕВА, в результате чего они умерли в тюрьме, и

5. ТАРАСОВСКИЙ – во время работы его в 1938 г. в НКВД УССР в должности оперуполномоченного 4[-го] отдела применял незаконные методы следствия к арестованным, в результате чего арестованные БОЛОТЦЕВ и МАКСИМЕНКО умерли в тюрьме, т. е.

все они – в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР, а потому, и руководствуясь ст. ст. 8 и 26 «Положения о ВТ и ВП» подлежат суду Военного трибунала войск НКВД Киевского округа.

И.о. ПОМ[ОЩНИКА] ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ВОЙСК НКВД
КИЕВСКОГО ОКРУГА – ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 3 РАНГА *Рязанцев*

Составлено в г. Киеве.

«1» июля 1941 г.

³ Тут і далі у документі помилково – Ситковського.

На першому аркуші документа, у лівому верхньому куті, від руки фіолетовими чорнилами нанесена резолюція Військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезова: «*Утверждаю. Балычева А.Д., Соколова Н.Г., Воскобойникова Л.Р., Павлычева Л.М., Тарасовского Л.А. предать суду В/Т в[ойск] НКВД Киев[ского] округа – всех по ст. 206-17 п. «б» УК УССР. Грезов. 1/VII [19]41.*».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 7, арк. 367–374.
Оригінал. Машинопис.

№ 76

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського

12–15 серпня 1941 р.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ

судебного засідання Военного трибунала войск НКВД Киевского округа

1941 года, августа 12–15 дня, г. Ворошиловград.

Председатель – ФЕЛЬДМАН

Члены: политрук ВЛАХНО,

мл[адший] лейтенант г[ос]/б[езопасности] ДЕНИСЮК.

При секретаре КУЛАКОВОЙ.

Слушалось дело по обвинению БАЛЫЧЕВА Алексея Дмитриевича, СОКОЛОВА Николая Герасимовича, ВОСКОБОЙНИКОВА Льва Рувимовича, ПАВЛЫЧЕВА Леонида Михайловича и ТАРАСОВСКОГО Льва Ароновича – всех по ст. 206-17 п. «б» УК УССР.

Судзаседание начато в 12 часов.

Секретарь доложил, что находящиеся под стражей и вызываемые в судебное заседание подсудимые БАЛЫЧЕВ А.Д., СОКОЛОВ Н.Г., ВОСКОБОЙНИКОВ Л.Р., ПАВЛЫЧЕВ Л.М. и ТАРАСОВСКИЙ Л.А. [в] судебное заседание доставлены.

Вызываемые свидетели в судзаседание не явились, так как часть из них вызывалась на сегодня на 19 часов, а остальные – на 13/VIII–[19]41 г.

Военный трибунал удостоверяется в самоличности подсудимых, которые на вопрос председательствующего ответили:

1. БАЛЫЧЕВ Алексей Дмитриевич, 1900 г. рождения, уроженец г. Воронежа, по соцположению служащий, бывший член ВКП(б), с

незаконченным средним образованием, женат, имею сына, в Красной армии служил с 1918 по 1922 год, в органах НКВД с 1922 по 1941 год, под судом и следствием не состоял, награждён орденом «Красная Звезда» в 1937 году и медалью «20 лет РККА» — в 1938 году, перед арестом занимал должность начальника Управления пожарной охраны НКВД УССР, звание имею «капитан госбезопасности». Обвинительный акт получил 5/VIII—1941 года.

2. СОКОЛОВ Николай Герасимович, рождения 1905 года, уроженец гор. Иваново, по соцположению рабочий, беспартийный (исключён из партии в связи с данным делом), образование незаконченное среднее, женат, имею двух детей, в Красной армии служил с 1927 по 1930 год, в органах НКВД с 1930 по 1940 год, имел звание «старший лейтенант госбезопасности», ранее не судим, награждён знаком «Почётный чекист» в 1936 году. Последняя должность в органах НКВД — начальник 2[-го] отдела УНКВД по Ворошиловградской области. Обвинительный акт получил 5/VIII—[19]41 г.

3. ВОСКОБОЙНИКОВ Лев Рувимович, 1910 года рождения, уроженец гор. Умань Киевской области, по соцположению служащий, бывший член ВКП(б), со средним образованием, женат, имеет ребёнка, в Красной армии служил с 1932 по 1934 год, в органах НКВД с 1936 по 1941 год, ранее не судим, последняя должность — пом[ощник] нач[альника] Ворошиловградского гортодела НКВД, звание — «лейтенант госбезопасности». Обвинительный акт получил 5/VIII—1941 года.

4. ПАВЛЫЧЕВ Леонид Михайлович, 1908 года рождения, уроженец гор. Ярославль, по соцположению служащий, беспартийный (исключён из партии в связи с данным делом), со средним образованием, женат, имею сына, в Красной армии не служил, работал в органах НКВД с 1931 по 1941 год, ранее не судим, награждён медалью «За отвагу» в 1940 г. и знаком «Почётный чекист». Последняя должность — нач[альник] Моботдела Ушосдора НКВД УССР. Звание — «капитан госбезопасности». Обвинительный акт получил 5/VIII—1941 года.

5. ТАРАСОВСКИЙ Лев Аронович, рождения 1906 года, уроженец с. Мельниковцы Ситковецкого района Винницкой области, по соцположению служащий, бывший кандидат в члены ВКП(б), образование низшее, женат, имею дочь, ранее не судим, в Красной армии не служил, в органах НКВД работал с 1931 по 1941 год, последняя должность — нач[альник] участка Ошосдора Станиславской области, звание — «лейтенант госбезопасности». Обвинительный акт получил 5/VIII—1941 года.

Председатель ВТ объявляет состав суда и разъясняет право отвода. Отвода к составу суда не заявлено.

Разъяснены также права и обязанности подсудимых в процессе рассмотрения дела в соответствии со ст. 258 УПК УССР.

Председательствующий оглашает письменные заявления, поданные подсудимыми СОКОЛОВЫМ, ПАВЛЫЧЕВЫМ, БАЛЫЧЕВЫМ и ВОСКОБОЙНИКОВЫМ, датированные 5/VIII—1941 года, в которых подсудимые просят о вызове дополнительных свидетелей и об истребовании документов, указанных в заявлении, и спрашивает у подсудимых, настаивают ли они на ходатайствах, указанных в заявлениях, а также спрашивает, имеют ли они ещё какие-либо ходатайства до доклада дела.

Подсудимые СОКОЛОВ, ПАВЛЫЧЕВ, БАЛЫЧЕВ и ВОСКОБОЙНИКОВ настаивают об удовлетворении ходатайств, указанных в заявлениях, и просят окончательно разрешить все эти ходатайства в конце следствия.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ОПРЕДЕЛИЛ:

Ходатайство подсудимых оставить открытым и окончательно разрешить этот вопрос в конце судследствия.

Председательствующий доложил дело.

На вопрос председательствующего, понятна ли подсудимым суть предъявленного им обвинения, признают ли они себя виновными и желают ли давать суду показания, подсудимые ответили:

1. БАЛЫЧЕВ Алексей Дмитриевич. В чем меня обвиняют, мне понятно, виновным себя не признаю, объяснение суду давать желаю.

2. СОКОЛОВ Николай Герасимович. В чем меня обвиняют, мне понятно, виновным себя признаю частично в применении незаконных действий (мер физического воздействия), в остальном – не признаю. Объяснение суду давать желаю.

3. ВОСКОБОЙНИКОВ Лев Рувимович. В чем меня обвиняют, мне понятно, виновным себя не признаю, объяснение суду давать желаю.

4. ПАВЛЫЧЕВ Леонид Михайлович. Виновным [себя] не признаю, в чем меня обвиняют, мне понятно. Объяснение суду давать желаю.

5. ТАРАСОВСКИЙ Лев Аронович. В чем меня обвиняют, мне понятно, виновным себя признаю частично – в части применения незаконных методов физического воздействия к арестованным, в остальном – не признаю. Объяснение суду давать желаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Установить порядок исследования дела следующий: сначала допросить подсудимых, а затем свидетелей, в порядке, изложенном в списке при обвинительном акте.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ пояснил:

Прежде чем дать объяснения по существу предъявленного мне обвинения, я хочу обратить внимание ВТ на недопустимое отношение к нам со стороны предварительного следствия, которое нас ограничивало в даче объяснений по каждому эпизоду обвинения, несмотря на то, что нас судят за нарушение соцзаконности, но это между прочим.

До работы в Ворошиловградском облуправлении НКВД в должности зам[естителя] нач[альника] я работал нач[альником] Макеевского горотдела НКВД, и мне предъявлено по обвинительному акту обвинение в убийстве чернорабочего, я беру слово «чернорабочий» в кавычки, КРАФТА⁴.

Когда я на следствии сказал, что КРАФТ присуждён к высшей мере наказания, следователь РЯЗАНЦЕВ мне заявил, что такого приговора нет, и я был в недоумении, зная, что КРАФТ был осуждён тройкой к ВМН, и лишь после того, как я вспомнил, с кем он проходил и какого числа, тогда действительно нашли дело и приговор на КРАФТА, о

⁴ Тут і далі деякі прізвища у документі надруковані маленькими літерами. Уніфіковано авторами-упорядниками.

чём следователь приложил справку к делу. В сентябре мес[яце] 1937 г. я был вызван СОКОЛИНСКИМ в УНКВД, последний возвратил мне дело КРАФТА и заявил, что я либеральничаю с ним, что он, КРАФТ, — очень серьёзный преступник, знает о связях ряда шпионов, объездил весь Донбасс с ГЕБЕРТОМ и др[угими] проходящими по агентурной разработке как немецкие шпионы, и заявил, чтобы я не спешил с расстрелом КРАФТА, т. к. это было уже после его осуждения, а перед расстрелом допросить его и в случае необходимости применить к нему санкцию.

Я это указание выполнил, хотя ничего нового от КРАФТА не добился. Санкции, которые я применял к КРАФТУ, выразились в том, что я дал КРАФТУ 2 пощечины и предал его следователю КИРИЛЕНКО.

В связи с праздничными днями до 10-го ноября КРАФТА не допрашивали. 10/XI—[1937 г.] КИРИЛЕНКО взял его к себе на допрос и на следующий день он мне заявил, что КРАФТ у него на допросе умер.

Бил ли КИРИЛЕНКО арестованного КРАФТА, я не знаю. Санкции на избивание его я давал, и возникает вопрос, из чего предварительное следствие приходит к выводу, что я убил КРАФТА. Кроме того, из заключения врача о причине смерти не видно, чтобы были следы насильственной смерти.

Вообще я утверждаю, что, будучи в Макеевке, я ни одного дела не фальсифицировал, и это предварительным следствием ничем не доказано.

В отношении того, можно ли допрашивать осуждённого к ВМН после его осуждения, я не знал, но такая практика у нас была.

Начал я работу в Ворошиловграде 15/VI—[19]38 года. Работа моя началась с того, что я по существу оказался завхозом, занимался размещением сотрудников по кабинетам, и, наконец, очень много времени у меня заняло освобождение этого помещения, где помещалось раньше общежитие, и вообще я не имел определённых занятий, ибо бывший нач[альник] УНКВД КОРКУНОВ был форменным самодуром, который вообще не давал возможности работать.

Я хочу этим сказать, что до 15/VII—[19]38 г. я конкретно не занимался руководством оперативной работы, и поэтому нельзя считать, что я выполнял волю врагов УСПЕНСКОГО и КОРКУНОВА, в начале июля мес[яца] [1938 г.] создал искусственную контрреволюционную организацию.

Если ещё обратить внимание на то, что эти враги УСПЕНСКИЙ и КОРКУНОВ превратили меня в неоперативного работника, послали на работу в Пожарную команду, то станет ясным факт, что я с этими врагами не вёл контакта, и нельзя меня подозре[ва]ть в том, что я в карьеристских целях допускал нарушение соцзаконности.

О существовании право-троцкистского центра в Ворошиловграде я не сомневался тогда и не сомневаюсь и сейчас, ибо, если прочесть показания такого врага, как ШАЦ, и других участников организации, станет ясным, что такая контрреволюци[онная] организация проводила большую работу. Я долго не буду останавливаться на этом моменте, т. к. в деле по этому вопросу есть много материалов, и я много говорил об этом на предварительном следствии.

Меня обвиняют в том, что я избивал СТЕЦЕНКО и способствовал созданию искусственного обвинения против него. Против СТЕЦЕНКО

было много материалов ещё по работе его в гор. Кирово, за что его от туда выгнали. Проявлял он также оппортунизм, будучи уже на работе в Ворошиловграде, но был протасен на работу секретаря партийного комитета зав[ода] ОР⁵ только лишь благодаря связям с антисоветским элементом.

По поводу ЛИТВИНОВА было много материалов о том, что он в прошлом был провокатор[ом], и что этот человек вообще с тёмным прошлым. Достаточно посмотреть на выступление Л.М. КАГАНОВИЧА на одном из пленумов Окружкома ВКП(б) в 1937 г. (том 6, стр. 156), где он заявил, что никогда не считал ЛИТВИНОВА сторонником ЦК ВКП(б).

Правда, прокурор НИКОЛАЕВ, который вёл наше дело, искажил суть выступления Л.М. КАГАНОВИЧА и превратил это, как будто бы КАГАНОВИЧ защищал ЛИТВИНОВА.

В отношении телеграммы, данной УСПЕНСКИМ ЕЖОВУ, я не знал, но потом мне стало известно, что в этой записке указано больше, нежели в действительности было.

Записки этой я не писал, знаю, что её, как будто бы, составлял ПАВЛЫЧЕВ.

По делу ТЕРЕХОВА я ничего не фальсифицировал. Все материалы полностью соответствовали действительности, и почему я должен больше нести ответственности, нежели КОРКУНОВ, секретарь обкома ЛЮБАВИН и прокурор НОШЕНКО, которые все принимали участие в аресте ТЕРЕХОВА, и никто из них не сомневался в том, что ТЕРЕХОВ – враг.

Почему же я должен сомневаться, что я умнее их?

Меня удивляет, почему ТЕРЕХОВА сделали старым большевиком? Он член партии с 1928 года, сам он не луганчанин, сподвижником тов. ВОРОШИЛОВА он никогда не был. Никакой надобности в применении мер физич[еского] воздействия к ТЕРЕХОВУ не было, т. к. он дал показание следователю ВОРОНОВУ о том, что он является членом контрреволюц[ийной] организации, и поэтому показание ВОРОНОВА о том, что я якобы применял санкцию к ТЕРЕХОВУ, неправильны.

Вообще меня удивляет, что ВОРОНОВ уличает меня в извращённых методах следствия в то время, как я предупредил ВОРОНОВА о том, что, если он будет применять искажённые методы физич[еского] воздействия, я его посажу на 10 суток ареста.

Вообще я никогда не занимался фальсификацией или провокационными методами следствия.

По делу ЭПШТЕЙНА я могу сказать следующее. На него имелись показания из УНКВД по Донецкой области, и в правильности его ареста я тогда не сомневался, хотя я его не арестовывал, ибо ЭПШТЕЙН арестован по санкции КОРКУНОВА и прокурора НОШЕНКО, почему же я должен отвечать за правильность произведённого ареста, а не те, кто санкционировал этот арест?

Бил ли я ЭПШТЕЙНА? Да. Я ему нанёс несколько пощечин, но это было при следующих обстоятельствах. При мне КОРКУНОВ дал

⁵ Йдеться про паровозобудівний завод ім. Жовтневої революції.

санкцию УДОВЕНКО для применения мер физического воздействия к ЭПШТЕЙНУ за то, что последний себя нагло ведёт.

КОРКУНОВ предложил мне пойти и посмотреть, что это за арестованный, что так себя ведёт. Когда я зашёл в кабинет, где допрашивали ЭПШТЕЙНА, я убедился, что ЭПШТЕЙН действительно себя вызывающе ведёт на следствии, ругается матерщиной на следователя, также в адрес Сов[етской] власти, называл органы НКВД самыми похабными словами и т. п.

Я, видя такую наглость со стороны арестованного ЭПШТЕЙНА, нанёс ему несколько пощечин и пошел об этом доложил КОРКУНОВУ.

КОРКУНОВ пошел допрашивать ЭПШТЕЙНА. Бил ли он его, я сказать не могу. Знаю лишь одно, что на другой день мне УДОВЕНКО сообщил, что ЭПШТЕЙН умер.

В смерти ЭПШТЕЙНА я не повинен и категорически отвергаю обвинение, которое мне предъявлено по обвинительному акту в этой части.

По делу МАКСИМЕНКО я должен сказать, что основания для его ареста были, но предварительное следствие в этой части подошло совершенно необъективно. Достаточно сказать, что старший следователь из аппарата особополномоченного НКВД УССР забрал все документы почему-то в Киев, и сейчас их нигде не оказалось, почему нельзя и проверить основательность или неосновательность этого моего заявления.

На МАКСИМЕНКО ещё до его ареста было очень много материалов, и это подтверждают свидетели ВОРОНОВ, ДОЛЬНИКОВ, КИТЧЕНКО, ПЕКАРЕВ и др. Поэтому я категорически отрицаю факт фальсификации этого дела.

МАКСИМЕНКО на следствии не давал показаний. КОРКУНОВ предложил поехать в тюрьму и допросить МАКСИМЕНКО. Поручено было ТАРАСОВСКОМУ, ВОСКОБОЙНИКОВУ, и я также с ними поехал.

Когда мы прибыли в тюрьму и привели МАКСИМЕНКО в камеру, где производился допрос, я предложил МАКСИМЕНКО давать показания. МАКСИМЕНКО никаких показаний не давал, и я нанёс ему две пощечины, но и после этого МАКСИМЕНКО продолжал молчать.

Тогда я ему предложил лечь, он без всяких сопротивлений лёг, и я предложил ТАРАСОВСКОМУ и ВОСКОБОЙНИКОВУ применить санкцию. Не помню кто, ТАРАСОВСКИЙ или ВОСКОБОЙНИКОВ, нанесли ножкой стула несколько ударов по ягодицам МАКСИМЕНКО, после чего последний схватился и заявил: «Прекратите наносить побои, я буду давать показания». Тут же прекратили его избивать, он сел на стул и начал давать показания о том, что он является членом контрреволюц[ионной] организации.

Через несколько минут я оставил ТАРАСОВСКОГО и ВОСКОБОЙНИКОВА для оформления протокола, а сам ушёл.

Я об этом заявлял КОРКУНОВУ, но КОРКУНОВ почему-то проявлял недовольство. Заявил мне, что он об этом знает, и что этим делом занимаются ВОСКОБОЙНИКОВ и ТАРАСОВСКИЙ.

Видя, что КОРКУНОВ недоволен тем, чтобы я занимался делом МАКСИМЕНКО, я от этого дела ушёл. Дальше этим делом занималась бригада из Киева, и чем закончилось дело, я не знаю.

Вот, что я могу сказать по делу МАКСИМЕНКО. Били ли после МАКСИМЕНКО, я не знаю, но утверждаю, что МАКСИМЕНКО не мог заболеть гангреней ягодиц от тех ударов, которые ему были нанесены в моём присутствии. Дальнейшая судьба этого дела мне известна лишь из заявления СТУПНИЦКОГО, который мне заявил, что МАКСИМЕНКО лежит в тюрьме в тяжёлом состоянии, и требовал принятия срочных мер, ибо могут быть неприятности. Я об этом доложил КОРКУНОВУ, но КОРКУНОВ отнёсся к этому несерьёзно. Тогда я сам послал за врачом, и в моём и ХАРЧЕНКО присутствии врач осмотрел МАКСИМЕНКО и категорически запретил допрашивать в таком состоянии МАКСИМЕНКО.

Тогда же я дал указание администрации тюрьмы создать надлежащие условия и держать его на диете.

Если бы следствие глубже занялось вопросом причин смерти МАКСИМЕНКО, то установило бы, что от 2-х пощечин, которые я нанёс МАКСИМЕНКО, он умереть не мог.

ЧУМИЧЕВ был арестован по линии Эконом[ического] отдела УНКВД с санкции НКВД УССР. Арест санкционировали КОРКУНОВ и прокурор НОЩЕНКО.

Арестован был ЧУМИЧЕВ 22/IX-[19]38 г. В то время я в УНКВД почти ничего не делал.

В правильности ареста ЧУМИЧЕВА я тогда не сомневался, т. к. на него было много показаний и агентурный материал.

По поручению КОРКУНОВА я совместно с[о] СКВИРСКИМ допрашивал ЧУМИЧЕВА, но никаких незаконных мер физ[ического] воздействия мы к нему не применяли, и сам ЧУМИЧЕВ в своих показаниях фамилии БАЛЫЧЕВА не упоминает.

Я мог бы много приводить ещё доводов, которые опровергают предъявленное мне обвинение, но в распоряжении суда достаточно материалов, из которых видно, что я не такой фальсификатор, как это представило предварительное следствие.

Я прошу тщательно проверить все эти материалы и со всей объективностью сделать обо мне вывод.

[ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:]

Учитывая, что свидетелю ХОРОШИЛОВУ предстоит срочный выезд по оперативному заданию, во изменение установленного порядка исследования дела, допросить свидетеля ХОРОШИЛОВА по существу настоящего дела.

Свидетель ХОРОШИЛОВ предупреждён об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

ХОРОШИЛОВ Григорий Иванович, 1907 года рожд[ения], зам[еститель] нач[альника] Военного отдела зав[ода] ОР, член ВКП(б).

Дело ХОДОСА было поручено мне. Во время одного из допросов ко мне в кабинет зашли СОКОЛОВ, УДОВЕНКО, ВОСКОВОЙНИКОВ и ещё один сотрудник, фамилию его не помню. У одного из этих товарищей была ножка от стула. СОКОЛОВ начал допрашивать ХОДОСА, и

когда последний отказывался признаться в участии в контрреволюционной организации, СОКОЛОВ предложил ему лечь на пол и первый начал его избивать ножкой от стула, а затем его избивал УДОВЕНКО.

На предварительном следствии я говорил, что как будто бы ХОДОСА избивал и ВОСКОБОЙНИКОВ, но я точно не помню.

Лично я ХОДОСА не бил. Знаю, что ХОДОС после этого долго болел. Среди сотрудников УНКВД носились слухи, что БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ и ТАРАСОВСКИЙ занимаются избиением арестованных.

Из дела арестованного ХОДОСА видно было, что достаточных оснований на его арест не было. Справка на ХОДОСА была составлена мной по приказанию КОРКУНОВА. На ХОДОСА имелась агентурная разработка, из чего и были взяты материалы при составлении справки.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Я не могу утверждать, бил ли ХОДОСА ВОСКОБОЙНИКОВ, так как я не помню.

Председательствующий оглашает показания свидетеля ХОРОШИЛОВА на листе дела 157, том 3-й.

НА ВОПРОС ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Предъявленный протокол допроса действительно подписан мною. Я заявляю, что, кто из сотрудников избивал арестованных, я не видел, но помню такие случаи, что водили арестованных из кабинетов, где было видно, что [к] этим арестованным применялись физические меры воздействия.

По поводу избиения ХОДОСА я санкции не имел и не знаю, имел ли СОКОЛОВ, но, если он применил, то, возможно, на это имел санкцию.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Знаю, что БАЛЫЧЕВ корректировал протоколы, ибо он был заместителем нач[альника] УНКВД. Я лично ему протоколы для корректировки не носил.

ХОДОСА разоблачал НАЗАРЕНКО как антисоветского человека и заявлял, что ХОДОС – ставленник БАЛИЦКОГО.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ТАРАСОВСКОГО СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

С момента дачи первичных показаний ХОДОСОМ до изобличения его НАЗАРЕНКО прошло около года.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Выступал ли ХОДОС в качестве свидетеля по делу НАЗАРЕНКО, мне неизвестно. Также я не угрожал ХОДОСУ фамилией СОКОЛОВА при подписи им протокола.

Был случай, когда меня ввели в группу по делам арестованных по заводу № 60. Мне было поручено вести дело ИТКИС и МЕРКУЛОВОЙ⁶.

⁶ У документі помилково у чоловічому роді – Меркулова.

Угроз ХОДОСУ я не наносил и что будет ему хуже, если не подпишет протокол допроса, я не говорил.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОВОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Допрашивал ли арестованного КОРЧАГИН[А] ВОСКОВОЙНИКОВ, мне не известно. Я КОРЧАГИНА не допрашивал и физических мер воздействия к нему также не применял.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

Давал ли санкции на арест БАЛЫЧЕВ, я не помню, а для применения мер физического воздействия, категорически утверждаю, что нет.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОВОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ХОРОШИЛОВ ОТВЕТИЛ:

ВОСКОВОЙНИКОВ боролся с фальсификаторами, требовал соблюдать нормы УПК.

В 16 часов 30 минут объявлен перерыв до 19 часов.

В 19 часов 12-го августа 1941 года заседание продолжено.

Подсудимый СОКОЛОВ:

В июне месяце 1938 года, после того, как была организована Ворошиловградская область, я поехал в Сталино принимать дела. Вместе с делами я принял 40 арестованных, которые числились за нами.

Со всеми делами мне пришлось самому знакомиться, так как люди были все новые, и я их не знал, чтобы знать, кому поручить какое дело, а также занялся проверкой всей агентурной сети. Моя задача была вскрыть фашистские группы и нанести им решительный удар.

В материалах 1-го отдела есть факты, вскрытые нами, об открытых выступлениях фашистов, и это обязало меня немедленно установить кадры троцкистов, которые занимались контрреволюционной деятельностью. Такой троцкист был РОМАНОВ⁷, который открыто выступал против товарища СТАЛИНА, и, если вы допросите свидетеля КИТЧЕНКО, то он вам подтвердит о наличии таких материалов в 1-ом отделе.

При ознакомлении с материалами у нач[альника] Управления [НКВД] по Донецкой области я выявил ряд показаний на лиц, проживающих в Ворошиловграде, которые составляют контрреволюционное подполье, возглавляемое ШАЦОМ, ГУДКОВЫМ и другими.

По агентурным материалам проходил СТЕЦЕНКО, на которого и было заведено дело-формуляр. Он проходил по семи показаниям: ШЕВЧЕНКО, САЯТОВА, ЛЕБЕДЕВА и других, и я считаю, что СТЕЦЕНКО освобождён неправильно, так как он – враг.

На ТЕРЕХОВА также имелись агентурные сведения, показания САЯТОВА и других, были на него ещё за 3 месяца до его ареста. Я уже не говорю о том, что имелись материалы, что ТЕРЕХОВ помогал своей жене в торговле, использовал своё служебное положение и т. д.

⁷ У матеріалах справи згадується як троцькістка зав. плановим відділом одного із заводів Романова, а також працівник Донпромторгу Романов, але поза троцькістським контекстом.

ЭПШТЕЙН был арестован по показаниям МИНИНА. Никаких сомнений в правильности ареста ТЕРЕХОВА и СТЕЦЕНКО у меня не было.

Я не отрицаю факта применения санкции к этим арестованным, но я был глубоко уверен, что это враги. Я категорически отрицаю факт фальсификации по их делам.

То, что ТЕРЕХОВ и СТЕЦЕНКО указывают, что я якобы подсказывал фамилии для того, чтобы они их оклеветали, является сплошной клеветой.

Я признаю, что схема вопросов при проведении следствия мною давалась следователям, но это не есть фальсификация материалов.

Что я осуждаю, [то] это составление громоздких протоколов на 100 и больше листов, но это установка была дана Киевом и Москвой.

В Ворошиловград приезжал УСПЕНСКИЙ с группой: ПАВЛЫЧЕВ, ГОЛЬДМАН, ТАРАСОВСКИЙ и БЕЛЕНЬКИЙ. Тогда были УСПЕНСКОМУ предъявлены материалы по делу СТЕЦЕНКО и ТЕРЕХОВА. УСПЕНСКИЙ сам сделал анализ этих материалов, и на основе их была составлена записка ЕЖОВУ, в которой было указано, что в Ворошиловграде вскрыт троцкистский центр.

Если бы я знал, что УСПЕНСКИЙ это делает во вражеских целях, я бы иначе смотрел на это, но я и не допускал мысли, что УСПЕНСКИЙ – враг.

Протокол допроса ТЕРЕХОВА и СТЕЦЕНКО был поручен для оформления ПАВЛЫЧЕВУ, но, так как он срочно выехал, то этот протокол закончил я.

Я заявляю, что корректировка этих протоколов заключалась в том, что я стилистически исправлял фиксацию, но суть их я не изменял.

Я категорически отвергаю заявление этих лиц, что я якобы им подсказывал фамилии. Больше того, когда я усомнил[ся] в правдивости заявления ТЕРЕХОВА, что НОВИКОВ является участником контрреволюционной организации, и хотел исключить его из списка, названного ТЕРЕХОВЫМ, последний категорически отказался от подписи протокола, если НОВИКОВ не будет вписан.

Я уже говорил, что ТЕРЕХОВА я избивал, но, как видите, он вполне здоров, и с ним ничего не случилось. Я ТЕРЕХОВА бил не ради какой-либо цели, а это было средство для вскрытия контрреволюционной организации.

ТЕРЕХОВУ и СТЕЦЕНКО было предоставлено более 20 очных ставок, и всюду они подтверждали своё участие в контрреволюционной организации. На основании их показаний были произведены аресты, в том числе был арестован и ЛИТВИНОВ.

МАКСИМЕНКО был арестован не по линии 3-го отдела, а по линии 4-го отдела, совместно с группой партизан – ЛАТЫШЕВА и других. Основания к аресту МАКСИМЕНКО, надо полагать, что были в 4-ом отделении, так как в 1925 году был осуждён к 10-ти годам лишения свободы за убийство начальника Особого отдела, имел связь с врагом народа неким МЫШКОВЫМ, женат он на бывшей жене белого офицера. МАКСИМЕНКО скрывал в анкетах об исключении его из партии, о его судимости.

После выхода в свет постановления ЦК [ВКП(б)] и СНК СССР от 17 ноября 1938 года все дела направлялись в Военный трибунал. Дела были основательны, но к тому времени в тюрьме наблюдалось полное разложение, начались сговоры среди арестованных об отказе от своих показаний, и пошла волна об отказе по всем делам. Тогда нельзя было различить, кто правильно отказывается и кто неправильно отказывается.

Бывший прокурор НОЩЕНКО знал о всех делах, он и сейчас не отрицает факта, что многие освобождённые освобождены были и есть враги. Если бы вызвали НОЩЕНКО, он бы и сейчас подтвердил бы этот факт.

Я заявляю, что я участия в убийстве МАКСИМЕНКО не принимал, а также не принимал участие в арестах ШЕЛКОВОГО⁸, БОГИНИ и ЧУМИЧЕВА.

Я не против нести ответственность за то, в чем я повинен, но [за] то, чего я не совершал, я ответственность нести не собираюсь. Участия в избиении ЭПШТЕЙНА я не принимал и показания свидетелей в этой части я категорически отрицаю.

Я не фальсификатор, я работал 10 лет в органах НКВД, через мои руки прошло много дел, но никогда я не занимался созданием искусственных дел ни против кого.

Дело о право-троцкистском центре в Ворошиловграде было создано правильно, но это дело было запутано УСПЕНСКИМ и КОРКУНОВЫМ.

Я от суда ВТ прошу только одного, это объективного исследования материалов по моему делу.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ пояснил:

По обвинительному акту мне предъявлено обвинение по двум моментам: 1) участие в убийстве МАКСИМЕНКО и 2) что в результате избиения ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОГО последний остался инвалидом.

Я хочу сказать, что, когда я приехал в Ворошиловград в июле 1938 года, то это был момент, когда я начинал работу в следственных органах НКВД. Я тогда ещё не имел понятия о следствии, и когда по моему делу я увидел ряд обвинений по делам, к которым я совершенно не причастен, я тогда отказался даже знакомиться с материалами дела, так как убедился, что предварительное следствие проведено необъективно.

В какой мере я причастен к делу МАКСИМЕНКО?

Не помню, какого числа, приблизительно 12–13 июля 1938 года, меня вызвали в Управление и предложили совместно с ТАРАСОВСКИМ и БАЛЫЧЕВЫМ поехать в тюрьму для участия в допросе арестованного МАКСИМЕНКО, так как были предположения, что МАКСИМЕНКО может оказать сопротивление во время его допроса.

Во время допроса БАЛЫЧЕВ нанёс два удара МАКСИМЕНКО, а затем предложил МАКСИМЕНКО лечь, и ТАРАСОВСКИЙ ударил МАКСИМЕНКО два раза по ягодицам, МАКСИМЕНКО тогда встал и написал подробное заявление о его участии в контрреволюционной организации.

⁸ У документі помилково через літеру «о» у першому складі – Шолкового.

Допросов МАКСИМЕНКО я больше не производил, кроме одной очной ставки с КАПУСТИНЫМ и ЛАТЫШЕВЫМ, которая производилась в тюрьме. МАКСИМЕНКО давал тогда показания в лежачем состоянии, так как сидеть он не мог, но температуры у него не было.

Больше я к делу МАКСИМЕНКО никакого отношения не имел.

По поводу ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОГО я могу сказать, что я вёл следствие по его делу. Допрашивал свидетелей. Он действительно обижался на отдельных следователей, которые его опрашивали, жаловался, что его избивали, но я никогда по его делу не допускал каких бы то ни было незаконных методов, я с ним встречался в Киеве, и никогда никаких нареканий на то, чтобы я допускал по его делу какие-либо беззакония, не было. Я, наоборот, всегда был сторонником того, чтобы невиновных не держать зря под стражей. Многих освобождал, об этом знают все сотрудники УНКВД, и я считаю, что обвинение по делу ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОГО предъявлено мне совершенно неосновательно.

Я в то время работал пом[ощником] оперуполномоченного, и все знают, что помощник оперуполномоченного в то время выполнял отдельные поручения, нам не доверялось вообще вести следственные дела, поэтому непонятно, почему меня обвиняют в том, что я вёл следствие и допускал извращённые методы.

К ЛИТВИНОВУ я никогда не применял физических мер воздействия, хотя я и до сих пор убеждён, что ЛИТВИНОВ — непартийный человек, об этом имеется ряд документов в деле, что ЛИТВИНОВ — в прошлом провокатор, и меня удивляет то, что я к нему применял методы физического воздействия, но достаточно сказать, что, если бы его избить, то он не был бы свидетелем по настоящему делу, ибо он совершенно больной человек.

К БОГДАНОВУ я также не применял никаких избиений, наоборот, БОГДАНОВ благодарил меня за хорошее к нему отношение за время нахождения его под стражей.

Подсудимый ПАВЛЫЧЕВ:

Меня обвиняют по двум эпизодам — это убийство МОЖЕЙКО и БОЛОТЦЕВА. Прежде чем коснуться сущности этого дела, я хочу остановить внимание Военного трибунала на лице МОЖЕЙКО и БОЛОТЦЕВА.

Кто такой МОЖЕЙКО? Это — бывший офицер старой армии, до 1935 года был иностранно-подданным, брат его расстрелян за контрреволюционную деятельность.

БОЛОТЦЕВ — активный эсер⁹, подвергался аресту по подозрению в террористических действиях и был задержан в зоне по охране Н. С. ХРУЩЁВА.

Как МОЖЕЙКО, так и БОЛОТЦЕВ, были непартийными людьми, и я считаю, что применение к ним мер физического воздействия является правильным.

МОЖЕЙКО был арестован до моего прихода в УНКВД, следователь у него был СТРОИЛОВ. По прибытии моём в УНКВД СТРОИЛОВ мне докладывал, что МОЖЕЙКО себя вызывающе ведёт на следствии, и поставил

⁹ Тут і далі у документі з двома літерами «с» — эссер.

передо мной вопрос о необходимости применения мер физического воздействия. Я об этом доложил начальнику Управления ДОЛГУШЕВУ, который дал санкцию на применение мер физического воздействия.

Вечером я зашел в кабинет СТРОИЛОВА, где сидел МОЖЕЙКО и действительно вёл себя вызывающе, я ему дал две пощечины, но, видя, что он действительно большой человек, я его прекратил избивать. От нанесённых ему пощечин он начал волноваться, я тогда вышел из кабинета, это было в 3 часа утра, а в 6 часов утра мне позвонил СТРОИЛОВ, что МОЖЕЙКО у него умер.

Я предложил СТРОИЛОВУ вызвать врача и оформить этот случай с установлением причины смерти, что и было выполнено.

Правдоподобность моих заявлений подтверждается показаниями свидетеля ЧАЙКИ, а также документами в деле.

О БОЛОТЦЕВЕ я могу сказать, что он был арестован 3/VII¹⁰—1938 года, и на второй день это дело было передано нам. Я дважды вызывал БОЛОТЦЕВА, с ним разговаривал. Никаких сомнений не было в том, что БОЛОТЦЕВ — террорист, однако физических мер воздействия я к нему не применял, хотя и считал необходимым это, о чем я докладывал ЯРАЛЯНЦУ¹¹.

После этого дело БОЛОТЦЕВА я не вёл и никакого отношения я к нему не имел. Я никогда по своей работе не был уличён, в каких-либо преступных действиях не замечался, я выполнял задания и поручения товарища БЕРИЯ, с честью их выполнял, я руководил семинаром, учил молодые кадры чекистской работе, я за хорошую работу в органах НКВД получал награды и, если бы у меня не обострились отношения с бывшим наркомом [внутренних дел УССР] СЕРОВЫМ, я бы суду предан не был.

Объявлен перерыв до 10 часов утра 13 августа 1941 года.

13 августа [в] 10 часов заседание продолжено.

Подсудимый ТАРАСОВСКИЙ:

В июле 1938 года меня вызвал заместитель начальника 2-го отдела УНКВД УССР ПАВЛЫЧЕВ и предложил мне участвовать в допросе арестованного БОЛОТЦЕВА.

Дело БОЛОТЦЕВА я не вёл, но предложили мне участвовать потому, что я работал в отделении¹² русских эсеров, а БОЛОТЦЕВ, по заявлению ПАВЛЫЧЕВА, якобы примыкал к партии эсеров.

ПАВЛЫЧЕВ требовал от БОЛОТЦЕВА признания о его участии в контрреволюционной организации, но последний категорически отрицал. Тогда ПАВЛЫЧЕВ схватил его и начал избивать. Избивал его также ремнём в области ягодиц, а мне ПАВЛЫЧЕВ приказал придерживать его. ПАВЛЫЧЕВ тогда крепко избил БОЛОТЦЕВА, но я лично дело БОЛОТЦЕВА не вёл и, если бы мне ПАВЛЫЧЕВ не приказал, я бы и тогда не принял участие в избивании.

¹⁰ У документі помилково — VI (червня).

¹¹ У документі помилково через літеру «о» — ЯРОЛЯНЦУ.

¹² У документі помилково — отделе.

Допрос БОЛОТЦЕВА продолжался около 5 часов. После допроса ПАВЛЫЧЕВЫМ по приказанию последнего я вызывал БОЛОТЦЕВА, но так как он никаких показаний не давал, я никаких протоколов допроса не составлял. Мер физического воздействия к БОЛОТЦЕВУ я не применял. Когда БОЛОТЦЕВ находился у меня в кабинете, он на стул не садился, заявляя, что у него рана на ягодицах, и он сидеть не может.

Примерно 7/VIII–[19]38 г. мне сотрудники сказали, что БОЛОТЦЕВ в тюрьме умер.

Я считаю, что избиение БОЛОТЦЕВА ПАВЛЫЧЕВЫМ в значительной степени повлияло на смерть БОЛОТЦЕВА.

По делу МАКСИМЕНКО. По приезде с бригадой НКВД¹³ УССР в Ворошиловград мне ГОЛЬДМАН предложил помочь работникам Ворошиловградского [У]НКВД в проведении следствия.

Дело МАКСИМЕНКО вёл ВОСКОБОЙНИКОВ. Находясь в кабинете и обсуждая вопрос о допросе МАКСИМЕНКО, КОРКУНОВ дал указание БАЛЫЧЕВУ, что, если необходимо, то можно применить меры физического воздействия к МАКСИМЕНКО, и чтобы он сам лично занялся этим делом.

Числа 12–13 июля [19]38 г. БАЛЫЧЕВ, ВОСКОБОЙНИКОВ, ЗАВОЛОКА и я выехали в тюрьму для допроса МАКСИМЕНКО. Во время допроса МАКСИМЕНКО никаких показаний не давал, тогда же к нему были применены меры физического воздействия.

ЗАВОЛОКА, я и ВОСКОБОЙНИКОВ держали МАКСИМЕНКО, а БАЛЫЧЕВ его избивал ножкой от стула. После нанесения нескольких ударов МАКСИМЕНКО крикнул прекратить избиение, он будет давать показания.

МАКСИМЕНКО написал собственноручно показания, которые впоследствии были скорректированы ВОСКОБОЙНИКОВЫМ.

Я признаю также, что при допросе арестованного КОРЧАГИНА мною допущены незаконные методы, т. е. я нанёс ему удар по лицу с санкции ГОЛЬДМАНА и КОРКУНОВА.

Больше я к арестованным не применял мер физического воздействия.

Объявлен перерыв на 10 минут.

Заседание продолжено в 12 час. 13/VIII–[19]41 г.

Свидетель СПЕКТОР Рувим Пинхусович, 1890 г. рождения, врач тюрьмы. После предупреждения его об ответственности за неправдивые показания по ст. 89 УК УССР пояснил:

Я работаю в тюрьме 3 года с 11/VIII–[19]38 г. Я был вызван к одному тяжелобольному – МАКСИМЕНКО. При исследовании я обнаружил у него на ягодицах глубокие раны. Тогда мне стало известно, что к больному вызывался хирург, который удалял омертвевшее тело.

Больной был в тяжёлом состоянии. Он лежал всё время на животе. Из ран на ягодицах выделялось большое количество гноя. Перевязку ему делали ежедневно.

¹³ У документі помилково – УНКВД.

Нач[альник] тюрьмы запретил переводить его в больницу из камеры, заявляя, что есть запрещение не переводить, и лишь только за 2–3 дня до его смерти он был помещён в больницу.

Причина смерти констатирована – ослабление сердечной деятельности, общее заражение крови от ран.

Своё заключение о причинах смерти на предварительном следствии я подтверждаю сейчас.

Допрашивался ли МАКСИМЕНКО в таком состоянии, мне неизвестно, но допрашивать его нельзя было, ибо у него была высокая температура.

В камере также находились больные ХОДОС и КРОТОВ, у них также были раны на ягодицах, но меньшего размера, нежели у МАКСИМЕНКО.

ХОДОСА и КРОТОВА не было надобности брать в больницу, т. к. им оказывалась медпомощь в камере.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ОГЛАШАЕТ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ СПЕКТОРА на л. д. 123, т. 3.

Свидетель СПЕКТОР:

Я подтверждаю показания, оглашённые судом.

Во время лечения ХОДОСА последний мне заявил, что рана у него образовалась вследствие нанесения ему побоев.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ СПЕКТОР ОТВЕТИЛ:

В тюрьме я начал работать в августе 1938 г. Общая больница была закрыта и занята под оперативные нужды, а больница была организована в 2-х камерах, специально отведённых для этой цели.

МАКСИМЕНКО были созданы условия лучше, чем для остальных арестованных, однако условия не соответствовали тем требованиям, которые должны быть созданы в больнице.

НА ВОПРОС СУДА СВИДЕТЕЛЬ СПЕКТОР ОТВЕТИЛ:

Причина заболевания МАКСИМЕНКО была вследствие травмы, но точно утверждать не могу.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ СПЕКТОР ОТВЕТИЛ:

ЛИТВИНОВА я лечил в камере, он был человек общего заболевания, также и БОГДАНОВ обращался за медпомощью.

Вскрытие трупа МАКСИМЕНКО не производилось вследствие того, что труп был забран из тюрьмы в Управление НКВД, и к вскрытию нас не допустили.

Арестованную ТУРЕЦКУЮ я также лечил. По поводу вскрытия трупа МАКСИМЕНКО я говорил с нач[альником] тюрьмы, но последний заявил, что вскрытие трупа производить нет необходимости, можно ограничиться лишь выдачей справки, констатирующей смерть.

Свидетель ПОКРОВСКИЙ Алексей Николаевич, 1897 г. рождения, военный врач. После предупреждения его об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР пояснил:

Меня вызывали для оказания медпомощи к больному ЭПШТЕЙН[У], когда я прибыл в тюрьму, я обнаружил труп ЭПШТЕЙНА, ранее работавшего зав[едующим] горфинотделом.

Я выявил явления, могущие быть при кровоизлиянии в мозг, на почве чего произошла смерть от паралича сердца. В то время также прибыл[а] врач Скорой помощи ФЕЛЬГРОН.

При совместном освидетельствовании трупа мы пришли к такому заключению о причинах смерти, как я указал выше.

Комендант УНКВД БЕРКОВИЧ предложил нам составить акт о смерти. Сначала акт был подписан за одной моей подписью, и этот акт был представлен быв[шему] нач[альнику] УНКВД КОРКУНОВУ. Через некоторое время прибыл БЕРКОВИЧ и предложил составить другой акт за моей и ФЕЛЬГРОН подписями, а также предложил мне зайти к нач[альнику] УНКВД КОРКУНОВУ.

Последний предупредил меня о смерти ЭПШТЕЙНА никому не говорить, также предупредив об этом ФЕЛЬГРОН. Причём КОРКУНОВ пригрозил мне уголовной ответственностью на случай, если об этом будет разглашено. Надо сказать, что никогда КОРКУНОВ так строго со мной не обращался, как в этот раз.

Вскрытие трупа было необходимо, но вскрывать труп нам не разрешили. Я обратил внимание на присутствовавших в то время сотрудников НКВД, которые в то время были сильно взволнованы. Я даже предложил успокоительные средства коменданту БЕРКОВИЧ[У].

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ПОКРОВСКИЙ ОТВЕТИЛ:

СОКОЛОВА я не знаю и по делу ЭПШТЕЙНА он меня не вызывал. Первый акт был забракован комендантом БЕРКОВИЧ[ЕМ] после того, как он предъявлял его КОРКУНОВУ.

Признаков насилия на трупе ЭПШТЕЙНА я не обнаружил.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ПОКРОВСКИЙ ОТВЕТИЛ:

С гангреной ягодиц были больные, но фамилии их я не помню. ХОДОСА я пользовал как больного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ОГЛАШАЕТ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ПОКРОВСКОГО на листе дела 327, том 3 и 498 т. 6.

НА ВОПРОС СУДА СВИДЕТЕЛЬ ПОКРОВСКИЙ ОТВЕТИЛ:

В то время, когда мы осматривали труп ЭПШТЕЙНА, было чел[овек] 15 сотрудников НКВД.

Смерть могла наступить также и от нанесённого удара, толчка, падения б[ольного] ЭПШТЕЙНА.

Свидетель ФЕЛЬГРОН Ася Григорьевна, 1897 г. рождения, врач госпиталя. После предупреждения об ответственности за ложные показания по ст. 89 УК УССР пояснила:

Когда я выезжала по случаю смерти, я не знала, о ком идёт речь. Когда я приехала, арестованный был уже мёртвый.

Доктор ПОКРОВСКИЙ был уже там и осматривал труп. Труп был облит водой, вокруг него стояла лужа воды. Все суетились, бегали и волновались. Я быстро уехала, ибо видела, что моим присутствием недовольны.

Через некоторое время зашел ко мне врач ПОКРОВСКИЙ и предупредил меня, чтобы я никому не говорила ни слова о случившемся в тюрьме.

Во время моего пребывания в тюрьме мы советовались с ПOKPOBCKИМ и считали, что необходимо делать вскрытие трупа, но вскрытия не делали, ибо нам не разрешили.

Акт о смерти я не подписывала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ОГЛАШАЕТ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ФЕЛЬГРОН на стр. 274, том 6.

Свидетель ФЕЛЬГРОН: Возле трупа было несколько сотрудников НКВД, и, как я уже говорила, что все были сильно взволнованы.

Труп необходимо было вскрыть. Это обязательно в таких случаях.

Свидетели ФЕЛЬГРОН, ПOKPOBCKИЙ и СПЕКТОР отпущены ВТ в 13 час. 40 мин.

Свидетель БОГДАНОВ Дмитрий Васильевич, 1887 г. рождения. Работает в должности председателя артели. В 1937 г. работал директором завода им. Будённого, член ВКП(б) с 1910 г. После предупреждения его об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР пояснил:

Меня арестовали в 1938 г. Около недели я сидел без допроса, а затем меня допрашивал следователь при тюрьме, фамилию которого я не помню. Затем, однажды ночью меня вызвал на допрос ВОСКОБОЙНИКОВ и др[угой] – черненский, фамилию его я не знаю, и во время допроса они меня избили. Я никому не сказал об этом.

Всё время меня допрашивал ВОСКОБОЙНИКОВ и избивал по спине. Он вымогал от меня показаний о контр-революц[ионной] деятельности. Я же являюсь членом партии – ВКП(б), сам рабочий, но после жутких избиений я вынужден был подписать всё то, что было написано ВОСКОБОЙНИКОВЫМ.

Во время допроса присутствовал СОКОЛОВ раза два.

Было много случаев, когда зачитывали показания МАКСИМЕНКО, ТЕРЕХОВА, ЛИТВИНОВА, КОЛЕСНИКОВА о том, что они причастны к контр-революц[ионной] деятельности и избивают меня.

Сначала я не подтверждал их показаний, а затем на очной ставке с ЛИТВИНОВЫМ я подтвердил всё, что было написано, т. к. перед очной ставкой меня зверски избили.

ТЕРЕХОВА я знал лет пять до ареста и был знаком с ним близко. КОЛЕСНИКОВА знаю с 1905 г., знаю, что они не принадлежали к другой партии, кроме ВКП(б). Подписал я на них протокол под влиянием мер физического воздействия.

О нанесённых мне побоях я не делился ни с кем, но КРОЛЬ я рассказал, мы сидели в одной камере.

Я категорически отрицаю принадлежность ТЕРЕХОВА и др[угих] к к[онтр]/рев[олюционной] организации.

Меня ВОСКОБОЙНИКОВ понуждал подписывать написанный им протокол, в котором много оклеветал невинных. Мне говорили, что НОВИКОВ – участник контр-революционной организации. НОВИКОВ работал секретарём парторганизации. На НОВИКОВА я дал показания, когда допрашивал меня КОРКУНОВ.

Очные ставки у меня были с БОГИНЕЙ, это председатель Горсовета.

Меня судил ВТ вместе с ЛИТВИНОВЫМ, ТЕРЕХОВЫМ и присудил к ВМН. Затем по нашим касжалобам приговор ВТ был отменён, и дело на нас прекратили по ст. 4 п. «д» УПК, и нас освободили из-под стражи.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ БОГДАНОВ ПОЯСНИЛ:

До допроса меня ВОСКОБОЙНИКОВЫМ я никаких показаний о контр-революц[ионной] деятельности не давал, ибо этим никогда не занимался.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

Я считаю это клеветой со стороны БОГДАНОВА.

Свидетель БОГДАНОВ:

ВОСКОБОЙНИКОВ надо мной варварски издевался. Он ударил меня в левую щеку сапогом, и у меня со рта вылетел протез [с] зубом. Это было в кухне.

Вы меня били из-за того, что я глуховатый. Вы надо мной так издевались, что я никому не желаю бывать у такого изверга, как Вы.

Прежде чем иметь очную ставку, ВОСКОБОЙНИКОВ имел дело со мной у себя в кабинете.

Вы заявляли, что «суд в наших руках, что хотим, то и сделаем».

Он меня провоцировал и подготавливал, как нужно быть на очной ставке.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ БОГДАНОВ ПОЯСНИЛ:

СОКОЛОВ ко мне относился хорошо. Беседовал со мной. Я ему подтверждал то, что ВОСКОБОЙНИКОВ написал в протоколе. Я не мог иначе говорить СОКОЛОВУ, поскольку я уже подписал протокол и боялся показывать другое СОКОЛОВУ, поскольку заключённые говорили, что СОКОЛОВ также избивает заключённых.

У ТЕРЕХОВА были семейные скандалы.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я прошу ВТ огласить показания БОГДАНОВА на предварительном следствии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ОГЛАШАЕТ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ БОГДАНОВА.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я прошу, чтобы свидетель БОГДАНОВ объяснил, почему он давал такие показания, и что он считает ложью.

Свидетель БОГДАНОВ:

Поскольку я подписал протокол, я подтвердил всё, что подписывал, чтобы избежать издевательств надо мной.

Перед судом, за 40–45 мин., ВОСКОБОЙНИКОВ вызвал меня и требовал, чтобы я подтвердил ВТ всё, что подписал, тогда мне будет лучше, т. к. суд в наших руках, а в случае отказа мне будет хуже.

На суде я подтвердил свои показания подугрозой ВОСКОБОЙНИКОВА, а когда приговор был отменён Военной коллегией, я отказался от клеветнических показаний.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Арестованные в камерах перестукивались, чтобы отказаться от показаний?

Свидетель БОГДАНОВ отвечает:

Я заявляю чистосердечно, что перестукиваться я не перестукивался, ибо я глухой и не слышу и никогда я не кричал к другим арестованным, но я видел, что перестукивались.

В отношении сговора на отказ от показаний я ничего не слышал.

Я не знаю, что ЛИТВИНОВ оппозиционер. Протокол обыска я не читал.

У меня должно быть два револьвера. «Наган» — ещё с момента гражданской войны, на что имею документ, и «Браунинг», принадлежащий мне как подарок.

Я утверждаю, что на револьвер «Наган» у меня было разрешение, он записан в моей военной книжке.

С тов. ВОРОШИЛОВЫМ я неоднократно встречался и говорил о ЛИТВИНОВЕ, и тов. ВОРОШИЛОВ очень хорошо отзывался о ЛИТВИНОВЕ.

Бил меня ВОСКОБОЙНИКОВ больше 10 раз.

Свидетель ТЕРЕХОВ Тихон Иванович, 1897 г. рожд[ения], нач[альник] хоз[яйственного] отдела зав[ода] ОР, член ВКП(б) с 1928 г. После предупреждения об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний пояснил:

Я был арестован 1/VII—[19]38 г. в 4 час. утра. Как только меня привели в здание НКВД, ко мне явился КОРКУНОВ и заявил сразу: «Ну, давай бумаги, будешь писать?», я ему ответил: «А что писать?» Он заругался матом и сказал: «Мы тебе скажем, что писать».

На следующий день в 9 час. меня вызвал ВОРОНОВ, и до 1–2 часов ночи меня уговаривали, угрожали, предлагали чистосердечно показать, что я — враг, и тогда будет сохранена моя жизнь, а в случае отказа меня силой выведут на путь признания.

Я отказался. Мне не дали ни глотка воды, а это было в июле м[еся]це, в жаркое время, не отпустили по естественным надобностям.

В два часа ночи зашел БАЛЫЧЕВ в белой рубашке с орденом. Я решил, что это представитель Наркомата, но БАЛЫЧЕВ спросил, как дела, и когда ВОРОНОВ ответил, что я не признаюсь, тогда БАЛЫЧЕВ взял меня за голову и сказал: «Ведь голова то у тебя не дурная, а раз думать не хочет, то мы призовём заднее место, оно поможет».

Затем зашли СОКОЛОВ, КОРКУНОВ. КОРКУНОВ обратился ко мне и сказал: «Что, не хочешь писать?» и сразу меня стал бить по щекам, затем стали бить БАЛЫЧЕВ и СОКОЛОВ. Били ногами, молотили как цепями палками. Я потерял самообладание. Я не мог себе представить, что это такое, неужели органы НКВД так поступают.

Ногами били до тех пор, пока я [не] сказал, что буду писать. Меня избивали в комнате КОРКУНОВА, потом перетаскили в комнату архива, положили на стол и там били палками. Один держал за ноги, другой — за голову.

Они меня сделали искусственным врагом¹⁴ народа. По всему зданию НКВД разносились стоны, вопли, просто ужас, и эта обстановка также воздействовала на то, чтобы писать всё, что эти изверги хотели.

Однажды ВОРОНОВ вызвал меня и спросил, кто живёт вокруг здания НКВД, и когда я сказал, что рабочие и служащие г. Ворошиловграда, то через несколько дней стали избивать в здании НКВД меньше, а избивали в тюрьме. Избивали смертным боем. Меня заставляли подписывать о несуществующих вещах. Затем меня осудили к ВМН, и я 5 месяцев сидел в камере смертников.

После меня опрашивал в Киеве зам[еститель] наркома, что все мои показания ложные. Прокурору я рассказал всю правду, а после вызвал СОКОЛОВ и угрожал мне.

После отмены приговора, коим я был осуждён к ВМН, моё дело вёл ВОСКОБОЙНИКОВ, он меня уже не избивал, но зато посадил в камеру, которая не имеет отдушников, и я в ней буквально задыхался.

Меня вызывал ВОСКОБОЙНИКОВ, и он не хотел писать правду. Мне не давали и часу отдыха. Меня беспрерывно водили на допрос, я просто одурманел¹⁵, я измучился.

Характерно, что меня сделали торговцем, что по моему заданию выведен из строя котёл, а этот котёл до сих пор работает.

Перед арестом я не работал. Я был избран на пленуме секретарём ГПК¹⁶, но в связи с организацией области я ждал назначения. Я числился в составе парт. актива.

СОКОЛОВ и КОРКУНОВ дали мне список партийно-советского актива гор. Ворошиловграда и заставили писать, что это враги. В списке было несколько десятков человек.

Когда я был доведён до состояния невменяемости, я в таком состоянии подписал протокол. В список были внесены даже такие люди, которых я никогда не видел и не знал.

На суде я не признал себя виновным, а БОГДАНОВ подтверждал существование контр-революционного блока. Я заявлял суду, что БОГДАНОВ спровоцирован и принуждён незаконными методами давать такие показания.

Я имел очную ставку с БОГИНЕЙ, где БОГИНЯ подтверждал, что я завербован в контр-революц[ионную] деятельность¹⁷, но я видел, в каком состоянии БОГИНЯ даёт показания.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я прошу суд огласить показания свидетеля ТЕРЕХОВА на листе дела 248, 349.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ   ОГЛАШАЕТ   ПОКАЗАНИЯ
ТЕРЕХОВА.**

Свидетель ТЕРЕХОВ:

¹⁴ У документі невідповідність відмінків — искусственного врага.

¹⁵ Так у документі.

¹⁶ ГПК — рос.: Городской партийный комитет (міський партійний комітет).

¹⁷ Так у документі.

Протокол я подписал в сентябре месяце [1938 г.]. Давали подписывать протокол СОКОЛОВ и ВОРОНОВ. При подписании меня избивали палкой.

На меня навели такой ужас СОКОЛОВ и КОРКУНОВ, что достаточно было их появления, чтобы со мной были судороги, это не люди, а звери.

Я списка на актив не давал. Они сами вписали. СОКОЛОВА я знаю с момента допроса меня.

Мне рассказывали арестованные, как их заставляли подписывать протоколы. Знаю, что СТЕЦЕНКО сам составил список на бывших кулаков, но этот список СОКОЛОВ и БАЛЫЧЕВ не приняли, а заставили писать клевету на парт. актив.

Меня били в архивной комнате за БОГИНЮ, ЧУМИЧЕВА и др[угих], избивали меня зверски.

ВОРОНОВ со мной не писал протокол. ВОРОНОВ угрожал мне расстрелом всегда и даже перед судом меня предупредил, что, если я буду подтверждать свои показания, то буду жить, в противном случае «мы сами тебя расстреляем, но не одной пулей, а изрешетим тебя».

На суде я говорил правду. С партработы меня не снимали, меня избирали.

Я не видел, чтобы СОКОЛОВ бил других арестованных.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я прошу суд просмотреть документы о том, что ТЕРЕХОВ дважды получал зарплату, и что он — нечестный коммунист.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ТЕРЕХОВ ОТВЕТИЛ:

БАЛЫЧЕВ избивал меня раза три. Руководил допросом КОРКУНОВ. Один раз меня вызвали в кабинет БАЛЫЧЕВА, куда прибыл СОКОЛОВ, где мне сказали, что мой стаж контр-революцион[ной] деятельности очень малый — с 1936 г., его нужно увеличить хотя бы с 1928 г.

Я требовал от ВОСКОБОЙНИКОВА очных ставок в нормальных условиях, но он уклонился.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ТЕРЕХОВ ОТВЕТИЛ:

Следователями у меня были КОРКУНОВ, БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ, ВОРОНОВ и др., фамилии их я не помню. Все фамилии по списку называл КОРКУНОВ, а он, БАЛЫЧЕВ, только настаивал, чтобы я подписал протокол.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ТЕРЕХОВ ОТВЕТИЛ:

Я имел очную ставку, проводимую ВОСКОБОЙНИКОВЫМ, с ЛИТВИНОВЫМ и ещё чел[овек] 5, но мы друг друга не видели и протокол мы не писали. Мы сидели в разных углах, а ВОСКОБОЙНИКОВ пишет протокол сам, не с наших слов, а затем даёт подписывать.

Очных ставок было много. Очная ставка с ЛАЛАКОВОЙ была. ЛАЛАКОВА плакала, протокол и я, и ЛАЛАКОВА, подписали.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Протокол очной ставки фиксировался в присутствии арестованных, ТЕРЕХОВ говорит неправду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ОГЛАШАЕТ ПОКАЗАНИЯ ЛАЛАКОВОЙ – л. д. 157, том 7.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ТЕРЕХОВ ПОЯСНИЛ:

Я никого не оклеветал, но я подписал изготовленный протокол следователем. Мне была [дана] очная ставка с ГИТТЕРОМ¹⁸, и ГИТТЕР просил меня, чтобы я его оклеветал, что он – враг, т. к. нет сил терпеть побои. Меня избili, после чего я подписал протокол, и ГИТТЕР тоже. Причём ГИТТЕР заплакал и ушёл в камеру.

Был случай, когда я отказался категорически от подписи протокола, то меня сильно истязали.

Подсудимый СОКОЛОВ: Был случай, когда ТЕРЕХОВ заявил, кого он оклеветал, мы записали и приложили тот протокол к делу ТЕРЕХОВА. Но одного заявления ТЕРЕХОВА для освобождения было недостаточно.

Объявляется перерыв до 6 час. вечера.

Заседание продолжено в 18 час. 15 мин. 13/VIII–[19]41.

Свидетель ДЗЕДЗИЦ Иосиф [Иванович], 1900 г. рождения, нач[альник] строительства зав[ода] ОР, член ВКП(б). После предупреждения об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний пояснил:

Меня арестовали 11-го июля [19]38 г., и я должен заявить, что со стороны Ворошиловградского [У]НКВД были допущены неслыханные нарушения закона. Меня избивали и вымогали от меня неправдивых показаний. Моё дело переходило из рук в руки. Первый следователь был БЕЛЕНЬКИЙ, затем моё дело перешло к ВОСКОБОЙНИКОВУ, который путём угроз заставил меня подписать протокол, сфальсифицированный им, в который были занесены люди для меня почти незнакомые, и я подписал этот протокол.

Когда меня арестовали, передо мной поставили ряд вопросов. Меня избивали СКВИРСКИЙ и ПЕКАРЕВ, вырывали волосы из головы, били головой об стену и заставили подписать протокол. Затем продолжал меня бить СИРЕНКО.

ВОСКОБОЙНИКОВ сфальсифицировал протокол, вписал туда много людей, которых я якобы знаю как членов контр-революционной организации.

Дело по обвинению меня суд возвратил на следствие, а затем оно было прекращено по ст. 4 п. «д» УПК.

В протоколе было написано, что я – террорист, шпион и т. п. СОКОЛОВ в моём деле не принимал никакого участия.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ДЗЕДЗИЦ ОТВЕТИЛ:

¹⁸ Тут і далі у документі помилково з однією літерою «т» – Гитером, Гитер.

Суду был представлен протокол, составленный ВОСКОБОЙНИКОВЫМ, когда меня держали день и ночь на допросах и угрожали, я вынужден был в таких условиях подписать протокол.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВ[ИДЕТЕЛЬ] ДЗЕДЗИЦ ОТВЕТИЛ:

Я утверждаю, что ВОСКОБОЙНИКОВУ я никаких собственноручных показаний не давал, а он сам всё сострепал.

Собственноручные показания я давал БЕЛЕНЬКОМУ.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

Я категорически отрицаю то, что я вписывал сам в протокол новые фамилии. ДЗЕДЗИЦ в моём присутствии записывал собственноручные показания. Я отвергаю показания св[идетеля] ДЗЕДЗИЦ[А].

Свидетель ДЗЕДЗИЦ:

Я категорически утверждаю, что ВОСКОБОЙНИКОВ фальсифицировал протокол на меня, в который включил неизвестных мне лиц. ВОСКОБОЙНИКОВ был заинтересован в создании на меня дела.

Свидетель СТЕЦЕНКО Степан Емельянович, 1903 г. рождения, нач[альник] отдела снабжения зав[ода] ОР. До ареста работал секретарём зав[одского] парткомитета. После предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР пояснил:

Я был арестован 2/VII-[19]38 г. До утра я не вызывался на допрос. Вызывал меня следователь ПЕКАРЕВ. Мне не предъявлялось никаких обвинений, только заявили: «Вы – враг народа, давайте рассказывайте». Я не признавал себя врагом. В это время входит СОКОЛОВ, я встал по команде, СОКОЛОВ спросил, даю ли я показания, и на ответ, что я не даю показания, начал ругаться нецензурной бранью и заявил: «Я сделаю с тебя кусок мяса, и ты будешь кровью писать».

Затем зашел БАЛЫЧЕВ и ударил меня по щеке. СОКОЛОВ ударил в затылок, и так продолжалось с полчаса, я просто обезумел и, когда мне дали бумагу с предложением написать, что я – враг, я написал заявление на имя наркома о том, что меня избивают, просил спасти меня от позора.

Затем СОКОЛОВ схватил меня за волосы, бросил на стол, а БАЛЫЧЕВ начал бить меня ножкой от стула. Затем все трое – БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ и ПЕКАРЕВ – били меня ногами. Я прятался под стол, но меня вытаскивали и били.

Я просто не мог понять, что это такое. Я обезумел и написал заявление короткое о том, что я – враг народа, но моё заявление их не удовлетворило, и они требовали – кого я завербовал.

Я не хотел честных людей оклеветать, я вспомнил, что с завода был исклучён в 1937 году один враг – ОНОПКО, я его вписал и ещё 2-3-х кулаков. Заходит БАЛЫЧЕВ и говорит: «Что ты нам кулаков пишешь, мы их и без тебя возьмём», и требовал, чтобы я писал новых людей из горактива.

На рассвете меня привели к КОРКУНОВУ, который спрашивал, кто является в Ворошиловграде руководителями – партийным и советским активом, и я назвал всех наших руководящих товарищей, а КОРКУНОВ

записывал. Эти все фамилии были включены в протокол, что они якобы – враги.

В числе этих людей были и депутаты Верховного Совета, как БОГИНЯ, ЧУМИЧЕВ и другие.

КОРКУНОВ бил меня в лицо, СОКОЛОВ бил дубинкой – ножкой от стула на столе в комнате архива. СОКОЛОВА я считал садистом, одно его появление вызывало во мне дрожь и отвращение.

Чтобы избегнуть таких издевательств, я решил подписывать всё, а на суде рассказать всю правду. В конечном итоге всё, что от меня требовали, я сидел и подтверждал.

Вымогали от меня несуразности, задавали разные вопросы, а затем мне дали подписать протокол на 60 листах, и когда я прочёл, то я заявляю, что если бы сошёл с ума, то и тогда бы я не мог придумать более ужасов. Этот протокол – жуткая книга лжи, выдумки СОКОЛОВА, составленные им на протяжении 3-х месяцев. А после подписания протокола начались новые пытки, стоящие мне много здоровья.

Нас возили в Киев, где я ЯРАЛЯНЦУ¹⁹ заявил, что действительно было. А на второй день со мной опять говорили СОКОЛОВ и БАЛЫЧЕВ.

Мне была [дана] очная ставка с ОНОПКО, и после меня избili СОКОЛОВ и БАЛЫЧЕВ. Таких случаев было много.

Один раз следователь ПЕКАРЕВ вызвал меня и заявил, что они отбросили целый ряд обвинений, в основном террор, и угрожал, после чего я протокол подписал, однако заявил ему, что на суде я расскажу всю правду.

В Военном трибунале по делу ГИТТЕРА я заявил, что я оклеветал его и себя, а также ЖАБКО.

Я должен сказать одно ВТ, что до сих пор я не могу понять, что это такое. Зачем они взяли в Ворошиловграде лучшую часть людей – коммунистов и путём применения физических мер воздействия уничтожили их.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ СТЕЦЕНКО ОТВЕТИЛ:

БАЛЫЧЕВ допрашивал меня 4-5 раз, я это утверждаю.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я категорически отрицаю. Я допрашивал СТЕЦЕНКО один раз.

Свидетель СТЕЦЕНКО:

Список составлен КОРКУНОВЫМ красным карандашом, при этом сидел СОКОЛОВ.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я категорически отвергаю показания СТЕЦЕНКО. Когда я увидел протокол, где СТЕЦЕНКО показал на 123 человека, я сказал, что это – абсурд, после чего я начал бить СТЕЦЕНКО ладонью по щекам. Затем вошли СОКОЛОВ и ПЕКАРЕВ. Мы начали его избивать дубинкой, тогда и был КОРКУНОВ.

Свидетель СТЕЦЕНКО:

¹⁹ У документі помилково – ЕРОЛЯНЦУ.

Граждане судьбы, я знаю, что значит клевета, так как перенёс это на себе. Я отвечаю за свои слова и утверждаю, что после 6–7 июля [1938 г.] БАЛЫЧЕВ меня больше пальцем не тронул, а вызвал меня СОКОЛОВ и заявил, что приехал нарком УСПЕНСКИЙ, и чтобы я написал заявление.

Я написал и в конце заявления сделал дописку, что хочу лично поговорить с наркомом. А через два дня меня вызвал ПЕКАРЕВ, отдал заявление и сказал: «Что ты думаешь, что мы не поняли, что здесь пишешь?».

13 августа 1938 года я видел БАЛЫЧЕВА, который заявил, что сейчас идёт сессия, на которой будет утверждаться закон о судостроительстве, и суды уже не будут давать расстрелы и т. д. К чему он читал мне эту лекцию, я не знаю.

Ударил меня первый БАЛЫЧЕВ, а затем – СОКОЛОВ.

В протоколе были вписаны самим следователем ШЕЛКОВЫЙ, ЧЕПЫЖЕНКО, КУМ Алексей.

БАЛЫЧЕВ требовал от меня показаний на двух депутатов Верховного Совета – БОГИНЮ и ЧУМИЧЕВА.

В 1931 году я работал редактором газеты, в 1932 году меня отозвали в распоряжение ЦК и послали в Ворошиловград.

Я утверждаю, что я работал в Ворошиловграде при 5–6 секретарях КП(б)У²⁰. Я приехал в Ворошиловград, никого не зная, я был избран секретарём партийного комитета завода «ОР» по предложению ЦК ВКП(б).

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я прошу суд огласить выписку Горкома о снятии с работы СТЕЦЕНКО за ряд антипартийных поступков.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ СТЕЦЕНКО ОТВЕТИЛ:

Решения парткома об увольнении с работы в заводе 17 человек не было, и такого быть не могло, нужно было проверить только по возможности пребывания их в партии.

Моя жена – дочь служителя культа.

Список на ответственных работников составлен КОРКУНОВЫМ.

СОКОЛОВ участвовал в моих допросах непрерывно. Тактика такая: СОКОЛОВ терроризировал, а ПЕКАРЕВ уговаривал.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я заявляю суду, что СТЕЦЕНКО лжет, так как у меня было много подследственных, и я многих допрашивать не мог. Я заявляю, что я бил СТЕЦЕНКО, и мне кажется, что его бил мало.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ СТЕЦЕНКО ОТВЕТИЛ:

Я суду заявляю, что с ВОСКОБОЙНИКОВЫМ я дела не имел, кроме очной ставки, где он проявил надо мной насилие.

На очной ставке ВОСКОБОЙНИКОВ применил ко мне самое гнусное отношение.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

²⁰ Так у документі.

Я утверждаю, что СТЕЦЕНКО врёт, я записал очную ставку со слов СТЕЦЕНКО и ОНОПКО.

Объявлен перерыв – 5 минут.

Судебное заседание продолжено.

Свидетель ЛИТВИНОВ Иван Дмитриевич, 1882 года рождения, зав[е-
дующий] филиалом в музее революции, член ВКП(б) с 1904 года. С под-
судимыми не в родстве и не в споре. Будучи предупреждён об ответствен-
ности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР, пояснил:

Я был арестован 14/VII–1938 года. В первый день ареста меня до-
прашивал УШАКОВ. При допросе были КОРКУНОВ, СОКОЛОВ и
ВОРОНОВ.

Начался допрос с того, что меня уговаривали признать себя врагом
народа, участником контрреволюционной организации, и в тот же вечер
меня СОКОЛОВ избил.

Следующие 5–6 дней меня допрашивал УШАКОВ, который ежеднев-
но повторял надо мной физическую расправу, и когда я всё же не призна-
вался, тогда меня передали ВОСКОБОЙНИКОВУ, который действитель-
но делал из меня котлету. Бил жестоко ногами, руками, ножкой от стула,
принуждал меня подписать протокол, им же самим сочинённый, что я
– провокатор, что я – враг, что я носил кличку «Сокол».

Факт остаётся фактом. Я говорю правду. Всё, что было написано в
протоколе, было сплошным вымыслом²¹. Вписывали имена неизвестных
мне лиц, и перед подписанием протокола я был избитый не менее 10-ти
дней. Днём и ночью меня брали на допрос и так измучили, что я поте-
рял сознание, плохо соображал. ВОСКОБОЙНИКОВ бил меня палкой по
шее, от чего у меня пошла кровь горлом.

Основное обвинение это то, что я – член партии троцкистов, что
я – начальник повстанческого штаба, что я служил в жандармском
управлении.

Очные ставки были с ТЕРЕХОВЫМ, БОГДАНОВЫМ,
КОЛЕСНИКОВЫМ, СТЕЦЕНКО, и уличали по ранее сформулирован-
ному протоколу, что я – враг.

Сперва путём насилия меня заставляли подписать протокол о
врагах ТЕРЕХОВЕ, СТЕЦЕНКО и других. Протоколы писал сам
ВОСКОБОЙНИКОВ.

Я показаний не давал, меня заставляли называть фамилии
ТУРЕЦКОЙ, МИНИНА, фамилии ДОВГАЛЕВА²², ХОДОСА написал сам
ВОСКОБОЙНИКОВ, он меня избил, я протокол этот подписал под вли-
янием физического воздействия. Я говорю правду, как было.

Меня судил Военный трибунал и приговорил к расстрелу, но на суде
я отказался от своих показаний. Перед судом мне ВОСКОБОЙНИКОВ
заявил, что если я откажусь от своих показаний, он арестует мою жену
и дочь, но я на суде всё же отказался от своих неправдивых показаний.

²¹ У документі – был сплошной вымысел.

²² Тут і далі у документі помилково – Долголева, Долгалева.

СОКОЛОВ один раз допрашивал меня. Он хотел получить от меня историю Луганской парторганизации и охарактеризовать ОСИПЕНКО, АЛЕКСЕЕВА, который пел в церковном хоре, КАРИКОВ торговал.

Вначале СОКОЛОВ один раз избивал меня. КОРКУНОВ обещал кишки у меня вымотать.

ВОСКОБОЙНИКОВ говорил мне, что я должен целовать те места, где проходит КОРКУНОВ, так они возвышали этого врага.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ЛИТВИНОВ ПОЯСНИЛ:

Предъявлялось мне обвинение в том, что я – провокатор. Меня били по щекам.

До революции я арестовывался жандармским управлением 2 раза.

Председательствующий²³ обращает внимание подсудимого СОКОЛОВА на необходимость задавать вопросы по существу.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я хочу сказать суду, что ЛИТВИНОВ дважды арестовывался жандармским управлением и дважды освобождался почему-то.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ВОСКОБОЙНИКОВА СВИДЕТЕЛЬ ЛИТВИНОВ ПОЯСНИЛ:

Когда меня опрашивали, протокол не писался, а с меня вымогали путём физического воздействия подписывать.

Фамилии участников штаба троцкистов сформулированы ВОСКОБОЙНИКОВЫМ, где первой стояла фамилия БОГИНИ – бандит, ДОВГАЛЕВ – офицер старой армии, а я совсем не знал, в каком чине он был.

Я категорически подтверждаю, что протокол сфальсифицирован самим ВОСКОБОЙНИКОВЫМ.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

ЛИТВИНОВ – клеветник. Я отвергаю заявление ЛИТВИНОВА о том, что было написано: «БОГИНЯ – бандит».

Я прошу в третий раз суд посмотреть дело ЛИТВИНОВА и убедиться, что нет записи «БОГИНЯ – бандит».

Я утверждаю, что всё записано со слов ЛИТВИНОВА, и каждый лист подписан им.

Свидетель ЛИТВИНОВ:

С МАКСИМЕНКО я сидел в одной камере. Зачислен я тогда был за УШАКОВЫМ. МАКСИМЕНКО был в умирающем состоянии, он был избит так, что не было живого места, с него шла сукровица. Ему сжимали мышцы ног, избит он был жестоко.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ЛИТВИНОВ ПОЯСНИЛ:

11 числа МАКСИМЕНКО был избит.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

²³ У документі помилково – Председательствует.

Я руководил избиванием МАКСИМЕНКО. До меня МАКСИМЕНКО никто не избивал. Поэтому ЛИТВИНОВ врёт, что он видел МАКСИМЕНКО избитым 11/VII-[19]38 г.

Председательствующий предупреждает подсудимого БАЛЫЧЕВА, чтобы он не вёл себя вызывающе и не оскорблял свидетеля.

Свидетель БЕЛЬСКИЙ Константин Иванович, 1905 г. рождения, не работает, в резерве кадров НКВД. Будучи предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР, пояснил:

Мне известно только по делу МАКСИМЕНКО, что когда его допрашивали, в бригаде находился быв[ший] работник ТАРАСОВСКИЙ, и я услышал крик, вскочив в комнату, увидел, что МАКСИМЕНКО сидит избитый. МАКСИМЕНКО был здоровый мужчина, брюнет. Через 1 ½ мес[яца] я увидел МАКСИМЕНКО в тюрьме, он был в тяжёлом состоянии, седой.

Мне известно, что когда был арестован МАКСИМЕНКО, якобы была вскрыта контр-революцион[ная] группа. Были разговоры, что МАКСИМЕНКО избит.

Арест МАКСИМЕНКО был произведён по линии 2[-го] отдела. Из арестованных я видел избитым ХОДОСА, когда его допрашивали, он лежал на диване и в таком положении давал показания.

Кто отводил спец. камеру для МАКСИМЕНКО, я не помню.

Председательствующий оглашает показания свидетеля БЕЛЬСКОГО на предварительном следствии.

Я подтверждаю свои показания на предварительном следствии полностью. МАКСИМЕНКО был из видных работников, и его избитым помещать в общую камеру было неудобно. ХОДОС также был избит.

Председательствующий оглашает показания свидетеля БЕЛЬСКОГО.

Полностью подтверждаю свои показания.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я отвергаю показания свидетеля БЕЛЬСКОГО о том, что я допрашивал МАКСИМЕНКО.

Я прошу свидетеля БЕЛЬСКОГО объяснить суду, руководил ли я следствием.

Свидетель БЕЛЬСКИЙ:

Поскольку БАЛЫЧЕВ был зам[естителем] нач[альника] УНКВД, он имел непосредственное отношение к следствию.

Я видел, когда ТАРАСОВСКИЙ допрашивал МАКСИМЕНКО.

Подсудимый ТАРАСОВСКИЙ:

Я действительно допрашивал МАКСИМЕНКО, но не помню такого случая, чтобы БЕЛЬСКИЙ заходил в кабинет во время допроса.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ БЕЛЬСКИЙ ПОЯСНИЛ:

Мне нач[альник] тюрьмы заявил, что у него есть распоряжение об освобождении камеры, и я освободил для спец. камеры.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ БЕЛЬСКИЙ ОТВЕТИЛ:

Арестованных я избивал.

Объявлен перерыв на 5 минут.

Заседание продолжено.

Свидетель ХОДОС Леонтий Михайлович, 1888 г. рождения, директор Облконторы Культторга, чл[ен] ВКП(б). Будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

По делу мне известно следующее. Я был арестован в июле месяце 1938 г. Меня вызвал КОРКУНОВ ночью, и когда я явился в Управление, меня стал КОРКУНОВ допрашивать и требовать признания о контр-революционной деятельности. Тут же КОРКУНОВ ударил меня по лицу, а затем меня отправили в тюрьму.

Я всё время категорически отвергал все предъявляемые мне обвинения, а мне ХОРОШИЛОВ заявил, что «всё равно подпишешь другим порядком».

Затем пришли СОКОЛОВ, ВОСКОБОЙНИКОВ и предложили мне подписать протокол. Когда я отказался, меня начали избивать. Избивали несколько часов, а затем я в обморочном состоянии был внесён в камеру.

На другой день меня опять били ВОСКОБОЙНИКОВ, СОКОЛОВ, ТИМЧЕНКО, после чего был вызван врач, который сказал, что меня необходимо немедленно направить в больницу.

Далее, поскольку я не был в состоянии ходить, меня положили на живот и так опрашивали. Потом меня КОРКУНОВ ударил чем-то по шее так, что я недели 2 не мог прямо держать голову. Это видели все сотрудники.

При допросах с меня вымогали показания о том, что меня завербовал БАЛИЦКИЙ. Меня избивали всё время и применяли бесчеловечные пытки.

Однажды ночью явился БАЛЫЧЕВ с врачом, после чего меня перебросили в спецкамеру. Всё тело у меня было избито. Появилась гангрена, был цел только живот.

Один раз с помощью НУДЬГИ меня забрали на допрос в быв[шую] больницу, где были камеры для допросов, куда была принесена кровать. Меня положили на кровать, и опять ХОРОШИЛОВ предложил подписать такой протокол. Из соседней комнаты доносились крики избиваемых, через некоторое время появилось два человека с палками, и один меня ударил, но ХОРОШИЛОВ уговаривал подписать протокол, а то будет то, что уже произошло с некоторыми. Таким методом заставили подписать протокол.

Однажды мне дали подписать протокол очной ставки с МАКСИМЕНКО без МАКСИМЕНКО о том, что я в квартире ДОВГАЛЕВА встречался с МАКСИМЕНКО. Я попросил привезти МАКСИМЕНКО. Сидеть я не мог, я стоял. В это время зашел СОКОЛОВ и спросил: «Что это за поза?», после чего ударил меня сильно под подбородок так, что я прикусил язык.

Я с начала революции работал в органах ЧК, всё время на руководящих постах.

Мне никаких документов не предъявлялось, а просто понуждали подписать протокол о том, что я — враг. Протокол с моих слов не записывался, протокол сочинялся, следовательно, он сфальсифицирован.

Протокол могли составить только СОКОЛОВ или КОРКУНОВ, но не ХОРОШИЛОВ, который не смог бы составить такой протокол.

Тюрьма с вечера стонала от криков, её называли скотобойня.

Когда меня перестали бить, тогда СОКОЛОВ начал меня непрерывно вызывать на допрос, держать до обморочного состояния, это в жару, а в морозные дни – до полного ооченения.

При мне НУДЬГА спрашивал вахтёра, кто даёт право держать в машине людей, тот что-то ответил. А когда я этот вопрос задал ХОРОШИЛОВУ, то он ответил, что делает это по приказанию СОКОЛОВА.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ХОДОС ОТВЕТИЛ:

У немцев в 1920 году я не оставался, это – ложь. Я заболел тифом в то время и лежал больной.

На день моего ареста по заводу № 60 всё было благополучно.

СОКОЛОВ вместе с БАЛЫЧЕВЫМ меня не допрашивал.

Меня предупреждал ХОРОШИЛОВ, что сейчас придёт СОКОЛОВ и заставит вас подписать.

Сотрудник НКВД АЛЕКСАНДРОВИЧ²⁴ мне говорил, что СОКОЛОВ за время работы в НКВД не выпустил ни одного честного дела.

ХОРОШИЛОВ меня допрашивал больше всех.

СОКОЛОВ наблюдал за следствием, и моё личное заключение, что у ХОРОШИЛОВА не хватит ума на составление такого жуткого протокола, как по моему делу был составлен. Это – дело рук СОКОЛОВА.

Пусть СОКОЛОВ расскажет, как он под 1-ое мая зашел в тюрьму с начальником тюрьмы и спрашивал, у кого какие вопросы. Я не задал вопроса потому, что считал это бесполезным. Тогда же СОКОЛОВ мне заявил, что ещё несколько дней и пуля разmozжит мой череп.

Сколько раз ВОСКОВОЙНИКОВ бил меня, трудно сказать. Бил палкой, бил ногами, чтобы я не кричал, он мне рот заткнул тряпкой, кто-то сидел на мне. И ВОСКОВОЙНИКОВ избил до бессознательного состояния. У меня образовалась двухпаховая грыжа.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я прошу суд огласить лист дела № 398.

Председательствующий оглашает лист дела № 398.

Объявлен перерыв до 9 часов утра 14 августа.

Заседание продолжено [в] 9 часов утра 14 августа.

КАПУСТИН [Борис Владимирович], 1902 года рождения. Будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

В июле месяце 1938 года по городу производились массовые аресты. 10 июля арестовали меня, не заводя в камеру, меня направили к следователю УДОВЕНКО, который заявил мне, что я являюсь членом контрреволюционной организации, и сорок с лишним часов мне задавался один и

²⁴ В органах НКВС УРСР працювали два рідних брати з таким прізвищем. Йдеться про заступника начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Донецькій області Ісака Александровича.

тот же вопрос: «Кто меня завербовал?», получая один мой честный ответ: «Никто никогда не вербовал».

На второй день меня опрашивали опять по этому же вопросу. В кабинет вошел СОКОЛОВ и, не задав мне ни одного вопроса, он сразу же начал наносить мне побои по голове, ушам, я был ошеломлён, что в органах НКВД могла произойти такая история.

Я всё время отказывался. УДОВЕНКО ударил меня сапогом в бок, и я упал.

В результате всех издевательств и побоев у меня заболевание коры мозга.

Надо мной также издевался и ВОРОНОВ, который здесь стоит как свидетель.

После мне дали подписать протокол, в котором была записана моя контрреволюционная деятельность, о которой я понятия не имел. Я протокол этот не подписал. Тогда меня отправили в тюрьму, где поместили в камеру, в которую можно помещать два человека, а они туда поместили 28 человек, температура была 50 градусов. Все люди были в чирьях, и через два дня я был таким же. Сидеть нельзя было, люди задыхались от жары.

Всё время меня допрашивали, затем повели в так называемую мясорубку, где я застал СОКОЛОВА и ещё 4-х сотрудников, фамилии их я не знаю. И только один вопрос был задан мне, буду ли я подписывать протокол, и получив отказ, СОКОЛОВ скомандовал: «Ложись», где ВОРОНОВ начал бить меня палкой. Затем избитым местом меня посадили на пол и заставили кружиться, и когда я находился около ВОРОНОВА, он бил меня палкой. От сильной боли я дошел до состояния безумия.

Я всё же отказался подписать протокол. Меня перевели в камеру, туда вбежал ВОРОНОВ, заставил протянуть руки и начал их давить каблуком, кости мои трещали.

Следователь УДОВЕНКО харкнул мне в лицо, я в оцепенении застыл, в голове была одна мысль: «За что издеваются?».

После вбежал СОКОЛОВ и начал бить по всем избитым местам.

В итоге СОКОЛОВ и его садисты сделали меня врагом и заставили подписать протокол.

Меня осудили к ВМН. Я 84 часа просидел в камере смертников. В камере я заболел. Я начал сходить с ума. У меня были галлюцинации, я видел лица своих детей, жены, товарища СТАЛИНА.

Однажды мне послышался голос ясно, что я освобождён. Я упал в истерике, я приближался к сумашествию²⁵. И если бы не один заключённый, который взял надо мной шефство, успокаивал меня, со мной были бы тяжёлые последствия. Каждый час я ждал вызова на расстрел.

Впоследствии приговор был отменён, и меня освободили. Всю ложь я объяснил бригадному комиссару и 5/1-1940 года я вышел на свободу.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ КАПУСТИН ОТВЕТИЛ:

²⁵ Так у документі.

Меня понуждал СОКОЛОВ перед судом подтверждать свои показания в протоколе предварительного следствия. 4 раза вызывал он меня и угрожал, что если я на суде не буду подтверждать, мне будет хуже.

Я работал в должности начальника Архитектурно-планировочного управления, затем – зав[едующим] Горкомхозом.

По ходатайству подсудимого СОКОЛОВА председательствующий оглашает лист дела № 379, том 1-й.

Во время каждого вызова следователя ПЕКАРЕВА и других всегда входил СОКОЛОВ и угрожал мне.

Свидетель КОРЧАГИН Борис Иванович, 1904 года рождения, член партии, зав[едующий] шахтой им. Войкова треста «Свердловуголь», до ареста – управляющий трестом. Будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

В июне 1938 года я был репрессирован. Меня допрашивали ТАРАСОВСКИЙ и ВОСКОБОЙНИКОВ, которые во время допроса допускали грубые нарушения соцзаконности.

В одну из ночей, вызвав меня на допрос, ВОСКОБОЙНИКОВ и ТАРАСОВСКИЙ после трёх слов разговора начали избивать меня ножкой от стула, кулаками, требуя от меня показаний о шпионской деятельности. После чего я написал показания под их диктовку.

Этим следствие не закончилось. Через день-два меня снова вызвали к ВОСКОБОЙНИКОВУ и ТАРАСОВСКОМУ, которые потребовали от меня показаний о террористических действиях. Во время этого допроса они очень издевались надо мной, ВОСКОБОЙНИКОВ бил, а ТАРАСОВСКИЙ, наклонившись к уху, пел романс «Скажите девушки...».

ТАРАСОВСКИЙ зашел к БОБРО, который мне предъявил список на 32 человека, требуя оговора их. Я отказывался подписать, меня начали избивать. Били головой о сейф, перебрасывались мною, доводя меня до состояния невменяемости.

В конце 1939 года мне был суд, который обратил дело к исследованию. В сырой камере я сидел дней 15-ть, я заболел. Я объявил голодовку. Меня перевели в лучшую камеру и снова начали следствие. Была создана экспертная комиссия, которая составила акт о моей работе, но акт был в мою пользу. Была очная ставка с членами комиссии, и был составлен протокол, но через некоторое время мне дали на подпись совершенно другой акт.

В деле были документы, а затем исчезали.

Однажды был прислан документ о моей положительной работе, о награде на шахте им. Дзержинского, а когда я заявил, какой я вредитель, когда есть документ, то после этого документ исчез.

Дело мне не показывали, я об этом заявил суду, но суд мне не поверил, так как была подписана 200[-я] статья УПК²⁶.

²⁶ Мається на увазі документ з розпискою обвинуваченого про ознайомлення з матеріалами слідчої справи відповідно до ст. 200 КПК УРСР.

Мой протокол сфальсифицировал БОБРО. Мне преподнесли на подпись готовый напечатанный протокол, в котором было указано [на] 2–3 листа[x] работников шахты.

До подписания меня били ТАРАСОВСКИЙ, ВОСКОБОЙНИКОВ и другие, фамилии я не помню, и под побоями я подписал.

Моё дело прекращено за недоказанностью преступления.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

К следствию [по делу] КОРЧАГИНА в 1938 году я не имел никакого отношения, я считаю клеветой, что ТАРАСОВСКИЙ пел ему романсы. В Ворошиловград я прибыл 2 июля, поэтому всё, что он говорит, – чепуха.

За следствием числились диверсанты, по показанию КОРЧАГИНА, ни в чем не повинные, я освободил их, как-то: МАКСИМОВА, затем ИЛЬЧЕНКО, после того, как авиапочтой были доставлены его документы. Затем уже занялись делом КОРЧАГИНА. По поводу заключения свидетель путает и говорит неправду.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ТАРАСОВСКОГО СВИДЕТЕЛЬ КОРЧАГИН ПОЯСНИЛ:

Меня арестовали при организации области, затем отправили в Сталино. Одновременно вразумили, что нужно показывать. БОБРО ударил один раз, а через дней 6-7 меня вызвали к ТАРАСОВСКОМУ и ВОСКОБОЙНИКОВУ.

Меня сажали на несколько часов и заставляли смотреть на свет электролампы, мне не давали спать по несколько суток.

Протокол писал ТАРАСОВСКИЙ после первого избияния. Писал и ВОСКОБОЙНИКОВ. Вопросы были такие: «диверсионная работа, шпионская» и т. п. Предупреждали меня: «Смотри, не липуй, всё равно будут читать инженеру». Это значит, чтобы я так излагал свою вредительскую деятельность, чтобы в ней была логика, ибо он даёт проверять и инженерам.

До первой встречи я ТАРАСОВСКОГО не знал.

В протокол были вписаны вымышленные лица и лица, которых я не знал, и протокол этот меня заставили подписать. ТАРАСОВСКИЙ поуждал давать вымышленные факты.

Протокол подписывать давал БОБРО, там была записана шпионская деятельность, диверсия и даже разговор с ГИТЛЕРОМ²⁷.

Подсудимый ТАРАСОВСКИЙ:

Протокол напечатанный я не давал подписывать, я не отрицаю того факта, что я и ВОСКОБОЙНИКОВ вызывали КОРЧАГИНА и я ударил КОРЧАГИНА по физиономии, а ВОСКОБОЙНИКОВ КОРЧАГИНА не трогал и пальцем. Кошмары и ужасы, которые представляет КОРЧАГИН, всё – ложь, я никогда не пел.

На второй вызов никаких мер воздействия к КОРЧАГИНУ [я] не применял и я утверждаю, что я после КОРЧАГИНА в глаза не видел.

Я должен заявить, что санкция была применена к КОРЧАГИНУ потому, что он уже дал показания о своей контрреволюционной деятельности.

²⁷ Вірогідно, мався на увазі канцлер нацистської Німеччини А. Гітлер.

Я заявляю суду, что подробно с материалами знаком я не был и не знаю об исчезновении каких-либо документов. Санкцию к КОРЧАГИНУ я применял, но очень слабую. КОРЧАГИН сразу начал давать показания. К другим арестованным о мерах физического воздействия я ничего не знаю.

Подсудимый ВОСКОБОЙНИКОВ:

Я заявляю суду, что никакого отношения к делу КОРЧАГИНА я не имел.

Подсудимый ТАРАСОВСКИЙ:

Делом КОРЧАГИНА я занимался потому, что он был связан [с] аварией на угольной промышленности²⁸.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я не знаю факта прикрепления ВОСКОБОЙНИКОВА и других к делу по аварии на шахте.

Подсудимый СОКОЛОВ даёт справку о том, что ВОСКОБОЙНИКОВ им, как начальником, не выделялся.

Свидетель КОРЧАГИН добавляет: Во время моего допроса ВОСКОБОЙНИКОВ разговаривал о том, что он договорился за машину для перевозки семьи.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Свидетеля ПРИЦКЕР[А] допросить в отсутствие допрошенных уже свидетелей.

ПРИЦКЕР Соломон [Шулимович], 1908 года рождения, нач[альник] спецотдела «Ворошиловградуголь». Будучи предупреждён об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

Я работал начальником отдела. Сам следствия не проводил. На совещании, проводимом наркомом, мне стало известно о существовании право-троцкистского центра. К этим делам имели отношение сотрудники 4-го отдела, возглавляемого СОКОЛОВЫМ.

По делу КОЛИКОВА у меня была с ним встреча, он был доставлен в мой кабинет, я с ним разговаривал минут 20–30 и предупредил о том, что он должен давать показания о своей подрывной деятельности, и он сам согласился, без применения каких-либо санкций, давать показания.

Председательствующий оглашает показания свидетеля ПРИЦКЕР[А] на листе дела № 42, том 3-й.

Свидетель ПРИЦКЕР:

Я подтверждаю свои показания на предварительном следствии.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я прошу свидетеля ПРИЦКЕР[А] охарактеризовать меня как зам[естителя] нач[альника] [У]НКВД. Помнит ли свидетель ПРИЦКЕР о том, что я отказался подписать кипу документов.

Свидетель ПРИЦКЕР:

Такой факт был. В связи с тем, что не было КОРКУНОВА, мы зашли к БАЛЫЧЕВУ подписать документы на арестованных, но БАЛЫЧЕВ не хотел подписывать.

²⁸ Так у документі.

Взаимоотношения БАЛЫЧЕВА с КОРКУНОВЫМ были нездоровые. Были крупные разговоры с применением ругани. БАЛЫЧЕВ заявлял о том, что его КОРКУНОВ игнорирует и что он так работать не может.

Я подтверждаю, что было такое мнение, что БАЛЫЧЕВА УСПЕНСКИЙ мог посадить. БАЛЫЧЕВ очень волновался.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛОВА СВИДЕТЕЛЬ ПРИЦКЕР ОТВЕТИЛ:

Шел разговор о том, что СОКОЛОВ замещает начальника, но в дела 8-го отдела он не вмешивался.

КОРКУНОВ – это самодур, бездарный человек, игнорировал своих помощников. Вначале взаимоотношения с СОКОЛОВЫМ были лучше, затем были нездоровыми.

Аресты были произведены после совещания, проведенного наркомом УСПЕНСКИМ. КРОТОВ и КОРЧАГИН были арестованы на основании агентурного дела. На них были конкретные показания. Санкция на арест их была ещё до организации области.

Уволили меня из органов за то, что отец мой занимался мелкой торговлей до революции. Троюродный брат судим, уволили меня при УСПЕНСКОМ и ЕЖОВЕ.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО БАЛЫЧЕВА СВИДЕТЕЛЬ ПРИЦКЕР ОТВЕТИЛ:

Санкции на арест БАЛЫЧЕВ не давал.

ВОРОНОВ Иван Тихонович, 1912 года рождения, директор школы ФЗО²⁹, ранее работал в органах НКВД. Будучи предупрежден об ответственности по ст. 89 УК УССР за дачу ложных показаний, пояснил:

Я работал в органах НКВД начальником отдела. В своих рапортах быв[шему] наркому я писал о непонятных для меня вещах, связанных с неправильными действиями КОРКУНОВА. На закрытом партсобрании я выступал с критикой, указывал на вражескую работу КОРКУНОВА, обвинял я ещё СОКОЛОВА и ВОСКОВОЙНИКОВА. Обвинял их за неправильные установки, за справки на арест без всяких материалов.

Я считал неправильным, что протоколы следствия должны быть написаны большие, просторные, на 60–80 листов.

По моему рапорту меня опрашивали в Москве в 1939 году. Я полностью подтверждаю свои показания на предварительном следствии.

ПАВЛЫЧЕВ давал установку, чтобы в каждом протоколе красной нитью проходила война, чтобы в показаниях арестованных было отмечено, что они направляли свою вражескую деятельность с целью подготовить страну к поражению.

ПАВЛЫЧЕВ приезжал сюда со следственной группой, где был и ТАРАСОВСКИЙ, и заявил, чтобы во всех протоколах красной нитью должна проходить война.

На большие протоколы тогда была мода, она была введена УСПЕНСКИМ.

²⁹ ФЗО – рос.: фабрично-заводское обучение.

Председательствующий оглашает показания свидетеля ВОРОНОВА на листе дела 14, том 3-й.

Допрашивал ЭПШТЕЙНА УДОВЕНКО. О незаконных методах к ЭПШТЕЙНУ я не знаю. Знаю, что ЭПШТЕЙН давал показания, но они не удовлетворяли УДОВЕНКО.

МАКСИМЕНКО допрашивал ВОСКОБОЙНИКОВ и другие. Мне известно, что при избииении МАКСИМЕНКО принимал[и] участие ВОСКОБОЙНИКОВ и ТАРАСОВСКИЙ.

Я допрашивал ТЕРЕХОВА. Основания к применению санкции к нему были. ТЕРЕХОВ до побоев начал давать показания. В моём присутствии избивали ТЕРЕХОВА один раз.

Подсудимый ПАВЛЫЧЕВ:

Показания свидетеля неправдивы, я не давал никаких установок о во-йне. Сотрудников я ориентировал на то, чтобы при допросе арестованных не упускали из виду аварии. В то время было много аварий на шахте, и были предположения о существовании контрреволюционной группы.

Докладную записку я писал, но в Москву она³⁰ не пошла, а УСПЕНСКИЙ её переработал³¹.

Свидетель ПРИЦКЕР:

На общем совещании ПАВЛЫЧЕВ не выступал.

Свидетель ВОРОНОВ:

ПАВЛЫЧЕВ давал установку на оперативном совещании, это знают и могут подтвердить все сотрудники, и после этого совещания сразу все сотрудники разъехались. Тогда же [был] разрешён вопрос о картотеке, и была составлена карта о расположении точек.

Подсудимый ПАВЛЫЧЕВ:

Такого совещания не было.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Я категорически отвергаю заявление свидетеля ВОРОНОВА. Такого совещания не было, я никогда не слышал его выступлений.

Подсудимый ТАРАСОВСКИЙ:

Совещаний никаких ПАВЛЫЧЕВ не проводил, я это утверждаю.

Подсудимый СОКОЛОВ:

Я не помню такого совещания.

Свидетель ВОРОНОВ:

Все протоколы, главным образом, корректировал СОКОЛОВ. Один из арестованных – ЛОГВИНЕНКО – указал фамилию НОВИКОВА, но СОКОЛОВ запретил вносить её, говоря, что уже он не нужен, так как все участники центра уже есть.

ТЕРЕХОВ и СТЕЦЕНКО были арестованы на основании показаний какого-то арестованного, где указывалось, что они являются членами контрреволюционной группы.

В сентябре месяце ТЕРЕХОВ не подписывал протокол, он его подпи-сал в старом здании.

³⁰ У документі помилково – я.

³¹ Так у документі.

Я опрашивал ТЕРЕХОВА, и он на всех очных ставках избличал, все свои показания подтверждал и только по возвращении из Киева ТЕРЕХОВ стал отказываться от своих первых показаний.

На вопрос подсудимого СОКОЛОВА свидетель ВОРОНОВ пояснил:

Спец. сообщение я не получал, но читал, оно было у КОРКУНОВА.

Арестованные написали письмо на тряпке провокационного характера³².

Спец. сообщения поступали о том, что арестованные рассказывали о своей контр-революцион[ной] деятельности.

Арестованные ТЕРЕХОВ и ЛОГВИНЕНКО настаивали на том, что НОВИКОВ завербован — член право-троцкист[ского] центра, а СОКОЛОВ говорил, что не нужно писать.

Арестованную ТУРЕЦКУЮ допрашивал я.

Разговоров о том, что УДОВЕНКО ставил вопрос об освобождении отдельных арестованных, в частности ГОЛЬДЕНБЕРГА, не было.

Первый протокол допроса ТЕРЕХОВА был на стр. 5–7, а потом написали большой протокол.

Все арестованные давали сами показания без понуждения.

Ориентировка по делам разложившихся красных партизан была получена из НКВД УССР.

Обв[иняемого] ЭПШТЕЙНА я не бил. Кто бил его, я не знаю. Фактов выдумки фамилий СОКОЛОВЫМ³³ я не знаю.

На вопрос подсудимого БАЛЫЧЕВА свидетель ВОРОНОВ ответил:

ТЕРЕХОВ был мой арестованный. ТЕРЕХОВА избивал БАЛЫЧЕВ в моём кабинете, тогда ТЕРЕХОВ начал давать показания. Те показания, которые ТЕРЕХОВ дал добровольно, не удовлетворяли БАЛЫЧЕВА и КОРКУНОВА, и его начали избивать БАЛЫЧЕВ и КОРКУНОВ.

БАЛЫЧЕВ корректировал протокол [допроса] ЛОГВИНОВА. Факт корректировки протокола БАЛЫЧЕВЫМ другого³⁴ я не знаю.

Для ареста необходим материал и санкция прокурора.

Были случаи, что сперва арестовывали людей, а затем бралась санкция прокурора. Факты ареста без постановления были.

КОРКУНОВ снял КИТЧЕНКО с работы за то, что он возражал в оформлении справок, т. к. нечего было писать.

Подсудимый БАЛЫЧЕВ:

Санкцию на арест должен дать прокурор, а справка шла от 1-го секретаря Обкома КП(б)У.

Я категорически отвергаю предъявленное мне обвинение по обвинительному акту в том, что незаконно арестовывал людей.

КОРКУНОВ был деспотичен, бездарен, и об этом я говорил с ВОРОНОВЫМ.

Свидетель ВОРОНОВ:

³² Так у документі. Мається на увазі зміст листа.

³³ У документі помилково — СОКОЛОВА.

³⁴ У документі — другим.

Были случаи, когда я говорил о незаконных действиях КОРКУНОВА, я говорил и о докладной записке на имя ЕЖОВА, которую показывал мне СОКОЛОВ.

НА ВОПРОС ПОДСУДИМОГО ТАРАСОВСКОГО СВИДЕТЕЛЬ ВОРОНОВ ОТВЕТИЛ:

Я ТАРАСОВСКОГО не знал, но знал, что ТАРАСОВСКИЙ и ВОСКОБОЙНИКОВ допрашивали МАКСИМЕНКО. Я знал, что МАКСИМЕНКО был до полусмерти избит.

Объявлен перерыв на 10 мин.

Заседание продолжено в 13 час. 20 мин.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Принимая во внимание, что обстоятельства по делу в достаточной степени выяснены, допрашивать остальных свидетелей, вызванных по списку, приложенному к обвинительному акту, не вызывается необходимостью, в силу ст. 275 УПК допрос в дальнейшем свидетелей по делу прекратить.

Обсудив ходатайства, изложенные подсудимыми в письменных заявлениях в начале судебного заседания, и считая, что все обстоятельства по делу выяснены достаточно без вызова этих свидетелей,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В ходатайстве подсудимым СОКОЛОВУ, ПАВЛЫЧЕВУ, БАЛЫЧЕВУ и ВОСКОБОЙНИКОВУ, изложенных в их письменных заявлениях, о вызове свидетелей, а также об истребовании документов — ОТКАЗАТЬ.

В дополнение судследствия ВТ оглашает документы дела на л. д. 32—33, том 4; л. д. 65—66, том 7.

На вопрос ВТ, чем подсудимые могут дополнить судследствие, подсудимые заявили, что дополнить судследствие они ничем не имеют.

Судследствие по делу объявляется законченным.

Объявлен перерыв.

Судзаседание продолжено.

Последнее слово предоставлено подсудимому БАЛЫЧЕВУ.

Я много не буду останавливаться на своих автобиографических данных, о своей долголетней работе в органах НКВД, т. к. у суда имеется достаточно материалов, из которых видно кто я и что вся моя сознательная жизнь отдана борьбе за дело ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

Я прошу лишь одного, если я в обстановке 1938 г. допустил ошибки, то я прошу не расценивать это как сознательное нарушение соцзаконности, и при обсуждении меры наказания не лишит меня возможности вместе со всем народом сражаться в борьбе с кровавым фашизмом и направить меня на передовые линии огня, где я ещё раз докажу преданность своей родине.

Последнее слово предоставлено подсудимому СОКОЛОВУ.

Я полностью присоединяюсь к высказанному подсудимым БАЛЫЧЕВЫМ и прошу в такую ответственную пору, когда стране грозит опасность, не оставлять меня в тюрьме, а послать на фронт, где я согласен отдать свою жизнь в борьбе за родину.

Я прошу ВТ поверить мне и не оставлять меня в заключении.

Последнее слово предоставлено подсудим[ому] ВОСКОВОЙНИКОВУ.

Преступником я себя не считал, не считаю и не буду считать, хотя бы ВТ меня и накажет.

Я был передовым человеком на производстве, я много раз премирован, я имею награды.

Я буду бороться всегда за свою партийную честь. Самое страшное для меня было то, что в обвинительном акте я прочёл, что я – бывш[ий] член партии. Всё, что я сделал до сего времени, я делал честно.

Я прошу полной реабилитации.

Последнее слово предоставлено подсудимому ПАВЛЫЧЕВУ.

Самое обидное в том, что произошло, это то, что в тот момент, когда наша страна в опасности, я нахожусь под стражей и лишен возможности находиться сейчас на передовых позициях.

Я ни на что не претендую, я не стараюсь ничего доказывать. То, что я предан партии ЛЕНИНА–СТАЛИНА, я доказал своей преданной работой, всей моей сознательной жизнью³⁵.

Я прошу суд дать мне возможность умереть на фронте, умереть за свою партию, за свою родину.

Объявлен перерыв на 10 мин.

Судзаседание продолжено в 11 час. 15 мин.

Последнее слово предоставлено подсудимому ТАРАСОВСКОМУ.

Я прошу ВТ учесть, что все нарушения, которые я допустил, я допустил бессознательно.

Все дни одна мысль сверлила мой мозг. Что сейчас, когда наша страна переживает такое тяжёлое военное положение, я нахожусь в заключении.

Я прошу дать мне возможность с киркой, с лопатой рыть ямы, но быть на фронте.

Другой жизни, как в партии, я себе не представляю.

Я прошу ВТ дать мне возможность искупить свою вину сейчас в борьбе с фашизмом.

Суд удаляется на совещание, после чего оглашается приговор и разъясняется осуждённым порядок и право обжалования.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Меру пресечения всем осуждённым до вступления приговора в законную силу оставить содержание под стражей.

Судзаседание по делу окончено в 14 час. 30 мин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Фельдман

СЕКРЕТАРЬ

Кулакова

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 8, арк. 62–83 зв.

Оригінал. Машинопис.

³⁵ У документі – жизни.

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева і Л. А. Тарасовського
12–15 серпня 1941 р.

Дело № 36–1941 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1941 года, августа 12–15 дня, г. Ворошиловград.

Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в составе:

Председательствующего — т. Фельдмана,

членов: политрука Влашно,

мл[адшего] лейт[енанта] г[ос]/б[езопасности] Денисюка,

при секретаре Кулаковой,

без участия обвинения и защиты,

рассмотрев дело по обвинению

1) быв[шего] зам[естителя] нач[альника] УНКВД по Ворошиловградской области капитана госбезопасности БАЛЫЧЕВА Алексея Дмитриевича, 1900 год[а] рожд[ения], уроженца г. Воронежа, служащего, б[ывшего] чл[ена] ВКП(б), с незаконченным средним образов[анием], женатого, служившего в Красной армии с 1918 по 1922 г., в органах НКВД — с 1922 по 1941 год, награждённому в 1937 г. орденом Красной Звезды и в 1938 г. медалью «20 лет РККА», не судившегося;

2) бывшего нач[альника] 2[–го] отдела УНКВД по Ворошиловградской области старшего лейт[енанта] г[ос]/б[езопасности] СОКОЛОВА Николая Герасимовича, 1905 г. рожд., урож[енца] г. Иваново, из рабочих, служащего, б[ывшего] чл[ена] ВКП(б), исключённого в связи с настоящим делом, с незаконченным средним образованием, женатого, служившего в Красной армии с 1927 по 1930 г., в органах НКВД — с 1930 по 1940 г., награждённому знаком Почётного чекиста, не судившегося;

3) бывшего зам[естителя] нач[альника] Ворошиловского ГО НКВД лейт[енанта] г[ос]/б[езопасности] ВОСКОБОЙНИКОВА Льва Рувимовича, 1910 г. рожд., уроженца г. Умани Киевской области, служащего, б[ывшего] чл[ена] ВКП(б), со средним образованием, служившего в Красной армии с 1932 по 1934 г., в органах НКВД — с 1936 по 1941 г., не судившегося;

4) бывшего зам[естителя] нач[альника] УНКВД по Киевской области капитана г[ос]/б[езопасности] ПАВЛЫЧЕВА Леонида Михайловича, 1908 г. рожд., уроженца г. Ярославля, служащего, б[ывшего] чл[ена] ВКП(б), исключённого в связи с настоящим делом, со средним образованием, женатого, в Красной армии не служившего, в органах НКВД — с 1931 по 1941 г., награждённому медалью «За отвагу» в 1940 г. и знаком Почётного чекиста, не судившегося;

5) бывшего нач[альника] участка ОШОСДОРа лейт[енанта] г[ос]/б[езопасности] ТАРАСОВСКОГО Льва Ароновича, 1906 г. рожд., уроженца с. Мельниковцы Ситковецкого р-на Винницкой области, служащего, б[ывшего] канд[идата] в чл[ены] ВКП(б), с низшим образованием, женатого, в Красной армии не служившего, в органах НКВД — с 1931 по 1941 г., не судившегося, — всех по ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

УСТАНОВИЛ:

Подсудимые БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ, ВОСКОБОЙНИКОВ, ПАВЛЫЧЕВ и ТАРАСОВСКИЙ, будучи на оперативной работе в органах НКВД, в 1938 г. в своей практической работе допускали грубейшие нарушения социалистической законности, что выразилось в искусственном создании контрреволюционной организации, якобы существовавшей в г. Ворошиловграде, путём фальсификации следственных материалов и применения ими к арестованным извращённых методов следствия. В начале июля м[есяца] 1938 г. по установке врагов народа УСПЕНСКОГО и б[ывшего] нач[альника] УНКВД по Ворошиловградской области КОРКУНОВА арестовано большое количество ответственных руководящих работников партийных и советских организаций г. Ворошиловграда и области, в том числе инженерно-технический персонал заводов № 60, паровозостроительного завода г. Ворошиловграда, депутатов Верховного Совета и орденосцев (БОГИНЯ, ЧУМИЧЕВ, МАКСИМЕНКО, КАПУСТИН, ХОДОС, ТЕРЕХОВ и др.).

Не располагая достаточными данными, уличающими арестованных в контрреволюционной деятельности, БАЛЫЧЕВ, СОКОЛОВ, ВОСКОБОЙНИКОВ и ТАРАСОВСКИЙ применяли физические методы воздействия, понуждая таким путём арестованных оклеветать себя, что они якобы являются членами к-р троцкистской организации, и оклеветали большое количество ответственных работников партийного и советского аппарата. Так, от арестованного СТЕЦЕНКО взято показания, коими [он] оклеветал 123 чел., что они якобы являются членами к-р организации, а от ТЕРЕХОВА — на 80 чел. На основании этих «показаний» были произведены массовые аресты невинных людей, в том числе и старейших участников революц[ионного] движения (БОГДАНОВА, ЛИТВИНОВА), из коих часть осуждены тройкой при УНКВД по Ворошиловградской области к ВМН (ПИВОВАРОВ, ЛОГВИНОВ и др.). В результате допущенных извращённых методов следствия БАЛЫЧЕВЫМ, СОКОЛОВЫМ, ВОСКОБОЙНИКОВЫМ и ТАРАСОВСКИМ имели место случаи смертей арестованных на следствии.

Арестованный 12 июля 1938 г. МАКСИМЕНКО, будучи на допросе у ВОСКОБОЙНИКОВА и ТАРАСОВСКОГО, был подвергнут избиениям с помощью БАЛЫЧЕВА, в результате чего МАКСИМЕНКО 24 сентября 1938 г. скончался в тюрьме.

Аналогичные меры физического воздействия были применены к арестованному ЭПШТЕЙНУ со стороны БАЛЫЧЕВА и СОКОЛОВА, в результате чего 11 июля 1938 г. ЭПШТЕЙН скончался в камере тюрьмы.

Подсудимый ПАВЛЫЧЕВ, будучи зам[естителем] нач[альника] УНКВД по Киевской области, по указанию врага народа УСПЕНСКОГО применял физические меры воздействия к чл[ену] ВКП(б) БОЛОТЦЕВУ, понуждая последнего дать показания о своём участии в к-р организации, в результате чего 13 июля 1938 г. БОЛОТЦЕВ умер в тюрьме.

Вместе с ПАВЛЫЧЕВЫМ принимал участие в избиваниях БОЛОТЦЕВА также и подсудимый ТАРАСОВСКИЙ.

ПАВЛЫЧЕВ также применял меры физического воздействия к арестованному по санкции УСПЕНСКОГО МОЖЕЙКО, в результате чего в августе 1938 г. МОЖЕЙКО скончался в кабинете следователя СТРОИЛОВА.

Помимо перечисленных преступлений, совершённых подсудимыми, ВОСКОБОЙНИКОВ также допустил незаконные методы ведения следствия по делу арестованного сотрудника НКВД ПЕТЕРС-ЗДЕБСКОГО, в результате чего последний, ПЕТЕРС-ЗДЕБСКИЙ, хотя и поныне работает в органах НКВД, однако, он остался инвалидом.

Преступление всех подсудимых полностью доказано материалами предварительного и судебного следствия.

Переходя к вопросу избрания меры наказания подсудимым, Военный трибунал считает, что хотя совершённое преступление по своей тяжести и последствиям требует применения полной санкции ст. 206–17 п. «б» УК УССР³⁶, однако, учитывая, что к совершению этих преступлений подсудимых натолкнули враги народа УСПЕНСКИЙ и КОРКУНОВ, принимавшие непосредственное участие в создании этих дел, а КОРКУНОВ — в проведении следственных действий и применении физических мер воздействия, заставляя подсудимых БАЛЫЧЕВА, СОКОЛОВА и др., кои подчинённых³⁷ ему, также применять такие меры воздействия к арестованным — потерпевшим по делу, за что КОРКУНОВ в числе других обвинений признан виновным и осуждён также и за это преступление, Военный трибунал в силу изложенного считает возможным применить ст. 46 УК УССР и избрать к подсудимым меру наказания вместо ВМН лишения свободы. Кроме того, ВОСКОБОЙНИКОВ в момент совершения им преступления в 1938 г. работал на оперативно-следственной работе всего лишь несколько недель.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 302–13 УПК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

БАЛЫЧЕВА Алексея Дмитриевича, **СОКОЛОВА** Николая Герасимовича и **ПАВЛЫЧЕВА** Леонида Михайловича на основании ст. ст. 206–17 п. «б» и 46 УК УССР лишить свободы в ИТЛ сроком на ДЕСЯТЬ лет каждого, без поражения в правах, лишив их званий: БАЛЫЧЕВА и ПАВЛЫЧЕВА — «капитан госбезопасности» и СОКОЛОВА — «ст[арший] лейт[енант] г[ос]/б[езопасности]», **ТАРАСОВСКОГО** Льва Ароновича и **ВОСКОБОЙНИКОВА** Льва Рувимовича на основании ст. ст. 206–17

³⁶ Повна санкція ст. 206–17 п. «б» КК УРСР передбачала вищу міру покарання — розстріл.

³⁷ Так у документі.

п. «б» и 46 УК УССР лишить свободы в ИТЛ ТАРАСОВСКОГО — на ВОСЕМЬ лет и ВОСКОБОЙНИКОВА — на ШЕСТЬ лет, без поражения в правах, лишив их званий «лейт[енант] госбезопасности».

Меру наказания исчислять осуждённым с зачётом предварительно-го заключения: БАЛЫЧЕВУ, ПАВЛЫЧЕВУ и ВОСКОБОЙНИКОВУ — с 13 февраля 1941 года, ТАРАСОВСКОМУ — с 17.II.1941 г. и СОКОЛОВУ — с 26.II-1941 г.

На основании 2-го примечания к ст. 27 УК УССР исполнение приговора в отношении всех осуждённых отложить до окончания военных действий, направив их всех на фронт. Одновременно разъяснить всем осуждённым, что если они в борьбе с фашистской Германией проявят себя стойкими защитниками социалистической Родины, они могут рассчитывать на сокращение срока наказания или на полное освобождение от отбытия наказания.

Приговор может быть обжалован в 5-дневный срок с момента вручения выписки из приговора осуждённым в Военную коллегия Верховного суда СССР через суд, вынесший приговор.

Председательствующий

Фельдман

Члены:

*Влахно
Денисюк*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 8, арк. 84–88. Оригінал. Рукопис.
Документ (завірена машинописна копія) вперше опубліковано у книзі:
Україна в добу «Великого терору». 1936–1938 роки. — К.: Либідь, 2009.
— С. 447–449.

№ 78

Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Київського округу про зміну запобіжного заходу стосовно Л. М. Павличева

17 серпня 1941 р.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1941 года, августа 17 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в составе:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО — ФЕЛЬДМАНА,
ЧЛЕНОВ: политрука ВЛАХНО,
мл[адшего] лейтенанта г[ос]/б[езопасности] ДЕНИСЮКА,
при секретаре *Донюша.*

Рассмотрев ходатайство начальника УНКВД по Ворошиловградской области об изменении меры пресечения осуждённому ПАВЛЫЧЕВУ Л.М. и направлении его в распоряжение УНКВД и учитывая, что ПАВЛЫЧЕВ осуждён к 10 годам ИТЛ, но исполнение приговора отложено до окончания

военных действий, что ПАВЛЫЧЕВ отказался от подачи кассационной жалобы и просит прискорить посылку его на фронт, Военный трибунал, руководствуясь ст. 389 УПК УССР,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Меру пресечения ПАВЛЫЧЕВУ Леониду Михайловичу изменить – из-под стражи освободить и направить в распоряжение начальника УНКВД по Ворошиловградской области.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Фельдман

ЧЛЕНЫ:

*Влахно
Денисюк*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38810, т. 8, арк. 93. Оригінал. Машинопис.

ПОКАЖЧИК УПОРЯДНИКІВ

Кокін Сергій, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, старший науковий співробітник відділу історії України 1920-х — 1930-х років Інституту історії України Національної академії наук України, член редколегії науково-документального журналу «З архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ».

Основні публікації: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. У 2-х ч.— К.: Видавничий дім «Кієво-Могилянська академія», 2010 (у співавторстві з М. Юнге); Великий терор: Польська операція 1937–1938 // Польща та Україна у тридцятих–сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т. 8, у 2-х ч.— Варшава–Київ: IPN, 2010 (у співавторстві з Є. Беднареком, П. Кулаковським, М. Маєвським, Ю. Шаповалом та ін.); Партійно-радянське керівництво УСРР під час Голодомору 1932–1933 рр.: Вожді. Працівники. Активісти. Збірник документів та матеріалів.— К., 2013 (у співавторстві з В. Васильєвим і Н. Вертом); Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 — червень 1943 рр.). Кн. 1: НКВС Молдавської РСР, Дорожньо-транспортний відділ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області / Автори-упорядники С. Кокін, Д. Россман.— К.: Видавець В. Захаренко, 2018.— 728 с.

Россман Джеффри (Jeffrey Rossman), доцент (associate professor) історичного факультету Університету штата Вірджинія, США.

Основні публікації: Worker Resistance under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor.— Cambridge,— MA, 2005; Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 — червень 1943 рр.). Кн. 1: НКВС Молдавської РСР, Дорожньо-транспортний відділ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області / Автори-упорядники С. Кокін, Д. Россман.— К.: Видавець В. Захаренко, 2018.— 728 с.

ПОДЯКИ

Автори-упорядники висловлюють щирю вдячність директору Галузевого державного архіву Служби безпеки України Андрію Когуту, співробітникам архіву Ользі Голядинець, Ларисі Лавренчук, Марії Пановій, Георгію Смірнову за проведений ними архівний пошук і всебічну допомогу в опрацюванні і вивченні нами значного комплексу архівних документів.

Дякуємо також іншим учасникам проекту Валерію Васильєву, Лінн Біолі, Ользі Довбні, Вадиму Золотарьову, Роману Подкуру, Андрію Савіну, Олексію Теплякову, Марку Юнге за наукову і організаційну допомогу при підготовці видання. Окрема подяка за літературне редагування книги співробітникам ГДА СБУ Ірині Лябах, Анні Моргун та кандидату філологічних наук Віталію Хропку, а також колишній співробітниці архіву Ірині Бухаревій за комп'ютерний набір і археографічне опрацювання документів, що увійшли до миколаївського розділу книги.

При наведені біографічних даних у вступі та іменному і біографічному покажчику були використані публікації і матеріали українського дослідника В. А. Золотарьова, а також інформація з книг: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. — М.: Звенья, 1999. — 504 с.; Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник / Междунар. об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ России. — М.: Об-во «Мемориал»; Звенья, 2010. — 1008 с. Деякі уточнення і доповнення зроблені на підставі документів ГДА СБУ.

Іменний та біографічний покажчик

Абрамович Юхим Іоанович (1908–?), з 01.08.1938 – т.в.о. нач. 3-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 1939 – нач. 2-го від-я УНКВС по Єврейській автоном. обл. РРФСР; сержант держбезпеки (ДБ). 05.02.1941 заарешт. 26.04.1943 Військовим трибуналом (ВТ) військ НКВС Західно-Сибірського округу (ЗСО) засудж. до 10 років позбавлення волі (п/в) у ВТТ. 01.06.1943 ВКВС СРСР відклала виконання вироку. 09.07.1943 звільнений і направлен. до діючої армії.	33
Авдєєв Іван Павлович (1896–1945), з 01.1937 – нач. 5-го від-я 3-го відділу УДБ, у 1938 – нач. від-я 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Ст. лейтенант ДБ (1937). 16.04.1938 заарешт. Звільнен. з 01.08.1938 – інспектор при нач. УНКВС по Харк. обл., з 10.1938 – нач. Чугуївського райвідділу (РВ) НКВС Харк. обл., з 07.05.1939 – нач. Красно-Барваського РВ НКВС м. Харкова, у 1940 – нач. від-я Харк. міськвідділу (МВ) НКВС.	642, 645, 647, 649, 653–656, 668, 673
Агеєв Борис (м. Миколаїв).	337
Агеєв Іван Семенович (1912–?), з 15.03.1938 – оперуп. 1-го від-я 3-го відділу УДБ, у 08.1939 – оперуп. 3-го спецвідділу, у 07.1940 – нач. від-я УНКВС по Вінн. обл.; у 04.1941 – оперуп. 3-го відділу Київ. особливого військ. округу (КОВО). Сержант ДБ (1938).	499, 507, 509, 512, 526, 527, 529, 530, 545, 584, 594, 600, 625
Адаменко, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	248
Адилін, у 02.1941 – член ВТ військ НКВС Київ. округу (КО) на суд. процесі у справі О. Долгушева. Мол. лейтенант ДБ.	154, 208, 211
Акімов-Єгідес Мирон Маркович (1903–1941), з 1934 – уповн. 2-го від-я СПВ, пом. нач. від-я, з 03.1938 – нач. від-я 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР; з 28.09.1938 – заст. нач., з 01.02.1939 – в.о. нач., з 01.05.1939 – нач., з 01.08.1940 – заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС, з 12.04.1941 – заст. нач. 3-го відділу УНКДБ по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1937), ст. лейтенант ДБ (1940). 01.10.1941 загинув на фронті.	131, 169, 196
Александрович Ісак Маркович (1904–1944?), у 1937 – пом. нач., з 08.08.1937 – заст. нач. від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 15.03.1938 – заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Дніпропетр. обл.; згодом – заст. нач., з 22.04.1938 – т.в.о. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл.; з 11.06.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Сталін. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 25.05.1939 звільнен. з НКВС.	726
Алексєєв Іван Ілліч (1870–?), свідок у справі І. Литвинова.	723
Алексєєва Олександра Тимофіївна (1913–?), з 1937 – друкарка 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. 07.04.1939 звільнена з НКВС. У 08.1939 – друкарка військ. частини (в/ч) 1618 (м. Вінниця). У 07.1940 – друкарка УНКВС, згодом – УНКДБ по Вінн. обл.	499, 507, 509, 577–579
Аллідуєва Надія Сергіївна (1901–1932), друга дружи на І. Сталіна. 09.11.1932 покінчила життя самогубством (застрелилась).	667
Альбрехт Євген Леонідович (1904–?), у 1936 – співр. УНКВС по Одес. обл.; у 1938 – оперуп. Варварівського райвід-я НКВС Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	239, 258, 338, 396, 405, 443, 478

Альтціцер Соломон Абрамович (1898–?), з 16.01.1937 – т.в.о. нач. 8-го від-я, з 08.1938 – т.в.о. нач. 1-го спецвідділу, з 01.06.1939 – нач. 1-го від-я 1-го спецвідділу УНКВС по Київ. обл. 14.07.1939 звільнен. з НКВС.	112, 124, 125, 154, 169, 170, 173, 198, 202, 203
Андреев Андрій Андрійович (1895–1971), з 1935 – секр. ВКП(б), водночас: з 1938 – голова Ради Союзу Верховної Ради СРСР, з 1939 – голова Комісії парт. контролю при ЦК ВКП(б).	250
Андреев, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	450
Антонов, у 1938 – співр. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.	497
«Антонов», секр. агент УНКВС по Микол. обл.	369
Арров (Тандетницький) Лазар Соломонович (1904–1941), з 19.01.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 27.07.1937 – нач. ДТВ ГУДБ НКВС Амурської залізниці (м. Свободний, Далекосхідний край); з 25.09.1937 – у резерві НКВС СРСР; з 17.02.1938 – нач. ДТВ ГУДБ НКВС залізниці ім. Л. М. Кагановича (м. Свердловськ); з 04.08.1938 – у розпор. НКВС СРСР. Капітан ДБ. 23.10.1938 заарешт. 14.12.1939 звільнений. 16.08.1940 заарешт. 26.04.1941 ВТ військ НКВС Уральського округу (УО) засудж. до ВМП. 13.07.1941 розстріляний.	659, 661
Артемчук Олександр Арсентійович (1900–?), у 1938 – співр. УНКВС по Вінн. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939).	613
Артемьева, у 1938–1939 – т.в.о. особливоуп. УНКВС по Микол. обл.	238, 393
Афанасьев Григорій Петрович (1910–?), нач. ділянки корпусного цеху Микол. суднобуд. з-да ім. 61-го комунара (№ 200). 02.08.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено. Звільнен. У 1939–1940 – техник, у 03.1941 – заст. нач. цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара.	227, 228, 230, 241, 254, 255, 261–264, 280, 323, 332, 333, 337, 353, 363, 367, 373–375, 380, 382, 383, 385, 391, 409–411, 428, 467, 480, 488
Афанасьев Микола Порфірович (1902–1979), у 1937 – військ. прокурор Орловського військ. округу, з 1939 – заст. Голов. військ. прокурора РСЧА, з 1942 – Голов. військ. прокурор залізн. транспорту СРСР, з 1945 – Голов. військ. прокурор. Бригвійськюрис, диввійськюрис (1940), генерал-майор юстиції (1943).	20
Бабаєв Петро Андрійович (1902–1938?), дир. радгоспу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл. 05.07.1938 заарешт. 26.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	227, 228, 231, 238, 270–272, 284–290, 292, 297–300, 311, 312, 325, 327, 328, 348, 351, 352, 364, 374, 383, 384, 386, 392, 416–418, 433, 442, 443, 445, 446, 448–450, 452, 453, 474, 475, 488, 490
Бабенко Георгій Васильович (1904–?), голов. інженер Микол. з-ду ім. 61-го комунара. 05.08.1938 заарешт. 28.05.1939 справу припинено. Звільнен.	254, 256, 257, 283, 367, 374, 434, 436

Бабич Іван Гнатович (1902–?), з 1937 – район. уповнов., з 1938 – т.в.о. нач. від-я, з 10.09.1938 – т.в.о. заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., водночас з 06.1938 – нач. Білоцерківської міжрайон. оперативно-слідчої групи, з 08.1938 – Уманської оперелідгрупи; з 1938 – нач. ОВ НКВС 62-ї стр. див. КОВО, з 13.10.1938 – нач. 1-го від-я ОВ НКВС Житомирської арм. групи КОВО, з 22.11.1938 – заст. нач. 5-го (інозем.) відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. У 1939 звільнен. з НКВС. У 01.1941 – дир. цукр. з-ду (м. Петровське р-ну ім. Г. І. Петровського Київ. обл.).	155, 173, 174, 201, 206
Бабич Ісай Якович (1902–1948), з 1935 – нач. СПВ УДБ УНКВС по Київ. обл.; з 04.08.1937 – заст. нач. УНКВС по Одес. обл.; з 22.10.1937 – заст. нач. УНКВС (з 10.01 по 26.02.1938 – в.о. нач.) УНКВС по Київ. обл.; з 28.03.1938 – нач. 2-го відділу, з 20.08.1938 – 3-го відділу 2-го управління (особливих відділів) НКВС СРСР, з 29.09.1938 – нач. від-я 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Капітан ДБ (1936), майор ДБ (1937).	7, 9, 10, 186, 201
Бабійко, у 1938 – наглядач тюрми УНКВС (м. Вінниця).	561, 568, 572, 611
Бабкіна Клавдія Яківна (1904–?), у 1938–1940 – друкарка УНКВС по Харк. обл.	637, 638, 642, 666, 673, 674
Бабушкін Зиновій Володимирович (1907–?), з 12.1935 – опер. руп. СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Харк. обл. Мол. лейтенант ДБ. 28.02.1938 заарешт. 13.09.1939 звільнен.	642, 646, 648, 652, 661, 663, 670–672, 674–675, 679
<i>Бажан Олег</i>	10, 11, 14, 15, 30, 81, 82, 87, 88
Базилевич Микола Іванович (1909–?), майстер Микол. з-ду ім. 61-го комунара. 08.08.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено. Звільнен.	227, 260, 261, 263, 278, 373–375, 382
Байдук Йосип Прокопович (1909–?), секр. Вінниц. обкому ЛКСМУ. 21.07.1938 заарешт. 13.02.1940 справу припинено. Звільнен.	553, 554, 557, 558, 560
Балицький Всеволод Аполонович (1892–1937), з 1934 – нарком внутр. справ УСРР, з 05.1937 – нач. УНКВС по ДСК. Комісар ДБ 1-го рангу. 07.07.1937 заарешт. 27.11.1937 комісією НКВС СРСР, прокурора СРСР і голови ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	11, 46, 67, 81, 617, 704, 725
Баличев Олексій Дмитрович (1900–?), з 03.1937 – нач. Макіївського МВ НКВС Донец. обл., з 04.06.1938 – т.в.о. заст. нач. УНКВС по Ворошиловгр. обл.; з 09.09.1938 – в.о. нач. ОВ НКВС Житомирської арм. групи КОВО (не приступав до вик. обов.), з 27.10.1938 – у розпор. відділу кадрів НКВС УРСР, з 1939 – нач. Управління пожежної охорони (УПО) НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1940), 13.02.1941 заарешт. 15.08.1941 ВТ військ НКВС КО за-судж. до 10 років п/в у ВТТ. 31.01.1942 Президією Верховної Ради СРСР звільнен. зі зняттям судимости. Брав участь у зафронтовій роботі органів НКВС.	81, 88, 89, 93–100, 104, 690–692, 694–699, 703–705, 707, 710–712, 715, 717, 719–721, 723–726, 730–734, 736–739
Балюнас Валерій Іванович, дир. стадіону «Динамо» (м. Харків), співр. УДБ УНКВС по Харк. обл. У 1938 заарешт.	664
Балябін Григорій Степанович (1907–1979), з 04.1938 – член Верховного суду (ВС) РРФСР, з 07.12.1938 – особливоуп., з 20.12.1938 – заст. особливоуп. НКВС СРСР (до 02.1941); заст. нач., з 05.1943 – нач. Особливої інспекції відділу кадрів НКВС СРСР. Лейтенант ДБ (1938), капітан ДБ (1938), майор ДБ (1941), полковник ДБ (1943).	39

Бальцер Святослав В'ячеславович (1911–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 16.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Барабанов Дмитро Михайлович (1906–?), ст. оперуп., т.в.о. від-я відділу 6-би з розкраданням соц. власності (ВБРСВ) УРСМ УНКВС по Харк. обл. У 1940 заарешт.	5, 77, 642, 649–650, 666–668, 683–685
Баринов Михайло Васильович (1909–2001), на 27.01.1941 – т.в.о. військ. прокурора військ НКВС КО, на 10.1942 – голова ВТ 16-ї окр. інженер. бригади спец. признач. РСЧА, з 18.12.1942 – гол. ВТ 66-ї гвард. стр. див. (зформована 21.01.1943) 4-ї гвард. армії РСЧА. Військ. юрист 3-го рангу, гвардії військ. юрист 2-го рангу.	25
Барсуков Олексій Олександрович (1892–1938), зав. відділом техніч. нормув. корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 03.08.1938 заарешт. 26.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. 04.11.1938 розстріляний.	226, 227, 238, 239, 246, 254, 278, 279, 290, 342, 346, 351, 362, 363, 366, 373–375, 382, 383, 386, 392, 398, 410, 433, 434, 441, 446, 452, 470, 474, 479, 481, 488, 490, 491
Бартков, у 02.1940 – пом. військ. прокурора військ НКВС КО.	392
Бас, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	243, 244, 275, 395
Басов Володимир Іларіонович, у 1938 – оперуп. 2-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (на 1938).	330, 482
Бачманов, праців. міліції («ворошиловгр.-київська справа»).	693
Башилова (Башилова), у 1940–1941 – пом. секр. ВКВС СРСР.	212, 213, 389
Безденежна, у 1941 – зав. секретаріатом ВС СРСР.	214
Беккер Микола Васильович (1908–1938?), ст. зоотехнік радгоспу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл. 24.06.1938 заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	286, 289, 297–299, 325, 328, 384, 417, 418, 445, 446, 450, 452, 474, 475, 488
Белоусов, у 06.1942 – секр. ВКВС СРСР. Військ. юрист.	224
Бельський Костянтин Іванович (1905–1942), з 06.1938 – співр. УНКВС по Ворошиловгр. обл., у 08–09.1938 – нач. оперслідгрупи при тюрмі НКВС м. Ворошиловграда; у 02.1940 – нач. секретаріату УНКВС, у 05.1941 – т.в.о. нач. адмін.-госп. відділу (АГВ) УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ, ст. лейтенант ДБ. 29.12.1942 загинув на фронті.	724
Бельський Леонід Наумович (1893–?), з 1934 – комендант УНКВС по Вінн. обл., з 04.1938 – нач. АГВ НКВС УРСР; з 10.1938 – нач. ділянки Рибінського гідровузла НКВС СРСР (Ярославська обл.). Лейтенант ДБ (1936). 28.02.1939 звільнен. з НКВС.	628

Бережной Михайло Тимофійович (1906–?), з 11.1937 – нач. 8-го від-я УДБ, з 04.1938 – оперсекретар УНКВС по Житомир. обл.; з 09.1938 – нач. від-я 3-го відділу Трансп. управління НКВС УРСР; заст. нач., у 01.1939 – т.в.о. нач. 1-го спецвідділу НКВС УРСР; з 05.07.1939 – заст. нач., з кінця 1939 – фактич. нач. Слід. частини УНКВС по Одес. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ. У 03.1941 звільнен. з НКВС. 27.04.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 4 років п/в у ВТТ. 05.06.1941 ВС СРСР справу припинив.	121, 122, 186
Березняк, у 1938 – оперуп. УНКВС по Вінн. обл.	572
Берестовой Павло Абрамович (1906–?), у 1938–1939 – оперуп. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.	247, 248, 280, 399
Берестянюк Юхим Олександрович, у 1938 – оперуп. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1938).	578–579
Берія Лаврентій Павлович (1899–1953), з 22.08.1938 – 1-й заст. наркома внутр. справ СРСР, водночас з 08.09.1938 – нач. 1-го управління (з 29.09.1938 – ГУДБ) НКВС СРСР, з 25.11.1938 – нарком внутр. справ СРСР (по 29.12.1945). Комісар ДБ 1-го рангу (1938), генеральний комісар ДБ (1941). 23.12.1953 Спец. судов. присутністю ВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	31, 49, 69, 98, 100, 101, 240, 250, 709
Беркович Аркадій Семенович (1906–?), з 20.06.1938 – комендант УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ.	712
Беркута Артем Павлович (1909–?), у 1938 – пом. оперуп., оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (на 1938), лейтенант ДБ. У 1940–1941 – нач. спецвідділу Вінн. облспоживспілки.	509, 528, 536–540, 571, 572, 584, 586, 587, 593–595, 601, 625
Берман Володимир Мойсеевич (1908–1941?), з 1935 – в органах НКВС, у 10.1938 – пом. нач. 2-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 01–08.1940 – нач. Сквирського РВ НКВС, у 02.1941 – нач. Звенигородського РВ НКВС Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1939). У 1941 зник без вісті.	143, 178, 179, 195, 197, 198, 199
Беспалько (Бей-Беспалько) Іван Михайлович (1903–?), з 15 01.12.1935 – оперуп. 5-го від-я СПВ (4-го відділу) УДБ, з 01.08.1938 – референт, з 11.02.1939 – в.о. нач., з 01.05.1939 – нач. секретаріату НКВС УРСР, з 03.1941 – в.о. нач. секретаріату НКДБ УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). У 1941 зник без вісті (виключений зі списків особ. складу наказом НКВС УРСР № 103/ос від 02.03.1942).	15
Безе Микола Володимирович (1903–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 16.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Беленький Єлізар Борисович (1907–?), у 1938 – пом. нач. від-я 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936). 22.12.1938 заарешт. У 05.1939 звільнен. У 11.1940 – 02.1941 – нач. спецвідділу з-да «Економайзер» (м. Київ).	128, 172, 174, 175, 706, 718
Беліков, секр. Микол. міськкому (МК) КП(б)У. У 1937 репресов.	329, 338, 467
Белов Захар Степанович (1893–?), у 1938–1939 – лекпом (фельдшер) тюрми НКВС м. Харкова.	642, 655, 656, 662, 669, 676–678

Белов Іван Григорович (1897–?), з 1935 – співр. УНКВС по Одес. обл.; у 1938 – нач. Ново-Троїцького райвід-я НКВС Микол. обл., згодом – нач. відділу актів громад. стану (ВАГС) УНКВС по Микол. обл.; у 1940 – нач. Голо-Пристанського РВ НКВС Микол. обл. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ.	227, 230, 238, 240, 265, 287, 289, 299, 301, 304, 327, 348, 368, 384, 385, 392, 428, 441–443, 445, 472, 474, 488
Белов Сергій Лукич (1896–?), у 1937 – пом. нач. 3-го відділу (охорони і режиму) відділу місць ув'язнення (ВМУ) НКВС УРСР, з 29.04.1937 – у діючому резерві НКВС; у 1938 – нач. 2-го від-я 9-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; згодом – заст. нач. 3-го відділу Управління місць ув'язнення (УМУ) НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 13.01.1939 звільнен. з НКВС.	181
<i>Бірчак Володимир</i>	6
<i>Блаувельт Тім</i>	6
Блюман Віктор Михайлович (1899–1938), з 01.1937 – нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл., з 06.1937 – т.в.о. особливоуп., з 26.07.1937 – особливоуп. НКВС УРСР, з 23.09.1937 – нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР і ОВ ГУДБ НКВС КВО, з 02.1938 – у розпор. НКВС СРСР. Капітан ДБ (1936), майор ДБ (1937). 27.04.1938 заарешт. 22.09.1938 виїзн. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	18, 19, 107, 114, 156, 216, 548
Блюман Есфірь Михайлівна (1903–?), з 1934 – співроб. відділу зв'язку, з 15.01.1938 – співр. 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. (до 15.05.1938). У 1940 – сестра-господарка.	642, 659, 673
Бобро Петро Микитович (1903–?), у 1938 – нач. 3-го від-я Горлівського МВ НКВС Донец. обл.; з 20.04.1938 – нач. 3-го від-я УДБ Ворошиловгр. МВ НКВС, з 20.06.1938 – заст. нач., з 20.08.1938 – т.в.о. нач. 8-го відділу, згодом – заст. нач. Економіч. відділу (ЕКВ) УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 01.09.1939 звільнен. з НКВС. Нач. 1-го відділу Слов'янського содового з-да. Заарешт.	728, 729
Богданов Дмитро Васильович (1887–?), дир. Ворошиловгр. моторорем. з-ду ім. С. М. Будьонного. 14.07.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 17.08.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. 15.03.1940 справу припинено. 20.03.1940 звільнен. У 1941 – голова артелі.	89, 91, 691, 708, 711, 713–716, 722, 737
Богданов Павло Васильович (1914–?), мешканець м. Вінниці, учитель фізкультури. 15.07.1938 заарешт. 23.07.1939 справу припинено. Звільнен.	574, 575, 691
Богина Петро Іванович (1898–1944), з 11.1937 – голова Ворошиловгр. міськради, з 06.1938 – гол. оргкоміте-ту Президії Верховної Ради УРСР по Ворошиловгр. обл. Депутат Верховної Ради УРСР. 29.07.1938 заарешт. 11.09.1940 справу припинено. Звільнен. З 1940 – нач. Ворошиловгр. обл. управл. місцевої пром-ті.	97, 691, 707, 713, 717, 716, 720, 721, 723, 737
Богуславський Абрам Пилипович (1913–?), з 1938 – пом. оперуп. 1-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1938).	303, 320, 409, 412, 479
Божко, дир. радгоспу ім. К. Маркса Долинського р-ну Микол. обл. У 1937/1938 заарешт. У 1939 звільнен.	453
Бойко Семен Кузьмич (1897–?), з 1937 – нач. 3-го від-я УДБ Кременчуцького МВ НКВС Харк. обл.; з 12.10.1937 – нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Полтав. обл.; у 1938 – нач. 3-го від-я УДБ Кременчуцького МВ НКВС Полтав. обл.; з 31.07.1938 – у розпор. НКВС УРСР; з 28.08.1938 – в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). Наприкінці 1938 звільнен. з НКВС.	118, 119

Болотцев Олександр Степанович (1891–1938), з 1933 – директор дит. буд. № 10 м. Києва (до 04.1938). 03.07.1938 заарешт. Внаслідок побоїв під час слідства 13.07.1938 помер.	99, 103, 693, 695, 696, 708–710, 738
Большунов Петро Олександрович (1907–1970), з 1935 – уповн. ОВ УДБ УНКВС по Харк. обл.; у 1938 – в.о. нач. ОВ НКВС 43-ї авіац. бригади ХВО; з 08.07.1938 – нач. 4-го від-я, з 09.09.1938 – нач. 2-го від-я 5-го відділу УНКВС по Харк. обл. (ОВ НКВС ХВО), з 07.1941 – заст. нач. ОВ ХВО. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (25.04.1939), лейтенант ДБ (01.07.1939), ст. лейтенант ДБ (1940).	648, 671
Бондар Дмитро Антонович (1910–?), нач. ділянки корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 03.08.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено. Звільнений. У 12.1940 – технік Микол. з-ду ім. 61-го комунара.	227, 248, 259–261, 263–265, 332–335, 337, 373–375, 382–384, 391, 405, 407–411, 478, 480, 488
Бондар, у 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл. (у 1938 в об-ласті було заарештовано близько 20 осіб з таким прізвищем).	526
Бондаренко Косьма Августович (1883–1938?), виклад. Херсон. морського технікуму. 14.06.1938 заарешт. 29.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	378
Бондаренко Михайло Ілліч (1903–1938), з 07.1937 – 2-й секр. Харк. обкому КП(б)У, з 16.08.1937 – в.о. 1-го секр. Вінн. обкому КП(б)У, з 30.08.1937 – голова РНК УРСР. 13.10.1937 заарешт. 08.02.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 10.02.1938 розстріляний.	514
Борисенко, у 08.1940 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі О. Долгушева. Мол. лейтенант ДБ.	112, 148, 149
Боровиченко Георгій Петрович, у 1938 – співр., у 12.1940 – ст. уповн. Водного відділу УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1938).	461, 462
Боровський Олександр Андрійович, праців. фельдзв'язку УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1936). 04.05.1938 заарешт. Звільнен.	573, 576
Бородаєв Павло Георгійович (1903–?), секр. парткому Микол. з-да ім. 61-го комунара. У 1937 заарешт. 22.06.1937 Особливою нарадою (ОСН) при НКВС СРСР «засудж.» до 5 років п/в у ВТТ.	353
Бородін Олексій Артемович (1908–1995), з 10.11.1937 – зав. сектором культури і секретар парткому Управління справами РНК УРСР. 10.06.1938 заарешт. 17.04.1939 ВТ КОВО за-судж. до 8 років п/в у ВТТ. 23.09.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. 03.04.1940 Військ. прокуратура КОВО справу припи-нала. 21.09.1940 звільнен. У 1941 – праців. Центр. лектор. бюро при Наркоматі освіти УРСР. У 1948–1952 – декан іст. фак-ту, у 1957–1979 – зав. кафедрою іст. КПРС Київ. дер-жуніверситету ім. Т. Г. Шевченка. Д-р іст. наук (1967), проф. (1960).	100–102
Бородянська, у 1936 – друкарка НКВС УРСР.	190
Бородько, у 1938 допитувався в УНКВС по Микол. обл.	372
Борткевич Микола Антонович (1898–?), 1-й секр. Сталінського райкому (РК) КП(б)У м. Миколаєва. У 10.1938 заарешт. 08.05.1939 справу припинено.	242, 291, 372

Боть Онисим Ілліч, з 05.11.1936 – оперуп. ЕКВ, у 03.1938 – 530 нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936).	
Бражников Веніамін Васильович (1909–?), ст. агроном рад- госпу «Радсад» Варварівського р-ну Микол. обл. 04.06.1938 заарешт. 04.10.1938 справу припинено. Звільнен.	226, 228, 291–294, 345, 362, 370, 371, 382, 384, 419, 420, 472, 473
Браїловський, у 1938 заарешт. УНКВС по Харк. обл.	671
Браниш Олександр Макарович (1899–1938), заст. голови Держплану Молдавської АРСР, гол. Тивровського райвикон- кому Вінн. обл. 27.04.1938 заарешт. 05.10.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	521
Брант Георгій Сергійович (1899–1938?), ст. вет. лікар радго- спу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл. У 1938 заарешт. Трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	286–289, 297–299, 325, 328, 366, 383, 384, 392, 416–418, 445, 446, 450, 474, 475, 488
Бризицький Григорій Андрійович (1901–?), уповн. Наркомату заготівлі УРСР по Микол. обл. 08.08.1938 заарешт. 28.07.1939 справу припинено. Звільнен.	323
Бриль Михайло Ілліч (1905–?), у 1937 – заст. нач. 4-го від- ділу УДБ УНКВС по Чернігів. обл., з 07.07.1937 – у розпор. НКВС УРСР, з 04.08.1937 – нач. від-я 4-го відділу УДБ, з 01.11.1937 – нач. 12-го відділу, водночас з 29.03.1938 – т.в.о. нач., з 28.05.1938 – нач. 9-го спецвідділу і секретаріату НКВС УРСР; з 23.07.1938 – нач. 3-го спецвідділу НКВС УРСР; з 01.09.1938 – у розпор. НКВС УРСР, з 15.09.1938 – НКВС СРСР; згодом – заст. нач. Ленінградськ. МВ НКВС; у 04.1940 – заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по м. Ленінграду. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1937), капітан ДБ (1939). 19.06.1940 звільнен. з НКВС.	112, 116, 119, 120
Бромберг Лев Зусійович (1909–?), з 16.05.1938 – пом. оперуп. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС, з 07.06.1938 – у групі з оформл. справ для розгляду особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. 17.07.1938 звільнен. з НКВС. У 01.1940 – ст. нор- мувальник з-ду «Червона зірка» (м. Кіровоград).	277
Броун Ілля Йосипович (1900–?), у 1937 – оперуп. 3-го від- ділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 09.10.1937 – т.в.о. нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Мол. лейте- нант ДБ (1936). 27.03.1938 заарешт. 13.12.1938 справу припи- нено. У 1939 – т.в.о. нач. 3-го відділу УНКВС по Микол. обл. 22.06.1939 звільнен. з НКВС.	285, 457, 458
Брускін Михайло Григорович (1890–?), праців. Вінн. облуп- правління Укрлісзбуту. 21.05.1938 заарешт. 14.08.1938 спец- колегією Вінн. облсуду засудж. до ВМП. ВС СРСР замінив ВМП 10 роками п/в у ВТТ. 12.02.1939 вибув для відбуття покарання до Каргопольського ВТТ (Архангельська обл.).	562, 609
Брянцев Євген Олександрович (1894–1938?), у 1938 – заст. нач. пожежної охорони м. Києва. 04.07.1938 заарешт. 11.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП.	132–134, 172, 206
Буканов, у 06.1940 – 04.1941 – член ВКВС СРСР. Військ. юрист 1-го рангу.	233, 492
Буранов, заст. редактора газети «Южная Правда» (м. Миколаїв).	238, 240, 338, 372, 409

Бурдан Наум Аронович (1910–?), з 1937 – пом. оперуп. 4-го відділу, з 10.07.1938 – оперуп. 2-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ; у 12.1939 – ст. слідчий Слід. частини УДБ НКВС УРСР; на 05.11.1940 – нач. 3-го від-я 2-го відділу УНКВС по Чернівець. обл. Сержант ДБ (1937), мол. лейтенант ДБ.	32, 33, 34, 36
Бурмистенко Михайло Олексійович (1902–1941), з 01.1938 – в.о., з 18.06.1938 – 2-й секр. ЦК КП(б)У і водночас (з 25.07.1938) голова Верховної Ради УРСР. У 1941 – член Військ. ради Південно-Західного фронту (ПЗФ). У 09.1941 потрапив в оточення, загинув.	42, 63, 82, 332, 344, 354, 376, 409, 468
Буров, дир. Скадовської машинно-тракторної майстерні (Микол. обл.). У 1938 заарешт. Звільнен.	371, 438
Бутенко Микола Степанович (1899–?), нач. Теплицького РВ НКВС Вінн. обл., з 08.04.1938 – т.в.о. пом., з 28.05.1938 – пом. нач. УНКВС по Вінн. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 05.10.1939 знятий з посади, звільнен. з НКВС. Дир. ліспромгоспу (м. Вінниця). У 1942 – нач. арт. постачання 142-го окр. саперного батальйону (Півден., Сталінград. фронти).	46, 48, 50, 56–58, 62–66, 495, 499, 502, 507, 509, 521, 545–549, 577, 588–589, 596, 611, 615, 617–619, 622, 624, 626, 631
Бутирін Сергій Іванович (1900–1942?), з 02.1939 – 1-й секр. Микол. обкому КП(б)У, з 07.1941 – член Військ. ради 26-ї армії ПЗФ. У 08.1941 потрапив в оточення, у 1942 зник без вісті.	321
Бухарева Ірина	742
Вагнер Яків Якович (1901–1938), праців. колгоспу «Ротес Ланд» с. Блюменфельд Тілігуло-Березанського р-ну Микол. обл. 01.08.1938 заарешт. 13.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350
Вайнтрауб Аркадій Ісакович (1905–?), з 1937 – нач. від-я 3-го відділу, з 27.09.1937 – пом. нач. 11-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Сержант ДБ (1937). 05.06.1939 звільнен. з НКВС. 24.02.1941 заарешт.	179, 210
Вайнштейн, у 04.1940 – пом. військ. прокурора, у 06.1940 – т.в.о. військ. прокурора військ НКВС по Сталін. обл. Військ. юрист 3-го рангу.	93, 95
Вайсберг Михайло Павлович, у 1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 23.08.1937 – пом. нач. 3-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, у 06.1938 – пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; у 1939 – нач. відділу труд. колоній НКВС Татарської АРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). 29.03.1939 звільнен. з НКВС.	547
Вальтух Валентин Йосипович, у 1936 – співр. УНКВС по Одес. обл.; у 1938 – нач. Баштанського райвід-я НКВС Микол. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (на 1941).	480
Вальховський, у 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл. Засудж.	600
Вараков Василь Іванович (1900–1943), з 10.03.1935 – нач. Звенигородського райвід-я НКВС, з 04.05.1937 – нач. Переяславського райвід-я НКВС Київ. обл.; з 25.08.1938 – т.в.о. нач., з 19.09.1938 – нач. 2-го від-я 11-го відділу, з 01.05.1939 – нач. 2-го від-я ЕКВ УНКВС по Київ. обл.; з 16.09.1939 – нач. Особлив. від-я Могильов-Подільського прикорд. загону і заст. нач. ОВ Могильов-Под. укріпрайону; з 17.01.1940 – нач. 3-го від-я ЕКВ, у 1941 – нач. АГВ УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939), ст. лейтенант ДБ, капітан ДБ. У 1941 потрапив у полон, втік. З 01.04.1942 виключений зі списків особов. складу НКВС як такий, що зник без вісті на фронті. У 01.1943 загинув у перестрілці з німецьким військ. патрулем у Києві.	110, 112, 125, 129–131, 135–137, 141, 142, 144, 153–154, 166, 168, 169, 174, 176, 180, 181, 187–192, 194, 196, 197, 205

Василенко Лука Юхимович (1898–?), нач. планово-фін. відділу Микол. обл. зем. управління (облЗУ). 20.07.1938 заарешт. Звільнен.	226, 273, 274, 292–294, 345, 362, 382, 419, 420, 435, 437, 457, 458, 472, 489, 605, 675
Василенко Микола Георгійович (1908–?), 3-й секр. Вінн. МК ЛКСМУ. 11.07.1938 заарешт. 10.08.1939 справу припинено. Звільнен.	605
Василенко, у 1938 – співр. УНКВС по Харк. обл.	675
<i>Васильев Валерій (Васильев Валерій)</i>	6, 48, 54, 64–66, 742
Васильев, військовий прокурор	550
Васильченко [Іван Кузьмич], кол. співр. НКВС. [Сержант ДБ (1938)]. У 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл.	521
Васютинський Я.М., т.в.о. голови ВТ прикорд. і внутр. військ (військ НКВС) КО (Українського округу). Військ. юрист 1-го рангу.	23, 26, 38, 44, 45, 61, 63, 78, 154, 207, 211–213, 390, 509, 630, 635, 687
Вашировський Володимир Іванович (1881–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 15.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 498, 504, 522, 523, 531, 585, 592, 593, 617, 633
Вдовин Мирон Радіонович (1887–?), голова каси взаємодопомоги інвалідів при Вінн. міськраді. 30.05.1938 заарешт. 26.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до ВМП. 14.11.1938 ВС СРСР замінив ВМП на 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Каргопольському ВТТ (Архангельська обл.).	579–581
Вегер Євген Ілліч (1899–1937), з 1933 – 1-й секр. Одес. обкому КП(б)У. 25.06.1937 заарешт. 27.11.1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	372, 414, 468
Веретенников Павло Степанович (1903–?), з 15.10.1936 – секр. УНКВС по Кіровському краю; з 21.04.1937 – оперуп. 6-го (2-го) від-я, з 07.1938 – пом. нач. 7-го (9-го) від-я 4-го відділу УДБ; з 01.05.1939 – ст. оперуп., з 26.06.1939 – заст. нач. 2-го від-я 2-го відділу УДБ; з 14.07.1939 – т.в.о. заст., з 03.12.1939 – заст. нач. 7-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 15.03.1940 – т.в.о. особливоуп. НКВС УРСР; з 1941 – нач. 3-го відділу 1-го управління НКДБ УРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). У 1941 зник без вісті.	93–95
Вертигел (Вертигель) Георгій Іванович (1912–1943), у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1938).	325
Виноградов Лев Абрамович (1901–?), зав. квартирним відділом АГВ УНКВС по Харк. обл. 26.07.1938 заарешт. 16.02.1939 звільнен. У 1940 – нач. спецвідділу Харк. швейної торг. бази.	642, 673, 675
Вишинський Андрій Януарійович (1883–1954), з 1935 – прокурор СРСР; з 31.05.1939 – заст. гол. РНК СРСР, водночас з 1940 – 1-й заст. наркома закордон. справ СРСР.	354, 412, 646
Вінницький Лазар Ілліч (1915–?), з 1935 – пом. оперуп. сільського від-я СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 20.10.1937 – оперуп. 3-го відділу, з 07.1938 – оперуп. 2-го від-я 4-го відділу УДБ, у 09.1939 – слідчий Слід. частини УНКВС по Микол. обл.; у 12.1940 – ст. оперуп. УНКВС по Дрогобицькій обл.	229, 230, 238, 240, 270–273, 283, 284, 286–289, 297–299, 324, 325, 327, 328, 332, 350, 356, 371, 441, 445, 449–453, 474, 476, 480

<i>Виола Лінн (Виола Лунн, Viola Lynne)</i>	6, 21, 742
Вітковський Мирон Лазарович (1893–?), у 1937–1938 – пом. нач. секретаріату, співр. 8-го (обліково-стат.) відділу НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1937). З 04.1938 – член колегії відділу ВТ прикор. і внутр. військ Укр. округу по Київ. обл. 29.07.1938 заарешт. 21.06.1939 ВТ КОВО виправданий. Звільнен.	152, 162, 200, 209
Влахно, у 08.1941 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Ворошиловгр. обл. Політрук.	697, 736, 739–740
Водкін Іван Григорович (1912–?), з 01.02.1937 – т.в.о. оперуп., оперуп. 3-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Куйбишевській обл. (до 20.02.1938); з 14.03.1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 01(14).09.1938 – в.о. пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 01.12.1938 – ст. оперуп. УДБ Могильов-Под. МВ НКВС Вінн. обл. 09.08.1939 заарешт. 19.04.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 5 років п/в у ВТТ.	51–53, 498, 505, 522, 523, 585, 590, 591, 593, 625, 633
Воєдило, у 03.1941 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі П. Карамішева та ін. осіб.	390, 486, 491
Волинець Степан Федорович (1894–1938), артист Вінн. театру опери і балету. 29.01.1938 заарешт. 27.04.1938 трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	524, 533
Волков Іван Петрович (1903–?), інженер-механік Микол. з-ду «Дормашина». 26.06.1938 заарешт. 10.04.1939 звільнен. У 01.1940 – інженер, у 12.1940 – нач. відділу підготовки кадрів Микол. з-да ім. 61-го комунара.	228, 231, 247, 251–253, 256, 264, 269, 277, 279, 331, 332, 337, 358–359, 365, 370, 373, 384, 391, 402–404, 408, 468, 477, 479, 489
Волков Микола Федорович (1898–1938), з 03.1936 – 1-й секр. Новобузького РК КП(б)У Одес. обл.; з 06.1937 – т.в.о. голови Одес. облвиконкому; з 09.1937 – секр. оргбюро ЦК КП(б)У по Микол. обл., в.о. 1-го секр. Микол. обкому КП(б)У. Депутат Верховної Ради СРСР. 30.04.1938 заарешт. 23.09.1938 виїзн. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	343, 345, 363, 408, 414, 415, 467, 468, 472, 473, 479
Володарський Давид Борисович (1905–?), нач. клубу УНКВС по Харк. обл. 16.04.1938 заарешт. У 1939 звільнен.	637, 649, 650, 660, 669, 674, 678, 682, 683
Волошин (Лейзерзон) Петро Соломонович (1900–?), з 1936 – нач. від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 09.10.1937 – нач. від-я, у 1938 – т.в.о. нач. 1-го від-я 4-го відділу, з 06.1938 – т.в.о. нач. 3-го від-я 3-го відділу (у 12.1938 – т.в.о. заст. нач. 3-го відділу), згодом – нач. від-я 7-го відділу УДБ, у 09.1939 – 1940 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936). 22.10.1940 звільнен. з НКВС.	230, 269, 271–273, 276, 280–284, 316, 329, 364, 369, 371, 372, 440, 461, 462, 476, 482, 483
Волошин Володимир Васильович (1905–1951), з 1935 – оперуп., з 1937 – т.в.о. пом. нач. від-я СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 1938 – оперуп., з 10.07.1938 – пом. нач., заст. нач., з 1939 – нач. 3-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР; з 03.1941 – заст. нач. 1-го відділу 3-го управління НКДБ УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	200, 499, 507, 509, 512–515, 526, 534, 600
Воробйов Микола Іллч (1897–1941?), з 07.1934 – комендант УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1938). У 09.1941 зник без вісті.	139, 140, 180, 183, 200, 201

Воронін Костянтин Опанасович (1906–?), у 1937 – оперуп. 3-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 09.10.1937 – нач. 1-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1936). 01.03.1940 звільнен. з НКВС. 07.05.1940 заарешт. 23.03.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ.	33, 34, 36–39, 41, 44, 226, 228–230, 232, 233, 235, 236, 239, 242–266, 268, 269, 271, 272, 274–276, 279, 280, 318–322, 330–334, 336–338, 342, 343, 351, 357, 359, 360, 365–367, 373, 375, 383, 384, 390, 391, 393–400, 402–408, 410–415, 443, 449, 457, 460, 476, 478, 482, 483, 485, 487, 489, 492
Воронов Іван Тихонович (1912–?), у 1937 – нач. 4-го від-я УДБ Костянтинівського МВ НКВС Донец. обл.; з 15.07.1938 – нач. від-я і заст. нач. 4-го відділу, згодом – нач. 3-го спецвідділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1936). 22.06.1939 звільнений з НКВС. У 1940 – зав. шахтою «Сталінський забій» (м. Красний Луч), у 1941 – дир. школи фабрично-завод. навчання (м. Ворошиловград).	701, 702, 715–717, 722, 727, 731–734
Воронцов Сергій Павлович (Черняк Марк Леонтійович) (1897–?), з 1934 – інспектор, ст. інспектор відділу кадрів УНКВС по Харк. обл. Сержант ДБ (1936). 13.04.1938 заарешт. 14.07.1939 звільнен.	642, 644, 645, 647, 649–652, 654, 655, 661, 663, 664, 672–676
Ворошилов Климент Єфремович (1881–1969), з 20.06.1934 – нарком оборони СРСР, з 07.05.1940 – заст. гол. РНК СРСР (до 15.03.1953) і голова Комітету оборони при РНК СРСР (до 30.05.1941). Маршал Радянського Союзу.	379, 701, 715
Воскобойников Лев Рувимович (1910–1942?), у 12.1937 закінчив Київ. міжрайову школу ГУДБ НКВС СРСР; з 1938 – пом. оперуп. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 02.07.1938 – оперуп., т.в.о. пом. нач., з 11.10.1938 – нач. 3-го від-я 4-го відділу УДБ, з 01.05.1939 – пом. нач., з 01.08.1939 – т.в.о. нач. Слід. частини УНКВС по Ворошиловгр. обл. З 16.06 по 01.07.1940 – у розпор. відділу кадрів НКВС УРСР, згодом – т.в.о. пом. нач. Слід. частини УНКВС по Ворошиловгр. обл., з 26.08.1940 – пом. нач. Ворошиловгр. МВ НКВС. Сержант ДБ (1937), мол. лейтенант ДБ (1939), лейтенант ДБ. 22.10.1940 звільнен. з НКВС. 13.02.1941 заарешт. 15.08.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 6 років п/в у ВТТ. Звільнен. 23.10.1942 заарешт. німецькою службою безпеки у Києві. У 12.1942, вірогідно, розстріляний.	5, 88–102, 104–105, 690–699, 702–705, 707, 710, 713–719, 721–723, 725–726, 728–732, 734–739
Вяткін Григорій Матвійович (1900–1939), з 07.1937 – нач. 6-го від-я 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Житомир. обл. Ст. лейтенант ДБ (29.01.1937), капітан ДБ (02.12.1937), майор ДБ (1938). 16.11.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	8, 15, 16, 23
Гавриленко Юхим Федосійович (1906–?), нач. Ново-Празького райвід-я НКВС Микол. обл. 07.12.1938 заарешт. 22.04.1939 ВТ військ НКВС КО засудж. до 6 років п/в у ВТТ. 17.06.1939 вибув для відбуття покарання у Північно-Східному ВТТ.	238, 240, 306, 327, 385, 432, 467

Гаврилов Олександр Єпіфанович (1906–?), заст. нач. корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 27.06.1938 заарешт. 10.04.1939 звільнений. У 09.1939 – 10.1940 – заст. нач. цеху Київ. суднорем. з-да «Ленінська кузня». У 12.1940 – праців. Микол. облЗУ.	226, 228, 230, 238–241, 244–246, 251, 252, 256–258, 264–268, 275, 316, 320, 321, 327, 329–333, 337–339, 341, 344, 353, 356–359, 363, 365, 369, 375, 382–385, 391–393, 396–398, 400, 408, 414, 415, 443, 444, 449, 459, 463, 467, 468, 470, 477–479, 482, 488
Гавриш Костянтин Спиридонович, праців. Заготскоту (м. Погребище Вінн. обл.).	495, 502, 632
Гай, секр. парткому Микол. кораблебуд. ін-та.	330, 353
Гайдт Стефан Йосипович (1899–?), з 1934 – нач. Херсонського міськ. відділу зв'язку, з 01.05.1937 – уповн. Комітету заготівлі при РНК СРСР по Микол. р-ну, з 11.1937 – тимч. нач. Микол. обл. управління зв'язку. 21.04.1938 заарешт. 16.03.1939 справу припинено. Звільнен. У 1940 – голова артелі промкомбінату м. Миколаєва.	401
Гайзер Ассір Ісакович (1904–?), з 1937 – 1-й секр. Микол. МК КП(б)У, з 1938 – дир. Микол. суднобуд. з-ду ім. А. Марті (№ 198). У 1938 заарешт. У 1939 звільнен. З літа 1939 – співр. суднобуд. з-ду «Красное Сормово» (м. Горький).	227, 228, 268, 269, 271, 291–293, 343, 359, 360, 371, 405, 414, 415, 468, 470, 473, 479
Гальперін, член Харк. обл. колегії адвокатів.	637, 638, 640, 642, 644, 647, 649, 652, 659, 663, 665, 666, 670, 672, 673, 675, 677–679, 681
Гандельсман, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	393, 407
Ганін Аркадій Васильович (1905–?), з 1936 – наглядач, з 1937 – ст. наглядач, з 1938 – чергов. пом. нач. внутр. тюрми, з 09.1939 – заст. нач. внутр. тюрми УДБ УНКВС по Харк. обл. У 1941 відрадж. з УНКВС.	642, 676
Ганкін Ісак Михайлович, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	247, 263, 264, 337, 354, 399, 411
Гапонов Іван Іпатійович (1904–?), у 1938 закінчив 4-й курс Одес. індустріального ін-ту; з 17.03.1938 – т.в.о. пом. нач. 9-го від-я 3-го відділу УДБ, з 08.1938 – т.в.о. пом. нач. 7-го від-я 8-го відділу 1-го управління, т.в.о. пом. нач. від-я 2-го відділу ЕКУ, з 01.05.1939 – слідчий Слід. частини УДБ, з 04.02.1941 – оперуп. 3-го від-я 1-го відділу ЕКУ, з 10.03.1941 – оперуп. оперативно-чекістськ. відділу Управління виправних таборів і колоній (УВТТК), згодом – оперуп. Тюремного управління НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1938). 15.11.1941 зарахований до резерву НКВС УРСР як такий, що перебуває у ворожому оточенні. 01.04.1942 виключений зі списків особ. складу як зниклий без вісті на фронті.	50

Гапонов Сергій Іванович (1907–?), з 10.1937 – заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Кам'янець-Под. обл.; з 15.04.1938 – заст. нач. 3-го від-я, нач. 3-го від-я 4-го відділу, з 06.1938 – пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 13.07.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС, з 10.09.1938 – т.в.о. заст. нач. УНКВС, з 16.11.1938 – т.в.о. нач. УНКВС, з 15.01.1939 – т.в.о. заст. нач. УНКВС і в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1938). 19.04.1939 звільнен. з НКВС. З 05.1939 – дир. Одес. міськ. телеф. станції. 17.01.1941 заарешт. 14.03.1942 звільнен. Нач. частини розшуку штаба воєнізов. охорони УВТТК УНКВС по Новосибір. обл. 18.02.1943 заарешт. 26.04.1943 ВТ військ НКВС ЗСО засудж. до 10 років п/в у ВТТ з направленням до діючої армії. З 1943 – секр. агент УНКДБ по Новосибір. обл. 23.05.1944 направлен. у розпор. коменданта м. Рославль (Смоленська обл.), інтендант 2-го рангу; потім – стрілець 38-го окр. штраф. батальйону 330-ї стр. див. 5-ї армії 2-го Білорус. фронту, рядовий.	33
Гарбузов Михайло Васильович (1909–?), з 1933 – нач. Старобешівського райвід-я ДПУ–НКВС, з 07.04.1937 – нач. Петро-Мар'їнського райвід-я НКВС Донец. обл.; з 15.01.1938 – нач. від-я 4-го відділу, з 15.08.1938 – заст. нач. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1936). 10.03.1940 звільнен. з НКВС. 07.05.1940 заарешт. 04.01.1941 звільнен. 09.01.1941 заарешт. 23.03.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 8 років п/в у ВТТ.	33, 34, 36–39, 41, 42, 44, 225, 226, 228–230, 232–236, 238, 239, 241, 243, 245–247, 249–251, 253–256, 258–265, 267–269, 272–275, 278–280, 285, 286, 288, 291, 293, 304, 317, 318, 320–324, 329–336, 338–340, 342, 347, 349–351, 353, 355–359, 363–368, 371, 374, 375, 379, 381–385, 387–393, 396–398, 400, 401, 404, 406–410, 412–414, 416–420, 428, 430–433, 437, 443–446, 449, 453, 456, 457, 459, 460, 463–464, 471–473, 475, 476, 478, 479, 481–483, 485–489, 491, 492
Геберт, «німецький шпигун».	700
Геглан, мешканка Груньського р-ну Харк. (з 10.01.1939 – Сумської) обл., лікар.	650
Гейст Фердинанд Карлович (1888–1938?), виклад. Микол. педін-ту. 06.07.1938 заарешт. 26.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	378, 386, 469
Геллерман, у 1938 розшукувався УКНВС по Вінн. обл.	612
Генкехт, свідок у «микол. справі».	239, 241
«Гергало» (Георгало), «агент німецької розвідки».	304, 430–431
«Герд», див. Николаєвський Ф.Ф.	
Герман, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	309
«Гершов», секр. агент УНКВС по Микол. обл.	239, 342, 358, 369, 477

Гіпсіліс, у 1937 – кол. співр. НКВС.	190
Гірний Михайло Петрович (1893–1938), мешканець м. Вінниці, інженер-хімік. 01.03.1938 заарешт. 03.06.1938 трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	627
Гітлер Адольф (1889–1945), з 1921 – голова Націонал-соціаліст. німецької роб. партії, з 1933 – рейхсканцлер і (з 1934) фюрер Німеччини.	729
Гіттер Мойсей Львович (1902–?), дир. Лутугинського металургіч. з-ду ім. В. Я. Чубаря (Ворошиловгр. обл.). 13.07.1938 заарешт. 09.04.1939 ВТ ХВО виправданій. Звільнен.	718
Гладков Леонід Михайлович (1901–?), у 1935 закінчив Миколаїв. кораблебуд. ін-т, нач. деревообделочної майстерні Микол. з-ду ім. 61-го комунара. 28.06.1938 заарешт. 09.04.1939 справу припинено. Звільнен. У 09.1939 – нач. корпусної майстерні, у 12.1940 – пом. нач. цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара.	227, 228, 230, 238–239, 241, 247, 251–253, 257–259, 263–265, 268, 278, 280, 321, 329–332, 336, 337, 339, 342, 344, 353, 357, 359, 365, 369, 375, 382, 384, 385, 391, 398, 400–402, 404, 405, 413–415, 443, 460, 473, 477, 488
Гладков, секр. ВТ військ НКВС Харк. округу (ХО) на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл.	642, 680, 681
Глайван, у 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл. Помер до суду.	556
Глебов Євдоким Данилович (1895–?), з 1934 – нач. Чугуївського РВ НКВС Харк. обл., з 13.06.1937 відрядж. для ведення слідства до УНКВС по Харк. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 31.03.1938 заарешт. У 08.1939 звільнен. У 1940 – прац. Чугуївської міськради Харк. обл.	642, 644, 646, 649, 651, 652, 658, 668, 669, 682, 683
Глуський Ісак Аронович (1903–?), у 1938 – оперуп., заст. нач. 1-го від-я 4-го відділу УДБ, у 08.1939 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ.	499, 507, 509–511, 542, 561, 563, 564, 599, 603–605, 607–614
Глушенко Михайло Сирович (1907–?), з 1936 – нач. Уланівського райвід-я НКВС Вінн. обл.; з 05.1938 – нач. від-я 4-го (2-го) відділу УДБ, з 1940 – заст. нач. ЕКО, з 05.1940 – т.в.о. нач. Слід. частини УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	499, 507, 509, 535, 573–577, 588, 589
Гнатюк Данило (1882/1893–?), мешканець с. Яришева Вінн. обл. 16.06.1938 заарешт.	495, 502, 631
Гнутов Микола Георгійович (?–1939), у 1938 – нач. 7-го від-я 3-го відділу, з 15.10.1938 – заст. нач., з 1939 – т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1939). 08.07.1939 виключений зі списків особов. складу у зв'язку зі смертю.	84, 85
Говліч Марк Ілліч (Говбіндер Маркус Ілійович) (1902–1938), з 1934 – нач. СПВ УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 03.01.1937 – заст. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; 21.06.1937 усунутий від посади і заарешт. на 30 діб; з 15.08.1937 – в.о. нач., з 25.09.1937 – нач. УНКВС по Амурській обл.; 13.06.1938 усунутий від посади. Капітан ДБ (1936). 29.07.1938 заарешт. 20.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 22.09.1938 розстріляний.	661

Головинський Василь Григорович, у 1936 – співр. УНКВС по Донец. обл., у 1939 – особливоуп. УНКВС по Ворошиловгр. обл., у 05.1941 – нач. особ. інспекції відділу кадрів УНКДБ по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	90, 92–94, 96, 97
Голяков Іван Терентійович (1888–1961), з 1933 – член ВКВС СРСР, з 31.01.1938 – прокурор РРФСР (по 14.04.1938), з 17.08.1938 по 25.08.1948 – голова ВС СРСР.	213, 214
Голяков, «член атирад. троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	374
Гольденберг Марк Йосипович (1901–?), юрист Донпромторгу (м. Ворошиловград). 02.07.1938 заарешт. 20.12.1938 справу припинено. 27.01.1939 звільнен. У 05.1941 – зав. договір-но-правовим відділом Електромонтажного тресту південних р-нів СРСР (м. Ворошиловград).	733
Гольденцвайг Зусь Мойсїйович (1903–?), у 1937 – оперуп. Білоцерківського РВ НКВС, оперуп. ОВ НКВС 62-ї стр. див. КВО (м. Біла Церква Київ. обл.). У 1938 заарешт. Звільнен. У 1939 – оперуп. ОВ НКВС 13-го стр. корпусу КОВО. Сержант ДБ (1936). 09.02.1939 звільнен. з НКВС. Працював на військ. буд-ві у Києві.	129, 166, 169
Гольдман Соломон Ісакович (1897–1942), з 08.02.1937 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл., з 05.05.1938 – заст. нач. 4-го відділу УДБ, з 08.1938 – т.в.о. нач. 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. З 31.12.1938 – у розпор. ГУТАБ НКВС СРСР, з 05.10.1939 – заст. нач. Управл. Східного залізничного ВТТ (м. Комсомольськ-на-Амурі), у 1940 – заст. нач. Управл. Північно-Печорського ВТТ (м. Печора, Республіка Комі). Капітан ДБ (1936). 15.01.1941 заарешт. 15.08.1942 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	98, 363, 706, 710
Голядинець Ольга	742
Гончаров Григорій Левович (1900–?), з 1936 – нач. Скадовського райвід-я НКВС Одес. (з 1937 – Микол.) обл., з 05.1938 – пом. нач. УНКВС по Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 08.07.1939 звільнен. з НКВС. У 1940 – пом. нач. Микол. облуправління держбанку з інкасації.	237, 240, 294, 296, 302–304, 312, 313, 347–349, 396, 420, 421, 428, 430, 431, 433, 434, 437–440, 451, 455, 465, 489, 490
Гончарук Софрон Іванович (1886–1938), мешканець м. Ялтушкове Барського р-ну Вінн. обл. У 1938 заарешт. 22.04.1938 трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. Не розстріляний. Внаслідок побоїв під час допиту 25.04.1938 помер.	533, 551
Горбенко Юхим Маркович (1902–?), нач. корпусного цеху Микол. з-да ім. А. Марті. У 1938 заарешт.	256
Гордик Григорій Іванович (1890–1938?), виклад. робфаку при Микол. кораблебуд. ін-ті. 28.07.1938 заарешт. 26.09.1938 особо. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	469
Горін (Гольденберг) Пилип (Федір) Михайлович (1897–1943), з 01.03.1935 – нач. Нікопольського МВ НКВС Дніпропетр. обл.; з 27.11.1936 – пом. нач. відділу кадрів УНКВС по Донец. обл.; з 03.05.1937 – т.в.о. нач., з 01.02.1938 – нач. відділу кадрів УНКВС по Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936). 27.06.1938 заарешт. 07.03.1939 звільнен. 15.01.1940 звільнен. з НКВС. Фігурант справи Л. Тарасовського.	237, 240

Горлинський (Дришев) Микола Дмитрович (1907–1965), з 07.1937 – оперуп. 4-го (2-го) відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 07.12.1938 – 2-й заст. наркома внутр. справ УРСР, з 22.08.1940 – заст. нач. 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938), ст. майор ДБ (1940).	з 109, 225, 240, 295, 307, 341, 349, 360, 376, 436, 471
Горький Максим (Пешков Олексій Максимович) (1869– 1936), рос. і рад. письменник, засновник «літ-ри соціаліст. реалізму».	661
Готкіс Ісак Абрамович (1909–?), у 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Сержант ДБ (1936). 11.05.1939 звільнен. з НКВС.	145
Готовцев Леонід Трохимович (1903–?), з 1937 – пом. нач., з 02.09.1937 – заст. нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 20.04.1938 – т.о.о. заст. нач., з 15.06.1939 – нач. 3-го відділу УДБ (по 12.04.1941) і водночас з 02.08.(22.09).1939 – заст. нач. УНКВС по Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 10.09.1941 заарешт. 29.07.1942 ОСН при НКВС СРСР «за-судж.» до 10 місяців п/в. 03.09.1942 звільнен.	44, 230, 269, 282, 304–306, 327, 332, 338–341, 348, 355, 378, 386, 407, 421, 428, 430–433, 437, 445, 450, 465
Гохман Шая Кірович (1907–?), у 1938 – пом. нач. 4-го від-я 4-го (2-го) відділу, потім – співр. 9-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; у 09.1939 – нач. Казанківського райвід-я НКВС Микол. обл.	235, 241, 291, 294, 338, 419, 482, 483
Грановський Герман Маркович (1901–1984), з 05.1933 – уповн. СПВ Вінн. облвідділу ДПУ (з 1934 – УНКВС по Вінн. обл.), у 1938 – нач. 3-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., нач. Жмеринської і Брацлавської оперслідгруп; з 15.08.1938 – нач. Обліково-реєстрац. відділу (ОРВ) ГУТАБ, на 11.1938 – 01.1940 – нач. 2-го (обліково-розподільч.) відділу ГУТАБ, у 08.1942 – нач. відділу реєстрації та обліку ув'язнених ГУТАБ, з 19.07.1944 – заст. нач. ГУТАБ (по спецтаборах НКВС), з 10.10.1944 – заст. нач. ГУТАБ НКВС СРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938?), капітан ДБ (1941), полковник ДБ (1943).	522, 582
Гребенкін [Олександр Андрійович], у 05.1942 – член ВТ військ НКВС УО на суд. процесі у справі О. Долгушева. [Сержант ДБ (1938)], мол. лейтенант ДБ.	215, 222, 223
Гребенюк, у 07.1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл. У 03.1939 звільнен.	456, 457
Гречуха Михайло Сергійович (1902–1976), з 05.1938 – 2-й секр., з 16.12.1938 – 1-й секр. Житомир. обкому КП(б)У; з 10.08.1939 – голова Президії Верховної Ради УРСР.	54
Гречухін Дмитро Дмитрович (1903–1939), з 13.09.1937 – 8, 15 нач. УНКВС по Красноярьському краю, з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Одес. обл., з 28.05.1938 – нач. ОВ НКВС КВО і в.о. заст. наркома внутр. справ УРСР, з 15.09.1938 – нач. УНКВС по Ростовській обл. Капітан ДБ (1937), майор ДБ (1938). 03.12.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	8, 15
Грезов Михайло Григорович, у 12.1939 – військ. прокурор ХВО, у 02–07.1941 – в.о. військ. прокурора військ НКВС КО. Бригвійськюрис, диввійськюрис.	24–27, 45, 59, 61, 90, 103, 150, 212, 388, 501, 508, 697, 724

Григор'єв (Серветник) Ничипір Олександрович (1884–1919), у 1917 – офіцер Рос. імператор. армії, штабс-капітан; у 1918 – командир роти 17-го Олександрійського піхотного полку Збройних сил Української держави, командир Херсонської див. Південної групи військ Армії УНР, полковник; у 1919 – командир 1-ї Задніпровської бригади, нач. 6-ї Української стр. див. РСЧА, начдив; у 05.1919 очолив антибільш. повстання у центр. частині України. 27.07.1919 вбитий махновцями.	380
Григор'єв (Фельдман) Григорій Самійлович (1898–1938), з 05.07.1935 – нач. відділу кадрів УНКВС по Київ. обл., з 06.1937 – заст. нач. відділу кадрів НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 10.03.1938 заарешт. 23.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	190
Гринберг-Олего Микола Володимирович, у 1938 – кол. командир 3-го кавдивізіону Київської облміліції. У 1937 заарешт. 04.12.1937 трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	152
Грицюк Григорій Олексійович, праців. Копаїгородського райвід-я міліції Вінн. обл. 12.08.1938 усунутий з посади. Заарешт.	588, 589, 627
Гришин, співр. Чаплінського райвід-я НКВС, у 1938 від-рядж. до УНКВС по Микол. обл.	271, 272
Гришин-Клювгант Григорій Аркадійович (Аронович) (1903–1939), з 27.03.1937 – заст. нач. УНКВС по Харк. обл., з 30.06.1937 – в.о. нач. УНКВС по Одес. обл.; з 20.07.1937 – нач. УНКВС по Вінн. обл. Капітан ДБ. 20.08.1937 заарешт. 01.06.1939 ВТ військ НКВС Московського округу засудж. до ВМП. 02.09.1939 розстріляний.	46, 47, 67, 70
Гришко Григорій Єлисейович (1906–1959), з 1937 – нач. Микол. облЗУ, з 11.1939 – голова Волинського облвиконкому (м. Луцьк). Депутат Верховної Ради СРСР.	292–294, 346
Грунін Григорій Аронович (1905–?), у 1937 – пом. оперуповн. 2-го від-я 3-го відділу УДБ, у 1939 – слідчий Слід. частини УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ.	32, 239, 365, 368, 392, 475
Губерський Микола Якович (1867–1938), без визнач. місця прожив. і роботи. 08.06.1938 заарешт. 22.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	528–530, 539, 583, 584
Гудков Прокоп Андрійович (1900–1937), голова Ворошиловгр. міськради. 15.05.1937 заарешт. 02.12.1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 03.12.1937 розстріляний.	694, 705
Гуднев, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	244
Гуня Олександр Андрійович (1916–?), з 13.03.1938 – пом. оперуп., оперуп. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС, у 07.1939 – заст. нач. секретаріату УНКВС, у 04.1941 – ст. оперуп. СПВ УНКДБ по Вінн. обл. Сержант ДБ (1938).	499, 507, 509, 535, 579–581
Гур'єв П.Ф., у 06.1939 – 10.1940 – в.о. голови ВТ військ НКВС ХО, у 12.1940 – заст. гол. ВТ військ НКВС КО. Військ. юрист 1-го рангу.	41–44, 77, 78, 151, 235, 381, 387, 388, 390, 642, 680, 681, 684–689
Гущин Дмитро Феодосійович (1904–?), секр. завод. парт. комітету (ЗПК) Микол. з-да ім. 61-го комунара. 14.07.1938 заарешт. 21.05.1939 справу припинено.	226, 228, 241, 244, 268, 269, 329, 330, 338, 345, 357, 359, 373, 375, 384, 395, 414, 415, 476, 477

Дабко (Добко-Бабенко) Микола Якович, у 1938 – нач. УПО НКВС УРСР.	132, 133, 172, 206
Дальский-Білоус Микола Петрович (1903–1939), з 01.12.1935 – нач. мобілізац. відділу Управління шосейних доріг (УШОСДОР) НКВС УРСР, з 26.01.1938 – т.в.о. нач. від-я 5-го відділу УДБ, з 05.05.1938 – т.в.о. заст. нач. 2-го відділу, з 31.05.1938 – т.в.о. нач., з 05.06.1938 – нач. 1-го відділу УДБ НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1938). У 11.1938 заарешт. 21.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 21.02.1939 розстріляний.	22, 23, 171
Данилейко Георгій Петрович (1901–?), з 03.1938 – нач. 2-го від-я 4-го відділу (по 20.06.1938?), потім – т.в.о. нач. 9-го відділу, з 03.11.1938 – нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Лейтенант ДБ (1936). 08.07.1939 звільнен. у запас. У 1941 – керуючий борошномельним трестом (м. Вінниця). 05.05.1941 заарешт. 20.09.1941 звільнен.	56–58, 62–66, 497, 499, 507, 509, 514, 515, 517, 518, 520, 521, 524, 526, 528, 531–537, 543, 544, 551, 554, 574, 575, 578–581, 588, 589, 598, 611, 615, 619, 621, 623, 624, 631
Данилов Олексій Степанович (1892–?), співр. Микол. школи морських льотчиків, полковник. 13.06.1938 заарешт. 24.01.1940 справу припинено.	396, 461, 467
Данкевич Йосип Мойсійович, у 1938 – співр. УНКВС по Вінн. обл.; у 1940 – заст. нач. 3-го від-я 3-го відділу Самарського ВТТ НКВС СРСР. Лейтенант ДБ (1936). 09.05.1940 звільнен. з НКВС.	514
Данекер Віктор Фридрихович (1910–1938), праців. корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 05.07.1938 заарешт. 26.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. 04.11.1938 розстріляний.	237–240, 279, 290, 306, 351, 362, 363, 366, 367, 370, 373, 374, 383, 432
Даров (Белов) Федір Іванович (1893–?), у 1938 – нач. Кіровського (за ін. дан. Олександрійського) райвід-я НКВС Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936). 08.01.1939 заарешт. 28.04.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 7 років п/в у ВТТ.	238, 240, 306, 327, 350, 379, 385, 418, 432, 437, 467, 471
Дворенко М., у 1938–1940 – пом. військ. прокурора військ НКВС Київ. (Укр.) округу. Військ. юрист 2-го рангу.	22–25, 27, 33, 37, 55, 100, 111, 233, 590
Дев'ятилов Олексій Григорович (1909–?), з 1936 – вахтер, наглядач, у 1938 – 01.1940 – старший по корпусу внутр. тюрем УНКВС по Харк. обл. У 1940 вибув до Зах. Білорусії. У 1950-ті – нач. наглядової служби Ізяславської дитячої труд. колонії УМВС (Хмельницька обл.). Ст. лейтенант внутрішньої служби.	642, 677, 678
Демченко Іван Іванович (1901–?), з 06.1937 відрядж. для ведення слідства до 3-го відділу, з 19.01.1938 – нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ (1936). 12.05.1938 заарешт. 10.12.1938 звільнен. 25.05.1939 звільнен. з НКВС. У 1941 – заст. нач. ОВ 5-ї армії ПЗФ. 01.10.1941 зник без вісті.	645, 650, 652, 673
Демченко, «член антирад. трощ. орг-ції» (м. Миколаїв).	329
Денисюк, у 08.1941 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ.	697, 739, 740

Денкін Антон Іванович (1872–1947), один із керівників Білого руху під час громадянської війни у Росії: з 1918 – командувач Добровольчою армією, з 1919 – Головнокомандувач Збройними силами Півдня Росії. Генерал-лейтенант (1916). З 1920 – на еміграції.	380
Дерев'янченко Дмитро Хрисанфович (Христофорович) (1902–?), 2-й секр. Микол. обкому КП(б)У. 19.07.1938 заарешт. У 04.1939 звільнен. Інженер Микол. з-ду ім. 61-го кошунара, згодом виїхав до м. Севастополь.	226, 228, 230, 231, 235, 238–241, 252, 257, 275, 320, 331, 332, 338, 339, 341, 343, 344, 347, 354, 357–359, 363, 365, 370, 375, 376, 384, 385, 392, 393, 403, 408, 413, 437, 459, 467, 468, 472, 476, 477, 479, 482, 483, 489
Детістов Іван Васильович (1898–?), у 1941–1942 – член ВКВС СРСР, Бригвійськюрис (на 03.1941), диввійськюрис (на 06.1942).	212, 224, 388
Дзедзич Йосип Іванович (1900–?), пом. дир. з госп. частини Ворошиловгр. з-ду ім. Жовтневої революції (ВЗЖР). 10.07.1938 заарешт. 24.03.1940 справу припинено. Звільнен. У 07.1940 – нач. житл.-комун. відділу, у 08.1941 – нач. буд-ва ВЗЖР.	718, 719
Діденко Максим Авксентійович (1904–?), з 05.1938 – 1-й секр. Житомир. обкому КП(б)У (по 16.12.1938). 30.12.1938 заарешт. НКВС УРСР. 23.01.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 8 років п/в у ВТТ. 21.02.1941 ВКВС СРСР зменшила строк покарання до 3 років п/в у ВТТ.	24
Діденко, парторг ЦК ВКП(б) по Микол. з-ду ім. А. Марті.	227, 405
Дітков Олексій Пилипович (1898–1938), командир взводу 3-го кавдивізіона Київської облміліції. 28.05.1938 заарешт. 09.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП.	152, 209, 220
«Добровольський», секр. агент УНКВС по Микол. обл.	239, 241, 341, 342, 358, 477
<i>Довбня Ольга</i>	6, 85, 87, 104, 742
Довгалецька, у 1938 – бухгалтер Миськпожежохорони (м. Вінниця).	546, 547
Долгальов Микола Опанасович (1894–?), пом. дир-ра Ворошиловгр. патронно-станкобуд. з-ду № 60. У 1938 заарешт. Засудж.	722, 723, 725
Долгушев Олексій Романович (1902–?), з 26.10.1936 – пом. нач. 5-го від-я ОВ (з 04.06.1937 – 5-го відділу), з 23.10.1937 – т.в.о. нач. 6-го від-я 5-го відділу; з 24.02.1938 – т.в.о. нач., з 22.03.1938 – нач. 1-го відділу УДБ НКВС УРСР. З 28.05.1938 – нач. УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1937), ст. лейтенант ДБ (11.04.1938), капітан ДБ (13.06.1938). Депутат Верховної Ради УРСР. 13.01.1939 знятий з посади, 17.01.1939 заарешт. 21.05.1942 ВТ військ НКВС УО засудж. до ВМП. 06.06.1942 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ.	7, 11–28, 31, 33, 36, 37, 40, 81, 82, 87, 99, 102, 106–113, 116, 117, 119–143, 145, 147–157, 159, 160, 162, 164–189, 191, 193–204, 207–217, 219–224, 709

Долежал Володимир Августович (1912–1938), учитель чеської школи с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 15.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504, 522, 523
Доленко Савелій Терентійович (1891–?), зав. приймальним пунктом Турбівського цукрового з-ду (Вінн. обл.). 14.06.1938 заарешт. 11.07.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 20 років п/в у ВТТ. 19.07.1939 Військ. прокуратура прикордон. військ НКВС КО відмінила вирок. Звільнен.	497, 504, 519–520, 544, 550, 633
Долина, кол. нач. Київенерго. У 1938 заарештов.	138, 139, 165, 166
Дольников Ілля Данилович (1902–?), з 19.06.1938 – пом. оперуп. 1-го від-я 4-го відділу УДБ, з 15.07.1938 – оперуп. групи оперобліку 4-го відділу УДБ, з 01.10.1938 – співр. відділу кадрів УНКВС, у 02.1940 – нач. 7-го від-я УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1939).	702
Донець Георгій Тихонович (1899–1960), з 1935 – нач. трансп. відділу УНКВС по Чернігів. обл., з 08.08.1937 – пом. нач. УНКВС по Вінн. обл.; з 15.03.1938 – в.о. нач., з 26.03.1938 – нач. УШОСДОР НКВС УРСР, з 1939 – уповн. ГУШОСДОР НКВС СРСР при штабі Укр. фронту, з 07.1941 – при штабі ПЗФ. Капітан ДБ (1936).	46, 47
Донюша, секр. ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Ворошиловгр. обл.	739
Драгаєв Дмитро Трохимович (1900–1938), секр. Козятинського РК КП(б)У Вінн. обл. 28.05.1938 заарешт. 05.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	575
Дрешер Григорій Мойсейович (1905–?), у 1936 – пом. нач. 6-го від-я ОВ УДБ; з 01.04.1937 – нач. 7-го від-я, з осені 1937 – нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ. 21.04.1938 заарешт. 08.02.1939 звільнен. Нач. архіву УНКВС по Харк. обл. 25.11.1939 звільнений з НКВС. У 1940 – заст. дир-ра Харк. з-ду № 135. У 1942 – нач. ОВ 8-ї саперної армії (Північно-Кавказький ВО); у 1943 – нач. 6-го від-я ОВ 38-ї армії Воронезького фронту. 11.02.1943 звільнен. з НКВС.	642, 644–647, 649–661, 668, 669, 682, 683
Другобицький Б., у 1937–1938 – заст. прокурора Вінн. обл. у спецсправах, згодом – заст. прокурора УРСР у спецсправах.	61, 62, 509, 549–553, 555–556, 559, 560, 564, 566, 580–582, 600, 609, 610, 614–616, 618, 629, 631
Дудін Михайло Петрович (1894–?), нач. цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара, заст. гол. оргкомітету Верховної Ради УРСР по Микол. обл., з 1938 – заст. гол. Микол. облвиконкому і гол. облплану. 20.07.1938 заарешт. 29.05.1939 звільнен. У 1940 – заст. нач. цеху Микол. з-да ім. А. Марті.	230, 249–251, 264, 278, 280, 321, 331, 332, 334, 335, 337, 354, 355, 364, 365, 369, 385, 391, 400–402, 408, 464, 472, 479
Дудник Петро Павлович (1911–?), з 13.03.1938 – співр., оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС, у 03.1940 – ст. слідчий, у 04.1941 – заст. нач. Слід. частини УНКВС–УНКДБ по Вінн. обл. Сержант ДБ (1938).	507, 509, 579–582
Духовний, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	336
Душенко, у 1937/1938 заарешт. НКВС.	414

Дьомін Володимир Олексійович (1899–1941?), у 1937 – нач. Валковського РВ НКВС Харк. обл.; з 26.05.1938 – т.в.о. пом., з 25.06.1938 – пом. нач. УНКВС по Харк. обл.; з 29.05.1940 – заст. нач., з 28.03.1941 – нач. УНКВС по Чернігів. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). З 31.07.1941 виключений зі списків особов. складу НКВС.	67, 70, 71
Дьяков, у 1938 – наглядач тюрми УНКВС (м. Вінниця).	561, 568, 572, 605, 608, 611
Дьяконов Микола Олександрович (1897–1940), у 1937 – нач. Оператив. відділу Управління прикордон. і внутр. охорони (УПВО) НКВС УРСР, у 1938 – нач. штабу прикорд. військ НКВС КО. Майор ДБ (1935), комбриг (1938). 29.11.1938 заарешт. 20.01.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 21.01.1940 розстріляний.	159
Ельзон Давид Зельманович (1908–?), у 1937 – пом. оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; у 03.1938 – пом. оперуп. 1-го від-я, згодом – оперуп. 2-го від-я 4-го відділу, у 1939 – заст. нач. 1-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1937).	251, 252, 271, 331, 332, 334, 338, 356, 399, 402–404, 408, 413, 457, 481
Епельбаум Бєня Гершевич (1893–?), нач. меблевого цеху Вінн. промколонії (ВТК) НКВС. 10.05.1938 заарешт. 14.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до 10 років п/в у ВТТ. ВС СРСР зменшив покарання до 1,5 років п/в у ВТТ. Покарання відбув у Каргопольському ВТТ (Архангельська обл.). Звільнен. У 1941 – майстер цеху меблевої майстерні (Вінниця).	552, 555–557, 562, 563, 572, 602, 606, 607, 609–611, 629, 630, 632
Епштейн Йосип Адольфович (1893–1938), зав. Ворошиловгр. міськ. фін. відділом. 01.07.1938 заарешт. Внаслідок побоїв під час допитів 11.07.1938 помер.	93, 103, 692, 694, 696, 701, 702, 706, 707, 711, 712, 732, 737
Ефроїмсон, секр. ВТ військ НКВС ХО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл. Військ. юрист.	637, 640
Єгоров Андрій Іванович (1904–1941), з 01.08.1936 – заст. нач. СПВ (з 12.1936 – 4-го відділу) УДБ УНКВС по Сталінградському краю; з 11.04.1937 – заст. нач. 5-го від-я 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Чернігів. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937), майор ДБ (1938). 02.12.1938 заарешт. 08.07.1941 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 27.07.1941 розстріляний.	112, 114, 128–129, 159
Єжов Микола Іванович (1895–1940), з 26.09.1936 по 25.11.1938 – нарком внутр. справ СРСР, водночас з 08.04.1938 по 09.04.1939 – нарком водного транспорту СРСР. Генеральний комісар ДБ. 10.04.1939 заарешт. 04.02.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 06.02.1940 розстріляний.	11, 12, 16, 20, 22, 48, 69, 81, 88, 116, 120, 121, 156, 160, 171, 190, 209, 216, 217, 219, 321, 322, 347, 354, 396, 397, 470, 478, 525, 617, 623, 628, 646, 701, 706, 731, 734
Ємельянов Микола Іванович (?–?), у 1938 – нач. АГВ УНКВС по Київ. обл.; у 08.1940 – у резерві НКВС.	112, 115, 126, 154, 155
Єнакієв, у 02.1941 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі О. Долгушева. Мол. лейтенант ДБ.	154, 208, 211
Єфимов Іван Михайлович (1880–?), з 1932 – майстер Харк. електромеханіч. з-ду (ХЕМЗ).	639, 641, 642, 677

Єфремов Костянтин Іванович (1904–?), у 1936 – співр. УНКВС по Одес. обл.; у 1937 – нач. Бобринецького райвід-я НКВС Одес. обл.; у 1938 – т.в.о. нач. 7-го відділу, потім – нач. 11-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). У 05.1939 – 12.1940 – пом. дир-ра з найму Микол. 3-ду ім. А. Марті.	237, 240, 291, 296, 378, 451, 482, 483
Жабко Василь Тимофійович (1903/1905–?), дир. Іванівської машинно-трактор. станції (МТС) (Іванівський р-н Ворошиловгр. обл.). 13.07.1938 заарешт. 21.10.1938 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 05.01.1939 ВКВС СРСР відминила вирок. 28.10.1940 справу припинено.	720
Жаботинський Феофан Володимирович (1888–?), ветфельдшер, мешканець с. Шпринфельд Устимівського р-ну Микол. обл. 06.08.1938 заарешт. 03.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	350, 377
Жабрев Іван Андрійович (1898–1939), з 22.11.1937 – заст. наркома внутр. справ Білоруської РСР, з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Кам'янець-Под. обл. Майор ДБ (1936). 17.11.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	15, 56
Жанен Моріс (фр. <i>Pierre-Thiébaut-Charles-Maurice Janin</i> , 1862–1946) – франц. військ. діяч і дипломат, дивізійний генерал. У 1918 – командувач військами Антанти у Росії, нач. франц. військ. мисії при Російському уряді адмірала О. Колчака, головнокомандувач чехословацькими військами у Росії. 3 01.1919 – представник Вишого міжсоюзного командування і головнокомандувач союзними військами у Сибіру і на Далекому Сході. У 1920 повернувся до Франції.	167
Железняк Володимир Григорович (1914–?), з 04.03.1938 – пом. оперуп. 4-го (2-го) і 9-го відділів УДБ УНКВС по Вінн. обл. (до 04.1939); у 09.1939 – оперуп. 2-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Сержант ДБ (1938).	569, 570, 601, 607
Жерноклюєв Феодосій Микитович (1901–1993), з 03.1938 – 1-й секр. Центрального РК КП(б)У м. Миколаєва. 20.10.1938 заарешт. 23.04.1939 справу припинено. Звільнен. У 1939–1940 – зав. лекторським бюро при Микол. облвідділі народної освіти.	228, 230, 231, 242, 243, 264, 265, 278, 280, 281, 291, 293, 332, 337, 342, 343, 356, 370, 372, 384, 391, 394, 475, 476, 478, 489
Житний Іван Іванович (1901–1938), майстер ВЗЖР. 20.07.1938 заарешт. 20.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Ворошиловгр. обл. «засудж.» до ВМП. 29.09.1938 розстріляний.	691
Жугайло, у 1938 – дир. радгоспу «Радсад» Микол. обл.	293, 294, 362, 371, 472
Завальнюк Ничипір Кирилович (1907–?), з 1939 – комендант УНКВС–УНКДБ по Вінн. обл. Сержант ДБ.	561, 568, 595
Заволока Юхим Павлович (1905–?), у 1937 – співр. УНКВС по Донец. обл., у 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1937). 25.05.1939 звільнений з НКВС. У 1940 – нач. відділу Сталінської території інспекції військспецчастин і протиповіт. оборони Наркомату чорної металургії СРСР.	694, 710
Загорський, у 1938 заарешт. УНКВС по Київ. обл.	144

Задорожний Микола Миколайович (1906–?), праців. Микол. з-ду ім. А. Марті. 22.06.1938 заарешт. 16.11.1939 справу припинено.	693
Задорожний Олексій Степанович (1899–?), з 1936 – оперуп. ОВ НКВС 20-ї Кавказької стр. див. КВО. Мол. лейтенант ДБ (1936). 27.06.1937 звільнен. у запас за станом здоров'я. У 1937–1939 – прокурор залізнич. ділянки станц. Кременчук. У 1940 працював у м. Станіславів.	248, 337
Зайд Р.Э., інженер, нач. слюсарного цеху Київ. суднорем. з-да ім. Й. В. Сталіна. У 1937 заарешт. 10.04.1939 звільнен.	143, 178, 179, 181, 182, 197, 198, 210
Зайденберг Семен Юхимович (1907–?), у 1938 – т.в.о. нач. 2-го від-я 3-го відділу УДБ, у 1940 – 03.1941 – заст. нач. 3-го відділу УНКВС–УНКДБ по Микол. обл.	44, 230, 235, 241, 327, 338, 348, 386, 421, 428, 431–433, 465
Зайкін Володимир Никифорович (1917–?), з 1938 – пом. оперуп. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1938).	239, 241, 250, 262, 274, 297, 325, 335, 338, 374, 400, 401, 409, 410, 445, 456
Зак Борис Овсійович (1891–?), заст. керуючого Вінницького від-я Київ. контори Укрголовпостачу. 05.06.1938 заарешт. 26.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до ВМП. 02.12.1938 ВС СРСР замінив ВМП на 10 років п/в у ВТТ.	580–582
Залеский Борис Маркович (1908–?), у 07.1938 – оперуп. 4-го відділу, у 02.1939 – нач. від-я, у 01.1940 – нач. 3-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 02.1941 – нач. від-я УДБ УНКВС по Чернівц. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1937), лейтенант ДБ.	112, 123, 124, 154, 163–165
Залкінд Юхим Григорович (1902–?), у 1937–1938 – інспектор, оперуп. тюрми № 38 відділу місць ув'язнення (ВМУ) УНКВС по Одес. обл.; з 01.12.1938 – оперуп. 6-го відділу, з 14.02.1939 – 2-го відділу УДБ УНКВС, з 01.04.1939 – в.о. пом. нач. 1-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС, з 13.05.1939 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Одес. обл. 02.07.1939 звільнен. з НКВС. Токар Одес. електромеханіч. з-ду кіноапаратури ім. Ф. Е. Дзержинського. 17.04.1940 заарешт. 02.07.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 8 років п/в у ВТТ. 11.10.1940 ВКВС СРСР відмінила вирок. 24.11.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував на буд-ві № 1001 НКВС СРСР (м. Сизрань, Куйбишевська обл.). 30.09.1942 ОСН при НКВС СРСР умовно-достроково звільнений.	43
Западинський Арон Семенович (1888–?), зав. відділом Микол. облспоживспілки. 19.07.1938 заарешт. 23.03.1939 справу припинено.	256
Запутряев Олександр Михайлович (1903–?), у 1937 – заст. нач. 14-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Ленінградській обл.; з 14.03.1938 – у розпор. НКВС УРСР, з 14.04.1938 – т.в.о. заст. нач., з 01.07.1938 – т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; водночас з 17.04 по 11.05.1938 – нач. Жмеринської оперслідгрупи; з 20.10.1938 – в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1938). 22.06.1939 звільнен. з НКВС. Ст. інспектор при дир-рі Кіровського з-ду (м. Ленінград). 02.02.1940 заарешт. 06.09.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. 24.06.1941 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ.	51–54, 56–63, 494–496, 498–513, 515, 516, 518–532, 534, 536–540, 543–545, 548–550, 553, 554, 570–573, 577, 582–587, 589–597, 599–601, 606, 612, 613, 616, 617, 624–628, 630–636

Зеленков Василь Васильович (1900–?), гол. Вінн. облради Тов-ва сприяння обороні, авіац. і хіміч. буд-ву (Тсоавіахім). 07.06.1938 заарешт. 04.10.1938 Вінн. облсудом засудж. до ВМП. 16.01.1939 Президія Верховної Ради СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ.	567
Зелінський Валер'ян Владиславович (1891–1938), у 1927 – комендант Повноваж. Представ-ва СРСР в Японії; у 1938 – зав. конторою електростанції (м. Жмеринка, Вінн. обл.). 07.01.1938 заарешт. 10.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	590, 591, 600, 606, 612, 613
Зельцман Григорій Семенович (1911–?), у 1937 – оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл.; у 1938 – оперуп., пом. нач. 1-го від-я 4-го відділу, у 1939 – т.в.о. нач. 4-го від-я 2-го відділу УДБ, у 09.1939 – ст. слідчий Слід. частини УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1936). 20.05.1940 звільнен., з НКВС. У 12.1940 – керуючий справами Микол. з-ду ім. Й. В. Сталіна.	38, 40, 44, 229, 230, 242, 243, 246–255, 257–264, 276–280, 291, 330–332, 334–337, 343, 355, 356, 359, 363, 367, 369, 370, 372, 373, 383, 394, 395, 399–404, 407, 409–411, 432, 446–448, 457, 474, 481–483
Зільбермінц Давид Натанович (1905–?), у 1937–1938 – співр. УНКВС по Микол. обл., у 1940 – оперуп. колонії НКВС № 27 (м. Сливіно, Микол. обл.).	230, 308, 313, 314, 350, 426, 447, 448
Злобін Геннадій Миколайович (1891–?), у 1938 – нач. Липовецького райвід-я НКВС, у 1939 – нач. Ситковецького райвід-я НКВС Вінн. обл. лейтенант ДБ (1936). 15.05.1939 звільнен. з НКВС.	552, 588, 589, 612, 627
Злобінський Олександр Михайлович (1902–?), з 1937 – нач. 3-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 12.10.1937 – нач. 1-го від-я 3-го відділу, з 04.03.1938 – заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Кам'янець-Под. обл.; з 20.04.1938 – нач. 6-го від-я 3-го відділу УДБ, з 08.1938 – в.о. нач. 7-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; з 20.09.1938 – нач. управління буд-ва дороги № 2 (Козятин–Любар), у 1939 – заст. нач. Укр. дорожньо-будівельного тресту (Укрдорбудтрест) УШОДОР НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (на 1939). 15.11.1939 звільнен. з НКВС.	281, 284, 436, 461, 462, 467, 747, 478
Золотарьов Вадим (Золотарев Вадим)	6, 10, 11, 14, 15, 30, 66, 67, 69, 79, 87, 88, 742
Іванов Борис Матвійович (1907–1938), нач. виробнич. відділу Микол. з-да ім. А. Марті. 08.01.1938 заарешт. 14.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	268, 360
Іванов Василь Тимофійович (1894–1938), з 15.07.1934 – нач. УНКВС по Донец. обл.; з 03.04.1937 – заст. наркома, з 11.05.1937 – т.в.о. наркома внутр. справ УРСР. Ст. майор ДБ (1935), комісар ДБ 3-го рангу (1937). 01.08.1937 заарешт. 16.06.1938 засудж. в особл. порядку до ВМП. Розстріляний.	190
«Іванов», у 1938 – агент УНКВС по Микол. обл.	238, 265, 280, 342, 369
Іванченко Василь Лукич, у 1936 – пом. оперуп. 6-го відділу, у 1938 – співр. УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1936).	513, 514, 520, 522, 562, 575
Іванченко, зав. оргвідділом Одес. обкому КП(б)У. Заарешт.	344, 468

Івасюк І.Д., голова Вінн. обл. редколегії наук.-док. серії книг «Реабілітовані історією».	501
Ігнатов, співр. ОВ НКВС УРСР. У 1938 заарешт.	130, 131, 167, 196
Іделювич Лев Борисович, член Харк. обл. колегії адвокатів.	637–641
Ільченко Михайло Якович, у 1938 заарешт. УНКВС по Ворошиловгр. обл. Звільнен.	729
Іонас Генріх Іванович (1891–?), з 1919 – у військах ВНК–ОДПУ–НКВС. Наприкінці 1937 звільнений. У 1938 – зав. Микол. міськвідділом комунальн. госп-ва. 28.10.1938 заарешт. 25.03.1939 справу припинено. У 04.1939 звільнен.	226, 228, 239, 241, 265–267, 281, 330, 345, 357, 359, 370, 375, 436, 444, 469, 473, 476, 489
Ісєрзон Ізраїль Ісакович (1894–?), інспектор відділу громадськ. харчування Вінн. облспоживспілки. 05.06.1938 заарешт. 26.08.1938 Вінн. облсудом засудж. до 10 років п/в у ВТТ.	581, 582
Іткіс Ріва Лазарівна (1901–?), секр. Климівського РК КП(б) У м. Ворошиловграда, дир. середньої школи № 20. 10.07.1938 заарешт. 21.10.1938 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 24.01.1939 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ. 24.04.1941 пленум ВС СРСР відмінив вирок, справу припинив.	704
Іхман, у 1938 – член Вінн. обл. колегії адвокатів.	609
Каганович Лазар Мойсїйович (1893–1991), з 1935 – нарком шляхів сполучення СРСР, з 22.08.1937 – нарком важкої пром-ті СРСР, водночас з 05.07.1938 – нарком шляхів сполучення СРСР (до 25.03.1942), з 24.01.1939 – нарком паливної (з 12.10.1939 – нафтової) пром-ті СРСР (до 03.07.1940).	701
Казін Микола Олексійович (1910–1991), з 10.07.1938 – нач. 3-го від-я 4-го (2-го) відділу, з 12.1938 – нач. слід. групи 2-го відділу УДБ; з 05.1939 – заст. нач., з 01.1940 – нач. Слід. частини УДБ НКВС УРСР; з 10.1940 – т.в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Чернівецьк. обл., з 04.1941 – заст. нач. контррозвід. відділу УНКДБ по Чернівецьк. обл.; з 06.1941 – співр. ОВ ПЗФ, нач. охорони тилу 31-го стр. корпусу. Лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939).	37, 101, 111, 233, 250, 401
Калганов Василь Васильович (1905–?), з 01.12.1935 – нач. 2-го від-я ЕКВ, з 15.08.1937 – нач. 4-го від-я 3-го відділу, з 01.02.1938 – в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 20.04.1938 – т.в.о. нач. 10-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 04.06.1938 – т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл.; з 07.09.1938 – заст. нач. 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. 22.04.1939 звільнений у запас НКВС. Керуючий Вінн. обл. контори сільськогосп. банку. З 16.01.1940 – нач. фін. відділу, з 01.03.1940 – заст. нач., з 01.08.1940 – т.в.о. нач. ЕКВ УНКВС по Дрогобицькій обл.; з 12.04.1941 – нач. КРВ УНКДБ по Дрогобицьк. обл.; з 06.1941 – заст. нач. охорони військ. тилу 8-го стр. корпусу ПЗФ; з 12.08.1941 – в.о. нач. ЕКВ УНКВС по Сталін. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938), підполковник ДБ (1943).	97
Калина Георгій Платонович (1902–?), виклад. Вінн. медін-ту. 06.08.1938 заарешт. 06.06.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до ВМП. 23.08.1939 ВС СРСР відмінив вирок. 22.12.1939 справу припинено.	536, 537, 539, 540, 571, 586, 597, 599, 600
Калінін Михайло Іванович (1875–1946), з 30.12.1922 – гол. ЦВК СРСР від РРФСР, з 17.01.1938 – гол. Президії Верховної Ради СРСР.	667

Калузьський Соломон Давидович (1903–1943), у 1937 – нач. 4-го від-я Дніпродзержинського МВ НКВС Дніпропетр. обл.; у 1938 – пом. нач. 4-го від-я 4-го відділу, з 10.07.1938 – т.в.о. нач. 1-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР; з 25.04.1939 – т.в.о. заст., з 12.1939 – заст. нач. Слід. частини УДБ НКВС УРСР; з 26.04.1940 – заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Дніпропетр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). 01.09.1940 звільнен. з НКВС. З 10.1940 – нач. юрид. відділу Дніпропетр. металургіч. з-да ім. К. Лібкнехта. 05.02.1941 заарешт. 01.07.1941 справу припинено. Звільнен.	44, 101, 239, 241, 249, 250, 339, 350, 361, 400, 565
Калужний Володимир Пилипович (1905–?), з 08.08.1937 – заст. нач., т.в.о. нач., з 28.05.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 10.07.1938 – т.в.о. заст. нач. 4-го відділу, з 14.08.1938 – в.о. нач. 9-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 19.04.1939 заарешт. 26.12.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. 14.02.1941 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Сибірському ВТТ НКВС СРСР.	23, 27, 33, 112, 114, 127, 128
Калужний Деніс Іванович (1910–?), у 1938 – оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1939).	259, 290, 340, 405, 406
Камарницький, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	267
Камінецький Соломон Маркович (1885–?), з 1923 – адвокат, у 1938 – член Вінн. обл. колегії адвокатів.	556, 570, 608–611
Камінський Станіслав Іванович (1907–?), зав. піонерським відділом Вінн. обкому ЛКСМУ. 18.08.1938 заарешт. 29.05.1939 437-м ВТ КОВО виправданій.	581
Камінський Яків Зельманович (1891–?), з 28.08.1934 – заст. нач. УНКВС по Харк. обл., з 17.03.1937 – заст. нач. (з 18.07 по 11.1937 – т.в.о. нач.) УРСМ НКВС УРСР. Майор ДБ. 09.03.1938 заарешт. 23.11.1939 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 8 років п/в у ВТТ. Покарання відбув у Східно-Уральському ВТТ. 24.03.1947 звільнений. З осені 1947 – ливарник на з-ді у м. Краснодарі. 26.01.1949 заарешт. 27.04.1949 ОСН при МДБ СРСР «засудж.» до заслання на поселення до Красноярського краю.	66, 70, 662
Камраз Володимир Михайлович (1904–1941), у 1936 – оперуп. СПВ Житомир. окрвідділу НКВС Київської обл., з 1937 – співр. УНКВС по Житомир. обл. (до 07.05.1938), у 1938 – 04.1940 – нач. 2-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 1941 – нач. від-я ОВ 37-ї армії ПЗФ. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ. 20.09.1941 загинув на фронті.	117, 125, 205
Кан Веніамін Михайлович (1906–?), прац. Микол. з-ду ім. 61-го комунара. У 1938 заарешт.	338, 452
Кандибін Дмитро Якович (1889–1955), у 1935–1945 – член ВКВС СРСР. Бригвійськюрис, диввійськюрис. У 1950 заарешт.	224
Каноненко, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	330
Канцлер-Волгін Михайло Савович (1905–?), з 1935 – співр. УНКВС по Київ. обл., у 1938 – нач. Васильківського райвід-я НКВС Київ. обл. Лейтенант ДБ (1936). У 1938 заарешт. Засудж.	168

Капустин Борис Володимирович (1902–?), зав. Ворошиловгр. міськ. відділом комунал. гос-ва. 10.07.1938 заарешт. 19.08.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. НКВС СРСР відмінила вирок. 05.01.1940 справу припинено. Звільнен. У 08.1940 – зав. буд. сектором Ворошиловгр. обл. відділу охорони здоров'я.	726, 727
Капустин Микола Андрійович, у 1938 – нач. відділу пожежної охорони (ВПО) УНКВС по Київ. обл.	132, 133, 141, 172, 206
Капустин Сергій Федорович (1890–?), командир загону охорони ВЗЖР. 26.07.1938 заарешт. 30.12.1939 справу припинено. 01.01.1940 звільнен.	91, 92, 691, 708, 737
Карамишев Петро Васильович (1905–1941), з 01.11.1936 – пом. нач. 1-го від-я СПВ (4-го відділу), з 01.05.1937 – нач. 5-го від-я 4-го відділу, з 01.08.1937 – пом. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Ленінград. обл.; з 07.10.1937 – заст. нач. УНКВС по Рязанській обл.; з 03.1938 – нач. УНКВС по Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937). Депутат Верховної Ради УРСР. 15.01.1939 знятий з посади. 04.08.1939 заарешт. 04.01.1941 ВТ військ НКВС КО виправданій, звільнен. 09.01.1941 заарешт. 23.03.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. Наприкінці 05.1941 розстріляний.	24, 29–39, 41–45, 48, 106, 225–227, 229–235, 237, 240, 241, 244, 246, 249, 250, 252–254, 256, 257, 261, 265–267, 270–272, 275–277, 279, 281–283, 286, 288, 291–293, 295–297, 300–310, 312–319, 322, 325–329, 332, 335, 337–340, 342, 343, 348–352, 355, 356, 361–363, 365, 367, 368, 370, 371, 374–376, 379, 381, 385–387, 389–393, 395, 396, 398, 401–403, 406–408, 412, 414–416, 418–425, 427–437, 439, 440, 442, 443, 445–452, 454–457, 459, 461, 462, 464–466, 469, 471–477, 482, 483, 486–492
Карасьов Іван Кузьмич (1903–?), у 1937 – в.о. гол. Микол. міськради, депутат Верховної Ради СРСР. У 1938 заарешт.	32, 226, 228, 229, 240, 244, 248, 252, 253, 281, 332, 342, 345, 358, 359, 363, 364, 372, 373, 395, 399, 400, 403, 472, 475, 477, 478, 480, 489
Карафелов Семен Борисович (1904–?), у 1938 – співр., заст. нач., у 03.1939 – т.в.о. нач. ЕКВ УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (на 1940). 29.05.1940 звільнен. з НКВС. У 1940–1941 – керуючий тресту підсоб. підприємств (м. Київ).	124, 138, 144, 154, 165, 172, 173, 180–182, 189, 191, 193
Каріков Петро Миколайович, оперуп. ст. Маріуполь 6-го відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936). 26.06.1937 звільнен. з НКВС. Нач. секр. частини ВЗЖР.	723
Карлсон Карл Мартинович (1888–1938), з 1936 – заст. наркома внутр. справ УРСР, з 16.08.1937 – нач. Томсько-Асінського ВТТ НКВС. Комісар ДБ 2-го рангу. 22.01.1938 заарешт. 22.04.1938 засудж. до ВМП. Розстріляний.	129, 167, 190

Карпенко – заст. прокурора Микол. обл. у спецправах.	35, 38, 256, 307, 337, 352, 374, 425, 453–455, 474, 480
Катриченко, член Харк. обл. колегії адвокатів.	637–642, 644, 647, 649, 652, 653, 656, 659, 663, 665, 669, 672, 673, 675–679, 681, 686
<i>Кашу Ігор (Кашу Ігорь)</i>	6
Квасов Михайло Єгорович (1905–1986), з 1934 – пом. нач., заст. нач., нач. політвідділу зернорадгоспу «Червоноармієць» (Лозно-Олександрівський р-н Донец. обл.), з 05.1938 – 1-й секр. Старобільського окружкому КП(б)У, з 06.1938 – зав. відділом керів. парт. органів ЦК КП(б)У, з 11.1938 – 1-й секр. Ворошиловгр. обкому КП(б)У, з 11.1940 – зав. вугільним відділом ЦК КП(б)У, з 01.1941 – заст. наркома паливної пром-ті УРСР.	82–87
Кернер Фаня (Фейга) Ізраїлівна (1898–?), працівниця Вінн. макаронної фабрики. 30.04.1938 заарешт. Спеколегією Вінн. облсуду засудж. до 10 років п/в у ВТТ. 13.04.1940 ВС СРСР справу припинив.	562
Кириленко Іван Омелянович (1905–?), з 1935 – пом. оперуп. ЕКВ Макіївського МВ НКВС Донец. обл. У 04.1941 – нач. Жмеринського РВ НКВС Вінн. обл.	700
Кириленко, член ВТ військ НКВС ХО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ.	642, 681, 684, 685
Кирюхін Іван Йосипович (1896–?), комендант ВЗЖР. 16.08.1938 заарешт. 22.12.1939 справу припинено. 31.12.1939 звільнен. У 08.1940 – приймальник відділу техн. контролю ВЗЖР.	691
Кисельов Павло Петрович (1903–1939), з 23.09.1937 – нач. 11-го відділу, з 29.03.1938 – т.в.о. нач. 12-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28.05.1938 – нач. УНКВС по Одес. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938). 15.11.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 23.02.1939 розстріляний.	8, 15, 73
Кіреєв Павло Миколайович (1914–?), у 1934–1937 – в РСЧА, у 1938 – пом. оперуп. 3-го від-я 4-го відділу УДБ, з 07.1939 – нач. 3-го від-я, у 12.1940 – нач. від-я УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1939).	230, 244, 265–268, 311, 359, 361, 368, 395, 428, 443, 444, 456, 476
Кіров (Костриков) Сергій Миронович (1886–1934), з 1927 – 484 1-й секр. Ленінград. обкому ВКП(б) і водночас з 1934 – секр. ЦК ВКП(б). 01.12.1934 вбитий.	
Кітченко Петро Гаврилович (1907–?), у 1938 – нач. 4-го від-я Горлівського МВ НКВС Донец. обл.; з 14.06.1938 – т.в.о. нач. 1-го від-я 4-го відділу УДБ, у 1939 – нач. 2-го від-я 9-го відділу УДБ УНКВС, у 08.1940 – нач. навчальної частини відділу кадрів УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1939).	702, 705, 733
Клейман Ілля Наумович (1907–1941), у 1937 – оперуп., пом. нач., у 1938 – т.в.о. нач. від-я 5-го відділу; з 19.06.1938 – нач. 2-го від-я, у 08.1940 – 09.1941 – заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ. У 09.1941 загинув.	130, 137–142, 145, 154, 176–178, 180, 192, 194, 195, 199, 206, 207

Климин Федір Арсенійович (1900–1985), у 1938–1943 – член ВКВС СРСР. Військ. юрист 1-го рангу (на 1937), бригадний юрист (1939), полковник юстиції.	149, 686
Клиновський, «член антирад. троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	329
Клігерман, секр. парткому Микол. кораблебуд. ін-ту. Заарешт.	246, 257, 330, 353
Клятишев Микола Олександрович (1899–?), оперуп., у 1938 – нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Жмеринка Південно-Західної залізниці (ПЗЗ). лейтенант ДБ (1936). заарешт. 17.12.1939 ВТ військ НКВС КО засудж. до 5 років п/в у ВТТ. У 12.1942 звільнен., направлений на фронт.	499, 507, 511, 515, 516, 586
Князев Іван Миколайович, у 1936 – співр. УНКВС по Київ. обл.; у 1938 – співр. Дніпровського річкового відділу НКВС УРСР (м. Київ). Мол. лейтенант ДБ (1936).	198
Кобизев Григорій Михайлович (1902–1941), з 09.01.1937 від-рядж. до 4-го відділу, з 23.04.1937 – пом. нач. 10-го від-я, з 01.08.1937 – пом. нач. 14-го від-я 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 17.02.1938 – нач. відділу кадрів НКВС УРСР, з 22.03 по 20.05.1938 – нарком внутр. справ Молд. АРСР, але залишався у Києві; з 20.05.1938 – нач. УНКВС по Харк. обл. лейтенант ДБ (23.04.1937), ст. лейтенант ДБ (05.11.1937), капітан ДБ (1938). 15.01.1939 знятий з посади, заарешт. 15.08.1939 ВКВС СРСР засудж. до 15 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ, 07.12.1941 помер.	22, 23, 66, 69–73, 80, 150, 160, 645, 646, 648, 650, 652–654, 657, 670
Кобиланський Кирило Гнатович (1910–?), 3-й секр. Вінн. МК КП(б)У. 21.07.1938 заарешт. 29.05.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 8 років п/в у ВТТ. 13.02.1940 справу припинено. Звільнен.	599, 605
Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955), з 07.03.1937 – нач. 2-го від-я 1-го відділу УДБ НКВС Грузинської РСР, з 15.08.1937 – нач. Ахалцихського РВ НКВС, з 28.05.1938 – нач. Гагринського РВ НКВС, з 10.1938 – в.о. наркома внутр. справ Абхазської АРСР (Грузинська РСР); з 07.12.1938 – 1-й заст. наркома внутр. справ УРСР (по 02.09.1939), з 09.1939 – радник Повпредства СРСР (резидент ІНВ ГУДБ НКВС) у Німеччині. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (23.08.1938), майор ДБ (28.12.1938). 27.06.1953 заарешт. 01.10.1954 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	10, 13, 15, 16, 49, 74, 85, 101, 116, 177, 195, 200, 205, 341, 369
Кобулов Богдан Захарович (1904–1953), з 15.09.1938 – нач. 4-го відділу 1-го управління (з 29.09.1938 – 2-го відділу ГУДБ) НКВС СРСР, з 17.12.1938 – заст. нач. ГУДБ, водночас з 22.12.1938 – нач. Слід. частини НКВС СРСР; з 04.09.1939 – нач. ГЕУ НКВС СРСР; з 25.02.1941 – заст. наркома державної безпеки СРСР; з 30.07.1941 – заст. наркома внутр. справ СРСР; з 14.04.1943 – 1-й заст. наркома держбезпеки СРСР. Ст. майор ДБ (11.09.1938), комісар ДБ 3-го рангу (28.12.1938), комісар ДБ 2-го рангу (1943).	74
Кобчев Данило Пилипович (1899–?), інженер-механік, з 05.1938 – 2-й секр. Микол. МК КП(б)У. 24.07.1938 заарешт. 02.04.1939 справу припинено. Звільнен. У 12.1940 – ст. конструктор Микол. з-ду ім. А. Марті.	228, 230, 238, 239, 250, 258, 319–322, 331, 333, 336, 337, 341, 346, 354, 357–359, 365, 370, 383–385, 391, 393, 412–414, 443, 478–480
Кобяков Борис Олексійович, у 1941 – ст. слідчий Слід. частини УДБ НКВС УРСР. Сержант ДБ.	59, 60, 500, 589, 617

Ковальов, прац. радгоспу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл.	370
Коган Абрам Лейбович (1893–?), складач Вінн. держдрукар-ні. 11.05.1938 заарешт. 14.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до 15 років п/в у ВТТ. 13.04.1940 ВС СРСР справу припинив. Звільнен.	541, 601, 603, 608–611, 632
<i>Когут Андрій</i>	742
Кодін Іван Михайлович (1896–?), у 1937 – нач. Зіньківського райвід-я НКВС Харк. обл., з 08.1937 – співр. 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. (ОВ НКВС ХВО). Молодший лейтенант ДБ (1936). 01.06.1938 заарешт. 07.04.1939 звільнен. З 08.1941 – в діючій армії (ПЗФ, Сталінград, 2-й Укр., 3-й Укр. фронти).	654
Кожема, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв)	330
Кожушко Андрій Трохимович (1895–?), у 1931 закінчив Москов. хіміко-технол. ін-т ім. Д. І. Менделєєва, з 1933 – голов. інженер Вінн. цукр. тресту. 25.09.1938 заарешт. 11.07.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 25 років п/в у ВТТ. 25.11.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок, справу припинила. Звільнен. У 1940 – гол. інжен. Харк. цукробурякотресту.	497, 504, 519, 520, 533, 534, 544, 550, 633
Козаченко Василь Корнійович (1905–?), у 1937 – оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл., з 31.08.1937 – пом. нач. 3-го від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 23.04.1938 – т.в.о. нач. від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., з 25.05 по 25.07.1938 – нач. Уманської оперслідгрупи, потім – оперуп. Ленінського РВ НКВС м. Києва; з 09.1938 – у розпор. НКВС СРСР; нач. ВМУ, у 1939 – нач. ВБРСВ УНКВС по Читинській обл. Мол. лейтенант ДБ (1937). 09.09.1939 заарешт. 28.02.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 4 років п/в умовно. 29.02.1940 звільнен.	117, 178, 195, 196
Козачук Петро Дмитрович (1909–?), з 01.04.1938 – пом. нач. 2-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; з 22.08.1938 – нач. Компаніївського райвід-я НКВС Микол. обл., у 1940 – нач. Ново-Празького РВ НКВС Кіровоградської обл. Мол. лейтенант ДБ (1938).	230, 270, 284–291, 297–299, 324, 328, 351, 364, 383, 392, 416, 428, 441, 445, 446, 450, 452, 474, 475
Козельський Борис Володимирович (Голованевський Бернад Вольфович) (1902–1936), з 09.11.1934 – нач. СПВ УДБ НКВС УСРР. Майор ДБ (1935). 02.01.1936 покінчив життя самогубством (застрелився).	190
Козік Лука Савович (1886–1938), у 1938 – в.о. гол. Вінн. обл-ликконкому. 22.03.1938 заарешт. 05.10.1938 виїз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	528, 532, 534, 562, 567, 573, 575, 576, 578, 580, 581, 588, 598, 599, 616, 618
Козлов Яків Олексійович (1912–1947), у 1936–1938 – пом. оперуп., оперуп. Оператив. відділу НКВС УРСР. Сержант ДБ (1936). 07.01.1939 заарешт. 20.07.1939 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. У 1943 звільнен. Використовувався у зафронтовій роботі.	139, 147, 150, 155, 163, 171, 172, 175, 201, 207, 209, 210

Козьмініх Козьма (Кузьма) Йосипович (1898–1939), з 01.03.1937 – т.в.о. нач., з 23.05.1937 – нач. 5-го відділу УДБ УНКВС, з 16.11.1937 – пом. нач. УНКВС по Оренбурзькій обл.; з 08.05.1938 – пом. нач. УНКВС (по відділах, що не входили до УДБ) по Київ. обл., з 29.09.1938 – комендант об'єднаної комендатури НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 13.03.1939 звільнений з НКВС, заарешт. 14.04.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 15.04.1939 розстріляний.	108, 110, 116, 153, 160, 209, 219
<i>Кокін Сергій (Кокін Сергей)</i>	6, 102, 106, 741
Кокостиков Ігор Іванович (1906–?), у 1939–1941 – ст. слідчий Слід. частини НКВС–НКДБ УРСР. Лейтенант ДБ.	64
Колбасенко Леонід (Леонтій) Логвинович (1899–?), у 1930 – секр. ОСН при ДПУ УСРР; у 1938 – ст. інспектор відділу кадрів УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1936). 02.06.1938 заарешт. 21.12.1938 звільнен. 05.06.1939 звільнен. з НКВС.	129–131, 136, 146, 167, 169, 187–189, 191–197, 205, 206, 210
Колганов Валентин Андрійович, у 09.1940 – особливоуп. УНКВС по Сталін. обл. Мол. лейтенант ДБ (1939).	97
Колесніков Іван Миколайович (?–?), у 1938 – співр. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.	594, 595, 600, 601, 625
Колесніков Семен Тарасович (1889–?), нач. відділу постачання і збуту Ворошиловгр. з-да ім. Якубовського (за ін. даними – дир. швейної фабрики № 1, керуючий базою «Швейзбуту»). 21.07.1938 заарешт. 08.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 20.09.1939 ВС СРСР відмінив вирок. 03.12.1939 справу припинено. 15.12.1939 звільнен. У 07.1940 – ст. інспектор закритої торг. мережі комбінату «Ворошиловградвугілля».	89, 90, 96, 102, 691, 713, 722
Колесніков Сімон Левович (1906–?), до 1938 – заст. прокурора Молдавської АРСР (у спецправах), у 1938–1941 – прокурор Київ. обл.	23, 112, 139, 145, 155, 162, 200–204, 207
Колесов Степан Григорович (1905–1939), з 01.08.1936 – оперуп. 2-го від-я СПВ (4-го відділу), з 01.08.1937 – нач. 6-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Оренбурзькій обл.; з 08.12.1937 – пом. нач. (за рах. посади нач.) 4-го від-я 4-го відділу УДБ, з 14.03.1938 – т.в.о. нач. 3-го від-я 2-го відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1937). 23.11.1938 заарешт. 07.03.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	18, 110, 153, 160, 209
Коліков Павло Дмитрович (1892–?), гол. інженер тресту «Ворошиловвугілля» (Ворошиловгр. обл.). 23.06.1938 заарешт.	730
Коломієць, у 1938 – співр. НКВС. Заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.».	554
Колчак Олександр Васильович (1874–1920), один із керівників Білого руху під час громадянської війни у Росії, адмірал. 15.01.1920 командуванням Чехословацького корпусу, переданий у м. Іркутську есеро-меншовицькому Політцентру, який його заарештував. Після захоплення Іркутська більшовиками за простановою Іркутського військ.-рев. комітету 06–07.02.1920 розстріляний.	167
Комаровський Карл Телесфорович (1909–1938), формувальник Микол. з-ду «Дормашина». 10.07.1938 заарешт. 05.11.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	239, 290, 351, 362, 383

Комаровський Телесфор Олександрович (1877–1938), слюсар артелі інвалідів Микол. металокомбінату. 05.06.1938 заарешт. 05.11.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	239, 290, 351, 362, 383
Комодський, інженер (м. Миколаїв). У 1938 заарешт.	444
Кондратьєв, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	413, 467
Коновалов Серафим Сергійович (1905–?), зав. Микол. обл. відділом мистецтв. 03.07.1938 заарешт. 09.05.1939 справу припинено.	273, 457
Конопльов, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	320, 331, 413
Константінер, у 1938 заарешт. УНКВС по Харк. обл. Звільнений.	655
Копаяв Олексій Павлович (1907–?), з 31.03.1938 – в УНКВС по Харк. обл.: пом. нач. 3-го від-я, з 31.07.1938 – т.в.о. нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС, з 08.1938 – т.в.о. нач. від-я 9-го відділу УДБ УНКВС, з 12.1938 – нач. Груньського райвід-я НКВС Харк., з 10.01.1939 – Сумської обл. 26.12.1939 заарешт. 30.09.1940 ВТ військ НКВС ХО засудж. до 4 років п/в у ВТТ.	74, 75, 77, 78, 80, 637–639, 642–650, 652, 655–660, 662–664, 666–669, 671–673, 676–680, 682–684, 686
Копейченко, співр. Микол. кораблебуд. ін-ту.	252
Копилевич, у 04.1939 – співр. ВТ військ НКВС КО. У 05.1942 – заст. гол. ВТ військ НКВС УО, головуючий на суд. засіданні у справі О. Долгушева. Військ. юрист 1-го рангу.	214, 221–224
Копилов, фігурант у показаннях О. Долгушева.	219
Корабльов Іван Михайлович (1899–?), з 11.1936 – нач. від-я КРВ (3-го відділу), з 01.09.1937 – пом. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Ленінград. обл.; з 03.03.1938 – нач. УНКВС по Вінн. обл. (приступив до роботи 19.03). Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937), майор ДБ (1938). Депутат Верховної Ради УРСР. 14.01.1939 знятий з посади. У ніч на 30.01.1939 здійснив спробу самогубства, залишився живим. З 25.05.1939 – заст. нач. ВТТ і буд-ва Архангельського целюлозно-паперового комбінату НКВС. 28.05.1940 заарешт. 06.05.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. 24.06.1941 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував в особливому табірному пункті поблизу м. Бугульми (Татарська АРСР). У 08.1942 достроково звільнений, направлений до діючої армії: рядовий 8-ї окр. штрафної роти 48-ї армії (Брянський фронт). 22.02.1943 поранений, потрапив у полон. Перебував у таборах рад. військовополонених у Рурській області (Німеччина). У 05.1945 звільнений амер. військами, переданий рад. стороні. Після проходження фільтрації у м. Рава-Руська (Львівська обл.) виїхав на постійне місце проживання до м. Куйбишева.	46, 48–63, 494–518, 520, 522–526, 528, 530–538, 540–556, 558, 560–568, 571, 573, 575–577, 579, 582, 583, 585–589, 592, 593, 596, 598, 599, 601–603, 606, 609, 613–616, 618, 621–624, 627–636
Коркунов Григорій Іванович (1904–1940), у 1937 – нач. від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., з 08.08.1937 – нач. 6-го від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 04.03.1938 – т.в.о. нач., з 22.03.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; з 25.06.1938 – в.о. нач. УНКВС по Ворошиловгр. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1937), капітан ДБ (1938). 14.01.1939 знятий з посади, у розпор. НКВС СРСР. 05.06.1939 заарешт. 24.07.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 04.09.1940 розстріляний.	23, 48, 81–89, 93, 94, 96, 103, 104, 116, 120, 123, 124, 157, 163, 164, 171, 217, 219, 690, 700–704, 707, 710, 712, 713, 715–717, 719–723, 725, 726, 730, 731, 733, 734, 737, 738
Корнелюшин, співр. УНКВС по Київ. обл. У 1938 заарешт.	169

Корнюшенко, співр. УНКВС по Київ. обл. У 1938 заарешт.	206
Короткін І., керів. співр. ВТ військ НКВС КО. Військ. юрист 1-го рангу.	112, 147–149
Корчагін Борис Іванович (1904–?), керуючий тресту «Свердловугілля» (Ворошиловгр. обл.). 13.06.1938 заарешт. 29.03.1940 звільнен. У 07.1940–08.1941 – зав. шахтою ім. Войкова тресту «Свердловугілля».	691, 695, 705, 710, 728–731
Косіор Станіслав Вікентійович (1889–1939), з 1928 – генеральний (з 1934 – 1-й) секр. ЦК КП(б)У, з 01.1938 – заст. гол. РНК СРСР. 03.05.1938 заарешт. 26.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	343, 415, 468
Котовський Григорій Іванович (1881–1925), з 07.1919 – командир 2-ї бригади, з 01.1920 – кав. бригади 45-ї стр. див. Південної групи військ 12-ї армії (Півдн. фронту) РСЧА; з 31.12.1920 – командир 17-ї кав. див. Червоного козацтва, з 09.1921 – нач. 9-ї кав. див., з 10.1922 – командир 2-го кав. корпусу УкрВО (м. Умань Київ. губ.). Комкор. 06.08.1925 вбитий під Одесою.	496, 503, 632
Кочан, у 06.1942 – пом. Головного військ. прокурора РСЧА.	224
Кочергинський Григорій Ізраїлевич (1898–1939), з 21.10.1937 – нач. ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці (ПДЗ). Капітан ДБ. 20.08.1938 заарешт. 30.06.1939 ВТ військ НКВС ХО засудж. до ВМП. 20.10.1939 розстріляний.	33, 43
Красний, фігурант у показаннях І. Крюкова.	655, 663
Крафт Едуард Петрович (1891–1937), мешканець хут. Оріхове Макіївського р-ну, чорнороб колгоспу ім. Е. Тельмана Харцизького р-ну Донец. обл. 05.08.1937 заарешт. 31.10.1937 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до ВМП. Внаслідок побоїв під час допиту 10.11.1937 помер.	692–694, 696, 699, 700
Кращенко, фігурант справи А. Онищенка (м. Миколаїв).	329
Крепель Адам Михайлович (1883–?), прац. колгоспу «Шлях перемоги» с. Фадіївка Витязівського р-ну Микол. обл. 05.08.1938 заарешт. 29.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	350, 377
Кресс А.Я., дир. Микол. кораблебуд. ін-ту.	252, 253, 320
Кретов Георгій Матвійович (1906–?), інструктор Слов'янського МК КП(б)У Донец. обл., секр. комітету КП(б) У зал. ст. Слов'янськ; у 1938 – пом. нач. відділу кадрів НКВС УРСР, у 1939 – заст. нач. ЕКВ УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1938). 03.12.1939 звільнен. з НКВС.	548
Кржевицький В'ячеслав Антонович (1906–1938), кол. співр. НКВС, у 1938 – інспектор Вінн. палати мір і вагів. 31.05.1938 заарешт. 20.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 21.09.1938 розстріляний.	496, 502, 551, 609, 618
Кривцова Лідія Григорівна (1922–?), мешканка м. Києва, 23.11.1942 заарешт. німецькою службою безпеки.	104
Крикуненко Павло Якович, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1939).	399, 444
Кріль Іван Якович, нач. санчастини авіачастини (м. Ворошиловград). 25.06.1938 заарешт., справа передана до ОВ НКВС ХВО.	713
Кретов Іван Васильович (1910–?), зав. вентиляції шахти № 4 (м. Ворошиловград). 13.07.1938 заарешт.	711, 731

Круглов Сергій Никифорович (1907–1977), з 12.1937 – від- пов. організатор відділу керів. парт. органів ЦК ВКП(б); з 20.12.1938 – особливоуп. НКВС СРСР, з 28.02.1939 – заст. наркома внутр. справ СРСР з кадрів і нач. відділу кадрів НКВС СРСР; з 25.02.1941 – 1-й заст., з 30.07.1941 – заст., з 26.04.1943 – 1-й заст. наркома внутр. справ СРСР. Ст. май- ор ДБ (1938), комісар ДБ 3-го рангу (1939), комісар ДБ 2-го рангу (1943).	50
Кругляк Я.Л., член Харк. обл. колегії адвокатів.	642, 644, 647, 652, 653, 656, 657, 659, 665, 666, 668, 669, 671, 673, 677, 679, 681
Круликовський Олексій Романович (1874–1938), зав. спец- частиною Вінн. радіокомітету, гол. Вінн. тов-ва бесарабців. 04.06.1938 заарешт. 22.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «заудж.» до ВМП. 23.09.1938 розстріляний.	528–531, 538, 539, 583, 584, 586, 587, 596, 625
Крульфельд Йосип Абрамович (1893–?), з 08.1936 – нач. ОВ НКВС 36-ї винищув. авіабригади ХВО, з 01.08.1937 – нач. ОВ НКВС змішаної авіабригади ХВО (м. Люботин Харк. обл.), у 1938 – нач. від-я ОВ НКВС ХВО. Лейтенант ДБ (1936). 05.03.1938 заарешт. 05.09.1939 звільнен. 22.02.1940 звільнен. з НКВС. У 1940 – нач. спецвідділу обл. аптекоуправління (м. Харків).	642, 646, 649, 651, 652, 655, 656, 661, 679, 682, 683
Крульфельд-Цин Марія Марківна (1896–?), 05.03.1938 за- арешт. 07.09.1939 звільнена. У 1940 – прац. Харк. від-я держбанку.	642 649, 650, 652, 656, 657
Крутов Роман Васильович (1903–1987), у 1937 – нач. 2-го від-я 5-го відділу УДБ УНКВС по Саратовському краю; з 15.01.1938 – нач. від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 04.03.1938 – т.в.о. заст., з 22.03.1938 – заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Под. обл.; з 29.08.1938 – в.о. нач. відділу кадрів НКВС УРСР; з 11.03.1939 – заст. нач. УНКВС по Микол. обл.; з 06.09.1939 – нач. УНКВС по Волинській обл., з 01.12.1939 – нач. УНКВС по Рівненській обл.; з 01.03.1941 – нач. 2-го управління НКДБ УРСР, з 08.1941 – заст. наркома внутр. справ УРСР з кадрів. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейте- нант ДБ (1938), капітан ДБ (1939), майор ДБ (1942).	548
Крюков Іван Іванович (1903–?), у 1937 – нач. 6-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Сталінград. обл., з 06.1937 – нач. Хоперського РВ НКВС Сталінград. обл.; з 14.12.1937 – нач. від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл., у 02–03.1938 – у складі слід. групи НКВС УРСР у справах заарештов. співр. НКВС; з 28.05 (за ін. дан. – з 01.07) 1938 – заст. нач. 3-го від- ділу, з 08.1938 – т.в.о. нач. 8-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 23.10.1938 перевед. до м. Одеси, з 23.11.1938 – в.о. прокурора Одес. обл. (до 07.1939). 16.11.1939 заарешт. 30.09.1940 ВТ військ НКВС ХО засудж. до 10 років п/в у ВТТ.	72, 73, 75–78, 80, 637, 638, 640–666, 668–674, 676–686, 688
Крюков Микола Нестерович (1905–?), у 1938 – оперуп. 4-го відділу УДБ, з 16.05.1938 – т.в.о. інспектора при нач. УНКВС, з 1939 – ст. слідчий Слід. частини УНКВС, потім – нач. 1-го від-я 3-го відділу ЕКУ УНКВС по Харк. обл.; у 1940–1941 – заст. нач., т.в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС–УНКДБ по Дрогобицькій обл.; у 09.1941 – нач. ОВ 34-ї кав. див. 6-ї ар- мії, у 1942 – нач. від-я ОВ 6-ї армії ПЗФ. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ, ст. лейтенант ДБ. У 1942 зник без вісті.	80, 637, 642, 645, 647, 649, 658, 660, 661, 672, 677, 678

Крюковський Федір Адамович (1906–?), у 1938–1939 – комендант УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ.	314–319, 336, 337, 350, 358, 426–428, 447, 475
Кузнецов Василь Іванович (100–?), пом. дир-ра Микол. з-ду ім. 61-го комунара. 16.07.1938 заарешт. 29.10.1939 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 5 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Красноярському ВТТ. 21.07.1945 помер у тaborі.	329, 356
Кузнецов Михайло Улянович (1899–?), з 1937 – оперуп., т.в.о. нач. від-я 3-го відділу УДБ, у 1939–1940 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Харк. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	677
Кузьменко Степан Тимофійович, у 1938–1940 – пом. прокурора Харк. обл.	639, 641, 642, 677, 678
Кузьмін див. Козьмініх.	
Кулакова, у 08.1941 – секр. ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Ворошиловгр. обл.	697, 735, 736
Кулинський (Куклинський) Борис Мойсійович (1910–?), з 07.1938 відрядж. до 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. У 09.1939 – т.в.о. нач. Калініндорфського райвід-я НКВС Микол. обл.	235, 249, 338, 401, 446, 447
Кулішов (Кулишев) Іван Миколайович (1897–?), у 1937 – нач. Вовчанського РВ НКВС Харк. обл.; з 15.02.1938 – нач. слідчої тюрми УДБ УНКВС, з 1939 – нач. тюремного від-я УНКВС по Харк. обл. З кінця 1941 – командир партизан. загону м. Харкова. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	642, 669, 670
Кульницький Ісак (Йола) Маркович (1880–1939?), юрисконсульт контори житл. управління (м. Вінниця). 09.06.1938 заарешт. 14.08.1938 Вінн. облсудом засудж. до ВМП. 02.11.1938 ВС СРСР замінив ВМП на 10 років п/в у ВТТ. Помер у тюрмі.	556
Кум Олексій, у 1938 заарешт. УНКВС по Ворошиловгр. обл.	721
Купирін Костянтин Дмитрович (1906–?), у 1938 – нач. Обліково-стат. відділу (ОСВ, потім – 1-й спецвідділ), у 02.1939 – інспектор при нач. УНКВС, у 1940 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936).	110, 112, 121–123, 153–155, 184–, 185, 207
Купний Іполит Сазонтович (1908–?), у 1936 – співр. УНКВС по Одес. обл.; з 1938 – нач. 2-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (на 1938). 29.01.1940 звільнен. з НКВС.	230, 262, 322–324, 335, 374, 409, 410, 417, 449, 460–, 461, 468
Курачек Дмитро Тимофійович (1901–?), у 1937 – оперуп. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 12.10.1937 – т.в.о. нач. 4-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Полтав. обл.; з 16.06.1938 – нач. Ново-Санжарського РВ НКВС Полтав. обл. Сержант ДБ (1936). 15.05.1939 звільнен. з НКВС.	671, 675
Куров, у 1938 – пом. військ. прокурора (м. Миколаїв).	408
Курпас Костянтин Степанович (1900–?), з 23.02.1936 – заст. нач. транспорт. відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 08.1937 – заст. нач., з 01.07.1938 – т.в.о. нач. ДТВ ГУДБ НКВС Південної залізниці (м. Харків). Ст. лейтенант ДБ (1936). 23.08.1939 звільнен. з НКВС. У 12.1939 – праців. керамічного (цегляного) з-ду «Комсомолец» (м. Харків). 08.02.1940 заарешт. У 03.1940 справу припинено, звільнен. У 1940 – нач. з-ду «Комсомолец» (м. Харків).	77, 637, 642, 649, 650, 676, 677, 683

Лаврентьев Володимир Олександрович (1911–?), з 23.11.1937 – співр., у 1938 – оперуп. 1-го від-я 4-го відділу УДБ, 11.1938 – 05.1939 – нач. від-я 3-го спецвідділу, у 07.1940 – 1941 – нач. від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1938), мол. лейтенант ДБ (на 1941).	499, 507, 509, 555–557, 561–563, 572, 594, 601, 606, 607, 611, 616, 629
<i>Лавренчук Лариса</i>	742
Лавриненко Микола Данилович, у 1938 – нач. Новгородковського райвід-я НКВС Микол., з 10.01.1939 – Кіровоград. обл. Сержант ДБ (1936). 28.08.1939 звільнен. з НКВС.	238, 240, 327, 385, 435, 467
Лазаренко-Сукач Зінаїда Карпівна (1911–?), зав. складом дитбудинку № 10 м. Києва. 4/5.07.1938 заарешт. 07.03.1939 Київ. облсудом засудж. до 3 років п/в у ВТТ. 08.05.1939 ВС УРСР відмінив вирок, справу припинив. 29.08.1939 Суд. колегія у крим. справах ВС УРСР ухвалила вважати її засудженою до п/в на 10 місяців, покарання вважати відбутим.	695
Лазарев Георгій Костянтинович (1894/1896–?), пом. нач. пожежно-сторожової охорони Вінн. спиртзаводу. 06.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	496, 503, 626, 632, 634
Лазовський, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл. Звільнен.	361
Лалакова Марія Олександрівна (1900–?), дир. Ворошиловгр. міськ. контори тресту хлібопечення «Головхліб». 10.08.1938 заарешт. 18.10.1938 ВТ ХВО засудж. до 20 років п/в у ВТТ. 11.04.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. Справу припинено. Звільнена. У 1941 – нач. відділу кадрів Ворошиловгр. облуправління кінофікації.	717, 718
Ламекін Микола Андрійович (1894–?), з 27.09.1937 – пом. нач. портового від-я 11-го (водного) відділу УДБ УНКВС по Одес. обл., з 07.05.1938 – пом. нач. ОВ НКВС 51-ї стр. див. (Одеса); 28.08.1938 – 03.1939 – нач. 11-го відділу, з 1939 (за ін. дан. – з 25.07.1940) – нач. Слід. частини УНКВС по Київ. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1939).	189, 194, 195
Ланчуковський Ілля Аркадійович (Данилович?) (1907–?), у 1937–1941 – прокурор Микол. обл.	35, 38, 40, 44, 45, 301, 307, 308, 312, 325, 327, 329, 377, 378, 425, 448, 453–455, 465, 471
Лапскер Леонід (Леон) Давидович (1901–?), у 1938 – нач. 1-го від-я, з 10.07.1938 – т.в.о. заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1936). 07.09.1938 заарешт. 05.05.1939 ВТ військ НКВС Київ. обл. засудж. до 3 років п/в у ВТТ. Покарання відбув у Північно-Східному ВТТ. 07.09.1941 звільнен.	124
Латинін Іван Гаврилович, у 1938 заарешт. у м. Запоріжжя.	311, 352, 360
Латишев Микола Федорович (1886–1939), у 1938 – зав. житл. відділом Ворошиловгр. міськкомгоспу. 14.07.1938 заарешт. 10.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 28.07.1939 розстріляний.	706, 708
<i>Лациба В.П.</i> , керівник авторського колективу книг «Вінницька область» із серії «Реабілітовані історією».	501
Лебедев Федір Романович (1904–1938), секр. Костянтинівського МК КП(б)У Донец. обл., керуючий Ворошиловгр. міськ. від-я держбанку. У 1938 заарешт. 29.10.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	705

Левашев Павло Павлович (1917–?), зав. складом Херсон. хлібозаводу. 22.08.1938 заарешт. 08.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	350
Левицький Іван Венедиктович (1903–?), нач. групи перспективного планування планово-виробнич. відділу Микол. з-да ім. А. Марті. У 1938 заарешт. 29.04.1939 звільнен.	228, 248, 272, 280, 281, 356, 361, 369, 384, 432, 437, 473, 480
Левін Йосип Давидович (1904–?), виклад. Вінн. єврейсько-го педтехнікуму. 21.04.1938 заарешт. 14.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до ВМП. 10.11.1938 ВС СРСР замінив ВМП на 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував в Усольтабі НКВС СРСР (м. Солікамськ, Пермська обл.). Помер в ув'язненні.	556
Левін Наум (Нахман) Овсійович (1909–1938?), техник Київ. суднорем. з-ду ім. Й. В. Сталіна. У 1938 заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП.	181, 182, 198, 199, 210
Левіна, у 1938 – член спецколегії Вінн. облсуду, дружина прокурора Вінн. обл. Я. Тернівського.	580, 581
Левінзон Арон Юхимович (1911–?), наприкінці 1937 – зав. приймальні нач. УНКВС, у 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ, у 02–07.1940 – т.в.о. заст. нач. Слід. частини УНКВС по Вінн. обл.; на 04.1941 – заст. нач. Слід. частини УНКВС по Сумській обл. Сержант ДБ.	499, 507, 509, 510, 577, 587, 590–592, 600, 606, 611–613
Левченко Дмитро Гаврилович (1902–1938?), диспетчер Київ. суднорем. з-ду ім. Й. В. Сталіна. 29.04.1938 заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП.	181, 182, 198, 199, 210
Левченко, у 1938 – секр. парткому УНКВС по Микол. обл.	239, 241, 342, 344, 372(?)
Лейзеровський Юзеф Семенович (1906–?), з 1937 – секр. 4-го відділу, з 09.1938 – оперуп. 3-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; з 05.1939 – нач. Економ. від-я Херсон. МВ НКВС; у 12.1940 – 1941 – нач. 3-го від-я ЕКВ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ.	230, 270, 284–286, 288–290, 298, 300, 311, 323, 325, 328, 351, 356, 357, 364–366, 383, 392, 407, 416–418, 449, 450, 457, 459, 461, 475, 483
Лемешко Григорій Іванович, у 02.1940 – нач. 4-го відділу ГВП РСЧА. Бригвійськюрис.	36
Ленін (Ульянов) Володимир Ілліч (1870–1924), з 1917 – керів. Рос. соціал-демокр. робіт. партії (більшовиків), голова РНК РСФРР, водночас з П.1.1918 – гол. Ради робіт. і селян. оборони (з 04.1920 – Ради праці і оборони) РСФРР; з 07.1923 – гол. РНК СРСР і гол. Ради праці і оборони СРСР.	734, 735
Леонов Валентин Іванович (1905–1942), з 15.05.1937 – заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл.; з 27.07.1937 (за ін. дан. з 24.02.1938) – пом. нач. 4-го відділу, з 14.03.1938 – пом. нач. 1-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 25.05.1938 – нач. 4-го відділу УДБ, з 07.09.1938 – заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Под. обл.; з 17.08.1939 – заст. нач. УНКВС по Запорізькій обл., з 12.04.1941 – нач. УНКДБ (з 07.1941 – УНКВС) по Запоріз. обл.; з 08.11.1941 – нач. 1-го управління НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1941). 15.03.1942 загинув.	514

Леплевський Ізраїль Мойсїйович (1896–1938), з 14.06.1937 – нарком внутр. справ УРСР, з 25.01.1938 – нач. 6-го відділу ГУДБ, з 28.03.1938 – нач. 1-го відділу і заст. нач. 3-го управління, з 06.04.1938 – нач. 3-го управління НКВС СРСР. Комсар ДБ 2-го рангу. 26.04.1938 заарешт. 28.07.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	8, 9, 11, 18, 19, 30, 46, 67, 81, 88, 98, 107, 113, 114, 117, 156, 216, 218
Лесник, у 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл.	581
Летнев-Шатуновський Віктор Абрамович (1897–?), з 01.04.1936 – оперуп. апарату ОСУ УНКВС, з 1938 – оперуп., нач. 4-го від-я 4-го відділу, з 1939 – нач. 2-го від-я 2-го відділу, з 1940 – заст. нач., нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	з 642, 646, 671–676
Липовецький Арон Якович (1909–?), гол. Вінн. промспілки. 29.05.1938 заарешт. 26.09.1939 справу припинено.	553
Лисков Петро Ілліч (1903–?), з 15.02.1937 – нач. пункту фельдзв'язку Олександрійського райвід-я НКВС Одес., з 22.09.1937 – Микол. обл.; з 23.05.1938 – оперуп. 2-го спецвідділу, з 09.1939 – т.в.о. нач. 2-го спецвід-я УДБ УНКВС по Микол. обл., з 04.1941 – нач. 4-го від-я УНКДБ по Микол. обл.	43, 235, 381, 387
Литвак Соломон Григорович (1908–?), з 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; у 09.1940 – оперуп. ЕКВ НКВС Молдав. РСР, у 04.1941 – нач. Сорокського РВ НКВС (Молд. РСР). Сержант ДБ (1939).	500, 507, 509, 518–520, 585
Литвинов Іван Дмитрович (1882–?), дир-р музею революції (м. Ворошиловград). 14.07.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 17.08.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. 15.03.1940 справу припинено. 20.03.1940 звільнен. У 08.1941 – зав. філією музею рев-ції (Ворошиловград).	89, 91, 694, 701, 706, 708, 711, 713–715, 717, 722–724, 737
Лівшиць Зельман Давидович (1888–?), з 01.10.1937 – нач. Володимирівського райвід-я НКВС Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). У 1938 заарешт. 31.11.1939 ВТ військ НКВС КО засудж. до 6 років п/в у ВТТ. 17.01.1940 вибув до Сорокського ВТТ (Карельська АРСР).	238, 240, 293, 306, 327, 379, 385, 393, 418, 419, 433, 435, 457, 467
Лівшиць Михайло Бенціонович (1912–?), з 01.08.1936 – полковий оперуп. ОВ НКВС 5-ї окр. танкової бригади ХВО, згодом – оперуп. 5-го відділу УДБ УНКВС (ОВ НКВС ХВО), з літа 1938 – оперуп. 6-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Сержант ДБ (1936). Заарешт. Звільнений. З 10.04.1939 – оперуп. 2-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. На 11.1941 – нач. 5-го від-я ОВ Північно-Західного фронту. Мол. лейтенант ДБ (на 1941), ст. лейтенант ДБ (на 1942).	655, 660
Лівшиць Семен Миколайович (1910–?), з 01.1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28.04.1938 – нач. Черкаського РВ НКВС Київ. обл., з 08.1940 – нач. Кіровського РВ НКВС м. Києва, у 02.1941 – нач. Кагарлицького РВ НКВС Київ. обл. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	139, 140, 154, 175, 176
Лігерман, у 1938 – оперуп., т.в.о. нач. 2-го від-я 7-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.	428, 429, 434
Лігнер, Лігнеров, фігурант у показаннях Б. Поліщука, начебо у 1921 – військовослуж. Укр. Червоної Галицької армії (УЧГА).	651, 661
Ліпман Арон Якович (1905–?), зав. транспортом «Союзпродмагу» (м. Вінниця). 21.05.1938 заарешт. У 1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до ВМП. ВС СРСР замінив ВМП на 10 років п/в у ВТТ.	556

Листенгурт Михайло Олександрович (Аронович) (1903–1939), з 31.08.1936 – нач. 4-го від-я, з 15.04.1937 – нач. 7-го від-я 4-го відділу; з 22.06.1937 – пом. нач. 5-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 17.02.1938 – т.в.о. нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 05.1938 – заст. нач. 3-го відділу 1-го управління (з 29.08.1938 – ГУДБ) НКВС СРСР. Капітан ДБ (15.03.1937), майор ДБ (21.09.1937). 25.10 (за ін. дан. 18.11.) 1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 23.02.1939 розстріляний.	114, 157, 217
Лобанов, «ворог народу» (Вінн. обл.).	558
Лобода [Федір Степанович], студент Микол. кораблебуд. ін-ту.	331, 365
Логвиненко, у 1938 заарешт. УНКВС по Ворошиловгр. обл.	732, 733
Логвинов Іван Михайлович (1900–1939), 2-й секр. Ворошиловгр. МК КП(б)У. 10.07.1938 заарешт. 05.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 26.09.1939 розстріляний.	691, 733, 737
Лозовик Григорій Федорович (1904–?), виклад. Микол. педін-ту. 05.06.1938 заарешт. 09.01.1939 звільнен.	369, 370
Лопатин Прокіп Пилипович (1896–?), дир. магазину Союзшвейпрому (за ін. дан. Союзтекстильторгу, пом. дир-ра Ворошиловгр. міськхарчторгу). 11.08.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО засудж. до 12 років п/в у ВТТ. 17.08.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. 02.02.1940 справу припинено. Звільнен.	89, 91
Лосев Євген Дмитрович (1904–1942?), з 07.1937 – в.о. нач. 4-го від-я, з 16.06.1938 – нач. 6-го від-я 4-го відділу УДБ, секр. парткому УНКВС по Київ. обл., нач. Броварської опер-слідгрупи; з 01.05.1939 – заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; з 01.1940 – заст. нач., з 06.1940 – нач. Слід. частини УНКВС по Рівненській обл.; з 28.04.1941 – т.в.о. нач. УНКДБ по Рівнен. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ, ст. лейтенант ДБ (1941). 14.08.1942 виключений зі списків особов. складу НКВС як такий, що зник без вісті.	139, 140, 164, 200, 201
Лошак Цалел-Шимон Давидович (1892–?), художник Вінн. медін-ту. 13.09.1938 заарешт. 06.06.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. 23.08.1939 ВС СРСР відмінив вирок. 01.12.1939 справу припинено.	571, 572
Луньков Дмитро Дмитрович (1905–?), 2-й секр. Вінн. МК КП(б)У. 27.08.1938 заарешт. 27.05.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. ВС СРСР відмінив вирок.	633
Любавін Петро Митрофанович (1898–1941?), з 11.1936 – зав. пром.-трансп. відділом Дніпродзержинського МК КП(б)У, з 06.1937 – секр. парткому Дніпродзерж. азотно-тукового комбіната, з 11.1937 – 1-й секр. Дніпродзерж. МК КП(б)У, з 04.1938 – 3-й секр. Дніпропетр. обкому КП(б)У; з 05.1938 – 2-й секр. Донец. обкому КП(б)У; з 06.1938 – 1-й секр. Ворошиловгр. обкому КП(б)У; з 11.1938 – 1-й секр. Сталін. обкому КП(б)У; з 06.1941 – член Військ. ради 12-ї армії ПЗФ. Бригадний комісар. У 1941 зник без вісті.	701
Любченко Опанас (Панас) Петрович (1897–1937), з 28.04.1934 – голова РНК УРСР. У 08.1937 під час пленуму ЦК КП(б)У звинувач. у зв'язках з «бурж.-націоналіст. антирад. орг-цією кол. боротьбистів». 30.08.1937 покінчив життя самогубством.	129, 617

Люшков Генріх Самійлович (1900–1945), з 29.08.1936 – нач. УНКВС по Азово-Чорноморському краю (м. Ростов-на-Дону), з 31.07.1937 – нач. УНКВС по ДСК (м. Хабаровськ). Комісар ДБ 3-го рангу. 13.06.1938 втік до Маньчжурії (Китай), співробітничал з японцями. 19.08.1945 вбитий начальником Дайренської військ. мисії Японії.	129, 167, 190
<i>Лябах Ірина</i>	742
Ляпіс – нач. санчастини УНКВС по Микол. обл.	237, 240
Мазо Соломон Самійлович (1900–1937), з 17.10.1936 – нач. УНКВС по Харк. обл. Комісар ДБ 3-го рангу. 04.07.1937 покінчив життя самогубством (застрелився).	66, 67, 70
Мазуркевич, співр. УНКВС по Харк. обл. Заарештов.	651, 655
Мазуров (Мазур), у 06.1940 – 04.1941 – секр. НКВС. Мол. військ. юрист.	234, 493
Майструк Володимир Федорович (1903–1976), з 1935 – уповн. Томашпільського РВ НКВС Вінн. обл.; з 11.1937 – нач. 1-го від-я, з 26.09.1938 – в.о. заст. нач. і т.в.о. нач., з 14.02.1939 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 05.11.1940 – заст. нач. УНКВС (з 14.04.1941 – УНКДБ) по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1940), ст. лейтенант ДБ (1941). 05.05.1941 заарешт. 22.05.1941 звільнен. З осені 1941 – у складі опер. групи НКВС УРСР.	56–58, 62–66, 497, 499, 507, 509–512, 514, 541, 555–557, 559, 561, 563–565, 569–572, 582, 583, 587, 596, 598–609, 611, 623, 624, 631–633
Майський (Зінов'єв) Олександр Гнатович (1903–?), у 1937–1938 – нач. 3-го від-я 4-го відділу, т.в.о. заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 20.04.1938 – т.в.о. нач. 14-го від-я 3-го відділу; з 20.06.1938 – т.в.о. нач. 1-го від-я 5-го відділу УДБ НКВС УРСР (з 08.1938 – ОБ НКВС КОВО, на 25.09.1938 – в.о. заст. нач. відділу); з 25.10.1938 – т.в.о. нач. 6-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; з 1939 – нач. 2-го від-я ЕКУ НКВС УРСР. З 02.1939 – у резерві НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 13.07.1939 звільнен. з НКВС. Нач. моб. відділу Наркомата лісової пром-ті УРСР. 21.02.1941 заарешт. 31.03.1942 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	694
Максименко Володимир Микитович (1887–1938), з 19.09.1936 по 01.07.1938 – гол. Ворошиловгр. МК Червоного Хреста (помилково – нач. конекуправління ОблЗУ). 10.07.1938 заарешт. Внаслідок побоїв під час допитів 24.09.1938 помер.	91–95, 103, 691, 692, 694–696, 702, 703, 706–708, 710, 711, 713, 723–725, 732, 734, 737
Максименко Микола Васильович (1911–?), з 04.04.1938 – пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 26.09.1938 – нач. Шпиківського райвід-я НКВС Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1938).	498, 500, 505, 507, 509, 522, 523, 528, 530, 547, 577, 584, 595, 596
Максимов Василь Георгійович, мешканець м. Ворошиловграда. У 1938 заарешт. Звільнен.	729
Максимов Опанас Опанасович (1901–1970), з 05.1937 – нач. енергоцеху, з 08.1937 – секр. парткому, парторг ЦК ВКП(б) на Херсон. консервному з-ді ім. Й. В. Сталіна; з 12.1937 – 1-й секр. Херсон. МК КП(б)У; з 04.1938 – 3-й секр. оргбюро ЦК КП(б)У по Микол. обл., з 05.1938 – 2-й секр. Микол. обкому КП(б)У, з 05.1941 – секр. Микол. обкому КП(б)У з машинобуд. пром-ті; з 09.1941 – відпов. секр. парткомісії політвідділу Південної опер. групи гвард. мінометних частин Півден. фронту, з 10.1942 – заст. нач. політвідділу 56-ї армії Північно-Кавказького фронту.	35, 38, 307, 425, 455

Малиновський, у 1938 – нач. 3-го від-я 4-го відділа УДБ УНКВС по Микол. обл. Відряджен. на роботу у ГУТАБ НКВС СРСР.	456, 458, 467
Малихін, у 06.1940 – член ВТ військ НКВС ХО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл. Військ. юрист 3-го рангу.	637, 640, 641
Малишев Микола Павлович (1907–1939), у 1937 – заст. нач. 1-го від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 15.03.1938 – т.в.о. заст., з 07.04.1938 – заст. нач. відділу кадрів НКВС УРСР, з 02.08.1938 – заст. наркома внутр. справ Молд. АРСР. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 15.11.1938 заарешт. 13.04.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 14.04.1939 розстріляний.	18, 108, 110, 115, 150, 153, 160, 204, 209, 219
Малюгін, секр. Хорлівського РК КП(б)У Микол. обл. У заарешт. 29.04.1938 звільнен.	228, 272, 277, 279–281, 345, 361, 369, 384, 473
Малютін Іван Митрофанович (1889–1970), з 1937 – заст. гол., з 11.1937 – в.о. гол. Вінн. облвиконкому (по 07.1938); депутат Верховної Ради СРСР; з 1938 – заст. нач., нач. Дніпропетр. облуправління хлібопродуктів.	567
Маляров Михайло Петрович (1909–1984), у 1940 – військ. прокурор ГВП, пом. Головного військ. прокурора РСЧА.	39, 43, 150, 234, 389, 492, 635, 686
Мальцев, у 1938 – співр. УНКВС по Київ. обл.	205
Манюрін, «ворог народу» (м. Миколаїв).	372
Мар'янчик Ісак Мойсійович (1912–?), з 1938 – співр. 9-го відділу УНКВС, у 01.1940 – оперуп. 3-го від-я ЕКВ, у 02.1941 – оперуп. УНКВС по Київ. обл. Сержант ДБ.	144, 145, 178, 181, 182, 192
Маркітан Павло Пилипович (1887–1937), з 1934 – 1-й секр. Чернігів. обкому КП(б)У. 28.08.1937 заарешт. 24.10.1937 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 25.10.1937 розстріляний.	380
Марковський Костянтин Михайлович (1903–1978), з 08.1937 – нач. 5-го від-я ДТВ ГУДБ НКВС ПЗЗ (м. Київ); з 05.06.1938 – пом. нач., заст. нач. 2-го від-я 1-го відділу 3-го управління (з 29.09.1938 – Голов. трансп. управління) НКВС СРСР; з 23.10.1939 – нач. ДТВ (з 01.03.1941 – дорож. відділу міліції) НКВС Південної залізниці (м. Харків); з 15.04.1941 – нач. УНКДБ (з 08.1941 – УНКВС) по Ворошиловр. обл. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939), капітан ДБ (1941).	100
Мартиненко Іван Пилипович (1911–?), у 1938 – нач. Єланецького райвід-я НКВС Микол. обл. 27.08.1938 заарешт. 03.12.1939 ВТ військ НКВС Одес. обл. засудж. до 5 років п/в у ВТТ. У 1941 звільнен., направлений до діючої армії.	275, 379, 471
Мартинюк Герасим Михайлович (1901–?), у 1937 – нач. Гайсинського райвід-я НКВС Вінн. обл.; у 1938 – нач. від-я 3-го відділу, потім – 9-го відділу УДБ, з 1939 – заст. нач. ЕКВ УНКВС по Вінн. обл.; з 12.1939 – нач. ЕКВ УНКВС по Київ. обл.; у 1941 – нач. КРВ УДБ УНКВС по Ізмаїльській обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	500, 507, 509, 510, 512, 524, 544, 583, 593, 613, 617, 626

Марусинов (Бернштейн) Олександр Іванович (1895–1940), 660 з 08.10.1934 – нач. відділу кадрів УНКВС по Харк. обл.; з 23.08.1937 – нач. АГУ НКВС УРСР; з 03.1938 – співр. Управл. Тайшетського ВТТ, нач. Гутаро-Тагульської експе- диції ГУТАБ НКВС СРСР (Іркутська обл.). Ст. лейтенант ДБ (1936). 15.09.1939 заарешт. 19.06.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 20.06.1940 розстріляний.	
Марченко Сергій Павлович (1898–?), у 1937 – нач. 6-го від-я 115, 168, 169, 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл., з 31.08.1937 – нач. 188–197, 210 Шосткинського МВ НКВС Чернігів. обл., з 28.08.1938 – в.о. заст. нач. 5-го відділу, потім – заст. нач., нач. ЕКВ УНКВС по Київ. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936).	
Масалов Кузьма (1896–1938?), інспектор Вінн. спиртотресту. 496, 503, 626, 632, 10.06.1938 заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. 634 «засудж.» до ВМП.	
Маслов Євген Степанович (1908–?), оперуп., з 01.05.1938 – 674 нач. 3-го від-я, у 1939 – нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; 08.09.1939 відрядж. до ОВ НКВС ХВО, у 1940 – нач. від-я ОВ. Сержант ДБ (1936), мол. лейте- нант ДБ (1939).	
Матвеев Віталій Миколайович, у 1938 – військ. прокурор 524 17-го стріл. корпусу (м. Вінниця). Бригвійськюрист (1938).	
Матвеев, у 04.1941 – пом. Голов. військ. прокурора РСЧА. 212, 214	
Матошин, партпрац. У 1938 репресований. 352	
Матчинов Никанор Пилипович (1894–?), дир. Ільїнецького 497, 504, 519, 544, цукр. з-ду (Вінн. обл.). 15.06.1938 заарешт. 11.07.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 20 років п/в у ВТТ. 25.11.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок і припинила справу. Звільнен. 550, 633	
Махно Нестор Іванович (1888–1934), укр. політ. і військ. 380 діяч, анархо-комуніст. У 1918–1921 – організатор і керівник рев.-повст. руху в Україні. З 1921 – на еміграції.	
Мацковський Семен Васильович (1904–1938), нач. штабу 226, 227, 237, 239, ППО Микол. з-да ім. 61-го комунара. 03.08.1938 заарешт. 240, 278, 279, 290, 26.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «за- 330, 338, 342, 346, судж.» до ВМП. Розстріляний. 351, 362, 363, 367, 370, 374, 382, 383, 386, 392, 410, 425, 434, 441, 448, 452, 470, 474, 481, 488, 490, 491	
Медведев Павло Миколайович (1905–1998), з 03.1936 – пом. 196 нач., нач. Дзержинського МВ НКВС Горьківського краю (з 12.1936 – обл.); з 25.05.1938 – т.в.о. заст. нач. 3-го відділу, з 10.07.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., секр. парткому УНКВС; з 02.1939 – нач. від-я, т.в.о. заст. нач. відділу НКВС УРСР; з 04.1941 – в.о. заст. нач. 3-го управ- ління НКДБ УРСР, з 08.1941 – нач. 3-го управління НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1940), капітан ДБ (1942).	

Мейтус Леонід Ісакович (1897–?), у 1937 – нач. 5-го відділу УДБ НКВС Молд. АРСР, з 02.09.1937 – пом. нач. Микол. МВ НКВС, з 10.1937 – т.в.о. заст. нач. УНКВС по Микол. обл., з 03.1938 – у розпор. НКВС СРСР. З 17.03.1938 – нач. 3-го (опер.-чекіст.) відділу ВТТ шосейно-дорож. буд-ва (Шосдортабу) НКВС (м. Хабаровськ), нач. 3-го відділу УВТТК УНКВС по Хабаровськ. краю. Ст. лейтенант ДБ (1936). 15.06.1940 знятий з посади, звільнен. з НКВС.	28, 29
Меламуд Самуїл Соломонович (1904–?), заст. нач. корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 05.10.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено. Звільнен.	227, 254, 278, 323, 346, 374, 375, 382, 408, 411, 477
Мельвін, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	437
Меркулов Всеволод Миколайович (1895–1953), з 29.09.1938 – заст. нач. ГУДБ, водночас з 26.10.1938 – нач. 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 17.12.1938 – 1-й заст. наркома внутр. справ СРСР і нач. ГУДБ НКВС СРСР; з 03.02.1941 – нарком держбезпеки СРСР; з 31.07.1941 – 1-й заст. наркома внутр. справ СРСР. Комісар ДБ 3-го рангу.	72
Меркулова Анна Агеевна (1908–?), гол. завод. профспіл. комітету Ворошиловгр. з-да № 60. 09.07.1938 заарешт. 16.11.1938 справу припинено. Звільнена.	704
Мефедовський Дмитро Хомич (1919–?), зав. спортвідділом Вінн. міськ. парку. 06.07.1938 заарешт. 23.07.1939 справу припинено.	535, 574–576
Мешик Павло Якович (1910–1953), у 1937 – оперуп., з 15.09.1937 – пом. нач. 14-го від-я 3-го відділу ГУДБ; з 01.01.1939 – пом. нач. Слід. частини НКВС СРСР, з 04.09.1939 – нач. Слід. частини ГЕУ, з 04.03.1940 – нач. 1-го відділу ГЕУ НКВС СРСР; з 26.02.1941 – нарком держбезпеки УРСР; з 31.07.1941 – нач. ЕКУ НКВС СРСР, водночас з 05.09 по 10.11.1941 – нач. 7-го спец. відділу НКВС СРСР; з 19.04.1943 – заст. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СРСР (по 17.12.1945). Мол. лейтенант ДБ (1935), лейтенант ДБ (1937), капітан ДБ (25.02.1939), майор ДБ (04.09.1939), ст. майор ДБ (1941), комісар ДБ 3-го рангу (14.02.1943), генерал-лейтенант (26.05.1943). 30.06.1953 заарешт. 23.12.1953 Спец. судов. присутністю ВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	63, 501
Миронов (Мирон) Григорій Васильович (1887–1938), перибіжчик з Румунії, контролер Вінн. міськ. від-я зв'язку. 12.02.1938 заарешт. 01.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 03.10.1938 розстріляний.	530, 545, 583, 584, 595
Митрофанов, у 1938 – черг. пом. коменданта УНКВС по Микол. обл.	260, 261, 406, 407, 428, 478
Михайлов, у 1937/1938 – нач. Гребенківського РВ НКВС Київ. обл. Заарешт.	129, 131, 166, 169
Мишков Микола Гордійович (1894–1937), заст. наркома легкої пром-ті СРСР. 03.10.1937 заарешт. 26.11.1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	706
Мищенко Гаврило Корнійович (1904–1966), з 08.1937 – 1-й секр. Бобринецького РК КП(б)У Одес. обл.; з 11.1937 – інструктор, у 04.1938 – заст. зав. відділу керів. парт. органів ЦК КП(б)У; з 04.1938 – в.о. 1-го секр., 1-й секр. Вінн. обкому КП(б)У. Депутат Верховної Ради СРСР. З 07.1941 – нач. Політуправління обор. споруд Південного фронту (м. Харків, Сталінград). Полковий комісар.	568, 589

Мілаєв Іван Олексійович (1903–?), у 01.1937 – ст. інспектор, у 1938 – нач. 1-го від-я і пом. (з 28.05.1938) нач. відділу кадрів; з 02.06.1938 – т.в.о. нач. АГУ НКВС УРСР; з 26.07.1938 – у розпор. НКВС УРСР, у 01.1939 – т.в.о. нач., пом. нач. УНКВС по Київ. обл.; з 21.09.1940 – пом. нач. УНКВС по Акерманській обл.; пізніше – нач. 1-го спецвідділу УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1937), капітан ДБ (1942).	108
Міляков, у 1939–1941 – співр. ВТ військ НКВС КО. Технік-інтендант 2-го рангу (на 1939), технік-інтендант 1-го рангу (на 1940).	235, 381, 387
Мільштейн Мойсей Ісакович (1903–?), кол. співр. НКВС, у 1938 – заст. зав. Вінн. облвнупорга. 08.06.1938 заарешт. 01.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП.	519, 531, 585, 586
Мінін Володимир Іванович (1908–?), зав. Сталін. міськ-комгоспом. У 1938 заарешт.	706, 722
Мінкін, у 1957 – пом. військ. прокурора Прикарпатського ВО.	66
Міренштейн, у 1938 – співр. УНКВС по Київ. обл. Заарешт.	180
Міхельсон Йосип Якович (1906–1938?), технік Київ. судно-рем. з-ду ім. І. В. Сталіна. 29.04.1938 заарешт. Особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП.	181, 182, 198, 199, 210
Мішин Михайло Лаврентійович (1896–?), ст. інспектор, з 04.08.1937 – нач. відділу кадрів УНКВС по Харк. обл.; з 28.08.1938 – в.о. нач., у 03.1939 – нач. 3-го від-я, у 02.1940 – нач. 4-го від-я відділу кадрів НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). 23.02.1940 звільнен. з НКВС.	668, 669, 676
Мішустін, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	419, 467
Можейко Казимир Казимирович (1894–1938), з 1935 – співр. УНКВС, у 1938 – ст. інспектор відділу кадрів УНКВС по Київ. обл. 05.07.1938 заарешт. Внаслідок побиттів під час допиту 07.08.1938 помер.	99, 103, 130, 132, 135, 136, 140, 143–146, 148, 168, 172–174, 177, 178, 180–182, 187, 191, 192, 199, 200, 205, 210, 211, 220, 223, 693, 695, 696, 708, 709, 738
Молчанов Георгій Андрійович (1897–1937), з 1931 – нач. СПВ ОДПУ (з 10.07.1934 – ГУДБ НКВС СРСР), з 11.12.1936 – нарком внутр. справ Білоруської РСР і нач. ОВ ГУДБ НКВС Білорус. ВО. Комісар ДБ 2-го рангу. 04.03.1937 заарешт. 09.10.1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	471
Моляков Василь Федорович, у 10.1940 – військ. прокурор ГВП РСЧА. Військ. юрист 3-го рангу.	685
<i>Моргун Анна</i>	742

Мордухович Григорій (Герш) Абрамович (1903–?), з 01.12.1936 – оперуп. ОВ НКВС 43-ї авіабригади ХВО; з 15.02.1938 – т.в.о. особливоуп., з 07.1938 – особливоуп. УНКВС по Харк. обл.; з 31.03.1940 – заст. нач. ЕКВ УДБ УНКВС по Житомир. обл.; з 12.04.1941 – заст. нач. Коростенського РВ НКДБ; потім – ст. оперуп. НКВС УРСР, з 12.11.1941 – у резерві НКВС як такий, що перебуває у ворожому оточенні, з 01.05.1942 – у резерві відділу кадрів НКВС УРСР за посадою нач. від-я; з 21.09.1942 – у розпор. УНКВС по Молотовській обл. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1940).	80, 645, 648–650, 653, 656, 659–661, 663, 665, 666, 670–678
Мордухович, гол. завод. ради Тсоавіахіму Микол. з-да ім. 61-го комунара.	330
Морозов Ігнатій Дмитрович (1898–1940), з 15.06.1932 – нач. 22-го Волочиського прикорд. загону ОДПУ (Вінн. обл.), з 08.1935 – пом. нач. УНКВС по Вінн. обл.; з 29.05.1937 – нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 16.08.1937 – заст. нач., з 20.08.1937 по 03.03.1938 – т.в.о. нач. УНКВС по Вінн. обл.; з 28.03.1938 – нач. 6-го відділу 1-го управління (з 29.09.1938 – ГУДБ) НКВС СРСР, з 01.01.1939 – пом. нач. Слід. частини НКВС СРСР. Капітан ДБ (1936), майор ДБ (1937). У 1939 заарешт. 24.07.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 26.07.1940 розстріляний.	23, 46, 47, 553, 606
Морозов, у 1938–1939 – в.о. військ. прокурора, військ. прокурор прикор. і внутр. військ (військ НКВС) КО. Бригвійськюрисст.	238
Москалев, у 1938 – слідчий УНКВС по Харк. обл.	668, 678
Муклевич, нач. Микол. головморпрому.	329
Муклеев, «ворог народу» (м. Миколаїв).	344
Муратов Михайло Гнатович (1898–?), нач. політвідділу радгоспу ім. С. В. Косіора Микол. р-ну Одес. обл., потім – 2-й секр. Микол. МК КП(б)У. 12–13.05.1938 заарешт.	242–244, 248, 278, 281, 282, 292, 330, 344, 346, 362–364, 371–373, 375, 394–396, 399–401, 458, 468, 471, 472, 476, 489
Мурін Олександр Васильович (1890–?), агроном Цюрупинської дослідної станції (Микол. обл.). 09.02.1938 заарешт. 29.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	375, 378
Мусейчук (Мусійчук), член ВТ військ НКВС ХО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл. Військ. юрист 2-го рангу.	637
Набока Микола Тимофійович (1905–1938), зав. сільгоспвідділом Вінн. обкому КП(б)У. 04.06.1938 заарешт. 05.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	602
Нагорний Іван Григорович (1902–1941), з 01.04.1937 – нач. внутр. тюрми УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1937), ст. лейтенант ДБ (1940). У 1941 загинув при обороні Києва.	112, 116, 120, 121, 154, 157, 160, 171, 172, 207, 210, 217, 219

Надеждін (Хайма) Олександр Михайлович (1903–1955), з 01.03.1936 – заст. нач. СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Одес. обл.; 01.05.1937 відрядж. до НКВС УРСР; з 13.08.1937 – нач. 4-го відділа УДБ УНКВС по Вінн. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 05.06.1938 заарешт. 29.10.1939 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 5 років п/в у ВТТ. 16.12.1939 вибув для відбуття покарання до Красноярського ВТТ (м. Канськ). 26.12.1946 звільнен. У 1951 мешкав у стан. Біла Калитва Ростовської обл., нач. відділу підсобних підприємств «Алюмінбуду» (Білокалітвинського з-ду алюмін. прокату). 11.05.1951 заарешт. УМДБ по Одес. обл. 10.11.1951 ОСН при МДБ СРСР «засудж.» до вислання на поселення у Красноярському краї. Мешкав у с. Мотигіно Удереїського р-ну Красноярськ. краю. 27.01.1955 покінчив життя самогубством.	514–517, 527, 532, 535, 540, 549, 552, 555, 561, 562, 565, 566, 573, 576, 578–581, 598, 599, 602, 603, 6150 616, 618, 619, 621, 623, 671, 675
Назаревська, у 11.1940 – секр. ВКВС СРСР, технік-інтендант 2-го рангу.	150, 151, 687
Назаренко Андрій Григорович (1903–?), з 11.09.1937 – нач. 8-го від-я 3-го відділу, з 04.04.1938 – нач. 8-го (облік.-стат.) відділу УДБ; з 04.06.1938 – в.о. особливоуп. НКВС (по 29.08.1938); з 14.08.1938 – нач. 1-го спецвідділу, з 15.09.1938 – нач. 7-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 26.02.1939 заарешт. 05.04.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. 23.04.1941 ВКВС СРСР зменшила строк покарання до 6 років п/в у ВТТ.	112, 115, 122, 126, 127, 154, 159, 183–186, 435, 525
Назаренко Олександр Петрович (1899–?), у 1937 – нач. Жмеринського райвід-я НКВС, з 22.04.1938 – нач. Гайсинського райвід-я НКВС Вінн. обл.; з 01.09.1938 – заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 03.01.1940 – нач. 1-го спецвідділу УНКВС по Дрогобицькій обл. Лейтенант ДБ (1936).	499, 507, 509, 510
Назаренко, у 1937 – оперуп. Ворошиловгр. МВ НКВС.	112, 115, 122, 126–127, 154, 159, 183–186, 435, 499, 507, 509–510, 525, 704
Назаров, у 1941 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ.	509, 630, 635
Найдман Йосип Самсонович (1896–?), з 01.03.1936 – заст. нач. ОВ УДБ УНКВС по Харк. обл. і ОВ ХВО, з 03.01.1937 – заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 17.06.1937 – заст. нач. 1-го від-я 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Капітан ДБ (1936). 25.01.1939 заарешт. 28.04.1939 ВКВС СРСР засудж. до 15 років п/в у ВТТ.	661
Наливайко Яків Іванович (1896–?), нач. ливарного цеху Микол. з-да ім. А. Марті. 15.07.1938 заарешт. 29.12.1938 звільнений. У 03.1941 – нач. ливарного цеху Микол. з-да № 381.	235, 239, 241, 283, 284, 332, 338, 371, 372, 449, 461, 462, 467
Наместюк Павло Тимофійович, веттехнік-практикант радгоспу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл. У 1938 заарешт. Трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	228, 270, 272, 284–286, 289, 297, 299, 323, 356, 357, 348, 365, 366, 416–418, 443, 441, 445, 446, 449, 450, 461, 475, 488
Напалков, у 08.1940 – член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі О. Долгушева. Лейтенант ДБ.	112, 148, 149

Науменко, у 1938 – праців. ЦК КП(б)У.	568
Нейман Борис Наумович (1907–?), у 1937 – співр. УНКВС по Київ. обл. (Чорнобильський р-н), у 10–12.1937 – у складі Уманської опер. слід. групи; з 02.1938 – нач. Христинівського райвід-я НКВС Київ. обл., у 03–06.1938 – у складі Уманської оперслідгрупи. У 06.1939 – нач. 3-ї частини 3-го відділу при Управлінні буд-ва № 211 НКВС КОВО (м. Літин Вінн. обл.). Сержант ДБ (1936). 01.07.1939 звільнен. з НКВС.	117, 178, 195, 196
Немировський Олександр Наумович (1896–?), у 1938 – пом. нач. 4-го від-я 8-го відділа УДБ, потім – пом. нач. від-я ЕКВ, у 1939 – пом. нач. 2-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1936).	198
Немченко Гаврило Гаврилович (1907–?), бухгалтер Єланецької райспоживспілки (Микол. обл.). 28.07.1938 заарешт. 26.03.1939 справу припинено. Звільнен.	273, 277, 371
Нероз Яків Йосипович (1903–?), з 06.1938 – нач. АГВ УНКВС по Ворошиловгр. обл. У 06.1939 звільнений з НКВС. У 04.1940 – нач. відділу спецзв'язку Ворошиловгр. облуправління зв'язку.	85, 86
Нестеренко, у 1939–1940 – слідчий Слід. частини УНКВС по Харк. обл.	641
Нестеров, член ВТ військ НКВС КО на суд. процесі у справі кол. співр. УНКВС по Вінн. обл. Військ. юрист 3-го рангу.	509, 630, 635
Нечаєва Євгенія Миколаївна, у 1938 – слідчий, у 1940 – ст. слідчий Слід. частини УНКВС по Харк. обл. Сержант ДБ (1939).	675
Нешадимов Андрій Якович (1909–?), з 04.1938 – пом. нач. 1-го від-я 4-го відділу, у 05.1939 – т.в.о. нач. від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1938).	556, 563, 570, 572, 607, 608
Никитин, особливоуп. УНКВС по Микол. обл.	340, 341
Никитченко Микита Павлович, секр. РК КП(б)У. У 1938 заарешт. у м. Запоріжжя.	311, 352, 360, 370
Ничепорук Андрій Федорович (1904–1937), нач. механіч. цеху Микол. з-да ім. А. Марті. 09.10.1937 заарешт. 24.11.1937 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	360
Нишета, у 1940 заарешт. УНКВС по Харк. обл.	649
Ніколаєв І.Н., у 12.1939 – пом., у 01.1940 – заст. військ. прокурора ХВО. Бригадний комісар.	90–94, 701
Ніколаєвський Фауст Пилипович (1881/1891–?), зав. навч. частиною, у 10.1939 – заст. дир-ра Микол. педін-ту. З 09.1919 – секр. інформатор Одеської губЧК, з 1924 – резидент інформаторської мережі ДПУ у м. Очакові і Очаківському р-ні, з кінця 1928 – резидент інформ. мережі ДПУ в установах Наркомату освіти УСРР у м. Миколаєві, з 1934 – секр. агент УНКВС по Микол. обл. «Герд».	228, 235, 338–342, 353, 355, 358, 368, 369, 385, 432, 462–464, 473, 477, 480
Новак Зіновій Абрамович (1908–?), з 1937 – оперуп. 3-го від-я УДБ Запорізького МВ НКВС Дніпропетр. обл.; з 20.04.1938 – оперуп. 10-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 03.10 по 11.11.1938 – член слід. групи при ОВ НКВС КОВО, у 01.1939 – нач. від-я 7-го відділу 1-го управління, у 01.1940 – нач. від-я ЕКУ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936).	259, 467

Новаков Петро Олександрович (1904–?), з 1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 09.10.1937 – пом. нач. від-я 3-го відділу, у 04–08.1938 – нач. від-я, т.в.о. заст. нач. 11-го відділу УНКВС по Микол. обл.; з 13.10.1938 – у розпор. НКВС УРСР; з 1939 – заст. нач. управл. дороги № 1 УШОСДОР НКВС УРСР; з 05.1939 – нач. 2-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Кіровоград. обл. Сержант ДБ (1936).	259
Новаковський Нісон (Нухим) Шльомович (1894–1938), з 06.1935 – заст. нач. ОО УДБ УНКВС по Харк. обл. і ОВ НКВС ХВО; з 05.11.1936 – нач. Коростенського окрвідділу НКВС і ОВ НКВС 46-ї стр. див. КВО; з 22.07.1937 – т.в.о. нач., нач. відділу резервів НКВС УРСР; з 03.10.1937 – т.в.о. нач., з 09.11.1937 – нач. УМУ НКВС УРСР. Капітан ДБ (1936). 06.04.1938 заарешт. 22.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	662
Новиков Георгій Іванович (1894–?), у 1936–1937 – співр. УНКВС по Одес. обл.; у 1938 – співр. 7-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; нач. Каховського РВ НКВС Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 09.08.1938 звільнен. з НКВС.	353
Новиков Іван Васильович (1904–?), з 04.1937 – секр. завкому КП(б)У Ворошиловгр. з-да № 60, з 10.1937 – секр. Клімівського РК КП(б)У м. Сталіно, з 06.1938 – 2-й секр. Сталін. обкому КП(б)У, з 01.1939 – у розпор. Сталін. обкому КП(б)У.	706, 713, 732, 733
Новиков Трохим, член Харк. обл. колегії адвокатів.	637–642, 644, 647, 649, 652, 656, 659, 663, 666, 667, 669, 677–679, 681, 686
Ножницький Семен Йосипович, у 1938 заарешт. у м. Запоріжжя.	у 311, 352, 360, 367
Нольд Йосип Мартинович (1904–1938), мешканець с. Блюменфельд Тілігуло-Березанського р-ну Микол. обл., колгоспник. У 1938 заарешт. 08.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350
Носков Андрій Іванович, у 04–12.1941 – заст. нач. Слід. частини НКВС УРСР. Лейтенант ДБ.	153, 194, 205
Носков, у 1938 – член спецколегії Вінн. облсуду.	609
Носов Василь Іванович (1894–?), сортувальник корпусного цеху Микол. з-ду ім. 61-го комунара. 08.08.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено. Звільнен.	227, 260, 261, 263, 375, 382
Нощенко Петро Хомич (1907–1967), з 1935 – прокурор м. Артемівська Донец. обл., з 1937 – заст. прокурора Донец. обл., з 1938 – прокурор Ворошиловгр. обл., з 12.1940 – прокурор Сталін. обл., у 1942 – прокурор Пензенської обл. (РРФСР), з 1943 – прокурор Сталін. обл., з 12.1945 – 1-й заст. прокурора УРСР. Держ. радник юстиції 3-го класу.	701, 703, 707
Нудін, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	373
Нудьга Василь Спиридонович (1911–?), з 06.1938 – оперуп. 7-го від-я УДБ, у 07.1940 – нач. 2-го від-я 3-го спецвідділу УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ.	725, 726
Нурінов Олександр Агеєвич (1893–?), дир. Науково-досл. ін-ту гібридизації «Асканія-Нова» (Микол. обл.). 20.01.1938 заарешт. 27.09.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП.	272, 299, 348, 364, 365, 374, 392, 418, 448, 449, 474
Овчаров, у 1938 – співр. УНКВС по Київ. обл.	189

Окруй Володимир Іванович (1894–1937), з 15.01.1937 – заст. нач. УНКВС по Вінн. обл., з 17.07.1937 – нач. Коростенського окрвдділу НКВС Київ. обл. Капітан ДБ. У 08.1937 заарешт. У 10.1937 засудж. в особливому порядку до ВМП. 31.10.1937 розстріляний.	46, 47
Олевич Юхим Вікторович (1903–?), з 01.1937 – нач. 3-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 04.11.1937 заарешт. 12.01.1939 звільнен. У 01.1940 – нач. будинку відпочинку НКВС СРСР (м. Теберда Карачаївської автоном. обл. РРФСР).	642, 645, 647–650, 652, 654, 655, 660, 669, 674–678
Ольшанський Яків Григорович (1900–?), зав. сектором обліку Ворошиловгр. МК КП(б)У. 11.07.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. 17.03.1940 ВКВС СРСР відмінила вирок, справу припинила. 10.08.1940 звільнен.	96, 168
Онищенко Ананій Григорович (1888–?), в.о. гол. Микол. обл-лсуду. 20.07/08.1938 заарешт. 17.08.1939 звільнен.	226, 237, 240, 268–270, 277, 283, 318, 329, 343, 346, 362, 375, 385, 414, 437, 448, 470, 472
Онопко Яків Якович (1905–1939), дослідник металографіч. лабораторії ВЗЖР. 13.08.1938 заарешт. 18.10.1938 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 25.01.1939 розстріляний.	719, 720, 722
Онопрієнко, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	363, 364
Орлов (або Орловський), невстановлена особа.	193, 196, 197
Орлов Олександр Мойсійович (1896–1965), з 1934 – член ВС СРСР, у 1941–1942 – пом. гол. ВКВС СРСР. Диввійськюрист (на 1937), корвійськюрист (на 1941), генерал-майор юстиції (1943).	224
«Орлов», секр. агент УНКВС по Микол. обл.	355
Осипенко, у 1938 – «об'єкт» УНКВС по Ворошиловгр. обл.	723
Осипов, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	337
Осокін Василь Васильович (1894–1960), з 29.03.1938 – нач. прикор. і внутр. військ НКВС УРСР, водночас з 15.11 по 07.12.1938 – в.о. наркома внутр. справ УРСР; з 29.03.1939 – нач. прикор. військ НКВС КО, з 29.10.1940 – нач. Голов. управління місцевої протиповіт. оборони НКВС СРСР. Комдив (1938), генерал-лейтенант (1940).	172
Острович Отто Оскарович (1889–?), головлікар Жмеринської міжрайон. лікарні (Вінн. обл.). 11.06.1938 заарешт. 20.01.1939 справу припинено. Звільнен.	595
Островський Зіновій Ісайович (1905–?), у 1937 – співр. Летичівського райвід-я НКВС, з 01.07.1937 – пом. оперуп., з 03.1938 – оперуп., з 11.1938 – пом. нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. 05.05.1939 звільнений з НКВС. У 09.1939 – нач. орг.-моб. сектору, у 10.1939 – заст. нач. від-я з кадрів і спецроботі Вінн. від-я Військторгу КОВО, у 04.1941 – нач. Львівського від-я Військторгу КОВО.	52, 507, 509, 510
Островський, товариш М. Дудіна.	249
<i>Охотин Н.Г.</i>	742
Оценов-Шецен Шолом Левович (1903–1938), виклад., заст. дир-ра технікуму (м. Вінниця). 24.04.1938 заарешт. 02.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 03.10.1938 розстріляний.	562

Павличев Леонід Михайлович (1908–1942), з 28.12.1936 – пом. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Горьківському краю (з 16.02.1937 – обл.); з 20.01.1938 – нач. від-я 4-го відділу, з 31.05.1938 – т.в.о. пом. нач., пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28.07.1938 – т.в.о. заст. нач. УНКВС по Київ. обл.; з 13.10.1938 – в.о. нач. 4-го (з 10.01.1939 – 2-го) відділу УДБ НКВС УРСР. 19.07.1940 звільнен. з НКВС. Нач. моб. відділу УШОСДОР НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1937), ст. лейтенант ДБ (1938), капітан ДБ (1939). 13.02.1941 заарешт. 15.08.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. Звільнен., у розпор. нач. УНКВС по Ворошиловгр. обл. 12.01.1942 судимість знята, направлений до діючої армії. Загинув на фронті. Не реабіліт.	7, 13, 14, 17, 18, 23, 24, 27, 28, 82, 98–104, 112, 114, 115, 119, 130, 132, 134–138, 141–145, 147, 154, 159, 167–169, 172–174, 176–178, 180–182, 186–197, 199, 203–205, 210, 211, 220, 553, 554, 690, 693–699, 701, 706, 708–710, 731, 732, 734–740
Павловська Ніна Федосіївна (1898–?), лікар лікарні м. Олександрія (Микол. обл.). 08.06.1938 заарешт. 21.12.1938 звільнена.	282
Павлюк Іван Мамонтович (1896–1938), підпоручник Рос. імператор. армії і Збройних сил Української держави; мешканець с. Кистівці Уланівського р-ну Вінн. обл., учитель. 02.02.1938 заарешт. Внаслідок побоїв на допитах 26.03.1938 помер.	517, 532–535, 582, 588, 589, 621
Палкін Олександр Олексійович, у 1939–1940 – в.о. військ. прокурора військ НКВС ХО.	73, 74, 76, 92, 95, 674
Пан Яків Аронович (1895–1939), з 1936 – пом. нач. (з 15 по 22.07.1937 – т.в.о. нач.) УНКВС по Харк. обл.; з 10.12.1937 – пом. нач. УКНВС по Курській обл., з 1938 – пом. нач. УКНВС по Воронізькій обл. Капітан ДБ (1936). 21.03.1939 виключений зі списків особ. складу НКВС через смерть.	67, 70
Пандорін Олександр Олександрович (1898–?), з 01.1937 – т.в.о. нач. 7-го від-я 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Лейтенант ДБ (1936). У 03.1938 заарешт., у 03.1939 звільнен. 04.12.1939 заарешт. 08.04.1940 ВТ військ НКВС ХО засудж. до 6 років п/в у ВТТ. У 1942 звільнен., направлений на фронт.	646, 664
Панкратєв Михайло Іванович (1901–1974), з 20.05.1938 – прокурор РРФСР, з 31.05.1939 по 07.08.1940 – прокурор СРСР, з 10.1940 – заст. нач. Управління військ. трибуналів Наркомату юстиції СРСР.	76
<i>Панова Марія</i>	6, 742
Панфиленко Антон Іванович, у 12.1939 – нач. 2-го відділу ГВП РСЧА, з 27.12.1941 – військ. прокурор м. Ленінграда. Бригвійськюрис.	90
Парміт, у 12.1938 – пом. військ. прокурора прикор. і внутр. військ УРСР, потім – заст., у 07–08.1939 – т.в.о. військ. прокурора, у 01.1940 – заст., у 09.1940 – т.в.о. військ. прокурора військ НКВС ХО. Військ. юрист 3-го рангу, військ. юрист 2-го рангу (1939).	641
Пасенко Макар Єфремович (1878/1888–?), лісник лісництва у Копайгородському р-ні Вінн. обл. 16.06.1938 заарешт.	495, 502, 631
Пекарев Марк Олександрович (1907–?), з 20.06.1938 – заст. нач. від-я 4-го відділу, з кінця 07.1938 – нач. 5-го від-я, потім – 3-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ, з 09.1939 – нач. 1-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ.	702, 718–721, 728
Пеня Михайло Авксентійович (1901–?), нач. Микол. торг. порту. У 1938 заарешт. Звільнен.	435, 436

Перепеляк Михайло Іванович (1907–?), з 1934 – оперуп., з 499, 507, 509, 1937 – нач. 8-го від-я (з 1938 – 1-го спецвідділу) УДБ, у 523–526, 533, 534, 04.1941 – т.в.о. заст. нач. УНКВС по Вінн. обл. з кадрів. 545, 552, 560, 576, Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1939), лейтенант ДБ 588, 592, 613 (на 1941).	
Перцов Давид Аронович (1909–1948), з 01.1937 – пом. нач. 43, 66, 69–80, 120, 4-го від-я 3-го відділу УДБ, з 08.08.1937 – пом., заст. нач. 171, 637–662, 664–4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 04.04.1938 – т.в.о. заст. нач., 666, 668–673, 675, з 30.04.1938 – т.в.о. нач. УНКВС, з 20.05.1938 – в.о. заст. нач. 678–681, 683–689 УНКВС по Харк. обл.; з 07.1938 – нач. Чорноморського морського відділу НКВС (м. Одеса). Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1937). 16.11.1938 заарешт. 15.08.1939 ВКВС СРСР засудж. до 4 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ. У 03.1940 етапований до Харкова. 06.06.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 15 років п/в у ВТТ. 21.07.1945 ОСН при НКВС СРСР строк покарання зменшила на 6 місяців. Покарання відбував у Східно-Уральському ВТТ. 28.08.1948 помер.	
Петерс-Здебський Андріан Олександрович (1899–?), з 11.04.1936 – нач. УРСМ УНКВС по Чернігів. обл., з 10.08.1937 – нач. Коростенського окрвідділу НКВС Київ. обл., з 01.10.1937 – т.в.о. нач. УНКВС по Полтав. обл. Капітан міліції (1936). 27.02.1938 заарешт. 26.11.1939 ВТ військ НКВС ХО засудж. до 2,5 років п/в умовно. 25.01.1940 ВКВС СРСР відмінила вирок, справу припинила. Звільнен. 3 06.1940 – пом. нач. УПО НКВС, у 1941 – заст. нач. АГУ НКВС УРСР (до 03.1942).	693, 694, 696, 707, 708, 738
Петилко, у 1938 – співр. УНКВС по Київ. обл.	189
Петров Геннадій Іванович (1886–?), з 1925 – судово-медичний експерт (м. Макіївка Донец./Сталін. обл.).	692
Петров Петро Володимирович (1896–?), у 1936 – пом. нач. ВМУ УНКВС по Харк. обл. У 1937 звільнен. з НКВС. Заарешт.	646
<i>Петров Н.В.</i>	45, 54, 65, 742
Петров, у 06.1939 – пом. оперуп., у 1940 – ст. оперуп. апарату ОСУ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ, лейтенант ДБ.	94–99
Петров С.Ф., у 1938 – нач. портового від-я 11-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл., лейтенант ДБ	435
Петров, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	256
Петровський Григорій Іванович (1878–1958), гол. Всеукр. центр. виконав. комітету рад (1919–1938), член політбюро ЦК КП(б)У (1920–1938), заст. гол. Президії Верховної Ради СРСР (1937–1938).	165, 350
Пивоваров Лука (Лук'ян) Юхимович (1892–1939), секр. Артемівського РК КП(б)У Донец. обл., праців. Ворошиловгр. напілочного з-ду ім. Д. Ф. Рудя. 05.08.1938 заарешт. 05.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 26.09.1939 розстріляний.	691, 737
Пипенко Захарій Іванович (1908–?), секр. Вінн. обкому ЛКСМУ, потім – зав. відділом керів. комсомол. органів ЦК ЛКСМУ. 11.08.1938 заарешт. У 11.1940 звільнен.	558, 560, 565, 569
Писарев, у 1939–1941 – секр. ВТ військ НКВС КО. Військовий юрист.	112, 147, 148, 154, 207, 208, 390, 486, 509, 630, 688

Пірксл Володимир Іванович (1894–1938), слюсар-машиніст колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 15.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Платинський Давид Нойхович (1888–?), прораб буд-ва Вінн. рибзаводу. 30.04.1938 заарешт. 14.08.1938 спецколегією Вінн. облусуду засудж. до 10 років п/в у ВТТ.	541, 557, 563, 606, 610
Плесцов Сергій Інокентійович (1906–1972), з 18.03.1941 – заст. нач. УНКДБ (з 15.08.1941 – УНКВС) по Новосибірській обл.; з 09.07.1942 – заст. нач. УНКВС по Архангельській обл. Капітан ДБ.	65
Плетнев, кол. дир. Микол. з-ду ім. 61-го комунара, мешканець м. Сталінграда. В 1937–1938 репресований.	244, 256, 264, 280, 329, 395, 408, 459, 467, 479
Побережний Юда Маркович (1903–?), з 03.1938 – нач. 4-го від-я 4-го відділу, з 08.1938 – т.в.о. нач. 9-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; у 1940 – нач. Слід. частини УНКВС по Дрогобицькій обл. Мол. лейтенант ДБ (1938), лейтенант ДБ (на 1940).	230, 238, 240, 270, 290–294, 343, 362, 373, 419, 430, 437, 472, 482, 483
Погорелов, співр. НКВС.	645
<i>Подкур Роман</i>	6, 48, 54, 64–66, 742
Познанський, заарешт. УНКВС по Микол. обл.	227, 228, 273, 348, 355, 385, 458, 460
Покотилів, у 1938 – співр. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.	165
Покровський Олексій Миколайович (1893–?), у 1937 – лікар тюрподо Ворошиловгр. МВ НКВС, з 1938 – УНКВС по Ворошиловгр. обл.	711–713
Поліщук Андрій Пилипович (?–?), у 1938 – оперуп., т.в.о. нач. від-я 3-го відділу УДБ, особливоуп. УНКВС по Київ. обл.; з 28.09.1938 – заст. нач. 1-го від-я ОВ НКВС КОВО. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939).	130, 173, 174, 196
Поліщук Антоніна Юхимівна (1895–?), 05.09.1937 заарешт. 20.11.1937 трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	591
Поліщук Борис Олександрович (1899–?), з 01.05.1937 – пом. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл., у 05.1937 від-рядж. для ведення слідства до 5-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. з 03.1938 – нач. 1-го від-я 6-го відділу 2-го управління НКВС СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 07.05.1938 заарешт. 23.09.1939 справу припинено. Звільнен.	642, 644–647, 650, 651, 653, 654, 658, 660, 661, 663, 665, 668, 673, 674, 676, 679, 682, 683
Поліщук Пилип Іванович (1894–?), колгоспник с. Селище Вінн. р-ну Вінн. обл. 06.06.1938 заарешт. 27.03.1939 справу припинено. Звільнен.	496, 503, 626, 632
Помозов Микола Денисович (1907–?), у 1937 – оперуп. ОВ НКВС 96-ї стр. див. КВО (м. Жмеринка Вінн. обл.); оперуп. 3-го відділу УДБ, з 1938 – оперуп. апарату ОСУ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1938), лейтенант ДБ (на 01.1940).	361
Попков, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	338
Портане, інженер (м. Київ). У 1938 заарешт.	138, 139, 165, 166

Поясов Яким Пилипович (1891–?), з 01.04.1934 – нач. Білоцерківського РВ ДПУ–НКВС і ОВ ОДПУ–НКВС 2-ї Туркестанської стр. див. УВО (КВО) (м. Біла Церква, Київ. обл.); з 27.09.1937 – нач. 11-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., у 1937–1938 – нач. Білоцерківської оперслідгрупи. з 25.05.1938 – т.в.о., з 01.06.1938 – в.о. заст. нач. УНКВС по Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938). 15.05.1939 звільнен. з НКВС. Дир. механіч. бондарного з-ду Держ. всесоюз. треста «Нафтогара» Наркомату паливної (з 10.1939 – нафтової) пром-ті СРСР (сел. Константинівка Ярославської обл.).

29, 30, 32, 34, 35,
38, 39, 44, 230,
235, 249, 270, 271,
279, 282, 286, 291,
294–296, 302, 304,
305, 312, 316, 318,
319, 326, 329–331,
338, 342, 345, 347,
351, 361, 363, 368,
370–373, 402, 407,
413, 416, 420, 423,
425, 428, 430–440,
450, 451, 453, 457,
461, 462, 464–466,
471, 474, 483, 490

Пригов Семен Левович (1903–?), з 01.01.1937 – нач. 6-го від-я, з 04.06.1937 – нач. 7-го від-я, з 04.01.1938 – пом. нач. 5-го відділу УДБ; з 02.06.1938 – т.в.о. нач., з 23.06 – заст. нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 26.07.1938 – т.в.о. нач. 3-го відділу УМУ НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 01.09.1938 заарешт. 02.09.1940 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 8 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Двінському ВТТ (м. Вельськ Архангел. обл.). 03.05.1946 до-строково звільнен. з 06.1946 – нач. відділу постач. ділянки військово-будів. робіт № 259 (м. В'ятські Поляни Кіровської обл.), з 04.05.1947 – праців. тресту «Військмормеханізація» Мін-ва буд-ва військ. і військ.-морських підприємств СРСР, з 06.1947 – нач. відділу кадрів і побуту ділянки дорож. буд-ва цього Мін-ва (м. Звенигород Москов. обл.), з 11.1947 – нач. відділу матер.-техніч. постач. Москов. контори № 1 тресту «Військмормеханізація» (м. Москва, мешкав без прописки), з 03.1948 – нач. відділу постач. Карачаровського з-ду термоізоляції (Перовський р-н Москов. обл.). 01.04.1949 заарешт. 25.05.1949 ОСН при МДБ СРСР «засудж.» до вис-лання на поселення. Мешкав у сел. Єрмаково Ігарського р-ну Красноярського краю. У 1956 судимість знята. з 1956 – праців. 3-го машинобуд. з-ду (м. Каменськ-Шахтинський Ростовської обл.).

116

Примақ, заст. гол. Микол. облсуду. У 1938 заарешт. Звільнен. 448

Примақ-Молдавська Поліна Самійлівна (1902–1938), сте-нографістка секретаріату НКВС УРСР. 04.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП. 14.10.1938 розстріляна.

152, 162, 163, 200,
202, 209, 220

Присенко, у 1937–1938 – співр. УНКВС по Микол. обл. 313

Пришивцин Антон Якович (1905–?), з 1937 – т.в.о. нач. 5-го від-я СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Донец. обл.; з 05.06.1938 – т.в.о. нач., з 02.08.1938 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС, з 07.09.1938 – в.о. заст. нач. УНКВС по Вінн. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938). 09.07.1939 зня-тий з посади і звільн. з НКВС. з 09.1939 – нач. інкасації і перевезення коштовностей Ворошиловгр. облконтори держ-банку. 06.05.1941 заарешт. 20.09.1941 звільнен.

46, 48, 51, 60, 62–
66, 509–512, 540,
542, 554, 557–561,
564, 565, 568, 569,
575, 583, 587, 599,
604–605, 611, 613,
615, 616, 619, 623,
624, 628, 631–633

Пріцкер Соломон Шулимович (1904–?), у 1937–1938 – нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл.; з 20.06.1938 – нач. 8-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. З 20.08.1938 – у розпор. НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936). 26.03.1939 звільнен. з НКВС. У 07.1940 – нач. відділу кадрів, у 08.1941 – нач. спецвідділу комбіната «Ворошиловградвугілля».	274, 275, 356, 456, 460, 482
Пріцкер Юхим Володимирович (1899–?), з 01.04.1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 09.10.1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ, на 01.01.1938 – в.о. секр. УНКВС по Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936). 29.03.1938 заарешт. 26.03.1939 звільнен.	274–275, 456, 482, 730–732
Пронін Михайло Миколайович (1901–?), з 1934 – пом. оперуп. оперативн. пункту Трансп. відділу НКВС ПЗЗ (ст. Черкаси), з 01.08.1937 – оперуп. 11-го відділу УНКВС по Київ. обл., з 01.06.1938 – відпов. черговий НКВС УРСР, з 04.08.1938 – оперуп. секретаріату НКВС УРСР, з 11.01.1939 – заст. особливоуп. НКВС УРСР, з 06.05.1941 – нач. особ. інспекції відділу кадрів НКДБ УРСР, з 07.08.1941 – заст. нач. ДТВ НКВС ПЛЗ (мм. Артемівськ, Ворошиловград). Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939), ст. лейтенант ДБ (на 1942).	92, 97, 194
Проскуряков Михайло Іванович (1902–?), з 01.01.1936 – оперуп. СПВ (4-го відділу), з 10.07.1938 – заст. нач., з 01.08.1938 – в.о. нач. 4-го від-я 4-го відділу; з 09.07.1939 – т.в.о. заст. нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР. 13.11.1939 відрядж. на пост. роботу до органів НКВС Зах. України. З 01.05.1941 – заст. нач. 1-го управління НКДБ УРСР. Лейтенант ДБ (1939).	653
Простота Матвій Андрійович (1905–?), у 1938 – нач. Бобровицького РВ НКВС, з 22.04.1938 – нач. Ніжинського РВ НКВС Чернігів. обл.; з 28.08.1938 – пом. нач. 5-го відділу, потім – нач. 6-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 1939 – нач. Канівського РВ НКВС, потім – нач. Корсуньського РВ НКВС Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 14.12.1939 звільнен. з НКВС.	122, 123
Прохоренко, у 02.1939 – заст. нач. 1-го від-я 2-го відділу УДБ НКВС УРСР.	100, 101
Пташинський Іван Никифорович (1893–?), з 03.04.1937 – пом. нач. від-я 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 31.03.1938 заарешт. 03.01.1939 справу припинено, звільнен. У 1939 – нач. Куп'янського РВ НКВС Харк. обл. 22.09.1939 звільнен. з НКВС.	645, 652, 668
Пташний, співр. Микол. кораблебуд. ін-ту.	252
Пузанов Андрій Олександрович (1912–?), 15.01–20.10.1937 – слухач Київ. міжрайової школи ГУДБ НКВС СРСР. З 10.1937 – пом. оперуп., з 03.1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ; з 05.1939 – слідчий, у 09.1939 – ст. слідчий Слід. частини УДБ НКВС УРСР; з 03.1941 – заст. нач. 1-го відділу Слід. частини НКДБ УРСР, з 07.1941 – заст. нач. Слід. від-я 2-го управління НКВС УРСР (Київ, Харків, Старобільськ, Енгельс); з 01.10.1943 – заст. нач., з 15.08.1944 – нач. Слід. відділу УНКДБ по Полтав. обл. Мол. лейтенант ДБ (1939), лейтенант ДБ (1942).	59–61, 508, 614
Раденко, у 1938 – слідчий УНКВС по Харк. обл.	669

Радзивіловський Олександр Павлович (Ізраїль Мойсїйович) (1904–1940), з 20.03.1935 – заст. нач. УНКВС по Московській обл., з 20.07.1937 – нач. УНКВС по Іванівській обл.; з 02.1938 – т.в.о. заст. наркома внутр. справ УРСР; з 28.03.1938 – нач. 3-го відділу 3-го управління НКВС СРСР. Ст. майор ДБ. 13.09.1938 заарешт. 24.01.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 25.01.1940 розстріляний.	20, 113, 116, 156, 157, 209, 216
Радиковський Євстафій Михайлович (1892–1938), ст. інспектор Вінн. облЗУ. 26.04.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 10.10.1938 розстріляний.	543, 586, 627
Радіонов Олександр Іванович, у 1938–1939 – нач. 6-го відділу (спецвідділу) Микол. з-да ім. 61-го комунара.	262, 264, 280, 428
Разуваєв Василь Михайлович (1894–?), у 1938 – співр. УНКВС по Вінн. обл.; у 1945 – заст. нач. УНКВС по Ізмаїльській обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	511, 512
Райзман Ася (Хася) Мойсїївна (1901–1938), політемігрантка з Румунії, студентка Вінн. медін-ту. 15.04 (за ін. дан. 14.06) 1938 заарешт. 28–29.06.1938 намалась покінчити життя самогубством, була знята із зашморгу. 22.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 23.09.1938 розстріляна.	527–531, 537–540, 554, 583, 584, 586, 587, 593–596, 600, 601, 616, 625, 629, 633
Ракич Сава Григорович (1899–?), технорук гірських розробок у Яришівському р-ні Вінн. обл. 16.06.1938 заарешт.	495, 502, 631
Ракошиц Соломон Танхумович (1892–?), у 1937 – заст. нач. УРСМ УНКВС по Чернігів. обл. Капітан міліції (1936). 27.07.1937 звільнен. у відставку.	693
Рамер, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	306
Ратинський-Футер Аркадій Маркович (1902–1939), з 22.04.1937 – заст. нач. (з 07.08 по 23.09.1937 – т.в.о. нач.) 5-го відділу УДБ НКВС УРСР і ОВ НКВС КВО, з 20.05.1938 – нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. Капітан ДБ (1936). 23.07.1938 заарешт. 04.03.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	114, 157, 217, 272, 279, 284, 306, 467, 476
Рахімбаєв Хусумбай (1877–1938), праців. бавовнорадгоспу ім. Комінтерна Голопристанського р-ну Микол. обл. 14.08.1938 заарешт. 13.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350
Редер Анастолій Володимирович (1907–1939), з 01.06.1937 – оперуп. 4-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 03.09.1937 – оперуп., з 28.07.1938 – т.в.о. нач. 2-го від-я 4-го відділу; з 03.11.1938 – т.в.о. нач. 9-го відділу, потім – т.в.о. заст. нач. 6-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1936). 08.05.1939 звільнений з НКВС. У 06.1939 заарешт. 28.07.1939 покінчив життя самогубством (повісився у тюремній камері).	55, 56, 496, 503, 519–521, 527, 528, 532, 540–542, 544, 558, 560, 562, 563, 567, 569, 571, 573–576, 579, 580, 582, 597, 601, 604, 612, 619, 623
Резніков Соломон Семенович (1902–?), з 1937 – оперуп., пом. нач. 7-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. З 28.05.1938 – у розпор. НКВС СРСР. На 03.1939 – прац. у системі ГУТАБ НКВС СРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936). У 1939 звільнен. з НКВС. У 02.1940 – нач. 1-го відділу Харк. з-ду № 135.	659
Рейд-Дахновська (правильно – Рей-Дахновська Марія Антонівна)	527

Рейдер Наум Ісакович, у 1936 – співр. УНКВС по Київ. обл., у 04.1938 – нач. Звенигородського райвід-я НКВС Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936).	180
Рейнард, лікар-бактеріолог м. Вінниця, німець. Заарешт.	515
Рейс Франц Йосипович (1887–?), праців. колгоспу ім. М. І. Калініна Витязівського р-ну Микол. обл. 05.08.1938 заарешт. 29.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ.	350
Рейхман Лев Йосипович (1901–1940), з 02.1936 – нач. Запорізького МВ НКВС, з 03.01.1937 – заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 13.02.1937 – заст. нач. УНКВС по Київ. обл., з 05.08 – в.о. заст., з 05.09.1937 – заст. нач. і т.в.о. нач. УНКВС по Харк. обл.; з 07.03.1938 – т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. З 28.03.1938 – нач. 7-го відділу 1-го управління НКВС СРСР, з 29.09.1938 – нач. 1-го відділу ГЕУ НКВС СРСР. Капітан ДБ (1936), майор ДБ (1937). 24.10.1938 заарешт. 25.01.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 26.01.1940 розстріляний.	7–9, 20, 66–68, 70, 71, 80, 219
Ремер, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	377
Решетило Федір Іванович (1905–?), у 1938 – оперуп. 4-го відділу, у 05.1939 – ст. оперуп. 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 31.08.1940 – нач. ОВ НКВС 81-ї стр. див. КОВО (у 07.1941 – 3-го відділу 81-ї моторизов. див. ПЗФ). Сержант ДБ (на 1940), лейтенант ДБ (на 1941).	555, 556, 558, 562, 597, 602, 603, 605, 608, 614
Решетняк Павло Лаврентійович, дир. Ново-Олексіївської МТС (Микол. обл.). У 1938 заарешт. Покінчив життя самогубством (повісився у тюремній камері).	274, 371
Ржецицький, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	461
Рібаков Йосип Юхимович (1905–?), з 1937 – нач. 1-го від-я 3-го відділу, з 29.06.1938 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл. Лейтенант ДБ. 19.04.1939 заарешт. 10.04.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. 21.09.1941 Президія Верховної Ради СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ з направленням до діючої армії.	27
Рижов Анатолій Михайлович (1903–1986), з 1937 – оперуп., нач. від-я; член особ. слід. групи НКВС УРСР у справах співр.; нач. від-я 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; з 01.09.1938 – т.в.о. нач. 3-го спецвідділу, з 01.1939 – нач. 7-го відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939).	670
Рівлін Лазар Ісакович (1900–?), з 08.09.1937 по 07.1938 – заст. наркома, 08, 10.1937–01.1938 та 04–05.1938 – т.в.о. наркома внутр. справ МАРСР; з 07.1938 – т.в.о. пом. нач. 3-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 07.10.1938 звільнен. з НКВС, заст. дир-ра Центр. будинку нар. творчості УРСР (Київ). 10.10.1939 заарешт. 28.12.1939 ВТ військ НКВС КО засудж. до 8 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Темниківському ВТТ (Мордовська АРСР). У 08.1942 звільнен., направлений до діючої армії.	115, 160, 518, 585
<i>Рогинский А.Б.</i>	742
Рогинський Григорій Костянтинівич (1895–1959), з 04.1935 – 2-й заст. прокурора СРСР. У 08.1939 знятий з посади, 05.09.1939 заарешт. 29.07.1941 ВКВС СРСР засудж. до 15 років п/в у ВТТ. Після відбуття покарання мешкав у м. Красноярську.	72

Рогинський Олександр Михайлович (1900–1938), нач. групи калькуляції Микол. з-ду ім. А. Марті. 07.01.1938 заарешт. 14.10.1938 виіз. сесеєю НКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	268, 415
Розенфельд Степан Матвійович (1914–?), з 06.1939 – в органах НКВС. З 09.1939 – особливоуп., у 08.1940 – 02.1941 – нач. 1-го від-я 2-го відділу УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ.	140, 142, 143, 154, 178, 179, 197, 198
Рой, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл. Звільнен.	361
Ролінська Ядвига Михайлівна (1909–1938), швачка Вінн. швейної фабрики. 27.04.1938 заарешт. 26.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 27.09.1938 розстріляна.	590, 591, 600, 612, 613
Романов, плановик Донпромторгу (м. Ворошиловград).	705
Романова, зав. плановим відділом Ворошиловгр. з-ду НКШС, дружина дир-ра Ворошиловгр. ливарно-механіч. з-ду ім. 20-річчя Жовтня В. Тарана.	705
Роспутько (Распутько) Василь Дмитрович (1898–?), у 1938 – 24 прокурор Житомир. обл. 31.12.1938 заарешт. НКВС УРСР. 23.01.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 4 років п/в у ВТТ.	24
<i>Росман Джефрі (Росман Джеффри)</i>	6, 106, 741
Рубежін, головуєчий на суд. засіданні ВТ військ НКВС ХО у справі кол. співр. УНКВС по Харк. обл. Військ. юрист.	637, 640–642, 681, 684, 685
Рудаков, у 1938 – інструктор ЦК КП(б)У.	372
Рудас (Рудось) Степан Корнійович (1908–?), мешканець м. Гайсина Вінн. обл. У 06/07.1938 заарешт.	495, 502, 632
Румянцев, у 05.1942 – член ВТ військ НКВС УО на суд. процесі у справі О. Долгушева. Ст. лейтенант ДБ.	214, 222, 223
Рязанцев, у 1941 – військ. слідчий Військ. прокуратури військ НКВС КО, 01.07.1941 – в.о. пом. військ. прокурора військ НКВС КО. Військ. юрист 3-го рангу.	102, 103, 696, 699
Сабай, зав. відділом торгівлі Дніпропетр. обкому КП(б)У.	352
<i>Савін Андрій (Савин Андрей)</i>	6, 742
Савченко Сергій Романович (1904–1966), з 08.1937 – нач. штабу 2-го прикор. загону НКВС (м. Рибниця Молд. АРСР), з 07.1938 – нач. 24-го прикор. загону (м. Олевськ Київ., з 09.1938 – Житомир. обл.), з 20.05.1939 – нач. 5-го відділу, заст. нач. Управління прикор. військ (УПВ) НКВС УРСР; з 06.11.1939 – нач. УНКВС по Станіславській обл., з 04.12.1939 – нач. 5-го відділу – заст. нач. УПВ НКВС УРСР, з 03.10.1940 – т.в.о. нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 01.04.1941 – заст. наркома держбезпеки УРСР, з 12.08.1941 – заст. наркома внутр. справ УРСР. Майор (1938), полковник (1939), майор ДБ (1941).	61, 63, 64, 501
Сагалаєв Георгій Пименович (1900–?), у 1937 – співр. УНКВС по Київ. обл., у 1938 – нач. Велико-Половецького район-я НКВС, з 29.07.1938 – нач. Уманського РВ НКВС Київ. обл. Сержант ДБ (1936). 20.10.1939 звільнен. з НКВС. У 05.1940 – нач. школи медсестер (м. Умань).	195
Сагін В. [Валентин Васильович], у 1940–1941 – нач. Слід. частини УДБ НКВС УРСР. [Майор ДБ (на 1943)].	500, 508

Садомов Іван Матвійович (1904–1938?), пом. нач. політвідділу радгоспу ім. М. В. Фрунзе Ново-Троїцького р-ну Микол. обл. 29.06.1938 заарешт. 26.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	227, 231, 238, 270–272, 284–289, 292, 297–300, 311, 325, 328, 348, 351, 352, 365, 370, 380, 383, 384, 386, 392, 416–418, 442, 443, 445–446, 449, 450, 452, 453, 470, 474, 475, 488, 490, 491
Сазонов Степан Кузьмич (1906–1938), нач. Вінн. облЗУ. 15.05.1938 заарешт. 05.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР за-судж. до ВМП. Рзостріляний.	559, 598
Салямон Станіслава Станіславівна (1902–?), дир. польської школи с. Гнівань Тивровського р-ну Вінн. обл. 21.04.1938 заарешт. 28.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до 10 років п/в у ВТТ. 25.01.1940 справу припине-но. Звільнена.	496, 502, 609, 618, 619
Самарін Олександр Васильович, у 1939–1941 – дир. Микол. суднобуд. з-ду ім. А. Марті.	237, 240
Самойленко Андрій Веніамінович (1913–?), у 1938–1940 – нач. 8-го від-я (потім – 1-го спецвідділу) УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1938).	230, 306, 429, 430, 465
Сандлер Борис (Берко, Борух) Елійович (1906–?), з 13.07.1936 – полковий оперуп. ОВ НКВС змішаної авіабригади ХВО (м. Люботин Харк. обл.), у 1938 – полк. оперуп. 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Сержант ДБ (1936). 03.04.1938 заарешт. 08.02.1940 засудж. до 2,5 років п/в. Звільнен.	642, 644–655, 658–660, 663, 668, 673
Сараєв Роман Миколайович (1903–1973), з 01.05.1935 – нач. секр.-пол. від-я УДБ Запорізького МВ НКВС Дніпропетр. обл.; з 08.08.1937 – нач. від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 01.10 по 08.12.1937 – т.в.о. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.; з 16.12.1937 – нач. 4-го відділу УДБ, з 01.01.1939 – т.в.о. нач. ЕКВ УНКВС по Кіровській обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1939).	283
Сасюк (Сосюк) Юхим Іванович, колгоспник Гайсинського р-ну Вінн. обл. У 07.1938 заарешт.	495, 502, 632
Сафонов Григорій Миколайович (1904–1972), з 01.1939 – прокурор Кіровського р-ну м. Ленінграда, з 05.1939 – нач. відділу Прокуратури СРСР, з 12.1939 – заст., потім – 1-й заст. (у 08.1941 – в.о. прокурора Союзу РСР), з 04.02.1948 – Генеральний прокурор СРСР.	213
Саятов Іван Омелянович (1898–1938), секр. Єнакіївського МК КП(б)У, з 05.1937 – 1-й секр. Ворошиловгр. МК КП(б)У Донец. обл. У 08.1937 заарешт. 13.11 (за ін. дан. 01.12) 1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 03.12.1937 розстріляний.	694, 705
Свердлов, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	243, 395, 444
Свинцов А., у 05.1942 – секр. ВТ військ НКВС УО на суд. процесі у справі О. Долгушева. Мол. політрук.	215, 221, 222
Свірський Ізя Маркович (1911–1941), у 1937–1938 – секр. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 1941 – заст. нач. від-я Київ. МВ НКВС. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ. 24.09.1941 загинув під Києвом.	390, 486, 491

Северін Михайло Северінович (Боровик Мойша Шльомович) (1895–1938), з 16.06.1937 – т.в.о. нач., з 26.07.1937 – нач. відділу кадрів НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937). 15.02.1938 заарешт. 22.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	167, 190
Седнев Анатолій Федотович (Федорович) (1895–?), майстер Микол. з-ду ім. А. Марти, з 1937 – дир. Микол. управління торгівлі (Миколаївторгу). У 08.1938 знятий з роботи, 01.10.1938 заарешт. 01.04.1939 звільнен. У 09.1939 – дир. нафтобазі Укрголовнафти (у 12.1940 – Головнафтозбуту) у м. Миколаєві.	226, 228, 230, 238, 244, 247, 248, 264, 280, 332, 337, 345, 356, 362–364, 373, 382–384, 391, 399, 400, 471, 472, 475, 476, 478
Семенов, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	306
Семенчук (Симанчук І.С.?), прац. фельдзв'язку УНКВС по Вінн. обл. 05.05.1938 заарешт. Звільнен.	573, 576
Сенюрін, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	371
Сердюк Зіновій Тимофійович (1903–1982), з 10.1937 – 3-й секр. Свердловського РК ВКП(б) м. Москви; з 01.1938 – інструктор, заст. зав. відділом керів. парт. органів ЦК КП(б)У; з 27.04.1938 – в.о. 3-го секр. Київ. обкому КП(б)У, з 27.05.1938 – 2-й секр. Київ. МК КП(б)У, з 02.1939 – 2-й секр. Київ. обкому КП(б)У.	114
Серебряков, зав. навч. частиною Микол. кораблебуд. ін-ту.	258
Середа Яків Петрович (1903–?), з 04.1933 – нач. Миропольського райвід-я ДПУ–НКВС Харк. обл. Влітку 1937 відрядж. для ведення слідства до УНКВС по Харк. обл.; з 22.04.1938 – нач. від-я, з 13.07.1938 – т.в.о. пом. нач. 5-го відділу УДБ УНКВС, з 03.09.1938 – нач. 1-го від-я ОВ НКВС ХВО (по 01.1939). Мол. лейтенант ДБ (1936). 22.03.1939 заарешт. 30.09.1940 ВТ військ НКВС ХО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ. На 06.09.1944 – зав. ідальнею у міськвід-ні Магаданського табору. 14.10.1944 ОСН при НКВС СРСР скоротила строк покарання на 6 місяців. 15.02.1947 звільнен.	71–73, 75, 77–80, 637–639, 642–647, 649–676, 678–684, 686
Сетга, фігурант справи А. Онищенко (м. Миколаїв).	329
Серов Іван Олександрович (1905–1990), з 05.1936 по 01.1939 – у Військовій академії РСЧА ім. М. В. Фрунзе; з 09.02.1939 – заст. нач., з 18.02.1939 – нач. ГУРСМ НКВС СРСР; з 29.07.1939 – нач. 2-го відділу ГУДБ і заст. нач. ГУДБ НКВС СРСР; з 02.09.1939 – нарком внутр. справ УРСР; з 25.02.1941 – 1-й заст. наркома держбезпеки СРСР, з 31.07.1941 – заст. наркома внутр. справ СРСР. Майор (1936), майор ДБ (15.02.1939), ст. майор ДБ (30.04.1939), комісар ДБ 3-го рангу (04.09.1939).	13, 19, 20, 28, 37, 38, 53, 94, 96, 99, 107, 494, 709
Сидельський, у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл.	244
Симхович Абрам Михайлович (1902–1940), з 27.08.1934 – нач. СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 08.08.1937 – нач. 4-го відділу УДБ, 06–16.03.1938 – т.в.о. нач. УНКВС по Харк. обл.; з 03.1938 – у розпор. НКВС СРСР. З 05.1938 – заст. нач. і т.в.о. нач. 3-го (опер.-чекіст.) відділу ГУТАБ НКВС СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937). 06.03.1939 заарешт. 26.02.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 27.02.1940 розстріляний.	66, 68–71, 80

Сичков Микола Омелянович (1916–?), у 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС; з 05.1939 – ст. слідчий, у 03.1941 – нач. Слід. частини УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1939).	230, 268–270, 283, 329, 391, 414–416, 450
Сіренко Костянтин Юхимович (1905–?), у 1936 – співр. УНКВС по Донец. обл., з 13.07.1938 – нач. 1-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл.; з 28.09.1938 – у розпор. ОВ НКВС КОВО. У 03.1940 – нач. 2-го від-я ОВ НКВС 6-ї армії КОВО (м. Львів), у 07.1940 – ст. оперуп. 4-го віділу ГУДБ НКВС СРСР. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	718
Сказочкін Володимир Олександрович (1902–1960), у 1937 – співр. НКВС СРСР; з 04.1938 – співр., заст. нач. 1-го відділу УДБ НКВС (з 03.1941 – НКДБ) УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1935), лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1940).	116
Сквирський Давид Зелікович (1905–?), з 19.06.1938 – нач. 1-го від-я 8-го відділу, потім – нач. 1-го від-я ЕКВ УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 25.05.1939 звільнен. з НКВС. У 07.1940 – нач. Ворошиловгр. облуправління пром-ті будматеріалів.	703, 718
Скляренко Порфирій Онуфрійович (1900–1944), у 1938 – 210 спів. УНКВС, у 1939 – оперуп. 11-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ. 25.04.1939 звільнен. у запас НКВС. Заарешт. 22.02.1941 звільнен. зовсім з виключенням з обліку. У 1944 – рядовий 234-го стр. полку 179-ї стр. див. (1-й Прибалтійський фронт). 22.10.1944 загинув на фронті.	
<i>Скоркин К.В.</i>	45, 54, 742
Сороход Онисим Йосипович (1904–?), у 1938 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 20.06.1938 – нач. Бершадського райвід-я НКВС Вінн. обл.; з 26.09.1938 – нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; у 08.1939–04.1941 – нач. 3-го відділу УНКВС–УНКДБ по Вінн. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ. 14.08.1942 виключений зі списків особ. складу НКВС як такий, що зник без вісті.	511, 561, 582, 583
Славін Андрій Дмитрович (1904–?), з 01.10.1935 – інспектор інспекторської групи (на правах нач. відділу) УНКВС по Кіровському краю. 01.05.1937 відрядж. до НКВС УРСР, з 16.05.1937 – т.в.о. нач. 9-го від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 01.10.1937 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Полтав. обл.; з 26.02.1938 – у розпор. НКВС УРСР; з 27.03.1938 – пом. нач. 8-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 14.08.1938 – в.о. заст. нач., з 15.09.1938 – фактич. нач. 1-го спецвідділу НКВС УРСР; з 31.12.1938 – в.о. заст. нач. 2-го відділу УДБ, у 1939 – нач. 3-го відділу ЕКУ НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936). 25.03.1939 звільнен. з НКВС. Учитель серед. школи № 5 м. Новоросійська (Краснодарський край). З 05.01.1940 – під підпискою про невізд. 05.04.1941 ВТ військ НКВС КО за судж. до 4 років п/в у ВТТ. 23.04.1941 ВКВС СРСР зменшила строк покарання до 3 років п/в у ВТТ. Після звільнення – на фронті. У 1956 – редактор радіомовлення (м. Кузнецьк, Пензенська обл.).	23, 110, 112, 117, 118, 145, 147, 153, 154, 161, 183–186, 206, 220, 525
Славутський, у 1938 заарешт. УНКВС по Харк. обл.	660, 671

Слашов Яків Олександрович (1885/1886–1929), офіцер Рос. імператор. армії, учасник Першої світової війни, з 12.1917 – активний учасник Білого руху у складі Добровольчої армії, з 12.1919 – командувач 3-м армійським корпусом. Полковник (1916), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1920). У 11.1920 у складі Руської армії евакуювався до Константинополя (Туреччина). 21.12.1921 повернувся до Рад. Росії. З 06.1922 – виклад. тактики Вищої стріл. школи командного складу РСЧА (курси «Постріл»). 11.01.1929 вбитий у Москві.	514
Слободянніков Юхим Опанасович (1889–?), робітник Микол. з-ду ім. А. Марті. 13.12.1933 заарешт. 08.03.1934 справу припинено. Звільнен.	338
<i>Смірнов Георгій</i>	742
Смірнов Микола Іванович (1896–?), з 1937 – оперуп. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Жмеринка ПЗЗ (Вінн. обл.), у 1939 – нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПЗЗ (м. Київ). У 04.1939 відряд. до ВДТВ НКВС ст. Мінеральні Води залізниці ім. К. Є. Ворошилова. У 04.1941 – оперуп. внутр. тюрми НКДБ УРСР. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939). 14.08.1942 виключений зі списків особ. складу НКВС як такий, що зник без вісті.	139, 140, 500, 507, 509, 512, 515, 516, 534
Смірнов, інженер-кораблебудівник, професор. Заарешт., засудж. до ВМП. Не розстріляний. Викоритовувався як спеціаліст на микол. з-дах.	296, 349
Смолицький, у 08.1941 – секр. пленуму ВС СРСР.	213, 214
<i>Смолий В.А.</i>	30
Смутний Франц Францевич (1892–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 16.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Сойфер Давид Абрамович (1907–?), з 12.1934 – ст. інспектор відділу резервів УНКВС, з 03.1938 – оперуп. 3-го відділу, з 04.1938 – оперуп., пом. нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; водночас у 06–07.1938 – праців. Козятинської оперслідгрупи. З 15.09.1938 – у розпор. НКВС УРСР; у 04.1941 – заст. нач. від-я 1-го відділу 2-го управління НКДБ УРСР. Мол. лейтенант ДБ.	60, 507, 509, 512, 516–518, 523, 526, 534, 585, 614
Сокирко Сергій Григорович (1900–?), з 1937 – нач. від-я 3-го відділу, з 27.09.1937 – нач. 11-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 20.09.1938 – нач. ВБРСВ УРСМ НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936).	511, 512
Соколинський (Гімельман) Давид Мойсейович (1902–1940), з 1932 – нач. Вінн. облвідділу ДПУ (з 1934 – УНКВС по Вінн. обл.), з 16.12.1936 – нач. УНКВС по Дніпропетр. обл., з 23.01.1937 – нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 03.04.1937 – нач. УНКВС по Донец. обл., з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Челябінській обл. Майор ДБ (1935), ст. майор ДБ (1936). З 21.04.1938 – нач. Центр. управління морського нафтоналивного флоту Наркомата водного транспорту СРСР. 02.03.1939 заарешт. 19.01.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 21.01.1940 розстріляний.	700

Соколов Микола Герасимович (1905–1942), з 1930 – в органах ДПУ–НКВС, з 11.06.1938 – нач. 4-го (з 20.04.1939 – 2-го) відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Лейтенант ДБ (1935), ст. лейтенант ДБ (1938). 22.10.1940 звільнений з НКВС (з 01.12.1940). 26.02.1941 заарешт. 15.08.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. Звільнен. Брав участь у зафронт. роботі органів НКВС. У 1942 вбитий під Києвом.	93–100, 104, 690–692, 694–699, 703–705, 711–728, 730–734, 736–739
Соловийов Хома Степанович (1900–?), бригадир котельні Винн. суперфосфатного з-ду. 08.06.1938 заарешт. 26.08.1938 спецлагерю Винн. облсуду засудж. до 10 років п/в у ВТТ.	579
Солоїд Петро Федорович, у 1940 – нач. Слід. частини УНКВС по Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939).	98
Спектор Марк Борисович (1903–1985), з 11.1935 – нач. від-я СПВ (з 12.1936 – 4-го відділу), з 08.05.1937 – заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл.; з 04.08.1937 – нач. 4-го відділу УДБ, з 22.10.1937 – заст. нач. УНКВС по Одес. обл.; з 03.1938 – т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 26.05.1938 – т.в.о. заст. нач. УНКВС по Київ. обл.; з 26.07.1938 – нач. 6-го відділу, з 20.08.1938 – 7-го відділу 2-го управління НКВС СРСР; з 29.09.1938 – заст. нач. 10-го від-я 4-го (2-го) відділу ГУДБ НКВС СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937).	7, 12, 142
Спектор Рувим Пінхусович (1890–?), з 11.08.1938 – лікар турми НКВС м. Ворошиловграда.	710, 711, 713
Співак Іларіон Савелійович (1893–1938), з 04.1937 – 2-й секр., з 09.1938 – в.о. 1-го секр. Винн. обкому КП(б)У. Депутат Верховної Ради СРСР. 30.04.1938 заарешт. 23.09.1938 виїз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	565–567, 604
Сталін (Джугашвілі) Йосип Віссаріонович (1879–1953), з 1922 – генер. секр. ЦК РКП(б)–ВКП(б), з 10.02.1934 – секр. ЦК ВКП(б), водночас з 06.05.1941 – голова РНК СРСР.	11, 40, 238, 446, 484, 560, 661, 667, 705, 727, 734, 735
Старигін Павло Іванович (1897–1973), з 1935 – секр. Казанковського РК КП(б)У Дніпропетр. обл.; з 10.1937 – зав. відділом керів. парт. органів оргбюро ЦК КП(б)У по Микол. обл., з 03.1938 – 3-й секр., з 04.1938 по 02.1939 – 1-й секр. Микол. обкому КП(б)У; з 05.1939 – нарком (з 03.1946 – міністр), з 02.1949 – заст. міністра м'ясної і молочної пром-ті УРСР.	35, 38, 239, 249, 250, 276, 287, 288, 301, 307, 308, 312, 343, 345, 352, 358, 362, 400, 425, 455, 465, 471, 476, 479
Стародубцев Григорій Трифонович (Трохимович?), у 1938 заарешт. УНКВС по Микол. обл. Звільнен.	329, 337
Стародубцев Дмитро Трифонович (Трохимович?) (1904–?), зав. групи бюро техніч. удосконалень Микол. з-ду ім. 61-го комунара. У 1938 заарешт. Звільнен.	227–229, 239, 246, 247, 268, 274–276, 321, 329–332, 337, 338, 348, 355, 357, 359, 363, 365, 375, 385, 397, 408, 414, 430, 452, 456, 457, 459–460, 473, 476, 477, 480–482
Стародубцева Анна Кирилівна, мешканка м. Миколаїва. У 05.1939 заарешт. У 07.1939 434-м ВТ КОВО засудж. до 2-х років п/в умовно. Звільнена.	337, 340, 355, 359, 393, 464

Степанов Сергій Олександрович (1894–1937), з 1934 – дир. Микол. суднобуд. з-ду ім. А. Марті. У 11.1937 заарешт. ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 27.12.1937 розстріляний.	241, 353, 357, 360, 392, 393, 397, 415, 459, 467, 477, 479, 482
Степанюк, у 1938 – заст. нач. відділу кадрів УНКВС по Вінн. обл.	596
Стефанов Олексій Георгійович (1902–1967), з 28.02.1939 – особливуоп. НКВС СРСР, з 07.03.1941 – заст. нач. відділу кадрів, нач. Особ. інспекції НКДБ (з 11.08.1941 – НКВС) СРСР. Майор ДБ (1939), ст. майор ДБ (1940).	98
Стеценко Степан Омелянович (1903–?), з 1932 – секр. парткому ВЗЖР, потім – комерц. дир. Ворошиловгр. з-ду ім. Якубовського. 02.07.1938 заарешт. 18.03.1940 справу припинено. 20.03.1940 звільнен. У 07.1940 – дир. кінотеатру «Жовтень» (м. Ворошиловград), у 08.1941 – нач. відділу поштал. ВЗЖР.	95, 691, 694, 700, 705, 706, 717, 719–722, 732, 737
<i>Стєпкин В.П.</i>	66
Стойчанов Іван Гаврилович (1896–?), у 1937–1938 – нач. Білопольського райвід-я НКВС Харк. обл.; з 22.04.1938 – нач. від-я 3-го відділу, потім – нач. 7-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 05.10.1939 звільнен. з НКВС.	639, 641, 642, 676
Строїлов Володимир Микитович (1901–?), у 1937 – нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Куйбишевській обл., з 09.08.1937 – нач. Новодевіченського райвід-я НКВС Куйбишев. обл.; з 15.06.1938 – нач. від-я 3-го відділу, згодом – нач. 9-го відділу, на 03.1939–01.1940 – нач. 3-го спецвідділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; на 05.1941 – нач. 3-го відділу УНКДБ по Тарнопільській обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1939).	129, 130, 132, 135, 136, 143–145, 166–169, 172–174, 177, 178, 180–182, 187, 188, 191–193, 196, 197, 199, 201, 693, 708, 709, 738
Ступницький Ілля Васильович (1901–?), у 1937–1938 – пом. нач. ВМУ УНКВС по Донец. обл.; з 07.1938 – т.в.о. нач., з 1939 – нач. ВМУ УНКВС по Ворошиловгр. обл. У 05.1940 – пом. нач., з 14.03.1941 – заст. нач. УНКВС по Львівській обл. (з кадрів). Ст. лейтенант ДБ (1936).	703
Суд Юхим Матвійович (1910–?), з 1938 – нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. 25.03.1939 звільнений з НКВС. У 05.1941 – керуючий Ворошиловгр. облзаготконтори. З 07.1941 – в особливих відділах РСЧА. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ (на 1942).	84–86, 103
Суліна Наталля Іллівна (1908–?), у 1937–1941 – секретар-друкарка, діловод-друкарка УНКВС по Микол. обл.	230, 303, 304, 314, 428, 429
Суслін Андрій Григорович (1896–1976), у 1938–1940 – член ВКВС СРСР. Бригвівський юрист (1939), диввівський юрист (1940), генерал-майор юстиції (1943).	79, 149, 150, 212, 233, 234, 388, 389, 492, 635, 686, 687, 689
Сухановський, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	331, 653, 397
Сухоленцев Федір Васильович (1889–?), майстер, пом. нач. цеху Микол. з-ду ім. 61-го комунара, з 10.1937 – заст. гол. Микол. міськради. 22.10.1938 заарешт. 23.04.1939 звільнен. У 12.1940 – праців. Микол. Водторгхарчу.	228, 231, 243, 244, 264, 330, 332, 337, 343, 358, 370, 372, 373, 384, 391, 395, 396, 468, 489

Танфілов Семен Григорович (1913–1943?), у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.; у 1939–1940 – співр., заст. нач. Слід. частини НКВС Дагестанської АРСР. Сержант ДБ, лейтенант ДБ (1939). 25.02.1940 звільнен. з НКВС. З 03.07.1941 – в РСЧА. У 10.1943 зник без вісті.	245–247, 258–, 59, 263, 301, 330, 336, 353, 356, 370, 396, 398, 404, 405, 410, 411, 481
Таран Василіч Іванович (1895–1939), дир. Ворошиловгр. ливарно-механіч. з-ду ім. 20-річчя Жовтня. 14.08.1938 заарешт. 05.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 26.09.1939 розстріляний.	691
Тарасовський Лев Аронович (1906–1987), з 01.12.1935 – пом. оперуп. 1-го від-я СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 31.07.1937 – оперуп., з 10.07.1938 – пом. нач., з 01.05.1939 – нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 06.11.1939 – заст. нач. Станіславського повітового відділу НКВС, з 02.02.1940 – т.в.о. нач. Станіславського РВ НКВС; з 01.07.1940 – нач. 2-го від-я 2-го відділу УДБ УНКВС; з 27.08.1940 – заст. нач. ЕКВ УНКВС, нач. ділянки відділу шосейних доріг (ВШОСДОР) УНКВС по Станіславській обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1937), лейтенант ДБ (1939). 22.10.1940 звільнен. з НКВС. 17.02.1941 заарешт. 15.08.1941 ВТ військ НКВС КО засудж. до 8 років п/в у ВТТ. Звільнен. Брав участь у зафронт. роботі органів НКВС. 18.03.1943 за клопотанням УНКВС по Сталін. обл. звільнений від покарання зі зняттям судимості. У 1953–1954 – секр. агент Управління охорони МДБ на Рязано-Уральській залізниці (згодом – Дорожньо-транспорт. управління МВС Приволзької залізниці, м. Саратов).	94, 98–100, 105, 106, 690–699, 702, 704, 706, 707, 709, 724, 728–732, 734, 734–739
Тарубар Іван Антонович (1893–1938), голов. бухгалтер Тиврівської МТС. 03.03.1938 заарешт. 27.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 28.09.1938 розстріляний.	591
Татаринець Олексій Андріанович, у 1940 – дир. Харк. обл. контори держбанку.	639, 641, 642, 677, 678
Татарчук Олександр Опанасович (1905/1908–1956), з 06.1935 – пом. оперуп. ЕКВ, оперуп., пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 22.04 (зв ін. дан. з 09) 1938 – нач. Липовецького райвід-я НКВС Вінн. обл.; у 04.1938 – у складі Козятинської оперслідгрупи, у 05–06.1938 прикріпл. до слідства у 4-му відділі УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ. Заарешт.	499, 507, 509, 520–522, 546, 580, 612
Таубе Михайло Якович, нач. Ольшанського райвід-я НКВС Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). У 1938 заарешт. Звільнен. 22.06.1939 звільнен. у запас НКВС.	130, 132, 168, 206
Твердохлебенко Олексій Михайлович (1905–?), з 1937 – заст. зав. шахтою «Софія» тресту «Макіїввугілля» Донец. обл. У 03.1938 направл. на роботу до органів НКВС. З 07.1938 – заст. нач. від-я 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР, з 29.08.1938 – в.о. особливоуп. НКВС УРСР, у 1940 – нач. 1-го відділу ЕКУ НКВС УРСР. 29.01.1941 за порушення у слід. роботі при викон. обов'язків особливоуп. НКВС УРСР заарешт. на 20 діб без викон. служб. обов'яз. з наступним переведенням на роботу за межами УРСР з пониж. у посаді. У 1941 – заст. нач. СПВ Північно-Осетинської АРСР (РРФСР). Лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939).	19, 41, 109, 175, 240, 273, 317, 318, 333, 341, 350, 355, 361, 362, 453, 464, 480

Тевосян Іван Тевадросович (1901–1958), з 1936 – нач. Голов. броньового управління Наркомату важкої пром-ті СРСР; з 05.1937 – голов. інженер, з 06.1937 – нач. Головн. управління морської суднобуд. пром-ті і заст. наркома, з 10.1937 – 1-й заст. наркома оборонної пром-ті СРСР; з 01.1939 – нарком суднобуд. пром-ті СРСР; з 05.1940 – нарком (з 03.1946 – міністр) чорної металургії СРСР.	253, 476
Тейтель Лазар Мойсейович (Михайлович) (1902–1938), з 23.07.1937 – заст. нач., т.в.о. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Чернігів. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 15.03.1938 заарешт. 23.09.1938 виїз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	482
Телешев Григорій Галактіонович (1902–1978), з 15.04.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Сталінград. обл., з 09.1937 – заст. нач. УНКВС по Архангельській обл., з 01.10.1937 – нач. УНКВС по Тамбовській обл. З 03.03 (приступив до вик. обов'яз. 16.03) по 30.04.1938 – нач. УНКВС по Харк. обл. Ст. лейтенант ДБ (31.01.1936), капітан ДБ (20.12.1936). З 04.05 по 12.1938 – 1-й секр. Одес. обкому і МК КП(б)У. З 02.1939 – на керів. посадах у системі Наркомату харчової пром-ті СРСР.	66, 68, 69, 72, 73, 80, 645, 646, 648, 650, 652–655, 657, 678
Телішевський (Правдин) Лев (Ейхель) Давидович (1904–1938), з 1937 – нач. від-я 5-го відділу УДБ НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936). 15.02.1938 заарешт. 22.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	132
Тендерук Федір Галактіонович, праців. Копайгородського райвід-я міліції (Вінн. обл.). 12.08.1938 усунутий від посади.	588, 589
<i>Тепляков Олексій. (Тепляков Алексей)</i>	6, 742
Терехов Тихон Іванович (1897–?), з 04.09.1937 – 1-й секр. Ворошиловгр. МК КП(б)У. 02.07.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО засудж. до ВМП. 14.08.1939 ВКВС СРСР відмінила вирок. 15.03.1940 справу припинено. Звільнен. У 08.1941 – нач. госп. відділу ВЗЖР.	89–91, 96, 98, 691, 694, 701, 705, 706, 713–718, 722, 732, 733, 737
Тернівський Яків Іванович (1892–1972), у 1937 – заст. прокурора, з 05.1938 – прокурор Вінн. обл., у 1941 – прокурор Одес. обл.	61, 62, 509, 540, 549–555, 564, 580, 583, 588, 589, 613, 621, 629, 631
Теуш Лев Маркович (1906–?), у 1938 – оперуп. Могильов-Подільського МВ НКВС Вінн. обл.; у 02.1940 – нач. від-я УНКВС по Вінн. обл., у 04.1941 – нач. від-я УНКВС по Ізмаїльській обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	499, 507, 509, 570, 571, 622
Тимофєєв Михайло Михайлович (1896–1977), з 16.12.1936 – нач. УНКВС по Вінн. обл., з 28.08.1937 – нач. Біломорсько-Балтійського комбінату і Біломоро-Балтійського ВТТ НКВС (Карельська АРСР), з 26.02.1941 – нач. Управління (з 04.03.1947 – Голов. управління) таборів лісової пром-ті НКВС–МВС СРСР. Ст. майор ДБ (1935), комісар ДБ (1943), генерал-майор (1945).	500, 507

Тимофеев Петро Петрович (1899–1958), з 03.1937 – пом. нач. 5-го відділу, пом. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл.; з 22.04.1938 – нач. Могильов-Подільського МВ НКВС і міжрайон. оперслідгрупи (Вінн. обл.); з 21.10.1938 – нач. 3-го відділу УМУ–УВТТК НКВС УРСР; з 05.1939 – нач. від-я 3-го відділу, з 07.1939 – т.в.о. заст. нач. 3-го відділу, з 08.1940 – в.о. нач. 3-го відділу, з 10.1940 – нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 26.02.1941 – нач. 1-го відділу 2-го управління НКДБ (з 12.08.1941 – НКВС) СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1940), майор ДБ (1941).	45, 46
Тимошенко Петро Севаст'янович, у 1938 – співр. УНКВС по Харк. обл.	647, 655
Тимченко, у 1938 – оперуп. 5-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл.	725
Тихонов Павло Павлович (1909–1990), з 03.1937 – майстер з 05.1938 – парторг ЦК ВКП(б), з 10.1938 – секр. парткому Іжорського з-да (м. Колпіно Ленінград. обл.); з 15.12.1938 – у Центр. школі НКВС СРСР; з 17.01.1939 – заст. нач., з 28.03.1941 – нач., з 08.1941 – заст. нач. УНКВС по Харк. обл. Капітан ДБ (1939).	689
Тишковський Олександр (Сюня) Давидович (1898–?), з 01.1937 – нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ, з 03.08.1937 – заст. нач., з 22.10.1937 – т.в.о. нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. і ОВ ХВО; водночас – нач. Лубенської оперслід-групи. Ст. лейтенант ДБ (1936). З 21.05.1938 – пенсіонер. З 10.08.1938 – нач. ВМУ УНКВС по Харк. обл.; згодом – заст. нач. ВВТТК УНКВС по Ворошиловгр. обл.; у 1942 – нач. УВТТК НКВС Казахської РСР. Підполковник ДБ.	645, 661
Тищенко Дмитро Сильвестрович (1918–?), – оперуп. УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ (1938).	556, 563, 572, 607, 609, 611, 629
Ткаченко Іван Максимович (1910–1955), з 20.04.1938 – пом. нач. 8-го від-я 3-го відділу УДБ НКВС; з 05.04.1939 – нач. 1-го відділу ЕКУ НКВС; з 15.03.1940 – в.о. нач., з 17.06.1940 – нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 23.08.1940 – заст. наркома внутр. справ УРСР, з 15.04.1941 – заст. наркома держбезпеки УРСР. Лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939), майор ДБ (1940).	25, 59, 151, 177, 494
Ткаченко Мартин Олексійович, з 1935 – співр., у 1938 – нач. 1-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл., нач. Жовтневого РВ НКВС м. Києва. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1939).	131, 177
Ткаченко, у 1938 – оперуп. 2-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.	330
Токарев Павло Ілліч (1906–?), з 21.07.1937 – нач. 5-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Оренбурзькій обл., з 1937 – нач. від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 15.03.1938 – заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 21.07.1938 – нач. ОВ НКВС 17-го стр. корпусу КОВО (м. Вінниця). Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1938), капітан ДБ (на 1942).	526, 527, 530, 536, 538, 539, 544, 583–584, 591, 595, 600, 601, 612, 625–627
Толчак Фаїна Миколаївна (1892–1938), друкарка 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. 03.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Київ. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляна.	170, 209

Толкачов Юрій Михайлович (1900–1938), з 1934 – нач. 4-го від-я СПВ (4-го відділу) Одес. облвідділу ДПУ (з 1934 – УНКВС по Одес. обл.); з 06.1937 – заст. особливого. НКВС УРСР; з 08.12.1937 – т.в.о. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 02.06.1938 заарешт. 23.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	275, 372, 480, 482
Толчинський Герман Борисович (1895–?), з 03.01.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Чернігів. обл., з 08.08.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. (до 15.03.1938). З 07.04.1938 – у розпор. НКВС СРСР. З 30.05.1938 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Іркутській обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937). 07.03.1939 звільнен. з НКВС.	526, 619, 623
Томін Хаскель Левович (1902–?), з 02.1935 – оперуп. СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Харківській обл., з 12.10.1937 – т.в.о. нач. від-я 4-го відділу УДБ, з 16.06.1938 – т.в.о. нач. 11-го відділу УНКВС по Полтав. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). З 1939 – нач. відділу кадрів Харк. обл. управління зв'язку. У 1942 – ст. оперуп. ОВ 75-ї арт. бригади ПЗФ. Ст. лейтенант ДБ. 25.05.1942 зник без вісті.	675
Топчило Антон Іванович (1890–1938), інженер-нормалізатор Микол. електрозаводу. 06.06.1938 заарешт. 04.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	386, 484
Торман Едуард Емілійович (1895–1938), зав. відділом постач. і збуту Вінни. кінофототресту. 17.06.1938 заарешт. 19.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 20.09.1938 розстріляний.	526, 527, 545
Тоцилкін Михайло Абрамович (1914–?), у 12.1938 – оперуп. 2-го відділу УДБ, потім – ст. слідчий Слід. частини УДБ НКВС УРСР. Сержант ДБ (на 19.12.1938), мол. лейтенант ДБ.	20, 21, 25, 32, 111, 153, 161, 368
Тректор (Тректер) Август Якович (1892–?), слюсар Вінн. автоторемонт. з-ду. 15.12.1937 заарешт. 02.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до 5 років п/в у ВТТ (за ін. дан. висланий на 5 років до Казахстану).	533, 534
Трешов (Трешев) Леонід Никанорович (1905–1941), з 05.1938 – нач. від-я ЕКВ УНКВС по Київ. обл.; у 01–08.1940 – нач. Кагарлицького РВ НКВС, у 1941 – нач. Канівського РВ НКВС Київ. обл. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ (1939).	112, 138, 139, 146, 154, 165, 166, 175, 206
Троїцький Олександр Нилевич (1898–1939), з 03.05.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Оренбурзькій обл.; з 09.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Східно-Сибірській (з 01.10.1937 – Іркутській) обл. 16.05.1938 відрядж. до НКВС УРСР, з 20.05.1938 – заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР (приступив до роботи 22.06), з 23.07.1938 – фактич. керівник відділу. З 10.1938 – в.о. заст. нач. УНКВС по Київ. обл. Лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1937). 15.11.1938 заарешт. 07.03.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	7, 13–15, 18, 28, 108, 110, 115, 126, 150, 153, 157, 160, 185, 204, 209, 217, 518, 585
Троцький (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879–1940), з 1923 – нарком з військ. і морських справ СРСР і гол. Реввійськради СРСР, з 1925 – гол. Голов. концесійного комітету при РНК СРСР. Наприкінці 1927 звільнен. з посади і виключений з ВКП(б). У 01.1928 висланий з Москви до Алма-Ати (Казахстан), у 02.1929 – до Туреччини, в еміграції (з 1936 – у Мексиці) продовжив б-бу проти Й. Сталіна. Внаслідок замаху агента НКВС Р. Меркадера 21.08.1940 помер.	377, 548

Трубий Нестор Назарович (1892–1938), дир. Скадовської серед. школи, секр. співр. Скадовського райвід-я НКВС Микол. обл. 03.07.1938 заарешт. 05.11.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. 15.11.1938 розстріляний.	229, 295, 302–305, 311–313, 327, 348, 371, 386, 420–422, 430–434, 437–440, 454, 464, 465, 471, 489, 490
Трушкін Яків Лук'янович (1900–1941), з 04.1935 – нач. 1-го від-я 4-го відділу, заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Чернігів. обл.; з 01.06.1938 – т.в.о. нач. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. лейтенант ДБ, ст. лейтенант ДБ. 03.08.1939 заарешт. 23.03.1941 ВТ військ НКВС КО за-судж. до ВМП.	31–36, 38, 39, 41, 44, 45, 225–236, 238–250, 252–256, 258, 260–268, 270–274, 277–281, 283–295, 297–301, 306, 311, 320–325, 328–331, 333–343, 345, 346, 348, 351–360, 363–375, 380–413, 415–420, 425, 426, 430, 432, 434–437, 441–453, 456–464, 471, 474–483, 485–492
Тугай, родич співр. НКВС Л. Колбасенка.	167
Тулуб Зінаїда Павлівна (1890–1964), укр. письменниця, перекладачка. 04.07.1937 заарешт. 05.09.1937 ВКВС СРСР засудж. до 10 років п/в. З літа 1939 покарання відбувала на Колимі. 04.07.1947 звільнена. Шкільний бібліотекар у Джамбульському р-ні Алма-Атинської обл. Казахської РСР. 10.02.1950 ОСН при МДБ СРСР заслана на поселення до Кокчетавської обл. Казахської РСР. У 1955 повернулась до Києва, у 1956 реабілітована.	79
Турецька Бронислава Рувимівна (1897–?), дир. Ворошиловгр. текстільн. фабрики ім. К. Є. Ворошилова. 13.07.1938 заарешт. 17.10.1938 ОСН при НКВС СРСР «засудж.» до 5 років п/в у ВТТ.	711, 722, 733
Тустановський Прокоп Йосипович (1910–1941), у 02.1938 закінчив Київ. міжрайову школу ГУДБ НКВС СРСР; у 1938 – пом. оперуп. Скадовського райвід-я НКВС, влітку 1938 прикріплений до Херсон. МВ НКВС Микол. обл. Сержант ДБ (1938). 13.08.1941 загинув на фронті.	438–440
Тухачевський Михайло Миколайович (1893–1937), з 1936 – 1-й заст. наркома оборони СРСР, з 11.05.1937 – командувач військами Приволзького військ. округу. Маршал Радянського Союзу. 24.05.1937 заарешт. 11.06.1937 Спец. судов. присутні-стю ВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	650
Удовенко Павло Сидорович (1906–?), у 1938 – оперуп. 4-го від-я Костянтинівського МВ НКВС, з 20.04.1938 – нач. Білокуракінського райвід-я НКВС Донец. обл.; з 06.1938 – нач. 4-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл.; у 08.1940 – нач. 1-го від-я ОВ НКВС охорони водного р-ну Балтійського флота. Мол. лейтенант ДБ (1939).	702–704, 726, 727, 732, 733
Удодов-Орлов Федір Павлович (1894–1972), у 1936 – нач. Аджамського райвід-я НКВС Одес. обл.; у 1937 – комендант УНКВС по Микол. обл. лейтенант ДБ (1936). 21.03.1938 заарешт. 07.08.1938 ВТ військ НКВС Одес. обл. засудж. до 7 років п/в у ВТТ. 11.01.1939 ВКВС СРСР зменшила строк покарання до 4 років п/в. У 1942 звільнен., направлений на фронт.	316

Ульріх Василь Васильович (1889–1951), у 1926–1948 – голова ВКВС СРСР, водночас з 1935 – заст. гол. ВС СРСР. Армвійськюрист (1935).	38, 78, 233, 234, 492, 635, 688
Упир Микола Антонович (1903–1938), зав. відділом лвиконкому. 27.11.1937 заарешт. 05.10.1938 виїз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	562, 563, 573, 575, 576, 588, 599, 600
Уральцев Микола Іванович (1902–1938), консультант будинку пропаганди Вінн. обкома КП(б)У. 22.04.1938 заарешт. 05.10.1938 виїз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	619
Урінцев (Урінцов) Хаїм Зельманович (1896–?), зав. Вінн. міськвідділу соціального забезпеч. 11.06.1938 заарешт. 14.08.1938 спецколегією Вінн. облсуду засудж. до 8 років п/в у ВТТ. 13.04.1940 ВС СРСР справу припинив. 11.05.1940 звільнен.	561, 569, 570, 580, 601, 606–611, 632
Урланг Соломон Якович (1904–?), з 04.1938 – пом. оперуп., оперуп., секр. 4-го (2-го) відділу, з 11.1939 – нач. від-я 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Сержант ДБ.	499, 507, 509, 527, 528, 566, 567, 575
Успенський Олександр Іванович (1902–1940), з 28.02.1936 – заст. нач., з 16.03.1937 – нач. УНКВС по Оренбурзькій обл.; з 25.01.1938 – нарком внутр. справ УРСР. Ст. майор ДБ (1935), комісар ДБ 3-го рангу (1938). 14.11.1938 втік з Києва, переховувався. 15.04.1939 заарешт. 27.01.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	9–18, 20–22, 27–29, 32, 41, 46–48, 56, 67–71, 73, 81–84, 86–88, 98, 103, 107–110, 113–122, 126–128, 130–134, 137, 138, 146, 147, 149–153, 156–163, 167, 171–173, 176, 183–190, 196, 199, 200, 203–206, 208–211, 223, 259, 276, 279, 296, 239, 345–347, 349, 350, 405, 414, 467, 470, 471, 483, 484, 495, 499, 502, 506, 525, 531, 545–549, 551, 583, 589, 593, 596, 599, 614, 617, 620, 622, 623, 628, 631, 632, 645, 653, 690, 693, 700, 701, 706, 707, 721, 731, 732, 737, 738
Ушаков, у 1938 – нач. 3-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловгр. обл. Мол. лейтенант ДБ.	722, 723
Февральська Лідія Петрівна (1910–?), з 1935 – в органах НКВС, у 1938 – друкарка, у 1940 – секр. 3-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.	230, 301–304, 308, 309, 311, 312, 407, 420–423, 427, 431, 464, 465
Федак, у 1938 – співр. УНКВС по Вінн. обл.	566, 567, 603

Федоров Микола Миколайович (1900–1940), з 20.07.1937 – нач. УНКВС по Одес. обл., з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Київ. обл.; з 28.03.1938 – нач. 4-го відділу 2-го управління (особливих відділів), водночас з 20.04.1938 – т.в.о. нач.; з 28.05.1938 – нач. 2-го управління НКВС СРСР; з 29.09.1938 – нач. 4-го (Особл.) відділу ГУДБ НКВС СРСР. Комбриг. 20.11.1938 заарешт. 03.02.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	7, 9, 10, 20
Федоров Яків Федорович (1903–?), з 1935 – нач. Ободовського райвід-я НКВС, з 22.04.1938 – нач. Немирівського райвід-я НКВС Вінн. обл.; з 08.1938 – нач. 11-го відділу, з 02.1939 – нач. 3-го (трансп.) відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1940). 01.10.1942 зник без вісті.	511, 588, 589, 627
Федоров, фігурант слід. справи УНКВС по Вінн. обл. з об-вину в. Г. Калини у підготовці бактеріологіч. диверсії.	539, 588
Федоровський Арон Юдкович (1902–?), у 1937–1938 – співр. УНКВС по Дніпропетр. обл.; з 06.1938 – пом. нач., з 08.1938 – нач. 3-го від-я 4-го (2-го) відділу УДБ, з 03.1939 – нач. 1-го від-я ЕКВ УНКВС по Микол. обл. Лейтенант ДБ (1936). У 1940 звільнен. з НКВС.	38, 40, 44, 230, 235, 245, 266, 267, 284, 300, 301, 329, 330, 333, 338, 342, 343, 359, 361, 362, 367, 368, 370, 383, 397, 416, 442, 444, 448, 449, 472
Федотов Олександр Павлович (1913–?), з 03.1938 – оперуп. 4-го відділу УДБ, у 05.1939 – заст. нач. 1-го від-я, у 08.1939–12.1940 – заст. нач. 2-го від-я, у 1941 – заст. нач. ЕКВ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ (1938).	38, 40, 44, 229, 230, 246, 247, 253–255, 257, 259, 260, 263, 273–276, 330, 332, 334–338, 346, 353–355, 357, 359, 365, 367, 371, 398, 399, 404, 410, 411, 449, 456–460, 468, 474, 477–482
Фельгрон Ася Григорівна (1897–?), лікар швидкої допомоги, з 1938 обслуговувала УНКВС по Ворошиловгр. обл. На 01.11.1940 – лікар 2-ї робітн. поліклініки м. Ворошиловграда.	712, 713
Фельдман, в 1938–1941 – керів. праців. ВТ військ НКВС КО.	25, 44, 45, 390, 486, 491–493, 697, 735, 736, 739, 740
Филиппов, гол. Нижньо-Бузького райвиконкому Одес. обл., гол. оргкомітету ВУЦВК (по Микол. обл.?).	250, 251, 400, 402, 464, 476, 479, 480
Фішер Йосип Борисович (1896–?), з 03.01.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл., з 04.08.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл., з 01.10.1937 – т.в.о. нач. УНКВС по Микол. обл., з 03.03.1938 – у розпор. НКВС СРСР. З 06.1938 – заст. нач. буд-ва № 203 НКВС (м. Молотовськ, Архангельська обл.), з 23.10.1938 – заст. нач. Управл. Вятського ВТТ (Кіровська обл.). Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1937). У 07.1939 знятий з посади. 14.09.1939 звільнен. з НКВС. З 10.1939 – нач. жил.-комунал. відділу Управл. Чорноморського морського пароплавання (Одеса), з 01.1940 – ревізор Управл. Наркомату юстиції УРСР по Одес. обл., з 04.1941 – зав. юрид. консультації (Одеса). З 07.1941 – в особлив. органах в РСЧА, підполковник ДБ (1943).	28–30, 316–319, 418, 427, 429, 442, 451, 453, 466, 470, 480

Фогель Володимир Кирилович (1892–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 15.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Фомін Леонід Павлович (1906–?), з 1933 – нач. корпусно-го цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 20.07.1938 заарешт. 08.04.1939 справу припинено, звільнен. Повернувся на попереднє місце роботи.	227, 228, 238, 239, 241, 246, 253–256, 262–265, 275, 278, 280, 290, 323, 333, 335–337, 339, 344, 346, 353, 354, 362, 363, 366, 367, 373–375, 379, 380, 382–384, 398, 408, 409, 436, 459, 460, 467, 468, 473, 474, 477, 479–483, 488
Фриновський Михайло Петрович (1898–1940), з 15.04.1937 – 1-й заст. наркома внутр. справ СРСР і нач. ГУДБ (з 28.03 по 08.09.1938 – 1-го управління) НКВС СРСР. Комкор (1935), командарм 1-го рангу (1938). 06.04.1939 заарешт. 04.02.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	470, 617
Фрібер Франц Іванович (1895–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 16.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Фукс Нафтул Іхелевич (1909–?), з 01.1938 – пом. оперуп. сільськогосп. відділу, оперуп. 1-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. 09.08.1938 заарешт. 08.02.1939 звільнен. У 05.1939 – інспектор під-ки кадрів Вінн. облфінвідділу.	509, 528, 540–543, 599, 601, 603, 608, 633
Фурман [Яків Омелянович], «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв). У 1938 заарешт. Звільнен.	338
Фюлков, у 1938 – секр. ОПК (м. Харків).	677
Хазін Семен Михайлович (Мойсейович), у 10.1939 – заст. нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР. Мол. лейтенант ДБ (1936), лейтенант ДБ (1938), ст. лейтенант ДБ (1939).	341
Хайтін Матвій Левович, у 1938 – нач. Коростишівського РВ НКВС, з 20.06.1938 – нач. Овруцького РВ НКВС Житомир. обл.; з 28.12.1938 – в.о. нач. від-я 7-го відділу 1-го управління, у 11.1939–03.1940 – пом. нач. Слід. частини УДБ НКВС УРСР. Сержант ДБ (1936), лейтенант ДБ.	341
Харитонова Марія Олександрівна (1898–?), бухгалтер Микол. з-ду ім. А. Марті. 14.11.1937 заарешт. «Засудж.» до ВМП. 15.04.1939 справу припинено. Звільнена.	348, 466
Харченко Костянтин Ананійович (1887–?), у 1938 – нач. тюрми НКВС м. Ворошиловграда. У 03.1940 – пом. нач. буд-ва (з кадрів і побуту) Ділянки військово-будів. робіт (ДВСП-6).	703
Хатаневвер Арон Меєрович (1905–1940), з 28.03.1937 – нач. 2-го від-я, з 01.07.1937 – нач. 1-го від-я 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 07.12.1937 – нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 03.02.1938 – т.в.о. заст. наркома внутр. справ УРСР; з 09.05.1938 – пом. нач., з 31.07.1938 – заст. нач. УНКВС по Ленінград. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (08.06.1937), майор ДБ (05.11.1937). 17.11.1938 заарешт. 20.05.1940 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 22.06.1940 розстріляний.	116, 120, 157, 217

Хатемкін Григорій Олександрович (1902–?), з 01.12.1935 – 671 нач. ОВ НКВС 43-ї авіабригади ХВО; з 28.05.1938 – т.в.о. заст. нач. (факт. – нач.) 5-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. (ОВ НКВС ХВО); заст. нач. 3-го відділу Карагандинського ВТТ НКВС СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 19.01.1940 звіль- нен. з НКВС.	
Хачатурян, у 1938–1939 – пом. військ. прокурора військ 60, 116, 204 НКВС КО. Військ. юрист 1-го рангу.	
Хвиля (Олінтер) Андрій Ананійович (1898–1938), з 1933 – 129, 167, 190, 532 1-й заст. наркома освіти УРСР, з 1936 – нач. Управл. у спра- вах мистецтва при РНК УСРР. 13.08.1937 заарешт. 08.02.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	
Хесін, у 1938 заарешт. УНКВС по Харк. обл.	655
Хирний Федір Васильович (1905–?), у 1938 – слідчий ОВ 656 НКВС ХВО; у 1942–1943 – нач. ОВ 24-ї стр. бригади, нач. ВКР СМЕРШ 44-ї стр. див. 4-ї армії (Волховський фронт), на 1945 – нач. ВКР СМЕРШ 376-ї стр. див. 1-ї ударної ар- мії (Ленінградський фронт). Сержант ДБ (25.04.1939), мол. лейтенант ДБ (01.07.1939), лейтенант ДБ (на 08.10.1942), ст. лейтенант ДБ (на 18.12.1942), підполковник (на 1943).	
Ходос Леонтій (Лев) Михайлович (1888–1959), з 21.04.1935 691, 694, 703–705, – нач. Старобільського окрвідділу НКВС Донец. обл. з 711, 712, 722, 09.04.1936 – пом. дир-ра з кадрів Ворошиловгр. з-ду № 60. 724–726, 737 14.07.1938 заарешт. 21.01.1940 звільнений. У 08.1941 – дир. Ворошиловгр. облконтори Культторгу. З 12.06.1942 – т.в.о. заст. нач., з 20.10.1942 – нач. ВВТК НКВС Киргизської РСР (за ін. дан. – УНКВС по Фрунзенській обл.); з 02.07.1946 – нач. ВВТК УМВС по Вінн. обл. Майор ДБ (1944).	
Хорошилов Григорій Іванович (1907–?), у 1938 – нач. 7-го 694, 703–705, 725, від-я УДБ, згодом – нач. 8-го відділу УДБ УНКВС по 726 Ворошиловгр. обл. Сержант ДБ (1936). 15.01.1940 звільнен. з НКВС. У 08.1940 – нач., у 1941 – заст. нач. військ. відділу ВЗЖР.	
<i>Хранко Віталій</i>	742
Хрушов Микита Сергійович (1894–1971), з 1934 – 1-й секр. 11, 12, 27, 41, 45, Москов. МК і обкому ВКП(б); з 01.1938 – в.о. 1-го секр., з 69, 73, 74, 82, 85, 06.1938 – 1-й секр. ЦК КП(б)У; водночас з 04.1938 – 1-й 94, 146, 158, 159, секр. Київ. МК і обкому КП(б)У; з 01.1938 – кандидат у члени, 162, 218, 288, 445, з 03.1939 – член політбюро ЦК ВКП(б); у 1941–1944 – 446, 479, 677, 678, член військ. рад Південно-Захід. напрямку і п'яти фронтів. 708 Генерал-лейтенант. Обіймаючи парт. посади, водночас у 02.1944–12.1947 – гол. РНК (з 15.03.1946 – Ради міністрів) УРСР; з 12.1949 – 1-й секр. Москов. МК і обкому ВКП(б) (до 03.1953) і секр. ЦК ВКП(б); з 07.09.1953 – 1-й секр. ЦК КПСС, водночас з 27.03.1958 – гол. Ради міністрів СРСР.	
Хусид Іона Давидович (1894–?), у 1935–1936 – співр. УНКВС 318 по Одес. обл.; у 1937 – нач. 4-го від-я УДБ УНКВС по Молд. АРСР; з 08.12.1937 – нач. ВАГС УНКВС по Микол. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 31.05.1938 заарешт. 25.12.1938 справу припинено.	
Цапенко, гол. партколегії Київ. обл. У 1938 заарешт. Звільнен.	124, 145, 164, 165, 206

Цветков Василь Миколайович (1899–?), дир. Ворошиловгр. міськхарчторгу. 11.07.1938 заарешт. 07.04.1939 ВТ ХВО за-судж. до 12 років п/в у ВТТ. 17.08.1939 ВКВС СРСР відміни-ла вирок. 22.03.1940 справу припинено. 05.04.1940 звільнен. У 07.1940 – ст. інспектор спецпостач. ВЗЖР.	89
Цвіль Петро, у 1938 – нач. політвідділу Ново-Троїцької МТС Микол. обл.	370
Цеховський Леонід Васильович (1882–?), праців. Харк. з-ду № 135, у 1940 – гол. заводського комітету (завкому).	639, 641, 642, 677
Пирульницький Михайло Михайлович (1904–1963), з 31.05.1937 – пом. нач. 3-го від-я, з 27.09.1937 – т.в.о. нач., з 23.02.1938 – нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Одес. обл.; з 01.03.1938 – секр. УНКВС, з 01.05.1938 – пом. нач. 3-го відділу УДБ, у 10.1938 – нач. 8-го відділу 1-го управління УНКВС, з 01.11.1938 – заст. нач. 3-го відділу УНКВС, з 01.05.1939 – в.о. нач., з 01.03.1940 – нач. ВВТК УНКВС, з 17.06.1940 – заст. нач. ЕКВ УНКВС; з 12.04.1941 – нач. 3-го від-я 2-го відділу (КРВ) УНКДБ по Київ. обл.; з 09.1941 – заст. нач. КРВ НКВС Татарської АРСР. лейтенант ДБ (1936), ст. лейтенант ДБ (1942).	23, 112, 132, 133, 136, 144, 154, 172–174, 181, 204, 206
Чабан Кирило Максимович (1876/1886–?), мешканець с. Яришева Вінн. обл. 16.06.1938 заарешт.	495, 502, 631
Чайка (Чайко) Євген Іванович (1902–?), мешканець м. Києва, лікар, доцент, свідок у справі Л. Павличева.	709
Чайковський Михайло Лазаревич (1894–?), у 1938–1940 – нач. секретаріату УНКВС по Микол. обл., у 12.1940 – нач. секретаріату УНКВС по Акерманській обл. лейтенант ДБ.	230, 302, 303, 312–314, 350, 420, 422, 427, 434, 465, 482, 483
Чаркев, у 1938 репресований УНКВС по Микол. обл.	386
Чепиженко Василь Омелянович, у 1938 намічався до арешту УНКВС по Ворошиловгр. обл.	721
Чепіков Володимир Михайлович (1914–?), з 10.11.1939 – опе-руп., з 01.07.1940 по 01.01.1941 заміщав нач. 2-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл.	43, 235, 381, 387
Чепцов Олександр Олександрович (1902–1980), у 1939–1942 – член ВКВС СРСР. Військ. юрист 2-го рангу (1939), військ. юрист 1-го рангу (1940).	149, 212, 388, 635, 686
Череватенко Михайло Іванович (1903–?), з 05.1935 – зав. відділом, з 09.1937 – 3-й, з 05.1938 – 2-й секр. Велико-Лепетихського РК КП(б)У Дніпропетр. обл., з 10.1938 – пра-ців. Микол. обкому КП(б)У. У 12.1938 закінчив курси при ЦК КП(б)У, направлений до органів НКВС. З 08.01.1939 – нач. УНКВС по Ворошиловгр. обл. Капітан ДБ (1939). 28.03.1941 знятий з посади. Зник без вісті на фронті.	85, 86, 89, 90, 92–94, 96, 98, 100
Чередниченко, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	396
Черепін Тихон Корнійович (1907–1941?), з 05.1937 – 1-й секр. Черкаського РК КП(б)У Київ. обл., з 02.1938 – нач. Київ. облЗУ, з 06.1938 – 2-й секр. Київ. обкому КП(б)У, з 09.06.1938 – член трійки при УНКВС по Київ. обл.; з 02.1939 – заст. наркома радгоспів УРСР, з 01.1940 – 1-й секр. Сумського обкому КП(б)У. Депутат Верховної Ради СРСР. З 06.1941 – член Військ. ради Одес. військ. округу, бригадний комісар. 08.10.1941 загинув (за ін. дан. зник без вісті).	27, 114, 119, 155, 200, 201, 205

Черкес Тарас Тихонович (1906–?), з 03.1938 – оперуп. 9-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Звільнений з НКВС. У 08.1939 – нач. спецчастини Микол. держ. обл. тресту хлібопечення (Хлібтресту). У 01.1940 – в РСЧА. У 03.1941 – спецпраців. Микол. швейної фабрики.	229, 230, 292–294, 407, 418–420, 470, 472, 484
Чермак Володимир, у 1922–1931 – керівник Чехословацької диплом. мисії у м. Києві (УСРР).	518, 522, 523, 585, 625
Чернишов Василь Васильович (1896–1952), з 10.07.1934 – нач. УПВО УНКВС, водночас з 13.01.1936 – заст. нач. УНКВС по Далекосхідному краю; з 07.08.1937 – заст. наркома (з 03.1946 – міністра) внутр. справ СРСР (по 12.02.1952), водночас – нач. ГУРСМ НКВС СРСР (по 18.02.1939), з 18.02.1939 – нач. ГУТАБ НКВС СРСР (по 26.02.1941). Комдив (1935), комісар ДБ 3-го рангу (1941), комісар ДБ 2-го рангу (1943), генерал-полковник (1945).	50
Чернобильський, у 1937–1938 – оперуп., у 05.1939 – заст. нач. 1-го від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. Сержант ДБ.	303, 429
Чернохатов Микита Васильович (1892–1938), майстер корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 7/8.08.1938 заарешт. 26.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП. Розстріляний.	226, 227, 239, 261, 278, 279, 290, 342, 351, 362, 366, 367, 373, 382, 383, 386, 410, 425, 434, 441, 452, 474, 488, 490, 491
Чернюк Терентій Миколайович (1894–?), бригадир дорожньої бригади колгоспу с. Фламінди Ямпольського р-ну Вінн. обл. 16.06.1938 заарешт.	495, 502, 631
Чикалов Тимофій Іванович (1888–?), ст. майстер корпусного цеху Микол. з-да ім. 61-го комунара. 07.08.1938 заарешт. 08.04.1939 звільнен. У 1939–1940 – ст. майстер пневматики Микол. з-ду ім. 61-го комунара.	227, 228, 230, 260, 263–265, 275, 278, 280, 332–334, 337, 358, 375, 382, 384, 391, 406, 409–411, 460, 477, 478, 488
Чистов Павло Васильович (1905–?), з 29.07.1937 – нач. УНКВС по Челябінській обл., з 26.02.1938 – нач. УНКВС по Донец. обл., з 11.06.1938 по 01.02.1939 – нач. УНКВС по Сталін. обл.; з 08.03.1939 – заст. нач., з 17.06.1939 – нач. Управл. буд-ва Куйбишевського гідровузла, водночас з 08.03.1939 – нач. Самарського ВТТ; з 11.10.1940 – нач. Управл. Витегорського ВТТ (Вологодська обл.), з 07.1941 – заст. нач. Голов. управл. оборон. робіт НКВС СРСР, з 28.08.1941 – нач. Південно-Західного управл. буд-ва оборон. споруд. Майор ДБ. З 03.09.1941 – у німецькому полоні. З 17.07.1945 – у Подольському перевірочно-фільтраційному таборі НКВС. 21.09.1946 заарешт. 27.03.1947 ОСН МДБ СРСР «засудж.» до 15 років ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ (Магаданська обл.). 05.11.1955 достроково звільнен.	185
Чистяков Микола Вікторович (1884–1938), учитель серед. школи с. Микольське Херсон. р-ну Микол. обл. 17.06.1938 заарешт. за спробу пройти на Микол. з-д № 198. Внаслідок побоїв на допиті 13.07.1938 помер.	269–271, 416, 450, 451
Чубов, «член антирад. право-троц. орг-ції» (м. Миколаїв).	330

Чулков Матвій Федорович (1903–?), інженер-механік, з 1930 – виклад. Микол. кораблебуд. ін-ту. 05.07.1938 заарешт. 22.03.1939 Микол. облсудом виправдан., звільнений. У 1939–1940 – ст. виклад. Микол. кораблебуд. ін-ту.	228, 230, 246, 247, 249, 251, 252, 264, 275, 276, 330–332, 336–338, 354, 356, 368, 383, 385, 391, 398, 402, 459, 463, 479, 481
Чумаченко Віталій Федорович (1910–1938?), нач. штабу ППО Микол. міськвідділу зв'язку. 01.08.1938 заарешт. 05.11.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350
Чумічев Микола Семенович (1905–?), у 1935 закінчив Москов. механіко-машинобуд. ін-т ім. М. Е. Баумана, з 08.1937 – дир. ВЗЖР. Депутат Верховної Ради УРСР. 21.09.1938 заарешт. 18.03.1940 справу припинено. 19.03.1940 звільнен. У 07.1940 – ст. контрольний майстер котельного цеху ВЗЖР.	94, 691, 703, 707, 717, 720, 721, 737
Чухрий Костянтин Іванович (1896–?), у 1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. 15.09.1937 заарешт. 23.02.1939 звільнен. У 12.1939–1940 – пенсіонер.	642, 644, 645, 647, 648, 650, 652, 655, 662, 665, 666, 669, 673–676, 679, 682, 683
Чучман Петро Васильович (1897–1938?), дир. Ново-Троїцької МТС (Микол. обл.). 15.06.1938 заарешт. 26.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	227, 241, 266, 267, 291, 292, 300, 301, 342, 347, 348, 352, 360, 367, 368, 370, 374, 377, 378, 384, 392, 418, 441, 442, 452, 469, 472, 474, 475
Шаблинський Борис Корнійович (1898–?), з 02.1937 – нач. техніч. відділу Дніпропетр. швейної ф-ки ім. В. Володарського, з 05.1938 – 1-й секр. Жовтневого РК КП(б)У м. Дніпропетровська, 3-й секр. Дніпропетр. МК КП(б)У, з 18.01.1939 – нач. УНКВС по Вінн. обл. (по 07.1941). Капітан ДБ (1939).	48
Шабунін Олексій Васильович (1904–?), у 1938 – пом. нач. 2-го (3-го) від-я 3-го відділу УДБ, з 07.1938 – нач. особ. інспекції УРСМ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). У 04.1941 – слідчий Вінн. міськпрокуратури.	499, 507, 509, 528–530, 538–540, 583, 584, 587, 593–596, 601, 625, 629
Шакалов Опанас Васильович, у 1938 – нач. Козятинського райвід-я НКВС, у 1939 – нач. Літинського райвід-я НКВС Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1937). 22.09.1939 звільнен. з НКВС.	588, 589, 627
Шаламов Іван Миколайович (1906–?), оперуп., з 01.04.1938 – пом. нач. 2-го від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1938).	509–512, 577, 583, 627
Шаміс Яків Мойсейович (1904–?), з 1936 – оперуп. міськ. тюрми і тюремного від-я, згодом – ВМУ УНКВС, з 01.04.1939 – в.о. нач. тюрми № 38 (згодом – № 1) ВМУ УНКВС по Одес. обл. Сержант ДБ. 09.04.1940 заарешт. 02.07.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. ВКВС СРСР відмінила вирок. 24.11.1940 ВТ військ НКВС КО засудж. до ВМП. 27.12.1940 ВКВС СРСР замінила ВМП на 10 років п/в у ВТТ. 23.10.1944 ВТ військ НКВС Молотовської обл. достроково звільнен. за станом здоров'я.	43

Шамрило Тимофій Власович (1905–1941), з 08.1937 – 2-й секр., з 17.02.1938 – 1-й секр. Дарницького РК КП(б)У м. Києва; з 27.04.1938 – в.о. 3-го секр., з 27.05.1938 – 3-й секр., з 06.1939 – 2-й секр. Київ. МК КП(б)У. У 09.1941 загинув.	196, 205
Шапіро Ісак Ананійович (1898–?), з 12.1936 – нач. Ворошиловгр. МВ НКВС Донец. обл., з 23.12.1937 – нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. (почав вик. обов. 14.01.1938), з 07.03.1938 – т.в.о. пом. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 27.03.1938 – т.в.о. заст. нач., з 28.03.1938 – т.в.о. нач. УНКВС по Київ. обл., з 20.05.1938 – заст. наркома внутр. справ УРСР з неопер. відділів, з 01.01.1939 – нач. Укрдорбудоустресту і буд-ва № 257 УШОСДОР НКВС УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938). З 05.03.1939 – на пенсії, з 10.1939 – заст. керуюч. трестом «Укрмебл» (Київ). З 26.06.1941 – нач. ОВ НКВС 30-го р-ну авіац. базування Півден. і Півд.-Зах. фронтів.	7, 10
Шапіро Мойсей Григорович (1907–1942), з 1936 – співр., у 1938 – секр. УНКВС, у 05.1940 – нач. від-я 3-го спецвідділу УНКВС по Київ. обл.; у 02.1941 – у Ленінград. вищій школі НКВС. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ. 15.05.1942 загинув на фронті.	112, 125, 154, 179, 180, 186, 200, 218
Шаповал Юрій	13
Шаповалов С.Ф., фігурант справи Д. Дерев'янченка.	331
Шаров (Шавер) Микола Давидович (1897–1939), з 31.03.1935 по 29.12.1937 (офіц. по 10.01.1938) – нач. УНКВС по Київ. обл.; з 10.01.1938 – нач. УНКВС по Сталінград. обл. Ст. майор ДБ. 27.09.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	7–10, 14, 15, 30
Шатохін Михайло Якович (1906–1941?), у 1938 – нач. від-я 11-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.; у 01.1941 – нач. 11-го від-я ОВ НКВС КОВО. Сержант ДБ (1936), мол. лейтенант ДБ, лейтенант ДБ (на 1941). 22.02.1941 звільнений з НКВС. Заарешт. У 1941 зник без вісті на фронті.	179, 210
Шац Юрій Юхимович (1897–1937), у 1934 – зав. пром.-трансп. відділом Донец. обкому КП(б)У, зав. відділом рад. торгівлі ЦК КП(б)У, у 1936 – 1-й секр. Ворошиловгр. МК КП(б)У, пом. нач. комбінату «Донбасвугілля». 17.07.1937 заарешт. 25.08.1937 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 01.09.1937 розстріляний.	694, 700, 705
Шварц Хаїм-Герш Лейбович (1889–1938), праців. Вінн. торгової бази. 18.04.1938 заарешт. 05.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	562, 563, 570, 597, 599, 602, 603, 609
Шевченко Георгій Федорович (1905–1938), заст. зав. сільгоспвідділом Вінн. обкому КП(б)У. 29.05.1938 заарешт. 05.10.1938 виіз. сесією ВКВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	602
Шевченко, голов. енергетик ВЗЖР.	705
Шевченко, у 1937–1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	313
Шейнберг Самсон Мойсейович (1903–?), з 09.10.1937 – інспектор 9-го (спец.) від-я, з 01.1938 – нач. 2-го спецвідділу УДБ і секр. трійки (особ. трійки) при УНКВС; секр. нач. УНКВС по Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 15.05.1939 звільнен. з НКВС. У 1940 – нач. секр.-шифрувального відділу Микол. облуправління зв'язку.	230, 301–303, 307–311, 324, 325, 348, 352, 378, 386, 407, 420–430, 439, 448, 452, 454, 455, 465, 490
Шейнгольд, співр. УНКВС по Харк. обл.	663

Шейхман, у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	427
Шелковий Петро Іванович (1890–1967), з 1932 – дир. Ворошиловгр. патронно-станкобуд. з-ду № 60. Депутат Верховної Ради СРСР. 29.06.1941 заарешт., восени етапований до тюрми НКВС м. Саратова. У 07.1942 справу припинено, звільнен. З 1943 – дир. Ворошиловгр. з-ду № 60.	707, 721
Шепетін Абрам (Авраам) Мордухович (Мордкович) (1896–1939), з 07.06.1935 – нач. СПВ (4-го відділу) УДБ УНКВС по Чернігів. обл. Ст. лейтенант ДБ (1936). 27.06.1937 звільнен. з НКВС. Прац. Харк. спецторгу. 26.03.1938 заарешт. 17.03.1939 покінчив життя самогубством (повісився).	482, 665
Шершун Микола Максимович, у 06.1938 – нач. Козятинського райвід-я НКВС Вінн. обл. Лейтенант ДБ (1936). 19.05.1939 звільнен. з НКВС.	546, 547
Шехтман (Шехман) Рафаїл Пінхусович (1904–?), у 1936 – співр. УДБ НКВС УРСР, у 1938 – пом. нач. від-я, з 09.12.1938 – т.в.о. нач. 2-го від-я 6-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936).	179
Шиманський, у 1938 – співр. УНКВС по Київ. обл.	195
Ширін (Шац) Лазар Наумович (1901–?), з 02.1936 – нач. 1-го від-я, з 01.05.1937 – пом. нач. 4-го відділу УНКВС по Харк. обл. З 18.11.1937 – у розпор. НКВС УРСР. З 26.03.1938 – заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. (по 07.1938); з 20.09.1938 – нач. упр. буд-ва дороги № 4 (Новоград-Волинський–Житомир) Укрдорбудтресту ГУШОСДОР НКВС СРСР; з 11.05.1939 – нач. госп. частини Укр. між-райової школи НКВС СРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936). 24.09.1940 звільнен. з НКВС. Керуюч. Харк. від-я Всесоюз. держ. акціонер. т-ва з інозем. туризму («Інтурист»). 18.12.1940 заарешт. 20.09.1941 звільнений. З 1942 – в органах НКВС. З 12.08.1943 – нач. від-я опер.-чек. відділу Управл. у справах військовополонених та інтернованих НКВС СРСР. Майор ДБ, підполковник ДБ (1943).	54–66, 494–497, 499–503, 505–521, 526–528, 531, 532, 534–536, 540–542, 544, 546–550, 552–570, 572, 573, 575–582, 596–605, 614, 616, 618, 623, 624, 631–633
Ширков Дмитро Опанасович (1908–?), у 1938 – нач. Варварівського райвід-я НКВС Микол. обл. Мол. лейтенант ДБ (1939).	393
Широкий (Майський) Іван Тарасович (1903–1938), з 13.03.1937. – нач. 5-го відділу УДБ УНКВС, з 05.03.1938 – т.в.о. заст., з 20.03.1938 – заст. нач. УНКВС по Чернігів. обл.; з 20.05.1938 – нарком внутр. справ МАРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938). 27.09.1938 заарешт. 16.12.1938 покінчив життя самогубством у внутр. тюрмі УДБ НКВС УРСР.	13
Шкляр (Шкляров?), у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл.	265, 267
Шкляров Олексій Гаврилович (1910–?), у 1931–1934 – в РСЧА, у 1938 – співр. 4-го відділу УДБ УНКВС по Микол. обл. У 08.1939 – нач. госп. частини тюрми НКВС м. Миколаєва.	230, 235, 273, 277, 283, 293, 304, 338, 371, 482, 483
Шкурін (Шкуріна) Михайло Тихонович (1892–1939), дир. Турбовського цукр. з-ду (Вінн. обл.). 24.06.1938 заарешт. 10.01.1939 ВТ КОВО засудж. до ВМП. Розстріляний.	597
Шмідт Густав Карлович (1900–1938), плотник ст. Грейгово Микол. р-ну Микол. обл. 02.08.1938 заарешт. 13.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350, 377

Шмідт Пилип Людвигович (1895–1938), праців. колгоспу «Роте Штерн» Баштанського р-ну Микол. обл. 04.08.1938 заарешт. 13.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350, 377
Шмідт Яків Людвигович (1893–1938), праців. колгоспу «Роте Штерн» Баштанського р-ну Микол. обл. 04.08.1938 заарешт. 13.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Микол. обл. «засудж.» до ВМП.	350, 377
Шмушко Георгій Наумович (1888–?), у 1937 – нач. Харк. міськ. бюро Інспекції резервів НКВС, з 01.09.1937 – пом. нач. відділу кадрів УНКВС по Харк. обл. лейтенант ДБ (1936). 30.05.1938 заарешт. У 10.1938 ВКВС СРСР засудж. до 15 років п/в у ВТТ. 11.02.1940 звільнен. 14.03.1940 справу припинено.	642, 645–647, 649, 651, 654, 663–665, 668, 669, 673, 679, 682, 683
Шор Сисой (Сесой) Абрамович (1906–?), у 1938 – співр. УНКВС по Микол. обл., згодом – нач. Скадовського райвід-я НКВС Микол. обл.; у 08.1939 – нач. 3-го від-я УДБ Херсон. МВ НКВС. Сержант ДБ (1936).	230, 235, 238, 356, 360, 370, 371, 428, 437–440
Шпіро Хаїм Лейбович (1898–1938), виклад. Вінн. євр. пед-технікуму. 25.04.1938 заарешт. 02.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 03.10.1938 розстріляний.	597, 601
Шпунт, у 1940 заарешт. УНКВС по Харк. обл.	649
Штейнварц Наум Григорович (1902–?), інструктор Вінн. об-кому КП(б)У (до 07.1939). 06.08.1938 секретно затриманий, звільнений, секр. інформатор 2-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. «Штерн». У 03.1940 – комісар арт. дивізіону 269-го КАПа 17-го стр. корпусу КОВО. 19.04.1940 направлений до м. Перемишль. У 1941 – на військ. роботі у Зах. Україні.	513, 557, 559, 564–567
Штерн Семен Наумович (1883–?), у 1937–1938 – нач. тюрми НКВС м. Миколаєва; у 12.1940 – нач. ВТК НКВС (Одеса).	230, 315–319, 324, 426, 427, 483
Штольц Йосип Іванович (1898–1938), колгоспник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 16.07.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 504
Шулелін, у 1939 – військ. прокурор військ НКВС по Сталін. обл., у 09.1940 – військ. прокурор Військ. прокуратури військ НКВС ХО. Військ. юрист 2-го рангу.	77, 89, 90, 93, 100, 642, 681
Шуманов, у 06.1941 – пом. секр. ВКВС СРСР. Технік-інтендант 2-го рангу.	636
Шумський Ігор Борисович (Лещинський Генріх Йосипович) (1898–1974), з 02.06.1936 – заст. нач. УНКВС по Харк. обл. і нач. особл. відділів УДБ УНКВС і ГУДБ НКВС ХВО, з 05.07 по 05.08.1937 (з перервою 15– 22.07) – т.в.о. нач. УНКВС по Харк. обл.; з 08.1937 – нач. Запорізького МВ НКВС. З 03.1938 – пом. (заст.) нач., з 10.1939 – секр. партбюро Рибинського гідровузла Волгобуду і Волзького ВТТ НКВС, з 09.1940 – заст. нач. політвідділу Упр. Волгобуду. З 08.1941 – заст. нач. 4-го і 3-го управлінь Голов. упр. буд-ва оборон. споруд (Оборонбуду) НКВС СРСР Північно-Захід. фронту (м. Ярославль). Полковник (1935).	66, 67, 70, 80
Шеголевський Зіновій Ісайович (1901–?), з 01.12.1935 – нач. 4-го від-я, з 01.04.1937 – нач. 2-го від-я Особл. (5-го) відділу УДБ УНКВС по Харк. обл. і ОВ НКВС ХВО. Старший лейтенант ДБ (1936). 08.04.1938 заарешт. 19.08.1939 справу припинено. Звільнений.	642, 644–649, 651–655, 659, 661, 663, 664, 668, 670–672, 675, 678, 679, 682, 683

Щелинський, правильно – Шавинський Мечислав Мечиславович (1915–?), студент 4-го курсу Вінн. медін-ту. 20.09.1938 заарешт. 06.06.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до 10 років п/в у ВТТ. 23.08.1939 ВС СРСР відмінив вирок. 22.12.1939 справу припинено. Звільнен.	536
Шербина Микола Васильович (1890–?), з 1926 – дир. Микол. 3-ду ім. А. Марти, з 1927 – у Промакадемії (Москва), з 1930 – керуюч. Всеоюз. об'єднання річкового суднобудування, з 1932 – дир. Севастопольського суднобуд. 3-ду, з 10.1936 – дир. Микол. 3-ду ім. 61 комунара (до 09.1937). 03.12.1937 заарешт. 08.07.1939 звільнен.	249, 250, 258, 271, 272, 278, 279, 283, 284, 317, 329, 330, 337, 338, 344, 446, 447, 475, 476, 481
Юнанов Володимир Петрович (1907–?), у 1936–1938 – співр. УНКВС по Вінн. обл.; у 1939 – нач. від-я і пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС Киргизської РСР. Сержант ДБ (1936). 05.03.1939 заарешт. 28.07.1939 ВТ військ НКВС Киргизської РСР засудж. до 8 років п/в у ВТТ. 19.08.1942 звільнений, направлений на фронт.	514
<i>Юнге Марк</i>	6, 30, 45, 741, 742
Юрченко Іван Тимофійович (1903–1971), з 09.1937 – 1-й секр. Базарського РК КП(б)У Київ., з 22.09.1938 – Житомир. обл.; з 15.01.1939 – нач. УНКВС по Микол. обл. Капітан ДБ (1939). 18.10.1940 знятий з посади, звільнен. у запас. з 02.1941 – дир. держмлину № 8 м. Звенигородка (Київ. обл.).	41, 238–241, 277, 281, 291, 307, 317, 331, 339–342, 350, 355, 361, 369, 373, 393, 413, 430, 431, 437, 438, 463, 464, 473, 477, 479, 480
Юрьев Петро Іванович (1901–?), з 11.1937 – 3-й секр. Вінн. обкому КП(б)У, у 1938 – заст. дир. Вінн. цукр. тресту. 13.07.1938 заарешт. 25.03.1939 437-м ВТ КОВО засудж. до ВМП. 29.11.1939 ВС СРСР відмінив вирок. 25.03.1940 справу припинено. Звільнен. У 07.1940–1941 – дир. Вінн. м'ясокомбінату.	509, 513, 552, 557, 559–561, 563–569, 572, 597–600, 602–605, 615, 618, 619, 623, 630, 633
Яворський, у 1938 – співр. УНКВС по Харк. обл.	669
Явурек В'ячеслав В'ячеславович (1889–1938), плотник колгоспу ім. В. І. Леніна с. Миколаївки Козятинського р-ну Вінн. обл. 15.06.1938 заарешт. 07.10.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 08.10.1938 розстріляний.	497, 498, 504, 633
Якименко Олексій Гаврилович, у 1938 – пом. оперуп. 4-го відділу УДБ НКВС по Микол. обл. У 08.1939 – ст. оперуп. Херсон. МВ НКВС. Сержант ДБ (1938).	419
Якір Іона Еммануїлович (1896–1937), з 1935 – командувач військами КВО, з 10.05.1937 – командувач військами ЛВО. Командарм 1-го рангу. 23.05.1937 заарешт. 11.06.1937 Спец. судов. присутністю ВС СРСР засудж. до ВМП. Розстріляний.	650
Яковенко Володимир Михайлович (1899–1938), з 07.05.1936 – пом. нач. 8-го від-я ОВ (5-го відділу), з 04.06.1937 – пом. нач. 2-го (5-го) від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. Лейтенант ДБ (1936). 21.02.1938 заарешт. 25.09.1938 ВКВС СРСР засудж. до ВМП, розстріляний.	132
Яковлев М.В., співр. Макиївського МВ НКВС, у 1940 – ст. 97 слідчий УНКВС по Сталін. обл.	97
Яковлев Михайло Олександрович (1897–1938), фельдшер діспансеру (м. Вінниця). 09.06.1938 заарешт. 22.09.1938 особ. трійкою при УНКВС по Вінн. обл. «засудж.» до ВМП. 23.09.1938 розстріляний.	530

Якушев (Бабкін) Лаврентій Трохимович (1903–1986), з 03.01.1937 – нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харк. обл., з 16.08.1937 – заст. нач. УНКВС по Київ. обл., з 01.10.1937 – в.о. нач. УНКВС по Житомир. обл.; з 26.02.1938 – у розпор. НКВС СРСР; з 03.05.1938 – заст. наркома, з 04.08.1938 – нарком внутр. справ Кримської АРСР. Капітан ДБ. 18.12.1938 заарешт. 20.06.1939 ВКВС СРСР засудж. до 20 років п/в у ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ. У 10.1941 достроково звільнен. У 1943–1944 – у складі опергруп НКВС–НКДБ, підполковник ДБ (1943).	з 7, 9
Ялкінський, у 1938 заарешт. УНКВС по Вінн. обл.	556
Ямпольський, у 1938 – нач. від-я 4-го відділу УДБ УНКВС по Київ. обл.	123, 163, 164
Яновський Юрій Іванович (1902–1954), укр. письменник, драматург, з 1939 – голов. редактор журналу «Українська література».	190
Яраланц (Яралов) Олександр Олександрович (1903–1939), з 01.03.1937 – нач. 4-го від-я 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 17.08.1937 – нач. 3-го відділу УДБ (по 01.02.1938) і пом. нач. УНКВС по Саратов. обл.; з 20.05.1938 – нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 08.1938 – т.в.о. заст. наркома внутр. справ УРСР. Ст. лейтенант ДБ (1936), капітан ДБ (1938). 15.11.1938 заарешт. 22.02.1939 ВКВС СРСР засудж. до ВМП. 23.02.1939 розстріляний.	з 8, 13, 15, 17, 28, 56, 114, 115, 117, 128, 157, 159, 185, 186, 204, 217, 363, 589, 709, 720
Ясинський Олександр Климентійович (1902–1938), з 01.1937 – оперуп., згодом – пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. 22.04.1938 заарешт. Внаслідок побоїв на допитах 23.08.1938 помер.	51
Яцунський Василь Георгійович (1902–?), у 1937 – оперуп. 3-го відділу УДБ УНКВС по Донец. обл., з 02.09.1937 – оперуп., пом. нач. від-я 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 25.04.1938 – нач. від-я 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінн. обл. Мол. лейтенант ДБ (1936). 25.06.1939 звільнен. з НКВС. У 07.1940 – заст. зав. оргвідділом Вінн. ліспромсоюзу.	499, 507, 509, 519, 526, 527, 543–545, 554, 571, 572, 592
Яченін Леонід Іванович (1897–1952), з 05.1937 – заст. прокурора, з 08.1937 – в.о. прокурора, з 05.1938 – прокурор УРСР; у 1941–1945 – військ. прокурор п'яти фронтів, згодом – військ. прокурор Групи рад. військ у Німеччині; з 1946 – військ. прокурор Північно-Кавказького військ. округу (м. Ростов-на-Дону).	45, 62, 550

Збірник документів у трьох томах

Автори-упорядники:

Сергій Кокін,

Джеффри Россман

Відлуння Великого терору.

Том другий

**Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів
НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності
(жовтень 1938 р.— червень 1943 р.)**

Книга друга

**УНКВС по Київській області, УНКВС по Миколаївській області,
УНКВС по Вінницькій області, УНКВС по Харківській області
та УНКВС по Ворошиловградській області**

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола,
Ольга Довбня, Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Андрій Когут, Сергій Кокін,
Марія Панова, Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрій Савін,
Олексій Тепляков, Марк Юнге

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ТОРОНТСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ВІРДЖИНСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ГАЛУЗЕВИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ СЛУЖБИ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

ВИДАВЕЦЬ ЗАХАРЕНКО В. О.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК № 2290 від 14 вересня 2005 року
Тел.: (067) 720-18-23. E-mail: panteon@i.ua

Здано до набору 20.09.2019. Підписано до друку 01.12.2019.
Формат 60x84^{1/16}. Гарнітура «Таймс». Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 40. Наклад 500 прим. Зам. № 01-12-19

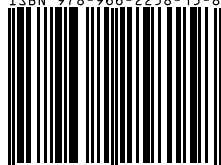
Віддруковано у друкарні СПД-ФО Захаренко В.О.

Другий том збірника документів містить обвинувальні висновки, протоколи судових засідань військових трибуналів та їхні вирoki, а також інші документи про кримінальне покарання співробітників органів НКВС УРСР та ДТВ ГУДБ НКВС СРСР, яких звинуватили у порушенні соціалістичної законності у 1937–1938 роках.

Документи ілюструють складний процес виходу з Великого терору, розкривають різноманітний склад злочинів, скоєних співробітниками НКВС у 1937–1938 рр., характеризують участь органів НКВС, прокуратури та правосуддя у кримінальному покаранні «порушників соціалістичної законності» і конкретні результати цього покарання.

ISBN 978-966-2258-15-8

9 789662 258158